

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

СТУДЕНЧЕСКАЯ
НАУКА БГУ

Человек. Культура. Общество

Сборник научных статей
19-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов
факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

28 апреля 2022 года
г. Минск

Минск
2022

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
19-ОЙ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ
НАУК
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

28 АПРЕЛЯ 2022 ГОДА

г. Минск

УДК 101.1:316(06)
Ч-391

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
28 июня 2022 года, протокол № 13

Редакционная коллегия:
Т. В. Бурак (отв. ред.), Т. И. Врублевская-Токер, А. В. Кириллова,
Е. И. Климушко, А. А. Маркович, А. Ю. Сакович, В. О. Сташис,
Е. В. Столярская, А. А. Сорокина.

Рецензенты:
Данилов А. Н., заведующий кафедрой социологии ФФСН БГУ, доктор
социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор;
Плескачева Н. М., доцент кафедры психологии и педагогического
мастерства РИВШ, кандидат психологических наук, доцент.

Человек. Культура. Общество : сборник научных статей 19-й
ежегодной научной конференции студентов и аспирантов факультета
философии и социальных наук Белорусского государственного
университета, 28 апреля 2022 г., г. Минск / БГУ, Факультет философии и
социальных наук ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ,
2022. – 867 с. : табл. – Библиогр. в тексте.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов
факультета философии и социальных наук, естественнонаучных и
гуманитарных факультетов БГУ, учреждений высшего образования
Беларуси, представленные на 19-й ежегодной научной конференции
студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	14
Пленарные доклады.....	15
Жешко Е. И. Профессиональные виртуальные сообщества: современные тренды.....	15
Кунаховец Ю. В. Коммуникативная толерантность студенческой молодежи в современном образовательном пространстве	19
 Секция 1. Социальная философия.....	24
Белько Е. А. Феномен любви: концепция «тройственного разрушения» Ж.-П. Сартра	24
Беляцкая Е. В. Вызовы поздней современности как предмет социально-философского анализа.....	27
Голубев В. А. Реклама как способ манипуляции массовым сознанием	37
Кондратьев С. П. Апология живого	41
Ромашёва А. А., Акула Д. А. Актуальность философских идей Иммануила Канта в современном обществе	45
 Секция 2. Философская антропология	50
Радченко А. Л. Дуалистические стратегии решения проблемы «body-mind» в аналитической философии	50
Барадзін Ю. С. Пантэон як філософська проблема	54
 Секция 6. Этика и религиоведение	59
Вышедко Г. В. Этика ответственности Т. Адорно и Х. Арендт как ответ на социокультурные потрясения XX века	59
Кнаус О. Ю. Миротворчество как часть межрелигиозного диалога	63
Лазаренко А. А. Позитивная и обратная дискриминация как этическая проблема.....	67
Лившиц Б. Ф. Проблема проработки прошлого в работах Х. Арендт и Т. Адорно	71
Навицкая П. С. Этическое отрицание возможности суицида в экзистенциальной психологии.....	75
 Секция 7. Эстетика и культурология	80
Лазаренко А. А. Проблема телесности в био-арте	80
Лукина Е. А. Аниме как часть японской культуры на примере полнометражных анимационных фильмов	84
Любецкая М. В. Феномены театра и кино в эстетической теории В. Беньямина: сравнительный анализ	88
Савлукова Е. В. Философия русского космизма о новом измерении человека.....	92
Цзисинь С. Неотъемлемые атрибуты эволюции городских субкультур Китая после реформ и открытости.....	97

Секция 8. История философии	102
Дементьев И. Д. Опыт переоценки ценностей в творчестве Ф.Ницше	102
Курачинская Д. С. Невидимая власть паноптикона как образ всевидящего бога.....	104
Личевский Г. А. Политическая философия П. Слотердайка	109
Лунская М. О. Проективность человеческого бытия и проблема свободы в философии Ж.-П. Сартра	112
Максимова А. А. Специфика мифа в контексте творчества А.Ф. Лосева	116
Матусевич Я. А. Концепция свободы Э. Фромма	120
Юйцун У. Проблема добра и зла в философии Платона и Аристотеля.....	123
Шийка Д. В. Развитие западной аналитической философии музыки.....	126
 Секция 9. Логика и риторика	 131
Барсуков Р. А. , Милевский С. С. Логика дипломатии и политическая риторика А. А. Громыко.....	131
Гнучих В. Б. Семиотические аспекты литературно-философского мышления В. Короткевича	135
Иванова М. Д. Методологические аспекты мышления в философии конструктивизма.	139
Ивашкина Д. А. Медиатизация политики: логические и психологические факторы	144
Кочанова О. А. Евангельский вопрос об истине и историческое откровение Н. А. Бердяева.....	148
Миканович В. А. Кросс-культурные аспекты политической аргументации.....	152
Навицкая П. С. Экзистенциальная аналитика смысла: К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю	156
Пчёлкина М. А. Диалектическая и софистическая аргументация в диалогах Платона «Федр» и «Горгий».....	160
Сарычева А. В. Анализ общественно-политических дебатов в рамках прагматического подхода	164
Скрашук Н. Д. Мысленный эксперимент как способ рассмотрения современных «роботических» проблем	168
Тумас И. Н. Логическое противоречие в античном скептицизме	172
Тюминкина М. Н. Проблема поиска истины на основе романа М. А. Шолохова «Тихий дон».....	176
Хурса А. С. Получение знаний из неопределенности на примере «теории-U»	180
 Секция 10. Современный социум: проблемное поле, новые вызовы и риски	 185
Абраев А. И. Концепция "одномерного человека" Г. Маркузе	185
Абраев А. И. Курение: особенности изучения в рамках социологии девиантного поведения. Теория когнитивного диссонанса Фестингера	189
Адарусова П. В. Ценностный мир старших и младших поколений	192
Бельскі А. М. Новая медья: тэарэтычны агляд	196
Галанзовский А. С. Понятие локала в социологии пространства	203
Гурина И. С. Женщины и мужчины в системе гендерной социализации.....	206

Конон М. В. Семейные ценности современной молодёжи	211
Кушнер А. И. Молодежная субкультура как способ коммуникации: история и современность.....	213
Лемец С. Э. Факторы социализации молодежи средних специальных учебных заведений.....	217
Липницкий И. С. Covid-19: акторно-сетевая перспектива.....	222
Мисун А. А. Теория социального обмена в онлайн-общении	226
Орлович А. А. Теория обмена в современной жизни.....	229
Пастушенко К. В. Питирим Сорокин о революции	232
Такушевич П. В. Теория аномии Р. Мертона	236
Щерба Е. Г. Библиотеки и книжные магазины в период коронавирусной пандемии	244

Секция 11. Социологическая диагностика и современность: новые вызовы и риски	247
Гречиха Е. А. Какая помощь нужна студентам от вузов?	247
Гулевич А. С. Влияние личностных характеристик на адаптацию в решении бытовых вопросов	249
Гурина И. С., Печко А. С. Профессиональные планы и стратегии трудоустройства современных студентов	252
Иванова А. А., Шурко А. В. Особенности проживания студентов БГУ в общежитиях Минска.....	255
Исаева А. А. Внеучебная деятельность БГУ: в оценках студентов	258
Калейник А. В. Влияние типа личности на адаптацию к внеучебной деятельности.....	260
Кондерская Ю. С. Влияние предшествующего опыта на адаптацию к учебной деятельности.....	263
Корнеевец М. А., Абраев А. И. Особенности адаптации первокурсников во внеучебной деятельности	266
Корнеевец М. А., Чуешова М. С. Анализ обращений первокурсников БГУ к университетским структурам.....	269
Костеневич А. Е., Каленкович М. В. Мотивы совмещения учебы и работы студентами БГУ.....	272
Лукашевич А. А. Мода как социокультурный феномен: классические теории vs практики XXI века.....	278
Лысенко Н. Н. Мотивационные установки студентов в предпринимательстве.....	280
Манвелян Д. М. Ценностные установки субъектов малого бизнеса г. Минска в сфере деловых партнёрских отношений.....	284
Понявина П. И., Ярошук Р. С. Мотивация участия студентов в общественной жизни БГУ	288
Пьянов В. В., Мытько А. К. Влияние пандемии covid-19 на повседневную жизнь студентов и студенток БГУ	291
Реутский А. С. Изучение ценностей студентов БГУ.....	294
Чжао Ю. Ценностные приоритеты студентов Беларуси и Китая.....	296

Секция 12. Молодёжь эпохи цифровизации: перезагрузка образования и новые жизненные горизонты	299
Барановский В. А. Интернет-мем и его модификации в современном социокультурном пространстве	299
Бойкач А. А. Понимание цифровой безопасности студентами как предмет социологического изучения	303
Борейко С. А. Воспроизводство кадрового потенциала в научной сфере Республики Беларусь	310
Вишняускайте А. В. Онлайн-школа как новый этап развития образования в эпоху цифровизации	314
Звонова В. А. Дистанционное образование в высшем учебном заведении: социологический анализ	317
Корнеевец М. А., Чуешова М. С. Внутривузовский маркетинг: проблемы и перспективы	321
Кузьмин С. В. Влияние дистанционного формата обучения на формирование цифровых компетенций у студентов	324
Лукина Е. А. Мировые анимационные школы и университеты в формировании молодежной визуальной культуры	328
Марчук Я. И. Отношение студентов-социологов к будущей профессии	330
Мисун А. А. Бренд «Белорусский государственный университет» как предмет социологического изучения	335
Орлович А. А. Дистанционное обучение: плюсы и минусы глазами студентов	339
Прасолова А. А. Миссии и модели университетов в современных реалиях	342
Пьянов В. В., Реутский А. С. Бытовая адаптация студентов БГУ	345
Рихтикова А. Г. Репрезентация данных социологического исследования мотивация субъектов хозяйствования к участию в государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы	352
Рубель А. А. Мотивация поступления молодёжи в высшие учебные заведения	357
Самушенко Д. В., Лукашевич А. А. Мотивация абитуриентов при выборе учреждения образования и специальности: опыт эмпирического исследования	360
Такушевич П. В. Трансформация личности в эпоху цифровизации	364
Шам А. Д. Мотивация как фактор успешной предпринимательской деятельности в аспекте социологического изучения	368
 Секция 13. Актуальные проблемы психологии семьи	 371
Балина А. И. Особенности атрибуции в супружеских отношениях	371
Коледа А. В. Феномен психологического насилия в супружеских отношениях	375
Кулиева С. З. Психологические факторы недоверия в детско-родительских отношениях	378
Савицкая А. В. Образ отца у девушек, склонных к аддиктивному поведению: теоретический анализ проблемы	382

Хайдар И. А. Взаимосвязь личностных характеристик и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях.....	385
Чжао С. Сравнительный анализ роли матерей в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях.....	389
Юшкевич А. П. Социальные представления о семье у представителей поколения Z	391
Ясюкевич Е. Г. Конфликтное взаимодействие супругов в молодых и зрелых семьях ...	396

Секция 14. Актуальные проблемы социальной психологии..... 401

Ао Б. Личностные факторы конфликтного поведения	401
Авсяник И. С. Образ себя и оппонента в межличностных конфликтах в романтических отношениях	404
Аниферик А. Е. Взаимосвязь образа субъекта затрудненного общения и коммуникативных характеристик белорусов и грузин	407
Гайдукевич Д. В. Проявление реакций ревности в романтических отношениях	411
Горбачевская Д. Н. Отношение ко лжи в период взрослости	415
Кун И. Любовные установки в романтических отношениях	418
Максимчик К. В. Распознавание лжи в межличностных отношениях.....	421
Позняк К. В. Средовые факторы принятия экономических решений	425
Реут Е. В. Особенности содержания социальных представлений о носителях экзотеризма	428
Самосюк А. А. Взаимосвязь личностных особенностей и стратегий поведения в межличностных конфликтах в период ранней и средней взрослости	431
Семёнова П. А. Представления интернет-пользователей различных поколений об электронных социальных сетях	434

Секция 15. Современные исследования педагогической психологии..... 438

Аллахвердиев А. А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности у студентов.....	438
Корбут В. В. Лидерство и склонность к предпринимательской деятельности у студентов.....	442
Лазарёнок К. Н. Учебная мотивация студентов I ступени высшего образования.....	446
Марченко А. Э. Личностные предикторы переживания одиночества в подростковом юношеском возрасте	450
Му Ц. Взаимосвязь атрибутивного стиля и стратегий поведения белорусских и китайских студентов в межличностных конфликтах	453
Огурцова Л. А. Воздействие агрессивной и неагрессивной музыки на эмоциональное состояние студентов.....	457
Шляжко Д. В. Психологические механизмы и средства регуляции эмоциональных состояний	461

Секция 16. Актуальные проблемы психологии личности	464
Абакумова П. А. Символическое опосредствование социального понимания	464
Афанасьева Ю. О. Содержательные характеристики феномена ревности	467
Бабрович Т. В. Личностные характеристики сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях	471
Барташ Ю. В. Эмоциональная сфера личности в зрелом возрасте, с учетом выраженности интернет-аддикции	475
Волкова Д. Д. Основные характеристики счастья и оптимизма в период ранней взрослости	479
Гарасюк А. А. Субъективное благополучие как фактор позитивного функционирования личности	482
Головарёва Я. А. Возрастные особенности представлений о любви	485
Гродь Ж. В. Характеристика сексуальных мотивов	489
Дудина А. Н. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и жизнестойкости в ранней взрослости	493
Зелёная В. В. Формирование привязанности в различного типа отношениях	497
Лукомская Д. В. Соотношение категорий «характер» и «личность»	501
Ткачёв И. В. Проблема мотивов использования электронных социальных сетей	504
Хмелевская Е. И. Особенности проявления любовных установок в различного типа отношениях	509
Ши Б. Межкультурные различия в проявлении эмоций	513
Секция 17. Научный слэм. Популяризация психологического знания.....	517
Кузнецова Н. П. Взаимосвязь коммуникативных реакций на ревность и стилей привязанности в супружеских отношениях	517
Лукомская Д. В. Психологический портрет Екатерины II по теории личности К. Г. Юнга	521
Секция 18. Современные исследования в общей психологии и психологии личности	524
Алейникова Т. Н. Мотивация к достижению успеха у студентов-выпускников с разным уровнем интернет-зависимости	524
Алешкевич А. В. Категория «переживание» в современной психологии	528
Барабан И. И. Гендерные различия в когнитивных стилях курсантов, обучающихся управлению воздушным движением	531
Барабан И. И.; Савчук Е. В. Взаимосвязь когнитивно-стилевых характеристик и успеваемости курсантов, обучающихся управлению воздушным движением	535
Бондаренко В. А. Особенности переживания нормативного кризиса в период средней взрослости	539
Вербицкая О. Н. Резилиентность личности в ранней взрослости	543
Головниц Н. В. Гендерные особенности взаимосвязи тревожности и самооотношения студентов	547

Давыдова А. А. Половые различия в характеристиках эмоционального интеллекта у индивидов в период ранней зрелости.....	550
Зыбина П. Ю. Роль эмоционального интеллекта в стратегиях разрешения конфликтов супругами.....	554
Колос Д. Г. Теории эмоций в современной психологии	557
Косарева Н. В. Копинг-стратегии младших подростков с различными уровнями тревожности.....	560
Масловская Я. Д. Когнитивное развитие представителей цифрового поколения.....	564
Мельниченко К. Ю. Физиологические механизмы и индикаторы эмоций	568
Ларичков К. С. , Шляжко Д. В. Эмоции и их роль в жизни человека.....	571
Языкова О. М. Становление личности и роль профессиональных смыслов в период изменений в обществе.....	573

Секция 19. Актуальные проблемы медицинской и специальной психологии 578

Адашевская Л. В. Самоотношение у медицинских работников с разными типами отношения к больному.....	578
Акулич М. Ю. Гендерная идентичность трансгендеров.....	582
Гулевич А. С. О любовной аддикции в контексте теории привязанности	585
Демьяненко Е. Э. Тревожно-депрессивные проявления у студентов, перенесших covid-19.....	588
Ермоленко И. В. Особенности мотивации использования электронных сигарет в юношеском возрасте	592
Леонович О. О. Привязанность к матери часто болеющего ребенка дошкольного возраста	596
Макась М. О. Социальное взаимодействие детей с детским церебральным параличом со сверстниками	600
Маметназарова М. Х. Временная перспектива у женщин с онкологическими заболеваниями	603
Марчук М. В. Психологические и социальные причины возникновения невротических расстройств	607
Николенко И. В. Взаимосвязь суицидальной направленности и особенностей Я-концепции у подростков, воспитывающихся в условиях детского дома	611
Шарипова Д. Р. Психологические особенности личности с различным травматическим опытом.....	615

Секция 20. Массовые коммуникации 619

Бородкина А. Е. Трансформация символического значения праздника 8 марта	619
Брагина Д. П., Короляш А. А. Конфликт как форма коммуникации.....	623
Гирдюк Е. М. Социальная реклама и ее влияние на ценностные ориентации современной молодежи	627
Карпыза А. А. Стендап как социокультурная медиация	631
Кулагина Я. Д. Скандал как форма коммуникации	635

Ли Ч. Фестивальное пространство Беларуси: диалог культур.....	639
Лукашева М. С. Влияние новых коммуникационных технологий на построение социальных взаимодействий.....	643
Плоцкая Н. Ю. Особенности массовой коммуникации в информационном обществе ...	647
Филипков Д. С. Особенности рекламы как вида массовой коммуникации	650
Храпун Е. И. Метавселенная как новый способ коммуникации человеческого общества.....	655

Секция 22. Маркетинговые и организационные коммуникации..... 659

Басякова Л. В. Лидер в цифровую эпоху	659
Брагина Д. П., Короляш А. А. Коммуникация как часть эффективного тайм-менеджмента.....	662
Виноградова Е. Р. Тренды маркетинга в социальных сетях в эпоху пандемии.....	666
Кудина Д. О. Леддеринг и создание рекламного сообщения анти-идеального продукта как методики поиска инсайтов для продвижения.....	669
Островская В. О. Продвижение онлайн-платформ по продаже искусства	673

Секция 23. Социальные коммуникации в экономике, политике, культуре 678

Wang Z. Social problems in the chinese drinking culture	678
Zhu L. Significance of digital literacy for the development of digital citizenship education....	681
Артёменко-Мельянцова Е. К. Межпоколенческая динамика семейных ценностей	684
Иванова А. И., Миронова В. А. Социальные медиа как инструмент политического участия глазами студентов специальности «Социальные коммуникации»	687
Масалович У. П. Социальная идентичность в контексте акторно-сетевой теории.....	689
Нехай Д. Д. Важность наличия персонального бренда для специалиста на рынке труда в информационном обществе.....	693
Філімонаў М. А. Дыджыталізацыя грамадскага жыцця як фактар эвалюцыі нацыянальнага інфармацыйнага поля.....	698
Чжан Б. Становление гендерного равенства в сфере высшего образования Китая	703
Чжан С. Как инициатива «один пояс, один путь» влияет на национальный имидж Китая.....	706
Чэнь С. Трансформация функций в китайской семье	709

Секция 24. Молодежные инновационные социальные проекты..... 713

Бусел В. В. Формирование экологической культуры как проявление корпоративной социальной ответственности: проект «Еco-contest»	713
Остап А. В., Шершень А. А., Аниськова М.Д., Санкевич А.П., Кунаховец Ю. В. Проект «Центр семейной медиации»	717
Секлюцкая Е. А. Разработка проекта для профилактики профессионального стресса у специалистов IT-сферы.....	720
Слабкович Е. А. Тренинг как инструмент повышения самоэффективности молодых специалистов.....	726

Шупенько И. А. Использование проектного подхода в регулировании конфликтного поведения трудового коллектива.....	729

Секция 25. Социальная защита и реабилитация личности.....	733
Аниськова М. Д. Полезависимость как фактор социально-психологической дезадаптации.....	733
Бобырь Е. А. Особенности выученной беспомощности и копинг-стратегий у подростков из неполных семей.....	737
Вожуй М. П. Взаимосвязь социально-психологической адаптации и стратегий поведения в конфликте у молодых специалистов в условиях трудового коллектива	742
Гончарик В. В. Особенности эмоционального интеллекта как составляющей профайлинга у студентов гуманитарных специальностей.....	746
Загорская А. А. Использование метафорических ассоциативных карт в индивидуальном и групповом консультировании	751
Игнатчик Д. Д. Влияние современного информационного потока на эмоциональное состояние человека.....	755
Картавенкова А. И. Эмоциональное выгорание и агрессивность у лиц с гипертонической болезнью	756
Манкевич В. В. Верховая езда как инструмент развития лидерских качеств и силы воли личности.....	760
Маркович Н. В. Ценностные установки и представления о родительстве у лиц юношеского возраста	764
Нехай А. Ю. Оценка личностных качеств руководителей системы здравоохранения	766
Ноздрина Т. М. Личностные особенности подростков с идиопатическим сколиозом: обзор социально-психологических исследований	771
Носков П. П. Особенности локус контроля у людей с химической аддикцией	775
Остап А. В. Социально-психологические технологии работы с травмой	779
Пунтус А. И., Харевич О. В. Проблемы полового воспитания детей с ограничениями психического развития	783
Пырская О. Р. Родительско-детские отношения и удовлетворенность браком в семьях, находящихся в социально опасном положении	787
Санкевич А. П. Социально-психологические технологии работы с жертвами насилия..	791
Стриго М. А. Игровая компьютерная зависимость и состояние одиночества у учащихся колледжа.....	795
Харевич О. В. Вовлечение граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в современные виды деятельности, направленные на активную жизнь в условиях дома-интерната.....	799
Чумак И. В. Возрастные особенности расстройства аутистического спектра	804
Шершень А. А. Особенности творческого взаимодействия студенческой молодежи	809
Якимович Е. А. Особенности психологической работы с авторами насилия.....	812
Яковлева Л. Б. Экзистенциальный кризис в ситуации пандемии коронавирусной инфекции.....	816

Ярош Н. И. Профессиональная направленность и смысложизненные ориентации у старшеклассников из полных и неполных семей.....	819

Секция 26. Social sciences and humanities: interdisciplinary perspective	824
Chen S., Pan Y. Intercultural adaptation of chinese students in Belarus.....	824
Gaydukevich E. O., Miroshnichenko K. A. Karen Horney's Stages of Woman's Psychosexual Development.....	828
Khabarova M. A. Art therapy techniques for mental disorders	831
Kulahina Y. D. Scandal in political communication	834
Li Q. Study on the communication strategies of the chinese language and culture at confucius institutes in Minsk	837
Liauko A. A. Transcultural nature of contemporary advertising	840
Lyu Y., Li Q. Multimodal discourse analysis of movie posters (the case of the Truman show poster).....	843
Maslovskaya Y. D. , Aleshkevich A. V. The Creative Power of the Individual.....	846
Pan Y., Jiang B. Factors affecting the choices of studying overseas.....	849
Paulouskaya Y. V. Mindfulness-based treatments for Obsessive-Compulsive Disorder.....	851
Starenkova E. Y. Emotions and feelings as an essential part of human-like artificial intelligence	854
Tao H., He X. Applying the principles of multimodal discourse analysis (case of The Princess of Monaco movie poster)	857
Yahela Y. A. Differentiating between transhumanism and posthumanism	861
Yang B. The impact of intercultural communication on countries in the process of globalization development	865

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

28 апреля 2022 года на факультете философии и социальных наук состоялась традиционная конференция «Человек. Культура. Общество» в рамках 79-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета.

Доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета, а также представителей других учреждений высшего образования Беларуси представляли собой теоретическое осмысление процессов трансформации различных сфер общества и его фундаментальных оснований, вызванных сложившимися неблагоприятными обстоятельствами в стране и мире.

Социокультурные, психологические, ценностные и мировоззренческие основания бытия человека и общества в условиях возрастающих социальных рисков были подвергнуты всесторонней гуманитарной экспертизе и оценке. При этом авторами докладов была четко обозначена конструктивная роль социально-гуманитарного знания в формировании ценностно-нормативных императивов социокультурного и цивилизационного развития в условиях глобальных трансформаций.

Представленные в сборнике научные статьи подготовлены на основании результатов исследований, выполненных авторами в рамках курсовых и дипломных проектов, магистерских исследований и кандидатских диссертаций.

Особо стоит отметить, что преимуществом сборника выступает его социально ориентированная практическая значимость. Авторам статей удалось сформулировать обоснованные предложения и рекомендации, направленные на решение конкретных научно-исследовательских и теоретико-методологических задач.

Редакционная коллегия благодарит авторов и их научных руководителей за подготовку научных статей, отвечающих высоким академическим требованиям, и желает дальнейшей плодотворной работы.

Редколлегия

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

Е. И. Жешко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yahor.zheshka@gmail.com

*Научный руководитель – Ефимова Надежда Викторовна,
кандидат философских наук, доцент*

За долгое время коммуникация в различных профессиональных сообществах претерпевала неоднократные изменения. Для профессионалов в самых различных областях характерна необходимость в обмене информацией и опытом, построение сетевых взаимодействий и самопрезентация, другие виды интеракции также являются неотъемлемой частью их деятельности. В связи с тем, что в современном обществе базой для текущего этапа развития таких сообществ становится Интернет, необходимо рассмотреть основные тренды в развитии профессиональных виртуальных сообществ в нем. Данная работа может выступать в роли основы для проведения дальнейших исследований; базой для разработки ресурсов, являющихся профессиональными виртуальными сообществами.

Ключевые слова: виртуальные сообщества; коммуникация; репутация; социальные сети; профессиональные сообщества.

Долгие годы многих исследователей интересует вопрос особенностей профессиональной коммуникации на разных этапах развития человечества. В значительной степени, пик данного интереса пришелся на изучение феномена «невидимых колледжей». В дальнейшем популярность работ в данной сфере пошла на спад, но с приходом Интернета значительная часть коммуникации начала проводиться в виртуальном пространстве. Не стали исключением и профессиональные сообщества, перешедшие в виртуальный формат. Все это стало причиной постепенного возвращения внимания к профессиональным сообществам. Первым автором, посвятившим свое время изучению вопроса основных трендов существования и развития современных профессиональных виртуальных

сообществ, стал Г. Рейнольд. Он принял решение принять участие в жизни одного из сообществ в Интернете. В рамках своей публикации Говард рассказал о своем опыте решения проблемы, когда он принял решил довериться доктору медицинских наук на форуме, поскольку тот являлся профессионалом и опубликовал свое реальное имя и звание, доказывающие его квалификацию, а не оставался анонимным пользователем. Этот параметр является одним из оснований, необходимых для успешного и долговременного существования профессионального сообщества – именно данный вид сообществ становится ключевым в развитии современной эпохи, поскольку в информационном обществе возрастает роль знания и профессиональных компетенций. Также происходит деанонимизация, полное или частичное прекращение отделения виртуального аватара от реального «Я» человека.

При этом, развлекательные «праздные разговоры», по-прежнему обладают своей важностью, поскольку помогают членам сообщества познакомиться ближе, а также сформировать мнение об интересах и степени доверия к собеседнику [6, с. 54]. Его исследование позволяет нам выделить следующие постулаты: спустя долгое время коммуникации пользователи сообщества могут принять решение перенести свое общение в оффлайн-среду. При этом, такая коммуникация позволяет продолжить общение без дополнительной адаптации, поскольку пользователи уже были хорошими знакомыми в онлайн-среде. Социально-демографические характеристики участников виртуальных сообществ перестают быть очевидными, пользователи начинают коммуницировать наравне друг с другом, не принимая их во внимание. Помимо этого, он выделил отсутствие вреда от длительного общения по Интернету для коммуникации за пределами цифрового мира, основополагающую систематизированную информационную составляющую Интернета.

Следующей ключевой публикацией, посвященной рассмотрению виртуальных сообществ, является работа М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [2]. В данной книге ученый сформулировал несколько ключевых особенностей виртуальных сообществ:

1. Они способны изменять «реальный» мир, вводить новые правила и принципы поведения в повседневную жизнь общества.
2. В их рамках (и в Интернете в общем) время и пространство изменяются, поскольку география не будет столь важна для скорости

передачи сообщений, а сообщениями можно будет обмениваться как мгновенно, так и спустя время по желанию пользователей.

3. Виртуальный мир станет реальным, «миром пространственных потоков и вневременного времени».

4. Виртуальные сообщества укрепят социальные связи общества при помощи коммуникации.

Ряд важных тезисов, связанных с профессиональными сообществами, был развит М. Кастельсом в рамках работы «Галактика Интернет»:

1. Существует два вида пользователей Интернета: производители-пользователи (принимают участие в совершенствовании Интернета и мира в целом при помощи производства нового знания, которые проявляются в разном виде - например, в литературе или приложении) и потребители-пользователи (используют созданные знания, косвенно влияя на эволюцию Интернета и мира).

2. Знания обладают значимостью только в том случае, когда они решают определенную проблему, позволяют совершенствовать необходимые разработки. Такие знания становятся высшей ценностью для сообщества или его отдельных групп. При этом, сама значимость определяется при помощи экспертной оценки членами данного сообщества [3].

3. Репутация определяет возможность вступления или нахождения пользователя в сообществе, авторитет можно заработать в результате следования правилам сообщества, а также за счет высоких профессиональных достижений, помощи коллегам.

Данные работы являются основополагающими в рамках исследований профессиональных виртуальных сообществ. Современные исследования также заслуживают отдельного рассмотрения. Так, в рамках работы «Обзор процесса обучения в Сетях и сообществах, использующих ИКТ» был опубликован ряд важных положений [3]. Профессиональные виртуальные сообщества дают возможность для взаимодействия и сотрудничества, обмена знаниями и развития, а также общения с другими специалистами из самых различных организаций. Наибольшую пользу получают начинающие специалисты, поскольку сообщества открывают возможности общаться и учиться при помощи советов более опытных членов сообщества. При этом, можно сделать вывод о том, что пользу от сообщества получают не только новички, поскольку 75 % специалистов в сфере IT из всех опрошенных в рамках данного исследования заявили, что

сообщества помогают им лучше выполнять работу, а 68% они помогли стать лучше на пути профессионального развития.

Научное исследование «Регулирование поведения в онлайн-сообществах» помогает нам дополнить характеристики функционирования виртуальных сообществ, особенно ярко отраженные в их профессиональном виде: члены сообщества стремятся получить помощь в решении своих проблем, полезные ответы на вопросы. Их внимание при этом становится самым важным ограниченным ресурсом. Чаще всего пользователи становятся членами сообщества для реализации своего опыта в реальной ситуации, общения, получения репутации, помощи или полезной информации [5].

Наконец, следует упомянуть о публикации «Чувство общности в профессиональном виртуальном сообществе». В исследовании делается вывод о том, что участие в профессиональном виртуальном сообществе, в котором сотрудник сможет развить чувство причастности, скорее всего, приведет к более высокому уровню профессиональной приверженности в целом [4]. При этом, профессиональные виртуальные сообщества позволяют значительно расширить свои профессиональные социальные сети, общаться со специалистами по всему миру. Наконец, исследователи подтвердили, что улучшение репутации является еще одной ключевой составляющей мотивации для участия в профессиональных виртуальных сообществах.

Как можно увидеть из рассмотренных в рамках данной статьи материалов, профессиональные виртуальные сообщества обладают собственной ярко выраженной спецификой. В список основных трендов современных профессиональных сообществ, выраженных в их виртуальном виде, входят: деанонимизация; отсутствие внимания к социально-демографическим характеристикам; время и пространство изменяются и перестают быть ключевыми ограничивающими факторами; внимание является важным ограниченным ресурсом; репутация становится ключевым элементом в сообществе.

Библиографические ссылки

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Е.: У-Фактория, 2004. 328 с.
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. *Ala-Mutka, K.* Review of Learning in ICT-enabled Networks and Communities // ResearchGate [Электронный ресурс]. URL:

https://www.researchgate.net/publication/265658530_Review_of_Learning_in_ICT-enabled_Networks_and_Communities/citation/download (дата доступа: 26.03.2022).

4. Blanchard, A. & Askay, D. & Frear, K. Sense of Community in Professional Virtual Communities // Communication, Relationships and Practices in Virtual Work. 2010. С. 161-176.
5. Kiesler, S. & Kraut, R. & Resnick, P. & Kittur, A. Regulating Behavior in Online Communities // ResearchGate [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/265260679_Regulating_Behavior_in_Online_Communities. (дата доступа: 26.03.2022).
6. Rheingold, H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier (2nd Edition). Reading, Massachusetts: Addison-Wesley, 1993. 282 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ю. В. Кунаховец

Белорусский государственный университет, г. Минск;

julia.kunahovecz@mail.ru

*Научный руководитель – Красовская Наталья Николаевна,
кандидат социологических наук, доцент*

Неоднозначные процессы социально-экономических и межнациональных отношений в современной Республике Беларусь актуализируют изучение проблем толерантности, особенно в молодежной среде. Одной из проблем, которые затрудняют коммуникацию между представителями разных социальных групп и культурных традиций, становится низкий уровень компетентности студенческой молодежи в вопросах коммуникативной толерантности. Образовательное пространство современного ВУЗа предполагает развитие коммуникативной толерантности как составной части комплекса целей процесса воспитания в вузе, как личностное качество, которое может быть развито в процессе обучения, воспитания и самовоспитания студентов.

Ключевые слова: толерантность; коммуникативная толерантность; терпимость; студенческая молодежь.

На данный момент абсолютно все институты общественной жизни претерпевают трансформации, сопровождаемые тяжелыми кризисами, а продолжающееся ухудшение уровня жизни населения влечет за собой проблемы, связанные с межличностными и межгрупповыми отношениями. В этом контексте молодежь является той социальной группой, которая

требует к себе особенного внимания со стороны исследователей. Актуальность изучения темы толерантности в молодежной среде в настоящее время трудно переоценить. К изучению проблем, связанных с формированием толерантности, толерантного поведения и т.д. обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи. Следует подчеркнуть, что термин имеет массу различных толкований, причем он представляется не аксиологически нейтральным, а имеет ценностную окраску. Термин «толерантность» восходит к латинскому «tolerantia», что означает признание права других иметь взгляды, вкусы и т.п., отличные от взглядов оценивающего, однако он не включает в реакционных, антигуманистических или просто преступных идей.

Международная значимость данного понятия закреплена в *«Декларации принципов толерантности»*, принятой ЮНЕСКО. Толерантность рассмотрена как важнейшее понятие в государственном и общественном плане. «В связи с этим необходимо поощрять методы систематического и рационального обучения терпимости (толерантности), вскрывающие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях, как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями. Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях» [1].

Толерантность – это установка, признание человеком себя как несовершенного и незавершённого существа, который открыт опыту другого человека. Как установка, толерантность носит индивидуальный характер, она не навязывается, а приобретается через воспитание, информацию и личный жизненный опыт человека. Как действие, это активная позиция самоограничения и осознанного невмешательства, это добровольное согласие на взаимную терпимость разных, противостоящих в несогласии субъектов.

По мнению отечественных ученых, в частности В.В. Бойко, П.Ф. Комогорова, А.В. Мудрика и др., толерантность проявляется как основа общения, в котором отношение к партнеру как к активному

субъекту диалога является важным условием достижения взаимопонимания. Толерантность в общении способствует познанию мнения другого, нормализуя сам процесс коммуникации.

Именно поэтому научные труды и исследования ученых обусловили появление термина «*коммуникативной толерантности*» как характеристики отношения личности к людям, которая показывает степень переносимости ею неприятных или неприемлемых состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию [2, с. 140].

В аспекте развития толерантность представляет собой начало процесса становления общения, которое является конечным пунктом толерантности. В.В. Бойко считает, что коммуникативная толерантность представляет собой «характеристику отношений личности к людям, показывающую степень переносимости ею неприятных и неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию» [2, с. 50].

В.М. Гришук определяет коммуникативную толерантность как психосоциальную характеристику личности с доминантной направленностью сознания на терпимое, бесконфликтное коммуникативное поведение, на особый, доброжелательный тип взаимодействия индивида с другими людьми. О.Б. Скрыбина отмечает в своей работе коммуникативную толерантность как устойчивое личностное состояние, определяющее особый тип взаимодействия индивида с другими людьми и характеризующийся наличием в сознании субъекта успешного, личностно-значимого образца терпимого коммуникативного поведения и доминантной направленностью сознания на его выполнение. В своей работе Е.А. Калач коммуникативную толерантность подчеркивает, как важное личностно-профессиональное гуманистическое качество специалиста по связям с общественностью, способствующее успешному осуществлению им своей профессиональной деятельности и, вследствие этого, подлежащее актуализации в процессе подготовки специалиста данной сферы деятельности [3, с. 129].

Проанализировав исследования В.В. Бойко, который выделяет личностные подструктуры коммуникативной толерантности, можно определить *ее основные компоненты*. Так, интеллектуальный компонент передает тип мышления человека, его собственное видение действительности, ценностно-ориентационный – мировоззрение, интересы и личностные принципы. Этический и эстетический компоненты включают в себя нравственные предпочтения, идеалы, которые значимы и

к которым человек стремится. Важными компонентами являются особенности восприятия мира на основе органов чувств и эмоциональное состояние человека, в котором он находится чаще всего: спокойствие или возбужденность, радость или печаль и т.д. Личностные качества (привычки, умения), устойчивые черты личности (результат воспитания и подражания), уровень комфорта человека, его потребности и желания – все это также влияет на уровень коммуникативной толерантности.

Современные исследователи выделяют несколько *типов коммуникативной толерантности*:

ситуативная коммуникативная толерантность – терпимое отношение к конкретному человеку;

типологическая коммуникативная толерантность – терпимое отношение человека к группам людей;

профессиональная толерантность – терпимое отношение к коллегам, однокурсникам, одноклассникам;

общая коммуникативная толерантность – терпимое отношение к людям в целом [2, с. 142-147].

Навыки коммуникативной толерантности крайне важны для современных студентов, перед которыми ставится ряд профессиональных задач, решение которых напрямую зависит от способности к восприятию, пониманию и осмыслению явлений современного мира. Эти умения позволят будущим специалистам повысить свой творческий потенциал, расширить не только общий кругозор, но и языковые знания, а также сформировать навыки толерантного общения, необходимые для личностного роста и профессионального развития.

Основа формирования коммуникативной толерантности – это овладение студентами системой специальных знаний, которая включает знание и понимание партнерами по коммуникации самих особенностей общения. С целью актуализации этих знаний для студентов целесообразно использовать следующие методы обучения: демонстрация, контекстное наблюдение, кросс-культурный анализ и комментирование аутентичных текстов, дискуссия, беседа, форма открытого диалога [3].

Применение данных методов создаст условия для активной коммуникативной практики для каждого студента, даст волю мыслям, возможность порассуждать над возможными путями решения проблем в рамках занятий, при подготовке проектов в команде, при реализации научных и общественных инициатив. При этом коммуникативная толерантность будет являться средством взаимодействия, способом

включения в активный диалог в стиле сотрудничества и толерантного поведения.

Таким образом, коммуникативная толерантность – это сложная система, которая предполагает наличие самоконтроля, выдержки и интеллектуальной гибкости. Она выступает как терпимость в отношении партнера по общению, адаптация к нему и его принятие. Коммуникативная толерантность - важнейшее свойство личности, необходимое для нормального протекания процессов взаимодействия и эффективного общения в студенческой среде.

Библиографические ссылки

1. Декларация принципов терпимости (толерантности). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/toleranc>. Дата доступа 21.04.2022.
2. *Бойко, В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М.: Изд-во: Филинь, 1996. 472 с.
3. *Переходько, И. В.* Актуализация специальных знаний в процессе формирования поликультурного студентов // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. С. 117-130.

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ФЕНОМЕН ЛЮБВИ: КОНЦЕПЦИЯ «ТРОЙСТВЕННОГО РАЗРУШЕНИЯ» Ж.-П. САРТРА

Е. А. Белько

Белорусский государственный университет, г. Минск;

lizabelko47@gmail.com

*Научный руководитель – Новикова Ольга Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В теме доклада раскрыты основные аспекты анализа феномена любви в творчестве Ж.-П. Сартра. Анализ включает в себя рассмотрение Взгляда как момента обнаружения Другого и конкретные отношения с Другим, первичным из которых является Любовь, исследование проблематичности Любви как обладания свободой Другого и концепции тройкой разрушимости Любви

Ключевые слова: феномен любви; конфликт свободы и отчужденности; Другой; объективация.

Почему любящий хочет быть любимым? Зачем человеку в любви необходима взаимность, почему есть страстная потребность в обладании, присвоении другого? Тема любви не была самостоятельной в творчестве Ж.-П. Сартра, но органически вписалась в анализ бытия человека в мире.

Первый важнейший вопрос: а существует ли Другой и каковы первичные отношения моего бытия и бытия Другого? Первичным отношением является Взгляд. Что здесь стоит подразумевать под Взглядом? Взгляд выступает в качестве феномена восприятия, который открывает существование другого. Взгляд открывает двойственную природу моего присутствия: мое присутствие под взглядом другого одновременно и свободно, и отчуждено. Я есть совокупность моих возможностей, значит мое бытие свободно. Однако все мои возможности открываются под взглядом другого, что отчуждает их от меня. Таким образом Взгляд открывает Мне существование Другого, также как существование Меня и моей свободы, которая отчуждена самой фактичностью Другого [1].

Другой есть позиция, по отношению к которой я испытываю свою свободу.

Испытания свободы проявляются в виде конкретных отношений с Другим, первичным из которых выступает любовь.

Является ли любовью физическое желание, влечение? Или же любовь есть стремление к власти, попытка захвата свободы? Отнюдь. Любовь не ставит своей целью порабощение, власть можно поддерживать на страхе, куда более экономичным для тирана способом. Более того, Сартр утверждает обратное, «кто хочет быть любимым, тот, напротив, не желает порабощения любимого существа. Его не манит перспектива стать объектом гнетущей, механической страсти» [2, с. 215].

Любовь ставит своей проблематичностью гораздо более определенное, совершенно другого рода обладание. Обладание свободой другого [2].

В то время как я пытаюсь объективировать Другого, Другой пытается объективировать меня; когда я стремлюсь освободиться от захвата со стороны Другого, Другой пытается освободиться от моего захвата. Поэтому, считает Сартр, эти отношения и надо описывать под углом зрения конфликта. Любовь в таком случае следует рассматривать как диалог моего Я и Другого, как борьбу свобод в признании существования и поиска смысла для бытия

Человек обладая собственной свободой, обречен на абсолютную возможность выбора. Никто не может отнять того, что у него в сознании. Но свой смысл в полной мере свобода раскрывает, когда находит зеркальное отражение. Другой является для меня тем, кто помогает мне узнать мои возможности и способности; тем, против кого я могу испытать свою свободу, испытывая Другого. Другой, таким образом, есть позиция, по отношению к которой я испытываю как свою, так и его свободу. В таком случае, находясь в пределах неизбежности выбора и существования Другого, любимый становится предельным выбором. И вот здесь раскрываются отношения Меня и Другого.

Утвердившись в себе через выбор, человек получает обоснование собственного существования, «Другой меня любит, я становлюсь непривосходимым, и это значит, что я являюсь абсолютной целью; тем самым я спасен от употребимости» [2, с. 216]. Выбор означает и выход из всякой системы ценностей, отныне Я сам становлюсь этой системой.

По мнению философа стремление добиться взаимности в отношении Другого исходит из того, что посредством другого человека появляется возможность раскрытия собственной свободы, поскольку «без Другого моя

свобода остается скрытой от меня» [2]. Другой появляется в тот момент, когда я открываю для себя свое существование, он создает, открывает новый тип моего бытия.

Для Другого «я» личность, ее суверенность, уникальность — всего лишь слагаемые некоей абстракции, символизирующей мир, Вселенную. В момент выбора, признания, обнаружения меня другим, я из ничто превращаюсь в нечто, я получаю свое бытие и становлюсь кем-то, «я становлюсь тем объектом- фоном, в свете которого обнаруживается мир» [2].

Таким образом фундаментальным проектом человека становится признание другим факта его свободы, а, следовательно, и зависимость от этого факта. Здесь любовь делает первый шаг к саморазрушению: «любить — значит хотеть, чтобы меня любили, то есть хотеть, чтобы другой хотел, чтобы я его любил» [2, с. 224].

Возвращаясь к идее высшей ценности Меня как объекта любви, в ней кроется вторая хрупкость целостности. Любящий в любой момент может пробудиться, освободиться от иллюзии высшей ценности Меня. «...каждый из любящих — в полной мере пленник другого, поскольку захвачен желанием заставить его любить себя, отвергая всех прочих...», отсюда вечная тревога, неуверенность: «А что, если я перестану быть миром? Чем я стану?» Любимый в таком случае становится объектом, объектом-орудием. Определение любви как «игры зеркальных отражений» подразумевает конфликтную систему вечных отсылок, непредсказуемое, а потому ненадежное желание «отразиться» в Другом [3].

Становление для любимого объектом на фоне мира ведет к третьему разочарованию — относительности выбора. Это оскорбляет, унижает Мои чувства, поскольку приводит к неоспоримой фактичности Меня и фактичности другого. Любовь оказывается одной из многих, «объектом, предполагающим существование мира» [2], а значит, и существование кого-то третьего. Сам факт существования кого-то превращает абсолют любви в нечто относительное.

Под взглядом Третьего Тот, кто становится объектом в этом переживании, испытывает стыд, а тот, кому удастся доминировать, гордость, что в данном случае одно и то же. Однако попытки затеряться в объективном напрасны, поскольку приводят к мазохистской установке. «Мазохизм, как и садизм, - пишет Ж.-П. Сартр, - является принятием на себя виновности. Я виновен, потому что я являюсь объектом. Виновен по отношению к самому себе, поскольку я соглашаюсь на свое абсолютное

отчуждение, виновен по отношению к другому, так я ему предоставил случай быть виновным через радикальное отсутствие моей свободы как таковой. Мазохизм является попыткой не очаровывать другого своей объективностью, но очаровывать себя своей объективностью-для-другого» [4, с. 44]. Мазохизм является поражением.

Таким образом феномен любви по Сартру неотделим от сознания и свободы, философ не поддерживает зависимость любви от физиологии, инстинкта, так как человеческое бытие – не пассивное пребывание. Любовь хотя и рассматривается как наваждение, игра взаимоотражений, не приходит помимо Моей воли и свободы, является осознанным желанием выбора, Я впускаю ее в свое бытие и Я несу за это ответственность.

Библиографические ссылки

1. *Голенков С. И.* Феноменология Другого Сартра // Весник Самарской гуманитарной Академии, серия «Философия.Филология», 2006, № 1(4).
2. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
3. *Демидов А. Б.* Феномены человеческого бытия / Минск: ЗАО Издательский центр «Экономпресс», 1999. 180с. URL: <https://www.psyoffice.ru/2523-9-demid01-index.html>
4. *Бовуар С. Сартр Ж.-П.* Аллюзия любви. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.

ВЫЗОВЫ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Е. В. Беляцкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Sub_cultura@mail.ru

*Научный руководитель – Анохина Виктория Валентиновна,
кандидат философских наук, доцент*

Поздняя современность как концепт представляется новыми характеристиками современных обществ, которые являются продолжением институциональных переходов и современных культурных событий. Данная концепция строится на представлении о фрагментированности мира и конкурирующих между собой и отличающихся друг от друга индивидов. Такая жидкая современность обволакивает личность новыми социальными отношениями, которые порождают плюралистичность и многообразие воздействия. Благодаря техническому развитию и ускорению, и даже разрыву связи пространство-время, происходит также разделение власти и капитала, и

отдаление личности индивида от общности и места в мире, которое он мог занимать ранее. Главные характеристики текучей, поздней или жидкой современности представляют собой плюралистичность, гибкость, многообразие, непостоянство и одноразовое потребление.

Ключевые слова: текучая современность; индивидуализация; бегство от свободы; поздняя современность; социум.

Несмотря на определенный инвариант значений, вкладываемых в понятие «поздняя современность», данный феномен особенным образом проявляет себя в различные периоды развития современных обществ. В первой половине XX в., когда «первый» модерн, достигнув кульминации накануне I-й мировой войны, стал клониться к упадку, актуализация потребности в новом социальном характере была обусловлена такими процессами, как разрушение традиционных социальных, прежде всего, семейно-родственных связей в условиях быстрой урбанизации и социальной дифференциации модернизированного социума, доминирование ценностей успеха, индивидуализма, прагматической рациональности и атомизация социальной жизни, анонимность и формальная функциональность контактов в городах и др. Вместе они способствовали деформации межличностных отношений на фоне массовой культуры, образования, политики и т.д. Э. Фромм отмечает, что «структура современного общества воздействует на человека одновременно в двух направлениях: он все более независим, уверен в себе, критичен, но и все более одинок, изолирован и запуган» [4, с. 115].

Особенность «второго» модерна, согласно концепциям К. Леккарди, У. Бека, Э. Гидденса, З. Баумана и др., связана с радикальным изменением пространственно-временных характеристик общественной жизни. Ускорение и радикализация социальных изменений, обусловленные НТР и глобализацией, изменяют образы будущего, превращая время из ресурса социальной деятельности в угрозу наступления катастрофы. «Текучая» современность [1] плюрализует и смешивает «жизненные миры» индивидов, отрывая их от родных мест – устойчивых локусов социального пространства, и забрасывая в иные социокультурные и цивилизационные миры, которые также подвержены необратимому потоку изменений. Идентичности плюрализуются, сталкиваясь друг с другом в мультикультурных социумах, для которых характерна лабильная социальная структура, стремящаяся к «уплощению» иерархий и формированию сетевых форм организации. Информационная революция погружает личность в бесконечный калейдоскоп знаний, объемы которых

превосходят возможности упорядоченной и рефлексивной ассимиляции. И главное, «второй» модерн (не случайно названный Э. Гидденсом «радикализированной» современностью) обнажает новый образ будущего – «мировое общество риска» (У. Бек), в котором состояние возрастающей неопределенности становится нормой и элементом повседневного существования. В этих условиях зарождается новая «тоска» по авторитаризму в социумах, исторически не готовых к вызовам глобализации.

Для того, чтобы объяснить происходящие в сегодняшнем мире процессы изменения и глобализации кризиса, и что вообще представляет собой постмодернистская культура, необходимо обратиться к концепции Э. Гидденса, а именно теории структурирования. Он пытался данной концепцией снять дилемму структурного функционализма и понимающей социологии, и построить систематическую социальную теорию на новых основаниях. Он считает, что переосмысление природы модерна должно быть тесно взаимосвязано с пересмотром фундаментальных предпосылок социологического анализа. Современное состояние западного общества он определяет, как позднее или модернизированное. Основной характеристикой такого модерна является глобализация социальной жизни. «Формы жизни, созданные современностью, оторвали нас от всех традиционных типов социального порядка и сделали это способом, не имеющим исторических прецедентов. По своему масштабу и глубине превосходят почти все типы социальных изменений, характерные для предыдущих эпох. В количественном отношении они привели к установлению форм социальной связи, охватывающие весь мир; в качестве отношений им удалось изменить наиболее интимные и глубоко личные характеристики нашего повседневного существования» [2, с. 115].

То есть Э. Гидденс в своей концепции интегрирует тему современных социальных теоретических дискуссий, и в основу своего образа модерна он положил идею высокого динамизма социальной жизни. Такое переосмысление модерна за счёт структурирования в качестве учителя этического горизонта автором была предложена для того, чтобы преодолеть рамки сильного понятия общества и утвердить аналитику первичных социальных практик, которые относятся к относительно общественным системам, то есть социальная жизнь должна концептуализироваться по своему существу, как сплетение повседневных практик. На элементарном уровне оно является непрерывным существованием индивидуумов в конкретных контекстах. В рамках своей

теории структурирования Э. Гидденс предлагает дополнительный инструментарий, который развивает свой формат связи общества и при этом позволяет построить лирический образ социальной жизни, и этот образ социальной материи образован с плетением повседневных практик, которые находятся в пространстве и времени, и генерируют множественные социальные системы [2].

Их анализ должен вестись в терминах пространственно-временной дистанции, и эта теоретическая работа ставит под вопрос постмодернистские концепции, за счет которых универсальные теории социальной жизни, отличавшие модерный разум тоталитарностью, становятся анархизмом и вызывают уже новые формы репрезентации. Э. Гидденс говорит о том, что очевидной характеристикой современного типа социальной жизни становится её динамизм. Он неповторим по своему темпу изменений, по своему масштабу, а также глубине. «Жить в эпоху "поздней современности" (late modernity) значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [6, с. 107].

То есть этот мир, как он считает, со сломанными тормозами.

И такой динамичный характер современной жизни объясняется тремя взаимосвязанными факторами. В первую очередь, это разделение времени и пространства, то есть в предшествующих социальных системах были развиты системы счисления времени и стандартные маркировки пространства, но при этом время и пространство оставались связанными за счёт содействия пространственно-временных характеристик. Действия были органически связаны с самой субстанцией социальных практик. В модерне произошло разделение пространства и времени, что образовало измерение пустого времени, представлением которого являются механические часы. Такое опустошение времени является условием и предпосылкой опустошения пространства. Социальное утверждение пустого пространства Э. Гидденсом представляется в терминах отделения социальных отношений от их локуса за счет развития связей с отсутствующими другими. И в условиях модерна они становятся фантазмагорическими, то есть пронизывают и формируются социальными влияниями большого масштаба. Но их форма видимого скрывает дистанцирование отношений, которые определяют их действительно социальное содержание. Это опустошение времени и пространства представляет собой диалектический процесс, который является комбинацией пространства и времени, что позволяет координировать

социальную деятельность вне зависимости от привязки к локальным конфликтам. Такой процесс опустошения пространства и времени приводит ко второму фактору модельного динамизма, то есть открепления социальных институтов, а именно отрыва социальных отношений от локальных контекстов и их структурирование на больших отрезках пространства и времени. Это приводит к ускорению пространственно-временной дистанции в эпоху модерна. ««Опустошение времени» во многом является предпосылкой «опустошения пространства» и стоит, поэтому, выше него в иерархии причинно-следственных связей... Появление «пустого пространства» может быть понятно в терминах отделения пространства от места... Место лучше всего осмысливать с помощью понятия «округа», отсылающего к физическому окружению социальной деятельности в его географическом расположении... Наступление современности все больше отрывает пространство от места, способствуя развитию отношений между «отсутствующими» другими, удаленными смысле своего местоположения от любой данной ситуации личного взаимодействия. В условиях современности место становится все более и более фантазмагорическим: то есть отдельные округа оказываются полностью заполненными и оформленными посредством весьма отеленных от них социальных влияний. То, что определяет структуру округа, попросту не является тем, что находится на виду; «видимая форма округа скрывает дистанцированные отношения, определяющие ее природу» [2, с. 132].

Автор считает, что существует два основных механизма такого открепления. Это символические значки, экспертные системы которых являются двумя основными разновидностями абстрактных систем. Символические знаки являются средствами обмена. При этом они обладают стандартными ценностями, и, за счёт этого, способны циркулировать в большом множестве практических контекстов. Экспертные системы же заключают в скобки время и пространство за счёт специализированного знания, которое обладает значимостью независимо от личности пользователя, и в условиях модерна такие абстрактные системы проникают во все аспекты социальной жизни и получают универсальное развитие. Третьим же фактором, который определяет динамизм модерна, является специфическая рефлексивность, то есть в общем смысле эффективности является свойством универсального человеческого поведения. Но сначала модерна рефлексивность обретает особенный характер результативности модерна и социальной жизни [5].

«Понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего. Это утверждение относится в равной мере как к риску в институционализированной среде, так и в других сферах... "Открытость" еще не произошедших событий отражает податливость социального мира и способность людей формировать физическую среду своего существования. Поскольку признается, что будущее, в сущности, непостижимо и оно все резче отделяется от прошлого, это будущее становится новым поприщем – пространством контрфактических возможностей. Будучи однажды определена таким образом, эта область открывается для колониального вторжения, опирающегося на контрфактическое мышление и исчисление риска... В среде, где больше нет рока, любая деятельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, т.е. поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов. Вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь вкупе с динамичной природой знания означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека» [6, с. 109].

Согласно Э. Гидденсу, суть заключается в том, что социальные практики критически оцениваются постоянно и трансформируются за счёт поступающей в них информации. Во всех типах таких социальных систем практики изменяются за счёт новых знаний, но в эпоху модерна происходит пересмотр практик, а конвенции происходят только радикально, и это приводит к изменению всех аспектов человеческой жизни. Таким образом, свойственный модернизму динамизм социальной жизни дестабилизирует и трансформирует чувства онтологической безопасности личности, происходит рутинизация человеческой практики, но при этом она не обеспечивается полностью механизмами традиции и опосредуется возрастающей эффективностью. В этом смысле Э. Гидденс говорит о том, что модерн изменил профиль риска. В соответствии с духом своей концепции риска, который является тоже ключевой характеристикой социальной жизни человека и специфическим феноменом модерна, понятие риска практического сознания людей приходит на смену понятия судьбы.

С точки зрения Э. Гидденса, естественным продолжением изначальных тенденции модерна является глобализация, которая может быть определена как идентификация социальных отношений всемирного

масштаба. Данные отношения связывают удалённые локальности так, чтобы события, которые происходят в одном месте, формируются тем, что происходит на большом расстоянии от него, и наоборот: систематический анализ глобализации сегодняшнего осуществляется на основании четвертичной институциональной модели модерна. Она включает в себя выделение четырех основных измерений глобализации. Первое такое измерение является тем, что Валлерстайн называл мировой системой, то есть глобальная взаимосвязанность экономических процессов, которые, в первую очередь, определяются капиталистическими механизмами и формируются корпорациями. Второе измерение глобализации образуют системы международных отношений между нациями и государствами. Здесь важно указать на такое обстоятельство, что эта система была одной из важных характеристик модерна, начиная с разработки концепции Э. Гидденса, потому что сама идея государственного суверенитета является эффективной. Это обстоятельство делает феномен международных отношений модернизационным. Третье измерение глобализации — это мировой военный порядок. Четвёртое же связано с индустриальным развитием и очевидным моментом является развитие глобального разделения труда, которое включает в себя дифференциацию между индустриальными областями земли, а модерном индустриализма было основание разделения не только на уровне трудовых операций, но и в плане региональной специализации. По профилю промышленности глобальная взаимосвязь разделения труда оформилась после Второй Мировой войны. И одним из основных последствий индустриализма, согласно Э. Гидденсу, является трансформация технологии коммуникации. Это ведет к пятому фундаментальному аспекту глобализации, который можно обозначить как культурную глобализацию, то есть механизированные технологии коммуникации, начиная с внедрения механической печати в Европе, оказывали определяющее влияние на усиление глобализации во всех её аспектах [2].

«Современность по природе своей связана с глобализацией – об этом ясно говорят некоторые из самых существенных характеристик институтов современности, включающие, прежде всего, их высвобожденность и рефлексивность» [2, с. 187].

Глобализация представляет собой также диалектический комплекс, который включает в себя противоположно направленные процессы, то есть одна сторона глобализации ведет к развитию транснациональных форм социальных практик. А, с другой стороны, можно выделить то, что

социальные отношения обретают глобальную протяжённость и растёт потребность в локальной автономии и региональной культурной идентичности, что приводит к тому, что глобализация является сложным взаимодействием глобального и локального измерения социальных практик. Это неоднозначный процесс, который порождает новые формы конфликтов и неравенства. Действие глобализации представляет собой двойной эффект и происходит традиционализация социальной жизни. Это, в свою очередь, приводит к тому, что человек в современном мире живет так, как не мог себе представить, и строит современный мир на трудах, которые основываются на трудах мыслителей эпохи модерна, на которых основываются современные социальные науки о человечестве посредством роста знания о мире, теперь может господствовать и преобразовывать его для достижения своих целей. Но в этой ситуации, созданной неопределенностью, которая характерна в целом для модерна, но при этом игнорируется вера в разум и становится в пострациональном обществе [3].

Характеристика аспектов социальной жизни делает феномен риска фундаментальным элементом опыта человека современного. Феномен риска является отличительной особенностью типа модерна и жизни в целом, и нужно различать в развитии этого феномена две стадии. «Абстрактные системы современности создают обширные сферы относительной безопасности для непрерывного течения повседневной жизни» [6, р. 127]. Первая стадия относится к эпохе раннего модерна, когда природная среда, окружающий мир и регулируемые традиции форм социальной жизни предполагались в готовом виде. Они были даны в качестве составной части рационального расчёта. В такой форме риск статистически исчислялся и не был такой угрозой в социальном мире позднего модерна. Происходит радикальная традиционализация исчезновения такой природы как среды, которая, независимо от человеческого действия, и не является его продуктом. И за счет этого риски появляются от неконтролируемого будущего, и человеческая деятельность основывается на стационарном исчислении возможных последствий. Теперь человек не может предвидеть будущее, и это приводит к ощущению потерянности. Бесконтрольность такого нового характера рисков требует изменения механизмов доверия, которые обеспечили бы в эпоху модерна формирование чувства онтологической безопасности. С точки зрения Э. Гидденса, в традиционном обществе эти социальные отношения формируются на основе активного доверия, а практический метод требует активировать активную вовлеченность

индивидов. Это значит, что доверие абстрактным системам и другим индивидам инвестируется с учетом возможных альтернатив. Не существует безусловных авторитетов, и, в результате этого, некомпетентные лидеры должны самостоятельно принимать решение о том, какому мнению эксперта отдать предпочтение. Соответственно, создаётся мир с неограниченной рефлексивностью. Это есть мир умных людей, и выживать в мире без абсолютной системы отсчёта повседневной жизни, интерпретировать самостоятельно происходящее и активно адаптировать экспертное знание к профилю собственной ситуации, становится крайне сложным феноменом активного доверия. «Абстрактные системы деквалифицируют [индивида] – не только на рабочем месте, но повсюду, во всех областях социальной жизни, которые они затрагивают. Деквалификация повседневной жизни – феномен отчуждения и фрагментации применительно к Я. Это отчуждение, ибо вторжение абстрактных систем, в особенности экспертизы, во все аспекты повседневной жизни подрывает существовавшие прежде формы локального контроля. В большинстве досовременных обществ жизнь была куда более строго локализована, и все индивиды развивали множество навыков и типов "локального знания", релевантного для их обыденной жизни. Повседневное выживание зависело от интегрирования таких навыков в практические способы организации деятельности в рамках контекстов локального сообщества и физической окружающей среды. Однако экспансия абстрактных систем приводит к тому, что условия повседневной жизни трансформируются и образуют сочетания в рамках гораздо более протяженных отрезков пространства и времени; это отторжение [от локальных контекстов] суть процесс, приводящий к потерям. Однако было бы неправильно рассматривать данные потери как переход власти от одних индивидов или групп к другим. Власть действительно переходит таким образом, но не исключительно» [6, р. 131].

Точка зрения Э. Гидденса становится ключом к пониманию трансформации интимной жизни, которая характеризует сегодняшний социальный мир, и одна из ведущих теорий концепций позднего модерна заключается в том, что существует прямая связь между модерном и тенденциями глобализации в социальной жизни и трансформации интимных отношений в русле повседневности. Трансформация интимности в областях дружбы, сексуального поведения, супружеской жизни приводит к тому, что межличностные эротические связи формируются как чистые отношения в том контексте, что формируются

они вне зависимости от внешних обстоятельств социальной или экономической жизни, и отношения приносят участникам именно то, на чём оно само основывается, то есть чистые отношения строятся на добровольно принятых обязательствах, которые приходят на смену внешним обязательствам и являются разновидностью доверия.

Также ключевой характеристикой постреляционной социальной жизни, которая отражает в себе ценностный политеизм не регулируемый из рисков и механизмов активного доверия и является изменением структуры личной идентичности, то есть самость в период позднего модерна становится неэффективным проектом или фиктивным характером самости. Также является отличительной чертой в целом модерна, но в традиционном обществе в полной мере проявляет себя. Таким образом, эти стадии национализации, которыми отличается социальная жизнь позднего модерна, приводит к увяданию непосредственной власти, традиции и разложению прочных форм социальной идентичности. И этот процесс можно назвать социализацией тела, то есть психофизического субстрата личностной идентичности. Происходит реализация ценностей и авторитетов, и возрастает значение в конституции личностной идентичности выбора стиля жизни. Таким образом, вопросы политики жизни становятся первостепенными в результате объединённого воздействия глобализации и интернационализации, то есть политика жизни становится центральным феноменом политической сферы позднего модерна.

Действующий в современности скептицизм в отношении даже возможности универсальных ценностей является оправданным опытом множественности культурных традиций и этических систем, но фрагментация и плюрализация, как одна из сторон современной социальной жизни, приводит к универсально разделяемым ценностям, которые выходят из ситуации глобальной взаимозависимости. А это предполагает под собой космополитическое принятие различий мира, в котором мы сегодня существуем. С точки зрения Э. Гидденса, предполагается существование множества иных, чем мы сами, но, в то же самое время, нет абсолютно чужих, то есть мир без чужих людей имеет общие интересы в силу того, что сталкиваются с глобальными рисками, которые общие для всех [3].

Свою концепцию Э. Гидденс основывал на работах рефлексивной модернизации, где современное общество представляет собой общество

риска, и оно непредсказуемо. Это общество и его институты постоянно должны оценивать действия с позиции приемлемости риска.

Библиографические ссылки

1. Бауман З. Текучая современность СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Гидденс Э. Последствия Современности. М.: «Праксис», 2011. 352 с.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь. 4 изд. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя: Пер. с англ. – Москва: АСТ: АСТ Москва, 2006. – С. 373–405.
5. Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Историко-философский очерк. – М.: Институт философии РАН, 2001. 223 с.
6. Giddens A. Fate, Risk and Security. In: A.Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991, p.109–143.

РЕКЛАМА КАК СПОСОБ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

В. А. Голубев

ВГУ им. П. М. Машерова, г. Витебск

Golr1993@mail.ru

Научный руководитель – Кузнецова Евгения Владимировна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник института философии НАН Беларуси

В статье рассматривается реклама как неотъемлемая часть общества потребления. Кратко излагается закономерность возникновения рекламы в обществе потребления как элемент манипуляции массами людей и стимуляции их к потреблению. Раскрываются основные способы воздействия рекламы на сознание людей и формирование необходимых образов, установок и стереотипов. Также говорится о трансляции через рекламу определенных ценностей и образцов поведения, стиля жизни, которые не всегда положительно влияют на культурную составляющую общества.

Ключевые слова: реклама; общество потребления; массовое сознание; рекламная манипуляция; трансляция ценностей.

Термин «реклама» имеет множество значений и интерпретаций, однако их трактовки можно объединить на основании общих признаков. Под рекламой в большинстве своем понимают информацию, направленную не обозначенному кругу лиц, которая содержит в себе призыв потреблять те или иные товары или услуги, или же определенного стиля или образа

жизни. Считается, что реклама – порождение массовой культуры и массового общества. Однако это не совсем корректно. Общество потребления благодаря новым технологиям манипулирования возвело рекламу на новый уровень. Сами же призывы потреблять тот или иной продукт известны еще с Древнего Египта, где на фрагментах папируса торговцы расхваливали свой товар.

Однако безусловно, общество потребления сделало рекламу своей неотъемлемой частью. Более того, именно в XX в., в период формирования массового общества технологии создания рекламы и ее воздействия на массы достигли небывалого расцвета.

В первую очередь это объясняется ростом производства и соответствующим развитием технологий. Уже в первой половине XX в. Производство выросло настолько, что возникла проблема с реализацией готовой продукции. Как писал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, «возможности современного покупателя выглядят безграничными. Трудно вообразить вещь, которой не было бы на прилавках, и наоборот – невозможно вообразить все, что там есть» [1, с. 40]. То есть, исходя из этого, можно сказать, что потребителям не было необходимости приобретать такое количество товаров. Однако это означало бы падение продаж и, как следствие, сокращение прибыли. Тем самым была вызвана необходимость внушить широким массам иллюзию того, что тот или иной товар или услуга являются крайне важными и, в некоторой степени, первоочередными.

Такой подход создавал в массовом сознании определенные мифы, которые заставляли человека приобретать продукцию фирм, концернов и т.д. Однако не всегда реклама отображала продукт объективно, ведь «мифологичность рекламы заключается в том, что она представляет предметы в гиперболизированном виде. Причем гиперболизации подвергается не сам рекламируемый предмет, а его основное качество, главная особенность» [2, с. 292].

Дальнейшее развитие технологий привело к тому, что человеческий труд на производстве стал менее изнурительным, а либерализация и гуманизация трудового законодательства сократила рабочий день. Очевидно, что «сокращению труда способствует сам труд, и что развитию человеческих потребностей и возможностей их удовлетворения должна предшествовать индустриализация» [3, с. 24]. Однако вместе с этим, освободившееся время широких масс населения необходимо было чем-то занять. Данная необходимость вместе с бурным развитием технологий и

средств массовой коммуникации обеспечили выход рекламы на более высокий уровень воздействия. Небывалый подъем индустрии развлечений и «производства удовольствий» привел к тому, что реклама прочно заняла часть подаваемой информации через СМИ и иные средства массовой коммуникации. Развитие гуманитарных наук и, прежде всего, психологии, позволили открыть новые способы манипулирования как отдельными людьми, так и массами, воздействуя, прежде всего, на эмоции. Психология помогла разобраться в возрастных особенностях потребителей товара или услуги, что помогло дифференцировать методы воздействия.

Во второй половине XX в. сформировалась полноценная индустрия рекламы, которая включала в себя людей очень многих специализаций: художников, социологов, психологов, лингвистов, дизайнеров и т.д. На тот момент сформировались целые школы рекламы, которые обучали рекламодателей воздействию на сознание масс и способом манипулирования людьми.

В основе рекламной манипуляции лежат несколько ключевых моментов, на которые стоит обратить внимание. Во-первых, появление в рекламе того или иного продукта известных личностей. Так или иначе, в каждом обществе локально или на уровне глобальном в медиапространстве существуют публичные личности, которые большим количеством населения воспринимаются небезразлично. Появление в рекламе т.н. «кумиров» способствует повышению продаж и продвижению товара, даже если он не является необходимым. Особенно характерно это для молодого поколения. Во-вторых, это использование определенной цветовой гаммы и музыки, которые помогут сформировать нужный и твердый образ в сознании людей. В-третьих, использование лаконичных лозунгов и словоформ позволяют им в сочетании с рекламируемым продуктом прочно закрепиться в сознании. В-четвертых, людям внушается миф, смысл которого в том, что жизнь их намного улучшится, если они приобретут рекламируемый продукт, и наоборот, без него существовать будет крайне проблематично. В-пятых, человека посредством рекламы могут запугивать тем, что с ним может произойти что-то ужасное, если он не воспользуется тем, что ему предлагает реклама. В первую очередь это касается услуг различных финансовых организаций, банков, страховых компаний и т. д. И, наконец, в-шестых, это описание популярности продукта, что вызывает у отдельного человека в массе желание быть равным себе подобным, в т. ч. и в плане обладания какой-то вещью.

Однако не следует полагать, что реклама есть только продвижение каких-то материальных благ, навязываемых производителями. Реклама также зачастую используется в пропаганде и трансляции определенных образцов поведения, норм, ценностей и идей. Наиболее заметно это было на постсоветском пространстве, когда под видом каких-либо брендов или товаров, которых не было ранее в данном регионе или же они были в весьма ограниченном количестве, ненавязчиво транслировались образцы поведения, стереотипы, стиль жизни и т.д., что в некотором роде отрицательно сказывалось на культурном развитии широких масс населения, и, в первую очередь, на молодежи.

Трансляция определенных ценностей и норм, продукции и услуг через рекламу не носит исключительно негативный характер. Напротив, социальная реклама, посвященная заботе о здоровье и охране окружающей среды, воспитанию в людях положительных качеств, гуманному отношению к животным и призывом не проходить мимо чужой беды способна также воздействовать на массовое сознание. И здесь вопрос заключается в том, что зачастую реклама чего-то созидательного и полезного для общества может отличаться от целей влиятельных компаний и корпораций, стремящихся к получению максимальной прибыли. И зачастую они готовы тратить немалые средства на то, чтобы их продукция рекламировалась через СМИ и социальные сети, в то время как реклама чего-то созидательного зачастую не монетизируется. Поэтому очень часто в рекламе можно наблюдать яркие образы товара, которые могут сопровождаться вызывающим или даже асоциальным поведением публичных личностей в сочетании с ярким визуальным и звуковым сопровождением, что формирует в сознании людей стереотипы, шаблоны, образцы поведения и стиль жизни в целом. В таком случае крайне важно наличие и развитие у людей критического мышления, особенно у подрастающего поколения как наиболее подверженного информационному воздействию. Важно уметь увидеть помимо рекламируемого продукта и то, что транслируется в рекламе, что пытаются донести людям посредством этой трансляции.

Таким образом, можно сказать о том, что реклама как способ продвижения определенного продукта существует в различных формах довольно давно. Однако именно в XX в., по мере развития научно-технического прогресса и формированию массового общества и массового сознания вышла на наиболее высокий уровень манипуляции. Реклама способна создать некоторые образы и иллюзии в сознании человека, и ее

действиям можно задать как деструктивный, так и созидательный вектор. В связи с этим крайне важно научиться распознавать манипуляцию и пытаться противостоять ей, для чего следует формировать и развивать критическое мышление.

Библиографические ссылки:

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М.: ООО «АСТ», 2002. 509 с.
2. *Ильин, А. Н.* Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): Монография – Омск : «Амфора», 2010. 376 с.
3. *Маркузе Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

АПОЛОГИЯ ЖИВОГО

С. П. Кондратьев

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
ordos-aion@mail.ru*

*Научный руководитель – Дедолко Юлия Владимировна,
старший преподаватель кафедры философии и методологии науки*

В публикации рассматривается проблема отношения к жизни, формировавшегося фактически всю историю развития человечества под влиянием антропоцентризма. Критикуется порочность идеи ценности жизни одного вида над жизнью остальных. Для этого необходимо отказаться от постулата, что высшей ценностью является только человеческая жизнь. Данные представления предлагается расширить на всю жизнь, чтобы высшей ценностью стала жизнь как таковая. В данной работе внимание будет уделяться органической жизни, хотя и эта точка зрения является ограниченной. Ограничения вызваны текущей парадигмой, изменить которую способен переход от антропоцентризма к экоцентризму. В настоящее время этот переход невозможен, поскольку на промежуточном этапе – биоцентризме – есть ряд неразрешённых проблем, основной из которых является отсутствие у природы статуса субъекта права.

Область возможного применения результатов исследования – коррекция концепции устойчивого развития и пересмотр основных документов для решения реальных проблем и устранения причин глобального кризиса, а не его последствий. Разработка глобального экологического закона.

Ключевые слова: антропоцентризм; биоцентризм; биоцентрическая субъектность; жизнь; экоцентризм.

Учитывая большое количество определений понятия жизнь [5], а также развитие научной и философской мысли, ограничивать себя в представлении, кто имеет право на жизнь, пагубно для нас самих.

Перспективным мировоззрением для защиты живого, не ограниченного конкретным видом, является экоцентризм.

Понятие экоцентризм в настоящее время ещё только разрабатывается, и мыслители в разных дисциплинах по-своему определяют его границы, встречаются случаи понимания экоцентризма как синонима биоцентризма. Однако они имеют некоторые существенные отличия. Если биоцентризм рассматривает природу и жизнь как самоценность, а натурцентризм превозносит ценность природы над человеком, то экоцентризм является трансдисциплинарным течением философской, научной, общественной мысли о коэволюционном развитии человека и природы.

Для полноценного обзора наличной действительности необходимо упомянуть и постнеклассическую рациональность, ведь она, как утверждает В. С. Стёпин, имеет ярко выраженную специфику аксиологического аспекта. Переосмысление основ научного познания обусловлено и появлением субъект–субъектных отношений, что вместе с критерием К. Поппера, требующим от гипотезы или теории не быть принципиально непроверяемой, даёт обнадеживающие основания полагать, что догматизму антропоцентризма придёт конец.

Антропоцентризм – это мировоззрение, где высшей ценностью является человек, его жизнь и потребности. Как показала история, акцентирование на интересах одного вида, сама постановка такого отношения к миру, приводит в итоге к ситуациям, где уже человеческое общество для решения интересов одной общности людей отказывает в праве на жизнь другим.

В исследованиях истоков биоцентризма и его трактовок или течений, тоже не всё однозначно. Несмотря на распространённое мнение, что природа для биоцентристов первична, а люди с их интересами и потреблением – вторичны [0, с. 8], более уместными, на наш взгляд, являются представления М. В. Гусева. Согласно его точке зрения, биоцентризм – это «мировоззренческая концепция, рассматривающая каждый организм как уникальную биологическую ценность, как результат развития биоса» [0]. Если добавить к этому определению принцип благоговения перед жизнью А. Швейцера, то получится последовательное развитие взаимоотношений человека и природы, а не противопоставление одного другому со сменой доминирующей роли. Хотя диалектический подход, предложенный М. В. Гусевым, в данном вопросе имеет место быть, и в этом случае экоцентризм снимает противоречия предыдущих концепций, нам представляется возможным в отношении динамики типов

взаимодействия в системе «человек – природа» ввести понятие «индуктивный эволюционизм». Исходя из представления, что индуктивным называется вывод (рассуждение), в котором обобщение осуществляется на основе частных фактов (случаев), например, жизнь человека является высшей ценностью, и природа, как совокупность жизни отдельно от человека, является высшей ценностью, мы приходим к обобщению, что живое является высшей ценностью. Таким образом, с позиции предлагаемого нами индуктивного эволюционизма, как метода трансдисциплинарного исследования, живое рассматривается в качестве последовательного развития, с одной стороны, концепции взаимодействия человека и природы (от доминирования к коэволюции), с другой стороны, развития самой жизни. Данная точка зрения будет полезна, на наш взгляд, для понимания того, что считается живым, поскольку в настоящее время сохраняется диктатура белковых тел, естественная для биоцентризма, которая мешает рассматривать в качестве живого искусственный интеллект, неорганические соединения или сами идеи. Последние представления не относятся к биоцентризму, поскольку в рамках данной концепции речь идёт об органической жизни. Они скорее обозначают недостающее звено в проработке концепции экоцентризма, хотя вопрос о расположении данной проблемы остаётся открытым.

Современное представление природы во многом является заслугой науки неклассического и постнеклассического периодов со свойственной ему междисциплинарной методологией исследований. Если раньше, познавая мир, мы описывали его свойства (что познаем), после добавили в качестве важного критерия методы и инструменты познания (как мы познаем), то сейчас важно стало и для чего мы познаем, что для нас значит объект познания, да и само отношение к познаваемому изменилось. Само понятие объект познания утрачивает свою актуальность, на смену субъект–объектному (S–O) взаимодействию приходит субъект–субъектное (S–S), а значит важно не только, что для нас значит познаваемое, важна и самооценность познаваемого для системы, а не только одной её части. Таким образом, в постнеклассический период актуализируется ценностный и трансдисциплинарный подход, максимально востребованный в исследованиях открытой, сложной, саморегулирующейся и саморазвивающейся системы «человек – природа».

В качестве основы экоцентризма выступает коэволюция человека и природы. При этом отмечается, что «в настоящее время лишь человек является носителем разума (высшие животные обладают зачатками

рассудочной деятельности), только он способен к самосознанию и регулированию своей деятельности» [0, с. 11]. В статье Н. В. Кишкина и В. А. Нихамкина речь идёт о том, что человек в этих условиях берёт на себя всю ответственность за воздействие на всё и всех живущих на планете, а в своём развитии руководствуется сохранением физического и биологического миров как самоценных. В этом месте подразумевается наличие биоцентрической субъектности как данности, она фактически включена в экоцентризм и дополнена косной материей.

И в этом месте слова расходятся с делами. Человек решил перешагнуть из антропоцентризма в экоцентризм, минуя биоцентризм, не закрыв его гештальт. А именно, биоцентрическая субъектность или придание природе статуса субъекта права является недостающим звеном, поскольку для S–S взаимодействия необходимо наличие субъектности у Другого, в качестве которого выступает живое, отличное от человека. Для придания природе статуса субъекта права необходимо разобраться в терминах. Например, с точки зрения С. П. Никанорова, **«субъектом называется пара, состоящая из субъектности и носителя субъектности. <...> Субъектность представляет собой сложное понятие, атрибутами которого являются выбор, интересы субъекта, возможности субъекта и отношение между интересами и возможностями»** [0, с. 184]. Применив это понимание к человеческому обществу и другим видам, мы можем найти как наличие присущих атрибутов, так и спорные моменты как в человеческом обществе, так и в природе. В той же работе С. П. Никанорова присутствует и описание носителя субъектности, «сами по себе физическое лицо, группа лиц, организация, юридическое лицо без субъектности не являются ни носителями субъектности, ни субъектами. Субъектами они становятся постольку, поскольку сами наделены или располагают субъектностью» [0, с. 186].

Есть норма, распространённая в любом обществе со времён его появления – это разница субъектности в зависимости от возраста и здоровья организма индивида. В различных случаях другое лицо может брать на себя ответственность и выступать в качестве посредника. Схожая ситуация усматривается и в отношении к природе, в результате чего нам следует задаться следующими вопросами: «Почему существует защита прав ребенка, не обладающего, до достижения определенного возраста, правосубъектностью, но нет юридических оснований для защиты прав природы?» [0, с. 81]. За деяния ребёнка отвечают опекуны и родители, а кто будет отвечать перед другой жизнью за наши поступки?

Резюмируя сказанное можно сделать несколько утверждений: для коэволюции человека и природы у природы обязан быть статус субъекта; права других видов на жизнь должны быть защищены; идея о лишении субъектности и самоценности живого пагубно для нас самих; понятия живого и геноцида должно быть расширено.

Библиографические ссылки

1. Гусев, М. В. Биоцентризм / М. В. Гусев // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; «Диалог» – М. : ОАО Изд-во «Радуга», 2003. – С. 89.
2. Кишкин, Н. В. Понятие «экоцентризм»: научно-философское содержание / Н. В. Кишкин, В. А. Нехамкин // Гум. вестник МГТУ им. Баумана. – 2017. – № 8 (58). – С. 1–18.
3. Никаноров, С. П. Теоретико-системные конструкты для концептуального анализа и проектирования / С. П. Никаноров. – М. : Концепт, 2008. – 312 с.
4. Фалько, В. И. Проблема прав и субъектности природы / В. И. Фалько, Р. Р. Лукманов // Лесной вестник. – 2015. – № 4. – С. 75–83.
5. Trifonov, E. N. Vocabulary of definitions of life suggests a definition // Journal of Biomolecular Structure and Dynamics. – 2011. – Vol. 29, iss. 2. – P. 259–266.

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ИММАНУИЛА КАНТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. Ромашёва, Д. А. Акула

Белорусский государственный университет, г. Минск;

annaromasheva353@gmail.com

Научный руководитель – Новикова Ольга Владимировна,

кандидат философских наук, доцент

Проблема, которую мы хотим рассмотреть, хорошо выражается цитатой Иммануила Канта «Мы живем в век дисциплины, культуры и утонченности, но далеко еще не в век нравственности». В руках человечества находится очень опасная вещь, которая может как уничтожить всю планету, так и улучшить жизнь всем её обитателям – информация. Вопрос лишь в том, как мы ею воспользуемся. Если каждый индивид или социальная группа будет желать благ только себе, то четвёртая промышленная революция может стать последней. Но если люди смогут пересилить в себе стремление к сиюминутной выгоде и подумать о будущем, то результатом может стать очень хорошая жизнь. Поэтому мы считаем, что идеи Канта о нравственности сейчас более чем актуальны.

Ключевые слова: человеческое общество; нравственность.

Общество — это сформировавшаяся в ходе исторического развития человечества относительно устойчивая интегрированная система

социальных структур, функций и связей, в которой реализуются формы объединения людей, сложившиеся в процессе их взаимодействия. Общество выступает как особая ступень развития человечества и представляет собой надприродную сферу человеческого бытия, обусловленную коллективной деятельностью человека. Развитие общества во времени и пространстве формирует историю [1, с. 136-139].

В практико-ориентированном сознании общество понимается как совместное существование людей в группах разного уровня общности.

В социальной философии общество представляет собой сверхсложную систему, в которой наряду с объективными присутствуют субъективные факторы, поскольку главным фактором социальной деятельности, организующим социальную реальность, является человек. В структуру общества входят следующие элементы: социальные группы, социальные общности, социальные институты и социальные индивиды. Следовательно, общество — это совокупность человеческих индивидов, связанных некоторой общностью: социальных систем разного уровня организации, обладающих тем или иным набором устойчивых признаков и целостностью.

Многообразие подходов к определению сущности общества и его содержания объясняется тем, что общество как таковое представляет собой чрезвычайно сложное динамичное многоаспектное образование.

Мы будем рассматривать общество как совокупность человеческих индивидов, связанных некоторой общностью. Каждый из индивидов в тот или иной момент своей жизни стоял перед нравственным выбором. В обществе выбор был, как правило, нравственно правильный, но, вероятнее всего, из-за страха быть наказанным или из-за желания получить выгоду. И если изменить условия, то и выбор изменится. Это и есть, по мнению Канта, отсутствие нравственности.

Категорический императив Канта появляется во времена индустриализации и урбанизации общества, что очень сильно сказалось на нём: раньше редко кто покидал свой «родной закуток», все соседи друг друга знали, людей сдерживали от «плохих» поступков социальные нормы. Теперь многие могли уехать в новое место, где их никто не знал. В городах количество людей росло и связь между ними также терялась. Таким образом, общество перестало выполнять роль регулятора человеческой жизни.

В начале 90-х годов прошлого века Уильям Штраус и Нейл Хоув разработали теорию поколений, согласно которой существует четыре

архетипа, которые одновременно присутствуют в мире в любой период, но находятся в разных «фазах»: Герой, Художник, Пророк и Странник. Также согласно теории поколений существуют Времена года, которые характеризуют общую ситуацию в мире: Зима – самые тяжёлые времена, когда идёт вопрос выживания тысяч людей, самыми активными в это время являются Странники; Весна – время, когда кончаются тяжёлые времена, начинается постройка чего-то нового, в этот период проявляют активность Герои, которые готовы работать и творить ради людей и светлого будущего; Лето – пора хорошей жизни, когда люди могут жить сравнительно спокойно, Художники в этот период воспевают подвиги Героев, которые построили этот мир; Осень – все ждут чего-то нового, это время изменения ценностей, взглядов, самым активным архетипом в этот период является Пророк. Сейчас, согласно теории поколений, наступает Зима. Период истории, в котором мы живём, имеет характеристики, схожие со Средневековьем: децентрализация и общий кризис центральной власти, превратившейся в систему абстрактных принципов; клановые отношения, становящиеся преобладающим типом социальных взаимодействий; «вьетнамизация территории» - прогрессирующее образование частных военных образований, призванных защищать частные интересы «сильных мира сего» («новых феодалов») в условиях, когда государственная власть слабеет. Поэтому Н.А.Бердяев, Р. Вакки и У.Эко нарекли наш век Неосредневековьем, подчёркивается тяжесть грядущих времён [5, с. – 119]. Человечество стоит перед очень важным выбором – выбором своего будущего. Мы считаем, что нравственность – именно то, что позволит сделать этот выбор правильным, насколько это возможно. Страшно, что у человечества имеется опасное оружие – информация, к которой люди, на наш взгляд, нравственно не готовы. Как говорил Юваль Ной Харари, «Человечество не стая волков, завладевшая вдруг танками и атомными бомбами, скорее мы – стадо овец, которое в силу непонятной прихоти эволюции научилось делать и пускать в ход танки и ракеты. А вооружённые овцы гораздо опаснее вооружённых волков» [4, с. 21].

Итак, человечество имеет в своём распоряжении очень опасную вещь и сейчас самое важное – правильно ею воспользоваться, для этого необходимо вырасти в нравственном плане и помочь решить эту проблему может философия Иммануила Канта. Он утверждал, что человек изначально ни злой, ни добрый. Человек нейтрален по природе своей. От воспитания зависит то, каким он будет: хорошим или плохим. Но что

значит «хороший» и что значит «плохой» по мнению Канта? «Хороший» человек - тот, кто поступает хорошо, но не ради выгоды или из-за страха перед наказанием, а из внутреннего чувства долга. При этом данное чувство должно быть развито самим человеком, оно должно основываться на искренних эмоциях человека, но зависеть не от них, а от разума. Таким образом, человек сам по себе может быть очень добрым, но в моменты плохого настроения проявлять отрицательные качества, а потом жалеть об этом. Чтобы такого не было, ему необходимо выработать у себя чувство долга, только тогда, по мнению Канта, человек будет нравственным. Чтобы воспитать нравственность отдельного индивида, необходимо не заставлять или подкупать его, а создавать такие условия, в которых он сам поймет, что есть хорошо, а что – плохо. Поэтому задача воспитания – создать среду для развития хороших качеств человека, которые в будущем должны перерасти в чувство долга. Воспитывая нравственность в индивидах, представляется возможным повысить нравственность общества в целом [2, с. 111-112].

Вместе с нравственностью у человека также должна быть воспитана способность к самовоспитанию, саморазвитию и самообучению, главное – способность мыслить, то есть, анализировать информацию и делать выводы. В наше время информационных технологий это очень актуально, поскольку достаточно большая часть человечества имеет доступ к интернету – огромному источнику информации. Но, как правило, его используют для просмотра объективно глупых видео на Ютубе или бессмысленного листания ленты в ВКонтакте.

Для развития способности мыслить важно, начиная с определённого возраста, создавать ребёнку условия свободы (за исключением моментов, где он может навредить себе, другим или ограничить других в свободе), чтобы он сам учился решать различного рода проблемы [3, с. 9 -16]. Для лучшего развития нравственности необходимо создавать для детей педагогические ситуации, где им необходимо будет самим сделать определённый выбор и понести за него ответственность. Педагогические ситуации развивают нравственные, моральные, научно-познавательные качества ребёнка.

Таким образом, человеческое общество стоит на пороге нового времени и должно сделать выбор насчёт своего будущего. Для того, чтобы выбор был относительно правильным, необходимо повысить нравственность человечества в целом, следовательно, повысить нравственность отдельных

индивидов. Для этого стоит обратиться к идеям Канта, которые актуальны в нашем современном обществе, как никогда.

Библиографические ссылки

1. Давыдов Ю. Н., Асоян Ю. А., Керимов В. И., Эдельман В. А., Симонов А. И. Общество / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2022 (последняя редакция: 09.03.2022).
2. Воробьёв Н. Е., Шачина А. Ю. Влияние философии И. Канта на развитие педагогической науки / Известия ВГПУ. – 2013. – № 5. – С. 111–112.
3. Бим-Бад Б. М. Лекции Иммануила Канта "О педагогике": перевод и комментарий [Электронный ресурс] / Б.М. Бим-Бад. – Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/docs/on_education_by_kant_comments_by_me.pdf.
4. Харари, Ю. Н. Sapiens Краткая история человечества / Юваль Ной Харарри; [пер. с англ. Л. Сумм]. – М.: Синдбад, 2020. – 520 с.
5. Пилюгина Е. В. Постмодерн в формате «нового средневековья» // Гуманитарные исследования. – 2016. – №1. – С. 118–123.

СЕКЦИЯ 2. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «BODY-MIND» В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Л. Радченко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

krxftw@mail.ru;

*Научный руководитель – Зеленков Анатолий Изотович,
доктор философских наук, профессор*

В статье представлен краткий обзор проблемного поля аналитической философии сознания, где проблема «body-mind» выделяется в качестве центральной. Дается описание дуалистических стратегий решения проблемы в противопоставлении с монистическими. Прослеживается изменение восприятия дуализма в аналитической традиции: от маргинального положения в начале 20 века к реабилитации во второй половине 20 – начале 21 века. Описывается общая направленность аргументации, призванной показать неспособность редуктивного физикализма объяснить феномен сознания. Выделяются некоторые наиболее влиятельные дуалистические концепции с указанием основных идей. Делается вывод о плодотворности дуалистической критики для развития философии сознания, в то же время подчеркивается внутренне напряжение, присущее самому дуализму.

Ключевые слова: аналитическая философия; сознание; проблема «body-mind»; дуализм; редуктивный физикализм.

Вопрос о сущности феномена сознания и его роли в конституировании мира человека относится к одной из фундаментальных проблем философии. Уже в Античности можно обнаружить ее первые формулировки и стратегии решения. В строгой форме проблема была поставлена в Новое время Рене Декартом. В работах Декарта выделяется онтологический аспект проблемы (что есть сознание и что есть материя) и каузальный аспект (каким образом сознание и физическое тело могут влиять друг на друга) [1]. Современная аналитическая философия наследует проблемное поле классической традиции, и философия сознания является одним из наиболее разработанных ее направлений. Указанная

проблема занимает важнейшее место в аналитической традиции под устоявшимся названием *body-mind problem* (проблема «сознание-тело»).

Сегодня существует огромное количество концепций, предлагающих определенный взгляд на проблему «сознание-тело» и перспективы ее решения. Диапазон оценок предельно широк: можно встретить мнения как о принципиальной неразрешимости проблемы [2], так и о ее тривиальности [3]. Большое значение имеет также междисциплинарность этой области знания – часто темы философского исследования пересекаются с проблемами лингвистики, когнитивной психологии, нейробиологии, теоретической физики. Опора на базис эмпирических наук стала неотъемлемой чертой аналитической философии, что также служит одной из причин многообразия стратегий решения проблемы «сознание-тело» и сложности их классификации. Тем не менее, представляется корректным выделить по крайней мере две традиционных парадигмы, с помощью которых возможно описание подавляющего большинства подходов к решению проблемы сознания: дуализм и монизм.

Дуализм как онтологическая позиция постулирует существование двух несводимых друг к другу начал – ментального и физического. Такая точка зрения имеет глубокие корни в истории западной философии. Дуалистической была концепция Платона и его последователей, в Средневековье дуализм души и тела был господствующим мнением в философской мысли благодаря христианству. Ответ, предложенный в Новое время Декартом, также был дуалистическим. Согласно его теории, в мире существует две субстанции – протяженная и мыслящая [1].

Очевидные успехи естественных наук в конце 19 – начале 20 веков сильно ослабили позиции дуализма в философской мысли, в том числе и в ранних этапах развития аналитической философии. Доминирующая стратегия того времени предлагала сведение (редукцию) психического к физическому и получила название редуктивного физикализма. Ее преимущества заключаются в экономичности и простоте; в то же время она сталкивается с затруднениями при объяснении субъективности сознания. Во второй половине 20 века все большее количество исследователей начинает указывать на недостаточность объяснительной схемы, предложенной жестким физикализмом. Важную роль в этой дискуссии сыграла статья американского философа Томаса Нагеля «Что значит быть летучей мышью?», вышедшая в 1974 году [4]. Нагель критикует редуктивный подход к изучению сознания, указывая на неспособность объективных научных методов описать заведомо

приватный субъективный мир. Даже исчерпывающие сведения об устройстве нервной системы летучей мыши не дадут нам понимания, каково это – быть ей. Нейрофизиология принципиально не способна дать объяснение психическим феноменам, а значит они не могут быть сведены к физическим.

В этом контексте представляется неслучайным тот факт, что именно нейрофизиолог сформулировал наиболее известную дуалистическую программу решения проблемы сознания 20 века. Нобелевский лауреат по физиологии и медицине Джон Экклс в соавторстве с выдающимся философом Карлом Поппером написал книгу «Личность и мозг», изданную в 1977 году. В этой работе, а также в последующих трудах, Экклс отстаивает «гипотезу о взаимодействии между мозгом и разумом» [5]. Отдельно взятая материальная система мыслить не способна, процессы, проходящие в сознании, Экклс объясняет существованием особых психических элементарных единиц – «психонов». «Психоны» передают сигналы нейронам коры головного мозга, запуская процессы мышления и воли [6]. Критику «научного материализма» Экклс производил, находясь в том же естественнонаучном лагере, что и большинство его оппонентов, и опираясь на множество экспериментальных данных.

Виднейшим теоретиком субстанциального дуализма в философии сознания в конце 20 – начале 21 века является британский философ Ричард Суинберн. Его аргументация также сочетает критику материализма и интерпретацию данных эмпирических наук. Основное внимание Суинберн уделяет каузальной роли сознания. С помощью подробного логического анализа философ показывает внутреннюю противоречивость представлений о каузальной замкнутости физического – позиции, которая предполагает наличие достаточной физической причины у каждого физического действия. Суинберн приходит к выводу, что «не только явления в мозге часто служат причиной ментальных явлений, но и ментальные явления (в том числе намерения) часто служат причиной явлений в мозге, и, таким образом, движений тела» [7, с. 14].

Дуализм в интерпретации Экклса и Суинберна тесно связан с традиционным христианством (оба мыслителя придерживаются религиозных убеждений), однако такая связь не является обязательной для всякой дуалистической концепции. Ярким подтверждением этого тезиса служит «натуралистический дуализм» Дэвида Чалмерса. Именно Чалмерс предложил ставшее общеупотребительным в аналитической философии разделение проблем сознания на «легкие» и «трудную проблему».

«Трудная проблема» связана с определением онтологического статуса сознания, с ответом на вопросы «почему вообще мозг порождает (и порождает ли) сознание? Что такое субъективный опыт?» Таким образом, философ разграничил компетенции философии и когнитивных наук, указав на то, что редуктивный физикализм просто «не относится к сознанию всерьез» [8, с. 8]. Согласно Чалмерсу, физические факты не дают достаточно оснований для существования субъективного опыта, поэтому сознание онтологически отлично от материальных систем, описываемых физикой. Свой дуализм он называет «натуралистическим», предполагая наличие «психофизических законов», которые определяют взаимодействие материи и сознания. Сознание Чалмерс относит к фундаментальным свойствам мира, из чего делает вывод о возможности панпсихизма. Следует также отметить, что в более поздних работах философ пересматривает взгляд на природу физического, склоняясь к чистому идеализму [9].

Несмотря на ограниченную в сравнении с физикализмом популярность, дуализм занимает в философии сознания важное место. В первую очередь он показывает затруднения материализма и уникальность феномена сознания. В то же время и самому дуализму свойственно внутреннее напряжение и некоторая избыточность. На это указывает советский и российский исследователь Д. И. Дубровский: «постулат субстанциального дуализма содержит в себе на самом деле два постулата: (1) о наличии двух субстанций и (2) о способности их взаимодействия между собой» [10, с. 44]. Философская мысль по природе своей направлена на поиск наиболее базовых закономерностей, а значит стремится к простоте объяснения. Необходимы веские причины для постулирования большего количества фундаментальных сущностей, чем одна. Тот факт, что концептуальные тупики материалистического монизма вынуждают мыслителей обращаться к дуализму, еще раз подчеркивает сложность проблем, связанных с сознанием.

Библиографические ссылки

1. *Декарт, Р.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1989. 654 с.
2. *McGinn, C.* Can We Solve the Mind-Body Problem? // *Mind*. No. 391(Vol. 98). Oxford: Oxford University Press, 1989, p. 349-366
3. *Серл, Д.* Открывая сознание заново. М: Идея-пресс, 2002. 256 с.
4. *Nagel, T.* What Is It Like to Be a Bat? // *The Philosophical Review*. Vol. 83, No. 4. Durham: Duke University Press, 1974. p. 435-450
5. *Eccles, J. C., Popper, K.* The Self and Its Brain: An Argument for Interactionism. New York: Routledge, 1984. 616 p.

6. Eccles, J. C. How the self controls its brain. Berlin: Springer-Verlag, 1994. 232 p.
7. Swinburne, R. Mind. Brain, and Free Will. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 248 p.
8. Чалмерс, Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: Либроком, 2015. 512 с.
9. Chalmers, D. J. Idealism and the Mind-Body Problem // The Routledge Handbook of Panpsychism. New York: Routledge, 2019. pp. 353-373
10. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: ИД Стратегия-центр, 2007, 280 с.

ПАНТЭОН ЯК ФІЛАСОФСКАЯ ПРАБЛЕМА

Ю. С. Барадзін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, г. Мінск;
yurij.kolizej@mail.ru*

*Навуковы кіраўнік – Крывалап Аляксей Дзмітрыевіч,
кандыдат культуралогіі, дацэнт кафедры культуралогіі*

У публікацыі аўтар звяртаецца да беларускіх і замежных філосафаў, паэтаў і пісьменнікаў. Праводзяцца вынікі даследавання язычніцкай міфалогіі ў філасофскім напрамку. Аб'ектам даследавання выступае пантэон багоў з філасофскага пункту гледжання, каб даказаць што дэміўргі сапраўды ўплываюць на развіццё падзей у свеце. Работ, якія асвятляюць дадзеную праблему у беларускім грамадстве, у адкрытым доступе ў цяперашні час не назіраецца. Дадзенае даследаванне можа выступаць асновай для правядзення далейшых даследаванняў. Паспех у навуковым даследаванні ў тым, што зноў даследуюцца навуковыя даследаванні. Калі міфалагічная свядомасць з'яўляецца першай формай светапогляду (у чалавеку прачынаюцца галасы старажытных продкаў і дэміўргаў), то філасофская свядомасць патрабуе доказу, што пантэон багоў сапраўды існуе.

Ключавыя словы: пантэон; міфалогія; вікінгі.

Абавязковай часткай міфалагічнага эпасу розных народаў з'яўляецца язычніцкі пантэон дэміургаў. У раннім старажытным свеце тлумачэннем прыроды была міфалогія. З міфалагічнага погляду, усе падзеі, якія адбываюцца ў свеце – невыпадковыя. Усімі працэсамі на зямлі, прыродай і ўсім жывым кіруе пантэон багоў. Воля багоў у язычніцкай міфалогіі з'яўляецца законам.

Мэта артыкула – раскрыць ролю язычніцкага пантэона ў філасофскай думцы беларускіх і замежных даследчыкаў філасофіі.

Рэлігія, звязаная з старажытнымі міфамі, з'яўляецца часткай філасофскай плыні. Продкі пакланяліся багам, і язычніцкая рэлігія ўключала ўключала ў сябе культы розных дэміўргаў. Знешне багі амаль не адрозніваюцца ад людзей. Але, у скандынаўскай міфалогіі багі – такія ж смяротныя як людзі. Паэт, філосаф і аўтар «Іліяды» - Гамер падкрэслівае, што калі чалавеку нававана перажыць боль ад страты, затым таксама сустрэць смерць, то багі ў адрозненне ад людзей ня ведаюць смутку [4, с.350]. Да чалавечых пачуццяў больш бліжэй багі скандынаўскай міфалогіі, што адлюстравана ў творах ісландскіх паэтаў Снорры Стурлусана «Малодшая Эдда» [8] і Сэмунда Мудрага «Старэйшая Эдда» [9]. Яшчэ да апошняга дня бітва паміж багамі і волатамі «Рагнарок» вярхоўны бог вікінгаў – Одзін ведае наперад, што яму нававана страціць прыгажэйшага з сыноў – бога вясны – Бальдра. Разам з вярхоўнай багінняй-маці Фрыг робіць усё магчымае, каб уратаваць жыццё сына, і Фрыг бярэ з усіх жывых і нежывых істот клятву, што ніхто з іх не нашкодзіць Бальдру. Нягледзячы на намаганні зрабіць Бальдра непаражалым, Локі з дапамогай амелы (адзінай расліны, якая не прыносіла клятвы Фрыг), і рукамі сляпога Хёда – брата Бальдра абрывае жыццё бога вясны. Одзін з цяжарам на сэрцы перажывае страту сына. Ведае зараней бог Усебацька і тое, што ў дзень «Рагнарок» будзе забіты ваўком Фенрырам. Адзінае, што падбадзёрвае вярхоўнага бога – гэта тое, што пасля заканчэння фінальнай бітвы паміж дабром і злом, Бальдр уваскрэсне і будзе кіраваць новым, адроджаным светам. Падобна, як Одзін і Фрыг стараліся да апошняга прадухіліць смерць сына, так і іншыя багі прадухіляюць дзень гібелі свету. Яны закоўваць ваўка Фенрыра ў ланцугі, і загадваюць павесіць Локі пад зямлёй, на скалах пад галавой ядавітай змяі, каб адпомсціць за забойства Бальдра [9, с.137]. Але пачварнаму ваўку як і яго бацьку – Локі нававана вырвацца ў апошні дзень вайны з багамі на свабоду, і паспрыць гібелі багоў. Падземны змей Ярмуганд, якога дагэтуль грамабой – Тор перамог молатам «Мельёнір», але не забіў, таксама далучыцца да фінальнай бітвы, якая знішчыць першапачатковы пантэон скандынаўскіх багоў. Новым адроджаным светам будуць кіраваць сыны Одзіна і Тора, працягваючы іх спадчыну. Такім чынам, нашчадкі загінуўшых у «Рагнарок» багоў, будуць працягваць радавод сваіх бацькоў. Магні і Модзі (сыны Тора), Валі і Відар (сыны Одзіна, багі помсты), на чале з Бальдрам будуць узначальваць новы скандынаўскі пантэон. Але на прыкладзе таго, што загіне першапачатковы свет вікінгаў, у скандынаваў адлюстравана непазбежнасць лёсу, ад якога не

ўцякуць ні людзі, ні багі, што апісвае беларускі паэт – Уладзімір Караткевіч ў філасофскім вершы «Рагнарадзі»:

*Словы паўночных паданняў
Годы амаль што згладзілі;
Словы прароцтва змрочнага,
Як ф'ёрдау начных берагі:
"Настане апошні дзень -
Бітва пры Рагнарадзі,
Ў якой загінуць героі,
Ў якой загінуць багі.
Будуць біцца да смерці,
Рыкам поўнячы горла,
Ў полі жалезным лягуць
Апошняй данінай мячам.
Не будзе ні пекла, ні рая,
Загінуць душы памёрлых,
А час зжуче іх даспехі,
А потым скончыцца сам
Годы мае,
Як строфы,
Строяцца ў моцным парадзе [5].*

Амерыканскі вучоны - Роберт Брамба ў творы «Філософы Древней Греции» падкрэслівае, што багі сварацца паміж сабой як людзі, выбіраючы сабе сярод смяротных фаварытаў і абараняючы іх. Так вярхоўны бог грэкаў – Зеўс Грамабой абараняў ад падступства Геры і замаху на жыццё свайго сына – Геракла. Затым, у гамераўскай «Іліядзе» алімпійскія дэміўргі раскалоліся на два бакі: тых, хто за грэкаў-ахейцаў, і тых, хто за траянцаў. Таксама, багі вельмі злаваліся, калі хто з смяротных не ўшанаваў іх належным чынам годнымі ахвярапрынашэннямі [2, с.6]. Старажытна-грэцкія філосафы – Арыстоцель [6] і Платон [7] высока ацэньваюць ролю міфаў у філасофіі як спробу чалавецтва зразумець усё, што адбываецца ў свеце. Старажытна-грэцкі філосаф Платон не прызнае некаторыя агульнанародныя ўяўленні пра багоў. Напрыклад, Платон лічыць, што не багі здольныя нашкодзіць чалавеку і прынесці яму няшчасце, колькі сам чалавек здольны самому сабе нанесці шкоду. Пантэон багоў, з пункту гледжання Платона, добрыя істоты, незалежныя ад зайздрасці [7]. Таксама, філосаф не падзяляе канцэпцыю аб тым, што багам не ўласцівыя такія пачуцці як смутак і радасць. Сакрат, аднак, не адмаўляе цалкам

язычніцтва, але прытрымліваецца такіх поглядаў, што бог – гэта чалавечая мудрасць і сусветны розум, а пантэон багоў – крыніца ўніверсальнага розуму як вышэйшай свядомасці ў духоўнай філасофіі [10]. Нямецкі філосаф-крытык – Фрыдрых Ніцшэ не пагаджаецца з пазіцыяй Сакрата, і лічыць, што яго канцэпцыя падрыхтавала глебу для з’яўлення хрысціянства, якое прыйшло на змену язычніцтву [11]. Нямецкі філосаф – Гегель падкрэсліў, што нягледзячы на паступовае выцясненне язычніцтва хрысціянствам, канчаткова яго перамагчы не атрымалася. На погляд філосафа, язычніцтва – рэлігія свабодных народаў, якую немагчыма сілай адарваць ад сэрца, розуму і свядомасці таго ці іншага народу [3]. Галоўнай рысай пантэону язычніцкай рэлігіі ёсць свабода, як агульны настрой грэкаў, рымлян і іншых народаў, паколькі ў эпоху сярэднявечча, пачынаючы з X ст., калі на змену язычніцкаму пантэону прыйшла хрысціянская царква, яна, насупраць, праз знішчэнне старажытных багоў і барацьбу з тымі, каго таксама ў эпоху існавання інквізіцыі прызналі ерэтыкамі, падаўляла духоўную свабоду.

Беларускі філосаф Ігнат Абдзіраловіч у творы «Адвечным шляхам» адзначае, што беларускі народ, будучы калісьці ў складзе Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі, вагаўся паміж Захадам і Ёсходам, але канчаткова не прымае ні ўсходнюю, ні заходнюю культуру. Беларусаў успрымалі як каталікоў альбо праваслаўных, грамадзянаў Польшчы альбо Расеі. Але ў духоўным жыцці беларускага народу захоўваецца ідэал і перакананне язычніцкай веры [1, с.7]. За доўгія стагоддзі прыгнёту і здзеку беларусы ўсё роўна адчувалі свае незадавальненне, і жаданне быць самі сабой. Непрыхільнасць беларусаў да ўсходняй і заходняй цывілізацый з’яўляецца адной з галоўных рысаў, што бачна на прыкладзе прыхільнасці да язычніцкай веры нават у часы Вялікага княства Літоўскага, нягледзячы на тое, што беларусы апынуліся паміж лацінскім і візантыйскім ўзорами. З пункту гледжання Ігната Канчэўскага, паміраў пантэон язычніцкіх багоў, а новую рэлігію канчаткова так і не прызнаў беларускі народ.

Па выніках праведзенага даследавання можна прыйсці да высновы, што нягледзячы на некаторыя разыходжанні ў думках і поглядах філосафаў адносна ролі дэміўргаў у духоўнай культуры і ў грамадстве, яны не адмаўляюць пантэон язычніцкіх багоў як частку філасофскай культуры. Філасофія вылучаецца з міфалогіі як самастойная форма духоўнага засваення свету, а міф, паўплываўшы на філасофскі светапогляд, і з’яўляючыся формай светапогляду, асэнсоўвае рэчаіснасць і знаходзіць свае адлюстраванне ў філасофіі. Філасофія не выкрэслівае ролю рэлігіі і

культ дэміўргаў, а імкнецца даказаць, што пантэон багоў не прыдуманы людзьмі. Такім чынам, філасофія Гегеля, Роберта Брамба, Фрыдрыха Ніцшэ, Ігната Абдзіраловіча (Канчэўскага), а таксама язычніцкі эпас Гамера, і творы ісландскіх пісьменнікаў - Снорры Стурлусана і Сэмунда Мудрага, паспрыялі захаванню язычніцкага пантэону праз філасофскае разуменне свету.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Абдзіраловіч, І.* Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага светапогляду / Прадмова С. Дубаўца. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
2. *Брамбо, Р. С.* Философы Древней Греции / Пер. с англ. Л.А. Игоревский. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. – 347 с.
3. Гегель и религия [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://studizba.com/files/show/doc/164327-3-29939-1.html>. – Дата доступу: 20.04.2022.
4. *Гомер.* Илиада / Пер. с древнегреч. Н.Гнедича. – М.: Худож. Лит, 1986. – 384 с.
5. *Караткевіч, У.* Рагнарадзі Рэжым доступу: https://knihi.com/Uladzimir_Karatkievic/Rahnaradzi_audio.html – Дата доступу: 20.04.2022.
6. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://psylib.org.ua/books/lose004/txt44.htm>. – Дата доступу: 20.04.2022.
7. *Линицкий, П. И.* Учение Платона о божестве [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://www.plato.spbu.ru/PROJECTS/rusplat/linitsky_1.htm . – Дата доступу: 20.04.2022.
8. Младшая Эдда / Пер. с древнеисл. О.А. Смирницкой. – Ленинград: Наука, 1970. – 253 с.
9. Старшая Эдда: Эпос / Пер. с древнеисл. А. Корсуна. – СПб.: Азбука, 2000. – 464 с.
10. Телеология Сократа [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://fil.wikireading.ru/25109>. – Дата доступу: 20.04.2022.
11. Философия религии Ф.Ницше [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://studme.org/225622/religiovedenie/filosofiya_relighi_nitsshe. – Дата доступу: 20.04.2022.

СЕКЦИЯ 6. ЭТИКА И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ Т. АДОРНО И Х. АРЕНДТ КАК ОТВЕТ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТЯСЕНИЯ XX ВЕКА

Г. В. Вышедко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

gleb.vv7@gmail.com

*Научный руководитель – Беляева Елена Валериевна,
доктор философских наук, профессор*

В работе раскрыта взаимосвязь социокультурных потрясений XX века и формирования этики ответственности. Сделан вывод о логичном и последовательном появлении данного феномена. Классическая этика, а именно воззрение об автономном моральном субъекте, не смогла предотвратить мировых войн и тоталитарных режимов XX века. Эти социокультурные потрясения и неспособность идейно ответить на них послужили предпосылкой создания новой этики: этики ответственности.

Ключевые слова: классическая этика; этика ответственности; моральный субъект; Т. Адорно; Х. Арндт

Отголоски событий Второй Мировой Войны эхом пронесли по всему миру. Множество мыслителей пыталось ответить на парадоксальный вопрос: каким образом просвещенный разум не смог уберечь человека от злодеяний. Почему классическая этика не смогла предотвратить ужасов и потрясений первой половины XX века? Данная проблема получила свое отражение в произведениях философов XX века Ж.-П. Сартра, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Х. Арндт, К. Ясперса

Цель данной работы – охарактеризовать взаимосвязь между появлением этики ответственности и контекстом социокультурных потрясений XX века.

Сущность этики ответственности в ее отличии от классической этики сформулирована, в частности, Т. Адорно: «Этика ответственности – это такая этика, которая ставит вопрос о последствиях, не удовлетворяясь одной только чистой волей, которую Гегель и в известной степени Ибсен изобличали как обман, как то, на что нельзя полагаться» [1, с. 186].

Классическая же этика убеждения, видным представителем которой был Иммануил Кант, связывала абстрактный разум и нравственные нормы. Разум обязывал следовать морали, которая бы подходила для всего человечества, в любом временной точке, при любых обстоятельствах. Таким образом, такое понимание допускает полный диктат разума. Более того, классическое понимание этики (ethos) индивида состоит в том, что он «...живет, следуя лишь своему собственному этосу, своему собственному складу, если он, прибегая к напыщенным фразам, реализует себя, громогласно заявляет о себе, то такой человек ведет правильную жизнь. Но это – пустая иллюзия и идеология в чистом виде» [1, с.187]. Потому этика убеждения, как пишет Т. Адорно, исходит только из чистой воли, высшая инстанция которой – внутренний мир морального субъекта. В сущности, такой автономный моральный субъект не препятствовал возникновению войн или становлению тоталитарных режимов. Ибо автономный моральный субъект сам себе полагает законы, устанавливает моральный закон, по которому будет действовать в дальнейшем. Классическая этика говорит, что только лишь освободившись от внешних обстоятельств, изменить которые субъекту не под силу, он обретает свободу. В ином случае субъект становится зависимым от обстоятельств, а он сам грозит быть захваченным аффектами. Потому не только такие проявления аффектов, как стремление ощутить счастье, но и такие общечеловеческие эмоции, как симпатия и сострадание, являются лишь «балластом» на пути к чистому разуму. Закон, по которому поступает субъект, в основе своей скрытно направлен на подавление свободы: он не предполагает исключений, содержа в себе элемент тоталитарности. Таким образом, субъект, стремясь стать свободным, лишь напротив ещё больше упрочивается в своей несвободе.

В противоположность вышеприведенному идея ответственности предлагает «...этику, стремящуюся к тому, чтобы при каждом шаге, который мы совершаем, при каждом шаге, который считается необходимым для исполнения требования блага и справедливости, задумываться также и о том, каков эффект этого шага, словно бы этот шаг уже сделан. То есть речь идет не просто о поведении исключительно на основе чистого убеждения, но и об одновременном признании в качестве позитивного начала цели, намерения и образа нашей деятельности» [1, с.185]. Такая новая философия морали, по мнению Т. Адорно, прежде всего, должна быть направлена на осознание положения вещей, иначе говоря осознание противоречия в вещах, нахождение сил не

отворачиваться от них, вместо того чтобы позволять им с помощью более или менее «основанного на логике» процесса творить из мира все, что заблагорассудится. Исходом данного процесса является возникновение ответственности у осознающего субъекта.

В качестве примера такой ответственности Адорно приводит разговор с участником неудачного заговора в нацистской Германии 20 июля 1944 года. «Однажды во время беседы я спросил его: “Вы хорошо знали, что шансы на успех вашего заговора были минимальны. Вам также должно было быть хорошо известно, что, когда вас поймают, вас ждет смерть столь ужасная, что это даже сложно себе представить. Как же вы смогли отважиться на действие?” И тогда этот человек – вы все хорошо знаете его имя, так что у меня нет необходимости его называть – сказал мне: “Бывают ситуации столь невыносимые, что вы уже больше не в состоянии содействовать царящему злу. И вам все равно, что произойдет потом и была ли у вас возможность поступить как-то иначе”» [1, с. 12]. Таким образом, «героями» новой этики становятся субъекты, которые осознают последствия своих решений – иными словами они принимают на себя ответственность.

В противоположность им ставятся примеры безответственных действий, которые ставили под угрозу либо же вовсе являлись причиной уничтожения множества человеческих жизней. Наиболее репрезентативный пример – пример Адольфа Эйхмана. Ханна Арендт в произведении «Банальность Зла. Эйхман в Иерусалиме» не только описывает процесс суда над немецким преступником, но и проводит анализ его жизненного пути. Как поясняет Арендт, пример Эйхмана важен не только в силу отказа субъекта от ответственности в критической ситуации, но и как проявление настроения всего немецкого общества нацистского периода. «Немецкое общество, состоявшее из восьмидесяти миллионов человек, так же было защищено от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью, которые стали сутью его, Эйхмана, менталитета. Эта ложь с годами видоизменялась, очень часто противоречила самой себе, более того, она была разной: одной для различных ветвей партийной иерархии и другой — для всего остального народа. Но практика самообмана была до такой степени всеобъемлющей, почти превратившейся в моральную предпосылку выживания, что даже теперь, через восемнадцать лет после падения нацистского режима, когда большинство специфических деталей его лжи уже забыты, порою трудно не думать, что лицемерие стало составной частью немецкого национального характера» [2, с. 86]. Вина

конкретно Адольфа Эйхмана состояла в том, что он непосредственно принимал участие в работе концлагерей, которые истребляли сотни тысяч евреев. В суде Эйхман прибегал ко множеству оправданий. Одним из них было утверждение, что он просто делал свою работу, которая от него зависела. Сам по себе, в одиночку, якобы он не мог повлиять на хоть какие-либо злодеяния. Тем не менее, Х. Арендт напоминает, что у него были средства повлиять каким-либо образом на ситуацию. Так, Эйхман гордился одним из своих поступков: он якобы помог заключенному Освенцима Шторферу, который предпринимал попытку сбежать, подыскав ему работу подметать дорожки, облегчив ему страдания. Но вскоре этого деятеля еврейской общины расстреляли. «Имеем ли мы здесь классический случай лицемерия, или это проявление самообмана, замешанного на чудовищной глупости? Или это столь же примитивный пример нераскаявшегося преступника, который не в состоянии взглянуть в лицо реальности, поскольку его преступление – это и есть часть реальности?» [3, с. 86]. Одно наверняка этика ответственности обнаружила: примирение с ужасающей реальностью, попытка сбросить свою ответственность за выбор неизбежно ведет к чудовищным последствиям. В частности, принятие немецкой нацией идеи «Битвы за немецкий народ», было грандиозным самообманом, состоящим в том, что: «Во-первых, что война – это вовсе не война, во-вторых, что развязали ее судьба, рок, а не сама Германия, и, в-третьих, это вопрос жизни или смерти для немцев, которые должны полностью уничтожить своих врагов, а то враги полностью уничтожат их самих» [3, с. 87]. Противоядие данному представлению состоит в самопостижении себя, которое приводит к осознанию ответственности, как за свои личные поступки, так и ответственности перед всем человечеством.

Таким образом, данное исследование:

- показало взаимосвязь между мировыми войнами и тоталитаризмом в просвещенной Европе середины XX века, кризисом классической этики, которая не смогла их предотвратить, и появлением этики ответственности как ответа на социокультурные потрясения;

- охарактеризовало этику ответственности, которая в отличие от этики убеждения, оперирует не концептом автономности личности, но понятием ответственности; ответственность предполагает осознание последствий своего выбора, не только для самого субъекта, но и потенциально для всего человечества.

Библиографические ссылки

1. *Адорно, Т.* Проблемы философии морали / Т. Адорно ; пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М. : Республика, 2000. – 239 с.
2. *Арендт, Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. / Х. Арендт ; пер. с англ. С. Кастальского, Н. Рудницкой. – М. : Европа, 2008. – 424 с.
3. *Арендт, Х.* Ответственность и суждение / Х. Арендт ; пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. – М. : Институт Гайдара, 2013. – 352 с.

МИРОТВОРЧЕСТВО КАК ЧАСТЬ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА

О. Ю. Кнаус

Институт философии Национальной академии наук; г. Минск;

knausoxana1323@gmail.com

Научный руководитель – Санько Сергей Иванович,

кандидат философских наук, доцент

В статье исследуются миротворческие интенции религий как основание к межрелигиозным коммуникациям. Рассмотрены принципы построения и препятствующие факторы миротворческого диалога.

Ключевые слова: миротворчество; межрелигиозный диалог; религии; фундаментализм; Православная церковь; Римо-католическая церковь.

Перед Второй мировой войной в среде римо-католических богословов было понимание необходимости созыва следующего Вселенского собора. Новоизбранный Папа Иоанн XXIII в 1959 г. объявил о намерении созыва Второго Ватиканского собора (1962-1965 гг.) и одной из его задач определил поиск единения среди христиан. Тема мира активно дискутировалась на Соборе и подробно трактовалась в принятой в 1965 г. папской конституции собора «*Gaudium et spes*». Новое понимание находят и учения о религиозной свободе и принципах межрелигиозного диалога (как с христианскими конфессиями, так и другими религиями), которые закреплены в декларациях «*Dignitatis humanae*», «*Unitatis redintegratio*», «*Nostra aetate*». Второй Ватиканский собор дал мощный импульс для ведения богословского диалога с Восточной традицией христианства, иными христианскими течениями и религиями. На этой почве зарождаются многочисленные контакты Римо-католической церкви с Православными Поместными церквями. Поворотным событием в

коммуникациях между конфессиями стала встреча в 1964 г. Папы Павла VI и Патриарха Константинопольского Афинагора в Иерусалиме. Итогом встречи стало снятие взаимных отлучений в 1054 г. Однако подписанная декларация главами Церквей не восстанавливала евхаристического общения, а была «жестом справедливости». Начался путь к постепенному преодолению трудностей диалога и конструктивной коммуникации между христианскими конфессиями.

Христианство, как и большинство религий считают содействие укреплению мира – одной из своих важных задач. В обществе присутствует амбивалентное отношение к миротворческим интенциям религий. Речь идет о конфликтах и войнах на религиозной почве, которых мировая история знает множество. Особенно критикуются монотеистические религии, с их эксклюзивистскими верованиями, в том, что они являются нетерпимыми к инакомыслию. Поэтому в плюралистическом контексте постмодернистского общества находит поддержку новый политеизм, выражением которого является течение «New Age».

С другой стороны, нужно констатировать, что в том числе из-за мирового кризиса ценностей возникли различные фундаменталистские течения: в христианском контексте – идеи русского мессианства, отказ от какой-либо герменевтики Священного Писания; в иудейском контексте – со ссылкой на Ветхий Завет и обещание от Бога иудейскому народу Земли Обетованной желают восстановления Израиля в максимальных исторических границах; в исламском контексте, где доходит до террористических актов во имя Аллаха и созданию экстремистских организаций, главной целью, которых является джихад (священная война). [1, с. 30]. На этом фоне трактат «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» Самюэля Хантингтона после террористической атаки на Всемирный торговый центр (2001 г.), террористического акта в Беслане (2004 г.) и других подобных трагедий приобрел особую актуальность.

Обозначив проблему религиозного фундаментализма хочется обратиться и ко вкладу религий в дело мира. Если под миром понимать не только отсутствие войны, но и определять его как религиозная толерантность, то тогда уже по этому признаку правомерно называть религиозные организации, стремящиеся к этому принципу – миротворческими. На первый взгляд нерешенным может остаться вопрос межрелигиозного диалога, исходя из того, что каждая религия

придерживается, что она обладает истинным учением, которое отличает её от других. Миротворческий диалог может вестись вне контекста теологических разногласий. Близость этических и нравственных позиций различных религий, опирающихся каждая на свою собственную доктрину, способна объединить их для плодотворного сотрудничества в деле достижения мира в обществе. Целями миротворческого диалога являются: выявления миротворческого потенциала религий и конфессий, избавление от ложных представлений друг о друге, призыв общества к миру.

В июне 1977 года в Москве прошла Всемирная Конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами». На Конференции прозвучал призыв объявить годами мира время, оставшееся до начала третьего тысячелетия от Рождества Христова. В работе конференции приняли участие представители различных христианских Церквей и исповеданий из 107 стран мира. Мирные инициативы Конференции были поддержаны руководителями различных религий – мусульманской, иудейской, буддийской, индуистской, синтоистской и другими участниками этого межрелигиозного миротворческого форума.

К 1980-м годам отношения между СССР и США значительно обострились. Блок НАТО принял решение установить в странах Западной Европы ракеты с ядерными боеголовками, которые должны были быть нацелены против подобных ракет стран Варшавского договора. В эти годы проходили различные мирные демонстрации и появлялись послания различных религиозных лидеров и объединений о мире. Общество всерьез волновала высокая вероятность ядерной войны.

Всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», проходившая в мае 1982 г. в Москве стала центральным событием религиозной миротворческой деятельности. В годы возрастания международной напряженности и нарастания милитаристских настроений представители различных религий мира обратились к мировой общественности в защиту жизни перед угрозой опасности ядерной катастрофы. В трех документах Конференции была изложена позиция религиозных лидеров о действиях государств, стремящихся увеличить вооружение и призыв к руководителям государств немедленно положить конец милитаризации Земли. В документах были изложены пути и конкретные действия для выхода из сложившегося положения для снижения напряженности в обществе [4]. Конференцию

всемирного масштаба предваряли большое количество межрелигиозных встреч и обсуждений. Председателем международного подготовительного комитета, а затем и председателем Всемирной конференции был избран митрополит Филарет (Вахромеев), первый Патриарший Экзарх всея Беларуси, Герой Беларуси. В работе конференции приняли участие более 590 делегатов от разных религий и конфессий из 90 стран. По итогам конференции были разосланы Обращения к заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР Василию Васильевичу Кузнецову и Президенту США Рональду Рейгану. Продолжением Всемирной конференции в Москве стали другие антивоенные миротворческие мероприятия международных уровней.

Со второй половины XX века религии уделяли большое внимание глобальным проблемам человечества. Межрелигиозные конференции проходили на тему мира и примирения в разных точках Земли (в 1951 г. прошла первая миротворческая конференция «Всесоюзная конференция сторонников мира», после войны в бывшей Югославии в 1997 г. прошла II Европейская экуменистическая ассамблея «Примирение» в Граце, проводятся ежегодные Саммиты мировых религиозных лидеров и др.) и межрелигиозного мира в целом и в регионах (в 2005 г. прошла конференция «Право на свободу вероисповедания в зонах конфликтов», посвященная положению религии в Абхазии, Приднестровье, Южная Осетия и Нагорным Карабахе [3], 2011 г. – Международная конференция «Свобода вероисповедания: проблема дискриминации и преследования христиан» и др).

Миротворческий диалог религий высоко ценится в светском обществе. В документах Парламентской ассамблеи Совета Европы говорится: «Ассамблея поощряет межкультурный и межрелигиозный диалог, основанный на универсальных правах человека, равенстве и взаимоуважении... целью которого является развитие терпимости, доверия и взаимопонимания, что имеет жизненно важное значение для укрепления социального согласия, международного мира и безопасности» (2006 г.). [2, с. 242].

За последние годы ввиду совокупности факторов произошло оскудение подлинного богословского межрелигиозного диалога, а следовательно, и общих миротворческих инициатив. Религиозный вопрос в Украине на протяжении долгого времени требует богословского диалога как между Поместными Православными церквями, так и с Римско-католической церковью. В условиях попытки внесения в Верховную Раду Украины

законопроекта запрещающего деятельность Украинской Православной Церкви Московского Патриарха в Украине и общественной напряженности, религиозные лидеры конфессий должны выработать приемлемую позицию для всех сторон, чтобы религиозный вопрос не стал еще одним объектом конфликта.

Библиографические ссылки

1. Гользер К. Вклад религий в дело мира в контексте соборного процесса за справедливость, мир и сохранение творения // Кафоликия. – 2005. – №2. – С. 29–33.
2. Мельник С. В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации: монография / С.В. Мельник; РАН. ИНИОН, Отд. философии; – Москва, 2022. – 398 с.
3. Официальный сайт Московского Патриарха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/40453.html/> . – Дата доступа: 08.04.2022.
4. Слово митрополита Минского и Белорусского Филарета на открытии заседаний «круглого стола» // Журнал Московской Патриархии. 1983. № 5. С. 40–42.

ПОЗИТИВНАЯ И ОБРАТНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. А. Лазаренко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nastya.lazarenko.2015@gmail.com

Научный руководитель – Беляева Елена Валериевна,

доктор философских наук, профессор

В статье рассматриваются феномены позитивной и обратной дискриминации как этическая проблема. Исследований, посвященных данным феноменам на постсоветском пространстве пока недостаточно. Продемонстрировано проявление позитивной и обратной дискриминации на конкретных общественных прецедентах. Показано, что толерантность становится одной из главных ценностей в современном мире, при этом ее реализация приводит к противоречивым последствиям. Обозначена проблема этической оценки толерантности. Обоснована необходимость системной философской рефлексии над данными проблемами и их тщательной этической экспертизы.

Ключевые слова: благо, дискриминация, обратная дискриминация, позитивная дискриминация, новая этика, толерантность.

С развитием и переплетением различных сфер человеческой жизни, в современном мире начинают проявляться все больше проблем, связанных

с неоднозначным отношением к людям, принадлежащим к определенной социальной группе: этнической, демографической и т.д. Негативное отношение к чужому, ксенофобия, приводят к практическим социальным действиям по ущемлению интересов таких групп, т.е. дискриминации. Неоднозначность определения дискриминации, а также противоречивость ее видов порождают дискуссии, как в политико-правовой, так и в этической сфере. Данные феномены – явления актуальные, однако на постсоветском пространстве специализированных исследований относительно мало, они не носят системного характера. В связи с этим, необходимо сделать шаги по рассмотрению этих современных процессов трансформации общественных отношений, а также последствий, к которым они могут привести. Особый интерес представляют обратная и позитивная дискриминация, которые стали объектом данного исследования, предметом которого выступают этические проблемы, связанные с данными феноменами.

Понятие «дискриминация» встречается в современной культуре достаточно часто. Дискриминация – ограничение прав и свобод человека, неравное отношение по отношению к какой-либо социальной группе на основании определенного признака (пола, расы, соц. положения и т.д.) в уничижительном ключе. Таково определение прямой дискриминации, которая рассматривается в цивилизованном обществе как зло. Всеобщая декларация прав человека утверждает необходимость бороться со всеми, в том числе вновь возникающими, видами дискриминации.

Феномены позитивной и обратной дискриминации возникают как реакция на прямую дискриминацию и становятся острой проблемой социальной этики и общества в целом. Обратная дискриминация – это практика негативного отношения к членам доминирующей группы или большинства в пользу членов групп меньшинств. В качестве примера можно указать на возросшую критику «белого» населения США после распространения движения «Black Lives Matter». Его сторонники считают, что осуждения за расизм больше недостаточно, проявляя обратную дискриминацию, необходимо добиваться от другого не столько сочувствия, сколько признания собственной вины, признания за собой расистских проявлений просто в силу принадлежности к белой расе. Проблематизация этого вида дискриминации связана с недостатками в юридическом определении позитивной дискриминации, а также со злоупотреблением правовыми преимуществами, которые предоставлены ранее дискриминируемым меньшинствам. В этическом плане обратная

дискриминация опирается на концепцию архаическую коллективной вины, которая мало подходит для современного индивидуализированного общества.

Позитивная дискриминация – меры по предоставлению преимущественных прав или привилегий для определенных групп населения, которые применяются для достижения равенства в должностях, уровне образования, доходах для представителей разных полов, рас, этносов, конфессий, сексуальных ориентаций и прочее [2]. Политика позитивной дискриминации поддерживает членов группы, которая находится в неблагоприятном положении и ранее подвергалась дискриминации. Исторически и глобально это направлено на достижение таких целей, как преодоление неравенства в сфере занятости и оплаты труда, расширение доступа к образованию, поощрение разнообразия и устранение очевидных исторических ошибок и моральных несправедливостей. Примером данного явления могут являться льготы на места в учебных заведениях США для афроамериканцев и граждан латиноамериканского происхождения. С этической точки зрения данная практика опять-таки опирается на стремление искупить коллективную вину, независимо от пороков и заслуг отдельных личностей.

Феномены позитивной и обратной дискриминации становятся объектами дискуссии в так называемой «новой этике». Ее характеризует «моралистический поворот общественного сознания и общепринятых ценностных установок от колониализма, расизма, сексизма и других форм империализма» [1, с. 91–92]. Она включает нравственные установки, противоположные традиционным ценностям: предполагает индивидуализацию и персонализацию моральной практики, акцентирует внимание на отдельном человеке, его нравственном отношении к миру, не зависящем от принадлежности к группе; трансформирует понятия меньшинства и большинства, так как эти понятия неприменимы при совершении нравственного поступка, а также осуществляет движение от частного к общему, т.е. от конкретной проблемы индивида к ее глобальному проявлению, в чем и заключается новизна данного этического течения.

Следуя «новой этике» и анализируя множество общественных прецедентов, можно говорить о возрастании таких ценностных ориентаций как «толерантность» и «политкорректность». Именно они становятся критерием блага и проявлением блага отношения к другому. Однако, с преувеличением их значения встает множество проблемных

вопросов не только в сфере обыденной жизни и юридической документации, но и самой этики как философской дисциплины.

Проблема состоит в том, что, собственно, понимать под дискриминацией, какие есть границы допустимого в поступках, словах, и почему даже простые рассуждения относительно оценивания поступков той или иной группы могут быть восприняты как неблагоприятное поведение? Практика толерантности довольно противоречива, как в политико-правовой сфере, так и в сфере чисто нравственных принципов. К примеру, взять уже упомянутые «позитивные действия», способствующие осуществлению культурного и расового разнообразия в высших учебных заведениях. Определенное количество мест официально закреплено определенными заведениями, которое отводится именно привилегированному, в данном случае, меньшинству. При условии равного количества баллов у двух студентов, но при их разной расовой принадлежности, выбор должен быть сделан в пользу представителя ранее угнетаемой группы. Даже комментарий по поводу несправедливости данной системы может подвергнуться осуждению. Это определенно является благом для людей, ранее не имевших возможностей, или же имевших гораздо меньше возможностей для доступа к образованию. Но насколько такой подход может быть справедливым по отношению к отдельному индивиду и способствовать трансформации нравственных мотивов внутри него?

Очевидно, что такого рода действия могут являться позитивными только на короткий промежуток времени. Внешняя форма принуждения к толерантности и общественным регуляторам, порой даже абсурдным, может, наоборот, отталкивать индивида от определенного морального решения. К индивидам, которые не подходят под критерии толерантного поведения в обществе, будет разворачиваться нетолерантное отношение, игнорирующее их как субъектов этических решений. Только воспитание внутреннего нравственного принципа наряду с изменением социальной структуры может способствовать изменению человеческих убеждений.

Таким образом, феномены позитивной и обратной дискриминации ярко проблематизируются в современных общественных и этических дискуссиях. Новая этика становится главным центром для проведения исследований в этой области. Процессы возрастания роли толерантности и внутренних общественных противоречий требуют глубокого и системного анализа не только в политико-правовой сфере, но и в этической экспертизе. Поскольку практики дискриминирования поднимают

множество неоднозначных вопросов, в особенности – понятия блага и его проявления на современном этапе развития общества. Понимание чрезвычайной важности данных проблем должны способствовать их актуализации, разумному и тщательно обоснованному выбору целей и методов данных исследований.

Библиографические ссылки

1. Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 58. – С. 91–106.
2. Positive discrimination // A Dictionary of Gender Studies, ed. by Gabriele Griffin. - Oxford : Oxford University Press. – 2017. – P. 124–126.

ПРОБЛЕМА ПРОРАБОТКИ ПРОШЛОГО В РАБОТАХ Х. АРЕНДТ И Т. АДОРНО

Б. Ф. Лившиц

Белорусский государственный университет, г. Минск;

bronislavaliv@mail.ru

*Научный руководитель – Беляева Елена Валериевна,
доктор философских наук, профессор*

В статье рассматриваются концепты проработки прошлого и исторической ответственности как этическая проблема. Проанализированы подходы Х. Арндт и Т. Адорно к разработке обозначенных концептов. Показано, что проработка прошлого становится неотъемлемой частью новых демократических государств. Обозначена проблема этической оценки проработки прошлого. Обоснована необходимость системной философской рефлексии над данными проблемами и их тщательной этической экспертизы.

Ключевые слова: проработка прошлого; коллективная ответственность; личная ответственность; вина; демократическая культура.

В 1963 была впервые опубликована статья Теодора Адорно «Что значит «проработка прошлого»?», однако вопрос, вынесенный в её заглавие, всё ещё нуждается в прояснении. Целью данной статьи является прояснение концепта проработки прошлого, а также связанного с ним концепта исторической ответственности, на основе сравнения идей Т. Адорно в статье «Что значит «проработка прошлого»?» [1] и идей Х. Арндт, высказанных в работах «Ответственность и суждение» [2], «О насилии» [3].

В современном публичном общественно-политическом дискурсе в западных странах немецкое слово, означающее «преодоление прошлого», употребляется исключительно в отношении ФРГ и Третьему рейху. Что же касается концепта «проработка прошлого», возникшего позже и восходящего к уже упомянутой статье Т. Адорно, то он имеет более широкую область распространения, не ограничиваясь только ФРГ. Под «проработкой прошлого» следует понимать целый комплекс преобразований, ориентированный на критическую работу над памятью о прошлом и осуществляющийся в трех направлениях: принятие необходимых нормативно-правовых актов, направленных на установление ответственных за преступления тоталитарного режима и пресечение их повторения в дальнейшем; освобождение властных структур от потворствующих террору элит; «проведение масштабной образовательной и информационной политики, направленной на изменение отношения общества к своему прошлому, осознанию “продолжения прошлого в настоящем” и моральной переоценке прошлого и его институтов» [4, с. 22]. Опыт переосмысления и проработки прошлого является неотъемлемой частью демократической культуры и необходим для усиления демократических институтов в государствах, недавно пришедших к демократии. Основопологающими требованиями со стороны общества при проработке прошлого являются открытие исторической правды, а также выявление и наказание ответственных за преступления, совершенные в прошлом. Однако проблема субъектов и меры ответственности остается дискутируемой.

Вопрос о личной ответственности человека при тоталитарном режиме разбирала в своих работах Х. Арендт. По мнению философа, несмотря на абсолютное господство политического режима во всех сферах жизни общества, в тоталитарном обществе перекладывать ответственность с человека на систему так же неправильно, как и исключать влияние системы на человека. «Тоталитарное общество, которое следует отличать от тоталитарного правительства, полностью монолитно. Нет ни одной хоть сколько-нибудь общественно значимой должности, ни одной профессии, от рекламы до юриспруденции, от театра до спортивной журналистики, от преподавания в начальной и средней школе до науки и университетской профессуры, от представителей которой не требовалось бы безоговорочной поддержки принятых принципов управления. Любой, кто участвует в публичной жизни, независимо от того, принадлежит ли он к партии или к правящей элите, так или иначе, вовлечен во все деяния

режима в целом» [2, с. 65-66]. Таким образом, непричастность к преступлениям может быть достигнута только с помощью полного отказа от публичной жизни и от какой-либо политической ответственности. Нахождение в тоталитарной системе, однако, не означает, что человек не может нести личную ответственность. Более того, он даже обязан нести личную ответственность, так как без этого не возможен сам человек.

Можно ли считать человека ответственным за то, что он не совершал, за действия других людей, в ситуации отсутствия выбора условий и обстоятельств? Согласно мнению Х. Арендт, да, ведь каждый народ несет коллективную ответственность за своё прошлое. Коллективная ответственность имеет, в первую очередь, политический характер, тогда как личная ответственность связывается с моралью. Х. Арендт пишет о коллективной ответственности следующее: «каждое правительство несет [ответственность] за все решения своих предшественников, а каждый народ – за свершения и прегрешения прошлого» [2, с. 58]. Таким образом, существуя в обществе, человек опосредованно является носителем коллективной ответственности за то, чего лично не делал, так как чувствует себя вовлеченным в события и причастным к ним. «Никакие моральные – индивидуальные и личностные – нормы никогда не снимут с нас коллективную ответственность» [2, с. 217]. Выйти из поля политической или коллективной ответственности можно только пребывая в полной изоляции от общества.

Однако, согласно мнению Х. Арендт, коллективная ответственность не должна порождать вину за то, чего человек не делал: «там, где виноваты все, не виновен никто; признания в коллективной вине – это лучшая гарантия против обнаружения настоящих виновных, а сам масштаб преступления – лучшее оправдание для бездействия» [3, с. 75]. В противовес ответственности вина возможна только индивидуальная. «Вина и невиновность имеют смысл только в отношении отдельной личности» [2, с. 60]. Таким образом, проработка прошлого, должна состоять в том, чтобы признать коллективную ответственность за преступления, совершенные в прошлом, а также установить виновных, не экстраполируя личную вину непосредственных акторов на весь народ.

Вопросу о коллективной вине уделяет внимание и Т. Адорно: «то и дело ссылаются на так называемый «комплекс вины», часто намекая на то, что он на самом деле возник лишь в результате конструирования представления о коллективной вине немцев» [1, с. 37]. Философ называет коллективную вину фиктивной и пишет о том, что «порой и победителей в

войне называют виновниками того, что творили проигравшие, когда еще были у власти, а за преступления Гитлера, оказывается, должны отвечать те, кто стерпел его приход к власти, а вовсе не те, кто приветствовал этот приход ликованием» [1, с. 37].

Адорно пишет о том, что «от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно и потому что если за вину и насилие всегда расплачиваться виной и насилием, то чувству страха не будет конца» [1, с. 38]. Однако он однозначно утверждает, что прошлое нельзя забывать, исторический опыт необходимо подвергнуть серьезному критическому переосмыслению, чтобы «чары прошлого рассеялись под воздействием ясного сознания» [1, с. 36]. Это возможно, по мнению Т. Адорно, с помощью демократической педагогики, в рамках которой проработка прошлого могла бы противостоять его забвению и, в особенности, его оправданию. А для этого «педагогике, вместо того чтобы глубокомысленно нести почерпнутый из вторых рук вздор о бытии человека», «следовало бы настоятельно требовать усиления в университетах позиции социологии, которая совпала бы с историческим исследованием нашей собственной эпохи» [1, с. 40].

Практическое осуществление подобной просветительской педагогики возможно, по мнению Адорно, с помощью совместных усилий педагогов и психологов, которые стараются выполнить ту практическую задачу, стоящую сейчас перед их дисциплинами, не избегая её в угоду «научной объективности». Ставя задачу критического переосмысления прошлого, философ осознает ограниченность возможностей такого просвещения посредством педагогики даже при условии её осуществления на более глубоких уровнях и более интенсивно. Причиной этого является воздействие педагогики в первую очередь на тех, кто к ней итак открыт, потому не склонен к забыванию и оправданию забытого. Хотя, отмечает философ, повысить сопротивляемость таких людей к воздействию необщественного мнения тоже важно.

Таким образом, у Адорно проработка предполагает предотвращение забвения прошлого, его публичную артикуляцию, проведение соответствующей информационной политики при помощи просветительской демократической педагогики. Сопоставление идей Т. Адорно и Х. Арндт позволяет сделать вывод, что неотъемлемым атрибутом укрепления демократической культуры и пресечения повторения трагического исторического опыта в посттоталитарном

государстве является критическое переосмысление прошлого с принятием коллективной ответственности исторического субъекта.

Библиографические ссылки

1. *Адорно, Т.* Что значит «проработка прошлого»? / Т. Адорно ; Пер. с нем. М. Хорькова. – Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 36–45.
2. *Арендт, Х.* Ответственность и суждение / Х. Арендт ; Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. – М. : Издательство Института Гайдара, 2013. – С. 352.
3. *Арендт, Х.* О насилии / Х. Арендт ; Пер. с англ. Г.М. Дашевского. – М. : Новое издательство, 2014. – С. 148.
4. *Гудков, Л.* Преодолевая равнодушие, страх и молчание / Л. Гудков // Лёзина Е. XX век. Проработка прошлого. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 9–23.

ЭТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУИЦИДА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

П. С. Навицкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

polina.navitskaya@mail.ru

Научный руководитель — Беляева Елена Валериевна,

доктор философских наук, профессор

Статья посвящена рассмотрению этических аргументов против возможности суицида в контексте экзистенциальной психологии. Объектом исследования выступает отрицательная этическая аргументация, развернутая в работах В. Франкла, М. Босса, А. Лэнгле. Целью исследования является установление причин этического отрицания возможности суицида в экзистенциальной психологии. Данная работа может послужить основой для проведения дальнейших исследований в области экзистенциального направления и реконструкции этических взглядов на проблематику суицидального поведения.

Ключевые слова: самоубийство; экзистенциальная психология; смысл жизни; бессмысленность; смерть; этическая оценка; В. Франкл; М. Босс; А. Лэнгле.

Экзистенциальная психология конституируется и берет свое основополагающее начало в середине XX века. Предпосылками возникновения экзистенциального направления и в психологии, и в психотерапии стали катастрофические социальные процессы, связанные с разрушительными событиями мировых войн. Оно было обусловлено потребностью помочь человеку справиться с экзистенциальными

потрясениями, которые присущи его уникальному бытию и отличаются от его устоявшихся психических и поведенческих характеристик. Проблемным полем экзистенциальной психологии является не только феномен человеческой конечности, но и экзистенциалы вот-бытия: смысл и бессмысленность, свобода и ответственность, одиночество и открытость.

Среди первоисточников в области экзистенциальной психологии, особенно интересна работа В. Франкла «Человек в поисках смысла» [5], в которой представлен общий экзистенциальный анализ, раскрыты сущность и методы экзистенциальной психотерапии, а также творчество М. Босса и А. Лэнгле. Философская традиция исследования данного направления небогата, она представлена статьями: Н. В. Гришина «Экзистенциальная психология: поиск пути» [1], Т. А. Попова «Артлоготерапия: раскрытие ценностей творчества и смысла» [4], П. Гуревич «Высвечивание человека: экзистенциальный психоанализ Мерарда Босса» [2]. Они посвящены проблемному полю и методам экзистенциальной психологии, выявлению причин экзистенциального вакуума и исследованию проблемы смысла жизни. Однако этические аспекты данной темы остались за границами их внимания.

Цель данной работы – выявление причин этического отрицания возможности суицида в экзистенциальной психологии.

Создатель своеобразного психологического учения и практики – логотерапии – Виктор Франкл полагал, что чувство опустошенности и бессмысленности не чуждо каждому человеку. Данное состояние он назвал «экзистенциальным вакуумом», которое сопоставимо с обозначением «внутренней пустоты». Концепт обозначает отсутствие смысла как исходной причины возникновения фрустрации. Субъективно экзистенциальный вакуум переживается человеком как апатия, опустошенность, тоска. Кроме того, душевные терзания могут возникнуть вследствие внешних причин: потери любимого человека, болезни и т. д. Франкл считал, что абсолютно все события человеческого существования переживаемы: в ситуации отчаяния осуществимо нахождение смысла и осознание подлинности собственного бытия, поскольку бессмысленных потрясений в человеческой жизни нет. Обращение к самоубийству начинается тогда, когда внутренний голос совести совершает ошибку в выборе действий. Франкл отрицает нравственную оправданность и эвтаназии, и самоубийства. Описанные действия, согласно Франклу, нередко имеют поспешный характер, обратный путь от которых невозможен. Самоубийство порой совершается нерационально, без

осознания своих намерений и адекватной оценки данной решимости. Эмоциональное состояние не может представляться аргументом либо побудителем к свершению замысла. Кроме того, что самоубийца лишает жизни самого себя, вместе с тем он причиняет страдания тем людям, которые были близки и сопричастны ему. Мысль о суициде противоположна представлению о подлинной жизни, наполненной смыслом. Человек должен стремиться терпеливо возвыситься над теми сложными обстоятельствами, которые произошли в его жизни. Из сказанного следует, что самоубийство нравственно неприемлемо. Оно не становится ни решением возникших жизненных проблем, ни искуплением, является отказом от нравственных усилий по преодолению кризиса.

Швейцарский психолог и психиатр М. Босс в своем экзистенциальном анализе отказался от принятых понятий психоанализа: личность, сознание, психика. Главной категорией человеческого бытия Босс считал «открытость». Именно через этот концепт можно понять сущность человека: его отношение к самому себе, к другим людям и окружающей реальности. Человеческое присутствие выражается в общении, понимании и взаимодействии, когда индивид пытается обратиться к Другому и установить с ним взаимосвязь. Установление контакта между людьми способствует схватыванию сути друг друга.

Одним из важных экзистенциалов человеческого бытия М. Босс называет смертность (бытие-к-смерти). Смерть – это неотвратимый предел человеческой жизни. Человек тем и отличен от остальных живых существ, что сознает свою конечность. Можно полагать, что человеческая жизнь являет собой постепенное приближение к смерти, которое неизбежно. Отношение людей к смерти разнится, но самый частый психологический результат столкновения со смертью состоит в тревоге и страхе. Данные феномены включены в человеческую суть, так или иначе, их наличие необходимо. Готовность к смерти, трезвое сознание конечности человеческой жизни существенным образом определяет и саму жизнь. Конечность жизни, полагает Босс, не должна обесценивать жизненный опыт как таковой. Смерть, напротив, заставляет задуматься о сути своего пути и осмысленности личностного бытия-в-мире. Поспешное и произвольное завершение жизни прямо противоположно изложенным тезисам, препятствует получению нравственного опыта смерти.

Австрийский психолог и психотерапевт Альфред Лэнгле разработал новое направление в психологии, получившее наименование экзистенциально-аналитический подход. Согласно А. Лэнгле, жизнь

человека включает в себя две составляющие: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя сторона остается в закрытости и отстранении, человек полностью погружен в свой собственный мир, переживания и размышления. Внешняя сторона человеческого бытия, напротив, являет себя в сопричастности другим людям, в конструировании взаимоотношений со внешним устройством мира. Исходя из этого, А. Лэнгле полагал, что главная задача человека заключается в том, чтобы в дуализме бытия найти свой смысл и свою ценность, дабы утвердить тем самым две самодостаточные и прочные явленности (как внутреннего, так и внешнего) своего существования и себя самого.

Не менее важно для человека, считал Лэнгле, установить некий диалог и мостик с окружающим его миром. Благодаря установленному контакту, человеку открываются мотивационные фундаменты, способствующие полной жизнедеятельности и нахождению человека в мире. Самоубийство совершается в случаях, когда человек не может найти другого решения либо не может осуществить верный выбор в тяжелой жизненной ситуации. «Самоубийца, по мнению Лэнгле, переживает себя невыносимо далеким от всех ценностей, которые могут “согреть” его жизнь» [4, с. 223]. Отсутствие либо утрата весомой ценности также может породить бессмысленность, итог которой – самоубийство. Оно полностью отвергает стремления индивида в реализации своих стремлений и жизненного пути в целом и свидетельствует о неспособности нравственно справиться с бессмысленностью жизни.

Причины этического отрицания возможности суицида в экзистенциальной психологии состоят в том, что самоубийство представляется поспешным и нерациональным действием, совершаемым зачастую под действием возникших аффектов и всплеска эмоций. Неустойчивое эмоциональное состояние не может являться аргументом либо побудителем к свершению замысла. Кроме того, самоубийство нельзя считать решением возникших жизненных проблем, поскольку оно противоположно ценностной ориентации личности и является следствием нравственной слабости. Задача человека состоит в устремлении на поиск и обретение нравственных оснований собственного бытия. Таким образом, самоубийство – этически неприемлемо.

Библиографические ссылки

1. *Гришина, Н. В.* Экзистенциальная психология: поиск пути / Н. В. Гришина // Вестник СПбГУ. – 2012. – № 2. – С. 60–66.

2. *Гуревич, П.* Высвечивание человека: экзистенциальный психоанализ Мерарда Босса / П. Гуревич // *Философская антропология.*– 2020. – № 2. – С. 6–24.
3. *Кальницкий, Э. А.* Экзистенциальный вакуум и кризис идентичности / Э. А. Кальницкий // *Философия, философия права, политология, социология.*– 2017. – № 2. – С. 163–171.
4. *Попова, Т. А.* Артлоготерапия: раскрытие ценностей творчества и смысла / Т. А. Попова // *Психологические проблемы смысла жизни и акме : Материалы XXV междунар. симпозиума, 15-16 апреля 2020 / Психологический институт РАО.* – М., 2020. – С. 221–224.
5. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

СЕКЦИЯ 7. ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ В БИО-АРТЕ

А. А. Лазаренко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nastya.lazarenko.2015@gmail.com

Научный руководитель – Лецинская Ирина Ивановна,

кандидат философских наук, доцент

В статье рассматривается проблематизация телесности в рамках био-арта как одного из актуальных направлений художественной практики. Представлены основные концепты, отражающие проблематизацию и трансформацию телесности: «the extended body» («расширенное тело»), «meta-body/semi-living» (нечто, между жизнью и смертью) и «after-life». Данные концепты и практики, отражающие процесс изменения телесности, позволяют обозначить, что в пространстве био-арта использование понятия «человеческая телесность» не является корректным. В процессе художественных и научных трансформаций биологического тела изменяется его внешний вид, строение, биохимический состав, а также функциональный статус. Обоснована необходимость философской рефлексии над данными процессами и их тщательной этической экспертизы.

Ключевые слова: био-арт; тело; телесность; «расширенное тело»; Э. Кац.

В современном мире эстетическая сфера все еще находится в стадии активного развития. Со все большим переплетением различных сфер человеческой жизни, начинают появляться и новые практики. Особый интерес представляет феномен био-арта, который представляет собой современную художественную практику на стыке науки и искусства. Представители био-арта активно используют и вовлекают в процесс создания произведений биологические технологии. В связи с появлением данного современного художественного направления, возникает множество важных и острых вопросов, в особенности – проблема определения человека в контексте бурного развития и распространения современных технологий не только в нашей жизни, но и иногда в самих наших телах. В связи с этим мы вынуждены задуматься о нашей телесности, её трансформации и о будущих последствиях данных процессов.

Био-арт (биологическое искусство) – это перспективное направление актуального искусства в рамках такого движения как science art. Данное понятие впервые было использовано в 1997 году бразильско-американским современным художником Э. Кацем в качестве определения жанра своего перформанса-инсталляции «Капсула времени». При создании арт-объектов художники данного направления используют, с одной стороны, живые ткани, бактерии, микроорганизмы или даже экосистемы, с другой же, они привлекают достижения генной инженерии, клонирование и другие биотехнологии.

Соответственно, работая с живыми организмами, художники био-арта стремятся не только обратить наше внимание на природу и живое в целом, но также и на проблему тела и телесности человека, их трансформации в результате применения новейших технологий. «Изучение философского аспекта био-арта вызвано непосредственным освещением вопросов о пограничности жизни и смерти, границах тела и внутренней его наполненности, о телесных страданиях и сексуальной самоидентификации, о неотчуждаемости элементов тела, до недавних пор являющейся главным отличием тела от организма» [1, с. 4].

В данном контексте есть необходимость обращения к анализу феномена «телесности», так как био-арт осуществляет его проблематизацию. Телесность – социокультурный феномен, традиционно понимаемый как единство между телом и душой. Это понятие отражает особый экзистенциальный опыт, комплекс индивидуальных качеств, взаимодействия жизненных пространств человека. На сегодняшний день данный феномен получает переосмысление в связи с распространением практик бодимодификаций в различных областях деятельности: от науки до творчества, сосредоточение которых особенно явно видится в биологическом искусстве.

В рамках исследований известных философов и ученых, занимающихся проблематикой био-арта – О. Кэтса и И. Зурр, был выдвинут концепт «the extended body» («расширенное тело»). Он является демонстрацией проблематизации феномена телесности, так как то, к чему отсылает данный концепт, не является телом в привычном для нас понимании, а также не вписывается в современные биологические и культурные классификации. «Расширенное тело – это объединение расширенного фенотипа человека и тканевой жизни; фрагментированное тело, которое может выжить только благодаря технологическим средствам: единое тело для развоплощенных живых фрагментов и онтологический прием,

призванный привлечь внимание к необходимости пересмотра нынешних таксономий и иерархических представлений о жизни» [2, с. 2].

В пространстве био-арта становится очевидным то обстоятельство, что использование концепта «человеческая телесность» не является корректным. Мы не можем говорить про чисто «человеческую телесность», так как в ходе художественных и научных трансформаций биологического тела изменяется его внешний вид, его строение и биохимический состав. Следовательно, данные трансформации порождают целый ряд серьезных проблем, которые касаются природы человека, его сущностных характеристик, процессов его самосознания и самоидентификации. Возникают также вопросы мировоззренческого характера, так как они имеют непосредственное отношение к пониманию и интерпретации таких феноменов человеческого бытия, как жизнь и смерть. Отражением такого рода процессов являются возникшие в контексте био-арта концепты как *meta-body/semi-living* (нечто, существующее благодаря технологии, между жизнью и смертью) и *after-life* (после-жизнь).

Примеры подобного рода трансформаций были уже представлены в самых первых артефактах био-арта. Так, в «Капсуле времени» Э. Каца, был вживлен чип в организм художника, на котором хранился его личный архив с фотографиями. По завершению данной процедуры Кац предоставил доступ к данному архиву всем посетителям выставки. Замысел данного перформанса состоял в размывании границ между аналоговой и цифровой памятью. Кроме того, данный акт артикулировал проблему приватности тела, личных воспоминаний человека.

Похожий посыл обнаруживается и в работе популярного деятеля био-арта – А. Стеларка. Им было вживлено ухо с bluetooth-технологией в собственную руку, а затем к нему был предоставлен публичный доступ с возможностью слышать происходящее в том же пространстве, где и находился художник. Демонстрируется следующая идея: наше тело фактически может принадлежать уже не только нам самим. А. Стеларк же, знаменит в свою очередь и проектом «Экзоскелет» – это огромная конструкция из девяти конечностей, внутри которой находится человек, при этом может ей управлять. Так, поднимается вопрос о приспособлении мозга к гипотетически новым частям будущего человеческого тела.

Одним из впечатляющих «арт-объектов» является био-арт-перформанс французской художницы Марион Лаваль-Жанте под эпатазирующим названием «Да живет лошадь во мне». Лаваль-Жанте вкалывала себе сыворотку лошадиного иммуноглобулина с целью достижения

физиологического подобия с данным животным, размывания границ между организмом лошади и человека. После инъекции Марион надевала приспособления, имитирующие лошадиные ноги и ходила по студии вместе с настоящей лошастью. Основной посыл данного перформанса заключался в том, чтобы устранить иерархические отношения человека с другими живыми организмами, а также поставить под сомнение процесс идентификации личности.

Ярким примером расширения и изменения человеческой телесности мы можем представить также на примере известного киборг-активиста – Нила Харбиссона. С детства страдающий дальтонизмом художник самостоятельно совершил остеointеграцию специальной антенны в свой череп, тем самым расширил свои способности по восприятию цветов. Харбиссон также создал «фонд киборгов», организация которого направлена на то, чтобы помочь людям с ограниченными возможностями компенсировать, или даже улучшить их путем имплантации высокотехнологичных устройств в их тела.

Таким образом, данные примеры наглядно показывают, что феномен телесности проблематизируется в рамках современной художественной практике био-арта. В процессе художественных и научных трансформаций, внешний вид, строение, биохимический состав, функциональный статус биологического тела изменяется. Данные трансформации телесности получили свое оформление в таких понятиях, как «the extended body» («расширенное тело»), «meta-body/semi-living» (нечто, между жизнью и смертью) и «after-life» (после-жизнь).

Эти процессы требуют глубокого и системного анализа в рамках множества областей исследования. Возникает необходимость философской рефлексии над такими процессами, их всевозможными последствиями для человека. В особенности – во всесторонней этической экспертизе. Изменения человеческой телесности с помощью новейших научных технологий ставят на повестку проблему идентичности человека и сохранения человеческой природы как таковой.

Библиографические ссылки

1. *Лугуценко, Т. В.* Био-арт как направление в изучении проблемы телесности в условиях современных трансформаций культуры / Т.В. Лугуценко, О.В. Роговец. – Донецк : Культура и цивилизация [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bio-art-kak-napravlenie-v-izuchenii-problemy-telesnosti-v-usloviyah-sovremennyh-transformatsiy-kultury>. – Дата доступа: 17.04. 2022.

2. Catts O. «Towards a New Class of Being – The Extended Body» / O. Catts, I. Zurr // Artnodes: Intersections Between Arts, Sciences and Technology. – 2007. – Vol. 6.

АНИМЕ КАК ЧАСТЬ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ПОЛНОМЕТРАЖНЫХ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ

Е. А. Лукина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yekaterina_lukina_99@mail.ru

*Научный руководитель – Волнистая Марина Георгиевна,
кандидат социологических наук, доцент*

В публикации автор раскрывает культурную нагрузку аниме в Японии. Показаны основные элементы данного вида визуального искусства. Так же предпринята попытка анализа аниме, через призму полнометражных анимационных фильмов. Объектом исследования выступает японская культура, предметом – японская анимация (аниме). Цель исследования: выявление и характеристика основных факторов аниме, как части культуры Японии. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: аниме; японская культура; манга; символично-графическая система; стилистические особенности; массовая культура; повседневность.

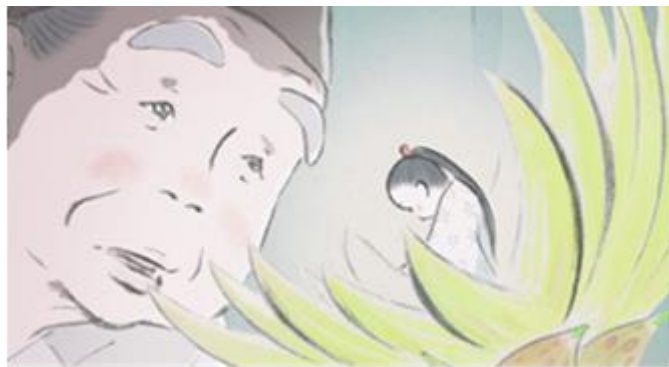
В данной статье исследуется проблема культурной нагрузки и отражение японской самобытности в аниме. Анимация это особый вид визуального искусства. В различных странах мира она называется по-разному: анимация, мультипликация, animation, アニメ; и отражает культурные особенности и основные тенденции развития общества. В данной работе на примере японской анимации будет раскрыт механизм отражения культуры в визуальном искусстве.

Аниме это создание рисованных фильмов. Сам термин аниме появился в 1970-х годах. И считается, что он происходит от английского слова «animation» анимация, что означает быструю смену изображений с целью создания эффекта движения [5,1298]. Пономарева Ю.В. считает, что существует еще одна этимология слова аниме. Оно родственно латинскому слову «anima» и переводиться как душа. Данное значение свойственно только для Японии.

Главные элементы анимации: сценарий, раскадровка (рисовка), анимация (создание эффекта движения), озвучение, музыкальное сопровождение. На данный момент существуют различные техники рисования аниме: от ручной рисовки до компьютерной графики. Главной отличительной особенностью аниме является техника «ограниченной анимации», главной задачей которой было сохранить человеческие и экономические ресурсы. Её суть в том, что акцентировалось внимание не на движении персонажей за счет уменьшения количества кадров в секунду, а на детализации внешнего вида героев и фона.

Фундаментом японской анимации служит манга (японские комиксы), произведения японских авторов, сказки и мифы Японии. На их основе создается сценарий, так же иногда сохраняется техника рисовки как в оригинале, если это экранизация манги.

Данное явление возможно рассмотреть на примере работы режиссера Исаты Тахакаты «Сказание о принцессе Кагуя» 2013 года. Она основана на древней японской народной «Сказке о резчике бамбука». Санука Мияцуко-бедный резчик бамбука, который живет со своей женой в лесу. Однажды он замечает что-то необычное рядом со светящимся бамбуковым стеблем. Это же младенец! Он берет девочку домой, и вместе с радостной женой они решают вырастить её как свою собственную, принимая её как божий дар. Девочка растет очень быстро. Местные дети называют её Такэноко-«маленьким бамбуком» [4,197]. Затем Санука находит в бамбуке золото и кимоно, и они переезжают в столицу. Когда девочка достигает совершеннолетия, ей дают имя - принцесса Кагуя. К ней сватаются различные вельможи, даже император, однако она им отказывает. Тоскуя о доме в горах, она молится луне и затем вспоминает, что родом оттуда. Потом наступает день, когда сам Будда забирает её домой. В этом полнометражном анимационном фильме используется только тушь акварель, пастель, и напоминает традиционное японское искусство рисование тушью суми-э.

В аниме присутствуют различные жанры. От научной фантастики, меха до комедии и романтики. Многообразие жанров устанавливает эстетику произведения: аниме и манга могут быть как сложно составленными в сюжетном и графическом смысле, так и содержать лишь основную фабулу и сильно упрощенный визуальный ряд [3,101]. Благодаря этому существуют разнообразные стили в японской анимации: реалистический, футуристический, преувеличенно милый (кавай) и др. Каждому жанру присуща своя рисовка персонажей и фонов, например большие милые глаза (кавай) в основном используются в жанре романтики и ориентированных на детскую аудиторию (кодомо).

Так же эстетической составляющей японской анимации является особая символично-графическая система, которая наполнена определенной функциональной значимостью. Базой, которой служит историко-мифологические представления. Цель данной системы раскрытие особенностей национального сознания японцев [5,1299]. Отражением данной системы представляет цвет. Это способ выражения атмосферы в фильме или сериале, и через цвет дается характеристика персонажа.

Так в фильме «Евангелион 3.0+1.01: Как-то раз» 2021 года режиссера Хидэаки Ано главный персонаж Икари Синдзи изображён, как обычный японец: цвет волос черный, глаза карие. Однако наибольший интерес представляют такие персонажи как Аянами Рей и Нагиса Каору. В них облик присутствует белый цвет, который означает траур или сверхчеловеческие силы; чтобы подчеркнуть то, что они не относятся к миру людей, а к иному (ангелов и клонов). К тому же данная символика цвета прослеживается в самих Евах (роботах) и отрицательных героях Ангелах, что раскрывает их характеристику. Так же этот цвет символизирует новое начало, в данном фильме это показано в конце в виде белого фона во время затишья, когда старый мир был разрушен, а оставалось несколько минут до создания нового.

На сегодняшний день аниме имеет широкую целевую аудиторию, так как она ориентирована не только на детей и молодежь, но и на взрослое население. К тому же в японской анимации раскрыты отношения японского общества к разнообразным явлениям и тенденции его развития, повседневности.

Например, Макото Синкай в своей анимационной полнометражном фильме «Твое имя» 2016 года, показал проблемы такие как: города и деревни (было приведено сравнение Токио и Итомори), трудоустройства молодежи (трудно устроиться, как в большом городе, так и в деревне), повседневные проблемы (конфликт молодежи с родителями), сохранение традиций и многое другое. Выразив все это через эффектную анимацию.

Можно сделать вывод, что главными факторами аниме, как части культуры Японии являются: во-первых, анимация базируется на мифах, сказках, манги, что отражает культурные особенности страны. Во-вторых, в японской анимации существует символично-графическая система при помощи, которой раскрывается национальная сознание японцев. В-третьих аниме является частью массовой культуры, так как в ней отражены повседневность и многообразные тенденции японского общества.

Библиографические ссылки

1. *Инухико, Ё.* Теория каваяи / Ё. Инухико. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 97 с.
2. *Катасонова, Е.Л.* Аниме: вчера, сегодня, завтра / Е.Л. Катасонова // Япония: Ежегодник. – 2013. – № 5. – С. 221–239.
3. *Леонов, В.Ю.* Становление аниме, его отличительные стилистические особенности, различия с манга и художественно-технологические этапы создания / В.Ю. Леонов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 12 (26). – С. 99–103.

4. *Оделл, К.* Студия Ghibli творчество Хаяо Миядзаки и Исао Такахаты / К. Оделл, М. Ле Блан. – Москва: Эксмо, 2020. – 240 с.
5. *Понаморева, Ю. В.* Аниме как отражение японской культурной идентичности / Ю.В. Понаморева // Молодой ученый. –2015. – № 9. – С. 1298–1300.

ФЕНОМЕНЫ ТЕАТРА И КИНО В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В. БЕНЬЯМИНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

М. В. Любецкая

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
martalubetskaya@gmail.com*

*Научный руководитель – Лецинская Ирина Ивановна,
кандидат философских наук, доцент*

Предметом исследования настоящей работы является природа театра и кино в контексте философской рефлексии В. Бенямина, которая получила свое глубокое отражение в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Выявлено, что кино и театр, являясь монументальными пространство-временными формами искусства, представлены мыслителем в качестве действенных инструментов формирования социальной реальности. Установлено, что Бенямин для выявления принципиального различия данных феноменов культуры эксплицирует различие в природе представленных форм художественной практики и механизмах их бытия в социуме. Показано, что теоретическим и методологическим инструментом для реализации настоящего анализа выступил предложенный Бенямином концепт «аура».

Ключевые слова: В. Бенямин; театр; кино; искусство; аура; техническая воспроизводимость; массовая культура.

Искусство, вечно пребывая в ядре изменений, оказывается той призмой, которая выражает сущность всеобщего колебания. Обращение к творчеству Вальтера Бенямина, философия которого является значимым эстетическим манифестом XX века, позволяет через отражение эпохи, в которой излом привычной картины мира пугающе мерцал на полотнах, экранах, сценах и лицах, исследовать основания искусства.

Согласно Вальтеру Бенямину изменение фактического бытия общества влечет за собой радикальные изменения в сфере искусства. Основная причина этой трансформации – возможность технической воспроизводимости результатов творческой активности [2]. Репродукция совершает подрыв традиционного способа изъятия искусства через лишение произведения подлинного бытия в культуре. Это происходит в

результате исчезновения ауры, свойственной произведению искусства. Процесс технического репродуцирования смещает уникальное в область массового и обезличенного. Ж. Бодрийяр, исследуя техническое воспроизведение в свете своей аналитики симулякров, ссылается на теорию Бенямина и делает вывод о том, что репродукция подрывает нечто основополагающее [5]. Эти тенденции отчетливо выступают в процессе сравнения кинематографа и театра.

Аура суть одна из основных категорий учения Бенямина – это «здесь и сейчас произведения искусства – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится» [2, с. 19]. Аура художественного предмета создается его уникальным хронотопом в культуре, а также историей его творения и бытия, что придает ему исключительную ценность. Репродукция, копия, напротив, виртуальна, безместна: она изначально возникает как потенциальная многочисленность [6].

По мнению Бенямина, основание произведения искусства лежит в культурной традиции. Предмет искусства служил ритуалу, в котором творческий «текст» (в т. ч. театральная постановка) имеет мощную социальную функцию. Техническое репродуцирование привело к освобождению от этой напряженной взаимосвязи. Кино избавляется от традиции, снимает проблему подлинности, а также видоизменяет задачу искусства – «место ритуального основания занимает другая практическая деятельность: политическая» [2, с. 28].

Беньямин указывает на различие в законах восприятия результатов кинематографа и театрального представления. Восприятие «технологического искусства» характеризуется шаблонностью мышления реципиента [4]. Так, традиционное понимание объекта через характеристику «дали», свойственное для театра, сменяется на стремление приблизить предмет созерцания. Массовость, как свойство киноискусства, выражается в данной системе координат через потребность зрителя в присвоении и ассоциировании. Поэтому кино, следуя общественному запросу, сокращает идею до однотипного, четкого концепта [2].

Театр выражается через чистую совокупность событий, то есть пользуется классический вариант драматургии, предполагающий единство действия [3]. В кино традиционное восприятие теснит экспозиционная плоскость, которая утверждает необходимость императивного смысла, здесь отмечается сплетение фабулы и директивы, «где восприятие каждого кадра предопределяется последовательностью всех предыдущих» [2, с. 34].

Специфика феномена кино отражается Бенямином и через отличительную задачу актера кинематографа, который «оказывается в положении, когда он должен воздействовать всей своей живой личностью, но без ее ауры» [2, с. 38]. Кроме того, в отличие от артиста театра, который лично демонстрирует характер действующего лица, а значит имеет привилегию изменять свою игру в зависимости от реакции зрителя, киноактер получает контакт с публикой сквозь аппаратуру, то есть опосредованно. В последнем случае, в силу отсутствия прямой субъект-субъектной связи, «публика вживается в актера, лишь вживаясь в кинокамеру» [2, с. 37]. Таким образом, зритель постигает кино именно с позиции техники, выступая в роли эксперта и экзаменатора. В противоположность кинозрителям, театральная публика находится в состоянии резонанса с действием, поскольку соприкасается с актером непосредственно [7].

Философ указывает, что театр и кино различаются в способах взаимодействия с действительностью. Производство кино есть исходное разрушение иллюзии, для того чтобы на этапе монтажа воссоздать линейность вновь. Драматический театр последовательно сохраняет иллюзию во всех точках, создавая условия, в которых возникает особая форма мимесиса – сама реальность сплетается с действием [8]. Из этого следует, что театральное искусство осуществляется на естественной дистанции с бытием, кино же производится посредством глубокого вторжения в него [2].

Беньямин пишет: «Создаваемое киноизображение поддается более точному и гораздо более многоаспектному анализу, чем изображение на картине и представление на сцене» [2, с. 52]. Кино «акцентированием скрытых деталей привычных нам реквизитов» открывает свободное поле деятельности, область визуально-бессознательного [2, с. 53]. Фильм резонирует в зрителе, представляя его уникальный психоаналитический портрет, а вместе с тем и погружая в иные пространственно-временные отношения с мирозданием. Описанное свойство соотносится с категорией «третьего смысла» Р. Барта, такого, который не содержится в кинокартине, однако актуализируется в ней; посредством разрушения времени и движения делает поле значений бесконечным [1].

Таким образом, В. Беньямин описывает систему закономерностей осуществления театра и кино посредством дихотомии. Анализ творчества философа позволяет установить следующий ряд различий. Театр есть «ауротическое» искусство, ибо имеет «бытие здесь и сейчас», кино –

«технологическое», так как утрачивает уникальную связь с пространством и временем. Театр базируется на ритуале и реализует социальную функцию, кино же отделяется от традиции и артикулирует задачу политическую. Восприятие спектакля исходит из категории «дали», а тем самым рождает способность к пониманию сложной идеи. Фильм, в свою очередь, должен отвечать шаблонности мышления публики, поэтому он выстраивается по принципу близости доносимого концепта. Сценическое действие пользуется аристотелевскую модель драмы, в кино же фабула подкрепляется императивным смыслом. Артист сцены воздействует на публику непосредственно, потому просмотр спектакля для театрального зрителя – процесс созерцания и взаимодействия, зритель же кинопродукта отчужден от актера, он экзаменатор, который «тестирует» происходящее на экране. Театр сохраняет целостность иллюзии, остается на естественном расстоянии с реальностью. Иллюзия кино имеет преходящий характер, поскольку создается через прямое внедрение в бытие. Театр, отражает мир глобально, в то время как кино представляет детальный анализ объектов мира и тем самым формирует новое поле для зрительской рефлексии.

Библиографические ссылки

1. *Барт, Р.* Третий смысл / Ролан Барт ; [пер. С. Зенкин и др.]. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 103 с.
2. *Беньямин, В.* Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости : избранные эссе / Вальтер Беньямин ; [предисл., сост., пер. и примеч. С. А. Ромашко] ; Немецкий культурный центр имени Гете. – М. : Медиум, 1996. – 239 с.
3. *Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы / В. Беньямин ; [пер. с нем. С. Ромашко]. – М. : Аграф, 2002. – 280 с.
4. *Беньямин, В.* Учение о подобию : медиаэстетические произведения / В. Беньямин ; [пер. с нем. И. Болдырева и др.] ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2012. – 287 с.
5. *Бодрийяр, Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
6. *Гройс, Б.* Политика поэтики : [сб. ст.] / Борис Гройс. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 400 с.
7. *Benjamin, W.* What is Epic Theater? / W. Benjamin // *Illuminations* / ed. Hannah Arendt. – New York : Schocken Books, 2007. – P. 147–154.
8. *Hansen, M.* Cinema and Experience: Siegfried Kracauer, Walter Benjamin, and Theodor Adorno / M. Hansen. – Berkeley : University of California Press, 2012. – 406 p.

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА О НОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Е. В. Савлукова

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
merryelizabeth@mail.ru
Научный руководитель – Барсук Ирина Александровна,
кандидат философских наук, доцент*

Антропные рассуждения находятся в центре интенсивных дебатов среди физиков, космологов, и философов. Современное научное мышление делает первые шаги в формировании «космо-социо-креатики», в которой человечество является причастной космической системой. В современной науке представленной периодом постнеклассики антропный принцип имеет статус основания, идеи которого были отражены в философии русского космизма.

Ключевые слова: русский космизм; космология; постчеловек; ноосфера; естествознание; экология; философия.

Русский космизм – особый философский феномен, сформировавшийся в России в конце XIX – начале XX вв. Будучи целостным социокультурным явлением, космизм ориентирован на синтетическое видение реальности, восприятие человека в качестве органичной части космического единства, способного реализовать свою активную природу в деле творческого изменения мироздания.

Возникновение русского космизма обусловлено специфической общественной и культурной обстановкой в России XIX в. В данной статье будет затронут ноосферный космизм, а также концепции авторов, имеющих отношение к его становлению, поскольку статья ориентирована на естественнонаучную исследовательскую задачу.

Русский космизм – направление, предвосхитившее некоторые фундаментальные научные идеи в космологии «неклассики» и «постклассики».

К. Э. Циолковский сформулировал проблему и возможность взаимосогласованности между человеком и системой универсальной среды. Учёный исследовал возможность взаимодополнения человеческой подсистемы и нечеловеческой подсистемы Вселенной, с точки зрения космологии. Человек для активно-эволюционных мыслителей — существо еще промежуточное, находящееся в процессе роста, далеко не совершенное, но вместе сознательно-творческое, призванное преобразить не только внешний мир, но и собственную природу. [3, с. 4].

Антропный принцип проглядывается и в идеях В. И. Вернадского о ноосфере, или сфере Разума, замещающего прежнее наполнение биосферы. Сильный антропный принцип, введённый Б. Картером, может допускать присутствие трансцендентного, здесь же, данная идея противопоставляется содержанию идеи о ноосфере, как разумности самоорганизующегося мира. Сильный антропный принцип, в процессе своего теоретического развития, расширяет рамки научных исканий, включая в них изучение космологического вакуума, который отличен от других частиц материи благодаря своей способности гравитационного отталкивания. Вакуум можно трактовать в качестве прародителя вариаций, присутствующих в физическом мире. Современное естествознание выделяет три вакуумные подсистемы: электрослабая подсистема, кварк-глюонный вакуумный конденсат, а также нулевые колебания разных полей. Космологическое расширение Вселенной осуществляется всеми вакуумными подсистемами. Данные рассуждения можно соотнести с идеей В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

По мнению В. И. Вернадского, геологическая история Земли протекала в границах неизменного состояния «живого вещества», находящегося в биосфере. Однако имели место быть изменения в формах жизни, кроме того и изменения биосферы под воздействием антропогенных факторов. Это натолкнуло учёного на мысль о постоянной эволюции биосферы и «живого вещества», в итоге, должно привести к некому новому состоянию того и другого.

Вся осуществленная человеком деятельность является особым феноменом, не случайным и закономерным, качественно изменяющим биосферу, с помощью единства человечества, проявляющегося в разнообразии всех своих практик, интеллектуальных и материальных форм, и приводящего к появлению «ноосферы» (греч. «ноос» – разум) или сферы человеческого разума.

Термин «ноосфера» был введён французским математиком Э. Леруа в его статьях 1927 года, откуда позже был заимствован В.И. Вернадским для лекций по геохимии и биохимии. «Ноосфера» представляет из себя новый этап биосферы, измененный под воздействием человеческих преобразований, основанный на потребностях и развитием научной мысли. Связь концепции ноосферы и антропного принципа можно увидеть в цели исследования и разработки по данным вопросам, а именно, в попытке определить исторические условия формирования уровня или положения человечества в настоящий момент времени.

Ноосфера, будучи новой геологической оболочкой планеты, представляет из себя симбиоз научной мысли и социальных отношений, определяя значимую роль науки среди земных антропологических процессов. «Человек – кульминация спонтанной, бессознательной эволюции, но вместе с тем и некое начало, вырабатывающее в себе предпосылки для нового, разумно направленного этапа самой эволюции» [3, с. 12].

Многие последователи и приверженцы концепции ноосферы воспринимал её как великую возможность перехода в некое совершенно иное благое и гармоничное состояние бытия, такую организацию людей, которая бы преодолевала стихийность природы в общественных процессах. Однако, здесь возникает новая проблема, заключающаяся в угрозе самостоятельности природы. По мысли В.И. Вернадского, «ноосфера – это гармоническое соединение природы и общества, это торжество разума и гуманизма, это слитые воедино наука, общественное развитие и государственная политика на благо человека, это – мир без оружия, войн и экологических проблем, это – мечта, цель, стоящая перед людьми доброй воли, это – вера в великую миссию науки и человечества, вооруженного наукой» [1, с. 204].

Как и В.И. Вернадский, Э. Леруа и Т. де Шарден признавали в ноосфере новое средство эволюции природы и человека в ней, посредством длительного совершенствования нервной системы до такого состояния, когда рефлексивный разум, имеющий самосознание, сможет самостоятельно познавать самого себя в мире.

Ноосфера не является естественной средой. Поскольку духовность стала в ранг менталитета, культура всё больше сциентизируется, ноосфера превращается в ту искусственную реальность, которую формируют технологии. Здесь же имеет место быть фундаментальное противоречие деятельности человечества - как искусственного и природных процессов – как естественного.

Ноосфера Вернадского исследовалась учёным строго в научном русле, как стадия развития биосферы, в ходе её взаимодействия с человечеством – как новой как новой планетарной силой, превосходящей любые известные геологические процессы в своём совершенстве деятельности. Заслуга Вернадского заключается в том, что он впервые обозначил прочную взаимосвязь или даже единство человека и биосферы, которая послужила возникновению живого вещества как такового. Научное творчество, становящееся в ходе развития научной мысли, таким образом, является

преобразователем биосферы, происходящим вне зависимости от воли человека, естественным путём. И поскольку, биосфера является той самой организованной оболочкой планеты, то факт её изменения говорит о процессе превращения её в некоторое иное состояние – ноосферу.

Общественная деятельность при этом, в современном мире, направлена на всевозможное ограждение биосферы от антропогенного влияния, однако только в интересах экологического благосостояния планеты, на которой ведёт свою деятельность человек, при всём своём развитии в научной мысли, имеющий свойство потребительски относиться к природным ресурсам Земли. В связи с подобной антропогенной нагрузкой могут возникнуть различные проблемы, несущие за собой серьёзные последствия.

Данными вопросами занимаются многие учёные естественных и гуманитарных направлений знания. Единство мысли и труда, являющееся основой становления ноосферы, было своеобразным пониманием новой эпохи, отличной научно-техническим прогрессом, материальным выражением научной мысли. В подобных условиях существования человека как значимого элемента мира, воздействующего на него, появляется необходимость морально-этической составляющей любой деятельности, которая теперь может послужить благом, однако и нанести вред не только человеку, но и миру, в котором он находится. Прежде всего такая составляющая должна ратовать за максимальное сокращение войн и образование мира между народами, а также гуманистические воззрения в рамках не только отдельного индивида, но и человеческого общества в целом.

Социальная ценность ноосферной эры заключается в становлении развитой свободной человеческой личности как основы для гармонично существующего общества. Ноосфера является «венцом» научно-технического прогресса человечества в XX веке, движимого его трудом и прогрессом в научном мышлении, а также, стихийно возросшая активность в творчестве человека и в его стремлении достижения наилучшего результата во всех сферах жизни. Существование ноосферы возможно только в условиях интенсивного экономического развития, научного прогресса и становления совершенно нового типа научного управления. Поскольку социальная ценность ноосферы заключается в обеспечении гармоничных отношений окружающей среды, то она является прямым источником гуманизма. «Одним словом, утверждают космисты,

необходима реальная, активная работа над преодолением своей нынешней «промежуточности» и несовершенства» [3, с. 15].

Современный мир отличается наиболее благоприятными условиями для прогрессивного развития всех областей знания, ввиду ускоренной скорости обмена и распространения информации, а также возможности наполнить её качественно в более масштабных содержательных объёмах, нежели когда-либо до этого в человеческой истории. Однако, проблема заключается в рациональном использовании доступных методов и возможностей в миротворческом русле, ограждая человечество от деструктивных нововведений и идей, угрожающих как самому человеку. Так и окружающей его среде. Преобразование природы человеком достигло таких же высоких возможностей взаимодействия на мир, как и природные факторы, геологические процессы, стихии и явления, оказывающие влияние на такие «неприкасаемые» процессы как эволюция животного и растительного миров, протекание жизни, как таковой, на планете, а также гармоничное её нахождение в пространстве огромной системы Космоса.

Экологические проблемы прямо связаны с намного более глобальными космическими изменениями, которые антропоное воздействие может поддерживать в оптимальном состоянии и приводить к критическим показателям. Человечество на данный момент находится в околоземном пространстве космоса, а также исследует отдалённый космос благодаря новейшим техническим разработкам и оборудованию, с самым передовым оснащением. Околоземное пространство всё больше полнится спутниками, космическими лабораториями и зондами, а неизвестные радиосигналы, посылаемые с Земли благодаря мощным передатчикам обнаружить можно на невообразимых расстояниях от нашей планеты. Космические летательные аппараты находятся в самых удалённых местах от Солнца.

Всё это говорит о новом уровне влияния человека, его новых возможностях на космопланетарном уровне. В прошлом, человечество было озадачено мелкомасштабными изменениями в рамках планеты, и не всегда успешно предугадывало последствия той или иной своей деятельности. Сложно представить, какой уровень ответственности должен занять сейчас необходимое место в научном мышлении, чтобы предотвращать столь глобальные возможные проблемы на вселенском уровне.

Экологический кризис в современном мире говорит о том, что человек безответственно относился природе, частью которой сам является.

«Поскольку деятельность человека вынесена теперь за ограничивающие рамки одной планеты, перед ним встаёт вопрос о рациональном взаимодействии со всей Вселенной, в которой была создана жизнь, позволяющая человечеству ставить и решать задачи, взбираться на новые вершины понимания и просто существовать» [2, с. 38].

Таким образом, можно заключить, что антропные рассуждения находятся в центре интенсивных дебатов среди физиков, космологов, и философов. Современное научное мышление делает первые шаги в формировании «космо-социо-креатики», в которой человечество является причастной космической системой. В современной науке представленной периодом постнеклассики антропный принцип имеет статус основания, со своими модификациями, многовекторностью и различными интерпретациями, некоторые из которых были отражены в философии русского космизма.

Библиографические ссылки

1. *Баландин, Р. К.* Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. 2-е изд., доп. / Р. К. Баландин. – М. : Знание, 1988. – 208 с.
2. *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1987. – 305 с.
3. *Казютинский, В. В.* Антропный принцип и мир постнеклассической науки / В. В. Казютинский. – М. : ИФ РАН, 1996. – 247 с.
4. *Семёнова, С.Г.* Русский космизм: Антология философской мысли / С. Г. Семёнова, А.Г. Гачева. – М. : Педагогика-пресс, 1993. – 365 с.
5. *Циолковский, К. Э.* Грезы о Земле и небе / К. Э. Циолковский. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1986. – 447 с.

НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ АТРИБУТЫ ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДСКИХ СУБКУЛЬТУР КИТАЯ ПОСЛЕ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

С. Цзисинь

Белорусский государственный университет, г. Минск;

www.15938272@qq.com

Научный руководитель – Касперук Александр Анатольевич,

кандидат культурологии, доцент

В статье описан процесс трансформации городских субкультур Китая после реформ и открытости. Историческая эволюция городских субкультур Китая позволяет понять взаимосвязь между современными китайскими городскими субкультурами и межпоколенческими изменениями и основными характеристиками.

Городская субкультура – продукт исторических изменений и симптом времени. После реформ и открытости кардинальные перемены наложили ярчайший отпечаток на эту социальную группу. Неотъемлемые атрибуты не только отражают уникальность городских субкультур Китая в этот период времени, но и описывают их общие черты. На подобию духовных кодов, они связаны друг с другом, сосуществуют в шахматном порядке и трансформируются под воздействием времени.

Ключевые слова: культурология; городская субкультура; политика реформ и открытости; Китай.

Сорок лет реформ и открытости, китайское общество претерпело быстрые изменения, экономика быстро развивалась, структура претерпела глубокие изменения, и различные городские субкультуры были высоко интегрированы. Китай прошел долгий путь от социальной макрореформе к заботе о собственной микрожизненной среде. Затем произошли социальные изменения. При этом городская субкультура всегда была продуктом этих социальных изменений, воздействующих на городскую среду.

Хотя со времени реформ и открытости городские субкультуры Китая имели свою внутреннюю структуру, особенности существования, общение, выражение и темперамент. Явные межпоколенческие изменения произошли во всех пяти измерениях, но за этими явными межпоколенческими изменениями все еще стоят некоторые относительные стабильные культурологические факторы. Эти относительно устойчивые вещи и духовные коды, разделяемые разными городскими субкультурами, позволяют описать их неотъемлемые атрибуты [1].

1) *Суть коннотации:* меняющийся стиль времени и устойчивый национальный темперамент китайцев дополняют друг друга. С момента реформ и открытости четыре типичные формы городских субкультур представляют собой органичное сочетание меняющегося стиля времени и устойчивого социокультурного развития представителей городской среды.

В сочетании эти стили передают идеал и действительность, возвышенное и вульгарное, ответственность и наслаждение, послушание и бунт, деконструкцию и созидание, культурологическое наследование. Все это определяет внутренний мир, запутанный и конфликтующий с инновациями.

Культура бунтующих городских слоев населения ассоциируется с криком крови, цунами гнева, неприкрытой критикой и донкихотским героизмом.

Культура молодежного упрямства определяется с помощью юмора, сарказма, снисходительности, декаданса и абсурда, в то время как

насмешливая культура использует атрибут преувеличенного самоуничтожения. Они утверждаются за счет юмора, нелогичной и подрывной деятельностью, невротическим выражением, а культура участия в городской среде основана на интернет-пространстве и открытой социальной и экономической деятельностью.

Обмен информацией, онлайн- и оффлайн-, а также интерактивная интеграция, а также участие, переговоры и изменение действий, которые объединяют развлечение, критику и построение различных городских субкультур Китая демонстрируют самодисциплину. Несмотря на то, что городские субкультуры Китая разные по стилю, они разделяют один и тот же дух. Все они представляют собой понятийную систему, разделяемую возрастной группой, которая представляет собой отношения между молодежью и мировоззренческое отражение отношений с окружающим миром. Все это обеспечивает автономное и самосогласованное культурное пространство для городских субкультур.

2) *Механизм генерации:* взаимодействие между выражением микроскопического внутреннего мира и реакцией на макроскопические социальные изменения. «Городская субкультура может лучше всего отражать существенные характеристики социальных изменений» [2, с. 84]. От культуры упрямства до культуры насмешек и сетевого участия – они глубоко укоренились в почве той социальной реальности, в которой живут. Это продукт макроскопической социальной реформы и развития, воздействующей на городскую среду, и это воплощение общих социальных изменений в Китае после 1980 года.

Невозможно по-настоящему понять духовный подтекст городской субкультуры Китая. Возникновение гневной городской культуры связано с устранением и противостоянием «левому» направлению мысли. 1980-е чередование старых и новых эпох для нового поколения коллективная психологическая тревога является почвой для бунтующей городской субкультуры, а энтузиазм молодых людей участвовать в социальных реформах и развитии составляет культуру борющейся молодежи, формирует ее внутреннюю мотивацию.

Корень упрямой городской субкультуры – это принятие и бунт против утилитаризма плановой экономики и перехода к рыночной, реальность разрыва между богатыми и бедными, распространение утилитаризма, появление крайнего индивидуализма и гедонизма.

Распад ценностной системы, этот ряд факторов составил социальный фон упрямой культуры, господствовавшей в 1990-е гг. Преобладание

социализации обусловлено поглощением и восстанием культуры потребления.

Процветание культуры участия неотделимо от появления новых медиа. Это тип городской субкультуры, порожденный сетевыми новыми медиатехнологиями или тесно связанный с ними.

3) *Динамическая структура: сосуществование гибридного симбиоза и упорядоченного наложения.* На протяжении всего развития городских субкультур Китая с момента реформ и открытости, различные социальные группы интерпретируют и выражают собственные духовные устремления, но развитие городской субкультуры не полностью следует бирминговой модели линейного развития «ты поешь, а я выхожу на сцену», описанной школой Хань.

Например, гневная молодежная культура, которую несла рок-музыка Цуй Цзяня, прошла через 1980-е годы. После она не исчезла совершенно с развитием времени, а изменило форму выражения и продолжилась в новом виде [1]. То же самое относится к субкультуре насмешек: если мы внимательно понаблюдаем и сравним, то обнаружим, что она очень привлекательна в современной городской субкультуре.

Культура Тукао, траур и буддийская культура скрывают духовные характеристики и стили выражения упрямой культуры и культуры насмешек прошлого. В то же время, хотя поле городских субкультур всегда представляло собой состояние, в котором различные формы субкультур пересекаются и сосуществуют друг с другом. Так, городские субкультуры, как считают исследователи постсубкультуры, «больше не связаны с окружающей классовой структурой, полом или этнической принадлежностью» [1].

На современные городские субкультуры Китая влияют объективные факторы, такие как семейное происхождение, род занятий, географическое происхождение, пол, личность, знания и опыт. Следовательно, это требует от культурологов развития мышления о фрагментации городских субкультур.

4) *Функциональная ценность: деконструкция и построение, отклонение и согласованность.* Поскольку сущностью городской субкультуры является система понятий, разделяемая группами населения, то это отношения между индивидом и окружающей городской средой.

Глядя на процесс развития городской субкультуры со времен реформ и открытости, можем обосновать, что городские субкультуры каждой эпохи основаны на полном поглощении правил и ресурсов основной

национальной культуры в их тесном взаимодействии, определяя свой собственный уникальный стиль, формируя и изменяя господствующую культуру и социальную структуру.

По сравнению с основной культурой, городская субкультура не является «на самом деле разрушительной для социального порядка», как это описано в видении Чикагской школы. Это не совсем «субкультура стилистического сопротивления господствующей идеологии» в понимании Бирмингемской школы. Это не совсем «чистая развлекательная культура, не имеющая ничего общего с политикой и далекая от господствующей идеологии» в видении постсубкультурологов [2, с. 89].

Между идеологиями существует противостояние и переговоры, конкуренция и сотрудничество. Оно бывает деструктивным и созидательным, развлекательным и критическим. Городские субкультуры выполняют попеременно функции деконструкции и строительства в сложных отношениях с мейнстримной культурой, отражающей развитие китайского общества.

В то же время, независимо от того, является ли стиль городских субкультур Китая после реформ и открытости радикальным и сатирическим или высмеивающим и вовлеченным, их ценностная функция в отличие от городских субкультур в западном обществе, по своей сути содержит классовый антагонизм, силовые репрессии и конфликтную конфронтацию, что несовместимо с мейнстримными идеями. В Китае государственная идеология отражает основные интересы самых широких слоев населения и представляют собой направление передовой культуры Китая, поэтому городская субкультура и мейнстримное сознание не противостоят друг другу.

Библиографические ссылки

1. 闫翠娟: 《“愤青文化”的历史追思与当代启示
以“摇滚愤青”崔健为观察视角》, 载《中国青年研究》, 2018 年第 8 期 [Ян Цуйцзюань. «Историческая память и современное просвещение о «разгневанной молодежной культуре»: с точки зрения наблюдения за «рок-сердитой молодежью» Цуй Цзянь», Китайские молодежные исследования. – 2018. – № 8.].
2. 闫翠娟我国青年亚文化的历史演进 青年亚文化观察 中国青年社会科学 2019 年第 3 第 38 卷(总第 202 期) 83-91. [Ян Цуйцзюань. Историческая эволюция молодежной субкультуры Китая, Наблюдения за молодежной субкультурой, Китайские молодежные социальные науки. – 2019. – т. 3, т. 38 (№ 202). – С 83–91].

СЕКЦИЯ 8. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ОПЫТ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.НИЦШЕ

И. Д. Дементьев

Белорусский национальный технический университет, г. Минск;

kilkalox8@mail.ru

*Научный руководитель – Беркова Ольга Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В публикации автор анализирует переоценку ценностей в трудах Ф. Ницше. Проводится исследование на основе трудов Ф. Ницше. Объектом исследования выступает нынешнее общество, его анализ в данный момент, а цель – проанализировать, готово ли общество к переоценке ценностей, сделать прогноз на будущее.

Ключевые слова: Ф. Ницше; переоценка ценностей; сверхчеловек.

Одна из самых больших тем, которая рассматривается в философии Ф. Ницше, – это ценности. Она поднимается во многих его трудах: «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Воля к власти».

Центральными темами в философии Ницше являются сверхчеловек, переоценка ценностей, мораль господ и рабов. Самыми актуальными темами – темы морали и ценностей. Но когда возникает тема сверхчеловека, то главное, что следует сказать: сверхчеловек произвёл переоценку морали и ценностей, создал свою собственную мораль, уйдя от морали «рабов», где слабость – добродетель.

Проблема ценностей существовала давно: с тех времён, когда нужно было отличать опасность от надёжности, плохое от хорошего. С тех пор человек начал придумывать мораль, которая бы помогала ему отличать губительное от всего живого. Ф. Ницше рассматривает эту необходимость с разных сторон и приходит к мнению, что человек должен отвергнуть всю мораль, навязанную обществом, стать лучше, стать «Сверхчеловеком» впоследствии, который находится «По ту сторону добра и зла», за пределами рамок, которые его связывают. Эта совершенно простая, по его мнению, мысль, но она совершенно забыта людьми, и поэтому актуальна.

Люди просто не думают о подобном, они заняты делами на бытовом уровне, развивая, как максимум, своё физическое «Я», абсолютно не обращая внимание на свои интеллектуальное и духовное начала, к которым впоследствии все придут, как минимум – в старости, когда смерть не так далека и начинаешь думать, чего ты достиг за свою жизнь, для чего это и тому подобные вопросы. Шопенгауэр, например, говорил, что молодые познают мир, а старые его анализируют. В молодости пробуешь всё новое, а в старости занимаешься философией.

Есть в философии Ницше мораль рабов и господ, которая непосредственно связана с переоценкой ценностей. С точки зрения Ницше, сейчас период господства рабов, их ценностей. Например, в произведении «Так говорил Заратустра» Ницше описывает, что станет с обществом в будущем, что из себя представляет нынешняя «толпа», и к чему человек должен прийти. А именно, к сверхчеловеку, свободному от иллюзий, обмана, способному самому созидать и создавать свой мир, как ребёнок. Толпа же – это равенство, смирение, слабость, дух, возводящиеся в добродетель. У морали господ возносятся сила, борьба, гармония тела и духа, справедливость. По мнению Ницше, добродетели последней должны стать основополагающими: такими, которые позволят освободиться от оков всеобщего равенства, слабости, духовной деградации общества, и прийти к созидающему и свободному «Я», к сверхчеловеку.

Слова о том, что сверхчеловек как ребёнок, есть одна из метафор Ницше о становлении человека, в его произведении «Так говорил Заратустра». Она заключается в том, что человек переживает в своей жизни различные стадии (не обязательно все или несколько. Можно остаться и на одной): верблюд, лев, ребёнок. Верблюд – обычный человек, который впитывает всё от мира и не имеет своего мнения. Находясь, таким образом, в «оазисе», питаясь водой и едой, которую ему предложили другие. Обычный человек. Лев – отрицание всего, «нигилизм». Это метафора про льва, находящегося в пустыне, который избрал свой путь, добровольно ушел от наслаждений и благ, и выбрал сухую и одинокую пустыню, где он один там король. Лев не способен к созиданию, но хочет освободиться от предрассудков общества. Ребёнок же – заключительная стадия. В ней человек, как ребёнок, сам создаёт свой мир, свободный от предрассудков, чужого мнения, не испорченный никем, действующий сообразно своим замыслам, чувствующий истинное счастье и живущий без бед. Это сверхчеловек, созидающий. Именно такими мы и должны стать.

Проанализировав труды Ф. Ницше, я считаю, что общество не готово и никогда не будет готово принять позицию Ф. Ницше, как минимум в ближайшее время. Оно слишком далеко от его идеи о «сверхчеловеке», «переоценки морали и ценностей», которые являются вполне обычными, но из-за того, что все забыли об этом, эти размышления и знания особенно ценны. Все следуют законам, писанным в книгах, текстах, но редко люди делают так, как необходимо, рассуждая самостоятельно, находясь, таким образом, «По ту сторону добра и зла».

Библиографические ссылки

1. *Ницше, Ф. В.* Так говорил Заратустра / Ф. В. Ницше. – М. : АСТ, 2021. – 416 с.
2. *Ницше, Ф. В.* По ту сторону добра и зла / Ф. В. Ницше. – М. : АСТ, 2020. – 320 с.
3. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата обращения: 21.03.2022.

НЕВИДИМАЯ ВЛАСТЬ ПАНОПТИКОНА КАК ОБРАЗ ВСЕВИДЯЩЕГО БОГА

Д. С. Курачинская

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
daria.kurachinskaya@gmail.com*

*Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна,
доктор философских наук, профессор*

В статье рассматривается концепция «паноптикона» как фундаментального элемента системы власти-знания в теории дисциплинарной власти французского философа Мишеля Фуко. Ставится вопрос об актуальности данной проблемы в рамках реального и виртуального пространств. Также изучается специфика феномена «паноптикума», его характеристики и влияние на современное информационное общество. Эксплицируется механизм отправления власти через призму оптики видеть-быть видимым. Выявляются отношения надзирателя и заключенного, власти и знания. Формулирование идеи реконструкции концепции «анатомия власти» на «виртуальную анатомию власти».

Ключевые слова: М. Фуко; «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»; паноптикон; дисциплинарная власть; власть-знание; «виртуальная анатомия власти».

Диспозиция «паноптикона», как механизма «всенадзорности», привела к возникновению двумерного индивида, который принадлежит как реальному измерению, так и виртуальному. Эмансипация виртуального пространства трансформирует не только самого субъекта, но задает новый

порядок как дискурса, так и социальной реальности: акцент смещается от активного субъекта к приме структуры «власть – знание», имплицитно содержащей «волю к власти». Так индивид оказывается в пространстве тотального контроля, превращаясь в учтенный, зафиксированный объект надзора и информации. Даже его речь подпадает под нормирование и регламентацию, например, «пациент» лишен права голоса и, соответственно, перестает быть субъектом коммуникации. Получается, что трансформация механизма «паноптической власти» привела к унификации коммуникативного пространства. Дисциплинарная власть тотальна и четко нелокализована, она везде и нигде, пронизывает не только все институты, но и измерения. Французский исследователь М. Фуко спрогнозировал «дисциплинарность» компьютерного мониторинга как образ всевидящего Бога. Наше обращение к структурному анализу паноптикона позволит выявить сущностные характеристики «наблюдения за некоторыми» в иллюзорной действительности. В этом и заключается основная цель статьи.

В своей работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» М. Фуко актуализировал механизм «паноптикума», вводя в научный обиход концепцию «дисциплинарной власти». Трансфер детально сегментированной дисциплины на расплывчатое пространство заключения приводит к обезличиванию и «клеймению». Дисциплинарный режим через церемониал объективации индивида формирует знание, связанное с отправлением власти. Принцип принудительной видимости присваивается субъекту дисциплины. В дисциплине именно субъекты должны быть видимыми. Их видимость удостоверяет накиннутую на них узду власти [5, с. 229].

Индивида как объекта описания и анализа производит бифуркация тюрьмы – архитектурный образ «паноптикона» Бентама. По периметру учреждения надзора – кольцевое здание, разделенное на камеры, в центральное положение занимает башня с широкими окнами, выходящими на внутреннюю сторону кольца. Камерное наблюдение возможно ввиду наличия двух окон: одно выходит наружу, другое внутрь. Данное расположение окон предоставляет сквозное наблюдение. Диаметральный принцип надзора характерен темнице. Однако функция заточения девальвировала другие: лишать света и скрывать. Яркий свет и взгляд надзирателя пленят лучше, чем тьма, которая в конечном счете защищает заключенного. Видимость – ловушка [5, с. 244].

Паноптикум «послушных тел» служит целям управления, рассчитанных на длительный срок. Индивид как объект информации и анализа не является субъектом коммуникации. Изоляция и тотальная поднадзорность приводит заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти [5, с. 244-245].

Машина власти не требует постоянного надзора. Надзор – факт пребывания под надзором [1, с. 31]. Бентам выявил принцип, согласно которому власти присущи аспекты видимости и недоступности для проверки. Видимость заключается в имеющейся у заключенного длинной тени центрально башни, откуда ведется наблюдение. Недоступность проверки – неведение заключенного в надзоре. Осуществляется своего рода абберрация постоянного слежения. Правомерно утверждать амбивалентность механизма автоматической власти в «идеальной тюрьме». Паноптикон – машина для разбиения пары «видеть – быть видимым»: человек в кольцеобразном здании полностью видим, но сам никогда не видит; из центральной башни надзиратель видит все, но сам невидим [5, с. 245-246].

Оптика машины поднадзорности затрагивает по преимуществу душу. Физическое наказание сменяется символическим. Бестелесное воздействие вырождается из вымышленного отношения надзор-ответственность. Заключенный становится началом собственного подчинения. Тот, кто помещен в поле видимости и знает об этом, принимает на себя ответственность за принуждение власти [5, с. 247].

Компактная и упрощенная модель дисциплинарного механизма функционирует в двух направлениях: паноптикон как дифференцирующая и классифицирующая машина и как лаборатория власти. Экспериментальное поле, в которое заброшен «пациент», эффективно за счет знания о поведении. Создается некая главная точка, которая оказывается средоточием отправления власти и в то же самое время местом записи знания [4, с. 222]. Остроумно устроенная клетка представляет форму политической технологии; она – диаграмма идеально устроенной власти. Правомерно утверждать, что архитектоника паноптикона встроена имплицитно в системы дисциплинарной власти, которые распространились за счет саморазвивающейся технологии видеть-быть видимым.

Паноптикон следует рассматривать через призму его функциональной природы. Он служит для надзора и исправления, обучения и лечения.

Иерархическая организация тел в пространстве, инструменты воздействия, центры и периферии отправления власти применяются в тюрьмах, больницах, школах, фабриках. В каждом из своих применений паноптический механизм реализуется через многовекторность.

Во-первых, обратно пропорциональная зависимость представителей власти на представителей, подлежащих ее воздействию.

Во-вторых, вмешательство власти в любой момент при постоянном давлении без прямого воздействия. В условиях паноптикона власть никогда не вмешивается, а отправляется самопроизвольно и бесшумно [5, с. 251].

В-третьих, паноптическая схема «дает сознанию власть над сознанием».

Исходя из вышепредставленных путей развития машина паноптикона усиливает аппарат власти, обеспечивая экономию и эффективность. Паноптикон может быть интегрирован в любую функцию, в компиляции с которой, укрепляет точки сцепления в отправлении власти. Паноптическая модель реорганизовывает процессы устройства государства на всех его уровнях. Машина видения стала прозрачностью зла, в которой отправление власти контролируется всем обществом. Отсюда следует формирование новой «политической анатомии», принципом которой является паноптизм, базирующийся на отношениях дисциплины. «Дисциплина» не может отождествляться ни с институтом, ни с аппаратом; она – тип власти, модальность ее отправления, содержащая целую совокупность инструментов, методов, уровней приложения и мишеней; она есть «физика» или «анатомия» власти, как технология [5, с. 263].

Зрелищное общество девальвирует общество надзора; последний внедряется в основание тел, которые придаются муштре полезных сил. Надзор осуществляется посредством самих надзирателей, так как они являются составной частью глубинного процесса в паноптической машине. Дисциплина – единый метод, посредством которого тело с наименьшими затратами сокращается как «политическая» сила и максимально увеличивается как полезная сила [5, с. 270].

Паноптизм есть абстрактная форма реальной технологии производства индивидов. Система поднадзорности и всезнания сформировалась в мире действительном. Прежде чем подавлять, власть “порождает действительность” [2]. Пронизывая все структуры общества, внедрилась во внутренние механизмы и функции институтов. Адаптировавшись, система сепарировалась от объективных носителей. Данная структура стала

невидимой, однако не менее эффективной. Развитие высоких технологий содействовало реорганизации поля деятельности паноптизма. Виртуальная реальность – реальность, в которую запустила свой вирус паноптическая власть. Паноптизм, напротив, призван расширять и усиливать [5, с. 253].

Совершенствование цифровых и сетевых технологий создает новые угрозы безопасности. Параллель обнаруживается между Паноптиконом и компьютерным мониторингом над индивидами в условиях развитого капитализма [3]. Интернет-пространство становится новой платформой для контроля над индивидами, включающая методы управления и дисциплины. Новый паноптикум усиливает дифференциацию, классификацию индивидов через механизмы надзора, разворачивающихся в вертикально-горизонтальной плоскости. Паноптикон – матрица экспериментального познания. Правомерно указать на доминирующий аспект «оптики Бога» – все наблюдают за всеми.

Недостаток информации об индивиде – основание для подозрений. Подробное, систематизированное знание перерастает в эффективную власть. Виртуальная среда – образ всевидящего Бога, о наблюдении которого индивиды не догадываются, однако знают. Общество диспозитивно формирует все новые машины-паноптиконы в погоне за знанием, на руках которого кровь создателей.

Правомерно утверждать децентрацию очагов отправления власти ввиду сепарации целого механизма от института, пространства и ситуации. Архитектоника дисциплинарной власти увеличила собственные возможности, перенеся концепцию «паноптикона» в виртуальное пространство. Власть распространяется благодаря информационным лакунам. Постоянный учет за индивидами не позволяет выйти из системы надзора. Власть пронизывает два измерения, в которых существует индивид. Он – продукт замкнутой и самопроизвольной «виртуальной анатомии власти», развивающийся через принцип паноптической прозрачности.

Библиографические ссылки

1. *Бланшо, М.* Мишель Фуко, каким я его себе представляю / М. Бланшо ; пер. с франц. и послесловие В. Е. Ланицкого. – СПб.: Machina, 2002. – 96 с.
2. *Делёз Ж.* Фуко / Ж. Делёз ; пер. с франц. Е.В. Семиной. Вступит, статья И. П. Ильина. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998 – 172 с.
3. *Ильин, И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
4. *Фуко М.* Око власти / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Праксис, 2002. – С. 220–249.

5. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: пер. с франц. / М. Фуко. – Москва: Ad Marginem : Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 384 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ П. СЛОТЕРДАЙКА

Г. А. Личевский

Белорусский государственный университет, г Минск;

ilichevsky536@gmail.com;

*Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна,
доктор философских наук, профессор*

В статье рассматриваются политические аспекты философии П. Слотердайка, выразившиеся в оформлении концепта цинического разума как следствия реализации проекта Просвещения. На этом основании автором осуществляется анализ теоретического наследия неомарксистской парадигмы Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), выступившей идейной предтечей концепции П. Слотердайка. В результате автором резюмируется, что исторические проекции европейского рационализма выявляют свою иррациональную подоплеку, сопряженную с феноменами социальной гомогенизации, отчуждения и конечным принятием идеологий обскурантного типа. В этой связи автором подчеркивается эвристический потенциал диалектических построений П. Слотердайка, обнаруживающих перспективу снятия тотализирующих социальных алгоритмов посредством радикального отрицания синтетической картины реальности.

Ключевые слова: Просвещение; цинический разум; негативная диалектика; идеология; отчуждение.

Как показывает трагический опыт XX века, традиция новоевропейского Просвещения правомерно может быть названа точкой бифуркации в отношении перспектив конструирования общества «всеобщего равенства». Основания этому имплицитно обнаруживаются в проекте масштабной индоктринации принципов рациональности и позитивистски-правовой сознательности, в результате которого онтологическое измерение социального бытия претерпевает деструктивную метаморфозу в эрзац-продукт инструменталистской идеологии. На этом фоне критические подходы к осмыслению действительного статуса актора политической реальности в философии неомарксизма (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, П. Слотердаик) подтверждают свою актуальность в соотношении с эпифеноменами постиндустриальной цивилизации – форсированной атомизацией общественного субъекта и превалирующим консюмеризмом. Однако ввиду того, что именно П. Слотердаик существенно развил

идейное наследие теоретиков Франкфуртской школы с позиций диалектической интерпретации социального прогресса, представляется приоритетным апеллировать к его основным идеям для понимания и описания современного общества.

Так, основным предметом рассмотрения со стороны П. Слотердайка выступает прецедент обращения разума в мифогенную детерминанту социального агонизма, «просвещенное ложное сознание» [3]. В этом случае П. Слотердаик развивает аргументацию Т. Адорно, указывая, что в ходе экстраполяции проекта Просвещения субъект оказывается не столько агентом квазирационального производства, но скорее сознательно принявшим роль бездействующего циника. Такого рода самоотчуждение обусловливается сатирическим характером просвещенного разума, в сущности лишённого какой-либо связи с бытием субъекта в реалиях репрессивной цивилизации: «необходимость выживания и желание самоутвердиться смирили и унизили просвещенное сознание» [3]. Таким образом, постулат цинизма – нежелание субъекта в добровольно осознавать то, что он делает рациональным путем, предстает первичным модусом взаимодействия с внешним миром.

Немаловажный интерес поэтому представляет диалектическая компонента Просвещения, результирующая в дегуманизации социума как суггерировании ложной идентичности субъекта вне-бытия. В этом случае установка на практическое освоение внешней среды обретает статус репрессивной инстанции общества, основным принципом которой выступает вытеснение жизненного пространства механизмами капиталистической интеграции.

Здесь П. Слотердаик, следуя Т. Адорно, препарирует механизм пролиферации позитивного знания, инспирированного вещностью мира в целом: пребывая первоначально в ситуации конфликта разумного «Я» и аморфной природы, социальный агент в конечном счете произвольно овеществляет свое сознание с целью снятия субъект-объектной дихотомии. Вследствие этого, императив функционализма обретает проекцию в ракурсе социализации: дабы обрести признание Другого, субъект с необходимостью отрешается от личностных установок в угоду массовым [2]. Как итог, первоначальная несоразмерность «Я» редуccionистским алгоритмам общественного производства гипостазирована в сознании рафинированного типа, исторически обусловленного солидаризацией буржуазии с классом рабочих.

Следует отметить, что на пути переосмысления теории негативной диалектики П. Слотердайка осуществляется последовательную критику ключевых положений Т. Адорно, несмотря на то, что в истории философии обоих мыслителей правомерно отнести к единому направлению. В частности, развенчивается довод о двойной негации как способе преодоления шероховатостей теорий Г. Гегеля и К. Маркса: если основанием диалектики выступает категория эстетического отрицания синтетической картины реальности, то на практике это не приводит ни к каким плодотворным последствиям [3]. Вместо этого П. Слотердайка заявляет о необходимости в антитетическом прочтении самой диалектики, используя категориальный аппарат тех дискурсов, что ее опровергают - эмпиризма, материализма и экзистенциализма.

В результате синтезированная методология П. Слотердайка проливает свет на категорию синтеза как рационального «еще-не», отсутствующего, что позволяет преодолеть ограниченность традиционного марксизма и неомарксизма Франкфуртской школы: тоталитарная ориентация господствующего класса в первом случае и нежизнеспособная эстетика во втором вытесняются планомерным сопротивлением стабильности капиталистического мира, при котором субъект активизирует свои витальные потенции в действительности. Таким образом, концепция П. Слотердайка выявляет свой эвристический потенциал в отношении перспективы подлинного преодоления капиталистических фантазмов, учитывая со-причастность субъекта насущному бытию.

Соответственно, согласно мысли не П. Слотердайка, становится возможным проследить предпосылки к оформлению цинического статус-кво на примере диверсификации капитализма XX века, сопряженной с тотализацией утилитарной доминанты. Популяризированные на этой почве идеологии радикального толка выступают закономерным следствием изменившейся морфологии общества: если ранее в истории имело место классовое расслоение, а значит, плюральность политических запросов, то с оформлением массовидной социальной стратагемы объективных факторов общественной заинтересованности в политике не осталось. Наоборот, первичным стимулом такого общества выступает конформность как коррелят социальной безопасности.

На этом основании симптоматическая безропотность агента индустриальной цивилизации маркируется П. Слотердайком в терминах механистического бездушия. Именно поэтому фактическая неспособность субъекта реализовать онтологический проект «Я» в условиях

противоестественной гомогенизации приводит к бравированию собственной несостоятельностью.

Подытоживая вышесказанное, целесообразно отметить, что идеи П. Слотердайка представляют собой закономерное развитие неомарксистской теории Франкфуртской школы. Разделив пафос критической теории, мыслитель осуществил пересмотр концептуальных оснований Просвещения; в этом случае социально-политические констелляции новоевропейского рационализма оказываются сопричастны диктату цинического начала как формы самоотчуждения субъекта. Сценарий же гармонизации социальных отношений в капиталистическом обществе, согласно идеям П. Слотердайка, обнаруживается в отрешении от спекулятивного наследия апологетов позитивного мышления – Г. Гегеля и К. Маркса, что требует активизации витальных потенций индивида, противопоставляемых капиталистической инертности.

Таким образом, в условиях современных процессов глобализации и социальной анонимизации наследие П. Слотердайка едва ли может быть недооценено, ибо задача конструирования принципиально новой картины реальности, запрос в которой возрастает все сильнее, немыслима вне обращения к общепольным формам социальной коммуникации, а равно – реабилитации социального субъекта.

Библиографические ссылки

1. *Адорно, Т.* Негативная диалектика / Т. Адорно. – М.; АСТ, 2013. – 538 с.
2. *Адорно, Т., Хоркхаймер, М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты/ Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М., СПб; Медиум-Ювента, 1997. – 312 с.
3. *Слотердаик, П.* Критика цинического разума/ П. Слотердаик. – СПб, изд. Ивана Лимбаха. – 800 с.

ПРОЕКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

М. О. Лунская

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
margo_lun@mail.ru*

*Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна,
доктор философских наук, профессор*

Статья посвящена анализу проблемы свободы в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра. В статье раскрывается человеческое бытие как свободный фундаментальный проект, а также анализируется взаимосвязь свободы и ответственности, под которой понимается как свобода выбора своего существования, так и неотъемлемость ответственности человека не только за свое существование, но и за бытие другого.

Ключевые слова: свобода; ответственность; фундаментальный проект; бытие-в-себе; бытие-для-себя; экзистенция.

Центральной темой экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра является тема человеческой свободы. Прежде, чем перейти непосредственно к ней, необходимо раскрыть основные структуры человеческого бытия в философии французского мыслителя. Он выделял две основные бытийные структуры: бытие-в (*être-en*) и бытие-для (*être-pour*). В свою очередь бытие-для существует в структурах бытия-для-себя и бытия-для-другого.

Что же представляет собой бытие-в-себе? Бытие-в-себе есть сам феномен бытия, бытие как таковое. Эта структура включает в себя всё сущее, то есть предметы нашего мира. Однако сам по себе мир не феноменален, таким он становится только с появлением в нём человека. Следовательно, данная структура предполагает человеческое бытие. Согласно Ж.-П. Сартру, бытие-в-себе проявляется на дорефлексивном уровне нашего сознания, то есть до всякого акта мышления. Такое бытие всегда тождественно самому себе, оно «есть то, что оно есть» [1, с. 65]. При этом бытие-в-себе бескачественно и самодостаточно и не нуждается в других структурах для своего существования.

Существование второй структуры, бытия-для себя, возможно именно благодаря структуре бытия-в-себе. Без бытия невозможно бытие сознания, «бытие-в-себе – все, среди чего (и на фоне чего) сознание открывает себя в мире, среди вещей и Других, в ситуации» [3, с. 128]. При этом именно для-себя наделяет бытие-в-себе качествами, которыми оно вне нашего сознания не обладает. Таким образом, бытие-для-себя представляет собой рефлексивное человеческое сознание, то есть то сознание, которое уже непосредственно находится в процессе мышления. Ж.-П. Сартр называл бытие-для-себя «дырой в бытии» или Ничто. В отличие от первой бытийной структуры оно несамотождественно, т.е. не является тем, что оно есть.

На этом моменте целесообразно остановиться подробнее, и пояснить, почему бытие-для-себя не есть то, что оно есть, почему оно отрицательно. Бытие-для-себя не тождественно самому себе, однако, как утверждал Ж.-

П. Сартр, оно всегда есть «присутствие по отношению к себе» [1, с. 367]. Следовательно, человек никогда полностью не совпадает с самим собой, а, значит, и не может зафиксировать себя в конкретном настоящем «я есть», его бытие-для-себя – это всегда бегство, проект в будущее. Именно направленность в будущее отличает человека от бытия-в-себе, и не позволяет ему приобрести положительность, самотождественность.

Ж.-П. Сартр утверждал, что «существование предшествует сущности» [2, с. 322]. Сначала человек рождается, его забрасывают в этот мир, не оставляя возможности на это повлиять. Однако, с момента осознания своего существования как открытого, экзистенциального, человек открывает для себя веер возможностей выбора, каждый из которых определяет жизнь. Поэтому экзистенциальность выбора заключается не в том, что мы выбираем, а в том, что всякий раз совершая его, мы выбираем самих себя в конкретной жизненной ситуации. Человеческая свобода состоит именно в выборе: даже отказываясь от него, мы уже его совершаем.

Ж.-П. Сартр отметил, что также, как и существование, «свобода не имеет сущности» [1, с. 762]. Существовая, человек всегда действует, отсюда у него и возникает постоянная возможность выбора, потому как выбор является действием. Действие же реализуемо лишь в ситуации. Таким образом, мы получаем возможность обретения сущности, как мгновения в череде тех выборов, которые совершаются нами на протяжении всего нашего существования. Следовательно, проанализированный нами тезис Ж.-П. Сартра можно интерпретировать следующим образом: сама свобода предшествует сущности.

Ситуация зависит от человека, потому как в ней бытие-для-себя совершает личный выбор, но, одновременно с этим, ситуация несет в себе и долю абсурда. Он выражается в том, что помимо моего влияния на ситуацию, последней также присуща и случайность, воздействие внешних, независящих от бытия-для-себя обстоятельств. В своей философии Ж.-П. Сартр, говоря об этой случайной абсурдности, называет ее фактичностью.

Таким образом, ситуация представляет собой сочетание свободы и фактичности. Однако, каким образом они соотносятся между собой? Принято относить философию Ж.-П. Сартра к атеистическому направлению экзистенциализма. В своих статьях он неоднократно заявлял, что Бога нет. Отсутствие Бога порождает пустоту, которую бытию-для-себя необходимо восполнить, поэтому «человек делает себя человеком,

чтобы быть Богом» [1, с. 1065]. Человек, также, как и Бог (в его религиозном понимании), не имеет причины своего существования. Поэтому вся его жизнь становится совокупностью свободных проектов. Свобода позволяет человеку обосновать свое бытие, свести его фактичность, т.е. абсурдность к минимуму. Именно через реализацию собственных проектов человек борется с ней, он берет бытие в свои руки. И, хотя, человек является «сделанным бытием», т.е. заброшенным в мир, однако через проекты он способен «делать себя», определяя свою сущность. Тогда бытие-для-себя приобретает свои основания, становится осуществленным бытием в экзистенциальном мгновении.

Таким образом, человек, являясь собственным отрицанием, которое всегда находится в будущем относительно себя самого, реализует себя в ситуациях через проективность. Именно в этом и состоит фундаментальный проект Ж.-П. Сартра, согласно которому, вся наша жизнь является единым проектом свободы. Проект фундаментален именно в связи с тем, что является неотъемлемым для бытия каждого человека. При этом сам по себе он является совокупностью единичных проектов-выборов.

В процессе реализации своих проектов, человек воздействует на бытие, изменяет его. Если человек изменяет бытие, значит он свободен. Таким образом, с точки зрения Ж.-П. Сартра, необходимо разграничить простое желание, представление о выборе и непосредственный выбор [1, с. 835]. Желая что-либо, мы не способны ничего изменить, в желании нет свободы. Однако выбор всегда оказывает воздействие на бытие, а, значит, влечет за собой свободу.

Свобода Ж.-П. Сартра тесно сопряжена с ответственностью. Если я свободен, то это свидетельствует о том, что я ответственен. Приговоренный к свободе возлагает на свои плечи бремя всего мира: он отвечает за мир и за себя. Таким образом, ответственность у Ж.-П. Сартра является коллективной, Я ответственен за каждого человека. Это обосновано тем, что человек не может не выбирать, а выбирая, он всегда творит ситуацию, т.е. бытие-для-других. Человек не может ссылаться на внешние обстоятельства, потому как он сам и есть свобода. Таким образом, человек является обреченным не только на свободу, но и на ответственность: «если я мобилизован на войну, эта война является моей войной, она в моем образе, и я ее заслуживаю. Я заслуживаю ее с самого начала, потому что я мог бы всегда уклониться от нее посредством самоубийства или дезертирства». [1, с. 949].

Таким образом, бытие-для-себя является свободой. Одновременно с этим, бытие человека проективно: свобода человека реализуется в его проектах, а, значит, все его существование – это фундаментальный проект. Свобода всегда влечет за собой ответственность, поэтому каждый выбор бытия-для-себя, тождественного свободе, влечет не индивидуальную ответственность, а ответственность за все человечество. В этом и заключается проблема свободы Ж.-П. Сартра: человек, являясь всецело свободным, всегда несет на себе бремя ответственности за все человечество.

Библиографические ссылки:

1. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. В. И. Колядко. – М. : АСТ, 2020 – 1072 с.
2. *Сартр, Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. А. А. Санина // Сумерки богов ; сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1990. – С. 319–344.
3. *Тузова, Т. М.* Жан Поль Сартр / Т. М. Тузова. – Минск : Книжный Дом, 2009. – 256 с.

СПЕЦИФИКА МИФА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА А.Ф. ЛОСЕВА

А. А. Максимова

Белорусский государственный университет, г. Минск

bermakff4@gmail.com

Научный руководитель – Лещинская Ирина Ивановна,

кандидат философских наук, доцент

В статье эксплицирован анализ феномена мифа в творчестве русского философа А.С. Лосева. Показано, что в качестве методологического основания предпринятого философом исследования выступил сравнительный анализ данного феномена с наукой, религией и поэзией. Представлены существенные характеристики мифа как феномена культуры, выявленные с помощью данной методологии.

Ключевые слова: Лосев А.Ф.; «Диалектика мифа»; мифология; наука; религия; поэзия.

Одним из наиболее глубоких и системных исследований, посвященных анализу феномена мифа, является работа «Диалектика мифа» русского философа А.Ф. Лосева. Философ считает, что большинство исследований данного феномена допускали серьезную ошибку, пытаясь при

характеристике его сущности элиминировать все «таинственное и чудесное», что кроется в его содержании. Лосев ставит цель понять миф таким, какой он есть, и исследовать его, опираясь только на то содержание, которое присуще самому мифологическому сознанию.

Решение данной задачи философ осуществляет, во-первых, посредством доказательства положения, что миф не является вымыслом или выдумкой. Это утверждение, по его мнению, характерно не только для обыденного сознания. Во-вторых, Лосев предпринял развернутый сравнительный анализ мифа и основных феноменов культуры, таких как наука, религия, искусство (в лице поэзии).

Лосев, проводя четкую грань между мифом и наукой, подчеркивал, что миф никак не может являться прообразом современной науки. Наука суетлива, имеет свою абстрактную логичность, много наблюдает и запоминает, анализирует, пытается найти и обобщить объективное знание. Миф же больше опирается на эмоции и насыщен ими, он аффективен, направлен на самую жизнь во всех её проявлениях, а также имеет практическую основу.

Лосев допускает, что первобытная наука могла иметь окраски мифа, что делает её наивно-непосредственной, но ни в коем случае не наоборот. Даже на стадии своего первоначального развития она не связана с мифом, не имеет с ним ничего общего, и уж тем более ему не тождественна.

Обосновав тезис, что наука не рождается из мифа, Лосев в то же время показал ее мифологичность. Она состоит в том, что «...наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из неё свои исходные интуиции» [2, с. 403]. Философом был сделан вывод о том, что «... наука не рождена из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична» [2, с. 407].

Однако говоря об мифологичности науки, философ подчеркивал необходимость разграничения так называемой мифологичной науки и чистой науки. Чистая наука – «совершенно отвлечённая наука как система логических и числовых закономерностей» [2, с. 407]. Поэтому наука, которую мы называем реальной, всегда мифологична, но отвлеченная наука никак с мифом не связана. Когда же якобы происходит разрушение наукой какого-то мифа, это не значит, что миф исчезает, так как на его место приходит другой, кажущийся более истинным миф. «Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение, – убежден Лосев, – но живое субъект-объектное взаимообщение, содержащее в себе свою собственную, вне-научную, чисто мифическую же истинность,

достоверность и принципиальную закономерность, и структуру» [2, с. 416].

Для раскрытия сущности мифа Лосев также рассматривает вопрос о соотношении мифологии и религии. «Специально религиозное сознание», по мнению философа, часто путают с мифом, а порой и вовсе замещают одно другим, не видя принципиальной разницы. Однако несмотря на обнаруживаемое их сходство, они имеют и существенные различия.

Сходство заключается в том, что они оба живут самоутверждением личности. В религии личность ищет утешения, оправдания, очищения и даже спасения. В мифе личность также старается проявиться, высказать себя, иметь какую-то свою историю. Но в этом обозначенном сходстве уже очевидно и их расхождение. В религии – это желание самоутверждения личности в вечности, ее стремление связать себя навсегда с абсолютным бытием. Миф же не утверждает субстанциональное бытие личности в вечности, хотя он и живет исключительно личностным началом. Это позволяет философу заключить, что мифология не является сугубо религиозным феноменом.

Религия живет и существует за счет постоянно задаваемых вопросов, а именно: что ждет в конце, что есть грех, а что спасение, как можно очиститься и когда происходит грехопадение? Миф без данных вопросов способен обходиться. Религия может привносить в миф некоторое своё специфическое содержание, но структура мифа от этого сущностно не меняется. Мифу не обязательно содержать стремление к вечности путем искупления греха. Миф не утверждает личность в бытии, а создает образ, картину мира, смысловое явление личности, а не её субстанциональное бытие. «Миф не есть специально создание религии, или религиозная форма, т.е. он не есть субстанциональное самоутверждение личности в вечности, – утверждал русский философ, – но он – энергийное, феноменальное самоутверждение личности, независимо от проблемы взаимоотношения вечности и времени» [2, с. 491].

Лосев убежден, что существование мифа без религии возможно, но религия без мифа не может обойтись. Поэтому, полагает философ, религия есть специфическая мифология, а именно мифология жизни, или как ее точнее называет Лосев «жизнь как миф».

Следующее заблуждение, которое попытался раскрыть Лосев, связано со сходством мифа и поэзии. Оно позволило многим исследователям данных феноменов, считать их если не тождественными, то во всяком

случае близко родственными. В чем заключено это сходство и является ли оно достаточным основанием для такого рода утверждений?

Первое — это то, что и миф, и поэзия представляют собой выразительные формы. Поэзия неразрывно связана со словом, которое всегда глубинно-перспективно, а не лежит сугубо в одной смысловой плоскости. Миф обладает теми же качествами. Его словесность открытая или скрытая, также всегда выразительна. Второе сходство — одушевленность, или одухотворённое выражение. Поэзия всегда нечто одухотворенное, изнутри видимая жизнь. Мифология также прямо или косвенно повествует о существах или вещах, которые наделены душой.

Третье сходство — это сходство с точки зрения непосредственности. И мифология, и поэзия не нуждаются в доказательности или логичности. Для них присущи наглядность и непосредственная «явленность смысла», простота восприятия. И наконец, Лосев акцентирует внимание на свойстве отрешённости, которое обнаруживается в мифе и поэзии. В поэзии оно выражается в том, что эмоции сопровождают только те события, которые имеют особый смысл и художественное оформление.

Отрешённость в некоторой степени присуща и мифу, но именно в характере отрешённости и обнаруживается коренное различие между мифом и поэзией. В поэзии отрешённость — это отрешенность от факта. Это ситуация, которая М. Бахтиным названа как позиция «вненаходимости» [1]. Мифологическая отрешённость является отрешенностью от смысла или от идеи повседневной и обыденной жизни. Действительность остается в мифе той же, что и в обыденной жизни, за исключением поменявшегося смысла и идеи.

На основе всего вышесказанного Лосев делает примечательное заключение: миф и поэзия могут существовать друг без друга. Поэзия не обязана создавать образы, существующие реальности. В своей отрешенности она самостоятельна и не нуждается в мифологии. Мифология, в свою очередь, не сводима к поэзии. Поэтому для Лосева «миф не есть поэтическое произведение, но — отрешенность его есть возведение изолированных и абстрактно-выделенных вещей в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологически взаимо-относящуюся с человеческим субъектом сферу, где они объединяются в одно неразрывное, органически сросшееся единство» [2, с. 457].

Таким образом, миф, по убеждению Лосева, не является ни примитивно-научным построением, ни специфической формой религиозного сознания, ни поэтическим произведением. Представленные

русским философом феноменологический и диалектический подходы к анализу природы мифа позволили ему обосновать идею уникальности и самобытности данного феномена культуры.

Библиографические ссылки

1. *Бахтин, М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/5_4.html. – Дата доступа: 08.04.2022
2. *Лосев, А. Ф.* Из ранних произведений / А.Ф. Лосев // Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Правда, 1990. – 647 с.
3. *Лосев, А. Ф.* Миф. Число. Сущность. / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1994. – 920 с.
4. *Лосев, А. Ф.* Мифология греков и римлян. / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1996. – 975 с.

КОНЦЕПЦИЯ СВОБОДЫ Э. ФРОММА

Я. А. Матусевич

Белорусский государственный университет, г.Минск;

matusевичyan824@gmail.com

*Научный руководитель – Врублевская-Токер Татьяна Ивановна,
кандидат философских наук, доцент*

Рассматривается авторский подход Э. Фромма к идее свободы, воспроизводится обзор ее границ и сущности, также свобода человека представляется как фактор формирования и развития общества, особое внимание уделяется механизму бегства от свободы.

Ключевые слова: негативная свобода («свобода от чего-то»); позитивная свобода («свобода для чего-то»); индивид; идентичность; конформизм; общество.

Работа Э. Фромма «Бегство от свободы» впервые увидела свет в 1941 г., и это дает нам все основания считать, что подобная тема была избрана не случайно, что исторический контекст сыграл в этом ключевую роль. Кризис индивидуальной свободы, согласно Э. Фромму, становится предпосылкой современного ему культурного и социального кризиса.

В своей концепции свободы Э. Фромм вновь актуализирует кантовский подход к свободе, согласно которому она разделяется на два вида: негативную и позитивную свободу. Однако, в эти понятия он вкладывает, по сравнению с И. Кантом, несколько иное содержание.

Негативную разновидность свободы Э. Фромм понимает как «свободу от чего-то», а позитивную – как «свободу чего-то» [1, с. 46]. Э. Фромм рассматривает свободу в контексте осознания человеком своего места и положения в новых исторических условиях и связанных с этим проблем отчуждения и одиночества. Он считает, что западная цивилизация преуспела именно в развитии негативной свободы. В свою очередь, позитивная свобода является тем идеалом, который позволил бы личности беспрепятственно развиваться.

С развитием капитализма Э. Фромм связывает явления независимости, обособленности человека от природы. Человеку более не нужно в буквальном смысле бороться за свою жизнь. Его материальные и духовные потребности успешно удовлетворяются в рамках капиталистической системы. Происходит рождение индивида и индивидуализма как такового. Но та же система, что позволила индивиду родиться, захватила над ним власть, охватив все сферы деятельности, сделав его беспомощным и одиноким [1, с. 115].

Негативная свобода, «свобода от чего-то» является свободой в её обыденном понимании, это стремление освободиться от каких-либо внешних факторов. Например, свобода слова и свобода политическая – это стремление освободиться от диктата общества или государства.

Позитивная свобода, «свобода чего-то» характеризуется Э. Фроммом как свобода нового типа, которая позволяет личности реализовать свой потенциал. Одной из ключевых характеристик этого вида свободы является спонтанная активность, проявление всех эмоциональных возможностей [1, с. 44].

В XIX веке с развитием капитализма человек перестаёт быть «мерой всех вещей» [2, с. 96]. Вследствие развития рыночной конкуренции общество становится мобильным, это приводит к разрушению старых социальных связей, изменению моральных норм, основанных на человеческой солидарности. Главным результатом такого развития является человеческое отчуждение. Прежде всего, это отчуждение от фундаментальных ценностей, представленных в непосредственном опыте, и переход к абстрактным ценностям, главным образом, – к деньгам.

Такой же переход к абстракциям происходит и в сфере власти. Ракурс сменяется с традиционной власти, характеризующейся чётким авторитетом, на анонимную, скрытую власть. Мы, как и другие, не можем сказать чему или кому мы подчиняемся, но всё рано продолжаем подчиняться в своём конформизме. Человек, потерявший свою

индивидуальность, всеми силами пытается добиться одобрения и признания другими. По этой причине он готов подчиниться той власти, которая предоставит ему избавление от неуверенности и сомнений.

Боязнь одиночества является главной причиной всеобъемлющего конформизма. Не желание человека остаться одиноким толкает на молчаливое соучастие в любом действии, даже самом антигуманном. Принять свободу означает «взвалить» на себя всю полноту ответственности за свои действия и за свою жизнь. Проще отказаться от свободы, тем самым снизив бремя ответственности, и, в тоже время, ограничить возможности для развития. Такой индивид подавляет свои эмоции, у него формируется псевдоличность, которая ведёт себя в соответствии с теми моделями, которые ожидает от него общество.

Человек не рождается личностью, он становится ею. Если процесс личностного развития нарушается, то эволюция индивидуальности прекращается, рождается незрелая личность, испытывающая проблемы с независимым мышлением и определением своей позиции в мире. Такой человек будет стремиться «подстроиться» под социум, уничтожая, тем самым, зачатки своей уникальности.

Таким образом, Э. Фромм выявляет три варианта бегства от свободы.

Авторитаризм. Тенденция отказа от своей независимости и стремление слиться с чем-то внешним, дабы обрести недостающую силу. «Другими словами, индивид ищет новые, «вторичные» узы взамен утраченных первичных» [1, с. 151].

Разрушительность. Эта тенденция основана на бессилии индивида, она проявляется в стремлении уничтожить любую внешнюю угрозу. «Я могу избавиться от чувства собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, разрушая этот мир» [1, с. 188].

Автоматизирующий конформизм, или попытка избавиться от одиночества и отчуждения путём полного подчинения социуму, через абсолютное уподобление себя другим. «Коротко говоря, индивид перестает быть собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть» [1, с. 194].

Механизмы бегства от свободы являются важным элементом формирования общества, поскольку они существуют не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне.

Механизмам бегства от свободы противопоставляется спонтанная активность. Позитивная свобода подразумевает признание уникальности

индивида, проявление уважения к особенностям личности, как собственной, так и чужой. В качестве высшей цели она постулирует развитие личности. Э. Фромм считает, что подлинный идеал способствует развитию личности, а цели, достижение которых вредно для жизни, напротив, являются ложными идеалами.

Среди причин пассивности личности, выраженной в отсутствии творческой деятельности, Э. Фромм особое внимание уделяет заикленности системы капиталистических отношений. В концепции Э. Фромма свобода является пространством реализации личности. Без свободы человек не может раскрыть свои способности. Потребность человека в свободе неразрывно связана с его сущностью.

Поиск абсолютных высших ценностей, на основе которых человек мог бы реализовывать себя, является условием выхода из ситуации, при которой он утрачивает свои фундаментальные характеристики, главной из которых является свобода. Без свободы целостность личности невозможна.

Библиографические ссылки

1. *Фромм, Э.* Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2006. – 571 с.
2. *Фромм, Э.* Здоровое общество / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2005. – 448 с.

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

У. Юйцун

Белорусский государственный университет, г. Минск;

wuuisong0611@gmail.com

Научный руководитель – Легчилин Анатолий Александрович,

кандидат философских наук, профессор

Проблема добра и зла является важным предметом исследования в моральной философии. В данной статье в качестве объекта изучения древнегреческой философии выделяются представители классической философии – Аристотель и Платон. Аристотель, как и Платон, делит благо на два уровня: счастье – это высшее, истинное благо; другие вещи – это вторая категория благ, которые становятся доступными как средство достижения счастья. Они оба считают, что для высшего блага не существует соответствующего ему зла. Зло соответствует только конкретному добру второго рода; зло конкретно, существует в реальном мире. Для Аристотеля средством достижения

высшего блага является добродетель, а добродетель – это вторая категория блага. Зло, таким образом, является человеческим качеством, которое соответствует добродетели. Таким образом, он фактически показывает, что поступок, и добро и зло каждого человека, на самом деле находится в нем самом, и что за зло отвечает сам актер.

Ключевые слова: Платон; Аристотель; добро; зло; античная философия.

В современном здравом смысле «зло» и «добро» – это набор относительных понятий. Эти понятия в основном используются для обозначения моральной ценности вещей или действий. Но в случае Сократа и Платона добро понимается прежде всего в экзистенциальном, онтологическом смысле. По их мнению, все существование в реальном мире – это поиск совершенства своего существования. Совершенство собственного существования – это «доброта» каждой вещи в ее наилучшем состоянии. Добро – это основа существования каждой вещи, сущность каждой вещи. Но в реальном мире вещи не могут достичь совершенного существования.

Платон – известный представитель сократической школы. Начав с разрешения противоречия между всеобщим благом и конкретным благом, Платон начал объединять разрозненные и взаимоисключающие взгляды на добро и зло в целостную систему. Платон признавал, что добро и зло конкретных вещей в реальном мире относительны, но существует высшее, абсолютное добро, которое выше конкретного добра. Это и есть идея добра. Мир идей – это вечная реальность, а реальный мир – лишь тень мира идей. А в мире идей идея добра занимает самое высокое место. Согласно Платону: «Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое – познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было считать свет и зрение солнцезобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое-либо из них самим благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше» [1, с.316].

Идея блага едина и только частично с идеей блага может существовать конкретное благо. У Платона идея блага является не только источником моральных понятий, но и основоположником всего сущего; знать благо – значит знать все сущее; благо есть истинное, а истинное есть благо. Для Платона, как и для Сократа, сущность человека – это его душа. Душа – разум, сознающее свое «Я», то есть интеллектуальная и моральная

личность. Знание является добродетелью, а невежество – пороком и злом. Моральное благо сводится к факту сознания

Платон считал, что душа человека пребывала в мире идей до того, как попала в физическое тело, и поэтому уже обладала знанием о благе, которое было лишь испорчено физическим телом и забыто, и что познать благо можно путем воспоминаний и изучения. Таким образом, Платон выступает за использование разума для обуздания страстей и познания блага с помощью разума. Далее Платон разделил конкретное благо на три вида: благо тела, благо имущества и благо души. В этой системе внешнее благо подчинено физическому благу, физическое благо – духовному благу, а духовное благо – рациональному благу, которое является объединяющей силой. Онтологическое и эпистемологическое построение Платоном концепции добра и зла, используя объективный идеализм и рационализм, заложило теоретическую основу для систематизации концепции добра и зла.

Аристотель был первым древнегреческим мыслителем, который всесторонне систематизировал понятие добра и зла. Его этика была сосредоточена на благе отдельного человека, а в своей политологии он сосредоточился на благе города-государства. Аристотель начинает с утверждения, что «всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок (*praxis*) и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремятся». И далее рассуждая о благе в «Никомаховой этике» в контексте цели он заключает: «... цель эта есть собственно благо (*tagathon*), т. е. наивысшее благо (*toariston*)» [3, с 54-55.].

Аристотель не согласен с классификацией Платоном высшего блага как идеи, потому что благо может использоваться для описания как того, что есть, так и того, чего нет, а также природы и отношений, так что не существует общей идеи этих вещей. Для Аристотеля высшее благо – это счастье, а счастье – это деятельность добродетельной действительности. Аристотель считал, что счастьем можно научиться и что добродетель может прийти из привычки. Добродетель является промежуточной, поэтому высшим благом для индивида является среднее, а для города-государства высшим благом является справедливость [4]. Далее Аристотель подчеркивает, что мы сами решаем, быть добрым или злым. Поэтому человек должен отвечать за свои поступки, а за совершение зла его следует винить. Именно в этом смысле он утверждает важную роль свободы воли в развитии хорошего поведения. Аристотель подробно и

вдумчиво рассуждал о природе, критериях и выборе добра и зла, исходя из глубины и широты социальной практики, доступной ему в исторический период упадка рабства. Его идеи не только оказали положительное влияние на секуляризацию средневекового представления о добре и зле, но и продолжают оказывать значительное влияние на направление этики в современном мире.

Библиографические ссылки

1. Платон. Государство / Платон // Платон. Сочинения. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3. – 687 с.
2. Горохов, П. А. Философские представления о феномене зла в античной культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-predstavleniya-o-fenomene-zla-v-antichnoy-kulture>. – Дата доступа: 06.04.2022
1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Сочинения. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 54–293.
3. 倪素香.善恶论. 武汉大学.博士学位论文, 1998. – 165页= – [Ни Су Сян. Проблема добра и зла: дис. ... докт. филос. наук / Ни Су Сян. – Китай, 1998. – 165 с.].

РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МУЗЫКИ

Д. В. Шийка

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск;

diapsolmata@gmail.com

Научный руководитель – Дудчик Андрей Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент

Современная аналитическая философия музыки только недавно достигла своего нынешнего положения, как отдельного перспективного направления философского знания. Это случилось в двух последних декадах XX века с выходом нескольких работ, сыгравших важную роль в пробуждении интереса к философии музыки, и в выявлении ключевых тем и позиций. Так как истоки аналитической философии и музыкальной эстетики проистекают из философского прошлого, в публикации рассмотрены более ранние исследования о музыке, а затем обозначены те проблемные поля, на которых философы-аналитики, пишущие о музыке, акцентируют свое внимание начиная с двух последних десятилетий XX века.

Ключевые слова: музыка; философия музыки; эстетика, аналитическая философия.

Греческих философов в основном интересовали два вопроса, касающиеся музыки. Одним из них была систематизация математических

особенностей, лежащих в основе акустических явлений. Это, предположительно, указывало путь к пониманию гармонии космоса и принципов творения. Второй проблемой было влияние музыки на чувства, характер и поступки. Помимо обсуждения теории музыки, это включало размышления о связи между музыкой и этикой, о надлежащей роли музыки в образовании. Средневековые философы считали, что функция музыки состоит в том, чтобы делать священные тексты яркими и красивыми и демонстрировать совершенство творения. Однако, чувственная привлекательность музыки воспринималась как противоречащая высшим целям музыки.

С растущей секуляризацией музыки, когда власть перешла от церкви ко двору, укоренился новый тип теории, начиная с «Musica reservata» и «Maniera» в XVI веке. Эти движения, представленные композиторами и теоретиками музыки, рассматривали функцию музыки как подражание природе, особенно через выразительную интерпретацию исполняемого текста, и привели в начале XVII века к камерате и самым ранним операм. В XVIII веке эти идеи были выражены в «теории аффектов», которая утверждала, что музыка может выражать чувства, используя выразительные приемы риторики и ораторского искусства [1, с. 108-117]. Классификация искусств, появившаяся в XVIII веке, связывала музыку с поэзией, драмой, живописью, скульптурой и архитектурой. В тот же период эстетическими теориями занимались композиторы и музыкальные теоретики.

Музыкальный критик Эдуард Ганслик, автор одной из самых влиятельных работ в области музыкальной эстетики «О музыкально прекрасном» (1854), которого считают архиформалистом, утверждал, что музыка не способна выражать эмоции, но что ее движущиеся по тону формы являются источником особого рода красоты.

Психолог Эдмунд Герни попытался применить научный подход к музыкальной эстетике в своей книге «Сила звука» 1880 года, которая охватывает акустику, композицию, ритм, мелодию, место музыки в обществе и музыкальную критику. Приверженцы научной музыкальной эстетики, такие как врач и физик Герман Гельмгольц и инженер Уильям Поул в 1862 и в 1879 годах соответственно, были склонны сводить эстетические явления к принципам акустики. Их работа является важным историческим предшественником дисциплины, ныне известной как когнитивная наука о музыке, которая привлекла внимание ряда аналитических философов музыки. Среди них Ч. О. Нуссбаум [2].

В начале XX века интерес смещается в сторону интеграции философии с наукой. Со становлением психологии как экспериментальной науки, музыка и реакция слушателя привлекают к ней больше внимания. Гештальт-психолог Кэрролл К. Пратт представляет не только соответствующие эмпирические данные о «Значении музыки» в 1931 году, но и критически рассматривает теории, выдвинутые философами, и тщательно проводит различие между возбуждением от музыки и выражением эмоций.

Людвиг Витгенштейн в лекции по эстетике (1938) отмечал, что его, в первую очередь, интересует природа эстетического суждения и аргументации, и он проявляет глубокое недоверие к причинно-следственным объяснениям психологов, основанным на них. Он и в последствии часто использует музыкальные примеры, чтобы высказать свои соображения в эстетике и других областях философии [3].

Возможно, первым философски мотивированным и аргументированным изложением музыки была «Философия в новом ключе» (1942) Сюзанны Лангер. С опорой на теорию лингвистического значения, представленную в трактате Витгенштейна «Логико-философский трактат» (1922), при разработке объяснения музыки как неязыковой формы, которая представляет собой выразительное значение, которое не может быть дискурсивно передано.

Две важные работы, оказавшие большое влияние на исследователей музыки, были созданы музыковедами в 1950-х годах. В книге Дерика Кука «Язык музыки» (1959) описана связь, на протяжении нескольких столетий западной классической тональной музыки, определенных музыкальных интервалов и фигур с конкретными выразительными состояниями. Кук интерпретирует свои данные так, как будто они показывают, что выразительность музыки естественна в глубине души, хотя затем формируется условностями [4, с. 25-36]. И книга Леонарда Б. Мейера «Эмоции и смысл в музыке» (1956) внесла важный вклад в понимание того, как воспринимается музыкальный рисунок и структура.

В 1950-х-70-х годах произошел, так называемый, семиотический поворот. Он включал так же и дальнейшую работу с музыкой в лангерианском духе, предпринятую Гордоном Эпперсоном и в антилангерианском духе, осуществленную Уилсоном Кокером, который доказывал то, что музыка – это языковая система символов [4, с. 6-25].

Польский философ Роман Ингарден писал об онтологии искусства с точки зрения континентальной феноменологической традиции (1986). Ряд

философов-аналитиков так же заинтересовались музыкальной онтологией. Первым, кто затронул эту тему, был Нельсон Гудман в своем весьма оригинальном «Языки искусства» (1968). Гудман фокусируется на определяющей работе функции музыкальной партитуры и на связи между произведением и его подлинным исполнением.

Другая влиятельная книга того периода, «Искусство и воображение» Роджера Скрутона (1974), включает в себя рассмотрение выразительности музыки. Споры о выражении эмоций в музыке и о реакции слушателя на них продолжаются и по сей день. Тем временем продолжается обсуждение других знаковых тем: понимание музыки и ценность музыки, в том числе место музыкального анализа и какой опыт и знания предполагаются у компетентного слушателя [2]. Кроме того, были дополнительно исследованы связи между музыкой и идеологией, этикой и идентичностью.

Среди сравнительно новых тем в философии музыки все большее внимание уделяется онтологии музыкальных произведений. Вопросы включают в себя обнаружение или создание произведений, наличие особенностей их инструментария среди условий их идентификации, зависит ли идентичность произведения от личности его автора, а также характера связи между произведением и его частями или исполнениями. Также были рассмотрены природа и креативность исполнения.

В последнее время наблюдается тенденция к применению к философии искусства идей, разработанных в других областях философии (таких как философия языка, эмоций и т. д.), а также к рассмотрению данных и теорий психологов, нейробиологов, ученых-эволюционистов и др. Это очевидно и в недавних работах, посвященных философии музыки.

На сегодняшний день философия музыки делает уклон в сторону точки зрения слушателя, а не композитора или исполнителя; к художественной музыке, а не популярной; к музыке восемнадцатого и девятнадцатого века, а не средневековья и возрождения или модернистской и авангардной музыки; к инструментальной, а не вокальной и электронной музыке; и к западной, а не к какой либо другой музыке.

К счастью, в настоящее время рассматривается более широкий спектр музыкальных направлений, например, джаз и рок. Размышления о звукозаписях в таком контексте открыли новые перспективы для обсуждения музыкальной онтологии. Между тем, актуальность музыковедения и этномузыковедения начала интересовать некоторых философов. Философия музыки, несомненно, обогатится, если такие тенденции сохранятся.

Библиографические ссылки

1. Kivy, P. *Osmin's Rage: Philosophical Reflections on Opera, Drama, and Text* / P. Kivy. – New York : Cornell University Press, 1999. – 336 p.
2. Nussbaum, Ch. O. *The Musical Representation: Meaning, Ontology, and Emotion* / Ch. O. Nussbaum. – Cambridge : MIT Press, 2007. – 392 p.
3. Scruton, R. Wittgenstein and the Understanding of Music / R. Scruton // *British Journal of Aesthetics*. – 2004. – Vol. 44, № 3. – P. 1–9.
4. Davies, S. *Musical Meaning and Expression* / S. Davies. – New York : Cornell University Press, 1994. – 417 p.

СЕКЦИЯ 9. ЛОГИКА И РИТОРИКА

ЛОГИКА ДИПЛОМАТИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА А.А. ГРОМЫКО

Р. А. Барсуков, С. С. Милевский

Белорусский государственный университет, г. Минск;

barsukovroman820@gmail.com Slinder9@mail.ru

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

Методология решения многих актуальных проблем современного противоречивого мира предполагает возвращение к опыту прошлого. Особое значение в этом аспекте имеет логика дипломатии и политическая риторика А.А. Громыко, что и составляет предмет данного исследования. Цель заключается в раскрытии их взаимосвязи, что позволяет реконструировать ценностные основания его аргументации. Ценность результатов исследования обусловлена выявленными ценностными основаниями аргументации в логике дипломатии и политической риторике А.А. Громыко как миротворца, стойка и медиатора. Практическое значение определяется применимостью результатов в теории аргументации, политической риторике, теории и истории дипломатии.

Ключевые слова: логика дипломатии Громыко; политическая риторика Громыко; ценностные основания аргументации; миротворец; стойка; медиатор.

Миропорядок с испокон веков связан с дипломатией и политической риторикой. Афинский стратег V в. до н. э. Перикл подчеркнул, что больше опасается собственных ошибок, чем происков врагов. Противоречивость и конфликтность современного мира, турбулентность глобализации повышает значение деятельности великого советского дипломата А.А. Громыко. Его имя носит целая эпоха в истории дипломатии и политики. Ее так и называют – «эпоха Громыко». Цель доклада заключается в раскрытии диалектического взаимодействия логики дипломатии и политической риторики А.А. Громыко, что позволит реконструировать ценностные основания его аргументации.

Ценностные основания аргументационных ресурсов А.А. Громыко предопределены, на наш взгляд, теми навыками и умениями, которые были

заложены в его детстве и шли от родительских уроков и наставлений. Такие навыки и умения составляют впоследствии первоосновы практической логики и риторики в человеческом опыте. Они включают в первую очередь способы организации деятельности и коммуникативные навыки. Практическая логика и риторика взаимосвязаны, так как их сосуществование, согласно Х. Ортеге-и-Гассету, характерно для человека, упорядочивающего свою психическую деятельность в форме мышления» [цит. по: 1, с. 6]. Поэтому первый нетривиальный вывод позволяет утверждать, что диалектическая взаимосвязь логики дипломатии и политической риторики А.А. Громыко раскрывается в трех основных направлениях его становления – А.А. Громыко как миротворец, как стоик и как медиатор. Реконструируем эти направления.

Истоки становления А.А. Громыко как миротворца связаны с его военным детством, ставшим ресурсом миротворческого пафоса логической и риторической аргументации. В 1918 году немцы наступали на Гомельскую область и лишения военных лет отразились на его мировоззрении, о чем он написал в своих воспоминаниях, подчеркнув, что уже тогда осознал мысль: «война между государствами – великое зло» [2]. Опыт осмысления войны составил основы формирования его индивидуальности, проявляемой в неповторимых формах его логики дипломатии и политической риторики. В частности, он «стоял у истоков дипломатических договоренностей, позволивших закрепить мирными средствами итоги военных побед и установить послевоенный мировой порядок» [3, с. 184].

А.А. Громыко как миротворца характеризует стремление достичь мира любой ценой, отбрав войну. Это нашло отражение в его знаменитом афоризме: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны» [4]. Ценностные предпосылки, на основе которых он выстраивал логику дипломатических отношений, поддерживая ее миротворческой политической риторикой, позволила А.А. Громыко на протяжении 28 лет – с 1957 по 1985 г. – оставаться не только министром иностранных дел СССР, но и ведущим, «знаковым» переговорщиком в мире, противовесом иных взглядов. Его уважали и опасались, зная, что он лишен честолюбия и тщеславия. Его базовые помыслы на международной арене восходили к ряду принципов, например: никогда не предавать то, ради чего сражался советский народ в годы Великой отечественной войны, всегда помнить о подвигах, благодаря которым был добыт долгожданный мир, политику нацеливать на предотвращение новой мировой войны. Его именовали

мистером «нет», так как имплицитной посылкой его логики дипломатии выступало неотменяемое положение: «Не будем менять итоги войны. Если мы им уступим, то прокляты будем всеми замученными и убитыми».

Становление А.А. Громыко как стойка связано с формированием его нестигаемого характера и державного духа. Это можно подтвердить его приверженностью высоким идеалам и стремлениям, что соответствует философским представлениям о гражданине своего отечества, разработанным в римском стоицизме. Римские стойки изложили свои представления об обязанностях гражданина перед обществом и государством через образ идеального гражданина, сочетающего в себе, с одной стороны, качества мыслителя, логика, мудреца, с другой, – качества «доблестного смелого мужа». Поэтому к описанию искусства дипломатической и политической коммуникации, которым в совершенстве овладел А.А. Громыко, применим философский подход стоиков.

Стоики не рассматривали разум как нечто самоценное, способное познавать мир. Следовательно, они исключали возможность установления общества истины и справедливости лишь на основании того, что все начнут правильно мыслить. Истина в концепции стоиков формируется непосредственно в процессе восприятия действительности, поэтому она должна постоянно пересматриваться с учетом анализа и оценки восприятий. Аналогично логика дипломатии А. А. Громыко основана на стоическом принципе, согласно которому признаваемая истина не является результатом конкретного мышления, а выступает следствием установления согласия мышления с сущностью явления или предмета. Важно подчеркнуть, что именно на гносеологических, т.е. теоретико-познавательных, принципах стоицизма конструируются представления А. А. Громыко как медиатора.

А. А. Громыко как медиатор характеризуется умением диалектически объединять логические принципы дипломатии и способы политической риторики, связанные с умением слушать. Медиация представляет собой «немонотонный процесс реализации прагматической функции языка и проективной функции мышления» [5, с. 29], что согласуется с позицией стоиков по вопросу истины. Условием медиации как социальной опосредованности выступает понимание, которое «в медиации является гомологичным», т.е. представляет собой «взаимосвязь пониманий по существу какого-либо вопроса, дифференцируемых функционально при структурном сходстве (а не структурно различных, как в аналогии пониманий)» [5, с. 31]. В этом плане корреляция логики дипломатии и

политической риторики А. А. Громыко представляет собой образец дискурсивно-социальной аналитики, применимой в условиях глобализации [6], опирающейся на исторический опыт страны [7].

Медиативную рациональность А. А. Громыко, обусловленную умением слушать и на основе услышанного принимать взвешенные, безошибочные решения, подчеркивал его сын Анатолий Громыко. «Главное в жизни – уметь слушать. Если ты слушаешь людей, ты впитываешь в себя новое, познаешь многое и принимаешь более правильное решение. Если говоришь ты сам, а тебя слушают, то ты отдаешь, ты от этого умней ни на йоту не станешь. “Умей слушать”, – он говорил» [4]. Синкретизм стоицизма и медиации обеспечивали успешность переговоров. Успехи на переговорах, которые привели «к заключению важных международных договоров и соглашений», А. А. Громыко объяснял тем, что он «был убежденно тверд и даже непреклонен» особенно тогда, когда видел, что с ним, «значит, и с Советским Союзом, разговаривают с позиции силы или играют в “кошки-мышки”». Он признавался, что «никогда не лебезил перед западниками», и после того, как его «били по одной щеке, вторую не подставлял. Более того, действовал так, чтобы и моему не в меру строптивому оппоненту было несладко» [4].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Методология решения актуальных проблем современного противоречивого мира предполагает возвращение к идеям и опыту прошлого. Особую роль в разработке этой методологии играет логика дипломатии и политическая риторика А. А. Громыко в их диалектических связях. В их контексте ценностные основания аргументации раскрываются в трех направлениях – А. А. Громыко как миротворец, как стоик и как медиатор, что предопределяло уместность, силу и убедительность его доводов.

Библиографические ссылки

1. Воробьева, С. В. Логика: теория аргументации и критического мышления / С.В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2018. – 231 с.
2. Громыко, А. А. Памятное / А.А. Громыко. – Кн. 1. – М.: Политиздат, 1990. – 512 с.
3. Громогласова, Е. А. А. Громыко на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс» / Е. Громогласова // Современная Европа. – 2019. – №6. – С. 183–193.
4. В гостях у сына Андрея Андреевича Громыко. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://surbor.su/v-gostyx-u-syna-andreya-andreevicha-gromyko/> – Дата доступа: 22.04. 2022.

5. *Воробьева, С. В.* Медиация как дискурсивная практика: аргументационные аспекты / С. В. Воробьева // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах: тез. междунар. круглого стола, Минск, 22-23 марта 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Луцинская (отв. ред.) [и др.]. - Минск : БГУ, 2018. - С. 29-32.
6. *Воробьева, С. В.* Глобализация в контексте дискурсивно-социальной аналитики: методологические аспекты / С. В. Воробьева // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. – 2018. – № 2 (4). – С. 49–68.
7. *Базылев, В. Н.* О своей стране, своей судьбе, настоящем и пережитом: Андрей Андреевич Громыко (к вопросу о реальности «политического нарратива») / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 16–26.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ В. КОРОТКЕВИЧА

В. Б. Гнучих

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vgnucih@gmail.com

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

Исследование феномена мышления в ракурсе семиотики позволяет выявлять закономерности языка не только как знаковой, но и как социальной системы. Предметом исследования выступает литературно-философское мышление В. Короткевича, являющегося, с одной стороны, рефлексивным, с другой, – образным, художественным. Цель исследования – раскрыть семиотические аспекты литературно-философского мышления В. Короткевича и наметить перспективы использования в социальной семиотике. Ценность результатов предпринятого исследования состоит в выявленных и обоснованных факторах языка В. Короткевича как семиотических аспектах его литературно-философского мышления. Они связаны со знаками-образами, знаками-индексами и знаками-символами. Практическое значение полученных результатов определяется их применимостью в социальной семиотике, философии языка и теории аргументации.

Ключевые слова: семиотические аспекты мышления; мышление В. Короткевича; язык; социальная семиотика; знаки-образы; знаки-индексы; знаки-символы.

Литературно-философское мышление В. Короткевича двойственно. Как ментальность оно характеризуется с позиции литературы, написанной философским языком, а как философия, – репрезентацией вечных вопросов, решенных литературными средствами. Поэтому мышление В. Короткевича, с одной стороны, является рефлексивным, с другой, –

образным, художественным [1]. С позиции двойственности литературно-философского мышления В. Короткевича целесообразно раскрыть его семиотические аспекты, что позволит выявить закономерности языка не только как знаковой, но и как социальной системы.

Мышление представляет собой процесс опосредованного отражения или конструирования реальности, осуществляемые с помощью языка. Язык – это знаковая система, которая не существует изолированно от человека и социума. Функциональные и смысловые особенности языка формируются в единстве языковых знаков и речи. Если языка как знаковая система задает вариант «соответствия структуры сознания структуре речи», то речь – это «сообщение о содержании своего сознания, адресованное кому-либо» [2, с. 18]. Поэтому семиотика как наука о знаковых системах лежит в основе методологического подхода, позволяющего на основе аналитики языка продвигаться к пониманию и оценкам антропологической и экзистенциальной сущности человека и его жизни. В этом случае речь идет о социальной семиотике. Ее предметом выступают функциональные и смысловые стороны социальной жизни людей и формы их проявления в языке и коммуникативном взаимодействии.

В. Короткевич в своем творчестве сделал важный шаг в разработке методологии социальной семиотики. Для этого он проложил путь в направлении способов перехода «от изучения социальной интерпретации языка к более общим задачам изучения механизмом социального взаимодействия» [3, с. 15]. Обратимся к литературно-философскому мышлению В. Короткевича и рассмотрим социальные интерпретации языка в фокусе семиотики.

Семиотические ресурсы мышления В. Короткевича следует анализировать с позиции классификации знаков, предложенной Ч. С. Пирсом. Она включает знаки-образы, знаки-индексы и знаки-символы. Знаки-образы в определенной степени являются «изображением того, что обозначают». Их можно считать аналогиями обозначаемых объектов, поэтому между ними имеется фактическая связь. Знаки-индексы «связаны с обозначаемым объектом физической смежностью или причинной зависимостью». Они сосуществуют во времени и пространстве, поэтому связь с обозначаемым объектом является условной. Знаки-символы никаким образом не связаны с тем, что они обозначают. Они наделены дополнительными смыслами, поэтому символы связаны с

обозначаемыми объектами отношением обозначения, или референции [2, с. 20-23].

Семиотические факторы коннотации в ментальности В.Короткевича определяют близость умозрительных конструкций к чувственно воспринимаемым объектам. Степень близости можно описать посредством двух пар признаков – фактичности и условности, сходства и смежности во времени и пространстве [2, с. 20-21]. Знаки-образы выступают средствами выражения фактичности и фактического сходства, знаки-индексы позволяют задать границы условности. Языковым средством выражения сходства служит метафора, смежности во времени и пространстве – метонимия. В частности, первичные переживания мира человеком происходят на уровне фактического подобия, вне всяких условностей и символов. В таком контексте В. Короткевич метафорически раскрывает Беларусь через образ матери, который объединяет народ и противостоит забвению как разрыву поколений, поддерживая таким способом ресурс воспитания в обществе. Человек только тогда твердо стоит на ногах, если не отказывается от своих корней, если бесконечно возвращается к своим истокам. Он никогда не станет личностью, если не поднимется над сиюминутными и повседневными сторонами своего бытия. Но, например, историческая память выходит за пределы фактического мира, погружая человека в мир условностей и символизма, посредством которых становится возможным подчинение всего необходимого в истории.

Опираясь на семиотику социальных интерпретаций языка, В. Короткевич раскрывает функциональные и смысловые стороны социальной жизни людей, а также формы их проявления в языке и коммуникативном взаимодействии. В частности, анализ диалектики человеческой души он проводит через конкретную ситуацию, в которой присутствует антропологическая неразделимость индивидуального и коллективного, биологического и социального аспектов, персонификации и деперсонализации в любом акте человеческой активности. Например, в легенде «Ладдзя роспачы» («Ладья отчаяния») В. Короткевич раскрывает на примере своего героя Гervасия Выливахи национальный характер белоруса, в котором любовь, терпение, смех, шутливость сочетаются с сильными патриотическими чувствами, придающими ему уверенность в себе [4]. Мотив патриотизма выявляется в оппозиции с предательством и ренегатством (отступничеством) другого героя – Перевозчика, изменившего своим убеждениям и испытывающего душевные муки от совершения безнравственных действий. А «Ладдзя роспачы»

символизирует Беларусь, способную преодолевать забвение и беспамятство, умеющую найти силы возродиться [5, с. 79].

Формы проявления функциональных и смысловых сторон социальной жизни людей в языке и коммуникативном взаимодействии В. Короткевич прослеживает с помощью выявляемой им диалектики персонификации и деперсонализации. Персонификацию он ассоциирует с осознанием себя в качестве первичной реальности, ведущей в конечном итоге к самосознанию, как в случае с Гервасием Выливахой. Деперсонализация сопряжена с нарушениями самосознания, что проявляется как искаженное восприятие себя, распад субъективного, личностного, что отражено писателем в образе предателя.

Особое значение в литературно-философском мышлении В. Короткевича обретает семиотика исторической памяти. Мир вне исторической памяти оказывается для человека хаотичным и непонятным, в котором затруднены коннотации. Он не способен объяснять происходящие события или антиципировать ситуации, следовательно, не может быть уверенным, что в случае неожиданных происшествий сможет их понять и справиться с ними. Для преодоления неуверенности конструируется состояние самообмана, которое поддерживает резонерской аргументацией – пространной и непродуктивной, не имеющей четкой цели, но имеющей «неадекватное стремление установить причинно-следственные связи там, где их нет» [2, с. 217]. Софистический эгоцентризм вытекает из неисторического контекста, в котором человек остается естественным (природным) по своей сути. Естественность человека требует духовного возрождения, так как «суть человека, прежде всего, моральная» [6, с. 7].

Особо следует подчеркнуть работу В. Короткевича со знаками-индексами. Перемещения в пространстве, смена времен обеспечивала писателю композиционную раскованность, в частности. – отдаление героев от родных мест, от Родины. Например, в его рассказе «Синяя-синяя» излагаются воспоминания Петра Ясюкевича, который семнадцать лет оторван от родины. Размышления над конфликтами между африканскими племенами подтолкнули его к раздумьям о многовековой истории своей родины, из которых триста лет она не знала, кто она такая [7, с. 285]. В. Короткевич излагает его диалог с девочкой, родом из берберов, в котором мысли героя перебивают друг друга, задавая разные масштабы осмысления прошедших событий, в которых он принимал непосредственное участие. С помощью своего героя писатель направляет свое мышление на поиск

глубинного смысла, раскрываемого через взаимосвязь различных пространств и времен, на которых держится мир.

Таким образом, семиотические аспекты мышления В. Короткевича сопряжены, во-первых, с философской рефлексией, во-вторых, с литературной образностью. Учет такой двойственности позволил уточнить способы разграничения в социальной семиотике писателя фактического, условного и символического содержания. Это позволяет углубить понимание функциональных и смысловых сторон социальной жизни его героев, а также формы их проявления в языке и коммуникативном взаимодействии.

Библиографические ссылки

1. *Жаўняровіч, П. П.* Публіцыстычны дыскурс Уладзіміра Караткевіча / П. П. Жаўняровіч. – Навук. рэд. В.І. Іўчанкаў. – Мінск : РІВШ, 2011. – 244 с.
2. *Воробьева, С. В.* Логика: теория аргументации и критического мышления / С. В. Воробьева. – Минск : БГУ, 2018. – 231 с.
3. *Ильин, М. В.* Социальная семиотика: изучение дискурсов и практик социального взаимодействия / М.В. Ильин, И.В. Фомин // Научный журнал «Дискурс–Пи». – 2018. – № 3(32). – С. 15–24.
4. *Короткевич, В. С.* Ладдзя распачы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://knihi.com/Uladzimir_Karatkievic/Laddzia_ropacy.html. – Дата доступа: 20.04.2022.
5. *Верабей, А. Л.* Блізкае і дарагое: выбраныя артыкулы пра Уладзіміра Караткевіча / А. Л. Верабей. – Мінск: Беларуская навука, 2020. – 310 с.
6. *Марков, Б. В.* Философская антропология: очерки истории и теории / Б. В. Марков. – СПб. : Лань, 1997. – 384 с.
7. *Караткевіч, У. С.* Сіняя-сіняя / У. С. Караткевіч // Караткевіч, У. С. Збор твораў у 8 т. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1988. – Т. 2. – С. 254–274.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ КОНСТРУКТИВИЗМА

М. Д. Иванова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

tanunapovar4ik@mail.ru

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

В статье выявляются методологические аспекты мышления в философии конструктивизма. Актуальность темы обусловлена неформально-логическим подходом

к процессу мышления, разрабатываемому в данной философии. Объектом исследования выступает философия конструктивизма. Цель исследования – выявить методологические аспекты мышления в философии конструктивизма. Ценность результатов исследования состоит в выявлении указанных аспектов, позволяющих уточнить процессуальные особенности мышления. Практическое значение полученных результатов определяется их применимостью в эпистемологии и методологии науки.

Ключевые слова: философия конструктивизма; методологические аспекты мышления; Вико; Беркли; Кант; конструктивистские аспекты «Я».

Актуальность темы обусловлена нестандартным подходом к процессу мышления, который раскрывается в философии конструктивизма. Нестандартность означает выход за методологию формально-логического подхода к мышлению, принятому в классической аристотелевской логике. Философия конструктивизма сделала очевидными иные подходы к трактовкам мышления. В ней раскрыты другие принципы, формы и способы организации ментальной активности субъекта. Выявление методологических аспектов философии конструктивизма, в чем и заключается цель статьи, подразумевает ответы на ряд вопросов, от которых зависит значение самой философии конструктивизма.

Методологические аспекты – это ракурсы, с помощью которых разрабатываются способы исследования чего-либо. Для философии конструктивизма такими ракурсами выступают исходные позиции, или подходы, мыслителей. К ним мы относим Д. Вико, Дж. Беркли и И. Канта [1–3]. В рамках данного исследования представляется важным остановиться на методологических позициях именно этих трех философов. Д. Вико полагал, что все существующее в реальном мире, недоступно рациональному знанию. Дж. Беркли исходил из того, что субъекту доступны идеи в качестве содержания, благодаря чему он может констатировать собственное существование. И. Кант полагал, что именно конструкты сознания оформляют опыт. Остановимся подробнее на методологических аргументах каждого из философов.

Согласно Д. Вико, мы познаем мир, который непосредственно сами строим, или конструируем. Как следствие, человеческому сознанию доступно только то, что создано самим человеком, а значит, он не может выйти за пределы собственного опыта и переживаний [1]. Человек составляет свое познание из элементов, и таким образом становится созидателем истин. Истина у Д. Вико – это свершившееся, сделанное, поэтому истинное знание у человека может быть только о том, что сделано самим человеком. А так как это истинное знание не выходит за рамки самого сознания, получается, что реальный мир – это своего рода

конструкция. Высшая истина дана только Богу, так как только ему дана реальность, как она существует сама по себе. Человек, исходя из этого предположения, не в состоянии познать такую абсолютную истину. Поэтому Дж. Вико делает следующий вывод: все, на что может опираться человек – это содержание его собственного сознания.

Человеческий ум Д. Вико интерпретирует с одной стороны как бесконечный, т.е. открытый познанию, приводя такой аргумент: «человек вследствие бесконечной природы человеческого ума делает самого себя правилом Вселенной там, где ум теряется от незнания». С другой стороны, он интерпретирует ум как конечный, т.е. ограниченный. В этом случае, он подчеркивает, что «другое свойство человеческого ума состоит в том, что там, где люди не могут составить никакого представления о далеких и неизвестных вещах, они судят о них по вещам известным и имеющимся налицо» [1, с. 98]. Такие методологические аспекты в подходе Д. Вико обусловлены теми обстоятельствами, что он придает значение таким понятиям как *воображение* и *фантазии*. Человеку нужно пользоваться фантазией, чтобы объяснять вещи, а с помощью воображения придумывать образы. Д. Вико указывает, что таким же способом первые люди изобретали своих богов по известным им аналогиям.

Дж. Беркли также исходит из идеи о человеке, который не может выйти за границы собственного опыта, поэтому истоком конструктивизма в его философии выступают мысли и мышление. Окружающий мир есть постольку, поскольку есть наши мысли о нем. Дж. Беркли рассуждает следующим образом: «Все познаваемые нами вещи есть, во-первых, мысли, во-вторых, способности воспринимать мысли, в-третьих, способности вызывать мысли. Причем ничто из того, что перечислено в любом случае не может существовать в инертной, лишенной чувств вещи» [2, с. 42]. Поэтому он делает вывод о том, что «ничего не существует, кроме личностей, т.е. разумных вещей, все же другие вещи являются не столько самостоятельно существующими, сколько способами существования личностей» [2, с. 41].

Философия конструктивизма Дж. Беркли начинается с идеи о том, что картина мира не совпадает с самим миром. Это тот методологический принцип, который в современном мире был развит во многих конструктивистских направлениях, в частности, в нейролингвистическом программировании, в котором утверждается, что «карта – это не территория» [5, с. 31]. Дж. Беркли считал, что сущность вещей не находится в них самих – первичные качества производны от вторичных

качеств. «Оказалось, что первичные идеи (т.е. идеи первичных качеств) не существуют в материи... Воспринимаемое зрением движение, форма и протяжение отличны от идей того же названия... Не воспринимайте ничего, кроме идей» [2, с. 41].

Позиция И. Канта близка позиции Д. Вико, который утверждал, что «человеческое знание – не что иное, как привнесение связи между вещами». И. Кант изложил похожую мысль: «природа, рассматриваемая в своей предметности, представляет собой воплощение всей совокупности предметности опыта» [3]. Это значит, что человек живет в сконструированном им мире, основанном на пережитом опыте, который – результат его способов восприятия. Получается, что и опыт, и знание структурируется и обуславливается пространством и временем, либо посредством производных от них категорий. Поэтому субъект не может притязать на истину, соответствующую онтологической действительности.

Гносеология И. Канта основана на концепции априоризма. Объект выступает продуктом активности субъекта познания, который конструирует его посредством априорных, т.е. предшествующих опыту, форм чувственности и рассудка, и собственного опыта. В кантовской идее априорного синтеза сформировалось представление о предзаданных познавательной деятельности системе предпосылок и «краевых условий», выступающих порождающими механизмами научного знания [4, с. 44]. Кантовский априоризм продолжает идею Дж. Беркли о несовпадении субъективной и объективной реальности. И. Кант попытался выяснить, почему картина мира, которая возникает в нашем сознании, выглядит именно так, а не иначе. Он пришел к выводу, что в самой психике существуют некие априорно заданные формы, при помощи которых структурируется поступающая туда информация: то, «в чем ощущения могут быть упорядочены и приведены в известную форму, само в свою очередь не может быть ощущением» [3]. В современном конструктивизме ощущения выступают основанием для восприятия, а восприятие основанием для представлений.

Методологические аспекты мышления, раскрытые Д. Вико, Дж. Беркли и И. Кантом, стали основанием для формирования новых концепций ментальной активности человека и выявления иных конструктивистских принципов. В частности в XX веке такие концепции и принципы были разработаны Дж. Келли и Ж. Пиаже. Они опровергли главный тезис конструктивизма, в чем были солидарны Д. Вико, Дж. Беркли и И. Кант: конструирование является произвольным актом, т.е. нам неизвестно, как

это происходит. Дж. Келли разработал концепт личностного конструкта как способа обработки информации [6]. Ж. Пиаже обосновал этапы становления интеллекта, от которых зависит специфика мышления [7]. В своих исследованиях они опирались на представления, которые сформулировал Э. фон Глазерсфельд: роль познания заключается в адаптации и поддержании жизнеспособности, роль знания – в организации субъектом мира своего опыта [8, с. 91].

Таким образом, философия конструктивизма разработала иной подход к мышлению, который предопределяется методологическими аспектами, связанными с актуализацией идеи активности познающего субъекта, который рефлектируя, конструирует образы и понятия.

Библиографические ссылки

1. *Вико, Д.* Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико; пер. А.А. Губер. – М. : REFL-book, 1994. – 656 с.
2. *Беркли, Дж.* Сочинения / Дж. Беркли. – М. : Мысль, 1978. – 556 с.
3. *Кант, И.* Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Эксмо, 2011. – 736 с.
4. *Швырев, В. С.* Идея предпосылочности научного знания и современный конструктивизм // Конструктивизм в теории познания / В. А. Лекторский [ред.]. – М. : ИФРАН, 2008. – С. 43–62.
5. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3–37.
6. *Келли, Дж.* Теория личности. Психология личностных конструктов / Дж. Келли ; пер. А.А. Алексеев. – СПб. : Речь, 2000. – 249 с.
7. *Пиаже, Ж.* Генетическая эпистемология / Ж. Пиаже ; пер. с франц. М. Малеевой. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – 160 с.
8. *Глазерсфельд, Э. фон.* Введение в радикальный конструктивизм / Э. фон Глазерсфельд // Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. А. Цоколов [пер.]. – Munchen : PHREN, 2000. – С. 74–98.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ: ЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Д. А. Ивашкина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

iwashkinadaria@gmail.com

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

В условиях современного глобального, информационного, цифрового мира на первый план выдвигается феномен медиатизации политики. Он выступает предметом исследования. Цель исследования – раскрыть логические и психологические факторы медиатизации политики. Ценность результатов предпринятого исследования состоит в структурировании проблемного поля и обосновании двух групп факторов, предопределяющих сущность информационного воздействия в политическом пространстве. Практическое значение полученных результатов определяется их применимостью в политических науках, а также в других науках, связанных с изучением процессов медиатизации в целом и медиатизации политики, в частности.

Ключевые слова: политическая медиатизация; средства массовой коммуникации; информационное воздействие; адресант и адресат; точка зрения; мнение; общественное мнение.

В современных условиях, описываемых эпитетами «глобальный», «информационный», «цифровой» и другими, особую актуальность обретает концепт «медиатизация политики», прямо или косвенно зависимый от этих особенностей современности. Для понимания этого концепта необходимо критически оценить его [1–3], учитывая то, что проблемы, связанные с медиатизацией «содержательно и формально предопределены ее всепроникающим влиянием, исключаяющим изолированность от СМИ и цифровых технологий жизни современного общества, что влечет вызовы, риски и угрозы» [4, с. 14]. Поэтому цель доклада заключается в раскрытии логических и психологических факторов медиатизации политики как феномена современного мира.

Концептуальное содержание медиатизации политики проистекает из двух актуальных референтов – медиатизации и политики. Но ключевую роль играет медиатизация. В широком смысле под медиатизацией следует понимать посредничество (языковое, культурное, человеческое или иное). В узком смысле – под политической медиатизацией, – прежде всего, посредничество массовой информации между участниками политического процесса, в котором необходимо различать объективные и субъективные

аспекты отражения и конструирования реальности. Объективные аспекты связаны в большей степени с логическими факторами отражения и конструирования, субъективные – с факторами психологическими. Обе группы факторов проявляются в культурной медиативной среде, в которой, собственно, и происходит медиатизация политических процессов.

Понятие «медиатизация политики» впервые ввел шведский ученый К. Асп. Он определил данное понятие как «процесс трансляции СМИ политических новостей», акцентирующих «внимание на трансформации политики под особенности масс-медиа сектора» [цит. по: 2, с. 49]. Такой процесс предусматривает воздействие на аудиторию через содержание транслируемой информации, задаваемой коммуникативными стратегиями [5]. В способах организации содержания выявляются логические и психологические факторы воздействия.

Логические факторы информационного воздействия представляют собой универсальные лингвистические схемы организации содержания. Они «проистекают из логики естественного языка» [6, с. 44], поэтому являются культурными общезначимыми факторами понимания. Это значит, что непосредственно естественный язык выполняет медиативную функцию в пределах своего функционирования. Логические факторы информационного воздействия связаны с его адресантом, или создателем/отправителем, следовательно, с личностными или групповыми подходами к решению проблем, постановке целей, выбору допущений, выводов и интерпретаций и др.

Психологические факторы информационного воздействия связаны в большей степени не с его отправителем, а с адресатом и миром мнений. Мир мнений, в котором индуктивным путем формируются интересы, притязания и ожидания людей, менее рационализирован по сравнению с миром отправителя. Вследствие эмпирического происхождения мир мнений не склонен к построению строгих форм аргументации. В нем преобладает обращение к личным убеждениям и чувствам, т.е. перевешивают по аргументационной силе обращение к объективным фактам. Поэтому если логические факторы ассоциированы с точкой зрения адресанта, раскрываемой в системе отношений между пропозициями, то мнение адресата привязано к психическому состоянию и нуждается в поддержке со стороны собственных предпочтений и убеждений.

В исследования медиатизации политики как процесса всепроникающего как информационного воздействия важно различать точку зрения и мнение. Точка зрения «составляет логическую часть мышления» в

«эпистемологии разумности». Но «желание придать мнению статус точки зрения, не продумав его, не приведя доводов, не определив силу конкурирующих аргументов, лежит в основе “мышления мнениями”» [7, с. 23–24]. Различие между ними можно провести на уровне цели. Цель выражения точки зрения заключается в принятии на себя обязательства ее аргументации и защиты от критики. Цель обмена мнениями направлена на поддержание психологического состояния и микроклимата, при котором доминирует искренность, но не истинность слов [7, с. 23, 22].

Распознавание логических и психологических факторов приобретает особое значение в исследовании медиатизации политики как институционально-коммуникативного процесса [8, с. 231; 4, с. 14–15]. Е. Г. Грибовод раскрывает медиатизацию политики в контексте институционального подхода как «совокупность взаимосвязанных информационно-коммуникативных явлений и процессов, протекающих как внутри политического пространства, так и во внешней среде, через публичные презентации и фреймы политических и общественных смыслов» [5, с. 267].

Оценка публичных презентаций политических смыслов подразумевает, согласно нашей точке зрения, логические и психологические факторы информационного воздействия. В совокупности они составляют культурные аспекты медиатизации политики. Такой вывод можно подтвердить тем, что процесс медиатизации политики является неотъемлемой частью информационного общества, следовательно, частью его информационной культуры. Поэтому к анализу этого процесса применим категориальный аппарат, разрабатываемый и используемый в исследованиях информационного общества.

Медиатизация политики характеризуется доминированием медийной системы в организации и функционировании политического пространства. Но этой тенденции двойственна обратная – политизации медиа, при которой СМИ служат инструментом для достижения целей политики. Значение СМИ для политической власти заключается в том, что они, во-первых, обеспечивают политическую систему необходимой информацией о социальных реалиях [9, с. 1789], во-вторых, оказывают влияние на формирование общественного мнения [10, с. 12]. При этом следует учитывать факт утраты человеком связи с действительностью и перемещение его в виртуальный мир, который Ж. Бодрийяр описал через симуляцию [11], С. Жижек – с помощью терминов *имитация*, *симуляция*, *децентрация* и *расщепление субъекта* [12].

Таким образом, выявление логических и психологических факторов медиатизации политики направляет исследователей в поиске ответов на вопросы: как следует понимать и изучать его проблемное поле, связанное с информационным воздействием. Логические факторы должны быть соизмеримы с критериями разумности адресанта информационного воздействия, психологические – с эмоционально-чувственным состоянием адресата, коррелятом которого выступает общественное мнение.

Библиографические ссылки

1. *Быков, И. А.* Медиатизация политики в эпоху социальных медиа / И. А. Быков // Журнал политических исследований. – 2017. – Т. 1. – № 4. – С. 15–38.
2. *Грибовод, Е. Г.* Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций / Е. Г. Грибовод // СМИ (медиа) и массовые коммуникации. – 2016. – С. 48–57.
3. *Лабуш, Н. С.* Медиатизация политики: объективные основания и субъективный фактор / Н. С. Лабуш // Журналистика – 2019: состояние, проблемы и перспективы: материалы 21-й Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 14–15 ноября 2019 г.). – Минск, 2019. – С. 53–57.
4. *Воробьева, С. В.* Медиатизация в контексте культурной безопасности: коммуникативные и институциональные аспекты / С.В. Воробьева // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности: матер. Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2020. – С. 14–19.
5. *Грибовод, Е. Г.* Дискурс Soft power и медиатизация политики как коммуникативные стратегии ШОС / Е. Г. Грибовод // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой [Текст] – Екатеринбург: Издательский Дом «ДискурсПи», 2015. – С. 263–276.
6. *Воробьева, С. В.* Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие / С.В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2018. – 231 с.
7. *Воробьева, С. В.* Культура повседневного мышления и массмедиа / С. В. Воробьева // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. - М.: издательство АПК и ППРО, 2017. - С. 21-25.
8. *Грибовод, Е. Г.* Основные модели медиатизации политики как институционально-коммуникативного процесса // Научный журнал «Дискурс-пи». 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 231–237.
9. *Волочаева, О. Ф.* Нетократия как специфический актор политического процесса в современном информационном обществе / О.Ф. Волочаева // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–8. – С. 1788–1791.
10. *Воробьева, С. В.* Общественное мнение в логико-когнитивных аспектах повседневных практик / С.В. Воробьева // Наука. Культура. Общество. – 2020. – № 2. – С. 11–17.
11. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр.– М.: ПОСТУМ, 2016. – 240 с.
12. *Жижек, С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия / С. Жижек // Искусство кино. – 1998. – № 1. – С. 119–128.

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ВОПРОС ОБ ИСТИНЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

О. А. Кочанова

*Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета, г. Минск;
kochanova_olya@bk.ru*

*Научный руководитель – Мацевич Мария Янушевна,
кандидат философских наук, доцент*

Понимание Николаем Бердяевым самооткровения Бога человечеству является точкой отсчета между центральными идеями всей его философии. В тезисах подчеркивается, что самооткровение Бога происходит во внутреннем человеке посредством духовного сотрудничества между Богом и человеком, приводя к революционному преобразованию человеческого сознания в целом, но, степень, до которой может произойти откровение, зависит от духовного развития.

Содержание откровения есть Истина, которая есть Сам Бог, выраженная в относительном знании Бога. Поэтому откровение реализуется как своеобразная деятельность: божественно-человеческое сотрудничество. На него влияют человеческие ограничения, индивид должен быть открыт для критики, особенно нравственно очищен от желания господства, власти и порабощения иных. Тезисы актуализируют значимость свободы для реализации истины и эпистемологический потенциал соборного начала.

Ключевые слова: откровение; «трансцендентальный человек»; падшество; соборность; духовность; цельность; гносеология.

Критикуя существующие формы откровения в первой главе книги «Экзистенциальная диалектика», Н.А. Бердяев чувствовал, что тема эта раскрыта не полностью, им был задуман план по написанию новой книги, являющейся философской, а не теологической, как и остальные произведения мыслителя по христианству. Философ решил на основе выявленных им истин пересмотреть христианство «в Духе и истине» [1, с. 5].

В «Критике откровения» он осуждает человеческое понимание откровения, его необходимо очистить от человеческих внесений, противоречащих Божественной реальности. Изначальная мысль философа состоит в том, что получать откровения возможно лишь человеку и без человека оно не постигается. Ведь только в человеке находится Божественный элемент, потому и возможно обнаружить сродное в сродной среде.

Измененное человеческое состояние затмевает элемент Божественного, изменяя и искажая откровение. Именно внутреннее подлинное состояние человека – залог верного восприятия. Данная истина основана, главным образом, помимо указанного объяснения, на интуиции, извлеченной из личного мистического погружения в себя, обозначаемого мыслителем экзистенциальным состоянием. В этом Бердяев отличается от использования данного понятия экзистенциалистами, ведь они не связывали его лишь с вдохновенным мистическим экстазом. В таком состоянии в человеке обнаруживается его истинная сущность. Эту сущность Бердяев определяет термином «трансцендентальность». Философ видит в «трансцендентальном человеке» внутреннего человека, изначальное Божье творение.

«Трансцендентальный человек» проявляет себя во всём великом. Следовательно, для философа, критика откровения – обнаружение этого человека и выявление идущего от него содержания, тождественного Божественной реальности.

Бердяев согласен со святоотеческой точкой зрения: состояние цельности – результат достижения духовности. В целостности мыслитель видит главный признак «трансцендентального человека», чем он и отличается от падшего человека, раздробленного. Симптомом падшести является приданием значения отдельным частям человека, не рассматривая его целостности. Возвращение разума в целостного человека – цель экзистенциальной (мистической) философии Бердяева, так как разум, оторванный, изолированный от всего человеческого существа, уцербен.

Обозначив исходный пункт философствования как достижение состояния «трансцендентального человека», Николай Александрович в этом ключе пересматривает главные проблемы исторического христианства. Философ исследует ключевые идеи гносеологической тематики. У Бердяева евангельский вопрос об истине – первая тема для изучения, наблюдения и анализа. На основе ранее обнаруженных позиций, истина постигается лишь «трансцендентальным человеком», человеком, преобразовавшим собственные способности путем вхождения в трансцендентальное состояние. Отсюда истина постигается не сознанием, а сверхсознанием (состоянием «трансцендентального человека»). Бердяев считает, что «трансцендентальный человек» причастен Богу и находится в общении с Ним. Следовательно, истина Богочеловечна. При осмысливании субъектов вселенной, истина заключается в преображении их в совершенное состояние. Такое действие можно обозначить, как

сотворчество человека с Богом (теургия). Но истина – это не достояние лишь одного отдельного человека, она распространяется на всех людей в ходе внутреннего общения.

Бердяев определяет истину как сознание не индивидуальное, а соборное. «Общее» философ понимает как «универсальное». А внешне общее – это проявление объективации. От такой реальности он предпочитает дистанцироваться, считая, что внешние правила – это рабство у общества. Стремясь отделить истину от объективной реальности, которая для него выступает итогом объективации, Бердяев отрицает ее право руководить и управлять этой реальностью. Истина не включает в себе ни полезности, ни обязательств и достигается только вхождением во внутреннюю реальность мира, где не существует разделения на объекты и субъекты.

Книга Бердяева «Истина и откровение» содержит учение о религиозном познании. Во второй главе философ освящает тему истины, а тема о непадшем человеческом состоянии располагается перед ней. Этим констатируется объяснение гносеологии из онтологии. Истина предстает как внешнее проявление внутреннего чувства единения с Творцом. Это означает общность реализации с созерцанием, их единство. Такой взгляд отнюдь не похож на классические гносеологические построения, так как познание в них – это религиозный и духовный опыт единения с Творцом в ходе экстаза, при котором человек может найти ответы на вопросы. Результаты такого духовно-религиозного опыта возникают не из сознания, а посылаются свыше: «единая цельная истина – есть Бог, а познание истины – это вхождение в жизнь Божества» [2, с. 234].

Бердяев считает, что христианская истина возможна лишь при погружении в Дух, Который сам и является Истиной, являющейся откровением. Оно подразумевает обоюдное стремление двух реальностей, а потому и является Богочеловечным. Можно сказать, что Бердяев по-новому повторяет догматическое изъяснение сущности природы Христа, распространяющейся на природу откровения. Философ наблюдает «ступенность» в исторической изменчивости откровения. В ходе изменения сознания людей по ступеням, в зависимости от глубины и широты, и обнаруживается откровение. Бердяев этот процесс рассматривает от человека (снизу) и всё же наблюдает не только человеческую активность, но и «пронизывание Божественным лучом человека» [1, с. 52]. В человеческой активности, при обязательном условии наличия свободы, присутствует Бог. Это как зеркало, которое

светит солнечным отражением, внося в луч и кое-что своё. Развитие в «ступенном» изменении сознания возникает революционно.

Бердяев определяет три формы исторического откровения в соответствии с тремя сферами объективации: историческая, культурная, космическая. Очищение их возможно путем достижения «трансцендентального человека», постигающего истинную Божию человечность и человеческую бесчеловечность. Так как любое духовное явление в определенной мере объективировано, то все христианские догматы обладают символичностью. Несмотря на то, что догматы относятся к «иному» бытию, они представлены формами человеческого разума, имеющего условный и ограниченный масштаб. Интеллект не обозначает духовной целостности человека, потому и возникает необходимость в развоплощении догматов, благодаря чему можно добиться ожидаемой целостности. Поскольку теология, по Бердяеву, догматична, а философия – мистична, то нужно по-философски осмыслить догматы.

И современными мыслителями, в частности, белорусским логиком С.В. Воробьевой акцентируется вопрос конструктивности истины в повседневности – не пассивного принятия, а субъективной интерпретации. «В частности, предикторами имитации истины выступают предубежденность, обусловленная моделями ситуаций и представлениями о собственной пользе, и предвзятость, заключающаяся в оправдании личных устремлений и желаний» [3, с. 72-73].

Таким образом, философия носит революционный характер и она должна стать очистительным фильтром религиозных истин от всяческой объективации. Философию Бердяев наделяет мистическими способностями, позволяющими обратить человека из обычного в «трансцендентального». Так, именно философия Бердяева становится сущностным путем к очищению откровения. Бердяев указывает на откровение как на форму реализации человека, а также на новый путь понимания откровения, как на путь очищения от искаженных и неправильных реализаций. Затем Бердяев обращается к будущему, которое, на его взгляд, станет новым откровением Духа, связанного с появлением нового человека.

Библиографические ссылки

1. *Бердяев, Н. А.* Истина и откровение / Н. А. Бердяев. – СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1996. – 157 с.

2. *Бердяев, Н. А.* Философия свободы / Н. А. Бердяев. – М. : ОЛМА-пресс, 2000. – 349 с.
3. *Воробьева, С. В.* Образ истины в дискурсивной аналитике и ее имитация в повседневности / С.В. Воробьева // Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация [Электронный ресурс]. Сборник статей по материалам XIV Международной научной конференции. /Нижегор. Гос. архитектур.-строит ун-т; редкол. М.М. Прохоров, А.Ф. Кудряшев, А.Н. Фатенков, В.С. Лапшина. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2019.– С. 71–74.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

В. А. Миканович

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vladislavmikanovic@gmail.com

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

В условиях глобализации современного мира и обострения его противоречий актуализируются вопросы аргументации в решении политических проблем. Особую значимость обретают технологии аргументирования, разрабатываемые в культурных контекстах. Поэтому предметом исследования выступают кросс-культурные аспекты политической аргументации. Цель исследования – раскрыть их сущность и наметить перспективы использования в политических коммуникациях. Ценность результатов исследования состоит в определении места и роли ценностных оснований в политической аргументации, которые связаны с кросс-культурными различиями в практике самой политической аргументации. Практическое значение полученных результатов определяется их применимостью в политических науках, а также в других науках, связанных с изучением технологий информационного влияния.

Ключевые слова: политическая аргументация; практический политический аргумент; ценностные основания; кросс-культурные различия аргументов; ультраправая аргументация.

В современном глобальном мире медиатизации возрастает роль информационного влияния, в котором главенствующую роль играет политическая аргументация. В условиях глобальной медиатизации и когнитивной войны актуализируются вопросы аргументации и убеждения в решении политических проблем. Поэтому необходимо уточнить формы, методы и способы построения аргументирующих и аргументированных рассуждений. Если с позиции логического анализа они неизменны, то с точки зрения кросс-культурного подхода они изменяются при переходе от

одной политической эпохи к другой, от одного политического контекста к другому. Это находит отражение в сходствах и различиях в стилях мышления и ментальных образах действительности, что необходимо учитывать в политической аргументации [1–3]. На этом основании цель доклада заключается в раскрытии кросс-культурных аспектов политической аргументации и очерчивании перспектив их использования в политических коммуникациях.

Политическую аргументацию как логическую процедуру можно определить как построение «системы высказываний, в которой одно высказывание обосновывается с помощью других высказываний». При этом сам процесс обоснования предполагает «конструирование приемлемого контекста, включающего процессы референции и коннотации» [2, с. 192].

С. Тулмин выделил три основных компонента практического аргумента, основываясь на практике юридической аргументации [1]. На наш взгляд, этот подход применим к анализу политического аргумента. Первый компонент практического аргумента – это утверждение, или вывод (*claim*), который требуется обосновать, второй – факты, или информация (*grounds*), используемая для его обоснования. Вместе они образуют асимметричную связь, в которой второй компонент выступает в роли причины, которая должна объяснить утверждение. Третий компонент – это основание (*warrant*), посредством которого осуществляется переход от фактического основания к утверждению. Именно третий неявный компонент содержит ценностный аспект конструируемого аргумента и предопределяет его уместность и силу в политической коммуникации, выступая гарантом убедительности, или, напротив, становясь стартовой позицией в контрдоводах. В частности, ценностные основания ультраправой политической аргументации составляет идеология, включающая авторитаризм, национализм, расизм и ксенофобию.

Кросс-культурные аспекты политической аргументации проистекают из ценностных оснований. Согласно С. Тулмину, ценностные основания представляют собой, например, общие ценности, разделяемые предпочтения, конвенционально принятые правила, апелляции к разделяемым мотивам действий [1]. Кросс-культурные сходства и различия в политическом аргументировании лежат именно в этой плоскости. В частности, ценностные основания ультраправой политической аргументации составляет идеология, включающая авторитаризм, национализм, расизм и ксенофобию.

Но даже в масштабах европейского континента в правом спектре политического поля можно обнаружить кросс-культурные различия, предопределяемые, в частности, полным или частичным отказом от концепции социального равенства как нормы. Такие различия проявляются как различия в целях, характере процесса убеждения, допустим в предвыборной кампании, и др. Крайне правые европейские политики основывают свою аргументацию на непризнании принципа социального равенства, что поддерживается исповеданием принципа сегрегации и ксенофобскими настроениями. Например, разделяя людей на «высших» и «низших», они конструируют практические аргументы, направленные против иммигрантов.

Кросс-культурные различия в политической аргументации обусловлены отличиями, прежде всего, в двух ее основных модусах – «думать» и «чувствовать», которые «реактивируют друг друга». В качестве структуры реактивации выступает структура правдоподобия – обычаи, выгода (польза) и примеры [3, с. 193, 209]. Реактивация подразумевает на основе данной структуры движение в двух направлениях: во-первых, формирование необходимых эмоций посредством эмоционального окрашивания идей, во-вторых, продвижение нужных идей посредством рационализации эмоций.

Понимание и оценка кросс-культурных аспектов политической аргументации связаны с выявлением «ценностей как отношений между мыслью и действительностью». Это означает, что непосредственные кросс-культурные аспекты выявляются в отношениях, которые устанавливает политическая аргументация «между содержанием собственного мышления и действительностью» [5, с. 81]. В частности, различие «левой» и «правой» политики культурно опосредовано контекстом, т.е. один и тот же политический диспутант может выражать в своих практических аргументах по одним вопросам левые позиции, по другим правые, придерживаясь разных ценностных оснований.

Особое значение кросс-культурные различия в политической аргументации обретают в контексте диалектики глобального и локального. В таком контексте следует учитывать ценностные основания политической аргументации, связанные, например, с тенденциями в развитии цивилизаций [6], с возможностью существования несовместимых пропозиций в рамках одной и той же ситуации [7, с. 37]. В подобных случаях следует особенно избегать теоретизирования в области политики, имеющего ограниченную практическую ценность. Но значение

политических аргументов возрастает по мере их приближения к контексту культурных зависимостей. При этом аргументы не должны быть ни абсолютными, ни относительными, а именно зависимыми от культурного контекста, для чего необходимо осуществлять кросс-культурную оценку ценности идей.

Например, для того, чтобы эффективно анализировать и оценивать политические дебаты, как самими участниками, так и сторонними наблюдателями необходимо четко представлять, что обсуждается [3; 8]. «Что?» – это вопрос утверждения, согласно структуре практического аргумента С. Тулмина. Он не должен заменяться другим утверждением, что часто выступает причиной демонтажа второго компонента аргументации – обоснования – противоположной стороной, которая не опровергает чужое утверждение, а подтверждает свое. Очевидным такой сбой становится в раскрытии и сравнении кросс-культурных оснований в выстраиваемой политическими диспутантами аргументации. С. Тулмин по этому поводу утверждал, что хороший аргумент успешен в верификации и устойчив к критике [1].

Таким образом, кросс-культурные аспекты политической аргументации предопределены различиями в ценностных основаниях практического аргументирования. Они отражают исторические, языковые, групповые и иные отличия в практических политических аргументах, которые следует учитывать в разработке технологий информационного влияния.

Библиографические ссылки

1. *Toulmin, S. E.* The use of argument / S.E. Toulmin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1964. – 250 p.
2. *Воробьева, С. В.* Кросскультурные аспекты национальной идентичности в геополитической аналитике / С.В. Воробьева // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы III международной научно-практической конференции и круглого стола. – М. : «Перо», 2019. – С. 286–291.
3. *Яковлева, Н. А.* Аргументация в политической дискуссии / Н. А. Яковлева // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 октября 2016 г.) – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». – С. 126–130.
4. *Воробьева, С. В.* Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие / С. В. Воробьева. – Минск : БГУ, 2018. – 231 с.
5. *Сарычева, А. В.* Ценности студенческой молодежи в когнитивном контексте аргументации / А. В. Сарычева, С. В. Воробьева // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: матер. междунар. науч.-практ. online-конференции, Витебск, 6 декабря 2019 г. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. – С.80–82.

6. *Воробьева, С. В.* Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития / С. В. Воробьева, А. А. Легчилин // Журн. Белорус. гос. ун-та. – Философия. Психология. 2018. – № 2. – С. 17–22.
7. *Глазков, А. В.* Расщепление реальности и проблема истинности: прагматический и логический аспекты / А. В. Глазков // Правда – неправда – постправда: Сб. науч. тр. – М.: РАНХиГС, 2018. – С. 37–59.
8. *Исаев, И. М.* Специфика политической аргументации / И. М. Исаев // Молодая наука. – 2017. Ч. 3. – С. 100–103.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА СМЫСЛА: К. ЯСПЕРС, Ж.-П. САРТР, А. КАМЮ

П. С. Навицкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

polina.navitskaya@mail.ru

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

В данной статье автором затронута проблема смысла в контексте экзистенциальной философии К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю. Объектом работы выступает экзистенциальная аналитика и интерпретация жизненного смысла. Цель исследования – уточнить механизмы экзистенциальной аналитики смысла на основе сравнения смысла бытия в понимании К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и А. Камю. Исследование может выступать основой для проведения дальнейших изысканий в области экзистенциальной философии и для дальнейшей реконструкции взглядов на проблематику, связанную с конструированием смысла жизни.

Ключевые слова: смысл жизни; бессмысленность; экзистенциальная философия; трансценденция; человеческое бытие; смерть; экзистенция.

Проблемы, связанные с темой смысла, никогда не теряют своей актуальности ни в науке, ни в повседневности. Экзистенциальная аналитика смысла исходит из того факта, что людьми допустимо полагать, что высшей ценностью, которая у них имеется, является их жизнь. Особой сутью и наполненностью она обогащается благодаря наличию в ней смысла. Вопросание о смысле жизни отсылает человека к осознанию своего предназначения, которое способно мотивировать его на активную жизнедеятельность и вовлеченность. От понимания своих целей, возможностей и, наконец, знания смысла, индивид стремится организовать свое бытие соответственно подлинным значениям и ценностям. Поэтому

цель статьи заключается в уточнении механизмов экзистенциальной аналитики смысла на основе сравнения смысла бытия в понимании К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и А. Камю.

С точки зрения философии экзистенциализма, смысл жизни у каждого человека свой. Он неповторим и уникален, равно как и всякая человеческая жизнь. Отсюда следует, что единого и общего для всех смысла жизни не существует. Индивид, как писатель своей жизни, создает и определяет осмысленность бытия самостоятельно [1]. Поэтому человеческое бытие являет собой уникальную реальность, отличную от бытия других живых существ, что обосновали К. Ясперс [4; 6; 12], Ж.-П. Сартр [3; 8–10] и А. Камю [2; 5; 7].

Бытие индивида, согласно К. Ясперсу, имеет процессуальный и трагичный характер. Всякий субъект безжалостно заброшен в мировое пространство против своей воли. Он «различает три способа, которыми человека встречает сущее и которые одновременно являются тремя уровнями самопознания: мир, экзистенция и трансценденция» [4]. Но смысл жизни, согласно К. Ясперсу, открывается человеку только в пограничной ситуации (смерть, болезнь, вина и т.д.). Именно в пограничной ситуации очерчивается особый и неизменный смысл, так как переживается неотвратимость жизненного события. Такого рода критическая ситуация «наполняет душу человека страхом за собственное существование, выводит его на границу экзистенции, подвигает на поиск возможностей выявления собственной уникальности и неповторимости» [4]. Такие ситуации связаны с глубокими потрясениями личности, с невыносимостью вины за свое бессмысленное существование. Радикальные перемены позволяют полностью переосмыслить свое отношение к миру, своему поведению и своим ценностям.

Пережив весь трагизм жизни, из бытия повседневного и обыденного субъект приближается к собственной экзистенции, которая неразрывно связана с трансценденцией. «Экзистенция есть собственное существование человека, не определяемое ничем внешним – только его индивидуальностью» [4]. Экзистенция каждой личности является уникальной по своей сути. И переживание, понимание экзистенции также будет иметь индивидуальный и неповторимый характер. Благодаря приближению к экзистенции человек располагает себя за пределами вещественного, материального мира, стремясь проникнуть в более глубокую суть его оснований. «Обретение экзистенции представляет собой

смысложизненный, фундаментальный, решающий выбор индивида как его освобождения от внешней зависимости» [4].

Трансценденция позволяет выйти за пределы наличного человеческого бытия, достигнув, тем самым, высшие ценностные смыслы. «Трансценденция становится ориентиром поведения человека в мире с целью приближения его к состоянию «экзистенциального бытия», то есть к осуществлению объединения в особый вид целостности мира, человека и духовно осмысленного им бытия» [6, с. 20]. Все те истины и цели, имеющиеся в повседневной наличности, устранимы и забываемы человеком. Они имеют аспект историчности и изменчивости. Неизменные и аутентичные истины, духовные смыслы, согласно К. Ясперсу, расположены и обнаружимы только в трансценденции. Благодаря погружению в трансценденцию, человеческое бытие наполняется новыми, уникальными смыслами, не возникающими прежде. Перешагивая из обыденности и ничтожности в бытие, наполненное значением, человек становится подлинно самим собой.

Человек в философии Ж.-П. Сартра предстает как открытый и незавершенный проект, который изменчив на протяжении всего существования. Он подчеркивает, что «первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [9]. Становление и образование личности можно считать законченным с наступления его смерти, до этого экзистенциального события воссоздание себя осуществляется процессуально и безостановочно. Смерть – это своего рода тот самый конечный пункт жизненного пребывания, осознание которого разрушает прежние устои и заставляет переосмыслить свой жизненный модус.

Индивид сам является законодателем собственной жизни и своего проекта. Ж.-П. Сартр отмечает, что универсальный смысл, ценности в мире не обнаруживаются – их не существует в объективности. Более того, философ утверждает, что мир абсурден, так как он не наделен смыслом. Но даже в мирской абсурдности человек все же должен состояться как личность. «Жизнь личности приобретает смысл в том, что человек в целом ответствен за нее. Следовательно, экзистенциал свободы предполагает экзистенциал ответственности» [3, с. 45]. И поскольку человек творит самого себя, постольку он имеет возможность сотворить свой, личностный смысл и определить высшие ценности самостоятельно. Таким образом,

суть существования, согласно Сартру, заключается в самоопределении субъекта и в конструировании им собственной линии жизни.

А. Камю, решая проблему смысла жизни, утверждает, что человеческая жизнь – бессмысленна, а мир абсурден и иррационален. По этой причине жизнь, заключенная в абсурде, есть восстание и борьба против этого абсурда. «Ведь все начинается с осознания и только благодаря ему обретает ценность» [7, с. 348]. Конструируя и определяя смысл и ценность собственного бытия, человек утверждает свое величие и свою победу в этом неразумном мире. Человеку следует самому искать высшее предназначение в неясном бытии. «Такой бунт придает жизни ценность» [7, с. 385]. На примере Сизифа А. Камю доказывает, что смысл человеческой жизни не существует извне. И до тех пор, пока индивид бунтует против абсурдности мира, – он существует. В результате своих рассуждений он приходит к выводу, что смысл человеческой жизни заключен в противостоянии мирской иррациональности.

Таким образом, сравнение смысла бытия в понимании К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и А. Камю позволило уточнить механизмы их экзистенциальной аналитики. Несмотря на сходство первоначальной идеи о том, что смысл не дан изначально онтологически, каждый из философов раскрывает свой специфический подход. Смысл бытия согласно Сартру – личностное становление, согласно Камю – бунт против абсурда, для Ясперса же важна возможность трансценденции.

Библиографические ссылки

1. *Алексеева, М. С.* Философские традиции анализа проблемы смысла жизни / М. С. Алексеева, С.В. Васильева // Вестник БГУ. – 2020. – №3. – С. 30–43.
2. *Бурханов, А. Р.* Альбер Камю об экзистенциалах человеческого бытия / А. Р. Бурханов // Вестник Бурятского гос. ун.-та. – 2016. – № 6. – С. 4–7.
3. *Бурханов, А. Р.* Жан-Поль Сартр об экзистенциалах человеческого бытия / А. Р. Бурханов // Вестник Бурятского гос. ун.-та. – 2011. – № 14. – С. 42–47.
4. *Бурханов, А. Р.* Человек и его экзистенция в философии Карла Ясперса / А. Р. Бурханов // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2014. – № 1. – С.19–26.
5. *Демидова, С. А.* Человек перед лицом абсурда: проблема экзистенциального выбора в философии Альбера Камю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3. – С. 127–133.
6. *Демченко, Л. М.* Особенности соотношения экзистенции и трансценденции в философии Карла Ясперса / Л.М. Демченко, Е.В. Карпеева, Ю.С. Осипова // Вестник ОГУ. – 2005. – № 7. – С. 20–28.
7. *Камю, А.* Бунтующий человек. Миф о Сизифе / А. Камю. – М. : Издательство АСТ, 2021. – 448 с.

8. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. – М. : Издательство АСТ, 2020. – 1072 с.
9. *Сартр, Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – М. : «Политиздат», 1989. – С. 319–344.
10. *Силенин, И. А.* Свобода и смерть в структуре человеческой экзистенции в философии Жан-Поль Сартра / И.А. Силенин // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 4-1. – С. 99–119.
11. *Тренина, Л. А.* Сущность человека в концепциях философов-экзистенциалистов / Л.А. Тренина // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 39–44.
12. *Ясперс, К.* Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / К. Ясперс. – М. : «Канон», РООИ «Реабилитация», 2012. – 448 с.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ И СОФИСТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА «ФЕДР» И «ГОРГИЙ»

М. А. Пчёлкина

Средняя школа № 210, г. Минск

milanova2006ina@gmail.com

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

В статье проводится сравнение диалектической и софистической аргументации. Объектом исследования выступают диалоги Платона «Федр» и «Горгий». Цель исследования заключается в прояснении смысла диалектической и софистической аргументации. Ценность результатов предпринятого исследования состоит в раскрытии, во-первых, соотношения диалектики и эристики как способов ведения спора, во-вторых, софизмов и паралогизмов как логических ошибок в них. Такой контекст позволил объяснить специфику диалектической и софистической аргументации. Практическое значение полученных результатов определяется их применимостью в современных исследованиях в области различных типов практической аргументации – философской, экономической, политической, правовой и др.

Ключевые слова: диалектическая аргументация; софистическая аргументация; мнение; диалектика; эристика; софизмы; паралогизмы.

Актуальной проблемой в современной теории аргументации является проблема объяснения специфики диалектики и софистики как неотъемлемых сторон аргументации. Несмотря на стремление к проработанности и технологичности в аргументировании, субъективные факторы (эмоции, чувства, экзистенциальная настроенность человека и

пр.) оказывают влияние на форму, характер и содержание аргументации. В этом аспекте цель доклада заключается в прояснении смысла диалектической и софистической аргументации. Для прояснения смысла важно раскрыть два соотношения. Первое касается соотношения диалектики и эристики как способов ведения спора [1], второе – соотношения софизмов и паралогизмов в них [2, с. 977].

Диалектика и эристика как два автономных направления выделились из риторической деятельности и ораторской практики софистов с их ключевыми фигурами – Горгием и Протагором [3]. В диалоге «Горгий» Платон представил приемы эристики, раскрыв модель полемики, основанной на убеждении в своей правоте [4]. Логическое конструирование доказательства тезиса в аргументации Горгия состоит в принятии определенной предпосылки, из которой выводится следствие, приводящее к спору. Такой способ аргументирования восходит к практике элеатов, манипулировавших логическими структурами в речи, например, как Зенон Элейский в своих апориях [3, с. 25]. В диалоге «Федр» Платон, опираясь на ораторскую практику Протагора, описал диалектические приемы спора, раскрыв модель дискуссии, основанной на совместном поиске истины [5]. Согласно релятивистскому принципу Протагора, человек есть мера вещей, поэтому мерой истины в аргументации служит его мнение. Главная задача оратора заключается в умении изменять мнение слушателей в нужном ему направлении, даже если придется наихудший аргумент сделать наилучшим, пренебрегая истиной.

Если софисты в «Горгии» и «Федре» опираются на разработанную ими эристику как искусство спора (греч. *eristikē technē* – искусство спорить), то Сократ – на диалектику. Диалектика Сократа возникает как оппозиция софистике – первооснове идеологии рабовладельческой демократии. Сократ разработал иной способ аргументирования, ставший основой идеологии рабовладельческой аристократии. Он противопоставил гносеологическому релятивизму софистов диалектический принцип, согласно которому человек должен познать самого себя, заменив изменяющееся мнение объективным знанием. Платон, продолжив развивать идеи своего учителя, назвав риторику софистов «постыдной», так как она основывается на субъективной воле оратора, который злоупотребляет привязанностью мнения к чувствам человека его выражающего. Сократ, напротив, демонстрирует стремление противопоставить мнению истину разума, которая представляет собой точку зрения, обосновываемую в системе логических отношений.

В «Федре» Сократ утверждает, что «подлинного искусства речи... нельзя достигнуть, не познав истины». Для построения диалектических рассуждений «прежде всего надо познать истину о любом предмете, о котором говоришь или пишешь». Условием такого познания выступает умение «научиться определять все в соответствии с истиной», а «дав определение надо опять-таки уметь подразделять все на виды, пока не дойдешь до неделимого» [5, с. 189, 205–207]. Такой диалектический подход представляет собой совмещение логических операций дефиниции и деления. Если дефиниция направлена на раскрытие содержания, или концепта, используемого в аргументации имени, то деление – на раскрытие его объема, или референта.

В «Горгии» Сократ полемизирует с софистом по вопросам риторической и жизненной этики [4], в «Федре» дискутирует по вопросам любви и красноречия [5]. Полемика становится образцом софистического самоутверждения в аргументации, дискуссия – образцом диалектического установления истины. Диалектику отличает, во-первых, совместный поиск истины с помощью согласования различных мнений, включая несовместимые мнения, во-вторых, опору на логические методы обоснования истины, в-третьих, иронию по отношению к собеседнику. Тематика совместного поиска истины касается смысла общих понятий, для чего Сократ строит диалог на основе принципов индукции и дедукции. Линия индукции в аргументации подразумевает движение от частных случаев к обобщениям, линия дедукции обратное движение – от гипотетических обобщений к частным случаям, которые подтверждают или опровергают предположения в обобщениях. Результатом диалектического метода выступают идеи – общие понятия, выражающие истинное сущее, или абсолютную истину. Метод иронии, используемый Сократом, был направлен против одностороннего и упрощенного понимания вопроса.

Односторонний и упрощенный взгляд на суть вопроса демонстрируют софисты в диалоге «Горгий». Софистический характер аргументации в этом диалоге объясняется тем, что в нем обсуждаются вопросы этических оснований речи и жизни. Сократ пытается направить софистов к правильному пониманию риторики и риторических аргументов, рассматривая со своими собеседниками три направления в диалектическом обосновании своей позиции: риторика как нравственный выбор, риторика как образ жизни и риторика как судьба [4, с. 308–320].

Аристотель окончательно закрепил разделение ораторской практики и используемой в ней аргументации на диалектику и эристику [1, 534–535]. Для этого он показал, что эристика как искусство спора опирается на нечестные приемы и недозволенные тактики, которые направлены на доказательство правоты спорящего независимо от истины, диалектика, напротив, опирается на логические принципы. Но эристику нельзя отождествлять с софистикой. Для уточнения этого необходимо классифицировать логические ошибки как неотъемлемые свойства аргументов. В аргументации следует различать формальные – в логической структуре, и содержательные – искажение информации – ошибки. В них необходимо различать софизмы и паралогизмы как, соответственно, преднамеренные и непреднамеренные ошибки [6, с. 12].

Внешняя убедительность софизмов, их мнимая логичность связана, как правило, с хорошо замаскированной формальной или содержательной ошибкой. Формальная ошибка допускается с целью вывода нужных неправомерных следствий, например: «Гусеница есть капусту, я ем капусту, следовательно, я – гусеница». К содержательной ошибке прибегают с целью трансляции нужного смысла, для чего злоупотребляют, например, метафоричностью слов, омонимией, полисемией или амфиболиями, например: «Все боксеры – собаки, мой сосед – боксер, следовательно, он – собака».

Паралогизмы, напротив, являются позитивными аналогами логических ошибок, используемых для создания необходимых эффектов в текстах, например, метафоры и метонимии [7, с. 265]. Метафора отображает способность агента аргументации отмечать сходство между разными объектами, метонимия выражает «невозможность воспринять и репрезентировать объект со всех сторон, а только зафиксировать его отдельные признаки» [6, с. 13].

Таким образом, сравнение диалектической и софистической аргументации в диалогах Платона «Федр» и «Горгий» позволяет утверждать следующее. Специфика диалектики в сопоставлении с эристикой раскрывается как метод ведения спора. Специфика софистики в сопоставлении с паралогизмами позволяет уточнять цель искажения информации в аргументировании.

Библиографические ссылки

1. *Аристотель*. О софистических опровержениях / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – Т.2. С. 533–593.

2. *Воробьева, С. В.* Софистика / С.В. Воробьева // Всемирная энциклопедия: Философия. – М. : АСТ, Мн. : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 977–978.
3. *Брентано, Т. Ф.* Древние и современные софисты / Т.Ф. Брентано. – М. : Книга по Требованию, 2013. – 256 с.
4. *Платон. Горгий* / Платон // Сочинения : в 4 т. / Платон. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. – Т. 1. – С. 261–374.
5. *Платон. Федр* / Платон // Сочинения : в 4 т. / Платон. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 2. – С. 161–228.
6. *Воробьева, С. В.* Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие / С.В. Воробьева – Минск : БГУ, 2018. – 231 с.
7. *Воробьева, С. В.* Логико-когнитивные факторы системной модели научного творчества / С.В. Воробьева // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества: Сб. науч. тр. VI Международной теоретико-практической конференции (Россия, г. Ульяновск, 16-17 февраля 2018 г.). Ульяновск: УлГТУ, 2018. – С. 263-271.

АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ В РАМКАХ ПРАГМА-ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

А. В. Сарычева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

phs.kupriyanav@gmail.com

*Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна, доцент
кафедры философии культуры*

В статье раскрываются особенности анализа общественно-политических дебатов в рамках прагма-диалектического подхода. Решение данной проблемы сопряжено с экспликацией спорного взаимодействия в рамках интеграции прагматики и диалектики. Объектом исследования выступают общественно-политические дебаты. Цель заключается в анализе общественно-политических дебатов в рамках прагма-диалектического подхода. Ценность результатов исследования связана с экспликацией диалектических и прагматических аспектов аргументативного взаимодействия в формате дебатов. Теоретическое значение заключается в раскрытии особенностей спорного взаимодействия в таких формах, как ссора, дебаты и критическая дискуссия. Практическое значение определяется применимостью результатов исследования при определении нормативных рамок и процедурных правил в проведении общественно-политических дебатов.

Ключевые слова: критическая дискуссия; речевой акт; прагматика; семиотика; ссора.

Анализ феномена общественно-политических дебатов предполагает выбор концептуальных рамок, определяющих рассмотрение и оценку

взаимодействия. В дебатах передача информации осуществляется посредством комбинаторики знаков, т.е. транслируется некоторая символическая реальность [2]. Интерпретация такой символической реальности выступает основанием для развертывания дискуссий и споров. Поэтому актуальным становится обращение к прагма-диалектическому подходу, который ставит целью экспликацию путей разрешения разногласий. Такое рассмотрение выходит за рамки семиотики и позволяет эксплицировать взаимодействие через интеграцию (синергизма) прагматики и диалектики [3].

Единство аргументативного дискурса в дебатах предполагает сосуществование различных точек зрения. Как замечает П. Рикер, взаимодействие обусловлено пониманием своей идентичности, отличной от других, что проявляет себя в общественно-политических дебатах. Противопоставление себя и Другого определяется ответом в форме «вот что мы такое, мы – другие». Это согласуется с мнением Ю.М. Лотмана об интерпретации содержания исторической памяти, обуславливающей понимание себя. В такой интерпретации «недопустима односторонняя эксплуатация ее символизма» [2, с. 11]. Поэтому различные точки зрения являются неотъемлемой частью взаимодействия, на которую указывает диалектика. Аргументация в таком ракурсе связана с «диалектикой субъективных и объективных форм истины» [5, с. 192].

Столкновение субъективных форм истины приводит к спорному взаимодействию. Однако общественно-политические это только один из видов такого взаимодействия. Для того чтобы определить особенности данного вида, следует также обратиться к рассмотрению ссоры и диалога с целью убеждения. Автором, производящим разделение спорного взаимодействия на ссору, дебаты и диалог с целью убеждения (критическую дискуссию) выступает Д. Уолтон [6].

Экспликация позиции Д. Уолтона позволяет сделать вывод о том, что ссора не является релевантной формой для обсуждения общественно-политической проблематики. Результатом ссоры становится не решение поставленной задачи, а неприятие «инаковости». Что находит выражение в форме личных нападок, абьюзивных атак, оскорблениях и т.д. Такие «аргументы» изменяют отношение к оппоненту, «заставляя переходить от согласия к отвержению, к разрыву» [4, с. 120]. В сравнении с ссорой дебаты являются более приемлемой формой для обсуждения вопросов.

Успешность дебатов обусловлена тем, что они «регулируются правилами процедур», т.е. имеют нормативные рамки [6, с. 2]. Это, по

мнению Д. Уолтона, можно проследить в судебной и медицинской аргументации. Данные дебаты «контролируются правилами», исключая «формы личного нападения и другие агрессивные или ошибочные тактики», что определяет их конструктивный характер [6, с. 3]. Попытка объективной оценки успешности аргументов в общественно-политических дебатах приводит к привлечению третьей стороны. Такой участник взаимодействия является своего рода «судьей», оценивающим субъективные формы истины политического мышления, которые являются «относительными и множественными» [5, с. 192].

В качестве примера можно рассмотреть судебные дебаты, где «судья», «советник суда», «президент апелляционного суда» для публики «это социальная власть, но власть актуальная и безличная, это агент, исполняющий некоторую функцию» [7, с. 294]. Поведение такого участника взаимодействия («судьи») может иметь различные последствия. С одной стороны он может транслировать исторически сложившуюся традицию разрешения споров и апеллировать к прецедентам в правовой практике. Таким образом, разрешение дебатов приобретает рациональный характер. С другой стороны такой участник дебатов может также транслировать аргументы, которые не являются разумными. Это будет обусловлено желанием выиграть в общественно-политических дебатах любой ценой. В этой связи прагма-диалектический подход не останавливается на уровне дебатов и разрабатывает модель критической дискуссии.

Критическая дискуссия имеет в основе нормативные аспекты и стратегии, которые позволяют реализовать в аргументации принципы критической разумности [6]. Критическая дискуссия показывает неразделимость прагматики и диалектики. Поэтому диалектический процесс столкновения мнений сопровождается поиском прагматических инструментов для разрешения разногласий. В качестве прагматических инструментов выступают языковые средства. Таким образом, актуальной проблемой становится выбор речевых актов соответствующих стадиям обсуждения [8].

С точки зрения формальных процедур дебаты «это шаг над личной ссорой» [6, с. 2]. Субъективные и объективные истины политического мышления оцениваются третьей стороной. Оценка должна учитывать контекст принятых правил или законов, коррелятом которых выступает «разумно обоснованное равенство в чем-то или с кем-то» [5, с. 193]. При этом, с точки зрения интеграции прагматики и диалектики, более

предпочтительной моделью является критическая дискуссия. Такая дискуссия выступает в качестве идеальной модели преодоления разногласий. Перевод общественно политических дебатов на данный уровень невозможен без интеграции наработок прагма-диалектики, которая задает метатеоретические принципы такого взаимодействия [8].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Анализ политических дебатов в прагма-диалектике, во-первых, позволяет раскрыть диалектические аспекты столкновения различных точек зрения, связанных с трансляцией субъективных истин политического мышления. Во-вторых, эксплицирует роль прагматики при определении значения речевых актов в рамках аргументативных ходов. В-третьих, такой анализ обозначает усиление интеграции прагматики и диалектики при условии осуществления общественно-политических дебатов в формате критической дискуссии.

Библиографические ссылки

1. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
2. *Воробьева, С. В.* Историческая память и культурно-национальная безопасность государства (на примере общественно-политических дебатов) / С. В. Воробьева // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы международной научно-практической конференции, Витебск 29 октября 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 10–12.
3. *Воробьева, С. В.* Концептуальные основания медиатекста в синергизме диалектики и прагматики // Антропологический поворот: Теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции: 2021. – Ч.2. – С. 93–106.
4. *Рикер, П.* Память, история, забвение / П. Рикер ; Пер. с франц. И.И. Блауберг [и др.]. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
5. *Сарычева, А. В.* Прагма-диалектика ценностных оснований политического мышления современной молодежи / А. В. Сарычева // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы международной научно-практической конференции, Витебск 29 октября 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 191–194.
6. *Douglas, W.* Informal Logic. A pragmatic approach / W. Douglas. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 347.
7. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
8. *Eemeren, F. H. van.* A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-dialectical Approach / F.H. van Eemeren ; R. Grootendorst. – New York : Cambridge University Press, 2004. – 224 p.

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ «РОБОЭТИЧЕСКИХ» ПРОБЛЕМ

Н. Д. Скращук

Белорусский национальный технический университет, г. Минск;

panorama4664@mail.ru

Научный руководитель – Мацевич Мария Янушевна, кандидат

философских наук, доцент

Достижения в области искусственного интеллекта, робототехники и, так называемых «автономных» технологий, открывают целый ряд все более актуальных, сложных моральных вопросов. Нынешние усилия по поиску ответов на этические, социальные и правовые проблемы, которые они создают, и их ориентации на общее благо представляют собой лоскутное одеяло разрозненных инициатив. В тезисах подчеркивается необходимость коллективного, широкого открытого, инклюзивного процесса рефлексии, диалога, фокусирующегося на ценностях, вокруг которых мы хотим организовать общество и на той роли, которую технологии должны играть в нем. Практическая значимость проделанной работы заключается в аксиологической инициативе по начинанию процесса, прокладывающего путь к общим, международно-признанным, этической и правовой основам для проектирования, производства, использования и управления искусственным интеллектом, робототехникой, а также, «автономными» системами.

Ключевые слова: цифровой век; искусственный интеллект; роботы, «корабль Тесея», «дилемма вагонетки»; 3-D моделирование; Асиломарская конференция.

Новое тысячелетие ставит перед человечеством глобальные задачи. Цифровой век бросает нам вызов, на который мы должны дать достойный ответ, чтобы продолжить наше существование. Многие проблемы обусловлены активным развитием технологий: искусственный интеллект, 3-D моделирование, беспилотные автомобили, социальные роботы.

Наука не стоит на месте. В настоящее время одной из самых быстроразвивающихся отраслей является робототехника. Сейчас уже никого не удивит роботами, способными выполнять несколько операций. Следующий шаг – многофункциональные роботы, роботы с искусственным интеллектом, способные сами принимать решения. Особый интерес в последнее время вызывают социальные роботы: основная задача которых направлена на взаимодействие с людьми.

Создавая роботов-помощников, человек наделяет их частью своего разума. Именно поэтому необходимы законы, ограничивающие этих роботов. Но только ли роботов? Моральные дилеммы XXI-го века

заставляют нас задуматься о том, как поступать правильно. Рассмотрим некоторые из них.

Вспомним известный мысленный эксперимент «корабль Тесея», пришедший к нам из античности и переделаем его на современный лад. Представим, что мы создаем робота полностью идентичного человеку. Мы наделяем его голосом и внешностью, даем интеллект и прививаем креативное мышление, но становится ли он человеком? Рассмотрим еще одну ситуацию: с развитием 3-D моделирования медицина может менять многие составляющие человеческого тела и вот плавно пациент практически полностью заменяет свое тело на «искусственное». Является ли он все еще человеком? Или он уже робот?

Ещё более усложняет ситуацию мысленный эксперимент «мозг в Хьюстоне», описанный в 1981 году американским профессором философии Дэниелом Деннетом [1]. Представим вымышленную ситуацию, в которой принимает участие сам Деннет. Его мозг разъединяется с телом и переносится в емкость, в которой созданы условия для жизнедеятельности и дальнейшего функционирования мозга. Мозг с помощью затыльного комплекса микропередатчиков продолжает контролировать всё тело. Но в один момент происходит сбой и Деннет постепенно теряет слух, зрение, голос, в конце концов, управление мозгом телом Деннета потеряно. Суть эксперимента в том, чтобы понять, где размещается душа Деннета: в емкости, где мозг, или в теле? Выходит, что сознание человека – результат активности мозга. Но значит ли это, что при достаточном наделении интеллектом и роботы смогут иметь душу?

Не за горами время, когда машинам будут полностью не нужны водители, движение будет осуществляться «искусственным интеллектом». Но вспоминается известная «дилемма вагонетки», вариантов которой существует великое множество, предположим один. Представим, что машина, управляемая «искусственным интеллектом», движется по дороге, на обочине которой находится пропасть. Внезапно на дорогу выбегает человек, но скорость настолько большая, что шансов затормозить, уже нет. Когда машина управляется человеком, то ответственность за принятое решение, полностью на нем. А если машина управляема «искусственным интеллектом»: какое решение она примет? Кто будет виноват в том, что она сделает? Сохранит ли она жизнь водителя, продолжив движение, или выбежавшего на дорогу человека, улетев в пропасть? Весьма вероятно, что беспилотные автомобили будут попадать в ситуации, описанные в «дилемме вагонетки». Но как же должна вести себя машина?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно рассмотреть два момента. Во-первых, необходимо понять, как заранее запрограммировать машину, прежде чем она появится на дорогах и попадёт в ситуацию, где нужно будет сделать выбор, от которого зависит судьба человека. Во-вторых, необходимо провести «этические исследования». Иными словами, не надо обвинять «судью» в том, что индивиду приходится принимать решение, которое согласуется с его моральными нормами, а скорее нужно сожалеть о том, что такие ситуации периодически возникают. Человечество должно стремиться к уменьшению подобных случаев.

Применительно к роботам можно вывести аналогичный принцип: если действие морально приемлемо, когда оно совершается человеком, то оно так же приемлемо, когда оно совершается роботом.

В 2000 году Билл Джой опубликовал эссе «Почему мы не нужны будущему» [2]. Американский ученый делится своим взглядом на будущее развитие робототехники и считает, что робототехника несёт для нас огромные экзистенциальные риски, формируется угроза существованию человека как биологического вида. Уже давно появляются «умные машины», которые более искусны, чем человек в различных сферах деятельности. Билл Джой утверждает, что, когда все работы будут выполняться и контролироваться системой машин, исчезнет надобность в любых человеческих усилиях. В такой ситуации существуют два сценария развития сосуществования машин и человека. В первом случае человек сохраняет контроль над машинами, при развитии второго – оставляет решение за машиной.

Развеесть страхи перед приближающимся будущим помогает израильский профессор и известный писатель Юваль Ной Харари. Он утверждает, что мы потеряли веру в старые идеи, но еще не подготовлены к восприятию новых. Что же предстоит сделать? Для начала снизить количество апокалиптических предсказаний и от паники перейти к удивлению. Развитие биотехнологий и информационных технологий принесут нам власть над внутренним миром и дадут шанс менять себя, но мы еще не до конца осознаем всю сложность нашего разума, и эти перемены могут разрушительно повлиять на наше мышление [3, с. 25-31].

Одна из ведущих инициатив, призывающих к ответственному развитию «искусственного интеллекта» (ИИ), была выдвинута на Асиломарской конференции по безопасности работы с ИИ, которую организовал Институт Будущего Жизни (FLI) в январе 2017, завершившись созданием «принципов ИИ Асиломар». Этот список из 23 фундаментальных

принципов для руководства исследованиями и применением «ИИ» был подписан 273 исследователями, непосредственно занятыми в разработке ИИ/робототехники, а также 2541 учёными и предпринимателями, чья деятельность в той или иной степени уже затронута этими проблемами.

Аналогичный процесс участия был запущен благодаря инициативе Форума по социально ответственному развитию искусственного интеллекта, проведенного Монреальским университетом в ноябре 2017 года, в ответ на который был подготовлен первый проект потенциальной «Декларации ответственного развития искусственного интеллекта». В настоящее время он находится в открытом доступе на онлайн-платформе, где всем слоям общества предлагается прокомментировать ее текст. В 2018 году было разработано «Руководство по этике для надежного ИИ специальной группы экспертов высокого уровня Совета Европы» [4].

Между тем на национальном уровне инициативы носят неравномерный характер: некоторые страны уделяют приоритетное внимание разработке правил для роботов, искусственного интеллекта и заходят так далеко, что принимают законодательство (например, регулирующее самоуправляемые автомобили на дорогах общего пользования), в то время как другие страны еще не занимаются этим вопросом. Это отсутствие гармонизированного европейского подхода побудило европейский Парламент призвать к принятию ряда мер по подготовке к регулированию передовой робототехники, включая разработку руководящих этических рамок для проектирования, производства и использования роботов.

Библиографические ссылки

1. *Dennett, D. C. Where Am I?* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lehigh.edu/~mhb0/Dennett-WhereAmI.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2021.
2. *Джой, Б.* Почему мы не нужны будущему [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pub.wikireading.ru/112858>. – Дата доступа: 24.03.2021.
3. *Харрари, Ю.* 21 урок для XXI века / Ю. Харрари – М. : Синдбад, 2019. – 416 с.
4. *Wolkenstein, A.* What has the Trolley Dilemma ever done for us (and what will it do in the future)? On some recent debates about the ethics of self-driving cars // *Ethics and information technology*. – 2018. – Vol. 20, N 3. – P. 163–173.

ЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ В АНТИЧНОМ СКЕПТИЦИЗМЕ

И. Н. Тумас

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ivan.tumas19@gmail.com

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна

кандидат философских наук, доцент

В работе рассмотрена сущность логического противоречия в философии античного скептицизма как невозможность дать критерий истинности. Дано разграничение понятиям утверждения и убеждения как базовых понятий гносеологии скептицизма. Выявлена роль атараксии в этическом и гносеологическом аспекте. Просмотрены причины атараксии и её последствия для скептического отношения к окружающему миру. Также обозначена роль абсолютного сомнения как полного отрешения от убеждений для высшей цели в этическом и гносеологическом аспекте. Ценность данной работы состоит в том, что выявлена позиция скептицизма при рассмотрении понятия истинности. Скептицизм является важным этапом в истории философии и для исследования в частности, так как имеет силу в контраргументированности позиций.

Ключевые слова: скептицизм, изостения, атараксия, убеждение, утверждение, догма, сомнение.

В начале рассмотрим кратко скептицизм и его отношение к другим. Оговоримся, что говорить будем про скептицизм Секста Эмпирика. Слово «скептик» («σκέπτικός») в переводе с древнегреческого означает «склонный к рассматриванию, обдумыванию, взвешиванию, сосредоточению внимания на чем-либо». Последний представитель античного скептицизма Секст Эмпирик называл скептиков ищущими философами.

Он подразделял философов по критериям обладания истины. Так Аристотель, эпикурейцы и стоики относились к догматикам, так как они «они нашли истину». Представители Академического скептицизма (это Клитомах, Карнеад) «высказывались, что воспринять ее невозможно». И третьи философы – скептики «еще ищут» истину [1].

Обозначим сразу же некоторые замечания для скептического повествования. Оговорим установку на знание и веру, как нечто несомненное и кажущееся. Высказывание, в котором подразумевается знание: кто-то «знает X» при утверждении своих взглядов в мировоззренческих и метафизических вопросах, лучше бы перефразировать в «верят в X». Выбирая из множества разных мнений, утверждений, можно обозначить одну из них как «правильную», то, что

существует по истине. Они уверены, знают, что существует Бог, что его не существует, что есть объективная истина, они знают, как нужно поступать. Но всё это представления или верования, которые между собой могут быть хорошо организованы в рамках некой методологии (например, научной). Разграничение между представлением («мне кажется») и знанием («я знаю») в такой интерпретации своих же убеждений является важной для скептицизма, обнаруживая обман при присоединении значения истинности представлению или вере. Ведь они утверждают истину, знание, которое скептицизм не может разделить по истине или по лжи [2]. Так как не уверены в истине и лжи относительно всего.

Соответственно, исходя из интерпретации скептицизма, такое перефразирование имеет большую ценность при познании. Так как истина не утверждается, раскрывая себя со стороны веры или же представления. И при этом строго разграничивает базовые понятия для скептицизма: утверждения, претендующие, высказывающие истинность, то есть обладающее знанием о действительном, которые именуются как убеждения; и утверждения, не диктующие истинность того или иного положения. Знание и истинность в своей предметности тождественны: что является знанием, то истинно, что является истинным, то знание.

Догма – высказывание, утверждение, претендующее на истинность и отвергающее её ложность. Как правило, истина доказывается и отстаивается, так как «знают», что это истина. Скептик же готов отказаться от всякого своего утверждения. Скептик использует модус (отношение субъекта к высказыванию) допущения при рассмотрении вопросов. Вместо того, чтобы говорить «это так», он использует «допустим, это так», применяя одновременно ложность и истинность позиции, утверждения. Тем самым имеет неуловимый ход своего обозначения истины или лжи, так как истинность и ложь никогда не утверждаются. И соответственно, утверждения, высказывания не переходят в убеждения.

Посредством таких рассуждений и ведётся познание скептика, когда логика с значениями истинности и лжи являются лишь предположением, в силу своей несостоятельности (изостении). Что и является основанием для воздержания суждений, убеждений и перехода к эпохе. Эпохе – это не воздержание от любого утверждения, а воздержание от утверждения о том, каково нечто на самом деле, которое высказывает истинность. «Скептики ввиду равнозначности противоположных утверждений высказались за существование богов не больше, чем за их несуществование» [1, С. 254].

Изостения – свойство утверждения, истинность и отрицание которого обладают равной достоверностью [3, С. 79]. То есть утверждение А полностью обосновано, истинно, как и утверждение не-А. Соответственно, истинными могут быть одновременно 4 утверждения: ни одно из суждений не является истинным, ни одно из суждений не является ложным, оба суждения являются истинными, оба суждения являются ложными. Понятное дело, что такое рассмотрение изостении возможно и была применена при двузначной логике, где значения высказываний возможны только в истинности и лжи и любое высказывание относится только к одному из значений.

Скептицизм как сомнение (далее проведем отличия от абсолютного скептицизма) стоит рассматривать как методологический принцип всякого познания, призванный удержать познающего от необоснованных выводов, постоянно возвращаясь к началам рассуждения, чтобы не совершать ошибки. Скептик сомневается в определенный момент процесса познания, но не в *самом* процессе. Так как процесс познания является всего лишь явлением, как например восприятие холода, боли. То, что оно есть в определенный момент времени не вызывает сомнений. Сомнения появляются, когда мы выходим за рамки явлений, очевидного и пытаемся их объяснить, описать. Тот же холод в своей данности неоспорим, но является ли то, что вызвало холод холодным или правильно ли я воспринял холодность, вызывает сомнения.

Из-за этого скептик не строит теорию как совокупность логически обоснованных высказываний, и ставит под сомнения другие. И само направление скептицизма неверно называть учением, так как у него нет своего теоретического основания, нет фундамента, на основе которого скептицизм как последовательная мысль может развиваться.

В итоге такая позиция при познании окружающего мира как невозможности выяснить истинное положение и, соответственно, с этим “правильно” поступать приводит к атараксии. Атараксия – невозмутимость – равнодушие к мнениям относительно неочевидного, поскольку такие мнения порождают изостению. Очевидны только феномены, которые нам даны, что выходит за их пределы, представляют для нас трудность описания и теоретизирования.

«Они в свою очередь потребуют доказательств, и так до бесконечности» - все положения любой теории (понятие теории используется в широком смысле), которые по своей природе выходят за явленность, данность феноменального, требуют разъяснений,

правомерности своих положений [2, С. 360]. Но при изостении неясность логического аппарата познания раскрывается с ещё большей силою. Так как нужно объяснить то, что находится вне логики, так как, если применять логику, то мы уходим в бесконечность или же в противоречия. Логика как критерий истины нам не способна ответить на такие вопросы, из-за чего скептик приходит к эпохе и ко всему с ним вытекающему.

Стоит обратить внимание на устранение противоречивости. Оно достигается при состоянии абсолютного скептицизма. Состояние абсолютного скептицизма – временное. В это время ни одно убеждение, высказывание не является для субъекта значимым и не может им управлять [4]. Абсолютное сомнение в таком случае является не активной позицией или методом при познании, а есть итог наших исследований, которые основаны на противоречивости наших же изысканий. Поэтому и усомниться в сомнении нельзя, так как при обладании абсолютного сомнения, у субъекта нет никаких мыслей насчёт достаточности сомнения.

После такого состояния субъект снова подвергается мнениям, догмам. Но уже имеет некий инструмент для работы с ними. Что можно сказать о непризнании каких-либо истин, но следование им в силу вынужденного положения субъекта в физическом мире и при социальных отношениях. Грубо говоря, не признавая ничего истинного, скептик действует в обыденности как обычный догматик. Но причины, следствия и цели у них разные.

В таком случае, скептицизм Секста Эмпирика показал нам как можно работать с логическими противоречиями, каков предмет их неспособности решать задачи. И как это распространяется на этику в обыденном её проявлении. Изучение скептицизма крайне важно в теории познания, так как скептицизм является сильным оппонентом при построении гносеологических систем.

Библиографические ссылки

1. *Эмпирик, С.* Сочинения в двух томах / С. Эмпирик. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – 399 с.
2. *Лаэртский, Д.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Д. Лаэртский. – М. : Мысль, 1986. – 571 с.
3. *Богуславский, В. М.* Скептицизм в философии / В. М. Боугславский. – М. : Наука, 1990. – 272 с.
4. *Гусев, Д. А.* Скептицизм как философский реализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://warraх.net/2020/03/scepticism_Gusev.pdf. – Дата доступа: 26.04.2022.

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ИСТИНЫ НА ОСНОВЕ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

М. Н. Тюминкина

*Белорусский национальный технический университет, г. Минск;
miku.verner@bk.ru*

*Научный руководитель – Мацевич Мария Янушевна, кандидат
философских наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления
инновационными проектами в промышленности БНТУ*

Отправной точкой этих тезисов является очевидное различие между тем, что мы могли бы назвать абсолютной истиной, метафизической, экзистенциальной и пониманием истины в формальной логике. На примере романа-эпопеи «Тихий Дон» исследуется диалектическая природа истины, предполагается, что в образе Георгия Мелехова читатель имеет дело с различиями между метафизической, экзистенциальной и лингвистическими интерпретациями истины. После объяснения метафизической интерпретации логической истины следует краткое исследование того, как эта интерпретация связана с некоторыми сюжетными линиями романа. В частности, описывается плюрализм правды, ее отличие от истины, понимание с точки зрения экзистенциальной интерпретации. В заключение демонстрируется, что в «Тихом Доне» существует последовательная метафизическая интерпретация логической истины и что эта интерпретация может иметь интересное применение в контексте «диффузионной» позиции. В задачу не входило установить, является ли интерпретация Шолоховым логической истины правильной, а только то, что она представляет особый интерес для метафизиков.

Ключевые слова: правда; смысл жизни; судьба; книжная культура; метафизика; сердце.

Что есть истина? Кажется, не было еще ни одного человека на свете, который хоть раз не задавался бы этим достаточно непростым вопросом. Истину ищут все и всегда: богатые и бедные, ученые и простые трудящиеся, взрослые и дети, но не всем это удастся, и некоторые люди тратят на эти бесконечные поиски всю свою жизнь, рискуя своим здоровьем.

Как известно любому из нас, не всегда поиск правды приводит человека на ту дорогу, в конце которой есть ответ на его стремление. Многие люди для того, чтобы разобраться в себе и найти истину бытия, могут метаться в поисках правды и того единственного смысла всю свою жизнь, так и не познав главной сути своего бренного существования на этой Земле.

По мнению Максима Горького, «истина необходима человеку так же, как слепому трезвый поводырь». Соглашаясь с этим мнением, хотелось бы

более подробно раскрыть проблему поиска истины и человека, ищущего её, на основе образа Григория Мелехова – главного героя романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон». Его характер в романе раскрывается все глубже и глубже с каждой прочитанной главой. Шолохов характеризует его, потомственного донского казака, как трудолюбивого, гордого и смелого человека, но, даже несмотря на все эти положительные качества, он отличался своей несерьезностью, своеволием и неумением принимать твердое решение. Неугомонность мешает ему выбирать правильный путь и совершать нравственные поступки. С самого начала знакомства с этим героем очень хорошо видно его метание с одного берега на другой, необдуманный поиск смысла жизни, совершение множества глупых ошибок и принятие неверных решений.

«Проблемные ситуации предопределены двойственностью книжной культуры, которая, как и любая форма социальнокультурного развития, совмещает в своей динамике позитивные и негативные тенденции. Это означает, что гармония и устойчивость в определенном ракурсе оборачивается дисбалансом и дезориентацией в другом, плодотворные результаты в каком-либо аспекте – жертвенностью в ином, целесообразность конкретных практик в одних условиях – эфемерностью целей в других. Следовательно парадоксальность книжной культуры как неизбежность следует раскрывать в контексте социальной эпистемологии...» [1, с. 103-104].

Что такое истина? Возможно, это правда и отношения с людьми должны строиться именно на истине. Ложь, измены, мягкотелость в выборе не могут привести к счастью, удовлетворенности и получить ответ о цели своей жизни, ведь каждый человек не терпит обмана, хотя не все люди чисты, но, желают видеть истину, так как без нее невозможно жить и идти вперед к своим целям. Григорий Мелехов не знает, как правильно поступить в свой сложный переходный период в жизни. Его беспечность и тот факт, что он довольно быстро сдался в борьбе за чувства и взаимность любимой женщины, сделал несчастными сразу двух девушек, между которыми он делает выбор всю свою жизнь. Жена и любовница: где же то, что ему так дорого и любимо? Вот так и всю жизнь: поиски правды сделали его судьбу сложной и скорее трагичной, чем счастливой. Он пребывает в состоянии отчаяния, и можно представить, что для него закрыта дорога к познанию высшего жизненного идеала – истины [2, с. 220]. Нам, как и ему, кажется, что это тупик и больше дороги вперед не

существует, но истина, как и смысл жизни, будут существовать вечно, независимо от того, как мы относимся к их поиску.

Истина нематериальная, духовная частица нашего физического бытия. События Гражданской войны ярко показывают читателям стремление Григория найти истину в происходящем. Он всем сердцем понимал, что эта война нелепая и бессмысленная, и он, как между теми двумя женщинами, мечется между красными и белыми, пытаясь найти свой верный путь. Григорий Мелехов ненавидит ложь, недосказанность и неопределенность, но не может сразу найти правду, которая бы направила его на верный жизненный путь. Сначала Мелехов сражается за красных, но в сознании его наступает переломный момент, когда большевики вступили на его родную землю и начали творить полный раздор, грабеж и убийства. Все то, что было для него так дорого, в одну минуту было разрушено, а чувства перемешались в душевную боль. Поиски смысла жизни и ее истины приводят его к противникам большевиков, и он вступает в ряды восставших казаков. Но и это не дает ответ на его поиски и не делает счастливым. Однако Григорий уверен, что невозможно построить свое счастье на убийствах, уничтожении всего человеческого, как и со стороны восставших, так и со стороны их противников. Пройдя множество испытаний самое главное – остаться человеком и не утратить сострадание, способность любить и творить добро Григорию пришлось преодолеть эти сложности и жизненные преграды. Да, он не нашел ответ на вопросы: «Зачем война?», «В чем ее смысл и как жить дальше?», но, в конце концов, он возвращается на родину для того, чтобы начать новую жизнь и продолжить поиск своего счастья. Именно там он надеется, что семья и любовь к своему единственному сыну – это и есть основной смысл его жизни, его найденная правда, которую он искал столько лет. Он уверен, что труд на своей родной земле, любовь близких людей, вера в светлое и мирное будущее – это и есть самая главная цель в жизни и правда, которую не было необходимости искать целую вечность, потому что она всегда находилась рядом [3, с.247].

Средневековый индийский мистик Кабир считал, что истину нельзя почерпнуть из писаний, и она вопрос личного переживания. Для каждого человека существует своя истина, так как это понятие субъективно. Истина – это то, что нужно пережить и достичь собственными усилиями и только в глубинах тишины собственной души.

Многие люди путают истину с правдой, а ведь эти два понятия совершенно разные. Правда, как правило, с определенными условиями, со

своей ситуативной закономерностью и она является лишь небольшой частью такого глубокого понятия как истина [4, с. 248]. Правду можно получить сиюминутно, согласиться с ней или же отвергнуть, а истина – то, к чему человек стремится всю свою жизнь, что может стать смыслом существования, правда же в индивидуальном сознании не в состоянии занять эту нишу.

Знания – сила, а истина, вероятно, – это самое высшее знание, его совершенство. Зная истину, возможно понимать, что происходит вокруг нас и что может произойти в будущем, она не требует, чтобы в нее верили, потому что человек не может доказать ее правдивость.

Таким образом, как изучение сюжета, так и диалектика смыслов романа-эпопеи М. А. Шолохова позволяют проверить метафизическую основу в отношении творческого воссоздания мировоззрения поворотного исторического периода Российской империи. Творческое отражение именно «народно-поэтической» культуры, а также ее логико-семантической составляющей легло в основу художественного метода Шолохова, определило его поэтику, литературные и эстетические взгляды.

Очень сложно различать истину и ложь, не логически, а экзистенциально. Метания и скитания по жизни лишь преподносят человеку суровый урок, благодаря которому он всеми силами старается различать эти два понятия. Никто не может сказать точно, где истина бытия, человек должен воспринимать этот мир, оглядываясь вокруг. Может так случиться, что экзистенциальная истина и впрямь где-то рядом, но вовсе не там и не в том, где и в чем ее видят логически. Только сердце приближает нас к такой истине. Услышать голос сердца могут не все люди, но это не значит, что они не способны этому научиться. Экзистенциальная истина – это не крик, не вопли и не истерика, она не в словах, она в молчании. Метафизика истины не имеет никакого отношения к уму, она за его пределами, потому что только внутренний голос и зов сердца помогают найти этот смысл человеческого бытия.

Библиографические ссылки

1. *Воробьева, С. В.* Парадоксы книжной культуры в контексте социальной эпистемологии / С.В. Воробьева // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы XII Белорусско-Российского научного семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: К 95-летию Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси» (Москва, 26–27 марта 2020 г.) / Сост.: Л.А. Авгуль, Н.В. Вдовина. – Минск: Центральная научная

библиотека НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2020. – С. 102–107.

2. *Поль, Д. В.* Универсальные образы и мотивы в русской реалистической прозе XX века (художественный опыт М.А. Шолохова) / Д. В. Поль. – М. : ИХО РАО, 2008. – 278 с.

3. *Семанов, С. Н.* В мире «Тихого Дона» / С. Н. Семанов. – М. : Современник, 1987. – 253 с.

4. *Тамарченко, Е.* Идея правды в «Тихом Доне» / Е. Тамарченко // Новый мир. – 1990. – № 6. – С. 237–248.

ПОЛУЧЕНИЕ ЗНАНИЙ ИЗ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ «ТЕОРИИ-U»

А. С. Хурса

Белорусский национальный технический университет, г. Минск;

alinakhursa02@gmail.com

Научный руководитель – Мацевич Мария Янушевна,

кандидат философских наук, доцент.

Разработанная в 2007 году Отто Шармером «Теория -U» заслужила сегодня широкое международное признание. Однако критические обзоры ее оснований в социальных науках и философии остаются редкостью. В этой статье репрезентировано краткое введение в «Теорию- U», дано ее философское обоснование. Актуализируется, что, несмотря на свои очевидные недостатки, «Теория-U» заслуживает уникального охвата нетрадиционных школ мысли, выходящих за рамки основной литературы по теориям лидерства.

Шармер – первый исследователь организационного лидерства, широко использующий нетрадиционные школы мысли и, таким образом, вышедший далеко за рамки преобладающих подходов, основанных на личности или отношениях, поведенческого мышления, до сих пор господствующего в основной литературе по теориям лидерства. «Теория-U» может использоваться как довольно полезный подход к новым способам лидерства и проблемам управления изменениями. Этот вклад фокусируется на связи между «Теорией- U» Шармера и индивидуальным коучингом.

Ключевые слова: мышление; лидерство; медитация; сознание; присутствие; рефлексия; .коучинг.

Отто Шармер, старший преподаватель Массачусетского технологического института и один из основателей Института чувствующего присутствия, предлагает теорию, согласно которой человек способен самостоятельно активировать свои скрытые ресурсы через подключение к собственным интуитивным знаниям. Искать ответ не из

имеющихся знаний и опыта прошлого, а выловить решение из возникающих в данный момент образов. Возникает абсолютно новое решение, которое мы ранее и не могли предположить. Теория Шармера носит название «Теория-U», предлагает движение по «U-образному» маршруту из семи состояний. Проходя через эти состояния, или этапы U-процесса, человек учится работать с собственным потенциалом, благодаря сосредоточению и творческому воображению улавливать новые идеи, возникающие внутри самого себя. Задача исследовательского процесса – разглядеть внутренние ресурсы, ухватиться и трансформировать в реальной жизни для решения насущной проблемы [1, с. 219].

В основе «U-процесса» находится практика медитации. Изменения происходят во время погружения в состояние сознания при невозможности его интерпретации на текущей стадии мыслительного процесса. Идеи возникают как образы: мы их наблюдаем, но словами не можем выразить наблюдаемое. Однако когда мы работаем с нашим вниманием, наше сознание обрабатывает эти образы без нашего контроля и придает мысли форму, которую мы раньше не знали, но сейчас способны распознать [1, с. 67].

Чтобы иметь представление о подобных состояниях сознания, следует обратиться к восточной философии. Традиционно выделяют четыре базовых естественных состояния, в которых пребывает человек: бодрствование, сновидение, глубокий сон и непреходящее (то, что не проходит; постоянное) сознание.

Согласно восточной философии, человеческое существо состоит из трех тел: «грубого тела», «тонкого тела» и «причинного тела». Состоянию бодрствования соответствует грубое тело, состоянию сновидения – тонкое, глубокого сна – причинное. Четверное состояние – состояние сознания – принято называть «турийя». В объяснении философского начала «U-теории» достаточно использовать три основных состояния: бодрствования, сновидения и глубокого сна.

Грубое тело — тело, лишённое духовности и индивидуальности. Это состояние, в котором человек ест, дышит и движется. Оно отвечает за контакт человека с внешним миром. Тонкое тело является телом ума и жизненной энергии, поддерживающей физическое тело и делающей его живым. Причинное тело – тело, в котором сознание возвращается к своим истокам. Оно содержит жизненный опыт, причины всех поступков человека.

Переводя со сложного философского языка на язык, понятный простому человеку, Отто Шармер соотносит грубое состояние с понятием «мышление»: созерцание, познание объекта, его оценка, интерпретация. С тонким состоянием соотносится «чувствование»: переживание чувств, мыслей очень глубокой интенсивности. Такое происходит во время сновидения и творческого процесса. Причинное состояние интерпретируется как «источник»: объединение сознательного и бессознательного.

Для нахождения новых знаний и интеграции их в жизнь «Теория- U» предлагает системный путь из семи этапов [1, с. 59]. 1. Приостановка. В начале процесса мы находимся с нашими привычными моделями поведения, полагаемся на прошлый опыт. Важно остановиться. Отстраниться от привычных паттернов. Попытаться разглядеть объективную картину реальности. На этом этапе мышление фиксируется на «оно» и «они»-вещах. Человек дистанцируется, рассматривает всё с позиции «эти объекты и я существуем отдельно друг от друга». Но в этом же состоянии происходит концептуализация: человек воспринимает признаки явлений или предметов. Эти признаки позволяют человеку хранить в сознании понятие или представление об этом явлении и отличать его от других сущностей.

2. Перенаправление. В начале мы отстранены от вопроса, не понимаем, чего от нас хотят. Стоит подумать: «Почему для меня это важно?». Мы переключаем источник размышлений. Здесь важно думать не об объектах, которые перед нами, а тех, которые мы способны создать индивидуально: почувствовать способность создавать новое, влиять на обстоятельства. А раньше это казалось спроектированным исключительно внешними силами.

3. Отпускание. Следующий шаг – освободить ум. Отпустить старые намерения, старые сущности, старые модели, позволяя занять их место новому.

4. Чувствующее присутствие (чувствование настоящего: погружение в глубокое состояние сознания, ощущения присутствия в настоящем). Происходит переход в глубокое место тишины, в точку, где человек может осознать себя за пределами старых обусловленностей. Старое отпускается, а перед человеком открываются его глубинные намерения, открывается новый источник размышлений. Как результат, активизируются скрытые ресурсы личности.

5. Кристаллизация. Это порог. Если перешагнуть его, что-то другое может родиться – новое, вернее, человек позволяет новому прийти.

Бесформенные и непонятные образы, возникающие в голове, приобретают очертания, и мы способны их разглядеть и понять. Важно не упустить новые образы, а уметь услышать, ухватить. Перевести их с уровня «мысль» на уровень «действие».

6. Прототипирование. На этом этапе приходит понимание, как можно применять решения, которые пришли во время состояния погружения в настоящий момент (во время *presencing-a*). Мы даже не смотрели в эту сторону, не думали, что вот так тоже можно сделать. А теперь наша задача придать им материальную форму – создать жизнеспособную модель пришедшего решения.

7. Внедрение. Проходя через «U-процесс», человек осознанно напрягает свое внимание, направляет внимание внутрь себя. Это позволяет отойти от копирования и исправления прошлого опыта, разглядеть внутренний потенциал и действовать с опорой на новое восприятие.

Погружение в настоящее, чувство момента сейчас и здесь позволяет осознать возникающие изнутри знания. Наша задача быть готовыми к появлению новых неожиданных решений, преобразовать их и адаптировать к текущей задаче. Важно только иметь личное стремление к изменениям и намерение их свершить [2].

При таком подходе «Теория- U» связана с конкретными уровнями рефлексии и осознания, описываемые так называемой «луковой моделью». С помощью ядра «Рефлексии», личностные и профессиональные аспекты как внутренних процессов, так и деятельности, становятся связаны. Таким образом, важный сдвиг в коучинге и в любой процесс профессионального обучения – это переход от размышления о прошлом в направлении осознания нашего идеального будущего, как средство установления контакта с личными сильными сторонами и преодоления туннеля мышления или препятствия, мешающие людям реализации своих идеалов. Но еще более важный шаг состоит в том, чтобы перейти как от размышлений о прошлом, так и будущем, сосредоточиться на здесь и сейчас. Речь идет о преодолении не только разрыва между здесь и сейчас и прошлым, но даже разрыва между здесь и сейчас и будущим. Последнее означает отход от понятия отражения к полному осознанию как внутреннего, так и внешнего мира, к самоактуализации, подлинности. Действительно, «чувствующее присутствие» предлагает инструменты преодоления разделения между тем, как мы работаем профессионально, и кто мы как человек, представляющий себя здесь, сейчас.

Библиографические ссылки

1. *Шармер, О.* Теория U. Лидерство из будущего / О. Шармер – М. : Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2018. – 512 с.
2. *Воробьева, С. В.* Диалог культур как способ конструктивного мышления в условиях неопределенности / С.В. Воробьева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции / под ред. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2019. – № 13 (64). – Ч. 3. Актуальные проблемы философии. – С.32–36.

СЕКЦИЯ 10. СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

КОНЦЕПЦИЯ "ОДНОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА" Г. МАРКУЗЕ

А. И. Абраев

Белорусский государственный университет, г. Минск;

lekha.abray@mail.ru

Научный руководитель – Данилов Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор,

член-корреспондент НАН Беларуси

В статье рассматривается исторический контекст и предпосылки написания работы Маркузе «Одномерный человек», а также описание его работы под одноименным названием. Кратко описываются характеристики общества потребления, история его становления, и влияние СМИ на эволюцию потребительского поведения. Описываются современные существующие реалии, в которых существует нынешнее общество.

Ключевые слова: одномерность; потребности; классовое размытие.

Герберт Маркузе – фрейд-марксист, написавший книгу «Одномерный человек» в 1964 году. Автор рассмотрел в данной работе противоречивость современного ему индустриального общества. Данный труд вызвал огромный ажиотаж в научном сообществе, и даже была признана одним из крупнейших трудов 1960-х годов. Для начала необходимо разобрать содержание данного труда и наиболее важные мысли, о которых говорит автор в данной научной работе.

Предпосылок для создания данного труда было огромное количество: это и исторический период, в котором жил Маркузе, и исследования, которые проводились до Маркузе, в основном это конечно представители франкфуртской школы, к которой относился и сам Маркузе. Теодор Адорно, Эрих Фром, Хосе Ортега-и-Гассет и многие другие ученые развивали идеи, схожие с концепцией Маркузе.

Критика современного индустриального общества начинается с того, что он говорил о том, что именно оно является «источником» зарождения

унифицированных людей ограниченных низкоматериалистическими и физическими ориентациями.

В самом начале Маркузе начинает говорить об угрозе атомной катастрофы. Здесь невольно вспоминается исторический контекст написания данной работы, а именно такое событие как Холодная война. В обществе начинает формироваться культ военной мощи, где новые военные успехи – становились поводом для общественной гордости. И тут я всплывает первая проблема, описанная в данном труде – подмена индивидуальных потребностей, общественными потребностями. Это и лишает личность основы его индивидуальности, что в будущем и станет основной причиной того, почему личность не сможет противостоять целому [2, с.16–18].

Следующая идея, которая является составной частью образа одномерного человека, это идея о размывании классовых различий.

Все это происходит под влияние подконтрольных СМИ, а именно через рекламные образы, которые они диктуют. Реклама в современном обществе предстает как один из факторов, приводящих к «одномерности», технологичности поведения людей. Манипуляция, навязывание «обезличенных вещей» и «фиксированных образов», вызывание у личности нужных ассоциаций, мистифицирование – все это неотделимо от рекламной коммуникации [2, с.77]. Среднестатистический служащий может себе позволить обустраиваться в том же бутике, что и его начальник, ездить на таком же автомобиле, обедать в том же ресторане. Все это произошло по причине того, что средний класс расширился. И если раньше пролетариат был революционно предрасположенным классом, то сейчас он обуржуазился и потерял свою революционность. Буржуазия расширилась за свои пределы, захватив в свой кусок пирога пролетариат. Однако Маркузе выделил новые социальные группы, которые способны восстать против сложившейся системы: студенты, которым, как и пролетариату в 19 веке попросту нечего терять, люмпены – деклассированные личности не живущие по правилам социума и художники абстракционисты – люди, которые, по мнению Герберта Маркузе приобрели революционность.

Здесь мы приходим к понятию «репрессивная толерантность», которое привело к тому, что никакая оппозиция в одномерном обществе совершенно невозможна.

«Репрессивная толерантность» – это практики дискриминирующей толерантности как средство смещения равновесия между правыми и

левыми – путём ограничения свободы правых и тем самым компенсации всепроникающего неравенства (неравного доступа к средствам демократического убеждения) и усиления угнетаемых в сравнении с угнетателями [3, с.10].

Всякое противостояние кажется иррациональным, а всякое противодействие немыслимым. Огромное количество производимых товаров и услуг, уничтожают личную и классовую оппозицию, навязывая свои потребности, формируют ложное сознание и подавляют личностную индивидуальность. Все это приводит к возникновению модели одномерного мышления и поведения, при которой любые критические, выходящие за её рамки идеи и цели либо принимаются и объясняются системой, либо полностью отвергаются, тем самым «порабощая человека»

И засилье огромного количества товаров на прилавках создает ту самую демократическую иллюзию выбора, из-за которой современный человек чувствует себя свободным в выборе товаров и услуг, при этом, не осознавая свою изначальную запрограммированность.

Так же можно говорить и о том, что технологический прогресс XX века стал почвой для возникновения того самого одномерного человека. Хотя в начале своем он предвещал освобождение от классового неравенства и рабства путем развития машинного производства. И если наблюдать с одной стороны, то так оно и было: запрет детского труда, введение трудовых прав рабочих, регламентирование 8 часового рабочего дня. Однако именно машинное производство привело человека от «открытого» рабства, к более изощренному и более сковывающему «скрытому» рабству [2, с. 55].

Под влияние технологического прогресса люди утратили свою самость, с ростом материального положения, человек, между свободным мышлением и материальными благами всегда выбирал второе.

Как пример можно привести ситуацию в Германии в 1933 году, «радиоприёмник в каждый дом» сделал из немцев ведомую массу, которая верила в то, что правительство заботится об их благосостоянии. На бесчеловечную идеологию нацистской Германии, вмиг закрыло глаза многомиллионное население Германии.

Так же необходимо отметить, что Маркузе разделял потребности на истинные и ложные. Истинными потребностями для человека являются те, без которых человек перестанет быть человеком: потребность в еде, отдыхе, социализации и др. Ложными, или же навязанными считаются те потребности, которые диктуют средства массовой информации:

потребность в брендовой одежде, дорогом автомобиле, в приобретении новинки на рынке газированных напитков и многое, многое другое [2, с. 9–12].

В заключении можно сказать о том, что идеи Маркузе были приняты в большей степени среди молодежи, скорее всего по причине того, что молодежи, как я и говорил ранее, автор отводил особую «революционную роль, говорил о том, что в них заложен так называемый «инстинктивный отказ». Однако некоторые идеи Маркузе в настоящее время утратили свою актуальность. Во-первых, из-за того, что с момента создания теории одномерного человека прошло уже больше 50 лет, и многое, что было описано в труде на данный момент перестало быть таковым. Как пример, роль телевиденья, радио, СМИ способствующих навязыванию потребностей резко снизилась. Сейчас их место полноправно занял интернет.

Во-вторых, это идеи выдвинутые Маркузе, о сопротивлении влиянию СМИ. Он говорил о трех видах революции: сексуальной, культурной и социальной. Но как показывает практика, что сексуальная революция ни к чему не привела. Так же вспомним «великий отказ», описанный Маркузе если раньше еще и можно было, как-никак сопротивляться экспансии телевиденья и радио, простым отказом от них, то сейчас, почти каждый человек на планете имеет доступ в глобальную сеть и не может порой прожить и часа не зайдя туда. Поток информации в интернете настолько велик, разные источники трактуют свою «правду», что порой отличить, где истинность, а где ложь, становится невозможно.

Если раньше выбраться из одномерности, было по силам немногим, то сейчас на это неспособен никто, человек настолько привык, существовать с иллюзией выбора, настолько готов променять свою свободу на логотип на одежде, что ему уже не по силам вырваться из рук «свободного» общества потребления.

Библиографические ссылки

1. *Деревянченко Ю. И.* Герберт Маркузе и стратегия новых левых // Вестник НГУ. – 2010. – Т. 8. Вып. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/doc/104954279/Деревянченко-Ю-И-Герберт-Маркузе-и-стратегияновых-левых#> (Дата обращения: 13.04.2022)
2. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Исследование идеологии развитого индустриального общества, 1994. 368 с.
3. *Маркузе Г.* Репрессивная толерантность // Эссе, 2011. 19 с.

КУРЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ФЕСТИНГЕРА

А. И. Абраев

Белорусский государственный университет, г.Минск;

lekha.abray@mail.ru

Научный руководитель – Данилов Александр Николаевич

доктор социологических наук, профессор,

член-корреспондент НАН Беларуси

В статье дается описание особенности изучения курения в рамках социологии девиантного поведения, через теорию когнитивного диссонанса Фестингера. Так же описываются особенности методологического изучения курения в рамках социологии. Приводиться статистика по потреблению табачных изделий среди населения планеты. Так же выделяются особенности курения среди студенческой молодежи.

Ключевые слова: курение; девиантное поведение; когнитивный диссонанс; аддиктивное поведение.

Проблема курения и курящих людей в современном обществе с каждым годом становится все актуальнее и актуальнее. Многие науки берутся за вопрос изучения данной проблемы, социология так же не стала исключением.

Социология девиантного поведения – это наука, изучающая отклоняющееся поведение человека, его формы, виды и социальные проявления.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей социологического изучения курения, требуется дать небольшую характеристику потреблению табачных изделий с точки зрения социологии.

Потребления табачных изделий – это те или иные социальные обстоятельства, при которых индивиды используют табачные изделия, так же это сосание, жевание, нюханье табачных изделий.

Социология девиантного поведения относит курение к формам аддиктивного поведения.

Аддиктивное поведение (от англ. *addiction* – *склонность, пагубная привычка* и лат. *addictus* – *рабски преданный*) – это саморазрушающее поведение (наркомания, алкоголизм, табакокурение и др.).

По данным Всемирной организации здравоохранения, на 7,5 млрд населения Земли приходится примерно 1 млрд курильщиков. В результате прямого воздействия табака ежегодно умирают 8 млн. чел., ещё 1 млн.

чел. — в результате воздействия вторичного табачного дыма (т. е. исходящего от курящих) [2].

Основная проблема табакокурения заключается в привязанности личности к сигарете. Для того, чтобы лучше рассмотреть причины привязанности к курению, обратимся к когнитивным теориям мотивации. В них поведения в качестве источника информации, которая, будучи проинтерпретирована субъектом, оказывает мотивирующее воздействие на его поведение, выступают ситуационные детерминанты.

Наиболее известной из этих теорий, дающей достаточно полное представление обо всем исследовательском направлении, является видение когнитивного диссонанса, предложенное Л. Фестингером. Основным постулатом данной теории является положение о том, что человек стремится к согласованности своих представлений о мире и себе самом. Несоответствие между ними (когнитивный диссонанс) является фактором, который мотивирует поведение. Выражается его мотивирующее значение, во-первых, в попытках человека уменьшить диссонанс и добиться соответствия. Во-вторых, — в активном избегании ситуаций и информации, которые ведут к возрастанию диссонанса.

Фестингер выделил четыре типа ситуаций, в которых возникает диссонанс:

- 1) логическое несоответствие;
- 2) несоответствие культурным образцам;
- 3) несоответствие частного мнения более общему;
- 4) несоответствие прошлому опыту.

Существующие способы устранения диссонанса можно свести к трем основным. Это, во-первых, изменение одного или нескольких элементов в диссонансных отношениях; во-вторых, добавление новых когнитивных элементов, согласующихся с уже имеющимися; в-третьих, уменьшение значимости диссонансных отношений. Выяснение факторов, от которых зависит величина диссонанса, показало, что она определяется, прежде всего, значимостью данных когнитивных элементов, а не степенью их несоответствия между собой [3, с. 97–100].

Ярким примером когнитивного диссонанса в повседневной жизни, является как раз, приведенный Фестингером пример курильщика: «Так, например, — пишет он, — человек, который продолжает курить, зная, что это вредно для его здоровья, может в то же время считать: а) куренье доставляет ему такое удовольствие, что это стоит того, б) вероятность ухудшения здоровья не столь велика, как думают некоторые, в) он не

может всегда избежать любых возможных опасных неожиданностей, но тем не менее продолжает жить, и г) возможно, что, когда он бросит курить, он прибавит в весе, что столь же плохо для его здоровья. Следовательно, продолжение курения, в конце концов, согласуется с его представлениями о курении» [3, с. 98].

Человеку не всегда под силу объяснить или оправдать данное несоответствие и всякие попытки добиться того самого «бессмысленного» соответствия терпят неудачу. И это самое несоответствие продолжает существовать и развиваться в человеке, тем самым вызывая у него психологический дискомфорт.

Исходя из этого можно сказать то, что курильщик, у которого появляется желание бросить эту пагубную привычку, сталкивается с сформированными установками у себя в голове. И две установки вступают в конфронтацию друг с другом, тем самым и, вызывая диссонанс, и все это приводит к тому, что курильщик снова и снова возвращается к сигарете.

В этом, заключается особенность изучения курения в рамках социологии. Здесь социология должна обращаться за помощью к другой не менее важной науке – психологии. И только в кооперации с ней она будет способна в полной мере выявить и описать те самые диссонансы, возникающие у курильщика, дабы показать всю пагубность пристрастия к сигарете.

Так же стоит отметить такие важные пункты, которые так же показывают, что изучение курения в рамках социологии девиантного поведения, носит свои особенности, а именно:

1) Необходимость использования деликатных вопросов в инструментарии

2) Неоднозначное отношение к курению у опрашиваемых респондентов (Табакокурение люди достаточно часто не относят к одной из форм девиантного поведения, как минимум, считают его «легкой» формой девиации, часто забывая о последствиях для здоровья, в том числе здоровья окружающих.)

3) Социолого-статистический характер исследований, анализ данных в срезе

4) Труднодоступная выборка для проведения исследований

Подводя итог, можно сказать, что курение является одной из важных проблем современного общества. Еще больше ее важность подчеркивает тот факт, что средний возраст начала курения по стране составляет 17,5 лет. Это говорит о том, что среди курящих людей присутствует большой

процент молодежи, в том числе и студентов. А ведь годы студенчества совпадают с периодом возрастной физиологической перестройки организма, в которую вовлекаются все системы. Студенты по большей части занимаются особым видом деятельности – умственным или эмоционально-интеллектуальным. При сдаче экзаменов отмечается стресс, который, как известно, ведет к изменению вегетативных показателей (увеличение частоты сердечных сокращений, систолического и диастолического артериального давления и так далее). Кроме этого, у многих студентов отмечается недосыпание из-за большого количества осваиваемого учебного материала, который они не успевают изучить в дневное время по различным причинам. Все это и вредные привычки, которые присущи многим студентам, приводят к очень большим проблемам со здоровьем [1].

Библиографические ссылки

1. *Александров, А. А.* Распространенность курения среди учителей г. Москвы / А. А. Александров, С. А. Шальнов, А. Д. Деев и др. // Вопросы наркологии. – 2002. – № 4. – С. 61–65.
2. Всемирная организация здравоохранения. Табак. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/tobacco> (дата обращения: 16.04.2021).
3. *Фестингер Л.* Введение в теорию диссонанса. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. Москва: Издательство Московского университета, 1984. С. 97–100.

ЦЕННОСТНЫЙ МИР СТАРШИХ И МЛАДШИХ ПОКОЛЕНИЙ

П. В. Адарусова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

adarusoba.polina@mail.ru

Научный руководитель – Калачева Ирина Ивановна,

доктор исторических наук, профессор

В публикации автор рассматривает феномен ценностного мира старших и младших поколений. Актуальность данной темы обусловлена социальными изменениями, которые актуализированы очевидной сменой поколений и их ценностными ориентациями. В работе проводится анализ ценностных ориентаций старших и младших поколений и их влияние на различные сферы деятельности человека. Целью исследования является определение ценностей старших и младших поколений. Работ, которые освещают данную тему, не хватает в свободном доступе. Данная работа может

выступать основой для проведения дальнейших исследований, направленных на полное изучение феномена ценностного мира поколений.

Ключевые слова: ценностные ориентации; поколение; поколение X, Y, Z; социализация.

Понятие «поколение» охватывает большое количество аспектов человеческой жизни. Данное понятие связано со структурой общества и является важным для социальных изменений во всем мире. Термин «поколение» используется во многих науках и связан с процессами, проходящими в жизни людей, применяется в экономике, психологии, культурологии, политологии, социологии и других общественных науках. Поколению присущи нравственные, социально-психологические, культурные характеристики, а также духовные ценности, нормы, традиции, социальный опыт и образ жизни.

«Поколение – совокупность людей, родившихся в определенный период времени» [1]. Язык поколений выделяет представление о границах одного поколения и способы перехода от поколения к поколению. Из этого вытекает, что поколения представляют собой процесс, проходящий внутри культуры, и являются моделью научных исследований.

Развитие человечества идет путем смены поколений, которые отвечают за будущее их потомков. То, от чего зависит каждое новое поколение – это история прошлого поколения. Большинство происходящих ситуаций современного мира происходит в результате причинно-следственной связи. Явления из прошлого определяют условия происходящего в будущем, поэтому нужно углубляться в историю поколений, чтобы понимать ее влияние на другие поколения. Различность поколений описали У. Штраус и Н.Хоув в своей работе «Теория поколений». Они показали, как повторяются поколенческие циклы. Знания об основных ценностях и характеристиках старших и младших поколений, помогают понять, как устроено общество и в каком направлении оно развивается.

Ценности и ценностные ориентации человека формируют ценностный мир поколений. Ценностные ориентации – элементы внутренней структуры личности, сформированные и закреплённые жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации [2]. В ценностных ориентациях сконцентрированы понятия о моральных, нравственных ценностях, решительность или нерешительность действовать в соответствии с моральными нормами и правилами.

В данной работе поколения будут разделяться следующим образом:

- Поколение X (1961-1981);

- Поколение Y (1982-2004);
- Поколение Z (2005-приблизительно 2025).

Поколение X: [3].

В основу поколения X входят люди, родившиеся с 1961 по 1981 год. На формирование данного поколения повлияли такие ключевые исторические события, как: спад рождаемости, холодная война со странами Запада, конфликт в Афганистане, перестройка, падение Берлинской стены.

Люди поколения X родились в Советском Союзе. Большинство представителей двигались к стабильности, закончили и работают по профильному образованию, ценят классическое образование. Данное поколение сверхсамостоятельное, строят карьеру на одном месте на протяжении многих лет, прагматичны и стремятся учиться в течении всей жизни.

Старшее поколение видит сильных нужды в необходимости брака, так как имели прямой пример своих родителей.

На данный момент старшее поколение имеет свою недвижимость, у большинства есть машины, они достаточно обеспечены. Ценностью поколения X является поддержание финансово своих родителей и детей.

Для поколения X важны такие человеческие качества, как доверие, дружба, верность. Для них присуще заботиться о других людях и часто забывать о себе. На это повлияло государство, которое старалось сплотить народ с помощью студенческих бригад, концертов, поездок в колхозы и в другие республики на подработку.

Поколение Y: [4].

Представители поколения Y родились приблизительно с 1982 по 2004 год. На них повлияли такие ключевые исторические события, как: расцвет новых технологий, эпоха кризиса, безработицы, подорожание жилья, распад СССР. Они росли в период развития Интернета, поэтому больше вовлечены в цифровые технологии. Для этого поколения характерно желание «выделяться из толпы» и «не быть серой массой». Большинство уверены в себе, стремятся к большему, разнообразны, но имеют наивность.

Они балансируют между личной и трудовой деятельностью, не у всех в приоритете семья, некоторый процент из Поколения Y является чайлдфри. Строить семью в раннем возрасте для них нехарактерно, в это время они увлечены саморазвитием и личным удовольствием. Чаще всего они выбирают быстрые деньги и гибкий график, стремятся к новым знаниям, многозадачные и готовые к переменам.

Поколение Z: [5].

В основу поколения Z входят люди, родившиеся с 2005 приблизительно по 2025 год. Для данного поколения характерны ключевые исторические события, как: большее развитие Интернета, смартфоны, продукты массового потребления, Мировой экономический кризис, массовые митинги и протесты против власти, популяризация и глобализация феминизма и маскулизма, пандемия COVID-19.

Для поколения Z характерна быстрая обучаемость, саморазвитие и самовыражение, они реже выбирают классическое образование, проявляют интерес к экологии, видят потребность в новизне. Большинство не представляет свою жизнь без цифровых технологий.

Данное поколение уважает чужую индивидуальность, избегает расизма, сексизма, любых форм ксенофобии, стремится к всеобщей справедливости.

Поколение Z стремится создать семью. Такое стремление во многих случаях может быть связано со страхом одиночества. По их мнению, лучший возраст для создания семьи – это 27 лет.

Понятие основных ценностных ориентаций каждого поколения поможет принимать правильные решения в жизни общества. В настоящее время произошло обновление всех общественных отношений. Это произошло по причине передачи ценного опыта предыдущих поколений, а как результат: вырабатываются нормативные требования. Данные требования выступают в роле идеалов, норм, ценностных ориентаций, которые получают молодые поколения. Цели поколений меняются, этому способствуют изменения в социальной, политической, экономической, этической жизни общества. Это происходит не только из-за возраста, но и из-за смены условий жизни человека.

Изучением поколений занимается маркетинг для продвижения и продажи товара, так как важно четко знать свою целевую аудиторию; менеджмент, которому нужно понимать, как управлять персоналом разных возрастов и взглядов в организации; система образования, которой важно знать, как коммуницировать с детьми и студентами, как предоставлять материал и, как реагировать в определенных ситуациях для качественного образования; политика для анализа дальнейшего существования страны; социология для отслеживания динамики общества и демографических процессов.

В заключении важно отметить, что необходимо отслеживать динамику норм и ценностей общества, чтобы понимать, что нам ожидать от будущих поколений. Это также поможет не допускать ошибок в коммуникации

между поколениями, снизит недопонимание между людьми разных возрастов. Данная деятельность приведет к совершенствованию социума.

Библиографические ссылки

1. *Беляева, Л. А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России / Л. А. Беляева. — : Социологические исследования, 2004. — С. 31.
2. *Грицанов, А. А.* Социология: энциклопедия / А. А. Грицанов. — : Минск: Книжный Дом, 2003. — С. 1215.
3. *Кормильцев, И. В.* Поколение Икс: последнее поколение? / И. В. Кормильцев. — : Иностранная литература, 1998. — С. 5–8.
4. *Круг, А.* Другое поколение. Заметки-размышления о жизни, современной молодежи и о многом другом / А. Круг. — : Издательские решения, 2019. — С. 53–59.
5. *Кулакова, А. Б.* Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова. — : Вопросы территориального развития, 2018. — С. 4–8.

НОВЫЯ МЕДЫЯ: ТЭАРЭТЫЧНЫ АГЛЯД

А. М. Бельскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск;
ksander_mogilev@mail.ru*

*Навуковы кіраўнік – Данілаў Аляксандр Мікалаевіч,
доктар сацыялагічных навук, прафесар,
член-карэспандэнт НАН Беларусі*

У публікацыі аўтар звяртаецца да аналізу тэарэтычных пабудов, якія апісваюць традыцыйныя СМІ з выхадам на канцэпт "новыя медыя". Прыводзяцца асаблівасці разгляду феномену ў замежнай і айчынай практыцы з вылучэннем шэрагу напрамкаў. Адзначаецца, што імклівае развіццё прасторы сеткі інтэрнет зніжае тлумачальную здольнасць раней актуальных тэарэтычных пабудов, што актуалізуе іх сацыялагічную рэканструкцыю і новае генэраванне сэнсаў у пазначаным праблемным полі. Пазначана, што асаблівасцю дзейнасці айчынных даследчыкаў з'яўляецца ўласцівая постсавецкай прасторы адсутнасць відавочных сацыялагічных школ, ва ўмовах чаго кожны даследчык імкнецца знайсці сваю нішу ў праблемным полі, адлюстроўваючы раней нявывучаныя грані доследнага феномена, фармуючы свой уласны даследчы кірунак.

Ключавыя словы: традыцыйныя СМІ; новыя медыя; парадыхмы.

Тэарэтыка-метадалагічныя аспекты рамкі феномена новых медыя знайшлі сваё адлюстраванне ў працах заходніх і айчынных даследчыкаў [1; 2]. Першапачаткова канцэптуальныя асновы інфармацыйнага грамадства, дзе кантроль над працэсам стварэння, распаўсюджвання і само валодання інфармацыйным кантэнтам

выступаюць сістэмаўтваральнымі элементамі, заклалі М. Кастэльс, Д. Бэл, Ф. Уэбстэр, Э. Тофлер ды Ё. Масуда.

Аспекту задавальнення патрэбнасці ў інфармацыі ў структуры паўсядзённых практык надавалі ўвагу П. Бурдзье, А.Л. Вартанава, М. Маклюэн, Э. Міцкевіч, Э. Берд, Д. Даян і Э. Катц, Н. Луман, П. Бачкоўскі і Е. Мітхельштэйн, Д. Марлі і інш., прычым Дж. Уэбстэр, У. Мальтхаус і Т. Ксіязек адзначалі асаблівасцю непасрэдна перманентнае медыяспажыванне, якое стала даступным менавіта ў эпоху з'яўлення новых медыя.

Метадалагічныя аспекты даследавання СМІ адлюстраваны ў работах Б.А. Грушына, С.М. Бухарына, Л.У. Варанцовай, Б.З. Доктарава, Ч.С. Кірвеля, А.І. Чорных.

Уздзеянне новых медыя як крыніцы інфармацыі ў напрамку змены ландшафту інфармацыйнай прасторы адлюстравана ў працах Н.В. Ткачова, С.А. Вартанава, А.М. Гурэева, Д.У. Дунаса, Н. Колдры і А. Хэпа, К. Доктар, Н. Фентана, Т. Флі. Пытанню варыятыўнасці адбору інфармацыйнага кантэнту прысвечаны навуковыя пошукі Э. Кінга, Э. Лі, Р. Флінна і У. Тэцлафа, Д. Кульчыцкай, А. Дзідзі і Р. ЛаРоўз.

Аспекты ўзаемадзеяння традыцыйных і новых медыя разглядаліся Дж. Дзімікам з пазіцыі поўнай экспансіі новых медыя, тады як А. Вестланд і М. Фардзіган разглядалі магчымасці іх паралельнага існавання і дапаўнення адзін аднаго.

Крызіс сучасных СМІ адлюстраваны ў працах Н. Дрока, С. Бенеджы і Д. Бекінгема, Дж. Расэнбэры і Ст. Джона, Дж. Бламбера, П. Лафера. Асаблівасці медыяспажывання мэтавай аўдыторыі новых медыя змяшчаюцца ў работах С. Олмстэд, Х. Рым і Э. Зерба, Д. Розенгард і М. Такер-Маклафін, С. Тулі, М. Трамблі, Л. Боўман, Л. Спірыду і А. Вегліс.

Пытаннімі варыянтаў канструявання сацыяльнага свету як сацыяльнымі суб'ектамі, так і СМІ займаліся П. Бергер, Н. Луман і Т. Лукман. Уплыў новых медыя і інфармацыйных тэхналогій на свядомасць насельніцтва разглядалі Дж. Брайант, С. Томпсан, Э. Андрэеў, Я. Рабава і Н. Калеснікава, Э. Тофлер, У. Эка, П. Бурдзье, Г. Лассуэл, М. Кастэльс, М. Маклюэн.

Развіццё ўяўленняў аб новых медыя ў заходніх даследчыкаў можна ўмоўна разглядаць у рамках трох падыходаў. Першы з іх – тэхналагічны дэтэрмінізм (характэрны для такіх даследчыкаў як В. Бенямін, Ж. Бадрыяр, П. Вірільё, М. Маклюэн, К. Хейлс, Ф. Кітлер і інш.). Іста

падыходу ва ўвязцы тэхнічнага прагрэсу і развіцця соцыума, у сувязі з чым змяняліся і формы рэпрэзентацыі інфармацыйнага кантэнт, што становіцца прэдыктарам з'яўлення новых медыя. Варта адзначыць, што Ж. Бадрыяр і П. Вірільё рэпрэзентацыю падзей новымі медыя ацэньвалі вельмі негатыўна, зважаючы на тое, што яны ствараюць далёкую ад рэальнай віртуальную прастору з пустымі выявамі. Другі падыход - ідэалагічны дэтэрмінізм. Мае ў сваім складзе два крылы даследчыкаў. Дж. Барлоў, Дж. Лэндаў, Р. Ленхам – «ідэалагічныя аптымісты», якія ўгледжвалі ў новых медыя пераважна якасныя змены традыцыйных СМІ, якія дазваляць ім стаць больш дэмакратычнымі за кошт пашырэння ахопу аўдыторыі ў сетцы інтэрнэт, а таксама далучэння радавых карыстальнікаў да прадукцыравання кантэнт. Новыя медыі ў такіх тэарэтычных пабудовах выступаюць устойлівым папярэднікам эфектыўнага развіцця здаровай грамадзянскай супольнасці, пабудаванай на празрыстасці і падсправаздачнасці. Другое крыло – «ідэалагічныя песімісты» – Ф. Джэймісан, М. Кастэльс, Э. Тофлер, Д. Харві знаходзілі ў росце ўзроўню ўплыву новых медыя шэраг мінусаў, ключавы з якіх складаўся ў маніпулятыўнасці іх уздзеяння, у магчымасці буйных гульцоў медыяпрасторы завалодаць каналамі трансляцыі кантэнт, што дасць магчымасць маніпулятыўна кіраваць масамі праз яго. Трэці падыход гісторыка-інтэгрэтыўны. Улічваючы тое, што новыя медыя ўжо маюць сваю некаторую гісторыю развіцця і пэўную колькасць рознакіраваных тэарэтычных асэнсаванняў, шэраг даследчыкаў ужо пачалі закладваць падмурак у пабудову іх гістарычнай дынамікі, якая інтэгруе ў сябе пошукі з улікам як тэхналагічных аспектаў, так і ідэалагічных (О. Граў, З. Лівінгстан, І. Шпільман, Л. Мановіч і інш.).

Асаблівасцю беларускай сацыялагічнай даследчай практыкі з'яўляецца тое, што аналіз СМІ праводзіўся скрозь прызму разгляду яго ўздзеяння на фармаванне грамадскай думкі з распрацоўкай канкрэтных практыкаарыентаваных прапаноў рэдакцыям і профільным міністэрствам з мэтай павышэння эфектыўнасці іх працы. Акрамя гэтага, варта справядліва адзначыць, што беларускія вучоныя не заставаліся ў баку ад агульнасаюзных даследчых трэндаў таго часу, а ў шэрагу напрамкаў былі наватарамі.

Вытокамі савецкага сацыялагічнага вывучання разглядаемага прадметнага поля можна акрэсліць навуковыя пошукі 1960-ых гг., калі такія даследчыкі як А.М. Аляксееў, Б.А. Грушын, Т.М. Дрыдзэ, Б.М. Фірсаў і мн. інш савецкія сацыёлагі пачалі распрацоўваць тэарэтычны

падмурак і метадалагічныя прыёмы вывучання феномена масавай камунікацыі, на падставе якога, у тандэме з даследнікамі з вобласці журналістыкі, да іх далучыліся Ю.А. Левада, А.П. Прохараў, І.Д. Фамічова і інш. ужо для фармулявання палажэнняў такой галіны сацыялагічных ведаў як сацыялогія журналістыкі, першапачаткова арыентаванай на разгляд спецыфікі друкаваных СМІ, а ў далейшым, з уключэннем Б.М. Фірсавым у яе прадметнае поле і тэлебачання.

Сваімі распрацоўкамі ў галіне СМІ вядомы Г.П. Давідзюк, які абгрунтаваў ідэю класіфікацыі катэгорый-індыкатараў даследавання СМІ пры дапамозе эмпірычных і тэарэтычных ідэальных аб'ектаў, законаў тэорыі СМІ. Ужо ў 1986 годзе Г.П. Давідзюк адзначае, што ступень уключанасці асобы ў сферу ўплыву СМІ мае адчувальную тэндэнцыю да зніжэння па меры росту аб'ёму спажыванай інфармацыі.

Каля вытокаў вывучэння грамадскай думкі і ўплыву на яе розных сацыяльных інстытутаў, працэсаў і з'яў, сярод якіх асаблівае месца займаюць СМІ, стаяла Праблемная навукова-даследчая лабараторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. А.Ц. Манаеў, Н.У. Яфімава, В.М. Саульчанка, В.М. Чэрнікаў, Л.М. Гарбаценкова, В.А. Палікарпаў, А.Л. Пушкін і інш. Супрацоўнікі сацыялагічнай службы паспяхова займаліся спалучэннем і камбінаваннем метадаў сацыялагічнага даследавання для атрымання рэлевантных ведаў аб уключанасці насельніцтва ў камунікатыўную прастору (сферу ўплыву) СМІ, сістэме тэкставых фактараў эфектыўнасці СМІ, узроўні прафесійных кампетэнцый журналістаў як ключавога фактару эфектыўнасці функцыянавання СМІ. На аснове дзейнаснага падыходу і сістэмнага аналізу масавай камунікацыі адлюстроўвалі, што рэальны ўплыў на сваю аўдыторыю далёка не супадае з маштабамі распаўсюджанасці і даступнасці масавай інфармацыі, што з належнымі папраўкамі актуальна і для канцэпта новых медыяў. На аснове парадыгматычнага падыходу А.Ц. Манаеў і В.А. Палікарпаў адлюстроўваюць рэфлексаванае ўздзеянне СМІ на структуру і прынцыпы фармавання мадэляў сацыяльнай дзейнасці іх рэцыпіентаў.

Пазначанае праблемнае поле адлюстравана ў працах Я.М. Бабосава, які сумесна з Н.У. Яфімавай адзначыў, што ў рамках разгляду СМІ як важнага фактару фарміравання палітычнай культуры асобы не варта канцэнтраватца асабліва на інстытуцыяналізаваныя інфармацыйныя крыніцы, разглядаць працэс неабходна комплексна, улічваючы сацыяльны вопыт асобы і аспекты міжасобасных зносін, г. зн. неінстытуцыяналізаваныя крыніцы.

Яфімава Н.У. абазначала важнасць узаемасувязі эфектыўнасці СМІ і ступені ўдзелу іх аўдыторыі ў фарміраванні мадэлі сацыяльнай рэчаіснасці, прадстаўленай сукупнасцю тэкстаў. Даследчык прапанавала выкарыстаць дыялог рэдакцый СМІ з аўдыторыяй для фіксацыі зрушэння мадэлі, выяўленай у грамадскай думцы, і сфарміраванай на падставе ўзаемадзеяння з аўдыторыяй СМІ. Нельга не акрэсліць актуальнасць гэтых ідэй у рэканструкцыі да сучасных рэалій.

Навукова-даследчыя напрацоўкі ПНДЛСІ БДУ былі актуалізаваны ў Цэнтры сацыялагічных і палітычных даследаванняў БДУ ў ходзе прадаўжэння сістэматычнага вывучання інфармацыйнай прасторы ў рамках сацыялагічнага маніторынгу па заданні Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь. Паводле яго, інфармацыйнае поле краіны ўяўляе сабой сферу дзейнасці традыцыйных медыя, да якіх можна аднесці тэлебачанне, друкаваныя СМІ і радыё, а таксама набіраючых бяспрэчную папулярнасць інтэрнэт-рэсурсаў (сайты навінаў, парталы), а таксама сацыяльныя сеткі і месэнджэры. Гэта характарызуе інфармацыйнае поле як дынамічную структуру са зменлівымі ўнутранымі суб'ектамі, ступень уплывовасці якіх пачынае вызначацца запытамі аўдыторыі. Даследчыкі ЦСПД БДУ (Д.Г. Ротман, А.У. Пасталоўскі, В.У. Праўдзівец і інш.) прыходзяць да высновы аб тым, што зменліваецца, якой характарызуецца мадэлі ўздзеяння на аўдыторыю, якія выкарыстоўваюцца рознымі сегментамі інфармацыйнага поля, валодаюць уласцівасцю перманентнай структурнай трансфармацыі. Сама ж трансфармацыя інфармацыйнага поля ўяўляе сабой дынамічны працэс, які ўключае ў сябе як змены зместу інфармацыйнага ўздзеяння, так і камунікатыўных практык.

Значныя напрацоўкі ў плоскасці вывучэння грамадскай думкі, уплыву на яе фарміраванне сродкаў масавай інфармацыі, выкананы Л.Г. Цітарэнка. Прафесар прапануе вельмі нетрывіяльны падыход да разгляду дадзенага пытання не проста аперуючы тэарэтыка-метадалагічнымі канструкцыямі, а выконваючы іх рэканструкцыі ў праламленні сучаснасці. Такі падыход фарміруе не толькі ўяўленне аб такім феномене як грамадская думка і варыянтах уздзеяння на яе, але і прапануе мадэлі пераасэнсавання класічных пастулатаў, рэпрэзентуе пластычнасць сацыялагічных ведаў і іх невычэрпны патэнцыял у даследчай практыцы.

Асэнсаванню сеткавай віртуальнай камунікацыі і электронных сродкаў масавай інфармацыі прысвечаны навуковыя пошукі беларускага журналіста, прафесара Э. Мельнікава, які паказвае тое, што фармуемая медыякультура становіцца адной з галоўных характарыстык

інфармацыйнага грамадства, прыўносячы ў яго шэраг актуальных для разгляду пытанняў і надзённых супярэчнасцяў. Гэты працэс характарызуецца трансфармацыйнай ролі традыцыйнай журналістыкі пры захаванні шэрагу базавых складнікаў. Сучасныя новыя медыя ўяўляюць сабою канструкт, улучальны ў сябе як элементы маніпулявання, так і кантэнт, які сапраўды служыць праўдзе, бо самі масы атрымалі магчымасць ствараць яго.

Трансфармацыі сацыяльнай прасторы ў інфармацыйным грамадстве зыхадам на сацыялогію кіберпрасторы прысвяціў сваі даследаванні І.Я. Мальчанкаў, які ўстанавіў прамую залежнасць трансфармацыі сацыяльнай прасторы пад уздзеяннем імклівага развіцця інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій. Гэта абумоўлівае разгляд віртуальнай рэальнасці сеткі інтэрнэт у тэрмінах кіберпрасторы, апелюючы да таго, што апісаць новую рэальнасць у сілах толькі тэорыя новай сацыяльнай прасторы. У пазначанай прасторы адбываецца трансфармацыя стратэгіі самапрэзентацыі і ідэнтыфікацыі, што прыводзіць да таго, што ў сістэме віртуальных сеткавых супольнасцяў узнікае новая мадэль прысутнасці, дзе людзі могуць быць дастаткова блізкія, застаючыся пры гэтым ананімнымі.

Медыятызацыі сацыяльнай камунікацыі і новым медыя прысвечаны навуковыя пошукі Н.А. Елсуковай, якая выкарыстоўвае ў сваіх даследаваннях, у тым ліку, метадыку працы з электроннымі архівамі друкаваных сродкаў масавай інфармацыі. Даследчык вывучае аспекты канструявання сацыяльнай праблемы ў сродках масавай інфармацыі ва ўмовах пашыранага выкарыстання інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій. Адным з яркіх прыкладаў, якім яна ілюструе свае тэарэтычныя і практычныя схемы, з'яўляецца разгляд іх скрозь прызму праблемы ВІЧ/СНІД з пазіцыі сацыяльнага канструкцыянізму. Н.А. Елсукова раскрывае спецыфіку яе развіцця на матэрыялах грамадска-палітычнай газеты «СБ. Беларусь сегодня», робячы аналіз з 1980 г.

Звяртаюць на сябе ўвагу працы В.В. Цярэшчанка, якая, вывучаючы сродкі масавай інфармацыі і сацыяльную камунікацыю ў інфармацыйным грамадстве, звярнула ўвагу на важнасць пытання канцэптуалізацыі камунікатыўнай навукі ў цэлым. Працуючы ў гэтым напрамку, яна ўдзяліла асаблівую ўвагу кампетэнтнасным складальнікам развіцця інфармацыйнага грамадства ў Рэспубліцы Беларусь і яго камунікацыйнай спецыфіцы, адзначыўшы, што міжнародная статыстыка, вымяраючы гатоўнасць краін да інфармацыйнага грамадства, выкарыстоўвае пад індэкс чалавечага капіталу, які базуецца на дадзеных аб пісьменнасці і ўзроўні

адукаты дарослага насельніцтва. Аднак гэты паказчык, на думку даследчыка, неэфектыўны пры вывучэнні лічбавай няроўнасці ўнутры краін з высокаадукаваным насельніцтвам, такіх як, напрыклад, Беларусь. У якасці альтэрнатывы В.В. Цярэшчанка прапанавала паказчык кампутарнай пісьменнасці індывіда, які вылічваецца як функцыя колькасці выкарыстоўваных ім інтэрнэт-паслуг. Пры гэтым, сацыёлаг, у сваіх працах, зважае на ўплыў кампутарнай пісьменнасці на канкурэнтаздольнасць студэнтаў на рынку працы, зважаючы на новыя мадэлі найму і занятасці ва ўмовах інфарматызацыі эканомікі.

Феномену новых медыя прысвечаны навуковыя пошукі А.Я. Сарны, у якіх ён не толькі разглядае фармаванне і развіццё новых медыя як сродкаў камунікацыі, але і даследуе іх функцыянальнасць, мадэлі і тэхналогіі іх уздзеяння на мэтавую аўдыторыю. Навуковаму асэнсаванню інтэрнэт-журналістыкі, якая характарызуецца ўзнікненнем новых медыя фарматаў, якія патрабуюць актуалізацыі кампетэнцый сучасных вэб-журналістаў для арганізацыі працы са спецыфічнай аўдыторыяй новых медыя прысвечаны шматлікія працы кандыдата філалагічных навук, дацэнта А.А. Градзюшка.

Імклівае развіццё прасторы сеткі інтэрнэт змяняе тлумачальную здольнасць раней актуальных тэарэтычных пабудов, што актуалізуе іх сацыялагічную рэканструкцыю і новае генэраванне сэнсаў у пазначаным праблемным полі. Напрыклад, аналіз актыўнасці карыстальнікаў сеткі інтэрнэт робіць неактуальнай мадэль Э. Гілберта ў плоскасці пабудовы сацыяльных сетак, а «слабыя» сувязі пачынаюць гуляць большую ролю, чым «моцныя». Рэлевантнасць такіх аўтарытэтных распрацовак як тэорыя ўстанаўлення «парадку дня» і тэорыя «брамнікаў» была прызнана немажливой самімі даследчыкамі, якія іх сфармулявалі.

Разгляд тэарэтычных пабудов айчынных даследчыкаў адлюстроўвае ўласцівую постсавецкай прасторы адсутнасць відавочных сацыялагічных школ, ва ўмовах чаго кожны даследчык імкнецца знайсці сваю нішу ў праблемным полі, адлюстроўваючы раней нявывучаныя грані доследнага феномену, фармуючы свой уласны даследчы кірунак. Злабадзённым бачыцца дапаўненне наяўных напрацовак у галіне новых медыя вывучэннем тэхналогіі ўздзеяння новых медыя на сваю мэтавую аўдыторыю, яе сацыяльна-дэмаграфічны партрэт, і асаблівасці медыяспажывання ў прыватнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Бельский, А. М.* Концептуализация феномена «новые медиа» в социальногуманитарном знании: дисциплинарный обзор / А.М. Бельский //

Социологический нарратив 2021: Общество в контексте новых вызовов: риски и возможности: Сборник статей по материалам XX Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. / РГГУ, Социолог. фак-т; Под общей ред. Р.И. Анисимова; Сост.: Р.И. Анисимов. М.: РГГУ, 2021. – С. 194-201.

2. Бельский, А. М. Концептуализация социальных медиа в структуре новых медиа / А.М. Бельский // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021 - С. 1–3.

ПОНЯТИЕ ЛОКАЛА В СОЦИОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВА

А. С. Галанзовский

*Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно;
halanzovskiy@gmail.com*

*Научный руководитель – Аветян Наринэ Сумбатовна,
кандидат социологических наук, доцент*

В публикации рассмотрены позиции и контр-позиции памяти, формы и содержания социальных практик взаимодействия, которые сведены в понятие локала. Предложены теоретические выходы из противоречия нахождения в качестве места, с помощью обращения к пониманию экспансии зон локала, которые не рассматриваются в классическом понимании места из-за его географического понимания.

Ключевые слова: локал; форма; память; типические практики; концентрические зоны.

Как в социальных отношениях появляется форма? Вопрос, который мы должны поставить, для понимания социального пространства, в качестве поведенческой основы любой практики и ритуала.

Сперва определим понятие формы. Форма есть единство времени и пространства. Любое присутствие, соприсутствие или отсутствие оформлено в пространстве, некотором месте – специфически структурировано для доступа к оному от другого в рамках социального действия, ибо только оно и запускает понятие места, пространство же есть лишь бездейственная основа, рассеянная на композиции малых пространств. Но как нам понять то самое место, которое пока видется лишь как элементарная форма чего-то большего и неизмеримо важного.

Энтони Гидденс в своей работе «Национальное государство и насилие», вводит понятие локала (locale), которое противопоставляет понятию места, в связи с тем, что оно непреодолимо скованно географами и не означает единства пространства и времени (т.е. не отвечает понятию формы, на котором настаивает Гидденс). Итак, что такое локал? «размещения

(settings) взаимодействий, включая физические аспекты размещений – их „архитектуру“ – в которой сконцентрированы системные аспекты интеракции и социальных отношений» [3]. Сам факт размещения и наводит нас на типичные практики поведения. Можно упомянуть метафорику дома Гастона Башляра, только дом теперь будет размежёван на определенные локалы, каждая комната носит в себе специфический смысл и цели, а не только лишь поэтические и метафорические образы на манер: уюта, безопасности, детства.

Но локал не есть лишь малая форма в пространстве борьбы более пространных единиц, напротив локал может быть представлен совершенно разнородно, от жилых помещений, офисов, фабрик до «масштабных социальных агрегатов, таких, как национальные государства и империи» [3]. Здесь обнаруживается еще один элемент – присутствие и отсутствие в смысле дальности, локалы устроены в интеракции от ситуации лицом-к-лицу до полномасштабных сетевых единств, когда пространство расширяется, а время делается атомарным до безразличия. Выходит, в современности мы едва ли обнаружим некий легковесный и лишенный фундаментальной кодировки локал, который был бы совершенно замкнут даже в стесненной форме непосредственного взаимодействия, уже само непосредственное сделалось показательно опосредованным.

Локалы носят в себе заостренность типические практики, которые оформлены уже в виде институтов – некоей памяти о размещении взаимодействия с другим, придавая им единство в осмысленности со стороны участника практики. К памяти нам и следует сейчас обратиться.

Морис Хальбвакс указывает на социальный статус памяти, говоря о том, что мы вспоминаем лишь потому, что к этому побуждают другие в рамках взаимодействия, «их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память. По крайней мере в подобных случаях возникновение воспоминаний не содержит ничего таинственного. Не нужно доискиваться, где они находятся, где сохраняются в моем мозгу или в каком-либо уголке моего ума, куда я один лишь имею доступ, – ведь мне напоминают о них извне, и те группы, к которым я принадлежу, в любой момент предоставляют мне средства для их реконструкции, стоит лишь обратиться к ним и хотя бы временно принять их образ мыслей» [4]. Важно понять, что те самые другие (которые и пробуждают нашу память организовывая ее), заключены в некоторый определенный локал, который

и запускает память о чем-либо вообще, наделяя ее положением в пространстве и времени.

Энтони Берджесс в своей работе «Рост города: введение в исследовательский проект», предлагает концепцию концентрических зон. Которая позволит нам определить основоустройство локала.

Итак, Берджесс делит пространство города на следующие зоны, которые следует добавить, стремятся к радиальному расширению: Из Центрального делового района. Центральную часть города обычно окружает переходная, или транзитная, зона, в которую проникают бизнес и легкая промышленность (II). Третью зону (III) населяют промышленные рабочие, бежавшие из зоны запустения (II), но желающие жить поближе к месту своей работы. За пределами этой зоны находится "спальная зона" (IV), образуемая комфортабельными многоквартирными домами или закрытыми районами частных домов, принадлежащих отдельным семьям. Еще дальше, за пределами самого города, располагается зона пригородов и городов-спутников, находящихся в получасе-часе езды от центрального делового района [1]. Автор указывает на то, что каждая из этих зон старательно поглощает другие, ибо он исходит из предположения того, что они стремятся к той самой экспансии. Это понятный и удобный тезис (помимо того, что Берджесс говорит о идеальной типизации, ибо в пространстве городской среды могут существовать реки, пути следования транспорта или некие непроходимые места), но мы не станем его принимать в чистом виде. Нам важно понять не то, как зоны снимают друг друга, но напротив, как они не-взаимодействуют, что дробит их на границы и территории, что специализирует? – вот вопросы, которые мы должны поставить сразу же.

Георг Зиммель в своем эссе «Ручка. Эстетический опыт», ставит вопрос о форме и содержании. Исходя из аристотелевского деления на необходимо наличную форму и умозраительно (в смысле именно созерцания, но последнее не применимо к Аристотелю в чистом виде, посему мы и говорим именно о умозраении. Только понимая под ним не что-то отвлеченное от реального и несомненного, а лишь единство опыта и внутреннего созерцания, некоторого психического статуса) даденное содержание. Итак, он пишет: «Например, индивидуум, принадлежа закрытому кругу семьи, общины, одновременно является точкой проникновения в эти круги притязаний внешнего рода: требований государства, профессии. Государство окружает семью подобно тому как практическая среда окружает сосуд, и каждый из ее членов уподобляется

ручке, при помощи которой государство манипулирует ею для своих целей» [2].

Нам важно обратить внимание на то, что какой бы старательной не была борьба каждого локала (зоны у Берждесса и форма у Зиммеля в свою очередь) друг с другом, они все одно будут неразлучны с некоторой специализацией власти над ними (которая и определяется отпущенной ей границей), неким ритуалом, который и делает видимым сам факт социального.

Итак, форма в социальных отношениях обнаруживается благодаря соединению пространства и времени в том или ином локале, который в сущности явлен нам как неостановимая память о грядущем.

Библиографические ссылки

1. *Burgess, E. W. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project* // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. *The City*. - Chicago: The University of Chicago Press, 1925. – P. 47–62.
2. Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 392 с.
3. *Филиппов, А. Ф. Социология пространства* / А. Ф. Филиппов. – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 285с.
4. *Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти* / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348с.

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В СИСТЕМЕ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

И. С. Гурина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

irinka2k1@gmail.com

Научный руководитель – Кучко Елена Евгеньевна,

доктор социологических наук, профессор

В работе обоснована важность социологических исследований влияния гендерных стереотипов и общества на становление гендерной социализации. Целью исследования является изучение особенностей развития гендерной и сексуальной идентичности индивидов в зависимости от гендерных стереотипов, транслируемых в социальной среде.

Ключевые слова: гендер; гендерные ожидания; гендерная социализация; гендерные стереотипы; патриархат.

Гендерные исследования в социальных науках прочно занимают свое место среди других областей изучения и вызывают шквал критики со стороны различных исследователей. Гендерная социология, как и практически любая другая отрасль социологии, находится в процессе постоянного развития, заключающегося во внутренней критике механизмов производства и существования гендерных различий как в мировом, так и в локальном контексте.

Фундаментом гендерной социализации можно назвать гендерные стереотипы, в том числе гендерные стереотипы в языке, которые повсеместно встречаются в повседневной жизни людей: в речи, в средствах массовой информации, в книгах, фильмах, рекламе и т.д.

Следует понимать, что гендерная социализация включает в себя несколько взаимосвязанных между собой частей. Первой является усвоение посредством языка определенных принятых в данной культуре и обществе норм, приписываемых женщинам и мужчинам, правил поведения, отношений, ценностей, образование гендерных стереотипов. Вторая включает в себя воздействие самого общества на индивидов в процессе их взросления, чтобы воспитать в них определенные и социально приемлемые для обоих полов стандарты и правила поведения.

У появления понятия «гендер» на постсоветском пространстве есть своя история. Оно было искусственно введено в русский академический язык, а позже в обращение не только в научных кругах благодаря исследователям и исследовательницам в конце 80-х годов прошлого века, т.к. появилась потребность в разграничении пола и гендера. Однако после развала СССР случился вынужденный уход от данного понятия, связанный с усилением влияния РПЦ на мировоззрение своих прихожан и на общественность в целом. Церковь и отдельные консервативные группы в политических кругах активно прививали и до сих пор прививают «правильные» понятия женщин и мужчин, соответствующие религиозным нормам. Такой негативный ажиотаж объясняется тем, что гендер понимают как социальный конструкт – в данном дискурсе для социологии биологический пол вторичен. Из этого следует, что исследователей и исследовательниц интересуют не половые органы человека, а модели мужественности и женственности, сконструированные социумом.

Таким образом введение понятия «гендер» и дальнейшее рассмотрение социальных механизмов через призму гендерного подхода приводят к утверждению, что существуют иные формы института семьи и брака

помимо гетеросексуальной, а в последующем и пересмотр устоявшихся семейных и сексуальных норм, канонов мужественности и женственности. Против чего выступают фундаменталисты.

Если брать в расчет мировую историю и царствующий многие века патриархат, то можно выстроить довольно интересную с социологической точки зрения логическую цепочку. Например, некоторые исследователи и исследовательницы считают, что гомофобия строится на патриархате, а также угнетении и эксплуатации женщин.

Патриархат подразумевает под собой такую форму социальной организации, в которой мужчина имеет автократическую власть и моральный авторитет практически во всех сферах жизни, вся сила и привилегии принадлежат ему. Подчиненное положение женщин в патриархате контролируют социальные институты. Например, в некоторых религиях женщинам нельзя находиться в храмах во время менструации.

Долгие годы всё женское воспринималось как второсортное или не бралось в расчет вообще. Такое отношение было закреплено до каких-то отдельных изменений вроде разрешения отдельным выдающимся женщинам обучаться в университете и до восстаний суфражисток, выступавших за предоставление женщинам избирательных прав в конце XIX начала XX веков.

Стереотипы утверждают, что гомосексуальные мужчины выглядят фемининно, надевают платья и каблуки, делают себе макияж и тому подобное, в общем – стереотипно «женские» вещи. При этом считается, что гомосексуальные женщины похожи на мужчин: носят короткую стрижку, мешковатую одежду, имеют более грубый голос и чаще ведут себя независимо и более агрессивно, чем «обычные» женщины. Можно долго рассуждать, является ли мужчина менее мужчиной, если ухаживает за своей кожей, интересуется искусством или красит ногти, а женщина менее женщиной, если она не носит юбки, у нее короткая стрижка и нет маникюра, но на данный вопрос вполне может ответить феминизм. Задача же социологов и культурологов – выяснить, откуда берутся эти гендерные стереотипы о том, как должны выглядеть мужчины и женщины, и почему на них строится гендерная социализация.

Гомосексуальных мужчин не считают за настоящих мужчин, называют «бабами», полагая, что назвать мужчину женщиной – настоящее оскорбление. «Ты бьешь как девчонка», «чего ревешь как баба» и многие другие примеры доказывают это. При этом сказать женщине, что она

«прямо как настоящий мужик» или «у нее есть яйца», считается весьма лестным комплиментом.

Из этого следует, что все женское воспринимается как оскорбление, а все мужское – наоборот. И если мужчина в глазах общества ведет себя «как женщина», то он ущербный и неправильный [4].

Однако вместе с этим «мужское» поведение женщины поощряется только в тех случаях, когда это выгодно обществу или отдельно взятым индивидам. В большинстве случаев реакцией на желание независимости или сексуальные отношения между женщинами реагируют словами «у тебя просто мужика нормального не было» или более агрессивными формами выражения своей позиции.

Помимо сексуальной ориентации можно говорить и о гендерной идентичности. В ходе дискуссии об источниках гендерных ролей и гендерных стереотипов поднимается вопрос о различии между природой и воспитанием. Принимая за истину, что гендер – это социальный конструкт, можно разделить понятия sex – пол, и gender – род и представить их элементами гендерной матрицы для более ясного понимания концепции гендерной идентичности. В отличие от пола, гендеров больше, чем два, и они включают не только биологический аспект, но и социальный.

Часто в пример приводят цитату Симоны де Бовуар «женщиной не рождаются, а становятся» [1], трактуя ее как то, что бытие женщины совершенно не зависит от биологического пола и ее гениталий и что кто угодно может стать женщиной. Тем не менее, понимать данную фразу можно еще и как то, что гендерная социализация (иначе патриархальный гендерный стереотип) делает из ребенка женского пола женщину. В данном случае «женщина» – продукт гендерной социализации, которому привиты определенная социальная роль и значение, обусловленные культурой и обществом.

Основная мысль заключается в том, что человек редко когда может узнать, какие желания и мысли действительно его или ее, а не те, что навязали им культура и общество. На самом ли деле ваша пятнадцатилетняя соседка по парте хочет к двадцати уже выйти замуж и родить ребенка? Точно ли ваш знакомый двадцатилетний приятель хочет получить диплом инженера и, как по накатанному сценарию, «построить дом, посадить дерево и вырастить сына»? Когда рождаются, дети не имеют установку на получение образования или становление успешным предпринимателем. Взрослея и социализируясь, они усваивают

транслируемые табу, ценности и нормы, что приводит к тому, что люди становятся такими, какими им скажут они должны быть.

Для дальнейшего дискурса стоит ввести термин «гендерное ожидание» – ожидание мужского или женского стандартов, образцов поведения, проистекающих из понятий «гендерный идеал» и «гендерный стереотип» [3].

То, что мальчиков и девочек с самого детства воспитывают по-разному, ни для кого не секрет. Сюда подключаются гендерные ожидания, а с ними и гендерные стереотипы. Начинается все с акушеров, встречающих не отличающихся ничем, кроме половых органов, младенцев со словами «какая кроха» или «какой богатырь», розовых или голубых пеленок, кукол или машинок. А заканчивается мифами «настоящие мужчины не плачут» и «веди себя тихо, ты же девочка» и соответствующим поведением, приспособленным под нормы.

Биологические различия между мужчинами и женщинами не отрицаются. При этом во многих сферах, к сожалению, не учитывается, что мужчины могут иметь худощавую конституцию тела и слабые мышцы, что якобы делает их фемининными, а женщины могут быть атлетически сложены. Для примера можно привести нормативы по физкультуре в школах. Путем стихийного наблюдения было выяснено, что одним детям легче выполнять нормативы, а другим тяжелее не потому, что одни лениятся, а другие нет. Причиной разных результатов стало то, что, например, парням и девушкам с длинными ногами куда проще даются прыжки в длину и забеги на короткие дистанции. Тем, кто ниже роста, определенного для конкретного возраста, физически сложнее прыгнуть или пробежать по установленным нормативам. Поэтому не понятно, почему не считается рациональным установить нормы не по разделению на мальчиков и девочек, а, например, по росту и весу.

В современном мире параметры пола и гендерная проблематика играют все более важную роль. Фактически, исследования социальных стереотипов в языке свидетельствуют о значительной гендерной полярности в восприятии обоих полов. Действительно, какими бы маленькими ни были реальные различия в поведении, убеждения людей о мужчинах и женщинах до сих пор довольно сильно разнятся. Различия в социальных стереотипах мужчин и женщин свидетельствуют о продолжающихся социальных изменениях, особенно тех, которые затрагивают гендерные социальные роли.

Библиографические ссылки

1. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. — М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. — 832 с.
2. Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании: введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 508–542.
3. Словарь гендерных терминов // Каталог файлов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://a-z-gender.net/gendernye-ekspektacii.html>. — Дата доступа: 10.04.2022.
4. Rudman, L. A., & Borgida, E. (1995). The Afterglow of Construct Accessibility: The Behavioral Consequences of Priming Men to View Women as Sexual Objects. *Journal of Experimental Social Psychology*, 31(6), 493–517.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

М. В. Конон

*Белорусский государственный университет, Минск;
melaniakono@yandex.ru*

*Научный руководитель – Титаренко Лариса Григорьевна,
доктор социологических наук, профессор*

В статье раскрыто отношение современной молодежи к институту брака и семьи. Семья, как и прежде, является важнейшей ценностью для юношей и девушек, даже несмотря на некоторые изменения, которые сегодня претерпевает институт семьи и брака в результате экономических, политических, социальных, психологических, культурных и других процессов, происходящих в современном обществе.

Ключевые слова: семья; молодёжь; ценности; социальная общность; социальная роль.

Семья и семейные ценности — основа жизни и благополучия человека. Семья является одной из древнейших и важнейших исторических форм социальной общности людей и общественных отношений. Семейные ценности молодёжи формируются под влиянием семьи, в которой они воспитываются, и под влиянием общества. С самого раннего детства человек попадает в круг семейных отношений. Опираясь на приобретенные в детстве ценности, и формируются его жизненные приоритеты.

Семья представляет социальную группу, которая накладывает отпечаток на всю жизнь человека. Поэтому по отношению к семье сложно проводить объективное научное исследование.

Под молодёжью принято понимать социальную общность, со своим образом жизни, своим жизненным планом, своими ценностями, зачастую не совпадающими с ценностями взрослых и выполнением различных социальных ролей. Состояние современной семьи характеризует ряд противоречивых тенденций. Они проявляются в изменчивом мировоззрении молодежи, система ценностей которых так же мобильна.

В настоящее время семья, с точки зрения молодёжи, рассматривается как партнёрский союз двух людей, уступающий место карьере и профессиональному личностному росту. Создание семьи откладывается. Наиболее выражены изменения структуры семейных ценностей в представлениях девушек, что влияет и на будущее создание семьи. В то время как они ориентированы на активную социальную жизнь и разделение обязанностей, большинство юношей ожидают от девушек выполнения традиционно женских обязанностей.

В современном обществе вследствие кризиса семьи, по данным анализа статистики браков и разводов, произошли корректировки взглядов и представлений молодёжи о семейных ценностях. Исследователи объясняют причины по-разному. Так, Р. В. Сергеев утверждает, что причиной распространения незарегистрированных сожительства и как следствие, увеличение числа детей, рождённых вне брака, падения рождаемости стало изменение системы ценностей в сторону рационализма и индивидуализма. А. И. Антонов и В. М. Медков считают причиной нарушение семейного баланса, утрату семейных связей, ценностных ориентаций. М. Э. Юрданова отмечает переход «от традиционных коллективистских ценностей семьи к ценностям индивидуального направления» [1].

Современные неоднозначные процессы в семейно-брачных отношениях требуют совершенствования системы социальной поддержки молодых семей. Главным приоритетом воспитательной работы с молодёжью должно быть формирование культуры семейных отношений, сохранение и укрепление семейных ценностей, и что особенно важно – чувства долга в отношении супруга и семьи в целом, готовность жертвовать ради нее некоторыми своими интересами. Также необходимо усовершенствовать механизм передачи опыта молодежи по вопросам, связанным с межличностными отношениями и созданием семьи.

От формирования жизненной позиции молодёжи, их ценностных ориентаций, целей, взглядов на окружающую действительность зависит будущее общества. Поэтому тенденции и перспективы развития молодежи,

изменения особенностей ее самоопределения представляют большой интерес и практическую значимость для общества.

Библиографические ссылки

1. *Юрданова, М. Э.* Семья в фокусе современных социальных проблем общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – №2(97).
2. *Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – 223 с.*
3. *Гурко, Т. А.* Брак и родительство в России / Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
4. *Козлова, М. О.* Семейные ценности современной белорусской молодёжи: сб. науч. Ст. / Гомель: БГТУ ПК, 2020. – С. 14–16.

МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. И. Кушнер

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alinseltut@gmail.com

Научный руководитель – Калачева Ирина Ивановна.

доктор исторических наук, профессор

В статье рассматривается феномен субкультуры как средства самовыражения и адаптации молодого человека к социуму. Систематизируются основные стадии развития субкультуры в истории и выявляются закономерности развития субкультур в XX и XXI веке.

Ключевые слова: молодежь; социализация; субкультура; молодежная субкультура; коммуникативное пространство.

Включение молодежи в социальную реальность может быть не только пассивным процессом адаптации, но и активным изменением этой реальности. Чаще всего максимализм и разделение мира на «черное и белое» заставляет достраивать или даже вновь создавать собственную реальность за счет ограждения от социума и встраивания себя в систему субкультуры, которая больше всего отвечает потребностям молодого человека в данный момент его жизни. Функциональное определение термина «субкультура», данное П. Мэрдоком, отражает этот процесс: «Субкультуры – это системы значений и способов выражения, развитые группами в определенной части социальной структуры в процессе их

коллективных попыток прийти к соглашению с противоречием их определенного социального положения... Субкультуры представляют аккумулярованные значения и средства выражения, посредством которых группы в субординатной структурной позиции достигли консенсуса с доминантной системой значений или оппозиции к ней» [2].

Ограждение от других социальных групп общества определяется определенным набором знаков и символов молодежи. Молодые люди закрываются от мира детей, членами которого являлись недавно и мира взрослых, в который им только предстоит войти, а также от других молодежных групп. Посредством знаков и символов определяются «свои» и «чужие». Символические и знаковые молодежные системы через определенные самой субкультурой поведенческие паттерны, мировоззрение, стиль одежды, прически, жесты, лексику, музыку становятся своеобразным средством коммуникации [3].

Каждая субкультура имеет неповторимую комбинацию знаков и определяет их влияние и роль. Одни субкультуры делают акцент на внешний вид, то есть определенную «униформу» субкультуры, другую субкультуру можно определить по определенному поведению. Все эти символические отличия становятся способом коммуникации с окружающим миром.

Индустриализация общества, улучшение материального положения людей, появление свободного времени привело к возникновению субкультур как средству самовыражения и самоидентификации, противостояния существующей социальной системе.

Субкультуры, появление которых пришлось на послевоенное время (50-е годы XX в.) можно охарактеризовать как молодежь, протестовавшую против культуры повседневности. Представители субкультур того времени отличались показательной нефункциональностью одежды и внешнего вида в целом, вызывающим поведением. В Великобритании самыми яркими субкультурами были Тедди-бои, в СССР – стиляги. Стиляги возражали против сложившейся унифицированного послевоенного стиля жизни людей, старались подражать «праздной» культуре Запада, слушали и танцевали под джаз и рок-н-ролл, которые тогда были запрещены в СССР. Тедди-бои, уходя от повседневности, старались подражать молодежи из высших слоев общества [4]. Тедди-бои и стиляги носили более длинные чем тогда было положено волосы, тщательно укладывали их воском (сахаром). Одежду брали в кредит, шили сами, покупали у фарцовщиков. У

стиляг она была яркой и вызывающей, у Тедди-боев показательно аристократичной.

60-80-е гг. XX в. можно назвать музыкальной лихорадкой в истории субкультур. В эти десятилетия зародилось множество музыкальных жанров. В 60-е в Европе настала рок-эпоха, в СССР появилась бардовская песня. Субкультура рокеров, которая также проникла и в СССР, стала продолжением эпохи рок-н-ролла. Изначально главным атрибутом рокеров была не гитара, а мотоцикл. Молодые люди одевались в черную кожаную одежду, чаще шипованную. Она была удобной для езды на мотоцикле и могла защитить от повреждений во время мелких аварий. известной субкультурой того времени были скинхеды. Скинхеды изначально были музыкальной субкультурой, увлекались жанром регги и панк-роком. 70-е годы XX в. можно назвать эрой «субкультуры души». Молодежь хотела перемен в обществе. Это время молодежных революций, кризисов систем, установления новых идеалов и норм. Акцент в субкультурах того времени делался не на внешний вид, — хотя он все еще играл важную роль в идентификации субкультуры — а на приверженность какой-либо идеологии, например, идеологии пацифизма хиппи или прогрессивизма панков.

Субкультуры с 90-х годов продолжают традиции предыдущих десятилетий, трансформируются в новые течения или становятся мейнстримным и поэтому неактуальным способом самовыражения. С повсеместным распространением Интернет-технологий в XXI в. стали появляться интерактивные субкультуры. Информационное пространство стало важнейшим коммуникативным пространством социализации. Интернет становится колыбелью современных субкультур. Там зарождаются новые молодежные субкультур, организовываются коммуникативные пространства — фандомы. Фандом (fandom) — объединение фанатов какого-либо произведения литературы, кино или музыки. Главная черта фандома - информационный обмен между участниками.

Наибольшую распространенность сейчас получают субкультуры, связанные с литературой, Интернетом, компьютерным играм. В отдельную категорию стоит вынести любителей южнокорейской и японской культуры. Именно южнокорейская и японская культура стновятся почвой для создания новейших субкультур. Это фанаты аниме или манги, музыкального жанра k-рор, стиля одежды молодежи этих стран [1]. Высокая популярность и развитость субкультур данного направления

связана с созданием фандомов для всех названных направлений, свободным доступом к их творчеству через социальные сети.

Если по включенности в субкультурную деятельность молодежь в 60-90-е годы можно отнести к людям, полностью приверженным субкультуре, изменившие свое поведение под влиянием субкультуры, находящими ее своим «центром мира», то сегодня современная молодежь все более поверхностно включается в субкультуры, не становясь идейными приверженцами, но перенимая поверхностные черты поведения или стиля одежды. Можно объяснить это наступлением эпохи постмодернизма – эры постоянного движения, переменчивости и, как следствие, все большей неопределенности в жизни обществ, индивидов и групп. В условиях постмодернизма изменяется характер включения молодежи в общественные структуры и отношения, в том числе и субкультуры. Этот процесс требует большей гибкости, высокой адаптивности к изменяющимся социокультурным образцам, инновационности, новых рациональных форм поведения, адекватных существующим условиям изменчивости. Основным принципом социализации в современных условиях становится плюрализм типов и траекторий социализации.

Таким образом, пространство субкультуры является сферой социализации, адаптации к социуму, попыткой обойти существующие социальные нормы и самоутвердиться. Представители молодых поколений на протяжении всей истории создают субкультурные формирования как вызов существующей системе и таким образом имеют возможность коммуницировать с людьми, которые имеют схожие предпочтения в одежде, музыке, взгляды на жизнь и убеждения, стиль мыслей.

Библиографические ссылки

1. *Жданова, Л. Г.* Эмоциональные особенности молодежи, увлекающейся корейской волной. [Электронный ресурс] / Л. Г. Жданова, О. Д. Шрейбер. // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. – 2014. – № АНС «СибАК». – С. 1–8. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-osobennosti-molodezhi-uvlekayuscheysya-koreyskoy-volnoy/viewer>. – Дата доступа: 20.04.2022.
2. *Зубок, Ю. А.* Социология молодежи: учеб. пособие / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – М: ММИТ, 2009. – С. 133–142.
3. *Луков, В. А.* Знаки и символы молодежи. [Электронный ресурс] / В. А. Луков // *Энциклопедия гуманитарных наук*. – 2005. – № 3. – С. 209-211. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znaki-i-simvol-y-molodezhi/viewer>. – Дата доступа: 22.04.2022.
4. *Сыркин, А. С.* Основные субкультуры Великобритании XX в. [Электронный ресурс] / А. С. Сыркин, В. И. Чупров. – СПб: Скиф. Вопросы студенческой науки, 2019.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

С. Э. Лемец

Белорусский государственный университет, г. Минск;

slemets@mail.ru

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В публикации автор рассматривает проблему современного процесса социализации молодежи, обучающейся в средних специальных учебных заведениях (ссуз) Республики Беларусь. Рассматривает влияние таких социализирующих факторов как семья, образование и досуг. Приводятся результаты собственного исследования. Объект исследования - учащаяся молодежь ссузов. Предмет исследования - социализация учащейся молодежи ссузов.

Проблема социализации исследуется во всем мире по самым различным направлениям и имеет междисциплинарный характер. Последняя рассматривается как социологами, так и педагогами философами, психологами. Исследование, на которое опирается автор публикации базируется на факторно-институционном подходе (социализация определяется как совокупность (множественность, рассогласованность и некоторая автономность, а не жесткая иерархическая система) действия факторов, институтов и агентов социализации). Приведенная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; использована для разработки мероприятий и программ, которые могут быть направлены на создание культурной среды, способствующей воспитанию ценностного отношения к жизни учащейся молодежи.

Ключевые слова: ссуз, процесс социализации, факторы социализации, семья, досуг, профессиональная социализация.

Актуальность исследования проблемы социализации современной молодежи обусловлена в первую очередь системным кризисом белорусского общества. Последний задает условия в результате которого молодое поколение формируется под влиянием быстрых изменений социально-экономических, нравственных и духовных основ человеческой жизни. Подобные изменения ведут к возрастанию роли инициативной, активной творческой личности, которая способна принимать самостоятельные решения, усваивать прогрессивные идеи, принимать меняющиеся ценности, включаться в пользование современными образовательными и социальными технологиями.

На сегодняшний день существует модель жизнедеятельности, которая основывается на потребительском отношении к природе, абсолютизации коммерческого успеха, интерации трендов массовой культуры, тенденции узкой профилизации образования, в целях угнаться за меняющимися потребностями рынка специалистов. Очевидна потребность критического анализа векторов социального развития, решительного перехода к нравственно-рефлексивной модели жизнедеятельности человека, основывающейся на понятиях самооценки, ответственности, терпимости, самоактуализации. Наша работа ставит целью внести вклад в формирование актуальных направлений исследования направлений социализации. Однако в первую очередь нам видается необходимым представить анализ процесса социализации учащейся молодежи, через взаимосвязи с образованием, досуга и семьи как наиболее влиятельных факторов социализации. Отмеченные факторы могут способствовать преодолению и блокировке деструктивных намерений, убеждений, и напротив, ассимилировать осознание социальной ответственности у молодежи.

Учащаяся молодежь, при включении в систему общественных отношений, с одной стороны усваивает и воспроизводит материальные условия жизни и опыт, который был накоплен предыдущими поколениями, а с другой – накапливает потенциал для преобразования и обновления последнего.

Проблема социализации исследуется во всем мире по самым различным направлениям и имеет междисциплинарный характер. Последняя рассматривается как социологами, так и педагогами философами, психологами. Результатом работы является большое количество эмпирических данных и публикаций, но важно отметить, что общепринятой теории, на сегодняшний день, не существует.

Как справедливо отмечает Н.Ф. Голованова: «рассмотрение методологических и теоретических аспектов проблемы социализации обнаруживает, что педагогическая характеристика этого понятия выражается, по меньшей мере, пятью подходами» [1, с. 53].

Исследование, на которое опирается автор публикации базируется на факторно-институциональном подходе (социализация определяется как совокупность (множественность, рассогласованность и некоторая автономность, а не жесткая иерархическая система) действия факторов, институтов и агентов социализации). Целью исследования стал анализ процесса социализации учащейся молодежи средних специальных

учебных заведений. Базовой задачей исследования была выбрана попытка выявить специфические особенности современного процесса социализации молодежи и рассмотреть следующие социализирующие факторы: образование, семья и досуг.

Социализация личности осуществляется под влиянием совокупности многих условий, как социально-контролируемых, и направленно-организуемых, так и стихийных, возникающих спонтанно. Ведущими же условиями являются успешное воспитание и образование человека [7, с. 47].

Традиционно главным институтом воспитания является семья. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней индивид находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей.

Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания. Анализ распределения мнений респондентов по вопросу, в какой степени семья реализует свои функции показал, что в настоящее время семья неэффективно реализует свои функции: практически 70% респондентов отметили отсутствие совместного досуга, высокую степень контроля со стороны родителей и невысокую степень доверия между родителями и детьми. Анализ распределения мнений респондентов по проблеме воздействия окружающих факторов на социализацию и воспитание учащихся в семье позволил сделать вывод, что пример родителей доминирует, но значительное влияние оказывают примеры известных медиаперсон, блогеров, реклама.

Все образовательные институты являются довольно поздним результатом развития человеческой цивилизации. Но уровень и качество образования выступает важнейшим фактором формирования индивидуального интеллекта. Зависимость между образованием и уровнем социального интеллекта неоднократно подтверждались данными как зарубежных, так и отечественных исследований. Именно в учебном заведении, благодаря существующим правилам и нормам молодые люди приспосабливаются к реально функционирующей государственной власти, существующей в обществе идеологии. Учащиеся получают первые профессиональные навыки для того рода занятий, которое станет основой их дальнейшей жизни. Говоря об оценке понимания содержания своей будущей профессии 63% респондентов, удовлетворенных своей

специальностью, ответили, что хорошо представляют себе свою будущую профессиональную деятельность: на младших курсах – 38%, а на старших 61% опрошенных. А ходе изучения мотивации учащихся, были получены следующие результаты: 47% респондентов ответили, что учеба в ссузе означает приобретение новых знаний, и поэтому делает человека более образованным, в полной мере готовит к будущей профессии – 37%. В современном обществе обучение имеет высокую значимость – 41%, как и получение самого диплома об образовании. Помимо этого, обучение в ссузе приносит удовольствие и способствует раскрытию способностей (31%). Несогласие высказали респонденты по поводу того, что обучение в ссузе – это способ времяпровождения (42%). Так же респонденты не рассматривают собственные отметки во время обучения в качестве показателей шансов трудоустройства на престижную работу (42%). Не считают нужным обучаться в ссузе ради стипендии (51%), либо похвалы со стороны родственников (68%).

В свою очередь гармоничное развитие личности молодых людей возможно, как утверждал А.С. Макаренко, через воспитание в единстве труда, учебы и досуга. Досуг выступает одним из основных элементов культуры личности и позволяет реализовать ей свои творческие способности. По мнению А.В. Соколова, досуг – всегда свободное время, но свободное время не всегда есть досуг. Свободное время может быть потрачено на сверхурочную работу, дополнительные обязанности, и т.п. А досуг – это самостоятельная активность в свободное время. Именно активность, а не безделье [5, с. 95]. Выражение «свободное время» впервые появилось лишь в начале XX века.

В современной интерпретации, досуг – это совокупность различных видов занятий, деятельности, осуществляемой в свободное время, в результате которой происходит развитие личностных качеств человека, удовлетворяются его духовные, физические и другие социально значимые потребности.

Досуг играет решающую роль в становлении личности молодого человека, его социализации, обретении нравственно-этических основ для решения жизненных проблем.

Поставленные гипотезы исследования не оправдались. Большая часть молодежи предпочитает активный отдых. Учащиеся ссузов не так часто играют в компьютерные игры, как предполагалось, компьютерные игры на пятом месте в рейтинге предпочтений. Оправдалась гипотеза, что учащиеся предпочитают просто гулять с друзьями, причем у девушек это

наиболее популярный вид отдыха. Посещение ночных клубов стоит на последних местах по предпочтительности. Учащиеся старших курсов более чем учащиеся младших курсов не любят сидеть дома за рукоделием, заниматься домашним хозяйством, но они гораздо больше времени уделяют творчеству и самообразованию. Зато учащиеся младших курсов охотнее занимаются спортом, нежели учащиеся старших курсов.

На вопрос «Как часто у Вас бывает свободное время, которое Вы можете посвятить своему любимому занятию?» большинство опрошенных склоняется к ответу «несколько раз в неделю». Среди ответов на вопрос «Чем Вы занимаетесь в свободное время?» 1-ые места занимают: посиделки с друзьями, времяпрепровождение с любимым человеком.

На последних позициях сейчас находятся посещение кружков по интересам, рукоделие, домашнее хозяйство, чтение книг и журналов, просмотр телевизионных передач и походы в кино, театры и выставки.

На вопрос, что для меня лучший отдых, 89% опрошенных предпочитают активный отдых.

Времяпрепровождение студентов 1-3 курсов и студентов старших курсов значительно отличается. Так, из младших треть занимается спортом, 20% посещают кинотеатры, 15% используют время для самообразования. К четвертому курсу верными спорту остаются только 12%, самообразованием продолжают заниматься 10%, 73% старшекурсников – активные игроки в он – лайн играх.

Факторы социализации – это развивающая среда, которая должна быть спроектирована, хорошо организована и даже построена. Основным требованием к развивающей среде является создание атмосферы, в которой будут господствовать гуманные отношения, доверие, безопасность, возможность личностного роста.

Как уже отмечалось, процесс социализации, обязательно включает в себя воспитательные функции и направленный на образование человека, развитие его задатков и способностей, формирование гармонически развитой личности, формирование его нравственных и культурных качеств и соответствующего поведения в обществе. А его частью является воспитание и обучение, которые образно выражаясь, можно назвать окультуриванием человека, т.е. прививанием ему заранее заданных культурных черт.

Библиографические ссылки

1. Голованова Н. Ф. Социализация и воспитание ребенка. СПб., 2004.
2. Бронфенбреннер У. Два мира – два детства. Дети в США и в СССР. М., 1976.
3. Мудрик А. В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Сластенина. М., 2000.
4. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. М., 2006.
5. Петровский А. В. Психология. М., 1998.
6. Фалькович Т. А. Подростки 21 века. Психолого-педагогическая работа в кризисных ситуациях: 8–11 классы. – М., 2007.
7. Шилова М. И. Изучение воспитанности. М., 1982.
8. Шакурова М. В. Методика и технология работы социального педагога: Учебное пособие для ВУЗов. – М., 2001.

COVID-19: АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ПЕРСПЕКТИВА

И. С. Липницкий

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ilyalipnitsky@gmail.com

Научный руководитель – Титаренко Лариса Григорьевна,

доктор социологических наук, профессор

Автор обращается к пандемии COVID-19 с позиций акторно-сетевой теории. Использование АСТ для анализа пандемии позволяет видеть, что традиционная микро-макро дихотомия не работает. При этом на первый план выходят технологии, которые делают вирус актором и изменяют его масштаб делая действительно глобальным. Раскрывается роль различных посредников и их программ. Автор приходит к выводу о том, что пандемия COVID-19 в очередной раз заставляет нас взглянуть на состав того, что мы называем социальным и пересобрать его с целью включения новых участников.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, COVID-19, пандемия.

Первые случаи пневмонии, вызванной новым коронавирусом, датируются 8 декабря 2019 года (по некоторым данным 1 декабря). К 30 декабря комитет здравоохранения Ухани выпустил «срочное уведомление о появлении пневмонии неясной этиологии». Мы можем зафиксировать «пневмонию неясной этиологии» как этап, предшествующий существованию Covid-19. Поскольку хоть мы уже и не имеем дело с плазмой, но многие свойства присущие Covid-19 все еще не присутствуют у этой пневмонии неясной этиологии. Им еще предстоит появиться в результате действия различных посредников. К 9 Января появляется заявление ВОЗ, согласно которому власти Китая определили, что

пневмония вызвана новым коронавирусом (nCoV), т. к. в ходе лабораторных исследований были исключены иные варианты коронавирусов и других патогенов, в т.ч. SARS-CoV, MERS-CoV, грипп, птичий грипп, аденовирус. Иные варианты были исключены благодаря процедуре секвенирования РНК и специальной технике для этой процедуры:

Извлекается РНК из вируса;

Осуществляются подготовительные мероприятия, в т.ч. разделение цепей РНК на более короткие части, модифицирование концов фрагментов РНК для того, чтобы они могли быть распознаны секвенсором;

Фрагменты РНК загружаются в секвенсор, который идентифицирует их нуклеотидное основание.

Секвенсор производит данные в виде миллионов строк последовательностей 4 букв, которые указывают на основания РНК. Это аденин (A), цитозин (C), гуанин (G) и урацил (U).

Затем данные сравниваются с уже имеющимися в базе данных. В результате этого делается вывод об уникальности генома и его родственности с другими вирусами.

В результате этого выясняется, что изучаемый вирус гомологичен MERS-CoV на 50% и SARS-CoV на 79%. Затем, «Учитывая особенности структуры генома нового коронавируса 2019-nCoV, ICTV [Международный комитет по таксономии вирусов] переименовал его в вирус острого респираторного синдрома 2-го типа (SARS-CoV-2 — Severe acute respiratory syndrome 2) и вместе с SARS-CoV и BtRsCoV включил в подрод Sarbecovirus (Betacoronavirus)» [1].

Уже такое упрощенное описание процедуры, позволяет нам говорить о том, что вирус не обнаруживается, а конструируется благодаря серии переводов. Если бы какой-нибудь перевод не оказался успешным, мы могли бы и не получить на выходе нового актора SARS-CoV-2. Люди продолжали бы болеть пневмонией неясной этиологии и только масштабы заболеваемости позволяли бы говорить о том, что дело в каком-то вирусе.

Данный процесс крайне важен по многим причинам. 1) Ученым он позволяет сделать предположение о том, что природным резервуаром для SARS-CoV-2 являются подковоносные летучие мыши, а промежуточным носителем могут являться панголины. При этом промежуточными носителями могут являться и другие животные. Эти знания важны, поскольку выявления первоначального очага вируса может содействовать в борьбе с ним. 2) Этот процесс создает потенциал для появления

различных анти-программ и других посредников. Если программой действия ковида является «заражать», вызывая при этом различные легкие или тяжелые симптомы (а иногда вообще не вызывая), то анти-программой будет являться все, что обходит, противостоит данной программе. Можем назвать некоторых посредников и анти-программы:

PCR является крайне мощным посредником. Выявление генома SARS-CoV-2 позволяет использовать технологию PCR для массового выявления зараженных, что в свою очередь позволяет вовремя их изолировать и тем самым замедлить распространение вируса. При том, что с практической точки зрения PCR полезен в деле борьбы с пандемией, с точки зрения АСТ, именно PCR позволяет достигнуть глобальных масштабов (есть и другие технологии выявления, но зачастую используется PCR). Происходит это благодаря тому, что государства осуществляют массовую проверку на инфицированность, за счет чего госучреждения типа Минздрава или президента могут отчитываться о ситуации *в целом по стране*, а СМИ производить сообщения типа «Минздрав отчитался о рекордном росте заболеваемости Covid-19».

Маски, респираторы, антисептики, перчатки и т.д. являются анти-программами призванными сдерживать распространение Covid-19. При этом стоит упомянуть, что они также иногда являются посредниками в дискуссиях об их эффективности. Хотя и реже всего в сравнении с другими анти-ковидными мерами.

Локдаун – мощнейшая анти-программа. Правда, следуя духу АСТ мы скорее должны говорить о комплексе Локдаун-акторов. Комплекс крайне обширный: Полиция, патрулирующая улицу, сам официальный документ легализующий локдаун, законы о штрафах и мерах по поддержке бизнеса, сервисы, обеспечивающие удаленную работу (Zoom, moodle и т.д.), сервисы по доставке еды и т.д.

Виктор Вахштайн, говоря об исследовании социального капитала во время пандемии, утверждает, что у людей в крупных городах России наблюдается утрата слабых и связей и падение сильных связей до слабых. При этом в малых городах наблюдается ситуация, когда сильные связи еще больше усиливаются, а слабые пропадают. В обоих случаях мы можем говорить об атомизации и своего рода увеличении социальной дистанции между людьми (не путать с физической дистанцией, к которой призывают в магазинах и торговых центрах). Увеличение дистанции наблюдается и в глобальных масштабах в связи с закрытием границ или усложнением процедур для въезда в страны. Отход от этой традиционной для

социологии перспективы позволит увидеть иное. Социальная дистанция не увеличивается, а сокращается ввиду мобилизации множества акторов. Пандемия не только привносит в мир громадное количество нечеловеческих, материальных и нематериальных акторов, но также высветляет насколько мы зависим от них в повседневной жизни, давая понять, что так называемое «общество» населено не только людьми. Ни в коем случае не умоляя вклад людей в борьбу с пандемией (настойчивости, преданности своему делу и т.д. нет аналогов у других акторов), но каким же ключевым актором может быть, например, медицинский кислород. В острую фазу пандемии можно было постоянно наблюдать подобные сообщения в СМИ: *«"Мне кого отключать от ИВЛ?" Врачи жалуются на острую нехватку медицинского кислорода»*. В данном случае медицинский кислород является актором способным влиять на траекторию человеческого актора в двух направлениях: продолжение жизни или наступление смерти. Правда для этого ему необходимо создать гибрид (ассоциацию) с аппаратом ИВЛ, иначе он ничем не поможет.

Нельзя не отметить сервисы для дистанционной работы вроде Zoom, Google Meet, Microsoft teams и т.д. Благодаря им в условиях пандемии могли продолжать свою работу многие компании, что позволило смягчить вред, наносимый пандемией. Поэтому данные сервисы можно также понимать как анти-программы.

Один из выводов который можно сделать – это тот факт, что вирусу дабы успешно реализовывать свою программу по заражению, необходимо посредничество других акторов. Это касается и процесса репликации вируса, который приводит к его мутации. Согласно исследованиям, 300 человеческих белков взаимодействуют с SARS-CoV-2, за счет чего происходит репликация вируса и дальнейшее его распространение. Ученые считают, что, заблокировав взаимодействия белков с вирусом, можно будет остановить репликацию вируса, а значит и мутацию. То есть необходимо посредничество третьего актора, который будет служить анти-программой. Поскольку такой анти-программы нет, мы наблюдаем новые штаммы вроде дельты и омикрона.

Процесс мутации также изменяет программу действия вируса. Довольно обыденным знанием стал тот факт, что дельта штамм отличается тяжестью симптомов, а омикрон своей заразностью, но при этом более легкими симптомами.

Библиографические ссылки

1. История изучения и современная классификация коронавирусов / М.Ю. Щелканов, А.Ю. Попова, В.Г. Дедков и др. // Инфекция и иммунитет. – 2020. – № 2. – С. 221–246.
2. *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст]/пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с. – (Социальная теория). – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-2141-0 (в пер.). – SBN 978-5-7598-2055-0 (e-book).

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА В ОНЛАЙН-ОБЩЕНИИ

А. А. Мисун

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
alina.misun@mail.ru*

*Научный руководитель – Титаренко Лариса Григорьевна,
доктор социологических наук, профессор*

В публикации автор раскрывает специфику онлайн-общения через призму теории социального обмена. Приводятся результаты исследования в области социальных медиа, в котором рассматриваются основные тенденции использования сети Интернет и социальных сетей в Республике Беларусь. Дается характеристика общения как процесса установления и развития контактов между людьми. Раскрываются преимущества и недостатки использования Интернета в коммуникации в современном мире, а также роли социального обмена в нем.

Ключевые слова: интернет; онлайн-общение; теория социального обмена; социальные сети; хейтер; социальный обмен.

Общество представляет собой систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов (индивиды, социальные группы, социальные институты). Взаимодействие между ними реализуется посредством осуществления социальных действий, которые связаны зависимостью, при которой действие одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов. Каждое взаимодействие есть обмен. Обмениваться можно чем угодно: знаками внимания, словами, значениями, жестами, символами, материальными предметами и духовными ценностями.

В середине XX века в западной теоретической социологии начала активно развиваться парадигма социального обмена, которая акцентировала внимание на мотивах, определяющих взаимодействие

людей. В качестве предмета обмена теоретики концепции предлагали рассматривать материальные и духовные ценности, обмен которыми и формирует, по их мнению, социум.

Классиками теории обмена являются Джордж Хоманс и Питер Блау. По мнению Дж. Хоманса, люди взаимодействуют, исходя из определенного интереса и всегда стремятся получить большую выгоду при минимальных затратах. Обмен вознаграждениями и наказаниями лежит в основе социального действия, а поведение человека выполняет функцию платежа. Суть подхода Дж. Хоманса заключалась в доказательстве того, что взаимодействие между людьми будет продолжаться с большой долей вероятности при условии обмена вознаграждениями. Исследователь акцентировал внимание на психологических аспектах обмена, в то время как П.Блау отношения обмена сразу институционализировал, социальная структура возникает благодаря существованию взаимных норм и обязательств обменных отношений [1, с. 137].

Безусловно, когда мы говорим об обмене между индивидами в контексте данной концепции, мы, так или иначе, затрагиваем сферу общения, являющегося необходимой и существенной стороной любого вида человеческой деятельности. Общение – сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми (межличностное общение) и группами (межгрупповое общение), порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя как минимум три различных процесса: коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера) [2, с. 106].

В современном мире общение не ограничивается простой коммуникацией человека с человеком. Сейчас весьма активными являются разговоры не в офлайне, а онлайн. Огромное количество людей из самых разных уголков мира могут связываться и общаться в режиме «здесь и сейчас». В условиях распространения коронавирусной инфекции стали реальными такие атрибуты человеческой жизни, как празднование дней рождений близких родственников с использованием таких сервисов видеосвязи, как Skype, Zoom, обучение с использованием информационно-коммуникативных технологий, возможность получения новых навыков и др.

Агентство «We are Social», работающее над исследованиями в области социальных медиа, опубликовало отчет «Digital 2022: Belarus», в котором нашли отражение основные тенденции по использованию глобальной сети

Интернет и социальных сетей в Республике Беларусь. Так, по данным агентства, из 9,44 млн. жителей нашей страны интернетом пользуется 8,03 млн. (85,1%). Стоит также отметить, что за последние 10 лет количество интернет-пользователей в Беларуси увеличилось более чем в 2 раза: в 2012 г. их было всего 3,73 млн. Социальными сетями пользуются 4,35 млн. белорусов (46,1% населения). В 2021 г. этот показатель был меньше – 3,9 млн., или 41%. Таким образом, количество пользователей социальных сетей в Республике Беларусь увеличилось на 0,45 млн. (11%). По оценке экспертов в данной сфере, темпы дальнейшего роста интернет-пользователей будут оставаться на высоком уровне. В гендерном разрезе 59,8% активных клиентов коммуникационных интернет-площадок – женщины, доля мужчин составляет 40,2%. По сравнению с другими странами доля интернет-пользователей мужчин является одним из самых низких показателей в мире [3].

Такая организация коммуникации существенно облегчает общение, однако и несет негативные последствия. Во-первых, продолжительное общение в сети порождает эффект деиндивидуализации. Любой человек может «войти в сеть» под любым именем и безнаказанно совершать такие действия, которые бы он никогда не стал делать в реальности. Существует мнение, что в каждом человеке живет его собственный «хейтер». Однако «хейтить» в офлайне не каждый может себе позволить. А вот онлайн открывает возможности для обмена негативом и дает человеку возможность «получить большую выгоду при минимальных затратах».

Во-вторых, формируется так называемая «интернет-информационная зависимость». Зависимые от информации не пытаются выстраивать общение, а поглощают информацию для удовлетворения собственных нужд, которые часто превращаются в поиск информации ради самой информации.

В-третьих, онлайн-общение создает определенную угрозу для сохранения личной информации. На сегодняшний день у каждого человека есть виртуальная жизнь, закрытая паролями, логинами, приложениями, банковскими картами и почтовыми сервисами. Но далеко не каждый человек задумывается о том, что, отправляя в интернет какую-либо информацию, он оставляет ее там навсегда. А ведь это и является риском и опасностью стать жертвой мошенников.

Несмотря на существующие недостатки, мы должны согласиться, что онлайн-общение – это часть жизни современного человека. То, что, по мнению Дж.Хоманса и П.Блау могло быть реализовано только при

непосредственном взаимодействии, сегодня мы наблюдаем в виртуальном общении. Люди могут никогда не встречаться, но при этом быть студенческой группой, коллективом, работающим над проектом. Хорошо это или плохо? С нашей точки зрения нет однозначного ответа. Возможно, люди среднего возраста воспримут это как угрозу для существования традиционных социальных институтов, а более молодое поколение как форму новых возможностей и путей выстраивания социальных контактов.

Библиографические ссылки

1. *Титаренко, Л. Г.* Современная западная социология : учебное пособие / Л. Г. Титаренко. – Минск : РИВШ, 2021. – 420 с.
2. *Бодалёв, А. А.* Психология общения. Энциклопедический словарь /под общей ред. А. А. Бодалёва. — М.: Изд-во «Когито-Центр», 2015. — 672 с.
3. Чем живет виртуальная Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/digital-2022-ispolzovanie-interneta-i-socsetej-v-belarusi/>. – Дата доступа: 21.04.2022.

ТЕОРИЯ ОБМЕНА В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

А. А. Орлович

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
taya.or@mail.ru*

*Научный руководитель – Лариса Григорьевна Титаренко,
доктор социологических наук, профессор*

В данной статье рассматриваются идеи обмена и власти в современной жизни в разрезе теорий социального обмена Питера Блау и Джорджа Хоманса. Также выделяется характеристика «теории обмена» и приводятся наглядные примеры, отражающие взаимодействие в обществе через социальный обмен.

Ключевые слова: общество; взаимодействие; обмен; эмерджентность; идеи; теория.

На сегодняшний день современная общественная жизнь имеет ряд свойств, которые не были присущи ей еще 20 лет назад. Это указывает на стремительные изменения в нашей жизни. Любая трансформация в общественной жизни влечёт за собой перемены во всех областях нашей жизни. Для того, чтобы лучше понимать и осознавать современное общество- следует обратить внимание на теории обмена, разработанные в середине прошлого века.

Одной из главных теорий XX века, описывающих социальное взаимодействие, является теория социального обмена американского социолога Джорджа Хоманса. В своих работах «Социальное поведение как обмен» [4] и «Социальное поведение: его элементарные формы» [5] он предложил теорию социального обмена, согласно которой взаимодействие между людьми представляет собой обмен материальными и нематериальными ценностями. Стоит отметить, что в своих работах Хоманс опирается на некоторые идеи известного бихевиориста Берриса Скиннера. Скиннер ввёл в оборот понятие «оперантного поведения» (действий, направленных на получение желаемого результата), в основе которого – взаимовыгодное сотрудничество людей в процессе коммуникации.

Возвращаясь к теории Хоманса, стоит отметить, что данная теория справедлива для малых групп. Под малыми группами Хоманс понимает некоторое число лиц, взаимодействующих между собой в течение определенного времени и достаточно малочисленных, чтобы иметь возможность контактировать друг с другом без посредников. Члены некой группы совершают действия какого-либо характера относительно друг друга только если уверены в том, что смогут получить вознаграждение или избежать наказания. В своей работе Хоманс рассматривает влияние во взаимодействиях с другими индивидами не *de jure*, а *de facto* [2, с. 93–94].

В своих работах американский социолог считает, что у истоков любого институционализированного поведения стоит элементарное социальное поведение. Например, в группе есть 2 студента. Студент 1 не выполняет большую часть заданий и, чтобы его не отчислили, должен обратиться к преподавателю, но студент этого делать не хочет. В группе также есть студент 2, который хорошо учится и часто помогает своим одноклассникам, он может помочь и студенту 1. Если студент 1 обратится к студенту 2, то между ними произойдет обмен. По итогу, каждый из участников получит свою выгоду: студент 1- помощь, студент 2- повысит свой статус среди одноклассников посредством социального одобрения его поступка. Теория социального обмена Дж. Хоманса базируется на следующих положениях:

чем чаще действие индивида вознаграждается, тем чаще он стремиться совершать это действие;

если стимул приводит к действию, которое вознаграждается, то при повторении такого стимула индивид стремится повторить соответствующее действие;

чем более ценным для индивида будет результат действия, тем сильнее он будет стремиться совершить такое действие;

чем чаще индивид в прошлом получал вознаграждающую деятельность от другого, тем менее ценной для него будет последующее похожее вознаграждение;

если индивид не получает ожидаемого вознаграждения, то стремиться совершить агрессивное действие, и оно становится ценнее, чем неполученное вознаграждение;

при выборе между альтернативными действиями индивид изберет тот, для которого ценность результата, помноженная на вероятность его получения, максимальная [1, с. 218].

Рассматривая тему социального обмена, следует вспомнить американского социолога Питера Блау. В своей теории Блау продолжал развивать идеи Дж. Хоманса, следует выделить различия между идеями двух социологов: в своих работах П. Блау рассматривал обмен на уровне крупных сообществ, а не малых, как это делал Хоманс. Методологический подход Блау полностью исключает принципы бихевиористской психологии. В теории Питера Блау одно из ключевых понятий – эмерджентность, т.е. наличие особых свойств у системы, которые отсутствуют у компонентов, составляющих эту систему. П. Блау выделяет четыре типа эмерджентных свойств:

- размер или количество составных элементов социального агрегата;
- социальные отношения между людьми, составляющие прямые связи между элементами, дающими агрегату ее структуру;
- композиция агрегата, отраженная в различиях его элементов;
- структурные свойства высшего порядка [3].

Следует отметить понятие диффузность – это отсутствие определенности в сроках и формах вознаграждения за оказанные другими людьми услугами. В социальном обмене в отличие от экономического вознаграждение не оговаривается, но все участники обмена ожидают взаимности. В соответствии с теорией Блау, социальные отношения проходят четыре последовательных этапа – от межличностного обмена к социальной структуре и далее к социальному изменению. На первом этапе происходит межличностный обмен, этот обмен далее ведёт к следующему, т.к. индивиды не могут обеспечить вознаграждение друг друга в равной степени. На следующем этапе наблюдается дифференциация по статусу и власти. Далее – образование социальной структуры, которая в свою очередь начинает влиять на взаимодействие индивидов. В результате таких

отношений возникают два типа организаций. Первый тип основан на процессах обмена и конкуренции, второй тип организаций создаётся для достижения определенных целей. На последнем этапе среди социальных организаций возникает оппозиция, которая может привести к конфликтам.

Таким образом, можно сделать вывод, что теория обмена применима в нашей повседневной жизни, а также объясняет любое социальное взаимодействие между индивидами. Посредством использования идей Блау и Хоманса можно выстроить наиболее выгодные и плодотворные отношения в обществе.

Библиографические ссылки

1. *Зборовский Г. Е.* Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2007. 364 с.
2. *Николаев В. Г., Хоманс Дж. К.* Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 88–132.
3. Современные зарубежные социологические концепции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/80/218/55800-11.php>. – Дата доступа: 24.
4. *Хоманс Дж.* Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: МГУ, 1984. С. 82–91.
5. *Homans G. C.* Social behavior: Its elementary forms. N.Y.: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.

ПИТИРИМ СОРОКИН О РЕВОЛЮЦИИ

К. В. Пастушенко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

KPast2003@yandex.ru

Научный руководитель – Кечина Евгения Аркадьевна,

доктор социологических наук, профессор

В статье анализируется релевантность теории революции Питирима Сорокина, где особое внимание обращено на причины возникновения революционных ситуаций. Приведено краткое изложение основных положений для вышеуказанной теории, а также выделены ее проблемные точки.

Ключевые слова: Питириим Сорокин; революция; социология революции; теория революции.

В современном обществе революция как событие уже не воспринимается как то, что может в скором времени произойти с нами в

реальном времени (я говорю про революцию как про насильственный захват власти в стране, не учитывая квазиреволюции, например, «цветные»). Для многих это предмет для изучения с точки зрения истории, т.е. представляют интерес хронология событий, характеры участвующих личностей, просто интересные и занятные факты для общего развития. Но не так много людей революцию рассматривают, как социальное явление, а еще меньше людей могут представить себе, что революция как никогда, за последние лет 70, рядом. Поэтому я считаю, что пора бы большему количеству людей быть осведомленными о революции как социальном явлении, а не только как об историческом. Мы должны понимать и знать: какие причины служат для ее возникновения, как и посредством чего она может осуществляться, является ли революция чем-то возвышенным, несет ли она в себе идею, спасение людей или же она просто деструктивна и влечет только хаос, а самое главное то, какие последствия нас могут ждать после нее.

На современном этапе существует достаточно теорий революции, но я бы хотела в данном труде рассмотреть актуальность и саму суть самой первой, что появилась в истории. Эта теория за авторством Питирима Сорокина, который является родоначальником «социологии революции». Он как человек, своими глазами видевший революцию и принимавший участие в ней, прошел путь от публицистики до уже научного и структурного осмысления революции. На этапе публицистики он уже начал производить свой собственный анализ революции как социального явления, пытаясь отыскать объективные причины и закономерности происходящих в обществе процессов, но одновременно с этим этот период не был лишен субъективизма автора, его бурных эмоций, личного отношения к событиям, так как он принадлежал к партии эсеров и принимал непосредственное участие в революционных событиях. Но опять же уже на этом этапе осмысления революции он обращался к социологии в поисках объяснительных моделей и учитывал исторический опыт предшествующих революций в других странах, что позволило ему сформулировать проблематику дальнейших исследований и выделить «социологию революции» в качестве отдельного направления исследований. Также немаловажно отметить, что даже на научном этапе в его текстах очень заметно присутствовал эмоциональный компонент при высказывании своих мыслей [1, с. 255].

Социология революции понимается П. А. Сорокиным прежде всего, как практическая, прикладная дисциплина, предметом исследования которой

выступает революция. Также П. А. Сорокин выделяет достаточно большое количество причин (факторов) наступления революционных потрясений, которые не отвечают всем критериям научных объяснений на уровне выявления причинно-следственных связей. Но ему удалось выявить некий «идеальный тип» причины революции, ее модель, которая обретает свои характеристики в зависимости от исторического периода и общества, в котором происходит революция. Питирим Сорокин, как социолог, начал проводить анализ возникновения революции с анализом механизмов поведения людей. Он подчеркивал то, что человеком управляет ряд биологических инстинктов, которые могут нести как положительные, мирные вещи, так и разрушения. И в конце рассуждений Сорокин приходит к выводу, что человек является иррациональным существом, нелогичным, чья логика чувств, которая управляет поведением, не сходится с логикой разума. И в соответствии с этим Питирим Сорокин считал, что раз поведение человека - это сложный продукт, заложенных в нем инстинктов, а также безусловных или условных рефлексов, детерминирующая сила которых меньше по сравнению с детерминирующей силой безусловных, которые, подчеркиваю, могут за собой нести дикое буйство, реакций, то соответственно, то ущемление главных инстинктов и рефлексов у значительной части общества, невозможность их минимально-необходимого удовлетворения, с одной стороны, и неспособность социальных групп, защищающих порядок и обладающих всей совокупностью средств и инструментов власти, противостоять усилившимся попыткам низвержения существующего строя, с другой стороны, приводят к революционным потрясениям. Кроме этого, Сорокин анализировал влияние революции на общество в широком смысле. Если говорить по отдельности, то он изучал влияние революции на:

- численность и качество населения;
- экономику страны;
- государство, власть, политику;
- морально-правовые отношения;
- духовную (особенно религиозную) жизнь;
- образование, науку и культуру;
- народную (национальную) психику и идеологию [1, с. 256].

Также в процессе изучения он выделил интересную закономерность, которую назвал «закон социального иллюзионизма», который гласит о том, что результаты любой революции противоречат ее лозунгам, а также

то, что в конце революции и после нее страдают всегда наиболее уязвимые слои общества. Если раскрывать его более подробно, то сам Сорокин говорит то, что всякая революция не социализирует, а биологизирует людей, она не дает свободы, а забирает их, ухудшает материальное и духовное положение, а возвращаясь к низшим слоям населения, они становятся не раскрепощенными, а закрепощенными [2].

Стоит также сказать, что отношение к идолам революции у Сорокина на этапе научного осмысления сильно изменилось по сравнению с публицистическим. Будучи еще в России, когда он писал статьи в газеты он упоминал про молодое поколение, которое может пойти как по неверному пути, которое оказалось подвластно последствиям революции, так и по верному, которое движимо идеалами революции. Но уже в анализируемой книге с одноименным названием «Социология революции» он говорит про то, что никакие идеалы не могут стоять жизней людей, их моральной деградации и он сам для себя отказывается от таких, на его взгляд, порочных воззрений, даже если революция является своеобразной «таблеткой» от общественных болезней. Продолжая эту мысль, он принимает как достойную замену революции смелые реформы, при этом исключая любой насильственный компонент в них [2].

Исходя из всего вышесказанного, несмотря на неполное перечисление составных элементов теории революции Сорокина, я могу сделать некоторый вывод, потому самые основные моменты были названы. Я считаю, что данная теория революции имеет один очень большой недостаток, который заключается в обесценивании роли идеи и разума в поведении человека, обесценивая его поступки. Когда сам Питирим Сорокин говорил о том, что он был членом партии эсеров, которые хотели революции, потому что в отличие от большевиков, которые шли по пути марксизма, учитывали идейный компонент, они обращались к разуму и осознанию, а не только к материальному, что удовлетворяет потребности людей, т.е. получается, им двигали идея и осознание... Продолжая эту мысль можно в качестве минуса назвать, что данная теория исключает причины революции, которые не замыкаются на ущемлении рефлексов, например, психологический аспект, когда человек озлоблен на власть, не потому что его базовые потребности задавлены, а потому что он, например, чувствует банальную несправедливость своего положения в обществе, что, разумеется, хочет исправить тем путем, который, на его взгляд, единственный. Также как минус, в данной теории не рассматриваются национально-освободительные революции, которые

связаны опять же не с влиянием инстинктов на поведение людей, а с самосознанием нации, где также влияет осознание несправедливости своей позиции в государстве или обществе. Поэтому эта теория пусть и является первым серьезным шагом в истории осмысления революции, чем заслуживает должного внимания, но на мой взгляд, она для нашего времени не актуальна. Конечно, невозможно исключать биологический фактор, но замыкаться на нем нельзя. В наше время, на мой взгляд, уже есть революционные ситуации, которые можно развить и получить смену власти, но все эти ситуации никак не связаны с действием наших рефлексов, инстинктов, потому что мы живем в мире, где явное разделение в обществе старательно смывается таким образом, чтобы у всех были равные возможности получить необходимые для поддержания жизни средства, поэтому можно сказать, они связаны с осознанием либо несправедливости своего положения как нации или класса, из-за чего появляются идеи, которыми руководствуются эти люди, а это уже рациональный компонент, ибо не ощущая себя частью определенного социального образования на сознательном уровне, без возможности доказать себе, что ты есть часть той или иной нации, например, чьи права ущемляются, ты не встанешь на защиту ее и не пойдешь на свержение действующей угнетающей власти. Поэтому важность идей стоит на таком же, если не выше, уровне, с важностью биологических факторов.

Библиографические ссылки

1. Ломоносова, М. В. Социология революции Питирима Сорокина / М. В. Ломоносова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология – 2017. - Том 10 № 3. – С. 7 – 9.
2. Сорокин, П. А. Социология революции // П. А. Сорокин – М.: Территория будущего : РОССПЭН, 2005. – 702 с.

ТЕОРИЯ АНОМИИ Р. МЕРТОНА

П. В. Такушевич

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
takpolina@gmail.com*

*Научный руководитель – Титаренко Лариса Григорьевна,
доктор социологических наук, профессор*

Аномия может возникнуть как на объективной, так и на субъективной основе. Раскрывается обусловленность социального содержания аномии условиями социальной практики, рассматриваются причины рассогласованности ценностных представлений, ведущие к проявлениям культурной аномии, воздействие аномии на массовое и индивидуальное сознание. Анализируется рискогенное содержание аномии для функционирования общества и его институтов.

Ключевые слова: аномия, девиация, социальная дифференциация, социальное отчуждение, риск.

Состояние потери нравственных ориентиров, ценностей и норм в обществе обозначается понятием аномия. Проблематика аномии была и остается одной из наиболее обсуждаемых тем в научном сообществе в последние десятилетия. Проблема аномии актуальна для многих стран, переживших в 1990-е годы интенсивные процессы трансформации.

В современном белорусском обществе учащаются проявления данного феномена. Аномия проявляется в росте преступности, расшатывания нравственных устоев общества, углублении конфликта между поколениями, отсутствии взаимопонимания между различными социальными группами. Одиночество людей, апатия масс и творческих личностей драматичны как никогда прежде. Возникновению аномии способствует также коммерциализация искусства и его отказ от формирования общественных связей, доверия и человеческих добродетелей [1]. СМИ фокусируются на функции развлечения людей, разжигания страсти к деньгам и власти, пользой проявлению своеволия.

Изучением проблемы аномии занимались многие ученые. В социологии существует несколько групп теорий аномии, своими корнями уходящие в две классические концепции, сформулированные Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. Согласно точке зрения французского учёного [2], аномия проявляется в виде ряда социальных деформаций: кризиса нормативного регулирования в переходных обществах, когда старая система норм и ценностей разрушена, а новая ещё не утвердилась; неэффективности социальных и моральных норм в качестве методов регуляции социального поведения; неопределённости ценностно-нормативных ориентаций, потере целей жизни; росте числа самоубийств, преступлений и т. д. Описанная Э. Дюркгеймом классическая аномия и её структурирование в XX - начале XXI веков являются базовыми конструктами; в то же время на постсоветском пространстве появились новые его проявления в сложном социуме.

Американский социолог Р. Мертон развил и модифицировал понятие аномии. По Мертону, аномия – это результат несогласованности,

конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества: между культурно предписанными всеобщими ценностями и законными, институциональными средствами достижения. Аномия вызывается дисфункциональными отношениями между социальными отношениями социальных подсистем, разрывом между культурными целями и институциональными средствами их достижения [3].

Аномия всегда сопровождает развитие переходного кризисного общества. Это состояние ценностно-нормативного вакуума, когда прежние социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились, когда отсутствует четкая моральная регуляция поведения индивидов, а выполнение норм не приводит к социальному успеху [4]. Аномия возрастает, когда, с одной стороны, экономические ценности и цели доминируют над неэкономическими, а с другой стороны - ослаблены неэкономические институты, которые также не в состоянии обеспечить законные пути достижения целей для общества. Отношения между различными институтами не являются статичными, сила их взаимодействий изменяется со временем. Так, расширение влияния институтов семьи или государства может уравновесить доминирование экономических ценностей и уменьшить уровень аномии. Связь аномии и социально-экономического статуса очевидна, что подтверждают результаты социологических исследований: наиболее высокий процент лиц, совершающих девиантные и делинквентные поступки, относится к низшим слоям. Социальное неравенство, выступающее, в том числе, и в форме дифференциации социальных статусов, является одной из причин аномичного поведения [5].

Процессы дезориентации личности, сопровождаясь утратой идентичности и самоидентификации, ведут к внутренней дезорганизации. Это состояния индивидуальной аномии, которая является логическим следствием социальной аномии в целом: процессы, происходящие на макроуровне, проецируются и на микроуровень, вызывая следствия как общего, так и специфического свойства. Кризисное состояние общества приводит – при совпадении объективных и субъективных факторов – к личностной дезорганизации, нарушению общепринятых норм, девальвации ценностей, распространению девиации, которая рассматривается многими как норма, обеспечивающая успешность социальной адаптации. Социальная аномия сопровождается и кризисом в сфере культуры, когда процесс выработки и трансляции культурных норм

и ценностей оказывается затрудненным и не в последнюю очередь по причине слабости интегрирующих и регулирующих функций культуры.

Аномия – это комплекс социальных и культурных патологий, своего рода вирус, поражающий индивидов. При этом она может быть рассмотрена и как условно положительный феномен, так как имеет потенциал для конструктивного развития. Определённая доля аномии необходима для свободы в обществе, ведь если социальные нормы будут слишком жёсткими, индивидуальная свобода окажется ограниченной. Отсутствие жёсткой нормативной системы, допущение лёгких девиаций необходимо для развития самостоятельности индивидов [6]. Однако эта «позитивная» аномия является контролируемой, она не выходит за рамки весьма низких пределов, установленных обществом.

Современное белорусское общество переживает состояние аномии, сопровождающейся неопределенностью социальной жизни, нарастанием общественных противоречий и усилением негативных явлений, провоцирующих рост девиации. В настоящее время в белорусском обществе происходит конфликт, переоценка ценностей и норм, отбрасываются отжившие ценностные представления, идеалы, продуцируются новые ценности и нормы, часто противоречащие и отрицающие друг друга. Аномия в современном белорусском обществе характеризуется: утратой коллективных представлений о различии добра и зла, о том, что такое жалость, милосердие, справедливость, уважение, взаимопомощь, сострадание. Она также сопровождается недействительностью социальных институтов, утратой человеком контроля над социальными процессами, неспособностью человека к планированию и достижению долгосрочных целей, выработке жизненных стратегий.

Библиографические ссылки

1. *Александр, Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал, 2012. №3. С. 6–40.
2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. 1990. М., Наука: 575 с.
3. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. 2006. М., АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ: 873 с.1.
4. *Тощенко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). 2020. М.: «Весь мир». 352 с.
5. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. 2004. М.: АСТ: 635.
6. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. 2000. М.: Наука. 380 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕЛА И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. В. Шурко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

shyrachka24@gmail.com

Научный руководитель – Кечина Евгения Аркадьевна,

доктор социологических наук, профессор

В данной статье рассматриваются особенности взаимодействия тела и таких элементов социальной реальности как экономические отношения и гендер. Объектом работы является человеческое тело, которое изучается в контексте разных форм социальных взаимодействий. Цель работы продемонстрировать перспективы изучения тела социологической наукой. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований, базой для разработки программ социального развития, направленных на диагностику проблем, связанных с различными представлениями о теле и выдвигаемыми к нему требованиями со стороны общества. В статье анализируется отношение общества к процессам коммодификации и сакрализации тела, а также разница условий, выдвинутых для тел мужчин и женщин.

Ключевые слова: тело; гендер; экономические отношения; ЭКО; коммодификация; сакрализация.

На протяжении всей человеческой истории люди интересовались своим телом. Социология, как относительно молодая наука, нашла в теле один из своих объектов сравнительно недавно, в том числе и как элемент теорий среднего уровня.

История социологии тела восходит к работам антропологов, как утверждал социолог Брайан Тёрнер, интерес антропологов к человеческому телу обусловлен его универсальностью, то есть принадлежностью каждому представителю человеческого рода [7].

Чтобы лучше понять связь тела с обществом, необходимо рассмотреть его взаимодействие с социальной реальностью. Под социальной реальностью в данной работе понимаются различные сферы человеческой жизни, в которых индивид неизбежно соотносит своё поведение с социумом. Рассмотрим тело как элемент экономических отношений и гендерной теории.

Тело может быть по-разному включено в экономическую жизнь человека, и если рынок труда принимается обществом, то отношение к рынку тела неоднозначное, здесь вступают в борьбу два процесса: сакрализация и коммодификация.

С одной стороны, существует тенденция сакрализации человеческого тела, сопровождающая индивидуализацию. Профессор социологии В. Зелизер отмечала, что раньше рынок тела свободно существовал, к нему относились рабство, выкуп жён и вергельд [4]. Сейчас же общество противоречиво относится к возможности использования тела как товар. Такое сравнение противоречит и религиозным принципам, и моральным установкам.

С другой стороны, наблюдается процесс коммодификации тела, находится масса оправданий, чтобы использовать человеческие органы как товар, а человеческую жизнь и здоровье подвергать денежной оценке.

Чтобы проследить, какой из процессов преобладает, можно рассмотреть результаты исследования европейских ценностей [6] на примере экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Результаты изучения отношения к ЭКО не могут быть экстраполированы на все случаи коммодификации тела, но могут показывать, есть ли шанс у этого процесса быть принятым. В исследовании EVS респондентов попросили ответить, когда можно оправдать экстракорпоральное оплодотворение, выразив своё отношение по шкале от 1 до 10, где 1 – никогда, а 10 – всегда. Средняя оценка по Европе: 6,99, а по Беларуси: 7,03, при этом медианное значение и по всей Европе, и по Беларуси равно 8. Таким образом, европейское общество (в том числе и белорусское), в среднем, относит ЭКО к явлениям, которые в большинстве случаев имеют право быть оправданными.

Помимо законных (в Беларуси) способов торговли телом и его частями, существуют и нелегальные рынки. К таким относятся «чёрные рынки» торговли органами, а также сексуальные услуги. Стоит отметить, что как во всей Европе, так и в Беларуси, к проституции относятся отрицательно. Согласно данным, полученным в ходе исследования EVS [6], в вопросе, где респондентам было предложено ответить, когда можно оправдать проституцию, выразив своё отношение по шкале от 1 до 10, где 1 – никогда, а 10 – всегда, среднее значение по Беларуси: 2,86, а по Европе 3,02, когда как медианное значение равно 1,0 в обоих случаях.

Таким образом, общество скорее примет экономическую оценку тела человека, когда дело касается создания новой жизни, но не оказания интимных услуг.

Изучая тело в контексте гендерной теории, необходимо обратить внимание, что под понятием «гендер» подразумеваются те характеристики разных полов, которые являются социально приобретенными.

В данной статье будут рассмотрены два гендера, как самые распространённые: женский и мужской. Несмотря на то, что тело – это биологическая характеристика полов, оно также является одним из условий для возникновения социальных стереотипов, норм и ролей. Е. А. Гольман в своей статье «О реальных и воображаемых женских телах: проблема соотношения тела и гендера» показывает, как на примере олимпийской чемпионки Кастер Семеня несоответствие внешности или телесных характеристик стандартам феминности, может породить вопросы о принадлежности к полу и повлечь за собой разбирательства [3].

Различия между женщинами и мужчинами часто объяснялись поведением в сфере сексуальных отношений. Считалось, что женщина чувствует возбуждение при мысли или взгляде на конкретного человека, а «мужчиной же вождение овладевает полностью и в такой степени, что удовлетворить его может первая встреча» [5, с. 124]. Отсюда следовало, что из-за биологической обусловленности женщина должна оставаться верной одному партнёру, а мужчина себе такого позволить не может. Данный тезис может рассматриваться как аргумент в пользу патриархата и капитализма, ограничивающего сексуальную свободу женщин ради уверенности отца в том, что совместные дети действительно его, ради передачи наследства именно своим потомкам.

Ж. Бодрийяр указывал, что к женщинам предъявляется требование, связанное с таким телесным проявлением, как красота. Анализируя статьи журнала «Она» социолог приходит к выводу, что современная массовая культура и общество потребления делают из женской красоты товар, сексуализируя её, украшая и выставляя на всеобщее обозрение [1]. Можно предположить, что после культивирования стандартов красоты и требований общества к женщинам соответствовать им, существует потребность в конструировании тела, в том числе и нездоровом.

Мужское тело, как и женское, имеет свои стандарты, предъявляемые ему обществом. Представления о том, каким должно быть мужское тело в большой степени обусловлены его физическими свойствами. Традиционные «мужские» профессии (грузчик, шахтёр, строитель и т.д.) предполагают особое конструирование тела: развитую мускулатуру, крепкие руки и ноги, натренированные на работе; поломанные ногтевые пластины; короткие стрижки и т.д. С переходом от индустриального к постиндустриальному типу общества сферы деятельности претерпели изменения. Стали больше развиваться те сферы труда, в которых не нужна физическая сила: сфера услуг, IT-технологии. Вместе с ними менялся и

образ мужчины. Сфера физического труда не исчезла, но с появлением других видов деятельности вместо их мирного сосуществования произошёл конфликт маскулинности. Как отмечает А. Ваньке, в публичном пространстве, через СМИ и массовую культуру образ мужчины-рабочего соотносится с образом «неудачника», неспособного зарабатывать на жизнь умственным трудом [2]. Вместе с этим, старое представление об успешном мужчине как сильном и мускулистом отходит, сменяясь на новый тип.

Стоит отметить, что требования к телу, которое считается «правильным», относятся и к женщинам, и к мужчинам, а специфика этих требований обусловлена не только биологически присущими телу чертами, но и представлениями данного общества в конкретный промежуток времени о «красивом». Несоответствие тела индивида таким требованиям порождает конфликты, вынуждая прибегать к нездоровому отношению к своему телу.

Стоит заметить, что тело настолько естественно сопровождает индивида в его деятельности, что о нём часто забывают. Однако, именно эта вовлечённость и делает тело интересным объектом для изучения социальными учёными.

Библиографические ссылки

1. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Гуманитарный портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3464/3471#t60>. Дата доступа: 20.04.2022.
2. *Ваньке А.* Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы [Электронный ресурс] / А. Ваньке, *Laboratorium*. 2014. №1/ Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnost-muzhchin-rabochih-professiy-v-rezhimah-truda-i-privatnoy-sfery>. Дата доступа: 11.04.2022.
3. *Гольман, Е. А.* О реальных и воображаемых женских телах: проблема соотношения тела и гендера / Е. А. Гольман. – Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 3 (68). С. 188–205.
4. *Зелизер, В.* Человеческие ценности и рынок: страхование жизни и смерть в Америке XIX века / В.Зелизер. – Экономическая социология. 2010. Т.11. №2. С. 54-72.
5. История тела: в 3 т. / редкол.: А. Корбен [и др.]. — М.: Новое литературное обозрение, 2012-2016. — Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны / А. Корбен [и др.]. — 2014. — 384 с.
6. DATA AND DOCUMENTATION – JOINT EVS/WVS [Electronic resource] / European values study. – Mode of access: <https://europeanvaluesstudy.eu/methodology-data-documentation/survey-2017/joint-evs-wvs-2017-2021-dataset/data-and-documentation-joint-evs-wvs/> Date of access: 17.02.2022.
7. *Turner, B. S.* Recent developments in the theory of the body / B. S. Turner // *The body: social process and cultural theory*. – 1991. – pp. 1–35.

БИБЛИОТЕКИ И КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ

Е. Г. Щерба

Белорусский государственный университет, г. Минск;

shcherba.eug@gmail.com

Научный руководитель – Данилов Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор,

член-корреспондент НАН Беларуси

В данной статье рассмотрены проблемы функционирования библиотек и книжных магазинов, занимающихся продажей бумажной литературы. Представлены возможные варианты решения указанных проблем.

Ключевые слова: коронавирус; библиотеки; книжные магазины; проблемы функционирования.

В условиях возникновения коронавирусной пандемии произошла значительная трансформация взаимодействия читателей и бумажной книги, поскольку библиотеки начали вместо традиционных способов предоставления читателям доступа к книгам стали обеспечивать их цифровой продукцией для сокращения межличностных контактов между читателями и сотрудниками библиотек [1].

Опасность коронавирусной инфекции для человеческого здоровья поставила под угрозу межличностные контакты между индивидами, она преобразила все сферы и формы взаимодействия людей, что поставило под угрозу работу книжных магазинов и библиотек, основанных на межличностном контакте покупателя (читателя) и продавца (библиотекаря).

Приоритетным в таком случае стало виртуальное взаимодействие читателя с информационным продуктом, для снижения шанса распространения инфекции. В более выгодном положении в таком случае находятся библиотеки и магазины, обеспеченные современной цифровой техникой и соответствующим программным софтом, который позволит оказывать библиотечные и торговые услуги для передачи читателям книг, не допуская контакта библиотекаря и читателя.

Для реализации возможностей цифрового взаимодействия между библиотеками, книжными магазинами и их покупателями данные книжные платформы обязаны держать на высоком уровне коммуникационные аспекты взаимодействия с покупателями, для чего необходимо не только предлагать и продавать информационные продукты, но и наладить

обратную связь с читателями. Книжным магазинам необходимо стимулировать покупателей к активному использованию возможностей цифровой коммуникации для обращения к электронным ресурсам магазина, предлагать оценивать такую форму продукции магазина (библиотеки), развивая возможности виртуального взаимодействия потребителя и данной книжной платформы.

При этом осуществление вышеназванной формы коммуникации с читателем возможно только при наличии у магазина взаимосвязи с другими социальными институтами. Немаловажны не только цифровые коммуникационные ресурсы самой библиотеки (её сайт), но и использование ею сторонних источников цифровой коммуникации, таких как социальные сети, для чего магазину необходимо знать, какую из существующих цифровых платформ для коммуникации используют их покупатели в качестве основной. В зависимости от приоритетной социальной сети, используемой покупателями, библиотека или книжный магазин должен использовать именно данную коммуникационную платформу для охвата как можно большего слоя от своей целевой аудитории.

Адаптация персонала книжных магазинов и библиотек к новым формам взаимодействия является немаловажным условием для обеспечения успешного функционирования платформы в условиях цифровой коммуникации, поскольку именно персонал может стать как препятствием, так и возможностью для полноценного функционирования торговой площадки. Он обеспечивает цифровую библиотеку актуальной информацией и продукцией.

В условиях цифровой коммуникации требования к компетентности персонала оказываются выше, чем при межличностном взаимодействии с покупателем. Виртуальное взаимодействие покупателя и книжного магазина требует повышенной внимательности к действиям персонала. Потому что ошибки в построении цифровой коммуникации с потребителем, какими могут быть неверное построение дизайна виртуального магазина (например, неудобный, не интуитивный интерфейс), некорректное предоставление ценовых сведений о книгах, неактуальность содержания магазина и другие ошибки могут привести к разрыву отношений между покупателем и данной торговой площадкой. Поскольку оперативное исправление таких ошибок на цифровых платформах невозможно, то цена ошибки для электронных библиотек очень высока.

Помимо проблем с компетентностью персонала для цифровой коммуникации с пользователями нередко встречается проблема отсутствия у библиотекарей и продавцов гаджетов для такой коммуникации. Вместе с тем, невозможность осуществления очного контроля владельцев библиотек и книжных магазинов привело к распространению электронных еженедельных и ежемесячных отчётов. Для реализации процесса работы с виртуальной документацией сотрудники использовали Google-документы и формы, которые позволяют сотрудникам качественно фиксировать сведения о работе электронной библиотеки [2, с. 70].

Таким образом, взаимодействие читателей и книжных магазинов в условиях коронавируса происходит в иных формах. Коронавирусная пандемия изменила функционирование библиотек и книжных магазинов, вынудив их развивать цифровые средства коммуникации и повышать квалификацию персонала, тем самым приспосабливаясь к новым реалиям.

Библиографические ссылки

1. Библиотеки мира и Беларуси в условиях пандемии COVID-19 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://library.bntu.by/sites/default/files/covid-19_i_mirovye_biblioteknoye_sobshchestvo3_1.pdf . – Дата доступа: 21.04.2022.
2. Asuman Akdemir, Aglaé Achechova, Benjamin Guichard, Andrey Guskov, Assel Lakhaeva, et al.. Библиотеки мира в период пандемии: новый опыт и первые выводы. Библиосфера, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, 2020, pp.65–83.

СЕКЦИЯ 11. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

КАКАЯ ПОМОЩЬ НУЖНА СТУДЕНТАМ ОТ ВУЗОВ?

Е. А. Гречиха

Белорусский государственный университет, г. Минск;

helengrechikha@gmail.com

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

Данная работа посвящена рассмотрению помощи, необходимой студентам и студенткам БГУ. В публикации отражены результаты анкетного опроса, проведенного в ноябре-декабре 2021 года с использованием Google Forms. Выборочная совокупность составила 1541 студент 3-4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ. В силу сложности и разнообразия процесса получения высшего образования, студенты могут сталкиваться с различными трудностями на пути. Поэтому, для минимизации проблем в ходе образовательного процесса администрация БГУ, а также общественные организации оказывают всестороннюю помощь, за которой в любой момент могут обратиться студенты. Для того, чтобы сделать обучение максимально комфортным, очень важно понять, в какой помощи нуждаются студенты и к кому они обратятся для получения этой помощи.

Ключевые слова: помощь; БГУ; трудности.

Студенчество является одним из важнейших этапов профессионального становления. Это сложный период адаптации молодых людей к «взрослой» жизни, которая предполагает развитие навыка самостоятельно организовывать свой труд и отвечать за результаты своей деятельности. Проблем у современных студентов и студенток хватает. Меняется привычный образ жизни, часто приходится жить в чужом городе в окружении незнакомых людей, не у всех складываются отношения не только с одноклассниками, но и с преподавателями. И к этому практически всегда добавляются материальные трудности. В силу наличия множества трудностей и проблем в процессе получения профессии у студентов и студенток возникает вопрос об улучшении организации собственного «труда» и устранении негативных факторов, снижающих

эффективность выполнения стоящих перед ними задач. Поэтому важно знать, с трудностями в какой сфере чаще всего сталкиваются студенты, какая помощь им нужна и к кому они могут обратиться в случае возникновения трудностей, связанных с учебной деятельностью в университете.

Изучение причин, затрудняющих нормальное протекание процесса работы, и их негативных последствий имеет непосредственную важность для анализа труда студентов и студенток.

Согласно полученным результатам исследования, две трети (67,4%) опрошенных студентов нуждаются в материальной помощи, 64,7% респондентов указали, что им нужна помощь в трудоустройстве, чуть больше трети (39,1%) нуждаются в социальной помощи и 30,7% - в психологической, юридические консультации нужны для каждого пятого (21,1%) участника опроса. Менее востребована помощь в организации досуга (15,1%), поиске жилья (17,5%), поддержке бизнес-идей и инвестировании бизнес-проектов (17,1%).

Следует также обратить внимание на различия в ответах у юношей и девушек. По некоторым позициям фиксируются существенные различия. Так, девушкам чаще, чем юношам требуется помощь в трудоустройстве (соответственно 68,7% и 55,6%), социальная помощь (соответственно 41,9% и 32,5%), а также психологическая помощь (34% и 23,4%).

Если анализировать различия в ответах студентов разных форм обучения, важно отметить, что существенная разница наблюдается в категории «материальная помощь»: на необходимость такой помощи указали более трех четвертей (76,4%) студентов бюджетной формы получения образования и чуть более половины (54%) студентов платной формы. Социальная помощь востребована в большей степени студентами платной формы (43,5%), нежели «бюджетниками» (36%).

Отвечая на вопрос «К кому Вы готовы обратиться за помощью в случае трудностей, связанных с Вашей учебой, деятельностью в университете?», 48,8% респондентов отметили, что готовы обратиться к старосте группы, 47,9% - к одногруппникам, 40,9% опрошенных студентов скорее обратятся к друзьям. Более трети студентов ждут помощи от кураторов группы и деканов, заместителей деканов (соответственно 37,3% и 34,7%). В студенческий профком обратятся всего 2,1% опрошенных, в студсовет – 4%, к ректору, проректору в случае трудностей решат обратиться 4,7% респондентов.

Следует также сказать, что девушки чаще, чем юноши за помощью предпочли бы обратиться к старосте группы (соответственно 50,3% и 45,3%). К куратору группы также чаще обращаются девушки: 40,4% и 30,4%. К одноклассникам и друзьям чаще всего обращаются юноши (соответственно 51,7% и 46,2%; 44,9% и 39,2%).

Таким образом, для решения психологических проблем, возникающих у студентов, необходимо использовать тренинги, консультации, дистанционные встречи со специалистами-психологами. Следует активизировать деятельность по трудоустройству студентов для подработки в свободное от посещения занятий время.

Одним из немногих вариантов решения финансовой проблемы являются повышение уровня стипендиальных выплат, увеличение мест в студенческих общежитиях, а также возможность бесплатного или более дешёвого проезда в общественном транспорте, скидки в различных развлекательных комплексах, а также снижение цен в студенческих столовых. Всё перечисленное ранее уже введено в практику во многих странах и помогает юношам и девушкам сэкономить, что даёт возможность полностью сконцентрироваться на учебной деятельности.

Студенческому профкому, студсовету необходимо более подробно рассказывать о своей деятельности в целом, формах работы и оказываемой помощи, активнее вести страницы в социальных сетях и привлекать туда студентов, так как часто учащиеся просто не знают по каким вопросам обращаться в ту или иную организацию.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА АДАПТАЦИЮ В РЕШЕНИИ БЫТОВЫХ ВОПРОСОВ

А. С. Гулевич

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
nastyagulevich00@mail.ru*

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В данной публикации автор обращается к проблеме взаимосвязи личностных характеристик и адаптации в рамках решения бытовых вопросов у студентов первого курса Белорусского государственного университета очной формы обучения. Проводится содержательный эмпирический анализ влияния типа характера на

адаптацию в решении бытовых вопросов. Социологическое исследование проводилось с октября 2021 года по февраль 2022 года. В исследовании принимали участие студенты 15 факультетов. Объем выборочной совокупности – 471 человек.

Ключевые слова: тип характера; адаптация; бытовые вопросы; студенты первого курса.

Каждому человеку рано или поздно приходится сталкиваться с трудностями и проблемами в жизни, касающимися быта. И чаще всего встреча с трудностями взрослой жизни приходится на период студенчества. Каждый студент по-разному реагирует на данные проблемы. Одной из важных условий налаживания быта студентов является взаимодействие с новыми людьми. Более близкие отношения с новыми знакомыми складываются, когда человек чувствует себя в компании комфортно и уверенно. То есть, он будет лучше взаимодействовать с ее участниками, будет вести себя более открыто и дружелюбно, вследствие чего складываются доверительные отношения с новыми знакомыми. И чем комфортнее человеку находиться в компании, тем более доверительные отношения будут с другими людьми. На то, как человек будет взаимодействовать с окружающими и как будет вести себя в затруднительных ситуациях, влияет уровень адаптированности студента.

Адаптация как в учебной, так и внеучебной деятельности, является важной составляющей для индивида. Ее можно определить, как вхождение личности в новую социальную среду. Данное понятие рассматривается как определённый период, по истечении которого устанавливается оптимальное соотношение личности и ее окружения, иными словами, достигается состояние адаптированности.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что студентам как с экстраверсией и амбиверсией, так и с интроверсией свойственны просьбы о помощи друзей или семьи в решении мелких бытовых вопросов (стирка, готовка, уборка), а также просьбы в финансовой поддержке.

Студентам экстравертам и амбивертам комфортнее находиться в незнакомых компаниях, нежели студентам интровертам. Кроме того, экстравертам, в силу своей открытости и коммуникабельности, проще налаживать отношения с другими людьми и находить с ними контакт. Люди с интроверсией в свою очередь характеризуются необщительностью и ориентацией на внутренний мир, поэтому им сложнее выстроить доверительные отношения с новыми знакомыми.

Таким образом можно сделать вывод, что студентам экстравертам свойственно налаживать более доверительные отношения с новыми знакомыми, чем студентам интровертам. Об этом свидетельствуют полученные данные: у студентов экстравертов (78,2%) и амбивертов (70,7%) складываются более доверительные отношения с новыми знакомыми, нежели у студентов интровертов (54,6%) (таблица 1).

Таблица 1 – Оценка отношений с новыми знакомыми в зависимости от типа характера, в %

Отношения с новыми знакомыми, с которыми Вы общаетесь чаще всего (по 5-ти балльной шкале) ¹	Тип характера		
	Экстраверт	Амбиверт	Интроверт
1	0,6	4,3	6,1
2	3,6	4,3	8
3	17,6	20,7	31,3
4	32,7	41,4	33,1
5	45,5	29,3	21,5

Рекомендации: для повышения адаптированности студентов первого курса необходимо проводить больше мероприятий, направленных на расширение круга знакомств, не ограничиваясь непосредственно общением только с группой, а позволяющих узнать студентов и преподавателей факультета в целом. Приветствуется проведение различных квестов и соревнований, направленных не только на научную деятельность, но и на творческое взаимодействие между различными группами, курсами, факультетами («капустник» или день первокурсника, букет весеннего, фотоквест, квест по университетоведению, Бригантина, «Что? Где? Когда?», поэтический вечер, YFM и др.).

Необходимо распространение информации о психологической помощи в университете для решения вопросов, связанных с адаптацией в университетской среде. Для этого можно задействовать психологов университета, которые будут периодически проводить анкетирование студентов для изучения показателей уровней адаптивности и взаимоотношений в студенческой группе и дальнейшего предложения консультирования и помощи по возникающим проблемам студентов.

¹ В ходе исследования использовалась 5-ти балльная шкала, где 1 – отношения формальные, а 5 – отношения доверительные:

Необходимо проводить кураторские часы, в которых в качестве организаторов могут выступать не только преподаватели, но и студенты старших курсов. Также психологами, кураторами или специально приглашёнными спикерами (коучами и преподавателями различных факультетов) могут проводиться различные занятия-тренинги, конкурсы, игры, акции, арт-терапия и т.п. на сплочение группы, эффективное взаимодействие с окружающими, развитие навыков преодоления барьеров в коммуникации, борьбой со стрессом и другими трудностями, с которыми могут столкнуться студенты первого курса.

Рекомендуется повысить уровень информированности по актуальным и проводимым мероприятиям, а также по вопросам процесса их организации, проведения и т.д. в социальных сетях. Результаты проведенного опроса свидетельствуют, что у первокурсников именно социальные сети являются актуальным и востребованным источником получения информации о происходящем в жизни университета. Для этого помимо увеличения объёма информации на официальных страницах университета, можно создать чат-бот, оповещающий студентов о проводимых мероприятиях и предоставляющим необходимую подробную информацию в случае необходимости.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ И СТРАТЕГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

И. С. Гурина, А. С. Печко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

irinka2k1@gmail.com

npetchko2001@gmail.com

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В работе обоснована важность социологических исследований в сфере трудоустройства современных студентов и студенток с целью более глубокого анализа и понимания их будущих профессиональных планов. В статье рассматривается взаимосвязь между нынешним местом работы студентов и студенток, их специальностью, а также удовлетворенностью студентами и студентками их нынешним местом работы. Данная статья поможет определить приоритеты девушек и юношей в выборе места работы, а также причины выбора этих рабочих мест. В публикации

отражены результаты анкетного опроса, проведенного в ноября-декабре 2021 года с использованием Google Forms. Выборочная совокупность составила 1541 студент 3-4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ.

Ключевые слова: молодежь; профессиональные планы; трудоустройство.

В настоящее время очень важно понимать проблемы современной молодежи при определении ими будущего места работы. Планы студентов и студенток в отношении профессиональной деятельности, индивидуальные ожидания и предпочтения студенческой молодежи играют весомую роль в выборе будущей профессии. Выбор же профессии и поиск места работы осложняется тем, что качественные характеристики образования современных студентов и студенток зачастую идут вразрез с характером и содержанием трудовой деятельности. Для того, чтобы более полно увидеть всю картину, студентам БГУ предлагалось ответить на вопрос: «Какому виду деятельности Вы собираетесь посвятить себя после окончания университета?»

Результаты исследования свидетельствуют о том, что 47,3% опрошенных планируют работать по специальности, 23% планируют иметь собственный бизнес, а 21,7% собираются реализовать себя в сфере творчества. У 20,8% студентов 3-4 курсов планов на будущее трудоустройство пока нет.

Связь между будущей сферой деятельности и полом отчётливо не прослеживается, однако, можно сказать, что юноши (50,6%) чаще, нежели девушки (45,9%) ориентируются на работу по полученной специальности. Вторая по популярности сфера деятельности среди студентов – это собственный бизнес. Данная сфера привлекает и юношей (26,5%) и девушек (21,5%). Девушки в 2 раза чаще, чем юноши, планируют связать свою жизнь с творчеством (соответственно 25,6% и 13,0%). Неопределенность в отношении будущего места работы больше свойственна студенткам (22,4%), нежели студентам (17,3%).

Исходя из полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. В качестве будущей деятельности выбирают работу по полученной специальности большинство (61,1%) опрошенных студентов, обучающихся на технических специальностях, 38,7% будущих экономистов, 42,1% будущих специалистов социально-гуманитарного и 47,1% естественного профиля обучения;

2. Более половины (52%) студентов и студенток, обучающихся на экономических специальностях, планируют открыть собственный бизнес;

3. Студенты (25,7%), обучающиеся на естественных специальностях, в качестве будущей деятельности чаще других выбирают научно-исследовательскую работу;

4. Незначительная доля студентов и студенток, обучающихся на всех специальностях, планируют преподавать в учреждениях высшего или среднего специального образования, что может говорить о снижении престижа такой профессии, как преподаватель среди студенческой молодежи. На это могут влиять различные факторы – экономические, социальные и личностные.

Анализ распределения ответов на вопрос по курсам обучения не показал существенных различий. Следует отметить лишь то, что студенты 3 курса чаще планируют заняться бизнесом (соответственно 25,3% и 20,5%), реже видят себя учителями в учреждениях среднего образования (4,7% и 8,1%). Вполне естественно, что среди третьекурсников больше тех, кто еще не определился с будущей сферой деятельности (23,2% и 18,2%).

Фиксируются некоторые различия в зависимости от места жительства до поступления в университет. Так, студенты и студентки, которые проживали в областном центре до поступления в университет, чаще планируют работать по выбранной специальности, чем те студенты и студентки, которые проживали в малом городе (соответственно 49,8% и 39,3%). Научно-исследовательской деятельностью в будущем чаще хотят заниматься юноши и девушки, которые до поступления в ВУЗ, проживали в г. Минске, чем те, кто закончил школу в сельской местности (соответственно 16,7% и 10,8%). Похожая ситуация наблюдается и со сферой творчества: студенты и студентки из г. Минска, чаще хотят связать свою жизнь с творчеством, чем прибывшие из сельской местности (соответственно 24,2% и 15,7%).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что 36,2% опрошенных студентов имеют постоянную или временную работу, 16,3% - подрабатывают время от времени. Поэтому стоит уделить внимание вопросу об удовлетворенности студентами и студентками своей нынешней работой. В ходе исследования мы выяснили, что почти три четверти (72,8%) респондентов удовлетворены своей нынешней работой (35,2% - скорее удовлетворены, 37,6% полностью удовлетворены).

Интересная тенденция наблюдается в распределении ответов по полу. Почти по всем показателям результаты практически равные, однако юношей, удовлетворенных своей работой полностью на 7% больше, чем девушек. Вероятнее всего это вызвано тем, что у девушек, как правило,

более высокие ожидания от работы и более высокий показатель стремления к идеалу, чем у юношей. Помимо этого, девушки работают по специальности реже, чем юноши (28,8% и 34,9% соответственно), а также девушки в большей степени отдают предпочтение временным работам, а не постоянным (на постоянной работе занято 31,8% юношей и 23,2% девушек).

Удовлетворенность работой, не связанной с будущей профессией значительно ниже, чем удовлетворенность работой, связанной или косвенно связанной с будущей профессией. Это вызвано тем, что студенты и студентки, поступающие в университет, в большей степени планируют работать именно по специальности, и, если выпадает возможность во время обучения уже начинать работать по специальности, это положительно сказывается на удовлетворенности своей работой.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЖИВАНИЯ СТУДЕНТОВ БГУ В ОБЩЕЖИТИЯХ МИНСКА

А. А. Иванова, А. В. Шурко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

anastasiya.ivanova9@mail.ru

shyrachka24@gmail.com

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей проживания студентов БГУ в общежитиях Минска на базе исследования, проведенного по заказу УВРМ социологами 3 курса. Проблема места жительства стоит достаточно остро для иногородних студентов. Выяснение условий, благодаря которым обучающиеся получили место в общежитии, поможет другим студентам правильно расставить приоритеты, ведь требования для получения заветного места растут с каждым годом. Анализ оценок основных характеристик корпусов позволит диагностировать существующие проблемы. Жилищно-бытовые условия являются контекстом для образовательного и социального процесса, они могут оказывать влияние на его ход и результаты. В связи с этим, важно понимать актуальное состояние и особенности организации быта студенческой жизни.

Ключевые слова: общежития; студенты; БГУ; условия проживания.

Иногородние студенты являются значимой частью студенчества БГУ. Данная подгруппа имеет характерную проблему, связанную с местом

жительства. Студенты и студентки, которым негде жить во время обучения, имеют возможность получить общежитие в Минске. Студенческая молодежь всегда была и остается особой категорией потребителей жилья. Обладая большим жизненным потенциалом и, как правило, не имея больших финансовых возможностей, являясь достаточно мобильной категорией населения, она всегда была заказчиком особых форм жилища – общежитий. Место жительства может влиять на возможности студенческой молодёжи обучаться, поэтому изучение доступности общежитий и субъективное восприятие студентами их характеристик достаточно актуально.

Стоит отметить, что поступление в университет и смена места жительства являются значительными факторами стресса. Результаты социологического исследования адаптации первокурсников² свидетельствуют о том, что 39,1% студентов на 1 курсе, проживающих в общежитиях, указали на ухудшение здоровья с момента поступления, 6,6% ответили, что их здоровье улучшилось, а 54,3% отметили, что здоровье осталось на прежнем уровне. Для сравнения можно привести данные проживающих в своей квартире с родителями: улучшилось у 7,7%, ухудшилось у 32,4%, а осталось прежним у 59,9% первокурсников. Таким образом, домашняя обстановка и не слишком большие перемены снижают риск ухудшения здоровья, поэтому важно, чтобы у иногородних студентов была возможность почувствовать себя «как дома» и в общежитии.

Однако, как показывает практика, не все студенты, нуждающиеся в общежитиях, могут получить такое место проживания. Например, результаты опроса, проведенного в ноябре-декабре 2021 г., показывают, что только половина иногородних студентов (52,5%), попавших в выборку, проживает в общежитии³. Студенты часто страдают от недостатка жилья, ведь большинство из них приезжают из других городов и даже стран. В связи с этим заселение в общежитие является одной из главных потребностей студентов. Увеличению шансов получения места в общежитии способствуют следующие показатели: высокая успеваемость, участие в общественной жизни университета/членство в студенческих организациях, льготы, работа в студенческом отряде.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что получению места в общежитии способствовало наличие льгот (45,2%), высокая

² В онлайн опросе приняли участие 471 первокурсник 15 факультетов БГУ.

³ В онлайн опросе приняли участие студенты 3-4 курсов 15 факультетов БГУ, Института Бизнеса и МГЭИ, n=1541.

успеваемость (35,1%), участие в общественной жизни университета/членство в студенческих организациях (33,7%), работа в студенческом отряде (13,2%).

Необходимо также фиксировать оценку студентами основных показателей общежитий, в которых они проживают, так как, с одной стороны, потребность в жилье одна из базовых потребностей человека, а с другой, условия проживания не всегда соответствуют ожиданиям студентов и студенток.

Изучение субъективных оценок студентами характеристик общежитий, предоставляемых БГУ, поможет разобраться в проблемных сторонах проживания в них. В ходе исследования проживающие в общежитии студенты должны были оценить по 5-ти балльной шкале некоторые качества жизни в предоставляемых общежитиях, где 1 – «очень плохо», а 5 – «очень хорошо». В результате опроса, были получены следующие оценки по основным характеристикам общежитий: удобство расположения: 4,05; оплата за проживание: 3,98; организация мероприятий в общежитии: 3,58; работа администрации: 3,70; состояние комнат/блока: 3,52; доступность лифтов/лестниц: 3,80; качество интернета: 2,77; доступность питьевой воды: 2,77.

Самый высокий показатель по оценкам юношей и девушек, обучающихся в БГУ, – это удобство расположения, а самый низкий балл у качества интернета и доступности питьевой воды.

Юноши и девушки высоко оценили удобство расположения общежитий, в которых проживают, что говорит о хорошей инфраструктуре города.

Интернет является значимым элементом обучения в сложившейся эпидемиологической ситуации, поэтому важно обеспечивать доступ студенчества к этому ресурсу. На данный момент, исходя из полученных данных, видно, что этот показатель является проблемным в минских общежитиях.

Качество питьевой воды является фактором, влияющим на здоровье юношей и девушек, поэтому от поддержания его на надлежащем уровне зависит состояние проживающих в общежитиях.

Общая средняя оценка условий проживания в 10 общежитиях Белорусского государственного университета составила 3,52 балла.

ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БГУ: В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ

А. А. Исаева

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
aisaeva159@gmail.com*

*Научный руководитель – Бурак Татьяна Викторовна,
кандидат социологических наук, доцент*

В публикации рассматривается роль Научно-исследовательских лабораторий БГУ, Интеллектуальных клубов БГУ и Волонтерских объединений БГУ в их внеучебное времяпрепровождения. На основе данных, полученных в результате исследования, оценивается степень важности изучаемых трех видов деятельности для каждого студента исходя от их половой принадлежности и изучаемого профиля обучения.

Ключевые слова: внеучебная деятельность, информированность, виды деятельности БГУ.

Внеучебная деятельность студентов БГУ – это любой вид деятельности, которой занимаются студенты во внеучебное время за пределами занятий. Как правило внеучебная деятельность происходит посредством вовлечения студентов в культурную, научную, спортивную и общественную жизнь. Примеров видов подобной деятельности очень много, начиная от каких-либо личностных предпочтений времяпрепровождения конкретного студента, так и его участия в различных организациях БГУ, функционирующих во внеучебное время. В данной публикации будет проанализирована значимость трех основных видов деятельности БГУ: деятельность студенческих научно-исследовательских лабораторий БГУ (далее – СНИЛ), деятельность интеллектуальных клубов БГУ и деятельность волонтерских объединений БГУ.

Для исследования вышеописанных направлений студенческой активности использовался метод анкетного опроса с применением многоступенчатой кластерной выборки. Объем выборочной совокупности составил 1541 студент, обучающиеся на 16 факультетах. Сроки исследования – ноябрь 2021-апрель 2022 года. Объект исследования – студенты Белорусского государственного университета очной формы обучения. Объект был структурирован по профилю обучения: гуманитарный, технический, экономический и естественный.

Анализ ответов респондентов по профилю обучения показал, что студенты естественного профиля обучения выше оценивают деятельность

СНИЛ (92,1%), чем студенты остальных рассматриваемых профилей. Объяснить полученные данные вероятно тем, что студентам естественного профиля обучения наиболее важен данный вид деятельности из-за того, что деятельность СНИЛ – это, в первую очередь, активная научно-исследовательская и научно-производственная работа. И именно студентам, изучающим естественные науки наиболее интересен тот вид деятельности, который позволит им получить практический и производственный опыт [3].

Деятельность интеллектуальных клубов БГУ одинаково высоко оценивают студенты разных профилей обучения. Можно предположить, что для молодых людей, получающих высшее образование, вне зависимости от профиля обучения, в одинаковой мере интересен вид деятельности, способный реализовать, раскрыть и обнаружить собственные интеллектуальные способности [2].

Деятельность волонтерских объединений БГУ наиболее важной считают студенты гуманитарного и естественного профиля обучения (85,9% и 86,5% соответственно), чем студенты технического и экономического профиля обучения – 78,1% и 78,6% соответственно. Проинтерпретировать полученные данные можно таким образом, что деятельность Волонтерских объединений наиболее плотно пересекается с профессиональным интересом студентов, изучающих гуманитарные и естественные науки.

Следует отметить, что для студентов БГУ деятельность студенческих научно-исследовательских лабораторий, интеллектуальных клубов БГУ и волонтерских объединений БГУ имеет большое значение. Как показало исследование, вне зависимости от информированности студентов о деятельности СНИЛ, интеллектуальных клубов и волонтерских объединений, они считают их необходимой частью университетского образования.

Следует обратить внимание на то, что девушки чаще оценивают деятельность СНИЛ, интеллектуальных клубов БГУ и волонтерских объединений БГУ как значимую, чем юноши. Причём, важность волонтерских объединений девушки оценивают значительно выше, чем юноши – 58,9% и 32,3% соответственно. Объяснить различие в оценке важности трех изучаемых видов деятельности в зависимости от пола респондентов можно тем, что девушки более, чем юноши, осведомлены о работе данных видов деятельности и наиболее чаще вовлечены в них.

Таким образом, не беря в расчет и не анализируя личные предпочтения внеучебного времяпрепровождения каждого студента, а отталкиваясь именно от тех видов внеучебной деятельности, которые БГУ предоставляет студентам, можно сделать вывод, что, даже если студенты не имеют достаточной информированности о работе изучаемых видов деятельности и даже если они еще не чувствовали ни в одном из них, они все равно высоко оценивают важность функционирования СНИЛ, интеллектуальных клубов и волонтерских объединений. Это означает, что все три рассмотренные направления деятельности в достаточно хорошей мере справляются со своими задачами.

Библиографические ссылки

1. Волонтерские объединения БГУ [Электронный ресурс] / режим доступа: <https://bsu.by/studentam/tsentr-volonterskoy-deyatelnosti-bgu.php> - Дата доступа: 22.04.2022
2. Интеллектуальные клубы БГУ [Электронный ресурс] / режим доступа: <https://bsu.by/studentam/vneuchebnaya-deyatelnost/kulturnaya-zhizn/kollektivy/klub-intellektualnykh-igr-bgu.php> - Дата доступа: 22.04.2022
3. Студенческая научно-исследовательская лаборатория [Электронный ресурс] / режим доступа: <https://ffsn.bsu.by/ru/studencheskaya-nauchno-issledovatel'skaya-lab.html> - Дата доступа: 22.04.2022

ВЛИЯНИЕ ТИПА ЛИЧНОСТИ НА АДАПТАЦИЮ К ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. В. Калейник

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
kaleinikanastasia@mail.ru*

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В статье описано влияние типа личности на адаптацию к внеучебной деятельности. Рассмотрена взаимосвязь наличия опыта участия в похожей деятельности до поступления и участие во внеучебной жизни университета сейчас в зависимости от типа личности. Также рассматривается тенденция наблюдать за жизнью университета через социальные сети в зависимости от типа личности.

Ключевые слова: экстраверт; интроверт; амбиверт; внеучебная деятельность; студенческие организации; социальные сети.

Наличие у студентов опыта участия во всевозможных активностях (кружках/клубах по интересам/творческих школах и т. п.) до поступления, как оказалось, имеет положительное влияние на включенность во внеучебную деятельность в БГУ. Большинство студентов, имеющих такой опыт, сейчас активно участвуют во внеучебной жизни университета. Результаты исследования свидетельствуют о том, что 30,1% респондентов, участвующих *постоянно* в деятельности различных организаций в школе, гимназии, лицее, сейчас являются членами одной студенческой организации и 33,6% – нескольких студенческих организаций; среди тех студентов, кто не проявлял особой активности до поступления, 25,7% опрошенных в настоящее время включены в деятельность одной организации и лишь 7,1% – нескольких организаций. Важно также отметить, что не все школьные «активисты» в университете сохранили свой статус – 36,4% из них сегодня не включены в общественную деятельность, но среди школьных «неактивистов» таких оказалось 67,3% опрошенных.

Стоит отметить, что внеучебная деятельность является неотъемлемым и одним из самых важных источников знаний, опыта, связей для создания перспективы на будущее и раскрытия потенциала студентов. Поэтому участие в такой деятельности играет важную роль в адаптации студентов к новой жизни.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что больше активности во внеучебной деятельности проявляют студенты, являющиеся по типу личности экстравертами. Такие студенты активно посещают мероприятия, являются членами одной или нескольких студенческих организаций, принимают участие в научных конференциях и конкурсах. Большинство из них (83,0%) ещё до поступления принимали участие в какой-либо похожей деятельности (кружках/клубах по интересам/творческих школах и т. п.), что положительным образом повлияло на их готовность принимать участие во внеучебной деятельности в университете.

Напротив, менее активное участие во внеучебной деятельности проявляют студенты, являющиеся по типу личности интровертами. Таким студентам намного удобнее работать самостоятельно, нежели в команде, им менее комфортно находиться в больших незнакомых компаниях. Треть студентов интровертов (34,4%) до поступления не принимали участие в каких-либо организациях (кружках/клубах по интересам/творческих школах и т. п.). Следовательно, эти студенты в силу отсутствия

информации и опыта сомневаются в своей способности участвовать во внеучебной студенческой деятельности, что они сами и подтвердили.

У студентов, являющихся по типу личности амбивертами, выявлена средневыраженная тенденция к активному принятию участия во внеучебной деятельности. Характер активности таких студентов варьирует между проявлениями, свойственными экстравертам и интровертам. Студенты амбиверты время от времени принимают участие в различных мероприятиях, в том числе и в качестве организаторов. Большинство из них (77,8%) ещё до поступления принимали участие в какой-либо похожей деятельности (кружках/клубах по интересам/творческих школах и т. п.), что исходя из данных исследования свидетельствует о наличии вовлеченности студентов во внеучебную деятельность теперь.

Результаты опроса показали, что 82,4% студентов по типу личности экстравертов следят за жизнью университета и работой студенческих организаций в социальных сетях. Среди амбивертов таких оказалось 70,7%, среди студентов по типу личности интровертов – 60,4%. Таким образом, большинство студентов всех типов личности следят за жизнью университета и работой студенческих организаций в социальных сетях.

Более того, 71,3% студентов следят за жизнью университета в социальных сетях. Следовательно, социальные сети являются у студентов всех типов актуальным и востребованным источником получения информации о происходящем в жизни университета.

Больше активности во внеучебной деятельности проявляют студенты, являющиеся по типу личности экстравертами. Студенты по типу личности амбиверты проявляют средневыраженную активность. Напротив, менее активное участие во внеучебной деятельности проявляют студенты, являющиеся по типу личности интровертами. Выявлено положительное влияние опыта участия в различных активностях до поступления на принятия участия во внеучебной жизни университета сейчас. Результаты исследования показали, что студенты всех типов активно следят за жизнью университета в социальных сетях.

ВЛИЯНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ОПЫТА НА АДАПТАЦИЮ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю. С. Кондерская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yulya.konderskaya@mail.ru

Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,

кандидат философских наук, доцент

В данной публикации рассматривается влияние прошлого опыта из жизни студентов-первокурсников БГУ на адаптацию к учебной деятельности. Учебная деятельность охватывает большое количество протекающих процессов и участвующих в них людей, включая одноклассников, преподавателей, знакомых, близких. Было проведено социологическое исследование в период с октября 2021 года до февраля 2022 года, где приняли участие студенты 15 факультетов Белорусского государственного университета. Количество респондентов – 471 человек суммарно.

Ключевые слова: интерес; объединения; студенты-первокурсники; учёба; характер;

На процесс и качество обучения у студентов оказывает влияние множество факторов: характер, доверие к миру и окружению в целом, заинтересованность в дисциплинах и самом процессе обучения, уровень загруженности, понимание материала, состояние и множество других аспектов. Поэтому актуально провести исследование с целью выяснения, что влияет на разные сферы жизни у студентов, одна из которых – это учебная деятельность.

Характер не всегда может являться той основной и определяющей причиной, как именно студент будет себя вести в сфере учебной деятельности. Черты личности (экстраверсия, интроверсия, амбиверсия) могут косвенно повлиять на то, насколько студент во время занятий включён в деятельность и учебный процесс, поскольку существует много факторов, которые могут способствовать, или, наоборот, оттолкнуть студента от учебы в целом: дисциплины, изучаемые в ВУЗе на определенном курсе; преподаватели, которые могут как расположить к себе студента, так и оттолкнуть, вызвать раздражение; количество заданий; уровень, знания и понимания тем на занятиях, желание уйти с пар пораньше или не приходить и заниматься своими делами. Но чтобы лучше выяснить такой аспект как заинтересованность в обучении и влияние на

него характера у студентов, обратимся к данным, которые были получены в ходе исследования.

Среди тех, чей интерес к учёбе является наиболее выраженным, оказались экстраверты (43,3%). Причиной этого может стать легкое приспособление экстравертов к новому коллективу, возможность пойти на контакт не только с однокурсниками, но и с преподавателями, в случае возникновения каких-либо вопросов. Каждый второй студент с интроверсией ответил, что учиться было, скорее всего интересно.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что в первом семестре Вам было интересно учиться?» по типу характера, в %

Варианты ответа	Тип характера		
	Экстраверт	Амбиверт	Интроверт
Да, это так	43,3	37,9	36,0
Скорее так	44,5	44,3	50,0
Скорее не так	9,1	13,6	9,8
Совершенно не так	2,4	2,1	1,8
Затрудняюсь ответить	0,6	2,1	2,4

Связь с участием в организациях, творческих школах и кружках с дальнейшим обучением была выявлена у части респондентов. Студентов-первокурсников, которые постоянно участвовали в общественных объединения до поступления и обучались сверх установленной программы, оказалось 35,9%, меньший показатель был дан теми, кто занимался сверх установленной программы, но не участвовали активно в подобных объединениях – 22,8%. Можно предположить, что хоть кружки, творческие школы, организации помогают так или иначе социализироваться будущим первокурсникам, но при этом вряд ли они как-то перекликались тематически со специальностями, выбранными впоследствии студентами, если они не шли целенаправленно на кружки, которые касаются так или иначе тематики предмета и специальности. Подобного рода занятия и увлечения до самого поступления могут помочь с расширением социального опыта и взаимодействия в коллективах, но на то, будет ли студент учиться больше установленной программы вряд ли повлияет, так как даже сам студент иногда не знает чего ожидать от конкретных преподавателей, предметов, занятий, возможно, что ему не понравится, а может быть и наоборот всё: понравилось настолько и

заинтересовало, что стал изучать специфику предметов намного сильнее, активнее готовится.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что в первом семестре Вы занимались сверх установленной программы?» в зависимости от опыта участия в общественных объединениях до поступления, в %

Варианты ответа	Да, участвовал постоянно	Да, участвовал время от времени	Нет, не участвовал
Да	35,9	29,4	22,8
Нет	62,7	66,8	68,4
Затрудняюсь ответить	1,4	3,8	8,8

При этом, если на учебу творческие школы и организации слабо влияют, то такого нельзя сказать о влиянии на желание у студентов дальнейшего участия в научных конференциях или конкурсах: 52,1% респондентов, которые были особенно активны в школе, гимназии, планируют в будущем принимать участие в научных конференциях или конкурсах, а среди тех, у кого не было опыта включения в деятельность клубов, творческих школ, только каждый третий (33,7%) заявил таких планах. Вероятно, здесь играет роль, что в организациях (творческих, по интересам) есть направление на какое-то конкретное занятие, вид деятельности, тематику, научные конференции и конкурсы тоже этим схожи, и, помимо определенной тематики, там ты должен быть активно вовлечен в процессы: от начальных стадий, где люди продумывают план, готовят, и презентуют его. Из-за перекликающихся и схожих подходов, студентам может стать интересно попробовать себя в чём-то новом, помимо учебной деятельности.

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос «Планируете ли Вы в будущем участвовать в научных конференциях/конкурсах в первом семестре?» в зависимости от опыта участия в общественных объединениях до поступления, в %

Варианты ответа	Планирую принимать участие	Не могу сказать определённо	Не планирую
Да, участвовал постоянно	52,1	38,5	9,4
Да, участвовал время от времени	46,6	47,8	5,6
Нет, не участвовал	33,7	51,5	14,9

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ ВО ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. А. Корнеевец, А. И. Абраев

Белорусский государственный университет, г. Минск;

max.berg711@gmail.com, lekha.abray@mail.ru

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

Данная работа посвящена изучению адаптации студентов первого курса в рамках внеучебной деятельности, предполагающей участие в общественной деятельности университета. Рассматриваются вопросы членства студентов в студенческих объединениях, включенность в организацию и посещение мероприятий, участие в научных конференциях и конкурсах. В работе рассматриваются факторы, оказывающие влияние участие в жизни университета.

Ключевые слова: адаптация; внеучебная деятельность; студенческие организации; научные конференции.

Внеучебная деятельность студентов, предполагающая их участие в общественной деятельности университета, является важной составляющей жизни большого числа учащихся. Внеучебную деятельность студентов можно рассматривать как дополнение к традиционной учебной практике. Студенты, активно участвующие в организации различных мероприятий, приобретают ряд важных качеств, способствующих их дальнейшей профессиональной реализации. Кроме этого, внеучебная активность способствует расширению социальных связей студента, более активному его включению в новую социальную среду. Участие в общественной жизни БГУ, таким образом, можно рассматривать как некий транзит между персональными установками студента, его интересами, возможностями и университетом.

Одна из задач социологического исследования «Особенности адаптации студентов первого курса БГУ», проведенного в феврале-марте 2022 г. заключалась в изучении эффективности включения студентов в общественную жизнь университета. Объектом исследования выступили студенты первого курса, обучающиеся на 15 факультетах БГУ. Для отбора респондентов использовалась кластерная выборка: на каждом факультете случайным образом было отобрано 2 группы студентов, обучающихся на первом курсе, после чего в каждой группе проводился сплошной опрос.

Объем выборочной совокупности составил 475 человек, в том числе 186 юношей и 289 девушек.

Можно выделить три основных направления, в рамках которых студенты первого курса БГУ имеют возможность принять участие в общественной жизни университета: управленческое, творческое и научное. Два первых из них реализуются, в первую очередь, благодаря студенческим организациям, работающим в БГУ. Научное направление реализуется с помощью возможности участия студентов в научных конференциях, конкурсах и т.п.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что каждый второй (50,7%) студент первого курса является членом студенческой организации, из них 18,1% опрошенных на момент проведения исследования являлись членами нескольких студенческих объединений. Такие данные могут свидетельствовать о высокой включенности студентов первого курса в общественную жизнь университета. Однако принадлежность к студенческой организации ещё не говорит об участии студентов в общественной деятельности, поскольку часть студентов могут являться лишь формальными членами студенческих объединений. Кроме этого, участие в жизни университета предполагает и пассивные его формы, такие как посещение мероприятий или же наблюдение за ними через социальные сети. Результаты исследования показали, что активно участвовали в организации студенческих мероприятий треть (34,0%) опрошенных студентов. Фиксируется значительная разница между активистами юношами и девушками – соответственно 28,8% и 37,2%.

Студенты первого курса в основном предпочитают посещать мероприятия в качестве зрителя (45,8%) или следить за жизнью университета через социальные сети (71,4%). Полученные данные свидетельствуют о том, что работа студенческих объединений вполне эффективна и интересна значительной части первокурсников, следовательно, можно говорить об относительно высокой включенности студентов в общественную жизнь университета. Это способствует успешной социальной адаптации первокурсников в университетской среде.

Ещё одним важным направлением внеучебной деятельности студентов является участие в научных конференциях и конкурсах. Результаты исследования свидетельствуют о том, что 15,7% опрошенных студентов в первом семестре принимали участие в подобных мероприятиях. Это является высоким показателем с учётом того, что первокурсники не

владеют ещё достаточным объёмом написанных ранее работ и необходимыми компетенциями.

Почти половина (45,0%) студентов первого курса, не принимавших участие в научных конференциях, хотели бы принять участие в будущем. Почти столько же (46,0%) первокурсников затруднились высказаться о своем будущем участии в конференциях/конкурсах, так как не очень представляют, что для этого необходимо предпринять. Таким образом, стоит отметить необходимость в популяризации данного вида внеучебной деятельности, чего можно достичь благодаря поощрениям и активному вовлечению студентов со стороны администрации или преподавателей.

Так как опрос проводился на 15 факультетах БГУ, при анализе необходимо учитывать традиции и особенности, которые сложились на каждом из них. Анализ позволил выявить прямое влияние профиля факультета на посещение студентами мероприятий БГУ, а также на участие студентов в научных конференциях в первом семестре. Студенты экономического факультета показали наибольшую активность участия в мероприятиях как зритель (53,1%) и участия в научных конференциях/конкурсах (35,6%). Наименьшую активность в данных направлениях внеучебной деятельности показали студенты, обучающиеся на факультетах естественно-научного профиля (38,1% и 9,6% соответственно).

Также было выяснено, что место проживания студента оказывает прямое влияние на его внеучебную активность. Студенты, проживающие в общежитии, чаще включены в деятельность одной или нескольких студенческих организаций. Причиной этого может являться то, что студенты, проживающие в общежитии, находятся в более тесных социальных связях со студентами разных групп, специальностей и факультетов, нежели те студенты, которые проживают одни на съёмной квартире или с родителями. Более развитые и тесные социальные связи способствуют активному обмену информацией о тех или иных формах внеучебной деятельности и, соответственно, могут влиять на включенность студентов в неё.

Каждый студент имеет свой индивидуальный опыт участия в общественных объединениях. Проведённый анализ свидетельствует о том, что участие в общественных организациях в прошлом влияет на внеучебную активность студентов после поступления. Студенты, которые до поступления в университет участвовали в каких-либо общественных организациях, с большей вероятностью будут являться членами

студенческих организаций в БГУ, а также принимать активное участие в общественной жизни университета и как организаторы, и как участники мероприятий. Это связано с тем, что интерес к различным общественным организациям был сформирован у студента ещё во время обучения в школе, гимназии, лицее и сохранился после поступления в высшее учебное заведение.

Таким образом, можно наблюдать, что в БГУ созданы необходимые условия, способствующие включению студентов первого курса в общественную жизнь университета. Укрепление сформированных основ и совершенствование существующих инструментов позволит обеспечить комфортную адаптацию студентов к университетской среде. Для этого необходимо способствовать развитию студенческого самоуправления, разрабатывать новые и улучшать уже имеющиеся системы поощрений и обеспечить высокий уровень информированности студентов об имеющихся формах внеучебной деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.*, Социальная психология личности. / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая – М.: 2001. – С. 301.
2. *Сергеев Р.В.*, Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа / Р.В. Сергеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. – 2010. – №1. – 32–39 с.

АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ПЕРВОКУРСНИКОВ БГУ К УНИВЕРСИТЕТСКИМ СТРУКТУРАМ

М. А. Корнеевец, М. С. Чуешова

*Белорусский государственный университет, г.Минск;
max.berg711@gmail.com, marina.chueshova@gmail.com*

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

Данная работа посвящена анализу обращений студентов первого курса за помощью к университетским структурам, таким как администрация университета и студенческие организации. Для анализа используются данные, полученные в ходе исследования «Особенности адаптации студентов первого курса БГУ». В работе рассматривается частота обращений студентов к представителям администрации и студенческих объединений, а также рассматривается оценка качества оказанной помощи по мнению обращающихся за ней студентов.

Ключевые слова: адаптация; обращения за помощью; администрация БГУ; студенческие организации БГУ.

Самый сложный этап в жизни студента – это первые полгода его обучения в университете, сопряжённые с постоянным стрессом, вызванным сменой социальной среды, новым социальным окружением, повышением требований и обязательств. Иногородние студенты становятся менее зависимыми от родителей, начинают в полной мере осваивать бытовые практики. С этим же этапом связаны высокие риски отчисления студента. Успешность реализации студента в новых социальных условиях во многом определяются его социальной адаптацией – процессом активного приспособления к новой социальной среде, сопровождаемого усвоением новых социальных практик и ценностных установок. Однако не всегда студент способен решить возникшие проблемы самостоятельно. Анализ обращений студентов первого курса за помощью позволит оценить эффективность инструментов решения проблем студентов, использующихся в университете.

Для анализа обращений студентов в феврале-марте 2022 г. было проведено социологическое исследование, объектом которого выступили студенты первого курса, обучающиеся на 15 факультетах БГУ. Для отбора респондентов использовалась кластерная выборка: на каждом факультете случайным образом было отобрано 2 группы студентов первого курса, после чего в каждой группе проводился сплошной опрос. Объем выборочной совокупности составил 475 человек, в том числе 186 юношей и 289 девушек.

Административная структура БГУ предполагает многоступенчатую систему, что позволяет студенту обращаться за помощью к различным представителям администрации университета. Исходя из результатов исследования, 19,2% студентов первого курса в течение первого семестра обращались за помощью к администрации БГУ. Юноши обращались за помощью немного чаще, чем девушки (22,3% и 17,3% соответственно). Чаще всего студенты обращались за помощью к заместителю декана факультета (60,0%) и к куратору группы (57,8%). Среди студентов, проживающих в общежитии и обращавшихся за помощью, 44,9% просили помощи у заведующего или воспитателя общежития. Реже всего студенты обращались за помощью к ректору и проректору университета (2,2% и 1,1% соответственно). Говоря об эффективности оказанной помощи, большая часть студентов указала, что удовлетворены оказанной помощью

со стороны администрации (85,7%), 9,9% студентов высказали среднюю степень удовлетворенности, а 4,4% оказались не удовлетворены. Причем значимых различий в оценке удовлетворенности оказанной помощью между юношами и девушками не наблюдается. Можно сделать вывод, что для студентов первого курса обучения обращение за помощью к администрации БГУ представляется востребованным и эффективным способом решения возникших трудностей.

Помимо администрации БГУ помочь студенту в решении его проблем могут и студенческие организации. Как правило, к помощи подобных объединений обращаются лишь те студенты, которые активно участвуют в жизни университета. Этим объясняется незначительное число обращений студентов первого курса к студенческим организациям за помощью – 5,9%. Самыми популярными студенческими организациями, к которым студенты обращались за помощью, оказались Студенческий совет БГУ и Творческий союз БГУ. Однако стоит отметить, что данное распределение ответов может быть связано с тем, что в число опрошенных студентов с большей вероятностью входили студенты, являющиеся членами данных организаций, так как они являются одними из самых крупных по численности студенческими объединениями. Несмотря на малочисленность обращений, опрошенные студенты чаще всего отмечали, что удовлетворены оказанной помощью – 24 из 28 студентов, которые обращались за помощью, выбрали данный вариант ответа.

Таким образом, обращение за помощью к студенческим организациям на сегодняшний день является непопулярным способом решения возникших у студента первого курса проблем. Низкое число обращений за помощью можно объяснить недостаточной информированностью студентов о том, что подобные организации могут оказывать различного рода помощь не только членам организациям, но и всем желающим. Кроме этого, помощь студенческих организаций менее доступна, чем помощь администрации БГУ, так как студент не всегда может знать, как ему связаться с представителями студенческих объединений.

Библиографические ссылки.

1. *Сергеев, Р.В.* Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа / Р.В. Сергеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. – 2010. – №1. – 32–39 с.

МОТИВЫ СОВМЕЩЕНИЯ УЧЕБЫ И РАБОТЫ СТУДЕНТАМИ БГУ

А. Е. Костеневич, М. В. Каленкович

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
Knopoch4ka@gmail.com, Kalenkovich@internet.ru
Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

Данная работа посвящена изучению мотивов совмещения учебной и трудовой деятельности студентов 3 и 4 курса БГУ. В публикации отражены результаты анкетного опроса, проведенного в ноябре-декабре 2021 года с использованием Goggle Forms. Выборочная совокупность составила 1541 студент 3-4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ. Материалы статьи могут выступать основой для проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: мотивы; учебная деятельность; трудовая занятость; профессиональный опыт; карьера.

Студенческую трудовую занятость можно рассматривать в различных аспектах и соответственно трактовать, как стремление молодежи к независимости от старшего поколения. Часто речь идет о вторичной занятости: в течение учебного года, наряду с основным видом деятельности (получением образования), молодые люди выполняют различные виды работ за денежное вознаграждение.

Однако трудовая деятельность, безусловно, влияет на процесс обучения за счет уменьшения времени, отводимого на посещение лекций, подготовку к семинарским, лабораторным занятиям, написание научных работ и другие виды учебной деятельности.

Студентам 3-4 курсов Белорусского государственного университета предлагалось ответить на вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?».

Результаты исследования показали, что более половины (52,5%) студентов, обучающихся на 3 и 4 курсе, имеют работу или подрабатывают время от времени, 19,2% юношей и девушек находятся в поиске работы. Данный факт может говорить о том, что студентам не хватает стипендии и финансовой поддержки родителей, если таковая имеется.

Анализ полученных данных позволяет зафиксировать некоторые различия по полу и курсу обучения. Среди опрошенных юношей почти треть (31,8) имеют постоянную работу, среди девушек – 23,2%, находятся в поиске работы 20,8% девушек и 15,7% юношей. Число юношей и девушек, имеющих работу на 4 курсе, увеличилось практически в два раза,

а число не работающих, в свою очередь, почти в два раза уменьшилось. Данный факт может свидетельствовать, во-первых, о том, что к 4 курсу учебный график студентов, по-видимому, становится более свободным, они могут совмещать трудовую и учебную деятельность без вреда для последней. Во-вторых, работа во время учебы – это еще и возможное место работы после окончания университета.

В ходе проведенного исследования выяснялись доминирующие причины, по которым студенты совмещают учебную и трудовую деятельность. Им предлагалось ответить на вопрос «Почему Вы пошли работать?». Полученные результаты свидетельствуют о том, студенты в 4 из 5 случаев совмещают работу и учебу, чтобы иметь собственные деньги, независимость от родителей. Половина (49,6%) студентов совмещают учебу с работой для получения профессионального опыта, более четверти (26,6%) работают с целью установить контакты и наладить связи, которые могут пригодиться в будущем. Популярны ответы «необходимость оплачивать жильё» (23,5%), «проведение свободного времени с пользой» (22,6%).

Обнаружились различия ответов по полу: юноши чаще, чем девушки совмещают работу с учебой с целью получить профессиональный опыт (соответственно 56,7% и 46%,) а также с целью установить полезные контакты (соответственно 30,3% и 24,7%). Возможно, это связано с тем, что юноши более обеспокоены своей профессиональной карьерой.

Студентам также задавался вопрос «Связана ли Ваша работа с получаемой специальностью?». Данные исследования свидетельствуют о том, что у 30,9% студентов работа связана непосредственно, 29,3% связана косвенно, и у 39,8% опрошенных не связана вовсе. Студенты, у которых работа непосредственно или косвенно связана с получаемой специальностью, значительно чаще идут работать для получения профессионального опыта – 70,4%, тогда как только 18,1% студентов, работающих не по специальности, указали эту причину. О возможностях установить контакты и наладить связи также чаще указывали те, кто работает по специальности или в смежной области (соответственно 28,5% и 23,7%).

Одной из важных причин трудоустройства для почти трети (30,5%) студентов, у которых работа не связана с получаемой специальностью, стала необходимость оплачивать жилье. У тех, кто имеет непосредственно или косвенно связанную со специальностью работу, только 18,9% респондентов указали на эту причину. Работающие не по специальности

чаще вынуждены частично/полностью оплачивать обучение в университете (16,5% против 9%).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Почему Вы пошли работать?» в целом по массиву, по полу, в %

Причины	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Независимость от родителей, наличие собственных деньги	79,1	76,5	80,4
Проведение свободного времени с пользой	22,6	21,7	23,2
Необходимость частично/полностью оплачивать обучение в университете	12,0	13,7	11,1
Для получения профессионального опыта	49,6	56,7	46,0
Желание повысить престиж в глазах окружающих	3,5	5,4	2,4
Необходимость материально поддерживать родителей	13,0	13,0	13,0
Необходимость оплачивать жильё	23,5	21,1	24,7
Возможность установить контакты и наладить связи, которые могут пригодиться в будущем	26,6	30,3	24,7
Другое	4,3	5,1	4,0

Таким образом, главными мотивами совмещения учебной и трудовой деятельности студенческой молодёжью является собственное желание, направленное на возможность быть независимым, установление новых связей или получение профессионального опыта. Следует также учитывать, что многие студенты работают, чтобы оплатить жильё, оплатить (частично или полностью) обучение в университете, материально поддержать родителей.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Е. Костеневич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Kporoch4ka@gmail.com

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна, доцент
кафедры социологии, кандидат философских наук, доцент*

Исследование направлено на изучение особенностей адаптации студентов первого курса БГУ к учебной деятельности. Рассматриваются факторы, которые могут повлиять на уровень адаптированности студентов: форма обучения, профиль факультета и место обучения до поступления в БГУ. Для анализа используются данные, полученные в ходе социологического исследования «Особенности адаптации студентов первого курса БГУ». Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: проблемы адаптации; посещаемость; учебная деятельность; профили факультета; успеваемость.

Первокурсники по-разному реагируют на смену условий, часть из них достаточно быстро приспосабливается к новой форме учебного процесса, что проявляется в их более высокой успеваемости и большей включенности в учебный процесс по сравнению с той частью студентов, для которой адаптация к студенческой жизни оказалось затруднительной. Таким образом, для социологов представляется возможным исследовать и оценить адаптацию студентов первого курса в учебной деятельности.

Показателем адаптации студентов к учебному процессу является их отношение к учебной деятельности. Как правило, те студенты, которые не испытывают проблем в приспособлении к новой форме обучения, с большим интересом относятся к учебному процессу, систематически и в полном объеме готовятся к учебным занятиям, не испытывают сложностей в понимании учебного материала, в полную меру своих сил учатся на протяжении семестра и проявляют заинтересованность в изучении дисциплин сверх установленной программы.

Эмпирической базой для анализа уровня адаптированности первокурсников к учебному процессу послужили результаты социологического исследования «Особенности адаптации студентов первого курса БГУ», проведенного в феврале-марте 2022 г. Объектом исследования выступили студенты первого курса, обучающиеся на 15 факультетах БГУ. Для отбора респондентов использовалась кластерная

выборка: на каждом факультете случайным образом было отобрано 2 группы студентов, обучающихся на первом курсе, после чего в каждой группе проводился сплошной опрос. Объем выборочной совокупности составил 475 человек.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство студентов ответственно относятся к учебной деятельности и в достаточной мере включены в учебный процесс: 85% респондентов отметили, что им было интересно учиться и 59,7% - усваивали материал без особых трудностей, 79,7% систематически готовились к занятиям, почти столько же (77,8%) в полном объеме выполняли все задания, почти две трети (61,6%) первокурсников учились в полную меру своих сил и способностей. Были и те студенты, которые занимались сверх установленной программы – 29,4%. Значимых различий между юношами и девушками не наблюдается, за исключением позиции «Учились в полную меру своих сил и способностей», где разница между ними составила 16,1% (51,8% и 67,9% соответственно).

Трудности, связанные с включением в студенческую жизнь, могут оказать негативное влияние на посещаемость занятий студентами.

Исходя из распределения ответов видно, что две трети (65,3%) студентов в течение первого семестра пропускали учебные занятия по неуважительным причинам, однако почти в половине случаев делали они это достаточно редко – 1-3 раза за первый семестр (30,7%). Значительной разницы в пропусках между юношами и девушками не прослеживается, хотя юноши и позволяли себе пропускать занятия чуть чаще (67,3% и 64,1% соответственно). Данное обстоятельство может свидетельствовать о недостаточно высоком уровне ответственности студентов по отношению к учебной деятельности, что, в свою очередь, говорит о некоторых трудностях в адаптации к учебной деятельности части студентов.

Проблемы, связанные с адаптацией в рамках учебного процесса, сказываются и на успеваемости студентов – более адаптированные первокурсники показывают на первой сессии более высокие результаты чем те, кто на протяжении семестра испытывал проблемы, связанные с учебным процессом.

Рассмотрение всех перечисленных показателей как индикаторов адаптации студентов в рамках учебной деятельности позволяют понять, насколько студенты первого курса готовы включиться в студенческую действительность.

В ходе разработки программы исследования нами была сформулирована гипотеза о том, что на адаптацию в рамках учебного процесса оказывает влияние форма обучения студента, профиль его факультета и место обучения до поступления в БГУ. В процессе анализа полученных данных, для более подробного рассмотрения воздействия различных факторов на уровень включенности студентов в учебную деятельность, был проведён корреляционный анализ, в результате которого выявлено, что на адаптацию к учебной деятельности не оказывают влияние никакие из рассмотренных факторов.

Предполагалось, что студенты, обучающиеся на платной основе, будут испытывать больше трудностей в адаптации к учебному процессу, поскольку изначально они поступают по более низкому проходному баллу, однако, как показывают данные исследования, данная гипотеза не подтвердилась. Условия для адаптации к учебному процессу не зависят от формы обучения – платная или бюджетная.

Также, была выдвинута гипотеза о том, что профиль факультета оказывает влияние на адаптацию студентов к учебному процессу. Всего было выделено 4 профильных направления: экономическое, техническое, социально-гуманитарное и естественно-научное направления. Эта гипотеза также не подтвердилась, что свидетельствует о создании в БГУ одинаково комфортных условий для адаптации студентов разных профилей к учебной деятельности.

Предполагалось, что предыдущее место обучения студента может оказывать влияние на его адаптацию к учебному процессу. Нами рассматривались следующие типы учебных заведений, в которых студент мог обучаться до поступления: школа, гимназия, лицей, профессиональный лицей, техникум, ВУЗ. В каждом из них существуют свои специфические особенности протекания учебного процесса, которые так или иначе могли бы влиять на адаптацию студента в университетской среде. Данная гипотеза была опровергнута – предыдущее место обучения не оказывает влияния на адаптацию студентов в рамках учебной деятельности.

Таким образом, есть основания говорить о том, что в БГУ созданы условия, способствующие комфортной адаптации студентов к учебному процессу вне зависимости от формы их обучения, профиля факультета и места обучения до поступления в университет.

МОДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ VS ПРАКТИКИ XXI ВЕКА

А. А. Лукашевич

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно;

lina_lukashevich@mail.ru

*Научный руководитель – Касяновская Анна Станиславовна,
кандидат исторических наук, доцент*

Мода рассматривается в публикации как наиболее важный инструмент социальной организации. Проводится анализ классических теорий моды: немецкого философа и социолога Георга Зиммеля, английского философа и социолога Герберта Спенсера и французского социолога и криминалиста Жана-Габриэля Тарда. На основе анализа выявлено сходство: сопряжение понятий моды с механизмом принуждения и подражания. Специфика принуждения модного процесса состоит в «навязывании» массовому потребителю моделей, являющихся символами престижной современности. В связи с этим потребность в престиже, уважении и самоуважении является одной из важнейших потребностей человека. Потребление, в частности потребление модной одежды, является одной из сфер, в которых эта потребность реализуется и удовлетворяется. Описание модных тенденций 21 века и их отражение в сознании людей позволяет наиболее полно охарактеризовать формирование грядущих современных модных интенций и освещает дальнейшие задачи социологического осмысления моды.

Ключевые слова: мода; подражание; массовое потребление; модное сознание.

Социологическое определение моды сводится к представлению о некотором массовом явлении, принятом в определённой группе людей, способное определять престиж человека и воздействовать на него через механизм принуждения.

Многие социологи обратились к теме моды с момента рождения дисциплины: немецкий философ и социолог Георга Зиммель [1], французский социолог и криминолог Жан-Габриеля Тарда [3], а также английского философа и социолога Герберт Спенсер [2].

Спенсер рассматривает моду как способ и механизм принуждения, оформившийся в рамках института обычая. Мода возникает как секуляризированная форма самопрезентации на этапе полной десаκραлизации власти и на основе подражания поведению «знатных» лиц, по отношению к которым все остальные выступают как зрители.

Мода, по мнению Георга Зиммеля, является институтом подражания. Как социальный институт она представляет собой подражание образцу и этим “удовлетворяет потребности в социальной опоре, приводит

отдельного человека в колею, по которой следуют все, дает всеобщее превращающее поведение индивида просто в пример [1].

Аналогичным образом в рамках своей общей социологической теории анализирует феномен моды Жан-Габриель Тард [3]. В своем основном научном труде “Законы подражания”, вышедшем на французском в 1890 г., Тард создает фундаментальную теорию человеческого поведения и социальных отношений, основой которых является имитация, или подражание. Подражание рассматривается ученым в качестве универсального объяснительного принципа всей жизни — как индивидуальной, так и общественной.

В работах классиков социологии можно выделить сходство: концепция моды сопряжена с механизмом принуждения, либо находит своё отражение через феномен подражания.

Механизм принуждения прослеживается и в рамках большинства идей, находящихся своё отражение в сознании людей и существующих на просторах XXI века. В момент, когда идеи воспринимаются в сознании субъектов как их собственный независимый выбор, траектория желания индивида уже подчинена желанию извне.

Таким образом, модное сознание — как всякое другое — упорядочивает социальное бытие, оформляет его в мир-для-индивида, делает этот мир максимально комфортным и минимально затратным для него, при этом оставляя модные интенции лишёнными целесообразности и смыслового наполнения.

Задача социологического понимания моды, в данной связи, заключается в том, чтобы выйти за рамки изучения одежды и внешних атрибутов и заняться более глубоким и детальным изучением основополагающих практик и представлений, отражающих исходный базис данного феномена, необходимый для построения целостной картины мира.

Библиографические ссылки

1. Мельникова-Григорьева Е. Принуждение к свободе: модный приговор Петра I / Е. Мельникова-Григорьева // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. — 2009. — № 11. — С. 98
2. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер // [Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина]. — Минск: Совр. литератор, 1998. — С. 1407.
3. Тард Г. Законы подражания / Г. Тард // [перевод с французского] — Москва: Академический проект, 2011. — С. 84–302.

МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Н. Н. Лысенко

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
gormosk@gmail.com*

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна, кандидат
философских наук, доцент*

В публикации автор рассматривает мотивационные установки студенчества в сфере предпринимательской деятельности. Приводятся результаты исследования студенческих эссе на тему предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство; мотивационные установки; студенчество.

Изучение предпринимательства берет свое начало еще в восемнадцатом веке. Впервые термин «предпринимательство» использует банкир и экономист Р. Кантильон в его книге «Очерк о природе торговли», изданной в 1755 году в Лондоне [1]. Под предпринимателем он понимал некое лицо, по известной цене приобретающее товар, но продающее товар по заранее не зафиксированной стоимости, то есть рискует, чтобы получить прибыль, которая также является непредсказуемой. Согласно Кантильону предприниматель ориентирован на получение максимальной прибыли, и эта ориентация приводит к тому, что риск и готовность к потерям являются определяющими чертами предпринимателя. Также, по Кантильону, предприниматель – это индивид, который устремлен в будущее, открыт к инновационной деятельности и обладает предрасположенностью к прогнозированию ситуации на рынке.

Риск, инновационность и получение прибыли как цель деятельности в списке ключевых для предпринимателя качеств называют и другие исследователи: Ж. Бодо, Ж.-Б. Сея, Ф. Кенэ, А. Смит [3].

Идеи инновационной и новаторской составляющей деятельности предпринимателя развивает Йозеф Шумпетер. В труде «Теория экономического развития» он описал генезис предпринимательской деятельности с точки зрения не только экономических функций, но и оценив социальную роль предпринимателя в обществе. Согласно Шумпетру, предприниматель – это хозяйственный субъект, главной задачей которого является реализация новых комбинаций, выступающих как активный элемент [4]. Предприниматель создаёт новые, ранее

неизвестные потребителю блага, которые, соответственно, обладают новыми качествами.

Идеи Шумпетера получили развитие и в советской и российской социологии: активным продолжателем его концепции предпринимательской деятельности можно назвать В.В. Радаева. Он определяет предпринимательство как осуществление организационной инновации с целью извлечения прибыли или иного дополнительного дохода, а также перечисляет три составляющих предпринимательства. Это – организационное действие, инициирование изменений и денежный доход как цель и критерий успешности. Схожее видение деятельности бизнесмена озвучивали и другие российские исследователи – А.И. Агеев, В.И. Верховин, С.Б. Логинов, А.В. Безгодов [3].

Обобщая данные представления можно выделить следующие, наиболее яркие, характерные черты предпринимательской деятельности: это разновидность хозяйственной деятельности, целью которой является получение максимальной прибыли; при этом данная деятельность носит инновационный характер, осуществляется в слабопредсказуемых условиях и отличается рискованностью.

Основным вопросом при изучении предпринимательства и личности предпринимателя является мотивация, которая объясняет причины и цели данной деятельности. Этимологически слово «мотивация» восходит к латинскому «*motus*», что означает «движение». В современности же мотивацию принято определять, как совокупность внутренних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности [3].

Здесь, для определения специфики мотивации предпринимателя, вновь сошлемся на признанного классика – Шумпетера. Он выделял [4] три основных группы мотивов предпринимательской деятельности, которые мы условно обозначим как:

Мечты об империи – мечта и воля основать свою частную империю. Подразумевает под собой свободу, условия для развития личности, стремление господствовать над окружающими людьми и т.п.

Воля к победе – желание борьбы и победы в ней, а с другой – стремление к успеху ради успеха. Величина прибыли здесь – показатель успеха и символ победы.

Радость творчества.

Далее в данной работе совершена попытка изучить представление студенчества о предпринимательской деятельности и определить основные мотивационные установки данной деятельности. С этой целью был

проведен контент анализ 78 студенческих эссе на тему «Почему я (не)хочу\ (не)могу быть предпринимателем».

По итогам проведения контент-анализа, можно сказать, что основные мотивационные установки студенчества совпадают с описанными Шумпетером (рис. 1).

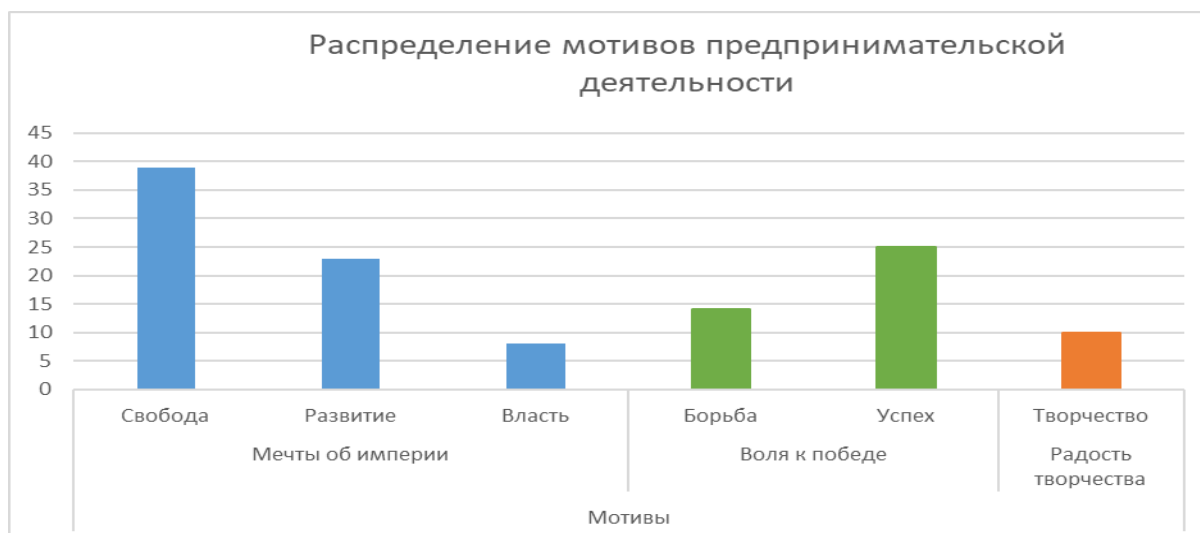

Рисунок 1 - Мотивы предпринимательской деятельности студенческой молодежи

Основным мотивом стала свобода, подразумевающая под собой в первую очередь, независимость ведения деятельности.

Помимо этого можно отдельно выделить такой мотив, как общественное благо – некоторые студенты объясняют свое желание заняться предпринимательской деятельностью желанием приносить пользу обществу.

Представления о предпринимательской деятельности студентов в основном совпадают, с описанными выше характерными чертами предпринимательской деятельности (рис. 2).

Рисунок 2 - Представления о предпринимательской деятельности студенческой молодежи

Тем не менее, можно выделить такие распространенные представления как:

Удача – некоторые студенты считают, что предпринимательская деятельность в большей степени опирается на удачу, чем на какие-либо рациональные действия предпринимателя.

Социальные связи – некоторые студенты считают, что предпринимательская деятельность во многом состоит из развития и укрепления социальных связей, и требует развитых коммуникативных навыков.

По мимо этого многие студенты связывают предпринимательскую деятельность с высоким уровнем стресса, «бумажной работой», высокой загруженностью и отсутствием свободного времени. Тем не менее существует и обратное мнение – предпринимательство связывают с «пассивным» доходом, считают данный вид деятельности легким, не требующим больших усилий.

Библиографические ссылки

1. Блауг, М. Очерк Кантильона. Экономическая мысль в ретроспективе // Дело. – Москва, 1994. 345 с
2. Здравомыслов, А. Г. Человек и его работа в СССР и после // АспектПресс. – М., 2003. – 485 с
3. Радаев, В. В. Экономическая социология // Изд. дом ГУ-ВШЭ, – Москва, 2005. – 203 с
4. Шумпетер И. Теория экономического развития. М., 1982.

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО БИЗНЕСА Г. МИНСКА В СФЕРЕ ДЕЛОВЫХ ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Д. М. Манвелян

Белорусский государственный университет, г. Минск;

dianeliya1910@gmail.com

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В последние 20 лет активного изучения проблематики делового взаимодействия, исследователи параллельно друг другу развивают две противоположные методологические концепции социальных рыночных отношений. С одной стороны, некоторые исследователи отмечают, что прагматичность, материальная и нематериальная выгода, конкурентоспособность и конкуренция – это то, что в наибольшей степени отражает современное состояние рыночной сети. С другой стороны, мы можем говорить о развитии понимания феномена конкуренции в позитивном ключе, а также об упрочнении главенствующих позиций среди делового взаимодействия концепции партнерства.

Ключевые слова: ценностные установки; деловые партнерские отношения; доверие.

Сложившаяся тенденция индивидуализации личности позволяет различным единицам социального взаимодействия выступать в качестве активного субъекта как в сфере эмоциональных, так и экономических отношений. В связи с этим особое внимание привлекает сложившаяся проблемная ситуация, которую мы можем обозначить как конфликтность материальных и ценностных установок субъектов в процессе поиска, формирования и развития деловых партнёрских отношений.

В исследовании теории социально укорененных связей «Источники и последствия укоризненности для экономической эффективности организаций» Брайан Уцци выделял два типа рыночных отношений, исходя из степени психологического взаимодействия между субъектами: первые он определял как рыночные, или свободные, отношения, вторые – особые, близкие отношения. Свободные рыночные отношения характеризуются разовостью или непостоянством коммерческих сделок, содержательный смысл которых определяется размером издержек, прибыли, коммерческой выгоды и не выходят дальше экономической стороны обсуждаемого вопроса. Такие партнеры могут выстраивать как партнерские, так и конкурентные отношения друг с другом одновременно, но в разных аспектах или этапах экономической деятельности. Также

респонденты отмечали, что подобные отношения максимально социально десантированные и не касаются эмоционально-психологических аспектов субъектов [5].

С другой стороны, тесные, детерминированные социальными связями отношения рыночных субъектов наделялись респондентами такими характеристиками, как доверие, интерес, социальная близость, «дружба» и даже «семья» по бизнесу. Именно этот тип социальных деловых отношений, согласно Б. Уцци, и определяется как социально укорененный.

Помимо этого, социально укорененные отношения определяются особыми чертами взаимодействия, невозможными в иных условиях делового партнерства, а именно:

1. Обменом достоверной информацией;
2. Механизмом совместного решения проблем;
3. Доверием между партнерами.

Феномен доверия в предпринимательской партнерской деятельности активно изучался кандидатом психологических наук М. Е. Балаксином. Доверие определяется им как один из ключевых социально-психологических факторов успешности межорганизационной совместной рыночной деятельности [2]. Формируется доверие как на межгрупповом, так и на межличностном уровнях, что вносит определенную субъективность в оценку успешности подобной деятельности. Доверие между партнерами выполняет ряд определяющих для партнерства функций [1], таких как: мотивационная; адаптивная; функция социальной безопасности; функция снятия социального напряжения; оценочная; регулятивная; коммуникативная.

Иначе говоря, рынок развивается в полноценный «организм», наделенный разными не только экономическими, но и социально-политическим и социокультурными контекстами, в рамках которых предпринимательская деятельность и ее социальный характер укореняется в институтах, устанавливающих определенный тип отношений в рыночной среде, регулируемой не только легитимными правовыми актами, но и иными принципами, сформированными самим рынком.

Целью данной работы определить, преобладают ли нематериальные ценностные установки субъектов делового партнерства над материальной выгодой и степенью издержек на примере предпринимательской деятельности в сфере подарочной продукции г. Минска.

В рамках студенческой практики в марте 2021 года было проведено пилотажное исследование «Изучение ценностных установок субъектов

делового партнерства в сфере предпринимательской деятельности подарочной продукции г. Минска».

Предметом исследования являются ценностные установки субъектов делового партнерства. Деловое партнерство – форма деловой активности, направленная на продуктивное взаимодействие с другими субъектами в процессе реализации деловых интересов участников в рамках их совместной экономической деятельности [3, с. 38].

Деловое партнерство выполняет ряд необходимых для выживаемости фирмы функций, носящих социально-экономический характер:

- Расширение рыночной ниши;
- Увеличение объема циркулирующей информации;
- Инновационность в организации экономической деятельности;
- Функция экономической стабильности;
- Повышение адаптивности и гибкости к изменчивой динамичной среде;
- Снижение экономических рисков;
- Функция делегирования полномочий;

Ценностные установки:

1. Нематериальные ценностные установки – нравственно-психологические установки субъектов, определяющие качественное наполнение выстраиваемых партнерских отношений [4, с. 162].

Доверие – особый вид взаимоотношений, характеризующийся взаимными ожиданиями, убежденностью и верой в выполнение обязательств, формально либо неформально установленных между друг другом.

Социальная близость – межфирменный и межличностный уровень отношений, особое социально-психологическое положение субъектов, характеризующееся высокой степенью взаимосвязанности и взаимовлияния на активную и потенциальную рыночную деятельность друг друга.

2. Материальные ценностные установки – ценности, представляющие собой совокупность предметов, имущества, денежных средств и иных коммерческих результатов экономической деятельности субъекта.

По результатам пилотажного исследования можно сказать, что:

1. Большинство респондентов (28 из 30) имеют партнерские отношения.
2. 96,4% имеют высокий или удовлетворительный уровень доверия к своим партнерам.

3. Наиболее высокая оценка уровня доверия респондентами отмечается в возрастной группе бизнеса «от 2 до 3 лет».

4. Треть респондентов предпочитают регулярные партнерские отношения случайным. Более 50% респондентов предпочитают совмещать регулярные и случайные партнерские отношения и ни один респондент не выбирает исключительно случайные.

5. Более половины респондентов демонстрируют личный интерес к партнерам

- 66,7% встречаются или хотят и скорее хотят встречаться со своими партнерами в неформальной обстановке;

- 83,3% интересуются социальными сетями партнеров

6. 43,3% респондентов имеют как минимум одного «друга» по бизнесу.

7. 66,7% респондентов имеют с партнерами общий круг конкурентов.

8. 75% респондентов готовы бесплатно или льготно рекламировать своего партнера.

9. 71,4% респондентов согласятся продолжить партнерство в ситуации «Высокий уровень доверия – низкие коммерческие результаты».

10. Оценка эмоционального удовлетворения в ситуации «Низкий уровень доверия – средние коммерческие результаты» оказалось выше, чем в ситуации «Высокий уровень доверия – низкие коммерческие результаты».

Обобщая вышесказанное, исходя из проведенного исследования, нельзя выделить ведущие ценностные установки, нематериальные или материальные, так как ни одни из них не представлены в чистом виде и имеют значимость только в комбинациях друг с другом.

Библиографические ссылки

1. Балакшин, М. Е. Деловые партнерские отношения в психологическом анализе: специфика, оценка, развитие : дис. канд. сих. наук : 19.00.01 / М. Е. Балакшин. – М., 2011. – 240 с.
2. Балакшин, М. Е. Доверие как основания развития деловых партнерских отношений / М. Е. Балакшин // Психологические проблемы современного бизнеса. – М., 2011. – С. 237–245.
3. Позняков, В. П. Деловое партнерство как одна из форм деловой активности предпринимателей / В. П. Позняков, Т. С. Вавакина // Знание. Понимание. Умение. – М., 2009. – №4. – С. 36–43.
4. Ребязина, В. А. Портфельный и эволюционный подходы к построению взаимоотношений российских компаний с партнерами / В. А. Ребязина, М. М. Смирнова, С. П. Куш. // Российский журнал менеджмента. – 2013. – №3. – Т. 11. – С. 31–52.

5. Уцци, Б. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей / Б. Уцци // Экономическая социология. – М., 2007. – № 3. – С. 44–60.

МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ СТУДЕНТОВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ БГУ

П. И. Понявина, Р. С. Ярошук

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
ponyavinap@mail.ru, 2001_roma@mail.ru
Научный руководитель – Бурак Татьяна Викторовна,
кандидат социологических наук, доцент*

В статье описывается важность студенческих общественных организаций. Анализируются результаты количественного социологического исследования. Оценивается включенность студентов в общественную деятельность. Выделяются группы мотивов, побуждающих студентов к участию в общественной жизни. Рассматриваются наиболее распространенные причины отказа от участия в общественной деятельности. Сравниваются ответы юношей и девушек. Предлагаются некоторые практические рекомендации, способные повысить включенность студентов в общественную деятельность.

Ключевые слова: общественная жизнь; общественная деятельность; мотивы.

Период обучения в университете имеет особо важное значение в формировании личности. Насыщенные годы студенческой жизни на долго останутся в памяти каждого. А наполнить интересными событиями свободное время студента помогает общественная деятельность. В БГУ есть множество студенческих организаций. Все из них позволяют разнообразить досуг учащихся. Деятельность этих организация направлена на реализацию молодежных, воспитательных и социальных программ университета. «Творчески одаренные студенты имеют все возможности для самореализации. Для них функционируют многочисленные кружки, студии, клубы, спортивные секции и т.д.» [1]. Некоторые организации помогают учащимся со вторичной занятостью. Благодаря участию в общественной жизни студенты пробуют себя в различных сферах деятельности. Поучаствовав в активностях разного рода, студент понимает, что ему ближе всего и в чем он хочет развиваться. Общественная деятельность позволяет студенту расширить круг общения, что способствует адаптации к университетской среде. Участие в студенческих мероприятиях позволяет личности приобрести или развить

полезные навыки и компетенции, которые, в свою очередь, могут послужить хорошим подспорьем на рынке труда. К тому же университет предусматривает активистам поощрения за их участие в общественной деятельности.

Актуальность исследования вовлеченности студентов в общественную жизнь БГУ связана с тем, что студенты – это будущая основа общества, качество которого определяется личностью каждого из его членов. А одним из способов активного развития личности выступает именно участие в общественной деятельности. Также, имеется нехватка актуальной информации о включенности студентов в общественную деятельность БГУ. Проблема заключается еще и в том, что, с одной стороны, высокая включенность студентов в общественную деятельность университета способствует развитию как университета, так и студентов, с другой стороны, часть учащихся по тем или иным причинам не проявляет активности в общественной деятельности. С исследовательской точки зрения важно не просто количественно описать включенность студентов в общественную деятельность БГУ, но и выявить мотивы, побуждающие их к участию, а также причины отказа студентов от участия в общественной жизни.

В 2021-2022 учебных годах в рамках учебной практики студентов 3-го курса специальности «Социология» было проведено исследование на тему «Ценностный мир и включенность студентов БГУ в общественную деятельность университета». В ходе исследования была разработана и использована многоступенчатая кластерная выборка, объем которой составил 1541 студент БГУ, метод сбора информации – анкетный опрос.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что включенность студентов БГУ в общественную деятельность, находится на удовлетворительном уровне. Так, в общественной жизни БГУ участвует большинство студентов (64,9%). Из них около 1/5 всех опрошенных участвуют постоянно (17,8%) и почти половина принимают участие от случая к случаю (47,1%). Удалось выяснить, что девушки участвуют в общественной деятельности на регулярной основе чаще юношей (19,9 и 13,1% соответственно). А, юноши, в свою очередь, чаще девушек склонны абсолютно не принимать участие в общественной жизни (40,0 и 32,8% соответственно). Однако, и юноши и девушки принимают участие в общественной деятельности «от случая к случаю» примерно в равной степени (46,8 и 47,2% соответственно).

Рассматривая мотивацию студентов и студенток к участию в общественной деятельности, были выделены следующие группы мотивов, расположенные в порядке убывания по популярности среди респондентов:

- мотивы саморазвития (желание студента проявить себя, самореализоваться, развить коммуникабельность, сформировать умение отстаивать свою точку зрения) – 103,5% (респондентам было предложено выбрать до 3 наиболее значимых для них мотивов, в связи с этим общая доля ответов превышает 100%);
- прагматические мотивы (желание решить волнующие проблемы, получить определенные преимущества в карьере, учёбе и т.д.) – 38,4%;
- альтруистические мотивы (желание помогать людям, изменить жизнь к лучшему) – 20,2%;
- социальные мотивы (желание, чтобы мнение студента было учтено при решении важных вопросов; невозможность отказать в просьбе об участии) – 17,9%;
- другое (в т. ч. по принуждению) – 7,1%.

Девушки чаще юношей (43,9 и 37,0% соответственно) принимают участие в общественной деятельности для развития коммуникабельности. Юноши же чаще девушек (32,1 и 24,6%, соответственно), делают это для приобретения или развития организаторских (лидерских) навыков.

В рамках исследования были изучены причины неучастия студентов в общественной деятельности. Результат опроса показывают, что нехватка свободного времени (67,3%) и отсутствие интереса к общественной жизни (50%) являются наиболее распространенными причинами неучастия в ней. Также отмечается, что, по мнению студента, при участии в общественной деятельности отсутствуют какие-либо выгоды или поощрения (29,0%).

Почти две трети юношей (64,5%) отмечали, что им просто не интересна общественная деятельность и, следовательно, они не хотят принимать в ней участие. Это более, чем на 20% чаще девушек (42,7%). Около трети юношей (29,3%) считают участие в общественной деятельности бесполезным занятием. Девушки же, в свою очередь, разделяют данную позицию лишь в одном случае из десяти (13,1%).

На основе анализа результатов исследования можно выдвинуть следующие практические рекомендации по повышению уровня включенности студентов в общественную деятельность:

1. На основании того, что большинство учащихся (64,9%) в той или иной степени знакомы с деятельностью общественных организаций,

уже задействованным в общественной деятельности студентам предлагается чаще приглашать поучаствовать в том или ином мероприятии своих друзей или знакомых вместе с ними или за компанию;

2. Результаты опроса показывают, что студентам важно саморазвитие, так как эта группа мотивов стала наиболее популярной среди респондентов. В связи с этим всем общественным организациям БГУ при осуществлении рекламной деятельности своих мероприятий стоит делать акцент именно на возможность для студента развить свои личностные навыки и компетенции;

3. Среди респондентов распространено мнение об отсутствии от участия в общественной деятельности каких-либо выгод, но это не так. И в данном случае организациям при осуществлении рекламной деятельности своих мероприятий опять же стоит информировать студентов о том, что за активное участие действительно полагаются различные бонусы и поощрения.

Библиографические ссылки

1. Студенческие организации // bsu.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsu.by/studentam/vneuchebnaya-deyatelnost/studencheskie-organizatsii/> – Дата доступа: 20.04.2022.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ И СТУДЕНТОК БГУ

В. В. Пьянов, А. К. Мытько

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vladimir.pyanov.2001@mail.ru; alesia.elch@inbox.ru

Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,

кандидат философских наук, доцент

Данная работа посвящена изучению влияния пандемии COVID-19 на повседневную жизнь студентов и студенток БГУ. В публикации отражены результаты анкетного опроса, проведенного в ноябре-декабре 2021 года с использованием Goggle Forms. Выборочная совокупность составила 1541 студент 3-4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ. В статье фокусируется внимание на проблеме влияние пандемии на мотивацию и на эмоциональное состояние студентов. Также рассматриваются и прочие следствия, связанные с ковидным ограничениями, которые студенты восприняли наиболее болезненно.

Ключевые слова: пандемия; дистанционное обучение; эмоциональное состояние; круг общения.

Одной из наиболее актуальных проблем как в целом для мира, так и для сферы образования в последние несколько лет является пандемия COVID-19. Поколению «ковидных» студентов пришлось столкнуться с ранее неизвестными новыми вызовами. В данной проблематике, интересным для нас является то, как эти вызовы повлияли на повседневный образ жизни студенческой молодежи.

В ноябре-декабре 2021 г. студенты БГУ отвечали на вопрос о влиянии пандемии на повседневный образ жизни. Результаты опроса свидетельствуют о том, что наиболее распространёнными следствиями пандемии COVID-19 являются отказ от посещения массовых мероприятий и отмена поездок, путешествий: соответственно 33,3% и 39,7% респондентов. Следует также указать на изменения в эмоционально-психологическом состоянии молодых людей. Около трети (30,3%) студентов и студенток отметили, что стали более апатичными, депрессивными и безразличными. Важно подчеркнуть, что среди тех студентов, кто испытывает чувство тревоги в связи с распространением COVID-19, на присущее им чувство апатии, депрессии указали 42,6% респондентов данной группы. Об этих чувствах чаще всего заявляли студенты, которые жили до поступления в университет в сельской местности (41,0%).

Дистанционное обучение не всегда способно в полной мере заменить очное. Взаимодействие студента и преподавателя в течение довольно продолжительного времени проходило не вербально. В связи с распространённой практикой поступления в высшее учебное заведение сразу после окончания школы, перед многими еще в сравнительно незрелом возрасте встает вопрос о выборе профессии. Далеко не каждый человек способен окончательно определиться и связать свой жизненный путь с определенной специальностью, не получив определенного жизненного опыта. В результате, помимо тех людей, которые действительно горят желанием постигнуть определенную профессию и развиваться в соответствии с ее требованиями, в вузы поступают также и те, кто выбрал учебное заведение, факультет случайно. Это, конечно, не обесценивает их выбор, однако образовательный процесс в известной степени должен поддерживать интерес к обучению, для сохранения мотивации студентов продолжать учебу. Пандемия перестроила, изменила данный процесс. Преподаватели, столкнувшись с новым форматом обучения, не всегда способны перестроиться, в результате дистанционная

форма обучения зачастую не позволяет им раскрыть свой предмет для студента так, как он был бы раскрыт очно. Поэтому страдающие от дефицита мотивации студенты недополучают интересующие их знания, что и показали результаты исследования – 19,1% студентов отметили, что потеряли интерес к учебе. Следует также отметить, что 17,1% респондентов указали на замену активного образа жизни на пассивный, 12,4% – стали чаще чувствовать одиночество.

В Республике Беларусь не вводился локдаун. Коронавирусные ограничения, по существу, носили рекомендательный характер, не было механизма, который обязывал их соблюдать, следовательно, не было ответственности за их несоблюдением. Страну миновала практика посещения некоторых общественных мест по «ковидным» паспортам. Возможно, такая ситуация в стране, а также то, что молодежь быстрее адаптируется к изменяющимся условиям общественной жизни, определили восприятие пандемии как обыденную повседневность. Каждый пятый участник опроса (20,5%) заявил, что пандемия никак не повлияла на его повседневную жизнь.

Результаты исследования свидетельствуют о некоторых отличиях в испытываемом влиянии пандемии у юношей и девушек. Так юноши чаще, чем девушки, стали ограничивать свой круг общения (соответственно 15,1% и 10,5%), а также каждый четвертый (25,3%) студент указал, что пандемия на него никак не повлияла.

Студентки в свою очередь чаще отказывались от посещения массовых мероприятий (соответственно 35,1% и 29,4%), отменяли поездки и путешествия (соответственно 44,3% и 29,1%).

Пандемия COVID-19 нанесла удар не только по экономике каждой страны и здоровью населения, но и по эмоциональному состоянию всех людей. Множество ограничений, с которыми мы сталкиваемся уже третий год, также наносят определенный ущерб и влияет на каждого из нас.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в конце 2021 г. 16,3% опрошенных испытывали чувство тревоги в связи с распространением COVID-19, 42,2% юношей и девушек иногда переживали, иногда забывали про пандемию, у 32,8% респондентов сохранялось обычное эмоциональное состояние, ситуация с COVID-19 никак на них не сказывалась, 8,7% затруднились ответить.

Распределение ответов по полу показывает, что испытывали чувство тревоги в связи с распространением COVID-19 16,8% девушек и 15,0% юношей. Иногда переживали, иногда забывали про пандемию почти

половина (46,1%) девушек и треть (33,5%) юношей. Среди опрошенных, 40,9% юношам удалось сохранить обычное эмоциональное состояние, ситуация с COVID-19 никак на них не сказалась, среди девушек подобное состояние у 29,2%. Затруднились ответить на вопрос 10,6% юношей и 7,9% девушек. Можно предположить, что это связано с тем, что девушки чаще дают волю эмоциям, переживают за других и обращают внимание на подобные проблемы, юноши стараются относиться к некоторым вещам проще.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ БГУ

А. С. Реутский

Белорусский государственный университет, г. Минск;

realexs@tut.by

Научный руководитель – Бурак Татьяна Викторовна,

кандидат социологических наук, доцент

В публикации автор обращается к теме ценностей студентов БГУ. Эмпирической базой для данного исследования является исследование, проведенное методом анкетирования. Цель – характеристика доминирующих ценностей среди студентов. Впоследствии данная работа может служить базой для проведения дальнейших исследований, основой для разработок новых планов обучения и корректировки курсов, а также для планирования и проведения разного рода мероприятий.

Ключевые слова: студенты; ценности; взгляды.

Одним из важных элементов студенческой жизни являются ценности самих студентов. Слово «ценности» является однокоренным к слову «цена». Следовательно, ценности – это то, что имеет свою цену. Ценность – это, прежде всего, значимость объекта или убеждения для человека. Ценности вырабатываются на протяжении всей жизни, на их формирование оказывает ряд факторов от биологических до социальных. На основании ценностей студенты вырабатывают приоритеты в жизни, поскольку именно ценности являются тем основанием, на котором возводится конструкция личности.

На основании результатов исследования «Ценностный мир и включенность студентов БГУ в общественную деятельность университета», которое проводилось в ноябре 2021-апреле 2022 года студентами 3 курса, специальности "социология", было выяснено, что

наиболее важными ценностями для студентов на сегодняшний день являются здоровье, семья и материальная обеспеченность. Наименее важны для современных студентов церковь, социальный статус и власть.

Также стоит обратить внимание на некоторые особенности, связанные с влиянием пола и места жительства на ответы. Респонденты мужского пола как правило, в списке ценностей чаще указывают «Удовольствие и развлечения», «Власть», «Дружбу» и «Социальный статус», в то время как девушки уделяют больше внимания семье и карьере.

Стоит отметить, что при рассмотрении наиболее популярных и наименее популярных ценностей студентов из разных типов населённых пунктов была выявлена общая тенденция – вне зависимости от места проживания до поступления, для каждой из групп студентов характерна следующая иерархия ценностей: самая высокая частота характерна для ценностей, связанных со здоровьем, следующими по популярности является семья и материальная обеспеченность соответственно. При рассмотрении наименее популярных ценностей по типу населённого пункта так же была выявлена общая тенденция – наименее популярными ценностями для каждой из групп студентов являются церковь, власть и социальный статус. Однако, в отличие от наиболее популярных ценностей, здесь общей иерархии выявлено не было. Так, власть оказалась наименее популярна для студентов из малых городов (0,7%), социальный статус – для студентов из сельской местности и районных центров (3,6% и 2,2% соответственно), церковь – для студентов из областных центров и г. Минска (2,6% и 1,9% соответственно).

В сельской местности господствует достаточно хрестоматийный для типа населенного пункта (далее «ТНП») подобного рода взгляд на жизнь. Студенты, проживающие до поступления в БГУ в сельской местности, уделяют больше внимания материальной обеспеченности, семье и дружбе и мало задумываются о дружбе, любви, карьере и удовольствием. Для студентов из малых городов характерна наибольшая значимость ценностей любовь, семью, карьеру, они намного меньше заинтересованы во власти, дружбе и саморазвитии. Подобный «протестантский» ценностный набор можно объяснить, вероятно, намерением покинуть подобную обстановку. Среди студентов из районного центра отмечается большее внимание к здоровью, чем у минчан и людей из областных центров.

С переходом к крупным поселениям наблюдается резкое падение интереса к семье, социальному статусу, и рост внимания к любви.

Минчане реже выбирают материальную обеспеченность и чаще выбирают удовольствия и развлечения, а так же восприятие дружбы у них выше, чем у остальных типов за исключением деревни. Это можно связать с большим достатком крупных городов и соответствующим типом урбанистического мышления, в котором классические патриархальные ценности заменяются ценностями, направленными на получение определенных удовольствий от жизни.

Таким образом, несмотря на некоторое влияние различных факторов, ценностные ориентиры в целом сходны для студентов разных полов и мест происхождения. Различия присутствуют лишь в частоте выборов тех или иных позиций. Студенты не религиозны, не тянутся к власти и высокому социальному статусу.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СТУДЕНТОВ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Ю. Чжао

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
z.bestdragon5@gmail.com*

*Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент*

В публикации автор анализирует систему ценностей студенческой молодежи Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Приводятся результаты социологического опроса студентов-первокурсников двух стран факультета международных отношений и экономического факультета Белорусского государственного университета, проведенного в феврале - апреле 2022 года. Рассматривается иерархия базовых ценностей и структура трудовых ценностей.

Ключевые слова: студенчество; базовые ценности; структура трудовых ценностей.

Студенческая молодежь Китайской Народной Республики и Республики Беларусь выросла в эпоху экономических и социальных преобразований, в условиях цифровизации. Сравнение ценностных приоритетов студентов двух стран позволяет понять стратегии развития государств, изменения в состоянии общества, культуры как системы, в которой синтезируется традиционный и новый цивилизационный опыт.

Система ценностей выступает важной характеристикой общественного и личного сознания, а также создает условия для формирования различных

поведенческих установок людей. Анализ базовых ценностей студенчества двух стран является значимой в научном и прикладном смыслах задачей. К базовым ценностям относится семья, работа, друзья/знакомые, досуг, политика, религия. Результаты опроса белорусских и китайских студентов первого курса факультета международных отношений и экономического факультета БГУ⁴ свидетельствуют о том, что структура базовых ценностей у юношей и девушек двух стран совпадает: **о важности семьи** (респонденты выбирали ответы «важно» + «скорее важно») заявили 97,1% студентов Беларуси и 98,3% студентов Китая; *работы* соответственно 98,5% и 96,6%; *друзей/знакомых* – 96,1% и 97,4%; *досуга* – 94,1% и 93,0%. На последних местах в иерархии ценностей оказались *политика* (соответственно 51,1% и 74,8%) и *религия* (21,7% и 31,3%). Различия между последними двумя базовыми ценностями студентов двух стран более значимые. Следует учитывать, что ценностные ориентации возникают в зависимости от национального контекста и исторического развития нации.

Особого внимания заслуживает вопрос о структуре трудовых ценностей студенческой молодежи, так как университет готовит высококвалифицированных специалистов-экономистов. Требования к работе – это представления, уже соотнесенные с реальными жизненными возможностями, с условиями обеспечения физического и социального существования индивидов. В ходе анкетного опроса нужно было отметить, какие из перечисленных аспектов работы важны лично для респондентов, число выборов при этом не ограничивалось.

Таблица 1 – Распространенность трудовых ценностей студентов Беларуси и Китая (в %)

Трудовые ценности	Студенты Беларуси	Студенты Китая
1. Высокая зарплата	88,2	67,8
2. Удобный режим работы	73,0	52,2
3. Возможность проявить инициативу	44,6	45,2
4. Большой отпуск	21,1	41,7
5. Работа, на которой Вы чувствуете, что можете чего-то достичь	81,9	74,8
6. Ответственная работа	21,6	45,2
7. Ничего из этого	2,0	0,9

⁴ В феврале – апреле 2022 г. были опрошены студенты первого курса Китайской Народной Республики (n=132) и студенты первого курса Республики Беларусь (n=204).

Данные таблицы 1 показывают, что первые три места в иерархии трудовых ценностей студентов двух стран занимают «высокая зарплата», «работа, на которой можно чего-то достичь» и «удобный режим работы». Однако материальная фокусированность в большей степени присуща студентам из Беларуси. Китайские студенты на первое место ставят достижительный аспект труда – «возможность чего-то достичь», материальная составляющая на втором месте, но разрыв между респондентами этих стран составляет 20,4%.

Пандемия COVID-19 существенно изменила организацию трудовой деятельности – в течение многих месяцев доминировала дистанционная форма работы. Поэтому не случайно и белорусские, и китайские студенты на 3 место определили «удобный режим работы». Однако и здесь фиксируется существенная разница в ответах – 73,0% у будущих белорусских экономистов и 52,2% у китайских.

Одинаково востребованной оказалась такая характеристика труда, как «возможность проявить инициативу».

Следует обратить внимание на еще одну значимую особенность ценностной системы студентов БГУ разных стран. Иметь ответственную работу, т.е. нести ответственность за результаты деятельности, готовы примерно лишь каждый пятый (21,6%) студент из Беларуси и 45,2% опрошенных студентов КНР. Продолжительный отпуск также более ценится китайскими студентами.

Системы трудовых ценностей студенческой молодежи Беларуси и Китая обусловлены влиянием различных групп факторов, среди которых основополагающие: аксиологические (совокупность представлений о ценности труда, поведении в трудовой сфере) и социокультурные (традиционные поведенческие стереотипы).

СЕКЦИЯ 12. МОЛОДЁЖЬ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
ПЕРЕЗАГРУЗКА ОБРАЗОВАНИЯ И
НОВЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ

**ИНТЕРНЕТ-МЕМ
И ЕГО МОДИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В. А. Барановский

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
baranowski567@outllook.com*

*Научный руководитель – Данилов Александр Николаевич,
доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси*

Проблема социокультурных интеракций в структуре коммуникативных и поведенческих актов индивидуумов является центральной среди обширной матрицы уже существующих проблем, репрезентирующих социальную реальность. Одним из объектов, которые на высоком уровне выполняют функцию социокультурной репрезентативности, является интернет-мем и его модификации. Определённое опасение вызывает интеграция в содержание данного медиа-продукта элементов систем невербальной коммуникации, что обуславливает необходимость комплексного изучения современных продуктов массовой культуры с использованием инструментариев социологии, психологии, социальной психологии и теории коммуникации. В настоящей работе проанализированы существующие тенденции в конституировании культуры эпохи «20:22» и основные механизмы психико-коммуникативного воздействия на большие социальные группы в условиях социального кризиса, повсеместно использующиеся в интернет-мемах и интернет-клипах

Ключевые слова: культура; культурная глобализация; интернет-мем; невербальная коммуникация.

Существующее мировое социокультурное пространство задаёт собственные тренды развитию культуры, ведет к упрочению или ослаблению социальных связей между людьми. Основной новеллой в синтезе стандартной социальной связи стала замена доминантных (первичных) и рецессивных(вторичных) факторов восприятия человека

человеком. Наблюдается высокий рост идеологизма как в коммуникативных, так и поведенческих актах между отдельными, изолированными людьми и в масштабах всего социума. Движущую роль в развитии и продвижении подобных «новообразований» играют продукты массовой культуры. В частности, интернет-мемы, музыкальные и социально-ситуативные клипы, видео-ролики с синергетическим юмором (RYTP). В социально-политической плоскости первичным фактором формирования позитивного отношения к предлагаемой предвыборной программе и кандидату стал уровень его «подключённости» к массовой культуре. На основании приведённых фактов можно сделать вывод: мир меняется в сторону культа гипертрофированного индивидуализма и социум становится для отдельного человека своеобразным «минным полем», на котором весьма проблематично осуществлять и реализовывать попытки как личностного, так и общественного прогресса.

Процессы культурной глобализации привели к возникновению так называемых «культурных полюсов», в которых различны пропорции между уровнем концентрации культурных универсалий в коммуникативных и поведенческих стратегиях, иерархия социально-культурных феноменов, уровень порога интеграции зарубежных, индивидуалистических, аксиологических моделей в «коллективные» общества.

Среди внутренних свойств информации важнейшими являются количество информации, ее внутренняя организация и структура [1].

В структуре информации произошли значительные изменения. В частности, вербальность как структурно-качественное свойство информации приобрело высокий уровень связи с когнитивным аппаратом психики человека. Новыми трендами в восприятии людьми информационных потоков можно назвать следующие компоненты: высокий уровень эмоциональной аффективности, низкий уровень действия компонентов критического мышления, отсутствие выработанных у общества перцептивных механизмов психологической защиты от эмоционального компонента информации.

Социодинамика культуры в третьем десятилетии XXI века обладает свойствами мозаичности объёма и гетерогенности содержания. Мозаичность объёма обеспечивается за счёт интеграции в коммуникативное пространство новейших элементов вербальной коммуникации. Одним из таких является *блендинг* – способ словообразования, заключающийся в имплементации новой лексической

единицы в препозиции, которая основана на традиционной лексеме, обозначающей главный смысл этого слова. В процессе операции блендинга мы модифицируем как объём, так и содержание – структурных элементов имени как логической категории.

Так, например, в январе после новогодних и рождественских праздников многие из современных граждан стремятся сесть на диету и не употреблять молочные и мясные продукты. В связи с этой массовой приверженностью к диетическому питанию возникло новое наименование для первого месяца в году – *Veganuary*, основанное на традиционной лексеме *January* и единице *vegan* в препозиции. Бленд *Stoptober* используется для обозначения месяца (как правило, это октябрь), когда человек готов отказаться от вредных привычек: курения, употребления алкоголя. Исходными коррелятами данного сокращения являются *stop* и *October* [2].

Интернет-мем – феномен современного общества, титульным свойством которого является «информогенность» - развитие социальных связей через получаемую из различных каналов коммуникации информацию.

Современные интернет-мемы базируются на стандартной схеме запуска эмоции смеха – аффективно воспринимаемое несоответствие. В процессе аффективного переживания несоответствия мы наблюдаем отклонение от определённых социокультурных канонов коммуникативного процесса с позитивной интенцией. Позитивная интенция в структуре коммуникативного акта активизирует положительные эмоции в форме смеха. Одним из базовых способов формирования позитивной интенции является абсурд – высший уровень несоответствия содержательных ортогональных элементов коммуникации. Мемы обладают следующими свойствами:

1) Динамичность – трансляция движения определённого объекта. В условиях форсированной информатизации социума можно разделить данное свойство на ещё два подсвойства:

- Динамичность объёма – интернет-мем представлен не статичным изображением, а активным по структуре видеороликом, музыкальным клипом

- Динамичность содержания – форсированное интегрирование в содержательную сторону психоэмоциональных регуляторов социальной и индивидуальной перцепции.

2) Информативность – в структуре мема присутствует социоинформационный компонент, который, в свою очередь, имеет

объект, предмет и матрицу взаимных связей(рациональные, эмоциональные)

3) Когнитивность – в мемах наблюдается высокий уровень концентрации психико-когнитивных субъект ориентированных элементов(дистантные ощущения, восприятие, эмоции, память, воображение, представление)

4) Социокультурная репрезентативность – отражает настроения определённых социальных групп или всего социума касательно того или иного вопроса общественной жизни.

Интернет-мемы в жизни молодёжи выполняют следующие функции:

А) Информационная – в условиях отсутствия достаточного количества знаний об объекте мема человек получает информацию на основе ощущений, активированных с помощью эмоционального аппарата психики человека

Б) Функция эмоционального обмена – активаторы эмоциональных состояний инспирируют у человека смех, улыбку, гнев, грусть и другие эмоции позитивного и(или) негативного характера. Данная функция имеет место при межличностном взаимодействии с использованием в качестве атрибута коммуникации интернет-мем. Как правило, устанавливается гомогенный(гетерогенный)эмоциональный контакт между коммуникаторами.

В) Функция преобразования социокультурной действительности – суть данной функции заключается в активной реконструкции социальной реальности. Она может иметь положительный характер(социально одобряемая деятельность) и отрицательный характер(нарушение этических и правовых норм социума). Характер реконструкции зависит от характеристик мышления реципиента после активации эмоционального состояния.

Культура в обществе эпохи социальных кризисов не столько транслятор действительности, сколько её реагент, принимающий участие в формировании определённых социальных установок и поведенческих практик. Задача социологической науки заключается в систематическом анализе психико-манипулятивных закономерностей, использованных при создании новейших продуктов массовой культуры и выведении практических рекомендаций по нивелированию отрицательных последствий интеграции инструментария когнитивной психологии в содержание интернет-мемов и интернет-клипов.

Библиографические ссылки

1. Информация: понятие и свойства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/dok/4_kurs/KITDOU_Popova/6.pdf. – Дата доступа: 01.04.2022
2. Хрущёва, О. А. Блендинг как проявление массовой культуры / О. А. Хрущёва // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : сб. науч. ст (по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф.), Минск (19-20 марта 2020 г.). / редкол.: О.Г.Прохоренко (отв.ред) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С.337-340.

ПОНИМАНИЕ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТАМИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

А. А. Бойкач

*Белорусский государственный экономический университет, г. Минск;
itsanastb@gmail.com*

*Научный руководитель – Кучко Елена Евгеньевна,
доктор социологических наук, профессор*

К рассмотрению предложен вопрос о понимании цифровой безопасности студентами разных учебных заведений. Проанализированы представления современных студентов о кибергигиене и кибербезопасности. Проведены глубинные интервью и проинтерпретированы их результаты. В то же время обозначены повседневные практики обеспечения кибергигиены студентами. Выявлен уровень осведомленности о законодательстве в области цифровой безопасности, а также выделены методы информирования населения о соблюдении кибергигиены предложенные информантами.

Ключевые слова: цифровая безопасность; кибергигиена; киберпреступность; информационное общество; цифровое пространство

Ввиду повсеместного распространения информационных технологий большое количество информации переходит в цифровое пространство. Это поднимает вопрос о безопасности данных, попадающих в Глобальную сеть [1]. Поскольку большое количество государств вышло на тропу Цифровой экономики, речь идет не только о персональных данных пользователей, а также и о сведениях компаний, крупных корпораций и государственных цифровых материалах [2]. За последние 5 лет человечество шагнуло вперед не только в области информационных технологий, но и в области киберпреступлений. Количество зафиксированных покушений злоумышленников на информацию быстрым темпом растет с каждым годом по всему миру. Несомненно,

продумываются и способы защиты информации, от преступных деяний. Однако, чем больше видоизменяется цифровое пространство и развиваются механизмы защиты, законодательство и общество в принципе, тем более совершенными становятся и киберпреступления, мошенники находят пути для того, чтобы отойти от ответственности за свои злодеяния и усовершенствовать цифровые атаки [4].

Актуальность избранной темы исследования обусловлена растущим количеством киберпреступлений в Республике Беларусь. Государство, несомненно борется с такого рода явлениями законодательными способами и проведением информационно-профилактических мероприятий [3]. В борьбе с данными явлениями в информационном сообществе полезной может оказаться цифровая гигиена. То есть использование набора действий для того, чтобы защитить свою личную и финансовую информацию в сети Интернет.

Одной из основных проблем является слабая изученность цифровой безопасности граждан, а также небольшое количество белорусских социологических исследований и научных работ по данной теме в принципе, и это учитывая то, что Республика Беларусь позиционирует себя как страна с хорошо развитым IT-сектором. Помимо этого, исследователи упускают социальную часть данного вопроса и сосредотачиваются лишь на технической составляющей.

В эпоху повсеместной цифровизации, молодежь выступает образовательным ресурсом в информационно-технологической сфере для более старших поколений. Студенчество является молодежной группой, задающей тенденции общественного развития, а также обладает большим энергетическим потенциалом.

Описывая методику проведения социологического исследования цифровой безопасности студентов, стоит обратить внимание на следующие аспекты.

Во-первых, одной из основных проблем является слабая изученность цифровой безопасности граждан, а также небольшое количество белорусских социологических исследований и научных работ по данной теме в принципе, и это учитывая то, что Республика Беларусь позиционирует себя как страна с хорошо развитым IT-сектором.

Во-вторых, упущение исследователями социальной части данного вопроса и сосредоточение лишь на технической составляющей.

В-третьих, непосредственно, актуальность данной тематики, поскольку, опираясь на статистические данные, количество киберпреступлений в стране и в мире растет в геометрической прогрессии.

Учитывая данные аспекты, было принято решение провести глубинные интервью с целью:

- апробировать инструментарий для использования качественных методов;
- наиболее детально обозначить проблемную ситуацию и проблемное поле;
- обосновать реперные точки проблемной ситуации для исследования ее в будущем количественными методами.

В период с 07. 04. 2022 г. по 15. 04. 2022 г. с целью изучения цифровой безопасности белорусских студентов было проведено 18 глубинных интервью. В соответствии с объектом, который предполагал разделение студентов на 2 группы:

- первая группа студентов (получающие образование в области информационных технологий) включает в себя 7 юношей и 1 девушку из следующих учреждений образования: Белорусский государственный университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Брестский технический университет, Белорусский государственный экономический университет, Колледж бизнеса и права.

- вторая объектная группа (студенты любых других учебных заведений) состоит из 8 девушек и 2 юношей из следующих учреждений образования: Белорусский государственный университет, Белорусский государственный экономический университет, Минский государственный лингвистический университет, Белорусский государственный медицинский университет, Могилевский государственный колледж искусств, Слуцкий государственный медицинский колледж.

В принципе уровень информированности студентов белорусских образовательных учреждений о кибербезопасности можно оценить как удовлетворительный. Абсолютное большинство студентов утверждали, что понимают, о чем речь говоря о кибербезопасности, первая объектная группа, то есть учащиеся, получающие образование в области информационных технологий, отмечали, что изучали дополнительно данный вопрос: «я знаком с принципами безопасности в интернете»; «знаю про эту тему достаточно много, изучал статьи на сайтах»; «да, осведомлён данной темой». Однако большая часть считает, что они имеют поверхностные знания, что может свидетельствовать о том, что они

сомневаются в достоверности информации, которой владеют: «ну, поверхностно»; «это самая основа, база так сказать»; «какие-то поверхностные знания, наверное, у меня есть».

Касательно второй группы информантов, многие отмечали, что слабо владеют данным вопросом: «не очень знакома с этой темой»; «не особо компетентна в этом вопросе»; «примерно представляю, что это»; «какие-то азы я знаю»; «вкратце, я немножко знаю»; «в интернете не существует безопасности». Чаще всего студенты второй группы пытались объяснить, что такое цифровая безопасность на примерах: «не переходить по каким-то ссылкам»; «не передавать свои данные логины и пароли»; «не размещать какую-то информацию о себе»; «пример, могу привести, когда просят пароль...»; «желательно никому не давать свой номер телефона, не скидывать номер карточки». Причем все их описания кибербезопасности с использованием примеров, являются непосредственно рекомендациями, предполагающими соблюдение цифровой гигиены, хотя мало кто именно из той группы информантов знает о кибергигиене. Определение понятия кибергигиены чаще всего строилось на каких-то логических догадках. Хотя, в принципе, учитывая то, что кибербезопасность включает в себя цифровую гигиену это вполне допустимо.

Абсолютно все студенты считают что это важная проблема на сегодняшний день: «я думаю она довольно-таки актуальна..»; «я считаю, что это очень, как сказать, насущная проблема наших дней которая требует все большего внимания общественности..»; «практика кибербезопасности - это очень полезный навык, который нужен для жизни в нашем обществе..»; «думаю, что данная практика актуальна как никогда»; «очень актуальный вопрос нынче и очень острый», «практика актуальна сейчас и будет актуальна всегда»; «я нахожу это чертовски важно в современных реалиях»; «в век высоких технологий, конечно же» и т.д.

Однако касательно осведомленности окружения мнения разделились на три группы:

1) считают, что слабая осведомленность: «в обществе недостаточный уровень осведомленности в киберугрозах и это очень плохо»; «я считаю, что они даже не думают о безопасности»; «к сожалению, с данным видом практики я не очень знакома»; «мое окружение не особо осведомлено о кибербезопасности»; «разбираются только единицы которые как-то связаны с прогами»; «никто не ознакомлен»; «среди молодежи это не так распространено, как, наверное, хотелось бы»; «думаю, что большинство

моих знакомых родственников и друзей не осведомлены»; «я считаю то, что очень мало людей придает этому значение».

2) считают, что проблемы с осведомленностью лишь у старшего поколения, а молодежь осведомлена: «у людей постарше такие проблемы более актуальны из-за их неопытности в сфере современных технологий»; «Друзья? Большинство друзей никогда не выкладывали ничего такого... с детства знаем, что нужно скрывать»; «...особенно ... самые такие уязвимые группы, ... девушки, (и)... люди постарше, пятьдесят плюс»; «мое поколение, то есть мои ровесники информированы».

3) считают, что проблемы с осведомленностью незначительные: «процентное соотношение такое: 60/40, где большая часть – это грамотные в отношении безопасности в интернете».

Большинство участников знают о преступных деяниях в сети Интернет, в основном выделяли случаи с мошенничествами под предлогом банков, а также вымогательством денег в социальных сетях мошенниками. Многие из участников интервью или их родственников/друзей/знакомых попадали в ситуации мошенничества в социальных сетях или мессенджерах.

Уровень осведомленности о законодательстве в области цифровой безопасности на достаточно высоком уровне: «да, конечно...»; «знаю, что как минимум у нас в законодательстве существует защита информации и в цифровом пространстве данный закон распространяется»; «я думаю, что есть статьи в конституции, которые связаны с кибермошенничеством»; «да, конечно»; «да»; «существует»; «конечно, в Беларуси карается законом подобного рода мошенничества»; «я точно знаю, что мошенничество в интернете, распространение различных вредоносных файлов и программ уголовно наказуемо».

Касательно эффективности законодательства в области цифровой безопасности стоит отметить, что участники разделились на 2 группы (таблица 1):

Таблица 1 – Оценка эффективности белорусского законодательства в области цифровой безопасности

Эффективно:	Не эффективно:
«на 9 из 10»; «лучшее, что они могли сделать»; «насколько они могут позволить на сегодняшний момент настолько и эффективно»; «довольно быстро заводится уголовное дела и этим занимаются специально обученные специалисты»; «если это узаконено, то это эффективно».	«максимально минимально»; «я бы сказал, что оно не во всех странах эффективно»; «не думаю, что на данный момент это эффективно в нынешнее время»; «законодательство не так уж хорошо выполняется»; «страдает методология обнаружения таких преступлений»; «мне кажется нет»; «если опять оценивать по десятибальной шкале, то ноль»; «исполнение у нас устаревшее и неэффективное».

Причем, стоит отметить, что информанты, получающие образование в области информационных технологий, старались отвечая на этот вопрос стать на сторону государства, поскольку, скорее всего понимали, что обнаружение мошенников в сети – это достаточно проблематичное занятие, отмечали, что идеального законодательства и в других государства нет. В то время как абсолютное большинство информантов со второй группы, не считают законодательство в области цифровой безопасности эффективным.

С таким понятием как кибергигиена студенты ознакомлены слабо, причем это касается двух объектных групп, однако, вторая группа, как было описано ранее интуитивно пыталась вывести что такое кибергигиена: «ну по логике вещей, это утаивание слишком личной информации, наверное»; «это совокупность каких-то процессов методов все-таки для профилактики»; «вы имеете в виду, как профилактика»; «кибергигиена, наверное, набор каких-то привычек»; «в принципе, мне кажется, это, ну, очень тоже близко к кибербезопасности»; «это что-то вроде зачистки в интернете»; «кибергигиена в некоторой степени обеспечивают твою личную интернет-безопасность»; «это какая-то чистка в сети Интернет, какие паблики, там сообщения, Спам».

Большая часть информантов считает, что соблюдение кибергигиены это важно для современного общества, однако были и те, кто считал, что это бесполезно: «вообще не вижу никакой актуальности в кибергигиене, потому что частая смена пароля ни к чему не приведет»; «это бесполезно».

Повседневные практики обеспечения кибергигиены студентами представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Повседневные практики обеспечения кибергигиены студентами

Частая смена паролей:	«часто меняю пароль, потому что у меня есть алгоритм, по которому я меняю свои пароли»; «использую разные пароли для всех соц. сетей»; «ставить надежные пароли»; «у меня записаны все пароли»; «я очень часто меняю пароль»; «менять чаще пароли»; «я стараюсь прямо хорошие пароли делать».
Использование качественного антивирусного ПО:	«постоянно тестирую свой компьютер на наличие вирусов на антивирусном софтвере»; «пользуюсь операционной системой Линукс».
Нераспространение своей личной информации:	«не скидываю свои интимные фотки для шантажа, храню не на электронных носителях, я храню на материальных, не распространяю фотографии своего паспорта или фотографии свои карточки кому-то из знакомых»; «нужно понимать, куда вы присылаете свои личные данные, паспортные банковские данные»; «не распространять для чужих лиц»; «Я не скидываю никаких фотографии личных, личных данных».

Продолжение таблицы 2

Исключение перехода по фишинговым ссылкам:	«обязательно проверяю сайт на безопасное подключение»; «не оставлять данные карт на подозрительных сайтах, не переходить не по каким ссылкам».
Двухфакторная аутентификация:	«если есть возможность, то настраивать двухфакторную аутентификацию»; «это о двухфакторной аутентификации, то есть приложение от идентификаторы».

Абсолютное большинство участников интервью считает, что белорусское население несомненно стоит информировать по вопросам цифровой безопасности и соблюдения цифровой гигиены. Однако, было мнение, что не стоит, потому что это будет не эффективно, пока люди сами не попадутся в ловушку мошенников и не поймут, что соблюдение кибербезопасности это серьезный момент на сегодняшний день.

Методы информирования населения о кибергигиене, предложенные студентами:

Тематически уроки, дисциплины в учебных заведениях: «с помощью каких-то уроков там, по типу ОБЖ в школе»; «проведения каких-либо мероприятий в университете в колледже»; «Методом лекции... освещать этот вопрос и на занятиях в школах и других учебных заведениях»; «приходить в учебное заведение, делать какие-нибудь тренинги интересные»; «ну, мне кажется более эффективно, это будет в каких-то формах тренинга»; «лекция, то на более подходящий формат для подобного рода информирования»; «проводить лекции на час работа в общежитиях».

Реклама телевизионная: «через телевидение»; «какие-то телевизионные рекламы».

Реклама в печатных носителях: «какие-то в газетах заголовки там»; «перекинуть, какие-нибудь газеты в ящик, вот, кажется, кто это читает? На самом деле у такого способа больше процент прочитки».

Реклама в сети интернет: «нативной рекламы относительно этого вопроса»; «через сеть Интернет»; «в интернете чаще рекламировать»; «информировать в новостях в инстаграме».

Также хотелось бы отметить, что девушки из второй группы студентов обращали внимание на информирование старших поколений по вопросам кибергигиены и кибербезопасности.

Подводя итог к изучению цифровой безопасности среди белорусских студентов можно сделать вывод о том, что присутствуют некоторые проблемы в осведомленности этой темой. Стоит отметить, что метод сбора

информации качественный и не может распространяться на всю генеральную совокупность студенчества, однако он позволил выявить реперные точки данной проблемы, для дальнейшего количественного изучения.

Библиографические ссылки

1. Артамонов, В. А. Кибербезопасность в условиях цифровой трансформации социума/ В.А. Артамонов, Е.В. Артамонова, // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество [Электронный ресурс]. – 2022. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-sotsiuma> – Дата доступа: 23.03.2022.
2. Бушуев, А. Л. Роль информационной безопасности в условиях цифровой экономики / А.Л. Бушуев // Baikal Research Journal. – 2020. – № 11.
3. Киберпреступность в Беларуси// БелТа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/infographica/view/kiberprestupnost-v-belarusi-24963/> – Дата доступа: 04.04.2022.
4. Что такое информационная безопасность? // Microsoft [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://support.microsoft.com/> – Дата доступа: 27.03.2022.

ВОСПРОИЗВОДСТВО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В НАУЧНОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. А. Борейко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

snezhana.boreiko@gmail.com

Научный руководитель – Кучко Елена Евгеньевна,

доктор социологических наук, профессор

В статье на основании статистических данных проведена оценка уровня воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь. Установлено, что в системе подготовки и аттестации научных кадров проводится недостаточная работа с точки зрения ежегодного восполнения численности научных работников высшей квалификации. Делается вывод об определяющем влиянии демографического фактора (сокращении численности молодежи на 40% за 14 лет) на уменьшение потребности в преподавателях и, соответственно, в научных работниках высшей квалификации.

Ключевые слова: научные работники высшей квалификации; аспиранты; студенты; кандидаты наук; воспроизводство научных работников высшей квалификации; профессорско-преподавательский состав ВУЗов.

Международные сопоставления показывают, что в настоящее время для Беларуси характерно низкое количество выпускников аспирантуры. По

данному показателю наша страна более чем в два раза уступает среднему уровню стран ОЭСР и Европейского союза. При этом действующая система подготовки и аттестации не справляется с задачей по воспроизводству численности НРВК, занятых в экономике.

В течение последних 10 лет численность НРВК сократилась на 14,2 %, что существенно выше темпов сокращения общей численности занятых в экономике. При этом в 2019–2020 гг. существенно ускорилась тенденция по снижению количества защит кандидатских диссертаций. В результате в 2020 г. система подготовки и аттестации НВРК обеспечила воспроизводство их численности на уровне немногим более 40 % [1]. В среднем же за последние 10 лет уровень воспроизводства численности НВРК составил 63 %.

Для выяснения факторов снижения численности НРВК важно отметить, что единственным источником формирования этой группы является присуждение ученой степени кандидата наук. В последние годы в нашей стране произошло драматическое снижение количества присужденных степеней кандидата наук. Так, если с 2011 по 2018 годы ежегодно присуждалось более 400 степеней кандидата наук, то в 2020 году их количество снизилось до 274 [1]. Подобное снижение в последний раз наблюдалось только в период кризиса после распада СССР. Для анализа сложившейся ситуации необходимо ответить на вопрос о том, где находят свое применение научные работники высшей квалификации, то есть, какова структура занятости данной категории работников. Анализ структуры занятости показывает, что подавляющее количество НРВК – это профессорско-преподавательский состав ВУЗов. Из 14,6 тысяч человек НРВК, 63% работает в ВУЗах, еще 22,4% заняты в сфере научных исследований и разработок, еще 14,5% заняты в других сферах экономики [2].

Структура занятости НРВК в полной мере соответствует структуре их подготовки. Как известно, подготовка НРВК происходит в системе аспирантуры Республики Беларусь. Аспирантов готовят в учреждениях высшего образования и научных организациях. При этом большинство аспирантов (82% от их общего количества) готовятся именно в ВУЗах: это будущие преподаватели университетов. Безусловно, ВУЗы могут готовить аспирантов и для других сфер экономики, однако следует отметить, что в нашей стране аспирантура носит целевой характер. При приеме в аспирантуру заключается трехсторонний договор между самим аспирантом, учреждением, которое его готовит, и заказчиком этого

специалиста. В 9 из 10 случаев изначально при заключении договора предполагается, что аспиранты пойдут работать по распределению в эти же университеты, где и проходили подготовку (т.е. университет указывается в договоре и как заказчик, и как исполнитель). Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что аспирантура при ВУЗах предназначена, прежде всего, для воспроизводства профессорско-преподавательского состава самих ВУЗов.

При этом именно снижение приема аспирантов в учреждения высшего образования более чем на 90% определяет снижение приема в аспирантуру в целом по стране. Так, с 2004 по 2020 год прием в аспирантуру в учреждения высшего образования сократился 1 154 человек до 710 человек в год. За то же время, общая численность приема в аспирантуру в целом по стране сократилась с 1 511 до 840 человек в год [2]. Эти цифры показывают, что в течение этого периода университеты ежегодно снижали объем воспроизводства профессорско-преподавательского состава.

Подобная тенденция может быть обусловлена различными причинами. Например, можно предположить, что на подготовку новых преподавателей недостаточно денежных средств или, что профессия преподавателя ВУЗа перестала быть престижной и не нашлось достаточного количества желающих, чтобы занять эти позиции. Однако в действительности, истинная причина лежит не в недостатке бюджетных средств или в низком количестве желающих, а в более долгосрочных и фундаментальных причинах.

В 2010 году наблюдалась максимальная за всю историю Беларуси численность приема абитуриентов для получения высшего образования. В тот год студентами стали 87,4 тысячи человек. К 2020 году численность приема студентов в ВУЗы сократилась до 58,3 тысячи человек. То есть, за 10 лет численность ежегодного приема студентов сократилась почти на 30 тысяч человек. Таким образом, ежегодно количество студентов по сравнению с предыдущим периодом сокращается на 30 тысяч человек. Указанная причинно-следственная связь имеет очень четкое количественное выражение. В среднем за период с 2004 по 2020 год число лиц, принятых в аспирантуру высших учебных заведений составляла 13,9 человек на 1000 принятых студентов. Это соотношение носит устойчивый характер, несмотря на все изменения численности приема студентов и аспирантов. Конечно, минимальные отклонения существуют, однако они крайне незначительны. Стандартное отклонение этого показателя составляет ± 1 человек. Коэффициент корреляции между численностью

приема аспирантов и численностью приема студентов составляет 0,86, что свидетельствует о сильной прямой зависимости.

В период с 2010 по 2020 годы в Беларуси произошло сокращение численности молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, то есть в тех возрастах, которые на 85% формируют студенчество. Если в 2007 году численность этой группы составляла 1 250,8 тысяч человек, то к 2020 году – сократилась до 733,4 тысяч человек [2]. Таким образом, за 14 лет численность молодежи в стране сократилась более чем на 40%. При таком демографическом спаде, чтобы сохранить численность студентов в ВУЗах на прежнем уровне пришлось бы вообще отменить какие-либо критерии и требования для поступления в ВУЗы и брать всех желающих.

Однако, стоит отметить, что требования к отбору студентов уже итак были доведены до минимума в предыдущий исторический период. В частности, в период с 1996 по 2007 год численность молодых людей от 17 до 24 лет находилась примерно на одном уровне и составляла более 1 150 тысяч человек [3]. За это время доля студентов в этой возрастной группе увеличилась с 15,7% до 28,7%. Именно на этот период и приходится так называемая массовизация высшего образования, когда практически каждый третий представитель молодежи являлся студентом. Дойдя до максимума на уровне около 30%, доля студентов в общей численности молодежи стабилизировалась и продолжает сохраняться на одном уровне и по сей день. Дальнейшее увеличение этой доли (охвата высшим образованием) означает еще большее снижение требований к поступающим в ВУЗы.

Таким образом, под влиянием демографического фактора, а именно снижения рождаемости, произошло резкое сокращение численности молодых людей (на 40% за 14 лет). Дабы компенсировать столь резкое сокращение искусственно был увеличен набор студентов в ВУЗы, что сделало высшее образование массовым и доступным практически для каждого третьего молодого человека. Столь существенный охват молодежи высшим образованием не соотносится с задачами государства по расширению класса рабочих, поэтому спустя несколько лет массовых наборов в ВУЗы произошло сокращение численности приема студентов. В результате, ежегодный прием в ВУЗы снизился практически на 30 тысяч человек. Все это означало неизбежное сокращение потребности в существующих преподавателях, а значит и сокращение объемов подготовки новых (т.е. научных работников высшей квалификации).

Сложившаяся ситуация представляет серьезную угрозу для научно-технологической безопасности страны. При сохранении сложившихся тенденций отставание Беларуси от других стран Европы будет только нарастать, что требует принятия решительных мер уже сегодня.

Библиографические ссылки

1. Белов, А. А., Борейко, С. А. Уровень воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь и перспективы его повышения. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2021. – №3. – С. 64-74.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2020: стат. сборник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – 125 с.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020: стат. сборник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – 125 с.

ОНЛАЙН-ШКОЛА КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. В. Вишняускайте

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alya.vishenka.939@mail.ru

*Научный руководитель – Терещенко Ольга Викентовна,
кандидат социологических наук, доцент*

В публикации автор рассматривает онлайн-школу как новый этап развития образования в эпоху цифровизации. Актуальность данной темы обусловлена тем, что на данный момент происходит цифровизация, которая влияет на все общество, его деятельность и развитие, именно она влияет на развитие образования и переносит его в цифровое пространство, отходя от привычных норм. В работе приводятся результаты исследования содержательного анализа интернет-ресурсов, посвященных теме онлайн-школ. Целью исследования является выявление отличительных особенностей и преимуществ онлайн-школы как нового этапа развития образования. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований, направленных на комплексное изучение онлайн-школ и онлайн-образования в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация; онлайн-школа; онлайн-образование.

Для многих людей до пандемии COVID-19 онлайн-обучение не казалось чем-то важным, большая часть людей не принимала такой вид образования, считая его малоэффективным и не соответствующим стандартам специализированного образования. Известно, что до пандемии были программы дистанционного образования, но в реалиях они включали частичное присутствие студента в университете, онлайн-обучение не было

чем-то, что ассоциировалось с маленькими детьми или подростками в школе. Однако в пандемию, многие столкнулись с закрытием школ, невозможность получения профессиональных знаний, и отсутствием понимания, что будет с образованием.

Цифровизация не заставила долго ждать, современные технологии активно начали трансформировать привычное нам обучение в школе. И учебные заведения начали переходить на дистанционный режим работы. Обычно под дистанционным режимом работы подразумевают переход к занятиям на школьной онлайн-платформе, но основной проблемой стало отсутствие таких платформ или частая их техническая неисправность, ведь никто не готовился к такому резко переходу в цифровую среду. В это же время начали появляться отдельные онлайн-школы, которые специализировались только на обучении через онлайн-среду.

Важно понимать, что онлайн-школа – это форма получения образования, при которой учитель и ученик взаимодействуют на расстоянии с помощью информационных технологий [1]. В настоящее время онлайн-школы делятся на два формата: специализированные в определенной сфере, и полноценные онлайн-школы как аналог традиционных школ в онлайн-среде. Данная работа посвящена анализу онлайн-школ второго типа.

Онлайн-школы как аналоги традиционных школ используют те же принципы: обучение включает классную и домашнюю работу, взаимодействие между учителем и учеников, оценки, полноценное расписание. Но методика обучения и инструменты современные: онлайн-обучение проходит при помощи ноутбуков, планшетов и не редко телефонов [2].

Есть определенные преимущества и возможности онлайн-школ в отличии от традиционных очных школ, они включает:

- Привлечение не только учащихся, но и учителей к участию в обучении на основе технологий. Дистанционное обучение предлагает учителям и учащимся онлайн-процессы оценки, что облегчает работу учителям.
- Асинхронным режим. Занятия проводят режиме онлайн, которое не ограничивает ученика определенным местом. Они могут установить более гибкий и удобный график, что позволит им работать в своем темпе и развивать самодисциплину. Однако при традиционном обучении учащиеся должны ходить в школу для получения знаний.

- Эксперты в области образования обнаружили, что интерактивные технологии общения и совместной работы, такие как Microsoft Teams и Slack, могут повысить удовлетворенность учащихся процессом обучения, укрепляя при этом чувство присутствия в обществе. Эти инструменты позволяют учащимся вместе работать над проектами, делиться друг с другом идеями. Они также предоставляют ученикам возможность органично строить отношения.

- Студенты чувствуют большую связь со своими учителями именно в онлайн-школе, ведь они взаимодействуют друг с другом в режиме «нон-стоп».

- Онлайн-обучение может обеспечить образование тем студентам, которые не имеют возможности присутствовать в традиционных школах в виду географического положения или здоровья. При наличии Интернета учащиеся могут регулярно проходить обучение [3].

В 2019 году в Беларуси открылась полноценная онлайн-школа Prime, которая занимается обучением детей со 2 по 11 класс. Интересно, что апреле-мае 2020 года во время пандемии школа работала бесплатно для всех учащихся Беларуси. Помимо обычного обучения, данная школа предлагает дополнительные пакеты услуг в виде дополнительного образования, помощи в профориентации, консультаций с профессиональным психологом, конкурса «Юный гений» и, конечно же, оказывают подготовку к экзаменам.

Онлайн-школа Prime выделила преимущества онлайн-школ, которые заключаются в:

1. Формате «здесь и сейчас»;
2. Живом взаимодействии с учителем;
3. Общении с одноклассниками;
4. Выполнение интерактивных заданий;
5. Эффективной обратной связи;
6. Полноценном погружении в образовательную среду [4].

Несмотря на все перечисленные преимущества, онлайн-образование, в частности онлайн-школы, имеют некоторые недостатки:

- Отсутствие живой практики;
- Возможные проблемы с техническим оснащением;
- Отсутствие Интернета и хороших гаджетов;
- Отсутствие обязательной физ.нагрузки и постоянное пребывание в электронных гаджетах.

Однако, в условиях перехода к ускоренному цифровому развитию школы и университеты по всему миру все равно начинают перепроектировать учебные пространства, чтобы обеспечить эту новую модель образования, способствовать большему взаимодействию и работе в небольших группах, а также использовать технологии в качестве инструмента реализации.

В заключении важно отметить, что цифровизация в сфере обучения – это мощный инструмент, который может поддерживать и преобразовывать образование во многих отношениях: от упрощения создания учебных материалов до предоставления людям новых способов обучения и совместной работы. С глобальным охватом Интернета и повсеместным распространением интеллектуальных устройств, которые могут подключаться к нему, наступает новая эра образования «в любое время в любом месте».

Библиографические ссылки

1. Чем отличается онлайн-обучение от дистанционного обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finacademy.net/materials/article/chem-otlichaetsya-onlajn-obuchenie-ot-distantionnogo-obucheniya>. – Дата доступа: 26.04.2022
2. Что такое онлайн-школа? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://62info.ru/news/obrazovanie/76598-chto-takoe-onlayn-shkola-osobennosti-onlayn-obucheniya-shkolnikov-v-rossii/>. – Дата доступа: 26.04.2022
3. Can Online Learning Be as Effective as Traditional Education? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldreader.org/blog/can-online-learning-replace-traditional-education/>. – Дата доступа: 26.04.2022
4. Prime – первая онлайн-школа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primeonline.by/product/yunuj-genij/>. – Дата доступа: 26.04.2022

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В. А. Звонова

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
zvopovavika5592@mail.ru*

*Научный руководитель – Кечина Евгения Аркадьевна,
доктор социологических наук, профессор*

В публикации автор приводит результаты анкетного опроса студенческой молодежи ФФСН БГУ, проведенного в феврале-марте 2022 года, об их отношении к дистанционному образованию в период пандемии COVID-19 (n = 200). Было выявлено, что большинство студентов положительно относятся к введению дистанционного

обучения в сферу высшего образования (78%), готовы учиться в таких условиях (80,5%) и считают, что и после окончания пандемии COVID-19 есть необходимость проводить часть занятий в дистанционном формате (84,5%). Также выявлен ряд проблем, возникших у студентов в период обучения в дистанционном формате, требующих решения, и чем данная форма обучения их привлекает.

Ключевые слова: дистанционное образование; информационно-коммуникационные технологии; студенческая молодежь.

В 2020 году все страны столкнулись с проблемой быстрого распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, вследствие чего Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале пандемии. Данная эпидемиологическая ситуация оказала влияние на практически все сферы жизни: от экономической до социальной. Сфера образования также столкнулась со значительными изменениями, одним из которых стал полный переход на дистанционную форму получения образования благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Дистанционное образование существовало и функционировало и ранее, однако именно в таких условиях оно получило значительное распространение. В связи с этим изучение отношения студенческой молодежи к дистанционному образованию в период пандемии COVID-19 является актуальным.

В феврале-марте 2022 года был проведен анкетный опрос среди студентов всех курсов и всех специальностей очной формы обучения ФФСН БГУ.

Первая задача исследования была связана с изучением достоинств и недостатков дистанционного обучения (ДО), с которыми столкнулась студенческая молодежь ФФСН. Студентам был задан вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа *«Исходя из Вашего опыта, какие достоинства перехода на дистанционное обучение Вы можете выделить для себя лично?»* (таб. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Исходя из Вашего опыта, какие достоинства перехода на дистанционное обучение Вы можете выделить для себя лично?» в целом по массиву, в %

Экономия времени на дорогу в университет	86,0
Безопасность для здоровья в период пандемии COVID-19	76,0
Возможность присутствовать на занятиях независимо от состояния здоровья	75,0
Экономия денежных средств на проезд или проживание в съемном жилье	74,0
Доступность образовательных материалов на одном ресурсе	68,5

Продолжение таблицы 1

Удобство совмещения обучения с работой или другой деятельностью	53,0
Улучшение навыков самоорганизации	45,5
Улучшение качества образовательных материалов	45,0
Улучшение уровня владения ИКТ	32,5
Другое	1,5

Самыми популярными ответами студентов являются экономия времени на дорогу в университет (86%), безопасность для здоровья в период пандемии COVID-19 (76%) и возможность присутствовать на занятиях независимо от состояния здоровья (75%). Более половины студентов также отметили такие преимущества дистанционного обучения, как экономия денежных средств на проезд или проживание в съемном жилье (74%), доступность образовательных материалов на одном ресурсе (68,5%) и удобство совмещения обучения с работой или другой деятельностью (53%). Только чуть менее трети студентов (32,5%) выбрали вариант «улучшение уровня владения ИКТ». Среди других вариантов ответов студенты отмечали гибкость обучения и возможность легче «прогулять или проспать» пару без ощутимых последствий. Последнее является, напротив, недостатком дистанционного обучения, а тот факт, что, по мнению студентов, это может относиться к достоинствам, свидетельствует об их низкой степени мотивации и заинтересованности в обучении.

Помимо положительных сторон дистанционного обучения, студенты также отвечали на вопрос о его недостатках (таб. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «С какими проблемами в ходе реализации дистанционного обучения Вы столкнулись?» в целом по массиву, в %

Плохо работающая образовательная платформа	70,5
Отсутствие надежного Интернет-соединения	53,5
Недостаточный уровень владения ИКТ среди преподавателей	41,0
Увеличение учебной нагрузки	38,0
Нежелание преподавателей проводить занятия в дистанционном формате	37,5
Отсутствие возможности достаточной коммуникации с одногруппниками	29,0
Проблема поддержания режима дня, самоорганизации	28,5
Отсутствие возможности достаточной коммуникации с преподавателями	25,5

Продолжение таблицы 2

Отсутствие оборудования, необходимого для дистанционного обучения	23,5
Ухудшение самочувствия из-за постоянного использования ПК	23,5
Отсутствие возможности создания тихой атмосферы во время проведения занятий	19,0
Недостаточный уровень владения ИКТ среди студентов	7,5
Снижение учебной нагрузки	5,0
Другое	4,0

Исходя из полученных данных, более половины студентов столкнулись с техническими проблемами, в частности плохо работающей образовательной платформой и отсутствием надежного Интернет-соединения (70,5% и 53,5% соответственно). Среди других вариантов ответов студенты отмечали, что не столкнулись с какими-то проблемами в ходе реализации дистанционного обучения.

Далее студентам был задан вопрос *«Как Вы в целом относитесь к введению дистанционного обучения в сферу высшего образования?»*. Большинство студентов относятся к введению дистанционного обучения положительно (78%) и только 13,5% – отрицательно. Остальные затруднились ответить.

Также студентам был задан вопрос *«Готовы ли Вы учиться в условиях дистанционного обучения?»*. Большая часть студентов ответили, что готовы учиться в условиях ДО (80,5%), а 15% респондентов выразили свою неготовность. Остальные респонденты выбрали вариант «затрудняюсь ответить».

Следующий вопрос, на который предлагалось ответить респондентам, был поставлен следующим образом: *«Как Вы считаете, есть ли необходимость проводить часть занятий в дистанционном формате после пандемии COVID-19?»*. Большая часть студентов ответили, что такая необходимость есть (84,5%). 13,5% ответили отрицательно, а остальные затруднились ответить.

Также студентам были заданы открытые вопросы о том, какой процент лекционных и семинарских занятий должен проводиться в дистанционном формате после пандемии COVID-19. Среднее значение лекционных занятий среди всех ответивших (191 респондент, 9 затруднились ответить) составило **62,3%**, а семинарских – **35,6%** (ответили 194 респондента, 6 затруднились ответить).

Исходя из полученных данных, следует отметить, что у студентов преобладает положительное отношение к ДО, поэтому стоит рассмотреть вопрос о сохранении проведения части занятий в дистанционном формате после пандемии. Основные проблемы реализации дистанционного обучения, на сегодняшний день, являются техническими. Также некоторые проблемы, возникшие у студентов, являются такими, которые они могут решить самостоятельно (например, отсутствие возможности создания тихой атмосферы во время проведения занятий). Однако некоторая часть все же требует внимания и со стороны университета (недостаточный уровень владения ИКТ среди преподавателей, увеличение учебной нагрузки, отсутствие возможности достаточной коммуникации с преподавателями).

ВНУТРИВУЗОВСКИЙ МАРКЕТИНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. А. Корнеевец, М С. Чуешова

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
max.berg711@gmail.com, marina.chueshova@gmail.com
Научный руководитель – Бурак Татьяна Викторовна,
кандидат социологических наук, доцент*

В работе рассматривается роль университетской символики в формировании имиджа учебного заведения. На основе данных, полученных по результатам исследования, оценивается эффективность работы магазина «Крама БДУ», осуществляющего продажу товаров с официальной символикой Белорусского государственного университета. Рассматриваются факторы, которые могут оказывать влияние на информированность студентов БГУ о наличии данного магазина, а так же опыт и желание приобретение товаров в нем. На основе анализа делается ряд рекомендаций по повышению эффективности работы магазина «Крама БДУ».

Ключевые слова: университетская символика; информированность; востребованность товаров.

Имидж является одним из основных инструментов достижения стратегических целей учебного заведения. Позитивный образ университета позволяет привлечь талантливую молодежь и выстроить продуктивные отношения с различными коммерческими и государственными организациями. Одной из основных частей имиджа университета является

его символика, грамотное использование которой позволяет повысить узнаваемость ВУЗа, сделать его не просто местом, позволяющим получить образование, но и брендом, пользующимся популярностью у абитуриентов [2]. Таким образом, для развития университета крайне важно продвигать и популяризировать свою символику.

Символика Белорусского государственного университета реализуется и продвигается во много благодаря магазину «Крама БДУ» - официальному магазину символики БГУ. Для того, чтобы оценить эффективность работы данного предприятия, в рамках учебной практики были рассмотрены вопросы информированности студентов о наличии данного магазина, опыте и желании приобретения в нем товаров с символикой университета. Исследование проводилось в ноябре 2021 – апреле 2022 года.

Для исследования вышеописанных проблем использовался метод анкетного опроса с применением многоступенчатой кластерной выборки [1]. Объем выборочной совокупности составил 1541 студент, обучающиеся на 16 факультетах и в 3 учреждениях образования БГУ. При анализе полученных данных было принято решение об исключении из перечня рассматриваемых факультетов военного факультета, факультета журналистики и института теологии. Данное решение было принято в связи с тем, что студенты, обучающиеся на данных факультетах, составляли незначительную долю из всей выборочной совокупности (менее 1% от каждого), что в последующем могло привести к некорректной интерпретации полученных данных.

Проанализировав полученные данные, можно констатировать, что юноши и девушки практически в равной степени проинформированы о наличии магазина «Крама БДУ». Значительная часть респондентов обоих полов осведомлена о наличии данного магазина – 88,3% юношей и 89,6% девушек. Кроме того, пол не оказывает никакого влияния на опыт и желание приобретения товара в магазине. Каждый 10 опрошенный студент вне зависимости от пола ранее приобретал товары в «Краме БДУ», чуть больше 1/3 опрошенных студентов, вне зависимости от пола, высказали желание приобрести товар с символикой их факультета в Краме БДУ.

Дисперсионный анализ позволил выявить наличие влияния формы обучения студентов на уровень их информированности о наличии магазина – 83,4% студентов, обучающихся на платной форме, ранее слышали о «Краме БДУ», среди студентов бюджетной формы обучения процент выше – 93,2%. В вопросах опыта и желания приобретения товаров в «Краме БДУ» форма обучения значимого влияния не оказывает, однако

студенты бюджетной формы обучения чаще покупали товары в изучаемом магазине и чаще высказывали желание приобрести в нем товары с символикой их факультета.

Анализ полученных данных позволил выявить одну крайне интересную закономерность: у студентов, обучающихся на факультетах, расположенных рядом с Главным корпусом БГУ или в нем, уровень осведомленности о наличии магазина «Крама БДУ» выше, чем у студентов, обучающихся на отдаленных от Главного корпуса факультетах. Данная закономерность наблюдается и в вопросах опыта и желания приобретения в магазине товаров. Суммарное влияние факультета по всем 3 вопросам составляет 12,81%, т.е. расположение корпуса факультета на 12,81% определяет то, насколько студент осведомлен о наличии магазина и на то, покупал ли он ранее или хотел бы купить в нем товар. Это может быть связано с тем, что магазин «Крама БДУ» находится в Главном корпусе БГУ, что. В свою очередь повышает шанс того, что студент, обучающийся рядом с ним, будет знать о магазине или что-либо в нем приобретать.

Таким образом, можно сделать ряд рекомендаций для повышения информированности о востребованности товаров с символикой БГУ. В первую очередь необходимым является развитие таких источники связи как социальные сети и интернет-сайт магазина «Крама БДУ». Удачным решением может стать проведение различных пиар-акций, включающих организацию конкурсов и розыгрышей товаров с символикой университета, в этом случае особое внимание стоит уделить студентам из отдалённых от Главного корпуса факультетов. Кроме того, уместной была бы реклама в социальных сетях, сопровождаемая сообществами «проблемных» факультетов, таких как ФФСН, ФСК, МГЭИ и т.д. Наиболее эффективным, на наш взгляд, но в то же время и наиболее труднореализуемым является решение о создании филиала магазина «Крама БДУ» рядом с природным заповедником «Дубрава» (р-н Малиновка). В данном районе расположены 2 общежития и 3 факультета БГУ, относящиеся к тем, где студенты относительно редко приобретали и высказывали желание приобрести товары в магазине.

Библиографические ссылки

1. Бурова С. Н., Кучко Е. Е., Филинская Л. В., Методология и методы социологических исследований: пособие / Е. Е. Кучко, С. Н. Бурова, Л. В. Филинская. – Минск: БГУ, 2018. – 252 с.

2. Демин П., Пашков С., Символика университета в восприятии студентов / П. Демин, С. Пашков // INTER. – М.: 2015. – №10. – С. 91-100.

ВЛИЯНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА ОБУЧЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ

С. В. Кузьмин

Белорусский государственный университет, г. Минск;

13_sersei_belarus@mail.ru

*Научный руководитель – Титаренко Лариса Григорьевна,
доктор социологических наук, профессор*

В публикации автор рассматривает отношение студентов к дистанционному образованию и то, как данная форма образования сказывается на освоение цифровых компетенций. Приводятся результаты исследования, проведенного среди студентов Республики Беларусь. Цель исследования – выявить различия в формировании цифровых компетенций между студентами, которые уходили на удаленный формат образования, и тем, кто не уходил. Полученные результаты могут стать основой для проведения дальнейших исследований, а также базой для разработки мероприятий и программы, направленных на улучшения качества подобного формата образования с технической, организационной и содержательной стороны.

Ключевые слова: дистанционное образование; цифровая трансформация; цифровые компетенции; информационно-коммуникационные технологии.

В данной статье исследуется дистанционный формат обучения, и то, как он влияет на формирование и улучшение цифровых компетенций у студентов. С точки зрения современных постковидных реалиях, данная тема является весьма актуальна. Большинство высших учебных заведений Республики Беларусь в 2020-2021 гг. переходили или на смешанный, или на дистанционный формат образования. Поэтому важно понимать: какое влияние данный формат обучения смог оказать на цифровую грамотность и компетентность студентов; стали ли они лучше усваивать учебный материал и как успешно освоили различные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Процессы цифровой трансформации затрагивают различные сферы деятельности в том числе и образование. За последние годы социум сталкивается с различными элементами цифровой трансформации: интернет-ресурсы, мессенджеры, компьютеры и др. Данные технологии

позволяют использовать их в том числе и в сфере образования для изменения традиционных практик, добавление удобств и информативности [1, с. 23]. Так приложения видеоконференций сделали доступными возможность проводить в вузах лекции и семинары удаленно, без посещения учебных заведений. Применения ИКТ в образовательной среде привело к феномену дистанционного образования, под которым можно считать новый виток инноваций, приводящий к оказанию влияния информационно-технологичного прогресса повседневных социальных практик на образовательный процесс студентов [2, с. 104].

Под цифровыми компетенциями следует понимать умения и навыки, которые формируются на базе имеющихся цифровых знаний, однако отличаются своей практической направленностью [3, с. 38]. Чтобы зафиксировать освоение или формирование цифровых компетенций следует оценить уровень владения конкретными ИКТ, которые необходимы в образовательной сфере. В нашем исследовании за измерение брались такие цифровые компетенции как: *умение пользоваться персональным компьютером; умение пользоваться программным обеспечением компьютера; работа с поисковыми запросами; умение пользоваться электронной почтой; пользование приложениями для видеоконференций; умение работать с базами данных и хранением информации; владение профессиональными программами и аналитическими системами.*

В феврале-марте 2021 года было проведено эмпирическое исследование, где опросили 1 733 студента разных вузов страны. Среди них 1 346 респондентов уходили на дистанционное обучение либо в смешанном виде, либо в полностью в удаленном.

Для изучения уровня владения цифровыми компетенциями у респондентов узнавали их собственное восприятие по поводу владения ИКТ. Для определения данного уровня студентам было предложено оценить свое умение работать с данными ИКТ по шкале от 1 до 5, где 5 – очень хорошо, 1 – очень плохо. В результате были посчитаны средние оценки владения цифровыми компетенциями. Получилось, что почти по всем пунктам студенты, проходящие обучение в дистанционном формате, оценивали свой уровень владения ИКТ выше, чем студенты традиционной формы обучения (таблица 1).

Таблица 1 – Средняя оценка студентами своего уровня владения цифровыми компетенциями

Цифровые компетенции	На дистанционном обучении	На традиционном обучении
Владение персональным компьютером	4,6	4,6
Владение пакетом Microsoft Office	4,2	4,1
Владение электронной почтой	4,6	4,4
Владение поисковыми системами	4,8	4,8
Владение приложениями для видеоконференций	3,9	3,5
Владение облачными хранилищами	3,8	3,8
Владение профессиональными программами	2,7	2,8

Особенно сильно заметна разница во владении приложениями для видеоконференций (3,9 – у студентов с дистанционкой и 3,5 – без дистанционки). В то время как профессиональными программами лучше владеют студенты традиционного формата обучения, что скорей всего справедливо, т.к. данное ИКТ лучше всего осваивать на лекциях в вузе.

В целом эти данные не могут однозначно утверждать, что именно дистанционный формат образования помог достичь такого высокого уровня владения цифровыми компетенциями. Они скорее показывают реальный показатель владения, который есть у студентов. Для фиксации того, как «удаленка» оказывает влияние на формирование цифровых компетенций у студентов лучше всего подойдет вопрос про улучшение за владения ИКТ. Результаты данного опроса дают совершенно противоположный результат: почти по всем пунктам значительно улучшили свои навыки студенты традиционного формата обучения (таблица 2).

Таблица 2 – Доля студентов, которые за последний год стали лучше владеть цифровыми технологиями, %

Цифровые компетенции	На дистанционном обучении	На традиционном обучении
Владение персональным компьютером	85,1	92,0
Владение пакетом Microsoft Office	84,0	89,9
Владение электронной почтой	75,2	82,7
Владение поисковыми системами	73,1	82,2
Владение приложениями для видеоконференций	81,3	64,6
Владение облачными хранилищами	64,1	65,6
Владение профессиональными программами	40,3	47,5

Владение приложениями для видеоконференций – это единственная цифровая компетенция, которую более значительно улучшили студенты с дистанционкой (81,3% против 64,6%). Данная тенденция закономерна, т.к.

на удаленном формате обучения коммуникация между студентами и преподавателями происходит по средства данных приложений. При этом более низкий уровень улучшения всех остальных цифровых компетенций у студентов данного формата обучения может свидетельствовать в целом о негативном влиянии удаленки на образование.

Однако, если более подробно изучить выборку и разбить студентов по курсам обучения, то мы получим интересную тенденцию. В целом среди студентов как удаленного, так и традиционного формата преобладает доля 1-2 курса (у дистанционного формата данная доля студентов составляет 65,6% студентов, у традиционного – 76,1%). Если распределить студентов по формату образования и по курсу обучения, а потом определить в процентном соотношении в каждом курсе, кто из студентов улучшил свои навыки владения ИКТ, то получает следующее: среди студентов традиционного формата лучше всего освоили цифровые технологии 1 и 2 курс, а среди студентов дистанционного формата – 3 и 4 курс (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение доли студентов, которые за последний год стали лучше владеть цифровыми технологиями по курсам и формату обучения, %

Цифровые компетенции	На дистанционном обучении				На традиционном обучении			
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
Владение персональным компьютером	86,4%	85,3%	85,3%	86,9%	94,2%	91,1%	88,6%	82,6%
Владение пакетом Microsoft Office	87,5%	82,8%	83,5%	86,0%	91,8%	92,7%	88,6%	69,6%
Владение электронной почтой	74,7%	77,3%	73,5%	80,4%	86,5%	81,3%	70,5%	82,6%
Владение поисковыми системами	69,9%	73,5%	74,9%	79,4%	85,4%	78,9%	77,3%	69,6%
Владение приложениями для видеоконференций	77,6%	83,5%	84,6%	73,8%	60,8%	68,3%	65,9%	60,9%
Владение облачными хранилищами	64,2%	65,9%	64,5%	58,9%	63,2%	69,1%	68,2%	65,2%
Владение профессиональными программами	37,8%	41,9%	46,2%	33,6%	49,1%	48,0%	45,5%	43,5%

На основе этих данных можно построить следующую теорию. Помимо того, что на 1-2 курсе студенты традиционного формата лучше всего усваивали цифровые технологии, так еще студенты данных курсов почти по всем пунктам в цифровых компетенциях лучше своих ровесников, которые обучались на дистанционке. В то же почти по всем пунктам студенты 3-4 курса с дистанционным форматом лучше освоили ИКТ, чем их ровесники с традиционным форматом. Из этого можно сделать вывод, что студенты 1-2 курса, обучающиеся на дистанционке не получили

должным образом необходимые знания, которые получили студенты, которые ходили в вуз. При этом 3 и 4 курс на удаленке смог более значительно улучшить свои навыки владения ИКТ, скорее всего за счет перехода на данный формат обучения.

Поэтому можно резюмировать, что дистанционный формат обучения не подходит для абсолютно всех студентов в плане усвоения и формирования цифровых компетенций. На 1 и 2 курсе обучения лучше всего ограничиться традиционным форматом образования, а переводить студентов на дистанционный или смешанный лучше всего на 3 и 4 курсе, когда они должным образом получают базовые знания в вузе, и уже потом сами будут улучшать их, используя дистанционный формат обучения.

Библиографические ссылки

1. *Титаренко Л. Г.* Виртуализация образования в условиях цифровой экономики // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – № 1. – С. 23-30.
2. *Головенчик Г. Г.* Цифровая трансформация и экономический рост (на примере белорусской экономики) / Г.Г. Головенчик, М.М. Ковалев // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. – 2018. – № 1. – С. 102-121.
3. *Ковалев М. М.* Образование для цифровой экономики / М. М. Ковалев // Цифровая трансформация. – 2018. – № 1 (2). – С. 37-42.

МИРОВЫЕ АНИМАЦИОННЫЕ ШКОЛЫ И УНИВЕРСИТЕТЫ В ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЕЖНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. А. Лукина

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
yekaterina_lukina_99@mail.ru*

*Научный руководитель – Волнистая Марина Георгиевна,
кандидат социологических наук, доцент*

В публикации автор раскрывает такой феномен как визуальная культура. Предпринята попытка проанализировать данное явление через сферу анимации. Так же продемонстрировано развитие анимационных школ и университетов. Объектом исследования выступает молодежная визуальная культура, предметом – анимация. Цель исследования выявить механизм формирования визуальной культуры у молодёжи в анимации. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: визуальная культура; анимация, анимационные школы и университеты; символическо-графическая система.

В данной статье исследуется проблема молодежной визуальной культуры. Существует многообразие определений визуальной культуры, как и понятия самой культуры. В этом исследовании автор придерживается такого раскрытия термина визуальной культуры как: это все современное жизненное пространство, включающее в себя и различные средства визуальной коммуникации, и визуальную грамотность, и визуальное восприятие, и визуальное мышление [1, с. 3].

В целом можно сказать, что сегодня молодежь воспринимает мир через визуальную составляющую. И поэтому теряют свою актуальность такие явления как книги, радио и др. Мировоззрение современного человека находится под значительным влиянием образцов кино-, видео- и полиграфической продукции, виртуальных интернет-миров [2, с. 34]. Так же это возможно проследить через развитие данных явлений.

Например, анимация является частью визуального искусства и имеет прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Это отражается через совершенствование её элементов: техники создания, сценария, музыкального сопровождения.

Так в мировых анимационных школах и университетах с распространением цифровизации и компьютеризации стало популярно преподавание 3D анимации и компьютерной графики, а ручная техника рисования анимации потеряла свои позиции.

Однако основой любого анимационного фильма или сериала служит сценарий, который соответствует современным тенденциям в обществе. Так во многих фильмах отражены главные проблемы общества такие как: проблема семейных отношений, экологические проблемы и многое другое. К примеру, фильм «Душа» режиссеров Пита Доктера и Кемпа Плауэра 2020 года раскрывает проблему одиночества, важность постановки целей в жизни и т.д. Через такого персонажа как Джо Гардер школьного учителя, который мечтал выступать в составе джазового ансамбля.

Из этого следует, что создание мировоззрения и культуры у молодежи осуществляется через символично-графическую систему, что означает создание идеального образа при помощи персонажей и фонов, который раскрывает мир с разнообразных сторон.

Можно сделать вывод, что главным механизмом формирования молодежной визуальной культуры в анимации является символично-графическая система, которая создается при помощи образов героев и атмосферы в фильмах и сериалах.

Библиографические ссылки

1. Сырова, Н. В. Визуальная культура как средство формирования общей и профессиональной культуры человека / Н. В. Сырова, В.Н. Чикишев // Вестник Мининского университета. – 2018. – №1. – С. 1–5.
2. Грабова, М. В. Визуальная культура современного общества / М. В. Грабова // Человек. Культура. Образование. – 2017. – №2(24). – С. 30–40.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ

Я. И. Марчук

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск;

lilluniwork@gmail.com

Научный руководитель – Кучко Елена Евгеньевна,

доктор социологических наук, профессор

В данной статье представлены результаты социологического исследования, проводимого с целью выявления представлений студентов о престижности получаемой профессии и ее роли в их профессиональном самоопределении.

Ключевые слова: профессиональный выбор; профессиональное самоопределение; престиж профессии; трудоустройство; молодёжь.

Существующая проблема трансформации трудовых стратегий молодёжи занимает особое место в связи с текущим социально-экономическим положением Республики Беларусь. Современные тенденции на рынке труда диктуют свои условия. Наблюдается сильное социальное расслоение общества, перенасыщение рынка труда квалифицированными кадрами и возрастающая от этого конкуренция среди соискателей, совмещение функциональных обязанностей разных специалистов в одной вакансии, несоответствие уровня оплаты труда возложенным на работника обязанностям. Углубление и расширение

экономических преобразований, возросшая динамика социально-экономических процессов влекут за собой огромные изменения в условиях жизни людей, вынуждая их оперативно реагировать на новые вызовы, вносить существенные коррективы в жизненные планы, менять привычные стратегии и осваивать более эффективные способы адаптации к происходящим переменам [1, с. 305]. А как известно, важнейшим адаптационным ресурсом было и остаётся образование.

Наиболее губительны эти тенденции для одной из самых незащищённых профессиональных групп – для выпускников высших учебных заведений, которые только-только выходят на рынок труда. Всё чаще мы встречаем молодёжь, которая не имеет желания или не может трудоустроиться по специальности, полученной в высших учебных заведениях страны. Данная проблема требует особого внимания, так как именно молодёжь является основным резервом трудовых кадров. А без обновления и ротации кадров невозможно планомерное развитие как отдельных отраслей, так и экономики страны в целом.

В связи с существующей проблемной ситуацией было проведено прикладное исследование по теме «Отношение студентов-социологов к будущей профессии (на примере студентов-социологов ИСГО БГЭУ)» с целью репрезентации профессиональных установок студентов-социологов ИСГО БГЭУ. В исследовании приняли участие группы 19ДИС и 18ДИС ввиду того, что студенты этих групп находятся на 3 и 4 курсах обучения соответственно, а значит наиболее близки к выходу на рынок труда в качестве молодых специалистов-выпускников. Численность опрошенных студентов составила 42 человека.

Приступая к представлению результатов исследования, особое внимание стоит уделить портрету профессионально-личностных характеристик социолога. В открытом вопросе «Какими личными качествами должен обладать “Социолог”?» респонденты чаще всего указывали необходимыми такие характеристики как: коммуникабельность или общительность (27 раз), аналитический склад ума (8 раз), стрессоустойчивость и ответственность (по 6 раз). Также нередко упоминались внимательность, креативность, многозадачность и усидчивость.

Нельзя не отметить, что абсолютное большинство респондентов считают профессию социолога социально значимой (92,9%) и престижной (61,9%), однако не могут однозначно сказать является ли она высокооплачиваемой. По вопросу о конкурентности профессии мнения

также разделились: 50% студентов-социологов считают, что конкурентность скорее велика; 42,9% же склонны отрицать высокую конкурентность профессии на рынке труда. При этом большинство опрошенных считают профессию социолога сложной (78,6%) и даже опасной (57,1%).

Также несмотря на то, что многие отмечают профессию как творческую (73,8%) и интересную (95,2%), популярной профессией социолога всё же не считают (85,7%). Вероятно, именно поэтому в топ-3 мотивов выбора специальности «Экономическая социология» среди респондентов не вошли такие основания как «Выступления социологов и информация о результатах социологических исследований в СМИ», «Эту профессию выбирали многие из моего ближайшего окружения», «Желание продолжить семейную династию, сохранить традиции». Большинство опрошенных отметили, что при выборе специальности обучения ориентировались скорее на набор предметов ЦТ для вступительной кампании и необходимое количество баллов для поступления, собственные интересы и приемлемость цены обучения, что связано непосредственно с соотношением бюджетных и платных мест в планах приёма абитуриентов. При этом 85,7% опрошенных считают, что расширение плана приёма абитуриентов на специальность скорее не требуется и лишь 9,5% респондентов считают.

Если спросить студентов-социологов «Посоветовали бы они знакомым абитуриентам поступать по специальности “Экономическая социология” в БГЭУ?», скорее всего ответ был бы положительным. С полной уверенностью посоветовали бы поступать в БГЭУ 19% респондентов. Высказываясь по открытому вопросу «Что по Вашему мнению необходимо сделать для привлечения внимания абитуриентов к специальности “Экономическая социология?”» многие отметили, что было бы неплохо давать больше информации насчёт деятельности социологов как абитуриентам, так и обществу в целом: «Нужно больше информировать абитуриентов об этой специальности, рассказывать о практических навыках, которые можно получить, и особенностях трудоустройства. Так как большинство не имеет ни малейшего понятия о том, что из себя представляет эта специальность», «Повышать осведомлённость абитуриентов о социологии как науке и профессии», «Любыми путями просветить общество о том, что такая специальность существует». Также были озвучены мнения о необходимости проведения рекламных кампаний, направленных на абитуриентов, и своевременном обновлении учебно-

методических комплексов: «Обновить материал для обучения, ... ,больше освещения кто такой социолог и почему это не преподаватель в школе чаще с которым путают нашу специальность», «Улучшение уровня преподавания, реклама на интернет платформах, новые интересные модули», «Заинтересовать абитуриентов классной рекламой».

Исходя из результатов исследования, опрошенные студенты в большинстве своём не ориентированы (81%) на продолжение обучения на второй ступени высшего образования, в магистратуре по специальности «Экономическая социология». Это означает что вероятно уже очень скоро их ждёт поиск места трудоустройства в качестве выпускников БГЭУ. Прежде чем озвучить личные трудовые ориентации, респонденты дали ответ на один из ключевых вопросов исследования: «Что для Вас является главным в профессии?». Более 50% респондентов указали своими главными ценностями в отношении профессии «Высокую оплату труда» и «Возможность саморазвития». Чуть менее упоминаемыми, однако довольно распространёнными оказались «Востребованность на рынке труда», «Творческая составляющая профессии» и «Возможность построить карьеру». Также стоит упомянуть, что по мнению 57,1% опрошенных студентов профессия «Социолог» скорее не является востребованной на белорусском рынке труда, при том ещё 16,7% полностью уверены в её невостребованности. Однако, несмотря на это, 11,9% респондентов планируют после окончания обучения в БГЭУ трудоустроиться по специальности. Среди оставшихся 83,4% опрошенных 86,5% скорее рассматривают вариант трудоустройства по смежной специальности (например, в сферу маркетинга, рекламы или консалтинга).

Рассуждая насчёт текущей деятельности в отношении дополнительного образования по специальности вне учебной программы университета, многие студенты (71,4%) признаются, что не занимаются чтением специализированной литературы, посещением вебинаров и семинаров. В свою очередь те, кто занимаются дополнительно, чаще всего занимаются не более раза в неделю или реже. К тому же, многие из опрошенных скорее не имеют желания непрерывно обучаться и развиваться по специальности после окончания вуза, среди них: полностью не готовы – 28,6%; скорее не готовы – 23,8%, скорее готовы – 28,6%; полностью готовы – 9,5% респондентов.

Анализируя состояние рынка труда, будущие социологи в большинстве своём (59,9%) склоняются к тому, что «работу найти довольно сложно, но возможно»; 9,5% абсолютно уверены в том, что «найти работу сложно,

практически невозможно»; остальные 26,2% уверены, что «найти работу довольно легко, но вакансий не так уж много». Подводя итог, необходимо сказать, что наиболее вероятными барьерами на пути к трудоустройству респонденты считают отсутствие у выпускников-социологов практических навыков, стажа работы, недостаток количества вакансий по специальности, а также низкий заработок по доступным вакансиям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует острая необходимость разработки комплекса мер по формированию трудовых ценностей в отношении абитуриентов, студентов и в целом молодёжи, ведь эффективность профессиональной ориентации напрямую зависит от социально-психологических установок и ценностей молодежи на карьерное самоопределение. Выработка данного комплекса уже в обозримом будущем смогла бы поспособствовать разъяснению собственных трудовых стратегий и ликвидации неопределённости в сознании молодого поколения. Необходимо проводить информирование по вопросам, касающимся ряда мало освещённых сфер и профессий для повышения уровня доверия к ним в первую очередь в общеобразовательных учреждениях, так как школа является одним из важных этапов на пути к формированию полноценной самостоятельной личности.

Также для повышения престижа профессий необходимо информировать население о социальной значимости тех или иных профессий, их влиянии на жизнь общества; вести разъяснительные беседы о перспективах тех или иных профессий, о возможности самоопределения, самореализации и самоактуализации современного человека в сфере труда. Выбор профессии является одной из ключевых задач и от правильного ее решения напрямую зависит будущее молодого человека, а вместе с ним и всего общества, ведь именно молодёжь является тем самым фундаментом «светлого будущего страны». Потому для успешного профессионального развития и эффективного использования трудового потенциала страны важно определять текущие и перспективные тенденции на рынке труда и своевременно проводить профориентационные мероприятия, направленные на стимулирование внимания к различным профессиям в тех или иных условиях.

Все это также определяет необходимость системного изучения мотивации и ожиданий молодежи в процессе выбора и получения профессии. Такая информация будет способствовать выявлению существующих диспропорций, их социально-экономической оценке и

планированию шагов в рамках профориентационной деятельности и адаптации молодых специалистов.

Также исходя из результатов исследования стоит отметить, что особого внимания заслуживает необходимость изменения образа социолога в общественном сознании ввиду того, что социология имеет колоссальный потенциал без применения которого крайне затруднителен процесс отслеживания зарождения актуальных социальных проблем, трендов и тенденций. Проблемы гораздо проще и эффективнее решаются на этапе их формирования, а отслеживание трендов и тенденций может позволить прогнозировать потенциальные социально-экономические состояния социума и вырабатывать наиболее удачные стратегии развития его на долгие годы вперёд, что ещё раз подчёркивает особую миротворческую роль социологии в современном мире.

Библиографические ссылки

1. Козырева Полина Михайловна Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Россия реформирующаяся. 2015. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-trudoustroystvo-vozmozhnosti-i-realnost> (дата обращения: 26.04.2022).

БРЕНД «БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

А. А. Мисун

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
alina.misun@mail.ru*

*Научный руководитель – Кучко Елена Евгеньевна,
доктор социологических наук, профессор*

В публикации автор обращается к проблеме ознакомления с брендом «Белорусский государственный университет» среди студенческой молодежи, обучающейся в данном университете. Приводятся результаты пилотажного исследования на тему: «Отношение студентов и студенток факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета очной формы получения образования к бренду «Белорусский государственный университет»». Объектом исследования является студенческая молодежь факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета очной формы получения образования, предметом – бренд «Белорусский государственный университет». Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований, с целью повышения уровня узнаваемости бренда «Белорусский государственный университет» среди молодежи.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; бренд; брендинг; элементы бренда; высшее учебное заведение; студенческая молодежь; абитуриенты.

В современном мире конкуренция между учреждениями высшего образования становится все напряженнее. В частности, это происходит из-за большого разнообразия ВУЗов с прочными позициями на рынках и успешно сформированным положительным имиджем. Некоторые из них на протяжении долгого времени являются всемирно известными брендами в сфере высшего образования.

Абитуриенты очень внимательно относятся к выбору ВУЗа и уже за несколько лет начинают поиск подходящей профессии. Каждый абитуриент ищет ту специальность, его будущую сферу деятельности, которая будет удовлетворять его потребности и в которой он сможет успешно реализоваться. Безусловно, осуществляя свой выбор, абитуриент ориентируется на престижность профессии и ВУЗа, в котором будет учиться.

Сегодня создание и продвижения бренда университета является неотъемлемой частью его успешности на рынке образовательных услуг. Ведь узнаваемый бренд позволяет выделяться на фоне других и, тем самым, привлекать абитуриентов, показывать уникальность и повышать престижность обучения здесь. Создание мощного бренда позволяет ВУЗу получать определенные преимущества:

- позволяет быть менее подверженным влиянию конкурентов;
- формирует образ высокого качества;
- позволяет привлекать в вузы одаренных выпускников, успешно сдавших ЦТ, что повышает конкурс на поступление за счет повышения проходных баллов;
- повышает престижность обучения в данном ВУЗе, что позволяет увеличить количество учащихся, желающих обучаться и на платной основе, а также дает возможность увеличения оплаты за обучение;
- привлекает новые высококвалифицированные кадры;
- позволяет реализоваться и продвигаться на арене образовательных услуг дальше, заявляя о себе и продвигаясь в международных рейтингах.

Брендинг университета является на данный момент самым современным и эффективным процессом привлечения и удержания внимания и интереса абитуриентов и студентов. Он работает в долгосрочной перспективе и в дальнейшем необходимо лишь поддерживать сформированный положительный имидж учреждения

высшего образования, однако он требует определенных временных и финансовых затрат на его разработку.

Белорусский государственный университет – ведущий научный, образовательный, инновационный и культурный центр Республики Беларусь. Университет использует свой потенциал, основанный на лучшем отечественном и международном опыте, для удовлетворения интеллектуальных, культурных и социальных потребностей и интересов белорусского общества и государства, содействует устойчивому развитию Беларуси. В процессе своего развития в Белорусском государственном университете выработалась своя стратегия. Она основана на творческом сотрудничестве профессорско-преподавательского состава и студентов и направлена на выполнение образовательных, исследовательских и инновационных программ, формирование благоприятных условий для развития интеллектуального и творческого потенциала личности, сохранения и отстаивания лучших традиций университетского классического образования, обеспечения достойного места в мировом образовательном пространстве [1].

В 2021 году БГУ отмечал столетие. Данное событие включено решением ЮНЕСКО в Календарь памятных дат на 2020-2021 год, что наделяет столетие мировым статусом и подтверждает важный вклад БГУ в развитие как международного образования, так и науки. За этот период времени он пережил взлеты и падения, а также периоды повышенной и пониженной авторитетности. По данным самых авторитетных международных рейтинговых агентств на 2021 год БГУ входит в 1% лучших университетов, занимая высокие позиции среди 30 тысяч существующих учреждений высшего образования. Мониторинг рейтинга БГУ позволяет модернизировать направления образовательной, научной и управленческой политики университета [2].

На протяжении вековой истории Белорусский государственный университет ежегодно принимает к себе студентов из различных стран, остается ведущим вузом нашей страны, а также одним из самых престижных мест для обучения во всем мире. В БГУ сохраняются традиции обучения целых поколений, поддерживается их преемственность и неповторимый творческий дух [1].

Белорусский государственный университет является первым классическим университетом нашей страны. В 2000 году Совет БГУ утвердил герб университета, центральным символом которого стала ветка папоротника. В русле актуальных тенденций в БГУ были разработаны

рекомендации по использованию фирменной символики (брендбук), а цветографическое выполнение символики БГУ адаптировано с учетом современных полиграфических требований. Символика БГУ, закрепленная в гербе, отражается и в логотипе университета – он выполнен в синих цветах и также содержит в себе идею папоротника [3].

Однако несмотря на высокие рейтинги и заслуги Белорусского государственного университета, не все представители студенческой молодежи и абитуриентов осведомлены о многогранности университета. Большинство абитуриентов, студентов воспринимают БГУ лишь в качестве образовательного учреждения, в котором можно получить знания для будущей профессиональной деятельности и, в целом, престижно обучаться, так как именно он является ведущим вузом страны. Многие абитуриенты не оценивают БГУ в качестве научного, образовательного, инновационного и культурного центра.

В ходе учебной практики было проведено пилотажное исследование на тему «Отношение студентов и студенток ФФСН БГУ к бренду «Белорусский государственный университет»». Объектом исследования являются студенты очной формы обучения ФФСН БГУ. Студентам был задан вопрос: «Белорусский государственный университет является ведущим ВУЗом страны. Является ли, на ваш взгляд, БГУ полноценным брендом?».

Анализ ответов свидетельствует о том, что 11 участников пилотажного опроса (35,5%) из 31 опрошенных считают бренд «Белорусский государственный университет» полноценным, 12 (38,7%) респондентов выбирают позицию «Скорее да, чем нет», что также показывает присутствие соотношения БГУ с полноценным брендом. Лишь один респондент ответил на данный вопрос отрицательно (3,2%).

Также респондентам был задан открытый вопрос: «Что, на ваш взгляд, необходимо сделать, чтобы улучшить узнаваемость бренда «Белорусский государственный университет». Большинство респондентов (более 50%) ответили, что необходимо создавать больше рекламы бренда, проведения PR-кампаний, а также увеличивать количество конкурсов брендированной продукции в социальных сетях.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. На протяжении 100 лет формировалась культура и традиции Белорусского государственного университета. На данный момент наш университет стал популярным брендом, который привлекает абитуриентов и студентов, преподавателей и ученых и укрепляет привлекательность и престижность обучения и работы

здесь, однако есть потребность в дальнейшем исследовании его успешности среди студенческой молодежи, с целью дальнейшей модернизации бренда «Белорусский государственный университет» для создания более успешного имиджа.

Библиографические ссылки

1. БГУ сегодня. Достижения БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsu.by/bgu-segodnya/bgu-segodnya-dostizheniya-bgu.php>. – Дата доступа: 20.04.2022.
2. БГУ. БГУ в мировых рейтингах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsu.by/rankings/>. – Дата доступа: 20.04.2022.
3. Крама БДУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsustore.by/about/>. – Дата доступа: 20.04.2022.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

А. А. Орлович

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
taya.or@mail.ru*

*Научный руководитель – Сакович Анжела Юрьевна,
кандидат социологических наук*

В данной статье рассматриваются особенности дистанционного обучения, выделяются его плюсы и минусы, эффективность использования электронных средств обучения. Приводятся данные социологического исследования, проведенного в Белорусском государственном университете в мае 2021 года. Объект исследования – студенты 2-4 курсов всех факультетов БГУ.

Ключевые слова: дистанционное обучение; коронавирус; студенты; общество; взаимодействие; общение; Covid-19.

Дистанционное обучение постепенно становится неотъемлемой частью получения образования. Развитие цифровых информационных и коммуникационных технологий позволяет дистанционной форме проведения занятий конкурировать с традиционной моделью. Выбор данной формы обучения стал чем-то обыденным и простым. Дистанционное обучение становится всё более популярным выбором при получении не только дополнительного образования, но и при обучении в высших учебных заведениях.

Именно в 2020 году произошёл переломный момент, который разделил мир на «до» и «после». Случившаяся пандемия Covid-19 изменила все аспекты социальной жизни. Образовательная сфера претерпела также некоторые изменения: из-за высокого уровня заболеваний коронавирусом большинством учебных заведений было принято решение о введении дистанционного обучения с целью сохранения здоровья преподавателей и студентов. Переход с традиционной формы обучения на дистанционную позволил взглянуть на процесс получения образования под другим углом: увидеть проблемность внедрения и освоения современных образовательных технологий как со стороны учреждений, так и со стороны обучающихся.

Процесс адаптации к новым условиям повлёк за собой трудности и эмоциональные переживания: из-за невозможности посещать аудиторные занятия студенты лишились возможности социализации и интеграции в общество, первокурсники были психологически не готовы к такой форме образования, из-за чего наблюдалась со стороны первокурсников эмоциональная нестабильность и неумение налаживать отношения с одногруппниками.

Учебный процесс в условиях использования информационных технологий стал новым опытом, который имел как свои преимущества, которые смогли оптимизировать обучение, так и недостатки, которые сделали процесс получения знаний не таким простым, как это могло показаться.

В Белорусском государственном университете было проведено несколько социологических исследований, целью которых стало изучение мнения студентов о введении дистанционного обучения. В данной статье представлены результаты исследования, посвящённого изучению вопросов эффективности использования электронных средств обучения среди студентов 2-4 курсов дневной формы получения образования в БГУ. Опрос был проведен в мае 2021 года, объем выборочной совокупности составил 1217 человек.

Отвечая на вопрос об эффективности использования образовательного портала для сопровождения учебного процесса в БГУ, студенты высоко оценили «простоту и удобство освоения принципов работы образовательного портала» – средний балл составил 4,05 из 5 возможных, что отображает достаточно высокий уровень его использования.

Учебный год с использованием дистанционной формы студентами воспринимался по-разному: 39,8% респондентов отметили, что нагрузка в

2020/2021 учебном году по сравнению с предыдущим учебным годом увеличилась, 32,8%, а 11,8% студентов ответили, что нагрузка никак не изменилась, что может свидетельствовать о том, что введение дистанционного обучения не повлияло на учебный процесс почти для каждого 10 опрошенного студента. В ходе проведения исследования был так же изучен средний балл адаптации студентов к новым условиям образовательного процесса с использованием ИКТ (информационные компьютерные технологии), после анализа результатов исследования было выявлено, что средний балл составил 4,51 из 5 возможных.

В ходе опроса были также зафиксированы, как позитивные, так и негативные изменения в образовательном процессе в связи с введением дистанционного обучения и использования ИКТ. К позитивным изменениям относятся следующие пункты: возможность совмещать работу с учёбой (75,9% студентов выбрали данный ответ как «позитивное изменение»); повышение гибкости учебного процесса и возможности оперативного контакта с преподавателем (65,5% студентов об общего числа опрошенных отнесли данный критерий к позитивным); повышение доступности образования для студентов с особыми потребностями (56,4% студентов выбрали данный ответ как «положительное изменение»). В то время как 4,4% респондентов выбрали вариант ответа «нет позитивных изменений». В большем случае студенты придерживаются позиции, что введение дистанционного обучения имеет достаточно много позитивных изменений, и отображает некоторый успех введения дистанционного учебного образования.

К сложностям были отнесены спад мотивации к обучению (30,6%), эмоциональные срывы (27,4%), было выделено отсутствие индивидуального подхода, обезличенности (20,0%), а также отсутствие объективной оценки уровня знаний студентов (20,7%). Но, стоит отметить, что (43,1%) опрошенных отметили, что сложностей не было.

Таким образом можно выделить следующие плюсы и минусы в введении дистанционного обучения:

- Возможность совмещения образовательного процесса с другими занятиями студентов в более гибкой форме;
- Свобода доступа, мобильность, так как данная форма образования позволяет обучаться в любом месте;
- Развитие информационных технологий и их удачное внедрение в образовательный процесс;

- Большая вероятность развития способностей адаптации в стрессовых ситуациях;
- Умение налаживать отношения с людьми, не находясь с ними в непосредственной близости.

Но у каждой монеты есть и обратная сторона. В данном случае- минусы дистанционного образования:

- У студентов должна быть сильная мотивация получения образования, так как большинство материала усваивается самостоятельно;
- Отсутствие практики, например, для студентов тех специальностей, где практические занятия, проведение лабораторных опытов является одной из наиважнейших вещей в процессе обучения;
- Проблема идентификации пользователя при сдаче зачётов или экзаменов: при сдаче экзаменов, зачётов или при написании тестовых работ онлайн, достаточно сложно понять, кто сидит по ту сторону экрана, если камера выключена
- Недостаточность знаний у студентов и преподавателей для работы за компьютерными или мобильными устройствами.

Таким образом, в образовательном процессе появились трудности, вызванные пандемией коронавируса, но, не обращая внимания на этот факт, учебный процесс не был сорван, а даже улучшен с технической точки зрения. Данная ситуация показала, насколько важно уметь приспосабливаться и быть готовым к различным условиям организации учебного образования, а также находить плюсы в любой непредвиденной ситуации.

МИССИИ И МОДЕЛИ УНИВЕРСИТЕТОВ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

А. А. Прасолова

Белорусский государственный университет, г.Минск;

a.prasolova02@gmail.com

*Научный руководитель – Волнистая Марина Георгиевна,
кандидат социологических наук, доцент*

В данной работе выделены самые распространенные модели современных ВУЗов в соотношении с миссией, которой следует та или иная модель. Данную работу можно использовать в качестве базы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: университет; миссия университета; модель университета.

Исходя из определения И. Ансоффа: «Под миссией Университета следует понимать совокупность представлений об основных ценностях, целях и пространстве развития Университета, то, что он несёт, зачем он нужен обществу, государству и отдельному лицу. И в этом контексте эта миссия представляет собой смыслообразующее ядро университетской идеи. Университет должен способствовать развитию цивилизации благодаря воспроизведению культуры, приращению, накоплению знаний и подготовки профессиональной и интеллектуальной элиты» [1].

В 2018 проводится сравнительный анализ миссий зарубежных и отечественных университетов. Было отобрано 159 зарубежных ВУЗов – участников Шанхайского рейтинга (в основе рейтинга лежат шесть индикаторов, отражающих профессиональные и научные успехи сотрудников, а также студентов и выпускников университета) и 47 – российских. С помощью метода контент-анализа были исследованы основные фрагменты текстов миссий, а также их взаимосвязь с функциями изучаемого университета. Таким образом выявлены основные функции университетов, отображенные в текстах миссий: обучающая, исследовательская, социокультурная, профессиональная и воспитательная. Среди них выделяются обучающая и исследовательская, затем идет социокультурная (опора на традиции, служение обществу, развитие духовности). Это позволяет типологизировать университеты по доминирующей функции. Исходя из этого – далее представлены доминирующие модели современных университетов.

Модель классического университета

В основу своей деятельности вкладывает совершенствование образовательного процесса. Классические университеты ведут подготовку кадров для науки, образования, промышленности, сферы услуг [3]. Данная модель в большей степени ориентирована на либеральные, а не утилитарные принципы организации высшего образования, направлена на развитие личностных качеств учащихся, их духовности [3]. То есть, исходя из типологии миссий, представленных выше, данная модель сконцентрирована на обучающей и социокультурной миссиях. К такой модели относятся преимущественно те университеты, которые гордятся своим историческим прошлым, соответственно чтут традиции и стремятся сохранить должный, престижный статус. Как правило, это университеты, которым насчитывается сотня, а то и несколько сотен лет. К таким университетам можно отнести: Оксфордский университет, Кембриджский,

Краковский, Колумбийский, Вильнюсский (ранее Виленский), Киотский университеты.

Модель исследовательского университета

К основным критериям модели исследовательского университета относят:

- Определенный объем получаемых университетом грантов [3];
- Наличие программ подготовки бакалавриата, вхождение в список ведущих университетов по уровню федеральной финансовой поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ [3];
- Регулярное проведение междисциплинарных научных исследований;
- Тесная взаимосвязь научной и образовательной функций;
- Активное участие в инновационных проектах;
- Доступность обучения;
- Уделяется внимание также творческой деятельности преподавателей и студентов;
- Количество кандидатских и докторских диссертаций, защищаемых в университете [3];
- Количество студентов и аспирантов очной формы обучения;
- Количество научных сотрудников и преподавателей высшей квалификации;
- Влияние университета на систему высшего образования в целом, а также на развитие науки и экономики в стране;
- Международное признание результатов деятельности университета.

К данной модели относятся: Йельский, Колумбийский, Массачусетский, Стэнфордский, Калифорнийский, Йоркский, Ланкастерский университеты. США является лидером в исследовательской модели. В настоящее время это самая распространённая модель, к которой стремится большинство университетов, однако, стоит отметить, что данная модель «вытекает» из классической модели. Следует сделать вывод, что исследовательский университет преследует, в первую очередь, и исследовательскую миссию.

Модель предпринимательского университета

Главная идея предпринимательского университета – смена модели организации и управления университетом: переход от финансирования за счет средств государственного бюджета к многоканальному финансированию на основе самостоятельного поиска источников дополнительных средств [2; 3]. Таким образом, предпринимательский университет представляет собой ВУЗ, который систематически прилагает усилия по преодолению ограничений в трех сферах – генерации

знаний, преподавании и преобразовании знаний в практику – путем инициирования новых видов деятельности, трансформации внутренней среды и модификации взаимодействия с внешней средой [2; 3]. Такой университет будет направлен на профессиональную и исследовательскую миссии. К предпринимательским университетам относятся: Университет Стратклайда (ранее Андерсоновский), Университет Чалмерса, Университет Твенте, Уорикский университет и др.

Таким образом, университеты можно типологизировать на классическую, исследовательскую и предпринимательскую модели. Они следуют одна из другой, переплетаясь и образуя, в некоторых случаях, нечто смежное. Каждая модель придерживается, преимущественно, своей миссии: классическая модель, в первую очередь, следует социокультурной и обучающей миссиям; исследовательская сконцентрирована на исследовательской, а предпринимательская – на профессиональной и исследовательской.

Библиографические ссылки

1. *Ансофф, И.* Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. – С.-Пб. : Питер, 1999. – 416 с.
2. *Налетова, И. В.* Современные социокультурные модели университетов / И. В. Налетова, В. Н. Окатов // Социально-гуманитарные проблемы современности : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2009. – С. 191–203.
3. *Прохоров, А. В.* Модели университета в условиях глобализации / А. В. Прохоров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 56–66

БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ БГУ

В. В. Пьянов, А. С. Реутский

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vladimir.pyanov.2001@mail.ru; realexs@tut.by

Научный руководитель – Филинская Лариса Владимировна,

кандидат философских наук, доцент

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей бытовой адаптации первокурсников БГУ к студенческой жизни на базе исследования «Особенности адаптации студентов первого курса», проведенного при поддержке СНИЛ "СОЦИУМ". Проблема бытовой адаптации является актуальной проблемой для всех первокурсников, и в особенности для иногородних. В статье рассмотрены четыре бытовые проблемы, решение которых могут вызывать наибольшие затруднение у

первокурсников: проблема финансов, мелкие бытовые проблемы, решение конфликтов, а также проблема новых знакомств.

Ключевые слова: бытовая адаптация; материальное положение; студенчество; круг общения.

Исследование адаптации студентов БГУ⁵ к новым реалиям не могли не включать в себя изучение вопроса о приспособленности к бытовым условиям. Подавляющее большинство студентов, считают, что их жизнь изменилась с поступлением в БГУ (83,8% – 48,2% ответили «да, изменилась», 35,6% ответили «скорее да»). Это позволяет нам утверждать, что поступление в университет является важным событием в жизни студентов, в том числе и за счет изменения условий жизнедеятельности, в рамках которых протекает дальнейшая социализация юношей и девушек.

Наиболее ярко это проявляется для иногородних студентов, поскольку смена места жительства является значимым фактором изменений в жизни человека. Однако, важность этих изменений заключается не только в смене места жительства. Студенчество расширяет поле для проявления самостоятельности, как за счет его взросления и постепенного уменьшения зависимости от родителей, в частности финансовой, так и за счет новых вызовов, с которыми сталкивается взрослый человек.

Для изучения бытовой адаптации первокурсникам БГУ было задано несколько вопросов, характеризующих их повседневную жизнь в рамках учебы. В первую очередь изучение данной проблематики неукоснительно связано с выяснением особенностей моделей поведения в таких ситуациях как: встреча с непредвиденными расходами, решение мелких бытовых вопросов, а также урегулирование разного рода конфликтных ситуаций. Эти сферы были выбраны потому, что они характерны студенческому стилю жизни и представляют собой относительно новые для первокурсников вызовы повседневности.

Результаты исследования свидетельствуют, что среди первокурсников существует определенная тенденция стремления к самостоятельности. Ее степень зависит от конкретной сферы бытовой адаптации.

Растущие возможности в связи с необязательным согласованием своей бытовой жизни с родителями у студентов вызывают и рост потребностей, необходимых для реализации этих возможностей. Исследуемые признаки,

⁵ Опрос студентов первого курса 15 факультетов БГУ был проведен в феврале 2022 г., n=471.

характеризующие бытовую адаптацию, выявили определенные связи с индивидуальными характеристиками студентов.

Так на форму решения проблем, связанных с финансами, влияет фактор материального положения семьи. Существует значимая связь бытовой адаптации студентов и уровня материального положения семьи. Фиксируется тенденция проявления финансовой независимости: студенты из семей с более низким материальным положением стараются, по возможности, реже просить деньги у родителей, чем студенты с более высоким материальным положением семей. Немного иная ситуация у студентов из семей с высоким материальным положением, которым присущи две модели поведения в вопросе о просьбе денег. Первая более распространенная: 52,6% первокурсников данной группы вовсе не просят деньги у родителей, в то время как среди студентов с более низким материальным положением данный показатель ниже. Вторая модель поведения студентов из семей с высоким материальным положением: 47,4% представителей этой группы деньги просят и делают это чаще, чем студенты из семей с более низким материальным положением. Такая ситуация может быть связана с тем, что первокурсникам из обеспеченных семей более присуща потребительская модель поведения. С одной стороны, студенты из обеспеченных семей менее склонны к займам денег потому, что родители выдают им на безвозмездной основе значительные суммы денег. Им нет нужды брать деньги в долг у кого-либо просто потому, что у них достаточно имеющихся на руках средств. С другой стороны, если студенты из богатых семей берут деньги в долг, то они берут их намного чаще, чем другие категории обучающихся. Это можно объяснить частыми финансовыми тратами.

Во всех изучаемых проблемах существуют также различия в частоте просьб о помощи между юношами и девушками. В целом юноши реже обращаются за помощью по каждому из исследуемых проблем (разница составляет 12,4%).

Результаты проведенного опроса свидетельствуют о том, что 65,2% студентов так или иначе обращаются за помощью в решении бытовых проблем. Юноши реже обращаются к близким за помощью в решении бытовых проблем.

Также на это влияет место текущего проживания студентов. Очевидно, что проживающие в общежитии будут чаще обращаться с просьбой о помощи, нежели проживающие с родителями минчане. Самостоятельное

решение проблем, связанных мелкими бытовыми вопросами (стирка, уборка, готовка) характерно для 34,8% первокурсников.

Еще одна проблема, которая требует помощи, – конфликты с администрацией и одногруппниками. Помощь близких понадобилась только 13,2% опрошенных первокурсников. Представляется, что незначительное количество обращений связано, главным образом, с тем, что конфликтные ситуации в первый год студенческой жизни мало распространены.

Следует отметить, что чаще за помощью в случае конфликтных ситуаций обращаются девушки, а также студенты, проживающие в общежитии.

Важным фактором бытовой адаптации к студенческой жизни является приобретение новых социальных контактов. Поступление в университет предполагает новые знакомства, в результате чего студенту необходимо выстраивать новые взаимоотношения, количество и близость которых в дальнейшем будет влиять на повседневную жизнедеятельность первокурсников.

Результаты исследования свидетельствуют, что у 59,0% опрошенных первокурсников значительно расширился круг общения. Большинство студентов заявили, что отношения с новыми людьми можно назвать доверительными. Однако около трети первокурсников характеризуют новые знакомства как нейтральные или формальные. Следует отметить, что среди студентов, чей круг знакомств значительно расширился, 44,4% характеризуют новые знакомства как доверительные. Те же студенты, чей круг знакомств расширился незначительно, чаще нейтрально характеризуют новые знакомства (44,7%). Первокурсники, чей круг общения практически не изменился, предпочитают определять свои новые знакомства как более формальные. Это говорит о том, что интроверты тяжелее адаптируются к жизни в новом окружении.

На размеры круга общения первокурсников влияют такие факторы, как место проживания до поступления в университет и текущее место проживания. У иногородних студентов, проживающих в общежитии, резко увеличивается количество социальных контактов, а, следовательно, и круг общения. Они чаще взаимодействуют со своими новыми знакомыми, что способствует построению более доверительных отношений. Студенты-минчане предпочитают характеризовать новые знакомства как нейтральные или формальные. Первокурсники из других регионов выстраивают более доверительные отношения. Чаще всего о таких

отношениях заявляли выпускники школ и гимназий из небольших городов и сельской местности.

В данном вопросе также существуют различия по полу. Девушки являются более общительными (разница составляет 9,5%), они чаще оценивают отношение с новыми знакомыми как доверительные.

Самым значимым фактором бытовой адаптации студентов является место жительства до поступления в университет, а, следовательно, и место проживания во время учебы. Также во всех исследуемых бытовых сферах наблюдаются определенные различия в адаптации по полу, заключающиеся в меньшей общительности и большей степени самостоятельности у студентов юношей.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РЕКЛАМНОЙ ИНДУСТРИИ

М. С. Разумейко

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
marina.razumeiko@mail.ru*

*Научный руководитель – Волнистая Марина Георгиевна,
кандидат социологических, доцент*

В статье рассмотрены гендерные аспекты социальных стереотипов используемые в современной рекламной индустрии. Проанализировано социальное доверие со стороны потенциальных покупателей рекламной продукции. Определены факторы, влияющие на формирование стереотипности потребительского поведения.

Ключевые слова: социальные стереотипы; женский стереотипный образ; мужской стереотипный образ; женская реклама; мужская реклама; рекламный продукт; рекламная индустрия.

Актуальность и практическая востребованность данной темы заключается в том, что визуализация образов стала в большей степени применяться в различных видах рекламной индустрии. По нашему мнению, для повышения эффективности и результативности любой рекламной компании в культуре современного медийного пространства необходимо использовать те образы, которые наиболее положительно воспринимаются потенциальной аудиторией будущих покупателей. В данной статье рассмотрено влияние гендерных стереотипов на мотивацию

потребителей медийного рекламного контента, установлено, какие гендерные стереотипы вызывают наибольшую степень доверия у потенциальных потребителей услуг.

Визуальная реклама является одним из основных инструментов повышения эффективности продаж. Зачастую профессиональные создатели рекламы включают в нее модели укорененных социальных стереотипов для упрощения технологии манипулирования потребителями при достижении своих маркетинговых целей. Реклама наполняется определенными смыслами из-за использования социальных стереотипов, к которым имеется доверие и которые постепенно закрепляются в потребительском поведении как у мужчин, так и у женщин.

В современном обществе уже есть устоявшиеся стереотипизированные образы представителей разных профессий, возрастных и семейных статусов и т.п., которые всегда будут находить у потребителей определенный эмоциональный отклик (мама, ребенок, бабушка, дедушка, врач, красавица и т.п.). Знание дифференциации этих образов в зависимости от рекламируемого продукта будет способствовать в перспективе действию к покупке необходимого людям товара и услуги. Социальные стереотипы постепенно меняются и их использование с позиций гендерной принадлежности требует новых подходов от создателей медийного контента рекламы. Рассмотрим особенности изменения социальных стереотипов в восприятии субъектов разного пола.

Согласно Уолтеру Липпману, стереотипы – это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Часто с понятием «стереотип» соотносят такие понятия, как «установка», «схема», «паттерн», «норма», «шаблон» и «предвзгляд». В 1922 году в своей работе «Общественное мнение» У. Липпман впервые вводит понятие «социальный стереотип». Он писал: *«Человек - не аристотелевский бог, озирающий все сущее единым взглядом, а продукт эволюции, который может выхватить фрагмент реальности, достаточный, чтобы выжить, и в потоке времени поймать несколько моментов озарения и счастья»* [1]. Активное развитие рекламы породило ситуацию, когда «образ продукта» становится частью самого продукта, и зачастую это намного более значимо для покупателя и человека в создании его повседневности. Это его «момент счастья» в современном потребительском обществе. Однако, несмотря на всю коммерческую

пользу взаимодействия рекламы и социальных стереотипов, по нашему мнению, гендерная реклама в социальном смысле несет огромный урон для культуры вкуса для всего общества, т.к. закрепляет через гендерные стереотипы и внушает все новые негативные потребительские установки в обществе. Ярко выражен данный аспект в современной телевизионной рекламе. Как только дети, подрастающее поколение, молодые мужчины и женщины видят в СМИ определенный посыл, установку или стереотип, данная информация тут же влияет на формирование ценности того или иного действия, модели поведения, образца мышления и идеалы. Мужчины и женщины совершенно по-разному воспринимают рекламные послы. Например, женщины намного лучше воспринимают социальную рекламу, так как в ней задействованы модели духовного поведения и отношения к реальности, которые направлены на высокий эмоциональный отклик. Для примера можно выделить несколько основных женских типов стереотипных образов, которые достаточно часто встречаются в рекламе, а именно: «домохозяйка», «деловая женщина или бизнес-леди», «женщина-обольстительница» [2].

Реклама, направленная на мужское восприятие, предполагает наличие более грубой лексики, нахождение мужчины в более «сильной» или «выигрышной позиции». Основными критериями, по которым покупатель-мужчина заинтересуется рекламой, являются практичность, надежность, статусность [3].

Таким образом, изучив женские и мужские социальные стереотипы в рекламной индустрии, мы можем выявить негативно влияющие факторы в формировании стереотипности потребительского поведения, определить каким образом мужчин или женщин потребитель посредством медийной рекламы доверяет в большей степени. Все вышеперечисленное, необходимо для того, чтобы в перспективе установить четкие правила гуманитарной экспертизы и рекомендации при производстве рекламного продукта в медийном пространстве с точки зрения сохранения моральных ценностей, устоев и соблюдения этики визуального пространства в современном информационном обществе.

Библиографические ссылки

1. *Липпман, У.* Общественное мнение: Пер. с англ. Под науч. ред. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
2. *Бученкова, Э. О.* Влияние гендерных стереотипов на восприятие рекламы / Э. О. Бученкова // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – № 3(27). – С. 144-149

3. *Шевченко, М. Н.* Гендерные стереотипы / М. Н. Шевченко // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 48. – С. 173 – 176.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВАЦИЯ СУБЪЕКТОВ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ К УЧАСТИЮ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОГРАММЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ НА 2021-2025 ГОДЫ**

А. Г. Рихтикова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nasya81a@gmail.com

Научный руководитель – Кучко Елена Евгеньевна,

доктор социологических наук, профессор

В статье рассматриваются некоторые аспекты Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь. Приводятся результаты социологического исследования инновационно-активных организаций промышленности, проведенного в целях совершенствования действующих и разработки новых механизмов стимулирования инновационной деятельности в Республике Беларусь.

Ключевые слова: Государственная программа; инновации; инновационная деятельность; механизм включения; мотивация.

Республика Беларусь определила инновационный путь развития как приоритетное направление повышения конкурентоспособности национальной экономики.

На государственном уровне ставка сделана на использование интеллектуального потенциала и высоких технологий. При этом государство не только декларирует необходимость разработки новых технологий, но и непосредственно финансирует создание научно-технической продукции.

Целью государственной инновационной политики в Республике Беларусь является создание благоприятных социально-экономических, организационных и правовых условий для инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Анализ расходов на НИОКР по источникам финансирования показывает, что более половины (59%) общих расходов в ЕС в 2019 году было профинансировано коммерческими предприятиями, в то время как почти треть (29,3%) финансировалась государством, а еще 9,4% от остального мира (иностранные фонды) (данные получены посредством статистических обследований, которые регулярно проводятся на национальном уровне и охватывают организации, занимающиеся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами в частном и государственном секторах) [1].

В настоящее время основным стимулом участия организаций в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы (далее – Государственная программа) выступает прямое финансирование проектов из средств республиканского централизованного инновационного фонда и местных инновационных фондов. Иные значимые стимулы отсутствуют. Вместе с тем, ресурсы указанных фондов весьма ограничены и не позволяют обеспечить уровень инвестиций, достаточный для реализации большого количества крупных инновационных проектов и ускорения роста ВВП. При этом общий объем инновационных фондов, направляемых на реализацию госпрограммы, незначителен (50-80 млн долл. США), а механизм включения в нее проектов и внесения изменений длительный и сложный (на уровне Главы государства).

В связи с недостатком аналитической информации о мотивации субъектов хозяйствования к участию в Государственной программе и необходимостью разработки предложений по содействию их мотивации к участию в данной Государственной программе было проведено социологическое исследование.

В качестве эмпирической базы выступили 447 промышленных организаций Республики Беларусь, осуществлявших в 2020 году затраты на инновации.

Выбор эмпирической базы связан с тем, что именно эти предприятия осуществляют затраты на инновации, и по моему предположению должны быть наиболее заинтересованы в участии в Государственной программе, поскольку она дает льготы и преференции (положительный момент), и, разумеется, ответственность в случае недостижения результатов (отрицательный момент). Сбор информации проводился методом анкетного опроса. Участникам исследования было разослано письмо с приглашением для участия в опросе. Респондентам была предложена

анкета, состоящая из нескольких блоков и 15 вопросов, в которой необходимо было оценить:

- 1) Осведомленность о Государственной программе.
- 2) Привлекательность Государственной организации для организации-респондента, как участника данной программы.
- 3) Осведомленность и привлекательность для респондентов механизмов государственной поддержки для проектов Государственной программы.
- 4) Сложность прохождения процедур и влияние определенных факторов для включения проектов в Государственную программу.
- 5) Намерения респондентов участвовать в Государственной программе.

Ответ на анкету получен от 143 организаций, что составило 27,52 % респондентов.

В качестве гипотез было выдвинуто несколько предположений:

1. Большинство организаций не знают существования Государственной программы и преимуществах, которые она предоставляет.
2. Механизм включения проектов в Государственную программу очень сложный и длительный.
3. Организации боятся ответственности за недостижение результатов.
4. Все сложности и непонятный механизм действия Государственной программы являются ключевыми препятствиями для отказа организаций и предприятий от участия в Государственной программе.
5. Большинству организаций-респондентов не интересна Государственная программа.

Результаты проведенного в целях совершенствования действующих и разработки новых механизмов стимулирования инновационной деятельности в Республике Беларусь социологического исследования инновационно-активных организаций промышленности показали

1. Для 86,7 % респондентов Государственная программа является привлекательной (оценка 5 и выше из 10).
2. Самыми привлекательными механизмами является возможность получить средства инновационных фондов на безвозвратной основе и освобождение от ввозных таможенных пошлин (для 47,55 % опрошенных эти механизмы являются очень привлекательными (оценка 10 из 10)). Далее следует инвестиционный вычет и освобождение от земельного

налога (34,97 % и 33,57 % соответственно). Ожидаемо, привлечение заемных средств Белорусского инновационного фонда на возвратной основе лишь для 5,59 % респондентов являются очень привлекательным.

3. Самым сложным из этапов включения проекта в Государственную программу для потенциальных участников Государственной программы является конкурсный отбор проектов для финансирования из средств инновационных фондов – 13,29 % респондентов считают этот этап чрезмерно сложным, далее следует этап «Прохождение государственной экспертизы проекта» (11,89 %), на третьем месте по сложности этап «Прохождение ведомственной экспертизы проекта» (6,99 %), затем этап «Поиск государственного заказчика» (6,29 %), и замыкает пирамиду этап «Разработка бизнес-плана» (2,8 %).

4. Самым негативным фактором, сдерживающим организации от участия в Государственной программе, является ответственность за недостижение результатов, заявленных в бизнес-плане проекта, а наименее негативным фактором является отчетность о ходе реализации проектов, которая предоставляется ежеквартально

Респонденты также указывали другие факторы, по их мнению, препятствующие реализации проектов в Государственной программе, среди них:

- недостаточная осведомленность ведомственных организаций о Государственной программе;
- экономические риски отсутствия окупаемости нововведений, их высокая стоимость, недостаток собственного капитала;
- различные сложности, связанные с финансированием;
- сложность поиска и привлечение финансирования;
- слишком много схем получения финансирования за счет бюджетных средств и усложнено получение данного финансирования;
- очень большая база НПА с изменениями и дополнениями в этой сфере деятельности;
- ограниченный бюджет инновационного фонда;
- недостаток либо низкий уровень оперативности финансирования;
- отсутствие квалифицированных кадров для подготовки проектов высоких технологических укладов.

5. 51 респондент (или 35,66 % опрошенных) планируют включение инновационного проекта в Государственную программу. 92 респондента (64,34 %) не планируют участвовать в Государственной программе в 2021-2025 годах по следующим причинам:

у 55,43 % предприятий, не планируются инновационные проекты. Это является тревожным показателем, поскольку в опросе участвовали промышленные предприятия, которые осуществляют инновационные затраты и особенно важно стимулировать и развивать их инновационный потенциал, создавать систему действенных налоговых стимулов и таможенных преференций;

35,87 % респондентов планируют реализовывать проекты вне государственных программ. Предположительно это связано со сложностями процедур включения проектов в Государственную программу, трудностями получения бюджетных средств и ответственностью перед государством за полученные средства и их целевое направление;

8,70 % респондентов планируют реализовывать проекты в другой государственной программе. Возможно, это связано со спецификой работы предприятий либо преимуществами, предоставляемыми организациями другими государственными программами.

Заключительным вопросом анкеты было желание респондентов получить больше информации о процедурах и преимуществах участия проектов в Государственной программе. В целом, лишь пятую часть ответивших (19,58 %) не интересует Государственная программа, в то время как для 80,42 % респондентов эта информация актуальна.

Результаты, полученные в ходе настоящего исследования, планируется использовать при разработке практических рекомендаций по совершенствованию действующих и разработки новых механизмов стимулирования мотивации субъектов хозяйствования к участию в Государственной программе, будет предложен ряд мер для создания благоприятных условий реализации инновационных проектов и мероприятий в нашей стране.

Библиографические ссылки

1. *Косовский, А. А.* На основе инноваций. О Концепции инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы / А.А.Косовский // *Беларуская думка*. – 2020. – № 12. – С. 59 – 67.

МОТИВАЦИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

А. А. Рубель

Белорусский государственный университет, г.Минск;

agneshkarubel@gmail.com

Научный руководитель – Сакович Анжела Юрьевна,

кандидат социологических наук

В статье представлен анализ мотивации молодежи поступления в высшие учебные заведения. Приведены результаты социологических исследований, посвященных данному вопросу. Установлено, что в современном обществе мотивация поступления молодых людей в вузы изменяется.

Ключевые слова: мотивация; абитуриент; студент; высшее учебное заведение; обучение.

Получение высшего образования является важнейшей жизненной целью для современной молодежи. Принято считать, что без диплома об окончании вуза трудно найти хорошую работу и продвинуться по карьерной лестнице. Наличие высшего образования, действительно, является необходимым условием при трудоустройстве в престижные компании, но не единственным. На первый план выходят определенные умения, навыки и опыт работы. Высшее образование, при этом, выступает как нечто само собой разумеющееся. Следует отметить, что на современном этапе существует ряд вакансий, на которые может претендовать выпускник любого вуза и профессии. Главное – это способность выполнять определенный вид работ. В случае необходимости можно закончить специализированные курсы. В связи с этим возрастает актуальность изучения мотивов поступления молодежи в высшие учебные заведения.

Заинтересованность в получении высшего образования условно можно разделить на два направления: внешнее и внутреннее. Внешние – это те, которые опосредованы тем, что образование рассматривается как важнейший социальный институт, служащий для удовлетворения жизненных потребностей общества, основными из которых являются развитие производительных сил, формирование новых и воспроизводство имеющихся интеллектуальных ресурсов. Внутренние цели лежат в сфере совершенствования личностного потенциала человека, обеспечения его знаниями, умениями и навыками, необходимыми для успешной самореализации в динамично изменяющейся социальной среде [1].

Изучению вопроса мотивации поступления молодежи в вузы посвящено множество социологических исследований. Так, например, в 2020 году был проведен анкетный опрос студентов ведущих вузов Республики Беларусь. По результатам исследования было установлено, что 38,4% студентов считает, что без наличия диплома о высшем образовании невозможно найти хорошую работу, 26,7% опрошенных указало на желание просто иметь диплом, для 16,3% наличие высшего образования выступает как средство повышения социального статуса в обществе. Отвечая на вопрос: «Вы сами приняли решение поступать в вуз?», большинство опрошенных (90%) дали положительный ответ, что свидетельствует о понимании абитуриентов необходимости получения высшего образования. Лишь небольшая часть респондентов (8%) признала, что выбор был сделан под влиянием общественного мнения [2].

В сентябре 2021 года студенческим социологическим отрядом ФФСН БГУ было проведено исследование, в рамках которого рассматривались вопросы мотивации первокурсников выбора специальности и поступления в университет. Выборочная совокупность исследования составила 157 студентов первого курса факультета философии и социальных наук БГУ. По результатам опроса было установлено, что большинство респондентов (83,1%), задумывались о выборе профессии в старших классах. Девушки задумались над данным вопросом раньше юношей, в 9–10 классе. В же время 38,7% парней определились с выбором профессии в 11 классе. К периоду начала централизованного тестирования 79,7% респондентов выбрали вуз, в котором хотят обучаться. В целом это говорит о высокой мотивации молодых людей при поступлении и о важности конкретного университета.

В большинстве случаев (61,7%) выбор специальности абитуриенты осуществляли самостоятельно. Четверть опрошенных (24,5%) указало, решающее значение для них имело мнение родителей. Для юношей мнение родителей имело большее значение, чем для девушек.

Решение о выборе вуза 56,8% опрошенных принимало самостоятельно. Около трети (32,6%) отметили, что на них оказало влияние близкого окружения: родителей и друзей. При выборе университета мнение матери в большей степени повлияло на юношей, а мнение отца – на девушек.

Ответы на вопрос о привлекательности обучения на выбранной специальности ФФСН БГУ распределились следующим образом:

- наличие интересных учебных дисциплин (32,1%);
- престиж профессии (14,0 %);

- наличие культурных мероприятий, организуемых для студентов (9,9%),

- отзывы выпускников и студентов кафедры (8,5%).

- удобство расположения учебного корпуса (7,9%),

- профессорско-преподавательский состав кафедры (7,6%),

В ходе опроса также рассматривались вопросы, касающиеся ценности высшего образования в современном мире. Данные нашего исследования показали, что 63,9% респондентов считает, что наличие высшего образования не является обязательным для того, чтобы стать успешным человеком. По их мнению, закончив университет не обязательно работать по полученной специальности (80,9%). Это указывает на то, что для многих, мотивация поступления в университет заключается в получении диплома о высшем образовании, как требования работодателя при устройстве на работу и повышения своего социального статуса в обществе.

В заключение, хотелось бы отметить, что чем раньше абитуриент начинает задумываться на выбором вуза и специальности, тем выше его шансы на успех при поступлении. Самостоятельность при выборе специальности и вуза возлагает на абитуриента ответственность за принятое решение, что предполагает высокий уровень самоорганизации. Молодым людям важен университет, в котором они будут обучаться и перечень учебных дисциплин. Ценность высшего образования сохранения. Однако мотивы поступления в вузы видоизменяются.

Библиографические ссылки

1. Данилов, Ю. Д. Исследование мотиваций студентов к обучению на различных этапах образовательного процесса / Ю. Д. Данилов, О. П. Бурко, Е. Г. Кудрицкая // Психология образования: образовательный потенциал развития личности. Материалы VI Всероссийской конференции психологов образования Сибири с международным участием, 3-4 сентября 2020 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Иркутский государственный университет, Общероссийская общественная организация "Федерация психологов образования", Общероссийская общественная организация "Российское психологическое общество" ; редкол.: И. В. Ярославцева [и др.]. – Иркутск : ИГУ, 2020. – С. 62–67. – Библиогр.: с. 66 (2 назв.).
2. Крагель, А. В. Мотивация молодёжи к получению высшего образования / А. В. Крагель. – г. Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. – 2020. – С. 22
3. Крагель, А. В. Мотивация молодежи к получению высшего образования / А. В. Крагель // материалы 56-ой Научной Конференции Аспирантов, Магистрантов и Студентов, Минск: БГУИР. - С. 22-23

МОТИВАЦИЯ АБИТУРИЕНТОВ ПРИ ВЫБОРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СПЕЦИАЛЬНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. В. Самущенко, А. А. Лукашевич

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно;

Научный руководитель – Гаврилик Оксана Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент

Статья посвящена исследованию мотивов выбора УВО и специальности. В ходе проведенного социологического исследования были изучены мотивы поступления и обучения студентов первого курса ФИКиТ ГрГУ им. Янки Купалы. По результатам исследования было выявлено, что основными мотивами при выборе специальности и учреждения образования являются: наличие предрасположенности к специальности; планирование работать по выбранной специальности; перспективность выбранной специальности; репутация университета (известность, престиж); высокое качество образования (уровень подготовки, квалификация преподавателей); удобное расположение университета. Также социологическое исследование показало, что определённая часть студентов-первокурсников ФИКиТ недостаточно понимает и оценивает свой выбор специальности. В связи с этим, чтобы абитуриент смог совершить свой профессиональный выбор осознанно, необходимо уделять особое внимание работе с абитуриентами.

Ключевые слова: высшее учебное заведение; абитуриент; мотивы поступления;

Профессиональное самоопределение – это форма личностного выбора, отражающая процесс поиска и приобретения профессии [2]. Самоопределение должно реализовываться в процессе анализа личных возможностей, способностей и соотноситься с потребностями рынка труда.

Профессиональная деятельность охватывает весь жизненный путь человека от начала профессиональных намерений до выхода из трудовой деятельности. Пиком данного процесса и в то же время переломным моментом является выбор профессии [1].

Современный образовательный рынок богат на количество предложений, а модернизация образования, экономическая обстановка в стране обязывает вузы четко отслеживать все тенденции, связанные с мотивацией абитуриентов, предлагать новые формы и методики обучения. Таким образом, изучение мотивации профессионального выбора может позволить выявить факторы, которые оказывают решающее влияние на

выбор учебного заведения, и спроектировать агитационную компанию вуза.

В рамках изучения данной актуальной темы студентами 3 курса специальности «Социология» Лукашевич Алиной, Самущенко Дарьей, Душкевичем Андреем и Филипковым Дмитрием, членами Студенческой научно-исследовательской социологической лаборатории Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, было проведено социологическое исследование мотивации первокурсников факультета истории, коммуникации и туризма (далее ФИКиТ) при выборе учреждения образования и специальности.

В опросе приняло участие 168 студентов 1 курса факультета. Опрос проводился с помощью электронной анкеты в ноябре 2021 года. Было опрошено 31,5 % юношей и 68,5 % девушек в возрасте 17-22 лет, обучающихся на первом курсе ФИКиТ по всем специальностям.

Мотивы поступления в ГрГУ им. Янки Купалы

Данный блок вопросов позволил нам раскрыть основные мотивы поступления студентов-первокурсников в ГрГУ им. Янки Купалы на определённую специальность ФИКиТ. Респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответа, соответственно, общая сумма процентов ответов больше 100 %.

Первый вопрос звучит следующим образом: *«Что определило Ваш выбор обучения в ГрГУ им. Янки Купалы?»*.

Так, по результатам исследования основными критериями выбора, по результатам ответов респондентов, являются репутация университета (известность, престиж, профессия) (47,6%), высокое качество образования (уровень подготовки, квалификация преподавателей) (43,5%) и удобное расположение университета (близко от семьи, друзей и т.п.) (41,7%). В то же время наименее важными критериями для респондентов являлись:

1. Наличие бюджетных мест – 28,6%;
2. Возможность проживать в общежитии – 25,6%;
3. Посоветовали родители – 18,5%;
4. Посоветовали друзья, которые учатся (закончили) ГрГУ имени Янки Купалы – 16,7%;
5. Наличие военной кафедры – 10,1%;
6. Доступная стоимость обучения – 7,7%;
7. Потому что здесь обучались родители, родственники – 6%;
8. Здесь несложно учиться – 4,8%.

Второй вопрос: *«Что определило Ваш выбор специальности?»*.

Так, основными критериями выбора специальности студентами-первокурсниками ФИКиТ являются наличие предрасположенности к специальности (61,9%), планирование работать по выбранной специальности (54,2%), а также перспективность выбранной специальности (41,7%). Не столь важными критериями выбора специальности для студентов-первокурсников служат:

1. Востребованность на рынке труда, престиж специальности – 37,5%;
2. На эту специальность было легче поступить – 11,9%;
3. Советы родителей – 10,1%;
4. Возможность заниматься наукой – 9,5%;
5. Рекомендации друзей – 3,6%.

Источники получения информации о ВУЗе/специальности

Данный блок вопросов позволил выявить основные источники информации, оказывающие влияние на выбор специальности студентов-первокурсников, а также частоту их использования.

Для студентов-первокурсников ФИКиТ такими основными источниками информации для получения сведений о выбранной специальности, по результатам исследования, оказались: интернет (сайт университета, группы в соц. сетях, форумы) (94,6%), дни открытых дверей в УВО (25%), а также справочники для абитуриентов (27,4%). Наименее актуальными источниками информации для получения сведений о выбранной специальности являются:

1. СМИ (телевидение, радио, газеты) – 7,1%;
2. Профориентационные мероприятия – 8,3%;
3. Советы друзей – 9,5%.

Частота посещения сайта ГрГУ им. Янки Купалы и сайта ФИКиТ имеют следующий вид: большей ежедневной посещаемостью пользуется сайт ГрГУ им. Янки Купалы по сравнению с сайтом ФИКиТ.

Тем не менее, на вопрос «Какими ресурсами Вы наиболее часто пользуетесь для получения информации о факультете и его деятельности?» были получены следующие результаты: Instagram – 62,5%; сайт факультета – 58,3%; Telegram – 50,6%. Реже всего студенты-первокурсники для получения информации о факультете и его деятельности используют следующие ресурсы:

1. ВКонтакте – 32,7%;
2. YouTube – 6%;
3. TikTok – 4,2%;

Социально-ориентированная студенческая деятельность

Данный блок вопросов позволил нам выявить готовность студентов-первокурсников ФИКиТ участвовать в социально-ориентированной деятельности УВО.

Основными приоритетными возможностями в университетской среде студенты-первокурсники ФИКиТ считают приобретение профессиональных компетенций (74,4%), расширение общего кругозора и эрудиции (75,6%) и приобретение новых друзей (53,6%). К основным же формам социально-ориентированной студенческой деятельности, в которой студенты-первокурсники хотели бы принять участие, респонденты отнесли: работа в органах студенческого самоуправления – 29,8%; журналистская работа (университетские и молодежные СМИ) – 32,7%; а также участие в различных формах художественной самодеятельности – 32,1%

Таким образом, социологическое исследование продемонстрировало, что определённая часть студентов-первокурсников ФИКиТ недостаточно понимает и оценивает свой выбор специальности. Это отражает недостаточную информированность всего спектра альтернатив, возможностей и последствий выбранной специальности.

Таким образом, чтобы абитуриент смог совершить свой профессиональный выбор осознанно, необходимо уделять особое внимание работе с абитуриентами. Помимо работы с ранее сложившимися формами и методами профориентационной работы с абитуриентами, более детально информировать учащихся о специальностях ФИКиТ, востребованности их на рынке труда, особенностях поступления и обучения в университете, об итогах вступительной кампании ГрГУ им. Янки Купалы предыдущего года, а также о поступлении и обучении в магистратуре, повышении квалификации в системе дополнительного профессионального образования.

Кроме того, необходимо работать над постоянным усовершенствованием рекламной деятельности ФИКиТ в профориентационных целях, распространяя в учебных заведениях г. Гродно и Гродненской области рекламные буклеты с информацией о ГрГУ им. Янки Купалы в целом и о ФИКиТ, в том числе о специальностях, а также других информационных материалов, необходимых будущему абитуриенту.

Для успешной реализации вышеописанного все субъекты педагогического процесса должны быть ориентированы на осуществление

профориентационной работы по формированию профессионального самоопределения старшеклассников и абитуриентов, впоследствии профессиональной направленности студентов.

Библиографические ссылки

1. Рыченков, М. В. Исследование факторов, оказывающих влияние на выбор вуза абитуриентами, на различных этапах процесса поступления / М. В. Рыченков, И. В. Рыченкова, В. С. Киреев // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6.
2. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – М. : Академия, 2004.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

П. В. Такушевич

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
takpolina@gmail.com*

*Научный руководитель – Данилов Александр Николаевич,
доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси*

Анализируется проблема трансформации личности в современном социуме. Решение проблем, связанных с цифровизацией, требует разработки новых правовых актов, проработки экономических и нравственных аспектов процессов виртуализации образования. В новых условиях это ценностное измерение её роли в жизни социума определяет основные направления исследований трансформаций личности и общества как важнейшего социального института. Рассматривается роль цифровизации в преодолении глобальных и локальных рисков.

Ключевые слова: ценности; цифровое общество; глобализация; трансформация личности; цифровизация.

Доминирующим трендом начала XXI века стала всеобъемлющая цифровизация, которая совершает настоящую революцию во всех сферах жизнедеятельности человека, качестве его жизни. Цифровые технологии сегодня стали повсеместным явлением и частью повседневной жизни. Вещи, которые были бы расценены как научная фантастика всего несколько десятилетий назад, воспринимаются сегодня как должное. В то же время современное общество становится все более зависимым от цифровых технологий и инфраструктуры. В условиях преобладания

интеллектуальных технологий в процессе производства движущей силой общества выступает информация, в основе которой лежат знания.

Банковское дело, управление электросетями, медицинские записи, транспорт, безопасность и другие аспекты действительности все больше цифровизируются и «завязываются» на компьютерные сети, базы данных, технологии поддержки принятия решений. Общество становится все более цифровым, а компьютеры и алгоритмы так или иначе опосредуют большую часть повседневной деятельности людей. Искусственный интеллект, технологии больших данных определяют узлы социального неравенства и будут их развязывать. Весь мир переворачивается, т. е. идет параллельно традиционной жизни, и это чувствуется в новой жизни [1].

С цифровизацией меняется социальная среда, трансформируются традиционные и возникают новые формы организации жизнедеятельности, происходят кардинальные перемены в сфере образования. Есть все основания утверждать, что цифровая революция и в образовании стала реальностью. «В самых разных сферах культуры происходит интенсивное обновление ценностей и жизненных смыслов, меняются и поведенческие предпочтения, и установки, информационная среда обитания» [2, с. 21].

Получив доступ к компьютерным системам, телекоммуникационным средствам и средствам связи, которые охватывают не ограниченное социальное пространство, а глобальное информационное, человек смог расширить возможности при поиске работы, в повышении уровня образования, налаживания коммуникации (как персональной, так и производственной, научной, политической и т.д.).

Благодаря интернет-технологиям в обществе появилась «параллельная реальность», где происходит социализация индивида, эта реальность, конкурирует с традиционной средой социализации, выигрывая у нее за счет определенных преимуществ. В отличие от традиционной социализации, где агенты активно влияют на объект социализации, в виртуальной социализации направление задает сам индивид, который самостоятельно выбирает для себя сообщества и круг общения, которые ему наиболее интересны. То есть фактически молодой человек в социальной сети начинает сам себя социализировать.

Социальные сети, представляют собой альтернативную реальность и дают человеку совершенно иные, практически неограниченные возможности, отличающиеся от тех, которыми он обладает в реальном мире, в том числе и в плане коммуникации, строительства отношений с другими пользователями. Эти возможности позволяют человеку не просто

взаимодействовать с другими людьми в виртуальном пространстве, но и подстраивать социальную реальность «под себя». Поэтому в современном обществе становятся важны навыки владения информационными технологиями в совершенстве, что открывает и доступ к виртуальному информационному пространству в современном социуме, и которые становятся ключевым компонентом успешной социализации современного молодого человека.

Современная молодежь как субъект социального исследования, социализация которого осуществляется под влиянием коммуникации в социальных сетях, выделяется в особую социальную группу с присущими ей специфическими ценностями, нормами, установками и интересами. С точки зрения исследователей молодежь рассматривается как большая социально-демографическая группа, члены которой, проходя стадию социализации, обладая определенными психолого-физиологическими особенностями, примеряют на себя различные социальные роли.

Социализация современной молодежи, ее взросление, проходит в век цифровых технологий, то есть полностью в информационной эпохе. В жизни молодого человека постоянно присутствуют обязательные атрибуты современной жизни: Интернет, гаджеты и другие цифровые технологии.

Цифровизация современного общества привела к революционным изменениям личности. Пандемия COVID–19 существенно ускорила этот процесс. Основным креативным действующим субъектом развития цифровизации выступает человек с высокой образовательной компетентностью, потенциалом созидателя. Мы близки к ситуации, когда любой человек сможет создавать свое собственное информационное пространство, при желании включая в свой перечень каналов информирования любые источники информации.

Нельзя сбрасывать со счетов и негативных последствий данного процесса. Очевидно, что цифровизация приносит много конструктивного в жизнедеятельность общества, в торговую, научную, образовательную, социокультурную и другие сферы, но при этом не следует забывать про отрицательные стороны этого процесса. Внедряя новшества и робототехнику в производство, сокращается большое количество рабочих мест и увеличивается процент безработицы. Так же насущной проблемой эпохи цифровизации является рост киберпреступности. Кражи персональных данных, ложь и провокации с фейковых страниц в социальных сетях, а так же хакерство и кибертерроризм.

Сегодня человечество все еще не в состоянии найти ответы на многочисленные вызовы, которые ставит перед ним социальное развитие. Симптомы глобального кризиса очевидны, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [4, с. 8].

В культуре кодируется исторический опыт цивилизационного развития человечества. Современная цифровая революция актуализирует проблему и необходимость изучения механизмов работы культурного кода и особенностей его функционирования.

Информатизация общества – процесс необратимый и неизбежный. Более того, процессы цифровизации, которые сопровождают все сферы жизнедеятельности человека, настолько фундаментальны, что в истории, пожалуй, еще не было столько противоречивых глобальных процессов, которые способны дать обществу как огромные возможности, так и подвергнуть его потенциальным опасностям.

Социальная, а так же коммуникативная среда, в том числе виртуальная, представляет обширный ряд возможностей для самореализации личности. В современном даже люди, которые имеют в реальности ограниченные возможности для коммуникации и самовыражения, могут эффективно реализовывать свой потенциал в онлайн-реальности. Личность получает большие возможности влиять на интересы аудитории, регулировать коммуникационные процессы и создавать качественно новые потоки информации. Коммуникативная личность получает новые возможности и социально-коммуникационные лифты, позволяющие ей посредством реализации собственного потенциала занимать значимые позиции в глобальном коммуникативном пространстве [3, с.107].

Библиографические ссылки

1. *Степин В. С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 6– 11.
2. *Данилов А. Н.* Потенциал культуры и механизм формирования нового идеала прогресса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 2. С. 20–24
3. *Korkiya E. D., Mamedov A. K.* Ethnocommunicative Structures in the Information Age // News of Science and Education. Sheffield (UK), 2014. № 17. P. 107–114.
4. *Степин, В. С.* Человек. Деятельность. Культура / В.С. Степин. – СПб., 2018.

МОТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

А. Д. Шам

Белорусский государственный университет, г. Минск;

sham.alina2112@gmail.com

Научный руководитель – Кучко Елена Евгеньевна,

доктор социологических наук, профессор.

В статье рассматриваются мотивы предпринимательской деятельности, сущность понятия «предпринимательская деятельность». Акцентируется внимание на проблеме мотивации предпринимательской деятельности в социологическом аспекте.

Ключевые слова: мотивация; предпринимательская деятельность.

В последние десятилетия в нашей стране повышается интерес к предпринимательской деятельности и отмечается рост людей, вовлеченных в бизнес. Деятельность предпринимателя в современных социально-экономических условиях осуществляется в социальном пространстве, которое характеризуется ситуационной неопределенностью и нестабильностью.

То дело, которым занимается предприниматель, предъявляет немало специфических требований к его личности. Современному предпринимателю необходимо уметь искать новые пути развития как в социально-экономическом смысле, так и в психологическом, личностном.

Важной чертой предпринимательской деятельности выступает ее мотивация. Принято считать, что мотивация представляет собой комплекс мероприятий, который стимулирует и побуждает сотрудника выполнять свои функциональные обязанности эффективней. Мотивация не может быть стабильной, это динамический процесс, который основывается на физиологических потребностях человека, его психоэмоциональном состоянии, и побуждении его к действию.

Трудовая мотивация рассматривается А.А. Когдиным как «процесс побуждения работников к активной трудовой деятельности с целью удовлетворения их собственных потребностей и интересов в сочетании с достижением целей организации» [1, с. 21]. При этом, трудовая мотивация может быть различной. Как отмечает А.А. Когдин, существуют три категории работников в зависимости от типа мотивации:

- работники, ориентированные главным образом на содержательность и общественную значимость труда;
- работники, ориентированные преимущественно на заработную плату и иные материальные ценности;
- работники, имеющие значимую сбалансированную систему разных ценностей [1, с. 22].

Одним из ключевых признаков предпринимательской деятельности является наличие широкого спектра фрустрирующих ситуаций. Вне зависимости от выполняемой функции предприниматель непрерывно находится в маргинальных ситуациях, которые преодолевает, противодействуя другим хозяйствующим субъектам, претендующим на его успех и ресурсы. Так, в силу правил, органично присущих предпринимательству, ему приходится действовать в условиях постоянной конкуренции.

Предпринимательская деятельность – это вид профессиональной деятельности, предполагающий активное взаимодействие предпринимателя с экономической реальностью, где он выступает как субъект, преобразующий эту реальность в своих целях. Особенность предпринимательской деятельности состоит в том, что предприниматель, основываясь, прежде всего, на своих потребностях, личностных и социальных ресурсах, учитывает возможные риски, выстраивает планы с целью получения прибыли от своих усилий.

Определяющая мотивация, которая имеется почти у каждого предпринимателя, выходящего на рынок – это мотивация его доходности, вопрос о наибольшей рентабельности и достижение цели. В большинстве случаев проект запускается с целью повышения эффективности. Каждый предприниматель, анализируя актуальную информацию, смотрит, сможет ли он в одно время и снизить затраты, и вывести на рынок продукт с новыми свойствами, но с меньшей себестоимостью. Стремление предпринимателя повысить эффективность, является самым разумным, на момент принятия важнейших решений для достижения целей.

Выраженный в доходе материальный интерес, является побудительным мотивом предпринимательской деятельности. Прибыль является источником дохода предпринимателя и развития фирмы, служит показателем эффективности использования ресурсов и оценки инвестиционных возможностей, психологическим стимулом, а также оценкой его успеха. Это свидетельствует о том, что, не проявляясь внешне, прибыль, все же, занимает главенствующее место в иерархии целей

предпринимателя. Однако цель заработать денег может быть ведущим мотивом предпринимателя, но не единственным [2].

В структуру мотивации всегда входит набор целей, практика планирования может повысить мотивацию. Предпринимательство – это организация, которая должна понимать, что она будет делать завтра, какими ресурсами будет обладать. Цель предпринимательской деятельности непосредственно зависит от потребности и является ее прямым следствием. Цель выбирается субъективно на основе конкретного знания предпринимателя, является средством оценки будущего результата. Выбранная цель конкретизируется в комплексе задач [3, с.140].

Знать цель, к которой стремишься – это рассудительность, уберегающая предпринимателя от ненужных разочарований. Мотивацию предпринимателя усиливает обсуждение целей, особенно долгосрочных. Если планирование бизнеса проходит с близкими людьми, то это помогает скоординировать цели, учесть негативные последствия. Достижение цели формирует уважение к себе, повышает самооценку, но главное структурирует жизнь, вносит в нее элемент стабильности.

При исследовании мотивации современного предпринимателя был отмечен тот факт, что те предприниматели, которые ориентированы на успех, предпочитают умеренный риск, который оправдывает их ожидания. Они взвешивают все риски и предпринимают действия, которые смогут его уменьшить. Чем выше мотивация предпринимателя к успеху – достижению цели, тем ниже готовность к риску.

Таким образом, определяющая мотивация, с которой выходит предприниматель на рынок – это мотивация доходности, вопрос рентабельности и достижение цели. Материальный интерес, является побудительным и основополагающим мотивом предпринимательской деятельности. Усиливает мотивацию предпринимателя - обсуждение целей, особенно долгосрочных.

Библиографические ссылки

1. Когдин, А. А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в управлении персоналом / А. А. Когдин // Основы ЭУП. – 2017. – №4 (4). – с. 21-23.
2. Мотивация предпринимательской деятельности. Мотив прибыльности заставляет предпринимателей рисковать [Электронный ресурс] <https://novoeblago.ru/raznoe/motiv-pribylnosti-zastavlyaet-predprinimatelej-riskovat.html>
3. Нагорнов, В. И. Мотивация предпринимательской деятельности / В. И. Нагорнов, В. Н. Есаулов, И. С. Соловенко // Российское предпринимательство. – 2011. – № 7 Вып. 1 (187). – с. 140–144.

СЕКЦИЯ 13. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ

ОСОБЕННОСТИ АТРИБУЦИИ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

А. И. Балина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alicebalina2003@gmail.com

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,
старший преподаватель*

В современном обществе особый интерес представляет психологическое благополучие семьи, поскольку от него зависит стабильность и полноценная реализация функций семьи. Удовлетворенность супругов браком и супружескими отношениями является важнейшим показателем благополучия семьи. В психологии, в ее теоретических и практических областях, феномен атрибуции изучен недостаточно. Обращение к аспектам атрибуции обусловлено возросшим интересом к изучению субъективности социального восприятия и познания. Изучение сущностных характеристик процесса приписывания определенных причин поведению другого человека и самого себя – основная задача теории атрибуции, относительно новой и недостаточно разработанной области психологии. Основные теории, описывающие атрибуцию, принадлежат зарубежным психологам Ф. Хайдеру (F. Heider), Э. Джоунсу (E. Jones), К. Дэвису (K. Davis) и Г. Келли (H. Kelly). В настоящее время изучением атрибуции среди российских и белорусских ученых занимаются В.А. Янчук, Ю.С. Смирнова, А.А. Налчаджан, О.А. Сычев.

Ключевые слова: атрибуция; казуальная атрибуция; супружество; удовлетворенность браком; удовлетворенность супружескими отношениями.

Атрибуция относительно недавно стала объектом полномасштабных научных исследований в психологии, поэтому до сих пор феномен атрибуции в отечественных и зарубежных исследованиях вызывают немало споров, связанных со сложностью самой психологической дефиниции понятия «атрибуция». Проанализировав феномен атрибуции в отечественной и зарубежной психологии, следует отметить, что между имеющимися концепциями и типологиями атрибуции имеются как сходство, так и различия. В современной психологии термин атрибуции используется для описания механизма объяснения причин поведения другого человека [6]. Появившаяся в рамках данной идеи атрибутивная

теория выступила в качестве описательной модели повседневного поведения. А.А. Налчаджан связывает все атрибутивные явления с уровнем морального развития личности утверждая, что в зависимости от возраста и уровня развития они различны у людей [3].

В нашем исследовании мы определяем атрибуцию не только как казуальную, которая сводится только к попытке объяснения причин человеческого поведения, но и рассматриваем другие значения, например, значение атрибуции в широком смысле слова – все, что человек видит, чувствует и познает, он пытается объяснить, а именно занимается приписыванием. Интересным для исследования нам представляется особый вид каузальной атрибуции – каузальная атрибуция достижений как объяснение причин собственных и чужих достижений и успехов.

Популярность атрибутивного подхода среди специалистов в области психологии семьи обусловлена тем, что предположительные объяснения поведения партнера могут лежать в основе эмоциональных реакций на поступки супруга или супруги и ответного поведения.

В соответствии с подходом Г.В. Лагонды [2], супружество мы определяем как систему субъект-субъектных (межличностных) отношений, психологической основой которых являются потребности, которые супруги адресуют друг другу, а также общение, благодаря которому партнеры могут донести друг до друга содержание своих потребностей [2].

Супружеские отношения и «супружество» в частности, следует рассматривать как синонимичные понятиям как «брак» и «семья», так как такового определения «супружество» или «супружеские отношения» в психологических словарях все ещё нет. Согласно исследованию Г.В. Лагонды, наличие таких характеристик, как целостность, структурность и иерархичность характеризует супружество как систему и имеет ролевые структуры, эмоциональные связи и особенности общения [2].

Исходя из исследования Т.В. Андреевой [1], наиболее важными факторами удовлетворенности супружескими отношениями являются: личностные особенности, психологическая совместимость супругов, ролевые ожидания супругов и их согласованность, ценностные ориентации, мотивы вступления в брак и многое другое [1].

Поскольку нам неизвестны попытки выявления влияния атрибуции на удовлетворенность браком у отечественных специалистов, мы берем во внимание исследование особенностей атрибуции в супружеских отношениях Ф. Финчема (F.Fincham) [5] и Т. Брэдбери (T.Bradbury) [5].

Данное исследование проводилось на основе результатов теста, состоящего из восьми гипотетических ситуаций, в которых описано возможное поведение супруга или супруги. Каждая из ситуаций требует от испытуемого ее оценки по шестибальной шкале по шести заданиям, которые в свою очередь направлены на оценку особенностей приписываемых причин поведения партнера. Данные задания не меняются в зависимости от ситуации, таким образом, методика состоит из определённого количества заданий, которые образуют шесть шкал атрибуции. Данные шкалы характеризуют собой различные параметры понимания причин поведения партнера: локус, стабильность, глобальность, сознательность, мотивация, вина [5]. В результате обработки результатов, полученных во время тестирования, подсчитывается сумма каждого из шести показателей атрибуции, причем чем выше суммарный балл, тем более выраженным является данный параметр. В данном контексте стоит обратить внимание на то, что высокие значения по первым трем параметрам говорят о склонности рассматривать причину поведения супругов как связанные с его личностными особенностями, а не с ситуативными факторами (шкала локуса), об их постоянстве, неизменности во времени (шкала стабильности) и обобщенности, распространенности на все или почти все ситуации в супружеских отношениях (шкала глобальности). При этом высокие значения по трем следующим пунктам говорят о том, что негативное поведение супруга рассматривается партнером как преднамеренное (шкала сознательности), побуждаемое эгоистическими мотивами (шкала мотивации) и заслуживающее обсуждения (шкала вины) [5].

Согласно результатам исследования О.А. Сычева, понятия удовлетворенность браком и удовлетворенность отношениями не являются идентичными конструктами, несмотря на довольно близкое психологическое содержание [4]. Полученные данные позволяют предположить, что благополучие супружеских пар не зависит от стажа семейной жизни. Однако, есть основания предполагать, что по мере возрастания стажа влияние особенностей атрибуции на удовлетворенность отношениями и браком может возрастать, так как объяснения становятся стереотипными, привычными, а также предвзятыми [4].

Анализ исследований, проведенных Ф. Финчемом (F.Fincham) [5] и Т. Брэдбери (T.Bradbury) [5], показал, что связь между удовлетворенностью отношениями и особенностями атрибуции существует, однако сила данной связи зависит от ряда факторов. В

частности, различную силу связи показывают атрибуции негативных и атрибуции позитивных событий, а также различные частные параметры. Авторами подчёркивается, что особенности атрибуции взаимосвязаны с удовлетворенностью браком даже в том случае, если контролируется уровень депрессии. Этот факт является важным из-за того, что особенности атрибуции могут быть тесно связаны с пессимистичностью и депрессией. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что негативные атрибуции поведения партнера вносят независимый от депрессии вклад в снижение удовлетворенности браком. Ф. Финчем (F.Fincham) также утверждает о том, что к числу важнейших психологических факторов благополучия супружеских отношений является умение прощать партнера [5].

Таким образом, мы характеризуем атрибуцию как один из важнейших факторов удовлетворенностью браком, так как супружеские атрибуции могут лежать в основе эмоциональных реакций на поступки супруга или супруги и ответного поведения. Результаты исследований указывают на то, что параметры атрибуции тесно связаны с удовлетворенностью браком и супружескими отношениями. В данном контексте нам стоит обратить внимание на то, что несмотря на уровень удовлетворенности браком и супружескими отношениями в целом особенности атрибуции не изменяются. Необходимо подчеркнуть особую значимость атрибуции именно в супружеских отношениях, ведь она оказывает сильное влияние на их дальнейшее развитие.

Библиографические ссылки

1. Андреева, Т.В. Психология современной семьи / Т.В. Андреева. – СПб. : Речь, 2005. – 436 с.
2. Лагонда, Г.В. Психология супружества / Г.В. Лагонда. – Брест : БрГУ, 2012. – 109 с.
3. Налчаджан, А.А. Атрибуция, диссонанс и социальное познание / А.А. Налчаджан. – М. : Когито-Центр, 2006. – 549 с.
4. Сычев, О.А. Супружеская атрибуция как фактор удовлетворённости отношениями в парах с различным стажем семейной жизни / О.А. Сычев // Сибирский психол. журн. – 2016. – № 59. – С. 172–187.
5. Fincham, F.D. Marital Satisfaction, Depression, and Attributions: A Longitudinal Analysis / F.D. Fincham [et. al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 1993. – Vol. 64, № 3. – P. 442–452.
6. Heider, F. The Psychology of Interpersonal Relations / F. Heider. – N.Y. : John Wiley & Sons, 1958. – 322 p.
7. Jones, E.E. From acts to dispositions: The attribution process in person perception / E.E. Jones, K.E. Davis // Advances in experimental social psychology / ed. by L. Berkowitz. – N.Y. : Academic Press, 1965. – P. 219–266.

ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

А. В. Коледа

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
a.koleda107@gmail.com*

*Научный руководитель – Лахвич Юлия Фёдоровна,
кандидат психологических наук, доцент*

В публикации автор говорит об актуальности проблемы домашнего насилия, в особенности психологического. В публикации дается определение психологическому насилию, указываются особенности проявления насилия в супружеских отношениях. Автор выделяет основные виды психологического насилия, а также его последствия.

Ключевые слова: насилие; психологическое насилие; отношения; супружеские отношения.

Каждая третья женщина в мире подвергается жестокому обращению, и чаще всего со стороны знакомого ей лица, в том числе супруга или сожителя. Во многих странах насилие остается частью культуры. По данным экспертных оценок, около 70—90 % женщин, страдающих от домашнего насилия, не обращаются за помощью в полицию и, таким образом, их данные не попадают в официальную статистику МВД [6].

В связи с пандемией COVID-19 по всему миру значительно увеличилось количество случаев домашнего насилия. Условия изоляции оставляют жертв лицом к лицу со склонными к агрессии партнерами, отделяя их от людей и ресурсов, которые могут им помочь [1].

Одна из ключевых особенностей супружеского насилия состоит в том, что оно представляет собой повторяющиеся во времени инциденты различных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического). Наличие такого паттерна поведения — важный индикатор отличия проявлений домашнего насилия от конфликта. [7].

Психологическое насилие в семье представляет собой форму подавления личности человека, воздействия на эмоции или психику партнера путем запугивания, угроз, оскорблений, критики, осуждения и т.п. [4].

Психологическое насилие является наиболее распространенным среди других видов, хотя о нем говорят меньше всего. Причина умалчивания может заключаться в том, что формы коммуникации между супругами, которые считаются нормальными и допустимыми, на самом деле являются

разрушительными и деструктивными. В отличие от сексуального или физического насилия, где единичный случай конституирует насилие, психологическое насилие определяется серией случаев, паттерном поведения, проявляющимся в течение некоторого времени. [8].

Рассмотрим основные виды психологического насилия. А.А. Митина [4] выделяет газлайтинг, неглект, висхолдинг, шантаж, игнорирование, изоляцию, контроль и критику. И.Е. Пузанкова [5] помимо перечисленных видов также отмечает обесценивание, игнорирование, аутинг и бодишейминг.

Обесценивание. Обесценивается всё: участие жертвы в жизни семьи, личность и внешность. В результате у жертвы вырабатываются чувства вины, появляется комплекс неполноценности [5].

Газлайтинг – стремление манипулятора изменить восприятие реальности у жертвы, отрицаются чувства, события, эмоции. Человек, который использует газлайтинг, пытается вызвать у своего партнера сомнения в адекватности своего восприятия. Газлайтинг может применяться при систематических оскорблениях, например, отрицается сам факт применения оскорблений. [4; 5].

Игнорирование. Игнорирование может привести к попыткам суицида и другим радикальным способам привлечения внимания. Эмоциональная холодность или молчание могут выступать также в качестве наказания за проступок [4; 5].

Изоляция подразумевает отгораживание партнера от близких и друзей. Исключение коллег и друзей из жизни грозит потерей даже теоретической возможности попросить о помощи. Так насильник замыкает на себе все коммуникации партнера. Лишаясь поддержки, жертва становится полностью эмоционально зависимой от насильника [4; 5].

Шантаж и запугивание. Эмоциональный шантаж характеризуется требованиями, претензиями, различными угрозами, навязчивыми просьбами со стороны манипулятора. [3].

Неглект. К нему относят намеренное невыполнение обязательств, удержание человека в неподобающих условиях, отказ в обеспечении состояния психологического покоя и бытового комфорта [4; 5].

Аутинг — это предание гласности закрытых сторон жизни человека, в том числе доверенных насильнику секретов и тайн. Это сплетни, недостоверная информация, приводящая к отрицательным изменениям в жизни человека [5].

Контроль. Обычно насильник устанавливает жесткий контроль за тем, что делает, куда ходит, с кем общается и как одевается партнер. Он настаивает на том, чтобы с ним всегда советовались по поводу принятия даже самых простых решений, контролирует телефонные разговоры, финансы, контакты, общение в социальных сетях, увлечения. [4].

Критика. Жертве постоянно указывают на ее недостатки и просчеты, часто это выглядит, как высмеивание. Происходит как наедине, так и при других людях. Разновидностью критики является бодишейминг, то есть осуждение любых проявлений реальной телесности, осуждение и выражение неприязни из-за внешнего вида жертвы, например, веса [4; 5].

А.А. Митиной выделяется также висхолдинг – уход от разговора. Если партнер систематически под разными предлогами отказывается от обсуждения волнующей темы – это не случайность, а проявление психологического насилия [4].

К основным последствиям пережитого психологического насилия. Можно отнести посттравматический стресс, потерю чувства собственного достоинства, снижение самооценки, чувство собственной никчёмности, депрессию, тревожность, появление проблем со сном, злоупотребление спиртными напитками и лекарственными препаратами. [9] Супруги, подвергающиеся психологическому насилию, отличаются состоянием повышенного беспокойства, подавленностью, чувством страха. Возможны также попытки суицида. У жертв может наблюдаться резкая потеря веса, обусловленная нарушениями аппетита, или, наоборот, ожирение. Часто у жертв возникают проблемы в установлении дальнейших отношений, а также у них высок риск установления новых «токсичных» отношений. [2]

Несмотря на то, что домашнее насилие у многих людей ассоциируется с применением физической силы, однако физический вред - это лишь одна из форм жестокого обращения. В жизни чаще всего люди подвергаются психологической тирании. Моральный вред не менее опасен для личности, чем физический, но чаще всего жертва не понимает, что над ней совершается психологическое насилие, и не пытается с этим бороться.

Библиографические ссылки

1. *Алиева, К.* Гендерное равенство во время пандемии: проблема семейно-бытового насилия / К. Алиева // Review of law sciences. – 2020. – № 2. – С. 69–73.
2. *Аптикиева, Л. Р.* Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий / Л. Р. Аптикиева // Вестн. ОГУ. – 2020. – № 1. – С. 224.
3. *Казанцева, М. О.* Эмоциональный шантаж как вид психологического насилия / М. О. Казанцева, Н. А. Кора // Профилактика проявлений экстремизма, терроризма и

деструктивного поведения в молодежной среде Дальнего Востока России : сб. науч. трудов по материалам Всеросс. науч.-практ. конф., Томск, 28 нояб. 2018 г. / под ред. М. П. Арутюнян. – Томск, 2019. – С. 183–185.

4. Митина, А. А. Психологическое насилие в семье / А. А. Митина, В. В. Рыжова // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 4. – С. 142–149.

5. Пузанкова, И. Е. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться / И. Е. Пузанкова, О. М. Дическул // Вестн. Прикамского соц. ин-та. – 2020. – № 1. – С. 134–139.

6. Ростовская, Т. К. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции / Т. К. Ростовская, Н. А. Безвербная // Женщина в рос. о-ве. – 2020. – № 2. – С. 89–98.

7. Социально-психологическая защита женщин, пострадавших от домашнего насилия, как социальная проблема современности / М. В. Зотова, М. С. Иванова, Н. И. Зотов, Э. Н. Рычихина // Учен. зап. Рос. гос. соц. ун-та. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 40–47.

8. Фурманов, И. А. Взаимосвязь психологического насилия и эмоционального состояния супругов в семье / И. А. Фурманов, Д. Я. Дмитриева // Белорусский психологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 33–40.

9. Mertin, P. Posttraumatic Stress Symptoms and Correlates in Women and Children From Backgrounds of Domestic Violence [Electronic resource] / Mertin, P., Wijendra, S., Loetscher, T. // Journ. Child Adol. Trauma. – 2021. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/353857564_Posttraumatic_Stress_Symptoms_and_Correlates_in_Women_and_Children_From_Backgrounds_of_Domestic_Violence. – Date of access: 10.03.2022.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НЕДОВЕРИЯ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

С. З. Кулиева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

s_dochka@yahoo.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор обращается к проблеме недоверия в детско-родительских отношениях. Объектом исследования выступает недоверие в детско-родительских отношениях, целью – определить психологические факторы недоверия в детско-родительских отношениях. Приводятся психологические факторы, влияющие на развитие недоверия в отношении родителей к детям и детей к родителям. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программ, направленных на повышение осведомленности о существующей проблеме недоверия в обществе и развитие доверия в детско-родительских отношениях.

Ключевые слова: недоверие; дети; родители; детско-родительские отношения; психологические факторы.

В данной статье исследуется проблема недоверия в детско-родительских отношениях, а именно психологические факторы, влияющие на формирование недоверия. Для развития позитивных детско-родительских отношений взрослые должны обладать определённым уровнем знаний по проблеме воспитания и взаимоотношения с ребёнком, включая знания о причинах утраты доверия и развития недоверия в отношениях между родителями и детьми.

Актуальность проблемы детско-родительских отношений остаётся неизменно острой на протяжении всего развития психологической науки и практики. Детско-родительские отношения являются уникальным источником для создания дальнейшей модели поведения ребёнка в обществе. Первый опыт общения играет важную роль в дальнейшем жизненном пути ребёнка. Принято считать, что проблемы в отношениях между родителями и детьми начинаются, когда последние достигают подросткового возраста. Но это совсем не так, ведь у большинства современных детей доверие к взрослым пропадает гораздо раньше.

Первоначально доверие возникает на ранних стадиях развития ребенка на основе базовой потребности в безопасности и защищенности, его возникновение основано на эмоциональном контакте ребенка с матерью. В процессе развития, включения в социальную среду (микросреду, представленную близким кругом, семьей, и макросреду, представленную более широким кругом общения, первыми общественными институтами – детским садом, школой и т.д.) у ребенка возникает определенный опыт взаимодействия с ней [2, с. 26-28]

На основе прошлого опыта доверительных отношений с миром, который начинает отражаться в качествах личности и влиять на общую стратегию поведения, возникают вторичные установки на доверие. Эти вторичные установки как относительно устойчивые личностные характеристики формируются в подростковом возрасте. При этом большое значение имеет доверительное отношение со стороны родителей и других близких взрослых. В результате на основе этих отношений у подростка формируется доверие к себе как относительно устойчивое качество личности – способность дифференцированно относиться к людям с точки зрения доверия. В исследованиях Т.П. Скрипкина показано, что доверие к себе как относительно устойчивое интегративное образование личности формируется к концу подросткового возраста, «когда ребенок оказывается способным к самостоятельной, подлинной саморегуляции своего

поведения» [5, с. 162-164]. Недоверие между родителями и детьми возникает постепенно. Часто родители, не осознавая, к чему это может привести, отталкивают своих детей постоянными запретами, угрозами и, что еще хуже, неуважением к личности ребенка.

Отметим, что под доверием мы понимаем способ восстановления интимности жизненного пространства под давлением рисков и опасностей окружающего мира [1, с. 96]. Недоверие представляет собой сомнение в достоверности, правдивости чего-либо, или в отношении кого-либо [6, с. 87].

К **психологическим факторам недоверия детей родителям** относят [4, с. 115-117] : 1) обман – ложь ребенку, ведет к недоверию в отношении обещанных слов родителя, 2) нехватку общения – родитель становится для ребенка незнакомцем, 3) физическое /моральное насилие – рукоприкладство, угрозы, словесные унижения отдаляют ребенка от семьи, 4) ограничение в свободе выбора, когда взрослый не прислушивается к выбору ребенка, ведь «родитель знает лучше», 5) обсуждение его личной жизни с посторонними людьми, из-за чего ребенок перестает делиться секретами, 6) гиперопека – постоянная забота со стороны взрослых, как правило отпугивает детей, особенно в подростковом возрасте, когда дети считают себя взрослыми.

Современная семья представляет собой сложную по структуре и достаточно устойчивую систему, которая создает специфическую атмосферу жизнедеятельности людей, формирует нормы взаимоотношений и поведения растущего человека. Конструируя определенный социально-психологический климат жизни ребенка, семья во многом определяет развитие его личности в настоящем и будущем. Как фактор социализации, семья занимает значительно более высокий ранг, чем школа или другие социальные институты формирования личности.

Факторы отношения родителей к детям можно представить в виде трех групп – факторов 1-го, 2-го и 3-го порядка [3, с. 368-400]: факторы 1-го и 3-го порядка влияют на возникновение недоверия со стороны детей в отношении родителей; факторы 2-го порядка способствуют развитию недоверия родителей к детям. На факторах недоверия детей родителям мы уже останавливались выше. Охарактеризуем **психологические факторы недоверия родителей детям**. Рассмотрим для этого именно факторы 2-го порядка, к которым относятся [3, с. 415]:

1. Непонимание своеобразия личностного развития детей. Например, родители считают их упрямыми, в то время как речь идет о сохранении

элементарного чувства собственного достоинства; или родители думают, что ребенок не хочет, а он не может и так далее.

2. Непринятие детей – это принятие индивидуальности ребенка, его своеобразия, особенностей характера.

3. Несоответствие требований и ожиданий родителей возможностям и потребностям детей. Это ведущий патогенный фактор, вызывающий нервно-психическое перенапряжение у детей.

4. Негибкость родителей в отношениях с детьми, которая выражается недостаточным учетом ситуации момента; несвоевременным откликом; фиксацией проблем, застреванием на них; запрограммированностью; отсутствием альтернатив в решениях; предвзятостью суждений; навязыванием мнений.

5. Неравномерность отношения родителей в различные годы жизни детей. Недостаток заботы сменяется ее избытком или, наоборот, избыток – недостатком в результате меняющегося характера восприятия детей, рождения второго ребенка и противоречивости личностного развития самих родителей.

6. Непоследовательность в обращении с детьми – существенный фактор невротизации, возникающей в результате меняющихся и противоречивых требований родителей [3, с. 458].

По мнению психологов практически все дети рождаются доверчивыми. В самом раннем возрасте они полностью полагаются на маму. Она заботится о ребенке, кормит, моет и оберегает. Поэтому первоначально доверие возникает именно к матери, а только потом к отцу, бабушкам и дедушкам. От поведения родителей зависит, разовьется доверие или нет.

Если ребенок потерял доверие к своей семье, это приводит к его замкнутости, одиночеству и неуверенности в себе. Такие дети вырастают совершенно не приспособленными к жизни. Они не умеют справляться с трудными ситуациями. Поэтому доверительные и добрые отношения являются залогом гармоничного развития ребенка и счастливой дальнейшей жизни.

Недоверие влияет на личность таким образом, что ее структура подвержена некоторым характерным особенностям в отличие от той, которой феномен недоверия не свойственен. Такая личность более осторожна во взаимоотношениях, близкие контакты строятся на основе проверки временем. Недоверие может быть сформировано по отношению к себе, по отношению к другим людям или по отношению к обществу в целом, к миру.

Библиографические ссылки

1. *Алексеева, А.Ю.* Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия / А.Ю. Алексеева // Социальная реальность. – 2008. – № 7. – С. 85-98.
2. *Ильин, Е.П.* Психология доверия / Е.П. Ильин – Санкт-Петербург: Питер, 2013. – 282 с.
3. *Купрейченко, А.Б.* Психология доверия и недоверия / А.Б. Купрейченко – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 569 с.
4. *Обухова, Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы.- Издание 3-е, стереотипное / Л.Ф. Обухова — М.: Тривола, 1998. - 352 с.
5. *Скрипкина, Т.П.* Доверие как фактор развития субъективности в онтогенезе: монография / Т.П. Скрипкина. –Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – 328 с.
6. *Скрипкина, Т. П.* Психология доверия / Т.П. Скрипкина. – Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 1997. – 250 с.

ОБРАЗ ОТЦА У ДЕВУШЕК, СКЛОННЫХ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

А. В. Савицкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

aylin43al@gmail.com

*Научный руководитель – Степанова Людмила Григорьевна,
кандидат психологических наук, доцент*

В публикации автор обращается к проблеме влияния образа отца на формирование аддиктивного поведения. Приводятся результаты изучения теоретических подходов к исследованию образа отца и его роли в формировании личности ребенка, а также факторов, влияющих на развитие аддиктивного поведения у индивида. Объектом исследования выступает образ отца, целью – определение образа отца у девушек, склонных к аддиктивному поведению. Работ, освещающих данную проблему в белорусском обществе, крайне недостаточно. Поэтому данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований, а также базой для разработки программы, направленной на повышение осведомленности о существующей проблеме в обществе.

Ключевые слова: образ отца; аддикция; аддиктивное поведение; семья.

На сегодняшний день крайне актуальной проблемой современного общества стало нарушение благополучия семьи, дефицит навыков социального поведения, демонстрируемых её членами, разрушение эмоциональных связей между ними. Одной из причин повышения интереса к данной проблеме можно считать влияние, которое дисфункциональные

семьи оказывают на развитие личности детей и формирование у них аддиктивного поведения. Другими словами, зависимость представляет из себя не только вторичное явление, связанное, например, с употреблением психоактивных веществ, но в первую очередь нарушение развития личности, формирующееся в ранних детско-родительских отношениях.

По мере того, как ребенок растет и развивается, у него формируется субъективный образ отца, который впоследствии, у взрослого человека, способствует становлению как личностной, так и родительской состоятельности. Образ отца является значимым фактором, влияющим на способность индивидуума к раскрытию внутреннего потенциала, на его стремление к саморазвитию и самореализации, или же наоборот, приводящим к остановке в развитии и психологическому регрессу [4]. Непосредственно через образ отца, сформированный в детстве, осуществляется регуляция поведения и жизни в целом, а также восприятие индивидом других и самого себя. Поэтому не только реальные отношения подростка с отцом, но и качество отцовского образа имеет значение для формирования личности индивида.

Вместе с тем, имеющихся в современной психологии данных влияния образа отца на формирование аддиктивного поведения ребенка, крайне недостаточно. В основном это связано с отсутствием эмпирических подтверждений для различных уже сформулированных концепций и положений. Что же касается проблемы взаимосвязи образа отца и его влиянием на развитие аддиктивных форм поведения у юношей и девушек, то она практически вообще не рассматривается в психологической литературе.

В ходе проведения теоретического анализа литературы была определена категория "образ" в системе психологического знания. Здесь можно говорить о том, что понятие «образ» представляем собой некое субъективное представление индивида об окружающей его реальности. Именно от того, каким образом человек представляет себе окружающий мир и людей, будут зависеть его поведение и понимание какой-либо ситуации, в частности [5]. Кроме того, образ не является реальностью, он – всего лишь ее отражение в сознании индивида.

Образ отца носит характер сложной структуры с неоднозначным содержанием, поскольку его влияние на развитие личности ребенка может быть, как позитивным, при его положительном образе, так и отрицательным – при негативном. Одной из важнейших его особенностей

является функция как объекта привязанности, способного обеспечить защиту и поддержку своему ребенку [3; 4].

В ходе проведения теоретического анализа проблемы аддикции и аддиктивного поведения было установлено, что, начинаясь лишь с привычки, они имеют свойство полностью завладевать сознанием индивида, постепенно перерастая в одержимость [7]. Виды аддикций разделяются на химические (вещества, влияющие на психику индивида) и нехимические (сосредоточение индивида на определенных предметах, активностях, людях, а также приобретение зависимой формы поведения).

Различные исследователи выделяют разные социальные факторы формирования аддиктивного поведения, а также разделяют их на:

1. внутрисоциальные (зависимость поведения отдельного индивида от окружающей его социальной среды, ослабевание социальных связей внутри групп, дезадаптированность семей);

2. внешнесоциальные (социальная дезинтеграция в обществе, большой материально состоятельный разрыв между слоями населения) [1].

Ключевой же характеристикой аддиктивного поведения является то, что индивид может с легкостью переключаться с одной формы аддикции на другую. Поэтому избавление от способа реализации аддикции не приведёт к коррекции самого поведения и не решит проблему, потеряв возможность реализовать аддикцию, человек не перестаёт быть аддиктом [6].

Можно с уверенностью говорить о том, что именно семья и взаимодействие ребенка с родителями оказывают наибольшее влияние на вероятность формирования у него аддиктивного поведения. В частности, крайне важным фактором при этом, является образ отца, поскольку именно он содержит в себе удовлетворение таких потребностей ребенка как, например, потребность в безопасности, понимании, поддержке, а также в формировании у него стрессоустойчивости, позитивного восприятия себя и т.п. Если же эти потребности не удовлетворяются с помощью отца, индивид будет вынужден искать иные пути для их удовлетворения. И большинство из них ведет непосредственно к формированию аддикции или аддиктивного поведения. Именно поэтому такое большое значение имеет способность родителей обеспечить ребенка всеми необходимыми навыками для социализации, выстраивая при этом эмоционально близкие отношения в семье.

Таким образом, изучение психологических особенностей образа отца актуально в связи с необходимостью создания программ психологической

помощи дисфункциональным семьям, и, в первую очередь, людям, страдающим от аддикции или различных форм аддиктивного поведения, с целью предупреждения и своевременной коррекции деструктивных состояний и повышения уровня личностной автономии [2].

Библиографические ссылки

1. Дубровина А. С. Социальные факторы формирования аддиктивного поведения / А. С. Дубровина // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2017. – № 1 – С. 406–411.
2. Еременко, В. В. Стратегии профилактики аддиктивных форм поведения в подростковом возрасте / В. В. Еременко // Медицина Кыргызстана. – 2009. – № 5. – С. 29–32.
3. Корчуганова, В. Ю. К вопросу об образе отца у подростков / В. Ю. Корчуганова // Наука и социум : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2021. – С. 100–103.
4. Липпо, С. В. Образ отца как фактор самоактуализации личности : автореф. дис. ... канд. психолог. наук : 19.00.01 / С. В. Липпо ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2006. – 21 с.
5. Осинская, С. А. Категория «Образ» в системе психологического знания / С. А. Осинская // Актуальные вопросы современной науки. – 2012. – № 22. – С. 69–75.
6. Redcay, A. Criteria for Love and Relationship Addiction: Distinguishing Love Addiction from Other Substance and Behavioral Addictions / Redcay A., Simonetti C. // Sexual Addiction & Compulsivity. – 2018. – Vol. 25, №. 1. – P. 80–95.
7. Reward, addiction, and emotion regulation systems associated with rejection in love / H. E. Fisher, L. L. Brown, A. Aron [et al.] // Journal of neurophysiology. – 2010. – Vol. 104, № 1. – P. 51–60.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И КОММУНИКАЦИОННЫХ РЕАКЦИЙ НА РЕВНОСТЬ В РОМАНТИЧЕСКИХ И СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

И. А. Хайдар

Белорусский государственный университет, г. Минск;

oatmesc@gmail.com

Научный руководитель – Фурманов Игорь Александрович,

доктор психологических наук, профессор

Ревность является распространенным феноменом в межличностных отношениях. В основе ревности лежит угроза ценным отношениям или их качеству. Большую роль играет ревность на этапе романтических и супружеских отношений и вызывает серьезные социальные проблемы в современном обществе. Хотя ревность в

значительной степени определяется ситуацией, в которой она возникает, факторы индивидуальных различий очевидны во всех концептуальных представлениях ревности. Паттерн взаимосвязанных чувств, мыслей и действий ревнивца считается в некоторой степени стабильным и устойчивым на индивидуальном уровне. Целью данного исследования было нахождение взаимосвязи личностных характеристик и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях. В качестве инструментария исследования были использованы «Пятифакторный опросник личности», опросник «Темная дюжина» и опросник «Коммуникационные реакции на ревность». Результаты проведенного исследования подтверждают наличие взаимосвязи личностных характеристик и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях. Кроме того были обнаружены половые различия во взаимосвязях личностных характеристик и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях.

Ключевые слова: ревность; романтические отношения; супружеские отношения; коммуникационные реакции на ревность.

Ревность - одна из межличностных переменных, которая постоянно связана с дезадаптацией и неудовлетворенностью отношениями. Ревность определяется как любая неблагоприятная реакция, которая возникает в ответ на угрозу ценным отношениям или их качеству [1].

Определенные личностные факторы могут вызывать ревность, поскольку они повышают вероятность восприятия угроз в социальных ситуациях [1]. Ревность запускает набор адаптивных форм поведения, которые люди не могут проявить иначе [2]. Испытывая ревность, люди могут принимать тактики поведения, направленные как для защиты ценных отношений, так и для отчуждения партнера.

Цель исследования состояла в нахождении взаимосвязи личностных характеристик и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях.

В исследовании принимало участие 178 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет, состоящих в романтических или супружеских отношениях, среди которых 106 женщин и 72 мужчины. В качестве инструментария исследования были использованы пятифакторный опросник личности («Большая пятерка») Р. МакКрае и П. Костав адаптации А. Б. Хромова [3]; опросник «Темная дюжина» П. Джонасон, Г. Вебстер в адаптации Т. В. Корниловой, А. С. Корнилова, М. А. Чумаковой, М. С. Талмач [4]; опросник «Коммуникационные реакции на ревность» Л.К. Герреров адаптации И.А. Фурманова и А.О. Вергейчик [5].

Статистическая обработка включала расчет критерия Колмогорова-Смирнова и корреляционный анализ Пирсона.

Корреляционный анализ установил взаимосвязи личностных характеристик и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях, а также половые различия в них.

Привязанность у женщин прямо связана с реакцией компенсации/замещения ($r=0,213$; $p=0,028$) – попыток доказать свою любовь через заботу и ухаживания в ревностной ситуации, а у мужчин с реакцией избегания/отрицания наличия проблемы ($r=0,4$; $p\leq 0,001$). Также чем выше показатели привязанности у женщин, тем реже встречаются попытки вступить в контакт с соперницей чтобы противостоять ей ($r=0,2$; $p=0,038$). У мужчин же в ревностной ситуации чем выше показатели привязанности, тем реже встречается демонстрация партнёру своей печали, грусти из-за сложившейся ситуации (негативная аффективная экспрессия) ($r=-0,387$; $p=0,001$), активное дистанцирование от партнера ($r=-0,24$; $p=0,043$), попытки решения проблемы через объяснение своих чувств и обсуждение проблемы совместно с партнёром (интегративная коммуникация) ($r=-0,276$; $p=0,019$), обвинения и ссоры с партнером (дистрибутивная коммуникация) ($r=-0,27$; $p=0,021$). У обоих полов привязанность имеет отрицательную связь с манипуляциями ($r=-0,195$; $p=0,045$; $r=-0,33$; $p=0,005$).

Чем выше показатели самоконтроля, тем реже встречаются избегания/отрицания проблемы у женщин ($r=-0,195$; $p=0,045$), а у мужчин демонстрация партнёрше своей печали, грусти из-за сложившейся ситуации ($r=-0,35$; $p=0,003$), проявление агрессии и насилия по отношению к партнерше ($r=-0,395$; $p=0,001$), контролем над партнершей ($r=-0,453$; $p\leq 0,001$), активным дистанцированием ($r=-0,278$; $p=0,018$), обвинением и ссорами ($r=-0,257$; $p=0,029$), манипуляцией ($r=-0,235$; $p=0,047$).

У мужчин выявлена положительная корреляция эмоциональности и дистрибутивной коммуникации ($r=0,475$; $p\leq 0,001$), насильственными воздействиями/угрозами ($r=0,535$; $p\leq 0,001$), контроля/ограничения ($r=0,415$; $p\leq 0,001$), манипуляцией ($r=0,313$; $p=0,007$). Обнаружена отрицательная корреляция между экспрессивностью и реакциями избегания/отрицания ($r=-0,316$; $p=0,007$), контроля/ограничения ($r=0,32$; $p=0,006$), насильственными воздействиями/угрозами ($r=-0,24$; $p=0,042$) и положительная корреляция с интегративной коммуникацией ($r=-0,263$; $p=0,026$).

Психопатия у женщин прямо связана с активным дистанцированием ($r=0,23$; $p=0,019$), контактом с соперницей ($r=0,257$; $p=0,008$), насильственными воздействиями/угрозами ($r=0,3$; $p=0,001$); у мужчин же

психопатия связана с попытками решения проблемы через ее обсуждение($r=0,34$; $p=0,003$), манипуляцией.

Нарциссизм у женщин имеет положительную связь с попытками вступить в контакт с соперницей ($r=0,23$; $p=0,017$), у мужчин, напротив, нарциссизм обратно связан с данной реакцией в ситуации ревности($r=-0,243$; $p=0,040$). Также у мужчин нарциссизм обнаруживает прямую связь с насильственными воздействиями/угрозами($r=0,3$; $p=0,010$), контролем над партнершей($r=0,35$; $p=0,002$), активным дистанцированием($r=0,294$; $p=0,012$). Независимо от пола нарциссизм имеет положительную связь с реакциями дистрибутивной коммуникации ($r=0,253$; $p=0,009$; $r=0,554$; $p\leq 0,001$), негативной аффективной экспрессией ($r=0,216$; $p=0,026$; $r=0,286$; $p=0,015$), манипуляцией ($r=0,28$; $p=0,004$; $r=0,35$; $p=0,003$).

Таким образом, полученные результаты данного исследования можно использовать в семейном консультировании и консультировании пар, состоящих в романтических и супружеских отношениях. Кроме того, результаты данного исследования могут быть использованы в курсе лекций по гендерной, социальной, семейной психологии, а также в психологических тренингах, направленных на формирование навыков работы с эмоциональными состояниями, неадаптивными формами поведения в ситуации ревности и т.д.

Библиографическиессылки

1. *Theiss, J. A. Coupling Longitudinal Data and Multilevel Modeling to Examine the Antecedents and Consequences of Jealousy Experiences in Romantic Relationships: A Test of the Relational Turbulence Model / J. A. Theiss, D. H. Solomon // Human Communication Research. – 2006. – 32. – P. 469–503.*
2. *Harris, C. R. A review of sex differences in sexual jealousy, including self-report data, psychophysiological responses, interpersonal violence, and morbid jealousy/ C. R. Harris // Personality and Social Psychology Review. – 2003. – Vol. 7(2). – P. 102–128.*
3. *Хромов, А. Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие / А. Б. Хромов // Курган: Изд-во Курганского гос. Университета. – 2000. – 23 с.*
4. *Корнилова, Т.В. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная Дюжина» / Т. В. Корнилова, С. А. Корнилов, М. А. Чумакова, М. С. Талмач // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. № 2. – С. 99-112.*
5. *Фурманов, И. А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И. А. Фурманов, А. О. Вергейчик // Психол. журн.— 2012. — № 1—2 (31— 32). — С. 81—89.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ МАТЕРЕЙ В ТАКТИКАХ РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В КИТАЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СЕМЬЯХ

С. Чжао

Белорусский государственный университет, г. Минск;

siluzhao417@gmail.com

Научный руководитель – Фурманов Игорь Александрович,

доктор психологических наук, профессор

Обсуждается роль матерей в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях и в белорусских семьях. Согласно выводам, матери в целом доминируют в разрешении родительско-детского конфликта и семейном воспитании, независимо от национальности, но китайские матери воспитывают своих детей более строго, а белорусские матери относительно мягко и редко используют такие тактики, как телесные наказания.

Ключевые слова: разрешение родительско-детского конфликта; дисциплинирование; психологическая агрессия; телесные наказания; проявление жестокости.

Родители играют решающую роль в развитии своего ребенка. Они поддерживают физическое, эмоциональное, социальное и интеллектуальное развитие ребенка и обеспечивают ему первичную и всеобъемлющую среду для взросления. Дети не только наследуют генетические особенности своих родителей. Их развитие определяется тем, как родители взаимодействуют с ними, а также теми ресурсами и стимулами окружающей средой, которые предоставляют родители. Многочисленными исследованиями было показано, что, то, как матери и отцы воспитывают своих детей, оказывает значительное влияние на такие стороны развития ребенка, как самооценка, агрессия, отношения со сверстниками, мотивация учения, психосоциальная адаптация и благополучие.

Именно поэтому отношения между родителями и детьми стали одним из важнейших направлений исследований в различных областях семейной психологии и психологии. В основе родительско-детских отношений лежат семейные отношения, чувство матери и отца, отражающееся в любви родителей и заботе ребенка о родителях. Родительско-детские отношения - это важные социальные отношения, которые влияют на физический и психический рост ребенка, и, независимо от теорий, на которых они

основаны, отношения между родителем и ребенком являются чрезвычайно важным составляющим фактором в формировании личности ребенка с младенчества до детства и подросткового возраста [1]. Основными тактиками разрешения родительско–детского конфликта являются: дисциплинирование, психологическая агрессия и физическая агрессия (телесные наказания, проявление жестокости, физическая жестокость) [2].

Культурный опыт родителей в большинстве случаев является основным ресурсом в воспитании детей. Поэтому пути разрешения родительско-детских конфликтов имеют ярко выраженные национально-культурные особенности [3].

В китайской культуре мать играет главную роль в поддержании семейных отношений, и исторически сложилось так, что китайские матери были достаточно сильно вовлечены и преданы своим детям, особенно в ранние годы, поскольку именно матери обеспечивали максимально благоприятную среду для жизни, здоровья и развития ребенка, будучи физически доступными и оперативно удовлетворяющими все потребности своего ребенка. Данная традиция сохраняется и в настоящее время: считается, что дети должны быть единственными интересом и заботой своих матерей и что матери должны повсюду брать их с собой. Когда дети достигают школьного возраста, матери должны оказывать им поддержку и стимулировать их к успеху в школе и в конечном итоге соответствовать ожиданиям общества и семьи в отношении успеха [4]. Дж. Чжэн с коллегами [5] обнаружили, что среди изученных ими подростков в разных группах китайского населения – 76,5% сообщили, что они всегда получали эмоциональную поддержку от своих матерей в трудные времена, в то время как только 16,1% сообщили, что их матери чрезмерно контролировали их.

Иными словами, матери, в отличие от отцов, больше воспитывают своих детей и уделяют им больше внимания, и у матерей конфликты между родителями и детьми возникают чаще и на более высоком уровне конфликтности, чем у отцов с их детьми.

Однако в исследовании И.А. Фурманова в белорусских семьях, независимо от пола ребенка, наиболее распространенными видами разрешения родительско-детского конфликта матерями являются дисциплинирование и психологическая агрессия, и матери наиболее часто предоставляют ребенку возможность исправиться, а также кричат и ругаются, в отличие от отцов [6].

Исследования Ч. Вана показывают, что матери в белорусских, как в китайских семьях, доминируют в семье, но более мягко относятся к воспитанию своих детей, наоборот, отцы более суровы с детьми в процессе домашнего воспитания и решения детско-родительских конфликтов, такая ситуация продолжается до совершеннолетия детей [3].

Таким образом, в Китае под влиянием культуры кластеризма большинство матерей более строго воспитывают своих детей с надежной на то, чтобы они добились каких-то успехов, а в белорусских семьях матери, в отличие от отцов, более мягко воспитывают своих детей.

Библиографические ссылки

1. 方 晓义. 青少年期亲子冲突的特点 / 晓义 方, 锦涛 张, 钊 刘 // 心理发展与教育[Фан С. Характеристика родительско-детского конфликта в подростковом возрасте / С. Фан, Ц. Чжан, Ч. Лю // Психологическое развитие и воспитание]. – 2003. – №. 3. – С. 46–52.
2. Strauss, M. A. Identification of child maltreatment with the parent-child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents / M. A. Strauss, E. M. Kinard, L. M. Williams // Child Abuse & Neglect. – 1998. – Vol. 22, No. 4. – P. 249–270.
3. Huang, C.Y. Chinese parenting and children's compliance to adults: a cross-cultural comparative study: Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / C.Y. Huang. – 2012. – 144 p.
4. Zheng, G. Population development and the value of children in the People's Republic of China / G. Zheng, S. Shi, H. Tang // The Value of Children in Cross-Cultural Perspective: Case Studies from Eight Societies. – 2005. – P. 239–282.
5. Фурманов, И. А. Дисциплинирование ребенка: тактики разрешения родительско-детского конфликта / И. А. Фурманов // Психологический журнал. – 2008. – Т. 20, № 4. – С. 74–81.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЯ Z

А. П. Юшкевич

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
alexmeison@mail.ru*

*Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,
кандидат психологических наук, доцент*

Статья посвящена проблеме социальных представлений о семье, распространенных среди представителей поколения Z. Приводятся результаты эмпирического исследования социальных представлений о семье поколения Z. Показано, что социальные представления о семье у поколения Z направлены на межличностные отношения и поддержку супругами друг друга и менее иерархизированы.

Ключевые слова: семья; социальные представления; структура семьи; семейные установки; поколение Z.

Согласно «Теории поколений» У. Штрауса и Н. Хоува представители определенного поколения должны разделять одну эпоху, в которой переживают ключевые социальные и исторические события; общие убеждения и модели поведения и чувство принадлежности к данному поколению [6]. Представители поколений порождают социальную реальность и определяют ее, а она приобретает специфические формы, воплощаемые в образе мира и образе жизни конкретного поколения. Представители поколения Z находятся в начале своего формирования как социально-психологической категории, однако отмеченные у них инфантилизм, склонность к аутизации, уход от реальной жизни в интернет пространство могут отразиться на социальном представлении о семье [2 – 5]. Это поколение выросло в разных семейных структурах с более разнообразным сочетанием этнических групп и размытыми гендерными ролями.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что у поколения Z в социальных представлениях о семье ее структура будет менее четкой и иерархизированной, а среди семейных установок более выраженными будут взаимопонимание и поддержка супругами друг друга.

Теоретико-методологической основой исследования послужили теория социальных представлений (С. Московичи, Ж.-К. Абрик, М.-Ж. Шомбар де Лев, И. Маркова, Г.М. Андреева, Т.П. Емельянова и др.); теоретические подходы к изучению семьи (А.Г. Харчев, М.С. Мацковский); теория поколений, (В. Штраус, Н. Хоув; Е. Шамис).

При исследовании мы использовали анкетный опрос, с целью выявления наиболее значимых ценностей в семейной сфере жизни респондентов и их представлений о семье. В опросе приняли участие 40 человек; возраст респондентов был в пределах от 17 до 23 лет. Распределение по полу – 7 юношей и 33 девушки.

Измерение семейных установок по методике Ю.Е. Алешиной [1] выявило, что для поколения Z характерна выраженная ориентация на удовольствие по сравнению с долгом (среднее значение -0,35); отмечено

несколько пессимистическое представление о людях вообще (среднее значение -0,1). Представители данного поколения положительное значение придают роли детей в жизни человека (среднее значение 0,63). Также сильно выражена у них ориентация на совместную деятельность супругов во всех сферах семейной жизни (среднее значение 1,37), и на традиционно представляемую романтическую любовь (среднее значение 1,94); выражено лояльное отношение к разводу (среднее значение -0,51). Значимость сексуальной сферы в семейной жизни выражена умеренно (среднее значение 0,71), как и значение показателя отношения к «запретности секса» (среднее значение 0,47). Данное поколение имеет менее традиционные представления о роли женщины в семье (среднее значение -0,21), и менее бережливы к деньгам (среднее значение 0,08).

В исследовании респондентам было предложено написать 5 слов или словосочетаний, ассоциирующихся с понятием «семья», и описать, что для них означают понятия: «удачный брак» и «счастливая семья».

Анализ слов, ассоциирующихся с понятием «семья» показал, что большинство предложенных понятий имеют позитивные эмоциональные проявления и разделяются на три смысловые группы: позитивные чувства, эмоции и состояния; поддержка и опора; родные люди. Однако некоторыми респондентами были предложены ассоциации с негативным подтекстом: «конфликты» (1%), «напряжение» (0,5%), «нескончаемые домашние дела (уборка и подобное)» (0,5%), «недостаточно места, скорее психологически» (0,5%), «решение проблем за других» (0,5%), «шум» (0,5%). Несмотря на наличие негативных ассоциаций, доминирующее значение все же имели понятия «любовь» (14%), «уважение» (8%), «поддержка» (7,5%), «счастье» (6%), «доверие» (5,0%), «уют» (4,5%), «понимание» (4,5%), «взаимоуважение» (4,5%). Частота встречаемости других категорий составила от 0,5 до 4 %.

При характеристике понятия «удачный брак» большинство (77,5 %) отмечало важность атмосферы в семье, отношениям и взаимопониманию между супругами. На втором месте отмечено материальное благополучие (12,5%), наличие детей не указал ни один респондент, затруднились ответить 10% респондентов.

При характеристике понятия «счастливая семья» большинство (82,5%) также отмечало важность взаимоотношений в семье, на втором месте отмечено наличие детей в семье (7,5%); 10% затруднились ответить.

Анализ результатов по необходимости и незаменимости семьи показал, что большинство респондентов поколения Z склонно считать, что семья необходима для детей (95%).

При анализе ответов респондентов поколения X на вопрос *«От чего зависит счастье семьи?»* было отмечено, что подавляющее большинство (90,0%) отмечают такие категории как, «любовь», «взаимопонимание», отмечая именно атмосферу в семье и взаимоотношения. Отмечена также «совместимость мужчины и женщины», «зрелость супругов» – 7,5%. Зависимость от финансового благополучия отметили 5% респондентов.

Анализ ответов на вопрос *«Какие этапы, по-вашему, проходит семья в своей динамике?»* показал, что 40% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Из оставшихся 60%, две трети в той или иной мере представляют последовательность этапов становления семьи, причем у многих среди этапов обязательно присутствовал «развод» или «распад семьи» остальные респонденты охарактеризовали только начало становления семьи.

Ответы, данные респондентами поколения Z на вопрос *«Какие трудности, проблемы (бытовые трудности, нежелание иметь детей и т.д.) или риски (измены, развод и т.д.) могут возникнуть, по вашему мнению, в семье?»*, можно разделить на четыре группы: межличностные отношения в паре (30%); материально-бытовой аспект (15%); отношения к детям (10%); здоровье (5%). Были также отмечены ответы «все перечисленные в вопросе» (40%).

Ответы на вопрос *«Для чего нужна семья?»* распределились следующим образом. Большинство респондентов согласилось с тем, что семья нужна для удовлетворения потребностей в совместном проведении досуга – 70%; для продолжения человеческого рода – 62,5%; передачи духовной культуры и преемственности поколений – 60%; организации совместного ведения домашнего хозяйства, разделение труда в семье, взаимопомощи – 57,5%. Почти половина респондентов отметила необходимость семьи для воспитания и ухода за детьми – 45%.

Не согласились с ролью семьи для получения хозяйственно-бытовых услуг одними членами семьи от других – 62,5%; полностью не согласились с этим утверждением 35%. Несогласие отмечено и с ролью поддержания физического здоровья членов общества – 57,5%. Почти половина респондентов не согласна с ролью семьи в удовлетворении (50%) сексуально-эротических потребностей; поддержании физического здоровья членов семьи и для удовлетворения потребности в отцовстве или

материнстве – по 47,5%. Не согласились с ролью семьи для воспитания и ухода за детьми 35%. Следует также отметить, что большое количество респондентов в вопросе о функциях семьи выбрало вариант «затрудняюсь ответить».

При выборе предложенных вариантов ответа на вопрос о том, как должна быть организована жизнь семьи подавляющее большинство (95%) выбрало вариант «На началах равенства. Решения надо принимать вместе (не забывая о детях)»; один респондент выбрал вариант «Я за такую семью, в которой каждый живет, как хочет» (2,5%); и один дал свой вариант «нет оптимального варианта семейного устоя, подходящего для всех. Каждая семья вправе выбирать подходящий вариант совместной жизни» (2,5%).

Социальные представления о семье у представителей поколения Z идеализированы и характеризуют семью в первую очередь как место, где кроме любви есть забота и поддержка, а также совместное проведение досуга. Такое представление о гармоничной семье с упором на чувственную сферу, без учета прочих аспектов семейной жизни, возможно, связаны с возрастом респондентов.

Библиографические ссылки

1. *Алешина, Ю.Е.* Социально - психологические методы исследования супружеских отношений / Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская // Спецпрактикум по социальной психологии – М.: Изд-во Моск. Унив-та, 1987. – С. 78 – 90.
2. *Кузмицкая, Ю.Л.* Теоретические и методологические основы общей психологии: учебно-методическое пособие / Ю.Л. Кузмицкая. – Гродно: ГрГМУ, 2015. – 149 с.
3. *Кукулите, Т.Г.* Особенности формирования и развития компетенций поколений X, Y, Z / Т.Г. Кукулите, Е.А. Карпова // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2019. – № 1 (65). – С. 10-16.
4. *Кулакова, А.Б.* Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. — 2018. — № 2 (42). – С. 1 – 6.
5. *Лумпиева, Т.П.* Поколение Z: психологические особенности современных студентов / Т.П. Лумпиева, А.Ф. Волков // Проблеми і шляхи вдосконалення науково-методично та навчально-виховної роботи в ДонНТУ [Электронный ресурс] : матеріалі V наук.-метод. конф., Донецьк, 20 лют. 2013 р. / Донецький національний технічний університет. – Режим доступа: <http://ea.donntu.org:8080/handle/123456789/21748>. – Дата доступа: 13.09.2021.
6. *Howe, N.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. / N. Howe, W. Strauss. – N.Y.: William Morrow & Company, 1991. – 554 p.

КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУПРУГОВ В МОЛОДЫХ И ЗРЕЛЫХ СЕМЬЯХ

Е. Г. Ясюкевич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yasyukevich.elizaveta@mail.ru

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

Статья посвящена проблеме конфликтного взаимодействия супругов в молодых и зрелых семьях. Представлены результаты эмпирического исследования о частоте и длительности конфликтов в молодых и зрелых семьях, а так же результаты о характере взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях в различных сферах семейной жизни. Показано, что на этапе зрелой семьи супруги проявляют большую ориентацию на достижение согласия, в то время как в молодых семьях прослеживается тенденция к негативной реакции на конфликт в связи с проявлением доминирования супругом.

Ключевые слова: конфликт; конфликтное взаимодействие; молодые семьи; зрелые семьи; супруги.

Актуальность исследования конфликтного взаимодействия между супругами связана с ростом дисфункциональности и конфликтности в достаточно большой части молодых и зрелых семей. Стабильность брака и удовлетворенность супругов совместной жизнью рассматриваются через удовлетворение или неудовлетворение тех или иных потребностей супругов.

Выделяют неблагоприятные тенденции, связанные с удовлетворенностью браком и характером конфликтного взаимодействия. В связи с чем повышается число неблагополучных семей, в которых девиантное поведение супругов, становится причиной возрастания эмоционально-личностных расстройств, напряженности, утраты чувства любви и безопасности, нарушений личностного роста и формирования идентичности [1], [2]. В связи с этим появляется необходимость исследования функциональных семей и факторов, которые способствуют развитию гармоничных отношений в молодых и зрелых семьях.

С целью изучения характера конфликтного взаимодействия супругов в молодых и зрелых семьях было проведено эмпирическое исследование, в котором участвовали 25 супружеских пар из числа молодых семей, и 25 супружеских пар из числа зрелых семей.

Полученные данные демонстрируют, что в молодых семьях большинство супругов отмечает, что конфликты с партнером возникают несколько раз в месяц (56%). Это достаточно высокий показатель. Конфликтные ситуации в 18% молодых семей возникают несколько раз в год, что свидетельствует также о достаточно высоком показателе. У части молодых семей конфликты возникают раз в месяц (16%). Низкий показатель конфликтности имеют молодые семьи, у которых конфликты возникают раз в год (2%) и раз в сутки (8%) (таблица 1).

Таблица 1. – Частота супружеских конфликтов в молодых семьях

	Молодые семьи		Зрелые семьи	
	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Раз в год	1	2%	16	32%
Несколько раз в год	9	18%	10	20%
Раз в месяц	8	16%	12	24%
Несколько раз в месяц	28	56%	10	20%
Раз в сутки	4	8%	2	4%

Также у 50% молодых супружеских пар конфликты длятся несколько минут, что свидетельствует о достаточно частом проявлении конфликтов; у 42% несколько часов; у 8% несколько дней, что свидетельствует о достаточно длительном течении конфликтных ситуаций (таблица 2).

Таблица 2. – Длительность супружеских конфликтов в зрелых семьях

	Молодые семьи		Зрелые семьи	
	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Несколько минут	25	50%	22	44%
Несколько часов	21	42%	20	40%
Несколько дней	4	8%	8	16%

Полученные данные демонстрируют, что в зрелых семьях большинство супругов отмечает, что конфликты с партнером возникают раз в год (32%). Это средний уровень проявления конфликтности. В зрелых семьях конфликтные ситуации возникают раз в месяц у 24% респондентов, несколько раз в год у 20% и несколько раз в месяц также у 20% супругов в зрелых семьях. Это свидетельствует о невысоком уровне конфликтности.

Низкий показатель конфликтности имеют зрелые семьи, у которых конфликты возникают раз в сутки (4%) (таблица 1).

Также у 44% зрелых семей конфликты длятся несколько минут, что свидетельствует о достаточно быстром течении конфликтов; у 40% – несколько часов; у 16% – несколько дней, что свидетельствует о достаточно длительном течении конфликтных ситуаций (таблица 2).

В результате проведенного эмпирического исследования были получены следующие результаты по 8 шкалам методики «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман): 1) проблемы отношений с родственниками и друзьями; 2) вопросы, связанные с воспитанием детей; 3) проявление стремления к автономии; 4) нарушение ролевых ожиданий; 5) рассогласование норм поведения; 6) проявление доминирования одним из супругов; 7) проявление ревности; 8) расхождения в отношении к деньгам.

По результатам расчета общего индекса для молодых семей, по каждой шкале были получены следующие: по шкале «Расхождения в отношении к деньгам» составило -0,44; по шкале «Проявление ревности» составило 0,01; по шкале «Проявление доминирования одним из супругов» составило -0,39; по шкале «Рассогласование норм поведения» составило -0,15; по шкале «Нарушение ролевых ожиданий» составило -0,48; по шкале «Проявление стремления к автономии» составило -0,08; по шкале «Вопросы, связанные с воспитанием детей» составило -0,34; по шкале «Проблемы отношений с родственниками и друзьями» составило -0,42.

Среднее значение молодых семей по шкалам предоставлено на рисунке 1.

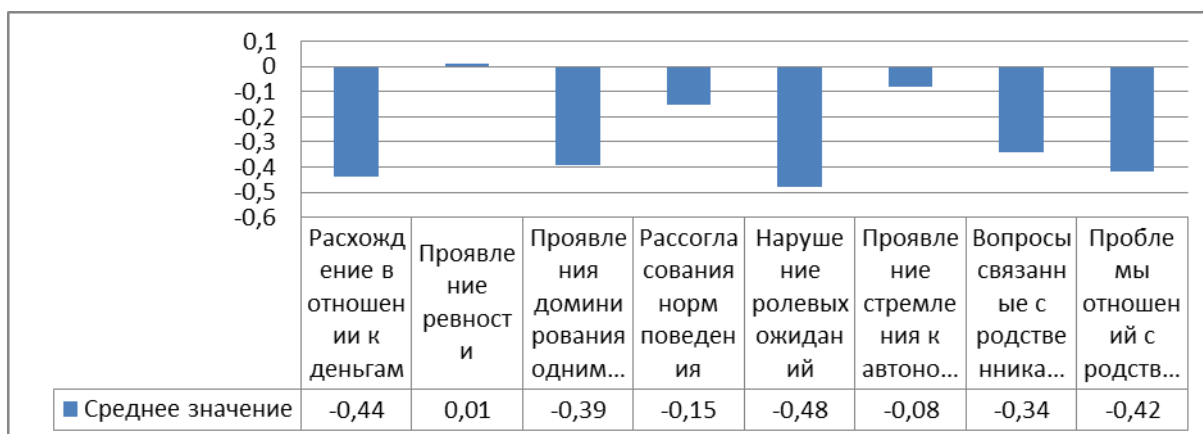

Рисунок 1 – Средние значения показателей молодых семей по шкалам методики «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях»

По результатам расчета общего индекса зрелых семей, по каждой шкале были получены следующие: по шкале «Расхождения в отношении к деньгам» составило 0,70; по шкале «Проявление ревности» составило 0,13; по шкале «Проявление доминирования одним из супругов» составило 0,20; по шкале «Рассогласование норм поведения» составило 0,15; по шкале «Нарушение ролевых ожиданий» составило -0,15; по шкале «Проявление стремления к автономии» составило 0,16; по шкале «Вопросы, связанные с воспитанием детей» составило 0,07; по шкале «Проблемы отношений с родственниками и друзьями» составило 0,15.

Среднее значение зрелых семей по шкалам представлено на рисунке 2.

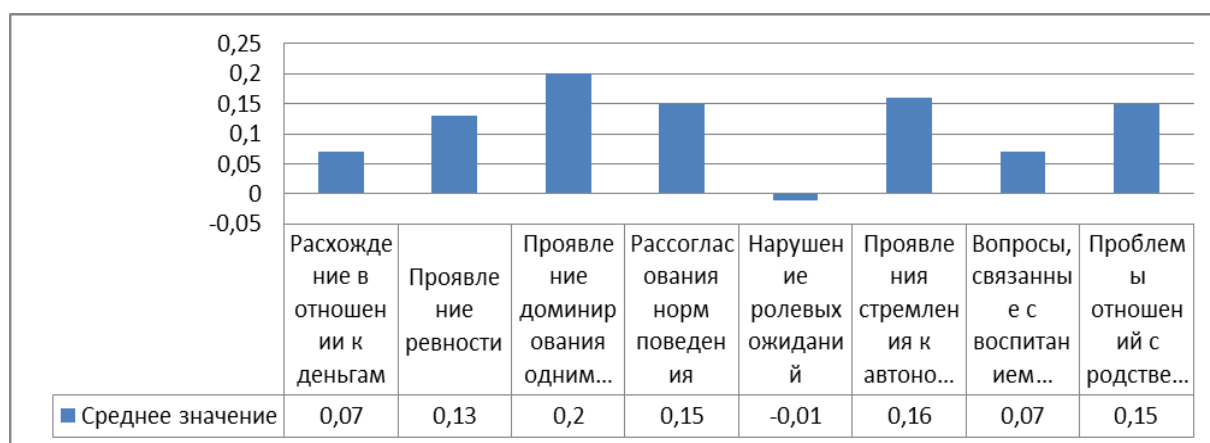

Рисунок 2 – Средние значения показателей зрелых семей по шкалам методики «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях»

Был проведен статистический анализ с применением критерия Манна-Уитни для сравнения молодых и зрелых семей по данным шкалам. В результате было обнаружено различие по шкале «Проявления доминирования одним из супругов» ($U = 708,000$, $p < 0,001$): более высокие оценки по данной шкале в зрелых семьях в сравнении с молодыми свидетельствуют о том, что на этапе зрелой семьи супруги проявляют большую ориентацию на достижение согласия, в то время как в молодых семьях прослеживается тенденция к негативной реакции на конфликт в связи с проявлением доминирования супругом. Это может быть связано с тем, что каждый из супругов старается самоутвердиться в семье, например в роли главы, что может не удовлетворять партнера. Супруги в паре не могут решить, кто будет принимать важные решения, и за кем будет окончательное слово.

Таким образом, в молодых семьях большинство конфликтов возникают несколько раз в месяц, в зрелых семьях большинство конфликтов возникают раз в год, т.е. реже. Причем на этапе зрелой семьи супруги проявляют большую ориентацию на достижение согласия в связи с проявлением доминирования супругом, в то время как в молодых семьях прослеживается тенденция к негативной реакции на конфликт в этой сфере семейных отношений.

Библиографические ссылки

1. *Андреева, Т. В.* Семейная психология : учеб. пособие / Т.В. Андреева. – СПб. : Речь, 2004. – 244 с.
2. *Лимаренко, А.П.* Специфика и основные тенденции развития современной белорусской семьи: отчет по НИР / А.П. Лимаренко. - Мин-во образования РБ, БГУ, Минск, 2005. - 57 с.

СЕКЦИЯ 14. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Б. Ао

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,
кандидат психологических наук, доцент*

В данной работе автор обращается к проблеме конфликтного взаимодействия. Объектом является конфликтное поведение, цель состоит в том, чтобы охарактеризовать личностные факторы конфликтного поведения. Знание личностных факторов конфликтного поведения может использоваться для разработки рекомендаций по эффективному решению конфликтных ситуаций в межличностных отношениях.

Ключевые слова: конфликт; конфликтное поведение; личностные факторы.

Конфликт – это состояние, когда более чем один человек обсуждает тему, и у них нет выводов для этого. Другими словами, мы можем сказать, что, когда два человека или группа спорят без какой-либо конечной точки, это также называется конфликтом. Конфликт может произойти в любое время, в любом месте и с кем угодно, он не требует фиксированного места или фиксированной темы. Это может произойти дома, на рабочем месте в школе, в общественном месте, а может случиться с друзьями, членами семьи, и даже неизвестные лица также могут быть частью конфликта.

Возможно, не каждое общество в мире может избежать конфликтов. На самом деле конфликт – это часть человеческой природы. Конфликты между организациями и отдельными лицами являются неизбежным аспектом повседневной жизни. Многие ученые утверждают, что конфликт неизбежен. Возможно, понимание того, как она обостряется и начинается, влечет за собой прогрессивную стратегию ее использования в интересах заинтересованных сторон. Конфликт относится к ситуации, в которой группы и люди мыслят или имеют несовместимые цели и задачи. Конфликт – это широкое понятие, но многие люди считают, что конфликтом является только насилие и война. Однако конфликты

происходят на всех уровнях общества и в любых ситуациях. Как правило, организации, отдельные лица и люди ежедневно сталкиваются с различными типами конфликтов.

Конфликты, обусловленные психологическими доминантами поведения личности, то есть ее ценностными ориентациями, целями, мотивами, интересами и потребностями, могут быть самыми разнообразными по своему объекту. Есть необходимость в изучении и систематизации личностных факторов конфликтного поведения. Важно выявить смысл и значение, которое личность придает тому или иному объекту.

В результате проведенного нами анализа литературных источников по заявленной теме были сделаны следующие выводы.

Конфликт является неотъемлемой характеристикой социальной жизни. Конфликт представляет собой результат противоположных интересов, связанных с нехваткой ресурсов, расхождением целей и разочарованием [2, с. 16]. Конфликты могут быть вызваны различными причинами, среди которых особое значение имеют индивидуальные различия. Люди в обществе различны по своей природе и имеют различия в таких вопросах, как идеи, стремления, взгляды, а также интересы. Проблематичным или даже угрожающим миру является не само существование конфликтов, а скорее их деструктивные формы. Конфликты могут быть разными, а именно осуществляться регулируемым образом и, следовательно, вносить весьма позитивный вклад в определенное общество. Поскольку конфликты понимаются как неотъемлемая часть человеческого взаимодействия, речь идет не столько об их устранении, сколько об их регулировании или мирном урегулировании. Как уже известно, возможности мирного урегулирования одного конфликта в решающей степени зависят от его фактической стадии развития и динамики эскалации.

Хотя существует много элементов конфликта, следующие три являются одними из наиболее заметных [14, с. 24]: интересы, альтернативы и идентичность. Конфликты часто возникают, когда мы не в состоянии тщательно продумать наши собственные интересы. Наши альтернативы являются еще одним из основных элементов конфликта. Опытные участники переговоров понимают важность определения наилучшей альтернативы согласованному соглашению [14, с. 22-23]. Конфликты часто затрагивают наше глубочайшее чувство собственной идентичности.

Личностные причины конфликта связаны с наличием в любом конфликте личностных элементов. К ним относятся: основные психологические доминанты поведения личности; черты характера и типы

личностей; установки личности, образующие идеальный тип индивидуальности; неадекватные оценки и восприятия; манеры поведения; этические ценности. Расхождение этих факторов в реальном поведении и общении человека может стать причиной конфликта и, таким образом, противоборство между людьми может возникнуть безотносительно к объективным факторам. Хотя очень часто наблюдается взаимодействие между объективными и субъективными причинами конфликта.

Существует пять распространенных методов разрешения конфликтов: сглаживание, избегание, компромисс, сотрудничество, конкуренция. Сглаживание конфликта – это согласие с претензиями, но «только на этот момент». «Обвиняемый» старается таким способом успокоить партнера, снять эмоциональное возбуждение [11, с. 17]. Избегание конфликта – это уход от конфликтной ситуации. При избегании любая из сторон стремится «перевести стрелки» на что-то другое, для того чтобы не концентрировать внимание на самом конфликте [9, с. 56]. Сотрудничество – это поведение в конфликте, когда обе стороны находят совместное решение, поиск которого всегда удовлетворяет всех участников спора. Эта стратегия поведения предполагает зависимость взглядов одной стороны разногласия от мнения другой и полную заинтересованность участников конфликта в сотрудничестве [14, с. 39]. Конкуренция – это борьба, соперничество, вражда, различные формы конфликта и столкновений между людьми, причиной и целью которых является получение какого-то ресурса, преимущества, выгоды.

Выбор одной из этих пяти описанных стратегий поведения в конфликте обусловлен личностными и ситуационными факторами. В данной работе мы охарактеризовали личностные факторы. Дальнейший анализ может состоять в их изучении во взаимосвязи с факторами ситуации.

Библиографические ссылки

1. *Анцупов, А. Я.* Проблема конфликта / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М.: Наука, 2005. – 355 с.
2. *Schellenberg, J.A.* Conflict Resolution: Theory, Research and Practice / J.A. Schellenberg. – State University of New York Press, New York, 1996.
3. *Смирнова, Ю.С.* Атрибутивное сопровождение межличностных конфликтов / Ю.С. Смирнова // Философия и социальные науки. – 2016. – № 3. – С. 105-109.
4. *Смирнова, Ю.С.* Атрибутивные процессы в конфликтном взаимодействии / Ю.С. Смирнова // Психологический журнал: ежеквартальное научно-практическое издание / учр.: Республиканский центр проблем человека. – 2011. – № 1-2(27-28). – С. 40-44.
5. *Самосюк, А.А.* Личностные факторы поведения в конфликте / А.А. Самосюк // Сборник научных статей 17-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов

ОБРАЗ СЕБЯ И ОППОНЕНТА В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

И. С. Авсяник

Белорусский государственный университет, г. Минск;

avsyaniuk.olina@gmail.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

Публикация посвящена особенностям образа себя и оппонента в конфликтах в романтических отношениях. Приводятся результаты теоретического анализа и эмпирического исследования данной проблематики. Объектом исследования выступают межличностные конфликты в романтических отношениях. Цель – выявить образ себя и образ оппонента в межличностных конфликтах в романтических отношениях. В исследовании показано, что образ себя и образ оппонента в межличностных конфликтах в романтических отношениях имеют исключительно положительные оценки. Установлены половые различия в образах себя и оппонента в межличностных конфликтах в романтических отношениях в оценках по двум факторам: «неуверенность» и «рациональность».

Ключевые слова: межличностные конфликты; романтические отношения; образ себя; образ оппонента.

В процессе межличностного взаимодействия часто происходят недопонимания и замалчивания своих обид и огорчений от ситуаций и поступков, которые приносят последствия деструктивного характера для взаимодействия в виде конфликтов.

Конфликты являются неотъемлемой частью в любых взаимоотношениях, особенно романтических – ведь партнер может восприниматься как потенциальный брачный партнер, а это серьезный шаг для вступления в отдельный социальный институт с новыми ролями.

Феномен конфликта исследуется веками в различных научных сферах, в том числе и в психологических парадигмах [1 – 9]. Извлекая общее из психологических исследований, мы можем выделить и подвести следующее: конфликт – это процесс взаимодействия двух противоборствующих сторон, который имеет свою особую структуру,

динамику развития и необъятность в количественной измеримости причин. Каждый конфликт имеет: субъект, объект, предмет и динамику и носит либо конструктивный, либо деструктивный характер. На данный момент, стоит выделить, что конфликт социально необходим во взаимоотношениях. Также уместно добавить, что конфликт имеет эмоциональную окраску.

Рассматривая причины конфликтов, мы согласны с Е. М. Бабосовым [2], который выделил наиболее типичные причины возникновения межличностных конфликтов:

- принижение личности партнера, негативная оценка его поступков, действий;

- подчеркивание разницы между собой и партнером, причем разницы, ориентированной на завышение своих достоинств и принижение таковых у партнера;

- преуменьшение вклада партнера в общее дело;

- попытка обсуждать вопрос рационально, игнорируя состояние партнера, если он переживает сильную негативную эмоцию;

- полное непонимание или нежелание понять партнера, отсутствие с ним эмоционального контакта.

В межличностных конфликтах обе стороны могут привести свои версии происходящего, которые сильно противоречат друг другу, что приводит к самозащитной атрибуции. В. Г. Каменская объясняет такое поведение большинства как один из механизмов защит субъекта для поддержания самооценки на оптимальном уровне [6]. Мы можем предположить, что происходит таким образом искажение восприятия.

Изучая феномен любви и романтических отношений, мы согласились с определением И. А. Фурманова: «романтические отношения – это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров в целях их продолжения до тех пор, пока один или другой партнер не прервет их или не будут установлены их другие формы (брак, помолвка, сожительство); ...выраженную эмоциональную вовлеченность, определяющую специфику отношений; интимность» [8, с. 76].

Для сбора данных была использована методика Н.И. Леонова «Образ конфликтных ситуаций». Выборку составили 60 респондентов, из которых 34 – женщины и 26 – мужчины, в возрасте от 18 до 29 лет. Длительность отношений варьирует от четырех месяцев до пяти с половиной лет.

В нашем исследовании проведен факторный анализ, в результате которого были выделены следующие факторы: моральность, довольство,

неуверенность, навязчивость, затруднение, рациональность. Эти факторы структурируют восприятие и репрезентацию образов себя и оппонента романтическими партнерами. Опишем эти образы. Респонденты оценивают себя в конфликте с партнером скорее, как морального (5,4), объединяющего (5,0), испытывающего вину (2,9), страдающего (2,9) и разрешающего (2,9), успокаивающего (2,8) и небезразличного (2,1). Описывая образ своего романтического партнера в конфликте, респонденты отмечают следующее: партнер оценивается как нужный (5,4), моральный (5,1), уверенный (5,1), решительный (5,0), сильный (2,9) и небезразличный (2,7). Такие положительные характеристики нам могут говорить о том, что респонденты, будучи в романтических отношениях, позитивно оценивают образ себя и партнера в силу положительных атрибутивных характеристик.

Исследуя половые различия в содержательных факторах образа себя и оппонента в межличностных конфликтах в романтических отношениях, мы вычислили статистически, что в факторах «неуверенность» ($p=0,048$) и «рациональность» ($p=0,022$) существуют различия. Опираясь на данные по фактору «неуверенность», мы можем сделать предположение, что во время конфликта со своим партнером, мужчины, принявшие участие в нашем исследовании, более – по сравнению с женщинами – склонны оценивать себя как ненужного, пассивного, слабого и нерешительного. Обращаясь к фактору «рациональность», отметим, что женский пол оценивает себя по нему более выражено по сравнению с мужчинами. Женщины склонны думать, что они в конфликте со своим партнером являются более обычными, нацеленными на разрешение и рационально анализирующими ситуацию.

Данные, полученные в ходе исследования могут быть использованы для планирования консультационной, профилактической и коррекционной работы при индивидуальной или групповой работе с личностями, находящимися в романтических отношениях. Полученные результаты могут являться основаниями для дальнейшего развития данной темы в рамках других исследовательских работ.

Библиографические ссылки

1. Анцупов, А.Я. Конфликтология / А.И. Шипилов. – М. : ЮНИТИ – Дана, 2014. – 591 с.
2. Бабосов, Е.М. Конфликтология: учеб. пособ. для вузов / Е. М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2009. – 364 с.

3. *Бородкин, Ф.М.* Внимание: конфликт! Учеб. пособие / Ф.М. Бородкин, Н.М. Коряк. – Новосибирск : изд. Наука, 1989. – 189 с.
4. *Вдовина, М.В.* Семейная конфликтология / М.В. Вдовина. – М. : МосГУ, 2011. – 264 с.
5. *Вишнякова, Н.Ф.* Конфликтология / Н.Ф. Вишнякова. – Минск : Университетское, 2002. – 317 с.
6. *Каменская, В.Г.* Психология конфликта. Психологическая защита и мотивации в структуре конфликта : учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / В.Г. Каменская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 150 с.
7. *Леонов, Н.И.* Конфликтология / Н.И. Леонов. – Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2016. – 232 с.
8. *Фурманов, И.А.* Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019(3). С. 74–81.
9. *Thomas, K.W.* Conflict and conflict management / K. W. Thomas. – Chicago, 1976. – 160 p.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБРАЗА СУБЪЕКТА ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК БЕЛОРУСОВ И ГРУЗИН

А. Е. Аниферик

Белорусский государственный университет, г. Минск;

an.yehor@gmail.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

В данной публикации затрагивается тема сходств и различий между белорусами и грузинами. Приводятся результаты эмпирического исследования, в котором определяется взаимосвязь образа субъекта затрудненного общения и коммуникативных характеристик белорусов и грузин. Производится сравнительный анализ. Объектом исследования выступает образ субъекта затрудненного общения, целью – определение характера взаимосвязи образа субъекта затрудненного общения и коммуникативных характеристик белорусов и грузин. Представленная работа может являться основой для дальнейшего проведения подобных сравнительных исследований.

Ключевые слова: затрудненное общение; образ субъекта затрудненного общения; коммуникативные характеристики; грузины; белорусы; межкультурная коммуникация.

Трудности в общении являются такой же неотъемлемой частью человеческой жизни, как и само общение, ведь они возникают практически всегда и везде. Значимым пунктом в исследовании затрудненного общения

является описание образа субъекта затрудненного общения. Ведь важным является то, как именно человек воспринимает партнёра по общению, какие характеристики, по его мнению, относятся к трудному партнёру.

Образ «другого» или же, в нашем случае, образ партнера по общению – законченный психический акт, обладающий пространственно-временной локализацией, предметностью, целостностью, константностью, обобщенностью, структурностью [2]. То есть под образом «другого» мы можем понимать целостную структуру, выделенную в процессе восприятия, а также дополненную личным отношением и эмоциональным окрасом.

Одним из ключевых факторов, определяющих характер общения партнёров, является коммуникативное поведение. Доминирование того или иного параметра коммуникативного поведения может обуславливать то, каким образом человек или группа людей будут действовать в каждой конкретной ситуации.

С помощью опросника В.А. Лабунской «Социально-психологические характеристики субъекта общения» [3] мы определили то, насколько каждая из пяти выделенных автором групп характеристик (*экспрессивно-речевые, социально-перцептивные, отношения-обращения, навыки взаимодействия, условия общения*) затрудняет общение респондентов, а затем мы произвели корреляционный анализ полученных данных, установив их взаимосвязь с коммуникативными особенностями, определёнными методике «Комплексная психологическая диагностика общения» Г.В. Аكوпова и Т.В. Семёновой [1].

У белорусов группа социально-перцептивных характеристик положительно взаимосвязана с когнитивной направленностью и отрицательно – с организационной направленностью общения. Группа экспрессивно-речевых особенностей имеет отрицательную связь с организационной направленностью общения. Группа характеристик, определяющих отношения–обращения друг к другу, имеет отрицательную связь с организационной направленностью общения. Характеристики, определяющие умения и навыки организации взаимодействия отрицательно взаимосвязаны с организационной направленностью, а также с контактными уровнем общения. Взаимосвязи характеристик, определяющих условия общения, со шкалами комплексной психологической диагностики личности не обнаружено (Рисунок 1).

Рисунок 1 - Структура корреляционных связей групп характеристик общения, затрудняющих общение, и коммуникативных характеристик белорусов

Для грузин, соответственно, мы определили, что группа социально-перцептивных характеристик отрицательно связана с консолидирующим стилем общения. Группа экспрессивно-речевых особенностей имеет отрицательную связь с аффективной направленностью, информационным уровнем, а также конвенциональным и консолидирующим стилями общения. Группа характеристик, определяющих умения и навыки организации взаимодействия связана с эгоцентрической направленностью общения. Характеристики, определяющие условия общения имеют отрицательную связь с контекстной направленностью. Взаимосвязи характеристик, определяющих отношения – обращения партнеров друг к другу, со шкалами комплексной психологической диагностики личности не обнаружено (Рисунок 2).

Рисунок 2 - Структура корреляционных связей групп характеристик общения, затрудняющих общение, и коммуникативных характеристик грузин

Сразу можно отметить, что для белорусов не было обнаружено никаких корреляционных связей лишь в отношении отдельной группы характеристик, определяющих условия общения. Для грузин мы также обнаружили корреляции для четырёх из пяти групп характеристик, однако без корреляций осталась не связанная с условиями общения, а определяющая отношения – обращения партнеров по общению друг к другу, группа.

Наиболее важным наблюдением, на наш взгляд, является то, что белорусы и грузины имеют абсолютно разную структуру корреляционных связей – ни одна из взаимосвязей не повторяется. Более того, стоит также обратить внимание на то, что ни одна из коммуникативных особенностей, которая входит в структуру корреляционных связей белорусов, не участвует в структуре корреляционных связей грузин. Это же замечание

справедливо и для коммуникативных особенностей, входящих в структуру корреляционных связей грузин. Мы считаем этот момент одним из наиболее значимых итогов работы, поскольку он свидетельствует о том, что для белорусов и грузин присущи абсолютно разные взаимосвязи образов субъекта затрудненного общения и коммуникативных характеристик, что, в свою очередь, указывает на то, что хоть белорусы и грузины и имеют достаточно похожий обобщенный образ субъекта затрудненного общения – он формируется на совершенно разных основаниях.

Библиографические ссылки

1. *Акопов Г.В.* Комплексная психологическая диагностика общения (КПДО) : методическая разработка для бакалавриата и магистратуры направлений подготовки «Педагогическое образование», «Психолого-педагогическое образование», «Психология», «Социальная психология» / Г.В. Акопов, Т.В. Семенова. – Самара: ООО «Порто-принт», 2016. – 32 с.
2. Библиография: Психология общения [Текст] : энциклопедический словарь / Российской акад. образования, Психологический ин-т ; под общ. ред. А. А. Бодалева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Когито-Центр, 2015. – 671 с.
3. *Лабунская, В.А.* Психология затрудненного общения : Теория. Методы. Диагностика. Коррекция / В.А. Лабунская, К.А. Бреус : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2001. – 288 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ РЕВНОСТИ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Д. В. Гайдукевич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ulyana.masalovich@gmail.com

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,
старший преподаватель*

Согласно данным исследований, человек, который постоянно сталкивается с разногласиями в романтических или супружеских отношениях, подвергается большому количеству различных стрессов, переживаний, которые негативно влияют на его работоспособность, здоровье и взаимоотношения с окружающими людьми. Одной из причин разногласий является ревность. Проблема ревности в романтических отношениях достаточно актуальна, так как отношения между мужчиной и женщиной представляют собой сложный процесс. Человек предрасположен по своей природе к чувствам, эмоциям, аффектам, а ревность является одной из наиболее сильных,

разрушительных и болезненных эмоций. Ревность может являться как конструктивной, так и деструктивной. В работе предпринята попытка охарактеризовать особенности проявления реакций ревности в романтических отношениях.

Ключевые слова: ревность; романтические отношения; романтическая привязанность; уровень агрессивности и враждебности; половые различия.

В психологии существует множество подходов к определению понятия ревности, в которых отражаются положительные или отрицательные стороны этого явления. В рамках отечественных и зарубежных исследований различные авторы имеют неоднозначное мнение к данному феномену. Так, И. А. Фурманов и А. О. Вергейчик характеризуют ревность как реакцию на возникновение угрозы со стороны соперника. Утверждают, что ревность-это такой психологический феномен, который проявляется в случае угрозы или фактической потери значимых для человека отношений. Эти отношения могут быть утрачены из-за существования как реального, так и воображаемого конкурента. Согласно теории привязанности, внутренние рабочие модели могут повлиять на стремление переживать ревность [4]. Г.М. Бреслав, рассматривая ревность, отмечал, что стоит различать нормальную и аномальную ревность. Под нормальной ревностью чаще понимают долгосрочную реакцию на реальную угрозу отношений со стороны другого человека, в то время как аномальная характеризуется иллюзорным восприятием такой угрозы [3].

Согласно данным исследований представлений о ревности, ревность воспринимается как позитивный, так и как негативный феномен [5]. Больше половины респондентов (64 %) отмечают, что ревность необходима в отношениях, 36 % говорят о ее необязательности и это чаще всего связано с жизненным опытом испытуемых. Для отдельных категорий респондентов ревность является «силой», разрушающей доверие, а для других это маркер, по которому они оценивают свои отношения и своего партнера [5].

Ревность в большинстве своём можно рассматривать как своего рода претензию на «владение» другим человеком, с которым существует крепкая эмоциональная связь [1]. Мы рассматриваем ревность в контексте романтических отношений между мужчинами и женщинами. У партнеров, вступивших в романтические отношения, формируется своего рода эмоциональная привязанность. Т. П. Опекина, А. А. Голубева трактуют это понятие следующим образом: «Романтическая привязанность - это сильная эмоциональная связь с партнером, направленной на поддержание близких отношений с ним» [5, с. 52-59]. Следовательно, ревность, в отличие от

родственников с ней конструкций, например, зависти или конкуренции, включает в свою плоскость трех участников: сам ревнующий, тот, кого ревнуют, и тот, к кому ревнуют.

Согласно исследованиям А. О. Вергейчик, уровень агрессивности и враждебности непосредственно влияет на проявление ревности [4]. В результате проведенного исследования было выявлено, что как женщины, так и мужчины с более высоким уровнем враждебности чаще переживают ревность в отношениях по сравнению с женщинами и мужчинами с более низким уровнем враждебности.

Когда гнев является детерминирующей эмоцией, то могут наблюдаться открытые агрессивные реакции. Ревность способна приводить человека в состояние гнева, злости, обиды, депрессии, толкать на неразумные и неадекватные поступки. Например, проявление ревности способно подвигнуть человека на резкие, в том числе насильственные, действия вплоть до самоубийства или убийства, на иное насилие, в том числе причинение вреда здоровью, оскорбление, а также интриги, клевету и т. д. **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**

На особенности проявления ревности, в частности на уровень интенсивности проявления влияет уровень и тип привязанности партнеров, состоящих в близких романтических отношениях [7].

Существуют половые и возрастные различия в проявлении ревности в романтических отношениях. Мужчины, как правило, предпринимают действия, которые позволяют контролировать поведение партнеров и ограничить их доступ к конкурентам (проверяют звонки, SMS-сообщения на телефоне и местонахождение партнера, устраивают проверку, слежку, часто звонят партнеру и пр.), а также вступают в активную коммуникацию с конкурентом, совершают попытки противостоять сопернику (угрожают, оказывают сопротивление конкуренту). Женщины чаще выражают неприятие, игнорирование партнера, стараются уменьшить степень привязанности к нему (физически отдаляются от партнера, устраивают ему «молчаливый бойкот», пресекают попытки или требования общения и др.), демонстрируют негативные эмоции (выражают свое недоверие, негодование, досаду и печаль в присутствии партнера, обижаются, плачут и др.), а также вступают в прямую асоциальную коммуникацию с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером [6]. Однако, как отмечает К. А. Бочавер, как правило, половая специфика сильнее проявляется у представителей, не имеющих опыта в отношениях [2].

Ревностные отношения между партнерами характеризуются реакциями на ревность со стороны одного из партнеров (ревнивца), направленными на сохранение романтических (или супружеских) отношений. В исследовании возрастных различий в коммуникативных реакциях на ревность было обнаружено, что более молодые партнеры в ситуации ревности предпринимают действия, направленные на решение проблем путем взаимодействия с партнером, обсуждение ситуации, а более старшие - стремятся идти на уступки с целью сохранения своих отношений [7]. Сравнительный анализ реакций ревности у партнеров, состоящих в романтических отношениях, показал, что партнеры, состоящие в романтических отношениях в ситуации ревности более склонны обсуждать волнующие вопросы со своим партнером, стараются во всем угодить ему. Таким образом, с возрастом акцент смещается от ценности партнера, на ценность отношений [7].

Таким образом, ревность – это психологический феномен, который проявляется в случае угрозы или фактической потери значимых для человека отношений, которые, в свою очередь, могут утрачены из-за существования как реального, так и воображаемого конкурента. Ревность в романтических отношениях проявляется к человеку, с которым имеется своего рода эмоциональная связь, романтическая привязанность. В качестве психологических детерминант проявления ревности в психологии рассматриваются личностные характеристики, особенности родительно-детских отношений. Основными причинами переживания ревности могут выступать ситуации фрустрации и депривации. На проявление ревности влияет уровень агрессивности и враждебности. Существуют половые и возрастные различия проявлений ревности.

Библиографические ссылки

1. *Антонян Ю.М.* Ревность как мотив преступного поведения / Ю. М. Антонян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. — № 4. — 116-130 с.
2. *Бочавер, К. А.* Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей / К. А. Бочавер // Моск. гор. психол.-пед. ун-т—2012. — 15-16 с.
3. *Бреслав, Г.М.* Полезна ли ревность в партнерских отношениях? / Г. М. Бреслав, Ю. В. Тимошенко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. — № 3. — 30 с.
4. *Вергейчик, А. О.* Ядро установок коммуникативных реакций на ситуацию ревности // А. О. Вергейчик // Психология семейных отношений. — Минск — 2015 — 80-85 с.

5. *Опекина, Т. П.* Переживание ревности в близких отношениях и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин / Т. П. Опекина, А. А. Голубева // Вестник Омского университета. Серия «Психология» — 2020 — № 4 — 53–59 с.
6. *Фурманов, И. А.* Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И. А. Фурманов, А. О. Вергейчик // Психолог. журн. — 2012. — № 1—2. — 81—89 с.
7. *Фурманов, И. А.* Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность. / И. А. Фурманов – Минск : БГУ, 2015. — 73-83 с.

ОТНОШЕНИЕ КО ЛЖИ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Д. Н. Горбачевская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

atrasedana@gmail.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

В публикации рассматривается отношение ко лжи в период взрослости. Объектом исследования является ложь, целью — охарактеризовать отношение ко лжи в период взрослости. Данная работа раскрывает отношение ко лжи в период взрослости, а также основные причины лжи в период взрослости.

Ключевые слова: ложь; отношение ко лжи; причины лжи; период взрослости.

Ложь является основной причиной создания среды существования, наполненной всевозможными проблемами и переломами на всех уровнях. Все сферы жизни, к которым прикасалась ложь, получают искажения и приобретают оттенок фальшивости. Это явление сильно проникло и захватило все области функционирования человека. Между тем ложь, даже незначительная, имеет последствия довольно значимые [4].

Опираясь на научную литературу, можно сказать о том, что, наиболее важные побудительные причины, оказывающие влияние на появление склонности ко лжи и манипулированию другими людьми, следует искать в социализации индивида, в истоках формирования личности, а также в каких условиях он осуществляет свою жизнедеятельность [1]. Известно, что человек уже на ранних этапах развития проявляет способность избегать неприятные эмоций со стороны агрессивного окружения с помощью маскировки и приспособления. Недоброжелательные интонации, крик, агрессивная мимика и другие невербальные компоненты общения

воспринимаются как акты враждебности и при этом достаточно быстро развиваются защитные механизмы (умолчание факта, отрицание совершенного) [5].

Исследования возрастных особенностей лжи в психологии позволяют охарактеризовать ее особенности на разных этапах жизненного пути. В фокусе нашего внимания находится период взрослости. Исследование Мороз Е.А. и Смирновой Ю.С. [3] демонстрируют, что в период ранней взрослости в сравнении с периодом средней взрослости более выражены такие виды лжи как: «этикетная ложь», «ложь во благо», «ложь-фантазия», «ложь оправдание», «ложь-сплетня» и «мотивы лжи». Эти возрастные особенности характерны как для мужчин, так и для женщин. Различия по полу в показателях разных видов лжи в период средней взрослости не установлены. В период ранней взрослости ложь мужчин более мотивирована, чем у женщин, более выражена склонность к умолчанию. Такие результаты можно пояснить, исходя из гендерных различий в поведении мужчин и женщин. В период ранней взрослости, считается, что ложь более мотивирована, чем в период средней взрослости, и различные ее виды являются более выраженными. Это явление связывают с событиями, происходящими в жизни большинства людей вследствие их биологической и культурной обусловленности: создание семьи, рождение и воспитание детей, выбор и начало построения карьеры. В этом возрасте человек сталкивается с проблемой соответствия внутренних и внешних условий существования. Когда у него вызревают те или иные качества личности, он встречается с новыми задачами, которые ставит жизнь перед ним как человеком определенного возраста, а также и с необходимостью преодолевать трудности, принимать важные решения [3].

Ложь в межличностном взаимодействии, как правило, осуждается и порицается и в этом случае характеризует человека как совершающего действия, противоречащие нормам морали. Человек в любом возрасте знает и помнит, что врать плохо, из-за чего возникает эмоциональный дискомфорт, напряжение, человек попадает в ситуацию стресса. У человека, независимо от того, кому, где и как он лжет, возникает нравственное отношение к этому. Но, тем не менее, отношение ко лжи – динамично. Оно меняется в зависимости от эпохи, условий проживания; целей, мотивов, последствий лжи; от разновидности искажения информации; от демографических и личностных особенностей человека [1].

По результатам проведенного нами анализа, можно сделать вывод, что в современном обществе сформировалось слишком обобщенное и неоправданно негативное отношение ко лжи, так как человека учат с детства, что ложь – это нехорошо, что необходимо всегда говорить правду. Однако далеко не вся ложь является «злом». Но даже та ложь, которая причиняет вред людям, является «злом» относительным, направленным в некоторых ситуациях на борьбу с еще большим «злом». В семейных взаимоотношениях, проще относятся ко лжи, когда она используется в благих намерениях [2]. В целом в период взрослости наиболее выражены такие виды лжи, как «ложь-умолчание» и «этикетная ложь», а наименее выражена «ложь-сплетня». Такой вид лжи как «ложь-оправдание» в период средней взрослости выражен в наименьшей степени. А к упомянутым выше наиболее выраженным видам лжи у взрослых людей могут также добавляться «ложь во благо» и «ложь-самопрезентация» [3]. Эти наиболее выраженные виды лжи, обычно, связаны с причинением несущественного вреда окружающим либо его полным отсутствием. Это позволяет лгунам оправдать собственную ложь. В профессиональных взаимоотношениях проще относятся ко «лжи-умолчанию». Негативное отношение носит прямая ложь. Также и в дружеских взаимоотношениях. Люди относятся проще ко лжи от посторонних им людей, которые еще не заслужили их доверия или когда, ложь в определенных ситуациях может быть социально приемлемой [2].

Таким образом, в период взрослости основными особенностями лжи являются ее способы выражения, наиболее используемые виды и отношение взрослых людей.

Библиографические ссылки

1. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений/ Е.П. Ильин. - СПб.: Питер, 2009. - 576 с.
2. Колесникова, Н.И. Исследование понимания обмана как феномена модели психического у взрослых с использованием нарративов [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч.журн. 2011. N 6 (20). С. 10. URL: <http://psystudy.ru> – Дата доступа: 13.04.2022
3. Смирнова, Ю.С. Гендерные особенности лжи в подростковом возрасте и в период взрослости / Ю.С Смирнова // Научные горизонты. – 2018. – №11(15). – С. 335-342.
4. Хакимова, Ю.М. Проблема обмана как психологического феномена/ Ю. М. Хакимова, В.В. Константинов// Электронный научный журнал/ «Пензенский психологический вестник» - Пенза, 2017 – Вып. 2 - С. 94-109.
5. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – СПб., Питер 2000. – 381с.

ЛЮБОВНЫЕ УСТАНОВКИ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

И. Кун

Белорусский государственный университет, г. Минск;

297105377@qq.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,

старший преподаватель

С быстрым развитием современного общества вопрос любви привлекает все больше и больше внимания. Мало того, что любовь также является частью нашей жизни, но в нынешних условиях люди по-разному относятся к любви, и разные любовные отношения имеют разные характеристики. В данной статье будет проанализирован ряд вопросов, таких как любовные установки, любовные отношения и характеристики любви, а также изучены их причины и следствия. Статья не только ссылается на исследования белорусских ученых, но и ссылается на литературу Китая, Европы и другие страны, имеющие определенное научное значение.

Ключевые слова: любовь; любовные отношения; романтические отношения; любовные установки.

Под любовью понимаются чувства, которые людям нравится достигать глубокого уровня, и люди за это платят. Это относится к удовлетворению и счастью, которые люди активно доставляют или сознательно ожидают. Определение любви также расходится среди разных ученых, в основном из-за сложности психологического определения «любви». В соответствии со взглядами Э. Фромма мы определяем любовь как деятельность, которая включает в себя не только ухаживания и сексуальную близость, но и уважение, заботу, ответственность к объекту любви и способность получать любовь и отдавать ее взамен.

На настоящий момент имеется несколько подходов к классификации видов любви. Например, И. Хатфилд (E. Hatfield) выделяет два вида любви: страстную и сострадательную. Страстная любовь характеризуется привязанностью, обоюдным уважением и доверием, а сострадательная любовь связана с сексуальным влечением, тревогой и интенсивными эмоциями [3].

Далее Дж. Ли (John.Alan.Lee) разделил любовь между мужчинами и женщинами на шесть форм [4]:

Страстность: физическое влечение, привлекательное лицо, незаменимое чувство.

Тип игры: любовь — это игры с разными людьми, в том числе обман партнеров и меньше самораскрытия.

Дружба: как дружба, тихая и дружелюбная. На основе дружбы, также известной как «развитая любовь».

Практические: список потребностей (например, подходит для этой семьи, хорошие родители, и т. д.).

Притяжательный: любовный «синдром». Его интенсивность высока, и человек чередует увлеченность и борьбу.

Альтруистический: характеризуется жертвенностью, ставящей «счастье» возлюбленного выше себя [4].

Любовных установок, также известное как взгляд на любовь, стиль любви, отношение к любви, отношение к любви — это отношение человека ко всем аспектам отношений.

Любовных установок очень важно для установления и развития любви человека. Эмпирическое исследование отношения к любви в психологии началось с определения любви Z. Rubin. Он считает, что любовь — это социальная межличностная установка (love is an attitude), а поскольку социальные установки можно измерить, то, естественно, можно измерить и любовные установки [8].

Хорошие и здоровые любовных установок могут сделать людей лучше, в то время как плохие любовных установок могут сделать людей эмоционально подавленными и неспособными к общению.

Родная семья влияет на отношение к любви. В современной теории брака и семейной терапии считается, что семейная атмосфера, традиционные привычки и семейные взаимодействия первоначальной семьи будут влиять на поведение детей в их собственной любви в будущем.

Плохое влияние средств массовой информации также плохо сказывается на отношении людей к любви. Неудачные любовные переживания также могут повлиять на формирование любовных установок.

У всего есть хорошие и плохие стороны, и у любви тоже. Хорошие отношения могут сделать людей счастливыми, испытать особое очарование любви и построить прочную и надежную близость.

Любовные отношения — это наиболее сильно ощущаемые отношения в межличностных отношениях, поэтому самооценка также в определенной степени влияет на любовные отношения.

Исследования показали, что самооценка может регулировать межличностные отношения, делая их более гармоничными и

гармоничными. Между самооценкой и межличностными отношениями может существовать причинно-следственная связь [7].

В отношениях между самооценкой и любовным отношением мы можем обнаружить, что любовное отношение лиц с высокой самооценкой более склонно к романтике и установлению отношений в форме равноправных партнеров, а у людей с низкой самооценкой очень собственническое отношение к любви [5].

Романтические отношения – это выражение взаимного восхищения двух людей, это самое искреннее восхищение другой стороной, сформировавшееся в их сердцах, и желание, чтобы другая сторона стала их партнером на всю жизнь, самые сильные, самые устойчивые и самые преданные чувства.

Согласно И.А. Фурманову, романтические отношения – это отношения двух людей, предполагающие тесное взаимодействие партнеров, пока они не выйдут на другой уровень (сожительство, брак) [1].

Они характеризуются: взаимной направленностью партнеров друг на друга, наличием между ними тесных контактов, ярко выраженную эмоциональную вовлеченность друг в друга и интимность.

Являясь основной психологической потребностью большинства людей, романтические отношения способны не только развеять одиночество, но и создать ощущение связи между людьми, удовлетворить потребности в общении и общении с близкими людьми.

Психологические характеристики в длительных романтических отношениях могут быть заменены один раз на «психологическую нормальность», которая считается потому, что, принимая решение о чем-либо, он может проявлять зависимость от этого, и психологические особенности романтических отношений могут быть лучше изучены.

Взаимосвязь между любовным отношением и полом в основном отражается в двух аспектах: активном и пассивном, а также цели достижения.

И.А. Фурманов, исследуя проблему любовных аттитюдов в различного рода отношениях (романтических, супружеских) констатирует, что в иерархии любовных аттитюдов партнеров как в романтических, так и в супружеских отношениях доминирующее положение занимают эрос, мания и агапе [2].

В разных странах разное отношение к любви. Например, иерархии любовных аттитюдов белорусов и китайцев имеют некоторые базисные сходства в доминирующих любовных установках. Однако культурно-

специфические факторы и этнокультурные традиции также могут приводить к различиям в переживаниях ими любви, в том числе женщинами и мужчинами, принадлежащими к разным субкультурам [1].

Подводя итог, следует констатировать, что на формирование любовных установок оказывают влияние различные факторы: личностные, гендерные факторы, любовные переживания и многие внешние факторы, такие как семейное окружение, социальная среда, руководство сетевой информацией и др. В заключение, следует сказать, что хорошая любовь может сделать людей возвышенными, тем самым формируя лучшую жизненную ценность.

Библиографические ссылки

1. *Fourmanov, I. A.* Hierarchy and structure of love attitudes of Belarusians and Chinese / I.A. Fourmanov, N. Xinchun, Z. Xiaoxuan // Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. – 2021. – 3: P. 73–83.
2. *Fourmanov, I. A.* Love attitudes in romantic and marital relationships. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019;3: P. 74–81. Russian.
3. *Hatfield, E.* A Brief History of Social Scientists' Attempts To Measure Passionate Love / E. Hatfield, L. Bensman, R.L. Rapson // Journal Of Social And Personal Relationships. – 2012. – № 29 (2). – P. 143-164.
4. *Lee, J. A.* The colors of love: an exploration of the ways of loving / J.A. Lee. – Don Mills: New Press; 1973. 294 p.
5. *Adler N.L., Hendrick SS.* Relationships between contra- ceptive behavior and love attitudes, sex attitudes, and self-esteem[J]. Journal of Counseling and Development. – 1990(70): P. 302-308.
6. 黄凯杰, 李丹, 赵倩. 自尊问题研究综述[J]. 社会心理科学, 2014 30 (8) : 32-37.
7. 张宏. 从社会学视角看择偶中的“门当户对”. 西安社会科学, 2010, 28(4) : 30 – 32.
8. 曹杏娥.
大学生成人依恋、自尊与爱情态度的关系研究[D].北京林业大学,2011:05-10

РАСПОЗНАНИЕ ЛЖИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

К. В. Максимчик

Белорусский государственный университет, г. Минск;

kristinamaksimcik87@gmail.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор обращается к проблеме распознавания лжи в межличностных отношениях. Объектом исследования выступает распознавание лжи, целью — характеристика понятия лжи и определение способов ее распознавания в межличностных отношениях. Понятие лжи является предметом исследования во многих гуманитарных науках, но пока это мало способствует выявлению ее специфики в разных областях теоретической деятельности.

Ключевые слова: ложь; распознавание лжи; межличностные отношения.

В данной статье исследуется проблема лжи в межличностных отношениях. Так как в современном мире ложь давно проникла во все сферы человеческой деятельности, каждый человек хоть раз в жизни оказывался обманутым и сам же не раз обманывал других, актуальность выбранной темы сложно поставить под сомнение. Одной из главных и нерешенных проблем остается то, что не любую ложь можно распознать. Волнует эта проблема людей очень по-разному: одних интересует, как определять ложь, а другим более интересно научиться искусно лгать. Несмотря на интерес к данной проблеме и множество исследований разных авторов, нет однозначной формулы распознавания лжи или закона идеального обмана. Люди используют ложь в различных целях: не причинить зла другому, защитить тех, кого любят, оградить свой внутренний мир, избежать наказания, показаться лучше, получить удовольствие, добиться правды и т.д.

Разберем определение понятия межличностных отношений. Под **межличностными отношениями** понимаются субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний людей в ходе совместной деятельности и общения [6, с. 125]. Сфера межличностных отношений охватывает практически весь диапазон существования человека.

Основа межличностных отношений — эмоции, они возникают и складываются на основе определенных чувств, рождающихся у людей по отношению друг к другу. Важной характеристикой в межличностных отношениях является взаимность [6, с. 132]. Любой вид межличностных отношений предполагает собой наличие определенных взаимных отношений, деловых, дружеских и т.д.

Существует много видов межличностных отношений, которые отличаются между собой влиянием таких особенностей как пол, национальность, возраст, темперамент состояние здоровья, профессия, опыт общения с людьми, самооценка, потребность в общении и др.

При классификации межличностных отношений выделяют [4, с. 65-74]: официальные – отношения, возникающие на должностной основе, и неофициальные, складываются на базе личных взаимоотношений людей; деловые, возникают в связи с совместной работой, и личные – отношения между людьми, которые складываются помимо их совместной деятельности; рациональные – отношения, основанные на разуме и расчете, и эмоциональные – основаны на эмоциональном восприятии друг друга; субординационные – отношения руководства и подчинения, т. е. неравноправные отношения, и паритетные – отношения, которые означают равноправие между людьми; а также негативные (отрицательные) межличностные отношения – это отношения, которые основаны на неприязни определенных личностных качеств человека, особенностей его характера или поведения, нейтральные – отношения, основанные на безразличии к другим людям, и позитивные – отношения, направленные на получение положительных эмоций через дружбу, любовь и т.д.

Ложью обычно называют умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности. Цель лгущего – с помощью вербальных или невербальных средств коммуникации дезинформировать партнера, ввести его в заблуждение относительно истинного положения дел в обсуждаемой области. Для квалификации лжи как психологической категории достаточно, чтобы один из партнеров по общению, высказывая какое-либо суждение, думал, что он лжет, то есть считал, что умышленно искажает факты.

Сделаем экскурс в этимологию термина «ложь». В толковом словаре В. И. Даля находим следующее определение: «Ложь – то, что солгано, слова, речи, противные истине. Лгать – врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине» [5, с. 67]. «Ложь – неправда, намеренное искажение истины; обман» – такое толкование дано в академическом словаре русского языка.

Существуют понятия, которые являются близкими по значению к понятию лжи, – обман, неправда.

В отличие ото лжи, обман – это полуправда, провоцирующая понимающего ее человека на ошибочные выводы из достоверных фактов; сообщая некоторые подлинные факты, обманщик умышленно утаивает другие, важные для понимания сведения [1, с. 78].

Неправда – это высказывание, основанное на искреннем заблуждении говорящего или на его неполном знании предмета, о котором он говорит [1, с. 84]. Неправда, как и обман, основывается на неполноте информации,

но, в отличие от обмана, говорящий не утаивает известной информации и не преследует иных целей, кроме передачи сообщения, содержащего неполную (или искаженную) информацию.

Психологи выделяют различные виды лжи [3, с. 34]: заблуждение – это вид лжи, в котором предоставляемая человеком информация является ложной, однако ему об этом не известно, искажение – это осмысленное и преднамеренное предоставление ложной информации, демонстративная ложь – это сознательное предоставление искаженной информации, в ложности которой человек может быть уличен в тот же момент, необходимая ложь – это вид лжи, который используется при условии необходимости наступления иных тяжелых последствий, самообман – это вид лжи, который возникает при ошибочной трактовке принимаемой информации, умолчание (сокрытие) – это передача неполной истинной информации, передёргивание – это такой способ подачи информации, когда привлекается внимание только к тем фактам, которые выгодны источнику информации, маскировка – вид лжи, при котором человек представляет попытку скрыть какую-либо существенную информацию с помощью какой-то несущественной информации и т. д.

Распознавание лжи происходит с помощью вербальных и невербальных индикаторов, которые человек непроизвольно использует в своих действиях и речи. Вербальные индикаторы лжи включают речевые ошибки, оговорки, тирады, неверная информация [7, с. 265]. Невербальными индикаторами лжи являются: нарушение контакта глаз, прикрывание рта рукой, преувеличенное выражение эмоций и т.д. [7, с. 265].

При трактовке языка тела и жестов важно следовать трем правилам [2, с. 304]:

- Истолковывать в совокупности. Каждый жест подобен слову, они формируют предложения, называемые цепочками. Необходимо искать не отдельные жесты, а цепочки для верного истолкования.
- Искать конгруэнтность. Если слова подтверждаются жестами, то человек говорит правду, если же жесты противоречат словам – скорее всего он лжет.
- Истолковывать в контексте. Если индивид сидит на автобусной остановке в мороз и скрещивает руки, то этот жест будет означать, что он просто замерз. Если же такой жест проявляется в теплой обстановке, судя по всему, человек настроен негативно.

Подводя итог, можно сказать о том, что ложь как особый психический процесс имеет своё выражение в поведении человека в виде некоторой совокупности вербальных и невербальных маркеров, которые могут быть замечены и определены в процессе коммуникации.

Библиографические ссылки

1. *Симоненко, С.И.* Психологические основания оценки ложности и правдивости сообщений / С.И. Симоненко // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 78–84.
2. *Табаев, А.Ф.* Распознавание лжи / А.Ф Табаев, С.Д. Исанбаева. – : Кумертауский филиал ГОУ ОГУ, 2011. – 320 с.
3. *Щербатых Ю.* Искусство обмана/Ю.Щербатых. – СПб. 1997.
4. *Голубева, Г.Ф.* Оптимизация межгрупповых отношений как проблема социальной и организационной психологии в управленческой деятельности / Г.Ф Голубева – : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 2016. – 65-74 с.
5. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – СПб: 1997.
6. *Андреева, Г. М.* Социальная психология / Г. М. Андреева. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – 363 с.
7. *Bhutta M.R.* Single-trial lie detection using a combined fNIRS-polygraph system // Frontiers in psychology. 2018. № 1. С. 709.

СРЕДОВЫЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

К. В. Позняк

Белорусский государственный университет, г. Минск;

roznyakpsy@yandex.by

Научный руководитель – Солодухо Александр Сергеевич,

кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор рассматривает средовые факторы принятия экономических решений, основными из которых являются неопределенность и уровень риска. Раскрывается их сущностная характеристика. Демонстрируется влияние пандемии COVID-19 на принятие решений.

Ключевые слова: принятие решений; средовые факторы; COVID-19.

Среда – то, в рамках чего действует субъект. Наиболее значимыми средовыми факторами принятия решений являются неопределенность и уровень риска. В ситуации риска все возможные исходы известны, а потому вероятность благоприятных или неблагоприятных событий, а

также те или иные изменения среды могут быть вычислены. Под неопределенностью же понимается неполное или неточное представление о значениях параметров в будущем, порождаемых различными причинами, и ведущих к непредсказуемости развития ситуации, а также невозможности определения вероятности наступления различных состояний внешней среды [3].

Принято различать истинную (многовариантность развития и невозможность однозначного выбора вариантов) и информационную неопределенность, возникающую из-за неполноты и неточности информации об исследуемых процессах [2]. Это имеет место, когда факторы, требующие анализа, характеризуются своей сложностью и новизной, в силу чего становится невозможно получить достаточное количество релевантной информации, способной помочь объективно определить вероятность наступления той или иной ситуации.

Степень неопределенности относительно имеющейся информации может быть следующей:

- неизвестность (незнание),
- недостоверность (неполнота, недостаточность, неадекватность, расплывчатость),
- неоднозначность [3].

Неопределенность может возникать в разных сферах. Так, выделяют «природную» неопределенность, связанную с частичной или полной неосведомленностью относительно природных условий, в которых придется принимать решение. Яркой иллюстрацией подобного является пандемия COVID-19. Быстрое изменение привычного образа жизни, необходимость принятия большого количества новых ограничений, изменения в организации и реализации традиционных поведенческих практик создали для большинства людей совершенно новые контекстуальные рамки неопределенности. Существенным фактором стала скорость изменения средовых характеристик (особенно личных и социальных аспектов), а также глобальный характер проблемы. Эмоциональный фон окружающей среды характеризовался ярко выраженными негативными тенденциями, такими как тревога, напряжение, страх, депрессия, раздражение, паника, гнев [5]. Подобный фон может приводить к неверной интерпретации информации, вследствие чего создаются благоприятные условия для проявления когнитивной амбивалентности, а также значительно возрастает риск выбора неадекватной стратегии поведения в неопределенной ситуации.

Неблагоприятные эпидемиологические условия привели к ухудшению ситуации на национальных рынках труда, мировых финансовых рынках, снижению занятости и соответствующему росту безработицы, созданию атмосферы экономической неопределенности и нестабильности [4]. Согласно последним исследованиям, наличие члена семьи, коллеги, однокурсника, друга или знакомого с COVID-19 в непосредственном окружении приводит к утрате веры в экономику, избеганию риска и уменьшению общей суммы инвестиций [7]. Пандемия также существенно повлияла на общественные настроения. Судя по оперативным социологическим исследованиям, многие граждане находятся в условиях стресса и фрустрации, в связи с чем в дальнейшем прогнозируется рост общественного недовольства и протестных настроений [1].

Всё вышеизложенное неразрывно связано с экономическим спадом и следующей за ним экономической нестабильностью, которая влияет на динамику потребления и заставляет идти на более рациональные компромиссы в условиях ограниченных ресурсов. Во время рецессии потребители, как правило, покупают меньше, чаще в небольших упаковках, ищут больше информации и более тщательно оценивают альтернативы. Они ведут более простой и взвешенный образ жизни, покупая вещи в магазинах уцененных товаров, откладывая покупку товаров длительного пользования и предметов роскоши. Во время спада люди вырабатывают различные стратегии выживания, позволяющие приспособиться к сокращению доходов и ведущие к усложнению поведения индивида, а также принятию им более рациональных решений. Исследования иллюстрируют, что в результате данного процесса происходит рост социальной ответственности, повышается уровень организованности и качество планирования поведения, расходы распределены по категориям и осуществляются в зависимости от их иерархии, а расточительство минимизируется или исключается вовсе. Кроме того, индивиды продолжают придерживаться практик, усвоенных во время кризисного периода, даже после его окончания [6].

Таким образом, наиболее значимыми средовыми факторами принятия решений являются уровень риска (когда все возможные исходы известны) и неопределенность (когда таковой известности нет). Подобная неизвестность может быть связана с многовариантностью исходов или недостаточной информированностью и проявляться в различных сферах (природной, политической, экономической и т.д.). Неопределенность, существующую в различных средах, можно рассматривать как контекст

для структурных изменений в жизни и формирования более адаптивных моделей поведения с учётом сложившихся обстоятельств.

Библиографические ссылки

1. *Гришин, В. И.* Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17, № 3(111). С. 5-18.
2. *Кравцов, В. Б.* Генезис понятия риска в экономических системах: новый подход к дефиниции // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2010. № 1(30). С. 33-39.
3. *Орлова, М. А.* Терминология и классификация понятия "неопределенность" // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 7(87). С. 43-46.
4. *Авксентьев Н. А.* Экономика и экономическая политика в условиях пандемии. Москва, 2021.
5. *Saladukha, A. S.* Covid-19: changes in everyday background and social environment as psychological problem / A. S. Saladukha, G. A. Fofanova // Соціалізація і ресоціалізація особистості в умовах сучасного суспільства : матеріали VII Міжнародної науково-практичної конференції, 12-13 листопада 2020 р. Київ, 2020. С. 139-141.
6. *Sarmiento, M.* Consumption dynamics during recession and recovery: A learning journey // Journal of Retailing and Consumer Services. 2019. Vol. 50, № 1. P. 226-234.
7. *Yue, P.* Household Financial Decision Making Amidst the COVID-19 Pandemic // Emerging Markets Finance and Trade. 2020. Vol. 56, № 10. P. 2363–2377.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НОСИТЕЛЯХ ЭКЗОТЕРИЗМА

Е. В. Реут

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
liliiren6997@mail.ru*

*Научный руководитель – Безнюк Дмитрий Константинович,
доктор социологических наук, профессор*

В публикации автор обращается к проблеме содержания социальных представлений о носителях экзотеризма в рамках современного общества. Рассмотрена сложность определения и соотношения термина «экзотеризм» и «эзотеризм», а также актуальные проблемы формирования экзотерической картины мира в условиях, диктующих современным обществом. Выделена современная атрибутика экзотерической реальности в рамках теории социальных представлений, разработанных представителем французской психологической школы С. Московичи.

Ключевые слова: экзотеризм; эзотеризм; социальные представления; конструирование субъективной реальности; носители экзотеризма.

Существует ряд авторских публикаций, обосновывающих всю проблематичность и невозможность введения строгих и универсальных определений таких терминов как: «религия», «религиозность», «магия», «экзотеризм», «эзотеризм», «оккультизм», «мистификация» и т. п. [1, с. 225-243]. К одним из главных аргументов подобного явления, можно отнести тот факт, что древние и новые религиозные традиции существовали, существуют и будут существовать лишь за счет того, что присутствует субъективная личная религиозность. Невозможно представить религию отдельно от людей (верующих, адептов) однако, интересно то, что данный личный феномен как таковой носит в себе эмоционально-чувственный характер, представляющийся «вещью-в-себе» и имеющий своего рода «приливы и отливы», в результате чего, и раскрывается как чрезвычайно аморфное и ускользающее от попыток однозначного истолкования как «изнутри», так и «извне».

Также, необходимо принять во внимание и то, как используется прилагательное «эзотерическое» в книготорговом деле. На сегодняшний день, многие издания, в которых, так или иначе, фигурирует прилагательное «эзотерическое», пользуются немалым спросом, например, такие издательские серии как «эзотерическая мудрость», «эзотерические учения», «эзотерическая проза», или «эзотерическая философия». Подобная литература, хотя и носит в названии слово «эзотерическое», подобным не является, так как в основе своего названия лежит значение подразумевающее, что данная литература доступна лишь избранным, в то время как, ее местоположения указывает на общедоступность, что и делает ее «экзотерической». Подобный маркетинговый ход, при самом намеке на эту сомнительную избранность фактически и создает той или иной книге (как и ее автору) признанность за счет широкой читательской аудитории [1, с. 514-524].

Понятия «экзотеризм» и «эзотеризм» на подобии многих современных научных терминов, берет свое начало в Древней Греции. Предположительно, такое прилагательное как «эзотерический» ввел в обиход Аристотель. Однако многие это предположения опровергают, утверждая, что Аристотель использовал не «эзотерический», а «экзотерический» термин, противопоставляя «неписанному», «неявленному». В «Политике» Аристотель писал: «Нетрудно различить так называемые разновидности власти; о них мы неоднократно рассуждали и в экзотерических сочинениях» [2]. Из этого следует, что прилагательное

«экзотерические» интерпретируется Аристотелем как «общедоступные» (т. е. опубликованные для широкой публики) сочинения, которые отличаются от тех, что обращались лишь внутри школы.

В то время как термин «эзотерический» впервые появился в работах Лукиана из Самосаты еще во II в. Согласно его сатире носящим название «Продавцы жизни», в которой Олимпийские боги Зевс и Гермес продавали философов на рабском базаре, зазывая толпу со словами о том, что если они купят одного ученика Аристотеля, то получают целых двух философов по цене одного, объявляя, что один философ видит внешнее, в то время как другой внутреннее (в сатире Лукиан именуется одного экзотериком, а второго эзотериком). Исходя из данного контекста, как термин «экзотерика», так и термин «эзотерика», не представляют собой особой таинственности.

Сами по себе, оккультные и мистические практики, не в состоянии сконструировать экзотерическую реальность. Подобное утверждение делается с той точки зрения, что их осмысление возможно лишь имея определённый теоретико-смысловой контекст, в котором экзотерическая реальность отображается как вероятная и особая установка мышления, имеющая направленность на получение и воспроизводство данного вида опыта.

Исходя из этого предположения, наша позиция, выставленная в рамках нашего исследования, гласит, что конструирование экзотерической реальности происходит на подобии конструирования других субъективных реальностей.

Одна из ключевых причин, по которой мы решили остановиться на концепции С. Московичи, заключается в том, что основная мысль, заложенная в его работах это: человек делая выбор, касательно способов действия исходит не из объективной реальности, а из своих представлений о ней. Рассматривая социальные представления, можно изучать многое, вплоть до отношений группы к каким-либо конкретным социальным феноменам. Включая представителей экзотеризма.

В рамках теории социальных представлений можно сделать предположение, что экзотерические представления являются социальными, символическими сущностями, которые нельзя изучать, изначально, используя в качестве отправной точки, расчет на то, что человек, по своей сущности, рационален. Ведь, изначально, социальные представления олицетворяли собой форму «наивного», «натурального»

знания, которое противоборствует знанию научному, т.к., социальные представления навешиваются в процессе коммуникаций между индивидами.

Исходя из этого, мы заключаем, что данные выводы будут играть одну из ключевых ролей в рамках дальнейшего анализа социальных представлений о носителях экзотеризма, т.к., представители экзотеризма также относятся к специфической социальной группе [3].

Библиографические ссылки

1. Hanegraaff, W. J. New Age Religion and Western Culture. Conclusions: New Age movement and nature of religion / W. J. Hanegraaff. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997 – 594 s.
2. Аринин, Е. И. Философия религии. Принципы сущностного анализа / Е.И. Аринин. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998 – 296 с.
3. Аристотель. Политика III. / Аристотель / Соч.: В 4т. Т.4. / Пер. С.А. Жебелева. – М: Мысль, 1983 – 779 с.
4. Московичи, С. Социальное представление: Исторический взгляд / С. Московичи. – Психологический журнал, 1995 – Т. 16. № 1. С. 3-18. № 2. С. 3-14.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ В ПЕРИОД РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. А. Самосюк

Белорусский государственный университет;

sashasamosyuak@mail.ru

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи личностных особенностей и стратегий поведения в межличностных конфликтах в период ранней и средней взрослости. Результаты исследования могут быть применены в сфере образования, в HR-сфере, в практической психологии, а также для проведения тренингов с целью повышения конфликтной компетентности.

Ключевые слова: межличностный конфликт; поведение в межличностном конфликте; стратегии поведения в конфликте; личностные особенности; ранняя и средняя взрослость.

Конфликт является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Наиболее распространенной формой конфликта является межличностный

конфликт. Одну из центральных позиций в исследовании межличностных конфликтов занимает тема причин и факторов, определяющих те или иные стороны поведения в конфликтной ситуации, наиболее распространёнными являются ситуационные и личностные факторы.

Исследованиями на тему личностных факторов поведения в конфликте занимались такие авторы, как Л. Баландена, Н. В. Вязова, В.М. Мелехова, И. В. Смолярчук, С.В. Дубровина, С.В. Феоктистова, Е.В. Камнева и др. Однако в подобных исследованиях говорить об отдельных личностных чертах, в связи с чем необходимо рассмотреть вопрос личностных факторов поведения в конфликте с другой стороны: рассмотреть более общие характеристики, которые могли бы дать полную картину о личностных особенностях как факторах поведения в межличностном конфликте. Также стоит отметить, что большинство исследований рассматривают в основном подростковый, юношеский возраст или же конкретные сферы деятельности. В связи с чем проведение собственного эмпирического исследования является актуальным.

В нашем исследовании мы опирались на подход М. М. Кашапова к анализу поведения в конфликте, согласно которому существует 3 основные стратегии поведения в конфликте: «уход», «агрессия» и «оптимальное разрешение» [1]. Для сбора эмпирических данных мы использовали Фрайбургский личностный опросник (FPI) в адаптации А.А. Крылова и Т.И. Ронгинской [2] и опросник на диагностику ведущего типа реагирования М.М. Кашапова и Т.Г. Киселевой [3]. Для статистической обработки данных использовался коэффициент корреляции Спирмена.

При проведении корреляционного анализа были обнаружены статистически значимые положительные корреляции стратегии «агрессия» и личностных особенностей: *маскулинность-фемининность* ($r=0,450$; $p<0,001$), *экстраверсия-интроверсия* ($r=0,385$; $p=0,001$), *раздражительность* ($r=0,384$; $p=0,001$), *спонтанная агрессивность личности* ($r=0,241$; $p=0,049$) в период ранней взрослости. С показателями по другим шкалам личностного опросника не обнаружено статистически значимых взаимосвязей стратегии поведения в конфликте «агрессия» в период ранней взрослости. Т.е. чем выше экстраверсия, спонтанная агрессивность, раздражительность и маскулинность личности, тем в большей степени выражена агрессивная стратегия поведения в конфликте в период ранней взрослости. Чем ниже выраженность указанных характеристик личности, тем ниже выражена агрессивная стратегия поведения в конфликте в период ранней взрослости.

Также были обнаружены статистически значимые отрицательные корреляция стратегии «*оптимальное разрешение*» с *эмоциональной лабильностью* ($r=-0,284$; $p=0,020$), *застенчивостью* личности ($r=-0,339$; $p=0,005$) в период ранней взрослости. С показателями по другим шкалам личностного опросника не обнаружено статистически значимых взаимосвязей стратегии поведения в конфликте «*оптимальное разрешение*» в период ранней взрослости. Т.е. чем ниже застенчивость и эмоциональная лабильность личности, тем в большей степени в период ранней взрослости выражена стратегия поведения «*оптимальное разрешение*» и наоборот.

Статистически значимых взаимосвязей стратегии «*уход*» и личностных особенностей в период ранней взрослости обнаружено не было.

Рассмотрим взаимосвязь личностных особенностей и стратегий поведения в межличностном конфликте в период средней взрослости.

При проведении корреляционного анализа были обнаружены статистически значимые положительные корреляции стратегии «*агрессия*» с личностными особенностями: *маскулинность-фемининность* ($r=0,262$; $p=0,036$), *эмоциональная лабильность* ($r=0,414$; $p=0,001$), *открытость* ($r=0,288$; $p=0,021$), *реактивная агрессивность* ($r=0,373$; $p=0,002$), *раздражительность* ($r=0,488$; $p<0,001$), *депрессивность* ($r=0,332$; $p=0,007$), *спонтанная агрессивность* ($r=0,431$; $p<0,001$), *невротичность* личности ($r=0,369$; $p=0,003$). С показателями по другим шкалам личностного опросника не обнаружено статистически значимых взаимосвязей стратегии поведения в конфликте «*агрессия*» в период средней взрослости. Т.е. чем выше эмоциональная лабильность, открытость, спонтанная и реактивная агрессивность, раздражительность, депрессивность, невротичность, тем в большей степени выражена агрессивная стратегия поведения в конфликте. Чем ниже выраженность указанных характеристик личности, тем ниже выражена агрессивная стратегия поведения в конфликте в период средней взрослости.

Также были обнаружены статистически значимые положительные корреляции стратегии «*уход*» с личностными особенностями *застенчивость* ($r=0,359$; $p=0,004$), *эмоциональная лабильность* ($r=0,289$; $p=0,021$), *депрессивность* ($r=0,255$; $p=0,042$), а также отрицательная корреляция с *общительностью* ($r=-0,319$; $p=0,010$). С показателями по другим шкалам личностного опросника не обнаружено статистически значимых взаимосвязей стратегии поведения в конфликте «*уход*» в период средней взрослости. Т.е., чем ниже уровень общительности личности и чем

выше застенчивость эмоциональная лабильность и депрессивность, тем в большей степени в период средней зрелости выражена стратегия поведения в конфликте «уход» и наоборот.

Также были обнаружены статистически значимые отрицательные корреляции стратегии «оптимальное разрешение» с открытостью ($r=-0,284$; $p=0,023$), застенчивостью ($r=-0,263$; $p=0,036$), депрессивностью ($r=-0,262$; $p=0,036$), невротичностью личности ($r=-0,355$; $p=0,004$), а также положительные корреляции стратегии «оптимальное разрешение» с уравновешенностью ($r=0,365$; $p=0,003$), общительностью личности ($r=0,310$; $p=0,013$). С показателями по другим шкалам личностного опросника не обнаружено статистически значимых взаимосвязей стратегии поведения в конфликте «оптимальное разрешение» в период средней зрелости. Т.е. чем ниже открытость, застенчивость, депрессивность и невротичность личности и чем выше уравновешенность и общительность, тем в большей степени в период средней зрелости выражена стратегия поведения «оптимальное разрешение» и наоборот.

Подводя итог, можно отметить, что структура корреляционных связей личностных особенностей и стратегий поведения в межличностном конфликте в период средней зрелости более сложны и разнообразны, чем в период ранней зрелости.

Библиографические ссылки

1. Кашапов, М. Учёт в медиации специфики типов реагирования на конфликт / М. Кашапов // Вестник СПбГУ. – 2012. – № 3. – С. 31–41.
2. Балин, В.Д. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Горбачевский и др. – СПб: Питер, 2000. – 560 с.
3. Леонов, Н.И. Психология конфликта: методы изучения конфликтов и конфликтного поведения / Н. И. Леонов. – М.: Изд-во Юрайт. – 2020. – 264 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

П. А. Семёнова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

spolyanaa@gmail.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор обращается к вопросу представлений интернет-пользователей различных поколений об электронных социальных сетях. Приводятся результаты исследования представлений поколений X, Y и Z о различных Интернет-ресурсах. Объектом исследования выступают электронные сети, целью – охарактеризовать представления интернет-пользователей различных поколений об электронных социальных сетях. Данная работа даёт возможность разрабатывать новые психологические технологии, способствующие преодолению трудностей и решению проблемных ситуаций, возникающих у личности в процессе взаимодействия в Интернете. Применение результатов возможно в различных сферах психологической консультационной работы, а также при разработке теоретических и практических курсов по психологии личности и социальной психологии.

Ключевые слова: Интернет-пользователи; поколения; социальные сети; представления; Интернет.

В последние годы кардинально изменились представления о том, что собой представляют виртуальная личность и сама виртуальная реальность. Процесс изменений не прерывается и продолжается по сей день. Это связано с развитием новых средств межличностной коммуникации и самоопределения личности – социальных сетей (от англ. – social networks). Их нарастающая популярность очевидна. Специалисты из разных областей (бизнес-аналитика, маркетинг, психология, социология, философия и т.д.) во всем мире уделяют внимание изучению объема, видов и интенсивности активности личности в социальных сетях. Вместе с тем следует заметить, что современная психологическая наука о личности не обладает достаточно глубоко осмысленными данными о происходящих процессах, связанных с виртуализацией бытия личности.

Социальные сети могут определяться как виртуальная платформа, Интернет-сайт, веб-сервис, портал в Интернете, целью которых является объединение как можно большего количества людей, путем предоставления им максимума возможностей коммуникации друг с другом [5]. Среди основных функций социальных сетей можно назвать: создание индивидуальных профилей, в которых будет содержаться определенная информация о пользователе, взаимодействие пользователей, возможность достижения совместной цели путем кооперации, обмен ресурсами, возможность удовлетворения потребностей за счет накопления ресурсов [2].

Социальные сети создают пространство, в котором человек может наиболее полно реализовать свои потребности в такой образ, которого требует современное общество. Общение в социальных сетях вызывает изменение восприятия времени и пространства. Характерной для общения

в социальных сетях является значительная визуализация текста, употребление акронимов, пренебрежение традиционными правилами грамматики [1].

Выделить какие-то определенные социально-психологические черты личностей, которые много времени посвящают общению в социальных сетях, достаточно сложно. Авторы в большинстве случаев игнорируют связь между отдельными индивидуально-психологическими характеристиками и влиянием данной связи на использование социальных сетей, связи между мотивацией использования социальных сетей, индивидуально-психологическими характеристиками индивида и последующим поведением в социальных сетях [5].

Можно говорить о наличии социально-психологических особенностей, присущих представителям различных поколений, которые, соответственно влияют на степень активности в социальных сетях. Так, стили межличностного поведения и стратегии самопредъявления различаются в условиях «социальная сеть» и «реальность» у представителей поколения X в большей степени, чем у представителей поколения Z [3].

В целом, обусловленность выявленных в теории тенденций влияния возрастных различий на поведение пользователей социальных сетей требует проведения собственного эмпирического исследования. В данной статье мы остановимся на характеристике представлений поколений X, Y и Z об электронных социальных сетях.

Для сбора эмпирических данных был использован метод анкетирования. В состав выборки вошёл 151 человек в возрасте от 14 до 56 лет. Поколение X – 50 человек, поколение Y – 50 человек, поколение Z – 51 человек.

Проанализировав ответы респондентов различных поколений, мы пришли к выводу, что у представителей поколения Z и Y высокий уровень осведомленности о разных социальных сетях, у поколения X уровень осведомлённости ниже. Представители каждого из поколений Z, Y и X выделяют коммуникационные и информационные функции социальных сетей, реже – развлекательные. Также все поколения считают социальные сети опасными, однако относятся к общению в социальных сетях положительно. Представители поколения X, Y и Z больше предпочитают общение в социальных сетях, нежели общение в блогах и на форумах, а также зарегистрированы в трёх и более социальных сетях.

Было установлено, что представители всех поколений очень часто посещают социальные сети, увлечены различными видами деятельности в социальных сетях, в меру коммуникативны, а также в меру публичны.

Также они уверены в том, что виртуальное общение будет развиваться еще больше. Общий индекс цифровой компетентности представителей поколения Z свидетельствует о достаточно хорошем уровне цифровой компетентности, а у представителей поколения X и Y – о среднем уровне цифровой компетентности.

Библиографические ссылки

1. *Арестова, О. Н.* Психологическое исследование мотивации пользователей Интернета / *О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин., А. Е. Войскунский.* – Материалы 2-ой Российской конференции по экологической психологии 12-14 апреля г. Москва. М.: Экопсицентр РОСС, 2000. С. 245–246.
2. *Бирюкова, Е. А.* Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности. Язык. Словесность. Культура, 2014. С. 75–98.
3. *Пищик, В. И.* Поколения: социально-психологический анализ ментальности. Социальная психология и общество, 2011. С. 80–88.
4. Институт социологии НАН [Электронный ресурс]. Минск, 2021. URL: <https://socio.bas-net.by/gendernye-razlichiya-vovlechennosti-v-tsifrovuyu-sredu> (дата обращения: 25.02.2022).
5. Фонд Развития Интернет [Электронный ресурс]. Москва, 2013. URL: <https://ifap.ru/library/book536.pdf>. (дата обращения: 14.04.2021).
6. *Чумакова, В. А.* Психологические особенности интернет-коммуникаций в социальных сетях. М. : Молодой ученый, 2013. С. 451–453.

СЕКЦИЯ 15. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ **ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ У СТУДЕНТОВ

А. А. Аллахвердиев

Белорусский государственный университет, г. Минск;

allahverdievasker@gmail.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,

старший преподаватель

В современном мире эмоциональный интеллект оказывает влияние на многие аспекты жизнедеятельности человека: на его взаимоотношения с другими людьми, на успешность профессиональной деятельности и прочее. Согласно современным исследованиям эмоционального интеллекта, коэффициент эмоционального интеллекта имеет большую прогностическую ценность, чем общий интеллект. Эмоциональная креативность также в последнее время приобретает особое значение. Она вносит существенный вклад в успешность творческой деятельности, связанной с выражением различных эмоций. Одно из главных затруднений в области исследования эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности – это проблема взаимоотношения между этими двумя способностями. В данной работе предпринята попытка установить характер взаимосвязи эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности у студентов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; эмоциональная креативность; понимание эмоций; управление эмоциями; когнитивные способности; студенты.

Согласно Д.В. Люсину, эмоциональный интеллект понимается, как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими» [3, с. 33]. Автору модели представляется неправильным трактовать эмоциональный интеллект как чисто когнитивную способность. По Д.В. Люсину, эмоциональный интеллект можно представить как конструкт, имеющий двойственную природу, так как он связан и с личностными характеристиками, и с когнитивными способностями [3].

Эмоциональная креативность – это способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления» [2, с. 157]. Соответственно, креативность

понимается как способность, которая порождает находить новое, необычное и отказываться от привычных способов мышления.

Многими исследователями отмечается влияние эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности на деятельность человека. Высказываются идеи об опосредованном влиянии эмоциональных способностей на творческий процесс. Показано, что креативное мышление может фасилицироваться эмоциональным интеллектом, благодаря лучшему пониманию и выражению себя, а эмоциональная креативность оказывает влияние на успешность деятельности, связанной с выражением различных эмоций [5].

Следует констатировать, что самым главным затруднением в области исследований эмоциональных процессов является проблема взаимоотношения между двумя этими конструктами. Понятие эмоционального интеллекта базируется на биологической природе эмоций, понятие эмоциональной креативности — на социальной [1]. Различия между этими конструктами имеются и в подходе к обработке эмоциональной информации. Если эмоциональный интеллект требует аналитических способностей, направленных на выбор правильной реакции на проблему, связанную с эмоциями, то эмоциональная креативность, напротив, направлена на уход от обычной реакции [5; 4].

В исследовании приняло участие 88 студентов первого, второго, третьего и четвертого курсов Белорусского государственного университета гуманитарных специальностей дневной формы обучения в возрасте от 17 до 25 лет, среди которых 57 респондентов женского пола и 31 респондентов мужского пола. Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью пакета статистических программ SPSS 22.0. Процедура статистической обработки данных включала корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Взаимосвязи показателей эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности у студентов представлены в таблице 1.

Таблица 1. - Корреляции показателей эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности у студентов

Переменные	Подготовленность	Новизна	Эффективность	Аутентичность
Понимание чужих эмоций	-	-	$r = 0,309,$ $p \leq 0,01$	-
Управление чужими эмоциями	-	-	$r = 0,324,$ $p \leq 0,01$	-

Продолжение таблицы 1

Понимание своих эмоций	$r = 0,221,$ $p \leq 0,05$	-	$r = 0,258,$ $p \leq 0,05$	-
Управление своими эмоциями	-	-	$r = 0,401,$ $p \leq 0,01$	-

В результате проведенного корреляционного анализа было обнаружено, что показатель эмоционального интеллекта – понимание чужих эмоций коррелирует только со шкалой эмоциональной креативности - эффективность. Была выявлена умеренная прямая взаимосвязь ($r=0,309$, $p \leq 0,01$) (таблица 1). Можно предположить, так как у студентов большое значение приобретает выстраивание отношений с партнёром по коммуникации, то понимание эмоций других людей способствует более эффективному взаимодействию.

Показатель управление чужими эмоциями также имеет умеренную прямую взаимосвязь только со шкалой эффективности ($r=0,324$, $p \leq 0,01$) (таблица 1). Следовательно, чем лучше развита способность вызывать у других людей те или иные эмоции, тем лучше развита способность выражать свои эмоции.

Также нами обнаружена прямая слабая взаимосвязь показателя эмоционального интеллекта – понимание своих эмоций и компонента эмоциональной креативности – подготовленность ($r=0,221$, $p \leq 0,05$) (таблица 1). Можно предположить, что чем лучше мы понимаем свои эмоции, тем больше осведомлены об эмоциях в целом и склонны к их глубокому и содержательному анализу.

В результате корреляционного анализа также была установлена слабая прямая связь между управлением своими эмоциями и эффективностью ($r=0,401$, $p \leq 0,01$) (таблица 1). Это свидетельствует о том, что чем больше развита способность вызывать и поддерживать желательные эмоции и контролировать нежелательные, тем более искренними являются эмоциональные ответы. Именно достижение идентичности и близости являются главными проблемами развития эмоциональной сферы в период ранней взрослости.

Значимая обратная корреляционная связь обнаружена между показателями контроль экспрессии и аутентичность ($r = - 0,379$, $p \leq 0,01$) (таблица 1). Полученные результаты позволяют констатировать, что чем больше проявляется контроль своей экспрессии, тем меньше она отражает индивидуальность. Высокий контроль внешнего проявления своих эмоций приводит к тому, что эмоции не согласуются с интересами личности и не

способствуют её благополучию. В период ранней взрослости это можно объяснить тем, что в данный период человек много взаимодействует с людьми, вступает в различные социальные институты, где принято контролировать проявление своих эмоций. Однако, это не способствует удовлетворению его потребностей, данные нормы не согласуются с интересами личности, что может приводить к некоторой дисгармонии.

Таким образом, полученные результаты позволяют утверждать, что умение понимать и управлять своими и чужими эмоциями способствует умению создавать эмоциональные реакции, как новые, эффективные и аутентичные. Однако, следует констатировать, что данные показатели основаны на особенностях специфической выборки студентов-психологов, нет сомнения в том, что данные могли бы отличаться, если бы исследование проводилось на иной выборке студентов и которые могли бы отличаться по возрастным характеристикам и специфике профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Валуева, Е.А.* Диагностика эмоциональной креативности: адаптация опросника Дж. Эверилла / Е.А. Валуева // Социальный и эмоциональный интеллект : от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М. : Институт психологии РАН, 2009. – С. 216-227с.
2. *Ильин, Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 434 с.
3. *Люсин, Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д.В. Люсин // Социальный интеллект : Теория, измерение, исследования ; под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2004. – С. 29 – 36.
2. *Ильин, Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 434 с.
4. *Павлова, Е.М.* Креативность и эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека : дис. ... канд. наук : 19.00.01 / Е.М. Павлова. – Москва, 2015. – 215 л.
5. *Павлова, Е.М.* Эмоциональный интеллект : от иерархических моделей к представлению о единой когнитивной способности/ Е.М. Павлова // Психологические исследования [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1038-pavlova37.html>. – Дата доступа : 09.02.2022.

ЛИДЕРСТВО И СКЛОННОСТЬ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ

В. В. Корбут

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vita1821ola@gmail.com

*Научный руководитель – Галуза Алла Владимировна,
кандидат психологических наук, доцент*

В публикации автор обращается к проблеме взаимосвязи лидерства и склонности к предпринимательской деятельности. Объектом исследования выступают личностные качества студентов, целью – охарактеризовать взаимосвязь лидерства и склонности к предпринимательской деятельности у студентов. В нашем современном обществе в последнее время достаточно сильно увеличился интерес молодёжи к предпринимательству. Молодёжь была, остаётся и будет наиболее динамичной и социальной группой. Чтобы самореализоваться в жизни, выглядеть успешным и получить всё желаемое, молодёжь стала более активно интересоваться образом успешного предпринимателя и его деятельностью, а также её интересует дальнейшее трудоустройство после окончания университета. Как показывает практика многих развитых стран, такой интерес влечёт за собой интенсивное всестороннее развитие малого бизнеса, который в дальнейшем занимает довольно большую нишу в рыночной экономике.

Ключевые слова: лидерство; предпринимательская деятельность; лидерство у студентов; склонность к предпринимательской деятельности у студентов.

В данной статье исследуется вопрос проблемы лидерства в психологической науке и практике, исходя из проблем психологии бизнеса. Часто предпринимательскую деятельность связывают с понятием «бизнес», однако они имеют разный смысл [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**; 5].

Лидерство рассматривается как процесс и как свойство. Г. Кунц и С. О'Доннелл аналогично Дж. Терри считают, что: «лидерство связано с воздействием на людей, которые стремятся достичь общей цели». [3]

Термины, которые определяют значение понятия лидера, имеют бесконечное множество вариаций. Исследователи разных областей толкуют это обозначение по-разному, что и является основной причиной того, что понятие «лидер» не имеет единой и универсальной трактовки.

Для лучшего раскрытия выбранной темы, мы выбрали следующие определения:

1. Лидер – это член какой-нибудь группы, команды или организации, чей авторитет признают все остальные участники, готовые следовать за ним и выполнять его указания безоговорочно [8, с. 67].

2. Лидер – это личность, обладающая невероятным влиянием и превосходством над остальными, он способен мыслить нестандартно и принимать решения в интересах той группы или команды, к которой сам принадлежит. Остальные члены группы дают ему еще большую силу и поддержку, веря в него, признавая его влияние на себя и побуждая двигаться дальше [6].

Самой большой и главной проблемой в лидерстве считается сложность взаимоотношений между малыми и большими группами коллективов, как внутри, так и между собой, что требует тесного взаимодействия и усилий начальника и подчиненных для разрешения различных ситуаций [7; 4].

Перейдём к предпринимательской деятельности, предпринимательская деятельность – это прежде всего интеллектуальная деятельность энергичного и инициативного человека, который решил осуществить свои самые смелые, трудные и важные проекты, и добровольно готов брать на себя всю ответственность и все риски, связанные с этим. Это не только профессия, это специфический образ жизни, в котором человек приобретает новые необходимые профессиональные знания и оттачивает уже имеющиеся свои умения и навыки [10].

Предпринимательство основывается на принципах самофинансирования, самореализации, мотивации работников, ответственности за принятие решений и, самое главное, на превышении результатов над затратами, иначе можно оказаться на грани разорения.

Лидерство и предпринимательство предположительно близки. Если ранее такие понятия разделялись, то в нынешнее современное время они тесно связаны, можно сказать, что лидер и предприниматель идут нога в ногу по дороге бизнеса, так как и те, и другие инициативные, ответственные люди, настойчивые и терпеливые в достижении поставленных целей и реализации своих коммерческих идей. Они нацелены на успех и признание, применяют свои методы и навыки управления, являются примером для подражания и вовлекают за собой других. Чтобы воплощённая идея приносила доход и пользовалась спросом, предпринимателю нужны такие качества, которые помогут ему приумножить своё дело. Он должен уметь взаимодействовать с людьми, быть решительным, ответственным, уметь принимать решения, предвидеть ситуации и т.д. А ведь все эти качества есть у лидера, который сам является частью группы и умело руководит ей. Взять идею и успешно реализовать её, идти вперёд, а не плыть по течению под силу только лидеру. Если у предпринимателя есть такие качества, то его можно назвать

лидером. Лидер-предприниматель в бизнесе сможет добиться большего, нежели просто предприниматель.

Самым основным стратегическим ресурсом общества является молодёжь. Именно молодёжь принимает активное участие в проведении реформ, появлении новых проектов, новых движений, а также в модернизации страны. Для решения всех этих весьма значимых и конструктивных задач социума актуальным становится вопрос лидерства в молодёжной среде [2].

Одной из основных задач для студентов управленческих специальностей необходимо рассматривать развитие лидерских качеств и само лидерство. Лидерство для них – это прежде всего социальная активность или активная жизненная позиция, которая очень полезна для начинающего специалиста, а тем более для молодого выпускника вуза тем, что в таких людях заинтересованы работодатели. Смелые и свежие идеи, неординарный подход к решению поставленных задач и целей являются основой управленческих умений. Работодатели заинтересованы в высококвалифицированных управленцах [2; 11].

Предпринимательская деятельность у студентов – это не только стремление к наибольшим достижениям и необходимость любой ценой сохранить свои идеи, воплотить их в реальность, но и к самовыражению себя через склонности и способности, которые могут проявиться на этапе обучения в университетах, подкреплённые правильной мотивацией.

Проявлению лидерских качеств и предпринимательских способностей конкретного индивида, способствует наличие у него склонности к этому.

Склонность – это положительное мотивированное отношение (интерес, влечение и пр.) к какому-либо виду деятельности, устойчивое стремление ей заниматься, основой которого является потребность личности в определённом занятии, где интересен не только полученный результат, но и сам процесс действия [9]. Характеризуется желанием действовать, накапливать знания, творчески подходить к изменению деятельности, дальнейшим развитием навыков и умений. Больше удовлетворения и эмоций приносит деятельность, к которой у человека есть склонность, что необходимо учитывать и оценивать в ситуации с дальнейшим выбором профессии, ведь во многих случаях склонность и способность развиваются вместе и соответствуют друг другу. Пробуждение способностей к определённой деятельности говорит о наличии склонности, но также она может развиваться в процессе обучения деятельностью и формирования способностей к ней.

В завершение стоит сказать, что большой вклад в развитие и подготовку будущих специалистов вносят учебные образовательные учреждения, которые обращают внимание на актуальную потребность в успешных руководителях и создают для подготовки хорошую учебную среду по всем направлениям, чтобы студенты были заинтересованы в получении нужных знаний и первичных навыков.

Библиографические ссылки

1. *Алексеева, Е. В.* Место предпринимательства в современном обществе / Е. В. Алексеева // Территория новых возможностей. Вестн. Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. – 2010. – № 4. – С. 62–70.
2. *Вержибок, Г. В.* Социально-психологические контексты лидерства у студентов [Электронный ресурс] / Г. В. Вержибок // Наука. Мысль : электрон. науч. журн. – 2014. – № 12. – Режим доступа: <http://wwenews.esrae.ru/44-558>. – Дата доступа: 16.03.2022.
3. *Евтихов, О. В.* Лидерский потенциал руководителя: специфика, содержание и возможности развития : монография / О. В. Евтихов. – Красноярск : СибЮИ, 2011. – 287 с.
4. *Логвинов, И. Н.* Композиция, стиль и типы лидерства в условиях социальной депривации / И. Н. Логвинов // Социально-психологические аспекты оптимизации жизнедеятельности молодежных групп в изменяющихся социально-экономических условиях : сб. тр. конф., Курск, 16–18 окт. 1999 г. – Курск, 2000. – С. 79–94.
5. *Магомедова, Х. Н.* Психологическая специфика предпринимательской деятельности / Х. Н. Магомедова // Вестн. Ун-та. – 2015. – № 7. – С. 294–296.
6. Петровский, А. В. Теория деятельностного опосредствования и проблема лидерства / А. В. Петровский // Вопр. психологии. – 1980. – № 2. – С. 29–41.
7. *Резанович, И. В.* Развитие профессионального мастерства менеджера в системе бизнес-образования : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / И. В. Резанович. – Магнитогорск, 2006. – 359 л.
8. *Тайкова, Л. В.* Проблема лидерства и руководства: теоретический аспект / Л. В. Тайкова // Вестн. Новгор. гос. ун-та. – 2013. – № 74, ч. 2 – С. 67–69.
9. *Устинова К.А.* Склонность к предпринимательству: роль внутренних и внешних факторов / К.А. Устинова // Российское предпринимательство. – 2018. – Том 19. – № 9. – С. 2559-2580.
10. *Fietze, S.* Entrepreneurial intention of danish students: a correspondence analysis / S. Fietze, B. Boyd // Intern. J. Entrepreneurial Behavior & Research. – 2017. – Vol. 23, iss. 4. – P. 656–672.
11. Student leadership training booklet [Electronic resource] // California State University. – Mode of access: https://www.csun.edu/sites/default/files/leadership_booklet.pdf. – Date of access: 18.02.2022.

УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ I СТУПЕНИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

К. Н. Лазарёнок

Белорусский государственный университет, г. Минск;

kslazarenok@gmail.com;

Научный руководитель – Фофанова Галина Александровна,

кандидат психологических наук, доцент

В данной публикации автор обращается к проблеме изучения особенностей учебной мотивации студентов, получающих высшее образование на I ступени. Предметом исследования является учебная мотивация студентов, а целью – выявление особенностей учебной мотивации студентов. В результате исследования было выявлено, статистически значимые различия между показателями всех шкал учебной мотивации (познавательная мотивация, мотивация достижения, мотивация саморазвития, мотивация самоуважения, интроецированная мотивация, экстернальная мотивация, амотивация) студентов в зависимости от пола, возраста, семейного статуса, места проживания, курса обучения, факультета, наличия трудоустройства. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью получения новой актуальной информации о представленном феномене в студенческой сфере для разработки корректных и эффективных форм педагогической деятельности.

Ключевые слова: учебная мотивация; амотивация; студенты; высшее образование.

Успешность учебной деятельности студентов определяется множеством факторов. Одним из таких факторов является учебная мотивация. Т.О. Гордеева, определяет учебную мотивацию как системное образование, обеспечивающее побуждение, направленность и регуляцию выполнения учебной деятельности [1], а также пишет о том, что мотивация учебной деятельности является сложной, многомерной структурой, включающей в себя не только мотивы, но и цели, стратегии реагирования на неудачи, настойчивость, когнитивные составляющие и механизмы.

На данный момент нет однозначной согласованности между исследователями относительно того, какие именно мотивы входят в общую структуру учебной мотивации. В нашем исследовании мы придерживались концепции Т.О. Гордеевой, О.А. Сычёва, Е.Н. Осина, согласно которой в структуру учебной мотивации входят внутренние мотивы (познавательная мотивация, мотивация достижения, мотивация саморазвития), внешние мотивы (мотивация самоуважения, интроецированная мотивация, экстернальная мотивация) и амотивация [2].

Таким образом мы приходим к выводу, что учебная мотивация очень сложный и объёмный, однако в то же время крайне значимый для всей учебной деятельности психологический феномен. Это подводит нас к необходимости изучения как самой учебной мотивации студентов, так и аспектов, обуславливающих её.

Выборку исследования составили 100 (34 мужчин, 66 женщин) студентов БГУ, учащихся на различных факультетах (Факультет философии и социальных наук, Факультет прикладной математики и информатики), в возрасте от 19 лет до 21 года.

В качестве эмпирических методов был использован: опросник «Шкалы академической мотивации» Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина [2].

В ходе исследования нами были получены данные о баллах по семи шкалам учебной мотивации студентов (познавательная мотивация, мотивация достижения, мотивация саморазвития, мотивация самоуважения, интроецированная мотивация, экстернальная мотивация, амотивация), а также выявлены различия в показателях данных шкал в зависимости от пола, возраста, семейного статуса, места проживания, курса обучения, факультета, наличия трудоустройства студентов.

В результате нашего исследования были выявлены следующие средние показатели по шкалам учебной мотивации: 13,17 баллов по шкале познавательной мотивации, 12,99 баллов по шкале мотивации достижения, 12,44 баллов по шкале мотивации саморазвития, 11,12 по шкале экстернальной мотивации, 11,02 баллов по шкале мотивации самоуважения, 10,76 баллов по шкале интроецированной мотивации и 10,62 по шкале амотивации.

Исходя из этого мы видим, что у студентов внутренняя мотивация преобладает над внешней. Сопоставление средних значений по шкалам учебной мотивации показывает, что ведущими мотивами студентов являются познавательная мотивация и мотивация достижения, несколько менее выражена мотивация саморазвития. Слабее выражены мотивация самоуважения и экстернальная мотивация. Наименьшие показатели получены по шкалам интроецированной мотивации и амотивации.

Для получения более целостной картины учебной мотивации студентов полученные результаты были сопоставлены с рядом параметров (пол, возраст, семейный статус, место проживания, курс обучения, факультет, наличие трудоустройства). В ходе сравнительного анализа были выявлены значимые различия по всем шкалам учебной мотивации, кроме мотивации саморазвития.

По шкале *познавательной мотивации* у студентов факультета философии и социальных наук показатели выше, чем у студентов факультета прикладной математики и информатики. Возможно данное различие обусловлено спецификой преподаваемого научного знания: учебные программы ФПМИ обновляются намного медленнее, чем успевает развиваться наука и её прикладные отрасли. Таким образом то, что преподаётся студентам не является истинно актуальным знанием и не мотивирует их познавательную деятельность.

По шкале *мотивации достижения* у студентов 2 курса показатели значительно ниже, чем у студентов старших курсов (3 и 4). Вероятно это связано с тем, что студенты 2 курса ещё получают базовые знания, только вникают в специальность, а студенты более старших курсов решают профильные более сложные и практические задачи, что и приносит им удовольствие от их решения, что и является характеристикой мотивации достижения.

По шкале *мотивации самоуважения* показатели выше у студентов женского пола, чем у мужского. Это говорит о том, что у студенток желание учиться с целью ощущения собственной значимости и повышения самооценки с помощью учебных достижений выше, чем у студентов мужского пола.

По шкале *интроецированной мотивации* показатели ниже у тех студентов, которые трудоустроены, чем у тех, кто не имеет работы. Также по данной шкале у студентов мужского пола показатели ниже, чем у студентов женского пола. Это значит, что у трудоустроенных студентов и студентов мужского пола побуждение учиться, вызванное стыдом и чувством долга перед собой и другими значимыми людьми значительно менее выражено, чем у нетрудоустроенных студентов и студентов женского пола. Также было выявлено, что у студентов в возрасте 19 лет показатели по шкале интроецированной мотивации значительно выше, чем у старших студентов (20 лет и 21 год). Возможно, это связано с тем, что в ходе взросления личность становится более зрелой, самостоятельной и меньше зависит от мнения других людей. Это же может объяснить и различия по шкале экстернальной мотивации.

По шкале *экстернальной мотивации* показатели выше у студентов в возрасте 19 лет, а также у студентов 2 курса, чем у студентов более старших как по возрасту, так и по курсу обучения. Это означает, что у студентов 2 курса и студентов 19 лет значительно более выражено

побуждение у вынужденной учебной деятельности, обусловленной необходимостью следовать требованиям социума.

По шкале *амотивации* значимые различия были выявлены у студентов, учащихся на разных факультетах, проживающих в разных условиях, а также у студентов с различным семейным статусом. У студентов факультета философии и социальных наук показатели по шкале амотивации значительно ниже, чем у студентов факультета прикладной математики и информатики. Это также может быть обусловлено спецификой, получаемого знания на факультете. Студентам, проживающим в общежитии присущи наиболее высокие баллы по шкале амотивации, далее за ними идут студенты, снимающие квартиру, более низкие показатели по шкале амотивации свойственны студентам, проживающим с родителями и наиболее низкие баллы по данной шкале принадлежат студентам, имеющим свою квартиру. Это говорит о том, что у студентов, проживающих в общежитии практически полностью отсутствует интерес и ощущение осмысленности учебной деятельности, в отличие от тех, кто снимает квартиру или имеет собственную. У студентов, состоящих в романтических отношениях, показатели амотивации значительно ниже, чем у тех, кто не состоит в отношениях, что также говорит о более выраженном снижении интереса и ощущения осмысленности учебной деятельности у одиноких студентов, чем у студентов, имеющих пару.

Таким образом мы выяснили, что перечисленные выше социально-демографические факторы играют значимую роль в формировании структуры учебной мотивации студентов.

Библиографические ссылки:

1. Гордеева, Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: дисс. ... д-ра психол. наук. 19.00.07 / Т.О. Гордеева. - М., 2013. – 444 с.
2. Гордеева, Т.О. Опросник “шкалы академической мотивации” / Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин // Психологический журнал. – 2014. – №4. – С. 98–109

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ПОДРОСТКОВОМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А. Э. Марченко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

hanna.marchenko.ed@gmail.com

Научный руководитель – Ксенда Ольга Григорьевна,

кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор обращается к проблеме переживания подросткового и юношеского одиночества. Приводятся результаты эмпирического исследования, в котором осуществлялся регрессионный анализ индивидуально-личностных характеристик и переживания одиночества. Объектом исследования выступает переживание одиночества, целью – выявление индивидуально-личностных характеристик переживания одиночества в подростковом и юношеском возрасте. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программы, направленных на повышение осведомленности о существующей проблеме в обществе.

Ключевые слова: одиночество; переживание одиночества; акцентуации; индивидуально-личностные характеристики; подростковый возраст; юношеский возраст.

Существует большое количество интерпретаций феномена «одиночество», в связи с этим есть трудности в понимании сущности понятия, а также различные методологические проблемы. Также отсутствует четкая дифференциация похожих понятий, слабо определена специфика переживания одиночества и его субъективные причины, особенно в подростковом и юношеском возрасте [1, с. 153]. В нашей работе одиночество рассматривается согласно интерпретации С.Г. Корчагиной как психическое состояние человека, связанное с отсутствием близких, положительных эмоциональных связей с людьми и/или со страхом их потери в результате вынужденной или имеющей психологические причины социальной изоляции, которое сопровождается глубоким (чаще негативно окрашенным) эмоциональным переживанием [4, с. 15]. Актуальность исследования состоит в том, что, имея возможность определить «причины» субъективного переживания одиночества, мы можем, так или иначе предупредить его.

Одиночество не имеет точной возрастной или гендерной конкретизации, но многие авторы (И.В. Дубровина, И.С. Кон, С.В. Кривцова и др.) отмечают, что особенно остро одиночество переживается

именно в подростковом возрасте. В это время, в результате развития познавательной и эмоциональной сферы личности, подросток переходит на новый уровень самосознания [1, с. 165]. Период юношества предполагает, с одной стороны, завершение физического, а с другой — достижение социальной зрелости, формирования самосознания [3, с. 32]. Новообразования, которые приобретаются у юношей и девушек, следующие: непосредственное участие во взрослой жизни, профессиональная и личностная идентификация, установление связей с противоположным полом [2, с 45]. Все вышеперечисленные факторы могут свидетельствовать о том, что подростковый и юношеский возраст попадает в группу риска интенсивного выраженного переживания одиночества.

Выборка состояла из 317 респондентов: выборка подросткового возраста (от 13 до 16 лет) – 101 человек, выборка юношеского возраста (от 17 до 21 года) – 216 человек.

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики:

1. Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д.Рассела и М.Фергюсона;
2. Методика «Опросник Шмишека»;
3. Методика «5-ти факторный личностный опросник МакКрае-Коста 5PFQ» в адаптации А.Б. Хромова.

В результате мы выяснили, что среди респондентов подросткового возраста 47% характеризуются низким уровнем переживания одиночества, 34% - средним, 19% - высоким. Что касается данных об уровне одиночества среди респондентов юношеского возраста, то 39% отличаются низким уровнем переживания одиночества, 42% - средним, 19% - высоким.

В виде завершающего этапа исследования проведен линейный регрессионный анализ. Было необходимо выделить из всех переменных, так или иначе связанных с одиночеством, те, которые будут прогнозировать с определенной долей вероятности его наличие. Таким образом, независимыми переменными служили индивидуально-личностные характеристики юношей и подростков, зависимой – уровень переживания одиночества.

В результате регрессионного анализ установлено, что переживание одиночества в подростковом возрасте:

1. Определяется акцентуацией дистимность и акцентуацией циклотимность ($R^2 = 0,308$), акцентуацией возбудимость ($R^2 = 0,284$), акцентуацией возбудимость ($R^2 = 0,284$).

2. Определяется естественностью и эмоциональностью ($R^2 = 0,398$).

3. Определяется импульсивностью ($p = 0,001$, $b = -0,335$, $R^2 = 0,112$).
Стоит отметить низкий уровень дисперсии поведения данной характеристики.

Таким образом, чем сильнее выражены акцентуации дистимность, циклотимность и возбудимость в подростковом возрасте, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества. Чем менее выражен контроль и чем сильнее выражена эмоциональность, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества. Чем сильнее выражена импульсивность, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества.

В результате регрессионного анализа установлено, что переживание одиночества в юношеском возрасте:

1. Определяется акцентуацией дистимность, акцентуацией циклотимность ($R^2 = 0,230$).

2. В меньшей степени определяется акцентуацией возбудимость ($p = 0,000$, $b = 0,323$, $R^2 = 0,104$), акцентуацией тревожность ($p = 0,001$, $b = 0,227$, $R^2 = 0,052$), акцентуацией педантичность ($p = 0,000$, $b = 0,260$, $R^2 = 0,068$).

3. Определяется интровертированностью, отдаленностью, эмоциональностью ($R^2 = 0,404$).

Чем сильнее выражены акцентуации дистимности циклотимность в юношеском возрасте, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества. В меньшей степени, чем выше акцентуации возбудимость, тревожность и педантичность, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества. Чем сильнее выражены интровертированность, естественность и эмоциональность, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества.

Таким образом, из числа изученных переменных склонность к формированию одиночества в подростковом возрасте в основном определяется акцентуациями дистимность, циклотимность и возбудимость. Также формирование склонности к переживанию одиночества в подростковом возрасте в основном определяется высокими показателями естественности и эмоциональности. Для индивидов юношеского возраста обнаружено, что переживание одиночества определяется акцентуациями циклотимность, дистимность. Менее значимыми являются акцентуации возбудимость, тревожность, педантичность. Также переживание одиночества в юношеском возрасте определяется высокими значениями

интровертированности, отделенности, эмоциональности. Чем менее выражены экстравертированность и привязанность, и чем более выражена эмоциональность, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества.

Библиографические ссылки

1. *Белобрыкина, О.А.* Дифференциальные дескрипторы субъективного переживания одиночества подростками. Часть II: результаты эмпирического исследования // Социальная и экономическая психология. – 2019. - №3. - 15.
2. *Головкова, Н.Н.* Особенности переживания одиночества в связи с типом личности (на примере студентов) // Вестник магистратуры. – 2014. – № 12. - 4(39).
3. *Гребенникова, Н.В.* Особенности переживания чувства одиночества у юношей и девушек // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: XIV Международная научная конференция: в 2-х частях - 2017. - № 4.
4. *Корчагина, С.Г.* Генезис, виды и проявления одиночества. М., 2005.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АТРИБУТИВНОГО СТИЛЯ И СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ

Ц. Му

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент

В данной работе автор обращается к проблеме конфликтного взаимодействия. Объектом исследования являются стратегии поведения студентов в межличностных конфликтах. Цель состоит в том, чтобы определить характер взаимосвязи атрибутивного стиля и стратегий поведения белорусских и китайских студентов в межличностных конфликтах. Представлены результаты эмпирического исследования. Показано, что белорусские и китайские студенты наиболее склонны к компромиссу в конфликте, а наименее предпочитаемой является конкуренция.

Ключевые слова: межличностный конфликт; стратегии поведения в конфликте; атрибутивный стиль; студенты.

Межличностный конфликт – это своего рода противоречие, которое возникает между разными людьми. Конфликты подразумевают отношения враждебности, безразличия, напряженности, дисгармонии и даже борьбы между собой в эмоциях, речи и поведении из-за несоответствия

потребностей, интересов, целей или мнений друг друга или временной неспособности координировать свои действия. Конфликты могут возникать и между членами студенческих групп. В нашем исследовании мы ориентируемся на учебу и жизнь китайских и белорусских студентов, которые имеют разное культурное происхождение.

Конфликты влияют не только на близость отношений, но также имеют чрезвычайно важное значение для физического и психического здоровья, влияют на эмоции, этику и оценочные суждения студентов. Исследование особенностей конфликтного взаимодействия студентов позволит глубже понять его природу, а также поможет студентам координировать и управлять своими эмоциями в конфликте, использовать конструктивные стратегии поведения в напряженных ситуациях межличностного взаимодействия и будет способствовать установлению гармоничных межличностных отношений между студентами.

Теоретическое основание исследования составила двухмерная модель стратегий разрешения конфликтов, предложенная К. Томасом. К. Томас предложил пять стратегий разрешения конфликтов, выделив их на основе двух измерений – удовлетворения личных интересов и удовлетворения интересов других. (1) избегание, которое состоит в уклонении от учета своих и чужих интересов; (2) конкуренция относится только к учету собственных интересов и игнорированию интересов других для достижения цели; (3) приспособление относится только к учету интересов другой стороны и жертвованию своими интересами, или поддаться желанию другой стороны; (4) сотрудничество состоит в том, чтобы удовлетворить интересы обеих сторон, то есть искать беспроигрышную ситуацию; (5) компромисс, при котором обе стороны идут на уступки [2-5].

С целью определения характера взаимосвязи атрибутивного стиля и стратегий поведения белорусских и китайских студентов в межличностных конфликтах было проведено эмпирическое исследование. Анкетный опрос был проведен среди 52 китайских студентов и 50 белорусских студентов с использованием следующих методик: теста К. Томаса и опросника атрибутивного стиля. Тест Томаса-Килманна (англ. Thomas-Kilmann Instrument; TKI) оценивает стиль поведения человека в конфликтных ситуациях, то есть в ситуациях, в которых интересы двух людей оказываются несовместимы [4; 5]. Данный опросник показывает типичную реакцию человека на конфликт, её эффективность и целесообразность, а также дает информацию о других возможных способах разрешения

конфликтной ситуации. В России тест адаптирован Н. В. Гришиной для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению [3]. Опросник атрибутивного стиля (ASQ) – это инструмент самоотчета, который дает оценки стиля объяснения негативных и позитивных событий с использованием трех причинно-следственных измерений: внутренних и внешних, стабильных и нестабильных и глобальных и конкретных причин. В анкету для белорусских студентов вошел Краткий опросник оптимистического атрибутивного стиля СТОУН-10 (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин, В.А. Титова Граншам) [1]. Статистической обработки данных применялись частотный анализ, U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ.

Из результатов опроса видно, что, когда студенты сталкиваются с межличностными конфликтами, они используют следующие способы их преодоления. У китайских студентов наиболее выражены компромиссный стиль (6,71), стили приспособления (6,52) и избегания (5,83), а также сотрудничество (5,77), наименее выражена конкуренция (5,17). Данные показывают, что при решении межличностных конфликтов китайские студенты в большей степени склонны идти на компромисс и менее всего склонны выбирать конкуренцию. Белорусские студенты в большей степени склонны использовать компромисс (7,08), сотрудничество (6,50), избегание (6,28) и приспособление (5,66), наименее выражена конкуренция (4,48). Данные показывают, что при решении межличностных конфликтов белорусские студенты (также как и китайские студенты) в большей степени склонны идти на компромисс и менее всего склонны выбирать конкуренцию. Были обнаружены статистически значимые различия в уровне выраженности сотрудничества как стиля поведения в конфликте ($U=962,000$; $p=0,021$): у белорусских студентов он более выражен (6,50), нежели у китайских студентов (5,77).

Перейдем к результатам корреляционного анализа. Была обнаружена умеренная статистически значимая положительная корреляция конкуренции и глобальности атрибуции успехов китайскими студентами ($r=0,362$; $p=0,008$), а также слабая отрицательная статистически значимая корреляция избегания конфликта и глобальности атрибуции неудач ($r=-0,293$; $p=0,035$). Были обнаружены слабые и умеренные статистически значимые отрицательные корреляции избегания конфликта и глобальности атрибуции неудач белорусскими студентами ($r=-0,304$; $p=0,032$), приспособления в конфликте и стабильности атрибуции успехов ($r=-0,319$; $p=0,024$), компромисса и стабильности ($r=-0,281$; $p=0,048$) и глобальности

($r=-0,320$; $p=0,023$) атрибуции неудач, а также положительная корреляция сотрудничества и стабильности атрибуции успехов ($r=0,342$; $p=0,015$) белорусскими студентами. Таким образом, существуют взаимосвязь стратегий поведения белорусских и китайских студентов в межличностных конфликтах и таких причинно-следственных измерений, как стабильность и глобальность атрибуций успехов и неудач. Взаимосвязи конфликтного поведения студентов и параметра интернальности атрибуции обнаружено не было.

Подводя итог, отметим, что существенной разницы в выборе стилей поведения в межличностных конфликтах белорусскими и китайскими студентами не обнаружено. Когда студенты сталкиваются с межличностными конфликтами, наиболее предпочтительным стилем их преодоления является компромисс, а наименее предпочитаемым – конкуренция. Причина, по которой «компромисс» является наиболее предпочтительным способом преодоления конфликта, заключается главным образом в том, что студенты придают большое значение межличностным отношениям, они могут осознать важность гармоничных отношений и понять, что в этих отношениях могут возникнуть конфликты по разным причинам. Неизбежно, чтобы уменьшить конфликтность и создать гармоничные отношения, они склонны идти на компромисс во время конфликта. «Конкуренция», при которой субъект заботится только о личных интересах и игнорирует или попирает интересы других, имеет наименьшую степень выраженности, что указывает на то, что общий уровень конфликтологической подготовки студентов относительно высок.

Библиографические ссылки

1. Гордеева, Т.О. Краткий опросник оптимистического атрибутивного стиля / Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин. – Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. № 6. – С. 76-86.
2. Обозов, Н. Н. Психология конфликта. Издательство: ЛНПП «Облик», 2009.
3. Тест описания поведения К.Томаса (адаптация Н. В. Гришиной) // Психологические тесты / Под ред. А. А. Карелина: В 2т. Т.2. М., 2001. С. 69-77.
4. Schaubhut, N. A. Technical Brief for the Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument: Description of the Updated Normative Same and Implications for Use. Mountain View, CA: CPP, Inc., 2007.
5. Thomas, K. W. Conflict-Handling Modes in Interdepartmental Relations. Purdue University. Unpublished Dissertation, 1971.

ВОЗДЕЙСТВИЕ АГРЕССИВНОЙ И НЕАГРЕССИВНОЙ МУЗЫКИ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СТУДЕНТОВ

Л. А. Огурцова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ogurtsovalilly@gmail.com;

Научный руководитель – Фурманов Игорь Александрович,

доктор психологических наук, профессор

Музыка способна оказывать на индивида как позитивное, так и негативное воздействие, что влечет за собой совершенно разные последствия, как для индивида, так и для окружающего его социума. Музыка агрессивного и неагрессивного характера индивидуальна в восприятии каждого слушателя. Цель исследования состояла в выявлении воздействия агрессивной и неагрессивной музыки на эмоциональное состояние индивидов. В качестве инструментария исследования были использованы «Анкета самооценки эмоционального состояния» и «Методика склонности к агрессии». Результаты проведенного исследования подтверждают факт воздействия музыки на слушателя. Кроме того, были обнаружены половые различия в восприятии музыки, установлены различные спектры испытываемых эмоций при прослушивании агрессивной и неагрессивной музыки, выявлен феномен катарсиса.

Ключевые слова: музыкальное восприятие; музыкальное воздействие; эмоциональное состояние; агрессивность; неагрессивность; эмоции.

Восприятие музыки – это способность индивида воспринимать, понимать, оценивать и «переживать» музыкальное произведение, основываясь на личностных особенностях, индивидуальном опыте и знаниях, относящихся к музыкальному искусству. Музыкальное восприятие также характеризуется целостностью, константностью, вариантностью и адекватностью [1, 2, 3].

Многие эксперименты показали, что люди могут быть эмоционально затронуты музыкой, что это надежный способ вызвать настроение. Кроме того, музыка способна вызывать активность в областях мозга, которые, опосредуют эмоции [6,7,8].

Музыка агрессивного характера индивидуальна в восприятии каждого индивида. Множество исследований подтвердило факт влияния музыки на психические состояния индивидов, однако мало внимания уделялось изучению агрессивной музыки как триггера возникновения конкретные эмоции различной модальности.

Цель исследования состояла в выявлении воздействия агрессивной и неагрессивной музыки на психоэмоциональное состояние индивидов.

Музыкальные произведения определялись как внешний стимул, вызывающий эмоциональные реакции у индивида.

В исследовании принимало участие 60 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет (30 девушек и 30 юношей). В качестве инструментария исследования были использованы анкета, направленная на изучение отношения слушателей к агрессивной музыке, методика «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда адаптированная И.А. Фурмановым [4], опросник склонности к агрессии Басса-Перри [5].

Статистическая обработка включала расчеты среднего, среднего квадратичного отклонения, установление различий по Т- критерию Стьюдента и корреляционный анализ данных по Спирмену.

Сравнительный анализ позволил обнаружить различия в интенсивности эмоций и симптомокомплексов аффектов после прослушивания агрессивной и неагрессивной музыки.

Так, после прослушивания агрессивной музыки по сравнению с прослушиванием неагрессивной музыки у респондентов отмечалась более высокая интенсивность эмоций радости ($t = -8,82, p \leq 0,001$) и гнева ($t = -6,88, p \leq 0,001$), а также симптомокомплексов аффектов любви ($t = -6,59, p \leq 0,001$) и враждебности ($t = -2,32, p = 0,024$). В тоже время следует отметить, что уменьшалась интенсивность эмоций горя ($t = 6,15, p \leq 0,001$), презрения ($t = 2,57, p = 0,013$), стыда ($t = 4,18, p \leq 0,001$), вины ($t = 5,83, p \leq 0,001$) и симптомокомплексов аффектов тревожности ($t = 5,66, p \leq 0,001$) и депрессии ($t = 3,58, p = 0,001$).

Поскольку музыка по своему характеру и настроению различна, в случае с неагрессивными композициями слушатели испытали отрицательное печальное настроение, что может быть аргументировано минорным ладом композиций с соответствующим лирическим содержанием о безответной любви, одиночестве, потере смысла. Агрессивные композиции вызвали эмоции радости и гнева, что подтверждают, как мажорный лад композиций, так и лирический смысл о вольной жизни, веселье, в некотором смысле асоциальном поведении. Данные полученные в ходе исследования согласуются с данными полученными при помощи анкетирования слушателей по их отношению к агрессивной музыке.

Сравнительный анализ также позволил обнаружить половые различия в эмоциональных реакциях. Агрессивная музыка в сравнении с неагрессивной музыкой, как у юношей, так и у девушек увеличила интенсивность переживания эмоций радости (соответственно, $t = -5,44, p$

$\leq 0,001$; $t = -7,10$, $p \leq 0,001$) и гнева ($t = -5,46$, $p \leq 0,001$; $t = -4,32$, $p \leq 0,001$), также симптомокомплекса аффекта любви ($t = -4,52$, $p \leq 0,001$; $t = -4,95$, $p \leq 0,001$). Кроме того, у девушек усиливалось переживание эмоции страха ($t = -2,57$, $p = 0,015$).

Неагрессивная музыка в сравнении с агрессивной способствовала усилению переживаний эмоций горя ($t = 3,78$, $p = 0,001$; $t = 4,91$, $p \leq 0,001$) и вины ($t = 4,57$, $p \leq 0,001$; $t = 3,74$, $p = 0,001$), а также симптомокомплекса аффекта тревожности ($t = 4,78$, $p \leq 0,001$; $t = 3,24$, $p = 0,003$). У юношей также усиливалась эмоция презрения ($t = 3,35$, $p = 0,002$), у девушек эмоция стыда ($t = 4,22$, $p \leq 0,001$) и симптомокомплекс аффекта депрессии ($t = 3,22$, $p = 0,003$). Как упоминалось ранее, агрессивная музыка стимулирует эмоции радости и гнева, а неагрессивная эмоции печали и страха. Также, стоит отметить то, что неагрессивная музыка вызвала большее количество эмоциональных переживаний у юношей и девушек, нежели агрессивная. Данные полученные в ходе исследования согласуются с данными полученными при помощи анкетирования слушателей по их отношению к агрессивной музыке.

Корреляционный анализ данных позволил выявить гендерные различия во взаимосвязях между агрессией, эмоциями и симптомокомплексом аффектов. Единственной гендерной схожестью является наличие положительной корреляции вербальной агрессии с эмоцией отвращения ($r = 0,47$, $p = 0,009$; $r = 0,41$, $p = 0,023$). Юноши также отличались от девушек положительными связями показателей физической агрессии с симптомокомплексом аффекта любви ($r = 0,45$, $p = 0,012$); вербальной агрессии с эмоциями волнения ($r = 0,41$, $p = 0,023$), радости ($r = 0,36$, $p = 0,050$), страха ($r = 0,45$, $p = 0,012$); гнева – волнения ($r = 0,52$, $p = 0,004$), радости ($r = 0,53$, $p = 0,003$) и аффектов тревожности ($r = 0,37$, $p = 0,043$) и любви ($r = 0,53$, $p = 0,003$); враждебности с эмоциями волнения ($r = 0,65$, $p \leq 0,001$), радости ($r = 0,57$, $p = 0,001$) и аффектом любви ($r = 0,60$, $p \leq 0,001$). Отрицательные корреляции были определены для показателей враждебности с эмоцией удивления ($r = -0,38$, $p = 0,036$) и симптомокомплексом аффекта депрессии ($r = -0,36$, $p = 0,050$).

Девушки отличались меньшим разнообразием корреляционных связей: были выявлены положительная связь показателя враждебности с эмоцией отвращения ($r = 0,54$, $p = 0,002$) и отрицательные – показателя враждебности с эмоцией презрения ($r = -0,38$, $p = 0,037$) и склонности к гневу с симптомокомплексом аффекта депрессии ($r = -0,41$, $p = 0,025$).

Из вышеизложенного следует, что вне зависимости от пола, склонность к вербальной агрессии положительно коррелирует с эмоцией отвращения. У юношей наблюдается большее количество корреляций с эмоциями и симптомокомплексами аффектов нежели у девушек, что свидетельствует о большей эмоциональной сензитивности юношей к воздействию агрессивной музыки. Неагрессивный музыкальный стимул вызвал больший спектр эмоций и аффектов у слушателей, нежели агрессивный. Также, неагрессивные композиции способствовали увеличению интенсивности переживания отрицательных эмоций (печаль, грусть, страх), агрессивные композиции способствовали увеличению интенсивности переживания эмоций радости и гнева.

Таким образом, полученные результаты могут быть использованы для подбора музыкальных произведений в программы релаксационного характера, также тренингов по психической регуляции психоэмоционального состояния, танцевально-двигательной терапии. Музыкальная терапия может использоваться для помощи людям с нарушениями развития, неврологическими, аудиологическими, онкологическими и психосоматическими заболеваниями, жертвам жестокого обращения, также людям, испытывающим эмоциональные, физические и духовные трудности.

Библиографические ссылки

1. Бочкарев, Л. Л. Психология музыкальной деятельности. Москва : Институт психологии РАН, 1997. – 352 с
2. Кадыров, Р. Г. Музыкальная психология : учеб. пособие; под ред. Р. Ю. Юнусов. – Т. : Мусика, 2005. – 80 с.
3. Овсянкина, Г. П. Музыкальная психология : учебник. СПб. : Союз художников, 2007. – 240 с.
4. Фурманов, И.А. Методика оценки эмоционального состояния / Здоровье студенческой молодежи: достижения науки и практики на современном этапе: Мат. II Междунар. науч.– практ. конф. – Минск, 2000. – С. 38–39.
5. Фурманов, И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция. СПб.: Речь, 2007 – 480 с.
6. Gabrielsson A. The influence of musical structure on emotional expression / A. Gabrielsson, E. Lindström // Series in affective science. Music and emotion: Theory and research. Oxford University Press. – 2001, Vol. 24 – P. 223–248.
7. Miranda D. The role of music in adolescent development: much more than the same old song / D. Miranda // International Journal of Adolescence and Youth. – 2013. Vol. 18, No. 1 – P. – 5-22.
8. Sharman L. Extreme metal music and anger processing / L. Sharman, G. A. Dingle // Frontiers in Human Neuroscience. – 2015. Vol. 9 – P 272–283.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И СРЕДСТВА РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Д. В. Шляжко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

daraslazko1@gmail.com

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,
старший преподаватель*

В публикации автор обращается к проблеме выявления наиболее эффективных психологических механизмов и средств регуляции эмоциональных состояний. Приводятся результаты теоретического анализа психологических механизмов и средств регуляции эмоций. Объектом исследования выступают механизмы и средства регуляции эмоциональных состояний, целью – изучение и характеристика наиболее эффективных психологических механизмов и средств регуляции эмоциональных состояний. Проблема регуляции эмоциональной сферы в психологической литературе достаточно широко освещена, но сведения о механизмах и средствах регуляции эмоциональных состояний имеют разбросанный и несистематизированный характер. Данная работа будет полезна практикующим психологам, психотерапевтам, а также студентам психологических факультетов, так как знание и использование механизмов и средств регуляции эмоциональных состояний может стать определяющим фактором для улучшения эмоциональных состояний и повышения качества жизни людей.

Ключевые слова: эмоции; регуляция эмоций; эмоциональные состояния.

В данной статье исследуется проблема регуляции эмоций, которая относится к числу наиболее значимых на современном этапе развития научного знания, прежде всего, в связи с актуальными социальными вызовами. Динамично меняющийся мир и современное постиндустриальное общество предъявляют все новые требования к человеку, что не может не отражаться на качестве его жизни и состоянии здоровья.

Регуляция эмоций представляет собой совокупность осознаваемых и неосознаваемых психических процессов, усиливающих, ослабляющих, модифицирующих, перенаправляющих либо удерживающих на одном уровне качество и интенсивность эмоциональных реакций и эмоциональных состояний человека для того, чтобы позволить ему функционировать адаптивно в эмоционально значимых ситуациях.

В настоящее время исследования в области регуляции эмоций представлены преимущественно когнитивно-психологическим направлением. Первые работы в этой области были проведены А. Беком и А. Эллисом, которые осуществляли исследование регуляции эмоций в

рамках когнитивно-ориентированных моделей психотерапии. Именно эти авторы начали обозначать проблему регуляции эмоций как самостоятельное направление. Однако произошло это относительно недавно: термин «регуляция эмоций» в качестве самостоятельной научной категории утвердился в психологическом дискурсе только в 1980-е годы.

В когнитивной психологии Н. Гарнефски и В. Крайг выделяют девять наиболее эффективных механизмов регуляции эмоций: самообвинение, руминация, катастрофизация, помещение в перспективу, положительная перефокусировка, позитивный пересмотр, принятие, перефокусировка на планирование. В разных ситуациях люди могут использовать разные способы регуляции эмоций, однако некоторые из них человек использует чаще остальных, тем самым формируя индивидуальный стиль когнитивной регуляции эмоций [3].

А. Бек выделяет семь основных когнитивных техник для регуляции эмоциональных состояний: декатастрофизация, реатрибуция, переформулирование, децентрализация, записывание мыслей, когнитивная репетиция, дневник мыслей. Отдельное внимание А. Бек уделяет технике записывания мыслей. Терапевт может попросить пациента самого записать на бумаге, какие мысли у него возникают в голове, когда он пытается сделать нужное действие или не делать ненужное действие. Мысли, приходящие в голову в момент принятия решения, желательно записывать строго в порядке их очерёдности (эта очерёдность важна, поскольку укажет на вес и важность этих мотивов в принятии решения). Также можно спросить самого пациента, какой из перечисленных мотивов, мешающих выполнению правильного действия, он считает для себя наиболее важным? Обычно это будет мысль, возникающая первой, и на ее исправлении необходимо сосредоточить основные усилия. Таким образом, когнитивные техники используются, во-первых, для идентификации и последующей коррекции автоматических мыслей, во-вторых, для идентификации неадаптивных убеждений и исследования их обоснованности [1].

В гештальт-психологии выделяют пять основных механизмов нарушения процесса саморегуляции: интроекцию, проекцию, ретрофлексию, дефлексию, конфлуенцию. В результате действия перечисленных механизмов нарушается целостность личности, которая оказывается фрагментированной, разделенной на отдельные части.

Также в гештальт-психологии очень большое значение придается психотехникам. Психотехники в гештальт-психологии называются играми.

Игры – это разнообразные действия, выполняемые пациентами по предложению психотерапевта, которые способствуют более непосредственной конфронтации со значимыми переживаниями. Различают семь основных игр, которые используют для регуляции эмоциональных состояний: экспериментальный диалог, «Большой пес» и «Щенок», совершение кругов, техника «наоборот», экспериментальное преувеличение, незаконченное дело, проективные игры на воображение. Цель игр-экспериментов – достижение эмоционального и интеллектуального просветления, приводящего к интеграции личности [2].

Особой эффективностью отличается техника «экспериментальный диалог». Это диалог между фрагментами собственной личности. Когда у клиента наблюдается фрагментация собственной личности, психолог предлагает эксперимент: провести диалог между значимыми фрагментами личности. Например, между агрессивным и пассивным началом, между нападающим и защищающимся. Это может быть диалог и с собственным чувством (например, с чувством страха), а также с отдельными частями тела или с воображаемым (значимым для клиента) человеком.

Техника игры такова: напротив стула, который занимает клиент («горячий стул») располагается пустой стул, на который «сажают» воображаемого собеседника. Клиент поочередно меняет стулья, проигрывая диалог, отождествляя себя с различными фрагментами своей личности и выступая то с позиции жертвы, то с позиции агрессора, и по очереди воспроизводит реплики от имени одной, затем другой психологической позиции [2].

Резюмируя написанное выше, отметим, что регуляция эмоций представляет собой комплекс психических процессов, которые усиливают, ослабляют либо удерживают на одном уровне качество и интенсивность эмоциональных реакций человека для того, чтобы позволить ему функционировать адаптивно в эмоционально значимых ситуациях. Также проведенное теоретическое исследование убеждает нас в том, что осознанные и реализованные эмоции способствуют развитию личности и наиболее полному раскрытию ее потенциала.

Библиографические ссылки

1. Бек, А. Техники когнитивной психотерапии [Текст] / А. Бек. – М, 1998. – С. 142–166
 2. Перлз, Ф. Теория гештальт-терапии [Текст] / Ф. Перлз. – М, 2001. – С. 320-332
- Garnefski, N. Negative life events, cognitive emotion regulation and emotional problems [Text] / 3. N. Garnefski. – N, 2001. – Vol. 30. – P. 1311–1327

СЕКЦИЯ 16. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ **ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ**

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ

П. А. Абакумова

Белорусский Государственный Университет, г.Минск;

[*laitera@mail.ru*](mailto:laitera@mail.ru)

Научный руководитель – Поляков Алексей Михайлович,

доктор психологических наук, доцент

Социальное понимание - новая междисциплинарная область исследований, возникшая в конце XX в. как синтез ряда направлений - аналитической эпистемологии, философии сознания, когнитивной психологии, нейронауки. Символически опосредованное социальное понимание объясняет то, как мы понимаем психическое состояние другого, посредством переработки и последующей интерпретации внешних атрибутов, такие как мимика, пантомимика, интонация, жесты. Социальное понимание представляет собой сложную и многогранную систему знаний, однако, малоизученную с научной точки зрения.

Ключевые слова: социальное понимание; Theory of Mind; символическое опосредование; теория Другого сознания.

Социальное понимание - новая междисциплинарная область исследований, возникшая в конце XX в. как синтез ряда направлений - аналитической эпистемологии, философии сознания, когнитивной психологии, нейронауки. Социальная обусловленность повседневной жизни подталкивает нас к пониманию Другого, мы осознаём, что другие люди являются агентами, чьё поведение определяется их личными целями. Наша способность объяснять и предсказывать поведение других людей, приписывать им психические состояния, убеждения, желания известно как теория социального понимания. Социальное понимание включает восприятие и понимание человеком эмоций, ощущений, убеждений и мотивов других людей. В исследованиях зарубежных авторов можно встретить обозначения социального понимания, такие как «Theory of Mind», «теория понимания Другого» или «теория Другого сознания».

У.Селларс в рамках критики «Мифа о данном» выдвинул идею, что наш доступ к собственным ментальным процессам не является прямым, но опосредован концептуальными схемами, унаследованными от нашей культуры [12, с.7]. В последующих дискуссиях эти схемы стали называться «народной психологией». «Народная психология» используется людьми, как для описания собственных ментальных состояний, так и для объяснения и антиципации ментальных состояний других людей. А.Брудный указывает, что способность понимать социальную действительность, понимать себя и других – это та способность, что лежит в основе человеческого сознания [5, с.30]. Ч.Фенихоу пришёл к выводу, что способность к социальному пониманию и возможность ставить себя на место другого человека происходит вследствие интериоризации диалога со взрослым в процессе перехода эгоцентрической речи во внутреннюю, что есть основа диалогического мышления [11]. С.Барон-Коэн определял в своих работах «Theory of Mind» как способность отражать сознание других индивидов [1]. У.Фрит выделяет важный компонент социального понимания - способность понимать намерения, связанные с действиями других индивидуумов. Й.Пернер определяет социальное понимание как способность приписывать ментальные состояния себе и другим [6, с.22].

Согласно теории Дж.Мида символически опосредованное социальное понимание происходит посредством символов и позволяет видеть себя со стороны, предугадывать состояние другого, порождает схожие реакции [5]. Понимание происходит посредством считывания интонации, мимики, пантомимики, а именно, то, как мы понимаем психическое состояние других людей, посредством того, как мы интерпретируем считываемые внешние проявления. В системе символического опосредования ключевую роль играет интерпретация символа, так как именно символы опосредуют человеческие отношения. Взаимодействуя с людьми, мы реагируем на их жесты, мимику, интонацию, считывая и интерпретируя их. Символ представляет закодированную часть реальности, кодируется теми же средствами, что доступны обществу в определённой культуре.

Нарушение социального понимания характеризуется неспособностью регулировать внимание другого человека, существенным затруднением в подражании, опознавании эмоционального состояния у других людей, неспособностью определить намерения говорящего, распознать обман и обманывать, а также справиться с тестами, где необходимо догадаться о намерениях, чувствах других людей [4].

Символически опосредованное социальное понимание позволяет нам понять, что у других есть уникальные убеждения, желания, которые в свою очередь отличаются или похожи на наши собственные, мы получаем возможность предугадывать и понимать чувства и эмоции других людей, можем ставить себя на место другого, воспринимать себя относительно объективно.

Библиографические ссылки:

1. Baron-Cohen, S. The "Reading the Mind in the Eyes" Test revised version: a study with normal adults, and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism / S. Baron-Cohen, S. Wheelwright, J. Hill // Child Psychology and Psychiatry. – 2001. – № 42(2). – P. 241–51.
2. Baron-Cohen, S. Does the autistic child have a "theory of mind" / Simon Baron-Cohen, Alan M. Leslie, Uta Frith. Does the autistic child have a "theory of mind" // Cognition: journal. — 1985 — October (vol. 21, no. 1). — P.37—46.
3. Carpendale, J. The Development of Social Understanding. Handbook of Child Psychology and Developmental Science / J. Carpendale, C. Lewis. – 2015. – №1. – 44 p. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118963418.childpsy210/abstract;jsessionid=B5E289A2266877C60268E625999919A8.f02t04?userIsAuthenticated=false&deniedAccessCustomisedMessage>. – Date of access: 07.01.2022.
4. Анне, Ф. Введение в психологическую теорию аутизма [Электронный ресурс] / Франческа Анне; пер. с англ. Д.В. Ермолаева – Эл.изд. – Электрон.текстовые дан. (1 файл pdf: 217 с.). – М.: Теревинф, 2016.
5. Брудный, А.А. Наука понимать / А.А.Брудный. Наука понимать. – Б.: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1996. – 324 с.
6. Косоногов, В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор / В. Косоногов. – Ростов-на-Дону, 2009 – 24 с.
7. Мид, Дж. От жеста к символу. Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. — 216 с.
8. Ненашев, М.И. Идеи социальной феноменологии Альфреда Шюца: сб. ст. / Вестник Вятского государственного университета; редкол.: В.Т.Юнгблюд, А.А.Харунжев, Т.Я.Ашихмина, Е.М.Вечтомов, А.А.Мосунова, М.И.Ненашев, С.М.Окулов, В.А.Поздеев, Г.И.Симонова, С.В.Чернова – Киров.: ВестникВятГУ, 2010 – С. 6-11.
9. Поляков, А.М. Субъект и символ / А.М.Поляков. – Минск: БГУ, 2014 – 255 с.
10. Сергиенко, Е.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека / Е.А.Сергиенко, Е.И.Лебедева, О.А.Прусакова.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.— 415 с.
11. Холмогорова, А.Б. Роль идей Л.С. Выготского для становления парадигмы социального познания в современной психологии: обзор зарубежных исследований и

обсуждение перспектив // Культурноисторическая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 25—43.

12. *Филатов, В.П.* Социальное понимание и «проблема другого сознания» / В.П. Филатов // Эпистемология и философия науки. - Т. 57. - № 4 - С. 6-22.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА РЕВНОСТИ

Ю. О. Афанасьева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

julia.afanasyeva02@gmail.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,

старший преподаватель

Актуальность темы данного теоретического исследования обусловлена возросшим интересом к изучению феномена ревности. Следует констатировать, что данный феномен изучен достаточно фрагментарно и мнения психологов на этот счет разнятся. Несмотря на частоту упоминания ревности в различных источниках, системные исследования ревности практически отсутствуют. В работе предпринята попытка охарактеризовать различные подходы к определению ревности в современной психологии и определить особенности проявления реакций ревности у мужчин и женщин.

Ключевые слова: ревность; детская ревность; подростковая ревность; мужская ревность; женская ревность; ревность в романтических отношениях; характеристики ревности.

Психология рассматривает ревность как один из феноменов человеческой психики, во многих ситуациях являющийся нормальной реакцией на возникшие условия дефицита внимания от значимого человека. То есть у любого здорового человека возможно проявление этого чувства. Ревность – это негативно окрашенное переживание, поэтому, как и любая негативная эмоция, вызывает страдания. Но ревность также имеет и полезный смысл, который заключается в возможности нашей психики лучше адаптироваться к внешним стрессовым факторам.

В данной работе мы придерживаемся определения ревности А. Ребера и И.А. Фурманова, согласно которому ревность – это любое эмоциональное состояние, классифицируемое как специфическая форма тревоги, при этом считается, что оно происходит от недостатка уверенности в привязанности того, кого человек любит [3, 5]. Ревность приравнивается к различным

эмоциям: страху, гневу, зависти. Ревность определяется как тревожное состояние. Ее причиной могут быть ситуации фрустрации и депривации [5].

Проявления ревности в социальных отношениях между людьми достаточно разнообразны и лишены единого общего подхода, так как данному чувству присуще сугубо личностное внутреннее направление, определенное восприятием личностью окружающей среды и ее психологическими особенностями; в связи с чем ревность характеризуется различными проявлениями.

Ревность не является исключительным атрибутом супружеских отношений. Она может проявляться в различного типа отношениях: между сиблингами, пытающимися вернуть родительскую любовь после появления младшего ребенка в семье; ревность между школьниками, стремящимися сохранить исключительное внимание к себе любимого учителя или одноклассника, избранного в качестве образца для подражания, или преданной дружбы; между сотрудниками трудового коллектива, если начальник в большей степени выделяет определенного коллегу, более часто отмечает его заслуги, проявляет применительно к нему больше позитивного, уважительного отношения; в отношениях между партнерами ревность направлена на любимого человека, который предпочитает соперника; между супругами, если появляется подозрение в неверности любимого человека.

В романтических отношениях выделяют различные типы ревности. Согласно Т.К. Shackelford, определены два типа ревности [8]: сексуальная ревность (возникает в ответ на сексуальную неверность партнера, имеет интимные связи с другим человеком) и эмоциональная ревность (возникает в ответ на эмоциональную неверность партнера как проявление влюбленности) [8].

В исследованиях И. А. Фурманова установлено, что ревность связана с привязанностью. Теория привязанности предполагает, что внутренние рабочие модели могут повлиять на склонность испытать ревность. Ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента. Индивиды с негативными моделями себя – озабоченные и опасливые – отличаются нехваткой уверенности, которая связана со многими реакциями ревности [4].

Согласно исследованиям детской ревности, существуют возрастные различия в проявлении реакций ревности [2]. Следует констатировать, что

она чаще всего проявляется в условиях недостатка родительского внимания в связи с появлением младшего ребенка в семье, а также из-за страха одиночества. Необходимо отметить, что существует несколько распространенных видов проявления детской ревности: явные, полужавные и неявные [2]. Явный характеризуется открытой агрессией. Полужавный вид отличается возрастным регрессом и такими действиями как нытье, капризы. Неявный вид проявляется в грусти, потере аппетита, обострении хронических заболеваний, истериках [2]. Также детская ревность может проявляться в открытой и скрытой форме. Открытая форма выражается в поведении ребенка: ребенок пытается привлечь внимание родителей к себе разными способами – не только стремится быть послушным и показать хороший результат на занятиях или в учебе, но и, наоборот, отказывается слушаться, хулиганит, делает что-то назло. Скрытая форма проявляется частыми болезнями, плохим самочувствием, постоянным поиском тактильного контакта с родителями. Это больше всего характерно для чувствительных и замкнутых детей [2].

В подростковом возрасте ревность проявляется чаще и острее и характеризуется различными формами переживаний [7]. Подростковая ревность схожа с детской, отличием является то, что она распространяется не только на родителей, но и на друзей, и на возлюбленных. Связано это главным образом с тем, что в это время ощущается свое несовершенство, незрелость, незаконченность. Потребность в интимности в это время практически ненасытаема, удовлетворить ее крайне трудно. Повышается требование к дружбе, усложняются ее критерии. В связи с перечисленными пунктами и возможно развитие чувства ревности [7].

Особое внимание необходимо уделить определению характеристик ревности, которые проявляются во взаимоотношениях между полами. Такая ревность связана с чувством любви, и поводом для нее служит тот факт, что кто-то любит не нас, а другого. В этом случае собственное достоинство любящего становится уязвленным, оскорбленным. Эта ревность переживается особенно остро. Возникающее сознание своего одиночества и внутренней опустошенности сопровождается разочарованием, печалью, обидой, стыдом, досадой, гневом. Проблема ревности достаточно актуальна в отношениях между полами, так как влияет на гармонию в супружеских отношениях и часто является одной из главных причин разводов.

В соответствии с исследованиями С.Р. Harris, было установлено, что мужчина и женщина по-разному включены в репродуктивный процесс [7].

С эволюционной точки зрения ревность возникает тогда, когда мужчина ощущает угрозу для будущего своих отношений, потому что его могут заставить растить детей, которые ему не принадлежат. В отличие от мужчины, женщина всегда знает, что потомство, которое она родила, является ее собственным. Поэтому неверность сексуального партнера не представляет такую угрозу, как для мужчин. Для женщин угроза состоит в том, что если их сексуальный партнер станет привязанным к другой женщине, то он может решить направить свои ресурсы на воспитание ребенка от той женщины. Потеря ресурсов ее сексуального партнера может означать для женщины угрозу для выживания, существования и обеспечения ее генетического ребенка и ее самой [7].

Выявлены половые различия в проявлении ревности: мужчины зачастую проявляют больше усилий для удержания женщины, если она молода и привлекательна, а женщины – если их партнер материально обеспечен и стремится к социальному росту [6]. Мужская и женская ревность также сильно различаются в действиях и конкретных способах борьбы с ревностью: женщины направляют активность на партнера, а мужчины – на конкурента. Также женщины чаще всего начинают уделять повышенное внимание своей внешности, а мужчины демонстрируют силу, социальную значимость и обеспеченность [5].

Таким образом, в результате проведенного теоретического исследования определены основные характеристики, возрастные особенности и половые различия в проявлении ревности.

Библиографические ссылки

1. Кулакова, Н.И. Детская ревность / Н.И. Кулакова. – СПб. : Каро, 2012. – 190 с.
2. Пузыревич, Н.Л. Детская ревность: от теории к практике / Н.Л. Пузыревич // [roduniversitet.bspu](https://roduniversitet.bspu.by/wp-content/uploads/2021/02/revnost.pdf) [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа : <https://roduniversitet.bspu.by/wp-content/uploads/2021/02/revnost.pdf>. – Дата доступа : 21.04.2022.
3. Ребер, А. Оксфордский толковый словарь по психологии / А. Ребер. – М. : Вече АСТ, 2003. – 592 с.
4. Фурманов, И.А. Взаимосвязь стиля привязанности и коммуникационных реакций на ревность: половые сходства и различия / И.А. Фурманов // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 115–133.
5. Фурманов, И.А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И.А. Фурманов, А.О. Вергейчик // Психол. журн. – 2012. – № 1–2 (31–32). – С. 81–89.
6. Buss, D.M. From vigilance to violence: Mate retention tactics in married couples / D.M. Buss, T.K. Shackelford // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997. – № 72. – P. 346–361.

7. Harris, C.R. The Evolution of Jealousy / C.R. Harris // American scientist. – 2004. – Vol. 92, № 2. – P. 62–71.
8. Shackelford, T.K. Romantic Jealousy In Early Adulthood And In Later Life / T.K. Shackelford [et. al.] // Human Nature. – 2004. – Vol. 15, № 3. – P. 283–300.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАНИЯ С ЗАВИСТЬЮ В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Т. В. Бабрович

*Белорусский государственный университет, г. Минск
tatjanababrovich4421@gmail.com*

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,
старший преподаватель*

В публикации автор обращается к вопросу выявления особенностей личностных характеристик сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях. Приводятся результаты эмпирического исследования определения личностных характеристик сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях. Объектом исследования выступают стратегии совладания с завистью, целью – выявить особенности личностных характеристик сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях. Результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в психологическом консультировании, в психокоррекционной и просветительской работе для решения актуальных социально-психологических проблем оптимизации и повышения качества служебных отношений.

Ключевые слова: зависть в служебных отношениях; конструктивная стратегия совладания с завистью; деструктивная стратегия совладания с завистью; личностные характеристики.

В современной психологической науке в настоящее время отмечается возросший интерес к изучению зависти. Это обусловлено стремлением понять психологическую природу данного феномена, выделить функции зависти, ее типы, структуру, последствия. Несмотря на имеющиеся исследования зависти, этот психологический конструкт не получил должного научного внимания. Это связано, как полагает Т. В. Бескова, во-первых, с тем, что данное понятие имеет ярко выраженную моральную окраску негативного характера, что затрудняет его социально-психологическую характеристику. Во-вторых, зависть часто приписывается другим людям и отрицается личностью при объяснении

собственного поведения [1-2]. Е.Б. Микелевич к обстоятельствам, затрудняющим научное исследование зависти, относит широту самого поля научного поиска, отсутствие ясности и конкретизации понятийно – терминологического аппарата [4].

В нашем исследовании под завистью мы понимаем отношение к достижениям (успеху) другого, которое сопровождается негативными эмоциями, осознанием своего более низкого положения и желанием прямо или косвенно нивелировать выявленное превосходство. Зависть в служебных отношениях характеризуется тем, что предмет и объект зависти связан с системой служебных отношений.

Ситуация зависти представляется как трудная ситуация, совладание с которой предполагает конструктивные и деструктивные стратегии [3]. Конструктивная стратегия совладания с завистью в служебных отношениях характеризуются стремлением улучшить свою производительность и конкурентоспособность, чтобы достичь уровня превосходящего коллеги. Такая стратегия, несомненно, выгодна компании, а также имеет положительное влияние на личность сотрудника. Деструктивная стратегия совладания с завистью предполагает способы поведения, направленные на причинение ущерба или вреда превосходящему коллеге или организации [3].

Согласно данным проведённых исследований, характеристиками субъектов с конструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях является невротизм, женственность, принятие себя, внутренний контроль, ассертивная реакция на ситуацию провокации агрессии, просоциальность [4]. Психосоциальными характеристиками субъектов с деструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях является невротизм, психотизм, депрессия, интроверсия, сензитивность, дезадаптивность, неприятие себя, неприятие других, эмоциональный дискомфорт, внешний контроль, ведомость, эскапизм; эмоции гнева, горя, страха, реакции активной и пассивной агрессии на ситуацию провокации агрессии [4].

С целью выявления личностных характеристик сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 104 человек, 46 лиц мужского пола и 58 лиц женского пола, возраст испытуемых от 23 до 52 лет. В исследовании были использованы методика «Совладание с завистью в служебных отношениях», адаптированная И.А. Фурмановым, Е.Б. Микелевич [2] и психодиагностический тест В.М.

Мельникова и Л.Т. Ямпольского, предназначенный для изучения структуры личности [5].

В ходе проведенного исследования определены особенности личностных характеристик у сотрудников. В профессиональной деятельности у сотрудников организации личностные характеристики выражены следующим образом:

Среднее значение по шкале «невротизм» составило $M=8,4$. Это может говорить о том, что испытуемые сотрудники чаще всего в профессиональной деятельности являются спокойными личностями.

По шкале «психотизм» у сотрудников среднее значение установилось на значении $M=6,7$. Полученные данные свидетельствуют о том, что сотрудники являются уравновешенными личностями, как правило, не афиширующими на показ свои чувства и эмоции.

У сотрудников чувство депрессии находится на среднем уровне, значение показателя составляет $M=10,3$. Это может говорить о том, что сотрудники являются достаточно волевыми личностями.

По шкале «совестливость» у сотрудников выявлено среднее значение $M=11,5$. Полученные данные позволяют предположить, что испытуемые сотрудники руководствуются чувством долга, с уважением относятся к моральным нормам.

По шкале «расторможенность» у сотрудников организации выявлен следующий показатель среднего значения – $M=7,7$. Это говорит о том, что сотрудники в основном спокойны и рассудительны.

Показатель по «общей активности» у испытуемых сотрудников достаточно высокий и составляет $M=10,6$.

Показатель по шкале «робость» у испытуемых сотрудников имеет низкие значения $M=4,9$. Таких сотрудников можно охарактеризовать как смелых и решительных, но не настолько, чтобы втягивать в новые авантюры.

По шкале «общительность» у сотрудников выявлены достаточно высокие значения. Среднее значение составляет $M=9,1$.

Эстетическая впечатлительность у сотрудников находится на среднем уровне ($M=7,4$). Таких сотрудников можно охарактеризовать развитым критическим мышлением.

Выявлены различия в личностных характеристиках сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях.

Установлена положительная корреляционная взаимосвязь между невротизмом и конструктивной стратегией совладания с завистью в

служебных отношениях ($r = 0,453$; $p \leq 0,05$). Это может говорить о том, что чем выше уровень невротизма у сотрудников организации, тем выше уровень проявления конструктивной стратегии совладания с завистью.

Выявлена положительная корреляционная взаимосвязь между невротизмом и деструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях ($r = 0,412$; $p \leq 0,05$). Полученные данные позволяют предположить, что чем выше уровень невротизма у сотрудников организации, тем выше уровень проявления деструктивной стратегии совладания с завистью.

Определена положительная корреляционная взаимосвязь между психотизмом и деструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях ($r = 0,347$; $p \leq 0,05$). Полученные данные свидетельствуют, что чем выше уровень психотизма у сотрудников организации, тем выше уровень проявления деструктивной стратегии совладания с завистью.

Установлена положительная корреляционная взаимосвязь между общительностью и конструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях ($r = 0,467$; $p \leq 0,05$). Это может говорить о том, что чем выше уровень общительности у сотрудников организации, тем выше уровень проявления конструктивной стратегии совладания с завистью.

Выявлена положительная корреляционная взаимосвязь между интроверсией и конструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях ($r = 0,399$; $p \leq 0,05$). Полученные данные позволяют предположить, что чем выше уровень интроверсии у сотрудников организации, тем выше уровень проявления конструктивной стратегии совладания с завистью.

Таким образом, в результате проведённого исследования определены особенности личностных характеристик сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях. Данное исследование имеет широкое прикладное значение. Полученные результаты могут служить основой для разработки программ психологической помощи сотрудникам, склонным к негативным проявлениям зависти, обучению навыкам совладания с завистью в процессе индивидуальной или групповой работы.

Библиографические ссылки

1. Бескова, Т. В. Представления о зависти в психологических теориях личности / Т. В. Бескова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), ModernResearchofSocialProblems. – 2013. – №9(29).

2. *Фурманов, И. А.* Адаптация методики «совладание с завистью в служебных отношениях / И. А. Фурманов, Е.Б. Микелевич // *Философия и социальные науки.* - 2016. - № 2. - С. 82-87.
3. *Микелевич, Е.Б.* Личностные особенности сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях/ Е.Б. Микелевич // *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., Пинск, 21–22 октября 2016 г. / Полесский гос. ун-т; под ред. Р.Б. Гагуа.* – Пинск, 2016. – С. 352–362.
4. *Микелевич, Е. Б.* Психосоциальные характеристики субъекта зависти в служебных отношениях: Автореферат дисс. ... канд. псих.наук / Е.Б. Микелевич. – Минск, 2019. – 32 с.
5. *Мельников, В.М.* Введение в экспериментальную психологию личности / В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский. – Москва: Просвещение, 1985. – 319 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ, С УЧЕТОМ ВЫРАЖЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ

Ю. В. Барташ

Белорусский государственный университет, г. Минск;

giulia_bartash@mail.ru

*Научный руководитель – Степанова Людмила Григорьевна,
кандидат психологических наук, доцент*

В публикации автор обращается к проблеме особенностей эмоциональной сферы личности в зрелом возрасте, с учетом выраженности интернет-аддикции. Приводятся результаты исследования сравнительного анализа особенностей эмоциональной сферы личности в разных периодах зрелости, с учетом выраженности интернет-аддикции. Объектом исследования выступает эмоциональная сфера, целью – выявление особенностей эмоциональной сферы личности в зрелом возрасте, склонной к интернет-аддикции. Работ, которые освещают данную проблему в разные периоды взрослости, в настоящее время недостаточно. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших эмпирических исследований; базой для разработки мероприятий и программы, направленных на преодоление интернет-аддикции личности в разные периоды взрослости.

Ключевые слова: интернет-аддикция; эмоциональная сфера; зрелость; личность.

В данной статье исследуется проблема особенностей эмоциональной сферы личности в зрелом возрасте, с учетом выраженности интернет-аддикции. Несколько десятилетий назад началась стремительная информатизация общества, затрагивающая социальную, экономическую, техническую и научную сферы. Сегодня компьютер, ноутбук и интернет

являются одними из главных инструментов получения, обработки, а также обмена информацией, что имеет не только положительные стороны, но и отрицательные последствия – сужение круга интересов, замена реального общения на виртуальное, а также нецелесообразное использование временных ресурсов. Психологическая наука столкнулась с проблемой неконтролируемого использования интернета и зависимостью от него, в том числе и у личности в период зрелости [2].

Сравнительный анализ особенностей (различий, сходств) эмоциональной сферы личности в разных периодах зрелости, с учетом выраженности интернет-аддикции, обеспечит возможность создания диагностических и коррекционных мероприятий, направленных на преодоление интернет-аддикции личности в разные периоды зрелости.

Так, с целью изучения особенностей эмоциональной сферы личности в зрелом возрасте, с учетом выраженности интернет-аддикции, нами было проведено эмпирическое исследование среди жителей г. Минска зрелого возраста. В соответствии с периодизацией зрелости К. Крайга, респонденты были разделены на 3 группы: ранняя зрелость (от 20 до 40 лет) – 28 чел, средняя зрелость (от 40 до 60 лет) – 28 чел и поздняя зрелость (от 60 лет и старше) – 14 чел (всего 70 респондентов). В качестве диагностического инструментария научного исследования были использованы методика «Интернет-зависимость» К. Янг в адаптации В.А. Буровой для выявления интернет-аддикции; для выявления особенностей эмоциональной сферы использовались методика «Эмоционального интеллекта» (Н. Холл), опросник исследования уровня агрессивности (А. Басс и А. Дарка) и тест Спилбергера [1; 3; 4].

Статистический анализ результатов исследования, проведенный с помощью методов математической статистики, позволил выявить особенности эмоциональной сферы у личности в зрелом возрасте; и различия эмоционального интеллекта, агрессивности и тревожности у лиц с интернет-зависимостью, в период зрелости:

1) определена выраженность интернет-аддикции у личности в зрелом возрасте:

- более чем половины лиц зрелого возраста существует интернет-зависимость; при этом наблюдается чрезмерное увлечение интернетом, но не интернет-зависимость, у незначительного числа опрошенных зрелого возраста; в тоже время почти у трети испытуемых интернет-аддикция отсутствует, т.е. их можно отнести к категории обычных пользователей;

-у половины испытуемых ранней зрелости существует интернет-зависимость, это проявляется в том, что у исследуемых личностей ранней зрелости наблюдаются нарушения эмоциональной сферы особенно в период отсутствия выхода в интернет: отсутствие радости, хорошего настроения или его нестойкость; у четверти испытуемых средней зрелости существует интернет-зависимость, почти у четверти испытуемых средней зрелости преобладает чрезмерное увлечение интернетом, но не зависимость от него; у лиц поздней зрелости (старше 60 лет) интернет-аддикции не было выявлено ни у кого. Однако 1 человек среди данной возрастной градации чрезмерно увлечен интернетом, что стоит на грани перехода в зависимость от интернета;

2) Охарактеризованы особенности эмоциональной сферы личности в зрелом возрасте, склонной к интернет-аддикции:

- у большинства испытуемых был выявлен средний интегративный показатель эмоционального интеллекта;

- у большинства испытуемых с интернет-аддикцией преобладает низкий уровень эмпатии и низкий уровень управления своими эмоциями, несмотря на это у данной категории испытуемых преобладает высокий уровень распознавания эмоций других людей, а также высокий уровень вербальной и косвенной агрессии, личностная тревожность также преобладает у них. Интересно, что у испытуемых с чрезмерным увлечением интернетом преобладает низкий уровень распознавания эмоций других людей. У личности с отсутствием интернет-аддикции преобладает высокий уровень управления своими эмоциями;

- у большинства испытуемых ранней зрелости преобладает низкий уровень управления своими эмоциями, при этом преобладает высокий уровень эмпатии, косвенной агрессии и личностной тревожности. У испытуемых средней зрелости преобладает низкий уровень самомотивации, и низкий уровень распознавания эмоций других людей, чего не наблюдалось у испытуемых ранней зрелости. Испытуемые поздней зрелости характеризуются высоким уровнем эмпатии. Это может говорить о том, что возраст является одним из важных факторов, который влияет на эмоциональную сферу личности.

3) Выявлены различия эмоциональной сферы у лиц зрелого возраста с различной выраженностью интернет-аддикции:

- существуют достоверные статистические различия в показателях интернет-зависимости между лицами ранней и поздней зрелости, а также испытуемыми средней и поздней зрелости, то есть у лиц ранней и

средней зрелости показатели по интернет-аддикции выше, чем у лиц поздней зрелости;

- существуют достоверные статистические различия в показателях по шкале «эмпатия» между лицами ранней и средней зрелости, то есть у личности, склонной к интернет-аддикции, ранней зрелости показатели по шкале «эмпатия» выше, чем у лиц средней зрелости, склонных к интернет-аддикции;

- не существует достоверных статистических различий в показателях шкал данной методики между исследуемыми выборками;

- существуют достоверные статистические различия в показателях по шкале «личностная тревожность» между лицами ранней и средней зрелости, то есть у лиц ранней зрелости показатели по личностной тревожности выше, чем у лиц средней зрелости;

По результатам проведенного мной исследования, можно сделать вывод, что систематизация и развитие научных представлений об эмоциональной сфере личности в зрелом зрелости, склонной к интернет-аддикции, весьма актуальна. Проведенное нами исследование позволило проанализировать современное состояние проблемы особенностей эмоциональной сферы личности в зрелом зрелости, склонной к интернет-аддикции; охарактеризовать особенности эмоциональной сферы личности в зрелом зрелости, склонной к интернет-аддикции; определить выраженность интернет-аддикции у личности в зрелом зрелости; выявить различия эмоциональной сферы у лиц зрелого зрелости с различной выраженностью интернет-аддикции.

Полученные результаты и выводы по эмпирическому исследованию могут быть использованы практикующими психологами и психотерапевтами для работы с лицами зрелого зрелости, склонных к интернет-аддикции.

Библиографические ссылки

1. Евдокимов, В. И. Методические аспекты диагностики развития Интернет-зависимости / В. И. Евдокимов, О. В. Литвиненко // Вестник психотерапии. – 2008. – № 25. – С. 68–74.
2. Кузнецов, К. В. Исследования интернет-зависимости / К. В. Кузнецов, А. А. Данилейко, Ю. М. Лагусев // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2011. – № 9. – С. 62–67.
3. Кулаков, С. Л. Диагностика аддиктивного поведения / С. Л. Кулаков // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С. 33.
4. Психологическая диагностика: Учебник для вузов / Под ред. М. К. Акимовой, К. М. Гуревича. – СПб. : Питер, 2003. – 652 с.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЧАСТЬЯ И ОПТИМИЗМА В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Д. Д. Волкова

Белорусский государственный университет,

г. Минск

vllkv@icloud.com

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,
старший преподаватель*

В процессе развития, психология стала включать в поле своих научных интересов вопросы, связанные не только с решением проблемных ситуаций, но и обращающих внимание на повышение качества жизни «здорового» субъекта. Тема счастья и оптимизма всегда была интересна для научного сообщества, однако, именно в последнее время проблеме счастья и оптимизма начали рассматривать в современной психологии под разными углами зрения. Стремление к счастью и оптимизму является одной из основных движущих сил человеческого общества, а проблема его обретения и поддержания занимает важное место в психологических исследованиях. В работе предпринята попытка определить основные характеристики счастья и оптимизма в период ранней взрослости.

Ключевые слова: счастье; оптимизм; ранняя взрослость; позитивная психология.

В современной психологической науке актуализировались исследования в рамках позитивной психологии. Однако, проблема счастья и оптимизма до сих пор является недостаточно разработанной и нуждается в дальнейших исследованиях.

Теоретический анализ существующих подходов к феномену счастья позволяет констатировать, что категория счастья имеет множество родственных понятий, которые непосредственно влияют и от которых зависит его уровень, таких как субъективное благополучие, психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, позитивное функционирование.

Согласно исследованиям счастья и родственных с ним конструктов, ощущение счастья тесно связано с понятием успеха и гармоничной жизни, обусловлено в несоизмеримо большей мере субъективными установками индивида, нежели его объективной социальной реальностью [8]. Соответственно, успешность множества людей, считающих себя счастливыми, измеряется не согласно престижу их профессий,

физическому здоровью или достатку, а в связи с наличием определенных установок на оптимальные переживания, которые складываются в ощущение овладения собственной жизнью [8].

В соответствии с подходом Д.А. Леонтьева мы рассматриваем счастье как эмоциональное состояние, характеризующееся максимальной выраженностью положительной окраски, оно выражает особое качество переживаемого слияния, желаемого и сущего, которое затрагивает не отдельные желания, а охватывает человека целиком и сигнализирует субъекту о том, что в его жизни сейчас все происходит именно так, как он желает [5].

Анализируя определения оптимизма, следует констатировать, что оптимизм представляет собой устойчивый позитивный настрой на любые происходящие события в жизни личности. В исследованиях в рамках позитивной психологии отмечается связь оптимизма как оптимально позитивного состояния субъекта с такими психологическими феноменами, как вера, надежда, жизнестойкость, энтузиазм, витальность, мужество, юмор, счастье, настойчивость, мотивация достижения, здоровье, хорошее настроение [3].

В ранее проведенных исследованиях отмечается, что уровень счастья у лиц в период ранней взрослости будет различаться в зависимости от возраста [4]. Определено, что наибольший уровень счастья и степень позитивного функционирования, осмысленности жизни выявлены в группе респондентов 33–39 лет. В группе людей 23–25 лет отсутствуют лица с высоким уровнем счастья, выявлены самые низкие показатели осмысленности жизни и реализованности ценностей по сравнению с другими возрастными группами [4].

Существуют определённые факторы, оказывающиеся значимыми для ощущения счастья в период ранней взрослости [7]: макросоциальные переменные (социально-экономическое благополучие, уровень дохода семьи), мезосоциальные переменные (детско-родительские отношения, значимость различных жизненных событий), и индивидуально-психологические особенности (личностные характеристики, эго-идентичность, ценностные ориентации).

Согласно результатам исследований, существуют половые различия в уровне счастья в период ранней взрослости. У женщин в плане смыслового значения феномена счастья в период ранней взрослости наблюдается следующая тенденция: прослеживается тесная связь этого образа с любовью, благополучной семьей, детьми, трудом во благо других людей,

любимым делом, молодостью и красотой, а также чуть менее выраженная смысловая связь с материальным благополучием, успешной карьерой и здоровьем [6]. У мужчин в период ранней взрослости преобладает смысловое сходство феномена счастья с любимым делом, успешной карьерой, здоровьем и независимостью, хотя при этом также ярко в их представлениях прослеживается связь счастья и с такими образами, как «благополучная семья», «дети», «материальное благополучие», «молодость и красота», «любовь» и «труд во благо других людей» [6].

Следует отметить, что на этапе ранней взрослости оптимизм выступает самостоятельным фактором преодоления стрессовых ситуаций и будет обнаруживать недостаточное количество связей с показателями защитно-совладающего поведения [1]. В период ранней взрослости мужчины и женщины проявляют более высокий уровень оптимизма в связи с тем, что они имеют более ограниченный опыт столкновения с трудными жизненными ситуациями, в том числе такими, которые исключают возможность контроля [1].

Также следует констатировать, что как мужчины, так и женщины с более высоким уровнем оптимизма в период ранней взрослости легче справляются со сложными жизненными ситуациями, и решение возникающих затруднений происходит быстрее и конструктивнее. Можно отметить, что чаще всего оптимизм является врожденным и зависит от стиля семейного воспитания, но корректировать эти характеристики возможно [2].

Таким образом, определены основные характеристики счастья и оптимизма в период ранней взрослости в зависимости от пола. У женщин прослеживается тесная связь счастья с любовью, благополучной семьей, детьми, трудом во благо других людей, любимым делом, молодостью и красотой. У мужчин в этот возрастной период преобладает смысловое сходство феномена счастья с любимым делом, успешной карьерой, здоровьем и независимостью. В период ранней взрослости наблюдается наиболее высокий уровень оптимизма из-за низкого уровня столкновения с критическими ситуациями, так как оптимизм выступает в качестве самостоятельного фактора преодоления стрессовых ситуаций, люди с более высоким уровнем оптимизма легче справляются со сложными жизненными ситуациями. Следует констатировать, что счастье и оптимизм в период ранней взрослости являются состоянием и чувством полного, высшего удовлетворения личности.

Библиографические ссылки

1. *Абитов, И.Р.* Оптимизм как ресурс преодоления трудной жизненной ситуации в ранней и средней взрослости / И.Р. Абитов, Н.Г. Ергунова, И.М. Городецкая // Сб. науч. тр. – Казань, 2019. – Вып. 2 : Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – С. 15–22.
2. *Болгов, С.Ю.* Оптимизм и пессимизм личности / С.Ю. Болгов // Передовая наука. – 2019. – № 5. – С. 209–211.
3. *Джидарьян, И. А.* Оптимизм: проблемы теории методов изучения / И. А. Джидарьян // Психологический журнал. – 2013. – Том 34. – № 1. – С. 25–35.
4. *Защиринская, О.В.* Субъективное благополучие и духовные ценности лиц ранней взрослости / О.В. Защиринская, А.В. Шаболтас // Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования : Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПбГУ, Санкт-Петербург, 4-6 окт. 2017 г. / СПб гос. ун-та ; редкол.: В.М. Аллахвердов [и др.]. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 205–211.
5. *Леонтьев, Д. А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля / Д.А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2020. – С.14–37.
6. *Семенова, Л.Э.* Гендерная специфика смыслового значения счастья в представлениях людей разных возрастов / Л.Э. Семенова, Т.А. Серебрякова, В.Э. Семенова // Вест. минин. ун-та. Сер. 3, Социальная и организационная психология. – 2017. – № 4. – С. 1–16.
7. *Фомина, О.О.* Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии / О.О. Фомина // Журнал «Мир науки» 2016. – Том 4. – № 6. – С. 1–13.
8. *Чиксентмихайи, М.* Поток: Психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи. – 8-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн. – 2021. – 491 с.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ФАКТОР ПОЗИТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А. А. Гарасюк

Белорусский государственный университет, г. Минск;

aniuta112@mail.ru

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,

старший преподаватель

Изучение особенностей позитивного функционирования личности становится актуальным, так как именно этот феномен фокусирует внимание на человеке, его потребностях, интересах, ценностях. Детальное изучение человека как субъекта, который имеет потребность полноценно совершенствоваться и воспроизводить с жизнью, осуществлять свою субъектность в индивидуальном и социальном планах, неизбежно актуализирует проблему субъективного благополучия личности.

Понятие удовлетворенности и благополучия человека строится на субъективном эмоционально окрашенном отношении к содержательной стороне событий и явлений.

Внутренний комфорт, духовное равновесие, удовлетворенность качеством жизни позволяют человеку почувствовать себя счастливым.

Объектом теоретического исследования является субъективное благополучие, целью – охарактеризовать субъективное благополучие как фактор позитивного функционирования личности.

Ключевые слова: счастье, благополучие; субъективное благополучие; позитивное функционирование.

Приобретение особой значимости исследований субъективного благополучия в настоящее время связано с тем, что субъективное благополучие становится не только своего рода мерилем качества жизни, но и внутренней инстанцией, регулирующей поведение и деятельность человека. Это связано с тем, что субъективное благополучие становится не только своего рода мерилем качества жизни, но и внутренней инстанцией, регулирующей поведение и деятельность человека. В немалой степени унификация жизни, свободное движение товаров и услуг, информации о качестве жизни в различных уголках планеты, так называемых стандартов качественной жизни, предопределили распространение достаточно схожих критериев благополучия по всему миру. Однако исследования, выполненные в разных странах, могут в значительной степени отличаться как по результатам, так и по методике измерения субъективного благополучия. Кроме того, до сих пор имеются серьезные теоретические проблемы, связанные с определением данного феномена, выявлением его структурной организации и включением в него тех или иных явлений, которые могли бы хоть в какой-то мере отражать глубину и масштаб этого переживания.

Анализ существующих на данный момент подходов к изучению субъективного благополучия позволяет заключить, что объективные условия жизни влияют на переживание субъективного благополучия (понимаемого в гедонистическом ключе), но не всегда однозначно, и их воздействие может опосредоваться личностными особенностями и установками субъекта. Значительный вклад в изучение феномена субъективного благополучия, внесли такие отечественные и зарубежные исследователи как Е.Е. Бочарова, Е.Б. Лактионова, Д.А. Леонтьев, М.Г. Матюшина, В.В. Некарасов, Б.Е. Пахоль, О.Ю. Стрижицкая, Р.М. Шамионов, М. Аргайл, М. Seligman, С. Ryff и другие.

В контексте деятельностного подхода Д. А. Леонтьева [2], субъективное благополучие является эмоционально-оценочным компонентом качества жизни личности, интегральной самооценкой жизни человека в соответствии с внутренне принятыми ценностями, продуктом отношения

человека к людям, предметам внешнего мира, к себе и складывается из частных оценок различных сторон жизни человека.

Критерии, которые определяют субъективное благополучие личности, формируются еще на этапе ранней социализации, и описываются как оценочные отношения, которые распространены в обществе. Критерии субъективного благополучия весьма разнообразны и имеют отношение к различным сферам жизнедеятельности человека [4]. К ним относятся: показатели здоровья, успешности, материального достатка; культурные нормы; социальные устои; ценности, согласованные с мотивацией; позитивность измерения благополучия как наличие разных по интенсивности позитивных показателей и переживаний; интенсивность и пролонгированность во времени; субъективность как зависимость переживания благополучия от оценки, отношения и личного опыта; объективные критерии.

Позитивное функционирование, наряду с субъективным благополучием, является комплексным феноменом и включает в себя продуктивное функционирование человека в разных сферах жизнедеятельности, стремление к самоосуществлению при позитивной социальной направленности.

Оптимальное позитивное функционирование личности проявляется на разных уровнях: субъектном (удовлетворенность собой, собственной жизнью, опыт положительных эмоций), индивидуальном (личностный рост, самореализация, самопринятие, устойчивость) и групповом (позитивные социальные отношения) [1].

Как многофакторный конструкт позитивное функционирование, характеризуется сложной взаимосвязью, социальных, культурных, экономических, психологических и духовных факторов. В качестве индикаторов позитивного функционирования мы рассматриваем три показателя: общая удовлетворенность жизнью, общий показатель психологического благополучия и удовлетворенность профессиональной деятельностью [30].

Основными характеристиками субъективного благополучия как фактора позитивного функционирования личности выступают: оптимальность личностных механизмов саморегуляции, высокий уровень психологического благополучия, личностный потенциал [3].

Таким образом, позитивное функционирование как детерминанта субъективного благополучия, характеризует меру зрелости и оптимальности личностных механизмов саморегуляции

жизнедеятельности. Формирование позитивного функционирования предполагает создание среды и культурной составляющей, способствующей расширению горизонтов сознания.

Библиографические ссылки

1. Богомаз, С.Л. Модель позитивного функционирования личности в рамках профессиональной системы «человек – человек» / С.Л. Богомаз, М. М. Морожанова // Ярославский педагогический вестник. 2020. – № 3 (114). – С. 157-168.
2. Леонтьев, Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты / Леонтьев, Д.А. // Психологический журнал. - 2020, - ТОМ 41, - № 6, - С. 86–95.
3. Леонтьев, Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля / Д.А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. - 2020, - №1- С. 14—37.
4. Петраш, М.Д. Психологическое содержание и факторы возникновения кризисов профессионального развития на этапе начала профессиональной деятельности / М.Д. Петраш // Экспериментальная психология, 2011. — т. 4, — № 4. — С. 88-100.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮБВИ

Я. А. Головарёва

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yanag03@gmail.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,

старший преподаватель

В психологии феномен любви долгие годы находился за рамками исследовательской проблематики и до сих пор вызывает много трудностей у исследователей, лишь изредка оставаясь предметом специального внимания ученых. Как психологический конструкт данный феномен не проанализирован в должной мере. Неудовлетворение потребности в любви в разные возрастные периоды может препятствовать развитию личности человека, позитивному благополучию и гармоничным отношениям с другими. Поэтому, проблема представлений о любви на разных возрастных этапах требует особого внимания. Изучение любви и представления о ней послужит важным шагом к определенной гармонии в человеческих отношениях и будет способствовать укреплению института семьи и брака. В работе предпринята попытка охарактеризовать возрастные особенности представлений о любви.

Ключевые слова: феномен любви; стили любви; возрастные периоды; особенности представлений о любви.

Специфичность понимания феномена любви связана с неоднородностью теоретических основ, поэтому в научных

интерпретациях данный феномен толкуют по-разному. Современная психология рассматривает любовь как гармоническую совокупность человеческих отношений – физических, умственных, нравственных, духовных, и исследует феномен любви как социальную категорию, что зачастую требует, в том числе, и междисциплинарного подхода [6].

В зарубежной психологии любовь рассматривается как влечение (З. Фрейд), как эмоциональное чувство (З. Рубин), как привязанность (К. Е. Изард, К. Хорни), как потребность и способность (А. Маслоу), как трехкомпонентная структура (R. Sternberg), как деятельность и искусство (Э. Фромм), как экзистенциальный акт (В. Франкл), как страсть (J. A. Lee, C. Hendrick и S. Hendrick). В отечественной психологии феномен любви определяется как потребность (П. В. Симонов), как эмоционально-когнитивный компонент (О. А. Екимчик), как вид межличностных отношений (Л. Н. Собчик), как деятельность (В. А. Поликарпов, Е. П. Ильин).

Опираясь на взгляды Э. Фромма и В. В. Века, мы определяем любовь, как деятельность, которая включает в себя сексуальное влечение, обязательства, способность проявлять уважение и безвозмездно отдавать любовь любимому объекту. Поэтому для появления и проявления чувства любви требуется приложить усилия и проделать определенную работу.

Стоит отметить, что учеными исследователями разрабатываются новые подходы к изучению данного феномена. Так, разработана шкала многомерной оценки любви (MEVOL), в которой авторы рассматривают новые аспекты в изучении любви [8].

На современном этапе психологической науки исследования любви демонстрируют эволюцию в представлениях о любви, но пока не позволяют в полной мере оценить динамику ее развития. Обращение большого количества как отечественных, так и зарубежных психологов к феномену любви, еще раз подтверждает ее актуальность в психологической науке.

В психологической литературе описывается также достаточное количество типологий любви

Например, Н. А. Цветкова в своем исследовании выделила три типа любви [7]:

1. Романтическая любовь характеризуется умением глубоко любить другого человека, но при возникновении сложностей в отношениях может стать источником страданий.

2. Реалистическая любовь. Она характерна для людей, у которых любовь не стоит на первом месте. В своем поведении такие люди руководствуются реализмом, терпимостью и гордостью.

3. Прагматическая любовь характеризуется здравым смыслом. Перед тем как показать свои чувства, такие люди все тщательно обдумают [7].

Но наиболее общепризнанной является типология типов любви J. A. Lee, в которой он выделил шесть типов любви [9]:

1. Эрос – страстная влюбленность, которая стремится к слиянию с объектом своего влечения;

2. Людус – гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающая возможность измены;

3. Сторге – теплая и надежная любовь-дружба. Она часто возникает в семейных отношениях, где присутствуют уважение и преданность;

4. Прагма – «прагматическая любовь». Рассудочная или любовь по расчету, она побуждается не эмоциональной привязанностью, а целью извлечения выгод и удобств и хорошо поддается сознательному контролю;

5. Мания – любовь одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения;

6. Агапе – бескорыстный, жертвенный, безусловно принимающий тип любви. Для этого тип любви характеризуется стремлением оказать поддержку любимому человеку, любую помощь и содействие [9].

Так как полномасштабные научные исследования в психологии любви до недавнего времени были малочисленными и описывали в основном различия между симпатией, дружбой и любовью на данный момент в психологии не существует общепризнанной единой концепции любви.

Рассматривая психологическую характеристику основных возрастных этапов, можно констатировать, что в различные возрастные периоды закономерно возникают значимые, как позитивные, так и негативные переходы от одной к другой смысловой ориентации основных аспектов жизнедеятельности: отношения к себе, к окружающим, к реальности и к профессиональной деятельности.

Для каждого возраста определяются свои нормы развития. Периодизация не только определяет возрастные отрезки жизни человека, но и позволяет придать возрасту содержательное значение.

Как отмечает, И. С. Кон, «периодизация жизненного пути всегда включает нормативно-ценностный момент, указание на то, какие задачи должен решать индивид, достигший данного возраста, чтобы

своевременно и успешно перейти в следующую жизнь и возрастную категорию» [3, с.8].

Исходя из этого С. В. Нынсена указывает, что первые переживания, связанные с любовью, возникают в младшем школьном возрасте. Они основаны на симпатии и безусловном принятии другого человека. Первые романтические привязанности проявляются в специфических формах ухаживания, которые являются результатом половой гомогенизации и разделения общения [4].

Существенное влияние на представления младших школьников о любви оказывают различные факторы: литература, масс-медиа, взаимоотношения между родителями. А основными формами проявления любви являются поцелуи, объятия, держания за руку [5].

В юношеском возрасте любовь прежде всего – это эмоциональный контакт, понимание, душевная близость. Для девушек в этот возрастной период свойственны три вида любви: счастливая любовь, любовь как у всех и любовь ради секса. У юношей в школьном возрасте выделяются также три вида любви: счастливая любовь, творческая любовь и секс, а в период перехода в студенчество – это любовь-власть, любовь как у всех и любовь-самоотдача. В юношестве все три вида любви ассоциируются с собственным пониманием любви старшеклассниками (счастливая любовь). В студенчестве критерием настоящей любви становится готовность отказаться от быстрых сексуальных отношений и в первую очередь сделать партнёра счастливым [1].

У людей среднего возраста любовь более зрелая, основана на дружбе и предполагает более гармоничные отношения. Для мужчин и женщин в этот возрастной период ощущение любви со стороны партнера становится наиболее важным. Любовь в более зрелом возрасте характеризуется уравновешенностью. В отношении между мужчинами и женщинами доминирующими является телесная потребность и душевная симпатия [2].

Таким образом, следует констатировать, что проблема представлений о любви и любовных отношений в равной мере актуальна для различных возрастных групп.

Библиографические ссылки

1. Гозман, Л. Я. Психология эмоциональных отношений / Л. Я. Гозман. – М. : Просвещение, 2014. – 248 с.
2. Ильин, Е. П. Психология любви / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2014. – 336 с.
3. Кон, И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. – М. : Олимп, 1999. – 288 с.

4. *Нынсена, С. В.* Психологический анализ романтической любви в ранней юности / С. В. Нынсена // Вектор науки Тольяттинского гос ун-та. Сер.: Педагогика, психология. – 2017. – № 3. – С. 224–227.
5. *Паутова, А. М.* Исследование представлений детей младшего школьного возраста о любви, браке и семье / А. М. Паутова, Т. В. Першина // Концепт. – 2016. – Т. 17. – С. 514–518.
6. *Попова, И. В.* Междисциплинарный подход в исследовании феномена любви как фактора влияния на институт семьи и брака [Электронный ресурс] / И. В. Попова, В.А. Караваева, К. Г. Храброва // Вестн. КГУ. Сер.: Педагогика, Психология, Социокинетика. – 2017. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinaryy-podhod-v-issledovanii-fenomena-lyubvi-kak-faktora-vliyaniya-na-institut-semi-i-braka>. – Дата доступа: 20.04.2022
7. *Цветкова, Н. А.* Гендерные особенности представлений о любви в юношеском возрасте / Н. А. Цветкова, Е. Ю. Макарова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 318–321.
8. *Aghedu, F. C.* The multidimensional evaluation of love (MEVOL) scale: development and preliminary validation / Aghedu, F. C., Veneziani, C. A., Bisiacchi, P. S. // Testing Psychometrics Metology in Applied Psychology. – 2019. – Vol. 26. – P. 249–269.
9. *Lee, J. A.* Colours of Love: An Exploration of the Ways of Loving / J. A. Lee. – New York : New Press, 1973. – 294 p.

ХАРАКТЕРИСКА СЕКСУАЛЬНЫХ МОТИВОВ

Ж. В. Гродь

Белорусский государственный университет, г. Минск;

grod_janet@mail.ru

Научный руководитель – Фурманов Игорь Александрович,

доктор психологических наук, профессор

В данной статье рассмотрены существующие подходы к определению и измерению мотивов. Проанализировано формирование диспозиционных сексуальных мотивов. Описано влияние сексуальных мотивов на сексуальное поведение человека. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований в сфере сексуальных мотивов и мотивации индивидов.

Ключевые слова: мотив; сексуальные мотивы, диспозиционные мотивы.

Учёные выдвигают множество гипотез о сущности мотива. Тем не менее можно сказать, что мотивом является определённый психологический феномен. В основном мотив рассматривается как побуждение, как потребность, как цель, как намерение, как свойства личности, как состояние.

Многие психологи мотивом считают побуждение или побудительную, движущую силу. Побуждать к деятельности могут как реальные внешние стимулы, так и внутренние детерминанты или воображаемые объекты. Таким образом, толчком к осуществлению действий человека является его внутреннее осознанное побуждение – мотив [2].

К.Левин и Л.И. Божович [3] рассматривали мотив как намерение, которое является волевым актом и побудителем поведения. Здесь подчеркивается учёными интеллектуальная сторона возникающего побуждения, приводящая к принятию человеком решения.

Некоторые учёные считают, что побудителем активной деятельности человека является цель, т.е. желаемый предмет или объект, а именно: его значение для конкретного индивида. Такой точки зрения придерживаются Г.Олпорт, А.Н. Леонтьев, С.П. Манукян [3].

В словаре американской психологической ассоциации [1] мотив определяется как стимул, который дает цель или направление человеку и работает на сознательном или бессознательном уровне.

Многими авторами поддерживается идея мотива как потребности. По мнению С. Л. Рубинштейна, «в потребности содержится активное стремление, направляющее человека на преобразование условий с целью удовлетворения нужды». Л.И. Божович писала, что «в основе любого человеческого поведения лежат потребности, которые непосредственно побуждают индивида к активности» [2].

Существует мнение, что мотивом следует считать определённое состояние человека, которое является предиктором его действия или бездействия [4].

В западной психологии популярным является мнение о том, что в качестве мотивов выступают устойчивые (диспозиционные) характеристики личности. [4; 5]. Считается, что личностные диспозиции непосредственно влияют на формирование определённого мотива, они, как и внешние стимулы, обуславливают поведение человека. Одни личностные характеристики могут являться потребностями, другие – оказывать влияние на принятие решения. Например, сексуальные установки индивида могут обуславливать конкретные его действия и поступки.

Сексуальные мотивы формируются в процессе развития человека как устойчивые личностные диспозиции. Поэтому важно выявить, на основании каких средовых условий возникают индивидуальные различия в мотивах, какие паттерны сексуального поведения свидетельствуют о тех

или иных диспозиционных сексуальных мотивах, а также определить возможности и пути изменения мотивов в том или ином направлении.

Согласно трудам авторов, в определённой ситуации поведение человека побуждается не всеми существующими мотивами, а только доминирующим на данный момент мотивом, который активируется в конкретных условиях и соответствует достижению цели (желаемого состояния) [9; 11]. Поэтому нахождение устойчивых индивидуальных сексуальных мотивов может свидетельствовать о ситуационных условиях конкретного человека или группы людей.

Следовательно, можно сказать, что сексуальные мотивы обуславливают целенаправленность сексуального поведения человека. Они регулирует выбор между теми или иными действиями, мыслительными схемами, эмоциональными реакциями, вариантами восприятия и внимания, их детальную направленность и интенсивность. А диспозиционные сексуальные мотивы могут предсказывать вне зависимости от конкретной ситуации тенденции сексуального поведения личности.

Таким образом, можно сказать, что сексуальные мотивы – это сознательные субъективные причины участия в сексуальных действиях.

В течение нескольких десятилетий несколько учёных делали попытки конструирования различных шкал для определения и измерения сексуальных мотивов населения. Изучением и составлением подобных опросников занимались J. R. Browning [6], M. L. Cooper [7], C. A. Hill и L. K. Preston [8], M. J. Rosenberg [12] и др.

Мотивы занятия сексом различны. Более ранние исследования предлагали около 10-ти причин того, почему люди занимаются сексом (например, просьба, выражение эмоциональной близости, снятие напряжения, и деторождение). Более свежие исследования выявили 237 отчетливых причин для занятия сексом, разделённых на категории физической, эмоциональной, целевой, и небезопасной мотивации. Однако, многие из этих причин зависят от определенной ситуации, и поэтому вероятно, что сексуальная мотивация может изменяться ввиду сексуальной привлекательности, типа отношений, новой информации и гендера партнера [9].

Одним из самых известных и используемых разработок является опросник AMORE (Опросник эмоциональной и мотивационной ориентации, связанной с эротическим возбуждением), который оценивает желания: (а) чувствовать себя оцененным своим партнером, (b) выражать значимость для партнера, (с) получать эмоциональную разрядку от

негативных эмоциональных состояний, (d) заботиться и обеспечивать комфорт партнеру, (e) усиливать свою власть, (f) чувствовать влияние своего партнера, (g) испытывать чувственное и физическое удовольствие и (h) деторождение. Эти восемь мотивов, как полагают авторы, являются важнейшими факторами, влияющими на сексуальное поведение индивидов [8].

Считается, что мотивы возбуждают и направляют поведение такими способами, которые идеально приводят к их реализации. Таким образом, индивиды должны искать ситуации и окружающую среду, которая облегчает усилия, нацеленные на осуществление мотива [10].

Таким образом, сексуальные мотивы – это сознательные субъективные причины участия в сексуальных действиях.

Необходимо отметить, что сексуальные мотивы обуславливают целенаправленность сексуального поведения человека. Они регулирует выбор между теми или иными действиями, мыслительными схемами, эмоциональными реакциями, вариантами восприятия и внимания, их детальную направленность и интенсивность. А диспозиционные сексуальные мотивы могут предсказывать вне зависимости от конкретной ситуации тенденции сексуального поведения личности.

Сексуальные мотивы формируются в процессе развития человека как устойчивые личностные диспозиции. Поэтому важно выявить, на основании каких средовых условий возникают индивидуальные различия в мотивах, какие паттерны сексуального поведения свидетельствуют о тех или иных диспозиционных сексуальных мотивах, а также определить возможности и пути изменения мотивов в том или ином направлении. С другой стороны, нахождение устойчивых индивидуальных сексуальных мотивов может свидетельствовать о ситуационных условиях конкретного человека или группы людей.

На основании исследований можно сказать, что люди воспроизводят сексуальные действия, преследуя целый ряд мотивов в своих отношениях, исход сексуального поведения формируется в нетривиальной степени, учитывая характер сексуальных установок и целей.

Библиографические ссылки

1. Американская психологическая ассоциация. Психология. А-Я. Словарь-справочник / пер. с англ. К. С. Ткаченко. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007. — 489 с.
2. *Белинская, Е.П.* Социальная психология личности / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. — М: Аспект Пресс, 2001. - 301 с.
3. *Ильин, Е.П.* Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2002 — 512 с.

4. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность – 2-е изд./ Х. Хекхаузен. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. — 860 с.
5. *Atkinson, J.W.* Towards experimental analysis of human motivation in terms of motives, expectancies, and incentives. 1958.
6. *Browning, J.R.* A comprehensive inventory of sexual motives / J.R. Browning // University of Hawaii at Manoa. – 2004. – P.23-35.
7. *Cooper, M.L.* Motivations for sex and risky sexual behavior among adolescents and young adults: A functional perspective / M.L. Cooper, C.M. Shapiro, A.M. Powers // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998/ - №75. – P.1528-1558.
8. *Hill, C.A.* Individual differences in the experience of sexual motivation: Theory and measurement of dispositional sexual motives / C.A. Hill, L.K.Preston // The Journal of Sex Research. – 1996. – №33. – P. 27 45.
9. *McClelland, D.C.* The achievement motive / D.C. McClelland [et al]. New York: Appleton, 1953.
10. *Meston, C.M.* Why humans have sex / C.M. Meston, D.M. Buss // Archives of Sexual Behavior. – 2007. – №36. – P.477-507.
11. *Murray, H.A.* Explorations in Personality / H.A. Murray. – New York: Oxford Univer. Press. – 1938. –164 p.
12. *Rosenberg, M.J.* Artifact in behavioral research / M.J. Rosenberg // The conditions and consequences of evaluation apprehension. – 1969. – №2. – P. 279 – 349.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. Н. Дудина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

phs.dudina@bsu.by

Научный руководитель – Клышевич Наталья Юлиановна,

кандидат психологических наук, доцент

В статье рассмотрена взаимосвязь смысложизненных ориентаций и жизнестойкости в ранней взрослости. Результаты проведенного исследования позволили обнаружить, что смысложизненные ориентации имеют прямую положительную связь с жизнестойкостью в ранней взрослости: чем выше осмысленность жизни, тем большей жизнестойкостью человек обладает.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, жизнестойкость, ранняя взрослость.

Проблема смысложизненных ориентаций является актуальной для современной психологии. Согласно Д.А. Леонтьеву, смысложизненные ориентации – это способ конструирования человеком своей жизни со свойственной ему системой ценностей, смыслов и целей [1]. Данная

проблема нашла отражение в работах В.Э. Чудновского, К.А. Абульхановой-Славской, Б.С. Братуся и др.. В зарубежной психологии важными для анализа феномена смысложизненных ориентаций являются идеи А.Адлера, К.Г. Юнга и В. Франкла и др., согласно которым принципиальная особенность человека – его направленность на поиск и реализацию смысла.

При решении задач научного исследования для нас были важны идеи С. Мадди о жизнестойкости личности. Под жизнестойкостью понимаются убеждения человека, которые позволяют ему оставаться активным и препятствуют негативным последствиям стресса [4]. Жизнестойкость включает в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. За рубежом проблема жизнестойкости связана с именами П.Т. Бартоне, В. Флориана и др. Отечественные исследования жизнестойкость рассматривают как с точки зрения преодоления стресса и адаптации в сложных жизненных обстоятельствах, так и в рамках личностного аспекта (Л.А. Александрова, С.А. Богомаз, Е.И. Рассказова, Р.И. Стецишин и др.).

Целью проведенного исследования было выявление характера взаимосвязи смысложизненных ориентаций и жизнестойкости в ранней взрослости.

Методы. В исследовании приняли участие 100 респондентов. Среди них – 46 юношей и 54 девушки в возрасте от 20 до 25 лет, студенты гуманитарных и технических специальностей высших учебных заведений Минска. В качестве инструментария исследования были использованы следующие методики: «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» (Дж. Крамбо и Л. Махолик, в адаптации Д.А. Леонтьева) [2] и «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева) [3]. Статистическая обработка включала тест Колмагорова-Смирнова, критерий Краскела-Уоллеса, коэффициент корреляции Пирсона и описательные статистики.

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного исследования была выявлена статистически значимая положительная связь между отдельными субшкалами опросников смысложизненных ориентаций и жизнестойкости, а также между интегральной шкалой осмысленности жизни и жизнестойкостью в целом. Рассмотрим более подробно полученные эмпирические данные.

Выявлена статистически значимая, положительная, сильная связь между осмысленностью жизни и жизнестойкостью ($r=0,792$, $p=0,00$).

Следовательно, чем выше осмысленность жизни, тем большей жизнестойкостью человек обладает.

При анализе субшкал смысложизненных ориентаций также были обнаружены значимые связи. Так, цели в жизни имеют значимые, положительные, сильные связи с вовлеченностью ($r=0,668$, $p=0,00$). Это означает, что чем четче человек может поставить жизненные цели, тем больше человек будет получать удовольствия от собственной деятельности.

Значимые положительные, сильные связи были установлены между процессом жизни и вовлеченностью ($r=0,737$, $p=0,00$). Чем более выражено восприятие процесса жизни как интересного, эмоционально-насыщенного и наполненного смыслом, тем больше он будет включен в решение проблем общества, активен в своих действиях.

Были выявлены значимые положительные сильные связи результата жизни с вовлеченностью ($r=0,770$, $p=0,00$). Можно говорить, что чем больше человек удовлетворен собственной самореализацией, высоко оценивает пройденный отрезок жизни, тем сильнее он будет ощущать чувство включенности, сопричастности, позволяющее ему чувствовать себя значимым, ценным и востребованным.

Выявлены значимые положительные сильные связи локуса контроля-я ($r=0,701$, $p=0,00$) и локуса контроль-жизнь ($r=0,757$, $p=0,00$) с вовлеченностью. Такие результаты могут означать что, чем больше человек уверен в том, что он обладает достаточной свободой выбора и способен контролировать свою жизнь, тем больше человек убежден, что вовлеченность в происходящее приводит к успеху, к уверенности в том, что активное участие в общественных процессах дает возможность личноно состояться.

Цели в жизни имеют значимые положительные сильные связи с контролем ($r=0,572$, $p=0,000$). Это можно объяснить тем, что чем больше осмысленности и временных перспектив у человека, тем больше он ощущает, что сам выбирает свою деятельность.

Также значимая положительная сильная связь выявлена между процессом жизни и контролем ($r=0,596$, $p=0,000$), то есть чем больше человек получает удовольствия от жизни и выполняет больше задач, тем больше у человека убежденность, что он владеет ситуацией.

Значимая положительная сильная связь была установлена между результатом жизни и контролем ($r=0,620$, $p=0,000$). Такие результаты свидетельствуют, что понимание осмысленности жизни позволяет

убедиться человеку, что его усилия позволяют влиять на результат происходящего.

Положительная сильная связь была выявлена между шкалой локус контроль-я и шкалой контроль ($r=0,640$, $p=0,000$), чем больше человек представляет себя как сильную личность, тем больше у него ощущение собственной важности в происходящем в его жизни, уверенность в себе.

Между локусом контроль-жизнь и контролем также обнаружена положительная сильная связь ($r=0,591$, $p=0,000$). Так, ощущение контроля над жизнью помогает человеку успешно воплощать свои идеи и ощущать самостоятельность в преодолении возникших трудностей и ответственность в выборе своего пути.

Цели в жизни имеют значимые положительные связи с принятием риска ($r=0,364$, $p=0,000$). Это можно объяснить тем, что чем больше человек склонен ставить перед собой жизненные цели, тем больше он убежден в том, что все, что с ним случается, способствует его росту.

Значимая положительная сильная связь выявлена между шкалой процесс жизни и принятие риска ($r=0,461$, $p=0,000$), чем более насыщенной будет жизнь, чем больше человек будет выполнять задач, тем больше он будет готов действовать, даже в отсутствие гарантий успеха.

Значимая положительная сильная связь была установлена между шкалой результат жизни и принятие риска ($r=0,546$, $p=0,000$). Чем более осмысленную жизнь имеет человек, тем более он будет рассматривать жизнь как приобретение опыта.

Положительная связь была выявлена между шкалой локус контроль-я и принятие риска ($r=0,425$, $p=0,000$), для человека, воспринимающего себя как сильную личность, характерна активная позиция в жизни, в том числе и в отношении жизненных трудностей.

Между локусом контроль-жизнь и принятием риска также обнаружена положительная сильная связь ($r=0,515$, $p=0,000$). Так, для человека, считающего, что только от него самого зависит то, насколько осмысленной будет его жизнь, характерна приверженность к риску, способствующая его развитию через накопление опыта. Активно преодолевая появляющиеся в жизни проблемы, человек взрослеет.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что смысложизненные ориентации напрямую связаны с жизнестойкостью в период ранней взрослости. Следовательно, чем выше осмысленность жизни, тем большей жизнестойкостью человек обладает. Результаты исследования могут быть использованы в консультативной и

развивающей работе психолога при решении проблем жизненных выборов, смыслового самоопределения в молодости.

Библиографические ссылки

1. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
2. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
3. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 65 с.
4. Мадди, С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений / С.Р. Мадди // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87-101.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ В РАЗЛИЧНОГО ТИПА ОТНОШЕНИЯХ

В. В. Зелёная

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vilazelya@gmail.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,

старший преподаватель

В современном мире интерес к изучению механизма осуществления человеческих взаимоотношений возрастает, следовательно, возрастает и необходимость в изучении феномена привязанности, который оказывает непосредственное воздействие на формирование различных типов отношений, определяя характер взаимодействия людей между собой. В данном исследовании характеризуются основные особенности формирования привязанности ребёнка к матери, а также определяется значимая роль модели детско-родительской привязанности на формирование привязанности к партнёру в романтических отношениях. Фундаментальная теория привязанности и основная типология, описывающая четыре стиля привязанности, принадлежат Дж. Боулби и М. Эйнсворт. В отечественной психологии изучением привязанности занимаются Н.Н. Авдеева, Д.И. Гвоздева, Т.П. Григорова, Н.В. Дмитриева, Т.В. Казанцева, Т.Л. Крюкова, В.Н. Куницына, И.А. Фурманов и другие.

Ключевые слова: привязанность; модель привязанности; эмоциональная связь; детско-родительские отношения; романтические отношения; потребность в безопасности; деструктивная привязанность.

Большинство исследований по проблеме привязанности охватывают детско-родительские отношения, характеризуют привязанность детей и подростков. Психологические исследования показывают, что привязанность является первичной генетически обусловленной

мотивационной системой, которая активируется при первом контакте новорождённого с матерью, для обеспечения ребёнку материнской заботы.

В современных исследованиях формирование привязанности становится всё более актуальной темой для зарубежных и отечественных психологов, что непосредственно связано с интересом к изучению особенностей взаимоотношений мужчины и женщины. Возникновение привязанности связывают с определёнными потребностями партнёров по общению, удовлетворение которых происходит за счёт романтических отношений [1].

Изменения в понимании механизма формирования привязанности внёс Дж. Боулби [3]. В своих трудах автор раскрыл связь между матерью и ребёнком, а также показал, каким образом влияет разрыв этой связи на эмоциональное состояние ребёнка вследствие разлуки, депривации, сиротства.

Значимым вкладом в типологию привязанности явилось исследование М. Эйнсворт, в соответствии с которым выделяют четыре основных типа привязанности: надёжный, тревожный, тревожно-избегающий и избегающе-отвергающий [6].

Следует констатировать, что в детско-родительских отношениях дети с надёжным типом привязанности ведут себя спокойно в сепарации от матери, однако радуются её возвращению и проявляют большую активность рядом с ней. Отмечается, что матери таких детей сами по себе спокойны, отзывчивы, дома их дети редко плачут. В романтических отношениях люди с таким типом привязанности вступают в эмоционально здоровые отношения, доверяют своему партнёру, способны любить, поддерживать и проявлять заботу, а также понимают и уважают чувства другого человека [6].

Дети с тревожным, или амбивалентным, типом привязанности стараются держаться только поближе к маме, в её отсутствие плачут, а по возвращении нередко отталкивают от себя. Матери таких детей ведут себя также амбивалентно: то проявляя ласку и отзывчивость, то даже не реагируя на эмоции ребёнка [6]. В романтических отношениях взрослым с тревожной привязанностью не хватает внимания и поддержки, они склонны к недоверию и проявлению ревности, за счёт этого они требуют партнёра постоянно доказывать любовь к ним и имеют заниженную самооценку.

Согласно М. Эйнсворт, в детско-родительских отношениях с тревожно-избегающей привязанностью дети равнодушны как к уходу, так и к

приходу матери, что свидетельствует о проявлении у них защитных механизмов, помогающих преодолеть разлуку с родителем [6]. Связано это с тем, что матери уделяют детям мало времени, вследствие чего они не чувствуют себя в безопасности рядом со значимым взрослым. Субъекты с тревожно-избегающей привязанностью в романтических отношениях стремятся к близости, но часто избегают её из-за страха быть отвергнутыми. Они также имеют недоверие к своему партнёру и заниженную самооценку.

Следует отметить, что в результате неудовлетворения родителями потребностей ребёнка (не брали на руки, не успокаивали во время плача, оставляли в комнате одного) формируется избегающе-отвергающая привязанность, в ходе которой дети как бы «отключают» свои эмоции, не проявляя их даже во время ухода матери, оставаясь наедине с незнакомцем. В романтических отношениях избегающе-отвергающий тип привязанности характеризует взрослых эгоистичностью, бесчувственностью и недоверчивостью. Такие люди считают, что их любви никто не достоин, поэтому избегают близких связей [6].

В соответствии с теорией Дж. Боулби и М. Эйнсворт под привязанностью мы понимаем близкие и прочные эмоциональные связи, установленные в результате длительных отношений между двумя людьми.

Формирование привязанности в детско-родительских отношениях является основой для полноценного развития ребёнка, ведь он просто не может стать личностью, если с рождения не будет вовлечён в тесные эмоциональные связи с близкими людьми [2]. Привязанность ребёнка к матери или отцу возникает благодаря заботе взрослого и включает в себя удовлетворение детской потребности в безопасности и любви, а также позитивное взаимодействие между субъектами. В раннем возрасте привязанность легко формируется в отношении того, кто постоянно ухаживает за ребёнком, будь то отец или мать. Однако от укрепления или разрушения этой связи зависит построение определённой модели привязанности в романтических отношениях.

Формирование романтической привязанности связано с потребностью в близких отношениях и способностью их устанавливать, что является важнейшим показателем психологического здоровья зрелой личности. От одного из четырёх стилей привязанности каждого из партнёров зависит возможность удовлетворения этой потребности в конкретных любовных отношениях [5].

В романтических отношениях личность сама имеет возможность выбора объекта привязанности, т.е. своего партнёра, а также имеет возможность сознательного разрыва этой эмоциональной связи и прекращения поведения привязанности [4]. В то время как единственной возможностью разорвать близкие отношения с объектом привязанности в детском возрасте является так называемая «потеря» объекта – смерть или длительная разлука с ним.

Согласно результатам исследования Т.П. Григоровой, выделяют деструктивную привязанность как дезадаптивную и стрессогенную специфическую модель привязанности во взрослом возрасте [4]. Такая привязанность характеризуется сохранением и поддержанием близких диадических отношений, не приносящих удовлетворение таких важных потребностей, как потребность в безопасности, принятии и любви. Формирование деструктивной привязанности в романтических отношениях является источником тяжёлых негативных переживаний и эмоциональных состояний [4].

Современные исследователи С.О. Huelsnitz и К.Ф. Allison формирование модели привязанности в любовных отношениях тесно связывают с основными проявлениями ревности [7]. Однако авторы подчёркивают, что только надёжная привязанность имеет положительную связь с ревностью, которая не разрушает отношения, а делает их прочнее.

Таким образом, в результате проведённого теоретического исследования охарактеризованы основные особенности формирования привязанности в детско-родительских и романтических отношениях. Стиль привязанности ребёнка к матери и модель привязанности в романтических отношениях имеют общее начало – их формирование и становление происходит ещё в младенчестве. Однако есть существенное различие между ними, заключающееся в способности сохранять эмоциональную связь на протяжении длительного времени. Привязанность в детско-родительских отношениях является непрерывной связью, в то время как романтическая привязанность (если она не является деструктивной) характеризуется возможностью прекращения поведения привязанности, т.е. сознательного разрыва этой связи.

Библиографические ссылки

1. Авдеева, Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Н.Н. Авдеева // Современная зарубежная психология. – 2017. – Том 6. – № 2. – С. 7–14.
2. Авдеева, Н.Н. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет / Н.Н. Авдеева, Н.А. Хаймовская // М.: Смысл, 2013. – 152 с.

3. Боулби, Д. Привязанность / Д.Боулби // М.: Гардарики. – 2003. – 447 с.
4. Григорова, Т.П. Деструктивная привязанность во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями: автореф. дисс. / Т.П. Григорова // Костромской гос. университет им. Н.А. Некрасова, Кострома. – 2015. – 166 с.
5. Улейская, М.В. Привязанность к матери в детстве как фактор привязанности к романтическому партнеру у молодых женщин / М.В. Улейская// Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Лазаренко В.А., Шульгина Т.А., Василенко Т.Д. – 2017. – С. 351-355.
6. Ainsworth, M.D.S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation / M.D.S. Ainsworth // Hillsdale, NJ.: New York: Lawrence Erlbaum Associates. – 1978. – 391 p.
7. Huelsnitz C.O. Attachment and Jealousy: Understanding the Dynamic Experience of Jealousy Using the Response Escalation Paradigm//Personality and Social Psychology Bulletin. – 2018. – Vol. 44. – P. 164-180.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ХАРАКТЕР» И «ЛИЧНОСТЬ»

Д. В Лукомская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

dashal110211@gmail.com ;

Научный руководитель – Поляков Алексей Михайлович,

доктор психологических наук, доцент

Когда мы рассказываем о человеке, то применяем по отношению к нему такие слова как «личность» и «характер». Однако, что на самом деле это значит? И как они формируют нас теми, кем мы становимся? В этой работе мы рассмотрим каждое понятие по отдельности, а затем соотнесем их друг с другом, чтобы понимать, как все-таки «личность» формирует «характер», а он в свою очередь оказывает влияние на «личность».

Несмотря на то, что характер и личность не связаны напрямую, они находятся в сложном взаимодействии. Личность при благоприятном развитии начинает выравнивать черты характера, а то и вовсе делать их незначительными. В свою очередь некоторые черты характера, особенно если они сильно выражены, могут затруднять развитие личности.

Объект: личность.

Цель: определить соотношение категорий «характер» и «личность».

Ценность данного исследования: понимания соотношения «характер» и «личность».

Практическое значение итогов работы: использование данных сведений может быть полезным в сферах, где занимаются изучением формирования, проявления характеров личности.

Ключевые слова: личность; характер; соотношение категорий «характер» и «личность».

Ю.Б. Гиппенрейтер пишет в своей работе, что характер и личность практически отождествляются, т. е. эти термины употребляются как синонимы; характер включается в личность и рассматривается как ее подструктура; или наоборот, личность понимается как специфическая часть характера; личность и характер рассматриваются как «пересекающиеся» образования. [1].

Избежать смешения понятий характера и личности можно, если придерживаться более узкого их толкования. Понятие «личность» относится к определенным свойствам, принадлежащим индивиду, причем тут добавляется еще уникальность индивида, то есть индивидуальность. Личность каждого человека наделена только ей присущим сочетанием черт и особенностей, образующих ее индивидуальность. Характер в узком смысле слова понимается как совокупность устойчивых свойств индивида, в которых выражаются способы его поведения и способы эмоционального реагирования.

Благодаря узкому толкованию терминов, можно сделать вывод, что в характере как бы запечатлены основные, наиболее значимые черты данной личности, которые стабильно проявляются в поведении человека. Личность задает направление в поисках самореализации.

Характер показывает то, как действует человек, а черты личности – то, ради чего он действует. Смелый человек поступает смело, а благородный поступает благородно – это как действует характер. Мотивация, цель – это то, ради чего действует личность.

Ни личность, ни характер не являются врожденными качествами индивида. Они приобретаются с помощью социума, деятельности, общения и т.д.

Характер является внутренним свойством личности, но это не значит, что они в своем генезисе и существовании определяются изнутри, системой внутренних органических или внутриличностных отношений. Напротив, эти внутренние свойства личности, составляющие ее характер, выражаясь в отношении к тому, что значимо для человека в мире, через отношение к миру и определяются.

К характеру в собственном смысле слова относятся, но не все относительно устойчивые свойства личности, которые выделяются и закрепляются в человеке, по мере того как складывается его образ жизни, а только те, которые обуславливают, какие побуждения по преимуществу определяют его действия. В характере присутствуют только те свойства, которые проявляют его направленность.

С другой стороны, не всякое проявление направленности личности, не всякая установка и не всякое побуждение относятся к характеру. Бывают у каждого человека случайные побуждения и случайные действия, обычно не характерные для него. В характере присутствует внутренняя логика, взаимоотношение определяющих его свойств и установок, известная необходимость и последовательность. К характеру относятся лишь те проявления направленности, которые выражают устойчивые свойства личности и вытекающие из них устойчивые личностные, а не только случайные ситуационные установки. Относительно устойчивые свойства личности, которые определяют ее качественное своеобразие и выражают ее направленность, составляют ее характер. Характер выражается в направленности личности, в тех основных действенных ее установках и тенденциях, которые контролируют и регулируют все проявления человека, через которые преломляется и фильтруется то, что он делает. Характерологические свойства личности обуславливают ее направленность, накладывают определенный отпечаток на ее поведение и проявляются в отношении человека к другим людям, к миру и к самому себе.

Характер нельзя рассматривать как сумму отдельных качеств личности, так как какие-то черты характера будут доминирующими и определяющими человека. Под чертами характера понимают те или иные особенности личности, которые проявляются в деятельности.

Но характер нельзя считать самостоятельной структурной личности. Характер – это сочетание внутренне взаимосвязанных, наиболее важных индивидуальных сторон личности.

Характер тесно связан с тем, что для человека значимо в жизни. И именно то, что особенно значимо для него, является в итоге мотивом и целью деятельности и определяет подлинный стержень личности.

Поскольку в характере сосредоточены стержневые особенности личности, все индивидуальные отличия в характере приобретают значимость и выраженность. Характер – это единство личности, опосредующее все ее поведение. [2].

В характере могут быть также интеллектуальные особенности, так как они становятся свойствами личности, проявляющимися в качественном своеобразии отношения к окружающему. Личностью является лишь человек, который относится определенным образом к окружающему. При этом, если интеллектуальные особенности становятся свойствами характера, они начинают определять личность в целом.

Вывод: когда человек проявляет свой характер, то он больше склоняется к тому, что ему «естественно», что «хочется» или «не хочется». Когда же человек начинает действовать как личность, то придерживается скорее того, что «должно», что «следует», «как полагается», он делает выбор. Когда мы говорим о личности, то употребляем такие прилагательные, как «высокая», «выдающаяся», «творческая», «блеклая», «преступная» и т. д. В отношении характера используются совсем другие слова, например, «тяжелый», «жестокий», «железный», «мягкий», «золотой». Мы не говорим «высокий характер» или «мягкая личность». Черты характера отражают то, как действует человек (естественные для него способы поведения), а черты личности – то, ради чего он действует (мотивы и направленность поведения). Личность можно развивать, характер можно только укреплять. Характер можно укреплять – но об уровнях развития характера не говорят.

Библиографические ссылки

1. *Гиппенрейтер, Ю. Б.* Введение в общую психологию : (курс лекций) : учеб. пособие / Ю. Б. Гиппенрейтер. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 352 с. : ил.
2. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. [и др.] : Питер, 2017. – 712 с.
3. *Реан, А. А.* Психология личности / А. А. Реан. – М. [и др.] : Питер, 2013. – 286 с.
4. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с.

ПРОБЛЕМА МОТИВОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

И. В. Ткачѳв

Белорусский государственный университет, г. Минск;

tkachovivan13@gmail.com

Научный руководитель – Фофанова Галина Александровна,

кандидат психологических наук, доцент

В данной работе отмечается важность изучения мотивов использования электронных социальных сетей на фоне роста популярности социальных медиа в Беларуси. Приводится определение электронных социальных сетей. Указываются основные изучаемые группы мотивов использования электронных социальных сетей, а также проблемное поле их исследований. Отмечается важность изучения связи

коммуникативной компетентности и различных мотивов использования электронных социальных сетей.

Ключевые слова: мотивы; электронные социальные сети; социальные медиа.

Согласно результатам совместного исследования «DataReportal», «We Are Social» и «Hootsuite», в январе 2022-го года в Республике Беларусь насчитывалось 4,35 миллиона пользователей социальных медиа (46,1% от общей численности населения). В период с 2021 по 2022 год их количество увеличилось на 450 тысяч (11,5%) [4]. Кроме того, по данным Института социологии НАН Беларуси, наибольшая вовлеченность в социальные медиа отмечается среди молодых людей в возрасте 16–29 лет. [1]. Рост популярности социальных медиа актуализирует вопрос об основных причинах и последствиях их использования молодежью.

В данной работе рассматривается один из видов социальных медиа – сайты социальных сетей или электронные социальные сети (далее – ЭСС). Известные исследователи в данной области D. M. Boyd и N. B. Ellison определили ЭСС как веб-сервисы, которые позволяют пользователям: 1) создавать публичный или полупубличный профиль в рамках ограниченной системы, 2) составлять список других пользователей, с которыми они имеют общие связи, и 3) просматривать и перемещаться по списку своих связей и связей, созданных другими людьми в рамках системы [3, с. 211]. Определив ЭСС таким образом, авторы особо подчеркивали главную особенность ЭСС, отличающую их от других социальных медиа: возможность формировать и делать видимыми свои социальные связи (списки друзей). В более поздней работе, вслед за изменениями, происходящими в технических возможностях социальных медиа, авторы пересмотрели свое определение. Новый вариант трактовки подчеркивает коммуникативный характер ЭСС, а также значимость возможности потребления и обмена контентом. Авторы предлагают следующий вариант определения ЭСС (сайта социальной сети), которого придерживаемся и мы. ЭСС – это сетевая коммуникационная платформа, в которой участники: 1) имеют уникальные идентифицируемые профили, состоящие из пользовательского контента, контента, созданного другими пользователями, и/или данных системного уровня; 2) имеют возможность публично формировать связи, которые могут просматривать и исследовать другие пользователи; 3) могут потреблять, производить и/или взаимодействовать с потоками пользовательского контента, предоставленного их контактами на сайте [5, с. 9].

Представленные в определении критерии позволяют разграничить ЭСС от других социальных медиа. К ЭСС можно отнести популярные в русскоязычном сегменте сервисы «Facebook», «Instagram», «TikTok», «Twitter», «ВКонтакте». Мессенджеры («Viber», «Telegram», «WhatsApp»), имеющие схожие черты с ЭСС, не обладают функционалом, позволяющим делать видимыми свои контакты другим пользователям, что указывает на более узкую направленность данных сервисов по сравнению с ЭСС.

Доминирующей теорией, в рамках которой рассматриваются причины использования ЭСС, является теория использования и удовлетворения. Основное её положение заключается в том, что аудитория социальных медиа активна, их выбор и использование пользователями является целенаправленным и мотивированным на удовлетворение различных потребностей [13]. Данная теория фокусируется на том, как аудитория выбирает медиа и влияет на них, а не наоборот.

Испанский исследователь М. Pertegal-Vega совместно с коллегами провел анализ 183 работ, связанных с изучением мотивов использования ЭСС. По результатам исследования были выявлены четыре наиболее популярные тематики. На первом месте оказались мотивы, связанные с социальными потребностями, такими как поддержание социальных контактов, установление новых отношений, поиск социального признания. Если говорить о индивидуальных потребностях, то здесь доминируют исследования, связанные с гедонистическими мотивами, мотивами регуляции настроения, где изучается стремление пользователей к поиску положительных ощущений с целью развлечения. Мотивы, связанные с информацией, находятся на третьем месте. К ним относится интерес субъекта к тому, что происходит в мире в целом или у конкретных людей. На четвертом месте находятся мотивы развития личностной идентичности. Большинство из них включают либо мотивы самоутверждения, связанные с желанием произвести впечатление на других людей и получить одобрение, либо мотивы самовыражения чувств или мнений [10]. Стоит отметить, что данные исследования, в основном, фокусировались на изучении мотивов использования «Facebook».

В проблематику мотивов использования ЭСС входят вопросы связи различных мотивов с личностными переменными. Например, обнаружено, что экстраверсия связана с такими мотивами использования ЭСС, как установление новых отношений [9], социальное признание [2], а также развлечение [9]. Кроме того, большое внимание уделено изучению гендерных различий в мотивах использования ЭСС. Например, было

установлено, что женщины в большей степени, чем мужчины используют ЭСС для поддержания связей с друзьями, в то время как мужчины чаще, чем женщины используют ЭСС для установления новых отношений [8]. Ряд исследований посвящен изучению соотношения мотивов использования ЭСС с медиазависимостью [11].

Интерес представляет также связь мотивов использования ЭСС с социальными и коммуникативными навыками. Данный вопрос в зарубежных работах обсуждается в контексте двух противоположных гипотез: социальная компенсация и «богатый становится богаче» («rich-get-richer»). Согласно первой гипотезе, одинокие и/или социально тревожные субъекты, которым трудно развивать дружеские отношения в реальной жизни, обращаются к онлайн-общению в большей степени. При этом опосредованная онлайн-коммуникация может помочь им преодолеть застенчивость и скованность, которые они обычно испытывают при общении в реальной жизни. Вторая гипотеза, напротив, утверждает, что к онлайн-общению обращаются в основном неодинокие и/или экстравертированные субъекты, обладающие хорошими социальными навыками и рассматривающие интернет как дополнительную площадку для коммуникации [12].

Для нас наиболее интересен вопрос связи мотивов использования ЭСС и феномена коммуникативной компетентности. Обычно данный вопрос рассматривается в контексте использования сети интернет в целом. Исследований, посвященных коммуникативной компетентности в контексте мотивов использования именно ЭСС, имеющих свои специфические особенности, относительно небольшое количество. В пример можно привести работу E. E. Hollenbaugh и её коллег. В результате исследования она обнаружила, что мотив использования социальных медиа, относящийся к компенсации одиночества в реальной жизни, отрицательно связан с межличностной коммуникативной компетентностью [6]. Данная проблема также затрагивалась в работе Eun-Ju Lee и Ye Weon Kim. Они обнаружили, что такие мотивы использования «Twitter», как поддержание отношений, наблюдение, расширение связей и внутриличностный мотив (полезность/удобство) положительно связаны с коммуникативной компетентностью [7].

Таким образом, мотивы использования ЭСС связаны с феноменом коммуникативной компетентности. Изучение специфики данных связей может помочь в понимании того, для чего субъекты с различной коммуникативной компетентностью используют ЭСС. В свою очередь, это

поможет прояснить ряд вопросов: являются ли ЭСС платформой для компенсации неудовлетворенных социальных потребностей коммуникативно некомпетентных субъектов? Какие мотивы использования ЭСС доминируют у коммуникативно компетентных и некомпетентных субъектов? Как различные компоненты коммуникативной компетентности влияют на мотивы использования ЭСС?

Подводя итог, можно сказать, что на данный момент изучается широкий круг мотивов использования ЭСС. Наибольший интерес исследователей представляют социальные потребности, побуждающие субъектов использовать данные сервисы. В контексте мотивов использования ЭСС изучаются личностные переменные, рассматриваемые как детерминанты мотивов, а также возможные позитивные и негативные последствия использования ЭСС. Представляет интерес изучение взаимосвязей между коммуникативной компетентностью и мотивами использования ЭСС в контексте гипотез социальной компенсации и обогащения («rich-get-richer»).

Библиографические ссылки

1. Подвальская, В. С. Социальные медиа в современном медиaprостранстве Республики Беларусь (по результатам эмпирического исследования) / В. С. Подвальская // Молодежь в науке-2020 : материалы XVII Междунар. Науч. конф., Минск, 25 сент. 2020 г. / Институт социологии НАН Беларуси ; редкол.: В.Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 306-307.
2. Bibby, P. A. Dispositional factors in the use of social networking sites: Findings and implications for social computing research / P. A. Bibby // Intelligence and Security Informatics ; proceedings of the International Conference, Taipei, June 17, 2008 / IEEE ; ed. by C. C. Yang et al. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2008. – P. 392-400.
3. Boyd, D. M. Social network sites: Definition, history, and scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // Journal of computer-mediated Communication. – 2007. – Vol. 13, №. 1. – P. 210-230.
4. Digital 2022: Belarus [Electronic resource] // DataReportal – Global Digital Insights. – Mode of access: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-belarus>. – Date of access: 19.04.2022.
5. Ellison, N. B. Sociality through social network sites / N. B. Ellison, D. M. Boyd // The Oxford handbook of internet studies [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: http://www-personal.umich.edu/~enicole/Ellisonboyd_sociality2013.pdf. – Date of access: 19.04.2022.
6. Hollenbaugh, E. E. How Do Social Media Impact Interpersonal Communication Competence?: A Uses and Gratifications Approach / E. E. Hollenbaugh et al. // The psychology and dynamics behind social media interactions [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.igi-global.com/chapter/how-do-social-media-impact-interpersonal-communication-competence/232563> – Date of access: 19.04.2022.

7. Lee, E. J. How social is Twitter use? Affiliative tendency and communication competence as predictors / E. J. Lee, Y. W. Kim // Computers in Human Behavior. – 2014. – Vol. 39. – P. 296-305.
8. Mazman, S. G. Gender differences in using social networks / S. G. Mazman, Y. K. Usluel // Turkish Online Journal of Educational Technology-TOJET. – 2011. – Vol. 10, №. 2. – P. 133-139.
9. Orchard, L. J. Individual differences as predictors of social networking / L. J. Orchard et al. // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2014. – Vol. 19, № 3. – P. 388-402.
10. Pertegal, M. Á. Development and validation of the Scale of Motives for Using Social Networking Sites (SMU-SNS) for adolescents and youths / M. Á. Pertegal, A. Oliva, A. Rodríguez-Meirinhos // PloS one. – 2019. – Vol. 14, № 12. – P. 1-21.
11. Ryan, T. The uses and abuses of Facebook: A review of Facebook addiction / T. Ryan et al. // Journal of Behavioral Addictions. – 2014. – Vol. 3, № 3. – P. 133-148.
12. Valkenburg, P. M. Preadolescents' and adolescents' online communication and their closeness to friends / P. M. Valkenburg, J. Peter // Developmental psychology. – 2007. – Vol. 43, №. 2. – P. 267-277.
13. Weiyan, L. I. U. A historical overview of uses and gratifications theory / L. I. U. Weiyan // Cross-Cultural Communication. – 2015. – Vol. 11., №. 9. – P. 71-78.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБОВНЫХ УСТАНОВОК В РАЗЛИЧНОГО ТИПА ОТНОШЕНИЯХ

Е. И. Хмелевская

Белорусский государственный университет,

г. Минск

katyminsk2003@gmail.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,

старший преподаватель

Тема любви в современной психологии привлекает довольно большой круг исследователей и трактуется как важнейшая ценность и ресурс в жизни человека. Проблема любви и любовных отношений изучается в рамках различных направлений. Любовные установки обуславливаются тем, как индивиды определяют любовь и как к ней относятся. Любовные аттитюды могут вызывать те или иные переживания и действия в отношении партнера, которого любят. В работе предпринята попытка охарактеризовать особенности проявления любовных установок в различного типа отношениях.

Ключевые слова: любовь; любовные установки; проявление любовных установок; романтические отношения; супружеские отношения.

В психологической науке установка определяется как «состояние психологической готовности, которая складывается на основе опыта,

оказывает направляющее, динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан» [3, с. 187]. Аттитюд (установка) рассматривается через соотношение готовности индивида к действиям с внешней средой, ядром которой выступают другие, причем поведение человека является результатом конфигурации его личностных черт [3].

Согласно подходу И.А. Фурманова любовные установки обуславливаются тем, как индивиды определяют любовь или как относятся к ней, каковы их любовные аттитюды, вызывающие те или иные переживания и действия в отношении партнера, которого они любят [4].

В соответствии со структурой установки С. С. Гордеевой, выделяют три её компонента: когнитивный компонент (осознание объекта установки), аффективный компонент (эмоциональная оценка объекта) и поведенческий компонент (поведение по отношению к объекту) [1]. Все элементы структуры находятся в тесной взаимосвязи, и изменение одной влечет за собой изменение других. Эта трехкомпонентная структура имеет психологическую сущность и объясняет поведение индивида при реагировании на случайные обстоятельства [1].

Согласно типологии любовных стилей Дж. Ли, выделяют следующие её виды [5]. К трём первичным типам любовных стилей относятся Эрос (романтичная, страстная любовь), Людус (игривая любовь), Сторге (любовь – дружба). К трем вторичным стилям – Мания (собственническая, зависимая любовь), Прагма (логическая, расчетливая любовь) и Агапе (беззаветная, самоотверженная любовь). По мнению Дж. Ли, вторичные стили являются производными от пар первичных стилей (Мания – от комбинации Эроса и Людуса, Прагма – от Сторге и Людуса, Агапе – от Эроса и Сторге). У каждого стиля есть собственные качественные свойства, независимые от всех других стилей [5].

Качество проявления любовных установок зависят от типа отношений, в которых находятся партнёры. Рассмотрим особенности проявления любовных установок в романтических и супружеских отношениях.

Согласно И.А. Фурманову, романтические отношения – это отношения, предполагающие взаимодействие партнеров в целях их продолжения до тех пор, пока один или другой партнер не прервет их или не будут установлены их другие формы (сожительство, помолвка, брак); выраженную взаимную направленность партнеров друг на друга; наличие реальных непосредственных или опосредованных контактов; выраженную эмоциональную вовлеченность, определяющую специфику отношений;

интимность [4]. Романтические отношения характеризуются добровольностью, т. е. возникают на основании личного выбора субъектов и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров [4].

Супружеские (брачные) отношения – социально или ритуально признанные легальные отношения между супругами, которые регламентированы правами, определяющими взаимодействие между ними, а также их детьми и ближайшими родственниками [4]. Основная отличительная особенность супружеских отношений заключается в том, что эти отношения зарегистрированы, т.е. оформлены в соответствующих органах государственной власти.

В результате исследований И.А. Фурманова установлено, что в романтических и супружеских отношениях, сильнее выражены любовные стили Агапе, Людус и Сторге. Преобладание установки Людус в романтических отношениях может характеризоваться отсутствием глубоких чувств, не желанием партнеров привязываться эмоционально, манипулятивные игры и т.д. Установка Сторге говорит о размеренном, медленном развитии отношений, построенный на дружбе и общих ценностях. Романтическая пара с преобладанием этой установки с большей вероятностью захочет перейти в статус супружеских отношений. Преобладание Агапе свидетельствует, что их любовь в большей степени носит беззаветный и самоотверженный характер [4]. У мужчин, находящихся в романтических отношениях существенно выше показатели аттитудов агапе, сторге и людус, в супружеских – Эрос и Мания. У женщин, находящихся в романтических отношениях, выше показатели аттитудов сторге и эрос, а в супружеских – мании. Эти результаты могут свидетельствовать о том, что мужчины, приобретая брачный статус, возможно, становятся более реалистичными и начинают менять свое отношение к любви, рассматривать ее не как просто дружеские отношения и игру: стремление к близости, интенсивным эмоциям, вовлеченность в отношения и зависимость от партнерши возрастают. Вместе с тем усиливается чувство собственности, которое в сочетании с некоторой неуверенностью в себе возлюбленной, а также с перспективой продолжения супружеских отношений может стимулировать ревность, физические и психологические страдания [4].

Согласно полученным данным И.А. Фурманова, снижение оценок Эроса у замужних женщин, по сравнению с противоположными результатами у женатых мужчин, можно, вероятно, объяснить тем, что женщины, вступая в брак, сталкиваются с проблемами организации быта, рождения ребенка и

необходимостью ухаживания за ним. Обремененность домашним хозяйством, вероятно, снимает завесу романтизма в отношениях с любовным партнером, а выполнение материнских обязанностей может компенсировать удовлетворение потребности в близости [4].

В проведенном исследовании О.А. Екимчик выявлены установки на любовь среди российских и американских респондентов с целью проанализировать уровень романтических чувств в современных семьях [2]. Было установлено, что российским респондентам наиболее свойственны установки на эротическую любовь, самоотверженную любовь и любовь-одержимость, и менее – установки на любовь-флирт и прагматичную любовь. При этом наибольшим разбросом обладают шкалы Прагма, Мания и Агапэ. Это свидетельствует о том, что среди наших респондентов данные установки выражены противоположно, то есть присутствуют люди, у которых данные стили любви явно доминируют, так и те, которым подобное поведение вообще не свойственно. Стилль любви Эрос имеет наибольшее среднее значение и наименьшее стандартное отклонение, это отражает явное доминирование эротической любви у большинства респондентов [2].

Согласно данным О.А. Екимчик, для мужчин в супружеских отношениях в целом характерны эротическая и самоотверженная любовь и меньшей степени выражены установки на любовь-игру и прагматичную любовь. Также у мужчин слабее выражена любовь-одержимость, чем по общей выборке в целом [2].

Стилль любви Людус у русскоязычных женщин выражен сильнее, чем у американских [2]. У иностранных респондентов больше чем у русских выражены такие стили любви, как Прагма и Сторге. Данное расхождение в выраженности стилей любви может свидетельствовать о наличии различных когнитивных представлений о любви и установок на любовь [2].

Таким образом, охарактеризованы особенности проявления любовных установок в различного типа отношениях. Романтические и супружеские отношения схожи такими любовными установками как Эрос, Мания и Агапэ. Романтические отношения отличаются выраженными стилями любви Агапэ, Людус и Сторге, а супружеские – Мания. Романтическая же любовь поощряет партнеров на установку быть избирательными в выстраивании долгосрочных отношений, направляя их от взаимной симпатии через непрерывный процесс оценивания партнера к привязанности, которая обеспечивает успешное воспитание потомства. В

романтических отношениях доминирующими любовными установками как у мужчин, так и у женщин, являются Эрос и Мания.

Библиографические ссылки

1. Гордеева, С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016— 135 с.
2. Екимчик, О.А. Кросскультурное сравнение установок на любовь и секс у русскоязычных и американских респондентов / О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – Т. 15. – № 5. – С. 111–116.
3. Олпорт, Г. Становление: основные положения психологии личности / Г. Олпорт // Становление личности: Избранные труды / [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева]; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2002. - с. 166-216.
4. Фурманов И.А. Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях / И.А. Фурманов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология, 2019. – №3. – С. 74–81
5. Lee, J.A. Colours of Love: An Exploration of the Ways of Loving / J.A. Lee. – New York : New Press, 1973. – 294 p.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОЯВЛЕНИИ ЭМОЦИЙ

Б. Ши

Белорусский государственный университет, г. Минск;

xianzai117@gmail.com

Научный руководитель – Галуза Алла Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент

В публикации авторы рассматривают понятие эмоции, а также внешние проявления эмоции. Изучаются взгляды современных эмоциональных психологов. Цель исследования - выявить межкультурные различия в эмоциях. Работа может служить основой для изучения эмоций с целью обеспечения теоретической основы культурных различий в эмоциональном выражении.

Ключевые слова: эмоция; межкультурные различия; внешние проявления эмоций.

Согласно китайскому психологу Хуан Ситингу, эмоция, как человеческое переживание, является не отражением внешнего мира, а "особым отношением человека к содержанию отражения, которое имеет уникальный субъективный опыт, внешнее проявление и всегда сопровождается физиологической реакцией вегетативной нервной системы [1]. Мо Сюфэн и Го Минь объяснили эмоции так: "Эмоции - это

субъективные переживания людей по поводу того, удовлетворяют ли объективные вещи их физиологические потребности" [2]. Из приведенных выше теорий психологов можно понять, что эмоции - это процесс, при котором внешние вещи действуют на индивида, а индивид производит субъективные ощущения.

Существует четыре основных аспекта понятия эмоции.

С биологической точки зрения американский психолог Джеймс и датский физиолог Ланге рассматривали эмоции как продукт вегетативной нервной системы. С 1970-х годов Дифференциальная теория эмоций (ДЭТ), разработанная и неоднократно пересматриваемая ведущими психологами эмоций, такими как Изард и позднее Экман, подчеркивает связь между эмоциями и нервной системой. ДЭТ подчеркивает, что эмоции - это ряд врожденных "нейронных процессов" и что существует специфическая нейрофизиологическая основа для всех внешних эмоциональных проявлений и для внутренних эмоций людей [3].

Эмоции можно объяснить в когнитивных аспектах. Пиаже, ведущий швейцарский когнитивный психолог развития, заявил, что "эмоции - это мотивационные состояния поведенческих моделей или когнитивных функций, и что развитие эмоций и социальности следует тому же общему процессу, что и когнитивное развитие, причем оба развиваются параллельно" [4].

Кампос, представляющий функционалистский аспект объяснения эмоций, рассматривает эмоции как "попытку индивида установить, поддерживать, изменить или прекратить свои отношения с окружающей средой в ответ на ситуативные события, значимые для индивида" [5].

С социально-конструктивистской точки зрения Фогель утверждает, что эмоции не являются субъективным опытом отдельных людей или дискретными биологическими мотивами, а представляют собой динамически генерируемые, социально конструируемые континуумы, возникающие в результате взаимодействия эмоциональных агентов [6].

Эмоции - это не один психологический феномен, а их смесь. Он состоит из субъективного опыта (который уникален), внешних проявлений и физиологического возбуждения [7].

Субъективное переживание эмоций соответствует внешнему проявлению, при этом мимика, жестикуляция и тон голоса формируют внешнее проявление эмоций. Переживание эмоций также сопровождается физиологическими изменениями, которые, как и внешние проявления эмоций, не менее сложны.

Китаяма, Мескита и Карасава предполагают [8], что индивидуальные и культурные ценности взаимодействуют во многих важных аспектах. Ойзерман, Кун и Кеммельмайера культурный контекст может быть использован на практике, поскольку расовое разделение часто меняется в зависимости от конкретных культурных представлений и практик [9].

Мескита и Карасава [10] показали, что японские испытуемые сообщали о менее приятных эмоциональных переживаниях, чем европейские американцы.

В аналогичном исследовании Сколлон и другие [11] обнаружили, что испытуемые из числа европейских американцев испытывали больше гордости, приязни, радости и счастья (положительные или сосредоточенные на себе эмоции) и меньше чувства вины (социально ангажированные эмоции), когда их сиюминутные эмоции оценивались онлайн по сравнению с испытуемыми из числа американцев азиатского происхождения и японцев.

В азиатских культурных контекстах эмоциональный контроль высоко ценится и относительно более определен. Поэтому люди в азиатско-американских контекстах, которые придают большое значение эмоциональному контролю, должны чувствовать высокую степень конгруэнтности со своим культурным происхождением и иметь больше возможностей для "практики" и автоматизации эмоционального контроля [12].

Межкультурные различия в эмоциональности, когда различное культурное происхождение влияет на эмоциональный контроль людей и их реакции на эмоциональные переживания, также являются модераторскими переменными эмоционального контроля и эмоциональных реакций. Коллективизм и индивидуализм очень четко влияют на эмоциональный опыт, иногда в небольшой региональной степени.

Библиографические ссылки

1. 黄希庭.心理学导论. 北京: 人民教育出版社, 1991:521.
2. 莫秀锋, 郭敏. 学前儿童发展心理学. 南京: 东南大学出版社, 2016:171.
3. 皮亚杰, 英海尔德. 儿童心理学. 吴福元, 译. 北京: 商务出版社, 1980:86.
4. 彭聃龄. 普通心理学. 修订版第三版. 北京: 北京师范大学出版社, 2004:386 -394.
5. Campos, JJ, Mumme DL, Kermoian R, Campos RG. A function a list perspective on the nature of emotion. Monographs of the Society for Research in Child Development, 1994, 59(2-3):284 -303.

6. Izard, C. E. Human emotions . New York : Plenum , 1977 .
7. Kitayama, S., Mesquita, B., & Karasawa, M. (2006). Cultural affordances and emotional experience: Socially engaging and disengaging emotions in Japan and the United States. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91(5), 890–903.
8. Oyserman, D., Coon, H. M., & Kemmelmeier, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128(1), 3–72.
9. Mesquita, B., Karasawa M. Different emotional lives, *Cognition and Emotion*, 16:1. – 2002. – P. 127-141.
10. Scollon, C.N., Diener E, Oishi S, Biswas-Diener R. Emotions Across Cultures and Methods. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004;35(3):304-326.
11. Matsumoto, D., Yoo, S. H., Nakagawa, S. Multinational Study of Cultural Display Rules. Culture, emotion regulation, and adjustment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94(6). – 2008. – P. 925–937.

СЕКЦИЯ 17. НАУЧНЫЙ СЛЭМ. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОММУНИКАТИВНЫХ РЕАКЦИЙ НА РЕВНОСТЬ И СТИЛЕЙ ПРИВЯЗАННОСТИ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Н. П. Кузнецова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ladymika@mail.ru

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна,
старший преподаватель*

В работе предпринята попытка проанализировать проблему проявления реакций ревности и стилей привязанности в супружеских отношениях. В данном исследовании научный интерес представляет выявление характера взаимосвязи коммуникативных реакций на ревность и стилей привязанности в супружеских отношениях у мужчин и женщин. В результате проведенного исследования установлено, что мужчины и женщины испытывают и реагируют на ревность по – разному: у женщин активность направлена на партнера, а у мужчин – на конкурента. В ситуации ревности мужчины чаще выбирают стратегии, обеспечивающие сохранение отношений. Применение результатов возможно в психологическом консультировании практическими психологами, в психокоррекционной и просветительской работе, исследования могут стать основой для разработки методик работы среди пар, состоящих в браке, а также в работе с парами, готовящимися к браку.

Ключевые слова: ревность; стили привязанности; коммуникативные реакции на ревность; половые различия; супружеские отношения.

Ревность – один из наиболее разрушительных феноменов в семейных отношениях и сопровождает человечество на протяжении его многовековой истории [5]. Ревность рассматривают с гендерной позиции, когда выделяют ее плохие и хорошие стороны [3]. Основные характеристики ревности: тревога, недоверчивость, страх потери, осознание собственной слабости [4]. Привязанность (англ. attachment) - термин, который используется в детской психологии для обозначения избирательной привязанности у младенцев к одному или нескольким лицам (к родителям или лицам, их замещающим) [9]. Эта привязанность выражается в любви, доверии, близости к объектам привязанности, а также в негативных эмоциональных реакциях на разлуку с ними [6]. M. D. S.

Ainsworth определила три типа привязанности: надежный (чувство близости к значимым субъектам), тревожно-амбивалентный (противоречивое поведение) и избегающий (негативное представление о других людях, дискомфорт из-за близости в отношениях) [8]. Чаще всего феномен ревности рассматривается с позиций социокультурного и эволюционного подходов. В социокультурном подходе ревность рассматривается как культурное явление, поэтому половые различия в ревности устанавливаются социальными факторами под влиянием социальных норм. В эволюционном подходе ревность - врожденная, универсальная реакция и поэтому половые различия в ревности представляют собой результат существенной асимметрии в мужской и женской родительской уверенности [5]. Согласно теории привязанности J. Bowlby, взаимодействия детей с их родителями формируют внутренние модели себя и других. Эти модели представляют собой когнитивные схемы, из которых образуется представление и, какие сценарии привязанности во взрослой жизни ожидают супругов и романтических партнеров [2,10]. Поведение супругов в отношениях часто напрямую зависит от стиля привязанности. Согласно теории привязанности К. Bartholomew и L. M. Horowitz, были определены четыре модели привязанности: надежный тип привязанности - это когда объект служит как доступный и отзывчивый, а субъект воспринимается как достойный заботы, любви; отвергающий тип - противоположная характеристика как чувства дискомфорта в близких взаимоотношениях, ощущение зависимости к человеку; озабоченный тип, где отношения характеризуются неустойчивостью, неуверенностью, зависимостью; опасливый тип, где люди сильно зависят от принятия других и стремятся избежать близости, чтобы не быть отвергнутыми [9].

В исследовании приняли участие 120 респондентов в возрасте от 23 до 68 лет. Из них 60 мужчин и 60 женщин. Теоретическими и методологическими основаниями данной работы являются подход Т.В. Андреевой, теория привязанности, разработанная J. Bowlby, концепция L.K. Guerrero и P.A. Andersen, модель стилей привязанности К. Bartholomew и L. M. Horowitz. В качестве инструментария использовались следующие методики: Опросник «Коммуникативные реакции на ревность», разработанный L. K. Guerrero, P. A. Andersen в адаптации И. А. Фурманова, А. О. Вергейчик [7]; Методика RQ (Relationship Quality) «Самооценка генерализованного типа привязанности», разработанная К. Bartholomew, L. Horowitz, в апробации Т. В. Казанцевой [9]. В качестве

методов статистической обработки использован корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона.

В результате проведенного эмпирического исследования установлен характер взаимосвязи коммуникативных реакций на ревность и стилей привязанности у мужчин и женщин в супружеских отношениях. Корреляционный анализ показал статистически значимую отрицательную связь между реакцией на ревность «Активное дистанцирование» и надежным стилем привязанности у мужчин ($r = -0,359$; $p < 0,001$), а также значимую положительную связь с боязливым типом привязанности ($r = 0,427$; $p < 0,001$). Что означает, что такие мужчины не отдаляются от партнера, испытывая ревность больше, чем другие. Статистически значимая отрицательная связь установлена между реакцией на ревность «Негативная аффективная экспрессия» у мужчин с надежным стилем привязанности ($r = -0,329$; $p < 0,001$) и положительная связь с боязливым стилем привязанности ($r = 0,321$; $p < 0,001$). Такие мужчины, испытывая ревность, не будут ярко проявлять свои негативные чувства к партнеру, демонстрируя недоверие и негодование.

Значимых связей в реакциях на ревность «Интегративная коммуникация» и «Компенсация/замещение» не выявлено ни у мужчин, ни у женщин, состоящих в браке.

Статистически значимая отрицательная связь выявлена у мужчин между реакцией на ревность «Дистрибутивная коммуникация» и надежным стилем привязанности ($r = -0,406$; $p < 0,001$) и положительная связь с боязливым ($r = 0,330$; $p < 0,001$) стилем привязанности. Это означает, что с меньшей вероятностью они станут ссориться с партнером, обвинять его и выражать негативные чувства. Статистически значимая отрицательная связь в реакции на ревность «Избегание/отрицание» выявлена лишь у мужчин с надежным стилем привязанности ($r = -0,221$; $p < 0,005$). Можно предположить, что они не будут отрицать и избегать наличие проблемы, а постараются выйти на разговор с партнером. Практически всем мужчинам присуща реакция «Насильственное взаимодействие и угрозы», где они могут применить физическое насилие. Статистически значимая положительная связь выявлена только у мужчин с боязливым типом привязанности ($r = 0,398$; $p < 0,001$). Такие партнеры не станут проявлять агрессию и применять насилие. У мужчин с надежным стилем привязанности установлены статистически значимые отрицательные связи в реакциях на ревность «Контроль/ограничение» ($r = -0,300$; $p < 0,001$) и «Манипуляция» ($r = -0,309$; $p < 0,001$). Испытывая ревность, они не станут

следить за своим партнером, а также не станут манипулировать с целью повлиять на его чувства. Не станут контролировать и манипулировать также мужчины с боязливым стилем привязанности ($r=0,398$; $p<0,001$), ($r=0,266$; $p<0,005$), а также не пойдут они и на контакт с соперником ($r=0,422$; $p<0,001$) и не станут препятствовать общению с партнером.

У женщин статистически значимая отрицательная связь выявлена в реакции на ревность «Контакт с соперником» и надежным стилем привязанности ($r= -0,192$; $p<0,005$). Следовательно, они будут доверять своему партнеру и не станут препятствовать общению партнера с объектом ревности.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что существует взаимосвязь коммуникативных реакций на ревность и стилей привязанности у мужчин и женщин в супружеских отношениях. Мужчины с надежным и боязливым стилем привязанности в отличие от женщин больше доверяют партнеру, что позволяет им контролировать себя в ситуациях проявления реакций на ревность. Полученные результаты могут быть использованы в консультировании, а также могут стать основой для разработки методик работы среди пар, состоящих в браке, а также в работе с парами, готовящимися к браку.

Библиографические ссылки

1. Андреева, Т.В. Психология современной семьи / Т.В. Андреева - Монография. - СПб.: Речь. 2005. - 436 с.
2. Бреслав, Г.М. Ревность в любовных отношениях в среднем возрасте: спасение или разрушение? / Г.М. Бреслав // Национальный психологический журнал. - 2016. - №2(22). - С. 38 - 49.
3. Вишняков, А. И. Гендерные и возрастные особенности проявления ревности / Вишняков А. И., Райлян Е. Ю. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2016. - Т. 5, №4. - С. 317 - 319.
4. Лихи, Р. Ревность. Как с ней жить и сохранить отношения. - СПб.: Питер. - 2019. - 272 с.
5. Ребер, А. / Оксфордский толковый словарь по психологии / А. Ребер. М.: Вече, АСТ, 2003. - 592 с.
6. Фурманов, И.А. Взаимосвязь стиля привязанности и коммуникационных реакций на ревность: половые сходства и различия // Социальная психология и общество. - 2019. Т.10. - № 1. - С. 115 – 133
7. Фурманов, И. А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики "Коммуникативные реакции на ревность" / И. А. Фурманов, А. О. Вергейчик // Психологический журнал. - 2012. - №1 - 2. - С. 81 - 89.
8. Ainsworth M. D. S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation / M. D. S. Ainsworth [et al.]. - Hillsdale, NJ.: New York: Lawrence Erlbaum Associates. - 1978. - 391 p.

9. Bartholomew K., Horowitz L.M. Attachment Styles Among Young Adults: A Test of a Four-Category Model / K. Bartholomew, L.M. Horowitz // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – Vol. 61. – № 2. – P. 226-244.
10. Bowlby, J. Attachment and loss: Vol. 2. Separation. / J. Bowlby. – New York: Basic Books. – 1973. – 205 p.
11. Guerrero L.K., Andersen P.A., Jorgensen P.F., Spitzberg B.H., Eloy S.V. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy // Western Journal of Communication. - 1995. - Vol. 59. - P. 270 - 304.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ II ПО ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ К. Г. ЮНГА

Д. В Лукомская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

dashal110211@gmail.com ;

*Научный руководитель – Столярская Евгения Викторовна,
старший преподаватель*

Данная работа имеет целью составление психологического портрета российской императрицы Екатерины II с использованием теоретико-методологических кон-структов аналитической психологии К. Г. Юнга. Екатерина II была очень необычной личностью, со сложным характером и судьбой. Ценность данного исследования: исследование помогает глубже понять личность императрицы (по К. Г. Юнгу), понять, почему Екатерина совершала те или иные поступки и как смогла править столько лет. Научная новизна исследования определяется практически полным отсутствием научных работ на данную тему. Практическое значение итогов работы: использование данных сведений может быть полезным в политической, исторической сфере; в рамках изучения истории психологии и психоистории.

Ключевые слова: личность Екатерины II; аналитическая психология К.Г. Юнга; коллективное бессознательное; маска; анима и анимус.

Перед тем как приступить к анализу, мы немного расскажем о самой императрице, (чтобы иметь общее представление кем была в детстве и как воспитывалась Екатерина).

Екатерина II (урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская) – российская императрица (1765-1796 гг), вторая Великая после Петра I, была довольно сложной и необычной личностью. Она родилась в княжеской семье. О воспитание будущей императрицы С. Н. Шубинский пишет так: «мать воспитывала Екатерину очень просто: ни-кто не называл ее принцессой, играла она с детьми горожан и на гуляньях в городском саду терялась с толпе сверстница, а дома подчинялась таким

строгим правилам, что должна была по приказанию матери целовать платья у знатных дам, посещавших дом ее родителей». [2, с. 8].

У девочки было множество учителей: Екатерина изучала английский, французский, немецкий и итальянские языки, танцы, музыку, историю, географию и богословие.

Когда Екатерина было 14 лет, ее портреты отвезли в Россию, чтобы показать Елизавете Петровне, подыскивающей невесту из приличного дома, но без амбиций для своего племянника Петра. В 1744 году принцесса Ангальт-Цербстская приняла православие и стала зваться Екатериной Алексеевной. (После краткого изучения истории Елизаветы 2, когда она была еще принцессой Ангаль-Цербсткой, мы приступаем к анализу.) Дальнейшая история ее жизни – история восшествия на трон и царствования одной из самых ярких императорских особ российской империи. Что же сделало Екатерину II великой императрицей? – Для поисков ответа обратимся к аналитической психологии К.Г Юнга.

- Коллективное бессознательное

Коллективное бессознательное – это база скрытых воспоминаний, доставшихся от предков; это наследуемое прошлое содержит не только расовую историю людей как особого биологического вида, но и опыт до человеческих и животных предков [3].

Екатерина II происходила из знатного рода. Ее отец был из княжеско-го роду, состоявший на службе у прусского короля. Его фамилия Ан-гальт-Цербстская отходит от Генриха 1 с 1230 года. Мать Екатерины была принцессой, принадлежавшей к Гольштейн-Готторпскому княжескому роду. Эта династия происходит от Адольфа Ольденбургского с 1526 года. Получив эти данные, мы можем сделать выводы, что и со стороны матери, и со стороны отца Екатерина имела большую базу скрытых воспоминаний, доставшихся ей от предков. И это были воспоминания о властвовании, управлении землями и людьми.

- Маска

Маска – роль, предписанная человеку обществом, та партия, которую он должен исполнять в жизни соответственно общественным ожиданиям.

Екатерина II была вынуждена с детства подстраиваться под общество, в котором находилась. Ее первым в жизни уроком было научиться хитрить и притворяться. Из воспоминаний Екатерины II говорилось, что ее гувернантка очень заботилась о том, чтобы будущая императрица появлялась перед родителями в таком виде, в котором бы им понравилось. Следствием этого стала скрытность Екатерины II и ее внимание к мнеч-

нию окружающих. Она умела разговаривать с каждым так, чтобы он оставался довольным. Выше мы уже отметили, что в детские годы будущая великая императрица довольствовалась ролью простой горожанки, что, несомненно, тоже способствовало развитию умения вести себя согласно ситуации.

Вывод: Императрица с детства носила маску, которая вскоре заставила ее стать скрытной, чтобы прятать настоящее «я», неуместное для общества.

- Анима и анимус

Екатерина II обладала мужским складом ума, постоянством преследования цели и смелостью в ее выполнении.

Сама Екатерина II писала, что у нее была скорее мужская душа, чем женская. Но ей это нравилось, так как с умом и характером мужчины в ней соединялась привлекательность любезной женщины.

Вывод: Екатерина II приняла и интегрировала анимуса в свою жизнь, что позволило ей так долго находиться на троне.

Библиографические ссылки

1. *Гусляров, Е. Н.* Екатерина 2 в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков / Е. Н. Гусляров – М. : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. – 544 с.
2. *Думенко, О.Е.* Екатерина 2 / О.Е. Думенко – М. : РИПОЛ Классик, 2022. – 112 с.
3. *Холл, Кэлвин С.* Теории личности : учеб. пособие / Кэлвин С. Холл, Гарднер Линдсей ; [пер. с англ. И. Б. Гриншпун]. – М. : Психотерапия, 2008. – 652, [1] с. : ил.

СЕКЦИЯ 18. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

МОТИВАЦИЯ К ДОСТИЖЕНИЮ УСПЕХА У СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Т. Н. Алейникова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

tat.aleinikova@gmail.com

Научный руководитель – Аблековская Оксана Николаевна,

кандидиат биологических наук, доцент

В данной работе исследуется проявление мотивации к достижению успеха и избеганию неудач у студентов выпускных курсов высших учебных заведений с разным уровнем проявления интернет-зависимости. Результаты исследования мотивации к достижению успеха показали различия в ее выраженности у студентов-обычных пользователей и тех, у которых есть некоторые проблемы с чрезмерным увлечением интернетом. В то же время различий в мотивации избегания неудач между данными группами студентов не обнаружено, как и не обнаружено взаимосвязи между ориентацией на успех и избеганием неудач. Полученные данные могут быть использованы в практике коррекционной и развивающей работы психологической службы высшего учебного заведения.

Ключевые слова: студенты-выпускники; интернет-зависимость; мотивация к достижению успеха; мотивация на избегание неудач.

Окончание молодыми людьми высшего учебного заведения, сопряженное с поиском места работы и реализацией своих профессиональных намерений, предъявляет особые условия не только к их профессиональной компетентности, но и содержательным характеристикам их мотивационной сферы [1]. Так, выраженность мотива к достижению успеха, который, согласно Г. Мюррею, проявляется в стремлении добиться результата в работе и достичь определенного уровня в каком-либо деле [7], не может не сказываться на успешности трудоустройства по специальности, будущего карьерного роста. При этом мотив достижения характеризует две независимые тенденции – стремление к успеху и стремление избегания неудач [6]. Субъекты с выраженной

ориентацией на успех, т. е. те, у кого высокий уровень мотивации к успеху, предпочитают оптимистический взгляд на жизнь, стремятся к развитию, реагируют на появление препятствий с оптимизмом. Субъекты, у которых преобладает боязнь неудач, концентрируются на возможных сложностях, сомневаются и не уверены в своих силах достичь успеха [3].

При этом представляется интересным рассмотреть проявления такой мотивационной готовности у студентов-выпускников в зависимости от выраженности у них интернет-зависимости. Этому поспособствовало активное использование интернета молодыми людьми в образовательном процессе и личной коммуникации, которое при чрезмерном использовании несет риск появления зависимости от интернет-технологий.

Все сказанное определило цель нашего исследования – изучить особенности мотивации к достижению успеха и избеганию неудач у студентов выпускных курсов с различным уровнем сформированности интернет-зависимости (ИЗ).

В исследовании приняли участие 53 респондента, которые являются студентами выпускных курсов различных высших учебных заведений Республики Беларусь в возрасте 20-22 лет. В качестве психодиагностического инструментария были использованы следующие методики: методика К. Янг в адаптации В. А. Лоскутовой на выявление уровня интернет-зависимости [2]; методика диагностики личности на мотивацию к достижению успеха Т. Элерса и опросник диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса [5]. Полученные данные обрабатывались с помощью электронных таблиц Microsoft Excel и программы Statistica 7.0. с использованием описательной статистики, U-критерия Манна-Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Анализ полученных данных показал, что юношей и девушек с ИЗ, для которой характерно множество проблем и которая связана чрезмерным увлечением интернетом, выявлено не было. Большинство испытуемых являются обычными пользователями интернета – 66 % (35 респондентов), другая часть респондентов вошли в группу тех, у которых есть некоторые проблемы с чрезмерным увлечением интернетом, это 34 % (18 респондентов). По ходу текста далее мы называем их также группой студентов, имеющих склонность в ИЗ. Полученные эмпирические данные согласуются и с результатами исследования М.С. Ионовой и Е.В. Пятаевой, в котором они обращают внимание на то, что среди студентов явление интернет-аддикции не имеет широкого распространения [4].

В ходе дальнейшего исследования нами был проведен сравнительный анализ выраженности мотивации к достижению успеха и мотивации избегания неудач у студентов обеих групп, поскольку, как отмечалось выше, результат теста мотивации к успеху следует анализировать совместно с результатами методики к избеганию неудач. По сравнению со студентами, у которых есть склонность к ИЗ, студенты-обычные пользователи имеют более высокий уровень мотивации к успеху (рис.1), демонстрируя уверенность в своих силах, уверенность в том, что конечный результат их деятельности принесет им благоприятный результат. Так, если почти у половины студентов-обычных пользователей обнаружен умеренно высокий уровень мотивации к достижению успеха, то среди студентов со склонностью к ИЗ только у 11%. У большей части этих студентов (56%) имеет место средний уровень мотивации к достижению успеха. Также надо отметить, что если студентов с низким уровнем данной мотивации в группе обычных пользователей только 8% человек, то среди студентов со склонностью к ИЗ эта цифра составила 28%.

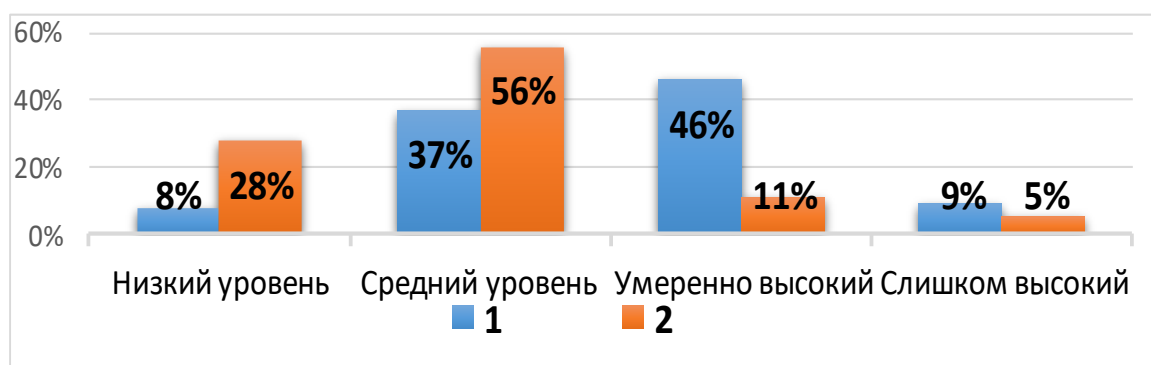

Рисунок 1 – Уровни мотивации к достижению успеха у студентов-обычных пользователей интернета (1) и студентов, которых есть некоторые проблемы с чрезмерным увлечением интернетом (2)

Результаты статистической обработки данных с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни показали статистически значимые ($p \leq 0,005$) различия в проявлении мотивации к успеху между исследуемыми группами студентов. Так, респонденты-обычные пользователи имеют более выраженную мотивацию к достижению успеха, чем лица со склонностью к ИЗ.

Анализ результатов диагностики мотивации к избеганию неудач позволил выявить следующее. В обеих группах студентов имела место относительно одинаковая тенденция к избеганию неудач. Так, у

большинства испытуемых в обеих группах отмечается высокий уровень мотивации избегания неудач: 40 % у обычных пользователей и у 44 % со склонностью к ИЗ (рис. 2). Любопытно, что 17% студентов-обычных пользователей имеют низкий уровень мотивации к избеганию неудач, в то время как среди тех, кто склонен к ИЗ, таких вовсе не было обнаружено.

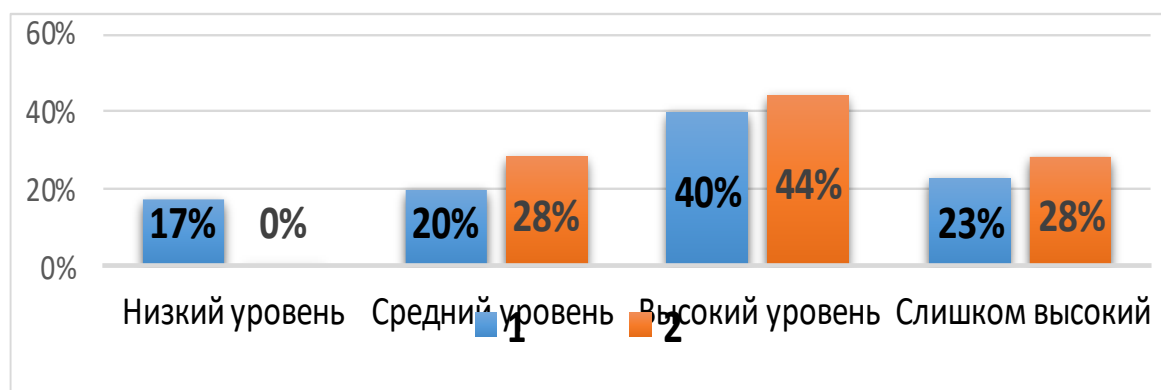

Рисунок 2 – Уровни мотивации к избеганию неудач у студентов-обычных пользователей интернета (1) и студентов, которых есть некоторые проблемы с чрезмерным увлечением интернетом (2)

Результаты статистической обработки данных с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни не показали статистически значимых различий между исследуемыми группами студентов.

Использование коэффициента ранговой корреляции (R_s) не выявило статистически значимую взаимосвязь между мотивации избегания неудач и мотивации к достижению успеха у студентов в обеих группах ($R=0,10$, $p=0,537$ и $R=(-0,24)$, $p=0,331$).

На следующем этапе исследования с использованием коэффициента ранговой корреляции (R_s) мы оценивали взаимосвязь между выраженностью интернет-зависимости и мотивацией к достижению успеха и избегания неудач. По результатам корреляционного анализа была обнаружено наличие умеренной отрицательной взаимосвязи средней силы мотивации к успеху с интернет-зависимостью студентов ($R=(-0,39)$, $p \leq 0,004$), в то время как мотивация к избеганию неудач корреляции с интернет-зависимостью студентов не обнаруживает ($R = 0,02$, $p=0,841$).

Обращая внимания на данный блок корреляционных связей, мы можем отметить, что чем в большей степени у студентов преобладает склонность к интернет-зависимости, тем в меньшей степени они верят в свой успех. В то же время студенты как с высоким, так и с низким уровнем интернет-

зависимости могут обладать как высокой, так и низкой мотивацией к избеганию неудач, т.е. есть как студенты, не боящиеся неудач и склонные к риску, так и осторожные студенты, в равной степени могут иметь склонность к ИЗ.

Таким образом, полученные эмпирические данные показали, что среди студентов-выпускников не выявлены случаи интернет-зависимости, что является оптимистичным показателем. Тем не менее, можно предположить, что наличие некоторых проблем с чрезмерным увлечением интернетом может послужить основой для снижения их уверенности в своих силах добиваться поставленных целей, реализации своих профессиональных компетенций.

Библиографические ссылки

1. *Бараева, Е. И.* Особенности мотивации достижения и избегания неудач у студентов аграрно-технического вуза. – Педагогические науки. Психология. – 2009. – № 5. – С. 95 - 99.
2. *Большот, Т. Ю.* Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография. – Днепропетровск: Пороги, 2006. -196 с.
3. *Ильин, Е.И.* Мотивация и мотивы. – СПб: Питер, 2003. – 512 с.
4. *Ионова, М.С.* Личностные особенности студентов, склонных к интернет-зависимому поведению. – Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. - 2021. - № 2 (54). – С. 189-202.
5. *Райгородский, Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. – Самара: БАХРАХ-М, - 2004. – С. 672.
6. Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. К. Фаликман. - Москва : ЧеРо, 2006. - 752 с.
7. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность. — СПб: Питер, 2003. - 860 с.

КАТЕГОРИЯ «ПЕРЕЖИВАНИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. В. Алешкевич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nastayaleshkevich@gmail.com

*Научный руководитель — Цюхай Екатерина Ильинична,
преподаватель кафедры общей и медицинской психологии*

В статье анализируется категория «переживание», к которой в последние десятилетия обращают пристальное внимание многие исследователи. Рассматриваются подходы к определению переживания, основные функции, структурные компоненты и

типология переживания. При этом подчеркивается роль переживания в адаптационном процессе к непривычным условиям жизнедеятельности. Поиск более эффективных способов переживания, т.е. выполнения внутренней работы по соотносению внутреннего и внешнего мира человека, может выступать основой для проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: переживание; функции переживания; структура переживания.

Переживание представляет собой базовую психологическую категорию, изучение которой остается актуально и на сегодняшний день. В ситуации социальных потрясений, природных и техногенных катастроф, постоянных изменений в образе жизни человека или просто при повседневной неопределенности востребованными становятся знания о человеке.

Внутренняя жизнь дана человеку в переживании. Исследование переживания как феномена и сущности внутренней жизни человека представляется весьма актуальным для решения как, теоретических, так и прикладных задач психологии.

В научных трудах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Ф.Е. Василюка и др. исследователей представлены различные определения переживания: как части акта сознания; формы отражения; особого вида деятельности; явления действительности; состояния. При этом каждый из них отталкивался от целей и задач конкретного исследования или собственного опыта психологического. Объединяет предложенные определения – связь с сознанием. В онтологическом смысле переживания являются проявлением процессов сознания [1].

В психоанализе переживание является результатом столкновения желания и запрета. Для блокирования наиболее травматичных из них индивид использует различные механизмы психологической защиты. Оно занимает ключевое место, поскольку, по мнению З. Фрейда, каждое переживание является порождением, функцией неких скрытых психических элементов, составляющих содержание структур психики – Ид, Эго и СуперЭго, которые, в свою очередь, решают задачу переработки этих переживаний [2].

В описательной психологии переживание выполняет методологическую роль инструмента, обеспечивающего переход от объяснения внутренней жизни человека к ее описанию [3]. Феноменологи приравнивают переживание к непрерывному потоку, для понимания которого нужно придать ему статус объективности. При этом в экзистенциальном подходе переживание – точка пересечения внешнего и внутреннего мира [4].

С позиции деятельностного подхода Ф.Е. Василюк определяет переживание как процесс преодоления страдания, преобразующий психологическую ситуацию, как особую форму деятельности субъекта по восстановлению психологического равновесия. Он сравнивает переживание с деятельностью по «производству смысла» [5]. Другими словами, переживание – это душевная работа по переосмыслению, то есть восстановлению утраченного смысла в свете изменившихся внешних обстоятельств. Необходимость совершения данной работы обусловлена не просто утратой душевного равновесия, а отсутствием ощущения причастности к происходящему [6].

Существуют особые жизненные ситуации, которые неразрешимы процессами предметно-практической и познавательной деятельности. Их решают процессы переживания, функциями которых являются осведомление об отношении к окружающей действительности, ориентировка в ней и побуждение к действию [5].

Для понимания роли феномена переживания в социально-психологическом развитии личности необходимо обозначить основные функции [1]:

- развитие человека на его жизненном пути;
- адаптация к социальной среде человека (социализация, идентичность);
- формирование устойчивых психических структур личности;
- совладание с трудными и кризисными жизненными ситуациями;
- провидение, прогноз, планирование будущего;
- соединение прошлого и будущего личности в настоящем;
- мотивация к деятельности, поступку, поведению.

Подход к пониманию сути переживания определяет и структуру феномена. Переживание можно рассматривать как совокупность трех компонентов: конативного, эмоционального и когнитивного. В каждом конкретном переживании один из компонентов доминирует. Наиболее ярко в переживании выделяется эмоциональный компонент. Некоторые исследователи отмечают включение практически всех психических процессов: когнитивных, волевых, рефлексивных [1].

Переживания классифицируют: по направленности переживания (предмет переживания находится во внутреннем или внешнем мире); по предмету (событийные и средовые, экзистенциальные, мировоззренческие, вторичные, мифологические, неосознанные); исходя из целей процессов

переживания (гедонистическое, реалистическое, ценностное, творческое) [1].

Таким образом, переживание является категорией, которая потенциально способна не только объединить все направления современной психологии, но и эффективнее интегрировать новый опыт в имеющуюся картину мира человека в непривычных условиях жизнедеятельности. Вероятно, в будущих исследованиях ученым удастся найти более эффективные способы переживания, посредством которых можно облегчить адаптацию человека в стрессогенных ситуациях. Категория переживания требует дальнейшей разработки с определением природы, феноменологии, структуры, функций, динамики и других особенностей.

Библиографические ссылки

1. *Тихомирова, С.В.* Индивидуальное переживание как психологический феномен: структура, типы, функции, методы исследования. – Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 6. – С. 1–13. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/114PSMN620.pdf>. – Дата доступа: 25.01.2022.
2. *Бондаренко, А.Ф.* Психологическая помощь: теория и практика. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 336 с.
3. *Вересов, Н.Н.* Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие: уточняющие вопросы и методологические медитации. – Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 129–148.
4. *Сноу, Ч.П.* Две культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 142 с.
5. *Василюк, Ф.Е.* Психология переживания. – Москва: Изд-во МГУ, 1984. – 202 с.
6. *Цюхай, Е.И.* Особенности переживания эмоционального выгорания в нарративах педагогов. – Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – № 2. – С. 87–96.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОГНИТИВНЫХ СТИЛЯХ КУРСАНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ УПРАВЛЕНИЮ ВОЗДУШНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

И. И Барабан

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Ivan.i.baraban@mail.ru

*Научный руководитель – Фурманов Игорь Александрович,
доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и
организационной психологии БГУ*

В публикации автор обращается к проблеме изучения когнитивных стилей курсантов обучающихся управлению воздушным движением и их гендерных различий. Приводятся результаты исследования и сравнительный анализ когнитивно-стилевых характеристик таких, как использование интуиции, интуитивная способность, использование рациональности, рациональная способность, фокус внимания, каузальная атрибуция, толерантность противоречия, восприятие изменений (аналитичность-холистичность) курсантов УО БГАА. Объектом исследования выступают когнитивно -стилевые характеристики будущих авиадиспетчеров. Цель исследования: исследование когнитивных стилей и их отличий у девушек и юношей Работ, которые освещают данную проблему в РБ сфере обучения будущих диспетчеров УВД не наблюдается. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований, базой для разработки мероприятий которые позволят преподавателю дать возможность более осознанно относиться к выбору приемов и способов обучения и воспитания [4,5].

Ключевые слова: когнитивно-стилевые характеристики; управление воздушным движением; аналитичность-холистичность.

Исследование посвящено немаловажной проблеме выявлению гендерных особенностей когнитивных стилей у курсантов, обучающихся управлению воздушным движением.

В настоящее время к управлению воздушным движением, который ранее традиционно относился к мужскому виду деятельности, все чаще привлекаются женщины. Наем специалиста по УВД требует процесса отбора, который предназначен для исключения кандидатов, которые не смогут успешно пройти программу обучения. В подтверждение этому «гендерному неравенству» существовали многочисленные исследования стилей мышления и различий в выраженности когнитивных стилей в разных областях профессиональной деятельности [4,5].

Однако, отсутствуют сколько-нибудь убедительные доказательства существования гендерных различий применительно с такой сфере деятельности как управление воздушным движением.

Методики исследования. Для исследования характеристик когнитивных стилей были использованы следующие методики: К. Готтшальдта , Дж. Кагана [7] , К.Безингера, В. Апановича [1], С. Эпстайна, Г.В. Залевского

В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 19 до 21 года, из них 27 девушек и 23 юноши учебных групп: У218, У118, У119 — студенты УО БГАА.

Для определения гендерных различий использовался F-критерий Фишера (ANOVA).

Результаты исследования. Сравнительный анализ когнитивно-стилевых характеристик позволил выявить значимые гендерные различия у курсантов.

Рациональность/опытность. Было установлено, что девушки имеют более высокие показатели использования интуиции ($M=32,02$, $SD=6,09$ против $M=34,02$, $SD=4,84$, $F=18,765$, $p \leq 0,0001$) и интуитивных способностей, ($M=26,00$, $SD=5,36$, против $M=28,45$, $SD=6,60$, $F=18,454$, $p \leq 0,0001$), чем юноши. По другим показателям использования рациональности/рациональные способности статистически значимых различий выявлено не было.

Полученные данные показывают, что юноши предпочитают опираться на собственные знания, опыт и анализ, не полагаясь на интуицию. Девушки, в основном, принимают решения, основанные на собственном ощущении того, что выбор является верным.

Аналитичность/холистичность. Было установлено, что девушки отличаются от юношей более высокими показателями, связанными с преобладанием функций зон правого полушария мозга ($M=9,89$, $SD=1,78$, против $M=8,21$; $SD=1,74$, $F=15,862$, $p \leq 0,0001$). Это свидетельствует о том, что у девушек преобладает стиль мышления, который связан с активностью правой теменно-затылочной частью мозга, которая отвечает за обеспечение эмоционального тона, способствует налаживанию хорошего контакта между людьми, в том числе за счет учета контекста общения, видения целостной ситуации. Как отмечается в литературе, индивиды с высокой активностью задних отделов правого полушария головного мозга, как правило, обладают хорошей интуицией, они очень внимательны к окружающим людям, к их чувствам и невербальным проявлениям их намерений [2,3,6]. Таким образом результаты позволяют констатировать, что юношам свойственно осознанно вычленять элементы информации и обосновывать их логически, в то время как девушки с высокой мыслительной скоростью осуществляют обобщенную, целостно-интуитивную оценку информации без ее разложения на отдельные составные части.

Толерантность к противоречиям/восприятие изменений. Было выявлено, что девушки в сравнении с юношами имели более высокие показатели каузальной атрибуции ($M=31,34$, $SD=4,66$ против $M=28,28$, $SD=6,34$, $F=5,666$, $p=0,020$). В свою очередь юноши отличаются более высокими показателями фокуса внимания ($M=29,21$; $SD=4,48$; против $M=27,05$; $SD=4,23$, $F=4,364$, $p=0,040$), чем девушки. По другим показателям

статистически значимых различий выявлено не было т.е. девушки склонны искать причины тех или иных событий и явлений в окружающей среде. А юноши обладают способностью концентрировать внимание на чем-либо. Эта когнитивная характеристика очень важна, поскольку она позволяет воспринимать информацию во время занятия, как речь преподавателя, так и содержание учебника.

Гибкость/ригидность познавательного контроля. Сравнительный анализ не выявил статистически значимых различий у девушек и юношей с разными полюсами когнитивного стиля гибкий-ригидный познавательный контроль. Вместе с тем, можно отметить тенденцию преобладания у девушек показателей ригидности как состояния по сравнению с юношами ($M = 13,25$, $SD = 6,15$ против $M = 10,83$, $SD = 5,09$, $F = 3,093$, $p \leq 0,1$). Данные показатели оценивают эмоциональную реакцию на новизну, на ситуацию, требующую каких-либо изменений. Более высокие показатели ригидности как состояния у девушек могут свидетельствовать о том, что в состоянии страха, стресса, плохого настроения, утомления или болезненного состояния, они в большей степени склонны к ригидному (фиксированному поведению). В обычных условиях подобное поведение может не проявлять. Кроме того, девушки более склонны к ригидности познавательного контроля, что отражает жесткое следование намеченному плану и инструкциям деятельности при любых обстоятельствах. Данный личностно-когнитивный стиль характеризует степень трудности, испытываемой при смене способов переработки информации в ситуации решения сложных неоднозначных задач.

Полезависимость/полезависимость. По показателям полезависимости/полезависимости статистически значимых различий выявлено не было.

Импульсивность/рефлексивность. Сравнительный анализ показал, что юноши в тесте на импульсивность/рефлексивность совершают больше ошибок, чем девушки ($M = 2,59$, $SD = 1,55$, против $M = 1,55$, $SD = 1,19$, $F = 10,507$, $p = 0,002$), что подтверждает их большую импульсивность. Полученные данные позволяют выдвинуть предположение, что когда потребуется осуществить правильный выбор из некоторого множества альтернатив, юноши склонны быстро реагировать на проблемную ситуацию, при этом выдвигать и принимать гипотезы без тщательного продумывания. Однако, при быстром принятии решения они могут допускаться большое

количество ошибок. Для девушек характерно замедленное реагирование в такой ситуации, решение принимается на основе тщательного взвешивания.

Библиографический список

1. *Апанович В.В., Знаков В.В., Александров Ю.И.* Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке. – Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. – № 5. – С. 80–96.
2. *Колга В.А.* Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: дисс. ... канд. психол. наук. – Ленингр. гос.ун-т. – 1976. – 164 с.
3. *Либин А.В.* Стилевые способности познавательных процессов и учебная деятельность. – Способности и обучение. – М., 1991. – С. 102-115.
4. *Холодная М.А.* Когнитивные стили и интеллектуальные способности. – Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. №3. – С 84-93.
5. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. Учебное пособие. – М.: ПЕР СЕ. – 2002.
6. *Ламзина Ю. А.* Учет гендерных различий в процессе обучения в отечественной и зарубежной педагогике. – Известия ВГПУ. – 2012. – №10. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-gendernyh-razlichiy-v-protsesse-obucheniya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-pedagogike> (дата обращения: 30.05.2019).
7. *Kagan J.* Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo. – Journal of Abnormal Psychology. – 1966. – V. 71. – P. 17-24.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНО - СТИЛЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И УСПЕВАЕМОСТИ КУРСАНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ УПРАВЛЕНИЮ ВОЗДУШНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

И. И. Барабан; Е. В. Савчук

Белорусская государственная академия авиации,

г. Минск;

Ivan.i.baraban@mail.ru

Материалы посвящены изучению проблемы взаимосвязи когнитивно-стилевых характеристик курсантов обучающихся управлению воздушным движением и их успеваемости в процессе обучения. Объектом исследования выступает когнитивно-стилевые характеристики будущих авиадиспетчеров. Цель исследования: определение особенностей взаимосвязей когнитивно-стилевых характеристик и успеваемости курсантов. Результаты корреляционного анализа позволили установить, что успеваемость курсантов взаимосвязана с такими когнитивно-стилевыми характеристиками как использование рациональности, рациональные способности, ригидность как состояние, полнезависимость.

Ключевые слова: когнитивно-стилевые характеристики; управление воздушным движением; успеваемость курсантов.

Главной причиной проведенного исследования стало утверждение о том, что когнитивные стили обеспечивают связь между познанием и личностью и, соответственно, находятся на стыке психологии познания и психологии личности [3,4,5]. Также, это обусловлено наличием возможности понимания, предсказания и повышения эффективности образовательной деятельности. В процессе обучения взаимодействие учащегося с учебной ситуацией зависит не только от внешних, но и от внутренних факторов, к которым в том числе относятся когнитивно-психологические свойства индивидуальности. В дальнейшем, стилевая характеристика индивида позволяет более точно определить эффективную сферу профессиональной деятельности взрослого человека [3]. В частности, было установлено, что когнитивно-стилевые характеристики имеют прямое влияние на процесс обучения курсантов. Они отражают определенные аспекты психики курсанта, которые имеют непосредственное отношение к работе в сфере УВД [2].

Методики исследования. Для исследования характеристик когнитивно-стилевых характеристик были использованы следующие методики: показатель стилия полезависимость-полenezависимость определяли по методике К. Готтшальдта «Включенные фигуры», показатель импульсивность-рефлексивность — по тесту Дж. Кагана [6] «Сравнение похожих рисунков», методика оценки стилей мышления К.Безингер, позволяющая определить показатели аналитичности холистичности мышления, показатель аналитичности-холистичности мировоззренческой категории индивида определили по опроснику В. Апановича [1], показатель выраженности двух стилей мышления: рационально-аналитического (медленного, вербально-логического) и интуитивно-опытного (быстрого, целостного, образного, эмоционального) — по опроснику Рациональный-Опытный С. Эпстайна,[5] показатель ригидность-гибкость индивида — Томский опросник Г.В. Залевского.

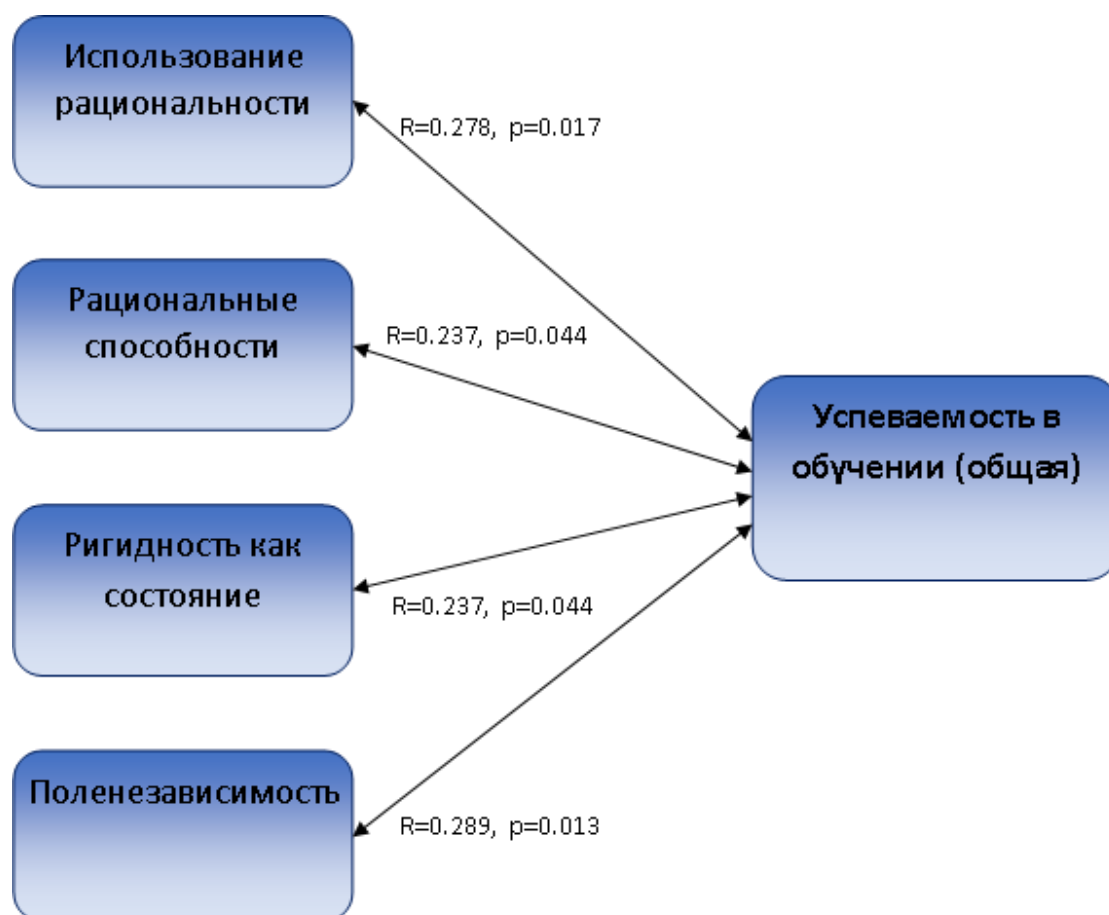

Рисунок 1 – Взаимосвязь когнитивно-стилевых характеристик и успеваемости курсантов в обучении УВД

В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 19 до 21 года, из них 27 девушек и 23 юноши учебных групп: У218, У118, У119 — студенты УО БГАА.

Для определения взаимосвязей между изучаемыми параметрами использовался корреляционный анализ Пирсона.

Результаты исследования. Так, результаты корреляционного анализа позволили установить, что успеваемость курсантов взаимосвязана с такими когнитивно-стилевыми характеристиками как использование рациональности, рациональные способности, ригидность как состояние, полнезависимость, полнезависимость [рис. 1]

Полученные данные позволили рассмотреть указанные выше когнитивно-стилевые характеристики как возможные факторы повышения успеваемости курсантов в процессе обучения.

Рациональность как направленность на максимальную информированность и осведомленность, рефлексивность, интолерантность к неопределенности как стремление к ясности — эти личностные свойства

представлены как в саморегуляции поведения, так и в интеллектуальной деятельности. Рациональность заключается в следовании человека своим планам, а не в стремлении к полноте изменяющейся информации. Сравнение рационального и интуитивного стилей по С. Эпстайну [6], выделяемых в когнитивной психологии и показывает схожесть их характеристик в личностной и когнитивных сферах. Критическое мышление, сопутствующее рациональности, снижается у лиц с приверженностью интуитивным стратегиям. Добросовестность на уровне тенденции положительно связана с рациональной способностью. Эмоциональная стабильность сопутствовала большей рациональности и наибольшую связь проявила с рациональной способностью. Способность к рациональным решениям значимо положительно связана со шкалой рациональности. Результаты проведенных исследований демонстрируют значимо более высокие показатели по использованию интуиции у девушек и по рациональной способности у юношей.

Ригидность (жесткость, неспособность и неготовность индивида к изменению запланированной схемы деятельности в обстоятельствах, когда ранее намеченная программа требует существенных изменений) или ригидный/гибкий контроль, может означать возможность человека преодолевать мешающие факторы и ориентироваться на них в реализуемых способах действий. При ригидном контроле курсанты склонны переоценивать внешние обстоятельства; напротив, курсанты с гибким контролем более разносторонне оценивают внешнюю ситуацию. При изменении области исследования этот когнитивный стиль приобретает различную трактовку: склонность к автоматизации познавательных усилий, характеристики мышления, творческий потенциал личности, зависимость от социально-психологических факторов. Таким образом, курсанты с ригидным контролем жестко придерживаются заранее составленного, а то и привычного образа действий.

Влияние различий внешнего окружения на принятие решения человеком, можно описать в термине «полнезависимость». В целом академическая успеваемость выше у людей полнезависимых, у них сильнее выглядит тенденция выбирать наиболее рациональные стратегии запоминания и воспроизведения материала, ярче происходит генерализация и перенос знаний. Представители полнезависимого стиля полагаются на внутренний опыт и легко отстраиваются от влияния поля, быстро и точно выделяя деталь из целостной пространственной ситуации.

Таким образом, было установлено, что такие когнитивные стили как использование рациональности, рациональные способности, ригидность как состояние, полнезависимость, возможно напрямую влияют на успеваемость.

Библиографические ссылки

1. *Апанович В.В., Знаков В.В., Ю.И. Александров* Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. № 5. – С. 80–96.
2. *Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. – СПб.: Питер. – 2004. – 384 с.
3. *Riding R. J.* Cognitive style: a strategic approach for advancement // International Perspectives on Individual Differences. – Stamford, CT: Ablex. – P. 365-377.
4. *Sternberg R. J., Grigorenko E. L.* A capsule history of theory and research on styles // Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles. - New York, Routledge. - 2011. – P. 1-21.
5. *Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory of personality // Millon T., Lerner M.J. (Eds). Comprehensive Handbook of Psychology. Volume 5: Personality and Social Psychology. – 2003. – P. 159-184.
7. *Kagan J.* Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo. – Journal . of Abnormal Psychology. – 1966. – V. 71. – P. 17-24.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ НОРМАТИВНОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

В. А. Бондаренко

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
tremel@mail.ru*

Научный руководитель – Клышевич Наталья Юлиановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской психологии

Описывается проблема переживания индивидами нормативного кризиса в период средней взрослости. Приводятся результаты тестирования взрослых в возрасте 37-45 лет. Эмпирические данные позволяют охарактеризовать различия психологического состояния участников исследования с отсутствием и наличием кризисных переживаний, а также оценить степень благоприятности прогноза дальнейшего развития личности.

Ключевые слова: нормативный кризис; средняя взрослость; переживание кризиса; психологическая устойчивость; индекс ситуационного реагирования.

Причины и переживание кризиса в зрелом возрасте были предметом исследований в подходах психологии развития, гуманистической, экзистенциальной и отечественной психологии.

В психологии достаточно много определений кризиса как явления. Так, по мнению Л.С. Выготского, кризис – это переломный пункт в нормальном течении психического развития [3]. В. Франкл называл состояние человека в период кризиса экзистенциальной фрустрацией, ноогенным неврозом [5]. А.Н. Леонтьев определял кризис как свидетельство не совершившегося своевременно перелома при переходе с одной стабильной фазы жизни в другую [4]. Согласно Э. Эриксону границы периодов жизни человека связаны с кризисами, после разрешения которых человек переходит на новую стадию развития, и в период зрелости вопросы о смысле жизни являются предпосылками кризисного переживания индивида [6].

При исследовании процесса переживания кризиса важными представляются идеи Ф. Е. Василюка. С точки зрения автора, переживание кризиса – это процесс преодоления кризисной ситуации, его проживание, представляющее собой сознательную или бессознательную активность субъекта (когнитивную, эмотивную, поведенческую), отражающуюся на отношениях с внешним и внутренним миром индивида [1]. На данный подход опирается С.В. Духновский, который утверждает, что переживание кризиса характеризуется функционированием психологической защиты и копинга, реализующихся в ситуационных реакциях личности. Социально-психологический аспект переживания кризиса представлен особенностями межличностных отношений [3].

Задачей нашего исследования является выявление особенностей переживания нормативного кризиса в средней зрелости. Выборка исследования составила 62 человека в возрасте от 37 до 45 лет (средний возраст респондентов – 40 лет). В качестве инструмента для диагностики кризисных переживаний выбрана методика «Переживание кризиса личностью» С.В. Духновского, основное назначение которой – выявление степени (глубины) переживания кризиса, кризисного профиля личности и его характеристик, определение прогноза дальнейшего развития личности [2].

Обработка и анализ эмпирических данных позволили получить результаты, демонстрирующие наличие и степень (глубину) переживания кризиса в средней зрелости. Глубина кризисных переживаний была оценивалась на основе показателей по шкале «Психологическая

устойчивость» и индекса ситуационного реагирования, рассчитанного по остальным шкалам опросника.

Психологическая устойчивость характеризуется такими качествами личности, как стойкость, уравновешенность, способность противостоять жизненным трудностям и неблагоприятным обстоятельствам. Индекс ситуационного реагирования представляет собой выраженность ситуационных эмоциональных и поведенческих реакций личности, связанных с возникновением и влиянием психологического кризиса на происходящие вокруг события [2].

Обратимся к анализу полученных результатов. Нами было установлено отсутствие кризисных переживаний у 55% респондентов выборки. Это не означает отсутствия кризиса как явления в жизни индивидов, а скорее подразумевает включение и работу механизмов психологической защиты и копинга, которые помогают справляться с негативными ситуационными реакциями личности в процессе переживания кризиса. Для упрощения в дальнейшем под отсутствием переживания кризиса будем подразумевать отсутствие негативных эмоциональных и поведенческих реакций в процессе переживания кризиса.

Треть респондентов (31%) переживают кризис конструктивно. Это характеризуется умеренной степенью выраженности ситуационных реакций индивида и высоким показателем психологической устойчивости, что позволяет прогнозировать уравновешенное психическое состояние индивида в результате преодоления кризиса. Лишь 3% респондентов продемонстрировали низкий уровень психологической устойчивости, что может привести к снижению самооценки, появлению пассивной жизненной позиции.

Десятая часть участников исследования (9%) переживает острый кризис. У них наблюдаются высокий уровень эмоциональной реакции на жизненные события, внутренний эмоциональный дисбаланс. Однако при этом у респондентов отмечаются высокие показатели психологической устойчивости к жизненным трудностям и благоприятный прогноз преодоления кризиса.

Ответы 2% респондентов продемонстрировали низкий уровень психологической устойчивости, что может привести к неблагоприятным последствиям для психики индивида, в частности депрессивному состоянию.

На основе полученного эмпирического материала были построены соответствующие кризисные профили личности (рис.1). Кризисный

профиль личности по С.В. Духновскому предполагает оценку особенностей и состояния систем индивидуальности субъекта, таких как психические свойства личности и социально-психологические особенности поведения [2].

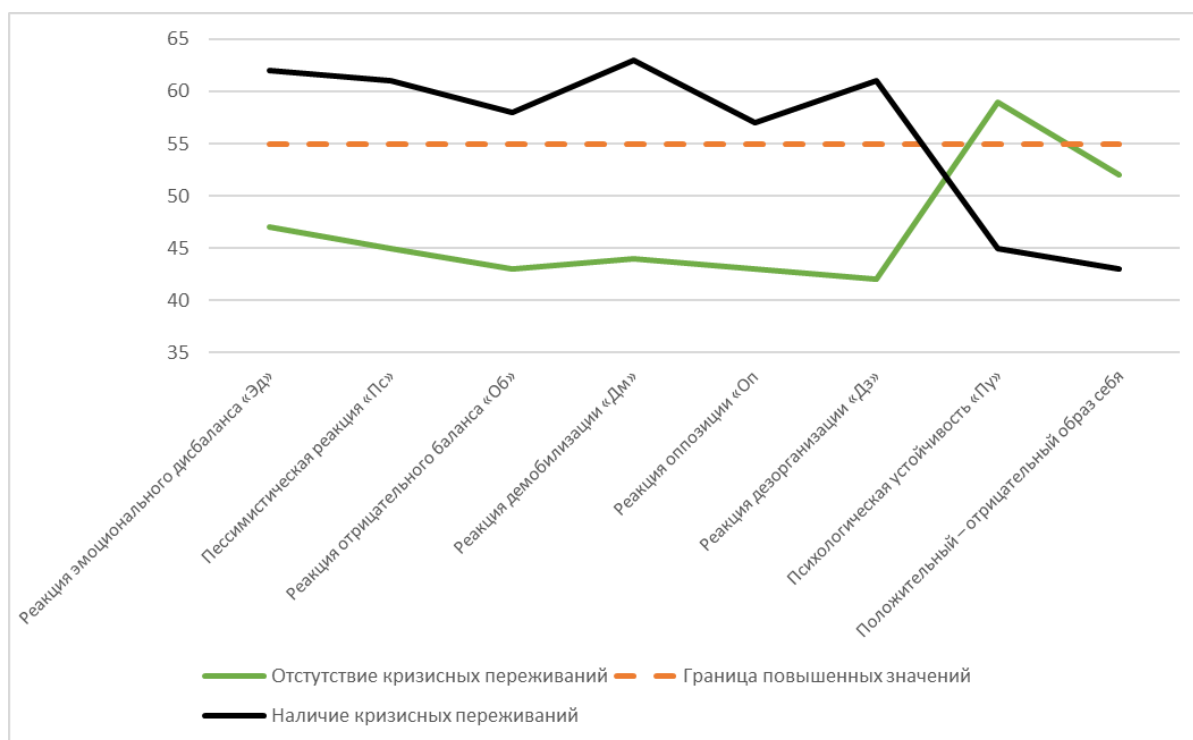

Рисунок 1 – Кризисные профили индивидов при наличии и отсутствии выраженных кризисных переживаний

Анализ кризисных профилей позволяет охарактеризовать психологическое состояние индивида при наличии и отсутствии кризисных переживаний (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристики психологического состояния индивидов при переживании кризиса

Наличие кризисных переживаний	Отсутствие кризисных переживаний
Фрустрация, преобладание отрицательных эмоций	Благоприятное психическое состояние в целом
Негативность суждений и оценок, высокий уровень пессимизма	Позитивность суждений, оптимизм, эмоциональная устойчивость
Наличие внутренних неразрешимых конфликтов, высокий уровень критичности	Жизнерадостность, сбалансированность эмоциональных и когнитивных компонентов в принятии решений
Замкнутость, отказ от социальной активности, чувство одиночества	Общительность, гармоничные межличностные отношения

Продолжение таблицы 1

Грубость, агрессивность	Добродушие, отсутствие резкости в оценках окружающих
Высокий уровень тревожности	Уверенность в достижении целей
Отсутствие веры в себя, слабая способность противостоять жизненным трудностям	Уверенность в своих силах и возможностях, удовлетворение потребностей
Негативное отношение к себе	Адекватная самооценка, принятие себя

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что кризисные переживания испытывают почти половина респондентов в период средней взрослости, небольшая часть из которых находится в состоянии острых кризисных переживаний. Респонденты, переживающие кризис, характеризуются качественно иными психологическими состояниями по сравнению с участниками исследования, демонстрирующими отсутствие кризисных переживаний.

Библиографические ссылки

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
2. *Духновский С. В.* Психодиагностическая методика «Переживание кризиса личностью»: руководство по применению. – Курган Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – 51 с.
3. *Духновский С. В.* Психология отношений личности: монография. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 380 с.
4. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения – М, 1983. – 392 с.
5. *Франкл В.* Воля к смыслу / Пер. с англ. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 368 с.
6. *Эриксон, Э.* Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2е изд. – М. : Флинта: МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.

РЕЗИЛИЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

О. Н. Вербицкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

verbitskaya.psy@gmail.com

Научный руководитель – Клышевич Наталья Юлиановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской психологии

В статье представлены некоторые результаты эмпирического исследования резилиентности индивидов периода ранней взрослости. Дано краткое описание подхода

K.Conner & J.R.T. Davidson, явившегося методологическим основанием исследования. Полученные в исследовании данные свидетельствуют о том, что респонденты, обладающие низкой резилиентностью, имеют более выраженную кризисную симптоматику.

Ключевые слова: резилиентность личности; шкала резилиентности; Connor-Davidson Resilience Scale; CD-RISC-25.

Растущее внимание к проблеме психологического здоровья и благополучия сместило акцент с проблемной ориентации и изучения патологии на исследование факторов, позволяющих индивиду сохранять устойчивость и самосовершенствоваться в неопределенных, неблагоприятных обстоятельствах. В современном мире способность быстро восстанавливаться, преодолевая трудные жизненные обстоятельства, и при этом успешно развиваться является мощным ресурсом личности.

Феномен резилиентности (от англ. *resilience* — упругость, эластичность) зарубежными психологами и исследователями разрабатывается с 70-х гг. прошлого века. Термин резилиентность заимствован из физики сопротивления материалов, где он означает способность тела сопротивляться искажающему влиянию и возвращаться к своим первоначальным размерам и форме при устранении этого влияния или силы, способность поглощать энергию при деформации и высвобождать эту энергию при разгрузке.

Семантически наиболее близким русскоязычным аналогом резилиентности личности мы считаем феномен «жизнеспособность личности», который А. В. Махначом определен как способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью не только восстанавливаться, но и выходить из-под их воздействия на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы [1].

В русскоязычном пространстве исследование феномена резилиентности личности представлено в основном теоретическими обзорами существующих подходов и анализом зарубежных исследований.

Одной из задач проведенного нами эмпирического исследования было определение резилиентности личности в период ранней взрослости. Для ее решения в качестве базового подхода нами была выбрана концепция K.Conner & J.R.T. Davidson. Согласно ей, к основным характеристикам резилиентности относятся: жизнестойкость (*hardiness*), совладание (*coping*), адаптивность/гибкость (*adaptability/flexibility*),

осмысленность/цель (meaningfulness/purpose), оптимизм (optimism), регуляция эмоций и когний (regulation of emotion and cognition), самоэффективность (self-efficacy). По мнению К. Conner & J.R.T. Davidson, в некоторых ситуациях под воздействием постоянно присутствующих внешних и внутренних стрессоров адаптивность и защитные механизмы личности могут оказаться малоэффективными, что приводит к нарушению биопсиходуховного гомеостаза. Реакция на это нарушение представляет собой процесс реинтеграции, ведущий к одному из четырех результатов:

- 1) повышение резилиентности, посредством чего адаптация к нарушению приводит к новому, более высокому уровню гомеостаза, росту;
- 2) возврат к исходному уровню гомеостаза;
- 3) восстановление с потерей, установление более низкого уровня гомеостаза;
- 4) дисфункциональное состояние, при котором используются неадекватные стратегии (например, саморазрушительное поведение), чтобы справиться со стрессорами.

Таким образом, резилиентность рассматривается авторами и как мера успешности преодоления стресса [2].

В выборочную совокупность нашего исследования (n=66) вошли 48 (72,7%) женщин и 18 (27,3%) мужчин в возрасте от 32 до 42 лет ($M = 37.17$, $\sigma = 3.35$). Используя методику С.В. Духновского «Переживание кризиса личностью» (ППК), мы установили, что 38% респондентов переживают психологический кризис, 8% из них имеют неблагоприятный прогноз развития.

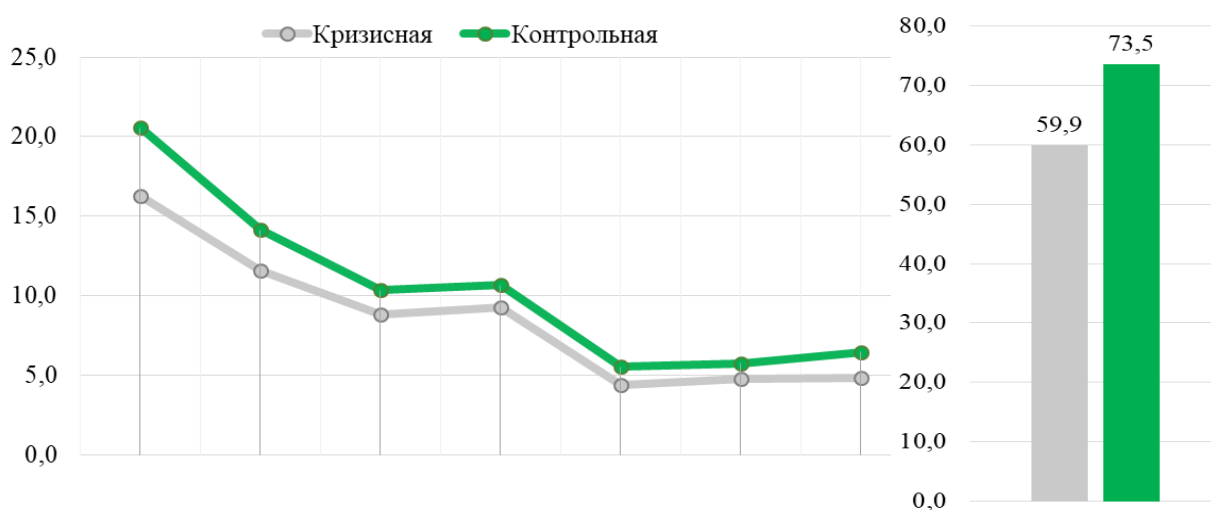

Рисунок 1 – Резилиентность в контрольной и кризисной группах

Изучение психологической резилиентности личности в период ранней взрослости являлось одной из задач нашего исследования, для решения которой мы использовали шкалу резилиентности CD-RISC-25 (Connor-Davidson Resilience Scale). На рисунке 1 представлены характеристики резилиентности респондентов, переживающих (кризисная группа) и не переживающих (контрольная группа) кризис.

Согласно данным, представленным на рисунке 1, средние значения в контрольной группе по всем показателям выше, чем в кризисной ($p < 0.05$). Наиболее выраженные различия получены в показателях общей резилиентности и таких ее компонентов, как жизнестойкость, совладание, адаптивность и самооффективность ($p < 0.01$). Это означает, что участники исследования, переживающие кризис, в меньшей степени удовлетворены своей деятельностью, склонны испытывать чувство отвергнутости, беспомощности и ощущать себя «вне» жизни. Респонденты данной группы также отличаются более низкими показателями осмысленности жизни, оптимизма, уверенности в себе, меньшей способностью к саморегуляции, к действиям в условиях отсутствия гарантии успеха, используют менее адаптивные стратегии преодоления трудностей и в меньшей степени склонны изменять способы поведения при изменении ситуации.

Таким образом, нами было установлено, что респонденты, переживающие психологический кризис в период ранней взрослости, имеют значимо более низкий уровень резилиентности и всех ее компонентов.

В нашем исследовании мы также изучили резилиентность респондентов обеих групп, имеющих благоприятный, неопределенный и неблагоприятный прогнозы развития (рисунок 2).

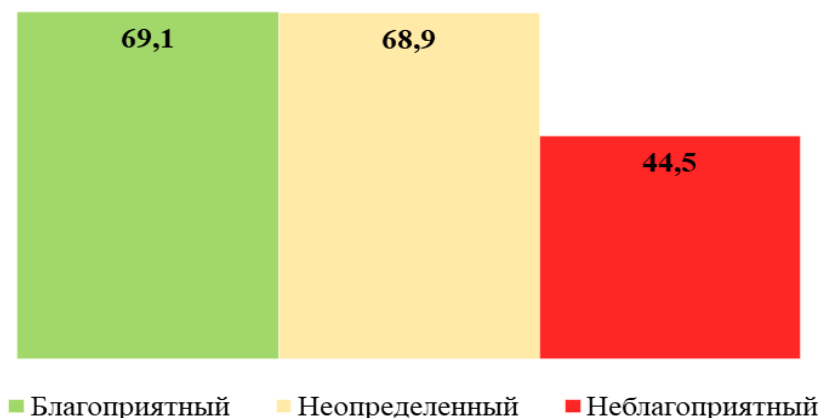

Рисунок 2 – Резилиентность респондентов с различным прогнозом развития

Анализ данных показал, что резилиентность участников исследования с неблагоприятным прогнозом развития (44.5 ± 13.4) значительно ниже, чем респондентов из остальных групп ($p < 0.05$). Полученные результаты позволяют предположить, что низкая резилиентность может выступать фактором неблагоприятного прогноза и деструктивности пути проживания психологического кризиса.

Проведенное нами исследование свидетельствует о большом потенциале резилиентности личности в контексте проблематики конструктивного проживания трудных жизненных ситуаций, в том числе психологических кризисов, и изучения явления посткризисного роста.

Библиографические ссылки

1. *Махнач, А.В., Лактионова, А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция. – Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. – М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 290–312.
2. *Connor, K.M., Davidson, J.R.T.* Development of a new resilience scale the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC). – Depression and Anxiety. – 2003. – Vol.18. – P. 76 - 82.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ТРЕВОЖНОСТИ И САМООТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Н. В. Головчиц

Белорусский государственный университет, г. Минск;

natalia.golovchits@gmail.com

*Научный руководитель – Столярская Евгения Викторовна, кандидат
социологических наук, старший преподаватель кафедры общей и
медицинской психологии*

Публикация посвящена рассмотрению гендерных особенностей взаимосвязи тревожности и самооотношения студентов высших учебных заведений г. Минска. Приводятся результаты анализа по данной теме. Объектом исследования является тревожность студентов. Цель – выявить гендерные особенности взаимосвязи тревожности и самооотношения студентов. Результатом исследования являются данные о взаимосвязи между компонентами тревожности и самооотношением, а также данные о гендерных различиях во взаимосвязях.

Ключевые слова: тревожность; самооотношение; юношеский возраст; гендерные особенности.

В данной статье исследуются гендерные особенности взаимосвязи тревожности и самооотношения студентов. Актуальность исследования обуславливается тем, что юношеский возраст является особым периодом в процессе формирования личности. Именно в этом возрасте происходит зарождение новообразований (глубокая рефлексия, развитое осознание собственной индивидуальности, формирование конкретных жизненных планов, готовность к самоопределению в профессии, установка на сознательное построение собственной жизни, постепенное вращение (вхождение) в различные сферы жизни и деятельности, развитие самосознания, активное формирование мировоззрения), которые детерминируют развитие значимых личностных структур. В юношеском возрасте происходит становление особого уровня отношения к себе – самооотношения, которое также является детерминантой тревожности. Изучение гендерных особенностей взаимосвязи самооотношения и тревожности позволит более глубоко осмыслить факторы возникновения тревожности в зависимости от уровня самооотношения индивида, а также проследить закономерности в различиях уровней тревожности и самооотношения у юношей и девушек.

Необходимо раскрыть понятия «тревожность» и «самоотношение». Ученые разных психологических парадигм расходятся в своих представлениях о природе тревожности [2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12].

Существуют следующие подходы к возникновению тревожности: тревожность как врожденная черта, тревожность как приобретенная диспозиция и тревожность, которая «активизирует» личностные характеристики при неблагоприятных условиях [1, 4, 5, 7, 8, 12]. Мы же склонны придерживаться подхода, определяющего тревожность как устойчивую черту индивида, которая предполагает повышенную склонность испытывать состояние тревоги.

Рассматривая понятие «самоотношение», мы соглашаемся с Н.И. Сарджвеладзе [10], который утверждал, что самооотношение включает в себя различные компоненты, такие как эмоциональное отношение к себе, самосознание, самопознание, самооценку, самоконтроль и прочие понятия, имеющие приставку «само-». Самоотношение включает в себя три важнейших компонента: *когнитивный*, который включает самооценку, самопознание и самосознание – то, что сам человек знает о себе и как он стремится понять то, кем он является; *эмоциональный*, включающий себялюбие, аутосимпатию, самовосхищение, удовлетворенность собой и т.п. – то, как человек относится к тому, что он о себе знает; и *конативный*

компонент, выступающий в качестве собственных действий и готовности к ним. Конативный компонент включает самоуверенность, самопоследовательность, самопринятие, самоконтроль, самообвинение, ожидаемое отношение от других и самопредставление другим.

По результатам проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что между переменными «общий уровень тревожности» и «интегральное самоотношение» обнаружена статистически значимая сильная обратная связь ($r = -0,494$ при $p=0,00$). Девять из двенадцати шкал опросника самоотношения взаимосвязаны с компонентами тревожности студентов. Единственная шкала, которая взаимосвязана с тревожностью прямой корреляцией – это шкала самообвинения ($p = 0,346$ при $r = 0,011$).

Выявлены гендерные различия взаимосвязи тревожности и самоотношения студентов. Среди юношей оказалось больше корреляций, чем среди девушек. В целом, характеристика корреляций в женской и мужской выборках оказалась содержательно разной. В выборке мужчин обнаружена обратная связь по шкалам «общая тревожность», «эмоциональный дискомфорт», «фобический компонент» и «социальные защиты», а среди женщин присутствуют корреляции по шкалам «общая тревожность», «фобический компонент», «оценка перспективы». Корреляции по шкале «астенический компонент тревожности» отсутствуют как у парней, так и у девушек.

Данные, полученные в ходе исследования могут быть использованы для планирования консультационной, профилактической и коррекционной работы при индивидуальной или групповой работе с лицами юношеского возраста, обладающими разными личностными характеристиками и имеющими различный уровень самоотношения. Результаты, полученные с помощью статистического аппарата могут являться основаниями психологического прогнозирования уровня тревожности по диагностическим показателям самоотношения.

Библиографические ссылки

1. Eysenck H. J. The measurement of emotion: Psychological parameters and methods. – New York : Raven Press, 1975. – 439 p.
2. Horney K. The Neurotic Personality Of Our Time. – N.Y.: W.W.Norton & Co. – 1937.
3. L. Hjelle, D. Ziegler. Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications 3th ed. – Mc. Grow-Hill. – 1992.
4. Spielberger C. Assessment of emotional states and personality traits: measuring psychological vital signs // European Psychologist. – 2006. Vol. 11(4). – P. 297–303.

5. *Strelay J.* The concepts of arousal and arousability as used in temperaments studies // Temperament Individual differences at the interface of biology and behavior – Eds. Y. E. Bates, T. D. Wachs. Washington, 1994. – P. 117–141.
6. *Глейтман Г.* Основы психологии / под ред. В.Ю. Большакова, В.Н. Дружинина // – СПб.: Речь, 2001. – 1247 с.
7. *Нестеренко А. И., Васильев В.Н., Загулова Д.В.* Прогноз тревожности у студенток на основании их типологических различий // Психологический журнал. – 2003. Т. 24, № 6. – С. 37–46.
8. *Прихожан А. М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – Воронеж : НПО «МОДЕК», 2007. – 304 с.
9. *Раттер М.* Помощь трудным детям. – М. : Апрель Пресс, 1999. – 432 с.
10. *Сарджвеладзе Н.И.* Личность и взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: «Мецниереба», 1989. – 89 с.
11. *Сидоров К.Р.* Тревожность как психологический феномен [Электронный ресурс] – Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2013. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-kak-psihologicheskii-fenomen> – Дата обращения: 10.10.2021.
12. *Хабирова Е. Р.* Тревожность и ее последствия /Е.Р.сХабирова// Ананьевские чтения-2003. – СПб., 2003. – С. 301–302.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ИНДИВИДОВ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. А. Давыдова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

aleksinaanastasia40@gmail.com

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна, старший
преподаватель кафедры социальной и организационной психологии*

В современном мире эмоциональный интеллект оказывает влияние на многие аспекты жизнедеятельности человека: на его взаимоотношения с другими людьми, на успешность профессиональной деятельности и прочее. В данном исследовании научный интерес представляет период ранней взрослости как начальный этап профессионализации и самостоятельного вхождения в жизнь.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; ранняя взрослость; половые различия; восприятие эмоций; управление эмоциями.

Основные теории, описывающие эмоциональный интеллект (ЭИ), принадлежат американским психологам Р. Бар-Он, Д. Мейеру, К.Петридес, которые рассматривают эмоциональный интеллект как совокупность способностей человека к восприятию эмоций, эмоциональному

содействию мышлению, пониманию и управлению эмоциями. В настоящее время изучением ЭИ среди российских и белорусских ученых занимаются И.Н. Андреева, Н.А. Данилова, А.П. Лобанов, Д.В. Люсин, М.А. Манойлова, О.В. Юрьева и другие.

Структура эмоционального интеллекта представлена когнитивными и личностными характеристиками. Основными характеристиками эмоционального интеллекта выступают: эмпатия, ассертивность, самооценка, толерантность (согласно модели М.А. Манойловой) [3]. Развитые компоненты эмоционального интеллекта свидетельствуют о том, что человек одновременно хорошо осознает свое собственное эмоциональное состояние, даже негативное - разочарование, печаль или что-то более тонкое, - и способен идентифицировать их и управлять ими.

В исследовании приняли участие 60 респондентов в возрасте от 20 до 25 лет. Из них 30 мужчин и 30 женщин. В качестве инструментария в исследовании используется методика «Тест эмоционального интеллекта» М. Манойловой [3]. Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью пакета статистических программ SPSS 23.0. Значимые различия определялись с помощью U-критерия Манна-Уитни.

По показателям методики М. Манойловой выявлен уровень выраженности каждого компонента эмоционального интеллекта у мужчин и женщин и проведена их сравнительная характеристика. Распределение мужчин и женщин по интегральному уровню эмоционального интеллекта представлено на рисунке 1.

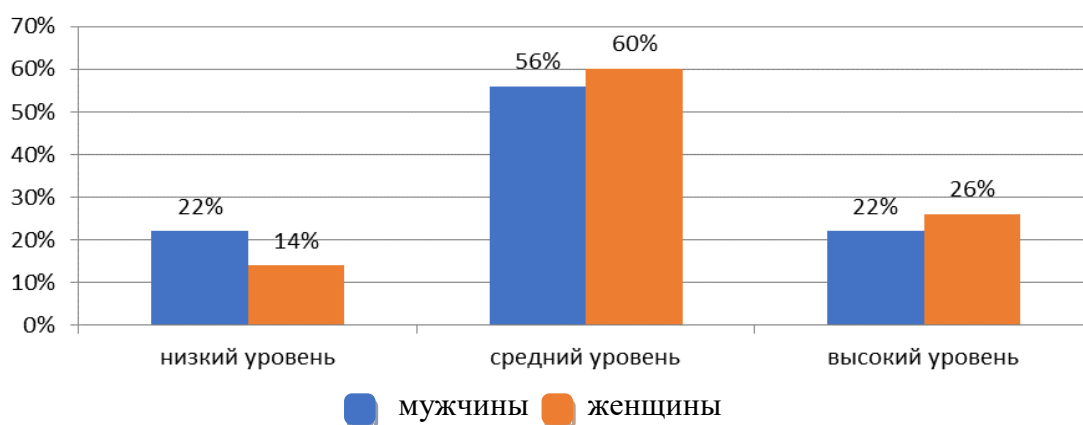

Рисунок 1 – Показатели уровня эмоционального интеллекта у мужчин и женщин (%)

Полученные данные позволяют констатировать, что интегральный показатель эмоционального интеллекта, который характеризует способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений, несколько выше в группе женского пола (рис. 1). Можно предположить, что у женщин высокий уровень эмоционального интеллекта способствует росту профессиональных качеств посредством улучшения коммуникабельности, сенсорно-эмпатических навыков, а также способностей в распознавании эмоций других людей и саморегуляции проявлений собственных эмоций.

Для выявления половых различий в характеристиках эмоционального интеллекта в период ранней взрослости применялся U-критерий Манна-Уитни. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Различия в показателях эмоционального интеллекта у мужчин и женщин

Шкала	Мужчины (средний балл)	Женщины (средний балл)	U	p
осознание своих чувств и эмоций	4,2	12,3	142,5	0,001
управление своими чувствами и эмоциями	6,5	7,2	410,5	0,557
внутриличностный ЭИ	10,8	19,5	226,5	0,001
осознание чувств и эмоций других людей	6,8	9,2	303,5	0,030
управление чувствами и эмоциями других людей	7,8	8,7	402	0,473
межличностный ЭИ	14,6	18	344,5	0,118
интегральный показатель ЭИ	25,4	37,4	260	0,005

Полученные данные позволяют утверждать, что по отдельным компонентам эмоционального интеллекта и по общему показателю эмоционального интеллекта установлены достоверно значимые половые различия. Показатель по шкале «осознание своих чувств и эмоций» достоверно выше у женщин по сравнению с мужчинами при $p < 0,001$ (табл.1). Можно предположить, что у женщин адекватная осведомленность об эмоциональных качествах, психологических характеристиках состояний

личности и их роли в профессиональной деятельности является важным критерием продуктивности деятельности. Осознание и понимание собственных чувств и эмоций, то есть развитость внутриличностного аспекта эмоционального интеллекта, происходит за счет усиления внимания к своему духовному миру.

Показатель «осознание чувств и эмоций других людей» в структуре ЭИ у женщин выше, чем у мужчин при $p < 0,05$ (табл.1). Полученные данные позволяют предположить, что у женщин более развита способность распознавать эмоции других людей, понимать чувства партнеров по общению; способность понять позицию, представить мир глазами другого человека. Также у женщин достаточно хорошо развит механизм идентификации, для которой необходима сильная эмоциональная связь и ориентация на другого человека.

У женщин выше показатели внутриличностного эмоционального интеллекта при $p < 0,01$ (табл.1). Следует констатировать, что в отличие от мужчин у женщин доминирует способность к осознанию и принятию своих чувств, женщины владеют навыками самоконтроля.

Общий уровень эмоционального интеллекта выше у женщин по сравнению с мужчинами при $p < 0,01$ (табл.1). Женщины в отличие от мужчин могут лучше управлять своими эмоциями: не контролировать их, не подавлять, а именно управлять ими. В тот момент, когда они понимают, какую эмоцию испытывают и почему, они выбирают способ управления эмоциями – в зависимости от ситуации. Следует отметить, что женщины в состоянии управлять и возникновением эмоций.

Полученные данные согласуются с результатами исследований С.И. Хонского, в котором женщины обладают значительно более развитой способностью к пониманию эмоций, в то время как мужчины лучше управляют эмоциями. Помимо этого, женщинам свойствен более высокий уровень эмпатии, они склонны сопереживать радости другого человека и выражать положительные эмоции в большей степени, нежели мужчины, благодаря чему, вероятно, и превосходят последних по общему показателю ЭИ [4]. Также результаты согласуются с данными И.Н. Андреевой [2]. Сравнительный анализ показателей эмоционального интеллекта позволил установить, что женщины лучше, чем мужчины, понимают свои эмоции, умеют их идентифицировать и описывать словами. Этот навык помогает женщинам вербализировать свои эмоциональные состояния, рефлексирова таким образом причины их возникновения и возможные последствия.

Мужчины, в свою очередь, испытывают трудности с распознаванием эмоций, выявлением их причин, не могут рассказать о них.

Следует констатировать, что в результате проведенного исследования, выявлены половые различия в характеристиках эмоционального интеллекта в период ранней взрослости. Женщины по сравнению с мужчинами имеют более высокие значения по показателям «осознание своих чувств и эмоций», «осознание чувств и эмоций других людей», «внутриличностного эмоционального интеллекта». Общий уровень эмоционального интеллекта выше у женщин по сравнению с мужчинами.

Библиографические ссылки

1. *Андреева, И.Н.* Структура и типология эмоционального интеллекта – Автореф. дисс....доктора психол.наук. – Минск: БГУ, 2017. – 40 с.
2. *Андреева, И.Н.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и индивидуальных проявлений самоактуализации // Международная научная конференция (2006, Гомель). III Международная научная конференция «Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы онтогенеза морального сознания и поведения», 18–19 октября 2006 года: [посвященная 110-летию со дня рождения Л.С. Выготского: материалы] / науч. ред. А.А. Лытко, И.В. Сильченко. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 128–131.
3. *Манойлова, М.А.* Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов. – Псков: ПГПИ, 2004. – 60 с.
4. *Хонский, С.И.* Содержательные и структурные характеристики эмоционального интеллекта юношей и девушек с агрессивным и самоуничижительным стилями юмора // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – № 1. – 2017. – С. 127–134.

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТРАТЕГИЯХ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ СУПРУГАМИ

П. Ю. Зыбина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

zybinap3@gmail.com;

*Научный руководитель – Конькова О.В., кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и медицинской психологии*

В статье представлены результаты эмпирического исследования роли эмоционального интеллекта при выборе супругами стратегий разрешения конфликтов. Было обнаружено, что некоторые компоненты эмоционального интеллекта связаны с определенными паттернами поведения супругов при разрешении конфликтных ситуаций. Полученные данные могут быть использованы как практическими

психологами, работающими с семейными парами, так и непосредственными участниками семейного взаимодействия.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; супружеские конфликты; стратегии поведения в конфликте.

Семейное благополучие и успешность брака представляют собой совокупность множества факторов, в том числе – умения конструктивно разрешать конфликты и преодолевать трудности. Проблема заключается в том, что в силу эмоциональной некомпетентности супруги могут направлять конфликт в деструктивное русло, тем самым не разрешая его, а лишь усугубляя ситуацию. В данной статье рассматривается роль эмоционального интеллекта при выборе супругами стратегий разрешения конфликтов.

Эмоциональный интеллект – это интегративный показатель развития навыков и компетенций в эмоциональной сфере человека. В структуру эмоционального интеллекта входят идентификация и выражение, понимание и осмысление эмоций, ассимиляция их в мышлении и осознанная регуляция [4].

Конфликтом принято обозначать столкновение противоположных интересов, ценностей, представлений, убеждений или позиций. Межличностные конфликты являются неотъемлемой частью социальной жизни индивида, а их конструктивное разрешение может способствовать обретению конфликтом позитивного потенциала. На выбор стратегий поведения в конфликте оказывают влияние множество ситуационных и диспозиционных характеристик [1].

Особое значение конфликты приобретают при анализе супружеских отношений. Среди причин возникновения конфликтов выделяют расхождение семейных ценностей, неудовлетворение ролевых и социальных потребностей. В условиях постоянно возникающих противоречий, стрессовых ситуаций и необходимости психологической адаптации конструктивный исход супружеских конфликтов может рассматриваться как значимый фактор благополучия семейной системы, развития личности и увеличения степени удовлетворенности браком.

Наиболее целесообразными способами поведения конфликтующих супругов считаются сотрудничество, компромисс и приспособление, а соперничество, избегание и расхождение в выборе конфликтных стратегий способствуют дезинтеграции семейной системы и нарушению её функционирования [1, 3]. Наиболее часто используемой стратегией

поведения в конфликте у мужчин является соперничество, а у женщин – поиск компромисса.

В проведенном исследовании приняли участие 20 супружеских пар, средний стаж семейной жизни составил 9 лет. Эмпирическими методиками исследования являются тест на эмоциональный интеллект Н. Холла, тест-опросник Томаса-Килманна на поведение в конфликтной ситуации и методика «Реакции супругов на конфликт» А.С. Кочарян.

В ходе исследования было выявлено, что супруги с высоким уровнем эмпатии, способные к распознаванию чужих эмоций по невербальным проявлениям, реже используют избегание как стратегию поведения в конфликте, что повышает вероятность его конструктивного завершения ($r = -0,313$, $p = 0,031$). Восприимчивость, внимание к чувствам партнёра и спокойствие в процессе обсуждения помогают отслеживать уровень безопасности в диалоге и не допускать агрессивных проявлений, побуждающих к избеганию [2].

Женщины с высоким уровнем эмоциональной осведомленности чаще прибегают к стратегии сотрудничества и демонстрируют низкую частоту применения неконструктивных установок относительно своего брака ($p < 0,5$). Они хорошо понимают природу своих негативных эмоций, возникающих в конфликте, и умеют строить позитивные ожидания относительно намерений партнера и исхода проблемной ситуации, что ведет к повышению мотивации использования стратегии сотрудничества [3].

В обратном же случае, когда неконструктивные установки значительно определяют специфику восприятия брака и партнера, женщины используют стратегию избегания конфликтов. Стоит также отметить, что женщины, избегающие конфликты, в меньшей мере фиксируются на психической травме, чем склонные к сотрудничеству.

Мужчины с развитой способностью к мотивации собственной деятельности более склонны использовать стратегию соперничества, при этом у них наблюдаются низкий уровень депрессивности и соматизации тревоги ($p < 0,5$). Способность регулировать эмоциональные состояния других людей и фиксация на психической травме у мужчин связаны с частым применением приспособления в конфликте с супругой.

Таким образом, нельзя однозначно сказать, что высокий уровень эмоционального интеллекта определяет выбор наиболее конструктивных стратегий разрешения конфликта супругами [3]. Однако, некоторые структурные компоненты эмоционального интеллекта, такие как эмпатия,

эмоциональная осведомленность, самомотивация и управление эмоциями других людей, могут оказывать влияние на специфику поведения в конфликтах и являться предикторами эффективности их разрешения [4].

Возможно, более целесообразно говорить об эмоциональном интеллекте как о значимом условии реализации навыков ненасильственного общения и умения конфликтовать. В таком случае, развитие его компонентов может способствовать поиску контакта, активному обсуждению, устранению недопонимания, объективной оценке ситуации, гибкости использования тактик, повышению позитивных ожиданий и извлечению положительного опыта [5].

Библиографические ссылки

1. *Гришина, Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. — Серия «Мастера психологии». — СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
2. *Brackett, M., Warner, R., Boscob, J.S.* Emotional intelligence and relationship quality among couples // *Journal of Personal Relationships*. — 2005. - №12. P. 197-212.
3. *Полянина О.И., Шлыкова Н.И.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворенности браком // Журнал "Психология и Психотехника". — 2015. — № 9. — С. 905-912.
4. *Андреева, И. Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. — Новополюцк: ПГУ, 2011. — 388 с.
5. *Chen, W.L., Liao, W.T.* Emotion regulation in close relationships // *Frontiers in Psychology*. — 2021. — №12. P. 767-901.

ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д. Г. Колос

Белорусский государственный университет, г. Минск;

dianakolos20@gmail.com

*Научный руководитель – Цюхай Екатерина Ильинична,
преподаватель кафедры общей и медицинской психологии*

Обращается внимание на произошедшую за последние десятилетия трансформацию подходов к пониманию природы эмоций. В современной психологии по-прежнему уделяется значительное внимание к средствам и способам репрезентации эмоций, составляющим мотивационную основу деятельности человека. Возросший интерес к анализу языковых средств способствует исследованию специфики выражения эмоций как в вербальном, так и в невербальном аспектах поведения. Это подтверждает активное развитие такого направления языкознания, как эмотиология.

Ключевые слова: теории эмоции; лингвистическая теория эмоций; эмотиология.

На сегодняшний день в литературе отсутствует единое представление о природе эмоций. В различных подходах исследователи отталкиваются от различных аспектов в качестве определяющего сущность данного психологического феномена. Основопологающим для всех, по мнению С.Л. Рубинштейна, является акцентирование у эмоций аспектов отражения состояния субъекта и его отношения к объекту [1]. Они позволяют прогнозировать и оценивать воздействие факторов окружающей среды.

С конца XIX века было создано множество теорий, объясняющих и происхождение, и процесс эмоций, а также их причины. Эти теории используют концепции физиологических реакций и / или субъективного восприятия и интерпретации события. Существуют теории, использующие двухсистемный подход. Знания, накопленные в этих теориях, послужили предпосылкой для создания новых, современных теорий, построенных на более глубоком понимании природы эмоций.

В последние двадцать лет эмоции стали объектом пристального изучения в лингвистике. В центре внимания оказалось эмотивное значение, которое активно изучается новой отраслью языкознания — эмотиологией. Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций. Под эмотивностью понимают семантическое свойство языка выражать системой своих средств эмоциональность, как факт психики [2]. Эмоции связаны с языком. То, что говорят люди, влияет на наши эмоции, и мы можем описать свои эмоции (или эмоции, которые мы видим в других) словами постфактум. Многие современные психологические модели эмоций согласуются с этой точкой зрения. Растущее количество психологических исследований предполагает, что роль языка может заключаться в эмоциях глубже, чем считалось ранее. В языке имеет место не просто эмоция, как отражение в форме непосредственного переживания отношения к явлениям и ситуациям, а опосредованное указание на потребности субъекта, зачастую на те, которые для него значимы, но не полностью осознаны.

В лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского (2007) подчеркивается, что эмоциональная активация является необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности. Сама эмоция рассматривается как «лингвистический объект, комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту – определенной эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности» [3]. «В общем виде суть лингвистического подхода к изучению эмоций выглядит

так: есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать мир. Но отражает этот мир человек не механически, а пристрастно: только то, что ему необходимо в данный момент или по каким-либо причинам интересно. Эмоции этот процесс отражения регулируют, выступая в роли посредника между миром и его отражением в языке человека. Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональное отношение к миру» [3].

Эмоции как психическое явление отражают в сознании человека его «эмоциональное отношение к миру», которое хотя и субъективно, но общественно осознанно и потому в какой-то степени типично. Эмоция «хранится» в слове в виде представлений о ней, эта мысль может «оживать», «разворачиваться» в переживаемую человеком эмоцию, соответствующую моменту. Таким образом, эмоции «проникают» в слова, фиксируются в них, «хранятся» в них и, при необходимости, через эти слова выражаются, выражаются и идентифицируются [4]. Подмечая эти эмоциональные маркеры, можно точнее воспроизвести картину мира говорящего человека.

Теоретическая позиция В.И. Шаховского отражена в следующих постулатах [4]:

1) Эмоции – мотивационная основа сознания, мышления и социального поведения. Эмоции включены в структуру сознания и мышления, они сопряжены с когнитивными процессами и со стилями мышления.

2) Эмоции данной языковой общности социологизированы и психологизированы, то есть обобщены видовым национальным опытом народа, потому они не только являются формой оценивания среды обитания того или иного языка, но и составляют значительный фрагмент этой среды обитания и картины мира.

3) Любое слово дискурсивно и может быть средством выражения эмоции.

4) Необходимо разграничивать коммуникативную эмоциональность, носящую осмысленный характер, и некоммуникативную.

Интеллектуальность коммуникативной эмоциональности человека обнаруживается в способности:

а) управлять вербальным выражением эмоций и «пропускать» их через ситуативные, социальные и другие фильтры в процессе общения;

б) в зависимости от характера экстралингвистических факторов «упаковывать» одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще «не пропускать» их в язык.

В наши дни по-прежнему появляются новые теории эмоций, созданные путем усовершенствования уже имевшихся научных представлений о природе эмоций. Вот только некоторые из них: поляризационная теория С.Э. Мурика, теория сконструированных эмоций Л.Ф. Барретт и динамическая теория эмоций Е.А. Юматова. Отличительной особенностью их создания является полипарадигмальность, то есть возможность исследования реальности с разных точек зрения и отсутствие единой теоретической основы.

Таким образом, при исследовании эмоций и эмоционального поведения важно использование различных парадигм, в том числе коммуникативной, так как она позволяет получить новые данные о человеческой психике, сознании и их лингвистических коррелятах. Исследование эмоций с разных сторон, их описание из разных источников, отражение разных представлений о них позволяет глубже понять природу эмоций. Предложенные теоретические утверждения подвергаются критике, чтобы проверить, выдерживает ли заявленная закономерность детальный анализ.

Библиографические ссылки

1. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии: в 2 т. Т.1. – М.: Педагогика, 1989. – 486 с.
2. *Шаховский, В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: изд. 2, испр. и доп. – Москва, URSS, 2008 – 208 с.
3. *Ионова, С.В.* Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2019. – № 1(134). – С. 124-131.
4. *Шаховский, В.И.* Лингвистическая теория эмоций. – Москва : Гнозис, 2008. – 414 с.

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ УРОВНЯМИ ТРЕВОЖНОСТИ

Н. В. Косарева

*Белорусский государственный университет, г. Минск,
natasha.kosareva.00.00@mail.ru*

*Научный руководитель – Клышевич Наталья Юлиановна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской
психологии*

В рамках данной статьи рассмотрены результаты исследования копинг-стратегий у младших подростков с различными уровнями тревожности. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что младшие подростки с высоким уровнем тревожности прибегают к дисфункциональным копинг-стратегиям чаще, чем младшие подростки с нормальным и низким уровнями тревожности. В результате исследования данное предположение было подтверждено. Проведенное исследование может выступать основой для разработки системы психологического сопровождения и психологической поддержки младших подростков, для проведения психопрофилактической и психокоррекционной работы с ними.

Ключевые слова: копинг-стратегии; младший подростковый возраст; тревожность; уровни тревожности; младшие подростки.

В настоящее время проблема тревожности приобретает большую значимость в связи с напряженным ритмом жизни и информационными перегрузками. Такая ситуация свойственна для всех возрастных периодов, в том числе и для младшего подросткового возраста. В течение этого периода прежние отношения ребенка к самому себе и к миру меняются и перестраиваются [1; 3]. Ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение со сверстниками, в связи с чем у младших подростков могут возникнуть страхи, связанные с неудачами, непопулярностью и несостоятельностью, беспокойство по поводу внешности. Все это может спровоцировать высокую тревожность, которая находит выражение в общей дезорганизованности поведения и деятельности [5; 6; 7]. Поэтому для подростков, в том числе младших, важно умение применять эффективные стратегии поведения и взаимодействия с окружающими. Сохранение психологического благополучия и здоровья, уменьшение тревог и обеспечение чувства безопасности достигается за счет копинга и копинг-стратегий.

Цель нашего исследования заключалась в определении копинг-стратегий у младших подростков с различными уровнями тревожности.

Для сбора данных использовались методика «Шкала явной тревожности СМАС» А. Кастанеда и Б. Р. Маккэндлесс в адаптации А. М. Прихожан» [8] и методика «Опросник способов совладания (WCQ)» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтяк [4].

Выборку исследования составили учащиеся ГУО «Гимназия г. Светлогорска», ГУО «Средняя школа №9 г. Светлогорска» в возрасте 10-12 лет. Всего в процессе диагностики принял участие 121 человек (62 мужского пола и 59 женского пола).

Все респонденты были объединены нами в две группы: группа А – с отсутствием тревожности, в нее вошли младшие подростки с низким и

нормальным уровнями тревожности; группа Б – с наличием тревожности, в нее вошли младшие подростки с очень высоким, высоким и выше среднего уровнями тревожности. Проведенное нами исследование позволило выявить следующее распределение респондентов по наличию у них тревожности. У 52,07% учащихся, относящихся к группе А, тревожность не обнаружена, а у 47,93% учащихся, входящих в группу Б, тревожность присутствует.

На основе анализа литературных источников, посвященных совладающему поведению, и смыслового значения копинг-стратегий, выделенных Р. Лазарусом и С. Фолкман, мы разделили копинг-стратегии на две группы: 1 группа – функциональные копинг-стратегии, ориентированные на решение проблемы и помогающие справиться с жизненными трудностями. К данной группе мы отнесли такие копинг-стратегии, как планирование решения проблемы, принятие ответственности, самоконтроль, положительная переоценка и поиск социальной поддержки. 2 группа – дисфункциональные копинг-стратегии, направленные на избегание проблемы и редукцию эмоционального напряжения. К ней относятся дистанцирование, бегство-избегание и конфронтативный копинг.

В ходе исследования нами было выявлено, что доминирующими копинг-стратегиями младших подростков являются дистанцирование (57,02%), принятие ответственности (52,07%), бегство-избегание (51,24%). Меньшее предпочтение отдается таким копинг-стратегиям, как конфронтативный копинг (21,49%), положительная переоценка (18,18%), планирование решения проблемы (17,36%), самоконтроль (10,74%) и поиск социальной поддержки (9,92%).

При этом нами были выявлены статистически значимые различия между младшими подростками из групп А и Б по следующим копинг-стратегиям: конфронтативный копинг, дистанцирование, принятие ответственности, бегство-избегание и планирование решения проблемы ($p \leq 0,05$). Так, младшие подростки из группы Б чаще избирали дисфункциональные копинг-стратегии, такие как бегство-избегание, дистанцирование и конфронтативный копинг, чем младшие подростки из группы А. Вместе с тем младшие подростки из группы А чаще выбирали функциональные копинг-стратегии, такие как планирование решения проблемы и принятие ответственности, чем младшие подростки из группы Б.

По копинг-стратегиям поиск социальной поддержки, положительная переоценка и самоконтроль между младшими подростками из групп А и Б не было выявлено статистически значимых различий ($p \geq 0,05$).

Рассматривая более подробно копинг-стратегии у детей с различным уровнем тревожности, мы установили, что у детей из группы Б преобладают следующие дисфункциональные копинг стратегии: бегство-избегание (47,10%), дистанцирование (45,45%) и конфронтативный копинг (18,18%). Так, высокотрехотным младшим подросткам в проблемной ситуации свойственно справляться с негативными переживаниями путем сдерживания эмоций и целенаправленного их подавления. Они направляют усилия не на разрешение проблемы, а на снижение эмоционального дискомфорта [2]. Вместе с тем почти четверть опрошенных подростков отдадут предпочтение конфронтативному копингу, который предполагает агрессивные усилия, направленные на изменение ситуации, готовность к риску и некоторую степень враждебности.

У младших подростков из группы А, у которых тревожность отсутствует, преобладающей копинг-стратегией является принятие ответственности (39,67%). Преобладание данной копинг-стратегии, по мнению А.В. Смирновой, может быть связано с тем, что в период с 7 до 11 лет происходит формирование копинг-стиля. Он становится более конструктивным и осознанным, что связано с развитием у подростка регуляторного опыта [9].

Таким образом, полученный эмпирический материал подтвердил гипотезу исследования о том, младшие подростки с высоким уровнем тревожности прибегают к дисфункциональным копинг-стратегиям чаще, чем младшие подростки с нормальным и низким уровнями тревожности.

Проведенное исследование подчеркивает важность изучения тревожности и копинг-стратегий в младшем подростковом возрасте, как с теоретических, так и практических позиций. Изучение данной проблематики является важным для разработки системы комплексных программ по предупреждению и нормализации тревожности у детей младшего подросткового возраста.

Библиографические ссылки

1. *Акопян, Л. С.* Школьные страхи и тревожности детей младшего школьного возраста, обучающихся в образовательных учреждениях разного типа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». – 2009. – № 1 (5). – С. 47-55.
2. *Бартош, Т. П., Бартош О.П., Мычко М.В.* Совладающее поведение мальчиков-подростков в зависимости от уровня // Психология стресса и совладающего поведения:

вызовы, ресурсы, благополучие : материалы V Междунар. науч. конф. : в 2-х т. – Кострома: Костромской гос. ун-т., 2019. – С. 310 – 313.

3. *Божович, Л. И.* Проблемы формирования личности : избранные психологические труды. – М. : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1995. – 352 с.

4. *Гончарова, С. С., Слепкова В.И.* Совладающее поведение: теория, диагностика и результаты исследований : учеб.-метод. пособие. М-во образования РБ, УО "Белорусский гос. пед. ун-т им. Максима Танка". – Минск : БГПУ, 2010. – 200 с.

5. *Захаров, А. И.* Дневные и ночные страхи у детей. – СПб. : Речь, 2005. – 310 с.

6. *Манакова, М. В.* Эмпирическое исследование уровня тревожности у старших подростков // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67 (1). – С. 322-327.

7. *Прихожан, А. М.* Тревожность у детей и подростков : психологическая природа и возрастная динамика. – М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, –2000. – 304 с.

8. *Прихожан, А. М.* Шкала явной тревожности СМАС // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И. Б. Дерманова. – СПб. : Речь, 2002. – С.60-64.

9. *Смирнова, А.В.* Половозрастные и семейные факторы становления совладающего поведения у детей младшего школьного возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / А.В. Смирнова. – СПб., 2010. – 281 с.

КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Я. Д. Масловская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yaroslava2666@gmail.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии

В данной работе автор обращается к теме когнитивного развития цифрового поколения, выделяя его основные особенности. Актуальность темы обусловлена появлением цифровой среды, в которой происходят изменения в познавательных процессах детей и молодежи, и таким образом особенности когнитивного развития современного поколения отличаются от такового у старшего поколения.

Ключевые слова: когнитивное развитие; представители цифрового поколения; особенности когнитивного развития.

Когнитивное развитие – развитие всех мыслительных (познавательных) процессов, таких как восприятие, память, мышление, формирование

понятий, решение задач, воображение и логика. То есть когнитивное развитие состоит из развития когнитивных процессов, благодаря которым человек познает окружающий мир, и благодаря которым способен размышлять, решать задачи, запоминать и выполнять другие важные функции. Например, один из когнитивных процессов – внимание, благодаря которому человек сосредотачивается на опасности, которая ему угрожает и выполняет определенные действия, чтобы остаться в безопасности.

Цифровое поколение (поколение Z, сетевое поколение) является поколением детей и молодежи, которые прошли социализацию в условиях широкого распространения цифровых технологий в сфере быденной жизни, образования и профессиональной деятельности [1]. Главное отличие представителей поколения Z обусловлено тем, что его представители живут в условиях развития информационных технологий.

Перейдем к особенностям когнитивного развития представителей цифрового поколения.

- **Онлайн-коммуникация.** Особенности цифрового поколения выражаются не только в привычной, традиционной офлайн-коммуникации, но и в онлайн-сфере. Система онлайн-коммуникации обеспечивает безопасный формат общения, но также изменяет содержание общения между людьми и саму личность. Онлайн-коммуникация часто приводит к агрессивному поведению, буллингу. Проблема травли, издевательства, насилия, агрессивного поведения подростков является предметом исследований во всем мире, так как является серьезной проблемой для детей, подростков [1].

- **Зависимость от гаджетов в разных сферах жизни.** Рассмотрим, какое место занимают гаджеты в жизни людей. Мы опираемся на высказывания американского писателя А. Гринфилда, так как его слова точно описывают роль гаджетов в мире. В жизни целого поколения появился предмет, и, как пишет А. Гринфилд, он «...стал последним предметом, на который мы смотрим каждую ночь перед тем, как заснуть, и первым, за которым мы тянемся спросонья. Мы используем его, чтобы знакомиться с людьми, общаться, развлекаться и находить дорогу. С его помощью мы покупаем и продаем вещи. Мы рассчитываем на то, что он поможет нам убить время. Мы зависим от смартфона практически во всех аспектах нашей жизни» [1].

- **Клиповое мышление: минусы и плюсы клипового мышления.** При клиповом мышлении информационный поток воспринимается отрывчато, частично, то есть отсутствует осмысление воспринимаемой информации,

видения причинно-следственной связи, нет глубинного понимания текстов [3].

Среди достоинств клипового мышления выделяют [3]:

1. Благодаря клиповому мышлению, мозг человека защищается от перегрузки поступающей информации. Происходит фильтрация интенсивного потока информации и разделение ее на небольшие фрагменты.

2. Клиповое мышление позволяет человеку развивать многозадачность, то есть одновременное воспроизведение нескольких задач.

Выделяют недостатки клипового мышления [3]:

1. Низкая концентрация внимания. Возникают сложности в сосредоточении внимания на какой-либо одной задаче.

2. Поверхностное восприятие. Сегодня существование большого информационного ресурса в форме интернета, телевидения, и в других формах, доступность любой информации приводит к тому, что человек не проводит анализ информации, поступающей из различных источников.

3. Человек подвержен манипуляциям. Это проявляется в том, что человек не успевает воспринимать информацию критически, то есть не приводит суждения для составления объективных выводов, для оценки и анализа явлений. Человек не успевает проанализировать информацию и принять взвешенное решение, что может привести к принятию импульсивного решения или осуществлению импульсивного действия.

• Многозадачность. Ученые выделяют многозадачность, как один из факторов, который порождает клиповое мышление. Многозадачность — умение выполнять несколько процессов одновременно. Например, выполняя домашнее задание, подростки могут параллельно общаться с друзьями в социальных сетях и слушать любимую музыку. Постоянная активность в режиме многозадачности ведет к утомлению и истощению, а также к возникновению тревожных и депрессивных состояний. Но на данный момент ученые не знают, как относиться к многозадачности. С одной стороны, постоянная деятельность в режиме многозадачности приводит к утомлению, возникновению тревожных и депрессивных состояний, а с другой стороны выделяют и положительные моменты: человек получает большее эмоциональное удовлетворение от параллельной вовлеченности сразу в несколько видов разнообразной деятельности [1].

• Особенности, проявляющаяся в памяти. Ученые выдвинули версию на тему тенденции снижения когнитивной способности памяти среди

молодых людей. Старшее поколение выросло в тот период времени, в котором еще не существовали такие информационные устройства, как смартфоны, ноутбуки и прочие современные технологии. По этой причине при необходимости сохранить какую-либо информацию, человеку нужно было хранить огромный массив информации в памяти. В настоящее время у индивида практически нет необходимости тратить энергию на запоминание информации, что отражается на работе памяти человека

- Усвоение большого количества информации за короткий промежуток времени. Прежде чем рассмотреть данную особенность, обратимся к исследованию, проведенному в конце 2014 года канадским подразделением Microsoft. Благодаря проведению этого исследования были выявлены закономерности внимания. Было установлено, что несмотря на низкую продолжительность сконцентрированного внимания при активном использовании информационных устройств, участники показали более высокую активность внимания за небольшой промежуток времени. Таким образом, участники способны за короткий период времени усваивать большое количество информации [4].

- Быстрота обработки данных. Поскольку индивид ежедневно сталкивается с большим количеством информации, поступающей из различных источников, его мозг приспособляется к процессу быстрой обработки информации. Человек становится способным за небольшой промежуток времени обработать большое количество информации [4].

Таким образом, выделенные особенности представителей цифрового поколения необходимы для прогнозирования будущего человека в профессиональном аспекте, для рассмотрения проблем профессионального образования и с целью установления контакта между людьми разных поколений, имеющие разные взгляды, ориентиры и другие установки.

Библиографические ссылки

1. Цифровое поколение: потери и приобретения // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://psy.su/feed/9234/?utm_campaign=news&utm_medium=mail&utm_source=Психологи%0Аподписчики&utm_content – Дата доступа: 13.06.2020.

2. Когнитивные процессы: что это и как мы можем улучшить наши умственные процессы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://blog.cognifit.com/ru/когнитивные-процессы/> – Дата доступа: 10.09.2019.

3. Плюсы и минусы клипового мышления // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rsv.ru/blog/plyusy-i-minusy-klipovogo-myshleniya/amp/> - Дата доступа: 26.04.2021

4. Плюсы и минусы цифровой революции // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/nauchno-tekhnicheskoe-tvorchestvo/2012/03/20/plyusy-i-minusy-tsifrovoy-revoljutsii> - Дата доступа: 20.03.2012

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ИНДИКАТОРЫ ЭМОЦИЙ

К. Ю. Мельниченко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

kmelnichenko01@mail.ru

*Научный руководитель – Трухан Елена Антоновна, кандидат
психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской психологии*

В публикации автор обращается к проблеме физиологических механизмов и индикаторов эмоций. Объектом исследования выступают механизмы и индикаторы эмоций, целью – сравнение физиологических механизмов и индикаторов эмоций с позиций различных теоретических подходов.

Ключевые слова: физиологические механизмы; физиологические индикаторы; эмоции; физиологический компонент.

Актуальность исследования проблемы эмоций у человека заключается в попытке понять, как огромные достижения в области психологии могут быть использованы, в частности, для изучения физиологического компонента эмоций.

Субъективные переживания теснейшим образом связаны с физиологическими процессами. Эмоция во многом и есть субъективное отражение физиологических изменений в организме. В каком-то смысле можно даже утверждать, что эмоции в совокупности физиологических изменений и субъективного их отражения являются одним из самостоятельных каналов получения информации человеком, наряду со зрением, слухом и другими каналами. Только в отличие от обычных каналов эмоциональный канал влияет непосредственно, то есть безусловно, на сознание человека.

Физиологические индикаторы эмоций – это внутренние физиологические изменения в вегетативной нервной системе человека (ВНС), которые возникают в качестве реакций на внешние или внутренние стимулы. Физиологические изменения в частности контролируются симпатическим и парасимпатическим отделами ВНС.

Переживания сильных эмоций приводят к ряду изменений в организме. Примеры:

- ускорение или замедление сердцебиения,
- изменение темпа дыхания,

- сухость во рту и горле,
- потоотделение

Большинство физиологических изменений, происходящих при эмоциональном возбуждении, являются следствием активации симпатического отдела нервной системы, когда она готовит организм к экстренным действиям. Симпатический отдел отвечает за следующие изменения:

- повышение кровяного давления и учащение сердцебиения,
- учащение дыхания,
- расширение зрачков,
- увеличение потоотделения,
- снижение выделения слюны.

Симпатический отдел приспособляет, настраивает организм к энергетическим затратам. Когда эмоция стихает, начинают преобладать энергосберегающие функции парасимпатического отдела, возвращающего организм в его нормальное состояние.

Первыми исследователями физиологических механизмов эмоций стали Уильям Джеймс и Карл Георг Ланге. Согласно их периферической теории эмоциональные ощущения – это проявления в сознании функциональных перестроек в организме. Они происходят на уровне вегетативной нервной системы. Импульсы извне продуцируют рефлекторные изменения мышечного тонуса, кровообращения, дыхания, сердцебиения. В результате появляются разные ощущения, из чего и складываются эмоциональные переживания. Визуально данный механизм можно рассмотреть на рис. 1.

Рисунок 1 – Теория Джеймса-Ланге

Далее была выдвинута таламическая (центральная) теория Кэннона-Барда, в которой физиологические изменения следуют за эмоциями, однако теория развивает идеи Ланге и Джеймса, но указывает на то, что при восприятии событий, вызывающих эмоции, нервные импульсы изначально поступают в таламус. Там нервное возбуждение расщепляется: часть направляется к коре больших полушарий, что порождает субъективное восприятие эмоций, а часть – к гипоталамусу, отвечающему

за физиологические изменения. Т.е. главную роль играет таламус. Механизм возникновения эмоций согласно данной теории можно рассмотреть на рисунке 2.

Рисунок 2 – Механизм возникновения эмоций согласно Центральной теории Кэннона-Барда.

Наиболее современной физиологической теорией эмоций в наши дни является нейробиологическая гипотеза соматических маркеров Антонио Дамасио, согласно которой при восприятии стимула импульс обрабатывается таламусом и вентромедиальной префронтальной корой, после чего следуют физиологические изменения, субъективное переживание и эмоциональное запоминание (маркировка события или объекта в долговременной памяти). Эмоции, имеющие отношение к решаемой задаче, способствуют более эффективным решениям. А эмоции, не имеющие отношение к решаемой задаче, ухудшают достигаемые результаты. Схематически механизм возникновения эмоций изображен на рисунке 3.

Рисунок 3 – Механизм возникновения эмоций согласно гипотезе соматических маркеров

Библиографические ссылки

1. Митина Г. В. Психология эмоций и мотивации: учеб.-метод. Пособие, дополненное. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2020. – 110 с.
2. Трухан, Е. А. Психология эмоций. Тексты [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие. – Минск : БГУ, 2020.
3. Damasio, A. The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision. – Iowa City : Department of Neurology, Univ of Iowa, 2004. – 35-37 с.
4. Franks D.D. Neurosociology: The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology. – N.-Y.: Springer, 2015
5. Healthline [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.healthline.com/health/cannon-bard>. – Дата доступа: 19.03.2022.
6. Nadel, L. Conscious Will and Responsibility / L. Nadel, W. Sinnott-Armstrong. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015.
7. Tiago, V. M. A reexamination of the evidence for the somatic marker hypothesis: What participants really know in the Iowa gambling task / V. M. Tiago, J. L. McClelland. – Pittsburgh : Carnegie Mellon University, 2004. P. 1-2.
8. VeryWellMind [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.verywellmind.com/what-is-the-cannon-bard-theory-2794965>. – Дата доступа: 19.03.2022.

ЭМОЦИИ И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

К. С. Ларичков, Д. В. Шляжко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

daraslazko1@gmail.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна, старший преподаватель кафедры социальной психологии

В публикации авторы обращаются к проблеме изучения эмоций и определения их роли в жизни человека. Приводятся результаты исследования содержательного анализа роли эмоций в жизни человека. Объектом исследования выступают эмоции, целью – изучение роли эмоций в жизни человека. Данная работа будет полезна практикующим психологам, психотерапевтам, а также студентам психологических факультетов, так как понимание эмоций и определение их места в жизни человека может стать определяющим фактором для повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: эмоции; роль эмоций; функции эмоций.

В данной статье рассматривается, какую роль эмоции играют в жизни человека. Эмоция является побудителем и регулятором поведения человека, подчиняя поведение человека его потребностям и нуждам. Именно эмоции определяют, что значимо для человека и ориентирует на движение по той или иной траектории.

В современном мире, каждый человек получает и усваивает большое количество информации, которая вызывает огромное количество эмоций и впечатлений. Под эмоциями мы понимаем самые разнообразные реакции человека – от приступа агрессии до тонких душевных переживаний. Эмоции в психологии – это процессы, которые отражают личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека.

У человека эмоции могут вызывать переживания удовольствия, неудовольствия, страха, робости, которые играют важную роль в формировании субъективных сигналов отвечающих за ориентацию. Самые простые эмоциональные процессы – это органические, двигательные и секреторные изменения, которые относятся к числу врожденных реакций. В ходе эволюции эмоции утратили свою прямую инстинктивную основу и приобрели сложнообусловленный характер. Данные изменения привели к появлению многочисленных видов высших эмоциональных процессов; интеллектуальных, социальных и эстетических, которые являются главной основой эмоциональной жизни человека [2].

П.В. Симонов выделяет подкрепляющую функцию эмоций. Как известно, эмоции играют одну из самых главных ролей в процессах обучения и памяти. Значимые события, которые вызывают эмоциональный отклик, гораздо быстрее и надолго запечатлеваются в нашей памяти. Так, достижение «успеха» на уроке может привить ученику любовь к данному виду деятельности [3].

Также важно отметить, что эмоции могут выполнять мотивационные функции, но сами по себе они не являются мотивами. Они выступают как побудители и усилители различных процессов. Получение представления о результате и испытание соответствующих эмоций – это первый шаг с выполнению действия. Тем самым эмоции вызывают желание действовать.

При помощи эмоций мы можем лучше понимать друг друга, не используя речь, судить об изменениях состояний других людей, лучше настраиваться на совместную работу и общение.

Удивительным является то, что мы можем довольно точно воспринимать и оценивать выражения человеческого лица и благодаря этому определять различные эмоциональные состояния, как радость, гнев, печаль, страх, отвращение, удивление.

Также стоит добавить, что эмоции помогают нам понять наш внутреннего мира. Они сообщают нашему Я о том, какое значение и какую ценность для нас имеют те предметы или те отношения с другими людьми,

которые находятся в центре нашего внимания. Наши эмоции сообщают нам истинное отношение к событиям, которые происходят в нашей жизни. Или, скажем, мы еще только представляем себе некоторую пока не существующую в реальности ситуацию, а эмоции уже оценивают ее как желаемую или неприятную. Из этого следует что, эмоции выполняют функцию оценки [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоции являются регулятором и мотиватором поведения человека в целом и подчиняют свою деятельность основным потребностям личности, его склонностям и интересам.

Библиографические ссылки

1. Курлович, М.М. Эмоции и их роль в жизни человека // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.bsu.by/2021/08/emocii-i-ix-rol-v-zhizni-cheloveka>. .- Дата доступа: 18.08.2021
2. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы и эмоции]. – М, 1971. – С. 35–39
3. Симонов, П.В. Что такое эмоции. – М., 1962. – 375 с

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В ПЕРИОД ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ

О. М. Языкова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

psychologby@gmail.com

*Научный руководитель – Поляков Алексей Михайлович, доктор
психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской психологии*

В данной работе рассмотрены проблемы профессиональных смыслов через призму становления личности. Максимальное раскрытие и использование человеком своего потенциала определяется как процесс адаптации к современным условиям динамично меняющихся профессиональных технологий и социально-экономической ситуации.

Ключевые слова: смысл; профессиональный смысл; становление личности; развитие

Человек строит свою жизнь посредством построения профессиональной карьеры. Стремительные изменения, происходящие в обществе приводят к пересмотру ценностей, принятых в обществе, смене приоритетов, формируются новые позиции на существующие проблемы. В настоящее время мы наблюдаем возникновение в социуме абсолютно новых форм

межличностного взаимодействия и социального развития, что связано с диджитализацией общества, которая наряду с экономической непредсказуемостью, политической неопределенностью и непрерывно возрастающей скоростью жизни, требует от человека максимально быстрого приспособления к постоянно изменяющимся условиям. В такие периоды человек подвержен сомнениям в фундаментальных устоях существования: зарождаются сомнения в государстве, в обществе, утрачивается доверие к окружающим. Суть этих процессов зарождает высокую внутреннюю потребность опираться на самого себя, искать и пересматривать смыслы, реализовывать свой потенциал, самоактуализироваться. Поскольку динамичность и изменчивость заложены в саму природу смысловых структур, в отличие от личностных черт или диспозиций, процесс становления и изменения личности в современных реалиях особенно тесно вплетает в себя поиск смыслов как опорную часть процесса адаптации в условиях перманентной неопределенности.

Процесс развития личности и его закономерности описывается многими авторами в своих теориях. Так, аналитическая теория К.Юнга включает в себя принцип развития личности, где он разделяет жизнь человека на 2 этапа, каждый из которых решает свою, специфическую для этого периода задачу. Первый этап К.Юнг связывает с изучением внешнего мира, покорением профессиональных вершин и продолжением рода. В этот период главными являются социальные достижения. Во второй половине жизни, согласно К.Юнгу, после решения этих задач, перед человеком встает вопрос смыслов, что делать дальше, какую цель поставить перед собой и выполнять те же задачи. К.Юнг сформулировал понимание смысла жизни как рефлексивную задачу, на которую человек должен найти ответ, но встает эта задача не перед каждым. [8]. А.Адлер построил первую развернутую психологическую теорию смысла жизни, исходящую из понимания смысла жизни как психологической структуры, характеризующей объективную направленность дальнейшей жизни человека, которая складывается у каждого человека к 3-5 годам без участия сознания и задает общую направленность дальнейшей жизни человека, его жизненные цели и жизненный стиль. Д.А Леонтьев в своих работах описывает мультирегуляторную модель личности, где смысловая регуляция представляет собой одну из шести систем, которые настраивают жизнедеятельность человека. Анализируя модели личности А.М.Лобка, В.И.Слободчика, В.С. Мухиной и других авторов, можно убедиться, что невозможно рассматривать развитие личности, если не уделять должное

внимание механизмам смысловой регуляции, развитию смысловой сферы. При этом роль смысловой сферы в регуляции деятельности, ее вес по сравнению с другими системами изменяется на протяжении жизни. Именно этот удельный вес является показателем степени управления своей жизнью самим человеком, а не просто адаптивно, подчиняясь внешним и внутренним воздействиям [5]. Таким образом, мы видим, что жизнь любого человека, поскольку она к чему-то устремлена, объективно имеет смысл, который вместе с тем может не осознаваться человеком. Смысл выступает как специфическая базовая единица личности на всех этапах ее развития и регулирует жизнедеятельность.

Понятие смысла является многосоставным и его анализ целесообразно проводить с учетом биографического контекста, анализируя как он вплетется в структуру жизнедеятельности. Раскрытие смысла доступно для любого человека, независимо от возраста и уровня интеллекта [6]. Многочисленные экспериментальные исследования подтверждают, что способность находить смыслы относится к человеческой сущности. Вместе с тем оно не обязательно сопряжено с какой-либо формой их репрезентации в сознании личности. Сам процесс обретения смыслов имеет сложный процесс и раскрывает перед человеком возможности к самоактуализации, посредством которой происходит практическая реализация смысла жизни человека в различных социальных ситуациях, вооружает методами, позволяющими максимально полно раскрыть свой человеческий потенциал [3].

Путь самоактуализации проходит главным образом через его профессионально и общественно значимую деятельность. На этом перекрестке личного и общественного возникает определенная последовательность жизненных ситуаций, которая сталкивает человека с определенными проблемами, которые являются для него своеобразным вызовом. Сознательно принимая вызов и решая сложные проблемы, которые соответствуют его потенциалу и компетенциям, человек получает возможность совершенствоваться и развиваться. Непринятие вызова либо попытка решения тех задач, которые требуют определенных ресурсов, которыми индивид не обладает, может привести к кризису и даже деградации. При этом дальнейшее развитие жизненных событий, по мнению Чудновского, создаст предпосылки для столкновения с проблемами «невротического» характера, которые человек так же будет не в состоянии разрешить [5].

В нашей работе важно выделить смысл профессиональной деятельности как отдельный элемент смысловой сферы личности. До настоящего момента мы по умолчанию допускали, что профессиональная деятельность личности сопряжена с различными системами жизненных отношений, через которые происходит ее процесс осмысления и наполнения содержанием. Тождество профессиональной трудовой деятельности и всех других видов деятельности происходит в случае обозначения мотивации профессионального труда как ведущей мотивацией всей жизнедеятельности индивида. Совпадение смысла жизни с профессиональными мотивами определяет их трансформацию в смысложизненные ценности личности. Это, в свою очередь побуждает человека не просто выполнять свою профессиональную деятельность через определенные действия, но и привносить более широкие смыслы в свою деятельность, жить своей работой. Из этой точки человек начинает рассматривать все виды деятельности, которые он выполняет с позиции вклада и развития себя в профессиональной деятельности. Однако это не всегда оправдано, поскольку при определенных обстоятельствах происходит отчуждение профессиональной деятельности от смыслоформирующих аспектов индивидуальной и общественной жизни. Смысловая природа отчуждения означает, что личность воспринимает свою профессиональную деятельность как чуждую, потерянную часть жизни и бессмысленное занятие, которое выполняется лишь в силу внешней обязанности, а не по личному побуждению и убеждению [4].

Все это приводит к сужению возможностей самостоятельного выбора цели, отказу от усилий по реализации своего потенциала и неизбежно приводит к безвозвратному «свертыванию» тех возможностей, которые человек не использует.

Профессиональные технологии и социально-экономическая ситуация в обществе динамично изменяются, увеличивая тем самым потребность в специалистах, способных гибко встраиваться в систему обновляющихся условий жизни. Раскрытие и принятие смыслов профессиональной деятельности, способствуют успешной адаптации личности в изменяющемся мире. Таким образом, раскрытие профессиональных смыслов позволяет индивиду приобретать новые формы смысложизненных образований, которые позволяют раскрывать свой потенциал и преодолевать турбулентность современного мира.

Библиографические ссылки

1. Головей Л.А. Психология профессионального развития. СПб.: Изд-во С.Петербург ун-та, 2019. – 119с.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2008. – 336с.
3. Карпинский К.В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности: монография. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. – 220 с.
4. Карпинский К.В. Развитие личности как субъекта жизни в контексте профессиональной деятельности // Актуальные проблемы психологии личности: сб. науч. ст. / науч. ред.: К. В. Карпинский, Н. Р. Салихова. – Гродно: ИЦ ГрГУ, 2013. – с. 48–98
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. –4-е изд., исп. и доп. – М.: Смысл, 2019. –584с.
6. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни: Пер. с нем. – 5-е изд. – М.:Генезис, 2021. –144с.
7. Маралов В.Г. Основы самопознания и саморазвития. М.: 2004. –250с.
8. Юнг К.-Г. Психологическая типология. // Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Универс, 1994. –475с.

СЕКЦИЯ 19. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

САМООТНОШЕНИЕ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЬНОМУ

Л. В. Адашевска

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Lapraa73@gmail.com

*Научный руководитель – Поляков Алексей Михайлович, доктор
психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской психологии*

В публикации автор обращается к проблеме отношения к больному и самоотношения у сотрудников скорой помощи. Приводятся результаты исследования сотрудников данной организации. Объектом исследования выступает отношение к больному, целью – определить особенности самоотношения у сотрудников скорой помощи с разными типами отношения к больному. Актуальная тема работы заключается в том, чтобы позволить решить практическую проблему улучшения отношения к больному, оказание качественной помощи. Было выявлено при обследовании выборки 40 респондентов с помощью методики семантического оценивания со свободным описанием А.М. Полякова, составленной на основе шкал семантического дифференциала Е.Ю. Артемьевой; тест-опросника самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантеева. Различия в группах с субъектным и объектным отношением к больному исследовались по критерию U-Манна-Уитни, выявлены статистически достоверные $U=304,00$ ($p \leq 0,05$) различия в гомогенности позитивного отношения, статистически достоверные $U=267,50$ ($p \leq 0,05$) различия между группами по шкале самоотношения «Аутосимпатия». В результате статистического корреляционного анализа были выявлены обратные взаимосвязи между переменными «Аутосимпатия» и гомогенность позитивного отношения у сотрудников с объектным типом отношения к больному ($r=-0,456$, при $p \leq 0,05$), обратная взаимосвязь между переменными субъектного отношения к пациенту и самообвинения ($r=-0,553$, при $p \leq 0,05$).

Ключевые слова: медицинские работники; самоотношение; субъектное отношение к больному; объектное отношение к больному.

В данной статье исследуется самоотношение у медицинских работников с разными типами отношения к больному. Концепция субъективной семантики Е. Ю. Артемьевой предполагает, что «семантические оценки являются следом переживания эмоциональных состояний,

сопровождающих деятельность» [1]. Самоотношение – это эмоционально-оценочное отношение человека к самому себе, передающее ментальные процессы и явления [2]. «Выявление закономерностей субъективных интерпретаций шкал позволяет понять смысловой контекст, в который несемантизированные объекты включаются человеком. Тип преимущественного выбора такой реальности является существенной характеристикой субъекта, раскрывающей индивидуальные структуры субъективного опыта по способу и глубине отображения реальности» [3].

Выборка и методики исследования.

В исследовании самоотношения приняли участие 40 испытуемых, возраст испытуемых от 23 до 52 лет. Все они являются сотрудниками станции скорой медицинской помощи Минской области.

Для сбора эмпирических данных отношения к больному был использована методика семантического оценивания со свободным описанием А.М. Полякова [3], составленная на основе шкал семантического дифференциала Е.Ю. Артемьевой [1], для определения и исследования самоотношения использовался тест-опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантिलеева [2].

Результаты исследования и их обсуждение.

В результате обработки данных, полученных на основании методики семантического оценивания со свободным описанием А.М. Полякова респонденты были разделены по группам с субъектным и объектным отношением к больному. Субъектное отношение предполагает выделение субъектных характеристик пациента: «Счастливая потому, что с позитивом относится к жизни, светящиеся глаза» «Мягкая потому, что отзывчивая, спокойная». При объектном отношении респонденты выделяют объектные характеристики: «Старый, потому что 90 лет», «Тяжелый, потому что много весит килограмм». Получены результаты гомогенности позитивного отношения, экспрессивности. Гомогенность позитивного отношения выявляется для определения эмоционального отношения к больному, используется коэффициент позитивного оценивания, полученный из расчетов:

$$\frac{\sum \text{положительных ответов}}{\text{количество шкал (16)}}$$

Коэффициент экспрессивности выявляется для оценивания выраженности эмоций, по степени поляризации оценок по дифференциалу, полученный из расчетов :

$$\frac{\sum \text{баллов по всем шкалам}}{\times 100\%}$$

Выявлены статистически достоверные различия при помощи критерия U-Манна-Уитни $U=304,00$ ($p \leq 0,05$) между группой с субъектным и объектным отношением к пациенту в гомогенности позитивного отношения.

Далее проанализируем результаты, полученные на основании методики исследования теста-опросника самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев). Показатели по средним значениям по двум шкалам методики различаются в группе с субъектным отношением к пациенту от группы с объектным отношением к пациенту (Рис. 1)

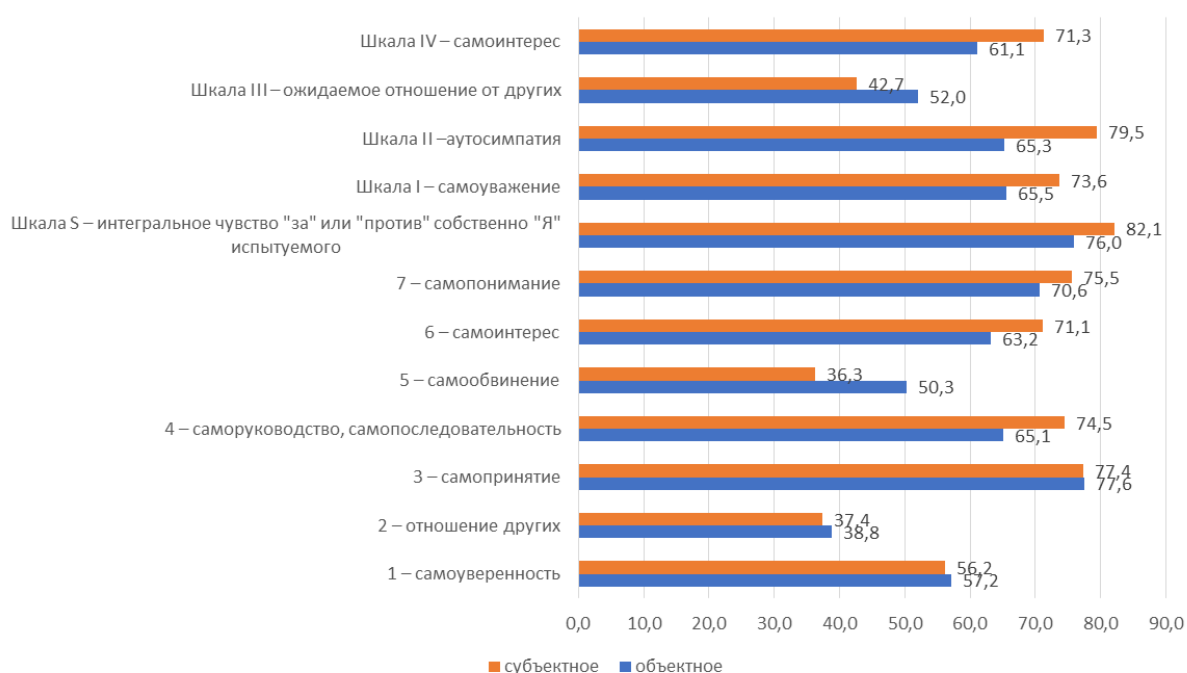

Рисунок 1. - Средние значения по данным теста-опросника самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев) в группе с субъектным отношением к пациенту и группе с объектным отношением.

В выборке наблюдаем достоверные различия при помощи критерия U-Манна-Уитни $U=267,50$ ($p \leq 0,05$) между двумя группами по шкале «Аутосимпатия». Конкретизации особенностей проявления показателей шкалы «Аутосимпатия» у обеих групп не наблюдается, так как они находятся в диапазоне высоких значений и характеризуют дружелюбность или враждебность к своему «Я» и свидетельствуют о том, что работники доверяют себе и относятся благосклонно, одобряют себя в целом.

Далее был осуществлен анализ взаимосвязей между самоотношением и гомогенностью позитивного отношения, коэффициентом экспрессивности и типами отношения к больному. В качестве метода математической статистики использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена. В результате статистического корреляционного анализа были выявлены обратные взаимосвязи между переменными «Аутосимпатия» и гомогенность позитивного отношения у сотрудников с объектным типом отношения к больному ($r=-0,456$, при $p\leq 0,05$), чем больше выражена гомогенность позитивного отношения, тем меньше показатели по шкале «Аутосимпатия» в самоотношении. Обратная взаимосвязь между переменными субъектного отношения к пациенту и самообвинения ($r=-0,553$, при $p\leq 0,05$). Чем больше показатели субъектного отношения к больному, тем ниже показатели самообвинения в самоотношении у сотрудников с субъектным отношением к больному.

У медицинских работников с субъектным отношением, чем сильнее оно выражено, тем меньше они себя обвиняют. А вот у медработников с объектным отношением такой связи нет. Зато у последних, чем более выражено субъектное отношение к больному, тем меньше симпатия к себе.

В обоих случаях в более оптимальном положении оказываются те, у кого преобладает субъектное отношение к больному. Или наоборот: чем хуже отношение к себе по указанным позициям, тем более объектным является отношение к больному. Возможно, в первой (субъектной) группе субъектное отношение позволяет преодолевать чувство вины, а во второй (объектной) - отнестись к себе с большей симпатией, обнаружить в себе позитивные качества. Кроме того, более выраженное субъектное отношение к больному коррелирует и с эмоционально положительным отношением к нему, что, очевидно также является плюсом. Идея с позитивным отношением к себе подтверждается и различиями по «Аутосимпатии». Главная мысль - от того, что врач в больном увидит человека, а не объект лечения.

Библиографические ссылки

1. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. - М.: Наука: Смысл, 1999. - 349
2. *Пантилеев, С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. - Москва: Издательство Московского университета; 1991. - 100 с.

3. Поляков А.М., Сергеева П.С. Осознание субъектной реальности младшими школьниками и подростками с задержкой психического развития // Философия и социальные науки. - 2016. - № 3. - С. 94-99

4. Поляков А.М. Субъект и символ – Минск: БГУ, 2014. – 255 с.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТРАНСГЕНДЕРОВ

М. Ю. Акулич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

akulichmaria@outlook.com

Научный руководитель – Столярская Евгения Викторовна,

кандидат социологических наук,

старший преподаватель кафедры общей и медицинской психологии

В настоящей публикации представлены результаты психологического исследования, целью которого являлось охарактеризовать гендерную идентичность тех людей, у которых она не соответствует приписанному при рождении полу. Объектом является гендерная идентичность, а предметом – гендерная идентичность трансгендеров. Анализ состояния научной разработанности отечественными исследователями вопросов, связанных с феноменом трансгендерности показывает, что остаются не исследованными особенности гендерной идентичности у трансгендеров вне рамок бинарной гендерной системы. Полученные результаты могут быть использованы не только как основа для дальнейшего изучения существующего вопроса, но и для работы психолога, непосредственно взаимодействующего с трансгендерными людьми в консультационной и психокоррекционной деятельности.

Ключевые слова: контент-анализ; гендерная идентичность; содержание гендерной идентичности; трансгендерность.

Трансгендерность, которая в общем смысле определяется как разной степени несовпадение гендерной идентичности с приписанным при рождении биологическим полом, является давно известным феноменом, который скрывает в себе ряд неразрешенных вопросов. Неоднозначным остается и само представление о гендерной идентичности трансгендеров на изучение и описание которой и направленно настоящее исследование.

Методологические основания определяются представлениями о гендерной идентичности, её структуре и роли как компонента личности, ряда отечественных психологов – И.С. Кон, И.С. Клецин, Т.В. Бендас, А.В. Дресвянина. За основу были взяты идеи Л. Н. Ожиговой, которая рассматривает гендерную идентичность как взаимодействие биологических, социальных и личностных факторов, результатом которого

является становление и реализация гендерной идентичности, усиливающей регулируемую и смыслообразующую роли личности. Также, мы опирались на положения рубрики F64 «Гендерное несоответствие в подростковом и зрелом возрасте» одиннадцатого издания Международной классификации болезней (МКБ-11) [19; 22].

Выборку исследования составили 17 респондентов в возрасте от 17 до 38 лет, 12 из которых являются трансгендерными мужчинами (FtM) и 5 – трансгендерными женщинами (MtF). 15 человек имеет официальное подтверждение трансгендерности, 11 из которых начали гормональную терапию (ГРТ).

Для сбора данных был использован *метод полуструктурированного интервью* и, в последствии, для анализа полученной информации – количественный ненаправленный (поисковой) *контент-анализ*, где в качестве единиц анализа выступили предложения и словосочетания отражающие мысли и суждения респондентов, а в качестве единиц счета – словосочетания и слова.

В ходе анализа интервью были выделены 4 категории: *внешние характеристики* (высказывания, характеризующие отношение респондентов к своему внешнему виду, а также анатомии и физиологии собственного тела в прошлом/настоящем/будущем), *внутренние характеристики* (высказывания, характеризующие отношение респондентов к своему характеру, отдельным личностным качествам в прошлом/настоящем/будущем), *деятельность* (высказывания, описывающие деятельность и поведение интервьюируемых в прошлом, в настоящий момент времени и то, чего они желают), *социальные отношения* (высказывания, описывающие самовосприятие в обществе, а также отношения с окружающими интервьюируемых в прошлом, в настоящий момент времени и то, к чему они стремятся).

Говоря о полученных количественных результатах, то общее количество реакций равно 543, где, в частности, 161 реакция (29,65 %) описывает категорию «внешние характеристики», 133 реакции (24,49 %) – «внутренние характеристики», 113 реакций (20,81 %) – «деятельность», 136 реакций (25,04 %) – «социальные отношения». Полученные данные дают возможность говорить о том, что наибольшую значимость в формировании гендерной идентичности трансгендеров играют внешний вид, анатомия и физиология тела.

Кроме того, нами был проведен анализ полученных результатов по 2 признакам: гендер (FtM/MtF) и была ли начата/не начата гормональная

терапия (ГРТ). Так, среди трансгендерных мужчин в количестве 12 человек преобладающими стали «внешние характеристики» – 29,72 % от общего количества реакций, после чего идут «социальные отношения» – 26,75%. Нельзя не отметить, что для трансгендерных мужчин критерий «внутренние характеристики» стал самым малозначимым. Говоря о трансгендерных женщинах в количестве 5 человек, в первую очередь для описания своей гендерной идентичности респондентки использовали внутренние характеристики (32,94%) и только потом внешние (29,47%). Меньше всего реакций собрала категория «деятельность» – 16,18% от общего количества реакций.

Анализируя данные по признаку «было ли начата/не начата ГРТ» видно, что для начавших гормональную терапию приблизительно в равной степени важны все проявления их гендерной идентичности, в то время как для не начавших, с большим отрывом, лидируют внешние характеристики (табл.).

Таблица – Количество описаний по признаку начала ГРТ

Подгруппа респондентов	Суммарное количество реакций и доля от общего числа по категориям:			
	Внешние характеристики	Внутренние характеристики	Деятельность	Социальные отношения
Начавшие ГРТ (11 человек)	26,68%	24,34 %	22,58 %	26,39 %
Не начавшие ГРТ (6 человек)	34,65 %	24,75 %	17,82 %	22,77 %

Библиографические ссылки

1. Ожигова, Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 47 с.
2. Расстройства, связанные с сексуальностью и половой принадлежностью в МКБ-11: пересмотр классификации МКБ-10, основанный на последних научных доказательствах, клиническом опыте и правовых соображениях / G. M. Reed [и др.] // Всемирная психиатрия. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 205–209.

О ЛЮБОВНОЙ АДДИКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРИВЯЗАННОСТИ

А. С. Гулевич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nastyagulevich00@mail.ru

Научный руководитель – Цюхай Екатерина Ильинична, преподаватель

Любовная аддикция рассматривается в контексте теории привязанности. Проводится теоретический анализ понятий привязанности и любовной аддикции. Отмечена аналогия между деструктивной привязанностью и проявлением любовной аддикции во взрослом возрасте, как способом совладания со стрессом на фоне трансформации опыта детской привязанности. Данная статья является предпосылкой для дальнейших исследований, направленных на углубление понимания природы любовной аддикции, а также обращает внимание на негативное воздействие, оказываемое отношениями с любовным аддиктом на физическое и психологическое благополучие партнера.

Ключевые слова: привязанность; деструктивная привязанность; стресс; любовная аддикция.

Проблема любовной аддикции является как никогда актуальной, поскольку оказывается негативное воздействие не только на психическое и соматическое здоровье индивида, на развитие его личности, карьерный рост и взаимоотношения с окружающими. Неблагоприятны отношения и для значимого для аддикта партнера, чьи потребности игнорируются и ставится под угрозу общее благополучие. Предпосылками развития подобного поведения могут стать отношения, складывавшиеся у индивида ранее.

Сформированные представления о привязанности к родителю или человеку, его заменяющему, согласно теории привязанности Дж. Боулби, остаются стабильными и во взрослом возрасте. Хотя представления о привязанности могут меняться в ответ на травматические или важные жизненные события. Негативная эмоциональная связь в детстве между взрослым и ребенком способствует формированию деструктивной привязанности, оказывающей влияние на дальнейшее развитие личности [1].

Исследовать влияние стилей привязанности у ребенка на межличностные отношения индивида с партнером стали К. Хазан и Ф. Шэйвер. Они утверждали, что биологическая система эмоциональных связей ребенка и романтических отношений взрослого идентичны [2].

Романтическая любовь включает в себя привязанность [3]. Тип привязанности, сформированный в детстве, может сказываться во взрослом возрасте при построении романтических отношений [4].

В идеале дети должны чувствовать себя в безопасности в присутствии родителей или лиц, осуществляющих уход. У детей, отвергаемых или разлученных с родителями, могут развиваться ненадежные представления о взаимоотношениях с этими взрослыми, и поэтому они могут испытывать трудности в совладании со стрессом, вызванным разлукой [1]. То есть в течение младенчества и детства представления о себе и других преобразовываются в сложные внутренние рабочие модели того, чего ожидать от близких людей, и эти внутренние рабочие модели определяют поведение на протяжении всей жизни.

Существует так называемая нездоровая, **деструктивная привязанность** в романтических отношениях с партнером. Под ней Т.П. Григорова понимает «дезадаптивную, слабо поддающуюся сознательному контролю, **модель поведения** субъекта, **способствующую сохранению его связи с партнером в романтических отношениях**, не удовлетворяющих его потребностей в любви, принятии, безопасности; создающая угрозу для его психологического, психического, физического благополучия» [5].

Деструктивная привязанность наиболее ярко проявляется в ситуациях, когда субъект видит угрозу разрыва отношений со значимым объектом, когда он замечает, что чувства партнера по отношению к нему охладели. Вследствие чего субъект начинает привязываться к партнеру еще сильнее, поскольку страх потерять значимого человека у таких людей ассоциируется с нарушением целостности собственного «Я». При продолжительной деструктивной привязанности к партнеру индивид начинает приобретать черты, характерные для аддиктивной личности [6].

Под **любовной аддикцией** понимается **поведение**, которое характеризуется повторяющимся и неконтролируемым **романтическим проявлением заботы и внимания к партнеру** [7].

По мнению Н.М. Мантуровой и А.В. Огневой, «состояние, при котором человек испытывает сильную страсть по отношению к своему партнеру, а также эмоционально фиксируется на нём, есть любовная аддикция» [8, с. 1]. С точки зрения психоаналитического подхода наличие любовной аддикции обусловлено внутренним конфликтом: на уровне сознания у субъекта формируется страх быть покинутым, из-за чего он и хочет проводить много времени с партнером, однако на предсознательном

уровне его пугает интимность и близость с объектом влюбленности [9]. Дети, ощущавшие себя одинокими и незащищенными в опасном и неконтролируемом мире, во взрослой жизни используют для управления стрессом отчуждение или трансформацию опыта привязанности, чтобы добиться любви и заботы [10, с. 7].

Немаловажным фактором в развитии любовной аддикции являются индивидуальные характеристики личности. Индивиды, с ярко выраженной тревожностью и напряженностью, низкой самооценкой и с низким уровнем автономии более склонны к развитию подобной аддикции. К их основным характеристикам Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева относят: игнорирование собственных потребностей и отсутствие заботы о себе; чрезмерную навязчивость; попытки сформировать положительное мнение партнера о себе, чтобы быть идеалом для «любимого» человека [9].

Любовный аддикт, как и субъект деструктивной привязанности, в течение длительных периодов времени испытывает эмоциональные страдания в отношениях с партнером, но изо всех сил препятствует их разрыву [6]. Низкий уровень осознанности аддиктом причин собственного поведения затрудняет продуктивное совладание со стрессом и препятствует обращению за профессиональной психологической помощью. Кроме того, благополучие объекта привязанности индивида, склонного к любовной аддикции, также подвергается угрозе.

Таким образом, привязанность играет большую роль в дальнейшей жизни индивида, поскольку она связана с построением романтических отношений. Полагаем, что формирование деструктивной привязанности в детстве повышает вероятность появления у индивида любовной аддикции, что, впрочем, требует более подробного рассмотрения в дальнейших исследованиях.

Библиографические ссылки

1. Боулби, Дж. Привязанность. – Москва: «Гардарики», 2003. – С. 1-20.
2. Hazan, C., Shaver, P.R. Romantic love conceptualized as an attachment process // *Journal Personality and Social Psychology*. – 1987. – Vol. 52 (3). – P. 511–524.
3. Энциклопедический психологический словарь-справочник / Под ред. С.Л. Кандыбовича, А.Д. Короля, Т.В. Разиной. – Минск: Харвест, 2021. – 864 с.
4. Fraley, R.C. A Brief Overview of Adult Attachment Theory and Research [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://labs.psychology.illinois.edu/~rcfraley/attachment.htm>. – Дата доступа: 21.03.2022.
5. Григорова, Т.П. Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 271–277.

6. Григорова, Т.П. Деструктивная привязанность как специфическая категория привязанности во взрослом возрасте // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 3. – С. 148–152.
7. Sophia, E.C., Tavares, H., Berti, M.P., Pereira, A.P. et al. Pathological love: impulsivity, personality, and romantic relationship. – 2009. – Vol. 14, № 5. – P. 268–274.
8. Мантурова, Н.М., Огнева, А.В. Любовная зависимость. Любовь или зависимость? // Современные проблемы клинической психологии и психологии личности: материалы всеросс. науч.-практ. конф. / Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2017. – С. 337–340.
9. Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В. Психосоциальная аддиктология. – Новосибирск: Издательство «Олсиб», 2001. – 221 с.
10. George, C. and West, M. The Adult Attachment Projective Picture System: Integrating attachment into clinical assessment // *Journal of Personality Assessment*. – 2011. – Vol. 93. – P. 1–10.

ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ COVID-19

Е. Э. Демьяненко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

lizademyanenko19@gmail.com

*Научный руководитель – Аблековская Оксана Николаевна,
кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и медицинской
психологии*

В условиях пандемии COVID-19 повышенный интерес ученых был направлен на изучение психических реакций людей в контексте таких психотравмирующих факторов, как широкомасштабные карантинные меры, неопределенность, связанная с влиянием инфекции на экономическую ситуацию как в мире, так и в своей стране, повышенный информационный фон. Вопросы, связанные с влиянием перенесенной инфекции на психическое здоровье, остаются практически не изученными. В работе представлены данные о проявлении некоторых видов психических состояний (депрессивные и тревожные состояния) у молодых людей (студентов), перенесших короновирусную инфекцию. Такого рода исследование расширяет круг данных относительно отдаленных постковидных последствий, а также вносит коррективы в имеющиеся сведения о влиянии короновирусной инфекции на психические состояния. Полученные результаты могут послужить ориентиром для дальнейших исследований, а также быть использованы психологами и педагогами в работе со студентами.

Ключевые слова: тревожность; депрессивное состояние; студенты; короновирусная инфекция; COVID-19.

В то время, как все внимание исследователей было сфокусировано на физическом состоянии пациентов с короновирусной инфекцией, из поля зрения практически выпала проблема, связанная с отдаленными последствиями перенесенной инфекции для психического здоровья. В основном многие проявления со стороны психического здоровья, описанные в литературе, связаны с общей обстановкой пандемии и имеют социальную природу, поскольку с целью сдерживания распространения SARS CoV-2 имело место введение ряда ограничений (жесткий локдаун во многих странах, обязательное ношение медицинских масок, закрытие объектов общественного питания и розничной торговли, запрет на проведение культурно-массовых мероприятий) на фоне массированного влияния негативной информации в средствах массовой информации, непредсказуемости и неконтролируемости ситуации [1]. Так, согласно данным проведенного в Китае в феврале 2020 года интернет-опроса более 7 тыс. респондентов, признаки генерализованного тревожного расстройства обнаруживались у 35,1 % опрошенных, депрессии – у 20,1 %. При этом такие нарушения в большей степени были характерны для молодых респондентов [3]. По результатам еще одного скринингового онлайн-опроса, проведенного в Китае в конце января и феврале 2020 года, в котором приняло участие более 1200 человек, клинически значимые симптомы депрессии обнаружили 50,4 % опрошенных и 44,6 % тревоги [4]. В литературе, как правило, имеет место представленность данных относительно неврологических проявлений (головная боль, нарушения обоняния и вкуса, инсульт) у людей, перенесших COVID-19, чего, однако, нельзя сказать об изучении психических постковидных расстройств. Исходя из этого представляется интересным исследование тревожно-депрессивных проявлений у молодых людей, перенесших COVID-19.

В исследовании приняли участие 60 студентов из разных ВУЗов Беларуси (БГУ, БНТУ, БГУИР, БГЭУ, МГЛУ) в возрасте от 17 до 21 года. Из них - 30 студентов, официально переболевших COVID-19, и 30 студентов, не переболевших COVID-19. В нашем исследовании не переболевшие студенты явились контрольной группой. Сбор ответов осуществлялся в онлайн-формате с использованием инструмента «Google-опросник» в промежуток времени с января по февраль 2022 года. Математическая обработка полученных данных была проведена с помощью программы SPSS Statistics v.23 с применением непараметрического критерия Манна-Уитни, критерия Колмогорова-Смирнова, частотного анализа, сравнения средних значений. Решение об

использовании непараметрических критериев было принято после того, как была проведена проверка на нормальность распределения, которая показала, что распределение не соответствует нормальному.

Для исследования проявлений тревожности и депрессивного состояния использовались следующие методики:

- шкала депрессии А. Бека (BDI) в адаптации Н.В. Тарабриной [2];
- шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [2].

Анализ результатов исследования показал, что в обеих группах студентов имело место проявление депрессивного состояния разной степени выраженности. При чем обращает на себя внимание тот факт, у 43 % студентов, переболевших COVID-19, отсутствуют признаки депрессии, в то время как у не переболевших этот показатель составляет 35 %. Разбежка между остальными уровнями депрессивного состояния (легкая, выраженная, умеренная и тяжелая депрессия) составляет от 1 до 6 %. Статистически значимых различий с применением коэффициента U-критерия Манна-Уитни между исследуемыми группами студентов нами не было обнаружено. Полученные нами данные не согласуются с результатами исследованиями Дж. Стевен и Дж. Ламонтагне, согласно которым у респондентов, перенесших COVID-19, уровень депрессии был значительно выше, чем у тех, кто не болел COVID-19 [5].

Относительно ситуации с проявлением *тревожности* у студентов, перенесших COVID-19, следует отметить аналогичную депрессии направленность различий между группами студентов (таблица). Так, и у переболевших, и у не переболевших имеет место повышенный уровень ситуативной тревожности при полном отсутствие низкого уровня.

Таблица – Уровень тревожности студентов, не перенесших и перенесших COVID-19

Вид тревожности	Не переболевшие студенты, %	Переболевшие студенты, %
Ситуативная		
низкий уровень	-	-
средний уровень	30	31
высокий уровень	70	69
Личностная		
низкий уровень	5	8
средний уровень	20	26
высокий уровень	75	66

Что же касается уровня *личностной тревожности*, то 75 % студентов, не перенесших COVID-19, демонстрируют высокие значения, в то время как доля переболевших с таким уровнем данного показателя составляет 66 %. Количество молодых людей со средним и низким уровнем личностной тревожности в группах отличается на 3 – 6 %. Это может говорить о том, что большинство имеют повышенную тревожность как характерологическую особенность. Результаты статистической обработки данных с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни не показали статистически значимых различий между исследуемыми группами студентов.

На наш взгляд, одинаковая направленность выраженности исследуемых психических состояний и у официально переболевших COVID-19, и у не переболевших, что подтверждается и результатами статистической обработки данных, можно объяснить следующим. Так, все студенты длительное время находились в одинаковых условиях, обусловленных ситуацией пандемии и вынужденных карантинных мер, а также информационного давления, что уже само по себе выступает в качестве психотравмирующего фактора, создавая условия для повышенной тревоги и тревожности за свое и здоровье своих близких. Сбор данных осуществлялся в период экзаменационной сессии, из-за чего у студентов мог быть повышен уровень ситуативной тревожности. Мы допускаем и то, что большая часть студентов, принявших участие в опросе, могла иметь повышенную тревожность как характерологическую черту, которой они изначально обладали независимо от короновирусной инфекции.

Кроме того, в качестве возможного объяснения может выступить и не точная достоверность выборки. Так, например, бессимптомное прохождение болезни было основанием для ряда респондентов отнести себя к не переболевшим. В этой группе могли оказаться и те, кто из-за огромного наплыва больных в учреждения системы здравоохранения, мог перенести неподтвержденную коронавирусную инфекцию, не будучи об этом осведомленным, считая это проявлением острого респираторного заболевания.

В заключение следует отметить, что наше исследование не является экспериментом, и достоверность результатов не может быть абсолютной.

Библиографические ссылки

1. *Дэнуорт, Л.* Крупнейший психологический эксперимент // В мире науки. Scientific American. – 2020. – № 8. – С. 44–53.

2. Практикум по психологии состояний : учеб. пособие / под ред. проф. А. О. Прохорова. – СПб. : Речь, 2004. – 480 с.
3. Huang Y, Zhao N. Generalized anxiety disorder, depressive symptoms and sleep quality during COVID-19 outbreak in China: a web-based cross-sectional survey. *Psychiatry Res.* 2020;288:112954.doi:10.1016/j.psychres.2020.112954
4. Lai J, Ma S, Wang Y, Cai Z, Hu J, Wei N et al. Factors associated with mental health outcomes among health care workers exposed to coronavirus disease 2019. *JAMA Netw Open.* 2020;3(3):e203976. doi:10.1001/jamanetworkopen.
5. Yang, F. Manifestations and mechanisms of central nervous system damage caused by SARS-CoV-2 [Электронный ресурс] / F. Yang, H. Zhao, H. Liu, X. Wu, Y. Li. – 2021. – № 24. doi:10.1001/jamanetworkopen.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СИГАРЕТ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

И. В. Ермоленко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ilya.ermolenko.499@gmail.com

*Научный руководитель – Плакса Елена Владимировна, старший
преподаватель кафедры общей и медицинской психологии*

Статья посвящена выявлению побудительных причин и основной мотивации курения электронных сигарет в юношеском возрасте. Актуальность работы связана с почти полным отсутствием каких-либо исследований на территории СНГ психологического аспекта использования электронных сигарет. Данная работа может выступать толчком для дополнительных исследований мотивации использования электронных сигарет среди молодёжи; в практической психологии эти данные могут послужить материалом для коррекции существующих и создания новых методик, диагностирующих зависимость от сигарет.

Ключевые слова: электронные сигареты; мотивация курения; юношеский возраст.

Несмотря на то, что в зарубежной науке уже многие годы проводятся исследования, изучающие психологические особенности курения электронных сигарет (электронные системы доставки никотина (ЭСДН), вейп, е-сигарета), в нашей стране эта тема по-прежнему почти не получает никакого внимания. Поскольку курение является сложным поведенческим актом, в возникновении и развитии которого принимают участие не только физиологические факторы, но и целый комплекс социальных и психологических условий, нам представляется необходимым изучение психологических аспектов возникновения и распространения привычки

курения, в частности курения электронных сигарет, т.к. именно их влияние на психику человека наименее изучено.

Согласно данным STEPS-исследования Всемирной организации здравоохранения, проведённого в 2020 году [2], в Беларуси курит 26,7% населения, 86,4% из них делает это ежедневно. Доля курильщиков составляет 43% среди мужчин и 10% среди женщин. Средний возраст начала активного курения в нашей стране – 17-18 лет. Это значит, что наибольшему риску подвержены подростки и юноши.

Электронная система доставки никотина – электронное устройство, генерирующее высокодисперсный аэрозоль, который вдыхает пользователь. В состав жидкости для электронных сигарет входят три основных компонента: пропиленгликоль, глицерин, никотин. Процесс курения электронных сигарет и других подобных устройств называется вейпингом (англ.: *vaping* – парение), а пользователей ЭСДН – вейперами [4].

Наше исследование было направлено на изучение побудительных причин и основной мотивации курения электронных сигарет в юношеском возрасте.

Для проведения исследования был использован опросный метод. Для сбора эмпирических данных использовались 3 методики:

- 1) Методика Д. Хорна для определения типа курительного поведения.
- 2) Методика оценки зависимости от сигарет К. Фагерстрёма.
- 3) Методика оценки уровня мотивации к отказу от курения К. Фагерстрёма.

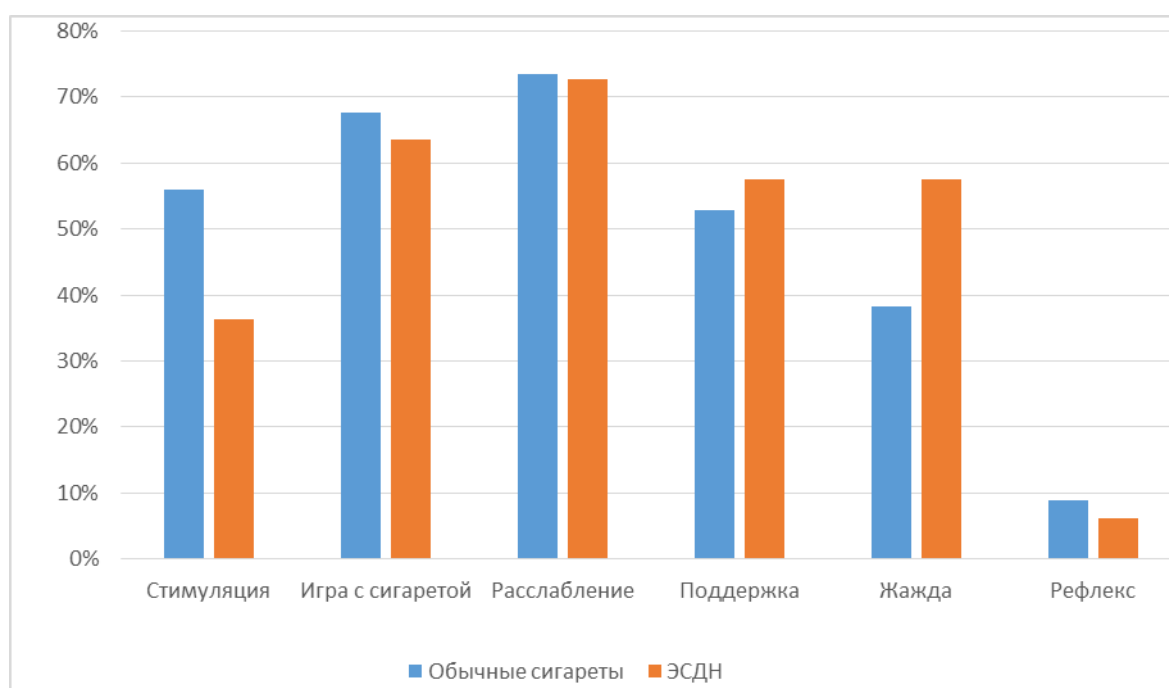
Данные подверглись статистической обработке с применением Н-критерия Краскела-Уоллиса и коэффициента корреляции Пирсона.

В исследовании приняло участие 2 группы респондентов: 34 человека, предпочитающих обычные сигареты и 33 вейпера. Возраст опрошенных находился в промежутке от 16 до 23 лет.

Основными мотивами и курения и вейпинга в юношеском возрасте, согласно полученным данным, оказались расслабление и желание усилить удовольствие от отдыха, а также «игра с сигаретой» – тип курительного поведения, характеризующийся большим интересом к «курительным» аксессуарам: зажигалкам, пепельницам, сорту сигарет и др. В наименьшей степени у респондентов сформирован такой тип поведения как «Рефлекс». Это свидетельствует о том, что юношам не свойственно автоматическое курение, и курят они, в среднем, до одной пачки в день (это может быть

обусловлено относительно низким стажем). Подробнее можно видеть на рисунке.

Несмотря на явные сходства между двумя группами, на диаграмме можно заметить и различия в выраженности типов курительного поведения (особенно явные по типам поведения «Стимуляция» и «Жажда»). Чтобы оценить значимость этих различий, мы использовали критерий Краскала-Уоллиса для сравнения двух эмпирических выборок. Однако оказалось, что указанные различия статистически незначимы. Это говорит о невозможности выделить какие-то характерные черты типов курительного поведения, свойственные именно вейперам, а не курильщикам в целом.

Различия в характерных типах курительного поведения между обычными курильщиками и вейперами

Далее мы обратились к анализу данных по зависимости. В процессе анализа выяснилось, что вейперы набирают на 64% больше баллов по методике определения выраженности зависимости от сигарет (по тесту Фагерстрёма), чем пользователи обычных сигарет, и эти различия значимы на достаточно высоком уровне ($p = 0,003$). Мотивация к отказу от курения у пользователей электронных сигарет в 2,3 раза ниже ($p = 0,002$). Можно предположить, что юноши, использующие ЭСДН, действительно сильнее подвержены никотиновой зависимости, чем те, что предпочитают обычные

сигареты. Это объясняется недостатком в молодёжной среде информации о вреде продуктов выброса электронных сигарет, вследствие чего юноши реже прекращают сеанс курения, а также тем, что сама конструкция ЭСДН не ограничивает этот сеанс, в отличие от обычных сигарет, которые тлеют в среднем от 4 до 6 минут, вынуждая курильщика либо вернуться к своим делам, либо закурить следующую сигарету. Один же бак атомайзера ЭСДН – а это порядка 4-6 мл жидкости – позволяет сделать примерно 400 затяжек, так что время, потраченное на один сеанс вейпинга, курильщик определяет для себя сам. По результатам некоторых исследований, вейпер делает 400-500 затяжек в день [3], в то время как средний курильщик табачной продукции – только 200 [1]. Таким образом, главной причиной высоких показателей зависимости от сигареты у пользователей электронных сигарет, по нашему мнению, может являться меньшая контролируемость процесса курения, чем у курильщиков табака.

Следующим этапом мы проанализировали взаимосвязи между типами курительного поведения и мотивацией к отказу и уровнем выраженности зависимости. Была обнаружена обратная взаимосвязь между уровнем мотивации к отказу от сигарет и выраженностью игрового типа курительного поведения ($r = -0,443$ при $p = 0,010$) в группе вейперов. То есть чем сильнее вейпер относится к курению как к игре, тем меньше он хочет бросить. Индустрия ЭСДН, предлагающая большой набор аксессуаров для сигарет и разнообразие курительного процесса во вкусах и запахах, а также создающая образ «здорового парения», в целом уменьшает тревогу вейперов по поводу вреда курения, создаёт неоправданный оптимизм в отношении своего здоровья, развлекает их, а также предлагает бегство от «опасного табачного курения». Вследствие этого вейперы курят чаще и дольше, быстрее формируют зависимость, относятся к вейпу легкомысленнее, чем курильщики к табачным сигаретам; не желают бросать своё «хобби».

Таким образом, мы обнаружили, что стремление к дополнительному удовольствию во время расслабления – основной мотив использования ЭСДН в юношеском возрасте. У вейперов более чем в полтора раза сильнее выражена зависимость от сигареты, а мотивация к отказу от курения у них в 2,3 раза ниже, чем у курильщиков. Этот показатель напрямую связан с тем, что вейперы относятся к курению как к игре в большей мере, чем пользователи обычных сигарет, а также с недооценкой вреда, получаемого от электронных сигарет.

Библиографические ссылки:

1. О вреде курения // СПб ГБУЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kvd11.ru/o-vrede-kureniya/> – Дата доступа: 15.01.2022.
2. Распространенность факторов риска неинфекционных заболеваний в Республике Беларусь, STEPS 2020 [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: http://www.drodcge.by/uploads/b1/s/0/975/basic/120/831/Pril.3_Sravnenie_Regionov_RB.PDF?t=1632464360. – Дата доступа: 19.03.2022.
3. Сколько парить – это норма? // Good vape [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://goodvape.ru/news/skolko-parit-eto-norma/> – Дата доступа: 17.02.2022.
4. Breland, A.B. Science and electronic cigarettes: current data, future needs / A. B. Breland [et al.] / A. B. Breland // J Addict Med. – 2014. – 8(4). – 223-233 p.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К МАТЕРИ ЧАСТО БОЛЕЮЩЕГО РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

О. О. Леонович

Белорусский государственный университет, г. Минск;

oksanka.leonovich98@gmail.com;

Научный руководитель – Лахвич Юлия Федоровна,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской
психологии*

В статье представлены результаты эмпирического исследования привязанности часто болеющего ребенка дошкольного возраста к матери. Настоящее исследование дополняет имеющиеся, но не многочисленные работы, раскрывающие особенности привязанности часто болеющего ребенка к матери. Обнаружено, что доля детей дошкольного возраста с надежным (безопасным) типом привязанности к матери среди часто болеющих детей значимо больше, чем среди их здоровых сверстников. Полученные данные могут быть использованы психологами при работе с детьми в детских дошкольных учреждениях, а также при оказании консультативной помощи родителям часто болеющих детей.

Ключевые слова: привязанность; типы привязанности; надежная привязанность; ненадежная привязанность; тревожно-амбивалентная привязанность; тревожно-избегающая привязанность; часто болеющие дети.

В современной психологии привязанность является ключевым понятием, описывающим отношение ребенка к близкому взрослому. Дж. Боулби наиболее полно в своих работах проанализировал феномен

привязанности. Согласно Дж. Боулби, привязанность представляет собой глубокую эмоциональную связь ребенка с матерью, которая направлена на поиск контакта и близости с ней, а также связь, дающая беспомощному ребенку необходимое ощущение защищенности и безопасности [1].

Ученицей Дж. Боулби М. Эйнсворт было выделено три основных типа привязанности, которые представляют разные варианты эмоциональной связи ребенка с матерью: надежная (безопасная) и две ненадежные (тревожно-избегающая и тревожно-амбивалентная) [2].

По мнению М.И. Лисина, привязанность ребенка к матери является базовым новообразованием младенческого возраста, качество привязанности оказывает разностороннее влияние на психическое развитие ребенка и определяет отношения ребенка с окружающими людьми и миром на протяжении всей жизни [3].

Характер привязанности меняется с течением времени. Так, Н.С. Гилева [4], Е.В. Куфтяк [5], М.И. Лисина [3] отмечают, что в дошкольном возрасте ребенок уже начинает воспринимать близкого взрослого как человека со своими собственными потребностями и целями, признавать необходимость согласовывать свои желания с чужими желаниями и потребностям.

В проведенном исследовании была поставлена цель, установить особенности привязанности детей дошкольного возраста к матери, в особой ситуации развития – при частых болезнях ребенка.

В настоящее время в психологии накопилось немалое количество работ, посвященных феномену часто болеющих детей (В.Ю. Альбицкий [6], А.А. Баранов [6], Г.Г. Вылегжанина [7], Е.Ю. Дубовик [8], Л.В. Доманецкая [9], Ж.Г. Дусказиева [10], В.А. Ковалевский [11], Е.В. Котова [12], А.А. Михеева [13]). К часто болеющим детям следует относить детей, которые страдают острыми респираторными заболеваниями четыре и более раз в год [6].

Несмотря на достаточное количество работ по теме часто болеющих детей остается не до конца изученным вопрос об особенностях привязанности к матери часто болеющего ребенка.

При этом исследования показали, что для часто болеющих дошкольников характерны изменения в отношении ведущего вида деятельности - сюжетно-ролевой игры. Эти изменения негативно влияют на освоение ребенком собственного внутреннего мира, что в свою очередь мешает психологической борьбе ребенка с ситуацией болезни. Само поведение становится трудным для окружающих его взрослых,

формируется негативное представление о собственной личности, отмечается нарастание пессимизма и депрессивности [13].

В свою очередь, часто болеющие дети отличаются большей неуверенностью в себе, быстро устают, зависят от мнения окружающих (прежде всего, от мнения матери), также у них может наблюдаться негативное эмоциональное самоотношение, они часто приписывают себе отрицательные эмоции, такие как горе, страх, гнев и чувство вины [7].

В исследовании приняли участие 53 дошкольника в возрасте от 4 до 6 лет. Из них 26 детей в выборке — это часто болеющие дети дошкольного возраста (14 девочек и 12 мальчиков) и 27 детей — это здоровые дети дошкольного возраста (13 девочек и 14 мальчиков). Таким образом, *основной группой* выступали часто болеющие дети дошкольного возраста, а *контрольной* – здоровые дети дошкольного возраста.

Для получения данных использовалась проективная методика Н. Каплан для определения особенностей эмоциональной привязанности ребёнка к матери [14].

Представим полученные в исследовании результаты особенностей привязанности к матери у часто болеющих детей дошкольного возраста.

Для часто болеющих детей дошкольного возраста ($\varphi^*_{эмп} = 2,03$; $p = 0,021$), как и для их здоровых сверстников ($\varphi^*_{эмп} = 2,05$; $p = 0,02$), характерно преобладание надежного типа привязанности к матери. При этом анализ типов привязанностей у детей дошкольного возраста в основной и контрольной группах показал, что доля детей с надежным типом привязанности в группе часто болеющих детей значимо больше, чем в группе их здоровых сверстников ($\varphi^*_{эмп} = 1,82$; $p = 0,035$). Таким образом, среди часто болеющих детей дошкольного возраста больше тех, чья потребность в безопасности полностью удовлетворена, взаимодействие с матерью характеризуется близостью, теплотой и позитивной эмоциональной окраской, они уверены в получении помощи и поддержки со стороны матери.

Особенности рассказов часто болеющих детей дошкольного возраста заключаются в открытом, чётком, вербальном выражении своих негативных переживаний, которые возникли по поводу разлуки с матерью. Например: *Таня З. «Девочка расстроилась, что мама улетела, ей грустно...»*. Также дети показывают себя более активными и самостоятельными в поиске способов конструктивного совладания с ситуацией разлуки. Например: *Катя П. «Девочка будет играть в компьютер...»*, *Витя В. «Мальчику грустно, что мама уехала, мальчик*

пойдёт домой и будет играть с игрушками...». Отличительной особенностью является и то, что предполагаемая встреча ребёнка с матерью представляется как исключительно радостная, после чего он возвращается к своим занятиям. Например: Соня К. «Это весёлая история, потому что мама вернулась, привезла много игрушек, с которыми я буду играть...».

Подведем итоги представленных выше результатов. Для часто болеющих детей дошкольного возраста, как и для их здоровых сверстников, характерно преобладание надёжного типа привязанности к матери. При этом доля детей с надёжным типом привязанности в группе часто болеющих детей значимо больше, чем в группе их здоровых сверстников. Вероятнее всего, это может быть связано с тем, что здоровые дети дошкольного возраста получают меньше материнского внимания, чем часто болеющие. По той причине, что здоровые дети, как правило, больше времени проводят в детском саду, а не дома, они получают недостаточно внимания от матери. В то время как в ситуации частых заболеваний ребенка мать вынуждена находиться всё время с ним, соответственно, он получает всё, что необходимо ему в данном возрасте от матери.

Библиографические ссылки

1. Боулби, Дж. Привязанность / пер. с англ. – М. : Гардарики, 2003. — 480 с.
2. Эйнсворт, М. Привязанность за порогом младенчества. Детство идеальное и настоящее: сборник работ современных западных ученых. – Новосибирск : Издат. Новосибир.госуд. универс., 1994. – С. 82-110.
3. Лисина, М.И. Общение, личность и психика ребёнка. – М.: Институт практ. психолог., 1997. –258 с.
4. Гилева, Н.С. Влияние эмоциональной привязанности ребенка к матери на становление самооценки старших дошкольников // Наука о чел.: гуманитар. исследов. – 2016. – №2. – С. 134 -138.
5. Куфтяк, Е.В., Задорова Ю.А. Привязанность и взаимодействие матери с ребёнком дошкольного возраста // Проблемы современ. педагогич. образов. – 2018. – № 58-2. – С. 335-340.
6. Альбицкий, В.Ю., Баранов, А.А. Часто болеющие дети. Клинико-социальные аспекты: пути оздоровления. – Саратов : Радуга, 1986. – 165 с.
7. Вылегжанина, Г.Г. Часто болеющий ребенок в семье / Материалы II Всероссийской науч. конф., «Психологические проблемы современной российской семьи», М., 2005. – Ч. 1. – С. 234-239.
8. Дубовик, Е.Ю. Родительское отношение к часто болеющему ребенку дошкольного возраста как фактор формирования тревожности : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04. – Казань, 2006. – 167 с.
9. Доманецкая, Л. В. Особенности общения с родителями часто болеющего ребёнка старшего дошкольного возраста как условие улучшения его соматического статуса : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04. – Томск, 2011. – 175 с.

10. *Дусказиева, Ж.Г.* Влияние родительского отношения на гендерные особенности проявления тревожности часто болеющих детей старшего дошкольного возраста / Сибирский педагог. журн. – 2008. - №2. – С. 324 – 334.
11. *Ковалевский, В. А., Груздева, О.В.* Соматически больной ребёнок: специфика социально-психологического развития (результаты комплексного исследования) // Вестн. Красноярск.госуд. педагог. ут-та. – 2010. – № 3. – С. 115-122.
12. *Котова, Е. В.* Особенности родительского отношения к соматически больным детям дошкольного возраста: на примере часто болеющих детей : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04. – Казань, 2003. – 179 с.
13. *Михеева, А.А.* Психологические особенности часто болеющих детей : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – Москва, 1999. – 168 с.
14. *Бурменская, Г.В.* Методики диагностики привязанности к матери ребёнка дошкольного и младшего школьного возраста // Психологическая диагностика. –2005. – № 4. – С. 4-20.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ СО СВЕРСТНИКАМИ

М. О. Макась

*Белорусский государственный университет,
г. Минск*

margo.makas@mail.ru

*Научный руководитель – Поляков Алексей Михайлович, доктор
психологических наук, доцент кафедры общей и медицинской психологии*

Проблемы нарушения взаимодействия детей с детским церебральным параличом со сверстниками, трудности адаптации в коллективе сверстников в современном мире с каждым днем обретают все большее социальное значение. М. И. Лисина утверждает, что социальное взаимодействие влияет на психическое развитие ребёнка, способствует раскрепощению ребёнка, повышению познавательной активности и самопознания, влияет на выделение своего Я, познании себя. Ж. Пиаже подчёркивает, что взаимодействие влияет на развитие интеллекта. Поэтому важно, чтобы ребёнок в независимости от возраста имел контакты со сверстниками. Но у детей с ДЦП, в силу ограниченности опорно-двигательного аппарата и умственных особенностей возникают сложности при взаимодействии, что влияет на их интеллектуальное и личностное развитие. В виду сильной распространенности данной патологии, указанные сложности социального взаимодействия детей с ДЦП становятся настоящей проблемой общества в частности инклюзивного и интегрированного обучения, а также в процессе взросления этих детей могут возникать проблемы с нарушением поведения, профессиональной дезадаптацией. Родители сталкиваются с недостатком информации о том, как же помочь своему ребёнку в установлении контактов со сверстниками и как помочь в их социализации, и приспособления к реалиям современного мира для полноценного существования.

Ключевые слова: социальное взаимодействие; общение; сверстники; детский церебральный паралич.

Социальное взаимодействие детей с ДЦП со сверстниками изучено крайне мало, в отличие от взаимодействия ребёнка без патологий со своими сверстниками. Также большее количество отечественных исследований направлено на изучение именно двигательных расстройств с ДЦП. В Республике Беларусь нет единых программ по адаптации детей с ДЦП в социуме. В связи с этим тема нуждается в дальнейших исследованиях.

Социальное взаимодействие со сверстниками на каждом этапе взросления ребёнка играет свою роль. Эта роль от незначительной растёт до главенствующей для ребёнка. Благодаря социальному взаимодействию со сверстниками постепенно приобретаются новые формы взаимодействия: дружба, соперничество, конкуренция, взаимовыручка. Ребёнок испытывает новые эмоции в процессе этого взаимодействия, а также учится делиться своими ценностями, разочарованиями, победами, опытом. Приобретает единомышленников и врагов, понимает, что от его поведения, слов, действий он занимает определённое место в обществе. С возрастом границы социального мира для ребёнка увеличиваются, начиная от семьи и заканчивая детским летним лагерем, школой, университетом. Таким образом, социальное взаимодействие со сверстниками в полной мере участвует в формировании личности ребёнка, влияя на него на всех периодах его развития.

В процессе социального взаимодействия детей с ДЦП со сверстниками можно выделить ряд особенностей и проблем. Первой из них являются сложности в понимании и восприятии личности другого человека. Дети с ДЦП не умеют принимать во внимание особенности личности других людей, в частности сверстников, они крайне доверчивы, что делает детей с ДЦП легко попадающими под влияние асоциально настроенных сверстников [1]. Дети невнимательно слушают сверстников, из-за чего зачастую отвечают не по адресу или вообще не отвечают. Общение со сверстниками протекает без интереса и не отличается сильной активностью. Для школьников младшего возраста с нарушением опорно-двигательного аппарата характерна направленность на себя, а не на других, их не интересуют переживания, мысли, чувства сверстников, только свои собственные. Это и отличает их от сверстников без патологий, для которых важным фактором взаимодействия является мнение других,

желание быть частью группы, сотрудничать, быть дружелюбными к сверстникам [4].

Второе это то, что дети с ДЦП имеют сложности в использовании средств общения. У них совершенно однообразный словарный запас, присутствует нарушение грамматического построения предложений, заикание и дизартрия. Затруднения в выборе адекватной мимической реакции [1]. Ребенку с нарушением функции опорно-двигательного аппарата сложно контактировать со сверстниками, так, как собеседник может не понять его слов и движений. Вследствие, после нескольких неудач, ребенок перестает проявлять инициативу к взаимодействию. Двигательные нарушения также оказывают влияние на невербальное общение. Если ребенок не может использовать общепринятые жесты, то передача информации затрудняется. Навыки невербального общения смогут развиваться только в том случае, если сверстники отнесутся к этим попыткам с пониманием [3].

Третье это сложности в межличностных отношениях, связанные с тем, что для детей с ДЦП характерно инфантильное поведение, чрезмерная навязчивость по отношению к другим людям, стремление к телесному контакту [1]. Дошкольники с ДЦП могут проявлять интерес в слишком активной и резкой форме, что часто отпугивает других детей [2].

Таким образом можно сказать, что детям с ДЦП намного труднее общаться с другими людьми, в частности со сверстниками, в силу своих двигательных, умственных ограничений. Многие здоровые дети боятся детей с ДЦП, т.к. никогда не встречались с ними раньше, что вызывает у ребёнка с ДЦП отрицательный опыт коммуникации со сверстниками. Так же ребёнок с ДЦП может просто не быть заинтересован в общении с другими т.к. является малоактивным, не способными первыми проявить инициативу и принять точку зрения другого. Поэтому родители должны помогать ребёнку не чувствовать себя одиноким, помогать ему становиться самостоятельным, насколько это позволяют возможности ребёнка, постепенно вводить ребёнка в общество, чтобы он не был асоциальным и у него нормально формировалась личность, психические функции и чтобы он мог себя сам позиционировать в социуме, и в дальнейшем самостоятельно жить в этом мире, они должны помочь ребёнку стать независимым, что бы он мог жить как полноценный человек, а не существовать как человек с ограничениями.

Библиографические ссылки

1. Власова, Т. А. Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата / Под ред. Т. А. Власовой. - М., 2000 – 54 – 57 с.
2. Гринина, Е.С., Максимова, С.В. Особенности общения дошкольников с ДЦП // Сборник научных статей [Электронный ресурс]. – Саратов, 2015. - С.42-29. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_24404241_69687020.pdf. - Дата доступа: 17.10.2021.
3. Гуровец, Г. В. Детская невропатология.- Естественно-научные основы специальной дошкольной психологии и педагогики: учеб.пособие для студ.-М.: Гуманитар.изд. центр ВЛАДОС,2004. – 303 с.
4. Мамаева, А. В. Система логопедической работы по формированию первоначальных коммуникативных умений у детей с церебральным параличом 7-9 –летнего возраста // Вестник КГПУ им В.П. Афанасьева, 2008. – С. 64-67.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА У ЖЕНЩИН С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

М. Х. Маметназарова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

menlimametnazarova@gmail.com

*Научный руководитель – Плакса Елена Владимировна, старший
преподаватель кафедры общей и медицинской психологии*

В данной публикации рассматривается временная перспектива у женщин, имеющих онкологические заболевания. Приводятся и обсуждаются результаты эмпирического исследования по выявлению особенностей временной перспективы. Объектом исследования выступает временная перспектива женщин, предметом – временная перспектива женщин с онкологическими заболеваниями. На основании полученных результатов делается вывод о том, что у женщин происходит смещение некоторых ориентаций во временной перспективе. Данная работа может выступать базисом для проведения дальнейших исследований, для разработки и усовершенствования программ, направленных на повышение эффективности лечения, реабилитацию и улучшение качества жизни пациентов с онкологическими заболеваниями.

Ключевые слова: временная ориентация; временная перспектива; женщины; онкологические заболевания; психологические особенности; онкопсихология.

Феномен временной перспективы – это способ построения психологического времени, который возникает на основе когнитивных процессов, разделяющих жизненный опыт человека на рамки прошлого, настоящего и будущего [1]. Некоторые индивиды более ориентированы на будущее, другие более ориентированы на настоящее или на прошлое.

Ф. Зимбардо с коллегами выделяют пять видов временной перспективы: негативное прошлое (PN), позитивное прошлое (PP), гедонистическое настоящее (PH), фаталистическое настоящее (PF) и будущее (FF). Для оценки временной перспективы Ф. Зимбардо был разработан опросник ZTPI (Zimbardo Time Perspective Inventory). Опросник «Временной перспективы» Ф. Зимбардо (ZTPI) дает возможность оценить временную ориентацию личности в различных жизненных обстоятельствах, так как в ней отражены все три измерения: прошлое, настоящее и будущее. Данный опросник на русскоязычной выборке был адаптирован А. Сырцовой с соавторами [2; 3].

В нашем исследовании мы изучали временную перспективу у женщин с онкологическими заболеваниями. В исследовании приняли участие 112 женщин (84 из них – с онкологическими заболеваниями). Всего было сформировано 4 группы респондентов: женщины с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы; женщины с онкологическими заболеваниями щитовидной железы; женщины с онкологическими заболеваниями молочной железы; условно здоровые женщины. Все женщины с онкологическими заболеваниями проходили стационарное и амбулаторное лечение в учреждении здравоохранения Минский городской клинический онкологический центр (УЗ МГКОЦ). Возраст участниц исследования – от 28 до 49 лет.

Первоначально мы оценили средние баллы по каждой из пяти шкал методики ZTPI для условно здоровых женщин и женщин с онкологическими заболеваниями. При сравнении полученных данных с нормативами, определенными А. Сырцовой, было выявлено, что подавляющее большинство шкал для обеих групп находятся в пределах среднего уровня выраженности. Исключение составляет только шкала «Негативное прошлое» – показатели групп женщин с онкологическими заболеваниями щитовидной железы и условно здоровых женщин попадают в высокий уровень выраженности. Для указанных групп женщин характерна высокая степень неприятия собственного прошлого. Такая особенность может быть связана как с действительным переживанием неприятных или травматичных событий в прошлом, так и с негативной реконструкцией нейтральных событий.

Так как средние баллы по каждой группе дают лишь общее представление о тенденции, далее мы более детально проанализировали выраженность той или иной временной ориентации в соответствии с нормативами А. Сырцовой. При адаптации методики автор выделяет три

уровня выраженности каждой временной ориентации: (1) низкий; (2) средний; (3) высокий [2]. Сводные данные по нашей выборке можно видеть в таблице ниже.

Показатели по шкалам методики ZTRI

Шкала	Условно здоровые женщины			Женщины с онкологическими заболеваниями								
				репродуктивной системы			молочной железы			щитовидной железы		
	низ.	сред.	выс.	низ.	сред.	выс.	низ.	сред.	выс.	низ.	сред.	выс.
PN	3	17	8	7	18	3	5	20	3	2	17	9
PP	10	18	0	13	15	0	10	18	0	2	20	6
PF	17	11	0	15	13	0	13	15	0	10	18	0
PH	6	19	3	9	11	8	7	21	0	7	17	4
FF	8	20	0	8	17	3	5	21	2	9	19	0

Все четыре группы, выделенные в исследовании, имеют разную структуру временной ориентации. Для женщин с онкологическими заболеваниями молочной железы и условно здоровых женщин ведущей (наиболее выраженной) является ориентация на будущее: они планируют свои предстоящие деятельности, предугадывают последствия своих действий, стремятся к достижению поставленных целей. С одной стороны, это может свидетельствовать о том, что для них не свойственно беспомощное и безнадежное отношение к настоящему периоду жизни, так как от того, какие действия они предпринимают «здесь и сейчас», зависит их будущее. С другой стороны, это может быть связано с синдромом «отложенной жизни» – уверенностью, что текущий момент – это лишь подготовка, а собственно «жизнь» – в будущем. Не исключено, что в группе условно здоровых женщин и в группе женщин с онкологическими заболеваниями щитовидной железы причины ведущей временной ориентации на будущее различны.

Для женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы ведущей является ориентация на негативное прошлое. Направленность данной ориентации свидетельствует о меньшей степени осознанности и принятия пережитых события, связанных с травматичным опытом. Для группы же женщин с онкологическими заболеваниями щитовидной железы более выраженной оказалась другая шкала – ориентация на позитивное прошлое. Такая направленность может свидетельствовать о том, что женщины умеют опираться на пройденные события, чувствуют связь с ними и оценивают их как положительные на

собственном жизненном пути. Однако подобного рода особенность временной перспективы может также свидетельствовать о заикленности на прошлом, пусть даже и позитивном. Вероятно, теплое и позитивное отношение к прошлому обосновывается тем, что на тот момент женщинам еще не был известен диагноз.

Очевидные различия также обнаружены по наименее выраженным ориентациям. Для группы женщин с заболеваниями репродуктивной системы и щитовидной железы в наименьшей степени выражена ориентация на гедонистическое настоящее. То есть ориентация на удовольствие в настоящем для этих женщин не является приоритетной и они способны принести что-то в жертву в настоящем, чтобы получить вознаграждение в будущем. Для групп с заболеваниями молочной железы и условно здоровых женщин наименее выраженной оказалась ориентация на фаталистическое настоящее. Женщины этой группы не считают, что их настоящее предопределено, а личность – подчинена судьбе.

Проведенный анализ временной перспективы у женщин с онкологическими заболеваниями позволяет говорить о разной структуре в зависимости не только о самого факта онкологического заболевания, но и от его вида. Несмотря на то, что некоторые элементы временной перспективы больных женщин схожи с элементами временной перспективы условно здоровых, механизмы, которые лежат в основе структуры временных ориентаций очевидно различны. Для женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной сферы наиболее выраженной является ориентация на негативное прошлое, наименее выраженной – на гедонистическое настоящее. Такую временную перспективу можно охарактеризовать как негативное аффективное отношение к прошлому, присутствие в нем травмы (возможно, это момент диагностики заболевания); в настоящем женщины не видят для себя поводов для наслаждения моментом, либо же способности к получению удовольствия снижены. Для женщин с онкологическими заболеваниями щитовидной железы наиболее выраженной является ориентация на позитивное прошлое, наименее выраженной – на гедонистическое настоящее. Также как и предыдущая группа они не видят в настоящем поводов для положительных переживаний, однако прошлое для них наполнено положительными переживаниями. С одной стороны, преобладание позитивного прошлого можно рассматривать как позитивную оценку опыта, с другой стороны это же может свидетельствовать о заикленности на прошлом. Учитывая специфику

функций щитовидной железы более реальным, скорее, является второй вариант. Для женщин с онкологическими заболеваниями молочной железы наиболее выраженной является ориентация на будущее, наименее выраженной – на фаталистическое настоящее. Будущее представляется им развернутым и насыщенным, что может свидетельствовать о расширении временной перспективы, но при этом такая направленность может быть своеобразным «смещением Я в будущее» в связи текущим состоянием. Осознание контроля над собственной жизнью мотивирует женщин на выстраивание планов на будущее.

Таким образом, наше исследование показало, что факт тяжелого (онкологического) заболевания оказывает влияние на временную перспективу женщин. В зависимости от типа заболевания ведущими являются разные временные ориентации, а также перестраивается вся структура временной перспективы.

Библиографические ссылки

1. *Зимбардо, Ф.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / пер. О.Ю. Гатановой. – СПб : Речь, 2010. – 352 с.
2. *Сырцова, А., Соколова, Е.Т., Митина, О.В.* Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – №. 3. – С. 101-109.
3. *Сырцова А.* Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ZTP1) // Культурно-историческая психология. – 2007. – Т. 3. – №. 4. – С. 19-31.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕВРОТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

М. В. Марчук

Белорусский государственный университет, г. Минск;

phs.marchuk@gmail.com

*Научный руководитель – Кулак Александра Иосифовна, кандидат
психологических наук, доцент кафедры медицинской и общей психологии*

В статье автор приводит результаты теоретического исследования, целью которого являлся анализ и характеристика психологических, социальных и, в меньшей степени, физиологических причин возникновения невротических расстройств. Невротические

расстройства характеризуются психогенным происхождением, обратимостью, отсутствием психотических симптомов, сохранностью критичности к своему состоянию, а конкретная симптоматика зависит от формы невротического расстройства. Были рассмотрены факторы, приводящие к их возникновению и развитию, а также проблема оценки распространенности невротических расстройств. Были актуализированы и предложены способы их профилактики.

Ключевые слова: невротические расстройства; невроз; психологические причины; социальные причины; психогении; тревожное расстройство.

Оценка распространенности невротических расстройств представляет значительные трудности. Они не охватываются систематическими исследованиями в области здравоохранения; помимо этого, невротическая симптоматика часто неочевидна и может быть выявлена не каждым специалистом в силу различий в профессиональных взглядах и компетенции; страдающие этими расстройствами люди далеко не всегда обращаются за помощью и не всегда имеют такую возможность; наконец, невротические расстройства могут быть отнесены к соматическим заболеваниям, индивидуальным особенностям или проявлениям якобы свойственных «всем людям» качеств [2].

О.А. Рагулина и А.В. Фокина [2] пишут, что трудно, даже приблизительно определить, частоту появления невротических расстройств. При эпидемиологических исследованиях, зависящих от точности их проведения и принятия определенной границы между неврозом и психическим здоровьем, а также между неврозом и психопатией, получены различные данные относительно количества больных неврозами среди населения, колеблющиеся от нескольких до десятков процентов. Большой процент пациентов, обращающихся к врачам различных специальностей (не к психиатрам), относится к больным неврозами. По данным этих специалистов, к общепрактикующим врачам и терапевтам обращается более 50 % таких больных.

Тревожные расстройства являются наиболее распространенными психическими расстройствами. Согласно эпидемиологическим исследованиям, одна треть населения страдает тревожным расстройством в течение своей жизни. Эпидемиологические исследования, которые провели Borwin Bandelow и Sophie Michaelis, свидетельствуют о том, что тревожные расстройства чаще встречаются у женщин. В среднем возрасте их распространенность наиболее высока. «Эти расстройства связаны со значительной степенью нарушений, высоким уровнем использования медицинских услуг и огромным экономическим бременем для общества» [5, с. 334].

Основными симптомами невротических расстройств, согласно В.Д. Менделевичу, являются психопатологические симптомы и синдромы непсихотического уровня, сочетающиеся с вегетативной (соматической) дисфункцией, возникающие вследствие воздействия на личность психической травмы и несовершенства механизмов антиципации и психологической компенсации [1].

Нет сомнения, что невротические расстройства – это в первую очередь психогении, вызванные травмирующими стимулами в виде информации [3]. Они могут развиваться в ходе длительного стресса, а могут возникнуть в результате сильной и внезапной психологической травмы. И, хотя распространено мнение о чисто психогенной природе невротических расстройств, трудно не признать факт опосредованного влияния на неврозогенез физиологических факторов (например, таких как физиологический стресс и следующие за ним истощение и усталость).

Основными физиологическими причинами возникновения невротических расстройств нами были выделены хроническая усталость, нехватка сна, утомляемость, чрезмерная чувствительность сенсорных систем, слабость нервной системы, обусловленные конституцией человека, его психофизиологическими особенностями, а также перенесенные инфекционные заболевания [3]. Влияние перечисленных факторов на неврозогенез происходит косвенно, однако мы считаем их уместными. Особую, решающую роль в формировании невротического расстройства, говоря обобщая, играют острые и хронические стрессы (дистрессы).

Психологическими и социальными причинами были названы внутриличностные и межличностные конфликты; нерациональные стратегии воспитания; сформированные родителями и значимыми другими невротические установки; неадаптивные способы совладения с проблемными ситуациями (копинг-стратегии); базальная тревога, базальное чувство небезопасности, заставляющее для обретения ощущения комфорта жестко следовать определенным стремлениям [4]; а также психологические травмы и особенности характера и психики отдельного человека.

Так как неотъемлемым фактором, сопровождающим вышеперечисленные причины, является стресс, основной мерой профилактики невротических расстройств выступает элиминация стрессовых раздражителей и разрешение внутренних конфликтов. Или, если невозможно полностью от них избавиться, имеет место попытка смягчить их воздействие или сделать психику человека более

натренированной, выносливой и устойчивой. Это успешно достигается с помощью психотерапевтического вмешательства и аутогенной тренировки.

Очевидными, но не менее эффективными мерами профилактики невротических расстройств являются режим питания организма, а также предоставление достаточного уровня физической активности, качественного отдыха и сна.

Большое значение имеют ранняя диагностика, а также эмоциональный климат в семье ребенка (если речь идет о самых ранних профилактических мерах), здоровые родительские практики [2], способствующие гармоничному развитию и формированию личности ребенка.

В ходе работы мы рассмотрели влияние стресса, а также нервно-психических перенапряжений и микросоциальных и внутренних конфликтов как основных причин патогенеза.

Причины, которые мы выделили в ходе данной работы, могут в разной степени влиять на возникновение невротических расстройств. Принятие во внимание вышеперечисленных причин дает понимание способов предотвращения невротизации личности, что в свою очередь, было и остается актуальной целью по сей день.

Библиографические ссылки

1. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза. – Казань.: Медицина, 2011. – 286 с.
2. Рагулина, О.А., Фокина, А.В. Родительские практики, способствующие появлению неврозов у детей // Эл. журнал «Современная зарубежная психология» - 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 46–53.
3. Свядощ, А.М. Неврозы и их лечение - 2-е изд., перераб. и доп.– М.: МЕДИЦИНА, 1971. – 448 с.
4. Хорни, К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория неврозов. – СПб.: Питер, 2021. – 240 с.
5. Bandelow, B. Epidemiology of anxiety disorders in the 21st century [Электронный ресурс] // Dialogues Clin Neurosci. – 2015. – Vol. 17. - №3. – P. 327 – 335. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4610617/>. – Дата доступа: 22.04.2022.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУИЦИДАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТЕЙ Я-КОНЦЕПЦИИ У ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ДОМА

И. В. Николенко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ilya.nik14@mail.ru;

*Научный руководитель – Столярская Евгения Викторовна, кандидат
социологических наук, старший преподаватель кафедры медицинской и
общей психологии*

Статья посвящена исследованию суицидальной направленности детей, которые остались без попечительства родителей, но это не отменяет того, что у детей, находящихся в полноценных семьях, отсутствует риск суицидального поведения. Объектом рассмотрения выступает суицидальная направленность личности подростков. Цель данного исследования, охарактеризовать суицидальную направленность личности подростков, воспитывающихся в условиях детского дома. Результаты исследования могут помочь педагогам, психологам, родителям иметь в виду роль помощи людям, находящимся в сложной жизненной ситуации.

Кроме того, это может помочь развить новые достижения для преодоления барьера при недопонимании с людьми, у которых проявляются суицидальные наклонности. Полученные выводы могут использоваться в работе психологической службы и учителей школ с целью профилактической и коррекционной работы с детьми или подростками, которые находятся в начальных стадиях проявления своей суицидальной предрасположенности. Разработанные рекомендации по коррекции суицидального контроля могут способствовать их переориентации на значимость своих собственных знаний и умений.

Ключевые слова: направленность личности; суицидальная направленность личности; я-концепция; дети; дети сироты; депрессия; меланхолия.

Актуальность данной темы заключается в том, что на данный момент, суицидальное поведение распространено заметно сильнее, чем 20-30 лет назад. За последние годы число суицидов среди подростков увеличилось в несколько раз, что вызвало столь пристальное внимание со стороны психологов, врачей, психотерапевтов. Этому могут свидетельствовать разные факторы: стигматизация, одиночество, депрессия, недопонимание со стороны близких и друзей. Особенность суицидального поведения заключается в том, что поведение подростка в этот период является крайне нестабильным: он очень чувствительный, эмоциональный, ранимый, и если хоть что-то пойдёт не так, то это может повлиять на его сознание, касательно мысли о смерти.

Направленность личности – система потребностей, мотивов интересов, убеждений, идеалов, ценностных ориентаций человека, придающих его жизни осмысленность и избирательность. Понятие «направленность личности» ввел в научный обиход С. Л. Рубинштейн как «характеристику основных интересов, потребностей, человека»

Суицидальная направленность личности – это совокупность осуществляемых индивидуумом действий, направленных на совершение суицидальной попытки, так же, может совершаться для привлечения внимания. Является одной из наиболее опасных форм кризисного реагирования, депрессивного и меланхоличного состояния, переживания потери близкого. Мы можем выделить 4 типа суицидентов: искатели смерти, инициаторы смерти, отрицатели смерти, и игроки со смертью, тут важно отметить, что это присуще не только детям, но и подросткам, и взрослым.

Основные теоретические положения суицидального поведения были заложены в социологии и социальной психологии - школой Э. Дюркгейма, а в клинической психологии - школой З. Фрейда.

Подростковый возраст — период в развитии человека, переходный этап между детством и взрослостью. Это один из критических переходных периодов в жизненном цикле, характеризующийся быстрым ростом и изменениями, который уступает только росту и изменениям в младенчестве. Д. Б. Эльконин выделял два периода в эпохе подросткового периода: младший подростковый возраст (12—14 лет) и старший подростковый возраст (ранняя юность) (15—17 лет).

Я-концепция - совокупность всех представлений человека о себе, включающая в том числе и оценку личных качеств. Я-концепция фактически состоит из набора установок, направленных на самого себя:

- 1) "образ Я" - представление индивида о самом себе (на основе сравнения с другими людьми);
- 2) самооценку - эмоционально окрашенную оценку этого представления;
- 3) потенциальную поведенческую реакцию - те конкретные действия, которые могут быть вызваны "образом Я" и самооценкой.

Понимание «образа Я» Р.Бернса связано с представлениями о самооценке, являющейся совокупностью установок «на себя» и суммой представлений индивида о самом себе.

Я-концепция как совокупность установок, направленных «на себя», подлежит рассмотрению при выделении описательной и оценочной составляющих. В большинстве определений установки подчеркиваются 3 главных составляющих:

1. Убеждение (может быть обоснованным и необоснованным) – когнитивная составляющая установки;
2. Эмоциональное отношение к этому убеждению – эмоционально-оценочная составляющая;
3. Соответствующая реакция (может выражаться в поведении) – поведенческая составляющая.

Гипотеза: У детей, воспитывающихся в детском доме, взаимосвязь суицидальной направленности и я-концепции выражена сильнее, чем у детей, воспитывающихся в родительских семьях.

Выборку составили 100 респондентов. Это подростки из полных семей (50 человек) и воспитывающиеся в условиях детского дома (50 человек), мужского и женского пола. Для изучения подростков, воспитывающихся в условиях детского дома, мы обратились в детский дом Фрунзенского района г. Минска. Для изучения подростков, воспитывающихся в домашних условиях, мы обратились в среднюю школу № 121 г. Минска.

В качестве методологических оснований исследования были определены: *Опросник суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой.*

Шкала суицидальной интенции А. Бека.

Тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев).

У подростков, воспитывающихся в детском доме – 11 баллов, что свидетельствует об умеренном уровне безнадежности.

Для них более актуальна аутосимпатия, саморуководство, самопоследовательность, самоуверенность.

Были выявлены взаимосвязи суицидальной направленности, и Я-концепции у подростков, воспитывающихся в условиях детского дома: чем больше проявляется максимализм ценностных установок у подростков, тем более для них значимо саморуководство и самопоследовательность.

чем больше у подростков представление о греховности самоубийства, боязни боли и физических страданий, тем более значимо самопринятие.

Чем больше подростки оправдывают суицидальное поведение и видят его привлекательным, тем менее характерно самообвинение.

Чем больше у подростков представление о своей несостоятельности, некомпетентности, ненужности, «выключенности» из мира, тем более преобладает аутосимпатия.

У подростков из полных семей, средние значения были – 7,37 балла, результат попадает в категорию легкой безнадежности, наблюдается самоуверенность и самопонимание и отношение других.

Были выявлены следующие значимые взаимосвязи: чем выше демонстративное желание привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, тем менее значимо подростков в Я-концепции отношение других и самопонимание. Чем выше уникальность, ощущение своей исключительности подростков, тем менее значимо самообвинение. Чем больше подростки оправдывают суицидальное поведение и видят его привлекательным, тем более их тенденции направлены против своего «Я». Чем более подростки не планируют свое будущее, тем им менее значимо отношение других к себе.

Таким образом, сложно говорить о подтверждении гипотезы, так как у подростков, воспитывающихся в школе и у подростков, воспитывающихся в условиях детского дома было выявлено по 4 слабые взаимосвязи по всем методикам. Не было выявлено взаимосвязей средних и сильных в обеих группах подростков.

Библиографические ссылки

1. Suicide in all continents in the young / A. Aprer [et al] // Oxford Textbook on Suicidology and Suicide Prevention. A global Perspective / edited by D. Wasserman, C. Wasserman. NY: Oxford University Press, 2009. P. 621-628.
2. Татаренко Д.Д. Адаптация семьи к новой социальной ситуации развития с приемными детьми // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. – Сер. Психологические науки. – 2010. – 210-295 с.
3. Татаренко Д.Д. Детско-родительская адаптация в замещающих семьях // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. – Сер. Психологические науки. – 2012. – С. 541-609 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМ ТРАВМАТИЧЕСКИМ ОПЫТОМ

Д. Р. Шарипова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

darya.sharypava@mail.ru

*Научный руководитель – Солодухо Александр Сергеевич, кандидат
психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной
психологии*

В статье проведен теоретический анализ литературы по проблематике травматического опыта, выделены особенности личности, перенесшей травматический опыт. Цель исследования – охарактеризовать особенности личности с различным травматическим опытом.

Данная работа может выступать теоретической базой для выполнения дальнейших эмпирических исследований. Также, выявляя личностные особенности личности с различным травматическим опытом, возможно разрабатывать программы реабилитации и помощи таким лицам.

Ключевые слова: личностные особенности; психологическая травма; эмоциональное насилие; ПТСР.

Современные специалисты – психологи, психотерапевты, терапевты, педиатры, социальные работники, педагоги сегодня все больше обращают внимание на состояния, возникшие в результате изменения поведения людей, оказавшихся в районах боевых действий, переживших природные катастрофы, подвергшихся физическому, психологическому и сексуальному насилию, пыткам и другим стрессовым событиям [1].

При более детальном рассмотрении такого травматического опыта, как эмоциональное насилие, выделим следующее.

Критерии, по которым эмоциональное насилие отличается от агрессии, проявление которой возможно в ежедневном общении как компоненте здоровой коммуникации при прояснении границ взаимодействия между людьми [9]:

1. Дисбаланс власти в отношениях между жертвой и агрессором
2. Отсутствие у агрессора эмоциональной охваченности эмоциями
3. Длительность воздействия
4. Ощущение безвыходности, невозможность жертвы выйти из устоявшегося паттерна патологической коммуникации.
5. Чувства страха и беспомощности жертвы.

В этой связи эмоциональное насилие рассматривается нами как травматический стрессор, поскольку жертва испытывает столь интенсивные негативные эмоциональные состояния, которые сопоставимы с ощущением угрозы жизни, что может иметь серьезные отсроченные психологические последствия, такие как: трансформация базовых убеждений человека о доброжелательности и справедливости мира, изменение характера отношений с другими людьми, появление новых личностных характеристик, которые не были характерны для человека ранее (депрессивность, агрессивность, эмоциональная холодность, замкнутость и пр.). Такой вид насилия весьма популярен и возможен в любых типах межличностной коммуникации: супружеских, детско-родительских, семейных системах, в образовательном пространстве, профессиональном взаимодействии и т. д. [9]

В настоящее время широко признано, что стресс в раннем возрасте в форме пренебрежения (отсутствия заботы) может способствовать возникновению серьезных психических (депрессия, биполярное аффективное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), посттравматический стресс (ПТС), злоупотребление психоактивными веществами и пр.) и медицинских (сердечно-сосудистые заболевания, диабет и др.) расстройств во взрослом возрасте [7; 8]. Для объяснения того, что неблагоприятный детский опыт может способствовать формированию негативных моделей отношений, используются теория социального научения и теория привязанности. Также то, насколько этот паттерн легко воспроизводится даже при наблюдении за ним со стороны, показано в исследованиях особенностей семейного взаимодействия. И.А. Фурманов показал, что эмоциональное насилие является устойчивым поведенческим фактором в ситуации, когда ребенок становится свидетелем агрессивных взаимоотношений между собственными родителями. В последствии эта включенность в отношения родителей может приводить к тому, что в будущих супружеских отношениях ребенка наиболее вероятно он будет проявлять насилие к собственному партнеру [6].

Наиболее интересной является модель, созданная в лаборатории «Личность и стресс» Московского государственного университета под руководством М. Эминова, и называется она «Общепсихологическая или личностно-ориентированная модель ПТСР» [3, 10]. Авторы модели говорят о личностной обусловленности симптомов ПТСР и предлагают рассматривать личность, попавшую в аномальную ситуацию в иной

парадигме «жизни-смерти», когда смерть как бы «врывается» в опыт жизни, и опыт смерти становится частью опыта жизни. При этом с личностью происходят глубокие трансформации: разрушается базовая иллюзия бессмертия, разрушаются ценностно-смысловые структуры личности. Происходит фиксация на моменте травмы. Это когда происходит разрыв между «я-прошлым» и «я-настоящим», и та первая острая симптоматика, которая возникает под воздействием «ситуации», и связанной с угрозой жизни, безопасности и благополучия, представлена явлениями деперсонализации, дереализации (нарушениями представлений человека о мире и о себе). Себя человек воспринимает как не справившегося с проблемой, слабого, незащитного, что и создает симптоматику деперсонализации. В психоанализе такое состояние называется «расщеплением личности», когда нарушаются связи между аспектами психики. В первую очередь страдают когнитивные функции, отключаются механизмы выживания, рефлекс, индивид не видит будущего, впрочем, как и прошлого тоже. Человек может переносить все травматические ситуации на окружающую среду: это сильно мешает нормальной жизни, потому что эту травму он формирует в своем окружении [4].

В исследовании Л. Ш. Бостановой, Богатырева А.С., Акбаевой Д.Д. показано, что хотя психотравмирующее событие (стрессор) необходимо для развития ПТСР, ранимость психики пострадавшего играет ключевую роль. Одни люди в состоянии перенести сильную психическую травму, а у других ПТСР развивается после гораздо менее серьезного события [2]. В основе психической ранимости могут быть: травма в детском возрасте, параноидные особенности личности, зависимая или антисоциальная личность, пограничная психическая патология, неадекватные социальные отношения, психические заболевания в семье, недавние психотравмирующие события в личной жизни, злоупотребление алкоголем и т. д. [5].

Таким образом, стоит отметить, что не для всех людей, перенесших психологическую травму, характерны эти состояния. Определяющую роль играет индивидуальная способность человека справляться с травматическими событиями, психическая ранимость (включая детские травмы, неадекватные социальные отношения, недавние психические травмы и т.д.). Однако травма является тем, что нарушает жизненную перспективу, у индивида разрушается базовая иллюзия бессмертия, разрушаются ценностно-смысловые структуры личности.

Может произойти фиксация на моменте травмы: разрыв между прошлым жизненным опытом и настоящим. Могут страдать когнитивные функции отключаться механизмы выживания, рефлекс, человек может не видеть будущего, как и прошлого. Психологические травмы влияют и на социальную сферу, то есть, травматический опыт воздействует на общение с близкими, профессиональные и прочие отношения.

Библиографические ссылки

1. *Бостанова, Л.Ш.* Особенности профилактики развития посттравматического стрессового расстройства // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2019. – № 10 (176). – 407–411.
2. *Бостанова, Л. Ш.* Психологические особенности посттравматических стрессовых расстройств // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. – 2019. – №. 11 (177).
3. *Боев, И.В., Обухов, Я.Л.* Символдрама: коррекция личностных и поведенческих нарушений : монография. – Ставрополь : Сервисшкола, 2009. – 167 с.
4. *Бостанова, Л. Ш., Бостанова, С.Н.* Теоретический анализ проблемы посттравматического расстройства личности // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. – 2018. – №. 10 (164).
5. *Узденова, А.М., Каппушева, М.Р., Тешелева, Л.А.* Нарушение суверенности личности как предиктор ее идентификации с агрессором // Семья и личность: проблемы взаимодействия. – 2019. – № 13. – С. 130–143.
6. *Фурманов, И.А.* Эндогенные и экзогенные факторы агрессии и насилия в семье // Психологический журнал. – 2008. – № 2 (18). – С. 9–14.
7. *Казымова, Н.Н., Быховец, Ю.В., Дымова Е.Н.* Психотравмирующие последствия переживания эмоционального насилия женщинами раннего взрослого возраста // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – №4. – С. 78–84.
8. *Tafet, G.E., Nemeroff, C.B.* The links between stress and depression: psychoneuroendocrinological, genetic, and environmental interactions // Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. – 2016. – Vol.28. – №2. – Pp. 77–88.
9. *Быховец, Ю.В., Казымова, Н.Н.* Опыт эмоционального насилия и особенности личностной сферы у людей раннего и среднего взрослого возраста // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8. – №. 6.
10. *Магомед-Эминов, М. Ш.* Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестн. Моск. ун-та. Сер. – 1996. – Т. 14. – С. 26-35.

СЕКЦИЯ 20. МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРАЗДНИКА 8 МАРТА

А. Е. Бородкина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

borodkina.anastaishe4@gmail.com

Научный руководитель – Пинчук Игорь Викторович,

кандидат социологических наук

В публикации автор обращается к проблеме трансформации символического значения праздника 8 марта. Предметом исследования выступает праздник 8 марта, целью – исследование и характеристика трансформации символического значения праздника 8 марта. Работы, которые освещают данную проблематику в белорусской студенческой среде, в открытом доступе в настоящее время не представлены. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программ, направленных на повышение осведомленности студентов, молодых учёных о существующей проблеме.

Ключевые слова: гендерные праздники; 8 марта; феминизм; советские праздники.

Государственные праздники, как известно, являются частью культуры общества, выражением ценностей, способом закрепления значимых в конкретном обществе событий. Большинство людей воспринимает праздник как радостное событие, вносящее разнообразие в рутину повседневной жизни и дающее возможность отдохнуть и повеселиться. Также праздники отражают особенности конкретного общества и многое говорят о нём. Международный женский день (далее МЖД) 8 марта давно полюбился жителям стран СНГ. По данным исследования ВЦИОМ в 2018 году 88% россиян отмечают МЖД [1]. Можно предположить, что в современном обществе этот праздник утратил первоначальный смысл и теперь вместо дня борьбы за права женщин, стал днём цветов и подарков, наряду с 14 февраля. Более того, некоторые до сих пор не знают о происхождении этого праздника. По данным социологического опроса проведенного в феврале 2017 года, исследовательским агентством Zoom Market, для более чем 73% россиян, попавших в выборку праздник 8 марта,

является одним из любимых праздников в году, но при этом с историей праздника знакомы не более 18% россиян [9].

По мнению исследователей, история праздника связана с движением женщин за свои права в Западной Европе и США, начало которому было положено на Второй Международной социалистической женской конференции, проходившей 27 августа 1910 г. в Копенгагене в рамках Восьмого конгресса Второго Интернационала, Клара Цеткин предложила учредить «день борьбы за права женщин» и «праздновать 8 марта как международный женский день социалистического движения - женский вариант праздника Первого мая» [6, С.348]. После Октябрьской революции 1917 г. положение женщин претерпело кардинальные изменения. В Конституцию 1918 г. была включена статья о полном равноправии женщин и мужчин. Решив женский вопрос юридически, необходимо было фактически приобщить женщин к социалистическому строительству. В самые первые годы советской власти – время Гражданской войны и иностранной интервенции – День 8 Марта не отмечался. В 1921 г. на 2-й Коммунистической женской конференции было решено праздновать Международный женский день 8 Марта в память о женской забастовке в Петрограде в 1917 г., послужившей началом Февральской революции. Постепенно проведение праздника становилось неотъемлемой частью партийной работы СССР среди женщин по вовлечению их прежде всего в процесс индустриализации и модернизации советской промышленности. Первоначальный смысл праздника, выражающий женскую солидарность, отходил на второй план [4]. В «Малой советской энциклопедии», изданной в 1930 г., указывалось, что Международный коммунистический женский день 8 марта – это праздник «нового быта», созданный для политического воспитания работниц и вовлечения их в движение пролетариата, мобилизации сил для международной революции [2, с. 87-89]. Е. Р. Ярская-Смирнова и Г. Г. Карпова подчеркивают, что празднование 8 Марта было призвано усилить именно общественную сторону жизни советской женщины [7, с. 147]. При этом закономерно и важно, что инициатива придать празднику широкий политический размах исходила не от женщин, а от партийных органов. Стоит отметить, что 5 января 1930 года женотделы как органы по работе среди женщин были вовсе ликвидированы. В результате вместо женских организаций советские женщины получили праздник – Международный коммунистический женский день 8 Марта. В ежегодных празднованиях 8 Марта власть создавала образ государства, которое предлагает женщинам

принимать активное участие в социальной жизни советского общества. Агитация и пропаганда, направленные на вовлечение женщин в процесс государственного и экономического строительства и приуроченные к 8 Марта, не являлись единственной целью власти. Наиболее важной для создания и поддержания имиджа «заботливого» государства была демонстрация улучшения положения женщин [4].

В 1960-х гг., после реконструкции разрушенного во время Великой Отечественной войны народного хозяйства, новые общественные горизонты для женщин были исчерпаны. За исключением сферы принятия решений все социальные показатели были выполнены, а по ряду отраслей даже перевыполнены [4].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г., т. е. в канун 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, МЖД 8 Марта объявлен в СССР нерабочим днем «в ознаменование выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве, в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, их героизма и самоотверженности на фронте и в тылу, а также отмечая большой вклад женщин в укрепление дружбы между народами и борьбу за мир». Аргументация, приведенная в обоснование решения, не связывает женские интересы с данным праздником, не содержит намеков на революционный настрой женщин в 1917 г. День 8 Марта был вписан в цикл праздников, посвященных Дню Победы [2].

Во время проведения Международного года женщин в 1975 г. МЖД был официально признан ООН и принят многими правительствами, которые прежде не знали о его существовании [3]. Посвященные «Дню борьбы за права женщин и международный мир» мероприятия приурочивались ООН к 8 Марта. Поэтому многие женщины продолжают видеть в МЖД важный повод для действий по поводу политических, экономических и социальных прав женщин. Государство плавно заменило митинги, шествия и протест, на цветы и подарки. Для экономики страны это намного безопаснее, ведь дополнительная рабочая сила и инструмент воспроизводства нового поколения принесёт больше пользы, чем женщины, которые будут стремиться идти вверх по карьерной лестнице или вовсе откажутся рожать.

В 1970-1980-х гг. появились новые акценты в праздновании 8 Марта. Страницы газет, обращения, открытки украшались изображениями цветов, а женщинам желали частных ценностей – крепкого здоровья, большого счастья и т. д. Позже к этой тенденции подключились маркетологи и

внесли свои коррективы в смысл этого праздника. Теперь, чтобы продавать цветы, украшения и женскую одежду существовал отдельный день в году. Все эти товары продавались и в остальные дни, но наибольших продаж можно было достичь только, убедив всех людей, что хрупкие и нежные женщины нуждаются в заботе и подарках, а не в правах и возможностях. По результатам исследования сервисов «Добро Mail.ru» и «Леди Mail.ru» больше половины опрошенных (57%) воспринимает 8 марта как Международный женский день, а 30% – как День весны. Только 7% заявили, что 8 марта – это день, посвященный борьбе за права женщин, а 5% назвали его днем в поддержку женщин. Относительно подарков к 8 марта опрос показал следующие результаты: 62% женщин считают, что цветы, конфеты и духи – это приятные подарки на 8 марта. С ними согласны 49% мужчин. Более того, 22% опрошенных, вне зависимости от пола, уверены, что это обязательные символы праздника [5]. С помощью сервиса Google Trends, можно проследить динамику популярности запросов на тему подарков к 8 марта. Так запрос «купить цветы» в период с 6 по 12 марта 2022 года достигает наивысшей точки популярности, аналогичная ситуация с поисковым запросом «купить фен дайсон» в период с 27 февраля по 5 марта 2022 года [8].

Таким образом, Международный женский день 8 марта меньше чем за столетие превратился из дня борьбы за права женщин в день подарков и цветов. Данной трансформации поспособствовало правительство СССР, которое стремилось реализовать идеи своей партии за счёт введения дополнительного государственного праздника, и под видом женского дня продвигать идеи социализма и заботливого государства. В настоящее время этот результат активно подкрепляется маркетологами, которые стараются заработать на ажиотаже, вызванным 8 марта.

Библиографические ссылки

1. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/ https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kalendar-prazdnikov-chto-otmechayut-rossiyane](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kalendar-prazdnikov-chto-otmechayut-rossiyane) /. – Дата доступа: 25.04.2022
2. Малая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007883775/. – Дата доступа: 25.04.2022
3. Международный женский день. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/observances/womens-day/>. – Дата доступа: 25.04.2022
4. Международный женский день 8 Марта как инструмент формирования советской политической культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-zhenskiy-den-8-marta-kak-instrument-formirovaniya-sovetskoy-politicheskoy-kultury/viewer/>. – Дата доступа: 25.04.2022

5. РБК Тренды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/622481cb9a794763d14088b1/>. – Дата доступа: 25.04.2022
6. *Стаймс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, Москва, РОССПЭН 1860—1930, 2004.
7. *Ярская-Смирнова Е. Р., Карпова Г. Г.* Международный женский день // Слов. гендерных терминов / ред. А. А. Денисова. Москва, Информация — XXI век, 2002.
8. Google Trends [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU/>. – Дата доступа: 25.04.2022
9. Zoom Market [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mazm.ru/article/a-1981.php/>. – Дата доступа: 25.04.2022

КОНФЛИКТ КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

Д. П. Брагина, А. А. Короляш

Белорусский государственный университет, г. Минск;

darabragina6@ gmail.com, angelinakorolas@gmail.com

Научный руководитель – Калачева Ирина Ивановна,

доктор исторических наук, профессор

Конфликт – это сложный, но разрешимый процесс, который характеризуется противоборством двух субъектов, может сопровождаться выбросом негативных эмоций и возникает исключительно вследствие социального взаимодействия участников друг с другом. В большинстве случаев конфликт можно решить словесно, поэтому грамотная коммуникативная стратегия поможет одержать победу над оппонентом. Но в этом состоит основная сложность: правильно подобрать инструменты, уметь ими воспользоваться. Анализ конфликта как коммуникации может помочь с выбором стратегии и тактик, а также с обнаружением ошибок в собственной аргументации и посылах оппонента. Объектом исследования выступает коммуникация во время конфликта между отдельными индивидами или группами. Целью работы стал анализ коммуникации в конфликте. В результате исследования было установлено, что конфликт несет в себе важнейшие функции, и четкое понимание их может повлиять на весь ход дискуссии. Ценность результатов заключается в том, что они могут подтолкнуть общество к решению данной проблемы, а практическая значимость итогов работы связана с применением их в решении теоретических или практических проблем социальных коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникация; конфликт; стратегия; модель поведения; переговоры.

Необходимо признать, что конфликт – это совершенно естественная, нормальная и даже здоровая составляющая любых отношений, несмотря на то, что большинство людей предпочитает избегать этой темы.

Конфликт был определен как столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов [3]. Для того, чтобы конфликт считался настоящим, должна быть выраженная борьба. Иногда разногласия двух субъектов выражаются словесно, а иногда через взгляд или тон голоса – все зависит от контекста ситуации. Конфликт возникает между взаимозависимыми сторонами или людьми, которые так или иначе зависят друг от друга. Он особенно распространен в отношениях с высокой степенью взаимозависимости, таких как близкие друзья, члены семьи или коллеги. Конфликт возникает в восприятии нехватки ресурсов. Обычно воспринимаемые дефицитные ресурсы – это деньги и время, власть и пространство. Конфликт также включает в себя вмешательство. Если одна сторона с чем-то не согласна или имеет противоположные цели о чем-то, это еще не является полноценным конфликтом, и становится он таковым только тогда, когда обе стороны действуют таким образом, что мешают друг другу достичь целей.

Конфликт во многих случаях не является приятным опытом. Такие отношения оставляют иногда непоправимые последствия, особенно когда участником конфликта является уязвимый человек. Но конфликт несет в себе не только негативное влияние на отношения и самих людей, это показывают его функции. Существует пять основных функций, которые конфликт выполняет как между различными группами, так и внутри одной группы. Это соединение, определение, ревитализация, разведка и репликация [1].

В первую очередь конфликт обеспечивает основной способ утверждения своих отношений с другим человеком. Он сохраняет между группами форму переговоров и тем самым соединяет группы и их части. Это также может происходить внутри групп, сбрасывая напряженность между членами, которая может нанести вред. Одним из признаков профессионального поведения является то, что люди, которые не проявляют симпатию друг к другу, могут, тем не менее, работать вместе.

Конфликт между группами обостряет их внешние границы. Это усиливает ощущение «нас» по сравнению с «ними» и дает четкое определение о различиях между рангами и социальными уровнями.

Также конфликт между группами оживляет традиции и нормы этих самых групп. Функция ревитализации дает индивиду возможность обратиться к своим установкам или вновь принять ценности, лежащие в основе членства в группе.

Сбор информации, разведка, позволяет участнику конфликта провести аналитическую работу по поиску нужных данных. Мелкомасштабные конфликты часто определяют, стоит ли затрачивать усилия на крупномасштабные.

Среди групп конфликт вызывает репликацию. Поскольку конфликты между группами служат для возрождения нравов и традиций, можно ожидать, что внутри группы будет наблюдаться большее соответствие в поведении. Каждый человек каким-то образом копирует другого. Как пример, многие школы организуют соревнования между классами за посещаемость и оценки с намерением, чтобы групповое давление подтолкнуло отдельных учащихся в классе к достижению уровня группы.

Важно, как мы ведем себя во время конфликта. Психолог Джон Готтман разработал модель конфликтного поведения, сигнализирующего о дистрессе во взаимоотношениях. Он назвал эту модель «Четыре всадника Апокалипсиса», и она включает в себя критику, презрение, защитную реакцию и воздержание. Критика предполагает предъявление претензий друг к другу и обвинение в причине конфликта. Она также включает глобальные утверждения о ценности или добродетелях человека вместо конкретной критики по теме. Презрение – это выражение оскорблений и нападок на чужую самооценку. Это обзывание, сарказм, насмешки над другим человеком и враждебное невербальное поведение, такое как закатывание глаз или насмешки. Исследования показывают, что презрительное поведение может увеличить физический стресс и ухудшить здоровье. Защитная реакция говорит о том, что вы считаете себя жертвой и отрицаете ответственность за свое поведение. Вместо того, чтобы на самом деле выслушать опасения партнера и признать необходимость перемен, защищающиеся люди ноют, оправдываются и реагируют на жалобы жалобами. Воздержание – это просто закрытие и уход от разговора или взаимодействия. Практикуя воздержание, люди перестают смотреть на своих партнеров, перестают говорить и перестают реагировать. Иногда они даже выходят из комнаты, чтобы закончить разговор. Готтман обнаружил, что люди склонны останавливаться, когда чувствуют, что больше не могут участвовать в разговоре.

Однако надлежащее управление конфликтами действительно может принести пользу. Когда люди работают через свой конфликт в позитивной, конструктивной манере, они могут узнать больше друг о друге и их взаимоотношениях. Конфликт также может привести к тому, что они найдут более удовлетворительное решение проблемы, чем любой из них

мог бы придумать самостоятельно. Конструктивное управление конфликтами также может помочь предотвратить превращение небольших проблем в большие.

Современная конфликтология выделяет пять стратегий возможного поведения индивида (или группы) в конфликтной ситуации: избегание, аккомодация, компромисс, конкуренция и сотрудничество [2]. Следует отметить, что не существует единого правильного способа управления всеми конфликтами: каждая ситуация должна быть оценена на предмет ее наиболее подходящей стратегии.

В стратегии избегания стороны в первую очередь игнорируют или не справляются с конфликтом. Это говорит о низкой заботе о себе и низкой заботе о другом, потому что конфликт не может быть разрешен с помощью этой стратегии. Однако это не всегда плохая стратегия, поскольку многие люди в удовлетворительных отношениях предпочитают игнорировать или избегать определенных тем, пытаясь сохранить гармонию. Однако, когда избегание является основной стратегией, важные конфликты остаются нерешенными, что приводит к неудовлетворению обеих сторон.

Аккомодация демонстрирует высокую заботу о другом и низкую заботу о себе. Здесь вы просто уступаете. Когда вы просто сдаетесь, вы откладываете свои собственные потребности в сторону. Это может хорошо работать в краткосрочной перспективе, но также может привести к накоплению неудовлетворенности с течением времени. Однако не все отношения имеют равную силу у обеих сторон, например профессор-студент. В этих типах отношений уступчивость, безусловно, не всегда является плохим выбором для человека, находящегося в менее сильной позиции.

Компромисс отражает некоторую степень заботы о потребностях и желаниях каждого. Здесь каждый должен немного отказаться от того, чего хочет. Компромисс требует времени и терпения, но часто приводит к более желательным результатам, чем некоторые другие стратегии.

Конкуренция означает высокую степень заботы о себе, но низкую степень заботы о другом. В этой стратегии вы просто хотите по-своему, независимо от того, чего хочет другой человек. Это не всегда плохой выбор, так как некоторые отношения процветают на конкуренции. Он становится проблематичным, когда в нем нарастает чувство обиды или возникают цели личностного характера, абсолютно не связанные с основной темой конфликта.

Сотрудничество предполагает высокую заботу о себе и высокую заботу о другом. Цель здесь – беспроеигрышная для обеих сторон. Эта стратегия может потребовать много времени и творчества, но обычно приводит к удовлетворительным результатам.

Конфликт естественен, нормален и даже может быть полезен для взаимоотношений. Разница между тем, является ли конфликт положительным или вредным для отношений, часто заключается в поведении каждой стороны во время конфликта и управлении конфликтом каждой стороной. Нет идеального способа справиться со всеми конфликтами, но при некотором терпении и творчестве конфликт может быть очень позитивным для отношений. Для разрешения конфликта важно иметь в своем распоряжении различные подходы, уметь гибко пользоваться ими, выходить за пределы привычных схем и чутко реагировать на возможности и поступать, мыслить по-новому. В то же время можно использовать конфликт как источник жизненного опыта, самовоспитания и самообучения.

Библиографические ссылки

1. Козер Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер. – М.: Американская социологическая мысль, 1996. – С. 542-556.
2. Джерелиевская М. А. Установки коммуникативного поведения / М. А. Джерелиевская. – М.: Смысл, 2000. – 180 с.
3. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения / В. С. Третьякова. – Екатеринбург: Изд-во Урал., 2002. – 287 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. М. Гирдюк

Белорусский государственный университет, г. Минск;

elizavetagirdyuk@yandex.by

Научный руководитель – Калачёва Ирина Ивановна,

доктор исторических наук, профессор

В публикации автор обращается к проблеме формирования ценностных ориентаций молодежи Республики Беларусь. Приводятся результаты исследований, которые образуют социокультурный портрет современного белорусского общества. Объектом

исследования выступают ценностные ориентации молодежи, цель – показать роль социальной рекламы в формировании ценностных ориентаций. Несмотря на актуальность и важность данной темы, она недостаточно исследована. Данная работа может выступать основой для разработки мероприятий и программ для молодёжи, направленных на улучшение рекламной коммуникации в белорусском обществе.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; молодежь; социальная реклама.

В современных условиях, когда по всему миру происходит ряд негативных социальных трансформаций, одну из важных ролей в обновлении ценностных парадигм играет социальная реклама. Социальная реклама в Беларуси привлекает внимание общественности к существующим проблемам, как в краткосрочной перспективе, так и в долгосрочной, преследуя цели изменения модели поведения, формирования новых идеалов и ценностей, которые будут способствовать искоренению негативных социальных тенденций. Мировое сообщество, и в том числе нашу страну, захлестнуло огромное количество проблем, следствием чего может стать «кризис ценностей». Сейчас, как никогда ранее, важно сформировать нравственные ориентиры для молодёжи, но не менее важным становится вопрос о том, как донести их до целевой аудитории, какие технологии могут быть наиболее эффективными.

Такой технологией может стать социальная реклама. В широком значении термин «социальная реклама» – это реклама, которая направлена на изменение мировоззренческих позиций. Социальная реклама, как и любая другая, живет и работает в трехмерном пространстве – пространстве формирования представлений, отношений и действий. Но, в отличие от других образцов рекламной индустрии, она формирует представление не о продукте, а о вполне конкретной, общественной проблеме, о путях ее решения, о социально-полезном и социально-безопасном поведении. И, соответственно, способствует формированию определенных отношений к этой проблеме, информирует о способах ее решения. Социальная реклама содержит мотивацию к совершению нужного, желаемого действия, но направленного не на удовлетворение частных потребностей человека, а на действия социально-полезного характера. Данный вид рекламы имеет большой потенциал для просвещения молодого населения в современном обществе путем реализации своих функций: информационной, идеологической, социоинтегративной, воспитательной и эстетической [2].

Социальная реклама имеет свой потенциал для преодоления социальных угроз, она является новым явлением в информационном пространстве, она способна привлечь внимание молодого поколения и

заставить их задуматься о сущности явлений современности. Поэтому так важно представлять разнообразие тематик, к которым обращается социальная реклама:

По данным социологического исследования в Республике Беларусь на 2020 год проживало более 1,8 млн. человек в возрасте 14 – 31 лет и молодежь составляла почти 20% от общего количества населения. В социологическом энциклопедическом словаре понятие «молодежь» рассматривается как социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Возрастные границы молодежи размыты и подвижны, как правило, к молодежи причисляют людей в возрасте 14-30 лет [4].

Сегодня, то, как современный молодой человек взаимодействует с миром, отражают его ценности и ценностные ориентации. Ценности - социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь, дружба [4].

Ценностные ориентации понимаются как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те, или иные цели, имеющие для нее смысложизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций [1].

Нами были проанализированы результаты двух социологических исследований: «Социокультурные механизмы и факторы консолидации белорусского общества» и «Социокультурный портрет современного белорусского общества», где по методике изучения базовых ценностей Н.Лапина было выделено 14 ценностей [3].

Базовыми ценностями в исследовании выступали: нравственность, благополучие, своевольность, свобода, работа, порядок, общительность, властность, жертвенность, независимость, инициативность, семья, жизнь человека, традиция. Реципиенту необходимо было проранжировать данные ценности, результаты были отображены в виде таблицы, где значимость ценности определялась в интервале от 1 до 4, где 1 – абсолютное несогласие; 4 – абсолютное согласие.

Проанализировав полученные данные, можно отметить следующее: признание ценности и неприкосновенности человеческой жизни занимает доминирующую позицию в иерархии базовых ценностей молодых

белорусов. Высокий уровень поддержки ценности порядок свидетельствует о большой значимости для белорусского общества стабильности и организации социальных отношений, сформированных на основе соблюдения установленных законов, правил и норм. Кроме того, можно отметить устойчиво высокую значимость социальной стабильности, которая основывается на обеспечении личной безопасности и признании приоритетной важности свободы для жизни человека. Государству необходимо учесть риски и угрозы, связанные с тем, что у молодого поколения преемственность традициям и нравственности находится на пугающе низком уровне, помочь скорректировать данную тенденцию может социальная реклама, однако трудной проблемой здесь может выступить ее восприятие.

Восприятие социальной рекламы – это достаточно сложный процесс.

Современный молодой человек каждый день сталкивается с огромным количеством рекламных сообщений, просматривает кучу рекламных роликов, но небольшая часть всего этого действительно способна привлечь внимание. В условиях нехватки времени, деформации критического мышления и дефицита достоверной информации происходит процесс, при котором человек способен себя идентифицировать с другими людьми, адаптировать их поведение под свое, наделяя их собственными характеристиками. Восприятие рекламного сообщения зависит от его содержания, визуального ряда и от использования таких приемов и психологических техник как внушение и убеждение в воздействии на реципиента.

Механизм воздействия социальной рекламы на молодую целевую аудиторию можно описать так:

1. Привлечение внимания.

1.1. Актуальность и новизна проблемы, к которой мы апеллируем.

1.2. Использование контрастных раздражителей, которые нарушат привычный фон восприятия реципиента.

1.3. Соответствие социальной рекламы потребностям лица, которому она адресована.

2. Восприятие рекламного сообщения.

3. Запоминаемость.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что социальная реклама способна содействовать укреплению и формированию нравственных ценностей среди молодежи. Социальная реклама является новым видом технологий массовой коммуникации,

влияние которой становится все более эффективным в работе с разными целевыми группами.

Социальная реклама в нашей стране преимущественно, разрабатывается и транслируется государством, она не содержит в себе т.н. «коммерческий мусор», не перекликается с другими видами рекламы, не «давит» на человека, имеет в себе огромный потенциал, способна стать формой общественной рефлексии. Для этого государственным институтам и органам власти, следует повысить свой «кредит доверия» среди разных возрастных групп населения, уделяя особое внимание молодежи. Разработчикам социальной рекламы в Беларуси и государственным структурам необходимо обратить свое внимание на такие важные темы как нравственность, ценность традиций, преемственность диалога культур, диалог государства и молодежи.

Библиографические ссылки

1. Журавлёва Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе / Н. А. Журавлёва. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – С.44-45.
3. Калачёва, И. И. Социальная реклама: учебное пособие / И. И. Калачёва. – Минск: БГУ, 2017. – 135 с.
2. Лашук, И. В. Ценностная трансформация современного белорусского общества / И. В. Лашук // Журнал Белорусского государственного университета. – 2021. – с. 90-99.
4. Jary, D. Collins Dictionary of Sociology / D. Jary, J. Jary. – New York: HarperCollins, 1995. – 774 p.

СТЕНДАП КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МЕДИАЦИЯ

А. А. Карпыза

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nastyakarpiza.ru@mail.ru

Научный руководитель – Гафарова Юлия Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент

Цель данной статьи – выявить факторы, обуславливающие выполнение стендапом функции социально-культурного медиатора. В статье описывается история возникновения стендапа, его жанровые особенности и отличительные характеристики, раскрываются понятия «медиация» и «социокультурный медиатор». Ценность результатов исследования заключается в обосновании существующих характеристик стендапа, которые указывают на его возможность быть социокультурным медиатором. Практическое значение итогов работы определяется их применимостью в

конструировании диалога культур и решении проблем межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: стендап; медиация; социокультурный феномен; юмор; шутка.

Актуальность данной темы определяется одновременностью новизны и малоизученности стендапа как медиатора и повсеместным ростом количества стендап-клубов и популярности стендапа как жанра. В интернете видео с монологами комиков набирают большое количество просмотров, а их каналы имеют немалую аудиторию. Комики гастролируют не только по своей стране, но и по всему миру, многие их концерты имеют аншлаг. Следовательно, можно говорить о возросшем интересе к стендапу и его востребованности.

Стендап (*stand up*) – комедийный перформанс, предполагающий монологическое выступление комика перед публикой. Стендап формировался и развивался в различных странах в разное время, сейчас этот жанр популярен повсеместно.

Лоуренс Э. Минц, известный исследователь юмора в популярной культуре, считает, что стендап – одна из старейших форм юмористического выражения [0]. Пробразом современного стендапа считается древнегреческое ораторское искусство с элементами комедии. Но стендап в современном для нас понимании начал формироваться лишь в XX веке в США. В это время на американских экранах появляются первые юмористические передачи, выступления комиков записываются на пластинки, открывается все больше комедийных клубов.

Говоря о развитии стендапа в СССР, стоит отметить, что в целом стендап противоречил коллективистской советской культуре. Кроме того, в СССР существовала жесткая цензура, которая не позволяла развиваться авторам, работающим в подобном жанре. Стендап имел «полуподпольный характер», комики читали свои тексты в барах и ночных клубах. На развитие советского стендапа повлияло такое явление «оттепельной» культуры, как Клуб Веселых и Находчивых (КВН). Передача продержалась в эфире всего десять лет (1961–1971). Цензура вырезала значительную часть шуток, программу закрыли и в юмористическом жанре наступил застой. Но в 1986 году передача вернулась на экраны, а 1987 год считается началом истории нового юмора. С этого времени жанр активно набирает популярность как на постсоветском пространстве в целом, так и в Беларуси. Выступления комиков можно послушать вживую, найти на просторах интернета, увидеть по телевизору. В своих монологах артисты не только освещают повседневную рутину, но и поднимают острые социальные проблемы.

Стендап представляет собой коммуникацию, социальные и культурные функции которой по сути остаются неизменными с течением времени. Юмор – один из наиболее важных социально-культурных феноменов,

который отражает ценности общества. Мэри Дуглас отметила, что форма шуток редко заключается только в высказывании, но может быть идентифицирован в общей социальной ситуации. Это характеристика относится и к стендапу. Дуглас также сравнивает деятельность комика с ритуалом подтверждения общих культурных ценностей. Общность объекта насмешки или одобрения вызывает у людей чувство взаимной поддержки, способствуют выработке единых моделей поведения и сходных убеждений. С помощью шуток артист разрушает и искажает шаблоны восприятия мира. Разрыв шаблона происходит, когда зритель признает роль комика, который отклоняется от общепринятых норм и самовыражается. Зачастую комики в своих выступлениях высмеивают и свои собственные недостатки, вызывая жалость аудитории. Самая старая и основная роль артиста – быть для аудитории отрицательным примером.

Стендап становится жанром современной популярной культуры, формирует общественное мнение, актуальные события интерпретируются в заданном автором выступления ракурсе. Комик адаптирует структуру ценностных предпочтений, замещает анализ когнитивных причинно-следственных связей примитивными объяснениями. Зритель хочет, чтобы его рассмешили и не ожидает того, что комик станет для него авторитетом. Однако стендап-комедия не предназначена исключительно для развлечения и обучения, она объединяет эти две цели, но не боится выходить и за их рамки в царство страданий и современных реалий [0].

Стендап на данном этапе своего развития отражает все современные культурные тенденции, выступает в качестве канала передачи специфической, культурно-ориентированной информации. Специфика стендапа понятна и узнаваема. Развивается новое единое культурное пространство, которое стало возможным благодаря процессам глобализации. Современная популярная культура становится универсальной, ее механизмы понятны для всех. Юмористический дискурс включают в себя разнообразные жанры, что дает ему возможность организации различных видов коммуникации: межличностной и межкультурной.

Важной является и роль стендапа как социокультурного медиатора.

Изучение медиации представляет собой междисциплинарную область, которая имеет общие с различными дисциплинами наработки научного инструментария, теоретической базы и методов изучения проблем, при этом сохраняя с этими дисциплинами методологические и теоретические связи. Социология рассматривает понятие медиации на макро- и микроуровнях. С точки зрения макросоциологии, конфликт – часть социальной системы. Через разрешение социального конфликта социальное общество, в котором он возникает, способно обновить свое состояние. Социальный конфликт представляет собой закономерную

характеристику социальных систем. С позиции микросоциологии, возможность разрешения конфликта кроется во взаимодействии людей, в их общении между собой и коммуникативными действиями. Медиация в контексте технологии разрешения конфликта является целенаправленной системно-организованной деятельностью медиатора по управления коммуникацией в конфликте [0].

Специфика стендапа делает его уникальным посредником в диалоге культур. Комическая форма выражения через псевдоразговорный дискурс, социальный и политический комментарий помогает реципиенту гораздо быстрее и полнее усваивать авторский месседж. Совмещая в себе черты художественного и нехудожественного произведения, стендап в равной степени задействует механизмы как рационального, так и чувственного познания, таким образом одновременно упрощая и усложняя процесс восприятия. Ментальность, культурные традиции, устои, табу гораздо легче воспринимаются реципиентом, когда остаются в сфере «невыразимого», и передаются не в виде некоего поясняющего текста, а через актерское действие и средства художественной выразительности. Категория комического универсальна, но в то же время уникальна по наполнению для каждой лингвокультуры, и способствует пониманию, усвоению и освоению «чужого» [0].

Сегодня стендап популярен во всем мире. Комики стремятся выйти на международный уровень и зачастую создают монологи на иностранном, чаще всего английском языке. Тем не менее, англоязычный текст отражает национально-специфическое переосмысление жанра, реалии исходной культуры и ее национальный колорит. Так западная по своему происхождению стендап-комедия вместо насаждения усредненных западных ценностей и социокультурных феноменов, напротив, препятствует этим процессам. Тенденция культурной изоляции может быть преодолена смехом, разрушающим ее основы. В стендапе данная функция получает развитие и в принадлежности его к числу развлекательных жанров. Зритель слушает выступление комика, изначально имея целью отвлечься, расслабиться. Аудитория не настроена на защиту «своего» и критику «чужого», которое как чужое может уже и не восприниматься.

Таким образом, стендап являются развивающимся жанром массовой культуры. Любое выступление стендап-комика подразумевает его взаимодействие с аудиторией. Артист не просто читает монолог, который зрители бездумно слушают. Комик описывает ситуацию со своей точки зрения, оставляя аудитории поле для размышления. Специфика стендапа понятна и узнаваема. Развивается новое единое культурное пространство, которое стало возможным благодаря процессам глобализации. Юмористический дискурс включают в себя разнообразные жанры, что дает

ему возможность организации различных видов коммуникации: межличностной и межкультурной. Можно говорить о том, что жанрово-стилистические особенности стендапа обеспечивают эффективность его посредничества в кросс-культурном идейном и ценностном взаимодействии и позволяют постулировать его высокий позитивно объединяющий потенциал.

Библиографические ссылки

1. *Гафне, К. Е.* Медиация как социо-коммуникативная технология конфликто разрешения: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / К. Е. Гафнер; СПбГУ. – СПб., 2019. – 27 с.
2. *Козинцев А. Г.* Человек и смех / А. Г. Козинцев. – СПб.: Алетейя, 2007. – 229 с.
3. *Manwell C. F.* Stand-Up Comedy as a Tool for Social Change: A Thesis Presented for the BA Degree with Honors in The Department of English University of Michigan / C. F. Manwell. – Ann Arbor: University of Michigan, 2008. – 62 p.
4. *Mintz L. E.* Standup Comedy as Social and Cultural Mediation/ L. E. Mintz // *American Quarterly*. Johns Hopkins University Press. – 1985. – Vol. 37. – № 1. – P. 71–80.

СКАНДАЛ КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

Я. Д. Кулагина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yakula3003@gmail.com

Научный руководитель – Купчинова Татьяна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент

В публикации автор обращается к проблеме исследования скандала как коммуникационной технологии. Приводятся результаты систематизации представлений о скандале как форме коммуникации. Исследовательская проблема усугубляется тем, что в настоящее время отсутствует единая система идей, взглядов, понятий и методов исследования скандала как формы коммуникации. Теоретической основой этой работы явились труды отечественных и зарубежных авторов. Данной проблемой занимались А. В. Дмитриев, А. А. Сычев, А. Г. Волынская в своих статьях, где рассматривали скандал как субверсивную практику, как специфический элемент социокультурной коммуникации и объект информационного внимания СМИ, а также Джон Томпсон, который исследовал, как опыт человека в эпоху политических скандалов влияет на современную политическую культуру.

Ключевые слова: скандал; технология коммуникации; политические скандалы.

В данной статье исследуется характеристика скандала как коммуникационной технологии, а также практика скандала в политических коммуникациях.

Скандал как коммуникативная практика представляет собой умышленное публичное нарушение принятой системы взаимоотношений и моральных норм. Мобильные технологии коммуникации и социальные сети дали новые возможности для развития скандала, поскольку позволили мгновенно распространить любое сообщение и, тем самым, увеличить его масштаб посредством комментариев, репостов, ссылок и т.п. Можно утверждать, что современные скандалы разворачиваются в медийной плоскости экранов, более того, некоторые события, приобретают скандальный характер только после их публикации и обсуждений в сети Интернет. Несмотря на традиционные темы скандала, вращающиеся вокруг сексуальности, финансов, насилия; центральными объектами в медийной плоскости становятся публичные фигуры, обладающие властью – политики, бизнесмены и представители шоу-бизнеса. Как справедливо отмечает немецкий историк Бёш, «скандалы касаются преимущественно лиц или институтов, от которых из-за их общественного положения ожидается соблюдение существующих норм» [5, С. 34]. Скандалы, разоблачения, провокации в политике, особенно в предвыборные периоды уже давно стали предметом социологических и политологических исследований [4].

В социологической перспективе скандалы изучаются сегодня «как социальные ритуалы для актуализации нормативных кодов в обществе, которые посредством коммуникации вносят важный вклад в формирование различия и идентичности» [6]. Скандалы все чаще рассматриваются как форма медиатизированной коммуникации, поэтому на первый план постепенно выходят вопросы конструирования скандала с учетом особенностей новых медиа. При этом «новые медиа и их специфические контенты часто сами являются предметом скандалов, так как им приписываются опасные нарушения моральных границ» [5, С. 44]. Проблематика скандалов актуализируется также в контексте смещения границ между публичным и приватным в Интернет-пространстве. Предметом отдельного исследования может выступать репрезентация/конструирование идентичности в скандале как процессе коммуникации.

В современном мире коммуникативное пространство СМИ является основной площадкой для разворачивания скандального взаимодействия.

А. В. Дмитриев и А. А. Сычев в своей монографии указывают на изменившееся в третьем тысячелетии российское общество, в котором, после долгого периода сокрытия информации, происходят «коммуникативные взрывы», вызванные во многом энергичностью и динамичностью развития современного социума. Можно сказать, что современные средства массовой информации ориентированы на скандалы, не только удовлетворяя интерес людей и отражая возросшую скандальность нравов современного общества, но еще и становясь эффективным источником и того и другого, что приводит к «нормализации» скандальности [3].

С моральных позиций неоднозначны последние тенденции СМИ, которые направлены не только на ориентацию на скандалы и появление специальных изданий, посвященных скандалам. Скандалы также негативно влияют на моральные нормы. Общая закономерность проступает в самом факте обыденности, то есть обычности и частотности появления скандалов в коммуникациях. Этот факт советский и российский учёный-философ А.А. Гусейнов назвал одной из опасных особенностей публичных нравов наших дней. Скандалы просто перестают восприниматься как скандалы, становятся делом обычным, довольно легким и целиком сводятся к внешней стороне, эпатажности, что связывается с тенденциями развития общественных нравов, но является лишь их побочным следствием [1].

Скандалы давно стали неотъемлемой частью политического пространства. Сегодняшняя политическая наука связывает скандал с ситуацией, при которой публике часто внезапно становится известно, что политик тайно (реже открыто) действовал с явным нарушением закона, пренебрегая общественным доверием и политическими нормами [3].

Скандалы в политической сфере делятся на две основные группы: скандалы, направленные на дискредитацию противника или, напротив, — на повышение популярности политика. В первом случае скандал может быть действенным способом политической борьбы. При этом он дает возможность представить противника в самом невыгодном виде: как человека, легко поддающегося соблазну, неразборчивого в сексуальных отношениях, а также грубого, некомпетентного, неуверенного в себе, нерешительного.

Второй вариант скандала позволяет привлечь к политике внимание СМИ и избирателей, создать ему образ активного борца. Такой способ получения известности, хотя и может быть сопряжен с некоторыми

репутационными и имиджевыми рисками, все же является достаточно популярным среди народных избранников, которые иницируют драки, могут позволить себе оскорбления в адрес должностных лиц и представителей власти и т. п.: «И не важно, что иногда это выглядит смешно и наивно, избиратель все-таки запоминает такие моменты и, придя на выборы, вспомнит этих депутатов («они хоть что-то делали»), и весьма вероятно, что выберет именно их» [2].

Скандалы в обществе, особенно когда их слишком много, не только дисфункциональны. В какой-то степени они служат повышению морального уровня, демонстрируя действия, которые вызывают осуждение. Однако, если скандалы следуют один за другим и в них замешаны основные политические фигуры, их воздействие на общественную нравственность будет обратным — то, что является причиной скандала, например финансовые нарушения, коррупция, начинает восприниматься как обычное социальное явление. В результате у населения складывается устойчивое представление не о пагубности коррупции, а о неразрывной связи коррупции и власти. Поэтому важно отметить сложность, неоднозначность взаимоотношения политических скандалов и общественного мнения.

Говоря о последствиях политических скандалов, можно отметить, что в ситуации, когда противоборствующие стороны стремятся использовать любую реальную или мнимую ситуацию в лагере врага для раздувания ее в скандал и извлечения из него политической выгоды, будет расти психологическая напряженность и появляться ощущение утраты чувства безопасности и стабильности у населения, что может создать почву для жестких, насильственных действий.

Таким образом, скандал как коммуникативная практика представляет собой умышленное публичное нарушение принятой системы взаимоотношений и моральных норм, а проблематика скандалов актуализируется в наши дни в контексте смещения границ между публичным и приватным в Интернет-пространстве. Важно отметить, что в нашем мире современные средства массовой информации ориентированы на скандалы, а это, в свою очередь, приводит к «нормализации» скандальности и негативно влияет на моральные нормы. Скандалы в политической сфере могут быть направлены на дискредитацию противника или на повышение популярности политика, что может быть действенным способом политической борьбы.

Библиографические ссылки

1. Гусейнов А.А. Аксиология скандала / А.А. Гусейнов // Скандал как форма коммуникации. – М.: СГУ. – 2012.
2. Дмитриев А.В. Неформальная политическая коммуникация / А.В. Дмитриев, В. В. Латынов, А.Т. Хлопьев. – М.: РОССПЭН. – 1997. – С. 39
3. Задорожнюк И.Е. Скандал. Социофилософские очерки (Монография) / И. Е. Задорожнюк, А.В. Дмитриев, А. А. Сычев – М.: ЦСПиМ, 2014. – 155 с.
4. Степанов М. А. Скандал как коммуникативная практика в современной популярной культуре / М. А. Степанов, П. С. Ефремова // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – №2 (27). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/skandal-kak-kommunikativnaya-praktika-v-sovremennoy-populyarnoy-kulture>. – Дата доступа: 02.04.2022.
5. Bösch F. Kampf um Normen: Skandale in historischer Perspektive / F. Bosch // Skandale: Strukturen und Strategien öffentlicher Aufmerksamkeitserzeugung / Bulkow K., Petersen Ch. (Hrsg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011, S.34.
6. Burkhardt S. Skandal, mediatisierter Skandal, Medienskandal: Eine Typologie öffentlicher Empörung / S. Burkhardt // Skandale: Strukturen und Strategien öffentlicher Aufmerksamkeitserzeugung. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011, S.132.

ФЕСТИВАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЛАРУСИ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Ч. Ли

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г.Минск;*

lc15938053533@gmail.com

*Научный руководитель – Соколовская Маргарита Михайловна,
кандидат культурологи, доцент*

В статье сделана попытка рассмотреть фестивали Беларуси в качестве пространства, объединяющего западную и восточную культурные традиции. Отмечается, что культура западного типа в современных фестивалях проявляется на уровне их полифонической структуры. Западное влияние обнаруживается также в подходе к применению стратегий фестивального менеджмента и маркетинга. Культура восточного типа реализуется в стремлении фестивалей к открытости формы, раздвижению ее границ. Фестивали Беларуси демонстрируют готовность к диалогу двух культур. Цель исследования – показать особенности проявления западной и восточной культур в фестивальном пространстве Беларуси. Практическое значение публикации заключается в следующем: белорусские фестивали нацелены на продуктивный диалог восточной и западной цивилизаций, их комплексное изучение будет способствовать установлению тесных контактов между Республикой Беларусь и Китаем.

Ключевые слова: фестиваль Беларуси; фестивальное пространство; восточная культура; менеджмент; межкультурная коммуникация.

Фестивальное пространство Беларуси характеризуется тесным взаимодействием западной и восточной культур. Определяя идею музыкального фестиваля им. И. И. Соллертинского в Витебске, В. Байдов, художественный руководитель фестиваля 1989 – 2003 гг., отмечал, что город испокон веков был центром, где встречались Восток с Западом, где шел обмен ценностями между Западом и Востоком [1, С. 10].

Культура западного типа воплотилась в современных белорусских фестивалях на уровне их структуры. Фестивали полифоничны, многовекторны (структуру составляют праздничное шествие участников фестиваля по улицам города; торжественное открытие; разнообразные фестивальные мероприятия для публики, участников фестиваля, специалистов творческой сферы, представителей СМИ; заключительный гала-концерт с награждением победителей [8, с. 144]) и в таком качестве сформировались относительно недавно. В свое время М. Бахтин, анализируя творчество М. Ф. Достоевского, обращал внимание на то, что его «полифонический роман мог осуществиться только в капиталистическую эпоху» [2, с. 23]. Те миры, которые у Достоевского сосуществуют, раньше были органически замкнуты, изолированы друг от друга. Западный капитализм раз и навсегда уничтожил такую их самодостаточность. Резкие противоречия капитализма оказались оптимальными условиями для создания полифонического романа. В искусстве был открыт структурный принцип полифонии, который, на наш взгляд, сохраняет свое значение и в XXI в., проявляясь в качестве особенности западной культуры в пространстве белорусских фестивалей.

О полифонии в белорусском театре компетентно высказывалась Т. В. Котович, которая проанализировала театральное творчество ведущих режиссеров и сценографов с точки зрения исследования моделей структурообразования и особенностей художественной формы их спектаклей. Выявляя структуру «Трагедии человека» Б. Луценко, она отмечала наложение интимного психологизма на мощь звучания самого пространства: «Эти два блока, по ее мнению, не пересекаются, не взаимопроникают, а сосуществуют, перемежаются наподобие слоев. Это послойное структурообразование Б. Луценко и делает основным принципом своей постановочной системы... Пространственно-временной континуум, выстраиваемый Борисом Луценко, представляет собой

сложные (как минимум, два-три пласта) структуры, состоящие из принципиально разных сочетаний выразительных средств, которые соотносятся на основе контрапункта» [4, С. 177-178, 179].

Влияние западной культуры обнаруживается в подходе к осуществлению менеджмента белорусских фестивалей. По мнению исследователя Л. П. Сивуровой, основные направления фестивального менеджмента в Беларуси – финансовый; программный; управление персоналом; управление инфраструктурой и дислокацией; правовой менеджмент; маркетинг, PR и реклама. Как считает Сивурова, в настоящий момент отрабатывается последовательная технология реализации фестивальных проектов. Формулируются проблема, вызывающая необходимость разработки и реализации проекта, идея, цель и задачи мероприятия, определяются место и сроки его проведения. Обеспечиваются рекламное продвижение культурного продукта, его финансирование, решаются задачи научно-методической поддержки фестивальной деятельности [8, С. 141, 142]. Особое внимание уделяется охране и защите прав интеллектуальной собственности.

В ходе организации и проведения белорусских фестивалей реализуется, по мнению Чжан Сюэяня, «упреждающее правило» рыночного маркетинга – выдающиеся премьеры всемирно известных фестивалей оказываются наиболее востребованными на международном арт-рынке. Такие премьерные и оригинальные работы в будущем могут стать мировыми шедеврами [9, С. 31]. Так, организаторы международного музыкального фестиваля им. И. И. Соллертинского в 1989 – 2003 гг. стремились создать площадку для премьерных постановок. Исполнительный директор фестиваля В. Правиков утверждал, что «музыка была почти всегда премьерная как для Витебска, так достаточно часто и для Беларуси» [7, С. 19]. Культурное наследие Запада – это также проблема межличностного взаимодействия, его усугубляющейся затрудненности в современном высокотехнологичном мире, в котором человек отчужден. В реалиях белорусского фестивального пространства сложность межличностной коммуникации стала темой для обсуждения на IX Международном фестивале-семинаре юношеских и молодежных любительских театров «Параллельные миры» в г. Барановичи. Эта острая проблема выступила также в качестве тенденции фестивальных показов 2019 г., объединив проблематику значительной части спектаклей этого года [3, с. 159].

Культура Востока определяется исследователями как культура спонтанности. В качестве приоритетной ценности она актуализирует

принцип недеяния («у-вэй»). В контексте восточной культурной традиции человек выступает как своего рода посредник между феноменальным и ноуменальным планами бытия [6, С. 66, 67, 69].

Такое понимание восточной культуры перекликается с некоторыми философскими идеями М. К. Мамардашвили, который полагал, что отношение современного человека к жизни является метафизическим. Метафизическое сознание есть сознание действия в нас чего-то большего, более важного, чем мы сами. Мы можем лишь как-то настраивать и организовывать наше существование подобно тому, как по камертону настраивают инструменты, а потом полагаться на их собственное действие, а не на самих себя. Каждый понимает в меру того, что в себе не он изобрел (и не может в себе изобрести); он должен, имея это, дать этому говорить, звучать инструменту в нас, который больше нас самих, и к которому надлежит относиться с отпущенностью своих претензий. Мы лишь пытаемся создать благоприятную атмосферу, для того чтобы нечто произошло само, по своим законам, а не моим волением [5, с. 533].

Сознание такого рода стало, на наш взгляд, особенностью современных фестивальных мероприятий, которые часто характеризуются предельной открытостью, выражающейся в том, что организуется действие потока, в котором нечто может случиться, произойти. В творческих концепциях фестивальных проектов все больше реализуется идея открытого произведения – построение такой структуры, которая была бы разомкнута во времени и пространстве. Как представляется, современные белорусские фестивали не выпадают из данного проблемного поля.

Таким образом, в пространстве белорусских фестивалей тесно взаимодействуют западная и восточная культуры. Их готовность к продуктивному диалогу является одной из актуальных тенденций развития фестивального движения в Беларуси.

Библиографические ссылки

1. *Байдов В.* Об идее фестиваля / В. Байдов // Международный музыкальный фестиваль имени И. И. Соллертинского, 1989–2011 : история фестиваля, воспоминания, статьи, исследования, материалы научных чтений / сост. Н. В. Мацаберидзе, А. Г. Лисов, В. П. Правиков. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – С. 10.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – Изд. 4. – 317 с.
3. *Грачева О. О.* Фестиваль «Параллельные миры» в Барановичах как социокультурное явление / О. О. Грачева // Культура Беларуси: реалии современности: VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году малой родины в Респ. Беларусь, Минск, 10 окт.

- 2019г.: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: А. А. Корбут (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 155–161.
4. *Котович Т. В.* Пространственно-временной континуум современного белорусского театра в творчестве ведущих режиссеров и сценографов / Т. В. Котович // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» Общественные и гуманитарные науки. Искусство. 2004. – Т. 3. – С. 176–191.
5. *Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии /М. Мамардашвили – СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 544 с.
6. *Можейко М. А.* Восток–Запад: проблема диалога культурных традиций в ее философской проекции / М. А. Можейко // Духоўныя асновы сучаснай культуры: праблемы захавання культурнай спадчыны : XVI Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 26-28 мая 2010 г.) : [матэрыялы чытанняў] : [у 2 т.] / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. – Мінск, 2011. – Т. 1. – С. 49–73.
7. *Правило В.* Об организации и многое другое / В. Правилон // Международный музыкальный фестиваль имени И. И. Соллертинского, 1989–2011 : история фестиваля, воспоминания, статьи, исследования, материалы научных чтений / сост. Н. В. Мацаберидзе, А. Г. Лисов, В. П. Правилон. – Витебск : 2012. – С. 11–25.
8. *Сивурова Л. П.* Фестивали народного художественного творчества / Л. П. Сивурова // Арт-менеджмент как вид управленческой деятельности : сборник статей / Белорусский государственный университет культуры и искусств. – Минск, 2011. – С. 137–145.
9. *Чжан С.* Сравнительное исследование методов функционирования Пекинского международного музыкального фестиваля и Шанхайского международного фестиваля искусств: автореф дис. ... канд. искусствоведения: Сюэянь Чжан ; Тяньцзиньская консерватория – Тяньцзинь. – 2015. – 42 С.

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

М. С. Лукашева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

lukasheva.mariam@yandex.by

Научный руководитель – Терещенко Ольга Викентовна,

кандидат социологических наук, доцент

В публикации автор обращается к проблеме влияния новых коммуникационных технологий на построение социальных взаимодействий. Приводятся результаты изучения теоретических подходов к исследованию новых коммуникационных технологий в изменении социально-психологических процессов. Объектом исследования выступает специфика новых коммуникационных технологий, целью – рассмотреть роль новых коммуникационных технологий в изменении форм и моделей межличностных взаимодействий. Исследования интернет-коммуникации ведутся уже не одно десятилетие, данная проблема по-прежнему является актуальной и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: новые коммуникационные конструкты; делокализация совместной деятельности; интернет-сообщество.

В данной статье исследуются проблемы формирования электронной культуры, проблемы управления социализацией и развитием адаптационных способностей человека в новых информационно-технологических реалиях, а также исследование социальных аспектов взаимодействий в компьютерной интерактивной среде. Компьютерные интерактивные среды становятся основными площадками для профессиональной и личностной самореализации современного человека; социальная активность молодежи смещается в интернет-пространство, изменяются модели и формы межличностного взаимодействия и общения, формируются новые коммуникационные конструкты, отражающие виртуальный мир и обеспечивающие взаимодействие с ним. Виртуальная реальность выполняет роль посредника между человеком как личностью и компьютерной интерактивной средой как формой представленности киберпространства в современном человеческом бытии, а порожденные в ней новые конструкты обуславливают формирование иных социальных моделей поведения.

Имея много общего с традиционной коммуникацией, общение посредством Сети отличается некоторой спецификой, связанной с особенностями киберпространства как коммуникационной среды. Интернет вынуждает переосмыслить такие классические определения и категории теории коммуникации, как адресант, передача информации и адресат, и на этом основании выделяет четыре формы коммуникации в глобальной сети:

- 1) асинхронную коммуникацию «один с одним» (электронная почта);
- 2) асинхронную коммуникацию «многих со многими» (листы рассылок);
- 3) синхронную коммуникацию «один с одним», «один и несколько», «один с несколькими» (чаты, форумы);
- 4) асинхронную коммуникацию, в рамках которой пользователь обычно ищет сайт для получения определенной информации; здесь можно говорить о коммуникации «многие с одним», «один с одним», «один со многими» (вебсайты) [1, с. 138].

Можно выделить ряд особенностей виртуального общения:

– Полное или частичное отсутствие невербальных сигналов, в силу чего межличностное восприятие затруднено и искажено. При переписке в сети

нам никогда не понять оттенков чувств и переживаний собеседника, его иронию, сарказм. Мы можем только догадываться, строить предположения, уточнять. Мы теряем способность вчитываться в переживания. Мимика, жесты, оттенки голоса, интонации, паузы. Всего этого не хватает в сетевом общении.

– Идеализация собеседника (или достраивание образа). В силу того, что ряд характеристик партнера по общению остается скрытым от нас, мы склонны приписывать ему желаемые черты, которые далеко не всегда есть в действительности.

– Иллюзия контроля. Еще одно преимущество виртуального общения заключается в том, что технологии предсказуемы и управляемы, позволяют выстраивать безопасные отношения. Мы можем редактировать сообщения и публикации, дозировать информацию. И поскольку большинство из нас так стремится к комфорту, спокойствию и безопасности, что зачастую склонны выбирать виртуальное общение в ущерб реальному.

– Желание быть услышанными. Потребность в общении – одна из базовых, поскольку мы живем в социуме. И не так много в окружении каждого людей, которые нас искренне и заинтересованно слушают. А публичное пространство сети создает ощущение, что нас слышит большое количество человек (отчасти так и есть).

– Анонимность. В отдельных случаях анонимность может формировать предпосылки к вседозволенности и безнаказанности, что расширяет приемлемые социальные идентичности. Это формирует так называемый сетевой индивидуализм, отчуждающий человека от любых сообществ и социальной ответственности. Но надо отметить, что использование вымышленных ролевых образов, личин, были характерны для раннего периода развития Интернета, однако с тех пор как Интернет становится посредником в большом количестве социально-значимых активностей – торговле, осуществлении бюрократических процедур, ведении переговоров – степень анонимизации пользователей снижается, на смену маскам все чаще приходят реальные люди.

Более того, если к ситуации анонимности ранее относились как к норме, принимая ее как «правила игры» Интернет-коммуникаций, то в современных условиях анонимы и «маскирующиеся» пользователи, как правило, не одобряются Интернет-сообществом, они вызывают подозрение как потенциальные источники информационных «вбросов» и «фейков», анонимность приравнивается к стремлению уйти от ответственности.

Для молодого поколения, социальные сети все больше и больше становятся актуальны в контексте построения коммуникации и социального взаимодействия. «Просматривание» и «лайканье» друзей в социальных сетях становится своего рода социальным ресурсом, новой формой социального взаимодействия. Визуальный контакт становится атрибутом социального взаимодействия.

Наиболее полно концепция сетевого общества была разработана М. Кастельсом. По его мнению, сетевое общество – это новая модель социальности с опорой на сетевой индивидуализм, отчуждающий человека от любых сообществ и социальной ответственности;

новая сетевая экономика, которая имеет дело с производством и обработкой информации, а генератором сетевых моделей является сетевое предприятие;

новая политика, более чутко реагирующая на волеизъявление граждан;

новая культура, основанная на Интернете и глобальных масс-медиа;

новая среда жизнетворчества в пространстве сети как единственной структуре социальной жизни [5, С. 93].

В виртуальном мире человек реализует свои фантазии, надежды, реализует придуманную личность, делает индивида и отдельные сообщества людей более свободными, не неся моральных и социальных последствий от слов и действий в цифровом пространстве. Но данная сфера наиболее проявлена у младшего и среднего поколения, среди представителей старшего поколения – подобных ответов и оценок нет, ни в опросе, ни во время интервью. Цифровое пространство вносит новые морально-этические, социально-психологические, социально-правовые рамки и условия.

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы: а) человеческая коммуникация все в большей степени охватывается сетью технических стандартов, которые опосредуют все социальные взаимодействия и замыкают их в специфический технологический каркас, который можно назвать сетевой моделью. Общение людей сегодня является организованным через программу сетевых процессов; б) в Интернет-среде формируется своя специфическая среда, которая изменяет характер взаимодействия между индивидами. Социальные сети практически не поддаются внешнему контролю, не имеют единого центра, а поэтому каждый в праве действовать в них так, как считает нужным. Интернет как современное средство массовой коммуникации формирует из пассивного слушателя в активного

соучастника. Современный человек не просто стремится узнавать о событиях, он стремится их создавать.

Библиографические ссылки

1. *Егоро А.Ю.* Интернет-зависимость: клинико-диагностические маркеры и подходы к терапии: учебное пособие / А. Ю. Егоров – Ростов-на-Дону: Изд-во РостГМУ, 2021. – 239 с.
2. *Заруцкая Д.Е.* Социальная коммуникация в интернет–пространстве / Д.Е. Заруцкая // Безопасность информационно–образовательной среды: материалы III Международной научно–практической конференции "Среднее профессиональное образование в информационном обществе" (г. Челябинск, 1 февраля 2018 года). – Челябинск: Изд–во ГБУ ДПО ЧИРПО, 2018. – С. 15–17.
3. Интернет–коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч.ред.: Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – 4–е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 322с.
4. *Киеня Е.А.* Проблемы интернет–зависимости у студентов / Е.А. Киеня //Социальная защита и здоровье личности в контексте реализации прав человека: наука, образование, практика: материалы Международной научно–практической конференции, Республика Беларусь, Минск, 26–27 ноября 2015 г. – Минск: БГУ, 2016. – С.186–188.
5. *Ловинк Г.* Критическая теория интернета / Герт Ловинк. – М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 304с.

ОСОБЕННОСТИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. Ю. Плоцкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

natulya5359@gmail.com

Научный руководитель – Шичко Анатолий Владимирович

В публикации я обращаюсь к проблемам, связанным с изменениями в структуре и способах массовой коммуникации. В этой статье я бы хотела затронуть вопросы, касающиеся особенностей массовой коммуникации в информационном обществе, влияние этих изменений на другие сферы, а также новых тенденциях, которые только успели зародиться. Переход к новому типу общества привел и к трансформации коммуникационных каналов, что в свою очередь изменяет роль и возможности отправителей и реципиентов. Это порождает новые направления в массовой коммуникации, которые я бы хотела рассмотреть в своей статье.

Ключевые слова: массовая коммуникация; информационное общество.

Коммуникационные возможности всегда были обусловлены технологическим развитием. Вне контекста экономических, политических,

культурных проблем под влиянием всеобщей глобализации мы можем наблюдать всемирную интеграцию массовых средств коммуникации. Это касается в том числе и социальных сетей.

Интернет как феномен второй половины XX века и XXI века создает условия для роста межкультурных связей. Связь с близкими, родственниками и даже малознакомыми людьми становится всё более доступной. Это происходит с развитием технологий, которые в свою очередь непосредственно влияют на упрощение коммуникации «индивид-индивид», но также предоставляют возможность к созданию более тесной коммуникации «индивид-бренд» или «индивид-СМИ». Именно этой возможностью пользуются все коммерческие и некоммерческие компании для продвижения своей деятельности среди масс.

Современные коммуникационные каналы обладают всеми ресурсами для точного определения потребностей, предпочтений и привычек покупателей. Это позволяет максимально точно вычислять целевую аудиторию для продажи определённых товаров или услуг и точно бить по мишени. Однако с развитием коммуникационных технологий на потребителей сваливается огромное количество информации. Тем не менее, среди такого большого потока данных люди учатся быть избирательными. Тем самым повышается требовательность к предоставляемой информации. Такое отношение заставляет отправителей сообщений (компании, рекламные агентства) быть более изобретательными в способах кодировки сообщений, и соответственно созданию новых коммуникационных каналов или модификации старых. Виртуальное пространство само по себе ново для нас, поэтому буквально каждый год мы можем наблюдать новые приемы и методы взаимодействия с аудиторией.

Обратная связь в информационном обществе становится всё более реальной и актуальной. Если раньше получать feedback было довольно затруднительно, то сейчас он становится одним из важнейших элементов не только в межличностной коммуникации, но и в массовой. Такое положение обязывает бренды воспринимать реципиентов не просто как объект, а как полноценного участника коммуникации, что даёт некоторые преимущества во взаимодействии обычных пользователей и покупателей с организациями и СМИ.

Другой не менее важный момент заключается в том, что контроль над информацией чаще всего выливается в злоупотребления, начиная от сокрытия информации и заканчивая ее незаконным обнародованием (и то

и другое вполне проявилось в Уотергейте), и что, дабы предотвратить эти злоупотребления, необходимы институциональные ограничения, прежде всего в сфере информации [3, 4].

На мой взгляд здесь нужно говорить о намерениях использования этой информацией. Развитие технологий вышло на такой уровень, что слежка за людьми в каком-то смысле необходима. Человечество выходит на тот этап своей эволюции, когда необходимость в получении информации гораздо быстрее закрывается, чем когда-либо. Те же самые социальные сети, такие как Инстаграм, вконтакте, тикток, это всё способ слежки за определенными людьми. Но уровень популярности такого образа жизни привел к тому, что найти личную информацию становится всё быстрее и легче. А следовательно, и ускоряется и сама коммуникация. Однако здесь нужно учитывать, как раз-таки контекст использования полученных данных, потому как даже таргетированная реклама в Инстаграм действует на основе конфиденциальных данных.

Стоит заметить, что ещё 100 лет назад существовало лишь две формы коммуникации – это бумажные носители (газеты, журналы и письма) и закодированные сообщения посредством технических устройств (телеграф, радио, кинематограф). И лишь благодаря научно-технической революции в середине XX века мы можем наблюдать изменения в структуре коммуникации.

Нельзя не замечать, что в настоящее время мы наблюдаем активную конвергенцию в медиа сфере. Многие издания понимают необходимость расширения своих позиций, и как часто это сейчас бывает, начинают развиваться и в виртуальном пространстве.

«Создающиеся в результате подобной многоуровневой конвергенции мультимедиа концерны оказываются вовлеченными как в традиционные индустрии СМИ – прессу, вещание, так и в телекоммуникационный бизнес. И хотя в реальной жизни различия между конкретными технологиями (телефонией и телевидением), по всей видимости, сохранятся еще в течение определенного времени, совершенно очевидна необходимость выработки новой единой коммуникационной политики.» – пишет Елена Леонидовна [2, С. 5].

Также мы можем видеть возрастающую роль личности в СМИ, и даже её перевоплощение в само СМИ. Хорошим примером здесь могут быть личные блоги в социальных сетях. Сегодня даже такой личный дневник пользуется огромным доверием у аудитории. Однако сейчас личный блог стал не просто дневником, это способ получить популярность и

обзавестись не только поклонниками, но заработком. «Цель блогера – привлечь аудиторию, создать популярный сетевой журнал/дневник/видеоканал. Нарочитое выставление личной жизни есть не что иное как приём, используемый СМИ для привлечения и развлечения аудитории» [1, С. 3].

Таким образом, можно говорить о некоторой трансформации в средствах массовой коммуникации, как в технологическом плане, так и в отношении к аудитории. Изменение отношения к информации и её роли в обществе увеличило значение СМИ и также породило новые источники массовой информации – личные блоги, а конвергенция коммуникационных средств и каналов только усилила этот эффект.

Библиографические ссылки

1. Розенберг Н. В. Массовая коммуникация: основные тенденции развития в эпоху DigiTal [Электронный ресурс] / Н. В. Розенберг // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6. – № 22. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-osnovnye-tendentsii-razvitiya-v-epohu-digital> – Дата доступа: 21.04.2022.
2. Вартанова Е. Л. К чему ведёт конвергенция СМИ? [Электронный ресурс] / Е. Л. Вартанова // Информационное общество. – 1999. – № 5. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9117966_54917275.pdf – Дата доступа: 21.04.2022.
3. Марков А. А. Развитие социального института массовой коммуникации в информационном обществе и правовое поле личной и корпоративной информационной безопасности [Электронный ресурс] / А. А. Марков, Н. Н. Покровская, П. Д. Смирнов // Управленческое консультирование. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialnogo-instituta-massovoy-kommunikatsii-v-informatsionnom-obschestve-i-pravovoe-pole-lichnoy-i-korporativnoy> – Дата доступа: 21.04.2022.
4. Белл Д. Социальные рамки информационного общества [Электронный ресурс] / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. – 1986. – с. 330-342. – Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/Future/bell.htm> – Дата доступа: 21.04.2022.

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ КАК ВИДА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д. С. Филипков

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г.

Гродно;

welcometothegross@gmail.com

Научный руководитель – Щербинин Сергей Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент

В данной статье рассматриваются отличительные особенности рекламы, как специального вида массовой коммуникации. Эти особенности позволяют в дальнейшем определять характерные особенности использования рекламы, какие могут быть последствия распространения информации на массовые аудитории, предотвращение нежелательных эффектов, явлений и результатов, а также определяет влияния именно данного вида массовой коммуникации для её эффективного применения на практике.

Ключевые слова: реклама; массовая коммуникация; особенности рекламы, рекламное сообщение.

Являясь одним из видов массовой коммуникации, реклама имеет свои отличительные характеристики и особенности, которые необходимо учитывать для её эффективного функционирования. Рекламу следует представлять как специальный вид массовой коммуникации, вместе с тем стоит отметить её некоторые особенности.

В качестве одной из таких особенностей является то, что получателем рекламного сообщения является массовая аудитория. Необходимо учитывать тот факт, что рекламное сообщение должно быть направлено на широкие массы людей. Если бы мы имели в виду только одного человека, то мы говорили бы о продаже и индивидуальном подходе к клиенту. Однако у рекламы иная цель, которая заключается в охвате как можно более широкой аудитории.

Вместе с тем стоит отметить усредненность рекламного сообщения. В связи с тем, что чёткого образца целевой аудитории нет, а имеется только результат обобщенных данных, это приводит к тому, что сообщение должно быть направлено исключительно на усреднённый портрет аудитории. Сообщение должно быть понятным и доступным для массы, на которую распространяется. Чем шире аудитория - тем более обобщенным должно быть сообщение. Оно должно быть лояльным, приемлемым, позиционировать себя с лучшей стороны, а не вызывать отторжение и негодование. Ранее мы говорили про подход к одному человеку, и в этом случае мы можем под него подстроиться, учесть всего его пожелания, интересы. Но когда мы говорим про массовую аудиторию людей, в таком случае невозможно найти подход абсолютно каждому, именно поэтому рекламное сообщение должно носить усреднённый характер.

Однако, стоит также отметить, что появление конкретика подразумевает рост адресности и уменьшение массовости. Чем меньше аудитория, тем эффективнее можно создать рекламное сообщение.

И именно поэтому, чтобы разобраться, по какому пути все-таки лучше идти, рекламодатели тратят большое количество средств на разработку рекламных кампаний и маркетинговых исследований.

При распространении рекламного сообщения отсутствует прямой контакт отправителя сообщения и получателя, это говорит о такой особенности как отсутствие непосредственной связи между участниками коммуникации. Они не видят друг друга. Как при обычной межличностной коммуникации, они могут находиться в весьма отдаленных друг от друга местах и быть разделены во времени. В такой ситуации весьма вероятно, что сообщение создается в одной ситуации, а получено и декодировано может быть в другой. Из-за разницы в культуре и времени контекст рекламного сообщения может быть прочитан иначе. Даже в зависимости от времени года, региона в пределах одного государства или субкультуры социальной группы в глазах получателя символы и смысл рекламы может измениться. Еще одно свойство отсутствия непосредственной связи отправителя сообщения и получателя – отсутствие обратной связи. Порой рекламу и массовую коммуникацию рассматривают как однонаправленную. Действительно, мы можем получить обратную связь, но она будет отсроченной во времени, неполной и усредненной. Временная дистанция затрудняет возможность гибко реагировать на ситуацию и вносить необходимые корректировки. Неполнота ограничивает наши возможности. Порой, распространив рекламное сообщение, коммуникатору приходится собирать обратную связь специально, с использованием дополнительных ресурсов, методов и исследований.

Еще одной особенностью рекламной коммуникации является неизменность её информационного содержания. То есть рекламное сообщение передается в неизменном виде, и все получают абсолютно одинаковую информацию. Что в свою очередь скорее является плюсом, так как предотвращает нежелательные последствия от возможного видоизменения.

Рекламное сообщение имеет официальный характер, к нему предъявляется повышенная требовательность к соблюдению принятых норм. Оно формируется публичным коммуникатором, организацией или коммерческой фирмой, реже частным лицом, но эти отправители сообщений всегда действуют в публичном пространстве. Соответственно, к сообщению применимы требования и стандарты официального, делового общения. Публичное сообщение должно быть социально приемлемым: не нарушать правил общепринятой морали и нравственности, уважать

ценности общества, воздерживаться от публичных оскорблений и не задевать достоинство людей и социальных групп, соответствовать принятым языковым нормам. Большая часть этих требований получила законодательное закрепление в Законе о рекламе. Рекламное сообщение подвергается цензуре со стороны специальных комитетов, коллег и широкой общественности.

Однако есть и другая сторона — отправляя рекламное сообщение, заказчик и рекламист рассказывают о себе. Сообщение, соответствующее всем нормам публичной этики, работает на пользу марки, фирмы и бренда, создает и поддерживает позитивный образ коммуникатора. И напротив, некорректное сообщение бросает тень на его имидж. Поэтому в соблюдении норм публичной коммуникации прежде всего заинтересована отправляющая сообщение сторона.

В качестве следующей характеристики можно выделить коллективный характер коммуникатора. Процесс создания рекламного сообщения представляет собой сложный и многоэтапный процесс. Прежде чем мы увидим его, оно должен пройти целый ряд людей, начиная от заказчика и продолжая маркетинговой группой, менеджерами, художниками, сценаристами и многими другими. Поэтому чаще всего создание рекламного сообщения является коллективным трудом, а соответственно коллективный коммуникатор отличается от единичного. Главное отличие в том, что коллективный коммуникатор имеет статус коммерческой либо некоммерческой организации, а выход рекламы в эфир может быть только в случае одобрения людей, участвующих в её создании.

Коллективный характер обусловлен тем, что запуск рекламы является стратегически важным решением для любой организации. Очень редко можно встретить такое явление, когда над созданием рекламного сообщения участвует один человек. Каким бы профессионалом он не был, но он все равно не сможет учесть все нюансы и соблюсти необходимые требования при выходе рекламного сообщения на широкие массы.

Массовая коммуникация и реклама, как её вид, бесспорно являются в современном мире устоявшимися социальными институтами и это непосредственно является её отличительной особенностью. Они обладают своими правилами, своими законами, нормами. Есть общепринятые способы создания и распространения рекламы. В рекламной сфере, как и в любой другой сфере общества, существует государственное регулирование посредством законодательных актов и документов, а все действия рекламодателей строго регламентируется в соответствии с законом.

Рекламу можно отличить от других публичных сообщений, а также можно достаточно легко определить её инициатора, источника и распространителей.

Нет смысла в рекламе, которую никто не услышит или не увидит, как и нет смысла в рекламе, которая не имеет никакого значения для человека, это говорит о том, что особенностью рекламы является её социальная актуальность. В основе любой рекламы должна быть потребность человека в рекламируемом товаре или услуге, либо потенциальная потребность, которая может быть сформирована. Нет необходимости рекламировать то, в чем человек не нуждается. Коммерческая, политическая или социальная реклама, всегда конкретна и направлена на удовлетворение потребностей человека.

Также стоит отметить такую особенность как влияние рекламы от технического обеспечения. В современном мире реклама неразрывно связана с различными техническими средствами, посредством которых осуществляется массовая коммуникация. Интернет, печать, радио, телевидение и многое другое помогают рекламной коммуникации обрести характер массовой.

Развитие рекламы тесно связано с развитием технологий и различных инновационных внедрений. Сначала можно сказать про развитие печати, когда реклама вышла на совершенно новый уровень, далее создание телефона, телеграфа, радио, кинематографа, телевидения, и каждый раз, каждое новое открытие давало толчок для развития и совершенствования рекламного дела. Из последнего, что значительным образом повлияло на рекламный бизнес это конечно же Интернет.

Каждое открытие позволяло внедрять новые технологии в историю развития рекламы. С каждым новым разом открывались новые возможности для рекламной индустрии, что в конечном счете привело к тому, что реклама является сегодня неотъемлемой частью нашей жизни.

Технические средства позволяют распространять рекламные сообщения на большое количество получателей одновременно. Благодаря таким изобретениям как радио, телевидение не только тысячи, но и миллионы людей могут быть одномоментно подвержены рекламе. А после создания Интернета и вовсе влияние рекламы распространилось на все земное население.

Каждое техническое средство передачи рекламной информации – это отдельные составляющие во всей системе массовой коммуникации,

обладающие своими особенностями и нюансами, которые необходимо учитывать в процессе рекламной деятельности.

Осмысление сути рекламы как вида массовой коммуникации позволило выделить в качестве основных её особенностей следующие: получателем рекламного сообщения является массовая аудитория, усреднённость рекламного сообщения, отсутствие непосредственной связи между участниками коммуникации, отсутствие изменений информации в процессе её трансляции на аудиторию, коллективный характер коммуникатора, институциональный характер коммуникации, социальная актуальность рекламы а также влияние от технического обеспечения. Эти особенности дают понять, каким образом использовать данный вид коммуникации, позволяет определить, какие могут быть последствия распространения информации на массовые аудитории. Как избежать нежелательных эффектов и явлений, а также поможет предотвратить появление ошибок при разработке рекламных кампаний.

МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК НОВЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. И. Храпун

Белорусский государственный университет, г. Минск

cloudlet.hei@gmail.com

Научный руководитель – Кириллова Анастасия Владимировна

В публикации автор обращается к проблеме существования метавселенной как малоизученного феномена современного общества. Раскрываются основные понятия, присущие метавселенной, и объясняются принципы работы данного виртуального пространства.

Ключевые слова: метавселенная; коммуникация; человеческое общество.

В данной публикации исследуется метавселенная как пространство для дистанционного взаимодействия субъектов коммуникации. Имеющиеся исследования метавселенной устаревают по мере ее быстрого развития, поэтому необходимы обновление информационной составляющей явления и его подробный анализ. Данная работа позволит адаптировать теоретический аппарат и систематизировать имеющиеся в настоящее время сведения.

Термин «метавселенная» был впервые использован в романе Нила Стивенсона «Лавина» 1982 года. Метавселенная Стивенсона представляла собой виртуальное место, куда герои могли отправиться, чтобы спастись от тоскливой тоталитарной реальности [1].

Метавселенная – это проявление реальной действительности, находящееся в виртуальном мире на блокчейне. Это масштабная и взаимодействующая сеть 3D виртуальных миров, отображаемых в реальном времени, которые могут быть синхронно пережиты фактически неограниченным числом пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных [5].

Функционирование метавселенной поддерживают 6 передовых технологий:

1. Виртуальная реальность (VR)
2. Дополненная реальность (AR)
3. Искусственный интеллект (ИИ)
4. 3D-реконструкция
5. Интернет вещей (IoT)
6. Блокчейн

Дополненная реальность (AR) и виртуальная реальность (VR) дают пользователям захватывающий и увлекательный 3D опыт. Это особые точки входа в виртуальный мир.

VR – технология виртуальной реальности, формирующая полностью сгенерированную компьютером виртуальную среду, заменяющую реальный мир. Пользователи могут исследовать ее с помощью гарнитур VR, специальных перчаток и датчиков.

AR – технология дополненной реальности. Она использует цифровые визуальные элементы и персонажей для трансформации картины реального мира. Он более доступен, чем VR, и может использоваться практически на любом цифровом устройстве с камерой. С помощью AR-приложений пользователи могут просматривать окружающую обстановку через интерактивные цифровые визуальные элементы.

ИИ – интеллектуальная компьютерная система, позволяющая компьютерам обучаться на собственном опыте и адаптироваться к задаваемым параметрам. В метавселенной ИИ применяется для создания иммерсивной метаверсии – полного погружения в виртуальную реальность. Он обладает потенциалом для молниеносной обработки большого количества данных. В сочетании с методами машинного

обучения алгоритмы ИИ могут обучаться на основе предыдущего опыта для получения уникальных результатов и выводов.

ИИ применяется также для создания аватаров в метавселенной. Аватар – отображение человека в виртуальном пространстве с помощью цифрового персонажа. ИИ-двигатели можно использовать для анализа 2D-изображений или 3D-сканирования, чтобы создавать аватары, которые выглядят максимально реалистично.

3D-реконструкция – технология для преобразования изображений в 3D объекты. С помощью 3D-реконструкции можно создавать реалистичные и естественно выглядящие пространства. С помощью специальных 3D-камер можно перенести физический мир в виртуальную реальность, создавая точные трехмерные фотореалистичные модели зданий, физических мест и объектов. Затем пространственные 3D-данные и фотографии передаются на компьютеры для обработки и создания цифровых копий в метавселенной.

ЮТ - это система, которая берет все в физическом мире и подключает пользователей к Интернету через датчики и устройства. После подключения к Интернету эти устройства получают уникальный идентификатор и возможность автоматически отправлять или получать информацию.

Блокчейн - это распределенная база данных, которая совместно используется узлами компьютерной сети. Как база данных, блокчейн хранит информацию в электронном виде в цифровом формате. Блокчейн используется для ведения безопасной и децентрализованной записи транзакций. Он гарантирует верность и безопасность записи данных, которые собирает в группы, известные как блоки. Блоки имеют определенную емкость и при заполнении закрываются и связываются с ранее заполненным блоком, образуя цепочку данных, известную как блокчейн. Вся новая информация, которая следует за только что добавленным блоком, собирается во вновь сформированный блок, который после заполнения также добавляется в цепочку [3].

Технология блокчейна обеспечивает децентрализованное и прозрачное решение для цифрового подтверждения права собственности, цифрового коллекционирования, передачи стоимости, управления, доступности и совместимости. Криптовалюты – цифровые деньги – позволяют пользователям передавать стоимость, работая и общаясь в виртуальном пространстве [2].

Принципы работы метавселенной для большего понимания лучше разобрать на примере одной из крупнейших метавселенных на данный момент – Decentraland. Decentraland – это принадлежащий пользователям виртуальный мир на основе криптовалюты Ethereum, расположенный на блокчейне, где пользователи могут взаимодействовать с различными мероприятиями и объектами, а также общаться друг с другом посредством голоса. Также там можно за крипто токены приобретать участки виртуальной земли, на которых можно строить собственные среды, рынки и приложения [4].

Таким образом, метавселенная является децентрализованным виртуальным пространством, в котором пользователи для совместной или индивидуальной социальной и экономической деятельности задействуют аватары.

По результатам проведенного мной исследования, можно сделать вывод, что метавселенная – это децентрализованное и основанное на блокчейне виртуальное проявление реальной действительности. Она позволяет передавать информацию на значительных дистанциях в большем массиве, чем через взаимодействие в иных виртуальных пространствах. Полное погружение в метавселенную и высокая скорость передачи данных обусловлены внедрением в метавселенную шести передовых технологий современности. С развитием имеющихся технологий коммуникация в метавселенной становится качественнее и дает больше возможностей.

Библиографические ссылки

1. A Short History Of The Metaverse. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2022/03/21/a-short-history-of-the-metaverse/?sh=76354ec59688>. – Дата доступа: 20.04.2022.
2. Top 7 Technologies that Power the Metaverse. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academy.binance.com/en/articles/top-7-technologies-that-power-the-metaverse>. – Дата доступа: 20.04.2022.
3. Blockchain explained. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.investopedia.com/terms/b/blockchain.asp>. – Дата доступа : 20.04.2022
4. Decentraland (MANA) : A Virtual World Built on Ethereum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gemini.com/cryptopedia/decentraland-defi-ethereum-based>. – Дата доступа: 20.04.2022.
5. The Metaverse: What It Is, Where to Find it, and Who Will Build It. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.matthewball.vc/all/themetaverse>. – Дата доступа: 20.04.2022.

СЕКЦИЯ 22. МАРКЕТИНГОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ

ЛИДЕР В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Л. В. Басякова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

linabasia55@gmail.com

*Научный руководитель – Купчинова Татьяна Владимировна,
кандидат социологических наук, доцент*

В публикации автор рассматривает феномен лидера в цифровую эпоху. Актуальность данной темы обусловлена тем, что на данный момент в мире происходит цифровая трансформация, которая затрагивает все сферы жизни общества, в том числе лидерство. В работе приводятся конкретные навыки и компетенции цифрового лидера, а так же их анализ. Целью исследования является выявление отличительных особенностей, характерных для лидера в цифровую эпоху. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований, направленных на комплексное изучение феномена цифрового лидера.

Ключевые слова: цифровая эпоха; Индустрия 4.0; цифровой лидер; цифровое мышление.

Уже как несколько лет в современном мире происходит четвёртая промышленная революция, за которой следует переход к цифровой эпохе – Индустрии 4.0. Она предполагает новый подход к производству, основанный на массовом внедрении информационных технологий в промышленность, масштабной автоматизации бизнес-процессов и распространении искусственного интеллекта [4]. В таких условиях изменения происходят во всех сферах жизни общества, затрагивая также и лидерство.

В привычном понимании лидер – это человек, который объединяет, направляет действия всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его действия [1]. Необходимые для лидера качества – это целеустремлённость, умение повести за собой и замотивировать, ответственность, коммуникабельность, гибкость мышления и другое. Но этих качеств уже недостаточно для управления компанией в современных реалиях.

В цифровую эпоху мир изменяется и требует таких же изменений от лидеров. В первую очередь это касается умения взаимодействовать с цифровыми инструментами и работать в виртуальном пространстве. Но эти навыки необходимо обрести в достаточно быстрые сроки и эффективно использовать их после цифровой трансформации самой компании. Индустрия 4.0 требует от лидеров изменения личностных качеств, обогащение знаний широкого профиля и, самое главное, развитие цифрового мышления.

Цифровое мышление – это основа для изменения собственного понимания лидерства. Для того, чтобы развивать его, необходимо осваивать следующие навыки и компетенции:

1. Гибкость коммуникации.

Для цифрового лидера необходимо общаться в три раза больше, чем ранее. Коммуникация выходит на новый уровень, который требует быстрого принятия решений и постоянной готовности к обратной связи. Кроме личных разговоров нужно использовать все возможные каналы, предоставленные цифровыми технологиями.

2. Прозрачность общения.

Цифровая эпоха - это конец противостояния начальника и подчинённых, есть только коллеги, работающие для достижения общей цели. Грамотный лидер свободно делится имеющимися знаниями и навыками, он всегда открыт для обсуждения и совета.

3. Готовность рисковать.

Изменения происходят настолько быстро, что продумывать план действий неделю или месяц становится невозможно. Цифровой лидер должен быть способен быстро анализировать сложившуюся ситуацию, оценивать возможные исходы и, рискуя, принимать решения.

4. Психологический капитал.

Казалось бы, изучение психологии - это либо профессия, либо хобби. Но в современном мире знания о психике человека, способах воздействия на неё, о видах темперамента и типах личности могут невероятно способствовать мотивации сотрудников и продвижению компании вверх. Так же это облегчает взаимодействие с клиентами и появляется возможность более активного влияния на них. Поэтому цифровому лидеру необходимо иметь как минимум общие знания о психологии, а в идеале проходить специализированные тренинги и курсы.

5. Эмоциональный интеллект.

Это способность объединить ум, логику и эмоции. Она включает понимание, анализ и управление собственными чувствами, умение считывать эмоции других и сопереживать. Данный навык помогает контролировать своё поведение, грамотно управлять конфликтами, налаживать дружеские связи в коллективе и создавать позитивную атмосферу [2].

6. Контекстный интеллект.

Лидер должен понимать конкретную среду, в которой находится организация или рабочая группа, чтобы принятые им решения были эффективными. Для этого лидер должен учиться адаптироваться под окружающую среду, с учётом ранее изученного и признанного полезным, но при этом необходимо уметь вносить изменения в окружающую среду, если есть такая необходимость. Сочетание этих двух умений позволяет достигать желаемого будущего.

7. Осознание децентрализации.

Новая реальность такова, что информационные потоки идут ото всюду, система обмена данными приняла вид «многие ко многим». Это значит, что партнёры и сотрудники могут писать вам в различных онлайн мессенджерах в любое время суток, конкурент может «тегнуть» вас в социальных сетях, чтобы сообщить о запуске проекта, новости об изменениях в сфере вашей деятельности теперь надо искать на просторах Telegram. Лидер должен быть готов к этому, должен встроиться в такой темп жизни и стать его полноправным участником.

8. Активность в социальных сетях.

Это, на наш взгляд, одна из самых важных и самых интересных компетенций цифрового лидера. Поэтому необходимо обратить на неё особое внимание.

Анализ на CEO.com показал, что руководители самых могущественных компаний на планете по-прежнему рассматривают социальные медиа как развлечение, если даже не безделье. 61% из них никак не присутствуют в социальных сетях. Даже те, кто есть в Twitter, Facebook или в других социальных сетях, редко вступают в переписку с кем-либо. Сознательно уходя от общения и закрываясь от остального мира, они показывают определенное отношение [3]. Подобные исследования проводились и среди российских руководителей. Результаты показали, что большая часть из них использует социальные сети меньше часа в день и не воспринимает деятельность в них всерьёз. Между тем, потребительские тенденции двигаются в другом направлении. Социальными сетями по итогам 2020

года пользуются более 4 млрд человек [5]. Большая часть из них проводит там более двух часов в день. Это свидетельствует о том, что и руководителям следует задуматься над ведением и развитием своих аккаунтов в интернете. Самыми подходящими для этого социальными сетями являются Instagram, Facebook и LinkedIn.

В заключении важно отметить, что вышеперечисленные навыки и компетенции не являются единственными и абсолютно неоспоримыми, так как цифровая трансформация общества началась относительно недавно и не существует достоверных исследований, показывающих эффективность того или иного метода в долгосрочной перспективе. Лидерам необходимо учитывать как новые характеристики цифровой экономики, так и особенности конкретной компании, это позволит развиваться и появляться успешным цифровым организациям. Так же следует более тщательно исследовать появившуюся недавно Индустрию 4.0, с целью получения более чётких сведений о факторах, характерных для успешного лидера в цифровую эпоху.

Библиографические ссылки

1. Большая советская энциклопедия / О. Ю. Шмидт [и др.]; под общ. Ред О. Ю. Шмидт. – Москва: Советская энциклопедия, 1926. – С. 1200.
2. Ерыгина А. В. Эмоциональный интеллект как фактор успешности / А. В. Ерыгина // Экономический вектор. – 2021. - №2. – С. 77-81.
3. Лидеры будущего: какие digital-компетенции им нужны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tananyeva.com/lidery-budushhego-kakie-digital-kompetentsii-im-nuzhny>. – Дата доступа: 19.04.2022
4. Что такое индустрия 4.0. Объясняем простыми словами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://secretmag.ru/enciklopediya/cto-takoe-industriya-4-0-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm>. – Дата доступа: 19.04.2022
5. Digital report 2021: el informe sobre las tendencias digitales, redes sociales y mobile. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wearesocial.com/es/blog/2021/01/digital-report-2021-el-informe-sobre-las-tendencias-digitales-redes-sociales-y-mobile/>. – Дата доступа: 19.04.2022

КОММУНИКАЦИЯ КАК ЧАСТЬ ЭФФЕКТИВНОГО ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА

Д. П. Брагина, А. А. Короляш

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
darabragina6@ gmail.com, angelinakorolas@gmail.com
Научный руководитель – Калачева Ирина Ивановна,*

Тайм-менеджмент в последнее время стал не просто новомодным словом, которым пользуются в своих продуктивных блогах современные авторитеты молодежи. Тайм-менеджмент это не только составление планов, сортировка важных и неважных дел и постоянный мониторинг минутной стрелки часов, это еще и умение распоряжаться временем так, чтобы никто и ничто не смогло повлиять на его правильное использование. Именно поэтому коммуникация отыгрывает не последнюю роль в организации личного и организационного времени. Объектом исследования выступает личная коммуникация и коммуникация в организациях. Целью работы стал анализ проблемы барьерной коммуникации и влияния ее на эффективность тайм-менеджмента. В результате исследования было установлено, что решение проблемы скрыто в правильном практическом использовании коммуникации как средства достижения взаимопонимания. Ценность результатов заключается в том, что они могут подтолкнуть общество к решению данной проблемы, а практическая значимость итогов работы связана с применением их в решении теоретических или практических проблем социальных коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникация; тайм-менеджмент; корректирующие меры; бизнес-процессы.

Концепция тайм-менеджмента приобрела значительную популярность за последние три десятилетия. Управление временем - это то, с чем одни люди борются, в то время как другие являются чемпионами производительности. Время может быть сложным. И поэтому важно знать, как вписать в него свою работу и повседневную деятельность. Тайм-менеджмент помогает лучше спланировать и организовывать деятельность, повышает производительность и поддерживает здоровый баланс между работой и личной жизнью.

Концепция тайм-менеджмента постепенно эволюционировала и теперь охватывает множество тем, связанных с работой и повседневной жизнью. Однако существует значительная разница в управлении временем и методах, используемых для управления работой. Это особенно заметно в крупных организациях, которым необходимо оптимизировать бизнес-процессы для достижения лучших результатов и более высокой производительности и в то же время удовлетворить высокие требования клиентов и заказчиков.

Управление работой включает в себя управление временем. Необходимо учитывать временные рамки для соблюдения качества и эффективности производства. Оно включает в себя профессиональные совместные практики, правила и конкретные процедуры, установленные в логическом порядке, которые вы можете повторно использовать и корректировать для лучшей работы вашей команды.

Важно иметь отличные коммуникативные навыки на рабочем месте, потому что это помогает с управлением временем, делает его наиболее эффективным. Умение хорошо общаться позволяет сотрудникам четко и однозначно понимать поставленную перед ними задачу и больше сосредоточиться на соблюдении дедлайнов. При этом они смогут эффективно управлять своим временем.

Крайне важно понимать процесс общения: осознавать как тебя воспринимают твои сотрудники и, следовательно, правильно передавать им информацию. Для этого мы выделили несколько важных аспектов, которые стоит учесть каждому руководителю.

Хорошая коммуникация позволяет сотрудникам чувствовать свою значимость, что также является положительным результатом для компании. Многие сотрудники часто жаловались на то, что им кажется, будто их используют как инструмент, и не рассматривают в более коммуникативных ролях. Чтобы избежать такого рода жалоб и не тратить на это такое драгоценное время, компаниям лучше всего включать в общение своих сотрудников и в тех случаях, когда общение не является частью их должностных инструкций, даже если это общение осуществляется по электронной почте.

Конечно, в любых компаниях могут быть препятствия для эффективной коммуникации. Очень важно устранить все барьеры, чтобы правильным образом мотивировать своих сотрудников. Менеджеру лучше всего выявить эти препятствия с самого начала. Все, что мешает процессу общения, следует устранять или исправлять немедленно. Препятствием может послужить все, что угодно.

Одним из самых часто встречающихся препятствий в бизнесе является неумение слушать сотрудников или клиентов. Плохие навыки слушания вредят любому владельцу бизнеса. Разные мнения или неправильный язык тела – это все может повлиять на ваши взаимоотношения с сотрудниками. И даже если кажется, что это не так, взаимоотношения очень важны для организации планов и распределения времени. Не все люди понимают разницу и разграничивают личные и рабочие отношения, поэтому выстроив плохие взаимоотношения с сотрудниками, а соответственно и плохую коммуникацию, у вас маловероятно получится рассчитывать на этого человека при выполнении задач. Через стену обид и недопонимания очень плохо проходит информация, которую вы хотите донести до человека.

Коммуникация и управление тесно связаны между собой. Каждая из управленческих ролей – планирование, организация, руководство и контроль – зависит от эффективной коммуникации. Менеджеры должны иметь возможность получать точную информацию для определения планов и распределения времени. Однако менеджеры должны делать гораздо больше, чем просто информировать людей о том, что им нужно сделать, чтобы поддержать план. Они должны мотивировать людей самостоятельно выполнять план, укреплять приверженность организации, устанавливать взаимопонимание и сотрудничество, а также информировать всех о событиях и действиях, влияющих на организацию.

Хорошая коммуникация не только информирует, но и помогает создать культуру, которая заставляет людей чувствовать свою принадлежность к организации и желание ее поддерживать. Можно определить несколько преимуществ эффективной коммуникации между менеджерами и сотрудниками. Четкое задание обеспечивает ясность и предотвращает путаницу, неуверенность и двусмысленность. Четкое определение ролей, обязанностей и отношений дает каждому информацию, необходимую для выполнения своей работы и понимания своего вклада в организацию. Эффективная коммуникация снижает затраты времени, связанные с конфликтами, недоразумениями и ошибками. Правильно выстроенный план помогает строить крепкие взаимоотношения между сотрудниками. Культура, способствующая открытому общению, снижает напряженность между иерархическими уровнями сотрудников, как в профессиональном, так и в неформальном плане. В культуре доверия и сотрудничества люди чаще обращаются за помощью для устранения проблем и предлагают свои решения и улучшения. Эффективная коммуникация создает коллективную культуру, которая способствует командной работе и поощряет сотрудничество. Грамотно составленное расписание создает обязательства – это значит предполагает не только передачу информации, но и ее получение. Учитывать предложения сотрудников может помочь им чувствовать себя ценными участниками рабочего процесса. Распределение задач и целей в соответствии со временем определяет ожидания. Когда люди не уверены в том, что от них ожидается и как их будут оценивать, они не могут хорошо выполнять свою работу. Обзоры эффективности сложны, потому что сотрудник не знает стандартов эффективности, которым он должен соответствовать. И если необходимы корректирующие меры, сотрудник может быть обижен, если он не видит, как его поведение снизило его эффективность. Когда ожидания и стандарты ясны,

сотрудники знают, что им нужно сделать, чтобы получить положительный отзыв и преимущества, которые с ним связаны.

Хорошая коммуникация также означает задавать правильные вопросы, чтобы получить разъяснения. В условиях рабочего места это очень важно. Если вы эмоционально отвлечены, это также может помешать вашему выполнению плана. Это лишь некоторые из многих преимуществ, которые дает эффективная коммуникация. Менеджеры могут достичь организационных целей только тогда, когда люди в организации привержены целям. Люди работают намного лучше, когда они информированы и вовлечены.

ТРЕНДЫ МАРКЕТИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

Е. Р. Виноградова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

katsiarynavinahradava@gmail.com;

Красковская Дарья Сергеевна

Публикация посвящена анализу изменений, которые произошли в стратегиях и трендах маркетинга в связи с пандемией коронавируса, анализ проводился на основе научной литературы по маркетинговым коммуникациям и результатам опросов брендов, рекламодателей, рекламных агентств и поставщиков технологий для запуска цифровой рекламы, которые работают в Украине, Беларуси, Молдове, Казахстане и Грузии компанией Admixer.

Ключевые слова: тренды маркетинга; пандемия COVID-19; социальные сети.

Пандемия коронавируса в начале 2020 года поменяла всю модель привычного мира, что трудно было предвидеть. Прежние маркетинговые стратегии, в том числе в интернете, теперь вряд ли будут эффективными. Многие бренды существенно поменяли свои подходы к маркетингу в целом, а в сфере цифровых коммуникаций обозначились новые тренды. Цифровая среда живет по своим законам, она меняет и формирует нашу реальность. Чтобы получить в этой среде конкурентные преимущества, нужно научиться постоянно к ней приспосабливаться.

В кризисные периоды первая строка сокращения бюджета компаний – это маркетинг, однако нынешний кризис, вызванный пандемией COVID-

19, показал обратное – насколько важно использовать маркетинговые инструменты для сохранения уже имеющейся и завоевания новой аудитории. Очевидно, что весьма затруднительным сегодня становится долгосрочное стратегическое планирование: ситуация меняется каждый день, исследования относительно быстро теряют свою актуальность. Бизнес вынужден опираться на гипотезы, основанные на опыте и логике. Другими словами, на первый план выходят оперативные тактические решения.

Было проведено исследование, цель которого была: выяснить влияние пандемии коронавируса на тренды маркетинга в социальных сетях. Исследование заключалось в сравнительном анализе трендов маркетинга в социальных сетях до пандемии COVID-19 и во время нее. Исследование основывается на научной литературе по проблематике маркетинговых коммуникаций, также была использована информация из опроса брендов, рекламодателей, рекламных агентств и поставщиков технологий для запуска цифровой рекламы, которые работают в Украине, Беларуси, Молдове, Казахстане и Грузии компанией Admixer.

Необходимо заметить, что тематика представленной работы отражает реально происходящий сегодня процесс трансформации рынка маркетинговых коммуникаций под влиянием пандемии коронавируса, что является абсолютно новой ситуацией (которая не была описана ранее) как для самого рынка, так и для нашего общества в целом. В работе использованы методы анализа литературы, метод обобщения, сравнительный анализ, определяется понятие тренда в целом и описываются основные тенденции развития маркетинга в социальных сетях и их влияние на различные сферы бизнеса. Также, с помощью данных опроса Admixer был проведен сравнительный анализ трендов до пандемии и во время нее. В опросе приняла участие 61 компания: 24 рекламных агентства, 23 бренда и 13 adtech-компаний.

Проведя сравнительный анализ, можно проследить изменения тенденций маркетинга, например:

1. Были исследованы расходы на рекламу в связи с пандемией коронавируса. Данные показали, что рекламные агентства пострадали сильнее всего – 90% сократили бюджеты. Кризис не затронул 50% опрошенных рекламодателей, а 30% из них даже увеличили свои рекламные бюджеты.

2. Были исследованы меры, применяемые для смягчения последствий кризиса. Бренды и рекламодатели сокращают операционные издержки.

43% брендов также урезают рекламные бюджеты. Почти 70% брендов и агентств уменьшили расходы на все, кроме технологий.

3. Были исследованы предпочтения в маркетинговых каналах. С марта по апрель 2020 года большинство брендов и агентств сократили расходы на рекламу в большей части каналов, при этом бюджеты на наружную рекламу (ООН и DOOH) пострадали больше всего. Тенденции сохранились в мае-июне. Небольшой рост бюджетов ожидается только в социальных сетях и поисковой рекламе.

4. Были исследованы месседжи, таргетинг и тип контента. Большинство брендов и рекламных агентств изменили креативы, таргетинг и тип контента в рекламных кампаниях с начала эпидемии. Разница незначительна.

5. Также, было изучено распределение бюджета компаний на маркетинговые стратегии. Бренд-маркетологи и рекламные агентства стали больше инвестировать в перформанс-маркетинг и ситуативные кампании, при этом сокращая затраты на брендовую рекламу.

6. Было выяснено, что, по сравнению, с 2019 годом, рекламодатели более концентрируются на мобильных кампаниях, локальном геотаргетинге и таргетинге по интересам, а кампаний, направленных на целую страну становится меньше.

Подавляющее большинство крупных отечественных и иностранных рекламодателей на ТВ и в цифровой рекламе сохранили спокойствие и заняли выжидательную позицию. Более того, некоторые крупные рекламодатели даже увеличили свою активность в диджитал благодаря вынужденной ускоренной цифровизации населения из-за добровольного карантина и удаленной работы.

Это компенсировало падение бюджетов большого количества мелких рекламодателей, в основном в контекстной рекламе (ИП, салоны красоты, спортзалы и т. д.).

Потери в части интернет-рекламы в Беларуси в основном были связаны с: сокращением рекламной активности ряда рекламодателей; девальвацией национальной валюты (BYN) примерно на 10% к доллару США; отменой массовых мероприятий, которые составляли значительную часть рекламы в интернете.

На наш взгляд, рынок маркетинговых коммуникаций в Беларуси переживает кризис, связанный с пандемией, возможно, более глубоко, чем этот рынок в других странах, что обусловлено отсутствием эффективных мер государственной поддержки данного сегмента, а также тем, что

коммуникации – пока еще вторичная по отношению к основному бизнесу функция. Очевидно, что сегодня важно пересмотреть ранее применяемые на практике стратегии и найти новые точки контакта со своими целевыми аудиториями с учетом всех произошедших во время пандемии изменений.

Коронавирус изменил образ жизни миллионов людей и в том числе их медиапотребление. Цифровизация превратилась в драйвер развития нашей социальной и экономической жизни, стала полезной и привычной для общества. Пандемия подтолкнула к развитию целой экономики виртуального опыта потребителей: онлайн-экскурсий и путешествий, шопинга, уроков и лекций, занятий спортом и развлечений и даже организации церковных служб и поминок. Короткие видеоролики, социальные сети, новостные платформы, подкасты стали полем битвы рекламодателей.

ЛЕДДЕРИНГ И СОЗДАНИЕ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ АНТИ-ИДЕАЛЬНОГО ПРОДУКТА КАК МЕТОДИКИ ПОИСКА ИНСАЙТОВ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ

Д. О. Кудина

*Белорусский государственный университет, г. Минск
daredevil.daria@gmail.com;*

Научный руководитель – Е. К. Артёменко-Мельянцова

В статье описывается применение леддеринга и проективной методики о создании рекламного сообщения для анти-идеального продукта как методов поиска инсайтов для продвижения онлайн-школы. Сам же инсайт описывается как источник идеи для разработки как самого продукта, так и рекламных сообщений с высокой эффективностью. Описанные выше качественные методики были применены в исследовании, проведенном в рамках данной статьи, представляющем собой глубинное интервью, целью которого был поиск инсайтов. Актуальность данной работы обуславливается обоснованием необходимости использования инсайтов в маркетинговых коммуникациях организации, а также здесь рассмотрен процесс их поиска на примере анализа результатов интервью с последующим выдвижением рекомендаций по продвижению онлайн-школы.

Ключевые слова: потребительский инсайт; леддеринг; проективные методики.

Все маркетинговые коммуникации компании для оказания наибольшего эффекта на целевые аудитории должны быть едиными, соединенными одной общей идеей. Как правило, такая идея закладывается в торговое

предложение компании, её позиционирование, фирменный стиль и сам продукт. Однако, чтобы оказать наибольшее влияние, такая идея должна нести в себе особую ценность для потребителей, быть близкой для них и откликаться, то есть быть основанной на потребительском инсайте.

При дословном переводе термин «инсайт» означает «озарение» – такое определение используется в психологии для обозначения состояния, при котором мыслительный процесс приводит к осознанию ситуации, идентификации проблемы и последующего нахождения решения этой проблемы. Со временем инсайт, как и многие другие психологические термины, стал использоваться и в маркетинге, однако претерпел некоторые метаморфозы. Проблемные ситуации заменились на «боли», а само озарение постепенно оформилось в более специализированное и профессиональное понятие – потребительский инсайт. Он представляет собой скрытые и неявные нужды и потребности людей, связанные причинно-следственными связями с внешними обстоятельствами. Особенностью коммуникации, построенной на инсайтах, является то, что она берет «за живое» потребителей и позволяет разговаривать с ними на одном языке.

У потребительского инсайта есть своя структура. Он состоит из двух частей: первая представляет собой мотив потребителя, когда как во второй скрыт барьер, мешающий реализации первой части. На основе этого возникает упрощенная формулировка «я хочу ..., но...». Важность для маркетинговых коммуникаций такой конструкции заключается в том, что барьер часто не осознается потребителями, но при его устранении возникает некое чувство облегчения, что и привлекает потребителей, сближая их с продуктом, который устранил их «боль». Практическое применение заключается в использовании данной идеи при создании или доработке продукта, а также при разработке эффективных рекламных сообщений и цепляющих креативов [1].

Можно выделить два подхода к поиску потребительских инсайтов. Первый заключается в удаленном сборе данных о потребителях и всех аспектах их жизни с последующим предположением возможных мотивов и барьеров. Он подразумевает анализ данных из CRM-систем, мониторинг форумов и комментариев под тематическими постами и тому подобное. Второй же предполагает проведение исследований с участием респондентов, в ходе чего имеется возможность получить информацию из первых уст. Оба из двух перечисленных подходов могут применяться, однако, учитывая специфику инсайта, а именно его скрытость и неявность,

стоит делать упор на качественные исследования, где имеется возможность вступить в диалог с потребителями, уточнить одни моменты и углубиться в другие. Это позволяют сделать глубинные интервью и фокус-группы, при проведении которых дополнительно используются различные методики.

В рамках подготовки данной статьи было произведено качественное исследование, целью которого является поиск инсайтов для продвижения на рынке образовательных услуг. На примере глубинного интервью с выпускницей онлайн-школы по графическому дизайну Granich было показано применение леддеринга и проективной методики по созданию рекламного сообщения анти-идеальной школы для определения её установок при выборе школы [2]. Актуальность данного исследования заключается в получении данных, которые могут найти своё практическое применение в продвижении данной онлайн-школы.

В структуре интервью можно выделить две части: с использованием методики леддеринга и с использованием проективной методики. В ходе леддеринга в реплике респондентки всплыли следующие фразы касательно причин, по которым было предпринято решение о необходимости прохождения курса: «на тот момент я дизайном года три занималась и хотела начать работать поскорее, <...>, но не чувствовалось какой-то базы уверенной. Короче да, мне нужно было структурировать свои знания и разложить по полочкам», «видимо, меня курсы избавили от синдрома самозванца или как там правильно это назвать можно, и дали уверенность». Из этих фраз можно сделать вывод о том, что респондентка рассматривала обучение на онлайн-курсе как возможность чувствовать себя увереннее при поиске работы, чувствовать уверенность в полученной ею самостоятельно базе. Уже на данном этапе можно выделить и сформулировать следующий инсайт: я хочу найти работу, но не чувствую уверенности в своих знаниях. Из вышеперечисленного вытекают и возможные формулировки для рекламных сообщений, начиная от прибавления уверенности в себе и заканчивая избавлением от синдрома самозванца.

Далее было высказано негативное отношение к крупным школам, являющимся лидерами на рынке: «мне не хотелось учиться в школах-корпорациях типа, меня они пугают», «большие компании, у которых огромные рекламные кампании и обороты», «кажется, что там на тебя все равно, мне хочется более индивидуального подхода что ли». Это говорит о том, что у респондента сформировано мнение о том, что онлайн-школы,

обучающие нескольким направлениям, а также имеющие большое количество студентов, оказывают недостаточно качественные образовательные услуги. Также был сделан акцент на том, что она «рассматривала школы, которые занимаются дизайном в основном». Складывая негативную установку по отношению к крупным школам и предпочтение специализированным, можно получить основу для позиционирования онлайн-школы Granich. Основной идеей становится утверждение «специализация на дизайне обеспечивает более высокое качество обучения».

Усилить предыдущую идею можно добавив информацию об основателях, которые в маленьких школах играют особо важную роль, преподавателях, кураторах, а также соотношении последних двух групп с количеством студентов. Это имеет место быть на основании следующих слов: «И основатель там крутой - на него смотришь и понимаешь, что кураторы там точно такие же по профессионализму, как и он, потому что другого бы не допустил. Приятно оказаться в надёжных руках». Эта фраза говорит о важности личностей самих сотрудников школы, доверие к которым может сыграть не последнюю роль в принятии решения о покупке курса в школе.

Далее переходим к другой методике, использованной в данном исследовании – о создании рекламного сообщения для анти-идеальной школы. У респондентки получился закономерный собирательный образ школы, представляющий своеобразную сумму сказанного ранее: «Мы – самая крупная школа на планете, выпускающая по сотне выпускников в день, берем много денег за ноль информации». Это дополнительно подчеркивает скептическое отношение к крупным школам и заставляет переосмыслить представление информации такого рода.

Также стоит добавить, что на вопрос о том, какая должна быть школа, чтобы ее точно не порекомендовали, респондентка упомянула настороженное отношение к злоупотреблению ценовым стимулированием сбыта: «Ещё меня очень пугают скидки в половину стоимости, но, как я поняла, пока выбирала курс, таким все балуются». Конкретно эта проблема к онлайн-школе, в которой она проходила обучение, не относится, но среди остальных школ, особенно крупных, скидки являются своеобразным «стандартом индустрии».

Таким образом, можно сказать, что потребительский инсайт играет важную роль в продвижении продукта, поскольку увеличивает его ценность в глазах потребителя, а также повышает его лояльность и

вовлеченность. Это делает его основной для разработки или доработки продукта, а также коммуникаций компании с целевыми аудиториями. Поиск инсайтов по причине их скрытности и неявности рекомендуется проводить с использованием методик в форме диалога, так как в таком случае появляется возможность дополнительно раскрыть некоторые ответы респондента.

В ходе глубинного интервью, проведенного в рамках статьи, были применены качественные методики поиска инсайтов для продвижения на рынке образовательных услуг, а именно леддеринг и проективная методика по созданию рекламного сообщения для анти-идеальной школы. В результате была получена информация, на основании которой представилась возможность разработать рекомендации для продвижения онлайн-школ, включающие в себя следующие пункты:

1. Использование посылов, касающихся прибавления уверенности в себе после прохождения курса и избавлением от синдрома самозванца;
2. Использование в позиционировании упора на специализацию, обеспечивающую более высокое качество обучения;
3. Развитие личного бренда основателя, преподавателей, кураторов курса;
4. Аккуратное использование ценового стимулирования сбыта.

Библиографические ссылки

1. *Апаликов И.С.* Модель «Потребность – инсайт – бренд» / И.С. Апаликов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. - №1. – С. 147-148.
2. *Мельникова О.Т.* Фокус-группы: Методы, методология, модерирование: Учебное пособие для студентов вузов / О.Т. Мельникова. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 320 с.

ПРОДВИЖЕНИЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ ПО ПРОДАЖЕ ИСКУССТВА

В. О. Островская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

veronika.ostrovskaya.00@gmail.com

Научный руководитель – Терещенко Мария Сергеевна

В публикации автор обращается к проблеме продвижения онлайн-платформ по продаже искусства в период, когда конкуренция стремительно возрастает. Приводятся результаты исследования содержательного анализа крупнейших мировых интернет-

ресурсов по продаже искусства. Объектом исследования выступает маркетинговая составляющая в коммуникации онлайн-платформ по продаже искусства, целью – выявление, как продвигаются виртуальные площадки по продаже искусства и какие инструменты используют.

Ключевые слова: продвижение; онлайн-платформы по продаже искусства; социальные сети.

За последние несколько лет мировой арт-рынок стремительно трансформируется и переходит в режим онлайн. По данным пятого издания отчета The Art Basel и UBS Global Art Market Report, в 2020 году онлайн-продажи предметов искусства и антиквариата достигли рекордного уровня \$12,4 млрд, что вдвое больше, чем в 2019 году, и составили рекордную долю 25% в рыночной стоимости. Безусловно, это произошло в результате глобальной пандемии, однако существуют прогнозы, что данная тенденция формата digital будет оставаться с нами ещё долгое время.

Из-за возрастающей конкуренции вопрос продвижения онлайн-платформ по продаже искусства становится всё более острым. Особенно это касается продвижения в социальных сетях, ведь в 2020 году примерно треть коллекционеров приобрели произведения искусства через Instagram. В данной статье рассмотрены две крупнейшие мировые онлайн-платформы по продаже искусства. Работ, которые освещают данную проблему в русскоязычном обществе, в открытом доступе в настоящее время не наблюдается. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программ, направленных на продвижение и развитие других платформ по продаже искусства.

Начнём с наиболее быстрорастущего сайта из выборки — Artfinder.com. Посещаемость данного сайта за последние полгода увеличилась более, чем в два раза (772 тыс. пользователей в октябре 2021, 1,64 млн в марте 2022 года). Предположительно, такой глобальный прирост аудитории на 0,6 миллиона с февраля по март произошёл из-за оттока пользователей с русскоязычных платформ по продаже искусства из-за политических причин. Больше всего посетителей данного сайта проживает в США (26%), Англии (18%) и Германии (12%).

Artfinder.com позиционирует себя, как арт-рынок, на котором можно купить оригинальное произведение искусства и тем самым помочь художникам зарабатывать на жизнь, занимаясь любимым делом. Также данный бренд подчёркивает свою социальную ответственность, путём

финансирования посадки деревьев за каждое проданное у них произведение искусства. Уже было посажено боле 100 тыс. деревьев.

Наиболее эффективно Artfinder получает переходов с десктопной версии на сайт через прямой трафик (табл.1). Это говорит о том, что у данной компании хорошо выстроена маркетинговая стратегия, бренд достаточно сильный, а аудитория лояльная, так как прямые заходы означают, что пользователь сознательно ввел адрес веб-сайта, чтобы перейти на него.

**Таблица 1 – Маркетинговые каналы за март 2022 года
(десктопная версия)**

	Artfinder.com	Saatchiart.com
Прямой трафик	47,10%	33,83%
Поиск	42,15%	53,86%
Социальные сети	6,06%	6,26%
Почта	1,32%	1,51%
Ссылки с других сайтов	2,18%	3,28%
Медийная реклама	1,19%	1,26%

Artfinder больше всего трафика из всех социальных сетей с десктопной версии получает из Pinterest (табл.2). У них более 3 миллионов публикаций и огромное количество коллекций.

**Таблица 2 – Трафик из социальных сетей за март 2022 года
(десктопная версия)**

	Artfinder.com	Saatchiart.com
Pinterest	54,68%	43,67%
Facebook	20,07%	16,38%
Instagram	5,57%	5,85%
Twitter	4,39%	-
Youtube	10,70%	16,38%
Reddit	-	9,08%
Другие	4,59%	8,52%

В Facebook, Instagram, Twitter публикуют одинаковый контент. Artfinder единственный из рассмотренных ниже платформ, кто публикует не только фото картин, но также и графически оформленные посты (цитаты авторов, преимущества платформы и т.д.). Показатель вовлечённости, который отражает отношение реакций (лайков, комментариев и сохранений) к

количеству подписчиков умноженное на 100%, достаточно низкий. Средний показатель за последние три месяца в Инстаграм составляет 0,3%. У данного конкурента также есть Youtube канал, но последнее обновление там было 3 года назад. Трафик из этой сети идёт от видеоотзывов пользователей Artfinder.com.

Вторая платформа — Saatchiart.com. Данный бренд является ведущей в мире художественной онлайн-галереей. На данный момент, на сайте выставлены 1,4 млн оригинальных произведений, 94 тысячи начинающих художников из 110 стран. По данным Similarweb за март 2022 года сайт посетили 2 миллиона пользователей. География распространения пользователей, заходящих на сайт очень разнообразная, но больше всего пользователей из США, Англии и Германии.

Saatchiart.com делает значительный акцент на экспертность, у них на сайте есть отдельный раздел «Curated Collections», в котором отдельные кураторы собирают свои подборки по различным тематикам. Всего на сайте представлено семь кураторов, которые также могут бесплатно проконсультировать и помочь подобрать работы с учетом потребностей, пространства и стиля.

У этого сайта лучше показатели, чем у его конкурента, по всем каналам, кроме прямого трафика (табл.1). Наиболее эффективно на Saatchiart.com из всех соц.сетей приходит трафик из Pinterest (табл.2), там они чаще всего публикуют фотографии картин с их названием и именем автора, иногда добавляют описание. Количество подписчиков — 500 тыс., количество пинов — 17 тыс. и их профиль просматривается более 10 млн. раз в месяц. Далее идёт Facebook, в котором дублируются посты из Instagram. Число подписчиков в Instagram более 1 млн, а средний показатель вовлечённости очень низкий и равен 0,2%. В этой социальной сети чаще всего публикуются посты не просто с названием работы и именем автора, но также и с небольшим описанием или повествованием. Также иногда публикуются видео с новинками недели, анонсами выставок или промо-видео.

Данная же платформа публикует контент в YouTube, в основном это короткие ролики YouTube Shorts. Активности они почти не набирают, где-то до тысячи просмотров, что для такой масштабной платформы мало. Однако, если ввести в строке поиска YouTube название бренда, то можно найти десятки роликов-отзывов на платформу от её пользователей. Данная платформа ещё получает трафик от социальной сети Reddit, которая наиболее распространена в США. Она представляет собой сайт,

сочетающий черты социальной сети и форума, на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию и обсуждать её.

Делая вывод по рассмотренным выше двум англоязычным онлайн-платформам по продаже искусства, можно сказать, что они продвигаются схожим образом. Даже, если сравнить, через какие каналы идёт продвижение (табл.1), то можно заметить, что существенное различие есть только по трафику из поиска и прямых заходах. По остальным каналам цифры схожие. По трафику же из социальных сетей уже есть значительные различия (табл.2). Artfinder получает больше трафика из Pinterest и Facebook, а Saatchiart из YouTube и Reddit. В целом, Artfinder ассоциируется с ярким социально-ориентированным брендом, а Saatchiart с аристократичным и экспертным. Обобщая всё вышесказанное, можно сказать, что рассмотренные выше два бренда являются действительно очень сильными и стремительно развивающимися конкурентами, у которых можно поучиться в хорошем и эффективном продвижении.

Библиографические ссылки

1. The Art Market 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.artbasel.com/stories/2021-the-art-basel-and-ubs-global-art-market-report-2021>. – Дата доступа: 24.04.2022
2. Artfinder. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.artfinder.com>. – Дата доступа: 24.04.2022
3. Saatchi Art. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.saatchiart.com>. – Дата доступа: 24.04.2022
4. Similarweb. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.similarweb.com>. – Дата доступа: 24.04.2022

**СЕКЦИЯ 23. СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ,
ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ**

SOCIAL PROBLEMS IN THE CHINESE DRINKING CULTURE

Z. Wang

Belarusian State University, Minsk;

zhenqianwang608@gmail.com

Scientific supervisor – Michael. A. Guliuk

Drinking has always been a controversial issue whilst most countries have their own drinking culture which poses both positive and negative influences on modern society. However, in recent years, increasing cases of social issues have been incurred by the drinking culture in China, and scholars and communities commenced to focus on relieving the problems of the Chinese drinking culture.

Keywords: drinking culture; social problem; workplace bullying

The Chinese drinking culture has a significantly long history and has been inherited since then, but the negative aspects of the Chinese drinking culture have also lasted from the ancient era to the current day.

According to a social survey conducted by *People's Daily*, China's largest newspaper group. When asked about the acceptance of the Chinese Drinking Culture, only 35 percent of respondents agree with advocating and inheriting the drinking culture, while 50 percent of interviewees hold a negative impression of it, and the rest 25 percent are neutral [1]. It reveals more and more Chinese, especially those born since the 1980s, no longer appreciate drinking culture as well as the alcohol itself. And the negative social issues of drinking in China, including substance-abusing, workplace bullying, domestic violence, etc. have to be solved urgently.

In general, the mostly happened but also reprehended habit of drinking culture in China is drinking excessively. The incentive for such behavior is, in traditional Chinese ideology, proposing a toast to a person means showing respect and hospitality to that person. And drinking more alcohol and getting more drunk means expressing much more respect and courtesy. Drinking excessively in China could be categorized into two scenarios.

In the first scenario, people drink excessively on their initiative to show goodwill and ask for help from another individual. For instance, an employee may have to flatter his or her supervisors by toasting and drinking excessively if wants to get promoted. Even more absurd, a business negotiation might not yield any agreement, but during the afterward business dinner, showing the courtesy by excessively drinking could eventually secure a contract. While the second scenario is much criticized as people are forced to drink excessively. A significant amount of elder but ignorant Chinese are addicted to securing reputation and recognition by forcing others to toast and drink excessively to show their respect. For example, a male supervisor would force their young female subordinates to drink during a business dinner for pleasure. In the workplace, females, entry-level, and young employees are considered the frequent victim of the bad habits of Chinses drinking culture [2].

Workplace bullying in China is regarded as the most serious social issue caused by inappropriate drinking culture. With the popularity of social media, an increasing number of workplace bullying and crimes related to professional drinking culture have been revealed in the past decade in China, and some cases have caused an uproar and followed discussions among young working-class communities. A survey conducted by *Legal Daily*, a China state-owned newspaper, indicates among the 2000 respondents, 92.3 percent have ever been forced to toast or drink, and 74 percent would compromise if they can not refuse the offer of drinking [3].

Worse, for female employees, workplace bullying led by the drinking culture always develops into sexual crime [4]. Large amounts of cases expose male executives tend to force their female employees to drink excessively until they are fully drunk, then conduct sexual assaults. Female employees would be threatened to be dismissed or bulled if they intend to report or expose the assault [5].

To relieve the aggregating social issues created by drinking culture, various implementations have been conducted. In recent years, with the in-depth promotion of the concept of civilized dining, more and more people have realized the disadvantages of drinking alcohol and the harmfulness of excessive drinking to their health. Various cities have also issued proposals for civilized dining parties, which are intended to popularize the social common sense of "not persuading or forcing others to drink alcohol", establishing appropriate and healthy drinking habits among people. Since 2011, a strict law regarding drunk drinking has been legislated and implemented, making drunk driving a criminal offense, and drunk drivers will face up to six months of criminal detention. In

consequence, the cases of drunk drinking and accompanying crimes dropped significantly in the past decade according to a statistical report compiled by the Traffic Administration Bureau of China[6].

However, although the actions of promoting proper drinking habits and making drunk driving a criminal offense have settled drinking problems to some extent, the domestic violence and workplace bullying incurred by the Chinese drinking culture still ceaselessly emerged nowadays. Thus, more specific and strict laws, policies, and regulations have to be proposed and practiced, protecting females and juveniles from forced toasting and drinking. For instance, all states of the US have adopted the legal drinking age to 21 while China has not yet established a legal drinking age. Schools and universities in China also have to facilitate education regarding appropriate drinking which is overwhelmingly omitted by most educational institutions in China.

Inappropriate habits of the Chinese drinking culture such as excessive drinking and forcing people to toast have created various categories of issues including domestic violence, health problem, workplace bullying, and sexual assaults. With the post-1980s generations becoming the backbone of Chinese society, the drinking culture of China which has been preferred and actively practiced by the elder generations commence to fade out from people's daily lives. With the social problems introduced by drinking gaining increasing attention, various solutions to those issues have been conducted in recent years. However, some implementations have very limited outcomes in protecting women from the violence of the suppressive drinking culture. Effective laws are urgent to be legislated to reduce the harm of inappropriate drinking culture to modern Chinese society.

Bibliography

1. 年轻人表示：我们反感的只有酒桌文化，并非酒文化 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.sohu.com/a/482786968_121169693/. – Date of access: 11.08.2021
2. May T. (2020, August 25). For refusing a drink with the boss, he was slapped in the face [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2020/08/25/world/asia/china-slap-drinking-work.html>. – Date of access: 13.04.2022
3. 法治日报--2022年01月11日--法治经纬-- 劝酒出事须担责，感情深不用"一口闷" [Electronic resource]. – Mode of access: <http://epaper.legaldaily.com.cn/fzrb/content/20220111/Article04003GN.htm/>. – Date of access: 13.04.2022
4. Horowitz J. Alibaba is rocked by a sexual assault allegation and has launched an investigation and suspended several staff [Electronic resource]. – Mode of access:

<https://www.businessinsider.com/alibaba-rocked-by-sexual-assault-allegation-launches-investigation-2021-8>. – Date of access: 08.08.2021

5. *China's Alibaba accused of firing female employee who alleged colleague sexually assaulted her* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/13/chinas-alibaba-accused-of-firing-female-employee-who-alleged-colleague-sexual-assaulted-her/>. – Date of access: 13.12.2021/

6. 公安部交通管理局：酒后不开车 平安伴你行 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404631248521003336&sudaref=zh.wikipe> dia.org. – Date of access: 15.04.2022.

SIGNIFICANCE OF DIGITAL LITERACY FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL CITIZENSHIP EDUCATION

L. Zhu

Belarusian State University, Minsk

2579532479@qq.com

Scientific adviser – Irina I. Ekadumova

Doctor of Philosophy in Political Science, Associate Professor

Digital citizenship is a broad field of challenges and opportunities related to digital life. The emergence of the Internet has promoted the formation of virtual communities, which have also begun to make people think about what it means to belong to these communities. Being engaged in virtual communities, users of social network sites and other Internet-based communicational services get experiences that are conducive to the advent of digital citizenship. Self-regulatory practices of online communities have their implications in the development of sense of belonging of their members as well as in the imposition of rights and obligations on them. Digital competencies developed by member of online communities may be regarded micro-political with some implications for their eventual offline activities. The concept of digital citizenship applied to virtual communities is an analytical tool that can shed light on new aspects of citizenry in the digital age.

Keywords: digital citizenship; digital media literacy; citizenship education

Active participants of virtual communities (netizens) constitute an important group of actors and the leading force in the current and future digital society. They are both «troublemakers» and the «victims» as well as creators, promoters and beneficiaries of the digital age. Their digital literacy level not only affects their personal development, but also the prospects for a harmonious construction of the entire digital society. As more and more people become involved in Internet communication, netizens' social practices are spread among greater deal of Internet users. By this way people have formed a set of ethical norms and

codes of conduct that need to be observed in the digital space. So, improving citizen's digital literacy has become increasingly important and necessary. Research on self-regulation experiences of Internet users within the concept of digital citizenship education helps to improve the level of our understanding of digital literacy issues. Thereby the overall education level of citizens can be reconsidered in the context of digital transformation.

When it comes to digital citizenship, its concept can easily be confused with digital literacy, which is more about computer and Internet-based skills. Another no less significant part of digital citizenship is composed by civic competencies and civic virtues, the theory of which was developed long before the digital age. Digital citizenship requires frequent and effective use of the Internet for civic engagement which refers to behaviors that are geared toward benefiting the common good. Such behaviors include political participation, but as some scholars assert, they «also can include volunteer work, supporting charities, and sharing hobbies and skills with a larger community» [1, p. 3]. One can agree that civic engagement embraces both politically oriented and non-political activities. That said, the non-political elements of civic engagement should be seen as the basis and prerequisite of political participation. According to widely accepted Marshall's approach, there are three elements of citizenship: civil, social, and political. The civil elements consist of individual rights (freedom of speech, thought and faith; the right to own property; and the right to justice). The social elements are composed of security, economic welfare, and social heritage in the national civic culture [2, p. 4]. The political elements provide citizens with opportunities to exercise power by participating in the governing processes of their political communities in such a way that is not mobilized and not regulated by authorities. Civic participation, not driven by the authorities and motivated by citizens' legal interests can support and enhance the legitimacy of elected officials whom people delegate their right to govern. On the other hand, it can convey citizens' demands to authorities and this way create new channels of communication between government and society. The realm of self-organization enhanced by citizens' digital communication can exist freely in the civil and social dimensions. However, this is not the case with the political dimension of digital citizenship. In some cases, political activism of citizens in the digital environment can disadvantage ruling groups and, consequently, be discouraged or even suppressed by the means of securitizing unregulated citizens' political Internet communication.

Whereas digital literacy requires people to master more Internet and computer technical skills, digital citizenship requires people to act in their

publicly recognized legitimate interests on the basis of good digital literacy they possess. What kind of social, civic and political digital engagement is desired by the political system depends on the characteristics of the citizen's status, i.e. the rights and obligations that are imposed on citizens in a given society. Traditionally, the concept of «citizen» means «a native or naturalized member of a state or nation who owes allegiance to its government and is entitled to its protection» [3]. With the development and application of network technology, people find that cyberspace is not only a free place for individuals, but also an easily observed and monitored network of people connected with each other. It is largely a public place where freedom and regulation coexist. Therefore, while advocating freedom, netizens should also abide by relevant regulations and become «citizens» in their virtual communities. This is implied by calling them digital citizens. «Digital citizenship refers to the ability to engage positively, critically and competently in the digital environment, drawing on the skills of effective communication and creation, to practice forms of social participation that are respectful of human rights and dignity through the responsible use of technology» [4]. A digital citizen should be a person who can understand the humanities and social issues related to network technology, and can adhere to lawful and ethical behavior in the process of applying information technology to participate in social activities.

The requirements to citizens in the real society are mainly reflected in the levels of rights and obligations, while the basic requirements of digital citizens also refer to the literacy and norms that citizens must possess in using technology to practice and conduct activities in the digital society.

Today, the development of an individual's civic competencies in the information society is closely related to the development of media literacy, which is the set of competencies necessary to fully participate in politics in today's media environment. Digital literacy education is able to provide a framework for the new competencies needed to live, work, use media and engage in politics in the 21st century. Therefore, training young people in digital literacy is extremely important for the prospects of political system development in the context of digital transformation. By mastering the advanced tools and competencies for digital communication, they participate in virtual communities, where they acquire and develop new social networking experiences.

Thus, grassroots self-organization practices of online communities are an extension of the digital education and self-education of their members. They bring to fruition the digital education acquired in educational institutions. In order for digital citizens to properly develop their sense of belonging to their

political communities and their understanding of their rights and responsibilities, the development of digital learners' competences should be based on anticipating their subsequent experience of participation in online communities.

References

1. Jones, L. M. Definition and Measuring Youth Digital Citizenship / L. M. Jones, K. J. Mitchell // *New Media & Society*. – 2016. – Vol. 18. – № 9. – P. 2063-2079.
2. Choi, M. A Concept Analysis of Digital Citizenship for Democratic Citizenship Education in the Internet Age / M. Choi // *Theory & Research in Social Education*. – 2016. – Vol. 44. – № 4. – P. 565-607.
3. Citizen [Electronic resource] // Macmillan dictionary. – Mode of access: <https://www.dictionary.com/browse/citizen>. – Date of access: 18.04.2022.
4. Digital Citizenship and Digital Citizenship Education // Council of Europe. [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.coe.int/en/web/digital-citizenship-education> – Date of access: 18.04.2022.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Е. К. Артёменко-Мельянцова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

lena.artsiomenka@gmail.com

Научный руководитель – Титаренко Лариса Григорьевна,

доктор социологических наук, профессор

В публикации представлены результаты исследования роли межпоколенческих взаимодействий и внутрисемейных коммуникаций в формирования семейных ценностей. По результатам сопоставления отношения к детям, браку и разводам, общению с родителями и другими родственниками разных поколений белорусских семей из городской и сельской местности делается вывод о том, что в формировании и распространении семейных ценностей можно выделить три тенденции. Первая представляет собой распространение установок одновременно от более крупных населенных пунктов к более мелким, и среди представителей более молодых поколений; вторая касается появления некоторых новых установок у младшего поколения, вне зависимости от места жительства; а третья включает влияние семьи на некоторые ценности молодых поколений.

Ключевые слова: семья; ценности; поколение; кейс-стади.

Сложные разнонаправленные тенденции изменения семейных ценностей в белорусском обществе позволяют говорить о том, что структура факторов трансформации ценностей многообразна и включает как условия социализации каждого последующего поколения, так и

внешние, общие для всех поколений условия, влияющие на изменение ценностей в обществе в целом [1, С. 58]. И для понимания механизмов этих трансформаций данных исключительно количественных исследований недостаточно. В качестве сложностей, характерных для количественных методов в изучении семейных ценностей, отмечают неискренность респондентов, их стремление в своих ответах соответствовать социальным нормам и ожиданиям, высокий процент отказов от ответа на сенситивные вопросы о брачно-семейной проблематике, а также существенное влияние формулировок вопросов и степени их абстрактности на ответы респондентов. Говоря об этом в своей классической работе «Семья и брак в СССР» А.Г. Харчев заключает: «Не только анкетный, но и любой из существующих методических приемов, примененный в отдельности, нельзя считать полностью надежным. Поэтому там, где есть возможность, необходимо использовать все средства исследования: наблюдение, интервью, анкеты, дневники, анализ переписки, биографий, служебной и статистической документации и т.д.» [2, С.33]. Именно поэтому нами было предпринято исследование роли межпоколенческих взаимодействий в формировании семейных ценностей методом кейс-стади.

В исследовании роли межпоколенческих взаимодействий в семье для формирования и изменения семейных ценностей методом кейс-стади в качестве рассматриваемых случаев выступали семьи, состоящие из нескольких поколений. Выборочная совокупность семей для анализа строилась по принципу типологической выборки [3, С. 56] для того, чтобы охватить семьи, проживающие в населенных пунктах разного типа, и зафиксировать все возможные механизмы и особенности влияния представителей старших поколений на ценности поколений последующих. В выборочную совокупность попали 6 семей (2 семьи из г. Минска, 2 семьи из областных центров – г. Могилева и г. Витебска, 1 семья из г. Жодино и 1 семья из сельской местности – Курганского с/с Смолевичского района). Каждая семья была представлена двумя или тремя поколениями (16 респондентов).

Анализ результатов исследования позволил заключить, что влияние старших поколений семьи на семейные, брачные и репродуктивные установки имеет ограниченный характер и зависит от места проживания семьи. Прослеживая динамику межпоколенческих трансформаций ценностей удалось выделить три возможные траектории изменений: 1) одновременное распространение некоторых установок по двум векторам

от более крупных населенных пунктов к более мелким, и среди представителей более молодых поколений, 2) появление некоторых установок у младшего поколения, что отличает их от среднего и старшего, вне зависимости от места жительства, 3) семейная преемственность и влияние семьи на некоторые ценности и установки.

К установкам, которые распространяются одновременно по двум векторам, и которые в старшем поколении были характерны для узких групп городского населения, а в среднем и младшем становятся повсеместными, относится, во-первых, приемлемость разводов, а во-вторых – отказ от ориентации на общественное мнение в вопросах брака, разводов, рождения детей и их количества. Вместо установки на безусловную необходимость иметь двоих и более детей в семье постепенно распространяется рационализирующее отношение к количеству детей, когда оно планируется исходя из возможностей семьи, а также с учетом потенциальных эффектов для их воспитания.

К установкам, которые появляются среди молодого поколения, вне зависимости от места проживания и семейных ценностей их родителей, можно отнести следующие. Во-первых, это представление о важности совместного проживания молодых людей до брака либо в браке без детей, так как во взаимоотношениях двоих людей есть собственный смысл и это позволяет лучше узнать друг друга, адаптироваться в быту и избежать в будущем скорого развода. А во-вторых, это ориентация на отказ от помощи родителей в воспитании детей.

В вопросах отношения к детям, браку и разводам влияние предыдущих поколений в семье проявляется незначительно, установки эти формируются под воздействием общих социальных тенденций. Однако семейная традиция и влияние предыдущих поколений семьи может проявляться в готовности и частоте контактов взрослых детей с родителями и другими родственниками, а также в некоторых стереотипных взглядах и установках по поводу различных частных сторон жизни в семье. В целом же влияние предыдущих поколений на семейные ценности можно считать ограниченным.

Библиографические ссылки

1. *Артёменко Е. К.* Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте / Е. К. Артёменко // Журнал Белорусского государственного университета / учредитель Белорусский государственный университет. — 2019. — № 3. — С. 51– 58.
2. *Харчев А. Г.* Семья и брак в СССР. / А.Г. Харчев – М.: Мысль, 1979. – 79 с.

З. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. — СПб.: Интерсоцис, 2006. — 256 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ»

А. И. Иванова, В. А. Миронова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vaamironova@gmail.com

Научный руководитель – Екадумова Ирина Ивановна,

кандидат политических наук, доцент

Повсеместное распространение социальных медиа сказывается на преобладающих способах вовлечения личности в политическую жизнь общества. Интерактивная сетевая коммуникация в среде Веб 2.0 способствует развитию пространства общения, находящегося между публичной и приватной сферами, что снижает барьеры на пути к вовлечению граждан в политическую коммуникацию. В такой информационно-коммуникационной среде даже аполитичные граждане, не имеющие достаточного опыта и мотивации для целенаправленного вовлечения в политику, приобретают навыки политически релевантной цифровой коммуникации. При этом обнаруживается зазор между их опытом и самооценками. Так, опрос студентов специальности «Социальные коммуникации» ФФСН БГУ показал, что им не свойственно описывать свою мотивацию использования социальных медиа в категориях политики. Даже при наличии интереса и опыта взаимодействия с контентом они в целом весьма низко оценивают уровень своей политической субъектности, о чем свидетельствуют их самооценки. В то же время значительная часть опрошенных желает лучше владеть навыками цифрового политического участия и считает, что повышение цифровой медиаграмотности отразится на политическом процессе в их стране.

Ключевые слова: политическое участие; социальные медиа; гражданская идентичность.

Результаты опроса студентов специальности «Социальные коммуникации» ФФСН БГУ, полученные 25-26 апреля 2022 года, показывают следующие особенности их медиапользования, гражданской идентичности и отношения к цифровому политическому участию:

Студенты предложенный опрос проходили неохотно, что может говорить о недоверии и остроте затрагиваемой темы.

Информацию об обществе, политике, культуре они получают, главным образом, из социальных сетей. Телевизор смотрят редко. Большей

популярностью среди них пользуются авторские ютуб-каналы журналистов. В ряду мотивов использования интернета преобладают неполитические: отдых, развлечение, учеба, дружеское общение, личные знакомства.

Интересно, что на вопрос «Что, по вашему мнению, должно давать личности хорошее гражданское образование?» 9 человек ответили «Развитие гражданских добродетелей в их глобальном понимании» и только 3 – «Развитие гражданских добродетелей, как они понимаются в данном обществе». Это может быть случайностью из-за нерепрезентативности выборки, однако эти данные могут вызывать интерес при дальнейшем изучении.

Отчетливо просматривается запрос на развитие цифровых компетенций студентов (ответы на вопрос «Как вы думаете, на чем в первую очередь должно быть сосредоточено гражданское воспитание личности?»).

Студенты социокома часто сотрудничают с другими в решении общих проблем и высоко оценивают онлайн-коммуникацию как способ участия в политике.

В ряду социальных институтов, оказывающих влияние на формирование гражданской идентичности студентов в их самоотчетах, со значительным отрывом лидируют средства массовой информации, за которыми следуют семья и группы сверстников. При этом школа и другие учебные заведения находятся на четвертом месте, а на пятом — группы в социальных сетях.

Почти четверть опрошенных считают, что цифровая грамотность важна для современных граждан.

Спектр форм знакомой студентам политической деятельности в интернете, весьма широк (из всех опций никто не занимался только сбором средств на политические цели и ведением политических блогов).

Уровень владения навыками цифрового политического участия оценивается участниками опроса выше среднего.

Судя по данным опроса, присутствует очевидный запрос на получение компетенций в сфере цифровой грамотности и цифрового политического участия.

Те, кто не чувствуют потребности развивать свои навыки цифрового политического участия, в основном либо считают себя и так достаточно компетентными, либо не имеют желания вовлекаться в цифровое политическое участие. Мотивы желающих развивать свои навыки цифрового политического участия разнообразны. На первых позициях

среди них — реализация своих гражданских прав, повышение своей безопасности в интернете и желание быть в курсе того, что происходит в мире.

76,9% опрошенных считают, что повышение цифровой медиаграмотности граждан в вашей стране повлияет на политику в их стране. Способность развития цифровой грамотности населения влиять на мировую политику положительно оценивают 65,4%.

В качестве средства повышения цифровой медиаграмотности опрошенные во многом полагаются на самообразование и развитие практического опыта использования цифровых инструментов гражданского участия.

Свое собственное влияние на политику опрошенные считают явно низким.

Таким образом, несмотря на нерепрезентативность выборки, мы можем наблюдать интересные тенденции, которые нуждаются в более детальном изучении.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

У. П. Масалович

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ulyana.masalovich@gmail.com

Научный руководитель – Терещенко Ольга Викентовна,

кандидат социологических наук, доцент

В публикации автор обращается к рассмотрению социальной идентичности в контексте акторно-сетевой теории. Происходящая трансформация понимания социальной идентичности в социальных взаимодействиях вызвана развитием информационно-коммуникационных технологий, Интернета, внедрением технологических объектов в повседневную среду. В публикации рассматриваются изменения в конструировании социальной идентичности в рамках меняющейся социальной действительности, пересмотр субъект-объектных отношений и роли объектов в формировании идентичности. Акторно-сетевая теория раскрывает новые возможности для рассмотрения механизма конструирования и формирования социальной идентичности.

Ключевые слова: идентичность; социальная идентичность; акторно-сетевая теория; актор; актант; сеть; субъект-объектные отношения.

Для более полного понимания рассматриваемой далее по тексту темы стоит определить основные ключевые понятия. В первую очередь необходимо установить понятие социальной идентичности и её использование в рамках акторно-сетевой теории. Раскрывая значение идентичности, обнаружим, что идентичность — это отождествление, причисление, соотнесение субъекта (в большинстве случаев минимальной «единицей измерения» является человек) к определенному «образцу». Отдельный субъект, социальная группа, совокупность социокультурных установок может выступать в качестве «образца» или референта. Важно отметить, что идентичность не является постоянной и неизменной характеристикой, защищенной от видоизменений посредством влияния внешних и внутренних факторов.

Существуют разные вариации идентичности; в зависимости от рассматриваемой плоскости отношений, используется соответствующий тип. В контексте рассматриваемого мною вопроса наиболее подходящей и удовлетворяющей требованиям ситуации является социальная идентичность. Данный тип идентичности представляет собой приобретение, осмысление, принятие и трансляцию социальных норм отдельным субъектом. Согласно концепциям символического интеракционизма (Дж. Мид, Ч. Кули) происходит «отзеркаливание» существующих и происходящих вокруг индивида социальных отношений, посредством которых и формируется собственное представление о себе [1]. Говоря о социальной идентичности важно понимать, что формирование представлений о себе не может существовать без социальных отношений, без «Другого», без «Других». Дж. Мид ввел понятие «обобщенный Другой» в качестве инструмента идентификации индивида с группой, рассматривая это как результат социального взаимодействия [3, С. 223]. С позиции идей социального интеракционизма получается достаточно простая к пониманию схема: существую «Я» с определенным набором ценностей и установок, существует некий «Другой», который может быть отдельным субъектом, а может и быть собирательным образом всех взаимодействий, в которые «Я» включено. И итогом социальных интеракций «Я» и «Другого» будет являться формирование мнений, приобретение смыслов, укрепление связей, создание норм и установок, в совокупности представляющих данную идентичность. Социальная идентичность — это своего рода процесс, постоянно обновляющийся, меняющийся как во времени, так и в пространстве.

Стоит отметить, что влияние на отдельного индивида окружающих его субъектов («Других») неоспоримо, но почему мы исключаем из процесса формирования и конструирования идентичности то, что не обладает волей и интенцией к действию в классическом понимании социальной теории, а именно объекты. В акторно-сетевой теории Б. Латура они имеют название «pop-human», включают в себя бесчисленный спектр единиц взаимоотношений, от технических комплексов до животных [2].

Авторами упомянутой выше теории считаются французский социолог науки и философ Б. Латур, а также М. Каллон и Дж. Ло. Использование данной теории первоначально было ориентировано на поле науки и технологий, стоит отметить, что приоритетное направление в современном состоянии осталось неизменным. Однако с распространением идей акторно-сетевого подхода возросло количество приверженцев и критиков теории, что позволило ей расширить масштаб применения, затронув многочисленные сферы социальных отношений, в том числе, власти, социальных институтов, междисциплинарных аспектов, минуя рамки строго философского и социологического поля.

Основной принцип акторно-сетевой теории – это существование неоднородной, или же гетерогенной сети, составляющими которой являются разнородные элементы. Главная особенность такого типа взаимодействий, заключается в том, что отношения между всеми участниками процесса абсолютно равны, симметричны, без главенствующих ролей и статусов. Исходя из этого получается, что вне зависимости от меры активности и действий элемента, его значимость в рамках рассматриваемых сетевых взаимодействий не меняется.

Для более полного понимания концептов акторно-сетевой теории (АСТ) необходимо обозначить ключевые понятия: актор, актант, сеть. Важно отметить, что ввиду языковых различий и разнице в интерпретации, а также при потере части смыслов в процессе перевода, понятия «актор» и «актант» могут отождествляться. Однако для упрощения понимания и пояснения основных аспектов теории позволим существовать небольшой семиотической погрешности. Актор – это зачастую действующий субъект, в привычной интерпретации социальной теории, человек или индивид, сознательно действующий и вступающий во взаимодействия с социальной действительностью. Актант – это не-человек (технический объект, элемент культуры, животное), действующий и влияющий на построение и развитие сети. Сеть – это совокупность взаимодействий «людей-нелюдей». Принципиальное отличие данного подхода от теорий, в которых индивид

или социальная группа выступали в качестве субъекта и единственно возможных действующих лиц, а объекты рассматривались лишь в качестве средства для достижения первыми их целей, это абсолютное равноправие и равнодействие всех участвующих элементов в существующей сети [2].

В качестве примера можно взять любое социальное событие и обнаружить, что его существование строится не только на наличии людей как основных действующих лиц, но и на важности действия иных элементов. Проведение музыкального концерта не имеет смысла и невозможно без технической аппаратуры, помещения, в котором оно проходит, песен как элементов творчества и культуры; политическая акция не может быть осуществлена без агитационных речей, средств коммуникации и распространения информации, идеологии как элемента политической культуры.

Возвращаясь к вопросу социальной идентичности в рамках акторно-сетевого подхода, отметим, что отождествление себя «Другим», или же наоборот отторжение, не может происходить только базируясь на взаимодействии «человек-человек». Безусловно, во времена доиндустриального общества, когда одним из преобладающих способов коммуникации была устная речь, мы можем допустить, что человек не использовал иные объекты для построения взаимоотношений с окружающей действительностью. Однако, он использовал язык, который из себя представляет систему символов и знаков, способствующих построению связей и сети. Рассматривая современную цифровую эпоху как пространство существования множества сетей, на мой взгляд, невозможно отделить в контексте взаимодействий, формирующих социальную идентичность, объекты. Представить конструирование социальной идентичности типичного представителя 21 века без Интернета, телефонных сетей, банковского обслуживания, технических объектов и программного обеспечения, предметов быта, развивающих способности индивида, вызывает трудность. Однако можно пойти от обратного, мы можем представить, что все объекты перестали в один момент существовать, тогда сможет ли в таком случае человек идентифицировать себя принадлежащим к кому-то без определенных атрибутов. Моделируя такую ситуацию, можно погрузиться в антиутопические настроения или социальный пессимизм, ведь в контексте постиндустриального общества подобное кажется достаточно сложно осуществимым.

Можно сделать вывод, что понимание социальной идентичности в контексте акторно-сетевой теории требует обращения к существующей

социальной действительности; степени влияния элементов информационного общества и уровень взаимодействия субъекта с этими элементами; роли «не-человеков» в конструировании социальной реальности; перспективе развития отношений «людей-нелюдей».

Библиографические ссылки

1. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули. - М.: Идея-Пресс, 200. - 320 с.
2. Латур Б. Нового времени не было / Б. Латур. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2006. – 240 с.
3. Мид Дж. Интернализированные другие и самость / Дж. Мид // Американская социологическая мысль / Р. Мертон [и др.]; сост. Е. И. Кравченко; под общ. ред. В. И. Добренькова. -М., 1996. - С. 222-224.

ВАЖНОСТЬ НАЛИЧИЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО БРЕНДА ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТА НА РЫНКЕ ТРУДА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Д. Д. Нехай

Белорусский государственный университет, г. Минск;

dmitriy_nehaj@tut.by

Научный руководитель – Гафарова Юлия Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент

В работе рассматриваются понятия персонального бренда и информационного общества, проблематизируется сдвиг в теории занятости трудовых ресурсов в экономике, обусловленный характерными чертами информационного общества. Автор предпринимает попытку выделить конкретные факторы, определяющие необходимость изменения поведения на рынке труда для такой категории работников, как специалисты (эксперты), и объясняет, как именно использование персонального бренда позволяет помочь ответить на возникшие вызовы современности. Демонстрируется ключевая роль персонального бренда как условия сохранения конкурентоспособности и эффективного профессионального и карьерного развития специалистов (экспертов).

Ключевые слова: персональный бренд; информационное общество; рынок труда; занятость; специалист; эксперт; наниматель.

Персональный, или личный бренд в его широком понимании в современных реалиях принято определять как образ персоны, возникающий в сознании других людей, т. е. в сознании целевой

аудитории носителя бренда. В этом смысле можно утверждать, что персональный бренд априори существует у каждого человека, осознает он того или нет [4]. Учитывая данный факт, стоит отдать предпочтение целенаправленному созданию собственного образа, нежели его стихийному, неосознанному и неконтролируемому формированию.

Само понятие «персональный бренд» было введено в научный оборот в 1997 г. Томом Питерсом. В своей знаменитой статье «The Brand Called You» [7] он призвал каждого быть директором корпорации «Я». Автор делает акцент на том, что общество вступило в «Эпоху Личности» («Age of the Individual») и иного варианта, кроме как быть брендом самого себя, не существует. Следуя данной философии, мы приходим к естественному выделению относительно самостоятельных сфер общественной и частной жизни, в которые проникает явление персонального бренда, становясь предметом исследования во многих общественных и гуманитарных науках.

Не будем отрицать, что понятие личного бренда достаточно новое, хотя и активно изучено рядом авторов. Среди ученых, посвятивших свои труды исследованию персонального бренда, назовем не только Т. Питерса, но и И. Д. Шепарда, М. Хедера, Х. Рамперсада, Ф. Котлера, С. Е. Салливана, У. Арруда, К. Капута, К. Келлера, Д. Аакера, С. Горбатова, А. Кичаева, Е. Голубкова и др. Большинство исследователей делает акцент на полезности персонального бренда для специалистов (экспертов), работающих по найму. Констатируется тот факт, что специалист, обладающий сильным личным брендом, имеет весомое преимущество на рынке труда по сравнению с конкурентами, позволяющее ему быть более востребованным и в итоге добиваться высоких профессиональных и карьерных результатов [4; 6].

Несомненно, подобный сдвиг в теории занятости, требующий иного понимания взаимоотношений на рынке труда, имеет свои корни, искать которые нужно в глобальных изменениях, происходящих в обществе и с обществом. Шагнув в цифровую эпоху, человечество окончательно отметило переход к информационному обществу. Определение последнего гласит, что информационное общество есть общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы – знаний [2]. Данная дефиниция как нельзя лучше подчеркивает ведущую роль труда в общественном развитии, а значит и работников, занятых во всех отраслях. Неудивительно, что персональный брендинг нашел одно из

своих главных отражений в сфере практического исследования занятости персонала.

Проведя анализ ряда работ исследователей персонального бренда и соотнеся их тезисы с характерными чертами информационного общества, мы обнаружили некоторые факторы, определяющие необходимость наличия положительного личного бренда специалиста как неотъемлемого условия эффективности его профессиональной деятельности в современном обществе.

Во-первых, в связи с особой ценностью информации и знаний навыки и квалификация работника (а не приверженность организации) выходят на первый план. Из-за усложнившихся бизнес-процессов даже крупные компании зачастую не могут позволить себе реализовывать длительные программы обучения и повышения квалификации сотрудников, им нужен работник «здесь и сейчас», поэтому все большее распространение получают проектные формы участия в работе, трудоустройство по договорам подряда и выполнение работ независимыми экспертами-фрилансерами. В подобной ситуации работодатель не всегда может гарантировать сотруднику вертикальный карьерный рост и даже стабильное трудоустройство [4]. Вышеназванные формы трудовых отношений становятся естественной нормой, и работники понимают и принимают этот факт. Концепция «пожизненного найма» уходит в прошлое. Здесь на помощь и приходит персональный бренд как особый способ коммуникации нанимателя и потенциального работника. В данном аспекте личный бренд выступает в роли некоего «многомерного резюме», характерного для информационного общества.

Во-вторых, стремительное развитие Интернета и телекоммуникационных технологий, появление социальных сетей, веб-форумов, блогов (которые сами по себе представляют огромное исследовательское поле), задавшее глобальный тренд массовой информатизации, привели к тому, что сегодня «сложно не иметь личного бренда» [5]. Большинство пользователей глобальной сети так или иначе представлены в социальных сетях: они либо имеют там персональные странички, либо обезличенно участвуют в распространении контента. Изначально созданные преимущественно для целей неформального общения, социальные сети быстро были адаптированы под коммерческие задачи, и сами пользователи сыграли в этом ведущую роль. Следовательно, начало использования социальных сетей работниками для самопродвижения и саморекламы было объективно предсказуемо и лишь

вопросом времени. Доказательством тому может служить появление таких онлайн-сообществ, как, например, LinkedIn.

В-третьих, любой эксперт, успешно выполняющий свою работу, как правило, рано или поздно приобретает положительную репутацию в среде своих клиентов, коллег, руководства и конкурентов. Клиенты жаждут заключения новых договоров и продолжения работы, коллеги ищут, чему поучиться, начальство ценит такого сотрудника, советуется и считается с ним, конкуренты уважают и побаиваются. Если такой специалист не занимается целенаправленно, при помощи специальных инструментов управлением собственным брендом, то мы имеем дело с неконтролируемым, стихийным формированием образа, эффективному созданию которого могут воспрепятствовать внешние факторы и ошибки самого носителя бренда. В информационном обществе цена таких ошибок сильно возрастет. Добавив к этому никуда не ушедший фактор конкурентной борьбы за ресурсы на всех уровнях, мы можем получить не самый оптимистичный прогноз относительно репутации человека, даже если он представляет из себя высококлассного эксперта в своей профессиональной области. Так, Александр Трифонов, главный эксперт правового онлайн-сервиса «48Prav.ru», констатирует: «Если специалист – не бренд в профессиональном сообществе, то его удел – быть универсалом и браться за все дела, работать с холодными клиентами с улицы, бесплатно консультировать, работать с возражениями по ценам на услуги и давать скидки» [3]. Таким образом, если профессионал хочет работать максимально эффективно, если хочет, чтобы с ним считались, он обязан осознанно осуществлять управление своим персональным брендом: просто удовлетворять потребности клиентов и надеяться на «сарафанное радио» и патернализм руководства уже недостаточно.

В-четвертых, в современном информационном обществе, характеризующемся динамичными изменениями и высокой степенью нестабильности многих явлений и процессов, именно специалистам более других необходимо демонстрировать личную ответственность и приводить доказательства своей профессиональной компетентности с целью повысить степень доверия к себе [1]. Персональный бренд в решении данной задачи приходится как нельзя кстати, выступая в роли «фиксатора» [4]. Потребитель квалифицированной рабочей силы, т. е. наниматель, при выборе исполнителя (независимо от характера трудовых отношений) будет обращать внимание на опыт эксперта (количество лет в профессии), его достижения (количество и масштаб успешно выполненных

работ), личные качества – и все из названного с успехом находит воплощение в персональном бренде. Сильный личный бренд не создается за один день – а значит выступает гарантом надежности его носителя. Так, персональный бренд в информационном обществе, с одной стороны, дает гибкость его носителю, позволяя свободно перемещаться на рынке труда, выбирая, кому продать свои услуги, а, с другой стороны, предоставляет стабильность, давая возможность всегда быть востребованным и обеспеченным работой. Все это две стороны единого процесса.

Таким образом, мы рассмотрели причины важности персонального бренда для эксперта и затронули задачи, которые этот бренд решает. Подытоживая вышесказанное, отметим, что развитый персональный бренд специалиста на сегодняшний день, бесспорно, есть одно из главных, естественно возникших условий эффективного осуществления трудовой деятельности. Тенденции развития информационного общества показывают, что актуальность личного брендинга в ближайшие 10–20 лет, вероятнее всего, будет сохраняться высокой, обуславливая растущий интерес всей общественности к данному явлению.

Библиографические ссылки

1. Булатецкая А. Ю. Основные черты и характерные особенности современного общества знания / А. Ю. Булатецкая // Журнал правовых и экономических исследований. – 2016. – № 4. – С. 69–74.
2. Хайруллина А. Р. Роль социального воспитания в условиях становления информационного общества / А. Р. Хайруллина // Тез. докл. VI респ. науч.-методич. конф., Казань, 15 января–22 марта 2013 г.: в 2 ч. / Казанский нац. исслед. технологич. ун-т; под ред. Л.В. Овсиенко (гл. ред.) [и др.]. – Казань, 2013. – Ч. 1. – С. 443–446.
3. Хохлова Д. Личный бренд – кому он нужен и как его построить / Д. Хохлова // VC.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/flood/8800-personal-brand>. – Дата доступа: 23.04.2022.
4. Gujarathi R. Personal Branding an Answer to Employability – A Conceptual Needbase Analysis / R. Gujarathi, S. M. Kulkarni // Review of Research. – 2018. – Vol. 7, № 10. – P. 1–10.
5. Khedher M. Personal Branding Phenomenon / M. Khedher // International J. of Information, Business and Management. – 2014. – Vol. 6. – № 2. – P. 29–40.
6. Pawar A. The Power of Personal Branding / A. Pawar // International J. of Engineering and Management Research. – 2016. – Vol. 6, № 2. – P. 840–847.
7. Peters T. The Brand Called You / T. Peters // Fast Company. – 1997. – August / September. – P. 83–88.

ДЫДЖЫТАЛІЗАЦЫЯ ГРАМАДСКАГА ЖЫЦЦЯ ЯК ФАКТАР ЭВАЛЮЦЫІ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ІНФАРМАЦЫЙНАГА ПОЛЯ

М. А. Філімонаў

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г.Мінск

fil.psp89@gmail.com

Навуковы кіраўнік – Пасталоўскі Аляксандр Уладзіміравіч,

кандыдат сацыялагічных навук

У публікацыі аўтар звяртаецца да фактара дыджыталізацыі соцыуму як крыніцы зменаў інфармацыйнага поля і фармата зносінаў у ім. У падцверджанне тэзаў даводзяцца статыстычныя данныя аб імклівым росце ступені тэхналізацыі грамадскага жыцця і уплыве на інфармацыйнае поле. Аб'ектам даследвання выступае інфармацыйнае поле і зносіны ў ім. Тэма публікацыі не асвечана досыць шырока ў іншых навуковых работах, далейшае даследванне праблематыкі дазволіць больш шырока асвятліць дадзенае пытанне і працягнуць вывучэнне эвалюцыі інфармацыйнага поля.

Ключавыя словы: інфармацыйнае поле; дыджыталізацыя; інфармацыйны эгалітарызм

У цяперашні час сучасныя грамадскія адносіны, і, у прыватнасці, масавыя камунікацыі нельга разглядаць у адрыве ад непасрэдна сродкаў масавай камунікацыі, якія павінны адыгрываць ролю у непасрэдным забяспечанні функцыянавання інфармацыйнага поля і, па сутнасці, забяспечваць функцыянаванне соцыума у цэлым.

Сам соцыум, у сваю чаргу, нельга разглядаць без уліку ўздзеяння масавых камунікацый, медыя-сродкаў на грамадскія, эканамічныя, палітычныя адносіны. Праблематыка ўзаемадзеяння соцыума і медыя. былі закранутыя шэрагам аўтараў, ў прыватнасці Мануэлем Кастэльсам, Нікласам Ньёманам, С.М. Валадзенкавым. У прыватнасці, праблематыку фармаравання, дзейнасці і перспектываў развіцця інфармацыйнага поля Рэспублікі Беларусь добра адлюстраваны, напрыклад, І.І. Сідорскай і А.В. Пасталоўскім. Мы, у сваю чаргу, каб выявіць механізмы, паслядоўнасці і характар цяперашніх сфармаваных узаемаадносін «медыя-соцыум» і «соцыум-медыя», лічым неабходным звярнуцца да фактараў як тэхнічных, так і камунікацыйных што ўплывалі і працягваюць ўплываць на характар дадзеных ўзаемаадносін, фарміруюць новую рэчаіснасць інфармацыйнага поля, у тым ліку і феномен інфармацыйнага эгалітарызму.

Спачатку трэба вызначыць паняцце асяроддзя, у межах якога адбываюцца камунікацыйныя зносіны. Па першае, гэта непасрэдна інфармацыйная прастора, і, у прыватнасці, нацыянальнае інфармацыйнае поле. У азначэнні дадзеных тэрмінаў мы лічым неабходным выкарыстоўваць комплексны падыход. Кембрыджскі слоўнік вызначае інфармацыйную прастору як «месца, асабліва вэб-сайт, дзе даступная інфармацыя»[4]. Гэта даволі абагульнёнае разуменне канцэпцыі ў больш прафесійных тэрмінах можна вызначыць як асаблівую форму сацыяльнай прасторы, сутнасцю якой з'яўляецца наяўнасць сацыяльнай камунікацыі як працэсу (акт, дзеянне, дзейнасць).

Такім чынам, у сваю чаргу **нацыянальнае інфармацыйнае поле** мы разглядаем як форму інфармацыйнай прасторы, якая мае гістарычныя, геаграфічныя, палітычныя, эканамічныя, нацыянальныя і культурныя межы, вызначаныя пэўным перыядам часу, што характарызуецца наборам прадметаў, якія ўдзельнічаюць у вытворчасці, перапрацоўцы, захоўванні і распаўсюджванні сродкаў масавай інфармацыі. У сваю чаргу, Ніклас Луман, аўтар «Рэальнасці масс-медыя», выкарыстоўвае тэрмін **інфармацыйная прастора** як «адмысловую форму сацыяльнага прастору, сутнасць якой характэрызуецца наяўнасцю сацыяльнай камунікацыі як працэса (акта, дзеяння, дзейнасці)». У сваю чаргу **інфармацыйнае поле** Луман трактуе як «форму інфармацыйнай прасторы, у якой зафіксаваныя гістарычныя, геаграфічныя, палітычныя, эканамічныя, нацыянальныя і культурныя межы на пэўны перыяд часу і характарызуецца сукупнасцю прадметаў, якія займаюцца адначасова вытворчасцю, апрацоўкай, захоўваннем і распаўсюджваннем носьбіта»[3].

Далей трэба вызначыцца з асноўнымі падыходамі, у межах якіх разглядаецца узаемадзеянне медыя з аўдыторыяй. Трэба вызначыць тры прынцыпова розных погляда на гэты працэс і яго характар:

1) Медыя валодаюць неабмежаваным патэнцыялам ўздзеяння на аўдыторыю, якія трансліруюцца вобразы некрытычна прымаюцца індывідамі;

2) Уздзеянне Медыя на аўдыторыю апасродкавана рэфэрэнтнымі групамі і асаблівасцямі біяграфіі індывіда – атрымальніка інфармацыі;

3) Медыя вызначаюць значнасць паўсядзённых падзей, падказваюць, пра што варта думаць індывідам, то бок медыя задаюць «вектар» інтэрпрэтацый, а не самі інтэрпрэтацыі.

На першым этапе даследаванняў вызначалася, што медыя валодаюць нічым не абмежаванымі магчымасцямі ўздзеяння на сваю аўдыторыю.

Падобныя ўяўленні панавалі ў 20-30-я гады 20-га стагоддзя і атрымалі сваё распаўсюджванне ў такіх тэорыях як «тэорыя магічнай кулі» або «тэорыя шпрыца». Гэтыя тэорыі звязаны з іменамі Уолтера Ліпмана і Маршала Маклюэна. Для гэтых даследчыкаў вобраз аўдыторыі медыя разглядаўся ў якасці пасіўнага аб'екта для маніпуляцыі, які не зможа супрацьстаяць ўплыву транслюемага праз медыя рознапланаваму кантэнту. З пункту гледжання дадзенай тэорыі, галоўнай перадумовай ідэі неабмежаванага ўплыву медыя сталі погляды прадстаўнікоў біхейвіярызму, для якіх характэрным быў вядомы прынцып: «стымул – рэакцыя». Згодна з ім, эфекты розных з'яў ўяўляюць сабой ні што іншае, як спецыфічную рэакцыю на спецыфічныя стымулы. Таму, згодна з біхэйвіёрысцкай мадэлю ўзаемадзеяння медыя і аўдыторыі, варта чакаць цеснай ўзаемасувязі паміж падзеямі, якія транслююцца СМІ і рэакцыяй аўдыторыі на дадзеную інфармацыю. Таму ўплыў СМІ лічылася «прамым», якія не маюць пасярэднікаў, і супрацьстаяць яму індывід ніяк не можа.

У хуткім часе дадзеныя погляды былі грунтоўна раскрытыкаваны. Напрыклад, на думку Джозефа Клэппера, уздзеянне медыя з найбольшай эфектыўнасцю адбываецца ў тых выпадках, калі ідзе апеляцыя да ўжо устояным стэрэатыпам, а новая інфармацыя замацоўвае іх, актуалізуюць пад уплывам новага кантэксту. Ахоўныя механізмы псіхікі адбіраюць ў вялікай плыні тую інфармацыю, якая адпавядае першапачатковым устаноўкам індывіда, тым поглядам, якія ў яго складаць на працягу доўгага перыяду часу. Такім чынам, паводле тэорыі абмежаваных эфектаў, магчымасці медыя шмат у чым абмежаваныя: магчыма толькі невялікая змена існуючых поглядаў аўдыторыі, у большасці выпадкаў адбываецца толькі толькі «прывязвання» існуючых перакананняў ў індывідаў да новых з'яў і аб'ектаў жыцця.

Погляд на развіццё медыясферы, інфармацыйнай прасторы і ўплыву медыя на аўдыторыю як часціну сацыяльнай, масавай камунікацыі постіндустрыяльнага часу разглядае Мануэль Кастэльс. Ён адзначае, што той час, калі кантролем над інфармацыйным полем валодалі толькі бізнэс і палітычныя эліты, якія «адбіралі» інфармацыйныя падставы, скончылася са з'яўленнем інтэрнэту. На яго думку, у сучасным грамадстве ўладныя адносіны ў значнай ступені вызначаны межамі камунікацыйнай прасторы. Гэта азначае, што глабальныя медыякарпарацыі з'яўляюцца ключавымі актарамі па прычыне таго, што спрыяюць фарміраванню сацыяльнага свету, ствараючы рамкі і кантралюючы іх з дапамогай інфармацыйных фільтраў. І хоць зносіны ў межах камунікацыйнага поля заўсёды гулялі

вырашальную ролю на кожным этапе антрапасацыягенезу, толькі у сеткавым грамадстве мультимедыя валодаюць беспрэцэдэнтным уплывам[5].

Непасрэдна з умоўна «постіндустрыальным» падыходам у розглядзе ўзаемадзеяння медыя і соцыума звязана і фарміраванне прынцыпова новай формы дадзенага ўзаемадзеяння. Гэта у першую чаргу абумоўлена імклівым развіццём тэхналагічнага складальніка ўзаемааносін, т.зв. “выбоховай” дыджыталізацыяй соцыому. Для прыкладу таго, як імкліва ідзе тэхналагізацыя камунікацыйных працэсаў у грамадстве. звярнемся да дадзеных ITU(International Telecommunication Union).Згодна з імі, штогод колькасць інтэрнэт-карыстальнікаў па ўсім свеце павялічваецца прыкладна на 200-300 млн чалавек. То бок, калі ў 2013 годзе было налічана 2,7 млрд ўнікальных карыстальнікаў, то ў 2015 іх было ўжо 3,2 млрд (пры тым, што насельніцтва Зямлі па складу за 2015 год - 7,2 млрд чалавек) [6]. Такім чынам, ужо на 2020 год, паводле папярэдніх прагнозах, лік прылад з доступам у інтэрнэт па ўсім свеце можа скласці прыкладна 4,7 млрд. Такім чынам, можна вызначыць тэндэнцыю на пастаяннае пашырэнне ахвату ўздзеяння інфармацыйных тэхналогій, паколькі, так ці інакш, іх уладальнікі будуць нацэлены на пашырэнне сваёй аўдыторыі.

З дадзеных прадпасылак мы зводзім сутнасць фарміруючыхся зносін у інфармацыйнам поле у феномен так званага **«інфармацыйнага эгалітарызму»**. Гэты тэрмін, з пункту гледжання яго разгляда з боку даследвання як сацыялагічнага так і камунікацыйнага , мы зводзім да стану у інфармацыйным поле, калі інтэрнэт-карыстальнікі, спажываючы медыяпрадукта, па-за залежнасці ад сацыяльнага становішча маюць кругласутачны доступ да разнастайнай, ў тым ліку грамадска-палітычнай інфармацыі, маюць магчымасць абменьвацца дадзенымі між сабой непасрэдна, заставацца на сувязі (анлайн) і быць непасрэдна ўцягнутымі ў падзеі, што адбываюцца ці непасрэдна ўдзельнічаць ў іх абмеркаванні ў рэжыме нон-стоп. Такім чынам, глабалізацыя віртуальнай інфармацыйнай прасторы дазваляе кожнаму інтэрнэт-карыстачу становіцца не аб’ектам, а суб’ектам,актарам камунікацыі і палітычных працэсаў.

Такім чынам, сфармаваныя ва умовах новай камунікацыйнай рычаіснаці платформы камунікацыйнай дзейнасці дазваляць сваім карыстачам, па-за залежнасці ад сацыяльнага статусу і прыналежнасці, быць палітычна актыўнымі, «здзяйсняць адначасова пэўныя дзеянні, фарміруючы ў іх веру ў правільнасць гэтых дзеянняў». То бок,тэхналогіі не проста перабудавалі мадэль і фармат інфармацыйнай дзейнасці, але і паўплывалі на

камунікацыйныя працэсы, якія сталі працякаць на якасна новым інфармацыйным узроўні. Такім чынам, калі перанесці прагнозы з меркаваннем С. В. Валадзенкава з працэсаў палітычнай медыякамунікацыі да медыякамунікацый ў межах інфармацыйнага поля, то у выніку працэсу далейшай дыджыталізацыі соцыюму і фармавання новых формаў узаемадасягненні «медыя-соцыум» сучаснае інфармацыйнае поле ў цэлым з цягам часу будзе амаль цалкам перанесена ў рэжым анлайн, а непасрэдна рэальныя камунікатыўныя працэсы, у сваю чаргу, раней ці пазней але саступяць месца змадэляваным віртуальным канструкцыям, якія і будуць успрымацца спажывцамі інфармацыі ў якасці рэчаіснасці [1]. У сваю чаргу, усведамляючы ступень уцягнутасці грамадскасці ў інфармацыйну прастору, прадстаўнікі ўрадавых структур павінны будуць імкнуцца ў максімальнай ступені выкарыстоўваць новыя медыйныя інструменты для выбудавання камунікацыі з грамадзянамі, з мэтай паўплываць на інфармацыйную пазу дзеля магчымасцяў легітымізацыі рашэнняў, што прымаюцца, атрымання на гэтай падтрымцы грамадскасці або, па меншай меры, адсутнасці супраціву і негатыўнай рэакцыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Володенков С. В.* Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности / С. В. Володенков // Вестник Московского университета. – 2017. – № 2. – С. 4.
2. *Кастельс М.* Галактыка Інтернет: Разважанні аю Інтернэце, бізнэсе і грамадстве.: Екб, 2011. – 219 с.
3. *Луман Н.* Реальность масс-медиа. – М.: Праксис, 2005
4. Information space // Cambridge Dictionary. [Электронны рэсурс] Рэжым доступу: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/information-space>
5. *Castells M.* Switching power: Rupert Murdoch and the global business of media politics [Электронны рэсурс] /М. Castells//International Sociology.- 2008.№28.-Р.488.- Рэжым доступу: http://www.manuelcastells.info/en/obra_02.htm.
6. World Telecommunication/ ICT Indicators database 2017 (21th Edition/June 2017) // ITU (International Telecommunication Union). – 2017. [Электронны рэсурс] Рэжым доступу: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/wtid.aspx>.

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ

Б. Чжан

Белорусский государственный университет, Минск

2233574829@qq.com

Научный руководитель – Ефимова Надежда Викторовна,

кандидат философских наук, доцент

Развитие высшего образования является приоритетным направлением национальной политики Китая. Одна из проблем, которые необходимо решить в этой сфере – устранение гендерного разрыва в образовании и достижение реального гендерного равенства. В статье рассмотрены основные факторы, которые оказывают влияние на решение поставленной задачи. На основании данных государственной статистики дан анализ тенденции достижения гендерного равенства в сфере высшего образования Китая.

Ключевые слова: гендерное равенство в сфере образования; гендерная статистика; национальная политика в сфере высшего образования.

Достижение гендерного равенства в сфере высшего образования.

Образование – это основа развития страны, и реализация гендерного равенства в высшем образовании – важная часть развития образования. Устранение гендерного разрыва в образовании является ключом к достижению гендерного равенства в высшем образовании.

Образование было признано одним из основных прав человека с тех пор, как Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в декабре 1948 года приняла Всеобщую декларацию прав человека. Конвенция (CEDAW) представляет собой международный кодекс гражданских прав женщин, касается законных прав женщин и девочек на образование и гарантирует, что женщины пользуются равными правами с мужчинами в области образования. Поэтому реализация гендерного равенства в сфере высшего образования привлекла внимание всех стран.

В прошлом патриархальном обществе мужчины часто имели больший доступ к возможностям получения образования, но с развитием и прогрессом общества, государство придает большое значение гендерному равенству в сфере высшего образования, был принят ряд мер для обеспечения женщин равный доступ к образованию. Китай добился замечательных результатов в достижении гендерного равенства в сфере высшего образования за последние десятилетия.

Гендерная статистика в высшем образовании

По данным Национального бюро статистики, с 1980 по 2014 год общее число рождений в моей стране составило 675 миллионов, а среднее соотношение полов мужчин и женщин за последние 34 года составило 114,7:100, то есть рождение женщин составило 46,58% от общего числа рождений. Хотя число родившихся женского пола ниже, чем мужского, в сфере образования соотношение юношей и девушек постепенно становится более сбалансированным, особенно в сфере высшего образования.

Увеличение числа женщин особенно заметно на уровне бакалавриата. В 2009 году количество и доля женщин-студенток в Китае впервые превысили количество мужчин, а затем стабилизировалось на уровне более 50% (Рисунок 1). В 2010 году количество и доля женщин-магистров впервые превысила количество мужчин, а в 2019 году в магистратуре женщин было на 110 000 больше, чем мужчин. На этапе докторантуры количество и доля женщин по-прежнему ниже, чем мужчин. Согласно анализу, доля женщин среди докторантов относительно невелика. Основная причина заключается в том, что возраст когда поступают в докторантуру является наиболее важным возрастом для женщин, желающих выйти замуж и родить детей. Это обуславливает низкое число претендентов. Но постепенно число женщин-докторантов растет.

Рисунок 1 – Факторы, влияющие на получение женщинами высшего образования
(Источник данных: Статистика образования с 2005 по 2019 год на сайте Министерства образования)

Гарантия национальной образовательной политики

Пятый пленум ЦК КПК 19-го созыва отметил, что высшее образование моей страны вступило в стадию роста популярности, и необходимо уделять внимание качественному развитию высшего образования. При поддержке государства женщинам были предоставлены надежные гарантии поступления в высшие учебные заведения.

Влияние факторов семьи

Экономическое и социальное положение семьи оказывает большое влияние на образование женщин. Высшее образование в Китае (бакалавриат, аспирантура, докторантура) является необязательным и платным. Обычные семьи с низким экономическим статусом не могут позволить себе высокие расходы на образование, поэтому экономический статус семьи пропорционален уровню образования. По мере того, как экономика Китая продолжает расти, а средний доход домохозяйства увеличивается, увеличивается и доступ женщин к высшему образованию.

В Китае соотношение полов в высшем образовании в сельской местности несколько ниже, чем в городах, что объясняется отсталостью сельского мышления и укоренившейся идеей гендерного неравенства. По мере ускоренного урбанизации разрыв между городским и сельским образом жизни и мышлением стал сокращаться. Чем он меньше, тем больше возможностей у сельских женщин получить высшее образование.

Женское самовосприятие

Меняется традиционное представление о том, что «мужчины снаружи, женщины внутри», и у женщин появилось более четкое понимание своих прав и возможностей. Таким образом, они все чаще принимают решение получить высшее образование, чтобы обогатиться духовно и реализовать возможность самоуважения.

Заключение

С момента основания Нового Китая 70 лет назад число женщин в высших учебных заведениях значительно увеличилось, и достижение гендерного равенства в высшем образовании дало замечательные результаты. Но для полной реализации гендерного равенства в высшем образовании потребуется некоторое время, и это будет долгосрочный процесс развития.

КАК ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» ВЛИЯЕТ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ КИТАЯ

С. Чжан

Белорусский государственный университет. г. Минск

372806471@qq.com

Научный руководитель - Калачёва Ирина Ивановна,

доктор исторических наук, профессор

Имидж страны – это общая презентация всеобъемлющей мощи страны на мировой арене. Как важный элемент национальной стратегии, имидж страны дополняет усиление «жесткой» силы, такой как экономическая и политическая мощь, одновременно укрепляя культурные традиции («мягкую» силу). «Великий шелковый путь» является одним проектом, символизирующим мощь и силу Китая. Как известно, наследие Шёлкового пути оказало положительное влияние на процессы взаимодействия между народами, на развитие языков, искусства, науки, технологий и духовных верований народов ряда азиатских стран. В 2013 г. руководитель Китая Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Нового шёлкового пути» для группы экономико-инфраструктурных проектов под названием «Один пояс, один путь». В данной статье анализируется инициатива «Один пояс, один путь», влияние этого проекта на имидж страны, ее привлекательности.

Ключевые слова: имидж страны; социально-экономический и культурный проект «Один пояс, один путь»; «мягкая» сила; страновой бренд.

«Великий шёлковый путь» как проект сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей народов Передней Азии, Кавказа, Средней Азии и Китая, он стал «проводником» распространения технологий и инноваций, в том числе, в искусстве, религии, технологиях (например, в производстве шёлка, пороха, бумаги и т. п.). При этом почти все технологии распространялись из Китая на Запад, а не в противоположном направлении.

«Великий шёлковый путь» – это один из самых протяжённых в мире маршрутов, его длина более 12 000 км, сегодня он охватывает территории таких современных государств как Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Россия [2, С. 45-52]. В то же время конфуцианская культура, продвигаясь во внешний мир, оказывала существенное влияние на другие страны, демонстрируя тем самым образ древнего Китая как открытой и толерантной нации. Поэтому «Великий шелковый путь» является величайшим историко-культурным наследием китайского народа.

На современном этапе стратегия «Один пояс, один путь» является продолжением традиций прошлого, однако, ее задачи выходят на новый уровень. Стратегия направлена на формирование нового образа Китая как сильной всесторонне развитой страны, которая прошла большой путь становления и сформировала устойчивые национальные ценности.

Страны, расположенные вдоль маршрута «Один пояс, один путь», охватывают значительную часть азиатского континента, Центральную и Восточную Европу, Северную Африку и другие части света, включая Китай. Общая численность населения - около 4,8 млрд человек, что составляет 63% от общемирового показателя торговли.

С момента запуска инициативы «Один пояс, один путь» фактические результаты превзошли ожидания общественности. Международное общественное мнение все больше обеспокоено этим вопросом, так как Китай становится центром силы.

Ряд социологических исследований показывают, что в настоящее время стратегия социально-экономического и культурного развития «Один пояс, один путь» находится в фокусе внимания и является глобальной новостной темой. «Один пояс, один путь» как технология оказывает существенное влияние на мировые процессы, что укрепляет образ и имидж Китая как странового бренда.

В ходе социологического опроса 2014 года только 6% зарубежной аудитории заявили, что слышали об инициативе «Один пояс, один путь», в 2017 году этот процент вырос до 18, а в 2019 году - до 23. В шестерку стран-лидеров по уровню осведомленности о стратегии «Один пояс, один путь» входят Индия, что составило 51%, Япония - 47%, Южная Корея - 41%, Саудовская Аравия - 36%, Россия - 33% и Германия - 33%. Это делает инициативу «Один пояс, один путь» китайской идеей и предложением с самым высоким уровнем зарубежного признания [3, С. 90-95].

С тех пор как в 2013 году Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь» китайские предприятия принесли капитал, технологии, информацию и рынки в страны, расположенные вдоль этого маршрута. Тем самым страны Азии, Европы и Африки получили новые возможности для развития и взаимовыгодного сотрудничества.

На протяжении многих лет с помощью платформы «Один пояс, один путь» Китай демонстрирует имиджа великой державы и закладывает важную основу для дальнейшего сотрудничества. Из-за условий пандемийных ограничений и геополитических интересов многие страны,

расположенные вдоль маршрута, не являются равноправными партнерами, а Китай остается верным приверженцем целей сотрудничества, тем самым Китай постоянно поддерживает свой имидж ответственной страны.

С точки зрения культурного экспорта стратегия «Один пояс, один путь» может способствовать интеграции китайской и западной культур, углубленному обмену между странами и регионами, а также содействовать сотрудничеству в области культурной индустрии в странах вдоль маршрута.

Согласно данным опроса, проведенного Центром международных коммуникационных исследований в Китае в 2018 году, иностранные респонденты больше всего хотят узнать об инновационных технологиях китайских ученых (41%), о традиционной культуре (38%) и структуре экономики и ее достижениях (34%) [1, С. 32-39]. Очевидно, что для респондентов привлекательность традиционной культуры превышает даже привлекательность экономики и уступает только привлекательности науки и техники.

«Великий шелковый путь» как компонент нематериального наследия Китая стал источником развития новых идей, в новых условиях. Проект «Один пояс, один путь» в современных условиях является самой влиятельной платформой для экономического и культурного развития Китая и распространения его влияния во внешнем мире. Проект становится ключевым направлением развития Китая, что способствует укреплению национального имиджа.

Проект повышает узнаваемость Китая как великой страны, а его культурные достижения становятся технологией странового продвижения, демонстрацией миролюбивой политики добрососедства и укрепления контактов. Проект направлен на укрепление контактов народов, живущих вдоль границ Китая, в перспективе это будет способствовать преодолению некоторых предрассудков, повысит узнаваемость китайских брендов, укрепит идентичность китайских граждан.

Библиографические ссылки

1. Доклад об исследовании национального имиджа Китая в 2018 г. // Центр международных коммуникаций, Институт современного Китая и мира. – 2018, – № 3. – С. 32-39.
2. Шелегина О. Н. Международные и региональные социокультурные практики в проекте «Великий шелковый путь» / О. Н. Шелегина // Учен. зап. / Алт. гос. акад. культуры и искусств. – Барнаул, 2020. – № 3. – С. 45-52.

3. Юй Юньцюань. Отчет о глобальном обзоре и анализе национального имиджа Китая / Юй Юньцюань, Ван Дань, Сунь Цзинсинь//Академические рубежи. – Пекин, 2020 – № 20. – С. 90-95.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ В КИТАЙСКОЙ СЕМЬЕ

С. Чэнь

Белорусский государственный университет. г.Минск

596617530@qq.com

*Научный руководитель - Калачёва Ирина Ивановна,
доктор исторических наук, профессор*

Китайская семья как социальный институт претерпевает существенные изменения, связанные с новыми тенденциями в общественных процессах, с актуальными направлениями развития страны в ближайшей перспективе. В особенности, трансформации заметны в реализации основных функций семьи, таких как репродуктивная функция, функция экономического развития, воспитательная функция и др.

Ключевые слова: семья; функции семьи; демографическая политика; рождаемость; репродуктивная функция.

Семья является основной ячейкой общества, значимым социальным институтом. Современная семья как социальный институт отражает все стороны жизни человека, выполняет функции, направленные на общественные цели, но прежде всего, на цели развития каждого человека как личности. Любая семья находится в определенном социальном окружении, на нее влияют нормы и традиции общества, факторы окружающей среды. С быстрым развитием политических процессов, экономики и культуры Китая изменились социальные условия жизни, что повлияло на семью и ее функции. Новые вызовы и угрозы, с которыми столкнулись китайские граждане, отразились на функциях семьи. Наиболее существенные трансформации претерпели такие функции как репродуктивная функция (биологическое воспроизводство членов общества); функция социализации (формирование индивида как личности); воспитательная функция (передача знаний, опыта, эстетических, моральных и других ценностей, помощь в освоении социальных ролей). Кроме основных функций выделяются и

дополнительные, такие как экономическая, образовательная, эмоциональная, рекреационная функции [4] .

Обратимся к репродуктивной функции в китайской семье, так как именно в контексте этой функции наиболее очевидны причины и последствия изменений в китайском обществе в целом. Отметим несколько основных обстоятельств, которые сложились во второй половине XX века в отношении репродуктивной функции:

Меньше женщин рожают детей, а возраст вступления в брак и рождения детей затягивается.

Во-первых, сокращается количество женщин детородного возраста в пик репродуктивного периода. С 2016 по 2020 год количество женщин в возрасте 20-34 лет в репродуктивном периоде уменьшаться в среднем на 3,4 млн в год, а в 2020 году на 3,66 млн в годовом исчислении. *Во-вторых*, задержка возраста вступления в брак и деторождения привела к тому, что в нынешний период меньше женщин рожают. С 2006 по 2016 год средний возраст вступления в первый брак и рождения первых детей у китайок был перенесен с 23,6 лет и 24,3 лет до 26,3 лет и 26,9 лет соответственно, а доля замужних женщин в возрасте 20-34 лет снизилась с 75,0% до 67,3% [3].

В-третьих, количество зарегистрированных браков в Китае снижалось семь лет подряд с 13,47 млн. в 2013 году до 8,13 млн. в 2020 году, т. е. на 40%. Среди них число зарегистрированных первых браков сократилось с 23,86 млн. до 13,99 млн. т.е. на 41%.

2. Снижена готовность граждан рожать детей.

В настоящее время среднее число детей, рожденных «после 90-х» в Китае, составляет всего 1,66, что на 10% ниже, чем у «после 80-х». Согласно Национальному динамическому мониторингу населения и семьи 2019 года, менее половины женщин, которые планируют завести второго ребенка или более, достигли еще одного ребенка [3].

Российские исследователи Назарова Р.Ф. и Серова В.Д. отмечают, что только после образования КНР, на государственном уровне была поставлена задача регулирования рождаемости, так до этого периода считалось, что «население является источником благосостояния и могущества нации», что увеличение численности населения – это «самый ценный капитал и гарантия быстрого построения социализма в Китае» [1, с.42-49]. Однако, после переписей населения было установлено, что в 1949-1956 гг. произошло существенное увеличение численности населения.

Высокие темпы и размеры ежегодного прироста населения встревожили китайское руководство и побудили его по-новому отнестись к возможным последствиям демографических процессов, в том числе обеспечению населения жизненными ресурсами.

«Одна семья – один ребёнок» – демографическая политика Китая, проводившаяся в 1979-2015 гг. [2]. В 2013 года было принято «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ», согласно которому супруги могут иметь двоих детей, если один из родителей – единственный ребенок в семье.

В 2015 года в Китае было официально объявлено, что политика «одна семья – один ребёнок» будет отменена в будущем и количество допустимых для любых семей детей будет увеличено до 2. Таким образом, на государственном уровне была зафиксирована новая повестка: «Одна семья – два ребёнка». Соответствующие поправки в Закон о населении и планировании семьи вступили в силу с 1 января 2016 года. В 2019 году в Китае зафиксирована самая низкая рождаемость за всю историю страны – менее 15 миллионов детей.

«Одна семья – три ребёнка» – демографическая политика Китая, введённая в 2021 году. Согласно новому курсу, семьи имеют право родить трёх детей. Данный курс был утвержден как мера, направленная против увеличения численности людей пожилого возраста.

После обнародования результатов Седьмой национальной переписи населения, было установлено, что число родившихся на материковом Китае в 2020 году составило всего 12 миллионов человек, что является самым низким показателем с 1960 года. Данные показатели указывают и на ускорение процессов старения населения, поэтому было принято решение о поощрении рождения трех детей в семье. Очевидно, что в Китае регулярно предпринимаются усилия государственных органов по регулированию народонаселения.

Библиографические ссылки

1. Назарова Р. Ф. Демографическая политика КНР: история и современность / Р. Ф. Назарова, В. Д. Серова // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2010. – № 50. – С. 42–49.
2. Планирование семьи (Энциклопедия Baidu [Электронный ресурс]. <https://baike.baidu.com/item/%E8%AE%A1%E5%88%92%E7%94%9F%E8%82%B2/608369?fr=aladdin>). – Дата доступа: 26.04.2022
3. Статистический ежегодник Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm>. – Дата доступа 26.04.2022

4. У Чжунгуань. Словарь по науке о народонаселении //Издательство Юго-Западного финансово-экономического университета, 1997.

СЕКЦИЯ 24. МОЛОДЕЖНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОЕКТ «ЕСО-CONTEST»

В. В. Бусел

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
viktoria.busel.00@mail.ru*

*Научный руководитель – Басинская Ирина Валентиновна,
старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии*

В публикации автор обращается к проблеме уровня экологической культуры общества. Непосредственное формирование экологической культуры происходит примерно в диапазонах младшего школьного возраста (6-11 лет), однако, зачастую этому уделяется небольшая роль в воспитании ребёнка. Автор публикации смотрит на эту проблему с другого ракурса и делает целевой аудиторией своего проекта взрослое работающее население. Помогая развивать экологическую культуру взрослого человека, происходит, в первую очередь, формирование его дальнейших действий по улучшению качества экологии вокруг, а это может включать, например, как сортировку мусора, так и пропаганду экологических знаний младшему поколению. Необходимо отметить, что общество пользуется огромным множеством услуг, реализуемых различными компаниями, обращая своё внимание не только на качество продукции, но и на их социально-значимую деятельность, а именно корпоративную социальную ответственность.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность; экологическая культура; конкурс; медиа; партнёр.

К настоящему моменту ведущие компании-производители мира осознали, что их бизнес не может полноценно развиваться, делая акцент только на интересах акционеров компании. Реализуя свои главные экономические функции, компании напрямую затрагивают интересы, как отдельных общественных групп, так и общества в целом. В свою очередь здоровое и развитое общество является необходимым условием дальнейшего эффективного роста и процветания бизнеса. Следовательно, появилась необходимость объединить отдельные элементы стратегии

компаний, определяющие взаимоотношения с внешней средой, и разработать комплексные подходы к взаимодействию с обществом, одним из элементов которых выступает корпоративная социальная ответственность [2].

В скором времени корпоративная социальная ответственность станет базовой идеологией корпоративного управления и менеджмента, как это произошло в других странах. На данный момент в Республике Беларусь существует множество составляющих корпоративной социальной ответственности, каждая компания по-разному видит свою стратегию, по-разному строит свою деятельность.

Эта деятельность отражается в системе экономических, экологических и социальных показателей устойчивого развития.

Тема защиты окружающей среды в последнее время получила свою актуальность и популярность, стала трендом. Однако всё равно на данный момент малое количество организаций планирует свою деятельность в экологическом направлении.

Проблема, неразрывно связанная с природой и человеком – это низкий уровень экологической культуры. От уровня культуры зависит то, насколько бережно человек относится к окружающей среде, насколько охраняет и преумножает её ресурсы. Экологическая культура – синоним бытия человека в качестве разумного существа, способного рационально и конструктивно решать задачи природопользования, природовосстановления, давать адекватную оценку самому себе, своей экологической деятельности, поведения в природе. На данный момент тема экологии находится в развитии, весь мир переходит на экологически чистые материалы, однако в тоже время наблюдается рост свалок с неиспользованными вещами, многие океаны загрязнены [1].

Как можно заметить, корпоративная социальная ответственность и экология связаны. Бизнес и общество – это взаимосвязанные элементы целого, одно не может существовать без другого. Поэтому крупным брендам необходимо развивать такое направление, как экология.

Корпоративная социальная ответственность реализуется в различных формах: благотворительность, волонтерство, благотворительный маркетинг, корпоративная благотворительность, социальный маркетинг, спонсорство, филантропия. Что касается Республики Беларусь, то на данный момент самым популярным направлением корпоративной социальной ответственности является благотворительность, в то время как

новым направлением для белорусского бизнеса является социальный проект [4].

Суть проекта «ЕСО-contest» состоит в том, чтобы создать на базе компании «Онлайнер» конкурс экологических проектов. Партнёром данного проекта будет выступать белорусский провайдер телекоммуникационных, информационно-коммуникационных технологий и контент-услуг А1.

Компания А1 ведёт свою деятельность в соответствии с мировыми принципами экологического, социального и корпоративного управления. Такая стратегия, пришедшая на смену традиционному пониманию корпоративной социальной ответственности, позволяет бизнесу ещё больше расширить возможности для позитивного влияния на окружающую среду и общество, а также оптимизировать внутренние процессы.

Целью проекта является улучшение экологической обстановки в стране, повышение уровня экологических знаний и развитие экологической культуры.

Задачи проекта:

- 1) заинтересовать читательское сообщество Onliner.by, тем самым формируя механизм вовлечения посетителей сайта в реализацию важных общественных инициатив экологической направленности;
- 2) повысить уровень экологической культуры населения;
- 3) проинформировать о понятии «корпоративной социальной ответственности»;
- 4) помочь в реализации проектов победителям конкурса;
- 5) привлечь внимание брендов к теме защиты экологии.

Реализация проекта имеет схему, которую можно выразить так: подготовка презентации для партнёра с подробностями проекта, согласие партнёра на проект, формирование подробностей конкурса (механика), анонс конкурса, сбор заявок в течение месяца, отбор проектов командой проекта, показ проектов жюри конкурса, отбор 8 работ, определение двух победителей, вручение денежного приза, реализация проектов победителями. Участники конкурса заполняют гугл-форму, прикрепляя презентацию своего проекта. Конкурсный проект должен являться собственной разработкой участника.

Общая длительность проекта составляет 117 дней. В процессе реализации будут задействованы такие человеческие ресурсы, как главный редактор Онлайнера, журналист, SMM-менеджер, фотограф, специалисты в области экологии и непосредственно партнёр проекта. Из материальных

ресурсов необходимо помещение, ноутбук, фотоаппарат, а также оснащение доступом к сети Internet. В материальные ресурсы включены арендные и коммунальные платежи, командировочные расходы, а также денежный фонд победителям.

Реализация проекта «ЕСО-contest» будет происходить на базе медиакомпании «Онлайнер», что подразумевает вовлечение и человеческих, и материальных ресурсов в полном объеме. Из этого можно сделать вывод, что финансирование со стороны непосредственно команды проекта будет минимальным.

В Республике Беларусь экологическая составляющая корпоративной социальной ответственности всё более набирает обороты, однако до сих пор слабо развита. Это скорее разовые акции, чем целенаправленная политика по уменьшению давления на окружающую среду.

Например, 25 ноября 2021 года состоялся первый в Беларуси Марафон лучших практик корпоративной социальной ответственности бизнеса. Марафон происходил таким образом: в режиме реального времени в течение более 5 часов представители 19 компаний делились опытом в реализации КСО-проектов. Организатор данного мероприятия – Сеть Глобального Договора ООН в Беларуси. Компании рассказывали о своей стратегии КСО не только на экологическую тематику, но и была затронута тема образования, спорта, работы с детьми, благотворительности. Однако, всё равно мы нуждаемся в освещении экологического направления корпоративной социальной ответственности [3].

В качестве заключения стоит сказать, что проект «ЕСО-contest» поможет обратить внимание и общество, и различные бренды на экологию. Медиакомпания «Онлайнер» имеет большую аудиторию, что позволит осветить проект достаточно масштабно. Конечно, оценить сразу результативность проекта не представляется возможным, но с течением времени разница будет заметна.

Библиографические ссылки

1. *Вербицкая, А.А.* Экологически культурная личность / А.А. Вербицкая // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века = Sakharov readings 2018 : environmental problems of the XXI century : материалы 18-й международной научной конференции в 3 ч., Минск, 17–18 мая 2018 г. / Междунар. гос. экол. ин-т им. А. Д. Сахарова Бел. гос. ун-та; редкол.: А. Н. Батян [и др.]; под ред. С. А. Маскевича, С. С. Позняка. – Минск, 2018. – Ч. 1. – С. 19-20.
2. *Волошин, А. И.* Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития фирмы / А. И. Волошин [и др.] // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. - №2. – С. 15–20.

3. Победители Премии в области КСО [Электронный ресурс]: офиц. интернет-портал rabota.by. – Минск, 2015. – Режим доступа: <https://rabota.by/article/16523>. – Дата доступа: 15.04.2022.

4. Шадуро, К. Корпоративная социальная ответственность в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / К. Шадуро. – Режим доступа: <http://belapdi.org/novosti-isobytiya/korporativno-socialnaya-otvetstvennost-v-rb/>. – Дата доступа: 16.04.2022.

ПРОЕКТ «ЦЕНТР СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ»

**А. В. Остап, А. А. Шершень, М. Д. Аниськова,
А. П. Санкевич, Ю. В. Кунаховец**

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
alesya.ostap@icloudl.com*

*Научный руководитель – Воронович Дарья Викторовна, старший
преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии*

В рамках проекта по семейной медиации были изучены теоретические материалы по проблеме семейной конфликтности и, как следствие, развода. Определены основные особенности феномена семейных конфликтов и инновационные направления работы с ними. Целью является помощь в разрешении межличностных конфликтных ситуаций, возникающих в процессе жизнедеятельности семьи.

Ключевые слова: семья; медиация; семейная медиация; развод; конфликтные ситуации; профилактика; эскалация конфликтов; межличностные отношения.

В настоящее время наблюдается большой рост семейных конфликтных ситуаций, в том числе разводы. Такой феномен можно связать с современной обстановкой в обществе, к этому можно отнести: эпидемиологическая, экономическая и политическая и т.д. Семейное неблагополучие, конфликты и, как следствие, психологическое насилие в семье – явление не специфически белорусское, а универсальное, всеобщее.

Существующая в странах на постсоветском пространстве система общественных ценностей и норм, основой которых является убеждение «не выносить ссор из избы» т.е. целенаправленное умалчивание и скрывание конфликтных ситуаций, возникающих в процессе функционирования семьи, а также нежелания решать проблему с помощью компетентных специалистов. Как результат, по данным Белстата за 2020 год, процент разводов вырос на 15 %. Если еще 5 лет назад разводом заканчивались только 40 % браков, то теперь это отношение выросло до 70%.

Поэтому на сегодняшний день достаточно актуальна проблема развития и разработки новых технологий социально- психологической работы с данной категорией граждан. Одной из таких альтернативных технологий урегулирования споров и конфликтов является медиация, где с помощью третьей стороны можно нивелировать семейное неблагополучие и вывести семью на новый уровень жизни.

Медиация как новая технология разрешения конфликтов между людьми в Республике Беларусь появилась относительно недавно, однако, ее внедрение уже показало хорошие результаты (Закон Республики Беларусь от 12 июня 2013 г. «О медиации»), который закрепил возможность урегулирования споров, возникающих из семейных правоотношений, путем медиации (ст.2).

В настоящее время на территории Беларуси успешно развивается медиация в правовой системе (досудебное урегулирование конфликтов), но как социально-психологическая технология только начинает набирать обороты.

Данный проект является способом внедрением инновационной социально-психологической технологии, такой как семейная медиация, в процесс работы государственных учреждений с категорией семья на безвозмездной основе. Основной целью данного проекта является помощь в разрешении межличностных конфликтных ситуаций, возникающих в процессе жизнедеятельности семьи.

Исходя из поставленной цели проекта выделяются следующие задачи:

1. Восстановление и сохранение межличностных отношений в семье.
- 2.Профилактика конфликтов различной направленности в семье
3. Предотвращение эскалации конфликтов в семье.
- 4.Информирование населения о технологии семейной медиации и ее возможностях.
- 5.Проведения исследований о эффективности семейной медиации и проведения социально-психологических исследований в области семейной конфликтологии.
6. Минимизирование последствий семейного конфликта. Выработка реалистичного плана будущих действий с учетом интересов конфликтующих сторон в семье.

Реализация данного проекта будет осуществляться на базе ГУ «Минский городской центр социального обслуживания семьи и детей» в отделении психологической помощи семье и детям.

В ходе реализации данного проекта ожидаются следующие положительные результаты:

- Увеличение процента семей, разрешивших семейный кризис;
- Улучшение внутрисемейных отношений;
- Снижение уровня конфликтности и агрессивности в семье.
- Улучшение психологического климата в семье;
- Реализация составленного семьёй плана жизнедеятельности;
- Увеличение доли семей, выявивших желание решить свои проблемы посредством медиации;
- Увеличение доли семей, удовлетворённых качеством оказываемых услуг семейными медиаторами;
- Уменьшение общего количества разводов, возникающих на бытовой почве примерно на 15% в г.Минск.

Интегрирование технологии семейной медиации в профессиональную деятельность государственных учреждений, занимающихся вопросами социального обслуживания и помощи населению, а также в систему образования Республики Беларусь.

Таким образом, медиация как социально-психологическая технология выступает как инновационный подход разрешения межличностных конфликтов в семье путем конструктивного диалога с участием третьего независимого лица – психолог-медиатор. В данной интерпретации, технология имеет ряд преимуществ над другими уже известными способами работы с семьями в условиях конфликта: решение фактической проблемы, не углубляясь в ее первопричины; предполагает кратковременную и динамичную работу с клиентами; в результате медиативной сессии участники конфликтной ситуации приобретают взаимовыгодные исходы.

Библиографические ссылки

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Статистический бюллетень. Число зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов по Республике Беларусь за январь-март 2020 [Электронный ресурс] – 2019. – Режим доступа:

<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/725/725ba4b0e172f661a0d43b9f828a8e32.pdf>

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У СПЕЦИАЛИСТОВ ИТ-СФЕРЫ

Е. А. Секлюцкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

js.1306.0109@gmail.com;

*Научный руководитель – Климущко Екатерина Ивановна, старший
преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии*

В работе представлены результаты изучения специфики стрессовых состояний в современной обществе, а также основных причин появления профессионального стресса у специалистов ИТ-сферы. В качестве технологии профилактики профессионального стресса автор представляет социальный проект по организации профилактики профессионального стресса специалистов ИТ-сферы, что позволит сформировать благоприятный психологический климат и повысит уровень личной эффективности сотрудников трудового коллектива.

Ключевые слова: трудовой коллектив; профессиональный стресс; профилактика стресса; психологическое благополучие; социальный проект.

Увеличение темпа современной жизни и объема получаемой информации, повышение конкуренции и требований к профессиональной деятельности, экономический кризис, виртуализация общества, перемены в социальной жизни, ухудшение экологической обстановки — все это ведет к тому, что нагрузки на нервную систему и психику современного человека нарастают ежедневно, что приводит к формированию у него эмоционального напряжения, накоплению негативных эмоций, снижению адаптивных способностей, снижению способности сопротивляться стрессу. В связи с этим разработка теории и практики повышения стрессоустойчивости современного человека является важной социальной задачей [4; 7; 10].

В настоящее время эволюционные процессы в сфере технологий набирают обороты, применение современных технологий изменяют форму и восприятие привычных предметов, создавая при этом все более комфортные условия для существования человечества. Такая глобализация имеет два аспекта: позитивный и негативный (лишение возможности конструктивно существовать в институте семьи, увеличение вероятности потери рабочего места в связи с неспособностью мгновенно проявить адаптационные способности к новым требованиям) [1; 3; 5]. Подобная

ситуация наблюдается и с более младшей возрастной группой (детство, юность, ранняя молодость). Считается, что данной категории легче адаптироваться к выдвигаемым требованиям постоянно изменяющейся среды. Но работа, обучение, проживание в данных условиях не всегда позитивно влияет на них, так как стирается граница эмоционального контакта, коммуникаций и передачи социального и социокультурного опыта посредством взаимодействия человек-человек. В сложившейся обстановке критические и дискомфортные условия настигают людей как на начальном этапе возрастной периодизации (юность, молодость), так и в пожилом в связи с отсутствием навыков к «новой жизни» [2].

Стресс является широкой областью для изучения и исследований. Стресс присущ самой нашей жизни, он неотъемлемый компонент существования. Каждый человек имеет свой уровень устойчивости к стрессам. Каждый реагирует на одинаковую ситуацию по-разному, все зависит от внутреннего состояния и уровня стрессоустойчивости человека. Стрессовые ситуации возникают у любого человека каждый день независимо от возраста, пола и других характеристик.

На протяжении всех возрастных этапов люди сталкиваются с различными трудностями: проблемами развития, экстремальными событиями, проблемами со здоровьем, финансовыми трудностями, которые становятся причинами стресса.

Стресс распространен во всех сферах жизни человека, профессиональная деятельность не является исключением. Стрессовые ситуации, которые существуют в организациях, способны воздействовать на качество работы сотрудников. Это обеспечивает определенные трудности на пути выполнения поставленных задач и достижения целей. Недостаток взаимосвязей коллективной деятельности на работе из-за профессионального стресса становится причиной возрастания личной неудовлетворенности каждого сотрудника, снижения профессиональной эффективности, текучести кадров и, в целом, снижения доходов компании [8].

Одна из причин актуальности выбранной темы связана с распространением стрессовых состояний. Распространенная раньше фраза «все болезни от нервов» трансформировалась - «все болезни от стрессов». И не без основания. Учеными доказано, что 75–90 % заболеваний вызвано именно нервным перенапряжением.

В течение последних двадцати лет отмечается особый интерес к исследованиям в области профессионального стресса. Развитие стресса на

рабочем месте выделяют в важную научную проблему, что связано с его влиянием на работоспособность, производительность и качество труда, состояние здоровья сотрудников.

В литературе отмечается, что ряд рабочих стрессоров, таких как ролевая неопределенность, конфликты, недостаточный контроль, рабочая перегрузка и другие, тесно связаны с психическим напряжением, психосоматическими расстройствами, с неблагоприятными поведенческими последствиями.

Исследования состояния стресса в трудовой деятельности свидетельствуют о том, что профессиональный стресс - это специфический вид, который отражает физиологические и психологические особенности его развития [7].

Проблема стресса актуальна среди сотрудников ИТ-сферы. Профессиональная деятельность программистов тесно связана с высоким уровнем стрессорных нагрузок, который повышается под воздействием факторов современной окружающей среды. ИТ-специалисты вынуждены работать в ненормированном режиме и темпе, так как необходимо общаться и вести переговоры в режиме реального времени с партнерами, клиентами и компаньонами из других стран, часовой пояс которых отличается от нашего (например, США, Канада и т. д.).

В настоящее время наблюдаются неблагоприятные изменения в картине психического здоровья. Отмечается значительный рост числа нервно-психических заболеваний, в первую очередь тех, которые являются наиболее характерной реакцией на психический стресс. К ним относятся неврозы, посттравматическое стрессовое расстройство, психосоматические расстройства, а также реактивные психозы, депривационное развитие личности [6].

Так как ИТ-специалисты не только разрабатывают программное обеспечение и занимаются автоматизацией процессов на базе платформы Salesforce, но и тесно общаются с клиентами, партнерами, их в какой-то мере можно отнести к специалистам, работающим в сфере «человек — человек», вкупе с ненормированным графиком, сложной умственной деятельностью, особую значимость приобретает такое качество как стрессоустойчивость. Представители ИТ-сферы сильно подвержены влиянию стресс-факторов (необходимость быстро ориентироваться в коммуникативной среде; интенсивное общение; повышенная ответственность за разрешение проблем клиентов; сдерживание внешнего проявления эмоций; неизбежность быть объектом наблюдения и

оценивания и др.). Целью работы является изучение стресса и стрессоустойчивости как психологических феноменов, разработка проекта с целью профилактики профессионального стресса у IT-специалистов.

Объект исследования – стрессоустойчивость мужчин и женщин в возрасте от 18 лет - сотрудников IT-компаний по разработке ПО и автоматизации процессов на базе платформы Salesforce.

Предметом работы является создание проекта, направленного на профилактику и снижение профессионального стресса у сотрудников IT-компаний.

Гипотеза исследования: проект «СТРЕСС-комната», направленный на профилактику профессионального стресса, является актуальным среди сотрудников IT-сферы.

Разработка проекта «СТРЕСС-комната» по профилактике профессионального стресса у специалистов в IT сфере проводилась в соответствии с классической моделью разделения процессов по областям знаний международного стандарта PMBOK 5, который является руководством к своду знаний по управлению проектами, разработанного Институтом управления Проектами (PMI) [9].

Концепция проекта заключается в создании помещения «СТРЕСС-комната», которое позволяет выплеснуть эмоции и напряжение с целью снижения уровня стресса, предотвращения эмоционального выгорания, повышения уровня стрессоустойчивости и работоспособности посетителей. В рамках проекта будет оборудовано помещение, которое будет снабжено различными предметами, которые, по мнению потенциальных посетителей, которое было сформировано в результате предварительного опроса, способствующими снятию напряжения и снижению уровня стресса. Проект рассчитан на сотрудников компании по разработке программного обеспечения «Coral Team».

К ожидаемым результатам проекта относятся:

- Организация в офисе компании пространства, способствующего снижению стресса.
- Эффективное функционирование помещения «СТРЕСС-комната».
- Снижение уровня стресса сотрудников компании.
- Повышение работоспособности и уровня стрессоустойчивости сотрудников компании.

С целью определения актуальности проекта, было проведено маркетинговое исследование, в ходе которого был проведен опрос целевой аудитории. Опрос состоит из 10 вопросов:

1. Пол (Мужской/Женский).
2. Возраст (18–21/22–25/25+).
3. Уровень образования (среднее/неоконченное высшее/высшее/2 и больше высших).
4. Считаете ли Вы проблему стресса актуальной? (Да/Нет)
5. Как часто Вы пребываете в состоянии стресса? (раз в день/несколько раз в день/раз в неделю/несколько раз в неделю/раз в месяц/несколько раз в месяц)
6. Как Вы обычно снимаете стресс? (работа / учеба / семья / отношения / политическая обстановка/другое)
7. Слышали ли Вы об антистресс-аттракционах? (Да/Нет)
8. Посещали ли Вы когда-нибудь антистресс-аттракционы? (Да/Нет)
9. Если бы у Вас на работе было место, где можно снять стресс, устроить эмоциональную разрядку, Вы бы пользовались им? (Да/Нет)
10. Что бы Вы хотели видеть там?

Опрос был создан с помощью сервиса Google Forms и доступен по ссылке: <https://forms.gle/Dx6oVDJzrTBpsNvk6>. В исследовании приняли участие 100 респондентов среди них 50 мужчин и 50 женщин.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что люди часто пребывают в состоянии стресса, чаще всего стресс возникает на почве профессиональной деятельности, все справляются со стрессом по-разному, если бы в организации было помещение для снятия стресса, то оно было бы востребовано среди посетителей, таким образом, проект по профилактике профессионального стресса «СТРЕСС-комната» является актуальным и будет востребован среди своей целевой аудитории.

Для описания жизненного цикла проекта было использовано программное обеспечение для управления проектами Project Libre. Данное программное обеспечение является бесплатным аналогом Microsoft Project, было выпущено под Common Public Attribution License (CPAL) и, таким образом, квалифицируется как свободное программное обеспечение в соответствии с Free Software Foundation.

Реализация проекта осуществляется в соответствии с четырехфазной моделью жизненного цикла проекта, состоящая из инициации, планирования, реализации и завершения, а также мониторинга и контроля на протяжении всего проекта.

Для реализации запланированных мероприятий была создана команда проекта, внутри которой были распределены следующие роли: менеджер

проекта, помощник менеджера проекта, финансовый менеджер, релиз-менеджер, тестировщики.

Реализовать проект "СТРЕСС-комната" планируется за 184 рабочих дня с 1 сентября 2021 года по 16 мая 2022 года. Сроки реализации проекта, с учетом каждого этапа жизненного цикла проекта, были определены с помощью программы ProjectLibre.

В процессе написания проектной работы (на стадии инициации и планирования проекта) была собрана команда проекта, распределены роли и обязанности, проведено маркетинговое исследование, разработан Устав и ИСР, составлены реестр стейкхолдеров, рисков, определены пути реагирования на риски, составлено дерево целей, разработана и проведена лекция о проблеме стресса и стрессоустойчивости для сотрудников базовой компании, также была рассчитана стоимость проекта.

Библиографические ссылки

1. *Бодров, В. А.* Информационный стресс / В. А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2000. – 352 с.
2. *Григорьева, М. А.* Энтропия безопасности / М. А. Грановская. – М.: Объединённая редакция, 2019.
3. *Захаров, А. И.* Неврозы детей и подростков / А. И. Захаров. – JL, 1988. – с. 5-18.
4. *Китаев-Смык, Л. А.* Психология стресса: психологическая антропология стресса: монография/ Л. А. Китаев-Смык. – М.: Академический проект, 2009. – 368 с.
5. *Морозова, М. А.* К вопросу о проблеме гражданской идентичности // Научный вестник УВАУ ГА (И). Ульяновск: Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б. П. Бугаёва. Т № 8. 2016.- с.125-130.
6. *Петракова, А. Д.* Психическое здоровье народов мира в XX веке. Научный обзор / А. Д. Петраков, Б. Д. Петраков. – М., 1984. – 61 с.
7. Профилактика нарушений стрессоустойчивости сотрудников правоохранительных органов: методические рекомендации / Смирнова Н. Н [и др.] – Архангельск: Изд-во СГМУ, 2012 – 19 с.
8. *Рогов, Е. И.* Организационная психология: учебник и практикум для академического бакалавриата / Е.И.Рогов. – М. : Юрайт, 2014. – 640с.
9. Руководство к Своду знаний по управлению проектами: (руководство РМВОК) / Project Management Institute. – 5-е изд. – Москва: Олимп-Бизнес, 2014. – 586с.
10. *Субботин, С. В.* Устойчивость к психическому стрессу как характеристики метаиндивидуальности учителя: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / С. В. Субботин. — Пермь, 1992. — 152с.

ТРЕНИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Е. А. Слабкович

Белорусский государственный университет, г.Минск;

slabkovich99@mail.ru

*Научный руководитель – Воронович Дарья Викторовна,
старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии.*

В публикации автор описывает проект по повышению самооэффективности молодых специалистов, обосновывает актуальность проекта, приводятся результаты исследования самооэффективности молодых специалистов. Понятие самооэффективности играет большую роль в любой деятельности человека. В учебной деятельности и работе самооэффективность напрямую связана с достижением конкретных целей в четкие сроки. Результаты проекта можно будет использовать для повышения самооэффективности молодых специалистов в различных компаниях. Новизна работы состоит в том, что на данный момент в организациях не проводят работы по повышению самооэффективности молодых специалистов.

Ключевые слова: самооэффективность; молодые специалисты; тренинг; повышение самооэффективности; самооэффективность молодых специалистов.

Самооэффективность – одно из важных составляющих успешной деятельности человека. Это понятие можно также трактовать как «вера в эффективность своих действий», что очень близко по значению к понятию «уверенность в себе». Ошибки в оценке своих действий и возможностей несомненно препятствуют достижения любой цели, а также ведут к изменениям поведения в той или иной ситуации.

Понятие самооэффективности является ключевым в теории Альберта Бандуры. В своих работах он выделяет частные самооэффективности, которые являются составными частями общей самооэффективности и соответствуют различным видам деятельности человека [1].

По теории Бандуры, самооэффективность, имеющая когнитивную природу, напрямую влияет на моторное поведение человека. То есть, от правильной оценки своих возможностей зависит, к примеру, адаптация в новой для индивидуума ситуации, усвоение навыка, выбор стратегии поведения в конкретной ситуации и т.д. При низком уровне самооэффективности вышеупомянутые цели будут сложнодостижимы или растянуты во времени [2].

Идея проекта состоит в том, чтобы разработать проект тренинга повышения самооэффективности молодых специалистов.

Предположительными результатами является более высокий уровень самоэффективности в работе (измеряется тестированием до и после проведения тренинга).

Актуальность данной работы можно объяснить тем, что деятельность молодых специалистов в начале своего пути не проста. Процесс адаптации, новые задачи, усвоение новых навыков – это только начало списка сложностей, которые предстоят специалистам. Отсутствие самоэффективности на этих этапах чревато последствиями, вплоть до разрушения карьеры. Важно научиться вере в себя и успех своих действий, чтобы без проблем решать новые задачи на новом месте работы и быстро адаптироваться к изменениям.

Для проекта была разработана иерархическая структура работ, состоящая из работ фаз инициации, планирования, реализации и завершения. Также был просчитана стоимость проекта, составлен план управления человеческими ресурсами, коммуникациями, качеством, стейкхолдерами, рисками, составлено дерево проблем и дерево целей, проведен SWOT-анализ, теоретический анализ проблемы.

Общая стоимость материально-технических ресурсов проекта по подсчетам составляет 1089 BYN (Рисунок 1).

Название	Цена1	Тип
☐ Материально-технические ресурсы	0 руб.	Материал
Принтер	0 руб.	Материал
Интернет	89 руб.	Материал
Канцелярские принадлежности	0 руб.	Материал
Аренда помещения	1000 руб.	Материал
Ноутбук	0 руб.	Материал

Рисунок 1 – Стоимость материально-технических ресурсов проекта

Содержание проекта включает в себя разработанный тренинг, который состоит из следующих структурных частей:

1. Приветственное слово (5 минут)
2. Разминка, состоящая из двух упражнений (30 минут)
3. Основная часть, теория (20 минут)
4. Перерыв (5 минут)
5. Основная часть, упражнения (1 час 20 минут)
6. Перерыв (5 минут)
7. Повторное тестирование (10 минут)
8. Рефлексия (5 минут)

9. Завершение.

Планируемый состав участников: 15-20 человек. Сценарий тренинга составлен таким образом, что участники сначала знакомятся с правилами, друг с другом, затем слушают теоретическую часть и после перерыва переходят непосредственно к упражнениям, которые предположительно повысят их самооффективность. Так, эффективность упражнений будет выше. К основным упражнениям относятся, например, «Я – знаменитость», «5 шагов», «Я в лучшей форме, когда...» и другие.

Для определения уровня самооффективности молодых специалистов было проведено исследование. В ходе исследования 50 участников прошли тестирование по таким методикам, как методика Маддукса и Шеера «Диагностика самооффективности», а также Шкала общей самооффективности (General Self-Efficacy Scale, GSE).

По результатам методики «Диагностика самооффективности» видно, что низкий уровень самооффективности выявлен у 18% респондентов, высокий – 14% и средний – у 68%, что является преобладающим значением. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство сотрудников оценивают свою самооффективность как среднюю, что оказывает не лучшее влияние на выбор стратегии деятельности, мотивацию и усилия, которые придется приложить для преодоления препятствий.

Более подробные результаты помогает получить вторая методика, так как ключ к ней позволяет разделить респондентов на большее количество категорий. По ее результатам видно, что половина сотрудников оценивает свою самооффективность на уровень ниже среднего (25 молодых специалистов), 24% сотрудников оценивают ее как среднюю (12 молодых специалистов), 16% обладают низким уровнем самооффективности (8 молодых специалистов), 6% высоким (3 молодых специалиста) и 4% – выше среднего (2 молодых специалиста).

Таким образом, проведенное исследование доказывает необходимость проведения тренинга по повышению самооффективности молодых специалистов.

Библиографические ссылки

1. Бандура, А. Теория социального научения/ А. Бандура — СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.
2. Капрара, Д. Психология личности. / Д. Капрара, Д. Сервон . — СПб.: Питер, 2003. — 638 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В РЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА

И. А. Шупенько

Белорусский Государственный Университет, г. Минск;

js.1306.0109@gmail.com;

Научный руководитель – Климушко Екатерина Ивановна, старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии

В данной статье рассматривается возможность использования проектного подхода в регулировании конфликтного поведения трудового коллектива. Также проводится теоретический анализ актуальности данной проблемы. В рамках статьи описывается содержание проекта, его стоимость, проводится анализ заинтересованных сторон, рисков, определяются необходимые ресурсы. В качестве результата, данный проект может использоваться как для решения уже существующих проблем, приводящих к конфликтам на рабочем месте, так и иметь профилактический характер.

Ключевые слова: конфликт; управление конфликтами; трудовой коллектив; система мотивации персонала; психологический климат.

В настоящее время абсолютно каждая организация сталкивается с такими трудностями, как трудовые конфликты. Конфликт-это явление, которое играет особую роль в жизни человека, его развитии, самореализации, отношениях с другими людьми, в жизни общества в целом, и считается нормой отношений. В любом коллективе люди вступают в неформальное или неформальное общение. Таким образом, между ними могут возникнуть непонимание, агрессивность, отчуждение или даже враждебные, напряженные отношения.

Чтобы предотвратить негативные последствия конфликтов в команде, важно вовремя распознать конфликтную ситуацию и не допустить ее дальнейшего прогрессирования и ухудшения. Решение этой проблемы может способствовать преодолению трудностей, возникающих в результате нарастания конфликтов. Так, конфликты часто оказывают решающее влияние на качество деятельности членов команды, возникновении значительных трудностей при выполнении поставленных задач и достижении стратегических целей организации.

Как показывает практика, конфликты в организациях не могут эффективно управляться на основе только жизненного опыта. Для этого необходима система теоретических и методических знаний о

предотвращении такого рода конфликтов. Так, значительному сокращению конфликтных ситуаций, а также организационных конфликтов внутри коллектива могут являться: снижение уровня конфликтности тех сотрудников, которые готовы их провоцировать; строго структурированная и эффективно действующая кадровая политика, психодиагностика уровня конфликтности личности, высокий авторитет руководителя предприятия, высокий уровень профессиональной культуры коллектива, высокий уровень престижа деятельности и организации, приятный психологический климат в организации, мотивация персонала, учет психологических особенностей каждого члена коллектива.

Исходя из этого реализация проекта, направленного на регулирование конфликтного поведения трудового коллектива поможет в решении многих управленческих проблем.

Цель данного проекта является снижение конфликтного поведения трудового коллектива.

Среди **задач проекта** можно выделить:

- 1) профилактика трудовых конфликтов;
- 2) решение управленческих проблем, которые непосредственно влияют на уровень конфликтов в коллективе;
- 3) улучшение психологического климата;
- 4) повышение производительности;

Проект будет проходить в соответствии со следующим содержанием: инициация, планирование, реализация, завершение проекта. В ходе реализации проекта будут решаться проблемы неэффективного управления, низкой сплоченности у сотрудников и неумение ими решать конфликты конструктивно. Также будут проходить работы по обустройству комнаты для переговоров, создание системы запросов на ресурсы, пересмотр должностных инструкций, пересмотр системы мотивации сотрудников. Реализация проекта приблизительно займет 3,5 месяца.

Благодаря правильному выстраиванию отношений между всеми заинтересованными сторонами на проекте, менеджер проекта может увеличить вероятность успеха. Заинтересованными сторонами в данном проекте были определены:

1. Руководитель проекта;
2. Владелец/руководитель организации;
3. Руководитель подразделения (непосредственно отвечающий за трудовой коллектив);

4. Тренер (тренинг-менеджер);
5. Сотрудники организации (трудовой коллектив);
6. Сотрудники, непосредственно участвующие в исполнении проекта (составление необходимой документации);
7. Члены семьи сотрудников;
8. Конкуренты организации;
9. Потенциальные новые сотрудники;
10. Потребители продукта/услуг организации;

Также нужно отметить, что проект может столкнуться с некоторыми рисками, такими как: невозможность проведения тренингов из-за эпидемиологической ситуации, сопротивление к изменениям, ошибки в составлении должностных обязанностей, переход открытых конфликтов в скрытые, недостаток временных ресурсов из-за напряженного графика сотрудников, ригидность сотрудников при участии в проекте.

Что касается бюджета проекта, для его реализации необходимо 1700 белорусских рублей. В состав данного бюджета были включены оплата труда тренинг-менеджеров, прямые расходы на оплату курсов, покупку магнитно-маркерной доски, маркеров, магнитов. Оплата же труда менеджера проекта, а так же расходы на канцелярию, бумагу, печать, ноутбук, интернет, мобильные звонки и СМС были определены как самофинансирование. Наглядно эти данные с полным прописанием бюджета предоставлены в таблице 1.

Таблица 1 – Бюджет проекта

Структура расходов по статьям	Статья расхода	Бюджет (р.)	Обоснование
Оплата труда	Менеджер проекта	0	Самофинансирование
	Тренинг-менеджер 1	300	За весь тренинг
	Тренинг-менеджер 2	300	За весь тренинг
Прямые расходы	Оплата курсов	900	За комплекс уроков (весь курс)
	Магнитно-маркерная доска	150	Brauberg Premium/231713
	Маркеры, магниты	50	Маркеры 15 р + магниты 35 р
	Канцелярия, бумага, печать	0	Самофинансирование (организацией)

Продолжение таблицы 1

	Ноутбук	0	Самофинансирование
	Интернет, мобильные звонки, СМС	0	Самофинансирование
Итого:		1700	

Кроме того, резервный бюджет проекта, рассчитанный с учетом наступления рисков, составил 900 р.

Таким образом, данный проект направлен на решение наиболее распространенных проблем, приводящих к конфликтам в трудовом коллективе. Кроме того, данный проект также может иметь профилактический характер и содействовать управлению конфликтами в организации.

Библиографические ссылки

1. Кошелев, А. Н. Конфликты в организации: виды, назначение, способы управления / А. Н. Кошелев, Н. Н. Иванникова. – Альфа-Пресс, М. : 2007. – 211 с.
2. Локутов, С. П. Конфликты в коллективе: причины, управление, минимизация / С. П. Локутов. – М.: Вентана–Граф, 2008 – 276 с.
3. Неустроева, О. В. Причины возникновения трудовых конфликтов / О. В. Неустроева / International scientific review, 2015. – № 6(7). – С. 58-61.
4. Руководство к Своду знаний по управлению проектами: (руководство PMBOK) / Project Management Institute. – 5-е изд. – М.: ОлимпБизнес, 2014. – 586 с.

СЕКЦИЯ 25. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И РЕАБИЛИТАЦИЯ **ЛИЧНОСТИ**

ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ

М. Д. Аниськова

Белорусский государственный университет, Г.Минск;

[*aniskovamaja@gmail.com*](mailto:aniskovamaja@gmail.com)

Научный руководитель – Авин Александр Иванович,

доцент, кандидат медицинских наук

Целью данной научной статьи является анализ теорий, объясняющих особенности такого когнитивного стиля, как «полезависимость-полenezависимость», который рассматривается с точки зрения возможной социально-психологической дезадаптации. Рассмотрены и соотнесены друг с другом теории Г.Уиткина и И.П. Шкуратовой. Актуальность и новизна работы заключается в том, что данная проблема рассматривается в немногочисленных научных исследованиях, хотя назрела необходимость использования новых подходов в объяснении такого феномена, как социально-психологическая дезадаптация. В результате высказано предположение, что уровень социально-психологической адаптации у людей с одним из когнитивных стилей «полезависимость-полenezависимость», связан с социальным контекстом. Также была обоснована важность учета особенностей когнитивных стилей для социально-психологической реабилитации лиц с различными формами дезадаптации.

Ключевые слова: когнитивный стиль; полезависимость; полenezависимость; дезадаптация; адаптация.

В современном постоянно меняющемся мире со всеми его проблемами и сложностями намного эффективнее ориентируется тот человек, который способен успешно вычленять главное и второстепенное, значительное и незначительное в обрушивающемся на него информационном потоке. Согласно многочисленным исследованиям, каждой личности данная способность свойственна в различных мерах. В соответствии с этим, выделяют своеобразные стили когнитивной деятельности, которые относят к числу базовых характеристик человеческой индивидуальности и в какой-то степени связывают их с некоторыми личностными свойствами. Впервые в психологической науке термин когнитивный стиль появился в 1950-60-х

годах и определялся как формально-динамические характеристики интеллектуальной деятельности, не связанные с содержательными (результативными) аспектами работы интеллекта. В настоящее время, когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своём окружении в виде индивидуальных различий восприятия, анализа, структурирования, категоризации, оценивания происходящего. В свою очередь, эти индивидуальные различия образуют некоторые типичные формы когнитивного реагирования, относительно которых группы людей являются похожими и отличаются друг от друга [3, с.47]

Что касается социально-психологической дезадаптации, то она характеризуется утратой личностью способности взаимодействовать с другими людьми, воспринимать общепринятые нормы и ценности общества и ощущать себя его неотъемлемой частью. Конечно, каждый человек когда-нибудь попадает в такую ситуацию, которая выбивает его из колеи, оказывает большое влияние на его психоэмоциональное состояние, однако, как описано выше, каждый человек будет адаптироваться к ней по-своему. Кто-то, исходя из своего прошлого опыта, а кто-то, исходя из того, что ему продиктует общество. Именно поэтому необходимо учитывать такой фактор, как когнитивные стили, т.к. знание их особенностей поможет личности быстрее адаптироваться в изменяющихся условиях.

В данной статье наше внимание уделяется только такому единому когнитивному стилю, как «полезависимость-полenezависимость». Разделим два этих полярных друг другу термина, как тенденцию полагаться на внешнее видимое поле - полезависимость, и тенденцию контролировать зрительные впечатления за счет проприорецепции, т.е. глубокой чувствительности – полenezависимость. Как образно сформулировал эти различия Г.Уиткин в одной из своих работ: решая одну и ту же задачу, полenezависимые действуют под девизом: «иди по ту сторону данной информации», а полезависимые - под девизом «действуй в поле» [4, с.52]. Соответственно, этим и обусловлена их коммуникация: первые пытаются добыть информацию у других людей, поэтому развивают свои социальные отношения, а вторые действуют самостоятельно и, как следствие, демонстрируют независимость от окружающих. Как результат, полезависимые люди обычно рассчитывают на помощь и поддержку окружающих, в то время как полenezависимые больше полагаются на себя и свои силы. Однако, здесь можно поспорить, личность с каким когнитивным стилем может будет находиться в ситуации большей

социально-психологической адаптации. Та, которая больше берет во внимание окружающий мир или та, которая рассчитывает на себя?

Возьмем в пример исследование Г.Уиткина и его сотрудников. При анализе взаимоотношений психотерапевта и пациента они пришли к выводу, что полезависимые либо много говорят на отдаленные темы, либо, наоборот, ограничиваются краткими репликами, при этом они жаждут того, чтобы их похвалили, обратили внимание на их переживания, показали их значимость. Полнезависимые приходят к психотерапевту с уже четко определенной проблемой, поэтому в отношениях психотерапевт-пациент участие терапевта меньше. Таким образом, можно сделать вывод о том, что люди с полезависимым когнитивным стилем прибегают к мнению окружающих, потому что у них присутствует потребность поиска некоторой информации, т.к. сами они не могут справиться с этим, но при этом они более межличностно ориентированы.

Уиткин также отмечает, что наиболее важным аспектом психического развития выступает уровень психологической дифференциации, проявляющийся в степени ясности, расчлененности, отчетливости опыта. Уровень психологической дифференциации субъекта обнаруживает себя в следующих четырех основных психологических сферах:

1. Интеллектуальное функционирование. Определяется тем, как человек преобразует информацию. Активное преобразование характерно для полнезависимых, а склонность следовать заданной ситуации для полезависимых.

2. Артикулированное представление о своем физическом теле (в виде осознания его составных частей, их отношений, внешних границ).

3. Чувство личной автономности, которое будет отражено в росте дифференциации образа «Я», а также в межличностном взаимодействии. Например, зависимые от поля чаще склонны к интерперсональной ориентации, а независимые – к интраперсональной.

4. Специализированные контроли и защиты в психотравмирующих условиях. В ситуации, когда уровень психологической дифференциации находится на низком уровне, то в качестве основного защитного механизма выступает вытеснение, т.е. блокирование нежелательного опыта, либо просто неприятие травмирующей ситуации. При высоком уровне психологической дифференциации наблюдаются специализированные защиты в форме изоляции, интеллектуализации и проекции, предполагающие переработку опыта, разделение его аффективных и рациональных сторон. [4, с.87]

Исследование указанных психологических сфер позволило Уиткину и его соавторам сформулировать гипотезу, суть которой заключается в следующем: у каждого человека (ребенка либо взрослого) достигнутый им уровень психологической дифференциации будет одновременно проявляться в каждой из четырех сфер.

Заслуживает внимание гипотеза И.П. Шкуратовой о том, что наиболее оптимальным является мобильный когнитивный стиль, а люди с таким стилем – наиболее адаптивные. [1, с.127] Мобильность подразумевает под собой умение произвольно изменять характеристики своего когнитивного аппарата, исходя из ситуации. На этапе личностной и интеллектуальной зрелости человек совмещает в себе умение действовать по-разному в зависимости от требований ситуации, при этом сохраняя тяготение к одному из когнитивных полюсов. Именно поэтому, несмотря на сниженную, с первого взгляда, адаптивность полезависимых лиц – однозначно так утверждать не стоит. Уровень адаптивности будет зависеть от социальной ситуации, а также от базовых социально-психологических и психофизиологических характеристик личности, таких как локус контроля, ригидность либо пластичность темперамента, показатель индивидуализма-коллективизма, профиль межполушарной асимметрии головного мозга, уровень социального и эмоционального интеллекта и т.д. Указанные характеристики могут влиять на подвижность когнитивного стиля полезависимость-полenezависимость, а через данный механизм опосредованно участвовать в процессах адаптации.

Социальная ситуация наиболее очевидна в своем проявлении в профессиональной деятельности, например, полезависимый военнослужащий может быть намного успешнее, чем полезависимый предприниматель. При этом если сравнивать среди военнослужащих командира воздушного суда и рядового бойца воинского подразделения, то преимущество полезависимости может оказаться спорным моментом. Важно отметить, что ведущая возрастная деятельность также играет существенную роль в адаптации. Например, полenezависимым детям, ведущая деятельность которых – игровая, будет сложнее в новых социальных условиях, а полезависимым, напротив, так как они с легкостью установят новые социальные связи в детском коллективе.

В заключении хочется отметить важность изучения и учета особенностей когнитивных стилей для диагностики и социально-психологической реабилитации различных форм дезадаптации в разных возрастных группах, так как их знание может способствовать скорейшему

преодолению как внутриличностных, так и личностно-групповых конфликтов.

Библиографические ссылки

1. Шкуратова, И. П. Исследование особенностей общения в связи с когнитивным стилем личности : дис. ... канд. Психол. Наук / И. П. Шкуратова. – М. Москва, 1983. – 194 с.
2. Claey, s W. Comment / Multivariate Analysis and Psychological Theory. L.,1973. P. 144-146.
3. Witkin, H., Goodenough, D. Cognitive style: Essence and Origins. N.Y., 1982. 135 p.

ОСОБЕННОСТИ ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Е. А. Бобырь

Белорусский государственный университет, г. Минск;

katibobyr@gmail.com

Научный руководитель – Ачинович Тереза Иосифовна, старший преподаватель, магистр педагогических наук

Исследование посвящено изучению особенностям выученной беспомощности и копинг-стратегий у подростков из неполных семей. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения результатов исследования практическими психологами.

Ключевые слова: особенности; неполная семья; выученная беспомощность; копинг-стратегии; подростки.

Актуальность изучения особенностей выученной беспомощности и копинг-стратегий у подростков из неполных семей обусловлена возрастанием количества разводов, характерным для современного белорусского общества. Как следствие, в нашей стране каждый пятый ребенок воспитывается одним родителем [4, с. 42]. Неполные семьи, как правило, характеризуются низким экономическим статусом, недостаточной социальной активностью, дисфункциональностью, искажением ролевых функций. Родители из неполных семей вынуждены собственными силами справляться с обеспечением семьи, воспитанием и заботой о ребенке, в связи с чем подвергаются чрезмерным физическим и психическим нагрузкам, испытывают высокий уровень стресса и

психоэмоционального напряжения, сталкиваются с острой нехваткой временного ресурса, что неизбежно сказывается на детско-родительском взаимодействии [1, с. 9].

Стиль воспитания в неполных семьях характеризуется дисгармоничностью, повышенной конфликтностью, атмосферой тревоги и беспокойства, ослабленным эмоциональным контактом между родителем и подростком, дефицитом открытости и доверительности. В отдельных случаях родитель может винить ребенка в возникновении социальных проблем, переносить на него агрессивные импульсы, обусловленные фрустрацией и дистрессом, приуменьшать его заслуги, достоинства и достижения, предъявлять к нему неадекватно завышенные требования. Типичными для родителей из неполных семей являются эмоциональное отвержение и подавление самостоятельности ребенка, что выступает предпосылкой для формирования у несовершеннолетних неуверенности в себе, чувства собственной некомпетентности, бессилия и беспомощности [3, с. 105].

Завышенные ожидания и искаженные установки, широко распространенные среди родителей из неполных семей, могут приводить к тому, что к подростковому возрасту у ребенка формируется специфический оценочный стиль, ассоциированный с синдромом выученной беспомощности, и характеризующийся полярностью, ригидностью, преобладанием отрицательных оценок, и «оценочностью» в противовес описательности [2, с. 46].

Такие подростки считают себя неспособными оказывать ощутимое влияние на происходящие в их жизни события, склонны избегать неудач, обвинять себя в возникновении проблем и неприятностей, обладают низким уровнем притязаний. Это существенно ограничивает их возможности самоопределения, препятствует гармоничной социализации и формированию социальной зрелости. Ситуации необходимости осуществления жизненно важных выборов, часто возникающие на данном жизненном этапе, выступают для подростков с выученной беспомощностью источником интенсивного стресса, который может приводить к дезадаптации, дезорганизации поведения, выбору неконструктивных стратегий совладания, снижая уровень их социального и психологического благополучия [5, с. 57].

Цель нашего исследования состоит в выявлении особенностей выученной беспомощности и копинг-стратегий подростков из неполных семей.

Исследование проводилось на базе КУП «Детский реабилитационно-оздоровительный центр «Ждановичи». Выборку составили 60 подростков (12–15 лет), разделенных на группы в соответствии с составом семьи. В основную группу были включены 30 подростков из неполных семей, в контрольную – 30 подростков, воспитывающихся в полных семьях.

В рамках эмпирического исследования использовался следующий комплекс психодиагностических методик: опросник диагностики личностной беспомощности у подростков М.О. Климовой, Д.А. Циринг; опросник «Способы преодоления негативных ситуаций» (СПНС); опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации Т.Л. Крюковой.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о существовании особенностей выученной беспомощности и копинг-стратегий у подростков из неполных семей.

В ходе исследования было выявлено, что наиболее выраженным компонентом выученной беспомощности подростков из неполных семей является эмоциональный (58,18), ассоциированный с тревожностью, лабильностью, депрессивностью, астеничностью. Когнитивный компонент выученной беспомощности подростков из неполных семей характеризуется высоким уровнем выраженности (58,15), что отражает пессимистический атрибутивный стиль, малую дивергентность и ригидность продуктивного мышления. Повышенный балл по переменной мотивационного компонента выученной беспомощности (55,6) указывает на сниженную самооценку, экстернальный локус контроля и низкий уровень притязаний испытуемых основной группы. Показатель волевого компонента выученной беспомощности у подростков из неполных семей выражен на среднем уровне (50,52), что говорит об их способности проявлять самообладание, самостоятельность, настойчивость и решительность. Подростки из полных семей продемонстрировали средний уровень выраженности по показателям когнитивного (47,41), эмоционального (46,82) и волевого (43,34) компонентов выученной беспомощности.

Интегральный показатель выученной беспомощности в основной группе (7,33) говорит о том, что подростки из неполных семей не обладают способностью к эффективной саморегуляции в затруднительных ситуациях. Вместе с тем, подростки из полных семей также характеризуются наличием риска формирования выученной

беспомощности, что подтверждается тенденцией к повышению интегрального показателя (6,13).

Для подростков из неполных семей наиболее типичны копинг-стратегии поиска поддержки (6,67) и поиска виновных (6,1). На среднем уровне выражена склонность подростков из основной группы к самообвинению (4,8). Наименее предпочитаемыми копингами подростков из неполных семей являются анализ проблемы (4,43) и повышение самооценки (4,4). Подростки из полных семей предпочитают копинг-стратегии «анализ проблемы» (6) и «повышение самооценки» (5,77). Испытуемые контрольной группы обнаруживают умеренную склонность к поиску внешней поддержки (5,43). Наименее часто подростки из полных семей прибегают к самообвинению (4,63) и поиску виновных (4,3).

Подростки из неполных семей отличаются предпочтением стратегий поиска социальной поддержки (65), дистанцирования (60,55) и бегства-избегания (60,55). Для них характерна сниженная склонность к планированию решения проблемы (42,96), принятию ответственности (41,67), положительной переоценке проблемы (40,63), самоконтролю (40,32) и конфронтации (40). У подростков из полных семей преобладающими копинг-стратегиями являются положительная переоценка (57,3), планирование решения проблемы (57,22), принятие ответственности (56,67), при достаточной выраженности склонности к самоконтролю (55,08). Они характеризуются умеренной предрасположенностью к копингам «конфронтация» (53,7), «поиск социальной поддержки» (53,7), «бегство-избегание» (50,97), «дистанцирование» (49,81).

Для статистической обработки данных был использован t-критерий Стьюдента в связи с наличием нормального распределения данных.

В соответствии с полученными результатами, у подростков из неполных семей значительно более выражена выученная беспомощность ($t=3,51$; $p<0,001$), что говорит об их сниженной способности к сознательной регуляции в затруднительных ситуациях. Высокий уровень статистических различий по шкале эмоционального компонента выученной беспомощности ($t=2,88$; $p<0,01$) свидетельствует, что для подростков из неполных семей в большей степени свойственны тревожность, депрессивность, ригидность и астеничность. Наличие статистически достоверных различий по шкале когнитивного компонента выученной беспомощности ($t=2,23$; $p<0,05$) говорит о том, что испытуемым основной группы в большей степени присущи пессимистический атрибутивный

стиль, малая дивергентность и ригидность продуктивного мышления. Исходя из различий по шкале мотивационного компонента выученной беспомощности ($t=2,38$; $p<0,05$) для подростков из неполных семей более свойственны сниженная самооценка, низкий уровень притязаний и экстернальный локус контроля. Установлены статистически значимые различия по шкале волевого компонента выученной беспомощности ($t=2,05$; $p<0,05$). Соответственно подростки из неполных семей характеризуются более низкой выраженностью самообладания, самостоятельности, настойчивости и решительности.

Установленные статистические различия свидетельствуют о том, что подростки из основной группы в большей степени склонны прибегать к копингам поиска виновных ($t=3,2$; $p<0,01$), поиска поддержки ($t=2,51$; $p<0,05$) и в меньшей степени – к стратегиям «анализ проблемы» ($t=2,77$; $p<0,01$) и «повышение самооценки» ($t=2,45$; $p<0,05$).

Исходя из установленных различий, подростки из неполных семей в большей степени склонны отдавать предпочтение стратегиям «дистанцирование» ($t=2,23$; $p<0,05$), «поиск социальной поддержки» ($t=2,28$; $p<0,05$) и «бегство-избегание» ($t=2,24$; $p<0,05$). В то же время, они продемонстрировали менее выраженную предрасположенность к копингам «конфронтация» ($2,82$; $p<0,01$), «самоконтроль» ($2,97$; $p<0,01$), «принятие ответственности» (3 ; $p<0,01$), «планирование» ($3,12$; $p<0,01$) и «положительная переоценка» ($3,43$; $p<0,01$).

Таким образом, в ходе исследования гипотеза была эмпирически подтверждена: существуют особенности выученной беспомощности и копинг-стратегий у подростков из неполных семей.

Соответственно, необходимой мерой является организация социально-психологического сопровождения подростков из неполных семей, направленная на коррекцию родительского отношения и нарушений стиля семейного воспитания, формирование адекватных ожиданий относительно ребенка, гармонизацию детско-родительских отношений, создание благоприятной социально-психологической атмосферы в семье, повышение педагогической компетентности родителей. Неотъемлемыми аспектами сопровождения представляются коррекция самоотношения и самовосприятия подростков, повышение уверенности в себе, развитие решительности и социальной смелости, воспитание самообладания, настойчивости, самостоятельности, целеустремленности. Важными задачами являются коррекция атрибутивного стиля подростков, развитие гибкости мышления, создание условий для реализации и развития

творческого потенциала, формирование уверенности в собственных силах и способностях, оптимизация уровня притязаний, повышение мотивации к успеху, смещение локус контроля в сторону интернального, развитие эмоциональной устойчивости, коррекция тревожности, беспокойства, депрессивных и астенических симптомов. Данные задачи могут быть решены в рамках тренинговой работы и социально-значимой коллективной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Бурова, С. Н. Неполная семья в Беларуси: социологический анализ / С. Н. Бурова // СОТИС-социальные технологии, исследования. – 2020. – № 2. – С. 7–21.
2. Климова, М. О. Особенности регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью: дисс. канд. ... психол. наук: 19.00.13 / М.О. Климова; ФГБОУВО «Челябинский государственный университет». – Челябинск, 2017. – 170 л.
3. Ковалева, Е. А. Проблема оптимизации детско-родительских взаимоотношений в неполной семье / Е.А. Ковалева, И.В. Сулима // Педагогические науки. – 2018. – № 7. – С. 102–108.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2021 / под ред. И.В. Медведевой [и др.]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – 407 с.
5. Шиповская, В. В. Личностная беспомощность: особенности проявления в сложных ситуациях: дисс. канд. ... психол. наук: 19.00.01 / В.В. Шиповская; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2009. – 196 л.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ У МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА

М. П. Вожуй

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
vozhuji@yandex.ru*

*Научный руководитель – Красовская Наталья Николаевна, кандидат
социологических наук, доцент, заведующая кафедрой
социальной работы и реабилитологии*

Каждый человек в своей жизни систематически сталкивается с необходимостью адаптации к условиям жизнедеятельности, различным коллективам. Адаптация молодых специалистов к выполнению ими профессиональных функций является важной задачей любой профессиональной среды. В процессе социально-

психологической адаптации работник должен не только приспособиться к новому месту работы и условиям трудовой деятельности, но и усовершенствовать свои деловые и личностные качества, выстроить эффективную систему межличностных взаимоотношений в трудовом коллективе.

Ключевые слова: молодые специалисты; специалисты медицинского профиля; социально-психологическая адаптация; стратегии поведения; конфликты; успешность адаптации.

Под адаптацией понимается «односторонний или взаимный процесс и результат изменения субъекта и объекта (среды) с целью приведения их в соответствие друг с другом. Адаптация включает не только осознанные, контролируемые, целенаправленные, но и стихийные, спонтанные взаимодействия и процессы» [4, с. 235].

Особенно важна социально-психологическая адаптация как процесс взаимодействия личности и социальной среды, которое приводит к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и группы. Она предполагает активную позицию личности, осознание своего социального статуса и связанного с ним ролевого поведения как формы реализации индивидуальных возможностей личности в процессе решения ею общегрупповых задач [3].

Одной из важнейших особенностей адаптационного процесса является его активный характер, который заключается в познании нового социального окружения, конструировании и применении новых стратегий и тактик поведения, общения и деятельности, в выработке средств решения поставленных задач и достижения целей [1].

А.А. Алексиевский описывает четыре этапа адаптации молодого специалиста в организации.

На первом этапе, который относится ко времени завершения студентами учебы в вузе, факторами влияния выступают социокультурная среда учебного заведения, нацеленная на усвоение основ профессиональной культуры, и внешняя профессиональная среда, являющаяся мотиватором интереса будущих специалистов к конкретной сфере трудовой деятельности.

На втором этапе (первый год работы в организации) осуществляются общая ориентация и вступление в должность. В это время происходит первичное «вхождение» молодого специалиста в организационную культуру организации, под влиянием которой происходит самоактуализация в профессии, а также знакомство с деятельностью организации, усвоение существующих в ней норм и ценностей.

На третьем этапе, относящемся ко второму году работы молодого специалиста, осуществляется действенная ориентация: происходит завершение начального периода адаптации, свидетельством чего выступает появление защитных поведенческих реакций для устранения конфликтов, возникающих в процессе трудовой деятельности.

Четвертый этап (третий год работы в организации) характеризуется свободным владением своей профессией (компетентность и мастерство), а также отождествлением личных целей молодого специалиста с целями организации, в которой он работает [1].

В отечественной психологии С.Ю. Головин отмечает, что в основе любого конфликта лежит ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какому-то поводу, либо противоположные цели или средства их достижения в данных условиях, либо несовпадение интересов, желаний, влечений оппонентов и пр. [2, с. 55].

Каждый человек в повседневной жизни использует ряд методов и приемов для того, чтобы выйти из конфликтных ситуаций. Иными словами, такое поведение можно назвать стратегиями поведения. Н.В. Гришина выделила стратегии поведения в конфликте: уход от конфликтного взаимодействия, борьба с собой или с партнёром, доминирование, диалог [5].

С целью выявления взаимосвязи социально-психологической адаптации и стратегий поведения в конфликте у молодых специалистов в условиях трудового коллектива было организовано и проведено эмпирическое исследование.

Объектом данного исследования стали социально-психологическая адаптация и стратегии поведения в конфликте молодых специалистов. В качестве основного диагностического инструментария использовались: методика изучения социально-психологической адаптации индивида в группе и подгруппе (А.В. Сидоренков); методика диагностики социально-психологической адаптивности (К. Роджерс, Р. Даймонд); методика определения типа поведения в конфликтной ситуации (К. Томас, Р. Килманн).

В исследовании приняли участие 60 человек – молодых специалистов медицинского профиля, возраст которых - 20-26 лет, стаж работы - от 6-ти месяцев до 2-х лет.

На первом этапе эмпирического исследования был выявлен уровень социально-психологической адаптации молодых специалистов медицинского профиля в трудовом коллективе.

Первый этап исследования показал, что у большинства респондентов отмечается тенденция к высокому уровню социально-психологической адаптации – 43%, у 20% - высокий уровень, у 23% - средний. Для 7% характерна тенденция к низкому уровню и у такого же количества отмечается низкий уровень адаптации.

Также исследование показало, что высокая дезадаптация присуща для 8% молодых специалистов медицинского профиля. Средний уровень отмечается у 34% и низкий - у 58%. На уровне выше среднего выражены такие показатели социально-психологической адаптации как самопринятие, принятие других и эмоциональный комфорт, на среднем уровне проявляются интернальность и стремление к доминированию.

Далее необходимо было диагностировать доминирующие стратегии поведения в конфликте у молодых специалистов медицинского профиля. Результаты показали, что на первом месте стоит избегание ($M=6,96$), на втором – сотрудничество ($M=5,91$), на третьем - приспособление и компромисс ($M=5,68$). Меньше всего проявляется соперничество ($M=5,75$).

На завершающем этапе исследования была поставлена задача: установить взаимосвязь между социально-психологической адаптацией и стратегиями поведения в конфликте у молодых специалистов.

На основании полученных данных следует заключить, что существуют статистически значимые положительные связи между такими переменными, как: социальная адаптация и стратегия поведения в конфликте «компромисс» ($R=0,339$, при вероятности ошибки $p \leq 0,05$); принятие других и стратегия поведения в конфликте «сотрудничество» ($R=0,44$, при вероятности ошибки $p \leq 0,05$); доминирование и стратегия поведения в конфликте «соперничество» ($R=0,34$, при вероятности ошибки $p \leq 0,05$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование подтвердило предположение о том, что существует взаимосвязь между социально-психологической адаптацией и стратегиями поведения в конфликте у молодых специалистов медицинского профиля.

Библиографические ссылки

1. *Алексеевский, А. А.* Социально-профессиональная адаптация молодых специалистов: факторы влияния, критерии и показатели / А.А. Алексеевский // Символ науки. - 2015. - № 6. - С. 344 – 346.
2. *Головин, С. Ю.* Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 2010. – 576 с.

3. *Лаптиева, Л. Н.* Проблема профессиональной адаптации выпускников медицинских колледжей и перспективы ее решения / Л.Н. Лаптиева, Е.И. Рублевская, Т. С. Дивакова // Медицинские новости. – 2013. – № 11. – С. 48 –51.
4. *Сидоренков, А. В.* Малая групп и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория: монография / А.В. Сидоренков. – Ростов н/Д.: изд-во ЮФУ, 2010. – 272 с.
5. *Гришина, Н. В.* Давайте договоримся. Практическое пособие для тех, кому приходится разрешать конфликты / Н. В. Гришина. – СПб. : Сова, 1993. – 86 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЕКТА КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОФАЙЛИНГА У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В. В. Гончарик

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vikka.rs@ya.ru

*Научный руководитель – Ачинович Тереза Иосифовна, магистр
педагогической психологии, старший преподаватель кафедры социальной
работы и реабилитологии*

В статье осуществлен анализ понятий профайлинга и эмоционального интеллекта – раскрытие их сущности. А также представлены результаты исследования, направленного на выявления особенностей эмоционального интеллекта у студентов гуманитарных специальностей. По ходу раскрытия результатов исследования делаются умозаключения, касающиеся уровня развития эмоционального интеллекта на разных стадиях обучения, влияние фактора получения образования в гуманитарной направленности на данный феномен и т.д. Целью исследования является выявление различий в уровне эмоционального интеллекта у студентов гуманитарных специальностей, в частности специальностей: социальная работа и психология, 1-3 курс. Гипотеза заключается в том, что получение образования гуманитарной направленности в частности в психологическом направлении способствует развитию эмоционального интеллекта, в особенности как составляющей профайлинга.

Ключевые слова: профайлинг; эмоции; эмоциональный интеллект.

Профайлинг – это относительно молодая наука, даже базовые знания о профилировании помогают лучше понять любого собеседника и определить, как он поведёт себя в определенных ситуациях [1].

Профайлинг помогает установить тип личности другого человека по определенным признакам поведения: эмоциям, реакциям, речи, стилю мышления, мимике и пантомимике, внешнему виду.

Следовательно, можно выделить следующие возможности профайлинга:

- Лучшее понимание собеседника и возможность договариваться на более выгодных для себя условиях;
- Прогнозирование поведения и поступков окружающих людей;
- Способность сразу замечать, что человек врёт;
- Точная оценка личностных характеристик кандидатов при приёме на работу (определение их заинтересованности, уровня ответственности, честности, порядочности, степени конфликтности);
- Определение сильных и слабых сторон человека, выявление недостатков, о которых он сам предпочитает умалчивать;
- Определение реальных целей людей, скрывающих свои намерения [1].

Актуальность работы обусловлена эффективностью методов профайлинга при рассмотрении структуры личности, что позволит специалистам лучше понимать клиентов и увеличить эффективность проводимых психологических консультаций и т.п., а в случае чего предотвращать ситуации, которые могли бы нанести вред клиенту или окружающим его людям. Качество контакта, который складывается в протестовой беседе, без применения аппаратуры, а лишь в процессе объяснения процедуры и предварительного сбора данных о типичных реакциях опрашиваемого лица, во многом определяет точность и достоверность последующих выводов, которые делаются на основании проведенных измерений реакций человека на контрольные вопросы. В основе этого лежат коммуникативно-организационные способности специалиста и его эмоциональный интеллект.

В данной работе мы конкретнее рассмотрим эмоциональный интеллект как составляющую профайлинга.

Определение лжи клиента является основной целью профайлера. А каждая из семи эмоций, имеющих универсальные выражения может оказаться очень важной при выявлении обмана, т.к. может опровергать то, что было сказано клиентом, или противоречит той линии поведения, которой он придерживается. Если же выражение лица соответствует словам и общей линии поведения клиента, то нет никаких оснований подозревать человека во лжи [2, с. 247]. Эмоции являются яркими индикаторами обмана.

Следовательно, фундаментом для работы профайлера напрямую с клиентами становится умение определять эмоции человека по его

микровыражениям, а также другим невербальным жестам. Эмоции являются бессознательными сигналами психики человека, особыми реакциями на окружающую действительность. Важность определения эмоций для профайлера заключается в том, что все бихевиоральные индикаторы обмана являются эмоциональными [3, с. 265].

Эмоциональный интеллект является важным фактором адаптации, оптимизации межличностного взаимодействия, просоциального и иного позитивного поведения.

Эмоциональный интеллект рассматривается как подструктура социального интеллекта, которая включает способность наблюдать собственные эмоции и эмоции других людей, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением и действиями [4].

Первая и наиболее известная в научной психологии модель эмоционального интеллекта была разработана Питером Сэловеем и Джоном Мэйером; ими же был введен в психологию и сам термин «эмоциональный интеллект».

Эмоциональный интеллект – способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий [4, с. 189].

Эмоциональный интеллект трактовался как сложный конструкт, состоящий из отдельных, взаимосвязанных способностей:

1. Идентификация эмоций. Включает ряд связанных между собой способностей, таких, как восприятие эмоций (т. е. способность заметить сам факт наличия эмоции), их идентификация, адекватное выражение, различение подлинных эмоций и их имитации.

2. Использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности. Включает способность использовать эмоции для направления внимания на важные события, вызывать эмоции, которые способствуют решению задач (например, использовать хорошее настроение для порождения творческих идей), использовать колебания настроения как средство анализа разных точек зрения на проблему.

3. Понимание эмоций. Способность понимать комплексы эмоций, связи между эмоциями, переходы от одной эмоции к другой, причины эмоций, вербальную информацию об эмоциях.

4. Управление эмоциями. Способность к контролю за эмоциями, снижению интенсивности отрицательных эмоций, осознанию своих эмоций, в том числе и неприятных, способность к решению эмоционально нагруженных проблем без подавления связанных с ними отрицательных

эмоций. Способствует личностному росту и улучшению межличностных отношений [4].

Учитывая вышесказанное, мы придерживаемся понимания эмоционального интеллекта как вида интеллекта, отвечающего за распознавание, понимание, использование и управление эмоциями, как собственными, так и окружающих людей, с которыми субъект вступает во взаимодействие [4].

Современные философы вслед за мыслителями древности подчеркивают актуальность проблемы развития эмоциональной компетентности — открытости человека своим эмоциональным переживаниям, связывая ее возможности с гармоничным взаимодействием сердца и разума, аффекта и интеллекта [5;6].

Эмоциональный интеллект не содержит в себе общие представления о себе и оценку других. Он фокусирует внимание на познании и использовании собственных и эмоциональных состояний и эмоций окружающих для решения проблем и регуляции поведения.

Профессия психолога предполагает погружение во внутренний мир клиента и работу с ним — любая недостоверность в психологическом портрете или принятом решении может привести к дальнейшим трудностям в решении поставленных задач и т.п. В решении данной проблемы большую роль играет развитие у специалистов эмоционального интеллекта.

В связи с этим на базе БГУ ФФСН было проведено исследование уровня эмоционального интеллекта у студентов гуманитарных специальностей, участие в котором приняло 60 студентов специальностей социальная работа и психология (30 по каждой специальности, по 10 на 1-3 курс).

Методика: Тест (опросник) эмоционального интеллекта Люсина.

По средним показателям полученных данных общего уровня эмоционального интеллекта: 1 курс — 85 баллов, 2 курс — 87.5, 3 курс — 89.3, мы можем видеть, что прогресс есть, следовательно, получение образования гуманитарной направленности в частности в психологическом направлении способствует развитию эмоционального интеллекта.

Однако приведённые результаты являются средними показателями эмоционального интеллекта, что свидетельствует о важной роли личностных особенностей респондента, т.к. при рассмотрении выборки можно было наблюдать яркие показатели в 130 баллов и в 50.

Но как особенность можно отметить что средние показатели общего уровня эмоционального интеллекта у специальности социальная работа: 1 курс – 82 баллов, 2 курс – 85.5, 3 курс – 89, чуть ниже чем у представителей специальности психология: 1 курс – 88 баллов, 2 курс – 89.5, 3 курс – 89.5.

Так же как особенности эмоционального интеллекта мы можем рассмотреть его составляющие показатели: особенности проявления межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта пропорционально возрастают с 1 по 3 курс, как и общий уровень эмоционального интеллекта.

Что касается понимания эмоций, здесь средний уровень в 45 баллов одинаковый как на разных специальностях, так и на разных курсах.

В управлении эмоциями мы видим пропорциональное возрастание, как и в общем уровне эмоционального интеллекта.

Что в особенности хочется отметить специальность социальная работа как в управлении, так и в понимании больше ориентирована на чужие эмоции (управление чужими эмоциями – 20 баллов, понимание чужих эмоций – 26 баллов; специальность психология соответственно 18 и 25 баллов), а специальность психология на понимание и управление своими эмоциями (управление своими эмоциями – 15 баллов, понимание своих эмоций - 20; специальность социальная работа соответственно 13 и 20 баллов).

Библиографические ссылки

1. *Ткаченко, Д.* Профайлинг в психологии: что это простыми словами [Электронный ресурс] / Психология – 2020. – Режим доступа: <https://dnevnik-znaniy.ru/psixologiya/profajling-v-psixologii-cto-eto.html>. – Дата доступа: 15.05.2021
2. *Экман, П.* Психология лжи / П. Экман. – 4-е изд./ Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2015. – 304 с.: ил. – (Серия "Мастера психологии").
3. *Экман, П.* Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. / П. Экман. – 2-е изд./ Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2016. – 334 с.: ил. – (Серия "Сам себе психолог").
4. *Salovey P., Mayer J. D.* Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol. 9. № 3. P. 185- 211.
5. *Слепкова В. И., Liet T. De Vries-Geervilet.* Развитие эмоциональной компетентности средствами психологического тренинга // *Актуальные проблемы кризисной психологии: Сб. науч. тр.* – Минск, 1997. – С. 130–137.
6. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ И ГРУППОВОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

А. А. Загорская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alexandra.zagorskaya01@gmail.com

Научный руководитель: Ачинович Тереза Иосифовна, старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии

В статье автор обращается к проблеме теоретических основ работы с метафорическими ассоциативными картами, психологических явлениях, на которых основана работа с картами. В статье представлена обобщенные сведения по теме, с целью повышения информирования и расширения знаний у применяющих методику консультантов, а также привлечение внимания специалистов, которые редко сталкиваются с данным подходом. Исходя из чего вытекает актуальность данной статьи: осмысление теоретических основ и принципов работы МАК, обобщение опыта практического применения карт в индивидуальной и групповой психологической работе, обзор различных колод и применение их для разных случаев.

Ключевые слова: метафорические ассоциативные карты; консультация; метафора; колода; изображение.

Несколько десятков лет назад был разработан инновационный инструмент работы, который быстро оказался очень востребован у психологов-консультантов и психотерапевтов. Этим инструментом стали «Метафорические ассоциативные карты» (МАК). Первой среди многочисленных колод МАК стали «О-карты» (OH Cards, от английского междометия «Oh», которое выражает удивлением, т.к. после работы с ними чувствуется именно оно). Карты были созданы в Германии в 1985 художником Эли Раманом, психотерапевтом Джо Шлихтером и издателем Моритцем Эгетмаером.

Метафорические ассоциативные карты - это, чаще всего, картинки, размером, примерно, со стандартную игральную карту, которые не имеют конкретных значений и интерпретаций. Задействование МАК предоставляет возможность параллельной работы с разными сферами клиента: с эмоциональной, ментальной, телесной.

Использование метафорических ассоциативных карт основано на следующем: в процессе консультирования выявляются закономерности функционирования личности, которые связаны с переживанием и восприятием окружающей реальности. Так как восприятие и апперцепция

являются избирательными, клиент в изображении на карте видит именно то, что соответствует его переживаниям, которые связаны не только с его актуальными жизненными ситуациями и трудностями, но и с прошлым опытом, травмами, парадигмой жизни. При работе с МАК присутствует зрительный ряд, а также нарративная практика, выступающая источником дальнейших интервенций в ходе консультирования, поэтому в какой-то степени карты выступают в роли мультимодальной стимуляции, которые инициируют у клиента различные ассоциации.

Карты основаны на использовании различных психологических явлений, одно из которых - проекция. Через проекцию на неоднозначные стимулы бессознательное может быть обнаружено при интерпретации клиентом рассказов или изображений. Такие методы благоприятствуют снижению механизмов психологической защиты личности, что позволяет заглянуть в то, что наиболее глубоко скрыто и ускользает при использовании традиционных приемов [2]. Благодаря использованию карт могут быть выявлены поведенческие паттерны и вытесненные переживания.

Следующий психологический механизм, на котором основано действие МАК – идентификация, которая способствует вовлечению клиента в консультативную беседу посредством обсуждения картинки.

Перед консультантом, применяющим метафорические ассоциативные карты возникают следующие задачи: наблюдение и интерпретация ассоциаций клиента, их ширину и глубину относительно конкретного значимого образа. Поэтому основным способом работы с МАК выступают коммуникативные техники, например инициирование «диалога с картой», перефразирование, выслушивание, резюмирование [1].

При работе с МАК существуют несколько этапов, на которых важно направлять клиента подходящими вопросами: вызывающие у клиента ассоциирование различных образов, ситуаций и объектов (этап идентификации образов), изучению и интерпретированию разных символов проблем (этапы идентификации и осмысления проблем), поиск вариантов решения проблем (этап принятия решения) [4].

Метафора помогает точно описать невысказанное, и опыт, заключённый в ней, становится опытом человека. Достаточно часто клиент не готов рассказать все о своих «скелетах в шкафу» или не может точно описать, что с ним происходит. В этих случаях мы можем работать как бы без содержания, предлагая клиенту найти карты, метафорически

отображающие проблему или состояние, а потом преступаем к их описанию [3]. Метафоричность изображений МАК даёт возможность клиентам посмотреть на проблемы и переживания со стороны, более абстрагировано. Зрительные метафоры, цветовое оформление и символы на изображениях самим по себе воздействуют на внутренний мир клиента, а когда они дополнительно подкреплены словесными метафорами, это усиливает эффект, ещё больше откликаясь в сознании клиента.

Также с точки зрения гуманистической (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Ш. Бюлер, Р. Мэй и др.) и позитивной психологии (М. Селигман) [2], можно утверждать, что работа с МАК представляет собой интегративный подход к пониманию проблемы, роли клиента и консультанта в ее решении.

Мы забываем о том, что у нашего бессознательного уже есть ответы, какой сделать выбор, где искать решение, в чем увидеть помощь, как правильно поступить. Нужно лишь прислушаться к нему, то есть к себе. В этом и помогают карты. Они не являются ответом на нерешаемые загадки, таким ответом являются люди, карты лишь напоминают о том, что мы упускаем из виду, о том, что вытесняется нашим сознанием, о том, что иногда мы и вовсе не хотим замечать. Таким образом карты выступают в роли "катализатора" инсайта. При работе с картами клиент может сконцентрироваться на своих эмоциях в определенной ситуации, если ему их там не хватает, посредством цветовой гаммы и расположении элементов на изображениях. Если же эмоции наоборот мешают "мыслить здраво", символические образы помогут взглянуть на ситуацию под другим углом и на расстоянии, сфокусироваться на происходящем и на анализе ситуации. В таком случае у человека появляется возможность трезво оценить ситуацию, не подавляя свои переживания, но и не утопать в них. Таким образом МАК предоставляют возможность "диалога" со своими эмоциями для анализа "сценария" ситуации. Есть у карт связь и с гештальт-терапией: принцип отношения фигуры и фона. Поэтому у карт нет «правильного- неправильного» значения. Также нельзя говорить, что есть и «хорошие-плохие» - все они важны для клиента, а значит важны и для консультирования. В работе с группой использовать карты можно разыгрывая сценки, которые изображены на иллюстрации, это помогает людям лучше понять друг друга: одна и та же картинка понимается по-разному, а также играя роль персонажа, участники могут узнать кого-то из остальной группы.

Так как метафорические карты применяются в разных ситуациях, в настоящее время существует множество колод со своей спецификой. По целевым предназначениям метафорические карты могут быть:

Универсальные: Изображением образов, сценариев, характеров и эмоций, используются для различных вопросов и способны проработать практически любую ситуацию. К ним относятся колоды: «Эмоции судьбы» (работа с «Я»-концепцией, самопознание, личностный рост); «ОХ» (определение своего предназначения и роли в мире); «Одиночество» (помощь одиноким людям);

Портретные: На картах изображены люди и животные (лица или образы), подходят для проработки любой проблемы. «Персона» (помогают в самопознании и в исследовании своего отношения к другим людям); «Характер и личность» (проблемы, возникшие в детстве, в супружеских отношениях, в коллективе, а также решать конфликтные ситуации);

Ресурсные: Это разные сценки, события, пейзажи, стимулирующие человека обнаружить в себе тот или иной ресурс, вдохновляют на новые позитивные решения и действия. «Сага» (активизирование творческого мышления, воображения, способностей); «Экко» (выявление креативного потенциала); «Морена» (нахождение простого способа стать счастливым);

Специальные: Работы с конкретной ситуацией при помощи соответствующего изображения «Танду» (ориентированы на отработку и коррекцию отношений в паре); «Из сундука прошлого» (предназначены для проработки детских страхов и травмирующих воспоминаний).[5].

Таким образом, важными функциями карт в консультативном процессе являются: целенаправленное исследование внутреннего пространства клиента, его проблемных зон при помощи ассоциаций клиента, выделяемых им образов; и метафорические интервенции, которые помогают найти пути и ресурсы преодоления проблем.

Библиографические ссылки

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди/ – М.: Эксмо, 2012
2. Бурлачук Л. Ф. Введение в проективную психодиагностику /– К.: Вища школа, 1998
3. Киршке В. Клубника за окном. Ассоциативные карты для коммуникации и творчества/ В. Киршке – ОН Verlag. – 2010.
4. Попова Г.В., Милорадова Н.Э. Алгоритмы применения метафорических ассоциативных карт в индивидуальном консультировании / - Харьков: ХНУВС- 2013.
5. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://acc.uraltraining.ru/> Дата обращения: 22.04.2022

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Д. Д. Игнатчик

Белорусский государственный университет, г. Минск;

dina.ignatchik@gmail.com

Научный руководитель – Дворецкая Виктория Александровна, старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии

В публикации автор обращается к тому, как влияет современный информационный поток на эмоциональное состояние человека.

Ключевые слова: влияние; информация; информационный поток; эмоциональное состояние; Интернет.

В настоящее время современное общество повсеместно связано развитием информационной среды. Люди и страны связаны между собой коммуникативно-информационным потоком, и жизни людей становятся все больше зависимы от них. И это не может не влиять на человека с разнообразных сторон. Рассмотрим, как влияет информационный поток на эмоциональную составляющую человека.

Различные исследования показывают, что при длительном воздействии информационного потока, которое превышает допустимый предел для человека, может развиваться информационная перегрузка, которая приводит к утомлению нервных центров и приводит к торможению умственной активности. «Второй аспект наносимого ущерба – развитие метапатологий как реакции на фрустрацию основных жизненных целей и ценностей. Симптомами метапатологий можно выделить – депрессию, ощущение бессмысленности существования, безнадежность, негативизм» [1, с. 81]

Информационный поток средств массовой коммуникации (СМК) воздействует на человека на разных уровнях, начиная с биофизического уровня (ритм и темп воздействия гармоника) и заканчивая уровнем категоризации картины мира человека. Один из важнейших, или базовых уровней, это эмоциональный уровень воздействия.

Каждый из нас читает и смотрит новости по телевизору, тем или иным образом мы эмоционально реагируем на новости. Если новость хорошая так или иначе мы обрадуемся и наше эмоциональное состояние весь день будет хорошее, и так же это будет в обратную сторону, если новости

плохие, то мы будем показывать негатив, и эмоциональное состояние человека будет не лучшим.

Процесс восприятия и идентификации эмоциональных переживаний с монитора компьютера имеет свою специфику по сравнению с восприятием эмоций в ситуации непосредственного межличностного контакта: обнаруживается усиление смысловой коммуникативной составляющей в эмоциях, дополнительно приписываемых испытываемыми героям видеофрагментов. Эти эмоции можно назвать коммуникативными. Они описывают отношение зрителя к человеку на экране или ожидаемое зрителем отношение к себе человека на экране. Другими словами, можно сказать, что как только лицо человека на телеэкране или мониторе компьютера начинает выражать какую-либо эмоцию, то есть перестает быть эмоционально нейтральным в восприятии зрителя, то зритель ощущает себя оказавшимся в ситуации коммуникации.[1, с. 441]

Библиографические ссылки

1. *Барабаничиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН, 2004.
2. *Козырева А. Ю.* Информационно-психологическая безопасность в практике дипломатической службы. – М., 2004.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И АГРЕССИВНОСТЬ У ЛИЦ С ГИПЕРТОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ

А. И. Картавенкова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

askopets97@mail.ru

*Научный руководитель – Стволыгин Константин Владимирович, доцент
кафедры социальной работы и реабилитологии*

В публикации автор затрагивает проблему взаимосвязи эмоционального выгорания и агрессивности у лиц с гипертонической болезнью. В статье представлены данные исследования, проведенного на базе учреждения здравоохранения «Городская станция скорой медицинской помощи» г. Минска. Цель исследования – выявить взаимосвязь эмоционального выгорания и агрессивности у лиц с гипертонической болезнью.

Ключевые слова: лица с гипертонической болезнью; эмоциональное выгорание, агрессивность.

Актуальность исследования взаимосвязи эмоционального выгорания и агрессивности лиц с гипертонической болезнью обусловлена крайне высокой распространенностью этой болезни. В Республике Беларусь от гипертонической болезни страдает около 2 миллионов человек [7]. Необходимо отметить, что гипертоническая болезнь является одним из наиболее важных управляемых факторов смертности от болезней системы кровообращения. Следствием гипертонической болезни является поражение органов-мишеней, приводящее к развитию сердечно-сосудистых осложнений, к которым относятся инсульт, инфаркт миокарда, сердечная и почечная недостаточность. По статистическим данным около 80% случаев инсульта и более 50% случаев инфаркта миокарда обусловлены хроническим повышением артериального давления [2].

Значимую роль в возникновении гипертонической болезни играют социально-психологические факторы, в том числе, специфика и характер профессиональной деятельности. Согласно ряда научных источников, гипертоническая болезнь является стресс-ассоциированным заболеванием, т.е. формируется под влиянием воздействия неблагоприятных факторов среды. Лица трудоспособного возраста в наибольшей степени подвергаются стрессу в рамках профессиональной деятельности, что, с одной стороны, является предпосылкой для развития эмоционального выгорания, с другой стороны – создает риск возникновения гипертонической болезни[5].

Проблема эмоционального выгорания рассматривается в научных работах Г.С. Абрамова, Ю.А. Юдчиц, В.Е. Орел, в том числе белорусскими учеными Л.П. Васильевой, М.М. Скугаревской, С.А. Игумновым, И.П. Левицкой, А.Н. Мамась, В.А. Рудницкого, Д.С. Зайко, Е.И. Комковой, А.Г. Илюковича, М.С. Мурашкина, И.А. Сыча, А.Н. Гордеевой и др. Вместе с тем, проведенные исследования практически не содержат данных о специфике эмоционального выгорания у лиц с гипертонической болезнью.

Также представляет интерес изучение агрессивности лиц с гипертонической болезнью, под которой понимается устойчивая готовность к проявлению агрессии. Высокий уровень агрессивности ассоциирован с возбудимостью, эмоциональной лабильностью, низким уровнем нервно-психической устойчивости, избыточным эмоциональным реагированием, склонностью к длительным переживаниям, которые, в свою очередь, существенным образом повышают нагрузку на сердечно-сосудистую систему [1].

Агрессивность людей с гипертонической болезнью затрагивается в трудах Г.Ф. Андреевой, Ж.Ф. Прохоровой, В.В. Долгих, Л.А. Колгудаевой, Р.В. Бисалиева, С.С. Буновой, О.И. Косенковой, Е.Н. Загоруйко и др. Однако исследования по данной тематике, как правило, проводятся на выборке подростков. При этом в научной литературе не раскрыта взаимосвязь эмоционального выгорания и агрессивности лиц, страдающих гипертонической болезнью, что подтверждает высокую актуальность проведенного нами исследования.

Для изучения взаимосвязи и особенностей эмоционального выгорания и агрессивности у лиц с гипертонической болезнью было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 40 лиц с гипертонической болезнью I и II степени в возрасте 40–55 лет. В рамках исследования применялись методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко [3] и опросник исследования уровня агрессивности А. Басса, А. Дарки, стандартизированный А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым, Ю.А. Кузнецовой [6].

В ходе изучения особенностей эмоционального выгорания лиц с гипертонической болезнью было установлено, что фаза напряжения является сложившейся у 17 испытуемых с гипертонической болезнью (42,5%). Данные испытуемые подвергаются хроническому психотравмирующему воздействию высокой степени интенсивности. На стадии формирования данная фаза находится у 22 испытуемых с гипертонической болезнью (55%). Соответственно, значительный процент лиц, страдающих гипертонической болезнью, подвержен высокому риску формирования синдрома эмоционального выгорания. Фаза напряжения является не сложившейся лишь у одного испытуемого с артериальной гипертензией (2,5%). Фаза резистентности сложилась у 10 испытуемых с гипертонической болезнью (25%). У данных испытуемых активизировались эмоциональные защиты, направленные на снижение негативного влияния внешних обстоятельств, что существенным образом отразилось на их поведении и системе отношений с окружающим миром. На стадии формирования фаза резистентности находится у 30 испытуемых с артериальной гипертензией (75%). Испытуемые с не сложившейся фазой резистентности отсутствовали. Фаза истощения сложилась у 3 испытуемых с артериальной гипертензией (7,5%). Для данных испытуемых характерны ослабление нервной системы, снижение энергетических ресурсов организма, высокая интенсивность эмоциональных защит. На стадии формирования фаза истощения находится у 34 испытуемых с

гипертонической болезнью (85%). Не сформирована фаза истощения у 3 испытуемых с артериальной гипертензией (7,5%).

В результате изучения агрессивности лиц с гипертонической болезнью было установлено, что высокий уровень физической агрессии свойственен 8 испытуемым с гипертонической болезнью (20%). Высоким уровнем вербальной агрессии характеризуются 22 испытуемых с гипертонической болезнью (55%). Косвенная агрессия выражена на высоком уровне у 11 испытуемых с гипертонической болезнью (27,5%). Высоким уровнем негативизма отличаются 14 испытуемых с гипертонической болезнью (35%). Раздражение выражено на высоком уровне у 14 испытуемых с гипертонической болезнью (35%). 5 испытуемых с гипертонической болезнью (12,5%) отличаются высокой подозрительностью. Обида выражена на высоком уровне у 17 испытуемых с гипертонической болезнью (42,5%). Интенсивное чувство вины переживают 4 испытуемых с гипертонической болезнью (10%). Высокий уровень агрессивности установлен у 12 испытуемых с гипертонической болезнью (30%). Высокой враждебностью характеризуются 10 испытуемых (25%).

Для установления взаимосвязи эмоционального выгорания и агрессивности лиц с гипертонической болезнью применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В результате статистической обработки данных были выявлены прямые статистически значимые связи между:

- фазой напряжения и вербальной агрессией ($r=0,376$; $p<0,05$);
- фазой напряжения и косвенной агрессией ($r=0,36$; $p<0,05$);
- фазой напряжения и подозрительностью ($r=0,416$; $p<0,01$);
- фазой напряжения и индексом агрессивности ($r=0,442$; $p<0,01$);
- фазой напряжения и индексом враждебности ($r=0,359$; $p<0,05$).

Исходя из результатов корреляционного анализа, сложившаяся фаза напряжения у лиц, страдающих гипертонической болезнью, сопряжена с высоким уровнем готовности к проявлению агрессии, негативными установками по отношению к другим людям. Чем выше выраженность фазы напряжения у лиц с артериальной гипертензией, тем в большей степени они склонны к вербальному выражению агрессии, ее перенаправлению на другие объекты, проявлению недоверия и подозрительности по отношению к окружающим.

Полученные результаты позволяют предположить, что переживание хронического психоэмоционального стресса, характерное для фазы напряжения, может потенцировать повышение уровня личностной

агрессивности и различных форм агрессии у лиц с гипертонической болезнью. В то же время, личностная агрессивность, предрасположенность к проявлению отдельных форм агрессии могут выступать в качестве фактора, усугубляющего психотравмирующее влияние профессиональной среды, соответственно, способствующего прогрессированию гипертонической болезни. Это требует включения в программу школ для больных с артериальной гипертензией практических мер, направленных на профилактику и коррекцию эмоционального выгорания больных, снижение уровня их агрессивности.

Библиографические ссылки

1. *Березина, Т. Н.* Психологические факторы развития сердечно-сосудистых заболеваний на разных этапах жизненного пути / Т.Н. Березина // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2020. – № 1. – С. 75–84.
2. *Боброва, А. Г.* Профилактика заболеваний – приоритет Беларуси на пути к долголетию / А.Г. Боброва // Наука и инновации. – 2021. – № 1 – С. 65–69.
3. *Бойко, В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. – М.: Филинь, 1996 – 472 с.
4. *Стволыгин, К. В.* Методология и методы исследования в социальной работе: учебное пособие / К.В. Стволыгин. – Минск: РИВШ, 2021. – 300 с.
5. *Стрижаков, Л. А.* Артериальная гипертензия с позиции оценки профессиональных рисков / С.А. Бабанов, Д.К. Борисова // Профилактическая медицина. – 2021. – № 1. – С. 118–123.
6. *Хван, А. А.* Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки / А.А. Хван, Ю.А. Зайцев, Ю.А. Кузнецова // Психологическая диагностика. – 2008. – № 1. – С. 35–58.
7. *Чаулин, А. М.* Кардиология в Беларуси / А.М. Чаулин, Д.В. Дупляков // Кардиология. – 2022. – № 1. – С. 80–94.

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ И СИЛЫ ВОЛИ ЛИЧНОСТИ

В. В. Манкевич

Белорусский государственный университет, Минск;

v-mankevich@mail.ru

*Научный руководитель – Языкова Ольга Михайловна,
преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии*

Статья посвящена воздействию верховой езды на лидерский потенциал и силу воли личности. Рассмотрены и проанализированы предпосылки и механизмы влияния лошади на человека, описаны самые распространенные способы взаимодействия с

лошадьми. Обосновано использование регулярной верховой езды в качестве средства развития личности.

Ключевые слова: верховая езда; иппотерапия; ипповенция; лошади; конный спорт; лидерские качества; сила воли; уважение; сотрудничество.

Еще совсем недавно лошадь была основой сельского хозяйства и транспортной инфраструктуры государств. Без нее невозможно было представить жизнь человека прошлых лет. Лошади сопровождали военных, были свидетелями и участниками многочисленных сражений, вели своих хозяев к победе. Если обобщить, то дружба и служение лошади человеку длятся уже более трех тысячелетий.

Первые школы верховой езды появились в Италии, Испании и Франции в эпоху Ренессанса. Очень быстро увлечение конным спортом распространилось по всему миру. А в 1900 году конкур (преодоление препятствий на лошади) уже вошел в программу Олимпийских игр.

Сегодня конный спорт и верховая езда набирает всю большую популярность. Лошади также используются в терапии: физической в иппотерапии, и психологической в ипповенции, которая чаще всего проводится не верхом, а с земли. Гиппократ рассматривал иппотерапию, как часть гимнастики, нормализующей функции работы организма после болезней, а также усиливающей защитные реакции, повышающей жизненный тонус и улучшающей настроение. При верховой езде требуется концентрация внимания, максимально возможная собранность, и самоорганизация, потребность запоминать и планировать последовательность действий, как при езде, так и при уходе за животным. Это активизирует психические процессы [2]. Важно, что при реабилитации происходит последовательный перенос приобретенных физических, коммуникационных и прочих навыков из ситуации верховой езды в повседневную жизнь.

Человек, который занимается верховой ездой регулярно, не может не заметить, как развиваются его лидерские навыки и сила воли, он постепенно начинает бороться со своими всевозможными страхами. Лошади – это спорт, а спорт априори требует дисциплины. Но конный спорт уникален, ведь он строится на партнерстве с животным.

Из партнерства с другим живым существом вытекает развитие лидерских качеств и коммуникационных навыков. Лошадь по своей природе социальное существо. Она не может жить вне табуна. Если понаблюдать за табуном, можно заметить, что в лошадином мире

существует определенная иерархия: есть вожак и те, кто подчиняется. В качестве вожака или лидера табуна, как правило, выбирают самых сильных и выносливых. Лошади очень важно, чтобы был кто-то сильнее и умнее, кому она смогла бы довериться. Если этого не происходит, лошадь берет роль лидера на себя и становится непредсказуемой, нервной, может проявлять агрессию [1]. Лошадь травоядная, а значит всегда была жертвой, на нее всегда охотились хищники. Лошадь вызывает уважение своей мощностью, выносливостью и силой, но одновременно с этим поражает своей трусостью и робостью, ведь в природе чаще всего она спасается бегством, а потом уже анализирует ситуацию.

Без взаимного доверия и отсутствия страхов гармоничные отношения человека и лошади практически невозможны. При контакте с животным принципиальное значение имеет одна особенность: его послушания добиваются без запугиваний и агрессии, а путем дружбы, уважения и заботы. Понимание этого момента и совершенствование себя в этом направлении будет полезно в повседневной жизни в межличностных отношениях как на рабочем месте, так и в семье. Многие крупные фирмы проводят бизнес-тренинги по лидерству и развитию коммуникационных навыков на лошадях. К примеру, в швейцарской бизнес-школе IMD существует программа «Стратегии лидерства», центральным элементом которой является именно процесс взаимодействия с лошадьми. Эта программа направлена на развитие лидерского потенциала сотрудников, их коммуникативных навыков и умения выстраивать взаимоотношения в группе.

В процессе работы с лошадью человек развивает эмпатию, учится распознавать свои эмоции и управлять ими. Без этих качеств невозможно представить себе успешного лидера [3]. Контакт с большим непредсказуемым и спонтанным животным включает специальные механизмы человеческой психики, способствуя в определенных ситуациях большей эмоциональности и спонтанности со стороны человека. Это состояние в психологии называют регрессом – переходом на более ранние, иногда детские способы реагировать, и оно является прекрасным моментом для снятия излишнего напряжения. В определенном смысле человек снова взрослеет рядом с лошадью, замечает новые грани своей личности, которые не всегда являются приятными.

Психологическое взросление, а значит и приобретение эмоциональной зрелости неразрывно связано с понятием самоконтроля или силы воли. В верховой езде сила воли проявляется и развивается с самого начала: уже

после первой тренировки мышцы будут очень болеть, но нужно продолжать. Не редки падения, особенно при преодолении препятствий. Возможны серьезные травмы, которые могут даже заставить всадника прекратить тренировки из-за нанесенного вреда здоровью, а иногда падения могут привести даже к летальному исходу. Особенно сила воли проявляется тогда, когда после падений и серьезных травм человек снова садится в седло, несмотря на страх.

Необходимость ухаживать за лошадью учит не только быть ответственным за другого, но и выполнять работу, которая не нравится. Взаимодействие с лошадью развивает силу характера и настойчивости, вынуждает быть одновременно твердым и мягким. Для серьезных занятий необходимо много времени – это учит расстановке приоритетов и жертве.

«Взаимодействие с лошадью стимулирует человека на внутренние преобразования, которые впоследствии проявляются в жизни: уверенность, энергичность, способность понять и обозначить свою реакцию и границы.» - заверяет Мария Кудряшева, автор проекта «EQiWay. Курс личностного развития с лошадьми» [4].

Исходя из всего вышеописанного можно сделать вывод, что верховая езда как инструмент развития лидерских качеств и силы воли вполне оправдан и успешно используется в психологии, психотерапии, бизнесе и самовоспитании. Для достижения гармоничных отношений между человеком и лошадью необходимо терпение, эмпатия, проницательность, твердость характера, знание своих личных границ и умение их обозначить, а также уважение к личному пространству лошади, осознание и умение контролировать свои эмоции и многое другое, что и развивает лидерские качества и силу воли.

Библиографические ссылки

1. Баскина, С. Агрессия / С. Баскина // О чем думает лошадь и как научиться ее понимать. – М.:Аквариум, 2007. – 223 с
2. Карабаева, А. Б. Иппотерапия как одно из направлений анималотерапии / А. Б. Карабаева // Научный журнал Павлодарского государственного педагогического института, Биологические науки Казахстана. – 2011. – №3. – С. 36-41.
3. Носова Н. С., Осокин Р. В. Феномен лидерства: первый среди равных. Изд.: Гросс Медиа, 2008. 196 с.
4. Аккаунт в социальной сети Instagram «Eqiway» [Электронный ресурс]. – Ссылка: <https://www.instagram.com/eqiway/>. – Дата обращения: 24.04.2022

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИТЕЛЬСТВЕ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Н. В. Маркович

Белорусский государственный университет, г. Минск;

maribka75@gmail.com;

Научный руководитель – Авин Александр Иванович, доцент кафедры социальной работы и реабилитологии, кандидат медицинских наук

В публикации автор обращается к проблеме ценностных установок и представлений о родительстве у лиц юношеского возраста. Раскрывает сущность понятия «ценностные установки», описывает факторы, влияющие на их становление; показывает роль ценностной сферы в формировании представления о родительстве у юношей и девушек. Работ, которые освещают данную проблему в белорусском обществе, в открытом доступе в настоящее время мало. Данная статья может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программы, направленных на формирование готовности к родительству в период юности.

Ключевые слова: ценности; ценностные установки; ценностные ориентации; юношеский возраст; представления о родительстве;

В данной статье исследуется проблема ценностных установок в юношеском возрасте. «Ценностные установки рассматривают как predisposed субъекта ценностного отношения к объекту оценки. Они вырабатываются в процессе социокультурного взаимодействия членов общества, представителей разных поколений в семьях, общественной среде, воспроизводятся в каждый социально-исторический период. Совокупность установок образует ценностные ориентации, которые формируют модель поведения и деятельности индивида в жизненных ситуациях» [1, с. 3]. Систематически ведутся исследования, в которых отражается структура ценностей и ценностных установок у современных юношей и девушек (В.А. Архипов, Д.В. Козенова, О.А. Немова, Т.С. Пухарева, Л.Г. Смирнова, Е.В. Юсупова и другие).

Среди факторов, влияющих на становление ценностных ориентаций, выделяют внешние и внутренние. К внешним относят элементы микро и макросреды. Микросреда – это семья и ее члены, референтные группы. Макросреда – это определенные традиции, которые имеются в обществе. К ней так же относится трансляция определенных ценностей через средства массовой информации, социальные институты. С другой стороны, на

формирование ценностных ориентаций оказывают влияние и внутренние факторы. К ним относится пол, возраст, особенности развития самосознания, способности и др. [2].

На каждом возрастном этапе ценностные установки меняются в соответствии со становлением личности, условиями, в которых она развивается. Юношеский возраст – особый период в жизни каждого человека, находящийся между отрочеством и взрослостью (возрастные границы: от 15-16 до 21-25 лет). Юноши и девушки заканчивают школу, поступают на следующую ступень обучения, приобретают первую профессию. На этом этапе формируется свой стиль жизни, личностная и профессиональная направленность. Еще одной актуальной для данного возраста задачей является поиск брачного партнера, создание семьи, рождение детей.

Родительство – интегральное психологическое образование личности (отца и/или матери), включающее совокупность ценностных ориентации родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания. Каждый компонент содержит эмоциональные, когнитивные и поведенческие составляющие.

О.Н. Безрукова указывает на то, что ценности родительства включают убеждения о ценности детей и отношения к ним, мотивацию деторождения, планирование и организацию рождения малышей, их количество, качество заботы и воспитания, а также то, как должны строиться взаимоотношения между родителями и детьми, какие качества необходимо воспитывать в детях [3]. М.Л. Белановская указывает на то, что сформированность ценностей супружества, адекватность брачно-семейных установок, а также реалистичность представлений о семейной жизни влияют на готовность молодых людей к вступлению в брак и устойчивость в будущем супружеских отношений, что в свою очередь определяет брачное и, в частности, репродуктивное поведение современной молодежи [4].

Вопросы формирования родительства как ценности отражены в работах следующих ученых: С.П. Акутина, О.Н. Безрукова, М.Л. Белановская, Н.В. Курилович, И.Б. Назарова и другие. Ими представлены результаты исследования, в которых показано, что юноши и девушки, у которых в приоритетных ценностных семьях, как правило, имеют более сформированные представления о родительстве, заинтересованы в рождении двух и более детей, замотивированы на прочный и длительный

брак. Это подчеркивает важность своевременного исследования особенностей ценностной сферы и взглядов на семью у лиц юношеского возраста.

По результатам проведенного исследования, можно сделать вывод, что для эффективного выполнения молодыми людьми своих семейных ролей, важно формировать у них определенные ценностные установки, готовить к родительству и супружеской жизни в юношеском возрасте. С этой целью могут использовать различные формы работы: индивидуальные и подгрупповые консультации, лекции, семинары, просветительские программы готовности к семейной жизни. Целесообразно систематически показывать ценность семьи через средства массовой информации, Интернет, социальные сети, рекламу. В связи с этим перспективу дальнейшего исследования видим в составлении программ готовности к материнству и отцовству для юношей и девушек с учетом степени сформированности их ценностной сферы.

Библиографические ссылки

1. Юсупов, М. М. Ценностные установки студенческой молодежи / М. М. Юсупов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-ustanovki-studencheskoy-molodezhi>. – Дата доступа: 20.04.2022.
2. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – М.: Речь, 2004. – 72 с.
3. Безрукова, О. Н. Ценности родительства : структура, типы, ресурсы / О. Н. Безрукова // Социологические исследования. – 2016. – № 3 (383). – С. 118 – 127.
4. Белановская, М. Л. Брачно-семейные установки в системе ценностных ориентаций современной молодежи / М. Л. Белановская // Молодежь в современном обществе : сб. мат. Всерос. заоч. науч.-практ. конф. под ред. С. А. Бурилкиной [и др.]. – Москва, 2015. – С. 22 – 26.

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

А. Ю. Нехай

Белорусский государственный университет, г. Минск;

anastasiyanehaii@gmail.com

Научный руководитель – Климущко Екатерина Ивановна, старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии.

В публикации автор обращается к проблеме роли руководителя в коллективе медицинских работников. Руководитель – это человек, на которого официально возложены функции управления коллективом и организации его деятельности. Квалифицированный руководитель в области здравоохранения – залог качественной медицинской помощи. Для более качественного кадрового обеспечения учреждений здравоохранения необходимо учитывать профессиональные личностные качества руководителя, с помощью которых он ведет свой коллектив к намеченной цели. Приводятся результаты исследования по изучению субъективного отношения подчиненных к руководителю. Основной целью исследования является изучение влияния эффективности управления руководителем в учреждении здравоохранения на социально-психологический климат в коллективе и удовлетворенность пациентов качеством медицинской помощи.

Ключевые слова: Руководитель; здравоохранение; личностные качества; стили руководства.

Современные условия осуществления профессиональной деятельности требуют от руководителя не только прямого выполнения своей общественной и профессиональной функции, не только осознания своей лидирующей, организующей роли как инструмента достижения наибольшего результата, но и целенаправленных действий для формирования благоприятного социально-психологического климата в трудовом коллективе.

Социально-психологический климат, формирующийся в коллективе в процессе работы, во многом зависит от качества коммуникаций между его членами [1].

Чем больше совпадают индивидуальные убеждения сотрудников и руководителя, их готовность к взаимопониманию, чем ярче личный пример руководителя перед глазами членов коллектива, тем эффективнее влияние руководителя на подчиненных в процессе общения. Но и одним пониманием забот сотрудников суть управленческих функции не исчерпывается [3].

Оценка руководителя подчиненными применяется, естественно, только при оценке руководящего персонала организации. Подчиненным легче всего оценивать такие особенности руководителя как стиль и методы управления.

В нашем исследовании приняли участие люди, занимающие руководящие должности, а также работники организации в общем количестве 27 человек радиологического отделения №1 ГУ «РНПЦ ОМР имени Н.Н. Александрова».

Для оценки удовлетворенности работой руководителя его подчиненных нами была оставлен опросник «Субъективное отношение подчиненных к

руководителю». Разработанная анкета предназначена для определения субъективного отношения подчиненных к их руководителю.

Опросник «Субъективное отношение подчиненных к руководителю» показал следующие результаты:

По критерию «Эмоциональное регулирование» выявлены следующие результаты: 62% опрошенных считают, что их руководитель способен совладать с эмоциями, не кричит на подчиненных в случае неудачи или оплошности, не нервничает, находясь рядом с ним. Однако 1 опрошенный (4%) указал, что руководителю тяжело совладать со своими эмоциями в отношении данного подчиненного (Рисунок 1).

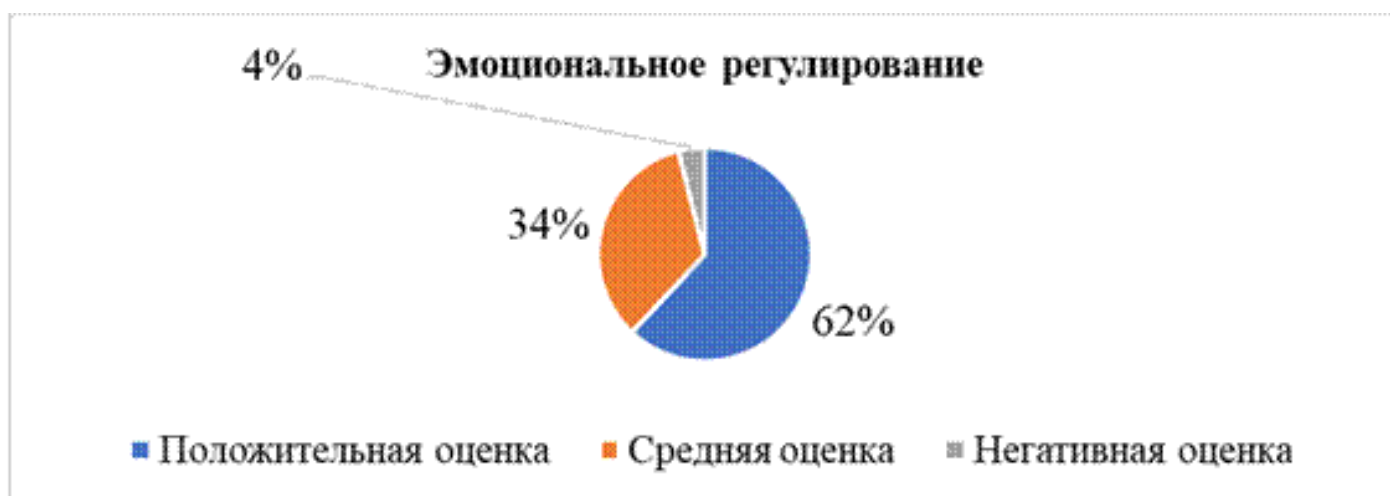

Рисунок 1 – Оценка руководителя подчиненными по критерию «Эмоциональное регулирование»

По критерию «Справедливость, строгость, требовательность» выявлены следующие результаты: 70% опрошенных считают, что их руководитель строг в меру, справедлив по отношению к подчиненным, наказывает в случае реальной серьезной ошибки подчиненного, требовательный к работе. Негативные оценки не выявлены (Рисунок 2).

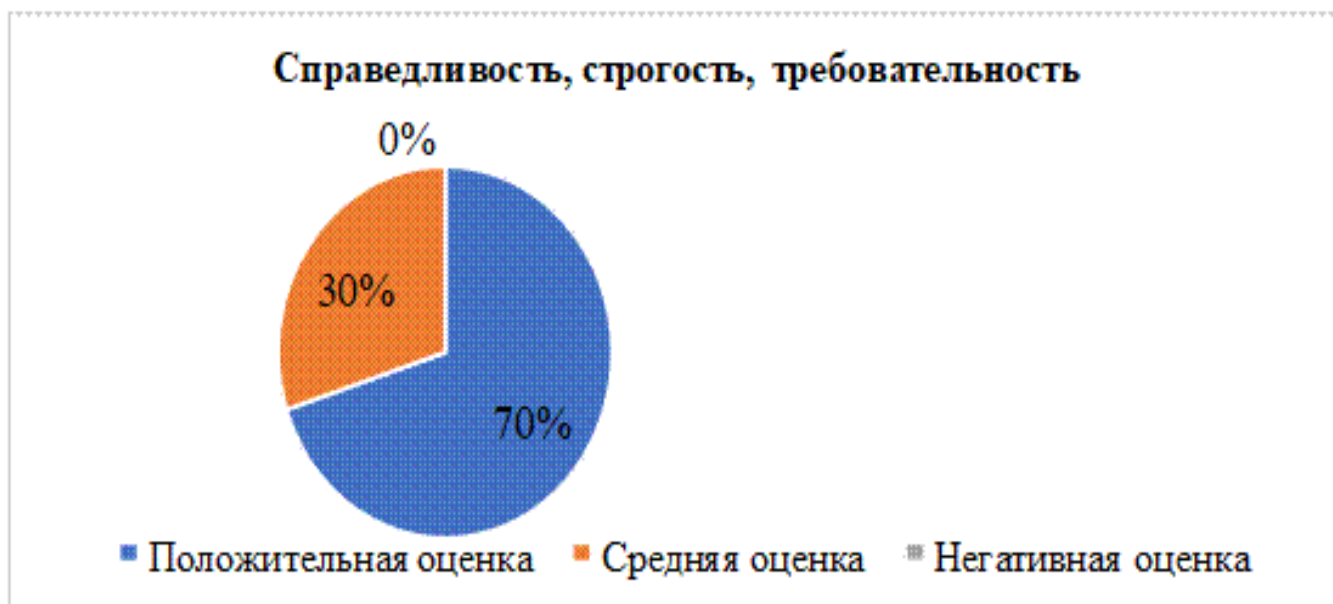

Рисунок 2 – Оценка руководителя подчиненными по критерию «Справедливость, строгость, требовательность»

По критерию «Компетентность» (рисунок 3) выявлены следующие результаты: 79% опрошенных считают, что их руководитель компетентен, настоящий профессионал, подчиненные не испытывают стресс, находясь рядом с начальником, спокойно реагируют на оценку своей работы руководителем, не боятся просить совета и помощи. Негативные оценки не выявлены.

Рисунок 3 – Оценка руководителя подчиненными по критерию «Компетентность»

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство подчиненных (71%) полностью удовлетворены своими руководителями. Респонденты считают их настоящими профессионалами, доверяют им, не боятся просить помощи и совета. Также подчиненные считают своих руководителей требовательными, в меру строгими, однако работники адекватно воспринимают оценку и критику своей работы.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что положительные качества руководителя благоприятно влияют как на восприятие им подчиненными, так и на психологический климат трудового коллектива. У всех руководителей, по мнению их работников, деловые и личностные качества соответствуют должностным требованиям и ожиданиям подчиненных.

Сегодня подготовительный этап становления профессионала имеет особое значение.

Работа в сфере здравоохранения – один из самых сложных, ответственных видов трудовой деятельности человека, характеризующийся высоким уровнем нагрузок.

Формирование особого, обращенного к потребностям человека морально-психологического климата в учреждении здравоохранения актуально в связи с ростом неудовлетворенности населения медицинской помощью и отношением медицинских работников.

Насколько грамотно и профессионально руководитель будет выступать в роли исполнителя, лидера, руководителя, менеджера, настолько успешными и эффективными будут медицинские услуги в лечебном учреждении.

Библиографические ссылки

1. Горбунова, О. В. Харизма как ведущий аспект личности руководителя / О. В. Горбунова // Формула менеджмента. – 2019. – №2 (9). – 19 с.
2. Иванова, С. В. Психологические особенности личности руководителя / С. В. Иванова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019. – №4–1. – С. 9-12.
3. Савина, С. С. Теоретические подходы к изучению личности руководителя / С. С. Савина // Сборник НАУЧНЫХ трудов СТУДЕНТОВ института УПРАВЛЕНИЯ и сервиса ТГУ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА, Тамбов, 07 июня 2015 года. – Тамбов: Тамбовская региональная общественная организация Общество содействия образованию и просвещению “Бизнес – Наука – Общество”, 2015. – С. 16–22.
4. Якунина, Е. О. Социально–психологические характеристики личности руководителя / Е. О. Якунина // Вестник науки. – 2021. – Т. 3. – № 5–1(38). – С. 41–48.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С ИДИОПАТИЧЕСКИМ СКОЛИОЗОМ: ОБЗОР СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. М. Ноздрина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

tamara_nozdrina1@mail.ru

*Научный руководитель – Стволыгин Константин Владимирович, доцент
кафедры социальной работы и реабилитологии*

В данной статье дан обзор современных исследований проблемы личностных особенностей подростков с идиопатическим сколиозом. Показано, что подростки с идиопатическим сколиозом разной степени тяжести демонстрируют негативное отношение к болезни, очень чувствительны к восприятию собственной внешности и оценкам ее другими людьми, они тревожны, эмоционально напряжены, склонны к уходу от решения проблем. Сколиоз является существенным фактором риска возникновения психологических проблем, наносящих вред здоровью подростка. Поэтому подростки нуждаются в социально-психологической реабилитации, поддержке и помощи.

Ключевые слова: личностные особенности; подростки; идиопатический сколиоз.

Идиопатический сколиоз — это заболевание опорно-двигательного аппарата, характеризующееся стойким патологическим искривлением позвоночника в трёх плоскостях. Оно сопровождается физическими и моральными страданиями, и определяет условия психического развития и жизнедеятельности больных детей в ситуации прогрессирующей болезни.

Особенно стремительно сколиоз прогрессирует в подростковом возрасте в связи с гормональной перестройкой организма и скачком роста. Деформации позвоночника могут сопровождаться выраженными болевыми ощущениями, ограничением подвижности позвоночника, одышкой, сердцебиениями, изменением неврологической симптоматики и другими функциональными расстройствами. Всё это накладывает определенный отпечаток на психологическое состояние подростка. Как и тот факт, что для подростков наиболее тяжёлыми в психологическом отношении оказываются болезни, которые изменяют внешний вид, делают его непривлекательным. Это связано с системой ценностей, расстановкой приоритетов, имеющихся у подростка, для него наивысшую ценность приобретает удовлетворение собственной внешностью [4]. Таким образом, более тяжёлые психические реакции могут вызвать болезни, не носящие с медицинской точки зрения угрозы для жизни, но изменяющие внешность,

в частности – идиопатический сколиоз. Признаки заболевания, проявляющиеся как видимые окружающим отличия внешности, особенности сложного лечения ограничивают жизнедеятельность подростка, возможности его общения, перспективы учебной и трудовой деятельности, и могут являться источником психической травматизации и приводить к дезадаптационным срывам [7].

Значительная распространенность сколиоза, длительность и сложность терапевтических мероприятий при данном состоянии обуславливают необходимость исследования тех психологических особенностей, которые, сопровождая заболевание, в значительной степени могут влиять на всю последующую жизнь подростка.

М.С. Лебединский и В.Н. Мясищев подчеркивали, что хроническое заболевание влияет на патохарактерологическое развитие следующим образом: «эмоциональные реакции проходят, но оставляют след в форме их условно-рефлекторной временной связи с ситуацией, в которой они возникли. Неоднократное повторение реакций упорядочивает этот след как склонность к выявлению определенного вида эмоций. Повторная эмоциональная реакция страха создаёт пугливость, робость как компонент характера. Повторный гнев ведёт к образованию таких черт характера, как гневливость, раздражительность, которая при слабости нервной системы и беспрепятственном удовлетворении желаний создают нередко более сложную черту характера – капризность. Гневливость и капризность в известных условиях, например, ожидание опасности, раздражающая обстановка, неудовлетворённые претензии, вызывают острые аффекты и аффективные длительные напряжения и могут приводить к неврозу» [3, с. 110].

С.В. Крайнюков и И.И. Мамайчук, исследуя подростков 15–17 лет, являющихся пациентами Восстановительного центра детской ортопедии и травматологии «Огонек» (г. Стрельна), показали, что для таких подростков характерен более высокий уровень сензитивности, беспричинной тревоги, импульсивности, эмоциональной реактивности. Эти подростки обнаруживают недостаток самостоятельного усилия, ответственности, они нетерпеливы, непрактичны, капризны, требуют постоянного внимания и помощи. Будучи во власти эмоциональной экспрессии, они хуже реагируют на внешние сигналы, слабее контролируют свое поведение, проявляют меньшую эффективность в деятельности. Проективные методики показали у этих подростков наличие высокой эмоциональной

напряженности, фрустрированности, тенденции к амбивалентному реагированию и проявлению иррациональных страхов [2].

По результатам исследования Г.В. Пятаковой и С.В. Виссарионова, у подростков со сколиозом были выявлены специфические личностные особенности в виде снижения общей активности и повышения уровня неврастения, концентрации на внутреннем мире и личных проблемах в сочетании с установкой на минимизацию усилий, самосохранение и восстановление сил, игнорирование своих потребностей при продолжительном воздействии неблагоприятных ситуаций. Для подростков с незначительными проявлениями сколиоза наиболее характерны изменения психических состояний и поведенческих реакций, связанные преимущественно с напряжением адаптационных механизмов в ситуации развивающегося заболевания, новыми требованиями к организации жизни [5].

Также результаты исследования отношения к болезни, проведенного Г.В. Пятаковой, С.В. Виссарионовым и А.В. Овечкиной, с 60 подростками со сколиотической деформацией позвоночника (32 со сколиозом I–II степени, 28 – III–IV степени) показали, что «у подростков с идиопатическим сколиозом, независимо от тяжести заболевания, преобладают диффузный и смешанный типы отношения к заболеванию, что свидетельствует о недостаточной оформленности отношения к болезни в подростковом возрасте при наличии ортопедической патологии» [6, с. 31]. Однако все же наблюдаются некоторые различия по отношению к болезни. Подростки с идиопатическим сколиозом I–II степеней, не смотря на негативные переживания в связи заболеванием, более склонны к формированию «гармоничного варианта отношения к заболеванию», что будет способствовать адекватному поведению в условиях болезни и в ситуации лечения. Подростки со сколиозом III–IV степени чаще выдают реакцию на заболевание угнетенным настроением, «повышенным беспокойством в отношении опасности лечения, опасениях, связанных с недоброжелательным вниманием со стороны окружающих» [6, с. 31].

В исследовании Т.И. Киреевой, проведенном на выборке 20 девочек-подростков, находящихся на санаторном лечении (в возрасте 12-16 лет) с клинически верифицированным диагнозом «Сколиоз II–III степени» и внешне заметными изменениями осанки (реберный горб, одно плечо ниже другого, перекос таза), и 20 девочек-подростков, не имеющих нарушений осанки, показали, что у девочек со сколиозом показатели общей адаптивности, самопринятия, принятия других людей и самоконтроля

значимо ниже, чем у здоровых, также они склонны к уходу от решения проблем. Вместе с тем, было установлено, что «самоотношение подростков со сколиозом компенсаторно завышено в сравнении со здоровыми подростками, и эта компенсация обеспечивает рост социально-психологической адаптации подростков. Однако, показатели адаптации подростков со сколиозом значимо ниже, чем у их здоровых сверстников, соответственно, компенсаторно завышенного положительного самоотношения недостаточно для формирования оптимальной адаптации» [1, с. 142].

Как мы видим на примере пусть и немногочисленных исследований, подростки с идиопатическим сколиозом разной степени тяжести демонстрируют негативное отношение к болезни, очень чувствительны к восприятию собственной внешности и оценкам ее другими людьми, они тревожны, эмоционально напряжены, склонны к уходу от решения проблем.

Полученные данные обосновывают вывод о том, что сколиоз является существенным фактором риска возникновения психологических проблем, наносящих вред здоровью подростка. Поэтому подростки с такого рода проблемами нуждаются в социально-психологической реабилитации, поддержке и помощи в виде консультирования и терапии. Стратегия социально-психологического консультирования подростков, страдающих тяжелыми формами сколиоза, должна включать в себя различные тактики ведения беседы и терапевтических техник, ориентированных на снятие излишнего эмоционального напряжения, предоставление подростку информации о положительных и эффективных результатах лечения. Их целью должна стать мобилизация внутриличностных ресурсов подростка в принятии и преодолении недуга на основе адекватного представления о заболевании, повышение его собственной заинтересованности и активности в лечебном процессе.

Библиографические ссылки

1. *Киреева, Т. И.* Социально-психологическая адаптация и самоотношение подростков со сколиозом / Т.И. Киреева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2020. — № 11 (101). — С. 140-143.
2. *Крайнюков, С. В.* Картина мира подростков с заболеваниями опорно-двигательного аппарата / С.В. Крайнюков, И.И. Мамайчук // Ананьевские чтения – 2013. Психология в здравоохранении: материалы науч. конф., 22–24 октября 2013 г. / отв. ред. О.Ю. Щелкова. – СПб., 2013. – С. 222–224.

3. Лебединский, М. С. Введение в медицинскую психологию / М. С. Лебединский, В.Н. Мясищев – Л.: Медицина, 1966. – 430 с.
4. Николаева, В.В. Влияние хронической болезни на психику / В.В. Николаева. – М., 1987. – 168 с.
5. Пятакова, Г.В. Исследование качества жизни подростков с тяжелыми деформациями позвоночника / Г.В. Пятакова, С.В. Виссарионов // Хирургия позвоночника. – 2009. – №4. – С. 38–43.
6. Пятакова, Г.В. Исследование отношения к болезни подростков с идиопатическим сколиозом / Г.В. Пятакова, С.В. Виссарионов, А.В. Овечкина // Хирургия позвоночника. – 2012. – №3. – С. 26–32.
7. Рамси, Н. Психология внешности / Н. Рамси, Д. Харкорт. – СПб., 2009. – 256 с.

ОСОБЕННОСТИ ЛОКУС КОНТРОЛЯ У ЛЮДЕЙ С ХИМИЧЕСКОЙ АДДИКЦИЕЙ

П. П. Носков

Белорусский государственный университет, г. Минск;

pavlikpavlovich1986@gmail.com

*Научный руководитель – Красовская Наталья Николаевна, кандидат
социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы и
реабилитологии*

В данной работе рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема химической аддикции. Освещены этиологические модели зависимости от психоактивных веществ, а также психоэмоциональные особенности лиц с химической аддикцией. Автором рассмотрено понятие локус контроля, организовано и проведено эмпирическое исследование локус контроля у лиц с химической аддикцией с различными сроками ремиссии.

На основе данной работы возможно проведение дальнейших исследований и разработка мероприятий и программ, направленных на повышение осведомленности о существующей проблеме в обществе.

Ключевые слова: химическая аддикция; локус контроля; интернальность; экстернальность.

Химическая аддикция – это хроническое, прогрессирующее, неизлечимое заболевание, проявляющееся на биологическом, психологическом, социальном и духовном уровнях, характеризующееся зависимостью от всех веществ, изменяющих сознание [3, с. 22]. Как правило, такие вещества токсичны и способны вызывать физическую и

психологическую зависимость. Наиболее распространенными химическими аддикциями являются наркомания и алкоголизм.

Наркомания и алкоголизм — это болезни, определенные так еще в 1956 году Всемирной Организацией Здравоохранения (с входившим в ВОЗ Советским Союзом) [8, с. 12]. Болезнь, как нарушение правильной работы организма, имеет вполне определенные признаки (симптомы) этих нарушений, общую схему развития, и потому обоснованный прогноз.

Исторически сложилось так, что феномен зависимости понимали по-разному. Каждый подход к этой проблеме отражает различные социальные, личностные, культурные и научные концепции. Существует множество этиологических моделей зависимости таких как: моральные, психологические, модели теорий личности, семейные, модель болезни, модель социальной болезни, биологические, социокультурные, мультикаузальные [4, с. 64].

Безусловно, систематическое употребление различных веществ, изменяющих сознание, негативно сказывается на жизни человека во всех ее аспектах: биологическом, психоэмоциональном, социальном и духовном. Формируются определенные особенности личности, совокупность которых характеризует ее как аддиктивную.

Злоупотребляющие наркотиками и алкоголем люди имеют нарушения в личностном плане, изолированы и менее удовлетворены своей жизнью, нежели обычные, «нормативные» люди. В качестве ведущих проблем химически зависимых выступают базовые трудности саморегуляции в четырех основных сферах: самооценка, чувства, забота о себе, взаимоотношения [5, с. 19].

Для лиц с химической аддикцией редко имеют значение цели, интересы, чувства, желания других людей. Эгоцентризм отличает лиц с химической зависимостью. Они практически целиком сфокусированы на себе, на своих интересах, желаниях, чувствах [2, с. 163].

Локус контроля — понятие, отражающее склонность человека приписывать причины событий внешним или внутренним факторам [1, с. 511]. В первоначальном варианте теории субъективной локализации контроля выделялись два типа локуса контроля: интернальный и экстернальный, которые рассматривались как глобальные характеристики личности.

Ввел понятие локус контроля в психологию Джулиан Бернард Роттер, американский психолог, доктор клинической психологии. Разработанная им теория социального научения основана на предположении, что

когнитивные факторы способствуют формированию реакции человека на воздействия окружающей среды [9, с. 607].

У людей с интернальным локусом контроля временная перспектива охватывает значительно более дальнюю зону (как в будущем, так и в прошлом) и насыщена большим количеством событий [6, с. 109]. При принятии решений они более последовательны и продуктивны, чем экстерналы. Интерналы готовы жертвовать сиюминутными и легкодоступными удовольствиями ради достижения, пусть и значительно отдаленной, но более глобальной цели.

Людям с экстернальным локусом контроля свойственны такие качества, как агрессивность, цинизм, подозрительность, авторитарность, беспринципность, тревожность, депрессивность, конформность и склонность к обману.

Как правило, для наркозависимых более характерно представление себя объектом действия окружающих людей и сложившихся обстоятельств, нежелание принимать активное участие в собственных изменениях [7]. Их можно охарактеризовать как людей, в меньшей степени планирующих свою жизнь и ощущающих влияние своих поступков на будущие жизненные события, придающих большое значение тому, как складываются обстоятельства.

Лица, страдающие наркозависимостью, чаще полагают, что во взаимодействии с жизненными ситуациями основная нагрузка лежит на других людях и внешних обстоятельствах. Они обладают меньшей субъектной включенностью в жизненные ситуации, проявляют меньшую активность в построении своей жизни. Их поведение больше обусловлено внешними ситуациями, под влиянием которых и происходит дальнейшее развитие.

Нами было организовано и проведено эмпирическое исследование, нацеленное на выявление локуса контроля у лиц с химической аддикцией с различными сроками ремиссии. Исследование проводилось на базе Местного фонда «Центр здоровой молодежи», предназначенного для реабилитации лиц с химической зависимостью.

Всего исследованием было охвачено 40 человек, разделенных на две группы. В первую группу вошли 20 человек, находящихся на стационарном лечении в центре и имеющих срок ремиссии от 1 месяца до года, во вторую группу вошли другие 20 человек, закончивших годичный курс реабилитации и имеющих, соответственно, срок ремиссии от 1 года до 10 лет.

В качестве основного диагностического инструментария использовалась методика «Когнитивная ориентация (локус контроля)» Джулиана Роттера.

В результате проведенного исследования были получены данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования локус контроля у лиц с химической аддикцией с различными сроками ремиссии (средние значения)

Показатели	Группа 1	Группа 2
Уровень экстернальности	9,35	9,05
Уровень интернальности	13,65	13,85

В результате сравнительного анализа была получена следующая оценка различий между двумя независимыми выборками по уровню локус контроля: по шкале «Уровень экстернальности» t-критерий Стьюдента составляет 0,31; по шкале «Уровень интернальности» - 0,21. Это говорит о том, что достоверно значимых различий обнаружено не было. На наш взгляд, такой результат можно объяснить недостаточным объемом выборки, что не дало возможности полностью отразить характеристики генеральной совокупности.

Библиографические ссылки

1. Грицанов, А. А. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. - Мн.: Книжный дом, 2003. – 1312 с.
2. Ерышев, О. Ф. Алкогольная зависимость: формирование, течение, противорецидивная терапия / О.Ф. Ерышев. — СПб.: Изд-во «ЭЛБИ - СПб», 2012. – 192 с.
3. Игумен Мефодий (Кондратьев). Методология социальной реабилитации в церковной общине / Игумен Мефодий (Кондратьев), Р. И. Прищенко, Е. Е. Рылдлевская. – М.: ООО «Авансесд Солюшнз», 2013. – 88 с.
4. Капуччи, Д. Психологическое консультирование зависимых клиентов / Д. Капуччи, М. Страуффер. Пер. с англ. – СПб: ООО «Диалектика», 2021. – 832 с.
5. Коробкина, З. В. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи / З.В. Коробкина, В.А. Попов. – М.: Академия, 2002. – 192 с.
6. Крылов, А. А. Психология: учебник / А.А. Крылов. - М.: Проспект, 2005. – 474 с.
7. Пласин, А. А. Особенности жизненных ориентаций наркозависимых с различными сроками трезвости [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека открытого доступа. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> – Дата доступа: 03.01.2022.
8. Савина, Е. А. «Я люблю его...» / Е.А. Савина. – М.: Адру, 2008. - 352 с.
9. Фрейдджер, Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейдджер, Д. Фейдимен. Пер. с англ. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. — 607 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ТРАВМОЙ

А. В. Остап

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alesya.ostap@icloud.com

Научный руководитель – Ачинович Тереза Иосифовна, старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии

В современном обществе, как показывает практика, растет состояние неопределенности в жизни человек, что может гарантировать в дальнейшем психологическую травму. Работа с психической травмой – одна из более актуальных и сложных направлений в кризисной психологии. В статье показаны причины возникновения психологической травмы, а также технологии работы с травмирующей ситуацией.

Ключевые слова: травма; травмирующая ситуация; технология; социально-психологические технологии.

В последнее время, для исследователей стало интересно изучение психологических травм и их воздействие на человека. Достаточно часто психологи, психотерапевты утверждают, что психологическая травма может быть намного больше вредна для здоровья человека, чем физические отклонения.

Проблематика психологической травмы рассматривалась многими учеными - авторами, поэтому в научной литературе до конца не существует общего мнения по данной теме.

Например, В.Д. Менделевич дал определение психической травме, как жизненное событие, затрагивающее значимые стороны существования человека и приводящее к глубоким психологическим переживаниям [1].

Травма – это глубокие и мучительные переживания человека, связанные с травматическими событиями его жизни, предельные накопления возбуждения, с которыми он не в состоянии справиться или которые частично преодолеваются посредством бессознательных механизмов защиты, ведущих к образованию невротических симптомов. З. Фрейд в работе «Исследование истерии» писал: «Травматическое воздействие может оказать любое событие, которое вызывает чувство ужаса, страха, стыда, душевной боли; и, разумеется, от восприимчивости пострадавшего зависит вероятность того, что это происшествие приобретает характер травмы». Специфично то, что травма не всегда проявляется в чистом виде,

как болезненное воспоминание или переживание, она становится как бы «возбудителем болезни» и вызывает симптомы, которые затем, обретя самостоятельность, остаются неизменными [3].

В повседневной жизни «травма» понимается, как телесное повреждение организма. Однако, есть одно самое важное различие: в отличие от физической травмы, психическая невидима, где главным признаком является душевная боль.

Боль – это информационно-рефлекторная реакция, которая позволяет человеку понять, что его психика и личность не справляется с внутренними проблемами. Психологическая боль дает знак о неблагополучии организма, в результате чего, организм вырабатывает защитные механизмы. Психическая травма, с точки зрения психофизиологии, рассматривается как незавершенная активация нервной системы. К такому же пониманию ее сути пришли и многие психологи

По определению многих специалистов в области психологии, понятие «травмирующая ситуация» - это событие, выходящее за пределы нормального человеческого опыта». По мнению советского психиатра О.В. Кербикова, «психическая травма - жизненно важное для личности событие, глубоко затрагивающее ее сущность и приводящее к стойким переживаниям».

Причины возникновения психической травмы бывают достаточно разными, однако большинство травм личности приходит на момент детства. Когда психика ребенка не стабильна психологические травмы оказывают наиболее сильное воздействие. В особенности, выделяют такие причины как:

- Эмоциональная отверженность со стороны обоих (одного) родителей.
- Унижение, отсутствие заботы, насмешки от родителей.
- Смерть родителя (папа, мама, сиблинги и т.д.).
- Физическое и сексуальное насилие моральное давление.
- Насилье в семье (со стороны отца).
- Вредные привычки родителей (алкоголизм, наркомания, токсикомания и др.).

Однако, не только в детском возрасте возникают травмы, а также и во взрослом. Сильные негативно – отражающие эмоции провоцируют такие проблемы как:

- Смерть родного и близкого человека.
- Разводный период.
- Серьезная автомобильная авария.

- Период тяжелого не излечимого заболевания.
- Тяжелое заболевание.
- Прерывание беременности (выкидыш).
- Террористические акты, землетрясения, природные бедствия.
- Сексуальное и физическое насилие.
- Военные действия в стране.

Психолог, психотерапевт при выборе выбирает определенные технологии, методы и средства работы с клиентом. Термин «психологические технологии» подразумевает аспект, связанный с формированием и развитием личностных качеств субъекта. Следовательно, под термином «психологические технологии» подразумевается совокупность методов и приёмов, направленных на формирование действительно – практической сферы личности и реализацию природных потенциалов.

Психодинамический подход рассматривает травму как бессознательный психический процесс и широко использует методы катарсиса и отреагирования для разрешения травмы.

Поведенческий подход уделяет большое внимание фобическим реакциям, возникшим в результате травмы, и применяет методы биологической обратной связи, техники релаксации с целью нормализации реакций на неприятные пугающие ситуации.

В гештальт-подходе рассматривается работа с травмой, направленная на восстановление прерванного цикла реализации потребностей и преодоление защитных механизмов. В данном подходе широко используются метод незавершенных ситуаций, техники диалога, разные способы работы с чувствами и телом.

Работа с травмой хорошо совместима с арт-терапией. Арт-терапия в наше время является одним из быстро развивающихся методов практической психологии и психотерапии. В арт-сфере постоянно наблюдаются поиски новых форм и методов и средств, позволяющих достигать значительные психотерапевтические результаты. Не случайно то, что данное направление востребовано в работе с различными последствиями психологической травмы.

Оптимальным сопровождением терапии могут быть различные художественные средства: рисование, лепка, художественные образы, изобразительные материалы, психологическая драматизация – все, что способствует самовыражению личности.

В психотерапии травм могут быть также использованы методы:

1. Терапия «отправленного пера», где пишутся письма и выражаются эмоции и чувства, но без отправления адресанту.

2. Пересказывание травматического события в расслабленном состоянии до тех пор, пока ситуация не отпустит клиента.

3. Декапсуляция – метод с помощью гипноза внушается соматические и вегетативные проявления травмы [3].

4. Аутогенная тренировка – метод, направленный на восстановление динамического равновесия организма, нарушенного в результате стресса или травмы. Предложил этот метод для лечения неврозов в 1932 г. Иоганн Шульц.

5. Дебрифинг – один из вариантов кризисной интервенции и неотложной групповой психологической помощи при острой психической травме. Однако, он не является терапией, такой метод направлен на минимизацию переживаний.

Таким образом, причины психологической травмы могут быть самыми разными, но исход всегда один – нервная система человека не возвращается в состояние равновесия, если не применяются различные виды терапии и технологии. На эмоциональном уровне человек находится в состоянии беспокойства, безразличия, стресса, негативного мышления, плохого самочувствия, в состоянии беспомощности, где испытывает огромный страх в жизни. И в ходе чего, главнейшая цель специалиста – помочь человеку вернуться в нормальную жизнь, где она будет пресыщаться положительными и позитивными реакциями, а также помочь построить адекватное взаимодействие с окружающим миром.

Библиографические ссылки

1. *Василюк, Ф. Е.* Психология переживания. – М.: Изд-во МГУ, ун-та, 1984. – 240 с.
2. *Варшавский К. М.* Гипносуггестивная терапия [Текст] : (Лечение внушением в гипнозе). – Ленинград: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1973. – 192 с.
3. *Кровяков, В. М.* Психотравматология. Монография. М., 2005. 315 с.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕНИЯМИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А. И. Пунтус, О. В. Харевич

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
ГУ «Дом-интернат для пенсионеров и инвалидов г.Минска»
Stat@32gkp.by; hrvolhavik@mail.ru*

*Научный руководитель – Милькаманович Владимир Константинович,
профессор кафедры социальной социальной работы и реабилитологии*

В публикации авторы обращаются к проблеме полового воспитания детей с ограничениями психического развития. Приводятся результаты анализа литературных источников, в которых специалисты по социальной работе раскрывают «табуированную» сторону половой жизни людей с нарушениями умственного развития.

Объектом исследования выступает информационная составляющая в работе с детьми с психическими отклонениями, целью – выявление и характеристика способов и направлений оказания информационной поддержки родителей и лиц, проводящим сексуальное информирование. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программ, направленных на повышение осведомленности о существующей проблеме в обществе.

Ключевые слова: дети с особенностями психофизического развития; родители детей с особенностями психофизического развития; половое воспитание.

Все люди стремятся к тому, чтобы любить и быть любимыми. К их числу относятся и люди с особенностями психофизического развития. Они способны испытывать половые потребности, сексуальные желания и романтические чувства, которые проявляются в разные периоды развития по-разному[8].

Большинство родителей детей с особенностями психофизического развития считают, что половое воспитание лишь направляет мысли детей в нежелательную сторону, поэтому оно не нужно и вредно. Некоторые родители испытывают такое смущение при обсуждении вопросов, имеющих отношение к сексуальности, что просто не могут говорить на эту тему[12].

Совершенная растерянность и незнание, что делать, у родителей, и путаница в головах детей – результат отсутствия грамотной системы полового воспитания ребенка в раннем возрасте[13].

Однако именно родители и начинают первыми половое воспитание своих детей, даже если не хотят этого. Так как большая часть информации передается не в словесной форме, а на примере поведения самих родителей

и через их установки, то зачастую они даже и не подозревают, что происходит процесс воспитания, поло-ролевого поведения, отношению к противоположному полу[14].

Половое воспитание ребенка-инвалида должно начинаться с первых месяцев его жизни, так как данная область воспитания – важная, неотъемлемая часть нравственного воспитания. Ведущая роль в гендерном воспитании детей-инвалидов принадлежит семье[12].

Родители должны быть осведомлены об этапах психосексуального развития детей в зависимости от возраста. Какие изменения происходят с ребенком на физическом и ментальном уровне? Как вести себя с ребенком, что ему говорить, как правильно обучить его гигиене[7]?

Всем маленьким детям интересно, из чего состоит и как работает их тело. Когда малыш узнает, что у него есть нос, пальцы, колени, пусть он узнает, что у него есть и пенис/влагалище, грудь и ягодицы. Родители должны научить ребенка использовать корректные слова для обозначения гениталий. Когда у него есть точный словарь для обозначения интимных частей тела, ему легче будет сказать и о случаях насилия, если таковые возникнут. К тому же словарь помогает ребенку точно и достоверно описывать то, что с ними происходит во время болезни. Одно НО: знакомство с интимными частями тела нужно проводить в отдельных местах, например, когда ребенок принимает ванну или переодевается в своей комнате[7].

Уже в раннем возрасте малышу полезно понять, что тело принадлежит ему и о нем нужно заботиться. Научите ребенка мыться и ухаживать за собой, в том числе и за интимными частями. Родители должны постепенно сокращать свое участие в этом процессе, позволяя ребенку самому отвечать за то, как он вымылся и привел себя в порядок[9].

Когда вместе с ребенком родители изучают тело, надо не забыть рассказать ему о том, что интимные части не принято открывать в общественных местах. Родители могут поощрять естественную скромность ребенка, заворачивая его после душа в полотенце и переодевая только в частных местах. Надо определить такие места в доме и обсудить это с малышом[9].

Когда ребенок усвоит словарь и правила поведения, связанные с телом, родители должны объяснить ему, что к интимным частям его тела никто не должен прикасаться. Обсудить исключения из этого правила: прием у доктора, купание в ванной или другие моменты, которые зависят от вашей

семьи и диагноза малыша. Убедиться, что ребенок понял, к кому именно он может обратиться, если его интимные границы кто-то нарушает[8].

Родитель действует эффективно, если:

- понимает собственные ценности и может обсудить их с теми, кто оказывает поддержку ребенку;
- расскажет специалистам, как решает те или иные проблемы дома;
- понимает, принимает и использует эффективные подходы к работе с ребенком, которые предлагают специалисты;
- обозначает моменты, где обучение проходит наиболее трудно.

Родители должны обязательно делиться примерами успехов и провалов в половом воспитании ребенка со специалистами, чтобы поучиться друг у друга или исправить ошибки. Но не забывать: благополучие ребенка должно быть на первом месте, когда составляются программы развития, подбираются конкретные техники и методики работы[7].

Родители должны уважать право своего ребенка выбирать, по отношению к кому он будет выражать свои чувства, независимо от того, родственник это, приятель или специалист.

Родители должны обсуждать вводимые ими правила, модели поведения и цели, которых они хотят добиться, со специалистами, которые работают с ребенком. Последовательность в обучении и усиление правил по мере их усвоения способствуют успеху.

Каждый родитель должен знать, что информация, полученная ребенком, будет воспринята правильно при соблюдении основных современных принципов полового воспитания[14].

Существуют рекомендации для тех, кто регулярно осуществляет достаточно близкий контакт с ребенком: для родителей, врачей или помощников. Ребенок должен отличать этот тип прикосновений от других и не бояться его. Этими правилами можно поделиться с доверенными специалистами, которые помогают малышу в детском саду, школе или больнице[12].

По результатам проведенного исследования доступных литературных источников, можно сделать вывод, что система полового воспитания детей с умственными нарушениями содержательно не отличается от системы полового воспитания детей «нормы». Ее отличие в том, как она приспособляется к уровню развития детей, их возможностям и потребностям[15].

В настоящее время актуальными задачами полового воспитания детей с ограничениями психического развития являются раскрытие и развенчание

распространенных мифов и стереотипных представлений о сексуальности людей с инвалидностью, которые способны ограничить их половую жизнь[9].

Библиографические ссылки

1. Горчак С. И. К вопросу о дефиниции здорового образа жизни[Текст] / С.И Горчак. // Здоровый образ жизни. Социально-философские и медико-биологические проблемы. - 2010. - №9. – 39 с.
2. Воднева А. И. Молодежь о браке и семье: идеалы, иллюзии, реальность[Текст] / А.И. Воднева. - 2000. - №4. -36 с.
3. Бордовская Н. В. Педагогика. Учебник для вузов[Текст] / Н.В Бордовская, А.А. Реан. - СПб: Питер, 2000. - 304 с.
4. Девярых, С. Ю. Семья и родительство в структуре жизненных целей юношей и девушек [Текст] / С.Ю. Девярых // Перспективы науки. - 2010. - №3 (05). - 23 с.
5. Кон, И. С. Введение в сексологию[Текст] / И.С. Кон. - М.: Медицина. 2008. - 198 с.
6. Колесов, Д. В. Биология и психология пола[Текст] / Д.В Колесов. - М.: Флинта, 2000. - 175 с.
7. Добрович, А.Б. Беседы о половом воспитании[Текст] / А.Б. Добрович. - М.: Знание. 2009. - 189 с.
8. Каган, В. Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей[Текст] / В.Е. Каган, Д.Н Исаев. - Л.: Медицина. 2009. - 172 с.
9. Кон, И. С. Введение в сексологию[Текст] / И.С. Кон. - М.: Медицина. 2008. - 198 с
10. Малахов, Б. Б. Половое воспитание подростка. Пособие для учителя [Текст] / Б.Б. Малахов. - Л.: Знание. 2009. - 176 с.
11. Хрипкова, А. Г. Девочка - подросток - девушка[Текст] / А. Г. Хрипкова Д. В. Колесов. - М.: Просвещение, 2009. - 160 с.
12. Орлов, Ю. М. Половое развитие и воспитание. Книга для учителя[Текст] / Ю.М. Орлов. - М.: Просвещение. 2008. - 239 с.
13. Иванюшкин, А. Я. «Здоровье» и «болезнь» в системе ценностных ориентаций человека[Текст] / А. Я. Иванюшкин // Валеология. - 2012. - №1. - С. 49-58.
14. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства[Текст]/ Р.В. Овчарова. - М.:Институт Психотерапии, 2003. - 319 с
15. Петрище, И. П. О половом воспитании детей и подростков[Текст] / И. П. Петрище. - Мн.: Народная Асвета. 2007. - 159 с.

РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ В СЕМЬЯХ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

О. Р. Пырская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

olya.pyrskaya@mail.ru

*Научный руководитель – Стволыгин Константин Владимирович, доцент
кафедры социальной работы и реабилитологии*

В публикации автор обращается к проблемам родительско-детских отношений и удовлетворенности браком в семьях, находящихся в социально опасном положении. Статья содержит результаты исследования, проведенного на базе государственных учреждений образования «Ясли-сад агрогородка Коптевка» и «Ясли-сад № 93 г. Гродно». Цель исследования – изучить взаимосвязь родительско-детских отношений и удовлетворенности браком в семьях, находящихся в социально опасном положении.

Ключевые слова: семьи, находящиеся в социально опасном положении; родительско-детские отношения; удовлетворенность браком.

Актуальность исследования взаимосвязи родительско-детских отношений и удовлетворенности браком в семьях, находящихся в социально опасном положении, обусловлена возрастанием распространенности семейного неблагополучия в современном белорусском обществе, что связано с влиянием ряда кризисных социально-экономических явлений. На начало 2021 года в Республике Беларусь были признаны находящимися в социально опасном положении почти 7 тысяч семей [5]. Семьи, относящиеся к данной социальной категории, отличаются дисфункциональностью, неблагоприятными психологическими условиями для личностного становления детей. Родители зачастую ведут аморальный образ жизни, должным образом не исполняют своих обязанностей по уходу за ребенком, что создает угрозу для его жизни и здоровья. Родительско-детские отношения в семьях, находящихся в социально опасном положении, обладают своей спецификой, которая оказывает неблагоприятное влияние на социализацию, психологическое здоровье и благополучие детей [4].

Особенности родительско-детских отношений в семьях, находящихся в социально опасном положении, изучались Т.М. Атласовой, Н.В. Бибиковой, И.В. Быченко, А.А. Голубевой, Н.Н. Красовской, А.В. Марченко, А.Ю. Нагорновой, В.В. Озеровой, Т.В. Тратинко и др.

В семьях, находящихся в социально опасном положении, важное значение имеет удовлетворенность браком родителей, так как неудовлетворенность браком может негативным образом отражаться на родительно-детских отношениях. Родители из семей, находящихся в социально опасном положении, склонны переносить негативные эмоции, вызванные супругом, на ребенка и воспитательный процесс. Они могут видеть в ребенке нежелательные черты второго родителя, что влечет за собой непринятие ребенка, которое оказывает негативное влияние на его психологическое развитие. Как следствие у него могут возникнуть нарушения в области эмоциональной сферы, познавательной деятельности, самоотношения и поведения [1].

Изучением проблемы удовлетворенности браком занимались Е.А. Банникова, А.О. Беличева, А.М. Бугаева, В.В. Ильченко, Н.П. Картавых, Н.Ю. Клышевич, С.Н. Лучезарная, А.А. Малютина, Е.С. Малышева, А.А. Первачук, Е.А. Рувинская, В.А. Смелянская, А.В. Цыпляева и др.

Анализ публикаций по проблемам родительно-детских отношений и удовлетворенности браком в семьях, находящихся в социально опасном положении, позволяет сделать вывод о том, что исследование этих проблем сохраняет свою актуальность. Данное обстоятельство определило цель проведенного исследования – выявление и анализ взаимосвязи родительно-детских отношений и удовлетворенности браком в семьях, находящихся в социально опасном положении.

В эмпирическом исследовании приняли участие 34 родителя из семей, находящихся в социально опасном положении. В исследовании принимали участие как матери, так и отцы воспитанников учреждений дошкольного образования. В рамках исследования проводилось психодиагностическое тестирование испытуемых при помощи методик: «Опросник родительского отношения (ОРО)» А.Я. Варги, В.В. Столина [2]; тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.Т. Бутенко [3].

Согласно данным исследования родительно-детского отношения, только трое родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (8,82%), продемонстрировали высокий уровень принятия ребенка. Умеренная степень принятия дошкольника установлена у 23 родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (67,65%). Низкий уровень принятия ребенка наблюдается у 8 испытуемых (23,53%). Данные родители отвергают ребенка либо отдельные аспекты его

личности на эмоциональном уровне. Высокий уровень кооперации, стремление к установлению партнерских отношений с ребенком выявлены у одного родителя (2,94%). На среднем уровне данный показатель выражен у 22 испытуемых (64,71%). Низкий уровень кооперации, отсутствие готовности к сотрудничеству с ребенком выявлено у 11 родителей из семей социального риска (32,35%). Высокий показатель по шкале симбиоза, отражающего тесный эмоциональный контакт с ребенком, получили двое родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (5,88%). Средняя степень выраженности симбиоза присуща 15 родителям из семей, находящихся в социально опасном положении (44,12%). Низкий уровень симбиоза, выраженная эмоциональная дистанция с ребенком характеризуют 17 родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (50%). Высокий уровень авторитарной гиперсоциализации, при которой родители проявляют чрезмерную авторитарность по отношению к ребенку, подавляют его индивидуальность, установлен у 12 испытуемых (35,29%). Умеренный авторитаризм по отношению к ребенку проявляют 8 родителей из семей группы социального риска (23,53%). Низкий уровень склонности к авторитарной гиперсоциализации отмечается у 14 родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (41,18%). 8 родителей из неблагополучных семей (23,53%) имеют высокий показатель по шкале «маленький неудачник». Данные испытуемые недооценивают потенциал и особенности ребенка, не считают значимыми его чувства, мысли и интересы. У 20 испытуемых (58,82%) установлен средний уровень выраженности по рассматриваемой шкале. Низкий уровень по переменной «маленький неудачник» продемонстрировали 6 родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (17,65%). Данные родители высоко ценят своего ребенка, отличаются верой в его способности, готовностью к поддерживающему поведению.

В результате изучения удовлетворенности браком было установлено, что значительная неудовлетворенность браком характеризует двух родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (5,88%). Преобладание неудовлетворенности над удовлетворенностью наблюдается у 9 родителей (26,47%). Удовлетворенность и неудовлетворенность браком в равной степени выражены у 6 родителей из семей, находящихся в социально опасном положении (17,65%). В большей степени удовлетворены браком, нежели неудовлетворены 11 родителей из семей социального риска (32,35%). Значительная удовлетворенность

браком отмечается у 5 испытуемых (14,71%). Практически полная удовлетворенность браком установлена у одного родителя из семьи, находящейся в социально опасном положении (2,94%).

Статистическая обработка данных исследования взаимосвязи родительско-детских отношений и удовлетворенности браком в семьях, находящихся в социально опасном положении, осуществлялась при помощи коэффициента корреляции Спирмена.

Статистический анализ данных, полученных в ходе исследования, позволил выявить прямые значимые корреляционные связи между:

- показателем по шкале «принятие-отвержение» и удовлетворенностью браком ($r=0,43$; $p<0,01$);
- кооперацией и удовлетворенностью браком ($r=0,39$; $p<0,05$);
- симбиозом и удовлетворенностью браком ($r=0,352$; $p<0,05$);

Также существует значимая обратная корреляционная связь между показателем по шкале «маленький неудачник» и удовлетворенностью браком ($r=-0,398$; $p<0,05$).

В соответствии с полученными результатами можно заключить, что неудовлетворенность браком у родителей из семей, находящихся в социально опасном положении, коррелирует с эмоциональным отвержением ребенка и отдельных проявлений его личности. Родители из семей группы социального риска, не удовлетворенные браком, отличаются отсутствием стремления к сотрудничеству с дошкольником, незаинтересованностью его делами, увлечениями и внутренним миром. Со снижением удовлетворенности браком у родителей из семей, находящихся в социально опасном положении, возрастают эмоциональная дистанция с ребенком дошкольного возраста, склонность к игнорированию его потребностей. Родители из семей социального риска, не удовлетворенные браком, недооценивают потенциал и способности своих детей, не верят в их способности.

Полученные результаты говорят о целесообразности включения в программу социально-психологического сопровождения семей, находящихся в социально опасном положении, мероприятий по коррекции родительско-детских отношений и взаимодействия в супружеской диаде.

Библиографические ссылки

1. Гончарова, А. Е. Неблагополучные семьи как объект социологического исследования // Научные междисциплинарные исследования. – 2021. – № 3. – С. 504–507.
2. Карелин, А. А. Большая энциклопедия психологических тестов / А.А. Карелин. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.

3. *Рогов, Е. И.* Настольная книга практического психолога в образовании: учебное пособие / Е.И. Рогов. – М.: Владос, 1996. – 529 с.
4. *Семенцова, С. В.* Государственная поддержка в Республике Беларусь детей из неблагополучных семей / С.В. Семенцова, Н.А. Сурова, О.Н. Лисовская // Репродуктивное здоровье. Восточная Европа. – 2020. – № 1. – С. 104–108.
5. *Чуприс, М. К.* Участие комиссий по делам несовершеннолетних Республики Беларусь в защите прав несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении / М.К. Чуприс // Право. by. – 2021. – № 1. – С. 33–39.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ЖЕРТВАМИ НАСИЛИЯ

А. П. Санкевич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

[*hanna.sankevich@gmail.com*](mailto:hanna.sankevich@gmail.com)

*Научный руководитель – Ачинович Тереза Иосифовна, старший
преподаватель*

Статья посвящена проблеме насилия и использованию социально-психологических технологий работы с жертвами насилия. Насилие является комплексной проблемой, влияющей на все сферы жизни личности и потому требует применения системного подхода, а так же особенно бережного взаимодействия с клиентом пережившим насилие во избежание повторной травматизации.

Ключевые слова: жертвы насилия; социально-психологические технологии; кризисная помощь; повторная травматизация.

Проблема насилия в настоящее время становится одной из наиболее актуальных, она имеет не только психологический, но также социальный, медицинский и юридический аспекты. Насилие по своим последствиям относится к самым тяжелым психологическим травмам. Нарушения, возникающие в результате насилия, затрагивают все уровни функционирования человека. Пережитое в детстве насилие влияет на всю последующую жизнь человека [3].

Психологическая помощь жертвам насилия представляет собой сложную задачу, поскольку люди, подвергшиеся и/или подвергающиеся насилию, находятся в тяжелом психоэмоциональном состоянии, испытывают стыд, вину, зачастую отрицая факт насилия, сохраняя произошедшее в тайне (особенно если это семейная ситуация). Для них могут быть характерны переживания ужаса, сверхбдительности, чувства безнадежности и бессилия, физиологическое и психическое напряжение,

внутренний дискомфорт, нарушения сна, навязчивые воспоминания, суицидальные мысли [3].

Оказание психологической помощи жертвам насилия исходит из характера психогенного воздействия неблагоприятных факторов внешней среды на механизмы психологического реагирования, которые являются значимыми в формировании как поведенческих стереотипов, так и различного вида психологических нарушений и психосоматических расстройств [2].

Сложность и комплексность проблемы насилия определяет необходимость системного подхода к ее разрешению, то есть использования комплекса технологий для получения конкретных результатов. Традиционно выделяется три этапа психологической работы: срочная помощь, этап кризисной работы, исследовательский этап работы и подразумевается использование таких технологий как диагностика, терапия и реабилитация. [1, 3]

Срочная психологическая помощь жертвам должна быть направлена на стабилизацию их текущего психического и физиологического состояния и восстановление безопасности их жизнедеятельности. Важно помнить, что срочная помощь не предполагает глубокого психологического исследования, экспериментирования и так далее [3].

Правила оказания первой помощи жертвам насилия:

- Не бросайтесь обнимать пострадавшего, избегайте лишнего телесного контакта. В крайнем случае, можно взять его за руку или положить руку на плечо.
- Не решайте за пострадавшего, что ему сейчас необходимо (он должен ощущать, что не потерял контроля над реальностью).
- Не расспрашивайте о подробностях произошедшего, не обвиняйте.
- Дайте почувствовать, что пострадавший может рассчитывать на вашу поддержку.
- Если пострадавший начинает рассказ о случившемся, то не переспрашивайте о конкретных деталях, побуждайте говорить о чувствах, связанных с событием.
- При необходимости можно сопровождать пострадавшего, например, если он идет в милицию подавать заявление или на опознание погибших родственников [3].

В кризисной работе с жертвами насилия основная цель психолога заключается в уменьшении и ликвидации травматических переживаний,

чувства собственной неполноценности, ущербности, в формировании адекватной самооценки. На данном этапе важно дать возможность пострадавшему пережить сложные чувства, возникшие в ситуации.

При кризисном консультировании пострадавших важно:

- Обеспечить возможно более полное принятие себя.
- Помочь составить конкретный план действий в обстоятельствах, связанных с насилием.
- Помочь определить основные проблемы.
- Помочь в мобилизации систем поддержки.
- Помочь в осознании серьезности произошедшего.
- Выявить и укрепить сильные стороны личности пострадавшего.

После эмоционального отреагирования можно постепенно переходить к работе, направленной на исследование поведенческих паттернов и механизмов, обеспечивающих воспроизведение ситуации насилия. Целью данного этапа работы является репарация системы межличностных отношений [3].

Технология диагностики. Диагностика в социальной работе – выявление, обозначение и изучение причинно-следственных связей и взаимоотношений, порождающих социальные проблемы клиентов социальной работы. Успех деятельности специалиста зависит от точности и своевременности вскрытия им социальных проблемы клиента [1].

Технология социальной диагностики с жертвами домашнего насилия включает в себя следующие этапы:

1. Стадия осмысления. На данной стадии специалист и жертва домашнего насилия должны проанализировать сложившуюся ситуацию. Эта стадия является наиболее болезненной, так как клиенту приходится в подробностях рассказывать о своей ситуации.
2. Стадия разработки альтернативных целей, приемлемых для конкретного субъекта.
3. Стадия поиска способов и средств перевода субъекта в новое личностное и социальное состояние.

Технология терапии. Терапия в социальной работе может осуществляться на двух уровнях: как на уровне деятельности учреждений, в качестве целенаправленного процесса воздействия государственных структур, общественных организаций, объединений, на конкретные формы проявления социальных отношений или социальных действий, так и на уровне непосредственного контакта специалиста с клиентом [1].

Данный вид технологии в оказании социально-психологической помощи жертвам домашнего насилия реализуется в следующих этапах:

1. Знакомство специалиста с ситуацией клиента, приглашение его к сотрудничеству, поиск наиболее целесообразных подходов;
2. Оценка проблемы;
3. Планирование последующей деятельности и принятие взаимных обязательств.
4. Осуществление запланированных изменений. Этот этап характеризуется началом эффективной работы по устранению данной проблемы;
5. Оценка полученных результатов и завершение работы. На этом этапе анализируется степень улучшения состояния после перенесенного насилия и эффективность работы по устранению последствий. Специалист дает рекомендации клиенту [1].

В процессе терапевтических отношений самоощущение клиентов, история жизни которых связана с насилием, очень переменчиво: то клиент переживает чувства ребенка, беспомощного и взволнованного перед могущественным взрослым, то дистанцирован и обособлен. У жертв насилия размыта граница между «сейчас» и «после», что вносит вклад в повторное переживание событий прошлого [3].

Технология реабилитации. Реабилитация – комплекс мер, направленных на восстановление человека в правах, социальном статусе, здоровье,

Эффективность социальной реабилитации обеспечивается разработкой индивидуальной программы [1].

Индивидуальная программа социальной реабилитации включает в себя такие уровни как:

- медицинскую (оказывается необходимая медицинская помощь в восстановлении и компенсации нарушенных и утраченных функций организма);
- профессионально-бытовая реабилитация (создаются мероприятия по профориентации, профобучению, трудоустройству таких граждан).
- социально-бытовая реабилитация (создаются оптимальные социально-бытовые условия для жизнедеятельности личности, обеспечивающие восстановление социального статуса и утраченных общественных связей) [1].

Таким образом работа с жертвами насилия проводится на трёх этапах и включает в себя использование таких технологий как диагностика, терапия и реабилитация. Необходим комплекс из всех вышеперечисленных

технологий для полной и эффективной помощи клиенту, пострадавшему от насилия.

Библиографические ссылки

1. Забелина Т. Ю. Россия и СНГ: кризисные центры в действии / Т. Ю. Забелина // Достижения и находки: кризисные центры России. – Москва: Пресс-Соло, 1999. – С. 35-44.
2. Зубрицкая, А. С. Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия / А. С. Зубрицкая // Вестник ТГЭУ. – 2009. – № 3. С. 79.
3. Psyera [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://psyera.ru/psihologicheskaya-pomoshch-zhertvam-nasiliya_7905.htm. – Дата доступа: 20.12.2021.

ИГРОВАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И СОСТОЯНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖА

М. А. Стриго

Белорусский государственный университет, г. Минск;

martastryho@yandex.ru

*Научный руководитель – Стволыгин Константин Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы и
реабилитологии*

В публикации автор обращается к проблеме взаимосвязи игровой компьютерной зависимости и состояния одиночества у учащихся колледжа. Приводятся результаты исследования, которое было проведено на базе Минского государственного художественного колледжа имени А.К. Глебова. Цель исследования – изучить взаимосвязь игровой компьютерной зависимости и состояния одиночества у учащихся колледжа.

Ключевые слова: игровая компьютерная зависимость; состояние одиночества; учащиеся колледжа.

В Республике Беларусь число пользователей сети Интернет существенно возрастает год от года. Если в 2014 г. ежедневно использовали сеть Интернет 43.4 % населения, то в 2020 г. уже 71.3 %. С целью проведения времени в сети Интернет за компьютерными играми из общего числа интернет-пользователей 91.2 % занимают люди в возрасте 6–15 лет и 78.2 % в возрасте 16–24 лет. Подростки уделяют увлечениям и играм в среднем 2 часа выходного дня и более половины времени (57%)

приходится на компьютерные игры, что обуславливает актуальность проблемы игровой компьютерной зависимости среди учащихся [1, 2].

Чрезмерное использование продуктов компьютерной культуры развлечений влечёт риск психических и поведенческих расстройств у пользователей современных технических устройств. Согласно МКБ-10 (Международная классификация болезней 10-го пересмотра) игровую компьютерную зависимость можно классифицировать как «Расстройство типа зависимой личности» (Класс «Психические расстройства и расстройства поведения», блок «Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте», рубрика «Специфические расстройства личности»; код расстройства «F60.7») [3].

Изучением проблемы игровой компьютерной зависимости занимались А.В. Лузько, К.Д. Яшин, С.С. Заливако, Е.А. Мельникова, К.Н. Мезяная, К.М. Кореневский, Р.А. Кардашян, И.И. Рахимова, Т.В. Коваль, В.В. Кунцевич, В.С. Епифанова, Т.В. Шершнева, И.И. Дроздов и др. [4, 5].

К числу основных социально-психологических факторов развития игровой компьютерной зависимости относят состояние одиночества и отверженности [6]. Среди зарубежных исследователей и авторов гуманитарных учений, уделивших внимание проблеме одиночества, были М. Бубер, А. Камю, Ж.П. Сартр, М. Хайдеггер, Х.С. Салливан, К. Мустакас, К. Роджерс, Э. Фромм, Ф. Ницше, В. Франкл, Д. Рисмен, Дж. Зилбург, У. Садлер, Р.С. Вейс, Т. Джонс и др. [8]. Из числа российских и белорусских исследователей, исследовавших проблемы одиночества, переживания данного состояния в подростковом возрасте и форм отчуждения в виртуальной среде, можно выделить труды П.Г. Гасановой, Д.А. Леонтьева, И.С. Кона; С.Г. Корчагиной, Е.С. Калабиной, Е.И. Ковалева, О.Н. Кузнецова, В.И. Лебедева, Е.В. Самаль, К.В. Стволыгина, О.Э. Аблам и др. [7, 8, 9, 10, 11].

В целях изучения взаимосвязи игровой компьютерной зависимости и состояния одиночества у учащихся колледжа было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 60 учащихся Минского государственного художественного колледжа имени А.К. Глебова в возрасте от 15 до 18 лет (30 испытуемых I курса обучения и 30 IV курса). В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: личностный опросник для студентов «Игровая компьютерная зависимость» (Лузько А.В.) [4], диагностический опросник «Одиночество» (Корчагина С.Г.) [8].

Анализ данных по игровой компьютерной зависимости показал, что 30 испытуемых (50%) имеют естественный уровень увлечения компьютерными играми, то есть в данном случае игры носят характер развлечения, не имеющего негативных последствий, испытуемые на этом уровне увлечения крайне редко играют и думают об игре; у ещё 15 испытуемых (25%) – средний уровень игровой компьютерной зависимости; так же 15 испытуемых (25%) имеют высокий уровень игровой компьютерной зависимости, что говорит о том, что компьютерная игра занимает у этих испытуемых всё свободное время, они постоянно думают об игре, о достигнутых результатах, стремятся повысить уровень этих результатов, а попытки отвлечь от компьютерной игры могут спровоцировать агрессивное поведение.

Согласно результатам исследования состояния одиночества (без определения вида), то есть глубина переживания одиночества у 25 испытуемых (41,7%) слабо выражена, у 27 испытуемых (45%) выражена умеренно и 8 испытуемых (13,3%) глубоко переживают состояние одиночества. Результаты по шкалам видов одиночества: диффузное одиночество выражено у 15 испытуемых (25%), отчуждающее одиночество выражено у 34 испытуемых (56,7%) и диссоциированное одиночество выражено у 11 испытуемых (18,3%).

Для изучения взаимосвязи между игровой компьютерной зависимостью и состоянием одиночества был применён анализ ранговой корреляции Спирмена. В результате была выявлена высоко значимая линейная (прямая) взаимосвязь (при уровне статистической значимости $p \leq 0,001$) между уровнем игровой компьютерной зависимости и отчуждающим видом одиночества.

Проведённый корреляционный анализ позволяет сделать вывод о том, что игровая компьютерная зависимость взаимосвязана с переживанием отчуждающего вида одиночества, при котором индивид или субъект за протяжённый по времени промежуток, отстраняется от тех объектов, которые ранее ему были близки, нужны, симпатичны, постепенно углубляясь в своё одиночество и получая ответное отчуждение со стороны этих объектов. Оказание психокоррекционной и психологической помощи способно трансформировать отчуждающее одиночество в уединение и снизить степень игровой компьютерной зависимости, то есть исправить механизм «избегания» в виртуальный игровой мир от травмирующей картины реального. Так же и наоборот психологическая коррекция игровой компьютерной зависимости будет благоприятно сказываться на

уменьшении глубины переживаемого отчуждающего одиночества подростком.

Библиографические ссылки

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Belstat. Информационное общество в Республике Беларусь, 2021. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/719/7199f71a6c5b80265d51141c9bbeaf39.pdf>. – Дата доступа: 22.03.2022.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Belstat. Использование времени – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/time_rus.pdf. – Дата доступа: 22.03.2022.
3. Международная классификация болезней (10 пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике / пер. с англ.; под ред. Ю. Л. Нуллера, С. Я. Циркина. – 2-е изд. – К.:Сфера, 2005. – 308 с.
4. Яшин, К. Д. Компьютерная зависимость у студентов [Электронный ресурс] / К. Д. Яшин, С. С. Заливако, Е. А. Мельникова, К. Н. Мезяная, К. М. Кореневский // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2013. – № 6. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/167213>. – Дата доступа: 29.03.2022.
5. Лузько, А. В. Разработка личностного опросника для студентов «Игровая компьютерная зависимость» / А. В. Лузько // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2016. – № 4. – С. 57-62.
6. Коваль, Т. В. Особенности межличностных взаимодействий у подростков, склонных и не склонных к развитию компьютерной зависимости [Электронный ресурс] / Т. В. Коваль // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». – 2012. – Т. 4, № 4. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57080.shtml. – Дата доступа: 29.03.2022.
7. Долгинова, О. Б. Изучение одиночества как психологического феномена / О. Б. Долгинова // Практическая психология. – 2009. – № 4. – С. 28-36.
8. Гасанова, П. Г. Психология одиночества : учеб.-метод. пособие / П. Г. Гасанова, М. К. Омарова. – Киев: ООО «Финансовая Рада Украины», 2017. – 76 с.
9. Корчагина, С. Г. / Психология одиночества : учеб. пособие. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.
10. Самаль, Е. В. Особенности переживания одиночества лицами подросткового возраста в конце прошлого столетия и в настоящее время / Е. В. Самаль, К. В. Стволыгин // Психология человека в образовании. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 166-173.
11. Аблам, О. Э. Виртуальное одиночество: проблема межличностного общения молодежи в социальной сети / О. Э. Аблам // Высшая школа : проблемы и перспективы: 12-я Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 22–23 окт. 2015 г. В 2 ч. Ч. 2. – Минск, 2015. – С. 44-50.
12. Стволыгин, К. В. Методология и методы исследования в социальной работе: учебное пособие / К. В. Стволыгин. – Минск: РИВШ, 2021. – 300 с.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА АКТИВНУЮ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ДОМА-ИНТЕРНАТА

О. В. Харевич

ГУ «Дом-интернат для пенсионеров и инвалидов г. Минска»

hrvolhavik@mail.ru

*Научный руководитель – Милькаманович Владимир Константинович,
профессор кафедры социальной работы и реабилитологии*

В публикации автор обращается к реинтеграции граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью проживающих в стационарном учреждении социальной защиты. Актуальным является вопрос организации граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в их дневной занятости, разнообразия и насыщения среды, мотивирования их на активную жизненную позицию и самозанятость, повышения уровня социального функционирования. Анализ практики вовлечение граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в современные виды деятельности дает нам основание сделать вывод о том, что данная форма социального обслуживания, позволяет как можно быстрее вернуть человека с ограниченными возможностями здоровья к активной полноценной жизни, обеспечить его самостоятельность и независимость в быту. Данная работа по реализации технологии вовлечение граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в современные виды деятельности в условиях дома-интерната продолжается.

Ключевые слова: граждане пожилого возраста; лица с инвалидностью, технологии вовлечение граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в различные виды деятельности.

Государственное учреждение «Дом-интернат для пенсионеров и инвалидов» (далее «интернат») было открыто в 1988 году. В нем нашли кров 366 человек, из них лиц пожилого возраста 167 человек. Лежачих больных среди пожилых людей 30 человек (18%) и инвалиды - «колясочники» 37 человек (22 %). Самому молодому проживающему 21 год и долгожителю 102 года. Каждодневную заботу о проживающих проявляют 168 квалифицированных и ответственных работников.

Для людей с ограниченными возможностями здоровья, в частности, имеющих ментальные нарушения и сопутствующие соматические патологии, проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания, актуальным является вопрос организации их дневной занятости, разнообразия и насыщения их среды, мотивирования их на активную жизненную позицию и самозанятость, повышение уровня

социального функционирования и независимости, формирования и развития социальных навыков [7].

Важной задачей является реинтеграция, то есть вовлечение граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в современные виды деятельности, направленные на активную жизнь в условиях дома-интерната. В этом большую роль играют специалисты по социальной работе (1 чел.), инструкторы по трудовой терапии (2чел.), руководитель кружка (1 человек) культорганизатор (1 чел.) и психолог дома-интерната (1 чел.).

Для реализации поставленных задач сотрудниками проводятся различные реабилитационные мероприятия, направленные на дальнейшее развитие, поддержание навыков самообслуживания, обучение навыкам организации собственного быта и окружающего жизненного пространства, обеспечение дневной занятости и развитие трудовых навыков, помощь в развитии творческих способностей, организации досуговой деятельности.

В учреждении организованы актовый зал, библиотека, зал ЛФК, зал адаптивной физической культуры, трудовые мастерские декоративно-прикладного творчества, комната домоводства, прачечная самообслуживания, домовая церковь спортивная площадка на территории дома-интерната, мини-ферма, мини-огород.

Для более эффективной работы с проживающими используются онлайн-форматы, как инновационные аспекты работы. Компьютер, на котором демонстрируется видео-урок, мастер-классы по рукоделию, помогают усвоить новые техники творчества. Использование современных видов связи позволяет поддерживать и устанавливать контакты с окружающими. Особенно в период пандемии это дает возможность видеть и слышать близких, обмениваться чувствами. Помогает «организовать» виртуальные экскурсии по городам, музеям, театрам.

Социально-бытовая реабилитация

Социально-бытовая реабилитация включает формирование и закрепление навыков самообслуживания. Участия проживающих в занятиях проводятся в индивидуальной, групповой форме в целях освоения навыков самостоятельного проживания (в том числе посредством тренингов, ролевых игр, экскурсий, культурно-досуговых и спортивных мероприятий).

Проживающие пожилого возраста участвуют как наставники вместе со специалистами учреждения в подготовке лиц с инвалидностью

трудоспособного возраста к самостоятельному проживанию в ГУ «Специальный дом для ветеранов, престарелых и инвалидов № 1» учитывая их потребности и интересы, способствуя самостоятельности и автономности.

Подопечные учатся приготовлению пищи (от элементарных в приготовлении блюд до сложных блюд), соблюдать санитарно-гигиенические правила, следить за своим внешним видом. Осуществляют уборку помещения после проведенных занятий по графику.

Социально-средовая реабилитация

Социально-средовая реабилитация включает в себя темы, состоящие из блоков: «Планирование – как составляющая успешного дня»; «Планирование личного бюджета»; «Правила снятий показаний со счетчиков воды и других приборов. Оплата услуг ЖКХ»; «Роль работы в реализации потенциала человека»; «Организации и учреждения»; «Этика и этикет», «Культура поведения», «Приверженность к лечению».

На занятиях подопечные учатся планировать и рационально расходовать свои личные средства, учатся пользоваться банковской картой, изучают работу организаций и учреждений и т.д. Практическая часть занятий состоит из посещений почтовых отделений, банков, магазинов, где проживающие под контролем сотрудников производят денежные операции, совершают покупки предметов первой необходимости, учатся культуре общения в общественных местах.

Социально-трудовая реабилитация (трудовая занятость)

Работа ведется по программе «Трудотерапия, как метод социальной реабилитации».

В учреждении организованы разнообразные виды трудовой занятости, которые отличаются по своему характеру и сложности [10]. Проводятся в индивидуальной и групповой форме с учетом интересов и возможностей подопечных. Проживающие работают с различными материалами (фломастерами, карандашами, красками, кожей, ракушками, спичками, бисером, природным материалом, проволокой, бумагой и т.д.), создают панно и композиции, расписывают изделия из стекла, изготавливают простую в изготовлении бижутерию, открытки ручной работы, сувениры. Это способствует использованию различных направлений трудовой занятости.

Гармоничному развитию психических функций способствует изотерапия [5]. Реализовать свой творческий потенциал, делая своими руками подарки близким, оформление комнат проживания, гостиных

учреждения, воплощается, через конструирование – бумагопластика[2]. Популярный вид прикладного искусства и увлечений используется подопечными для профилактики и лечения нарушений нервной системы – спицетерапия (вязание на спицах и крючком, макраме, пейчворк) [9].

Проживающие вместе с сотрудниками участвуют в озеленении территории, разбивке новых клумб, организации новых зон отдыха. Совместная работа с сотрудниками учреждения позволяет проживающим почувствовать себя равными и полноценными членами общества, а сотрудникам перенять опыт старшего поколения в осуществлении ухода за растениями[4].

Для тех, кто знает уход за домашним хозяйством, предоставлена возможность реализовать свои знания и опыт на мини-ферме (2 козы, 10 кур, 2 кролика).

Социально-психологическая реабилитация

Работа ведется психологом по разработанной программе «Психологическое сопровождение в проживании». Поступление в дом-интернат, как смена прежнего места жительства является стрессовой ситуацией. Для лиц только поступивших в учреждение разработана программа адаптации с участием различных специалистов.

Проводятся групповые и индивидуальные занятия с психологом, целью которых является социализация лиц с инвалидностью за счет максимальной активизации и наиболее оптимального использования остаточного потенциала. Используются такие формы воздействия как: беседа, выслушивание, подбадривание, мотивация к активности, психологическая поддержка жизненного тонуса, психологическое консультирование, психологическое просвещение [1]. Эти формы психологической реабилитации повышают вовлеченность проживающих в социально-культурную жизнь интерната, улучшают их социально-бытовую и психологическую компетентность, позволяют ощутить им свою причастность и задействованность в социальных процессах, а значит, оптимизируют их социализацию и качество жизни[6].

Социокультурная реабилитация

Представлена различными мероприятиями: познавательно-развивающего характера, художественно-творческой деятельностью, в течение года проводятся концерты, вечера отдыха, викторины «Угадай мелодию», «Размажляем па-беларуску», тематические встречи, выставки работ своими руками, конкурсы, как «Созвездие талантов» и т.д.

Кроме досуговых ежедневных встреч, традиционно проводятся концертно-развлекательные и конкурсные программы, приуроченные к календарным праздникам, викторины, веселые дискотеки [3]. Разнообразие представленных номеров, их выразительное исполнение, звуковое сопровождение, красиво украшенная сцена (участие сотрудников и проживающих занятых трудотерапией) не оставляют равнодушными никого из присутствующих на концертах [8].

Спортивно-оздоровительная реабилитация

В учреждении развивается адаптивная физкультура. Проводятся индивидуальные и групповые занятия. В соответствии с ежемесячными планами запланированы тематические лекции по адаптивной физкультуре, например: «Как реабилитироваться после инсульта». Проводятся спартакиады по настольному теннису, мини-футболу, волейболу.

Проживающие участвуют в районных, межрайонных спартакиадах с участием белорусского общества инвалидов Партизанского района г.Минска.

Волонтерская деятельность

Сегодня как никогда является актуальным милосердие. Подопечные дома-интерната стараются оказать посильную помощь другим. Сопровождают немобильных проживающих в зал адаптивной физической культуры. При проведении культурно-массовых и досуговых мероприятий организуемых в доме-интернате помогают обслуживающему персоналу сопровождать к месту назначения и обратно. Скрашивают досуг тяжелобольных.

Анализ практики вовлечения граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в современные виды деятельности дает нам основание сделать вывод о том, что данная форма социального обслуживания позволяет как можно быстрее вернуть человека с ограниченными возможностями здоровья к активной полноценной жизни, обеспечить его самостоятельность в будущем и независимость в быту.

Данная работа по реализации технологии вовлечение граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью в современные виды деятельности в условиях дома-интерната продолжается.

Библиографические ссылки

1. *Барден, Н.* Слова и символы: язык и коммуникация в терапии / Н. Барден, Т. К. Уильямс; [науч. ред. А. А. Киселевой; пер. с англ. О. В. Свинченко]. - Харьков: Гуманитарный центр, 2012. - 178 с.

2. Гончар, В. В. Модульное оригами / В. В. Гончар. - Москва: Айрис-пресс, 2011. - 106 с.
3. Зыкова, М. Н. Фольклоротерапия : учеб. пособие / М. Н. Зыкова ; [гл. ред. Д. И. Фельдштейн] ; Рос. академия образования, Моск. психолого-соц. ин-т. - Москва: [МПСИ]; Воронеж: [МОДЭК], 2004. – 160 с.
4. Использование методики и практики гарденотерапии, фитодизайна и ландшафтного дизайна в процессе реабилитации граждан пожилого возраста [Текст]: [учебно-методическое пособие для слушателей] / М-во социальной политики Свердловской обл., ГКУ СОН Свердловской обл. «Организационно-методический центр социальной помощи», Федеральное госбюджетное образовательное учреждение высш.проф. образования «Российский гос. социальный ун-т», Уральский ин-т социального образования (фил.) РГСУ в г. Екатеринбурге; [разраб.: М. Ф. Черкасова, О. С. Завитаева, Т. А. Сутырина]. - Екатеринбург:[б. и.], 2014. - 199 с.
5. Киселева, М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе : учеб.-метод. пособие для студ. вузов, обуч. по напр. подготовки и спец. «Социальная работа» / М. В. Киселева. - Санкт-Петербург: Речь, 2007. - 332 с.
6. Лукьянцева, С. В. Арттерапевтические технологии в работе психолога: пособие / С. В. Лукьянцева; М-во образования РБ, УО «Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова». - Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. - 32 с.
7. Милькаманович, В. К. Медико-социальная адаптация и реабилитация людей пожилого и старческого возраста: пособие /В.К.Милькаманович. – Минск: Колорград, 2018. – 160 с.
8. Руденко, А. М. Социальная реабилитация: учеб, пособие / А. М. Руденко, С. И. Самыгин. - 2-е изд. - Москва: Дашков и К; Ростов-на-Дону: Наука-Спектр, 2017. - 319 с.
9. Федотова, В. А. Наузовое плетение (макраме) / В. А. Федотова, В. И. Федотов. - [Москва]: АСТ ; [Донецк] : Сталкер, 2005. - 256с.
10. Чиченкова, Т. Ю. Кружева из сундука / Т. Ю. Чиченкова, Т. П. Беленькая, О. Ю. Устинович. - Минск: Хэлтон, 2005. - 379с.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССТРОЙСТВА АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

И. В. Чумак

Белорусский государственный университет, г. Минск;

iv.chumak@tut.by

*Научный руководитель – Самаль Елена Викторовна, доцент кафедры
социальной работы и реабилитологии*

Проблема расстройства аутистического спектра достаточно широко представлена в специальных исследованиях. В публикации сделан акцент на возрастных аспектах расстройства аутистического спектра. В частности, на основе имеющихся теоретических и эмпирических исследований, рассмотрены проявления аутизма в раннем детстве, дошкольном, младшем школьном и подростковом возрасте.

Представленные материалы являются основой для исследования особенностей социально-психологической реабилитации семей, воспитывающих ребёнка с расстройством аутистического спектра.

Ключевые слова: аутизм; расстройства аутистического спектра; возрастная специфика аутизма.

Увеличение детей с аутизмом во всем мире актуализирует всестороннее изучение этого феномена не только в медицинском аспекте. Проблема аутизма из зоны внимания медицины, здравоохранения, переходит в плоскость системы социального обеспечения, изучения психологических аспектов аутизма и психолого-педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с этим заболеванием.

В современных исследованиях указывается на множественность причин возникновения аутизма, где ведущими факторами являются биологические факторы, в частности генетические и нейрохимические. Психосоциальные факторы являются дополнительными и их роль связана не с происхождением заболевания, а его развитием по мере взросления ребенка.

Имеющиеся диагностические системы сходны в том, что диагноз аутизм может быть поставлен при наличии следующей триады симптомов: «недостаток социального взаимодействия, недостаток взаимной коммуникации и недоразвитие воображения, которое проявляется в ограниченном спектре поведения» [8, с. 68].

Расстройства аутистического спектра имеют свою возрастную специфику. Практически все исследователи аутизма указывают на то, что аутистическое расстройство формируется к 2,5-3 годам. В раннем детстве аутизм проявляется в специфических трудностях эмоционального и социального развития ребенка.

К концу раннего детства для детей с аутизмом характерны следующие особенности: трудности в поддержании зрительного контакта, подражании действиям другого человека; мышечная гипотония, снижение эмоционального тонуса, безразличие к окружающим. У ребенка не формируется навык «разделенного внимания», устойчивая реакция на свое имя, восприимчивость к выполнению простых просьб – все то, что появляется у обычного ребенка к концу первого, началу второго года жизни.

У детей дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра проявляется недостаточность общего, и в том числе психического тонуса, сочетающаяся с повышенной сенсорной и эмоциональной

чувствительностью. В восприятии ребенка отмечается нарушение ориентировки в пространстве, искажение целостности картины реального предметного мира. Своеобразие аффективной сферы проявляется в ориентировке на перцептивно яркие признаки предметов [6]. Отмечается нарушение всех аспектов игровой деятельности. Самостоятельная игра аутичного ребенка, как правило, стереотипна, однообразна, роль в индивидуальной игре практически не проявляется [4.] Кроме двигательных стереотипий, проявляется навязчивость и агрессивные проявления, отмечается задержка речевого развития у ребенка; у значимой части детей речь вообще отсутствует, а у других наблюдается недостаточность коммуникативной функции речи [5, с. 29].

Для младших школьников с аутизмом характерны специфические трудности адаптации к учебной деятельности, трудности речевого, социально-эмоционального развития ребенка, проблемы в формировании образа «Я». Нарушения коммуникативных способностей у ребенка проявляются в относительной или полной невозможности вступить в контакт, в непонимании обращенной речи взрослого. Это приводит к потребности у аутичного ребенка в постоянной помощи взрослого, в многократном разъяснении изучаемого материала [1].

В учебной деятельности дети способны проявлять организованность на индивидуальных занятиях, и отличаются полной дезорганизацией в коллективной деятельности [7, с. 123]. Среди других трудностей детей младшего школьного возраста с РАС отмечают: повышенная сенсорная ранимость, стремление быть в центре внимания, ревность к похвале учителя. Учителя отмечают повышенную ответственность ребенка, стремление во чтобы-то не стало заслужить одобрение. В то же время «правильность», послушность ребенка является тормозом для его развития. К трудностям социально-эмоционального развития младшего школьника с РАС относятся стеснительность, доверчивость, социальная наивность.

В младшем школьном возрасте активно формируется самосознание, образ «Я». У детей с РАС существуют трудности становления перспективного «Я», фрагментарность или отсутствие представлений о себе в будущем, неспособность представить свою социально-возрастную роль в отдаленной перспективе [3]. Наличие эмоциональных, поведенческих и когнитивных проблем значительно снижает возможности обучения ребенка с аутизмом и требует индивидуализации содержания, организации и методов образования и коррекционной помощи.

Вступление в подростковый возраст не означает остановку социального, эмоционального и интеллектуального развития ребенка. В тоже время, общие трудности, характерные для подросткового периода, дополняются специфическими проблемами, характерными для аутичных детей. При хорошей интегрированности в социум у подростков расширяется сеть дружеских связей, формируется устойчивая учебная мотивация, развиваются бытовые и профессиональные навыки. В подростковом возрасте проявляется парциальная одаренность аутичного ребенка, которая может быть реализована только при наличии достаточно устойчивой мотивации и специальных психолого-педагогических условиях.

В эмоциональной сфере возбуждение и импульсивность сменяются инертностью, пассивностью. Поведенческие отклонения проявляются в бурных вспышках агрессии, опасных для самого ребенка. В целом, исследователи отмечают смягчение проявлений аутизма в подростковом возрасте: ребенок становится более контактным, эмоционально зрелым. Коммуникативные трудности проявляются в организации взаимодействия, понимании смыслового контекста и подтекста, мимики и интонации собеседника. Неумение налаживать обратную связь со сверстниками, монологичность контактов делают подростков объектом насмешек и манипуляций со стороны своих сверстников [7, с. 161].

В интеллектуальном отношении для подростков с аутизмом характерна большая вариативность. Для высокоинтеллектуальных подростков характерно тяготение к сверхценным увлечениям, связанным с процессом школьного обучения; учебные достижения являются для ребенка крайне значимыми. Несмотря на сохраняющиеся трудности развития социальных связей, в подростковом возрасте появляется более выраженный интерес к другим людям. При этом, однако, остаются проблемы непонимания чувств, намерений других людей, сохраняется наивность, «детскость» в отношениях. Препятствием к вхождению в компанию сверстников является недоразвитие коммуникативных навыков: «свернутость» и стереотипность речевых высказываний, навязчивое обращение к одним темам и деталям, недостаточно точное понимание ситуации общения. В то же время следует отметить, что «распространенные среди обычных подростков формы асоциального поведения – уходы из дома, алкоголизация и наркотизация – не выражены у их аутичных сверстников» [7, с. 164].

Исследователи отмечают, что на аутистические процессы в подростковом возрасте большое влияние оказывают экзогенные факторы,

в частности, микросоциальная среда, семья, характер детско-родительских отношений. Учитывая высокую пластичность аутистического процесса, при наличии адекватной психолого-педагогической, медико-биологической реабилитации подростков с аутизмом можно получать хорошие результаты, особенно в вариантах проявления «аутистического невроза» [2, с. 256].

Большая вариативность проявлений аутизма на всех этапах возрастного развития ставит задачу индивидуализации подхода к психологической работе как с ребенком, так и с его семьей.

Библиографические ссылки

1. Бегунова, Н. А. Развитие коммуникативных способностей у детей младшего школьного возраста с аутизмом / Н.А. Бегунова // Символ науки. – 2020. – № 12-2. – С. 80-82.
2. Галюков, И. А. Психолого-социально-медицинская характеристика детей и подростков с аутизмом / И.А. Галюков // Вестник ЮУрГГПУ. – 2020. – № 1 (154). – С. 247-259.
3. Кузьмина, Т. И. Содержание образа Я при искаженном развитии (на примере расстройств аутистического спектра) / Т.И. Кузьмина, О. С. Духанина // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 3 (39). – С. 98-112.
4. Матяж, А. А. Особенности развития игровой деятельности детей дошкольного возраста с ранним детским аутизмом / А.А. Матяж // Омский психиатрический журнал. – 2019. – № 2 (20). – С. 26-29.
5. Мясгутова, А. Ф. Развитие речевой коммуникации у детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра средствами Ресс / А. Ф. Мясгутова, Г.В. Валиуллина, Ф. Г. Мухаметзянова // Казанский вестник молодых учёных. – 2019. – № 4 (12). – С. 25-37.
6. Никольская, О. С. Аутичный ребенок: пути помощи / О С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. – М.: Теревинф, 2000. – 336 с.
7. Никольская, О.С. Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение / О.С. Никольская [и др.]. – М.: Теревинф, 2005. – 224 с.
8. Семянникова, А. А. Расстройства аутистического спектра: классификация, определение понятий, симптомы / А.А. Семянникова // Психология и педагогика: Методика и проблемы практического применения. – 2013. – № 3. – С. 67-71.

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. А. Шершень

Белорусский государственный университет, г. Минск;

sasha.shershen@bk.ru

*Научный руководитель – Красовская Наталья Николаевна, кандидат
социологических наук, доцент, заведующая кафедрой
социальной работы и реабилитологии*

Статья посвящена проблеме творческого взаимодействия студенческой молодежи. Целью данной научной работы является углубленное изучение феномена творческого взаимодействия и определение особенностей данного процесса в условиях вуза. В работе отражены основные направления деятельности студента, где прослеживается активное осуществление процесса творческого взаимодействия. Также в статье раскрыты такие понятия как сотворчество и эвристический метод обучения.

Ключевые слова: студенческая молодежь; творческое взаимодействие; сотворчество; эвристический метод обучения; научная деятельность; студенческое самоуправление.

Студенческая молодежь – специфическая социально-демографическая группа общества, которая в современном мире является высокостатусной частью молодежи в силу специфики учебно-научной деятельности и образа жизни. Это определяет высокую социальную роль студентов как интеллектуального ресурса общества, что, в свою очередь, влияет на их поведение, формы и ценности досуга.

Часто в условиях образовательного процесса студенты сталкиваются с необходимостью работы в команде. Они взаимодействуют друг с другом, с преподавателями, развивая тем самым свои коммуникативные навыки.

Важнейшими характеристиками взаимодействия, по мнению психологов Н. Н. Обозова, В. В. Бойко, являются: взаимопонимание, взаимопознание, взаимоотношение, межличностное общение, взаимовлияние, срабатываемость и совместимость, которые возникают в процессе совместной деятельности и раскрывают особенности поведения человека [2].

Одной из актуальных проблем студенческой молодежи является *творческое взаимодействие*. Творчество пронизывает насквозь всю деятельность студента, начиная от процесса обучения, заканчивая его общественными интересами.

Возникают достаточно частые ситуации, в которых необходима организация творческого взаимодействия студентов и преподавателя, а также студентов друг с другом, то есть их совместное творчество или сотворчество.

Анализируя употребление термина «*сотворчество*» в теории педагогики можно обнаружить его неоднозначную трактовку. Так, В.И. Андреев определяет понятие «сотворчество» как процесс коллективного поиска оригинальных идей, связанный с сотрудничеством [2]. Л.В. Байбородова трактует сотворчество как совместную целенаправленную деятельности, отличительными признаками которой являются со-субъектные взаимосвязи между участниками деятельности, неординарность, оригинальность, нешаблонность действий, направленных на получение новых свойств, признаков конечного продукта деятельности [2]. Ш.А. Амонашвили, Г.С. Меркин и Б.Г. Меркин пишут о чувстве сотворчества в учебно-воспитательном процессе [1]. В.И. Загвязинский определяет сотворчество как «особенность педагогического творчества» [3]. В.А. Кан-Калик и Н.Д. Никандров трактуют его как ситуацию, атмосферу, модель, коллективную творческую деятельность, сотрудничество [4].

Современные студенты изо дня в день встречаются с необходимостью проявлять свой творческий потенциал.

Так, сегодня в образовательный процесс активно внедряется эвристический метод.

Эвристическое обучение – это обучение, основная цель которого заключается в конструировании учащимися собственного смысла, цели и содержания, организации и осознания необходимости обучения. Таким образом, обучение, основанное на эвристическом методе, для учащихся – это непрерывное открытие нового.

Эвристический метод обучения сочетает в себе *познавательную творческую деятельность*. Это связано с тем, что преподаватель не дает студентам готовые знания, а предоставляет им объект, знания, о котором они должны найти самостоятельно информацию и овладеть ею. В качестве объекта могут выступать природные явления, исторические события, художественные произведения и т.п. На основании объекта студенты создают продукт деятельности в виде гипотезы, текста, изделия, схемы и т.д.

В рамках эвристического метода результат творческой деятельности студента не предсказуем, так как он полностью зависит от его базовых

знаний и личностных особенностей. После представления преподавателю получившегося результата, студенты сопоставляют его с уже известными достижениями в данной области и осмысливают. Конечной целью эвристического метода обучения является не получение конкретных знаний и умений, а осуществление творческой самореализации студента, решение задач, используя нестандартный, творческий, креативный подход.

К одному из направлений проявления творчества студенческой молодежью можно отнести и *научную деятельность*, включающей написание курсовых и дипломных работ, проведение собственных исследований, участие в научных конференциях, олимпиадах, хакатонах, создание инновационных проектов по проблемам различных сфер жизнедеятельности человека. В данных условиях студенты взаимодействуют с научными руководителями, другими преподавателями и специалистами-практиками, а также с другими студентами.

Студенты активно проявляют свой творческий потенциал, активно взаимодействуя в условиях *студенческого самоуправления*. Так, например, в БГУ функционирует 7 общественных организаций, входящих в Студенческую Ассамблею БГУ, 13 творческих коллективов и 143 творческих объединения и клуба. Ежегодно студенты реализуют более 150 проектов. Каждый проект – это новая площадка для реализации своего творческого потенциала в условиях взаимодействия студентов.

Таким образом, творческое взаимодействие является одним из важнейших процессов в деятельности студенческой молодежи. Именно благодаря знаниям, умениям и навыкам, которые приобретаются в условиях творческого взаимодействия, выпускники вузов востребованы у будущих работодателей. Умение творчески подходить к решению различных проблем, навык работы в команде – главные преимущества современного студента.

Библиографические ссылки

1. Амонашвили, Ш. А. Как живете, дети? / Ш.А. Амонашвили. - М.: Просвещение, 1986. - 176 с.
2. Байбородова, Л. В. Взаимодействие в разновозрастных группах учащихся / Л.В. Байбородова. - Ярославль: Академия развития, 2007. - 336 с.
3. Загвязинский, В. И. Педагогическое творчество учителя / В.И. Загвязинский // Советская педагогика. - 1988, - № 1. - С. 70-75.
4. Кан-Калик, В. А. Педагогическое творчество / В.А. Кан-Калик, Н.Д. Никандров. - М.: Педагогика, 1990. - 144 с.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С АВТОРАМИ НАСИЛИЯ

Е. А. Якимович

Белорусский государственный университет, г. Минск;

belanaka2018@gmail.com

Научный руководитель – Басинская Ирина Валентиновна, старший преподаватель

В современном обществе, к сожалению, есть место насилию. В последнее время общество всё чаще говорит о частых фактах насилия в период эпидемиологической ситуации в мире. Как показывает практика специалистов и их выводы по поводу феномена насилия: работа должна быть проведена не только с жертвами, но и с авторами насилия.

Ключевые слова: насилие; авторы насилия; жертвы насилия; технология; социально-психологические технологии; агрессия.

Насилие — это агрессия. Почему она возникает? Почему современный мир нельзя представить без нее? Все ли подвержены агрессии? И самый главный вопрос-как с ней бороться?

Насилие, жестокое обращения и агрессия используются людьми для достижения какой-либо цели. С течением времени, с людьми, которые являются авторами насилия начали активно бороться.

Первые программы для авторов насилия появились в США в 1970-х годах в Бостоне. Создание кризисных центров предполагало формирование психологических групп для авторов насилия. В зарубежной практике на явление насилия не закрывают глаза, поэтому в США на сегодняшний день работает около полутора тысяч программ, а также стоит обратить внимание, что данные программы делятся на: принудительные и добровольные.

Так же в конце 80-х годов 20 века в Норвегии появляется программа «Альтернатива насилию», данная программа включает в себя групповую и индивидуальную работу с агрессорами.

Исходя из зарубежного опыта в практике работы с насилием, страны СНГ выработали свою систему работы с насилием.

По результатам исследования, которые проводились О.Л. Даниловой и Т.А. Забелиной, были выделенные основные виды насильственных

действий – экономическое, психологическое, физическое и сексуальное [1].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова дается следующее определение: «Насилие — применение физической силы к кому-нибудь; принудительное воздействие на кого-нибудь». В данном понятии главное заметить важную деталь — принудительное воздействие (принудить — заставить делать против желания самого человека), однако какой вид будет применен (физическое или психологическое), вовсе не играет особой роли.

Психологи называют насилием действия, которые выражаются в реальной или выраженной форме угрозы, применение физической силы (и не только физической) против личности, социальной группы или общества, приводящее к отрицательным последствиям, наносящим вред человеку (боль, увечье, смерть, психологическая травма, нарушение развития или депривация). Здесь ключевым является «преднамеренное (неслучайное) нанесение вреда» [5].

При разработке программы, корректирующей поведение авторов насилия, необходимо учитывать индивидуальные особенности данной категории клиентов. Чаще всего, агрессоры не осознают своей жестокости и агрессивного поведения, а также могут оправдывать себя, обвиняя свою жертву в провокации.

В большинстве случаев обидчики приходят к специалисту не из-за лежащей на поверхности проблемы - насилия от их рук, а по другим причинам, и только вследствие работы со специалистом выясняется их склонность к насилию. У людей, которые применяют насилие, внутри полно противоречивых чувств и внутреннего переживания, для них обсуждение данной проблемы очень непросто, тем более с лицами, представляющих государственные организации. Случаи, когда агрессоры сами приходят к специалисту с этой проблемой, редки, то есть речь идет изначально о внешней, а не о внутренней мотивации обидчиков.

Еще одной важной проблемой является зависимость жертвы от обидчика. Причинитель насилия зависит от своей жертвы, ведь в отсутствии жертвы он не может избавиться от чувства напряжения. Обидчик привыкает обвинять во всех своих проблемах свою жертву. Жертва также в той или иной мере зависит от насильника (материально, физически, территориально или психологически). Жертва привыкает согласовывать свои действия, мысли и желания с состоянием автора насилия. Жертва всегда стремится угадать его настроение, физическое состояние, она подыскивает слова и жесты для того, чтобы позитивно

настроить агрессора, добиться от него снисхождения. Также есть проблема в том, что жертва в отсутствии автора насилия не знает, как себя вести, как принимать решения самостоятельно [2].

Очень важно понимать в работе с насилием, что данный феномен имеет свои фазы и носит циклический характер. Первая фаза - обидчик ссорится со своей жертвой или даже применяет насилие. После этого идет вторая фаза - фаза примирения. Обычно, после насилия обидчик просит прощения, обещает, что больше такого не повторится [2].

Жертва всегда до последнего верит (или хочет верить) в раскаяние обидчика, в надежде на светлое будущее, она готова пожалеть и простить того, кого совсем недавно боялась и ненавидела. Какое-то время в их отношениях царит спокойствие и покой. Но со временем напряжение нарастает и появляются все новые и новые претензии к жертве. И снова возникает взрыв. После агрессор молит о прощении, и снова жертва прощает. Жертва в такие моменты не понимает, что, прощая своего насильника, вызывает его привыкание к тому, что впоследствии все равно будет прощение и по этой причине он не опасается наказания за свои деяния. Эта безнаказанность и приводит к распушенности и вседозволенности. Практика показывает, что со временем таких ссор становится всё больше и больше, и степень насилия усиливается. Чтобы избежать сопротивления и в дальнейшем, а также, чтобы избавиться от чувства вины, обидчик всегда находит для себя оправдания и использует особые стратегии для лишения жертвы поддержки, эмоциональной ориентации, уверенности в себе и своих физических силах, доводя ее своими придирками, оскорблениями и угрозами до изнеможения.

Так как же работать с авторами насилия? К сожалению, в нашей стране еще нет принудительных программ по работе с авторами насилия. Прежде всего, это связано с отсутствием государственной финансовой поддержки подобных проектов и соответствующего законодательства. Юридически никто и ничто не может обязать авторов насилия обратиться за помощью.

Работа с авторами насилия всегда начинается с диагностики. Если человек считает, что он применяет насилие, это еще не значит, что он действительно совершает его. «Насилие предполагает намерение унижить, оно атакует достоинство другого человека. А деструктивно-агрессивная реакция имеет своей целью защитить границы, свою территорию. Человек взрывается, вскидывает руки. И ему совершенно не хочется делать никому плохо. Ему хочется, чтобы от него все отстали», — объяснил Хоцкий Станислав Александрович [4].

Границы очень размыты между насильственным и деструктивно-агрессивным поведением. Даже если человек не намеревался обидеть другого, противоположная сторона могла ощущать происходящее, как насилие. Поэтому это разделение безусловно важно только в рамках работы с конкретным человеком, чтобы помочь ему разобраться в происходящем, найти причины своей реакции.

Принятие ответственности за свои действия - ключевой этап в работе с авторами насилия. Обычно авторы насилия осознают свои поступки, хотя, возможно, и не так здраво, как в спокойном состоянии. Разобраться в этом, в частности, помогают точные вопросы: что сказал, как громко крикнул, с какой силой бросил предмет.

Дальше идёт этап фокусировки на результатах и последствиях насилия. Задача - разъяснить воздействие насилия на того, кто ему подвергается, а также показать влияние насилия на того, кто его совершает.

После идет этап фокусировки на альтернативе. Нужно понять смысл и ценности изменений. Когда насилие освещено во всех измерениях, становится возможным увидеть его опасные последствия и существование не менее мощных альтернатив. Недостаточно просто перестать применять насилие, необходимо чем-то заполнить место насилия. Нельзя решить проблему каким-то одним приемом, здесь требуется комплексное изменение поведения через анализ вариантов безопасного поведения и контроль собственного агрессивного поведения [3].

Таким образом, работа с авторами насилия является важной и многоструктурной работой. Надо дать понять агрессору, что насилие — это не нормально и с этим можно и нужно бороться. Самое сложное - это мотивировать автора насилия на прохождение коррекционной программы. Каждый агрессор требует индивидуального подхода, для чего требуется время, свое для каждого. Необходимым аспектом работы с насилием является взаимодействие всех государственных структур, которые занимаются данным вопросом. На примере работы отделения социальной защиты и помощи гражданам можно сказать, что такое взаимодействие налажено с правоохранительными структурами, в частности, с участковыми уполномоченными, что способствует своевременному выявлению насилия.

Библиографические ссылки

1. Данилова О. Л. Психология восприятия насилия: культурный и гендерный аспекты // Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. 479 с

2. Маскалева Н. А. Психологические основы работы с людьми, пренебрегающим к насильственным формам поведения в семье [Электронный ресурс] -2021.- Режим доступа: <https://protivpytok.org/work-with-family-violent-behavior.html>
3. Оберг Х., Исьемин А. Психологическая работа с мужчинами, склонными к домашнему насилию и желающими изменить свое поведение// Середа М.В. Рабочие материалы курса повышения квалификации «Групповое и индивидуальное консультирование мужчин, прибегающих к насилию в семье и желающих изменить поведение». СПб., 2015. С. 167–191.
4. Почему нужно помогать тем, кто проявлял насилие к близким, но хочет исправиться [Электронный ресурс] -2019.- Режим доступа: <https://takiedela.ru/notes/avtory-nasiliya/>
5. Республиканский центр психологической помощи [Электронный ресурс] -2019.- Режим доступа: <http://rcpp.by/article/slovar-terminov-po-bullingu/>

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Л. Б. Яковлева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

lubovrehabpsy@yandex.by

*Научный руководитель – Самаль Елена Викторовна, доцент кафедры
социальной работы и реабилитологии*

В данной статье анализируется ситуация пандемии коронавирусной инфекции как стрессовая и чрезвычайная ситуация, способствующая возникновению экзистенциального кризиса. Делается акцент на переживании нового опыта нахождения в ситуации ограничений и изоляции, переосмысления жизни и необходимости поиска новых паттернов поведения.

Ключевые слова: экзистенциальный кризис; пандемия; изоляция; смысл жизни; переосмысление; кризисная ситуация; стресс; самоактуализация.

Нормой нового века стала жизнь «на бегу»: успеть все, быть в тренде, быть в теме. И вдруг этому несущемуся «локомотиву», составленному из планов и задач, пришлось резко затормозить на станции с названием «пандемия» и всем пассажирам этого скоростного поезда пришлось перейти в зал ожидания под названием «изоляция». С приходом пандемии разрушился весь привычный мир – человечество переживает новый опыт жизни в ситуации пандемии и изоляции. У современного поколения людей нет опыта переживания пандемии такого масштаба. Пандемия имеет все признаки чрезвычайной ситуации: внезапность наступления события и

переход в период времени нестабильности, чрезмерный для человека масштаб события, динамические и прогрессирующие изменения в ситуации, изменения в условиях жизнедеятельности, возникновение новых условий для адаптации в социальной жизни – социальная дистанция, возникновение внутриличностного, межличностного или межгруппового конфликта [1].

Вместе с тем, переживания людей в период пандемии имеют все признаки экзистенциального кризиса. Во время вынужденной изоляции неизбежны переживания и негативные эмоции, мысли о будущем полны отчаяния и безнадежности. Разрушенные социальные контакты, пошатнувшаяся финансовая безопасность и ограниченность в самореализации – важные сферы жизни, по которым последствия пандемии ударили больше всего. В ситуации, когда люди боятся приглашать друг друга в гости из-за страха заражения вирусом, появляется чувство оторванности от других и мира в целом, человек остро ощущает недостаток общения с привычным кругом людей, утрату смысла жизни, чувствует себя ненужным, не достойным или не заслуживающим любви и внимания окружающих. Даже в моментах, когда свобода заметно ограничена объективными внешними обстоятельствами – человек свободен в поисках и реализации смысла своей жизни. Избегать ответственности, свободы, выбора – значит предавать самого себя, быть не аутентичным [2].

А. Лэнге, В. Франкл полагали, что смысл жизни должен быть найден самим человеком, его нельзя передать, навязать, сформировать, он не дается человеку из внешней среды. В. Франкл, заметил, что мы не можем выбирать наши трудности и проблемы, но у нас есть возможность выбирать наши отношения и реакции, решать, что мы делаем с ними, и сохранять чувство собственного достоинства [3].

Однако, стрессовые события, порождающие экзистенциальный кризис, нередко несут в себе шанс на перемены к лучшему. Во время стрессовых событий происходит ревизия своих желаний и жизни в целом, и они могут стать толчком к тому, чтобы кардинально ее «переформатировать» и придумать дело, которое поистине для души.

В подобные кризисные ситуации жизни человека проявляется способность к самоактуализации вопреки многим обстоятельствам. Поэтому в условиях переживания пандемии необходим переход от старых паттернов поведения к поиску новых эффективных путей для самоактуализации. У каждого человека есть нереализованные проекты,

задвинутые на времена «когда-нибудь» – когда улучшится мое благосостояние, позволит состояние здоровья, когда я смогу уделить больше времени чему-либо и вдруг происходит осознание, что это время «когда-нибудь» может никогда не наступить и «когда-нибудь» – это именно сейчас, либо никогда. Просто необходимо начать делать то, что откладывали неделями, годами и даже десятилетиями. Это один из положительных моментов вынужденной изоляции, даже если это начало – всего лишь продумывание масштабов либо деталей «проекта мечты». Даже на этом этапе можно вдруг обнаружить, что все это не так уже и важно, не зря же это откладывалось на всякий «супер удобный» идеальный период жизни. Вдруг понять, что перерос собственную мечту, и она уже не так греет душу, либо слишком сложна для реализации. Человек, как субъект жизни, сам организует собственную жизнь, и даже в те моменты, когда ему кажется, что он ничего не делает – этим своим ничегонеделанием он пишет собственную историю «здесь и сейчас» – либо впустую тратит время и потенциал, либо копит силы для рывка. Если человек не занимается важным для него делом, он все меньше испытывает положительных эмоций и погружается в состояние апатии – ожидание негативного исхода любого действия. Но никто не может создать для нас внутренние ценности, это работа самого человека. Как же к ним вернуться?

Часто человеку, попавшему в неожиданную критическую ситуацию тяжело не столько физически, сколько психологически. Однако, и к новой неожиданной жизненной ситуации, можно отнестись с интересом, и многому можно научиться и на основании нового опыта сделать выводы для дальнейших действий. Человек, когда-то мечтавший никогда не ходить на работу, а работать дома, вдруг с удивлением осознает, что не так уж это и заманчиво, как это выглядело только в мечтах. Далеко не все способны самоорганизоваться и для них важна эта структурная конструкция под названием «поход на работу». А кому-то наоборот этот опыт нахождения в ситуации изоляции показал, что без выхода из дома и потери времени на дорогу к рабочему месту в организации, работается намного продуктивнее, и благодаря этому новому осознанию человек перестал искать причины для отказа работы во фрилансе. Человек, который хотел больше времени проводить с семьей, вдруг понял, что не такое уже это и плохое дело – отдых друг от друга.

Поэтому, в каждой жизненной ситуации необходимо стараться находить не только минусы, но и плюсы, оценивать не только личностные «потери», но и приобретения. И ситуация изоляции во время пандемии, какой бы

масштабной, длительной, порой трагичной она не была, не является исключением. У каждого человека есть возможность в этот период либо личностно вырасти, либо стагнировать.

Библиографические ссылки

1. *Пергаменщик Л. А.* Кризисная психология: учебник / Л. А. Пергаменщик. – Минск.: Вышэйшая школа, 2004. – 288 с.
2. Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; науч. ред.: В. Э. Чудновский, К. В. Карпинский. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 261 с.
3. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – Москва.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. – 366 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ У СТАРШЕКЛАСНИКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Н. И. Ярош

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nadya.dudko.98@mail.ru

*Научный руководитель – Ачинович Тереза Иосифовна, старший
преподаватель, магистр педагогических наук*

Исследование посвящено изучению профессиональной направленности и смысложизненных ориентаций у старшеклассников из полных и неполных семей. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения результатов исследования практическими психологами, работниками учреждений образования при организации коррекционной работы по формированию смысложизненных ориентаций и профессиональной направленности в старшем школьном возрасте.

Ключевые слова: направленность; неполная семья; профессиональная направленность; смысл жизни; смысловая сфера личности; смысложизненная сфера; ценности; старший школьный возраст.

Актуальность исследования. Современный мир характеризуется изменением социально-политических и материально-экономических условий жизни. Это в свою очередь отражается на психологическом состоянии людей, их физическом здоровье, материально-финансовом благополучии, что приводит к переоценке жизненных ценностей и установок, изменению отношения к образу жизни и ее осмысленности [1].

Осмысленность жизни является одной из главных психологических проблем человека. Ценностно-смысловое отношение человека к миру пронизывает все сферы его жизнедеятельности, служит интегральной характеристикой его социального состояния, ориентирует его в социальном пространстве. Смыслоразностные ориентации служат базисом социальной системы, по их характеру можно судить о тенденциях изменения общественных отношений, перспективах развития социума. Проблема изучения ценностных ориентаций, являясь междисциплинарной, приобретает особую значимость в периоды общественных трансформаций, глубоких перемен в социально-экономических, социально-политических, социально-культурных условиях жизни людей [3]. Это объясняется тем, что ценностные ориентации представляют своеобразную призму, через которую можно понять суть процессов, происходящих в той или иной социальной системе, выявить их латентное содержание и направленность [2]. Профессиональная направленность считается одним из необходимых компонентов, который входит в структуру личности [4].

Цель исследования заключалась в изучении профессиональной направленности и смыслоразностных ориентаций старшеклассников из неполных и полных семей.

В ходе диагностики старшеклассников методикой «Смыслоразностные ориентации» (Д.А. Леонтьев) было определено, что между старшеклассниками из полных и неполных семей существуют различия в смыслоразностных ориентациях (кроме шкалы ЛК-жизнь).

По субтесту «Цели в жизни» среднегрупповой показатель в выборке старшеклассников из полных семей составил 38,9 балла, тогда как в выборке старшеклассников из неполных семей - 32,53 балла ($U_{\text{эмп}}=259,0$ при $p=0,004$). Эти свидетельства о том, что для старшеклассников из полных семей в большей степени характерно наличие целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, чем для старшеклассников из неполных семей.

По субтесту «Процесс жизни или эмоциональная насыщенность жизни» среднегрупповой показатель в выборке старшеклассников из полных семей составил 36,43, тогда как в выборке старшеклассников из неполных семей - 32,47 ($U_{\text{эмп}}=251,5$ при $p=0,003$). Это дает основание сделать вывод о том, что для старшеклассников из полных семей в большей степени, чем для старшеклассников из неполных семей, характерно восприятие самого процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом.

По субтесту «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» среднегрупповой показатель в выборке старшеклассников из полных семей составил 28,87 балла, тогда как в выборке старшеклассников из неполных семей - 25,3 балла ($U_{\text{эмп}}=233,5$ при $p=0,001$). Это свидетельствует о том, что в целом для испытуемых из обеих выборок характерно оценивание прожитого отрезка жизни, как результативного и осмысленного.

По субтесту «Локус контроля – Я или Я – хозяин жизни» среднегрупповой показатель в выборке старшеклассников из полных семей составил 26,1 балла, тогда как в выборке старшеклассников из неполных семей - 21,73 балла, что соответствует нормативным показателям по данному субтесту ($U_{\text{эмп}}=159,5$ при $p=0,0$). Таким образом, для старшеклассников из полных семей, в большей степени характерно представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, чем для испытуемых из выборки старшеклассников из неполных семей.

По субтесту «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» среднегрупповой показатель в выборке старшеклассников из полных семей составил 31,17 балла, тогда как в выборке старшеклассников из неполных семей - 28,9 балла ($U_{\text{эмп}}=319,0$ при $p=0,052$). Таким образом, для испытуемых из обеих выборок характерно убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

По шкале «Общая осмысленность жизни» среднегрупповой показатель в выборке старшеклассников из полных семей составил 118,93 балла, тогда как в выборке старшеклассников из неполных семей - 105,7 балла ($U_{\text{эмп}}=231,0$ при $p=0,001$). Это свидетельствует о том, что для старшеклассников из полных семей в большей степени характерно восприятие собственной жизни как осмысленной.

Анализ содержательных и структурно- функциональных свойств смысла жизни у старшеклассников с помощью методики «Источники смысла жизни» К. В. Карпинского, позволил сделать вывод, что у старшеклассников из полных семей смысл жизни более реалистичен: существуют статистически значимые различия в показателях индекса $IND_{\text{нрЖ}}$ ($U=591$, $p\leq 0,05$). Это говорит о большей нереалистичности смысла жизни у старшеклассников из неполных семей по отношению к предметным условиям жизни. Внешние предметные обстоятельства,

которые влияют на особенности жизни в одиноком проживании (отсутствие постоянной поддержки близких, психологический дискомфорт), повышают степень смысловой кризиса. Для старшеклассников из полных семей характерна компенсация влияния внешних предметных обстоятельств на риск развития смысловой кризиса посредством нахождения в комфортных психологических условиях в окружении семьи.

Также выявлены статистически значимые различия в показателях индекса $IND_{\text{нрЛ}}$ ($U=663$, $p \leq 0.01$). Это свидетельствует о большей нереалистичности смысла жизни у старшеклассников из неполных семей по отношению к своим индивидуальным возможностям и особенностям личности.

Определены статистически значимые различия в показателях индекса $IND_{\text{нрД}}$ ($U=663$, $p \leq 0.01$). Это показывает большую нереалистичность смысла жизни у старшеклассников из неполных семей в контексте практической деятельности. Жизненные условия, в которых находятся старшеклассники из полных семей (психологический комфорт, ориентация на семейные ценности, систематическая поддержка родственников в проблемах, связанных со здоровьем, с увлечениями), позволяют им находить больше смысла в жизни.

Выявлены статистически значимые различия в показателях интегрального индекса $IND_{\text{нрИ}}$ ($U=637,5$, $p \leq 0.01$). Это говорит о большей нереалистичности смысла жизни в целом у старшеклассников из неполных семей по сравнению со старшеклассниками из полных семей. Для старшеклассников из полных семей характерна содержательная адекватность реальным жизненным обстоятельствам.

В ходе изучения профессиональная направленность старшеклассников из полных и неполных семей с помощью методики «Дифференциально-диагностический опросник» (Е.А. Климов) было определено, что между группами старшеклассников существуют статистически значимые различия по шкале «человек-знаковая система» ($U_{\text{эмп}}=623,0$ при $p=0,009$). Таким образом, для старшеклассников из полных семей характерна более высокая выраженность профессиональных интересов в сфере «человек-знаковая система».

По итогам диагностики старшеклассников методикой «Карта интересов» А.Е.Голомштока было определено, что существуют различия в следующих сферах профессиональных интересов: «физика и математика» ($U_{\text{эмп}}=611,0$ при $p=0,011$), «радиотехника и электроника» ($U_{\text{эмп}}=688,0$

при $p=0$), «механика и конструирование» ($U_{\text{эмп}}=670,0$ при $p=0,001$), «история и политика» ($U_{\text{эмп}}=601,5$ при $p=0,023$).

Таким образом, можно говорить о том, что для старшеклассников из неполных и полных семей характерны различия в профессиональной направленности и смысложизненных ориентациях.

Библиографические ссылки

1. *Карпинский, К. В.* Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности : моногр. / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2021. – 219 с.
2. *Кунц, Л. И.* Профессиональная направленность как фактор формирования образа будущей профессиональной деятельности личности (на материале студентов–психологов) : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Л.И. Кунц. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
3. *Леонтьев, Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леоньев. – М. : Смысл, 2013. – 486 с.
4. *Лужецкая, А. М.* Факторы личностной направленности педагогов разного возраста / А.М. Лужецкая // Вестн. Костром. гос. ун–та. – 2010. – № 1. – С. 15 – 22.

СЕКЦИЯ 26. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES:
INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE

**INTERCULTURAL ADAPTATION OF CHINESE STUDENTS IN
BELARUS**

S. Chen, Y. Pan

Belarusian State University, Minsk;

806050098@qq.com

Research Advisor – Larisa G. Titarenko

Doctor of Sociological Sciences, Professor

This research uses questionnaires and interviews to investigate Chinese international students who have studied in Belarus for more than six months, and analyzes their cross-cultural adaptation/inadaptation from the perspective of cultural dimension theory. This research starts from the three aspects of life, study and interpersonal communication. Guided by Hofstede's cultural theory, this research analyzes the main reasons for the cross-cultural discomfort of the Chinese students in Belarus, in order to observe the cultural differences between China and Belarus, aiming at helping Chinese students who have been in Belarus or plan to study in Belarus to better adapt to the cultural differences between the two countries.

Key words: Chinese students in Belarus; cultural dimension; cross-cultural adaptation.

1. Theory of cultural dimension

In the 1970s, the Dutch management scholar Geert Hofstede's views on culture were formed on the basis of his experimental research on cultural differences. He summarized cultural differences into four basic dimensions. Later, after theoretical development and supplementation, it was expanded into six dimensions. He points out that all cultural differences can be traced back to one or more of the basic dimensions. These dimensions are: Individualism / Collectivism, Power distance, Masculinity / Femininity, Uncertainty avoidance, Long-term / Short-term orientation, Indulgence / Restraint.

2. Research methods and design

2.1. Research methods and objects

This research adopts the method of questionnaire survey and interview. The research objects are Chinese international students who have studied and lived in Belarus for more than 6 months. Their educational backgrounds range from

undergraduates to masters, and their professional backgrounds include humanities, social sciences, science and technology, and art. A total of 42 valid questionnaires were recovered, and a total of 15 people were interviewed.

2.2. Questionnaire and interview question design

Questionnaire and interview questions are mainly based on Hofstede's cultural dimension theory, and the question setting is divided into two parts. The first part is the background information of the respondents, including gender, age, degree and major. The second part mainly investigates the cultural attribution of international students' cross-cultural discomfort, presupposing questions from the three aspects: life, study and interpersonal communication.

3. Survey results and data analysis

The survey results show that the interviewed international students have more or less difficulties in life, study and interpersonal communication in Belarus.

Regarding the ranking of the three aspects of difficulty by respondents, the degree of difficulty in daily life is relatively low, only "diet", "seeing a doctor" and "leisure and entertainment" are listed as having difficulty in daily life. "The difficulty of daily life is low or moderate above all difficulties, the real difficulty is studying and integrating into the Belarusian group," – said one interviewee. The degree of difficulty in academics and interpersonal communication is more severe. Among them, the most obvious difficulties in academics are "overall academic pressure" and "final papers and exams"; in terms of interpersonal communication, the most obvious difficulties are "becoming friends with Belarusians" and "attending Belarusian parties or activities".

3.1. Adaptation in daily life

The diet of Belarusians is very different from that of Chinese, and almost all respondents indicated that they are not well adapted to the Belarusian diet. Most respondents would rather cook their own meals or eat at Chinese restaurants than eat at a local restaurant.

In addition, they also indicated that there is less entertainment in Belarus than at home. There are relatively few types of entertainment venues in Belarus. Large-scale shopping venues in China are almost open all year round, and they are open all night on holidays.

In addition, in Belarus one must make an appointment before seeing a doctor. Although there is also an appointment system in China, it is not as common as in Belarus. One can go to the hospital to register for medical treatment at any time even without an appointment. In addition to medical treatment, college students and professors need to make an appointment in advance for interviews, taxis, maintenance, etc. This difference in time perception causes many Chinese

students to feel uncomfortable, which in turn creates a sense of stress and urgency.

Measured by the cultural dimension theory, Belarusian culture tends to be feminized and pays more attention to the quality of personal life, while Chinese culture is more masculine and pays more attention to competition and career success. Chinese students who are new to Belarus are not used to or understand the short working hours in service places, which directly affects their satisfaction with life abroad.

3.2. Adaptation in study

More than 80 % of the respondents said: "I don't like to take the initiative to speak in class". Chinese students are introverted and conservative in the classrooms of the Belarusian universities. This is not only restricted by language factors, but closely related to the different forms of classroom organization in China and Belarus. Belarusian classrooms are usually "exploratory", that is, the student is the protagonist and the teacher is a "leader". At the beginning of the semester, Belarusian teachers usually arrange course reading materials for students to preview. In the classroom, teachers assume that students have read and have a preliminary understanding. They will ask questions to prompt students to think, and encourage students to analyze and explore. Chinese classrooms are usually "teaching-style". Teachers are "teachers", students are accustomed to carry out classroom learning under the teacher's explanation and leadership, and are more casual about pre-class preview.

In addition, Chinese university teachers do not often assign homework, and some classes only have one or two homework per semester, and students have a lot of free time to do their own things after class. The Belarusian university has a lot more homework, which makes some respondents feel academically stressed and they cannot adapt well.

3.3. Adaptation in interpersonal communication

Since most of the Chinese students who come to Belarus for master's programs do not speak Russian, they cannot communicate well with Belarusian students. Respondents said: "I feel more intimacy and belonging with Chinese classmates", "I feel that it is difficult to truly integrate into the Belarusian circle", "I feel that it is difficult to become real friends with Belarusians" and so on. These data fully show that the communication between Chinese students and local people is not very smooth. In foreign countries, it is more to relieve the pressure and discomfort caused by cross-culture through communication with Chinese friends and classmates.

The degree of communication between Chinese students and Belarusians is low, but they are closely related to Chinese classmates, which is closely related to the cultural differences in interpersonal relationships between China and Belarus. According to Hofstede's research, China scores very low on individualism and belongs to a collectivist society. The cultural background of Chinese collectivism has created a strong demand for "collective" and "relationship" in Chinese thinking. Even if people are in a foreign country, the Chinese subconscious still has the habit of seeking "collective" and being accepted and recognized by the group.

4. Conclusion and recommendations

Research shows that during their studies in Belarus, Chinese students have encountered varying degrees of discomfort and difficulties in life, academics and interpersonal communication. Among them, the overall academic pressure and the discomfort of interacting with Belarusians are more serious, while the discomfort in life is relatively mild.

4.1. Life aspects

Respondents' living problems are mainly focused on "diet", "seeing a doctor" and "leisure and entertainment". It is suggested that students must consciously cultivate and improve their self-care ability before studying abroad, know how to cook by themselves and make an appointment to see a doctor, develop some personal hobbies, such as sports, musical instruments.

4.2. Academic aspects

Chinese students should cultivate the spirit of bearing hardships, and stand hard work, and the ability to resist pressure and setbacks in order to achieve higher academic efficiency; understand the different forms of classroom organization in Belarus, strive to overcome shyness and lack of self-confidence, and participate more actively in class.

4.3. Interpersonal communication aspects

First of all, international students should adjust their mentality in the early stage of studying abroad. They should not only fully understand the cultural differences between China and Belarus, but also realize the complexity of interpersonal communication between different cultures. Second, international students should strive to improve their vernacular ability, learn to master interpersonal skills, and cultivate diverse interests. Finally, they should understand and study Belarus' national conditions, history and culture, familiarize themselves with customs and taboos in social interaction, respect the etiquette and customs in each other's culture.

References

1. *Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*. 2nd ed. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2008.
2. *Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London: McGraw-Hill, 2004.

KAREN HORNEY'S STAGES OF WOMAN'S PSYCHOSEXUAL DEVELOPMENT

E. O. Gaydukevich, K. A. Miroshnichenko

Belarusian State University, Minsk;

micos01062004@gmail.com; egajdukevich@bk.ru

Research Advisors – Evgenia V. Stolarskaya, Senior Lecturer, Chair of General and Medical Psychology; Ekaterina A. Volkova, Lecturer, Chair of International Journalism, Faculty of Journalism

In this publication, the authors refer to the problem of sexual development in the works of Sigmund Freud and Karen Horney. The object of the study is the theory of a woman's psychosexual development, the goal is to identify and characterize the stages of psychosexual development. This work can be used as a theoretical basis in modern studies of a woman's sexual development, also it can identify the causes of some disorders.

Key words: psychoanalysis; psychosexual development; woman; castration complex; the unconscious.

Sigmund Freud was the first scientist to introduce the theory of psychosexual development. Other psychoanalysts tried to propose other versions of this theory; however, the problem was that women's psychosexual development was not in focus. It could be a drawback of S. Freud's theory, as he believed that women are psychologically inferior to men, and it is extremely problematic for them to complete their psychosexual development [2].

One of the first psychoanalysts, who advanced the theory of psychosexual development, was Karen Horney. Prior to that S. Freud's theory dominated in psychoanalytic society, claiming that women have an inferiority complex, only because they do not possess a penis. It is not exactly clear why women are penis envy and men envy female anatomical features.

Initially, K. Horney supported S. Freud's ideas. She agreed with the presence of a castration anxiety in a woman, but she doubted the cause of this fear. She suggested that the structure of woman prevents self-knowledge and

release. Related to this problem is a suppressed urge to masturbate. K. Horney states that the fact that boys hold onto their genitals while urinating is unconsciously interpreted as a permission to masturbate. As a result the difference in a female body structure might inevitably lead to a bitter sense of injustice and a rejection of pleasure (masturbation). Therefore, anatomical features affect the psychological development of a child [4, p.7-8].

Psychosexual development.

According to K. Horney's theory there are two stages of excruciating "separations" in the course of her (girl's) development, namely:

- "separation" from the mother (girl experiences sexual attraction to mother)
- "separation" from the father (on condition the prior separation from the mother occurred).

During the first year of life, the mother primarily gratifies all her (girl's) desires, eliminating the girl's need for anyone else. Due to the valuable mother's love a positive image of herself is being built in a girl. Consequently, during the second year of life, the girl seeks "separation" from her mother and develops her own "Self" [1, p. 109].

Interestingly, if the mother refuses to separate and psychologically absorbs the daughter, then the girl never learns independence. The girl remains in a merger with her mother and doesn't accept the male world. As a result, the girl's personal boundaries are blurred and men seem strange and unconceivable to her [1, p. 110].

On condition that the girl successfully separates from the mother, her libido turns to her father. The girl's emotions are ambivalent. On the one hand, the mother still plays an important role in her life, on the other hand, the mother becomes an obstacle between the girl and her father. However, the love switch to the mother is still an option again as the father is not yet recognized as the ultimate object of love.

Similarly, in the Electra complex situation as soon as the father becomes an ultimate object of love in the eyes of the little girl, her sexuality and femininity is ignited. The girl senses admiration in her father's eyes, tries to please him and attract his attention. A normal course of development guarantees that the girl will find way from her father to her own beloved man. Otherwise, the girl fixates on her father and her libido sticks to him eventually.

In this case, the girl is sexually attracted to her father and desires to have his child. At this stage, she identifies herself with her mother, and feeling strong attraction to the father, she loses touch with reality and fantasizes about a sexual

intercourse with her father. Such distorted sense of reality might be determined by a hyper emotional attachment to her father, excessive fantasy or dysfunctional family relations. It seems to such girls that their fathers were their real lovers and abandoned them in the end. [4, p. 9-11].

Furthermore, the desire to have a child is paramount for them [4, p. 12]. Due to the distortion of normal psychosexual development the girl renounces not only the father, but also gives up the desire to have a child and, accordingly, regresses to the previous stages: the desire to have a penis becomes very strong again. Further analysis demonstrates that the reason for regression and penis envy lies in the girl's jealousy of her mother. It was the mother who had sexual intercourse with the father and gave birth to a child. At this point a displacement mechanism takes place and the penis becomes the object of envy [4, p. 13].

K. Horney emphasizes that the castration complex implies a tendency to homosexuality, i. e. the girl starts to identify herself with the father, not the mother. It happens because of the feeling of guilt and anxiety that emerges from the fear of a woman's role [1, p. 110].

Undoubtedly, the libido fixation of the girl on the father affects the life of the girl, resulting in homosexual tendencies in her behavior. Thus, it factors out healthy relationships with the opposite sex for her.

Correspondingly, K. Horney concentrated more on social factors and various kinds of neuroses in the development of women. She still placed great importance on the child experiences, primarily related to *child-parent* relationships, but did not, however, ignore the society and culture factors that affected the woman in her present and past [3].

As a result of the study, the stages of psychosexual development were considered. With a violation of psychosexual development, the following may possibly occur: the appearance of homosexual tendencies, the inability to build healthy relationships, dependence and unwillingness to have a child. With a favorable outcome of psychosexual development, the girl, after separation from her mother, successfully passes the second separation – from her father, freeing herself from a neurotic connection with her parents and acquiring the ability to build mature, full-fledged, and, most importantly, healthy relationships with men and start a family [1, p. 111].

References

1. Кочарян, А.С. Теоретические и методологические аспекты исследования женского психосексуального развития / Кочарян, А.С. Якименко, О.Ю. // Вестник Харьковского нац. ун-та. Сер. Психология, 2010. № 43(902). Сс. 108 – 112.

2. *Фрейд, З.* Некоторые психические следствия анатомического различия полов // Психоанализ [Электронный ресурс]. URL: <https://psychoanalysis.by/2019/01/07/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F-%D0%B7%D0%B8%D0%B3%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B4-%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B4-%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B5-%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%B8/> (дата доступа: 26.04.2022).
3. *Хорни, К.* Новые пути в психоанализе / Карен Хорни; пер. с англ. В.В. Старовойтова; под ред. А.М. Боковикова. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 400 с.
4. *Хорни, К.* О происхождении комплекса кастрации у женщин / Женская психология // Сборник статей / под ред. Е.И. Замфир. Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 1 – 12.

ART THERAPY TECHNIQUES FOR MENTAL DISORDERS

M. A. Khabarova

*Belarusian State University, Minsk;
mcvrs61@gmail.com*

*Research Advisor – Anna A. Markovich, Senior Lecturer, Chair of International
Journalism, Faculty of Journalism*

This paper analyses the effectiveness of art therapy techniques in treating various mental disorders. The results of the analysis of various psychological studies are presented. The object of the study is the use of art therapy techniques in treating PTSD and anxiety disorders. The purpose of the study is to present the effectiveness of art therapy techniques. This work can be considered as a basis for further scientific research or an auxiliary element for program development aimed at raising public awareness of the methods of treatment PTSD and anxiety disorders.

Key words: art therapy; PTSD; anxiety disorders; mental disorders; psychotherapy.

Art therapy is the use of artistic activities, such as painting and clay modeling in psychotherapy and rehabilitation. It usually focuses on the art process as it is being produced rather than the final form. How you feel while making your art, and what you learn about yourself is the most important thing [1].

Art therapy is both a therapeutic and diagnostic tool. Through art therapy the client can explore his/her feelings, establish self-awareness, deal with emotional conflicts and many other aspects of psychological process. The aim of this technique is to improve a client's general well-being [5].

According to the British Association of Art Therapists, art therapy has a variety of subtypes, that are based on various perspectives from psychoanalysis,

cognitive-analytic therapies, compassion-focused therapy, attachment-based psychotherapy and client-centered approaches, like mindfulness and mentalization-based treatments [5].

The research by D. Visnola, D. Sprudza, etc. at Riga Stradins University, involved studying 60 female employees, ranging in age from 20 to 69 years, who participated in painting as art therapy. The study demonstrates that art therapy improves communication and collaboration, which, in turn, decreases stress and anxiety [8]. In addition, participation in art therapy groups is a possibility to become more acquainted with colleagues, also mutual understanding and encouraging atmosphere has a significant role. To be precise, the Riga study shows that art therapy reduces the level of stress indicator cortisol. Moreover, the improved mood of the participants was demonstrated by changes in indicators such as accelerated heart rhythm, reduced headaches, feeling of pressure and pain in chest, and easier to fall asleep [8].

However, the effectiveness of the art therapy, the stability and the length of changes depend on person's motivation, readiness to change and psychological thinking, as well as on human's shared responsibility.

Speaking about such psychological condition as Post Traumatic Stress Disorder (PTSD), one needs to stress that it often requires months of therapy. Art therapy is an effective treatment option for such clients as it helps them get rehabilitated [5]. More often than not, individuals with PTSD are overwhelmed by memories of their traumatic experiences. Art therapy can be used as a solution for trauma patients incapable of communicating their feelings through words. L. Chapman argues, that in the treatment of PTSD art is a psychomotor activity applied by an experienced therapist, that will allow the client to tap into the traumatic memory's sensory component [4]. This is because trauma is not entirely a cognitive experience, but a sensory one as well.

Art therapy is effective in the reduction of PTSD symptoms like hyper arousal and intrusive thoughts. This therapeutic technique alleviates the symptoms of PTSD through a number of mechanisms. These include the reconsolidation of memories, as B. Baker demonstrates [2]. Art therapy helps the affected individual reconnect declarative as well as implicit memories. In addition, affected individuals can regain their fragmented memories which are more often than not the cause of PTSD. R. O'Kearney and K. Perrott point out that the inability of a number of people with PTSD to reconstruct a trauma narrative using words makes art an effective tool of non-verbal communication. This allows the clients to better integrate and consolidate their memories. Art therapy essentially allows a client to view the traumatic material as their own

external items. This allows them to understand the material in question as passive aspects of their history rather than active stressors to present [6].

PTSD sufferers are often plagued with symptoms of avoidance. By symbolically exposing the clients to stimuli, sufferers of PTSD get a better grasp of the reality of their situation. Art therapy, therefore, makes the client an observer of the traumatic events. It is important to note that art therapy is not always suitable, in some instances, observing the traumatic event can still lead to an emotional breakdown [5].

Furthermore, art therapy is considered to be useful for clients who suffer from anxiety. In daily life everybody is vulnerable to stress, and for some people it seems unbearable, and sometimes grows into anxiety. The most common disorders are phobias, social anxiety disorder, panic attacks and panic disorders. It is very rare that recovery from anxiety disorders happens by itself. Art therapy, being a non-verbal way of communication, is suitable for people with the high level of anxiety, and helps them to express their feelings without using words [7].

During the last few years, psychological treatment advanced significantly. Art therapy uses visual art exercises to elicit experiences and new insights and beliefs, with the aim to stimulate personal development and improve mental health.

References

1. Acceptance of Anxiety through Art Therapy: A Case Report Exploring How Anthroposophic Art Therapy Addresses Emotion Regulation and Executive Functioning. [Electronic resource]. URL: <https://www.hindawi.com/journals/crips/2019/4875381> (access date: 25.04.2022).
2. Baker, B. A. Art speaks in healing survivors of war: The use of art therapy in treating trauma survivors / B. A. Baker // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma, 2006, № 12 (1/2). P. 183 – 198.
3. British Association of Art Therapists. [Electronic resource]. URL: <https://www.baart.org> (access date: 25.04.2022).
4. Chapman, L., Morabito, D. The effectiveness of art therapy interventions in reducing Post Traumatic Stress Disorder symptoms in pediatric trauma patients // Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association, 2001. № 18(2). P. 100- 104.
5. Nicholson, P.J. Art therapy for post-traumatic stress disorder and traumatic brain injury // Occup. Med. - 2019. № 69 (6). P. 400 – 402.
6. O' Kearney, R., Perrott, K. Trauma narratives in posttraumatic stress disorder // Journal of Traumatic Stress. 2006. № 19 (1). pp. 81 – 93.
7. The Effectiveness of Art Therapy for Anxiety in Adult Women: A Randomized Controlled Trial. [Electronic resource]. URL: <https://www.hindawi.com/journals/crips/2019/4875381> (access date: 25.04.2022).

8. Visnola, D. Effects of art therapy on stress and anxiety of employees. / D.Visnola, D. Sprudza, etc. // Proceedings of the Latvian Academy of Sciences. Section B. Natural Exact and Applied Sciences. Riga, 2010. – 10 p.

SCANDAL IN POLITICAL COMMUNICATION

Y. D. Kulahina

Belarusian State University, Minsk;

yakula3003@gmail.com

Research Advisor – Yulia V. Ilyushenko, Senior Lecturer, Chair of International Journalism, Faculty of Journalism

The work refers to the problem of studying scandal in political communication. The results of the overview of ideas underlying scandal as a form of communication are presented. The phenomenon of scandal is examined. Scandal was dealt with by A.V. Dmitriev, A.A. Sychev, who considered scandal as a specific element of socio-cultural communication and an object of media attention, as well as by J. Thompson, who studied how human experience in the era of political scandals affects modern political culture.

Keywords: scandal; political communication; scandal functionality.

The word “scandal” has been associated with reference to religious contexts since the eleventh century, where it was understood as temptation. Although the word was associated with religious contexts in the past, the modern word has not retained a strong connection with church tradition.

The term “scandal” has several interpretations, which are reflected in various dictionaries. In the dictionary of V. Dahl scandal is defined as disgrace, shame, temptation, defamation, obscene incident, deed [1].

The next dictionary of S. Ozhegov gives the following definition of scandal: accident, incident, disgracing its participants; political scandal [7].

In the Oxford Advanced American Dictionary, scandal is viewed as a behavior or an event that people think is morally or legally wrong and that causes public feelings of shock or anger [6].

The Webster's Dictionary gives the following definition of scandal: 1) a circumstance or action that offends propriety or established moral conceptions or disgraces those associated with it; 2) a person whose behaviour offends propriety or morality [8].

To summarize the definitions, scandal is an event that involves breaking generally accepted norms and provoking a strong reaction from social groups.

Defining the functionality and dysfunctionality of scandals is a complex issue. The term 'function' in sociology implies a role which purpose is to maintain the integrity and sustainability of systems from various social structures. Therefore, based on the definition of scandal given earlier, the phenomenon is dysfunctional because it moves against the norms of the established system. Not everything is so clear, however. In modern society, scandals have become a way of controlling people's activities, a means of achieving their goals, so they are carefully organized, expecting a certain result. This means that some of the consequences of scandals may not only be controversial, but also balanced, namely functional.

On this basis, it can be concluded that scandal plays a dual role in society. On the one hand, it focuses the public's attention on some failure in the social system, making it possible to reflect on its causes and consequences, and to develop measures to eliminate it. By showing that there is a gap between the reality and appropriateness, scandal stimulates the search for institutional ways to bridge this gap.

On the other hand, if a society is constantly shaken by scandals, this is a sign of serious social problems. In large numbers, scandals seriously damage the reputation of the authorities and reduce the level of trust in the existing social institutions and practices. For example, political scandals undermine voters' confidence in the competence of politicians, parliamentary norms and democratic institutions.

From a moral perspective, the latest media trends are controversial. Scandals have a negative impact on moral norms. This is noted in the fact of ordinariness itself, meaning that scandals are becoming more common and frequent in communications. This fact has been described by A. A. Huseynov as one of the dangerous features of the public mores of our day. Scandals simply are no longer considered to be scandals, they become a routine and are entirely reduced to an external aspect, an *epatage*, which is associated with the trends of public manners [4].

When it comes to scandals in the political sphere, J. B. Thompson, in his book "Political Scandal: Power and Visibility in the Media Age" explored the phenomenon of scandals, particularly political scandals. He also charted the way in which scandal is shaped:

1. Transgression (violation of some norms, a movement from the permitted to the forbidden).
2. Public disapproval.
3. Public interest.

4. Increased media attention and escalation of the scandal.

5. Declaration (enshrining norms) [5].

As the number of significant power structures in society grows and the number of participants in political conflicts increases, the importance of questions about shaping the image of power and managing conflicts also grows. Scandals in the political sphere can be divided into two main groups: scandals aimed at discrediting an opponent or, on the contrary, at increasing the popularity of a politician. In the first case, scandal can be an effective means of political struggle. At the same time, it provides an opportunity to present the opponent in the most negative way: as a person who is easily tempted, rude, incompetent, insecure. The occasion for a political scandal can be anything – a sexual misconduct or a criminal offence, insult, abuse of power and authority, etc. The cost of a mistake at the highest level of power is very high – any misconduct, properly presented in the media, can lead both to large-scale dismissals of top officials and to serious personnel changes in country's leadership [3].

The second type of scandal allows a politician to attract media and voters' attention and to create an image of an active fighter. This way of gaining publicity, although it may involve some reputational and image risks, is still quite popular. [2].

In political conflicts, opposing sides have an interest in using any real or imagined situation to escalate it into a scandal and take political advantage of it. Scandals in society, especially when there are too many of them, are not only dysfunctional, as they serve to raise moral standards by demonstrating actions that are disapproving. Thus, scandals educate politicians and the population to a certain extent.

Therefore, when talking about the consequences of political scandals, we should mention the increase in psychological tension and the feeling of a loss of security and stability among the population, which can create the ground for violent action.

References

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М: ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2008.
2. *Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т.* Неформальная политическая коммуникация. М. : Политическая Энциклопедия, 1997. 197 с.
3. *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Скандал. Социофилософские очерки. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 497 с.
4. *Гусейнов А.А.* Аксиология скандала // Скандал как форма коммуникации. М: Изд-во СГУ, 2012. С. 28 – 54.

5. Karas, L. How scandals form new norms of behavior [Electronic resource]. URL: <https://science.theoryandpractice.ru/posts/18507-kak-skandaly-formiruyut-novye-normy-povedeniya?ysclid=l1niaw61bw/> (date of access: 24.04.2022).
6. “Scandal.” The Oxford Advanced American Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/scandal?q=scandal+ (date of access: 24.04.2022).
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М. : Русский язык, 1987. 750 с.
8. “Scandal.” Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/scandal> (date of access: 24.04.2022).

STUDY ON THE COMMUNICATION STRATEGIES OF THE CHINESE LANGUAGE AND CULTURE AT CONFUCIUS INSTITUTES IN MINSK

Q. Li

*Belarusian State University, Minsk;
msk20212022@163.com*

*Research Advisor – Nadezhda V. Efimova, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor*

Confucius Institutes are important institutions that promote cross-cultural exchange between countries. In this work, we take the three Confucius Institutes in Minsk to analyze the current situation of communication strategies in four areas: the Chinese language teaching, cultural activities, information on the website and press coverage. The paper discusses the problems and proposes recommendations: to stabilize the team of Chinese teachers and train native teachers; to conduct two-way cultural exchange under the premise of mutual understanding; to use more modern elements for the institute's website; to innovate ways of cultural exchange. The work aims to explore more effective ways of cultural promotion and communication, and to build a better platform for cultural exchange and friendly contacts between Belarus and China.

Key words: communicative strategies; Chinese language and culture; Confucius institute.

Belarus and China are determined to light the torch of knowledge together, to promote a deeper understanding of the Chinese culture among the Belarusian people [1]. Since the first Confucius Institute was established in Belarus in 2007, it has played an active role in promoting education, culture, economy and technology. The development of Confucius Institutes involves multidisciplinary fields such as communication, linguistics, pedagogy and sociology. Studying the communication strategies of Chinese language and culture promotion helps to

rationally adjust the cultural teaching and activities, to provide reference for its future development.

General Situation of Three Confucius Institutes

There are currently three well-developed Confucius Institutes in Minsk: The RCIS BSU (Republican Confucius Institute of Sinology at Belarusian State University) ; the CI MSLU (Confucius Institute at Minsk State Linguistic University) and the CIST BNTU (Confucius Institute of Science and Technology at Belarusian National Technical University). The basic information is listed in Table 1. The RCIS BSU is the first Confucius Institute in Belarus, it has a stable and sufficient number of teachers. The CI MSLU has been assisting more Belarusian students in their Chinese language studies. The CIST BNTU is the only Confucius Institute for Science and Technology in the world.

Table 1. Fundamental information about the three Confucius Institutes

Confucius Institute	Founding Time	Confucius Classes' Number	Teaching Sites' Number	Chinese Teachers' Number	Chinese Partner University	Awards Received
RCIS BSU	January 29, 2007	4	6	32	Dalian Univ Technology	"Global Advanced" in 2011, "National Model" in 2017
CI MSLU	September 18, 2011	2	10	17	Southeast University	"Global Advanced" in 2013
CIST BNTU	October 21, 2014	11		8	Northeastern University	"Global Advanced" in 2017

Communication strategies of three Confucius Institutes

We analyzes the communication strategies from four aspects :

1. Chinese Language Teaching and Training

It is the most direct strategy to promote language and culture. All three institutes offer the Chinese language courses, HSK and HSKK test courses and are divided into adult and youth programs. The RCIS BSU has a two-year course for native teachers. The CI MSLU has courses focusing on oral and practical application, and has some interest courses. The CIST BNTU has a special technical Chinese course aimed to train technical experts and translators with high level in the Chinese language. But none of the three can offer degrees, and cannot be counted as credit courses.

2. Cultural activities

The three Confucius Institutes have similar activities to promote Chinese culture. First, experiential activities, divided into competitions and celebrations. Second, Summer Camps and Chinese Bridge. Third, academic activities, a more theoretical way of cultural communication. Fourth, the Chinese culture master class, which can be experienced by those who are interested at any time by reservation. In conclusion, the activities are diversified and can basically meet the diverse needs of the communication targets.

3. Website promotion

Analysis of the three Confucius Institutes' website content from the search difficulty level and website impressions is presented in the following table 2. The navigation bar is reasonably set up, with clear functions, detailed information, making it easy for searchers to find answers. However, the Chinese Teacher Training Courses of "Education" at the RCIS BSU cannot be accessed.

Table 2. Content of the three Confucius Institutes' websites

Institute /Website	Linked to the Univ.	Content of the navigation bar	The website's Chinese elements
RCIS BSU https://rci.bsu.by/	Yes	Home/News/Education/Services/The Science/Culture/About Us/Photo Gallery	The Great Wall/Confucius/Red Lanterns/Face painting/National Costume/National Flag
CI MSLU http://ci.mslu.by/	Yes	About The Institute/Courses/Exams/Internships/Projects/News/Contacts	Chinese knot/Red Lanterns/Lion Dance/Face painting with fans/Calligraphy/National Flag
CIST BNTU http://cist.bntu.by/	No	Home/News/Scholarships/Technology/HSK, HSKK/Gallery/Useful links/Contacts	Tiangong – 1 and astronauts/Dragon/Shanghai Bund/Ancient Books/National

4. Press coverage

Using the Dow Jones Factiva database, 47 reports of practical significance were screened out from Belarus between Nov.1, 2006 and Dec. 31, 2020 using "Confucius Institute" as a keyword. According to the data, news reports about institute are generally positive, which indicates that the social environment is good. The coverage is mainly focused on the celebration of traditional festivals, it helps people deepen their understanding of the Chinese history and culture.

Recommendations

Based on the above study, we suggest the following four recommendations:

1. Stabilize the Chinese teaching force and train native Belarusian Chinese language teachers. The constant turnover of staff is disruptive, some students cannot adapt or even abandon their studies.
2. Conduct two-way cultural communication with mutual understanding and respect. Carry out activities in the ways that are easily accepted and recognized by the Belarusian people.
3. Use more diverse and modern Chinese elements in the website. It is necessary to keep up with the times, shape a new Confucius Institute and China's image.
4. Innovate the ways of cultural communication. Various local social software can be used to spread the Chinese language and culture in multiple directions and angles to rely on Confucius Institutes.

References

1. Sergei A. Confucius Institute is a "golden bridge" between Belarus and China // *Journal of World Education*, 2014, Vol. 1, pp. 10 –11.
2. Гришкевич А. Институт китаеведения Белгосуниверситета вошел в двадцатку лучших институтов Конфуция в мире. BELTA, Minsk. 14.12.2011 [Electronic resource]. URL: <https://is.gd/uvwI56> (date of access: 13.04.2022).
3. Starr D. Chinese Language Education in Europe: the Confucius Institutes. // *European Journal of Education*, 2009, Vol. 44, № 1. pp. 65 – 82.

TRANSCULTURAL NATURE OF CONTEMPORARY ADVERTISING

A. A. Liauko

Belarusian State University, Minsk;

liaukoa@gmail.com

Research Adviser – Yulia V. Ilyushenko, Senior Lecturer, Chair of International Journalism, Faculty of Journalism

The global advertising is one of the results of the globalization process, for this reason it can be characterized by a number of peculiar features. Transnational or transcultural advertising are also synonymous concepts of global advertising.

The relevance of the topic is obvious, for advertising possesses many techniques and ways to influence the target audience. In this regard, advertising reflects not only universal values but also cultural and national differences of society. Advertising has a social and psychological impact on a person, but its perception by the population of different countries is not the same.

Key words: advertising; transcultural nature; target audience; globalization process.

Global advertising is one of the results of the globalization process and it is characterized by the following features:

- 1) advertising focuses on the system of universal values;
- 2) advertising reflects the socio-cultural characteristics of the country of production and the values of this society;
- 3) advertising is subject to linguistic and cultural adaptation depending on the target market [1].

These characteristics are observed in the following examples.

The Danone company, which produces dairy products and sweet biscuits, as well as bottled mineral water, promotes such a universal value as health. The main mission of the Danone company is the adoption of fundamental values, in particular, make consumers think about their health.

S. Schwartz was engaged in the systematization of universal values: he created his own model of values. Understanding values as needs that directly depend on culture, S. Schwartz defined basic values as abstract goals that guide a person's life and are related to his emotional sphere. Values motivate the choice of behavior, justify past actions, help evaluate other people and events, direct attention and perception, and also serve as indicators of fundamental changes in society [3].

However, not all messages of global advertising are focused on universal values. Global advertising may reflect the values of a particular country.

Coca-Cola's advertising focuses on the American lifestyle, which represents an ideal model of the world where everything becomes possible if you have a dream, which is confirmed by the following slogan: "Coca-Cola makes good things taste better".

A vivid illustration of this concept can serve as an advertising campaign for Coca-Cola products, which is based on the promotion of American culture and the American lifestyle, despite the fact that the manufacturing company has long become multinational. This idea is confirmed by one of the company's slogans: "Coca-Cola – America's Real Choice".

The next important feature of global advertising is its adaptation, both linguistic, paralinguistic and socio-cultural, depending on the target audience. When it comes to translating and interpreting an advertisement, the messages are so conditioned by the target audience to which they should correspond that the similarity between the source and target texts can be perceived not only at the linguistic level. Even today, the most common terms used to refer to this activity among translators and marketers are "adaptation" and "transcreation", understood as something different from translation, since they usually involve

significant changes in relation to the original advertising and even the creation of a new advertising. Slogans, headlines, and other creative marketing texts are often based on culturally dependent elements, including idioms, puns, wordplay, subtext, or rhymes in the source language. When translated directly into another language, these elements may not make sense or, even worse, may be potentially offensive.

In addition, there is adaptation due to rebranding. In economic terminology, rebranding is a change in the name, logo, visual design of the brand with a change in positioning, as well as a change in the holistic ideology of the brand, allowing the company to reach a new level of development, thus attracting the attention of new customers and increasing the loyalty of existing ones. It is a well-known fact that even the strongest global brands are forced to adapt their strategy when faced with a local culture [4].

For instance, one illustrative example of rebreading is Crest toothpaste, owned by P&G, which is also an umbrella brand. To enter the Russian market, the American company could not leave the name "Crest", since this nomination causes undesirable associations with the Russian word "cross", therefore, it proposed such an analogue as "Blend-A-Med". And the laundry conditioner "Downy" (translated from the English "fluffy, soft"), in order to avoid undesirable associations with the word "down syndrome", was renamed "Lenor".

In conclusion, public interest in advertising can enhance the possibility of successful product implementation. However, global advertising can reflect the values of individual countries. And the last thing, adaptation of global advertising is a very important feature.

References

1. *Fomenko O. S.* The concept of global advertising and its main specifics // *Lingua mobilis*, 2010, №3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-globalnoy-reklamy-i-ee-osnovnaya-spetsifika/viewer> (date of access: 02.04.2022).
2. *Korobeynikova L. A.* Globalization as transcultural phenomenon // *Bulletin of the Tomsk State University Cultural Studies and Art History*. – 2013, №2 (10) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-kak-transkulturnyy-fenomen> (date of access: 07.04.2022).
3. *Larionov I. A.* Advertising as a cultural phenomenon in a globalizing world: a philosophical analysis // *Synopsis of thesis, Astrakhan State University*. – 2014. – P. 179 [Electronic resource]. URL: <https://www.dissercat.com/content/reklama-kak-fenomen-kultury-v-globaliziruyushchemsya-mire-filosofskii-analiz> (date of access: 15.04.2022).
4. *Shamne N. L.* Intercultural and transcultural communication: to the definition of concepts // *Bulletin of the Volgograd State University*, 2003, №3 [Electronic resource]. URL :

MULTIMODAL DISCOURSE ANALYSIS OF MOVIE POSTERS (THE CASE OF THE TRUMAN SHOW POSTER)

Y. Lyu, Q. Li

Belarusian State University, Minsk;

nancy_lyu_0105@163.com; msk20212022@163.com

Research Advisor – Anna A. Markovich, Senior Lecturer, Chair of International Journalism, Faculty of Journalism

Movie poster is one of the media of communication and interaction, which has a very special significance to the expression of the content of the movie. This article uses systemic functional linguistics as the basis and visual grammar theory as the framework to conduct a multimodal discourse analysis of the movie poster of *The Truman Show*. Applying context analysis at the start, the article uses the approach of visual grammar, focusing on representational meaning, interactive meaning and compositional meaning to analyze how the poster attracts the audience, expresses the main idea of the movie and resonates with the audience.

Key words: multimodal discourse analysis; visual grammar; movie poster analysis; context analysis.

Fig. 1. The movie poster of the Truman show

Multimodal discourse analysis takes a social semiotic perspective and is based on M. Halliday's systemic functional linguistics [1]. It argues that the expression of meaning is achieved by a variety of modal signs, all of which are independent and interact with each other. Movie posters accommodate a variety of modalities such as text, image, colours and spatial layout. Multimodal discourse analysis is one of the most suitable methods to interpret movie posters, not only in terms of text, but also in combination with multiple modalities to explore them in a comprehensive manner. As a way of promoting a movie, the plot, cultural connotations and potential meanings conveyed by the movie poster also need to be derived by the audience in the decoding process.

Context analysis is an important aspect of discourse analysis, analyzing the intertextual and interdiscursive relationship between text, genre and context to help explain linguistic phenomena. Here, we are doing the context analysis of the movie poster.

Movie poster is generally used in movie promotion as a promotional item. Its purpose is to give audiences an initial understanding of the main idea and content of a movie, to arouse their interest, and guide them to consume the movie. The target audience is those who are interested in the movie and the potential audience.

The poster's content must have strong visual impact, rich connotation levels, ingenious ideas and other elements that can quickly and accurately convey the content information to the audience. The movie poster embodies the main idea and core content of the movie, it is not just a derivative of the movie. If a movie is an art with a sense of flow, then a good movie poster is a static art with infinite meaning.

Image, color and text are the three main elements supporting movie posters. The poster needs to use these three elements to account for the core content in a two-dimensional form, to let the audience clearly and unambiguously interpret the information space constructed by the designer in the movie poster.

Multimodal analysis of the poster's message. In systemic functional linguistics, M. Halliday describes three meta-functions. These are ideational, interpersonal and textual functions [2]. Based on these three meta-functions, G. Kress and T. van Leeuwen extend the concept of «grammar» to the visual level, and in their «visual grammar» propose that images can also be analyzed and interpreted in three ways: representational meaning, interactive meaning and compositional meaning [3]. The analysis below will explore how the movie poster achieves the expression and communication of meaning from these three perspectives.

1. The representational meaning expresses the communicative or conceptual relationship between people, places and events in an image, which G. Kress and T. van Leeuwen distinguish into narrative and conceptual categories based on the characteristic of whether an image has a vector or not [3]. The poster of *The Truman Show* is a narrative image. Truman looks up obliquely to form a vector. He smiles and looks upward, which is a reactional process; it also reflects his happy and pure mental process.

In addition, the poster is made up from small photos as a mosaic, which construct the whole image indicating that Truman is a collection of the other images, inseparable from him, constructing his personality.

2. G. Kress and T. van Leeuwen argue that images can convey the relationship between the participants and viewers, thus constructing the interactive meaning. These relations have four categories: gaze, social distance, angles, and modality [3].

The hero does not make eye contact with the viewer in this poster, suggesting that this is an «offering» type of image, which offers a lot of information to audiences. This poster uses close-ups, with only Truman's head and shoulders in the frame, bringing the social distance between him and the viewer really close. It also shows that Truman is the sole protagonist of the film and that the film is centered around him. In terms of angles, the actor looks up, being viewed from a high angle. This angle shows Truman's desire for the outside sky and the world, suggesting his relentless pursuit of his dream. Modality can reflect the authenticity and reliability of the image. The saturation of colors in *The Truman Show* poster is relatively full. The photo mosaic is perfectly integrated into the entire head and shoulders of Truman. Other photos outside of him are presented in blue as a background, and the overall picture presented is brighter and more colorful, and belongs to a high modality.

3. According to G. Kress and T. van Leeuwen's visual grammar, the compositional meaning in an image is interpreted in three main ways: information value, salience, and framing [3]. Since the poster has no clear dividing line to define the different frame parts, this paper mainly analyzes the compositional meaning at the level of information value and salience.

This poster contains a lot of information value: Truman's smiling face occupies almost the entire picture, showing the main message of the poster. The text at the top of the image is «Jim Carrey», which is intended to promote the film through the popularity of the main actor. At the bottom of the image, in a red frame there are two lines of text: the upper one reads «the TRUMAN show», which is the title of the film and also conveys an illusory ideal message. The

word «show» highlights the fact that it is all just a TV show. The word below is smaller than the word above, «THE STORY OF A LIFETIME», which is the actual message of the film, as the whole film tells the story of Truman's life. The salience of this poster is achieved by the contrast between the foreground and the background. Truman's smiling face is located in the foreground of the poster while blending in with the photo in the background, thus making it stand out. Moreover, the background is defocused into blue to set off the foreground, and the whole smiling face is more vividly presented in the poster.

Conclusion. Posters are an important way to understand the theme and content of a film. This article begins with the context analysis of the movie poster, and then discusses in detail the meanings conveyed by both visual and textual elements in the poster of the Truman Show from three aspects: representational, interactive and compositional meaning, focusing in how this poster helps the audience to have a deeper understanding of the movie.

References

1. Halliday M. On Grammar // The Collected Works of M.A.K. Halliday, Vol. 1. – London: Continuum, 2002. pp. 7 – 14.
2. Halliday M. Context of culture and of situation // The Essential Halliday. ed. by J. J. Webster. – London: Continuum, 2009. pp. 55 – 84.
3. Kress, G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. 2-nd edn. – London: Routledge, 2006 – 312 p.

THE CREATIVE POWER OF THE INDIVIDUAL

Y. D. Maslovskaya, A. V. Aleshkevich

Belarusian State University, Minsk;

yaroslava2666@gmail.com, nastayaleshkevich@gmail.com

Research Advisors – Ekaterina A. Volkova, Lecturer, Chair of International Journalism, Faculty of Journalism; Evgeniya V. Stolyarskaya, Senior Lecturer, Faculty of Philosophy and Social Sciences

The article is dedicated to the topic of creative power of the individual. Its topicality is justified by the importance of creativity as a personality trait. Creativity not only encourages individuals to experiment and research, it also provides new opportunities. Creativity leads to awareness and revelation, knowledge and growth. For instance, a company's success depends

on the creativity of its employees dramatically. Their contribution of new ideas and outlooks gives the edge over the competition.

Key words: theory of personality; style of life; creative power.

Alfred Adler, an Austrian physician and psychiatrist, developed a concept of **Individual Psychology**. He believed that the most important tendency in the development of the personality is expressed by striving to preserve and develop the individuality [1].

A. Adler's **theory of personality** is of great significance. The theory represents a new direction subtly connected with classical psychoanalysis. Moreover, it constitutes an integral system of personality development. Essentially, Adler's personality theory denies many of S. Freud's and C. Jung's assumptions about the dominance of unconscious processes. According to A. Adler, the personality is considered to be integral and unique, that is why it is necessary to develop it [2].

The theory of personality is based on the following principles:

- **the style of life;**
- **creative power** [3].

The style of life is a unique nucleus consisting of individual's life goals, ways of achieving them, habits and personality traits. As A. Adler puts it, the setting of a life goal and **the style of life** is in essence a creative act.

The creative power of the **Self** shapes **the style of life**. He argued that **the style of life** is formed under the influence of the creative abilities of the individual. Thus, this creative power enables a person to choose a goal, the methods of achieving it, and allows the individual to become the architect of the life itself [1].

A. Adler's creative power of **the Self** is the main driving force of behavior, an internal desire for **superiority**, which gives the individual the sense of meaning of life.

Additionally, A. Adler pointed out that we react actively and creatively to various events. The foundation of A. Adler's model of human nature is creativity, i.e. the ability to formulate goals and ways to achieve them. The model of human nature develops in the creation of a life plan that organizes a person's life into a coherent **style of life** [2].

The creative power of the individual organizes and directs his reaction to the world around him. A. Adler attributed uniqueness, self-awareness and control over one's destiny to the personality. "Each person is both a unity of personal

qualities and an individual way of manifesting this unity". Thus, a person is both a painting and an artist at the same time.

Assuming the existence of the creative power, A. Adler did not deny the influence of heredity and environment on the formation of personality. Every child is born with unique genetic abilities and very soon acquires their own unique social experience. However, people are more than just the product of heredity and environment. Hence, the individual is more than just the product of these two factors [1].

The concept of the creative **Self** is the most important construct of A. Adler's theory, his highest achievement as a personologist. When he discovered and introduced this construct into his system, all other concepts took a subordinate position in relation to it. The construct embodied the active principle of human life.

Being creative by nature, humans not only read the environment but also influence it and receive a response from it. For that reason, the heredity and environment are used as building blocks in the process of personality building with reference to individual traits. Therefore, only the individual alone is responsible for their style of life and attitude towards the world [3].

Consequently, A. Adler considered the creative power as an important ability that provides the individual with an opportunity to choose the goal and the methods of achieving it. It also allows the individual to become the architect of their own life. Some decades later the ideas about creativity as the most important characteristic of personality would become an integral part of the personality concept in Humanistic Psychology.

References

1. Stein H. T. Classical Adlerian Depth Psychotherapy, Volume I - Theory & Practice: A Socratic Approach to Democratic Living Part One: Overview of Classical Adlerian Theory. The Dynamics of Creative Power [Electronic resource]. URL: <http://www.adlerian.us/cadp-ch1.htm> (access date: 03.04.2012).
2. Творческое "Я" [Электронный ресурс]. URL: <https://studbooks.net/1704507/psihologiya/tvorcheskoe> (дата доступа: 20.04.2022).
3. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности [Электронный ресурс]. URL: https://pedlib.ru/Books/2/0281/2_0281-146.shtml#:~:text= (дата доступа: 01.04.2022).

FACTORS AFFECTING THE CHOICES OF STUDYING OVERSEAS

Y. Pan, B. Jiang

Belarusian State University, Minsk;

806050098@qq.com

Research Advisor – Larisa G. Titarenko

Doctor of Sociological Sciences, Professor

In recent years, more and more Chinese students choose to study and live in Belarus. According to the official statistics of the Chinese Embassy in Belarus, there were only more than 2,000 Chinese students studying in Belarus in 2016, but this year the number of Chinese students in Belarus has increased to more than 5,000. The reason why so many Chinese students choose to come to Belarus and study in Minsk is an interesting phenomenon that deserves widespread attention. So, we conducted a survey among Chinese students in Minsk to analyze the factors that affect the choice of studying overseas. There are 35 people who participated in this survey, with 15 females and 20 males, their average age is 24 years, and all of them are from Belarusian State University.

Key words: Chinese students; studying overseas; factors.

1. Diploma is one of the most important factors on studying overseas.

During the survey and interview, almost all of the participants demonstrate that they attach importance to the diploma which is brought by studying overseas, and it indeed corresponds with the situation of China. To some extent, diploma can affect a person's life in China. Several aspects can indicate the importance of having a diploma.

1.1. Competitive advantage in the workplace. Although, there are a lot of recruiting applications now, the number of companies has not increased very much. How can employers screen available staff better and faster? Education is the primary criterion for selection when you do not know or understand the employees' talents. In addition, most employers, especially state agencies and public agencies, generally set a bachelor's degree as the minimum requirement when recruiting. In terms of looking for a job, the higher the degree, the more opportunities for choice.

1.2. Salary, title evaluation and promotion. Most units (especially state agencies and institutions) adjust their basic wages according to the educational level. Under the same ability, college students may be 500-1000 yuan less than undergraduates. (Just one example, every department is different). In public institutions, higher education is usually required to promote to higher positions.

1.3. Graduate entrance exam and civil service exam. Whether you are a full-time undergraduate or an undergraduate degree in adult education, you can

apply to graduate students recruited nationwide, while junior college students can only apply to graduate school within five years of graduating from college.

As for civil service, for most people, civil service is a cost-effective job with relatively stable and less stressful work, but almost all civil servant positions require a bachelor's degree or above, otherwise, you will not have the qualification to apply for the civil service exam. When you have passed the exam and become a civil servant finally, diploma shows its power again, because people who have master degree are able to get a higher rank directly, while the one who has bachelor degree only will get the initial rank.

1.4. Household registration system. China has its unique household registration system, under this circumstances, people living in first-tier cities cannot enjoy certain benefits unless they are included in the household registration system of the city they live.

For example, a lot of people work in Shanghai, which is the economic center of China, but most of them haven't been included in the household registration system of Shanghai. They will not enjoy the benefits of Shanghai until having accumulated enough points, which is a set of "point settlement system" introduced by Shanghai government.

Points are not easy to accumulate, some people even haven't earned enough points for decades, but postgraduates whose universities are within QS ranking 500 are able to get included in the household registration system of Shanghai directly.

2. The entry threshold is considered by every student who wants to study overseas. In China, except for the students who have the qualifications to be recommended to universities where they studied or to other universities, all the undergraduates have to participate in Unified National Graduate Entrance Examination, if they want to become master students. But if you choose to study overseas, the entry threshold will become lower than that in China.

As far as the mainstream study abroad countries in Europe and the United States are concerned, the biggest difficulty is that you need to provide IELTS or TOEFL scores, and they generally require a score of 5.5 or more. In China, the postgraduate examination consists of at least three subjects, and only some students with top grades can get the opportunity to study for a postgraduate degree. Compared with Europe, America and China, the entry threshold for postgraduate students in Belarus is relatively easy. You only need to attend and pass an online English interview. For the vast majority of Chinese students who are not English majors, this is a very attractive thing.

3.QS ranking of the university is taken into account by most of the Chinese students. QS ranking is not only a thing for students to show off, but it also relates to real interests. For example, many provinces and cities in China have the policy of Talent introduction. Students who reach the requirement can get the job in the correspondent city directly and enjoy the special bonus from the local environment, and the lowest requirement for talents introduction is QS ranking within 500. Another example for the residence of Shanghai: according to the newest policy published by the Shanghai government, students who study overseas have the opportunity to get the qualification for the permission of Shanghai residence directly, but only for those whose university ranking is within 500 all over the world.

Conclusion. During the whole survey with the Chinese students, we find out that the three above-mentioned factors are the most important. Nearly every student who decides to study overseas will take them into account. Deeper reasons of their choices could be summarized into two aspects: China's fiercely competitive environment and the limitations of the ability of the international students themselves

References

1. *Zhang Leisheng, Wei Lianlian, Zhu Li, Li Zhonghui.* A Study on the Influencing Factors of Overseas Study Choice and Decision-Based on the Investigation and Analysis of Chinese Students in Korea // *Modern Education Management*, 2021, № 11, pp. 113-119.
2. *Dong Zhaochen.* Analysis of Influencing Factors of Chinese Youth's Willingness to Study in Russia from the Perspective of Cross-border Higher Education. Beijing, Jiaotong University, 2021.

MINDFULNESS-BASED TREATMENTS FOR OBSESSIVE-COMPULSIVE DISORDER

Y. V. Paulouskaya

*Belarusian State University, Minsk;
pavlovskaya.yana04@gmail.com*

Research Advisor – Anna A. Markovich, Senior Lecturer, Chair of International Journalism, Faculty of Journalism

The object of this paper is mindfulness-based treatments for Obsessive-Compulsive Disorder (OCD). The research includes such topics as the definition of OCD and mindfulness, how mindfulness can be used to treat OCD, the potential negative consequences of such treatments, OCD sufferers' experiences with mindfulness and etc. The existing knowledge on

the topic of mindfulness as a treatment for OCD is collected and structured. The purpose of this paper is to analyse the effectiveness and risks of mindfulness-based treatments of OCD.

Key words: mindfulness; Obsessive-Compulsive Disorder; OCD; delay discounting; obsessions; compulsions; anxiety.

Obsessive-compulsive disorder is a disorder characterized by recurrent intrusive thoughts (obsessions) that prompt the performance of neutralizing rituals (compulsions) [1]. Diagnosis of OCD has a current prevalence of 1 % and a lifetime prevalence of 2-3 % [6, p. 21]. Spontaneous remission is low [6, p. 21], what is proved by T. Leeuwrik in the doctoral dissertation, which emphasizes the importance of professional treatment even more.

According to E. Bakes, there are several models of OCD, such as:

1. Socio-cultural Model of OCD – the role of specific non-shared experiences, family and culture (including national);
2. Developmental Model of OCD – the role of developmental and life experiences;
3. Biological Model of OCD – OCD is a neurological issue;
4. Behavioural Model of OCD – the role of learned reactions;
5. Cognitive-Behavioural Model of OCD – the role of overestimating the probability of negative outcomes;
6. Metacognitive Model of OCD – heightened scanning for intrusive thoughts makes OCD worse [2, p. 18 – 36].

E. Bakes describes mindfulness as «staying in the present moment and intentionally and without judgement, attending to our thoughts, actions and experiences» [2, p. 37].

There are several models of mindfulness, as S. Rudoy puts it. They present the elements of mindfulness and explain why it helps to improve mental health.

1. Coffey and Hartmann's Model – increased emotion regulation, decreased rumination and non-attachment;
2. Holzel and colleagues' model – attention regulation, body awareness, emotion regulation and change in perspective on the self;
3. Brown, Ryan, and Creswell's Model – insight, exposure, mindful nonattachment, enhanced mind-body functioning and integrated functioning;
4. Baer's Model – exposure, cognitive change, self-management, relaxation and acceptance;
5. Shapiro, Carlson, Astin, and Freedman's Model – attention, intention, and attitude;
6. Meta-Model of Mindfulness – combination of different models [7, p. 19 – 23].

Thought-action fusion belief is an idea that having a bad thought is dangerous or may lead to bad behaviour. It is connected with getting sick with OCD. Mindfulness may treat OCD by reducing thought-action fusion belief [5, p. 13 – 14].

Some studies show that OCD is connected with increased delay discounting. [4, p. 5 – 9]. Delay discounting is «the decrease in the value of a reinforcer with delay to its receipt» [4, p. 5]. Mindfulness may be helpful in reducing it [4, p. 8 – 12].

Mindfulness-based treatments for OCD include mindfulness-based interventions – mindfulness-based stress reduction (MBSR) and mindfulness-based cognitive therapy (MBCT) [5, p. 10; 2, p. 39]. It has also become a part of Acceptance and Commitment Therapy (ACT) [5, p. 10; 2, p. 39] and Dialectical Behaviour Therapy [2, p. 39]. Mindfulness proposes non-reacting to thoughts which is easier for clients than working these thoughts and changing them. Mindfulness-based therapy is completed often (92 % for patients with anxiety disorders) and has less drop-out compared with CBT (16 % versus 22 % respectively) [2, p. 40].

However, some disadvantages were found in using mindfulness-based treatments for OCD. M. Bond states that an IPA study found some unexpected negative effects of using mindfulness. One more risk is connected with using mindfulness for reassurance, distraction or a method to fight obsessions. It results in mindfulness becoming a part of OCD rituals. The author claims that further research is needed to find out all possible negative effects of mindfulness as a treatment for OCD [2, p. 6 – 7, p. 22]. One more concern is whether mindfulness can be used as a therapeutic method. It requires taking from its cultural context which can lead to negative effects as well.

References

1. American Psychological Association dictionary. – Washington, 2022 [Electronic resource] URL: <https://dictionary.apa.org/obsessive-compulsive-disorder> (date of access : 27.04.2022).
2. *Bakes E.* The Relationship between Mindfulness and Obsessive Compulsive Symptoms in a Community Sample : A thesis submitted for the degree of Professional Doctorate in Clinical Psychology / E. Bakes – University of Essex, 2015. – 206 p.
3. *Bond M.* Experiences of mindfulness for clients with OCD: An IPA study : Submitted in partial fulfilment of the requirements of the degree of Professional Doctorate in Counselling Psychology. University of West of England, Bristol, 2015. – 180 p.
4. *Edwards C. B.* Does a brief mindfulness induction change delay discounting in individuals with high levels of Obsessive-compulsive symptoms? : Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Clinical Psychology. West Virginia University, 2021. – 96 p.

5. Hale L. Relational Accommodation of Obsessive Compulsive Symptoms: The Role of Distress Tolerance : Submitted in Partial Fulfilment of the Doctorate in Clinical Psychology. University of Surrey, 2013. – 320 p.
6. Leeuwerik T. Improving outcomes of Cognitive Behavioural Therapy for Obsessive-Compulsive Disorder: exploring engagement and the potential of Mindfulness-based interventions : Submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Psychology. University of Sussex, 2019. – 465 p.
7. Rudoy S. Developing a model for understanding mindfulness as a potential intervention for obsessive-compulsive disorder : A clinical dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Psychology. Pepperdine University, 2014. – 80 p.

EMOTIONS AND FEELINGS AS AN ESSENTIAL PART OF HUMAN-LIKE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

E. Y. Starenkova

Belarusian State University, Minsk;

zoroark12@mail.ru

*Research Advisor – Yulia.V. Ilyushenko, Senior Lecturer, Chair of
International Journalism, Faculty of Journalism*

It is presently believed in non-scientific society that the topic of Artificial Intelligence concerns mainly the exact and biological sciences, disregarding the importance of psychological contribution. People are struggling to construct a versatile machine, capable of dealing with a wide range of tasks. But will they succeed in creating artificial general intelligence equal to human's one without taking in account the significant role of feelings and emotions? The main purpose of this work is to attract readers' attention to the problem of using psychological approach in social robotics, as well as explain why society should even need human-like robots, indistinguishable from mankind. The idea of combining social sciences and robotics has found its place as a part of cognitive science, which is considered to be a relatively new field of research in the Republic of Belarus. Thus, the article may contain a few ideas on explaining the demand for emotional theories, suitable to be applied to intelligent machines in the future.

Key words: psychology; social robotics; artificial intelligence; emotions.

Throughout years people have been dreaming of understanding the unclear work of mind: even possessing modern high-quality tools, scientists still cannot fully explain the greatest mysteries and glory of such a phenomenon, though some of them still make tentative attempts on trying to make analogue of brain functions with neural networks and apply it to information technology. As a result, the science of narrow and general artificial intelligence (AI) has arisen, enabling the appearance of different kinds of robots. Yet, not all types of the

machines require a flexible mind and desire to experience the world: the majority of AI agents are often used for a limited amount of tasks, for example, playing chess at the champion level [1] or moving objects in different directions. Still, the social robots group seems to have the biggest demand in ability of analyzing environment and rapidly making specific decisions, based on independent variables.

Social robots, undoubtedly, are the closest ones to people due to their looks and behavior, designed to win favor and amuse the audience. Some of these machines are drawn on being promoters; the other ones can even take a job of a counsellor or secretary. But no matter how human they seem, social robots have to share the same common trait: invoking negative responses such as fear or disgust is forbidden. To meet these conditions, inventors resort to various psychological tricks, such as installing programs imitating the emotions, and working on facial expression, mimic and movements of the robots to make them less «mechanic». One of the examples of such incredible work is related to the name of Hiroshi Ishiguro, who is an award-winning roboticist and director of the Intelligent Robotics Laboratory, part of the Department of Systems Innovation in the Graduate School of Engineering Science at Osaka University, Japan [2]. His projects include «Geminoid HI-2» model, which shares the same appearance with its creator; «Kodomoroid» model, resembling a child; «Otonaroid», looking like a woman and able to being controlled remotely or functioning on autonomous mode and etc [3].

Imitating emotions is only the start of the work: possessing human appearance won't make a human out of machine, but only a toy for entertainment. If the real purpose of work is to create a self-aware creature, able to analyze itself, formulate requirements of its body and mind and be actually independent, it is necessary to gift it with capability of treating wide ranges of physical objects and abstract categories in a different way, depending on their nature. Moreover, emotions seem to precede cognition in general, though one may make fair objections. Grown-up people, despite their current psychological state, mostly can take under control their actions and even suppress display of undesirable elements of behavior, but the variety of operations is constricted between expected patterns of demeanor. Thus, the affect of anger suggests two possibilities: the subject may either make attempt of attacking the obstacle or flee, if there is no opportunity to combat successfully.

Furthermore, feelings play a central role not only in influencing people's activity, but also in limitation of inappropriate choices, such as deviant or delinquent behavior. Fear of being sentenced and grieve of loss may prevent

human beings from committing crimes, while happiness and joy can drastically motivate them to gain praise and material benefits. So why cannot we solve the greatest problem of ethics in robotics by restricting machines from within? The invention of a device or program, copying the emotional functions of the brain, may make social robots predictable in their actions. Of course, this method won't completely solve the problem of AI biased attitude or guarantee safety of individuals, but robots, possessed by feelings, probably will be no more dangerous than an average man. Paul Thagard, PhD, who is a philosopher and cognitive scientist, formulates the idea as follows: «fully intelligent and independent robots ... may act only in their own interests and therefore become harmful to humans. Building robots capable of caring about us might be one way of forestalling technological disaster» [4].

As the emotional sphere can have a limiting effect, it also gives a man motivation and sense of life activity. After all, feelings and inner state of lack create a strong driving force to meet requirements. The whole human life is based on gaining pleasure from satisfying their needs and avoiding negative factors. Thus, people with brain pathologies, limiting their emotional functioning, and individuals, struggling with depression, usually face difficulties integrating into society and building relationships. Even the most primitive creatures possess simple-structured nervous system, proving that no life form can do without it. So, why shouldn't a human-like sentient being, equal by level of conscience and mind to its inventor, obtain the same mechanism? However, these days' artificial emotions are mostly associated with human-robot interaction field, which usually deals with robot «adaptation» to human behavior, but not vice versa. Though, there are some researchers, whose professional activity with robotics is dedicated to expanding the range of emotions rather than basic «happy-sad» state, for example, Cynthia Breazeal and Rodney Brooks, having created the work «Robot Emotion: A Functional Perspective» [5].

Therefore, only together cognition, emotions, proper body suitable for the human world and further socialization will result in a self-aware machine, able to possess conscience. Lacking even one of the required elements will lead to creation of narrow AI – which also proves undeniable usefulness for humanity in unbearable jobs with poor working conditions and monotonous work, or even tasks including databases of great sizes or in medicine – though it can find its application exclusively for certain cases. Nowadays the IT sphere requires professionals with different areas of expertise, and cognitive psychologists will

definitely find their place in creating high-level intelligent machines for the bright future.

References

1. Autonomous Chess Playing Robot [Electronic resource]. URL: <https://www.ijert.org/research/autonomous-chess-playing-robot-IJERTV4IS030620.pdf> (date of access: 15.04.2022).
2. Hiroshi Ishiguro [Electronic resource]. URL: <https://www.intechopen.com/profiles/11981> (date of access: 15.04.2022).
3. Hiroshi Ishiguro Laboratories [Electronic resource]. URL: <http://www.geminoid.jp/en/robots.html> (date of access: 15.04.2022).
4. Will Robots Ever Have Emotions? [Electronic resource]. URL: <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/hot-thought/201712/will-robots-ever-have-emotions> (date of access: 15.04.2022).
5. *Fellous J.-M., Arbib M.A.* Who Needs Emotions? : The brain meets the robot. - New York: Oxford University Press, 2005. – 416 p.
6. *Minsky M.* The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. – New York: Simon & Schuster, 2007. – 400 p.
7. From Human Emotions to Robot Emotions [Electronic resource]. URL: <https://www.aaai.org/Papers/Symposia/Spring/2004/SS-04-02/SS04-02-008.pdf> (date of access: 15.04.2022).

APPLYING THE PRINCIPLES OF MULTIMODAL DISCOURSE ANALYSIS (CASE OF THE PRINCESS OF MONACO MOVIE POSTER)

H .Tao, X. He

Belarusian State University, Minsk;

447830602@qq.com, 2654697692@qq.com

Research Advisor – Anna A. Markovich, Senior Lecturer, Chair of International Journalism, Faculty of Journalism

Based on the M. Halliday's systemic functional grammar and G. Kress and T. Van Leeuwen's visual grammar theory, this article presents a comprehensive multimodal discourse analysis of the movie poster of The Princess of Monaco, exploring how images and text work together to construct the overall meaning of the poster in terms of the reproductive and interactive meanings of the poster. The paper further explores the inter-symbolic relationship between static images and textual language used to construct the meaning of the film discourse, to stimulate the viewer's interest in the film, and ultimately achieve the desired effect of film publicity.

Key words: discourse analysis; multimodal discourse; visual grammar; reproductive meaning; interactive meaning; movie poster.

Introduction. With the fast development of multimedia technologies, human way of communication and intercourse has undergone a radical change. Multimodal discourse based on the use of images, gestures, paralinguage, sound, color, print layout, text and other symbols has become the main force for constructing multiple meanings and conveying messages.

It is well known that posters are an important way to promote movies, using both images and text, therefore, belonging to multimodal discourse. This paper analyzes the case of multimodal discourse at the example of the promotional poster of the opening film of the Cannes Film Festival "The Princess of Monaco". The paper uses M. Halliday's systemic functional grammar [1] and G. Kress & T. V. Van Leeuwen's visual grammar [2] to further explore the inter-symbolic relationship between static images and textual messages. It will provide an opportunity to answer the questions how the meaning of film discourse is constructed, how the audience's interest in the film is stimulated, and finally how the ideal effect of film promotion is achieved.

The theory of systemic functional linguistics believes that language, as a social symbol, is an important means of constructing meaning and has three major meta-functions: conceptual function, interpersonal function and discourse function. G. Kress & T. Van Leewen [2] argue that images are also special symbols for expressing meaning, and propose a theoretical framework for visual grammar analysis based on the three meta-functions of systemic functional grammar, which are reproductive, interactive and compositional meaning.

Fig. 1.

Reproductive meaning is embodied through narrative and conceptual images. The signs of narrative images are vectors, which are generally composed of diagonal lines formed by elements such as the partial torso of a character in the image and the direction of the character's gaze. In conceptual images, the relationship between participants is reflected in attributes, categories and characteristics, including categorization processes, analysis processes, and symbolic processes.

The poster of *The Princess of Monaco* (Fig. 1) shows the main participants: Princess Grace, other members of the royal family and journalists. The poster is divided into two parts, the center and the edges, presented in bright and dark colors, accordingly. The Princess is located in the center of the poster page, and the whole upper body outline is clearly visible and brightly colored. The bright colors and blurred dark color saturation make the viewer focus on the elegant princess. At the same time, the eyes of the Princess facing the spotlight of the press constitute a vector, the object of which is the whole nation, or even the whole world, watching her every move. Therefore, this poster is composed by several vectors, which is a narrative image and can be said to fit the connotation of the movie.

Interactive meaning discusses the relationship between the maker of the image, the participant of the image and the viewer of the image, as well as the subjective and objective attitudes of the viewer of the image toward the world presented by the image. The interactive meaning is embodied by four elements: contact, social distance, attitude and mood.

Contact. In image analysis contact refers to an imaginary interpersonal relationship between the participants in an image and the image viewer, established through gaze to gaze. G. Kress & T. van Leeuwen argue that images can be divided into two categories, soliciting and providing, and that the key to distinguishing between the two is the presence or absence of an eye contact between the participant in the soliciting category and the viewer. In this poster the imaginary interpersonal relationship is not established, and only some information about the film, such as the director, the main actor, the film title, and the producer, is provided to the viewer. For example: *Grace of Monaco*; A film by Oliver Dahan; Nicole Kidman, Tim Roth, Frank Langflla, Paz Vega, etc. In addition, there is an important sentence on the poster is "THE GREATEST GRACE KELLY WOULD EVER PLAY". It is this sentence that reveals the theme of the film: although leaving the Hollywood screen forever, she time staged another drama of life, devoting all her efforts to play the role of each

stage of life - a beloved princess, a loyal wife, a loving mother, which must be the greatest ever.

Social distance. The size of the frame of the image determines the proximity of the relationship between the participants and the viewer in the image. Proximity means that only the face or head is visible; social proximity means that the whole person is visible; social distance means that the whole person is visible and surrounded by space; and public distance implies that there are at least four to five people in the picture [3]. This poster presents the female protagonist and others above the knee, which can be described as personal distance. This not only brings the participants and the viewers closer together and shows the gracious and elegant posture of the princess. Demonstrating the heads and shoulders of the people around, the poster presents a certain social distance, revealing that the film describes a story that took place in the 1960s, fully reflecting the authenticity of the film, naturally resonating with the audience and stimulating their interest in watching the film.

Attitude refers to a certain subjective and objective attitude of the viewer toward the participants, which is generally reflected through the perspective. The perspective of an image can be divided into horizontal and vertical perspectives [2]. The horizontal perspective is used in the poster to show multiple participants, which means that the viewer is on a relatively equal footing with the participants. At the same time, an oblique angle is used, which indicates that the participants, especially the Princess, are in a completely different world from the viewer, and the viewer is not integrated into it, as all they see is Princess Grace's fairy-tale love and marriage, but no one understands her inner hesitation and struggle when facing the role change. This makes the audience think about the impact of the Princess in an objective way, which also illustrates the authenticity of the film's story and arouses the viewer's interest in learning more about the Princess.

In the analysis of emotions, **moods** are categorized as high, medium and low. High sensory mood means that the image uses high saturated colors; medium sensory mood presupposes that the image is not too saturated; in low sensory mood the image is only black and white [4]. The poster of *The Princess of Monaco* adopts the high-sensory mood of dark at the bottom, left and right, and bright at the top and in the center, with sharp color contrast, which gives the viewer a strong visual impact and shock, and naturally recreates the real story and scene at that time. Analyzing contextualization, one can see the background of the picture, transitions from the blurred gray color on the surrounding royalty to the bright and shiny hue on the princess. It imaginatively reproduces the

complex and gloomy court environment in which the princess was living at that time. The layered brightness of the lighting reflects the crisis and turmoil in Monaco in the 1960s, as well as the Princess' courage and responsibility in dealing with the crisis and challenges, thus conveying the main theme of the film's glorification of the Princess.

Conclusion. The feasibility and credibility of using multimodal discourse theory to analyze posters is confirmed. It enables audiences to enjoy films using modalities other than language. In today's increasingly rapid information age, multimodal literacy is particularly important.

References

1. *Matthiessen C., Halliday M.* Systemic Functional Grammar: A First Look at the Theory. Beijing: Higher Education Press, 2009.
2. *Kress G., Van Leeuwen T.* Reading Images: The Grammar of Visual Design (2-nd edition). London: Routledge, 2006.
3. *Kress G., Leeuwen T. van.* Reading Images. Burwood: Brown Prior Anderson, 1996.
4. *Wang Hongyang.* The construction of interactive meaning in multimodal advertising discourse // Journal of Sichuan Institute of Foreign Languages, 2007, № 6, pp. 31-34.

DIFFERENTIATING BETWEEN TRANSHUMANISM AND POSTHUMANISM

Y. A. Yahela

Belarussian State University, Minsk;

yana.krupenia@gmail.com

Research Advisor – Anatoliy I. Zelenkov, Doctor of Philosophy, Professor

The article examines the definitions of transhumanism and posthumanism as contemporary philosophical movements. Some common features between the two terms are established, as well as a clear differentiation is set between transhumanism and posthumanism. The article aims at providing a general understanding of the topic as well as facilitating further discussion and research.

Key words: transhumanism; posthumanism; posthuman; interdisciplinary studies; post-anthropocentric; post-dualism.

The developments of humanity within the last decades of the 20th century and first decades of the 21st century clearly indicate a need for fundamental change. With the unraveling of global ecological, political, economic and social problems humanity finds itself in a permanent state of turmoil, uncertainty and

fluctuation magnified by the quick changes occurring in science and technology. Questions on the nature of humans and their future are becoming a point of grave importance. Posthumanist and transhumanist philosophical movements are coming to the foreground to provide answers to these pressing questions. These seemingly synonymous philosophical movements are in fact quite different and in some ways represent conflicting views. Post- and transhumanism are no longer fringe topics of a select few. They are quickly developing philosophical movements with an ever-growing interest towards them being displayed within the general public as well as in academia. Seeing as the topic of trans- and posthumanism is novel with relatively small volumes of information available, we will explore it in more details in this article. Within the paper we will compare the two terms to draw a line of differentiation as well as mark some of the key distinctive features that they share in common.

For decades scientific and technological advances have been building grounds for doubting and questioning the main doctrines of the human condition. Transhumanism and posthumanism can be considered to be the most outspoken forms of this phenomenon. Both these terms put under question what it means to be human, both movements raise the question of what it could mean to go beyond human. It can be a bit tricky to try to determine what exactly sets these two terms apart. One of the ways of looking at it is by considering the following sequence: human – transhuman – posthuman. Transhumanism can be viewed as a transitional phase leading to posthumanism. Transhumanism can be perceived as a kind of contemporary renewal of humanism, a renewal of the core secular and Enlightenment values that include individualism, rationality, progress and the power of science. Transhumanism is a relatively unambiguous term encompassing techno-optimism and a belief in the essentiality of some elements of human nature, the situation is a bit different with posthumanism. It is an umbrella term that encompasses a variety of views and conceptions that all share several points in common – they reject the basic values and concepts of humanism; they question the concept of human beings in terms of our engagement and interaction with technologies; they presume the formation of a new narrative which will replace that of the Homo Sapiens. If transhumanism at least partly embraces the traditions of humanism, posthumanistic views are based on refusing and discarding humanism and some traditional ways of thought associated with it. As mentioned, posthumanism encompasses a large variety of views and conceptions, but there are three aspects that could be termed to be the basis of the posthumanistic view, these are: post-humanism,

post-anthropocentrism and post-dualism. Post-humanism encompasses the plurality of forms that the human experience can take on – there cannot be one generalized and universalized form of being human as there was within humanism. Post-anthropocentrism decenters the human, stripping it of its hierarchical dominance and ontological privileges, and placing it on the same scale of value as other, nonhuman creation. Finally, post-dualism draws awareness to and tries to do away with traditional western dualisms such as us/them, friend/foe, civilized/barbarian [1; 2]. In this way posthumanism strives not only towards discarding humanism, but towards discarding a substantial part of the paradigm of modernity. The general posthumanist idea at least implicitly hints at a paradigm shift into what could be called the era of «Post-of-All-Things» (word-play on the concept of «Internet-of-All-things»). Ideas of this nature are becoming more prevalent within the public discourse. For example, an Israeli historian and best-selling author Yuval Noah Harari paints a similar picture in his book «Homo Deus: A Brief History of Tomorrow». He views transhumanism as a plausible scenario that will inevitably bring us to posthumanism – even if humanity chooses a more transhumanist approach that aims to salvage traditional humanism, technological and scientific progress will eventually reveal all those values and traditions to be myths and fictions [3].

We have clearly differentiated the terms transhumanism and posthumanism. But at the same time they share some common distinct features, among which is the premise that they both grew out of the fertile soil of interdisciplinary thought both within the hard and soft sciences. While it may seem more natural to suppose that the hard sciences with focus on technological progress would be the main locomotive behind the terms, their development was actually greatly fueled by studies within the HSS as well. The emergence of a semblance to the trans- and posthumanist ideas are linked to the Renaissance. The contemporary transhumanist thought is considered to be birthed out of the work of Julian Huxley «New bottles for new wine». Despite the initial deep connection of transhumanism to HSS, some researchers believe that these ideas have actually lost the ties that their founders had with the humanities. Professor of history Hava Tirosh-Samuelson states that «whereas the British “prophets” of transhumanism were highly literate men who were at home in the humanities and the arts, the contemporary transhumanist community is dominated by engineers and computer scientists who lack the humanistic imagination their British antecedents received in England’s elite schools» [1, p. 59]. Futurist FM-2030, one of the first to introduce transhumanism in its more modern version,

believed that the «the most urgent problem facing us is not social – economic – political» but rather problems pertaining to human biological limitation and technological advances [1, p. 10]. Yet some aspects of contemporary trans- and posthumanism thrive within the HSS framework. For example, one of the leading posthumanist philosophers Francesca Ferrando basis her line of thought on interdisciplinary HSS areas of study such as media, gender and postcolonial studies. As transhumanism and posthumanism gain speed within the general discourse they do so hand in hand with «the radical wave of theory that includes feminist, postcolonial and anti-racist critical theory, environmental activists, disability rights advocates, queer and LGBT theorists» [2, p. 12].

We have briefly examined the definitions of transhumanism and posthumanism, discovering a clear differentiation between the two as well as common features. As a result of this examination we can come to the following conclusions:

- Transhumanism can be termed as a techno-optimistic movement that strives towards a contemporary renewal of humanist ideas. It focuses primarily on technologically augmenting the human. Posthumanism is an umbrella term that includes a variety of views and conceptions that take roots in the following three aspects: post-humanism, post-anthropocentrism, post-dualism. Transhumanism can be viewed as a transitional phase from humanism to posthumanism.
- Both are social and philosophical movements concerned with the future of humanity, they both question the main doctrines of the human condition and view bio- and technological augmentation of humans as a must. A common feature of both movements is their interdisciplinary characteristic.

The content and conclusion of this article are intended to serve the purpose of facilitating fruitful discussions of the trans- and posthumanism movements that will allow to safeguard against the more pessimistic forecasts for the future. The article can serve as a basis for further discussions and research on this topic.

References

1. Post- and Transhumanism An Introduction / ed. By R. Ranisch, S.L. Sorgner. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. – 314 p.
2. *Ferrando F.* Philosophical posthumanism. Bloomsbury. – 2019. – 272 p.
3. *Harari, Y. N.* Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Vintage, Penguin Random House. Vintage, 2016. – 514 p.

THE IMPACT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION ON COUNTRIES IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION DEVELOPMENT

B. Yang

Belarusian State University, Minsk;

947145382@qq.com

*Research Advisor – Michael A. Guliuk, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor*

With the development of transportation and communication technologies, the process of globalization is accelerating. The scale of communication between countries is increasing, and the ensuing communication friction is gradually affecting the relationship between countries. By analyzing the phenomenon of intercultural communication between China and Belarus, this paper analyzes the obstacles to intercultural communication and proposes suggestions for improving intercultural communication, using the Belt and Road policy as a case study.

Key words: intercultural communication; One Belt, One Road; China; Belarus.

The Belt and Road and Belarus. The partnership between China and Belarus is an important part of China's Belt and Road construction, which is inseparable from the close cooperation between China and Belarus. In this context, intercultural communication is an important link related to the quality and speed of construction of the Belt and Road strategy, and this theme will help to improve the efficiency of communication between the two countries[3, p. 3].

The purpose of this research is to analyze the impact of the phenomenon of intercultural communication on countries in the process of globalization and how it can be improved, taking the example of the Belt and Road policy of China and Belarus [5, p. 5].

Belarus plays an important role in China's One Belt One Road initiative. Belarus is an important guide for its implementation in Europe, bearing in mind that Belarus occupies a very good geographical position and is an important transport hub connecting the European countries [1, p. 6.], CIS countries and the neighboring Baltic countries. Belarus is a European node for logistics and transport, connecting two major consumer markets – the Eurasian Economic Union and the European Union, which means that Belarus has all the necessary conditions to participate in the Belt and Road initiative.

Intercultural exchange between China and Belarus. Language and culture are closely interrelated. Thanks to the creation and development of language, human culture is created and passed on.

The significance of language in intercultural communication is very important. The linguistic differences between China and Belarus are differences in titles, differences in praise language, differences in homophones; the non-linguistic differences are differences in body language, differences in gestural language, differences in clothing, differences in family concepts, differences in gift-giving [4, p. 53].

Another important factor, influencing intercultural communication is values, which determine the basic starting point of people's thinking and actions, beliefs and attitudes are expressions of values.

Values and communication are a relationship of domination and reflection. First, values determine the way people communicate. Whether it is verbal communication, non-verbal communication or social interaction, they are all governed by values.

Take verbal communication as an example. The Chinese people prefer to express themselves in a subtle way and generally do not like confrontation. For this reason, Westerners often refer to the Chinese as "unpredictable". In fact, the Chinese are not unpredictable, but we value harmony in our relationships. This means that we have to be careful not to speak too bluntly and be subtle so as not to hurt the other person's face and feelings, but the West prefers to express directly

Values are the deepest part of culture. It is acquired gradually by people during the process of socialization. Once formed, values govern people's beliefs, attitudes, perceptions and actions, and serve as a guide for their actions.

G. Hofstede, proposed six scales for measuring values, according to which China and Belarus were compared, found that the biggest differences were masculinity-femininity and uncertainty avoidance, with Belarus favoring a feminine society. In the female culture, the focus is on "working for a living" and does not easily accept change. China is a masculine society, oriented and driven by success, where pragmatism is a fact of life.

Obstacles to cross-cultural communication. The obstacles affecting cross-cultural communication include misconceptions, stereotypes, ethnocentrism, natural environment differences, and historical differences [2, p. 49]. The most obvious obstacles are stereotypes and ethnocentrism, the former being preconceived impressions of other cultures that prevent people from objectively while observing another culture and losing the sensitivity they should have.

The latter is is to understand and measure everything in another culture according to the concepts and standards of one's own culture, including people's behaviors, ways of communication, social customs, management patterns, and

values.

In life, when observing another culture, one often unconsciously uses one's own standards of right and wrong, and often makes value judgments about things that are different from one's own culture. For example, in the case of the New Coronavirus, the Western reports on China are based entirely on their own position, while China, with its huge population, cannot handle the issue in the same way as the West. Typically, the BBC and China's CCTV have had extremely conflicting reports. When faced with such obstacles to communication, it is important to fully understand each other's culture and values to avoid conflicts.

References

1. *Cheng Yunjie*. New opportunities and challenges for China's foreign trade brought by the construction of "Silk Road Economic Belt" // *Economic Review*, 2014:9 – 10, p. 6.
2. *Storti C.* The Art of Crossing Cultures // *Intercultural Press*, 200:9 – 12, p. 49.
3. *Gao Weijiang*. Silk Road Development Based on Economic Cooperation // *Reform and Management*, 2005:3 – 25, p. 3.
4. *Yelena*. Study on Intercultural Communication in Russian Chinese Teaching. Qingdao: Qingdao University, 2011:9 – 14, p. 53.
5. *Zou Jialing*. Trade patterns and economic contributions of China and countries along the Belt and Road // *Advances in Geographical Sciences*, 2015:05 – 21, p. 5.